

Д Diaspora

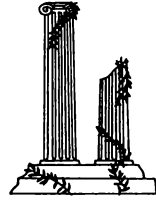
IV

Д Diaspora

IV

НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ





Альманах основан Владимиром Аллоем

Ответственный редактор:

Олег Коростелев

Россия, Москва, 125015, ул. Бутырская, д.9, кв.128
Тел.: 7095. 285.60.40. E-mail: okorostelev@mail.ru

Редактор-издатель:

Татьяна Притыкина

Россия, СПб, 196070, а/я 345
Тел.: 7812.387.17.73. E-mail: isphenix@hotmail.ru

Представители альманаха:

А.В.Лавров. Россия, С.-Петербург, 197046, ул. Б.Дворянская (Куйбышева),
д.22, кв.31. Тел.: 7812. 233.84.87. E-mail: lavrov@TP3917.spb.edu

John E. Malmstad. Slavic Dept. Barker Center. 12 Quincy Street. Harvard
University. Cambridge, MA 02138. USA. E-mail: malmstad@fas.harvard.edu

Richard D. Davies. Leeds Russian Archive Brotherton Library University of Leeds.
Leeds LS2 9JT England. Tel. 0113. 233 32 89. E-mail: r.d.davies@leeds.ac.uk

Elda Garetto. Via Salvo d'Acquisto, 20. 21020 Casciago (va), Italia.
Tel./Fax: 0332. 22 02 45. E-mail: elda.garetto@skylink.it

Адрес издательства:

Россия, 191123 С.-Петербург
Кирочная ул., 31

Д

Диаспора

IV

НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ

Athenaeum – Феникс
Париж – Санкт-Петербург
2002

ББК 63.3
УДК [947+957]
Д-441

Д-441

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Вып.4.
СПб.: Феникс, 2002. 704 с., ил.

В настоящем томе альманаха опубликованы воспоминания Я.Вейншала о сионистском движении в России и Израиле, Б.В.Варнеке, ученого-латиниста, рассказывающие о последних перед эмиграцией годах академика Н.П.Кондакова; незаконченная книга болгарского поэта Е.Попдимитрова о К.Д.Бальмонте; продолжение статьи о российских кинематографистах за рубежом; история хранения и расходования «колчаковского золота»; письма И.С.Шмелева А.Л.Толстой; библиография поэта Вадима Гарднера и много других материалов.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3

ISBN 5-85042-077-0
ISBN 5-85042-081-9

© Феникс, 2002

ИД

Наследие

Яков Вейншал
ВОСПОМИНАНИЯ*

Публикация В.Хазана

Автор публикуемых ниже воспоминаний, Яков Владимирович Вейншал, был, как принято говорить в подобных случаях, личностью яркой и колоритной. Впрочем, характеристика эта, несмотря на смущающий трюизм, в высшей степени соответствует его как внешнему, так и внутреннему облику.

Яков Вейншал родился в Тифлисе в семье врача Владимира (Зеева Бен-Циона) Вейншала, который вместе с женой Каролиной Львовной (Арьевой) Ландау приехал на Кавказ из Петербурга, поскольку, с молодых лет страдая чахоткой, надеялся вылечить свои больные легкие под жарким кавказским солнцем, что на самом деле и случилось. С датой рождения Вейншала произошла какая-то путаница, и в разных документах – не исключено, что по его собственной воле и по причинам, нам неизвестным, — указаны то 1 октября 1891 (как, например, в его палестинском паспорте), то 1 октября 1892 (как в удостоверении об окончании гимназии), то 10 ноября 1892 (как в свидетельстве о зачислении в Женевский университет); в самих воспоминаниях он пишет, что был старше своего брата Авраама на год, а это свидетельствует в пользу 1892 года, поскольку Авраам родился в 1893 (см. также примеч. 55 к данной публикации).

В 1910, окончив восьмиклассную 1-ю Бакинскую Императора Александра III мужскую классическую гимназию, Вейншал отправился в Германию. Сначала он поступил на естественный факультет Мюнхенского университета, где изучал химию, затем перевелся в этом же университете на медицинское отделение, а диссертацию на звание доктора медицины защитил впо-

следствии в университете Базеля. Годы, проведенные за границей, были наполнены не только университетскими занятиями, но и сионистской деятельностью: он был активным членом мюнхенской студенческой корпорации «Маккабея» и явился одним из основателей сионистской студенческой организации «Гехавер» и членом ее Центрального комитета.

Из-за разразившейся Первой мировой войны ему, как российскому подданному, пришлось покинуть Германию и перебраться в нейтральную Швейцарию, где он был принят на медицинский факультет Женевского университета и вместе с братом Авраамом издавал журнал «Для самообразования сионистского студенчества».

Вернувшись в Россию, Вейншал немедленно был призван в армию и сначала отбывал службу в запасном Бакинском полку, а затем в качестве военного врача попал на фронт. Сопровождал военно-санитарные эшелоны на Кавказский и Турецкий фронты, после чего, врачом же, был прикомандирован к туркестанской дивизии на Персидском фронте. Свою военно-медицинскую одиссею завершил в армейском госпитале, размещавшемся в персидском городе Энзели (ныне – Пехлеви).

Осенью 1917, накануне большевистского переворота, Вейншал был отозван в Петроград для участия в еврейском отряде, которому с оружием в руках надлежало пробиваться через Кавказ в Палестину для борьбы с турками. Создателем и руководителем отряда являлся герой Русско-японской войны и впоследствии общественный деятель в еврейской Палестине Йосеф Трумпельдор (1880–1920). Осуществлению этого плана, одобренного Временным правительством во главе с А.Ф.Керенским, помешали события Октября 1917 года. После этой исключительно дерзкой по замыслу, но проваленной большевиками акции российского еврейства Вейншалу ничего не оставалось, как вернуться в родной Баку.

С 1920 по 1922 он служил в пропедевтической клинике Бакинского университета, сперва в качестве ординатора, впоследствии – ассистента. Там же опубликовал свои первые научные работы по медицине. В рекомендации, подписанной профессором госпитальной клиники Азербайджанского университета Б.Финкельштейном и выданной Вейншалу, по всей видимости, для устройства его медицинской карьеры в Палестине, куда он собрался репатриироваться в 1922, говорилось:

Яков Владимирович Вейншал работал в пропедевтической клинике Бакинского университета в течение 3-х лет (1920–1922) сперва в качестве ординатора, а потом в качестве ассистента, выполняя трудные обязанности по ведению клиники и по ее организации. Отличаясь большими литературными способностями, Я.В.Вейншал обратил на себя внимание прекрасно составленными докладами на клинических конференциях и в Обществе естествоиспытателей и врачей. Два обширных доклада (об ампутации *inter ileo abdominis* и о нагноившихся эхинококках) напечатаны в «Новом хирургическом архиве». Остальные более мелкие сообщения имеются в протоколах конференции и Общества.

Будучи человеком крайне работоспособным и очень любящим свое дело, Я.В.Вейншал помимо своих ассистентских обязанностей принимал весьма деятельное и ревностное участие в составлении

выпущенного мною руководства по общей хирургии, взяв на себя труд по корректированию и просмотру черновых рукописей.

За три года работы в клинике Я.В.Вейншал помогал при всех больших и ответственных операциях и сам произвел значительное количество сложных операций (резекция кишек, ламинектомия и т. п.).

Поэтому я как постоянный свидетель трехлетней неустанной и энергичной работы Я.В.Вейншала на клиническом и литературном поприще могу рекомендовать Я.В.Вейшала в качестве способного хирурга, подготовленного клинически и литературно для самостоятельной деятельности.

Проф<ессор> Госпитальной клиники Азербайджанского
унив<ерситета> Б.Финкельштейн
Баку 19.VI.1922

Там же, в Баку, в 1920 Вейншал (под псевдонимом Иог Байер) написал и издал свою первую книгу очерков «Еврейство на рубеже»; в нарисованных в ней портретах вождей сионизма – Т.Герцля, Х.Вайцмана, М.Усышкына, В.Жаботинского – отразились явные сионистские симпатии автора.

С 1922 – с приезда в Палестину – начинается новый этап в жизни Вейншала. Это была не первая его встреча с Землей Израиля. Еще в 1909, живя в Баку, он с отцом и двумя братьями приезжал сюда, движимый не «голодом по пряностям», как выразился поэт М.Волошин, а сионистской идеей, овладевшей со временем всем существом молодого человека. Об этой поездке Вейншал в частности рассказывает в публикуемых ниже воспоминаниях.

В Эрец-Израэль как врач он сначала практиковал в округе Зихрон-Я¹акова, Киркура и Бет-Шеана, затем в больнице Ротшильда в Иерусалиме. Принимал деятельное участие в создании Kupat Kholim le-Ovdim Leummiim (больничная касса для рабочих-евреев) и сам в ней работал.

Общественный темперамент Вейншала сделал его одной из самых заметных фигур в жизни подмандатной Палестины: он был членом «Ва'ад Леуми» (Va'ad Leummi; дословно: «Национальный комитет – исполнительный орган Собрания депутатов евреев»; просуществовал с 1920 по 1948), членом городского совета Тель-Авива, представлял интересы движения сионистов-ревизионистов в Гистадруте (Histadrut – профсоюз). Едва ли не в первые месяцы после репатриации Вейншал становится палестинским корреспондентом русско-еврейского еженедельника «Рассвет» (главный редактор В.Жаботинский; с апреля 1922 по май 1924 издавался в Берлине, с декабря 1924 по декабрь 1934 – в Париже). В рубрике «Палестинские письма» появились десятки его очерков и репортажей, в которых выпукло и максимально объективно представала жизнь еврейской Палестины. Он в единственном числе представлял палестинскую группу на первой конференции сионистов-ревизионистов, проходившей с 26 по 30 апреля 1925 в Париже¹. В 1925–1928 возглавлял палестинский ЦК ревизионистов (оставался в ее руководящем ядре и в дальнейшем).-

¹ См.: *Schectman J.B. Fighter and Prophet. The Vladimir Jabotinsky Story* <: In 2 vol.>. Vol.2. New York; London, 1961. P.37; ср.: *Рассвет*. 1925. 19 апреля, №16.

В 1929 году Вейншала постигла семейная трагедия: его жена Эсфирь (урожд. Сельвинская), по описаниям современников одна из самых красивых женщин тогдашнего еврейского ишува (поселения) в Палестине, неизменная королева всех тель-авивских пурымских карнавалов, простудилась и в одночасье умерла. Вейншалом овладела жесточайшая депрессия, он замкнулся в себе, попытался отойти от активной политической и общественной деятельности. 14 июня 1929 В.Жаботинский писал ему в частном письме: «Дорогой Яков Владимирович, очень и очень прошу Вас не отходить от партии. Это абсурд, отставка Ломоносова от академии. Все, что тут есть, дело Ваших рук. Если испортилось – починим. Ни за что не поверю, что у Вас не хватит терпения». И хотя со временем Вейншал пережил этот кризис и женился вторично, полностью залечить душевную рану, он, кажется, не сумел до конца жизни.

Не новичок в литературе, связанный и в прошлом с журналистским, редакторским и издательским ремеслом, Вейншал с середины 1930-х, когда в свет вышел его первый роман «Суд начнется завтра» – об убийстве одного из лидеров сионистского рабочего движения в Палестине Хаима (Виктора) Арлозорова (1899–1933), – становится профессиональным писателем, пишущим на иврите. При этом он не оставляет медицину, дающую возможность заниматься в свободное время творчеством.

Здесь следует обязательно сказать о том, что Вейншал овладел ивритом отнюдь не в детском возрасте, как большинство писателей, писавших или пишущих на этом языке. Более того, его отношения с ивритом (Вейншал в совершенстве владел несколькими европейскими языками) долгое время складывались весьма непросто. По крайней мере, в пору его приезда в Палестину, как выразились бы сегодня, «на постоянное жительство» (а было ему тогда как-никак 30 лет) иврита он, по собственному признанию, не знал. И то, что случилось через десять с небольшим лет, иначе как чудом не назовешь: родился писатель, пусть и не вошедший в плеяду крупных звезд ивритской литературы, однако же занимающий в ней, по общему признанию критики и читательской аудитории, вполне достойное место.

Начиная с середины 1930-х Вейншал опубликовал в ивритской периодической печати бесчисленное множество рассказов, очерков, статей и воспоминаний. Поражает, прежде всего, ненасытная авторская тематическая всеядность: человек трезво мыслящий, обладавший прекрасной памятью, свежим и оригинальным взглядом на вещи, блистательно эрудированный и неизменно иронически настроенный, скептик и умница Вейншал обращался в своих сочинениях к самым разнообразным предметам. Если все это как-то объединить и классифицировать, окажется, что наряду с материалами по вопросам политики (что вполне объяснимо), предпочтение им отдавалось истории и географии Святой Земли, причем в очень конкретном и вещественном смысле, – ее археологии, архитектуре, ландшафту, почве, битвам и героям давним и недавним. Генотип еврейского духа, его исторические корни и эволюция, составлявшие литературный «конек» Вейншала, его магистральную творческую тему, получили воплощение также и в романном жанре (им написано около 20 романов): «Hans Hertsl» (1945) – о Гансе Герцле, сыне основателя сионизма Т.Герцля; «Marku Barukh» (1949) – о яркой и трагической судьбе известного сиониста XIX века Иосифа Марку

Баруха, покончившего с собой в 1899 в возрасте 27 лет; «Zhabo» (1955) – о В.Жаботинском; «Ha-Dam Asher ba-Sof» (1956) – о жизни, борьбе и смерти создателя и первого руководителя организации ЛЕХИ (Lohamei Herut Israel – «Борцы за свободу Израиля») Аврааме Штерне (Яире) (единственный роман, переведенный на русский язык; вышел в переводе Е.Бауха в 1988 под названием «Предвестник бури»); «Hordus Ahi» (1959) – о царе Ироде; «Igta» (1968) – о руководителе палестинского Бейтара Ирмияху Гальперине (Бейтар (Brit Trumpeldor) «Союз им. И.Трумфельдора»: молодежная сионистская организация, созданная по призыву В.Жаботинского для защиты еврейских поселений в Палестине); «Ha-rishon be-kovshei ha-Nar» (1969) и др. За свои литературные достижения Вейншал был удостоен премии В.Жаботинского в 1969². Сотрудничал Вейншал и в русскоязычной израильской печати, в первую очередь как исторический очеркист. По-русски написаны им и настоящие воспоминания.

В 1950, будучи во Франции, Вейншал намеревался познакомиться с И.Буниним, но, по всей видимости, не застал его в Париже (см. в письме-рекомендации русско-еврейского поэта Д.Кнута, написанном Бунину из Израиля 8 мая 1950: «На днях к вам попросится в визитеры один мой приятель, тутошний врач и литератор, превосходно изъясняющийся по-русски: он вам расскажет об Израильском государстве и о прочем таком. Зовут этого израильского писателя – Яков Вейншал»³).

Вейншал был дружен с некоторыми русскими писателями-эмигрантами, посещавшими Палестину, например с Ант. П. Ладинским⁴.

В 1981 Я.Вейншала не стало.

Предлагаемые вниманию читателя воспоминания Вейншала охватывают время его детства и юности, проведенные на Кавказе, поездку в Палестину в 1909, а также студенческую пору вплоть до начала Первой мировой войны. Думается, они представляют немалую ценность для понимания еврейской истории XX века, в частности истории сионизма. Частная биография оказывается удачной призмой, преломляющей в себе большие и значимые вопросы времени. Происходит это в первую очередь, конечно, потому, что автором воспоминаний является не заурядный регистратор событий, а живой и ревностный их участник, человек, зрящий глубоко в корень явлений. Это объясняет, почему в воспоминаниях разлито немало критического яда и скепсиса по поводу традиционно-образцовых сионистских мифов. Не забудем при этом, что дело не только в скептическом умонастроении Вейншала самом по себе или в его общем небезъязвительном взгляде на вещи, который отмечают почти все близко знавшие этого человека люди, но в абсолютно неколебимой позиции сиониста-ревизиониста, друга, единомышленника и соратника В.Жаботинского.

² См.: Ha-Uma. 1969. Vol.3 (27). P.407-410.

³ Кнут Д. Собр. соч.: В 2 т. / Сост. и комм. В.Хазана. Т.2. Иерусалим, 1998. С.341.

⁴ Письма Ладинского к нему см. в кн.: Хазан В. Особенный еврейско-русский воздух: К проблематике и поэтике русско-еврейского литературного диалога в XX веке. Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры, 2001. С.295-298.

Полемика внутри сионизма, однако, не становится стержневой темой воспоминаний, и они представляют собой явление куда более многообразное, предлагая взгляд на, пастернаковским слогом говоря, «людей и положения» в широкой исторической перспективе. Нельзя не отметить в этой связи отвечающее теме чувство стиля, которым мемуарист был наделен сполна, хотя сам текст мемуаров, несмотря на обильную авторскую правку, нуждается временами в неизбежной редактуре. При подготовке их к печати публикатор осуществил таковую в самых минимальных дозах: выправлены лишь те места, которые оказались совершенно неудобочитаемыми, и оставлен практически нетронутым основной текстовый массив. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Все интерполяции и конъектуры публикатора заключены в угловые скобки. Некоторые незначительные исправления не оговариваются. В большинстве случаев сохранена авторская транслитерация ивритских слов и названий.

Текст воспоминаний отпечатан на машинке, и создается впечатление, что автор готовил их для издания, хотя время написания – 1954 год – было вроде бы не самым подходящим для издания книги на русском языке; русскоязычной периодики в тогдашнем Израиле и вовсе не существовало. Правда, некоторые переведенные на иврит эпизоды – несколько измененные или иначе оркестрованные, а то и поставленные в связь с другими событиями – приводятся в статьях и очерках Вейншала в израильской печати. Но в своем целостном виде данные мемуары на протяжении почти полувека оказались достоянием архива. Следует, правда, сказать, что ряд фрагментов из них приводится в книге Ицхака Давида⁵, однако никакие, пусть и пространные, ссылки не могут, естественно, заменить полного текста. А с таковым в данной публикации читатель познакомится впервые.

Воспоминания хранятся в Институте В.Жаботинского в Тель-Авиве (архив Я.Вейншала). Приношу искреннюю благодарность работнику Института Татьяне Груз за помощь в подготовке воспоминаний к печати.

* * *

... всю жизнь страшно кашлял. Впоследствии он стал железнодорожным врачом и жил на одной из узловых станций <на> линии Баку – Тифлис¹. Тут родился мой второй брат Абрам². Потом военное ведомство передало его гражданскому – и он был назначен сельским врачом в Маштаги, богатую татарскую деревню, нечто вроде оазиса в песчаной пустыне³. И это благодаря тому, что о нем как о враче был хорошего мнения губернатор, которого он лечил. После Бога, по степени влияния на судьбы людей, шел губернатор, от которого зависела судьба миллионов – всей Бакинской губернии. Мать моя девушкой была красавица, потом <стала> красивой женщиной. Несмотря на это, она охотно удалилась вместе с отцом в этот медвежий

⁵ Давид И. История евреев на Кавказе: В 2 т. Тель-Авив: Кавкасион, <б/г>.

угол на много лет. Ей импонировала кипучая энергия моего отца. Он работал не покладая рук. В совершенстве изучил татарский язык. Сам принимал роды – в том числе и своих субстантивных детей. Шил разбойникам в их берлогах распоротые кинжалами животы. Часто выезжал к больным за много десятков верст верхом на лошади. Он не знал, что такое отдых и что такое страх. Скоро он стал самым популярным врачом всего Апшеронского полуострова. Татары его не звали иначе как «наш доктор с красной бородой». Даже впоследствии, когда мы жили уже в Баку, то извозчику вместо адреса достаточно было сказать: «К красному доктору», – и он доставлял на место, – и это в городе, где жило около полумиллиона жителей.

Тогда, в Маштагах, я как-то слышал от него, что деревня эта не обижена историей и что Маштаги – это не лингвистическая поддержка, – некогда она была столицей аланов, и именно мосторчетских аланов.

Мы, однако, не были единственными европейцами в этих Маштагах. В том же громадном доме помещалась квартира пристава и мельница, при которой жил мельник со своей женой. На десять тысяч татар это было немного. Но как раз мельничихе суждено было сыграть в моей жизни фатальную роль.

Мне было тогда не больше шести лет. Нашей главной детской забавой были разбойничьи нападения на татарских мальчиков. Несмотря на то, что они были старше по возрасту, мы <их> брали в плен и вытаскивали у них из карманов бараньи косточки-альчики – кубики для особой игры, которая занимала нас больше всех игр на свете. В итоге у нас дома, как у настоящих пиратов, хранился ящик с сокровищами: альчики простые и окрашенные в красный и синий цвет, альчики наточенные, альчики с влитым в них свинцом, которые почти никогда не ложились, к ужасу игрока, набор. Нам часто попадало от наших жертв, которые вызывали на помощь себе товарищей. Мы дрались как львы. Отступали к заранее заготовленным кучам камней и отстреливались. Крытые колодцы на площади служили прикрытием и засадой. Битвы были жестокие. Один раз отцу пришлось зашивать глубокую рану на голове одному из раненных нами, притом вся деревня ходила вверх дном.

Много лет спустя, уже как молодой врач, заменяя отца, я посетил эту деревню Маштаги. Было опасно, и меня сопровождали татары моего возраста с винтовками. Зашел разговор о детских годах. Они не забыли этой нашей артиллерийской стрельбы у колодцев, эту войну хитрого Запада с наивным Востоком.

В нашем легионе четырех был сын мельничихи, нашего же возраста. Один из камней вражеского войска ушиб и его. По этому поводу мельничиха, простая баба, разразилась по нашему адресу проклятием: «Жида, убили Христа!» Фраза прозвучала в моих ушах

несколько таинственно. Я попросил у матери объяснения. Она мне объяснила, что жид – это ругательное слово для еврея, и русские считают нас виновниками в убийстве их Бога.

Из слов матери я понял, что это злостный клевет, но для него имеются и кое-какие основания. Это открытие показалось мне чем-то фатальным из всего, что мне пришлось слышать до сих пор и предстояло слышать в будущем. Я понял, что принадлежу к какой-то особой породе людей, заклеянной каким-то никогда не совершенным страшным убийством. Это была моя первая психическая буря. Весь мир нас обвиняет в богоубийстве, и нет возможности это опровергнуть, так же как и нет таких судей, которые бы взяли на себя нашу защиту.

Мать мне сказала: «Перестаньте играть с сыном мельника...»

Но для меня в этот момент весь мир был не больше, чем большая мельница, в которой вместо муки мелют ядовитую ложь. И в эту минуту я решил, что я, зачумленный, принимаю бой, каким бы он ни был неравным. Мать мне сказала, что они считают своим Богом одного убитого еврея. Я решил, что если это даже так, то совершенно неважно, кто его убил, важно только заткнуть всем глотку, чтобы они не вмешивались не в свои дела. Если им нужен Бог, то пусть ищут себе в другом месте, а не среди нас. Не они, а мы сами вправе распоряжаться собой как нам угодно.

Это было жестокое переживание, и я не сомневаюсь в том, что эта обида глупой мельничихи стала исходной точкой всего моего развития. Мое самолюбие было уязвлено.

Как-то раз отец мне рассказал, что какой-то доктор из Вены предлагает, чтобы все евреи поехали в Палестину. Эта идея на меня произвела впечатление и с чисто технической стороны. Я себе тотчас представил, что все сядут на поезд, у которого будет бесчисленное количество вагонов, и поедут в Палестину. А после лошади моего отца, на которой я часто мчался по дорогам, самым большим моим кумиром была именно железная дорога. Особенно паровоз! Все стулья в доме всегда стаскивались нами в нашу детскую – они служили вагонами. Поэтому идея Герцля⁴ мне страшно понравилась, как если бы мы сели управлять паровозом. Сильное впечатление произвел на меня приезд в наш дом губернатора. Особенно то обстоятельство, что по этому поводу была вытащена из буфета часть пасхального сервиза из красного хрусталя и в одну вазу была втиснута запрещенная, как говорила бабушка, икра. И это совсем даже не было в Пасху.

Но эта неувязка скоро перестала меня занимать. В деревне были вещи гораздо более занимательные, чем приезд губернатора. Мусульманский праздник Шахсей-Вахсей⁵, когда деревня неделями обходила процессиями – с диковинными зелеными знаменами с зер-

кальцами и дикими воплями – все улицы. Через несколько дней возбуждение достигло своего апогея. «Избранные» начинали бить себя железными цепями и в последний день наносить себе большими кинжалами порезы головы, обливая кровью свои белые передники. Потом мистерия с рыцарями на лошадях в древних кольчугах. Они убивают пророка. Толпа в несколько тысяч <человек> заливается слезами и вопит. Сжигание лагеря пророка Али и его отрубленная шея, сочащаяся кровью, – таков финал мистерии. Наша семья занимала почетное место у входа в мечеть, вместе с кади⁶, и отсюда все можно было хорошо видеть.

И потом татарские свадьбы на площади в огромных шатрах из сотен ковров, в которых выступали девушки с распущенными волосами и артисты-юноши с выпяченным задом, восточная зурна и обязательные состязания в борьбе на площади. Пара за парой, по восходящей по силе борца степени, – и триумф чемпиона «Джауда». Здесь, среди этих отдаленных потомков каспиев, аланов, могол, турок, вдруг как правомерный потомственный гражданин этот чудотворец «Джауд», еврейской крови, который сам не знает ничего о своем происхождении, – он гордость Апшерона.

И потом помню, как отец занимался фотографией. У него был диковинный деревянный аппарат. И самое любимое наше, детей, занятие было сидеть с ним в темной комнате и из-за его спины, при свете красной лампы, наблюдать, как выступают контур за контуром знакомые лица: проявление негатива. Как часто я потом думал, что здесь, в этой темной комнате, я постиг весь процесс жизненного пути, в том числе и своего. Мы не больше, чем белая пластинка, которая, погруженная в кислоты и щелочи жизни, проявляет одну черту за другой, вырисовывая лишь предначертанное.

Эта по-детски глубокая философия не мешала мне сажать кошку на куриные яйца и, всему исцарапанному ею, приходиться жаловаться матери на то, что она отказывается нести бремя курино-материнских обязанностей. Мы уходили за много верст от дома, чтобы самостоятельно убедиться в правоте глобуса, и наши родители, к своему ужасу, находили нас спящими от изнурения и голода у края открытого колодца. Мы хорошо говорили по-татарски, и особенно красочно ругались; чем более восточнее язык <так>, тем более непостижим в своем богатстве его словарь проклятий. Любовались лиловыми садами расцветающего шафрана, собирали слезшие со змей шкурки и, главным образом, прокрадывались в кладовку, где можно было жевать сырыми развешанные там грибы.

Шафран и грибы – два полюса. Мой дедушка посылал в свой Могилев несколько фунтов маштагинского шафрана и получал взамен несколько фунтов хороших сушеных грибов. Посылал их Берка, тинштвенный Берка, сирота, усыновленный дедушкой, – страж поки-

нутого дома. Эти грибы приходили в больших холщовых пакетах, с указанием самого невероятного адреса. В нем все было перепутано: имя отца, название губернии, вместо Маштагов была написана какая-то Мостоцкая волость. Как они доходили – это уже само по себе было чудо.

Через тридцать лет в Тель-Авиве я встретил автора этих фантастических адресов на пакетах с грибами. Им оказался сын Берки, ставший адвокатом. Он пригласил меня к себе. Мы пили вино. Я узнал бокал: красный хрусталь с золотым ободком. Он был из того же пасхального сервиза моей бабушки. Ее уже не было в живых – иначе она была бы очень огорчена: как это такой бокал мог остаться без ее ведома у Эммы или Берки. Я смотрел на этот бокал в Тель-Авиве как на семейную реликвию. Он снова перенес меня в Маштаги, где приехавшая из Петербурга тетя Бетя приняла нашу восточную питу за диковинную по вкусу рыбу. Где тетя Надя, сестра моего отца, была в отчаянии от моего отвращения ко всякого рода наукам, и особенно к чистописанию. Куда часто являлся дядя Давид, отец моей матери⁷, всегда смеющийся и нагруженный игрушками. Где бабушка мне показывала фотографию моей двоюродной сестры Дуся, дочери дяди Яши из Риги, торжественно меня заверяя, что она самая красивая девочка на свете и что я женюсь только на ней.

С учением, действительно, подвигалось туго. Мой бедный отец, он, должно, был от меня в отчаянии. Но он был врожденный педагог. Недаром и его отец, прежде чем стать секретарем «Восхода», был преподавателем русского языка в еврейской школе в Минске⁸. От этого «русского» преподавания все его дети носили чисто русские имена: моего отца звали Владимир, его сестрами были Мария, Аня и Надежда. Каким-то чудом в его <отца> паспорте было, однако, проставлено еще два имени: Бен-Цион и Зеев. Сам он дал нам, всем трем, библейские имена: Яков, Авраам, Элиазар, без всяких побочных имен. Мою сестру он назвал по имени своей матери, которая в молодости погибла от туберкулеза – болезни, которая так угрожала и ему самому.

Так от дедушки к нему перешла эта педагогическая жилка. Я не ошибусь, если скажу, что он три раза сдавал экзамены на аттестат зрелости. Один раз за себя самого, второй раз вместе со мной и третий раз вместе с моим сыном. Три раза пройти курс геометрии, алгебры и тригонометрии – это совсем не так просто.

Когда наступило время поступления в гимназию, меня отправили вначале на нефтяные промыслы, к дяде Давиду, потом в Баку, к тете Наде. Семи с половиной лет я покинул дом и больше всего тосковал по матери. У нее был такой ровный, уравновешенный характер. Если бы я увидел ее когда-либо плачущей, мне показалось бы, что наступило светопреставление. Она нас никогда не воспитывала – она де-

лала больше: сама была примером. Это, должно быть, самая лучшая форма воспитания; не все матери об этом, к сожалению, знают. Она не должна была говорить – ее глаза выражали все ее желания, опасения, надежды и гордость своей семьей. Она умела смотреть на все как бы со стороны и уже в детстве считала нас взрослыми и каждого ответственным за самого себя. И это действовало. В ее присутствии мы чувствовали себя взрослыми. Мне даже кажется теперь, что я всегда был взрослым, потому что она никогда не делала из нас только детей.

Если для психоаналитиков это может представлять какой-либо интерес, то уже с детства меня мучила и преследовала одна странная идея. Сущность ее сводится к следующему: почему «я» это «я». Кто распорядился так, что моя душа, мое сознание, мой пролет через жизненный путь оказался неразрывно связан именно с моим, а не с другим телом из всех этих миллионов людей. Почему я должен нести ответственность именно за этот, а не за какой-либо иной лотерейный билет на право участия в жизни. Возможно, что многих преследует та же мысль, хотя они об этом не говорят. Когда я их спрашиваю об этом, они начинают коситься на меня, подозревая во мне раздвоение личности и человека, который ищет способа освободить себя от того долга, который на него возложило метрическое свидетельство.

Не мне решать этот вопрос, но он уже там, в Маштагах, меня постоянно занимал, даже когда я собирал цветные ракушки, сушил цветы, коллекционировал бабочек и, конечно, собирал цветные бумажки от конфет, сортируя их, как если бы это были деньги. Поэтому я думаю, что я всегда был взрослым и мать моя была права, представив меня самому себе.

У дяди Давида все было иначе, чем у нас дома в Маштагах. Он жил в самом центре нефтяных промыслов среди леса черных нефтяных вышек и топких болот с нефтью – месте, обкрученном, как паутиной, нефтяными трубами на много километров по окружности, с адским шумом от паровых молотов и черным от сажи небом. Здесь я увидел первое чудо техники – электрическое освещение, натертые лаком паркетные полы, масляную краску на стенах и квартиру в пятнадцать комнат, из которых десять были заперты на ключ.

Дядя Давид долго оставался холостяком, и, может, поэтому он всегда был в хорошем настроении и страшно любил детей. Живя у него и пробираясь в запертые комнаты, я перелистывал там разложенные иллюстрированные журналы. И, должно быть, надоедал ему вопросами о причинах европейско-китайской войны с ее зверствами, которая тогда занимала прессу. Впрочем, <привычка> пробираться в запертые парадные залы и проводить часы, раскапывая всякие хранящиеся там чудеса, была у меня еще в Маштагах. Здесь я нашел

миниатюрные альбомы в изящных переплетах из оливкового дерева с засушенными цветами из Палестины, рассылаемыми людьми халуки⁹. Теми же людьми Хеврона и Цфата были посланы нам уродливые сухие луковицы с острыми шипами. Достаточно их было опустить в воду на несколько часов, как они чудесным образом распустились в прекрасную водяную лилию. Имя этому волшебному цветку было Иерихонская роза. Она на меня в детстве <произвела> неизгладимое впечатление. Впоследствии, когда я стал старше, представление об этой розе слилось у меня с судьбой еврейского народа, высохшего, колючего, уродливого физически и морально, но все еще живого, которому достаточно получить живительные соки для того, чтобы снова воспрянуть к полноценной жизни. Я еще и теперь продолжаю верить в этот фетиш своих детских лет, и это несмотря на некоторые разочарования и существенные поправки в этой концепции¹⁰.

Но тогда, в прекрасно обставленной квартире дяди Давида, меня больше интересовали войны. После китайской, конечно, англо-бурская. С мальчиками во дворе я играл в эту войну и, к моему несчастью, на меня выпадала всегда роль представлять «англичанина». Когда мне сильно доставалось от моих более сильных противников, то они автоматически ссылались на то, что так это должно быть потому, что настоящие буры порядком колотят настоящих англичан. Это было слабым, конечно, утешением. И, может быть, с тех пор я никогда уже больше не отождествлял себя так легкомысленно, как в возрасте восьми лет, с английской ориентацией.

Дядя Давид был во всех отношениях удивительный человек. У него было особое счастье попадать в когти к смерти и выскальзывать из нее невредимым. В детстве он тонул в Днепре. Однажды во время большого пожара на нефтяном заводе он оказался в его центре, окруженный со всех сторон горящим морем с километр в квадрате. Меня ночью укутали в одеяло и в числе прочих перенесли на пароход, и матросы стояли с топорами у чалок, ибо пожар зажег море, покрытое нефтью, – это на случай внезапного отплытия. Дядя Давид считался всеми погибшим, так как он находился всего в нескольких метрах от первого взрыва. Несмотря на это, он отделался только обмороком и отравлением газами.

Впоследствии его украли бандиты, угрожая его смертью, если не будет выслан большой денежный выкуп. Из своего пленения он просил внести выкуп, но упорно подписывал свои письма вместо «Давид» – «Диктант». Он вышел невредимым и из этого испытания, несмотря на то, что требование похитителей не было удовлетворено. Странно, что Сталин, тогда только партийный агитатор, которого считали инициатором этого похищения, не обратил внимания на эту маленькую разницу в правописании между словом «Давид» и сло-

вом «Диктант». Моя мать лучше разбирала почерк своего брата, чем будущий глава половины мира.

Но этим испытания дяди Давида не закончились. С приходом к власти большевиков он был арестован и ему угрожал расстрел, потому что, исполняя инструкции фирмы «Шель» из Лондона¹¹, он пытался еще до прихода большевиков выслать за границу чашу из чистой платины весом в сорок кило. Его спасло то, что арестованный с ним вместе его помощник, такой же инженер, как и он сам, имел сестру большевичку, неофициальную жену самого Орджоникидзе.

Через два года он снова был арестован, потому что отказался перевести свое задержанное в Лондоне жалованье большевикам. Ему не было жалко этих денег, но он знал, что в тот момент, когда деньги будут у большевиков, его неминуемо расстреляют. Пока он хозяин этих денег, его жизнь обеспечена.

После томительных лет в тюрьме с постоянной угрозой расстрела о нем вдруг вспомнили как об одном из лучших инженеров, специалистов по добыче нефти. Он был освобожден, переведен в Москву, и ему был вручен самый большой пост в управлении нефтью всей советской республики.

Его здоровый, холодный мозг настоящего Ландау, с большими математическими способностями, унаследовал впоследствии его сын, один из лучших специалистов в России по атомным бомбам. Из автобиографии Артура Кестлера я случайно узнал, что он столкнулся с этим моим кузеном в России. Я из этого сделал вывод, что бедного Артура наша семья преследует по обеим сторонам железной завесы¹².

Маленьким мальчиком я не мог предвидеть всего этого бурного будущего моего дяди, но в нем уже тогда поражало меня то, что я чувствовал у моей матери, – безграничный фатализм, вера в судьбу, полное самообладание, равнодушие ко всем испытаниям, почти презрение к жизни.

После смерти дедушки Арье¹³ в нашем доме пасхальным седером¹⁴ стал руководить дядя Давид. И тут у нас с ним происходили самые забавные столкновения. В то время как мой отец в свои студенческие годы дружил со студентами, из которых некоторые, в том числе Белькинд, пошли в «билуйцы», дядя Давид был неуклонным последователем Дубнова¹⁵. Для него сионизм была пустая химера. Евреи должны оставаться там, куда их забросила судьба, оставаться евреями. Они могут время от времени помогать тем, кто едет в Палестину заниматься земледелием, – и это все. Вопрос «Ма ништана?» был объявлением войны дяде Давиду, войны рыцарей с рыцарем. Мы ловили его на противоречиях, и первое из них было: «В будущем году в Иерусалиме!». И разве голус¹⁶ это не тот же новый Египет?! После афикомана¹⁷

дискуссия заканчивалась временным перемирием. Но из года в год дяде Давиду становилось все труднее и труднее от нас отбиваться и ему мало помогали его хитрые силлогизмы.

Моя мать была на его стороне. Для нее наше увлечение сионизмом было просто забава. Так же она относилась и к сионизму отца, который, должно быть, в глубине души сожалел, что в свое время не присоединился к романтическому порыву «билуцев», к которым относился с большим уважением. Мать, однако, считала, что из всех видов спорта сионистический азарт самый невинный, и поэтому никогда не мешала ни отцу, ни нам в этой игре в «мыльные пузыри», и мы были для нее не больше, чем еврейские Дон Кихоты. Когда потом мы, детьми, вместе с отцом посетили Палестину, отец встретил своих «билуцев» в Катре¹⁸. Одна из его подруг детства, уже обратившись в деревенскую бабу, презрительно ворчала на своего опрокинутого мужа: «Идеалист. Встает в 4 часа утра доить корову!» Я посмотрел на отца. Его глаза улыбались. Его мысль, оказывается, была: «Ошибка, что я не пришел сюда с ними, не была, оказывается, так велика».

Потом я жил в Баку у тети Нади, которая была учительницей в русско-еврейской школе, которую посещали беднейшие дети еврейской общины – обычно из круга горских и грузинских евреев. Их нужно было здесь не только обучать, но иногда кормить и мыть. Она была предана этому делу всей душой. Она была для них матерью. В социалистическом подполье она познакомилась со своим мужем, но он умер от воспаления легких через несколько месяцев после свадьбы. Сама судьба распорядилась, чтобы она навсегда осталась матерью чужих детей.

Мой отец помогал определять наиболее способных из ее учеников как стипендиатов в средне-учебные заведения. Это была его страсть. Он сам провел тяжелые ученические годы – он учился за свой счет, зарабатывая себе на жизнь уроками. Он не мог равнодушно поэтому относиться к юношам, перед которыми заперта карьера только из-за их бедности.

Это тесное сотрудничество не было секретом в городе. От тети Нади, которая была моя первая воспитательница, мы получили из России одно сообщение. Ее встретил на улице в Москве Андрей Вышинский, грозный прокурор Совнаркома, крепко пожал как старый бакинец ей руку и, узнав, что мой отец в Палестине, попросил передать ему в письме сердечный привет¹⁹.

И потом еще один <случай>. Ко мне в Тель-Авиве постучался грозный американец, за счет которого в стране один из самых известных археологов производит свои раскопки и обследования Негева²⁰. Он был такой же американец, как и все <американцы>: довольный собой, довольный нами. Я раскрыл рот, когда он мне

сказал, что он был в свое время воспитанником моей тети Нади в ее школе для беспризорных детей из общины горских евреев. Его карьера была результатом ее энергии, которая докатилась до Негева и его набатейской культуры. Если бы она это знала, может быть, это было <бы> ей не менее приятно, чем рукопожатие Вышинского.

Кстати, насчет горских евреев. На Кавказе у меня был еще один дядя – чистокровный горский еврей. Он женился на сестре моего отца Марии и был инженером на нефтяных промыслах: единственный горский еврей своего времени с высшим образованием²¹. Как это ни печально, но в своей статье в Еврейско-русской энциклопедии о горских евреях он доказывал, что горские евреи, подобно караимам, хазарского происхождения и потому не должны быть подвергнуты ограничениям, распространяемым на евреев. Об этом не стоило бы упоминать, если бы один раз я случайно не натолкнулся на сына его брата в Иерусалиме. Взяв в Иерусалиме такси, я вдруг обратил внимание на то, что мой шофер нервничает. Когда он меня доставил на место, он назвал меня по фамилии. Меня это удивило. Я его спросил, встречал ли он когда-нибудь меня раньше, знал ли он моего отца или был случайно в Тель-Авиве, месте моего постоянного жительства. На все вопросы он ответил отрицательно. Тель-Авива он не любит, отца не знал, меня видит в первый раз в жизни. Я его спросил, что навело его на мысль о моем имени. Он мне сказал: «Спросил на всякий случай. Нельзя спросить? Я племянник инженера Анисимова». Этот мой дальний кузен, старожил Иерусалима и шофер такси по профессии, должно быть, невнимательно читал статью моего дяди в энциклопедии о хазарском происхождении горских евреев.

Тут, живя у тети Нади, я узнал о смерти в Маштагах моей сестры Цицилии от туберкулезного воспаления мозга. Это был рок ее имени, – так она была названа в честь матери моего отца, погибшей от той же болезни. Через два года моя мать родила вторую сестру, имя которой Рая. Смерть стала часто появляться на пороге нашего дома. Скоро умерли чуть ли не в один месяц оба дедушки, но это уже было тогда, когда отец и мать переселились в Баку и я вернулся в круг семьи.

Гимназия с ее величественным наименованием <именем> «Александра III» и с ее специфическим запахом, который был неразрывно связан с ее старым, грандиозным, выходящим на четыре улицы зданием, запахом, в котором все смешалось: запах мышей, лизоля из уборных, пирожков из буфета и разлагающегося дерева или кадила из русской церкви. Уже один этот запах наводил свою особую дисциплину на тех 1200 учеников, которые вливались каждое утро в ее двери, проходя мимо одетого в ливрею величественного сторожа.

Революция 1905 года подложила мину под ее железную дисциплину, под все – даже под кокарду с короной и крестом на синей войенной шапке, такие же символы на медной бляхе лакированного пояса, серый суконный солдатский наряд и гладко подстриженные, конечно, без чуба волосы. Это было тогда, когда я был в четвертом классе. Забавки учеников, которые длились неделями (какое удовольствие!), сходки с речами для любителей, все ученики при оружии. Мы стали лучше разбираться в маузерах и парабеллумах, чем в исторических датах Древнего Египта или Рима. У меня самого был тайком похищенный у отца из старого ящика старый «бульдог» и новенький, такой занятный в своей конструкции, «смит-вессон».

Гимназия была расположена в армянской части города, и потому состав класса был примерно таков: на 60 учеников – 30 армян, 10 татар, 5 русских, 5 евреев, потом единичные поляки, грузины. Все принадлежали к какой-либо партии: армяне – к революционному и вооруженному с головы до ног «Дашнакцутюну»²², все остальные, в зависимости от симпатии родителей, к эсерам, социал-демократам и почти все русские – к черносотенным антисемитским организациям. Но при таком составе класса они могли только сидеть тихо, опустив нос. Они компенсировали себя тем, что часть из них, как любимчики учителей, считались неизменными первыми учениками, а другие бравировали своим хулиганством, посещением публичных домов и даже венерическими болезнями.

Были и курьезы: один татарин настолько запоздал в своем образовании, оставаясь в каждом классе на два года, что в восьмом уже имел сына в младшем приготовительном.

Были и жертвы гомосексуализма – мальчики вначале с неестественно красными лицами и неизвестного происхождения большими деньгами, развезжавшие на фазтонах. И потом вдруг они худели, бледнели и исчезали из гимназии навсегда, зараженные сифилисом.

В эту эпоху взаимоотношения с учителями с трудом поддаются описанию. Как пролог, во время большой перемены двери класса плотно закрывались с помощью ножки опрокинутого стула, всунутого в ее ручки. Чернильницы летели и разбивались о стены. На черных от этого пятнах мелом выводили круги мишени для стрельбы. Парты служили окопами, и класс превращался в плацдарм для военной стрельбы в цель на призы. Когда наконец запоздавшему не по своей вине учителю удавалось проникнуть в класс, то он вежливо просил открыть окна, чтобы очистить комнату от порохового дыма. Те же самые учителя, которые в первые годы нас тиранили своими придирками, сидели теперь молчаливо, когда под партами раздавалась дробь барабана от спускаемых вхолостую курков дюжины револьверов. Это как бы было предупреждением перейти к следующему уроку и не задерживаться на излишних вопросах об уже прой-

денном. Ученик, вызванный к доске, чтобы продемонстрировать испуганному учителю имеющийся у него кинжал, привязывал к своей ноге веревку и тут же, на подиуме классной доски, совершал операцию, перерезая ее одним ударом кинжала.

В восьмом классе при выпускных экзаменах было трагичнее: были насмерть застрелены разочарованными в своей академической карьере учениками один преподаватель и один инспектор гимназии. Особенно тяжелое положение было у учительниц: одна из них была милейшая грузинская княгиня, ее уроки французского языка иллюстрировались учениками на классной доске и на стенах большими символическими рисунками сверхпорнографического содержания. И – чудо: несмотря на все эти мерзости, никто другой, как она, эта Нина Платоновна Микеладзе, своим тактом легко восстанавливала дисциплину. И удавалось ей это очень просто: каждый ученик был уверен, что она тайно влюблена именно в него, и он был ее единственный рыцарь.

О наших низких познаниях нечего было и говорить. Достаточно, если мы за год до окончания не имели представления, как, например, на немецком языке называют запятую. Половина класса писала немецкую диктовку, пользуясь русской кириллицей, как бы предвосхищая этим будущий захват Советами Берлина.

В наше оправдание можно привести то, что мы уже все с десятилетнего возраста были холодными зрителями массовых и зверских убийств на улицах города. Возвращаясь из гимназии, буквально шагали по лужам крови через трупы жертв армяно-татарских столкновений. Люди охотились на людей, как если бы это были дикие звери, – сжигались целые кварталы со всеми там живущими семьями на глазах у бездействующей власти. Любопытно, что мы, будучи евреями и нейтральной стороной в этой кровавой расправе, в которой армяне – сравнительно культурная нация и как меньшинство – являлись стороной слабейшей, питали к ним не естественную симпатию, а антипатию. Переживая впоследствии еврейско-арабские столкновения, организованные английской властью по тому же рецепту, по которому русская полиция организовывала армяно-татарские взаимные нападения, я понимал психологию англичан. В подобного рода национальных расправах, где слабейшая сторона претендует на полудемократическую цивилизацию, а другая, сильнейшая, не стыдится своей дикости и примитивности, симпатии зрителя со стороны именно на стороне «дикарей», а не тех, которые, напав на европейский наряд и усвоив дешевые левантийские манеры, кичатся своей добродетелью и благодушием. Как нелепа при этом апелляция к мировой справедливости, на которую мои сограждане в свое время возлагали столько надежд, <тщетно взывая> к «нейтральным» в Палестине христианам с английским паспортом.

Во всех других отношениях я рос и развивался как нормальный юноша моего социального положения. Конечно, коллекционировал почтовые марки, откуда до сих пор мои познания в прикладной географии и даже в некоторых исторических датах. Уже взрослым человеком, попав в полосу душевного кризиса, я вдруг снова начал собирать марки с тем же детским энтузиазмом. Это было бегство в детство, желание начать старт сначала, какой-то примитивный способ самолечения, в силу одного инстинкта, без всякого домашнего лечебного справочника. Кризис прошел, и старые марки мои были мне больше не нужны.

Увлекался, конечно, коллекционированием иллюстрированных открыток, особенно изучением эсперанто. Переписывался долго с какими-то лицами женского пола из Сиднея и Бильбао на этом языке Заменгофа²³ и на основании его адресной книги. Должно быть, мои корреспондентки были в четыре, если не больше, раза старше меня, и мое счастье, что изобретение телевидения опоздало более чем на пятьдесят лет.

Изучал еврейский язык, по предложению деда Шауля, с гонораром копейка за букву. Но всего инкассировал 5 копеек, так как дальше «гея» учение почему-то не подвинулось. Рылся в библиотеке отца, открыл там книги Иосифа Флавия, которые на меня не произвели ровно никакого впечатления. Гораздо больше – библии на всех языках мира, даже на армянском и грузинском, по которым мой дед Шауль изучал все языки вплоть до португальского. Логарифмические таблицы и другие книги по математике Каценеленбогена, отца моей бабушки Фани²⁴, которая претендовала на то, что она из царского рода Валя.

Эта царская кровь время от времени волновала мое воображение, пока я не узнал правды: Валь был всего только один день королем Польши, и то благодаря слепому случаю²⁵.

Книги деда Арье, отца матери, – пять больших томов комментариев к комментариям Маймонида, написанные его прадедом²⁶, его гордость, – хранились отдельно, и я мог их видеть только тогда, когда дед отправлялся в синагогу читать из них отрывки своим преданным слушателям. Эти два деда, один грузный Шауль, казенный раввин Тифлиса и, несмотря на свое пристрастие к библиям на всех языках мира, вольнодумец, и сухой и молчаливый аскет дед Арье, который соблюдал все, были двумя магнитными полюсами той оси, вокруг которой вертелось мое религиозное сознание. Я чувствовал <себя> на экваторе, в равном расстоянии от них обоих, поэтому религиозное сознание меня уже с детства занимало мало. Его очень скоро заменило не менее страстное национальное сознание, которое по своей ревности ни в чем не уступало сознанию религиозному. Но когда мой отец поехал на сионистский конгресс в Гаагу²⁷ и, взяв с

собой мать, оставил нас, детей, в Берлине на несколько недель, то тогда ни для какого интереса к сионизму не было места.

В Берлине тогда мы, дети, ради спорта обошли решительно все музеи города и очень скоро стали большими специалистами по части тех лавок, которые занимались продажей старых почтовых марок, и, конечно, особым уважением в наших глазах пользовался именно Музей истории почты, так как там мы воочию убедились, что магия марок так же непостижима, как непостижимо количество звезд на небосклоне. Кроме того, летние посещения Рижского взморья, в гостях у дяди Яши, и Урала, в гостях у дяди Леонида, с верховой ездой, кумысом, рыбной ловлей и охотой на диких уток на заре, с ночевкой у костра, в поле, в таборе деревенской молодежи – ничто не будило во мне еврея. Правда, я дрался, или, вернее, меня били, в лесах Маойренгофа, у Риги, рослые дети немецких баронов, но они не могли знать ничего о моем происхождении. На Урале меня застал разгар Русско-японской войны, и не было никакой другой темы, кроме нее.

Не лучше обстояло дело в Баку. Мои два револьвера часто бывали в теоретическом применении. Как-то раз, совершая невероятный акробатический прием на своем велосипеде, я сломал себе руку. Для лечения мне надо было посещать клинику, расположенную в мусульманской части города. По дороге меня ежедневно преследовал какой-то гомосексуалист и, показывая из-под пальто свой револьвер, требовал от меня, чтобы я следовал за ним. В ответ я, не меняя шага, показывал ему таким же образом свой револьвер, и эта сцена повторялась три недели подряд. Рассказывать об этом дома было стыдно. Обращаться в полицию – смешно в городе, побившем все рекорды гомосексуализма, этой чумы Востока. Другой раз все это могло закончиться более трагически.

В городе подвизался некий тип Алексей, страшилище наших гимназистов и даже самой полиции. Его знали как начальника боевого отряда армянской самообороны и одновременно как профессионального убийцу и неисправимого педераста. Он всегда носил при себе два маузера, и вся его грудь была обвешана кожаными поясами, набитыми патронами. Один раз он подкараулил меня у входа в наш дом и приставил к моей голове револьвер. Было всего шесть часов вечера, но это был срок, когда вступало в силу осадное положение, и улица была безлюдна. Я как раз возвращался после выгодной покупки по дешевой цене патронов для моего револьвера из какой-то разбойничьей берлоги. Теперь я думаю, что вся эта покупка была подстроена им мне ловушка. Но тогда я не думал много: как кошка, я прыгнул на середину улицы, лег между рельсами конки и, вытянув свой револьвер, крикнул: «Уйди от двери, иначе я стреляю». Дипломатические переговоры продолжались десять мучительных минут. Наконец на улице появился казачий патруль, и

Алексей должен был уступить мне поле сражения. Я вошел домой, весь потный и бледный. Никто не обратил на это внимания. И я был этому рад, потому что все равно никому бы не мог рассказать всего происшедшего. В эти минуты наши родители казались нам очень наивными: они не подозревали даже о том, что мы часто не расстаемся с оружием, о существовании которого они не подозревали. Гимназия облегченно вздохнула, когда Алексея убил такой же другой «Алексей».

Все это не значит, что мы не имели детства. Я издавал традиционный рукописный журнал в одном экземпляре, единственным покупателем которого был мой добрый дядя Давид. Надоедал тете Наде, чтобы она записывала в моей тетради мои первые «новеллы» – редкую чушь. Страшно страдали, когда нас, евреев-гимназистов, в дни государственных праздников заставляли часами выстаивать в гимназической церкви и вдыхать в себя вонь нестерпимого масла. Особенно меня обижало отношение учителя пения, который решил, что у меня нет совершенно ни того, ни другого – ни слуха и ни голоса. Я его подозревал в том, что он считает меня, как еврея, плохим кандидатом в свой церковный хор. Я во время уроков пения должен был сидеть позади других и читать книги. Воспользовавшись его заменой новым учителем, я переменял место, заняв его среди солистов. Но и тут мне не повезло. Новый учитель, предложив мне спеть гамму, твердо решил, что вся моя гамма все одно и то же «ре». Я должен был покориться судьбе и покоряюсь ей до сих пор. Оказывается, что не все учителя пения антисемиты.

Верхом нашего самодурства в доме была организация домашнего театра. Все три кровати – моя и моих братьев – служили подмостками; занавесями и декорациями служили простыни, измазанные масляной краской, с фантастическими деревьями – плодом свободного искусства. Обыкновенно шла свободная постановка «Принца Валленштейна»²⁸, к большому удовлетворению всех детей нашего дома. Но артистическая карьера оказалась так же недолговечной, как и карьера певца. В «Томе Сойере» я играл в школе роль Гекльберри Финна и, по-видимому, не встретил признания своим талантом. Мой партнер, «Том Сойер», впоследствии стал известным кинорежиссером.

И вдруг, после всех этих обычных и необычных болезней ранней юности, крупный разговор с отцом. Он, вспыльчивый по своей натуре, уже готов был ударить меня по щеке, когда я как-то заявил, что «мировой прогресс автоматически решит еврейский вопрос». Он крикнул, задыхаясь от гнева: «Да, и это ты говоришь после того, как Финляндия, символ терпимости и либерализма нашего времени, именно евреям запретила резку скота согласно кашруту²⁹». Эта фраза меня сразила. Я вдруг понял, что отец прав. Что если не иметь

своего револьвера, то весь мир, каким бы он ни был хорошим для нас, не больше, чем Алексей. И в этом мы будем виноваты сами, и никто другой. Я вдруг постиг какую-то новую для меня аксиому, она произвела на меня не менее потрясающее действие, чем если бы я, а не Галилей открыл простой секрет мироздания. Мой вопрос, наш вопрос, их вопрос – сколько вопросов в то время, как ответ простой: «Только как все, и не на один волос меньше. И чем это труднее, тем это лучше и прекраснее. Это должно быть сделано, даже если это невозможно. Даже если это означает гибель. Это должно быть сделано, даже если все будут против, даже все евреи. Я это буду делать, если я буду даже один на всем свете». Я переживал какое-то истерическое состояние. Не спал по ночам. Иногда плакал. Это был какой-то психологический кризис, как если бы я переживал свою первую любовь. Моей возлюбленной была идея, я стоял перед ней как бы на коленях и целовал ее туфли. В своем возбуждении я перешел все границы: если евреи не хотят ни за что иметь Машиаха³⁰, то я стану им, вопреки всем и всему, я их заставлю, даже если меня за это побьют камнями. Это состояние продолжалось недолго, всего каких-либо три дня. Но я отчетливо помню это душевное потрясение, как будто моя душа, раскаленная докрасна, вдруг была опущена в холодную воду и закалилась в сталь.

Через три дня я успокоился. Я стал рабом одной идеи, я надел на свои руки тяжелые и больно царапающие наручники сионизма. Я больше не говорил на эту тему с отцом. Мне было стыдно сознаться в том, что я с ним согласен. Согласен? Нет, я не был только согласен, это было нечто большее, что я никогда не смог выразить в словах. Такие вещи выражаются только в деле, но никогда не в словах. И, должно быть, мой отец был очень удивлен, когда постепенно стал замечать, как изменился круг моих интересов и моего времяпрепровождения. Но неверно, что я впервые узнал о сионизме только после «Финляндии». Уже мальчиком восьми лет я бегал в синагогу слушать речи приезжавшего в Баку Белькинда³¹, собиравшего на положении «билульца» деньги на сиротский дом в Ришоне. Видел в синагоге бело-голубой национальный флаг, слышал пение тогдашних сионистских песен и даже «Гатиквы»³². Как-то раз попал вместе с родителями на ханукальный бал³³ с апофеозом Хасмонеям³⁴, устроенный сионистским кружком «Цион» за два года до смерти Герцля. Но для меня это было все равно, как хождение с дедушкой в синагогу – приятная повинность, не больше, чем зрелище. Я помню распря из-за Уганды³⁵, когда тетя Надя водила меня на тайственные заседания, где молодые студенты ломали себе голову «за» и «против», так как открытые заседания были запрещены полицией, всюду видящей еврейскую революцию. Все это входило в одно ухо и выходило из другого. Это все было так далеко от меня, что я решительно не

могу вспомнить, какое впечатление произвела на отца страшная весть о смерти Герцля, хотя, должно быть, он взял меня на панихиду о нем в городской синагоге. Этот сионизм, восторженный и сладкий, с пафосом и сиротскими домами, с шекелями и кружками национального фонда³⁶, был не больше, чем обязательная церемония для торжественных, праздничных дней – любопытная, сентиментальная и часто скучноватая.

То, что я лично пережил через шесть лет, было нечто совсем другое. Сионизм перестал быть модным, интеллигенция, буржуазия и главным образом молодежь повернули к нему грубо спину – как к реакционной фантазии. О сионистах говорили не иначе как о дураках: «Сын аптекаря и сионист – это одно и то же!», «У отца было три сына: старший умница, средний так и сяк, а младший был сионист!» Сионизм стал горьким, у знамени его в провинции оставалась не больше, чем горсточка упрямых маньяков, что-то вроде сектантской синагоги. Сионизм стал горьким лекарством, хинином против оптимистической революционной лихорадки. После смерти Герцля он был на краю исторического забвения. И все это, и именно это, меня к нему влекло. Какое-то спортивное чувство, процесс оживления мертвого, поединок не в равных условиях – все это варилось и переваривалось в моей душе. Если человеческая история есть не более чем рулетка, я ставлю все, что имею, на этот «квадрат» – сионизм.

Из всех азартных игр игра в историю самая азартная. Это все, что я могу сказать о своих переживаниях этого времени. Ясно, что все это отгородило меня и моих братьев, как непроходимой Китайской стеной, от всего того, что делалось на улице, в гимназии, в стране. Мы стали иммунны ко всему – ко всем пакостям и соблазнам американского города на Востоке, к Баку с его миллионерами, шантанами, насилиями, убийствами и сексуальными извращениями. Мы попали в оазис, который нам же предстояло создать, укрепив и расширив его границы. Нам еще повезло: мы жили в Баку, этом Чикаго Кавказа, с интернациональным населением, где десять тысяч евреев чувствовали себя не в гетто, а не иначе, чем итальянские или ирландские выходцы в большом американском городе. Здесь был калейдоскоп народов и языков, и каждый имел свой флаг. И было естественно, что евреи, как и все, совершенно не считаясь с державностью русских, могли и должны были иметь также свой флаг. Мы были не больше, чем армянский дашнакцутюн или татарский истакал. Мальчик за мальчиком, мы присоединились к нашей банде почти всех лучших учеников-евреев всех учебных заведений как мужских, так и женских. Мы возвращали им их нормальное подданство.

И, конечно, была еще одна причина нашей «изоляции и иммунитета» – влияние отца. Чем больше мы вырастали, тем больше из грозного, вспльчивого человека он превращался в нашего доброго

старшего приятеля. И лучше всего об этом свидетельствует следующий врезавшийся в мою память эпизод.

Как-то поздно ночью он застал нас в наших комнатах за чтением «Монте-Кристо». После криков электричество было потушено и книга конфискована. Но так как мы как раз остановились на самых жгучих страницах, то, несмотря на полную афела³⁷ во всей квартире, выждав, пока он уснет, мы принялись за поиски запретной книги, которая мешала нам спать и приводила к опозданию в гимназию. Она могла быть только в кабинете у отца, на его полке с книгами. Но там был свет. Вдруг дверь отворилась, и на пороге стоял отец с книгой в руке. Теперь он сам читал тот же роман «Монте-Кристо» и как раз на том же месте, где мы прервали ее чтение. Тут же был подписан мирный договор. Он нам читает сам еще полчаса, только до конца главы, и потом мы идем спать. Условия были выполнены добросовестно обеими враждующими сторонами. Договор был подписан в час ночи.

Под влиянием отца мы много читали и постепенно прониклись его вкусами, умея отличить плохое от хорошего. Плакали над судьбой дяди Тома, восхищались Томом Сойером, глотали романы Фенимора Купера, Майн Рида, Александра Дюма, Теккерея, Гюго, Диккенса – «Записки Пиквикского клуба» стали нашей настольной книгой. Отец нам рассказывал, что, будучи студентом, он напечатал в «Восходе» рассказ из своих личных переживаний, но я его лично никогда не видал и впоследствии не мог обнаружить ввиду отсутствия комплектов³⁸.

Помимо национальных окопов, нас отделяли от бакинского «гангстеризма» еще и проволочные ограждения общечеловеческой культуры. Будучи потом студентом в Мюнхене, я встречал своих коллег немцев, которые еще не успели познакомиться с похождениями Робинзона Крузо, в то время как я уже был после Золя и даже запретного Мопассана, похищенного со стола бабушки. В Израиле, в «Кассите»³⁹, я был поражен тем, что сидящие за моим столиком три молодых писателя не имели ни малейшего представления о символическом значении походов странствующего рыцаря Сервантеса. Когда, через несколько дней, я по нашему радио целиком выслушал лекцию о Дон Кихоте как демократе, попирающем основы феодально-буржуазного строя, я простил этим молодым людям их круглое невежество. Они не знали того, что я и мои сверстники знали уже в возрасте двенадцати лет.

Поездка в Палестину

Летом 1909 года отец решил посетить Палестину и с согласия матери взял нас, троих своих сыновей, с собой. Это была моя бар-

мицца⁴⁰, так как другой, традиционной, как мои братья, я не удостоился. Как жаль, что это нововведение – вместо бар миццы ехать с детьми в Палестину, со стороны евреев диаспоры до сих пор не вошло в моду. Моя еврейская гражданственность получила благодаря этой поездке значение ненарушимой присяги стране и ее народу. Поездка отца с его детским багажом – младшему из нас было 14 лет – произвела в то время сильное впечатление, особенно на палестинцев, о ней вспоминали десятки лет. По-видимому, мы как туристы представляли из себя уникум.

Дядя Давид устроил нам бесплатный проезд на нефтяном танкере из Батума в Константинополь. Здесь мы получили наши фирманы⁴¹ <...> на въезд в страну на ограниченный срок. Жили в пансионе, кажется, Рубина⁴² и там встретили пару молодых палестинцев, среди них, как мне помнится, Шпринцака⁴³. Особое внимание было уделено отелю «Перу Палас», который попал в святые места, потому что в нем когда-то жил сам Герцль, взволнованный предстоящим ему приемом у султана⁴⁴. Теперь там жил «амбассадор» Якобсон и его жена⁴⁵. В тенистом саду отеля при свете луны мадам Якобсон очаровательным голосом заклинала «любить Палестину такой, какая она есть, несмотря ни на что». Эта формула меня очаровала, как и то, что, обращаясь ко мне, говорила совсем как со взрослым. Ухо наше иногда ловит фразы, которые, как зерна, впиваются в душу и дают потом свои ростки. Это была одна из таких фраз.

В Палестину мы выехали на русском пароходе «Адмирал Чихачев». В Суце меня поразил вид сектанта-назарянина: Христос, гордо поднявшийся на палубу нашего парохода. Первая полоса узкой земли на горизонте рано утром заставила биться сердце. «Что будет с поцелуем?» Я никак не мог решить этого вопроса, поцеловать ли землю этой страны – мне так этого тогда хотелось – или отказаться от этого «спектакля».

На пароход накинута «Восток» – все эти пестрые и громко горлающие арабские лодочки. На меня <это не произвело> никакого впечатления: я из Баку, та же картина бутафорных пиратов. Гораздо большее впечатление: серьезное лицо турецкого чиновника в феске, в гумруке, недоумевающе разглядывающего наши официальные фирманы в ожидании неофициального бакшиша. Отель «Каменица» на Бустрос – оазис в море грязи и вони восточного базара⁴⁶. Все как в Баку. Удивительны только эти стеклянные пробки в газонных <так!> бутылках, которые нужно отдавливать вглубь пальцем. После обеда на площади у Белади, построенной за счет Ротшильда (знали ли об этом штернисты⁴⁷, которые через сорок лет подорвали это здание своими минами?), в день нашего приезда праздновалась годовщина турецкой революции. На площади шел митинг: тысячи три арабов. Крики, гам: «свобода». Оратор в большом трансе, он машет

руками. Произносит фразы то по-арабски, то на иврите, вызывая всеобщий восторг. Это отец Ирмы Гальперина⁴⁸, который громогласно объявляет о своем решении пожертвовать на дело свободы все, даже свои ботинки. Мой нос чует чувствует в воздухе «порох», турецким полицейским не по душе все это панибратство.

Мы идем осматривать место, где будет стоять Тель-Авив. Горка с песком, которую рабочие вымеривают колышками и шпагатом. Нам объясняют: «Здесь будет стоять гимназия имени Герцля...»⁴⁹ Нас ведут к далеко и одиноко затерявшемуся в песках домику. Он принадлежит Дизенгофу⁵⁰. Здесь собрались гости. Среди них Итамар Бен-Ави⁵¹, страшно гордый своей газетой «Гацви»⁵², – развязный, элегантный красавец. Он проповедует теорию, что с турками теперь надо говорить только на языке дипломатов всего мира – по-французски. Бен Цион Гутман⁵³ глубокомысленно молчит. Мадам Дизенгоф⁵⁴ бросает в его сторону нежные взоры. Я не могу раскусить всего, что здесь происходит, но мне нравятся все эти люди, все эти учителя и все эти чиновники банка – в душе каждого из них огонь такой же, как и в моей. Они живут в сказке и сказкой. Я не любил ни сказок Андерсена, ни <братьев> Гримм – в них всегда было слишком много волшебников. Тут другое дело: тут люди становились волшебниками. И это я понял, несмотря на мои шестнадцать лет⁵⁵. Городской голова без города, редактор газеты среди дюн, поэт-писатель, ищущий вдохновения в чашке чая, учителя без учеников, чиновники банков, касса которых пуста, и все довольны, все в трансе. Я решил: я их люблю, они мои.

В тот же день какой-то подросток предложил мне и моим братьям направиться после обеда пешком из Яффы в Ришон ле-Цион. Было часа четыре после обеда, когда мы вышли, и ровно в 12 ночи <вернулись назад>.

Я до сих пор не могу понять, как отец нам разрешил предпринять эту ночную прогулку. Дорога была турецкая, местами лошади должны были быть ею недовольны. Но для пешеходов она была хороша. Неприятности были не в ней и не во встречных автомобилях, которые были только на картинках в иллюстрированных журналах. Опасность была во встреченных бедуинах, которые вырастали, как тени, в своих черных облачениях почти на каждом изгибе дороги. Мальчик, наш чичероне, учил нас: на каждое «мархаба» отвечать «мархаба унус», шалом с половиной⁵⁶, – и это все, что от нас требовалось. Главное – не останавливаться и идти вперед. Особенно опасен вопрос – который час? Тогда надо ускорить шаг. Мы были измучены этой прогулкой, она была нашей тайной без тайны. И когда ночью в кровати мой брат Абрам задал мне этот странный вопрос: «У папы есть дети?», то я думал, что эти встречи с бедуинами вызвали в нем нервное потрясение: «Кто же, кроме нас, дети нашего

отца?» К счастью, недоразумение тут же выяснилось. Мой брат, оказывается, интересовался не нашим отцом, а только семейными отношениями Римского Папы.

Я часто думал впоследствии о том, что шесть турецких солдат в Яффе, оказывается, внушали арабам большее почтение, чем все английское войско в Сарефенде⁵⁷, и это было причиной безопасности дорог в то время.

Осмотрев Ришон, мы вместе с подъехавшим из Яффы отцом, верхом на четырех осликах, двинулись в Негев тогдашнего времени: Вади Ханин⁵⁸, Реховот, Кастиню⁵⁹. Нас встречали по-царски. В Палестине уже тогда любили всех приезжих, кто бы они ни были. Но что меня поразило, это то, что они совершенно, впрочем, как и теперь, не стеснялись присутствия чужих. Каждый поносил другого, обвиняя его во всех проступках, вплоть до растраты и присвоения чужой собственности. Все, кроме рассказчика, были круглые невежды, несчастье для страны, и только он один, если бы это было бы предоставлено, радикально исправил бы положение к лучшему. Меня все эти разговоры даже не злили. Я чувствовал в воздухе ревность. Каждый ревновал к каждому. Все были правы и все не правы. Все ссорились и все мирились. Я решил, что так должно быть и иначе быть не может там, где любят страну по-настоящему. Я просто не принимал всерьез все эти распри людей, не признающих ничего авторитета, кроме своего. Я решил, если я буду жить среди них, я, должно быть, стану такой, как они все. Это печально, но это неизбежно. Такова она – ревность.

В Кастинье нас встретил очень радушно учитель Газ, который уже тогда имел репутацию одного из самых преданных своему делу педагогов. Но большее впечатление на меня произвел рабочий Гинис, весельчак и балагур, у которого, должно быть, был рекорд по количеству невест в Палестине, если измерять это по количеству поцелуев, которые он охотно расточал на каждом горене⁶⁰ и не менее охотно получал назад от смазливых девиц. Учитель-доброволец пения и танцев у всех горенов Иудеи, Самарии и Галилеи. Но главная его слава была не в этом. Шла о нем <молва>, что, однажды ночью пробравшись в Иерусалиме в мечеть Омара, он заревел в ней неподражаемым по своей искусной передаче рыканием осла. Это вызвало в Старом городе, среди арабов, настоящую панику, так как дало повод ко всяким суеверным предположениям, как, например, чудесному обращению главного кади в тело самого настоящего осла.

Вернувшись в Яффу, мы оттуда по французской железной дороге добрались до Иерусалима, причем поезд только три раза сошел с рельс<ов>, что по тем временам считалось нормальной статистикой. В Иерусалиме мы остановились у Амдурского в Старом городе⁶¹, так как нового города, помимо Яффской улицы и шхунат Монтефиори⁶²,

практически не существовало. Иерусалим всего-навсего был захудалым турецким городищем. Старый раввин Салант-слепой⁶³, благословляющий каждого своими высокими руками, святой для всех, произвел на меня большее впечатление, чем Стена Плача. Особенно после того, как нам разрешили посетить мечеть Омара и пощупать собственными руками Евен Гашатиах⁶⁴. Мне казалось, что от него еще идет запах протухлой крови от тех жертв, которые на нем приносились в нашем Храме. Не могу забыть и той мраморной колоннады, которая под землей у южной стороны Храмового дворца и которая носит это нелепое название конюшен Соломона⁶⁵. Верные остатки колоннады Храма Ирода, на котором сотни пилигримов уже тогда выцарапали свои имена, даже по-русски. И потом визит на башню русской церкви, с которой виден весь Иерусалим⁶⁶. Причем русская монахиня, поздно спохватившись, что мы евреи, шептала нам на наши головы всех чертей, «на антихристов этих».

Если что-либо меня потрясло в Иерусалиме до глубины души, так это было ночное посещение гробницы Рахили. Идея принадлежала проф<ессору> Шацу⁶⁷, тогдашнему сионистскому полноавторитетному «амбассадору».

По данному им знаку как из-под земли выросло около дюжины рослых ослов белого цвета с их арабскими погонщиками, вооруженными большими жердями. Через несколько минут кавалькада двинулась в путь. Это было в конце июля, и свет луны в это время над Иерусалимом, фантастически зеленого цвета, и весь город и вся его окрестность представлялась мне картиной из сказок «Тысячи и одной ночи». Ослы бросились рысью по Вифлеемской дороге, подгоняемые ударами погонщиков, которые умудрялись как-то от них не отставать. На седлах не без тревоги тряслись несколько случайных туристов – дамы и люди науки, которые почему-то скрывали свое несомненно еврейское происхождение. Профессор Шац, низкого роста, почти круглый, в больших, даже ночью блестящих очках, в белом бурнусе и с неизменной английской колониальной шляпой на голове, соскочил с осла и первый остановился у железной двери гробницы Рахили. Когда все собрались, он стал давать объяснения. Вдруг голос его сорвался, он стал громко стучать кулаками в дверь и вдруг воскликнул: «Мать Рахель! Мать Рахель! Слушай! К тебе вернулись снова обратно твои дети!» Я был потрясен. Я не знаю, что чувствовали при этом люди науки и их дамы. Мне казалось, что на этот его зов из гробницы должен был раздаться вздох: «Как долго я вас, однако, ждала...»

Как можно было после этого не любить Шаца, его мастерскую художественных ковров, его скульптурного отделения «Бецалея», его учеников живописи, его камней, его зоологического сада, в котором, помимо гиены, был всего-навсего только галилейский волк⁶⁸.

Дом «Бецалея», напоминающий по своей архитектуре бинокль, был Сохнутом и Кирия⁶⁹ своего времени – не Стена Плача, а стена улыбки. Впоследствии Агадати⁷⁰ мне рассказывал, что подростком профессор Шац заставлял его ночью при луне танцевать совершенно голым на заборе старого еврейского кладбища – балет в духе Саббатая Цви⁷¹ мистика оживающего к новой жизни заброшенного кладбища. Шац был художником – в этом слове очень много.

Из Иерусалима мы на шестиместном дилижансе снова спустились в Яффу, так как железная дорога побила все рекорды своей статистики непредвиденных крушений. Мне улыбнулось счастье, рядом со мной заняла место барышня моего возраста, с которой в отеле Амдурского я успел обменяться парой взоров, которые должны были выражать полное равнодушие, но, должно быть, помимо моей воли, как это случается и с другими, выражали изумление и преклонение. Может быть, поэтому Баб эль-Вад⁷², в котором мы обедали, несмотря на свои два тогда тощих дерева, показался мне Райским Уголком.

В том же порядке мы двинулись из Яффы на север до Хайфы. Дорога до Хайфы на лошадях – полтора дня пути. Этого срока было вполне достаточно для того, чтобы преодолеть застенчивость и перейти с моей прекрасной соседкой даже на «личные темы». Все было бы хорошо, если бы <не> неожиданная катастрофа. В эвкалиптовом лесу Хедеры, зацепившись за дерево, я порвал свои штаны – не просто, а прямо почти на две равные половины. «Личные темы» отпали сами собой, я все свое внимание должен был посвятить тому, чтобы скрыть весь позор своего облачения. В Зихроне⁷³ я переменял костюм, и мне стало легче; моя соседка оказалась подружкой двух сестер Аронсон, также и Сарры. Мы весь вечер провели на горене, забрасывая друг друга свежим сеном. Это было так далеко от «политики», но расстояние до «любви» от этого не стало меньшим. Я надеюсь, что моя сдержанность была принята тремя прелестными подружками этой игры на зихроновском горене только за глупость и не за что более оскорбительное.

Хайфа представляла из себя жалкое зрелище полугорода-полудеревни. Единственный приличный дом – немецкий отель в два этажа в немецкой колонии⁷⁴. Прекрасное белое вино – доказательство того, что не все вина страны должны быть обязательно мерзкого качества. На лошадях в Назарет, так как повозка на такой дороге рискует остаться без колес. Ночевка в Назарете в монастыре «Каза Нова»⁷⁵, от города никакого впечатления. Зато сильное от Мерхавии и Седжеры⁷⁶.

В Мерхавии – знакомство с шомрим⁷⁷, некоторые из них горцы с нашего Кавказа, для которых лошадь и ружье заменяют все прелести жизни. Сильное впечатление от девушки из Киева, сестры студента,

покушавшегося на жизнь антисемита Крушевана⁷⁸. Она с ружьем за плечами и на лошади сопровождает нас до Седжеры. Здесь чудо: русские геры⁷⁹. Мой отец спрашивает их, что говорят им портреты на стене. Один из них русским басом поясняет: «Это барон, он за нас старался, так мы его и чтим, а это Херцель, он за всех явреев старался...» Такая же потешная беседа с герами в Иемме. Мой отец спрашивает некоего Дубровина, что влекло его в Палестину? Он объясняет коротко: «Яврейская земля должна быть, понятно, в яврейских руках...» Это звучит для меня комично, там, в России, другой Дубровин, не крестьянин, как этот, а доктор, занят устройством еврейских погромов. Два Дубровина!⁸⁰

Потом Киннерет. Вначале ферма с агрономом, который устроил себе кровать на обеденном столе, первый год в новой колонии. И, наконец, Тиверия. Озеро мне кажется самым красивым местом на земном шаре. Красивее Босфора. Ночью – небольшое разочарование. Но кто-то мне объясняет в утешение: «Это оттого, что в Тиверии, по преданию, нашла себе резиденцию царица блох...» Она, оказывается, очень требовательна.

Потом Мигдаль⁸¹ – первый год. Много надежд. Колония москвичей с севера в тропической ложбине ниже уровня моря.

Потом красotka Рош-Пина⁸². И тут серьезное осложнение. У моего брата Абрама внезапно подымается температура на сорок. Мой отец вне себя. Как раз из окна отеля, на склоне горы, несколько стройных кипарисов – это кладбище колонии. Я читаю в его глазах – он боится оставить моего брата под этими кипарисами. Желтая лихорадка – это не шутка. К нам приходит на помощь доктор колонии Малкин⁸³ и агроном Кальварийский⁸⁴. Брат поправляется, но мы тут задерживаемся. Кальварийский – милейший человек, его сад под древними колоннами и произведениями скульптуры, все – археологические находки. Две дочери: Хермона и Ярдена. Я в первый раз слышу такие имена – они мне нравятся. Кальварийский любит рассказывать и показывать. Он последний здесь администратор опозорившей себя ротшильдовской администрации, он белый ворон среди стаи черных.

Мы снова на лошадях, но так как брат был болен, а другой еще молод, им дают ослов. Трудный переход через Ярден у Хулле⁸⁵, мне смешно: ноги моих братьев в святой воде. Цфат⁸⁶. Мы измучены поездкой. Город кажется сказкой, но это не город, это кладбище и развалины с евреями-призраками. Снова верхом, на этот раз на мулах, так как поход в Сидон⁸⁷ на лошадях по тропинкам скал опасен. Они срываются, мулы – никогда. Они больно трут твою ногу о скалу, но зато никогда не падают в пропасть вместе со своим седоком.

Литания – дивная долина⁸⁸. В Сидоне сюрприз: автомобильная связь с Бейрутом. Приличная дорога. Арабский отель, в котором я в

первый раз пробую маслины. Меня от них тошнит, я думал, что они имеют вкус слив. Я иду на берег и разочарован: нет финикийской гавани в Бейруте, снова «Адмирал Чихачев».

Там натыкаемся на группу сионистской молодежи из Варшавы. Качка. Рвота. Опять рвота: «Проклятая селедка!» Но она ни в чем не виновата. Просто рвота от качки. И вдруг у барьера за столь неэстетическим занятием, как рвота, неожиданная встреча. Среди варшавских гимназистов – издатель социалистического гимназического листка, который посылался и в Баку по адресу моего брата и который чуть ли не привел к большой катастрофе: нашему исключению из гимназии. По следам этого журнала к нам на квартиру нагрянула жандармерия в поисках опасных революционеров. К счастью, все сионистические кружки и их адреса, с которыми мы были связаны и которые тоже были нелегальны, остались для жандармерии табула раза⁸⁹. Их больше интересовали найденные у нас брошюры: Карл Маркс, Энгельс, Кропоткин, Каутский... На одной полке пыливый глаз пристава заметил брошюру Членова «Сион и Африка»⁹⁰. Он укоризненно покачал головой: «Сион... Сион... ну смесь у вас, смесь всего земного с небесным... Сион...» После этого «Сиона и Африки», брошюры Членова против Уганды, он решил прекратить обыск, считая его безрезультатным. Нас не исключили из гимназии, и полиция не напала на след наших сионистических кружков. Но волнения было много. И тут в Бейруте, на пароходе, неосторожный редактор того же социалистического листка. И он у того же барьера. И он тоже произносит это: «Проклятая селедка!»

В Палестине мы научились нескольким фразам на еврейском языке. По дороге домой, в поезде железной дороги, мы пугали наших соседей таинственными изречениями на непонятном для них языке. Нас это забавляло. Мы переменили как бы подданство. Перемена подданства – это большой шаг. Мы еще больше стали чужими России, чем мы были в ней раньше. Эта поездка действительно была нашей бар-мицвой. Как мы должны быть признательны за нее нашему отцу.

* * *

По возвращении из Палестины мы принялись за кипучую деятельность. Из Турции мы, сами того не замечая, привезли с собой и новый метод работы. Младотурки, их масоно-бескровная революция была нашим идеалом⁹¹. Там, где трудно действовать открыто, там нужно действовать тайно. Мы основали организацию молодежи под названием «Молодая Иудея», читай: «Младоиудея»⁹². Это не был обычный кружок, это была ложа заговорщиков, тайный орден, генеральный штаб несуществующей армии, брэн-трест⁹³, тайно руководящий всем тем, что не в состоянии двигаться по собственной инер-

ции. В результате двухлетней работы в тайном штабе сидели до 25 человек мальчиков и юношей, в котором они представляли семь для внешнего глаза совершенно независимых и даже враждующих друг с другом сионистских и полусионистских переходных организаций. Сами мы были подразделены на министерства, которые носили самые фантастические названия – финансов, иностранных дел, печати, народного просвещения. За всей их деятельностью наблюдал специальный «прокурорский надзор», который имел право на общих тайных встречах этого ордена предлагать самые суровые меры наказания за всякие упущения или небрежность, так как о нарушении дисциплины не могло быть и речи. Наказания <шли> по возрастающей степени: лишение права голоса, лишение права присутствия на встречах, права на работу. Результаты были блестящие: мы связали невидимыми организационными узами сотни самых разнообразных людей различного умственного и социального уровня, сдерживали болезненные амбиции, поощряли неофитов, боролись с рутиной, повсюду внося дух заранее подготовленных драматизированных неожиданностей. Количество устраиваемых нами агитационных выступлений, всегда в ногу с событиями, превышало семь в неделю. Мы издавали на пишущей машинке три журнала. В одном мы оповещали всю нашу сеть о том, что происходит в сионизме и Палестине, переводили хронику с еврейского, английского, французского, немецкого, получая почти все выходящие тогда сионистские журналы: «Ди Вельт», «Л'орор» из Константинополя, «Джуиш Хроникель» и «Гапозль Гацаир». Наша информация опережала официальный петроградский «Рассвет» иногда на две, часто на три недели. «Рассвет» мы тоже распространяли в умопомрачительном количестве – Баку был на втором месте после Варшавы с ее многотысячным еврейским населением.

Один наш журнал обращался к ассимилированной молодежи, среди которой можно было встретить и таких, отцы которых приняли уже христианство. Он носил смешное название «Пель Мельская Газета» в подражание Диккенсу⁹⁴, и нашим преданным агентом в этих кругах была дочь миллионеров Гальперин<ых>, сама крещеная в детстве. Когда она потом появилась в Петрограде в Центральном Комитете <сионистов>, ее приняли с распростертыми объятьями и страшно ее ценили. В этих кругах мы говорили о Гамсуне и заканчивали Бяликом.

Но самая большая наша гордость был толстый ежемесячник «Яман» – только для избранных, для которых мы пытались изложить новую теорию сионизма. Эту теорию для краткости можно было называть экономический ахадгаамизм⁹⁵. Вокруг колонизируемой Палестины и в круг ее экономических достижений должны быть органически включены экономические резервы и насущные интересы еврей-

ской диаспоры. Не духовный центр, а центр экономической мощи как переходный этап к достижению политической независимости. Эта идея нас страшно увлекла, и идея тоцерег гаарец⁹⁶ означала для нас гораздо больше, чем только патриотический жест. Мы ссылались и искали аналогий с положением греческой и армянской диаспоры. Мы только один раз нарушили тайну этой новой теории гимназических мозгов, когда показали и даже подарили один комплект приехавшему в Баку Израилу Розову⁹⁷, который очаровал нас своей личностью; я и теперь не стыжусь этой теории, в особенности когда это поколение умудрилось сделать полное тур де тет⁹⁸ и превратить Палестину в самое слабое место экономической структуры в еврейском рассеянии. Вместо того чтобы быть экономически притягательной силой, мы – экономически отрицательная, и упорно колонизируем диаспору нашей талантливой молодежью.

Но тогда, в Баку, мы были несправимыми оптимистами, и бедный Израиль Розов имел с нами жестокую схватку из-за интриг русских сионистов против президента Вольфсона⁹⁹. Мы считали себя «вольфонистами» и боялись больше всего тех, для которых хозяйство было не основа жизни, а только маленький мостик к шаткой власти, – героев на день. Мы не саботировали действий городского комитета <сионистов>, уснащенного почтенными старцами, напротив, мы принимали самое горячее участие во всех выступлениях. Особенно в морских поездках сотен людей на большой нефтяной барже в открытом море или на острова, где, кроме змей, никто не мог донести на сионистов о том, что они устраивают митинги под открытым небом¹⁰⁰. На одном таком митинге я, 16-ти лет, произнес свою первую публичную речь. Она состояла из шести зазубренных общих фраз, из которых четвертую я забыл, и, несмотря на это, речь сошла благополучно. С тех пор я никогда не готовлюсь к своим речам, из страха забыть, как тогда, «четвертую фразу».

Но и здесь у нас была своя тайна: никто из членов городского комитета, многие из которых стали потом официальными лидерами, членами АЦ¹⁰¹ и пр., не подозревал, что один из их «стариков», сорокалетний лысый холостяк, тайно, на правах члена нашего ордена, еженедельно сдает нам отчет о своей деятельности как наш комиссар и получает от нас самые точные инструкции на всю ближайшую неделю. О, этого Рабиновича мы так любили, так политически эксплуатировали!

Один кружок носил характер рабочего с резко социальной окраской. Здесь мы всегда должны были бояться полиции. Заседания устраивались при синагоге. Наша задача, помимо прочих, состояла в ночном патрулировании окрестности на случай внезапного налета. Они <рабочие> были лучше дисциплинированы, чем все прочие, и отношения были с ними самые сердечные. Но иногда нам самим ста-

новилось жутко от применяемых нами мер наказания. После перевода во вторую степень, т. е. лишения права посещения заседаний ордена, мы вытащили чуть не из моря одного нашего товарища, который после сурового приговора решил покончить свою жизнь самоубийством. В противовес этой истории, которая чуть не кончилась трагически, было и много комизма. Так, нами был учрежден специальный банк, все доходы которого идут в пользу Национального фонда. Главные доходы были от нашей же стрижки волос наших же товарищей. Это был первый сионистический кооператив в мире. Когда я уехал (а я, конечно, занимал пост главного инквизитора, т. е. был генеральным прокурором), руководство перешло к моему брату Абраму, который был на год младше меня, и потом к брату Элизеру <так!>.

Но, увлекаясь тогда нашим рыцарским орденом «Молодая Иудея», мы не могли себе представить, что ей косвенно все же придется и в дальнейшем наложить свою печать на предстоящее развитие сионизме. Без «Молодой Иудеи» в Баку не было бы «Гехавера»¹⁰² в Западной Европе или он был бы совсем другим; без «Гехавера», такого, каким он стал, не было бы «Гацоара»¹⁰³ таким, каким он был создан, – он был бы другим и, возможно, <возник> с большим опозданием. Если бы не было «Гацоара», то Бен Цви, должно быть, до сих пор еще председательствовал в Ва'ад Галеуми¹⁰⁴. Странная лестница личных иллюзий, которые могут быть так же обманчивы, как и достоверны.

С изучением еврейского языка подвигалось у меня туго. Конечно, всю вину беру я на себя одного, но много в этом отношении мне способствовал и выбор того учителя, который был предоставлен в мое распоряжение. Скептик и циник, он наводил на меня смертную тоску, так как я чувствовал, что и для него эта задача не по вкусу. Социалист-территориалист, он всеми фибрами души ненавидел Палестину. Теперь трудно даже в запущенных джунглях еврейской диаспоры встретить этого зверя, но тогда климатические условия еврейского общества сильно способствовали размножению этой безголовой и бесхвостой породы – «иудеус социал-территориалист»¹⁰⁵. Они принимали сионизм, но без Палестины, социализм – но вне той страны, в которой проживали. Они сами себя считали цветом еврейской интеллигенции, и, к несчастью, из их среды вышло немало журналистов, довольно бойких и даже талантливых, но с перевернутыми вниз мозгами.

Мой учитель был один из таких. Все уроки он проводил в бесконечных дискуссиях, соблазняя меня своим фантомом. С большим трудом мы доплелись в изучении сипурей гамикра¹⁰⁶ до взятия Иерихона, и, когда он меня посвятил в тайное значение слова «зона»¹⁰⁷ и сказал это по-русски грубо, я наотрез отказался дальше терять понапрасну свое время.

Одним из первых, кого я встретил на хайфской набережной, сойдя с парохода после моей одиссеи в советской России, был именно он, мой бывший учитель еврейского языка. Он заговорил со мной по-еврейски, но, когда оказалось, что в моем лексиконе нет ничего лучшего, кроме тода и бевакаша¹⁰⁸, он спросил меня с изумлением: «Как, до сих пор ты не знаешь иврита?» Улыбаясь, я ему сказал: «Эту вину мы с вами делим пополам...»

Мы были все так наэлектризованы, что в наших подругах по работе мы ничего больше не видели, как только «политических медиумов в юбках». Один раз я наметил себе новую жертву для нашей аскетической секты – очень интеллигентную, стройную, но не совсем красивую гимназистку А. Я стал часто провожать ее домой и вести с ней отвлеченные беседы, осторожно соскальзывая с литературных тем на политические. Но тут нашла коса на камень. Я себе неудачно выбрал жертву. Моя новая подруга оказалась самой фанатичной поклонницей Второго Интернационала. И искупительную жертву для предстоящего в близком будущем первого поцелуя должен был принести именно я, усвоив ее революционное мировоззрение. Мы разошлись как враги: каждый верил, что только он держит в своих руках ключ к ларцу с исторической правдой. Я потом часто вспоминал об этой А. Любопытно, что мы оба оказались правы. Она получила свою русскую революцию, я – свое еврейское государство. Две «химеры» детских лет сбылись, и почти одновременно. Не сбылся только он, поцелуй, и только потому, что мы были оба ревнивы к нашей общей возлюбленной – к истории. <...>

Военная служба

Моя ошибка была в том, что я имел диплом врача, и даже два – швейцарский и русский. Это означало, что <я> должен был вступить в армию на шесть месяцев на положение простого солдата и только потом быть произведенным в офицерский чин капитана. Если бы я не сдал выпускных экзаменов, то я получил бы тот же чин немедленно. Я был по этому поводу очень несчастен, так как быть простым солдатом, даже в запасном бакинском полку, означало подвергнуться антисанитарной инквизиции. Чего стоил только один запах никогда не мытых портянок на ногах солдат, не говоря уже о всех других к нему дополнениях. Но Бог смилостивился надо мной, и в первую же ночь я устроился на ночевку в привилегированном месте – у входа в уборную, так как там по меньшей мере не было смеси всех запахов вместе. Это место делили со мной какой-то немецкий барон, разжалованный в солдаты, бурный фельдфебель и еще несколько аристократов полка.

Не прошло и трех дней, как фельдфебель – царь и Бог казармы – поведал мне свой секрет – медицинский секрет, – у него сифилис, и на меня падает обязанность его лечить. Тогда в моде был сальварзан, и, чтобы его раздобыть, я злоупотреблял частыми отлучками из казармы в город. Мое военное образование, особенно искусство колоть чучело штыком и выворачивать ему все внутренности, взяла фельдфебель на себя лично – он был как бы моим личным репетитором.

Вдруг в полку получили приказ представить меня полковому врачу. Я представился. Полковой врач, грузин Андроников, человек души и хорошего кахетинского вина, мне откровенно объявил: у меня есть десять санитаров: один мужской и другой – дамский портной, один повар, один кондитер, два сапожника – для меня и для жены, один работает у меня как повар, другой смотрит за лошадьми, один вестовой, – я не знаю, почему бы вы не могли бы быть при мне врачом.

Не успел я высказать по этому поводу своего мнения, как меня, нарядив в белый халат, чтобы скрыть мою солдатскую форму, посадили принимать в околотке больных, которых было иногда до сотни в день. Скоро я получил право ночевать дома, полковую лошадь и стал заменять всех четырех врачей полка, которые не видели причины для того, чтобы себя переутомлять приемом больных. Время от времени я заглядывал в казарму и прилежно изучал штыковой удар и философствовал с фельдфебелем о превратностях служебной карьеры.

Через шесть месяцев наступил день экзаменов <для> моего производства в чин капитана. Я разбирал и собирал ружейный затвор, знал наизусть полевой устав, не пренебрегая главной своей специальностью – штыковым ударом. Полковник, армянин Богданян, угрожал, что экзамен мне будет строгим ввиду моих «привилегий». На самом деле все обошлось комедией: единственный вопрос, заданный им, был о расположении уборных в лагере, растянувшемся по берегу реки. Он был очарован моим ответом: «Уборные должны находиться в нижней части течения реки», и этим ограничился.

Больные были обычные – в запасном полку очень часты самоубежия симулянтов. Но один случай мне врезался в память. Передо мной в ряду полураздетых, стоявших в шеренгу больных солдат предстал молодой человек со страшно бледным лицом. На груди у него была татуировка еврейского могоен-довида, в центре которого по-еврейски стояло слово «Цион». Я уже пропитался всяким сочувствием к моему политическому единомышленнику, столь редкому в этих кругах. Я его спросил, чем он болен. Он мне хриплым голосом ответил: сифилисом. Я был так сам смущен, что машинально спросил его о том, о чем спросил трех предыдущих пациентов этого же дня, которые пришли со свежим заражением этой же болезнью: «В каком борде-

ле?» Его хриплый голос ясно говорил за то, что он заразился болезнью уже больше года. Он мне ответил: «Не в борделе, а гомосексуально». По-видимому, у этого парня были все «добродетели»: одна эта татуировка говорила о криминальных наклонностях. Так или иначе, но это был единственный «сионист», которого я тогда встретил в русской армии на Кавказском фронте.

Потом на меня выпало сопровождать эшелоны на Турецкий и Персидский фронты, так как другие врачи полка снова считали, что это для них слишком обременительно. Меня палило персидское солнце, и я тонул в турецких снегах. Я заходил с солдатами за Эрзерум – в одном углу фронта, и был на подступах к Багдаду – в другом. Раз я спустился с горы Шайтан-даг один, без дороги, по горло в снегу, с бутылкой мадеры в кармане и почему-то с серебряной ложечкой – должно быть, это все, что у меня было тогда ценного. В Персии в поле я спал на бурке – она из овечьей шкуры, и говорят, что змеи и скорпионы, которых там было множество, избегают запаха барана. Один раз я заснул в палатке-гараже для починки машин и проснулся в снегу, потому что палатку и весь гараж унес ураган без моего на то согласия. Моими главными врагами, с которыми я вел войну без всяких предварительных церемоний, были вши. Один раз в бешенстве я сбросил с себя рубашку, и на завтра я нашел ее как обледеневшую статую у входа в мое пристанище. Я ел яичницу, сделанную на порошке и на касторовом масле, так как другого масла не было. Конечно, я часто пил воду из своей потной фуражки, так как другой посуды не было. И спал, не раздеваясь, в топкой грязи – в лачуге курильщиков опия – в ожидании резервной машины, после того как телеграфный столб элегантно лег как раз между мной и шофером разбитого вдребезги автомобиля. Я спасал какую-то сестру милосердия в истерике, потому что она обнаружила ночью, что вся ее палатка усеяна тарантулами с яблоко величиной, с риском быть заколотым моими спутниками на почве ревности.

Но в общем, что значат все эти мелочи сравнительно с тем, что после снежных переходов, по утрам, я видел десятки замерзших солдат, и наши потери от сыпного тифа были больше, чем от всякого кровопролитного сражения. Тиф практически означал смерть. И носителями его были эти вши, которых было миллионы.

Но не все было так трагично. Были и маленькие трагикомедии. Уже к концу войны какие-то мои спутники-офицеры решили устроить попойку в Хамадане, царской резиденции царицы Эсфири, где до сих пор показывают ее и Мордехая гробницу¹⁰⁹. В каком-то подземелье хозяин-персиянин раздобыл для нас алкоголь – одеколон со смесью хлороформа. Я делал вид, что пью, потому что после первого глотка я уже начал видеть перед глазами зеленые круги. Мое шулерство было замечено, и я был наказан дополнительными глотками.

Я помнил дорогу домой: я спал в лаборатории, она тянулась через два заброшенных персидских кладбища, – неясное число поворотов направо и налево между полуразрушенными домами и потом прыжок с соседней крыши в сад, где помещалась эта лаборатория. Я отправился в путь, в темноте я вдруг заметил, что на одном кладбище я окружен персами, которые покушались не то на мою невинность, не то на мое оружие, не то на две вещи сразу. Я гонялся за ними, прыгая через могильные памятники с обнаженной саблей в одной руке и револьвером в другой, и обратил их в бегство. Все же я попал домой, и это было большее чудо, чем моя военная победа.

Я проснулся наутро в лаборатории. Только весь день мне хотелось пить, и от каждого глотка воды я снова был пьян, растворяя водой в желудке ту ужасную смесь, к которой прикоснулся ночью. Это, кажется, единственный раз в моей жизни, когда я действительно был пьян.

Другой забавный случай произошел в Керманшахе – там, где еще до сих пор сохранились развалины дворца Александра Македонского. В саду нашего лазарета я обнаружил три аккуратно высеченных из мрамора военных памятника трем недавно там похороненным военным немецким летчикам. Через несколько дней, к моему удивлению, они исчезли. Оказывается, что наши солдаты воспользовались ими как грузом, чтобы не давать всплывать на поверхность колодца бочкам с кислой капустой, которые они туда погрузили для охлаждения. В гневе на такое надругательство я дал приказ вернуть памятники на старое их место. Но, увы, не было при этом гарантии, что «Шульц» не стал «Бургом» и «Бург» – «Германом», так как камни могли быть положены не на те могилы, на которых они раньше стояли¹¹⁰.

Там же, в Керманшахе, окрестности которого кишели свирепыми курдами, которые срезали попавшимся им несчастным пятки ног, мне пришлось в голову совершить прогулку на лошади в обществе двух сестер милосердия. Цель нашей прогулки была увидеть того каменного льва, который стоял у входа во дворец Александра. Мы его нашли, всего облитого маслом, так как, оказывается, в нем скрыта чудодейственная сила. Местные женщины, обливая его маслом, <оберегают> себя от бесплодия. Попрошавшись со львом, мы двинулись назад; уже стало темно. В темноте мы потеряли дорогу и дали лошадям полную свободу в расчете, что они нас приведут в лазарет, а не к курдам. Друг послышался гул, который я принял за признак шоссе, по которому могли перевозить артиллерию. Но внезапно моя лошадь стала взвизгивать на дыбы, как будто ее укусила за шею змея. Я, который ехал впереди, решил, что я ее не оставляю, так как без нее не было шансов найти верный путь назад. Но вдруг я сам стал ощущать на своем теле удары и скоро заметил искры и прово-

локу, которая меня обкручивала. Не имея выбора, я скатился с лошади, и она исчезла в темноте. Я крикнул моим спутникам, чтобы они не двигались с места. В это время из темноты вынырнули тени. Это были русские солдаты-радисты. Оказывается, моя лошадь попала в антенну. Дело закончилось взаимным препирательством и тем, что мы счастливо попали домой.

Мою лошадь на следующий день убили. Она принадлежала некому Райсу, журналисту-еврею, который командовал санитарным обозом в двадцать повозок. На следующее утро он повел обоз к Сенне, подвергся нападению курдов. Все его люди были перебиты. Под ним пала лошадь. Он спасся только потому, что имел многозарядный карабин и курды не решились его преследовать.

Так он отступал пешком, иногда отстреливаясь, около пятнадцати километров в пустыне. Я его встретил на фронте только через год, где он рассказал обо всем этом и прибавил: «Вы помните лошадь, которую я вам одолжил для прогулки ко льву? Какая умница! Она предчувствовала нападение! Она все это утро дрожала. Она чувствовала все заранее». Я не хотел его разочаровывать в мыслительных и пророческих способностях его лошади, но, по-моему мнению, она дрожала оттого, что попала по моей вине в антенну радиопередачи накануне ночью.

То, что больше всего <производило> на меня впечатление, были те древние руины, на которые я наткнулся. В Гассан-Кале под Эрзерумом я соло купался в древней римской бане с мраморными сводами, в бассейне с горячей серной водой, испарения которой придавали всему окружающему фантастический феерический блеск. Можно было купаться в горячей воде и тут же пить холодный нарзан – углекислую воду, которая была рядом с серным источником.

За Хамаданом я наткнулся в пустыне на поразительную скалу-пирамиду с гигантскими иероглифами величиною в два этажа и выше. Целая живописная картина-барельеф. Я был уверен, что это я открыл эту Бистунскую скалу, рассказывающую миру о расправе великого Дария над мятежниками¹¹¹. Оказывается, до меня уже о ней знали немецкие и английские археологи и делали с нее снимки. Но все же это был мой Дарий – моего Эзры и Нехемии¹¹².

В Хамадане я посетил школу Альянса, встретил двух учителей-братьев, евреев, уроженцев Северной Африки. Они мне заявили, что они не сионисты. Это были очень странные антиссионисты: когда я их спросил, хотя ли они Еврейское государство в Палестине, они ответили восторженно – да! Один из учеников школы привел меня и моих двух спутников – офицера-еврея и сестру милосердия – к гробнице Эсфири и Мордехая. Она напоминает гробницу Рахили и стоит в центре города на запущенной площади. На пороге я заметил пожилого еврея, который большим ножом тут же покончил с барашком.

При этом кровь лилась прямо на ступеньки, ведущие к гробнице. У меня блеснула коварная мысль: персидские евреи не отменили еще жертвоприношений? Я вступил в дипломатические переговоры, но на все мои вопросы не получал ответа. Старик косился на большую красный крест на груди у сестры милосердия и отворачивал от нас голову, как от нечистых. Я пустил в ход весь свой тогдашний словарь еврейского языка: «Би рошоно аба баирушалаим... Барух ата... Ани игуди бегет руси... Нешама игудит...»¹¹³ Но мне ничего не помогало. Старик не открывал рта. Тогда в дело вмешался второй офицер-еврей. У него на груди, как талисман, висела золотая дощечка с заповедями. Это магически подействовало. Старик через ученика школы, нашего чичероне, охотно объяснил, что это «надир»¹¹⁴: в городе опасно больна женщина, и для того, чтобы она вернула себе снова свое здоровье, необходимо именно на этом месте зарезать ягненка и распределить его мясо между бедными. До этого я никогда не слышал о таком способе лечения.

Потом он согласился показать нам те два гроба, в которых покоятся под пышными покрывалами тела царицы Эстер и ее дяди Мордехая. При этом он утверждал с большой настойчивостью, что Мордехай был не дядей, а мужем Эстер. Я чуть снова не впал в азарт открывателя старых фольклорных тайн. Впоследствии я узнал, что эта традиция считать Мордехая мужем Эсфири присуща не только одним персидским евреям Хамадана, этой старой Экбатаны, летней резиденции первого персидского государства.

На базаре в Керманшахе, в переулке в два метра шириной со зловонной канавой посередине, я обнаружил десятки еврейских врачей. Они все имели прилавки с кореньями и странными порошками, сидели на корточках и обслуживали своих клиентов. Оказывается, это был лондонский Гарлей-стрит, где концентрировались все врачи Керманшаха – с тем же поразительным преобладанием людей моей национальности и, конечно, моей профессии. Я отнесся к моим коллегам с полным почтением, несмотря на то что нас еще сегодня разделяло тысячелетие. В одной еврейской семье Керманшаха я застал глав общин на корточках на ковре, которые молитвенно выслушивали пришельца из Палестины, посланца-шнорера¹¹⁵, который выманивал у них медяки, ссылаясь на свое благочестие. Здесь я уже не чувствовал пропасти тысячелетней давности <по сравнению с> опытом сегодняшнего дня.

В какой-то заброшенной деревне я заметил менялю-еврея с огромной рыжей бородой и поразительно умными глазами. Классический прототип для Шейлока Шекспира. Я не мог от него оторвать глаз. Режиссером тут была сама она, госпожа история.

Я видел евреев-курдов, таких же нежных, тонких и женственных, как настоящие курды: несмотря на всю их жестокость, курды напо-

минают недоразвитых юношей. Мне стало даже от этого неуютно, когда я остался с ними без оружия в уединенной чайной за городом. Но проводник меня успокоил: «Это не курды, смотрите, на их чалме нет рисунка-звездочки, а только квадрат. Сегодня пятница, и они пришли сюда встречать субботу». Вся разница была в этих миниатюрных звездочках и квадратах – наследие талеса¹¹⁶.

Уже скорее мне напоминали настоящие библейские типы айсоры, эти древние ассирийцы, плотные, грузные, с овальными лицами, красными щеками и громадными носами, разделявшими два сонных глаза. Живые барельефы из учебника истории древнего Вавилона. Я смотрел на них, как если они были бы допотопными ихтиозаврами.

Разразившаяся в России революция и особенно прокламирование Бальфуровской декларации¹¹⁷ придали моим посещениям и несколько более актуальный характер. Англичане уже стояли под Багдадом и были накануне Газского сражения¹¹⁸. Русская армия медленно и верно разваливалась и никак не могла установить с ними смычку под Сенне.

В одно из моих последних путешествий мне было поручено сопровождать туркестанскую резервную дивизию, состоявшую из восьми тысяч человек¹¹⁹. Это было войско третьего разряда, а по своему человеческому составу – запасные, и офицерский состав к концу войны сильно помельчал – большей частью это были новопроизведенные офицеры, полуграмотные прапорщики и лейтенанты. Достаточно сказать, что всем эшелонам командовал старый офицер в чине капитана, не больше. Все это шло на смену фронту, который устал от войны. Сообразно этому было и наше передвижение. На одном из этапов офицерско-солдатский комитет постановил единогласно арестовать главного командира-капитана, потому что обнаружилось, что он крал по копейке в день с человека из того, что называлось казной на продовольствие. В начальники был избран молодой офицер Рубаков, славный, но очень неопытный и простой парень, который в гражданской жизни, должно быть, не был больше того, на что указывала его фамилия. Все было в революционном порядке: некоторые из офицеров играли в карты с солдатами на большие деньги, продвигались мы крайне медленно, полупереходами по девять и пятнадцать километров, жаловались на плохое продовольствие, на отсутствие особенно сахара и мыла. Так мы доплелись до Казвина, маленького городка, в котором, однако, были самые фешенебельные фазтоны в мире – единственный люксус, который тогда могла разрешить себе Персия.

Мы расположились на кладбище, и солдаты занялись оживленной торговлей с местными жителями. Продавали им мешки с сахаром, в которых наполовину было набито щебня из соответственно крошенных могильных памятников. Наступил день первого мая.

Вдруг из города нам был доставлен ультиматум: никакого мыла и никакого сахара и вообще ничего необходимого нам для дальнейшего следования на фронт <не будет>, если наша дивизия торжественно не присоединится к празднованию Первого мая – празднику всеобщего мира. Ультиматум этот передали нам от имени Казвинского комитета солдат, офицеров и сестер милосердия, председателем которого был некто Буду Мдивани¹²⁰. Тут же нам стало известно, что этот комитет захвачен большевиками. В это время военным министром еще был Гучков¹²¹, и вся власть принадлежала правому крылу Государственной Думы.

Рубаков растерялся. Ясно, что после такого празднования Первого мая нас в лучшем случае вернут обратно, арестовав всех офицеров, и никакого фронта мы не увидим. Мы подводили англичан у Багдада и ослабляли их Газский фронт. Я посоветовал Рубакову обогнуть город и идти дальше в Хамадан и Керманшах без сахара и без мыла. Но солдаты на это не согласились: «На фронт – да, но только с мылом и сахаром».

Узнав о наших затруднениях, Буду Мдивани вызвал наш комитет на ночное совместное заседание со своим комитетом. Пришлось согласиться, хотя не было никакой гарантии, что наши представители вернутся обратно из города в лагерь на кладбище живыми и невредимыми. Рубаков предложил мне пойти вместе с комитетом. Я принял предложение.

Встреча была трагическая. Буду Мдивани, толстый грузин, инженер по образованию, старый революционер, сбежавший уже давно в Персию от ареста, хорошо знал, что он делает. Его целью было окончательно разложить армию, дискредитируя правительство как контрреволюционное. Неплохой демагог, с темпераментом митингового оратора, <он> открыл карты. Война та империалистическая, и поэтому ее не должно быть. Празднование Первого мая – это верный путь к братству народов, в котором немцы не замедлят принять самое горячее участие.

Заседание было в саду. Присутствовало человек тридцать. Мы не взяли с собой никакой охраны. Мой комитет хлопал ушами. Офицеры, не привыкшие к политической дискуссии, вся терминология которых исчерпывалась командой в строю и поднятием рюмок с водкой и тостами за здоровье, онемели от каскадного красноречия Буду Мдивани. Тут я взял слово, и это, сознаюсь, было в первый и последний раз, когда я активно вмешался в то, что называется русской гражданской войной. Я открыл скобки и объяснил присутствующим, что такие празднования и такие лозунги – самое сердечное приглашение в Персию и на Кавказ турецкой армии и их немецких союзников. Мдивани вскипел. Заседание тянулось до рассвета. Шесть раз выступал он. И столько же раз я. В заключение он назвал меня «ад-

вокатом дьявола», а я выразил сожаление, что немцы, не зная о его поведении, не оплачивают его своими деньгами. Мой комитет, даже солдаты, сияя от удовольствия, они смотрели на все происходящее как на спортивное состязание: чья возьмет!

Мдивани не был готов к нашему аресту, он слишком понадеялся на свое красноречие. Он не знал, что за мной десятилетний стаж дискуссионной техники в сионистских кружках. Но не успели мы выйти из городских ворот, как встретили бегущих нам навстречу из лагеря наших солдат с пулеметами. Среди них распространился слух, что наш комитет, и особенно «дохтур», арестован и нас ведут на расстрел. Они бежали в город нас выручать.

В то же утро мы двинулись дальше на Хамадан, обогнув Казвин, без мыла и без сахара.

В Хамадане я узнал, что Гучкова сменил Керенский. Я лег на землю, смотрел на небо и машинально повторял себе одну и ту же фразу: «Керенский – это конец, война проиграна! Теперь англичане в Палестине предоставлены самим себе». Как слабое утешение звучала в моих ушах болтовня одного генерала в том же Хамадане. Он меня хотел убедить, что Мдивани в Казвине арестован и что у него реквизирована его типография, в которой он издавал большевистский листок-газету. И чтобы убедить меня в достоверности своего рассказа, он мне сказал: «И все это сделал один доктор. Он его к стенке припер». Так как этим доктором был я сам, то поэтому я не мог разделить никак его оптимизма.

Во время своего посещения Тифлиса, уже по возвращении с фронта, я поздно ночью взобрался на электрическую вагонетку с дровами, чтобы сократить себе путь к месту моего ночлега. Вдруг я заметил, что уже на улице появились продавцы «завтрашних» газет. Я прыгнул на полном ходу на мостовую и с разбегу наткнулся на группу людей, дискутировавших между собой новости, почерпнутые в той же газете. То, что они говорили на идиш, это было понятно само собой. Мне странным показалось не это. Меня поразил голос одной тут же стоявшей девушки. Несомненно, я уже когда-то раньше его раз слышал. Забыв о своем военном гойском наряде, я врвался в группу, подошел к говорящей и сразу ее узнал. Это была Эстерка, журналистка, уроженка Галиции, с которой я столкнулся в Вене на сионистском конгрессе несколько лет тому назад и которая кушала в кафе «Аркаден» мороженое с земелем.

Вначале она меня приняла за «пьяного нехала», но потом недоразумение выяснилось. Я ей напомнил все: ее потерянный ключ, поездку с Бяликом, и она меня опознала. Ее товарищи, не ожидая установления моей личности, разбежались, и она любезно предложила мне проводить ее на самую верхушку одной из гор Тифлиса, и, если я устал, я могу у нее переночевать.

Эстерка была прекрасная девушка, и тогда ей было не больше 23 лет, и хотя я был очень усталым, я не видел причины отказать ей в ее предложении.

Разговор, к несчастью, коснулся политики. С Эстеркой, шляпочницей по профессии и активной коммунисткой, вообще нельзя было говорить ни о чем другом, как только о политике. И тут нашла коса на камень. Все ее чары на меня не действовали: я оставался неискоренимым буржуем, реакционером и шовинистом. Она никак не могла ни понять, ни простить моего сионизма, даже когда мне готовила постель в одной комнате с собой. Она дискутировала со мной, уже полусонная, повторяя заученные из партийного катехизиса догмы.

Так я был наказан за свое политическое упрямство – в сущности, мы могли бы провести этот вечер и иначе. Она заснула, но я нет. Меня не столько мучила ее прекрасная близость, сколько ужасной величины и в весьма обильном количестве набросившиеся на меня клопы. Таких больших клопов я не видел никогда раньше и никогда потом. Я просидел всю ночь на кровати, снова одевшись. Если бы не политика и не клопы, то все было бы иначе и, может быть, я бы в той <или> иной степени разделил судьбу Эстерки.

Впоследствии, во время власти большевиков, она стала руководительницей Тифлисской ЧК: сама допрашивала и сама расстреливала. О ней рассказывали всякие ужасы – об этой еврейской девушке, которая, будучи австрийкой, каким-то непонятным для меня образом была встречена мною после Вены именно в Тифлисе. Покидая Россию и попав в неприятную переделку в том же Тифлисе, я сам чуть не попался в ее лапы, и тут бы ее револьвер подвел итог нашей дискуссии, клопам и тому, что называется жизнь.

Последним местом моей службы в армии был город Энзели, теперь Панлеви – эта персидская Венеция на Каспийском море. Я заведовал офицерской палатой, в которой медленно, но верно умирал от дизентерии офицер. Ни мой полугодовой стаж, ни мои медицинские справочники не могли предотвратить этого трагического финала. Я обратился за помощью к другим врачам того же лазарета, более старшим, чем я, – все в чине полковников, но, увы, каждый из них мне сознавался, что, несмотря на свой врачебный диплом, он по профессии учитель гимназии. Итак, один за другим весь старший медицинский персонал – одна эвакуированная из Польши хевер гаморим¹²². Даже генерал – старший врач госпиталя.

Один раз он срочно вызвал меня к себе и показал мне телеграмму в двадцать пять строчек длины. Там были упомянуты все высшие командующие армии, начиная с имени Алексева – Главковерха¹²³, через всех Духониных¹²⁴, Поповых, Ивановых по нисходящей должностей. По их распоряжению, я должен был немедленно следовать в Петроград, так как определялся в еврейскую часть, командование

которой передавалось Трумпельдору¹²⁵. Последняя подпись начальника мобилизационного отдела еврейского отряда мне объяснила всю эту загадку – там стояло: Кишиневский, имя моего старого приятеля по мюнхенской сионистической корпорации, секретаря Центрального комитета заграничного «Гехавера» в бытность мою его председателем¹²⁶.

Врач-генерал смотрел на меня, совсем как директор гимназии, который неожиданно для самого себя неуспевающему ученику должен вдруг вручить золотую медаль. Для меня эта телеграмма тоже была неожиданностью. Я думал, что он вызывает меня к себе за какой-либо иной проступок по службе. Я самовольно выдал двум еврейским солдатам эвакуационные карточки на «ямим нораим»¹²⁷.

Ночью к моей комнате прокрались две тени, и я, предполагая опасных курдов, уже стал искать свой револьвер. И вдруг шепот: «Мы евреи... Ей-богу, евреи... Смотри на это, мы евреи, такие, как ты. Отпусти в Баку на праздник йом кипур». В доказательство две тени, подойдя ближе, обнажили свои головы. Доказательство было налицо: у обоих была на голове плешь – повальная болезнь именно среди евреев-горцев Кавказа. Эта сцена меня тронула, я им самовольно выдал визу в тыл.

Были еще и другие неприятности. Революция в корне подорвала дисциплину даже в лазаретах – были частые столкновения с симулянтами. Фельдшера ленились мерить температуру, и я один раз несправедливо поступил с тифозным больным, который пролежал в палате три недели без температуры, и поэтому я, по ошибке приняв его за симулянта после его оскорбительной выходки, вынужден был отдать его под военный суд. Комиссия из трех врачей признала его здоровым, но в душе я считал, что он мог быть и жертвой недосмотра со стороны персонала, который проглядел температуру.

Я был уверен, что врач-генерал позвал меня по одному из таких дел. И вдруг: еврейский отряд, Трумпельдор и самое поразительное – Кишиневский. Я вежливо спросил генерала, как он приказывает поступить? «Сдать дела и ехать». – «Когда?» – «Чем скорее...» Я отдал честь и вышел, размышляя о том, какое магическое действие оказывает имя «Главковерх генерал Алексеев».

В телеграмме Алексеева-Кишиневского имя Трумпельдора не было упомянуто. Но я не сомневался почему-то в том, что мне предстоит с ним встреча на месте моего нового назначения. Причина этому должна была быть в том, что еще раньше, за несколько месяцев до этого, я встретил в Тифлисе некоего доктора Турновского, который пытался сформировать подобный же еврейский отряд в кавказской армии, и тогда шла речь о том, что главный штаб этой еврейской части будет находиться под руководством Трумпельдора в столице.

Назначение этой части, как я понимал Турновского, было также – «идти в Палестину». Но его «сионизм» почему-то не внушал мне большого доверия. Его связь с Трумпельдором для меня не была ясна, и только после получения телеграммы в Энзели я понял, что здесь этот план вошел в стадию осуществления, и при этом на основании специального распоряжения Временного правительства под председательством самого Керенского¹²⁸.

В Баку я пробыл не больше недели, оделся потеплее и двинулся на север. Это было не так просто. Поезда брались штурмом бегущими с фронта солдатами. Мне пришлось искать поезд на одном из запасных путей, но вагоны его уже так были переполнены, что не было возможности открыть их двери, так <как> все проходы тоже были заняты. Я влез в поезд через открытое окно, которое оказалось окном в уборную не первой чистоты. Но и это тоже было большим спортивным достижением. Поезд двигался медленно, поездка вместо обычных пяти дней тянулась десять. Причины были уважительные – не всегда была сигнализация в исправности.

Станцию Тихорецкую мы проехали на следующий день после того, как на ее перроне толпой разъяренных солдат были растерзаны в клочья два самых видных и популярных в России члена Государственной Думы, больших либерала и народника. Имя одного из них я помню до сих пор, его звали Караулов¹²⁹. На перроне еще можно было видеть следы их крови.

Учтя это и некоторые другие аналогичные обстоятельства, я постепенно стал изменять свой внешний вид. Из блестящего господина-врача, капитана в темно-коричневом наряде, я превратился в шофера военного транспорта с его обычной кожаной бараньей тужуркой.

В Таганроге, на этой грани между Северным Кавказом и Украиной, произошла задержка. Оказался взорванным железнодорожный мост, и несколько верст пришлось идти пешком. Тут я узнал о большевистском перевороте в Петербурге. Кто-то пустил слух, что Ленин убит, и толпа была этим еще больше разъярена, чем прежде. Этот взорванный белыми мост и этот слух о мнимом убийстве Ленина чуть не стоили мне жизни.

Вдруг кто-то заметил на моей военной фуражке офицерскую кокарду, которую я забыл снять. Кокарда черного цвета в отличие от такой же солдатской красного цвета. Толпа потребовала от меня ее снять и растоптать ногами, что я из-за врожденного упрямства отказался сделать. И, помимо всего прочего, я никогда не считал себя русским и <не> считал себя вправе топтать ногами те символы, которые вызывали в них внутренние несогласия. Еще немного, и меня бы постигла участь Караулова. Меня спас поезд, который в эту минуту двинулся, и все бросились занимать в нем свои места, предоставив меня моей судьбе неисправимого контрреволюционера.

Сейчас же после моего прибытия в Петроград я связался с Кишиневским, который прежде всего повел меня показать «казарму», в которой был расквартирован отряд. Настроение у него было подавленное. А по дороге он успел мне рассказать, что ввиду перемены власти будущее отряда не обеспечено. И чтобы спасти его, ведутся переговоры с правительством о признании его как отряда самообороны на случай антиеврейских беспорядков.

Было ясно, что еврейский отряд, формируемый на основании приказа Керенского, не обязателен для Троцкого, главного военного министра¹³⁰.

Какова будет политика «комиссаров» по отношению к этому, не по их инициативе созданному еврейскому отряду?! Мир с немцами в Бресте не был еще подписан, но в воздухе уже висело: «Если нет мира, то нет и войны. И если нет войны, то при чем тут еврейский отряд?» Могла быть только одна слабая надежда, что «комиссары» согласятся на «экспорт» этого отряда в Палестину. Если им не нужен самим, то почему бы им не избавиться от него, согласившись на его высылку «на родину». Ведь такими же правами уже пользовались чехи, мадьяры, бывшие австрийские военнопленные, которых из далекой Сибири эшелонами переправили на их родину.

То, что отряд предназначен для Палестины, это разумеется само собой, но говорить об этом прямо значило бы подвергнуть его существование опасности. Казарма – большая квартира где-то вблизи Невского проспекта – производила унылое впечатление.

Я попал туда ночью и застал лежавшими на койках не больше двадцати человек. Некоторые еще не спали, обмундирование на них было потрепанное. Помещение было запущенным. Ничего, кроме коек, не напоминало в нем военного учреждения. Нечто вроде этапного пункта с его случайными обитателями – немывтыми и с растрепанными волосами, без караульного, без дежурного, без доклада и без воинского приветствия. Не казарма, а сборный пункт «самообороны», как этого требовали условия «дипломатии», на которые мне намекал Кишиневский.

Но чувство врача, входящего в квартиру и уже в дверях сознающего, что речь идет о безнадежном случае, было тем чувством, которое охватило меня во время этого посещения. Казарма была как весь Петроград того времени – напуганный, голодный, грязный, опустившийся и, несмотря на свое многолюдье, безлюдный.

На следующий день я встретился с его <отряда> начальником Трумпельдором. Это была моя первая встреча с этим уже тогда легендарным человеком. Он уже был после Галлиполи¹³¹, о котором я, хотя и находился в его близи, под Эрзерумом и у Багдада, во время войны имел только смутные представления, благодаря именно этим же обстоятельствам военного времени.

Встретились мы на специальном совещании, посвященном участи отряда, в одной из боковых комнат Центрального Комитета сионистской организации, которая еще не подверглась никаким гонениям и, несмотря на всю разруху, даже дальше продолжала издавать свой еженедельник «Рассвет»¹³².

Есть люди, которые, хотя этого или нет, занимают всегда половину комнаты, предоставляя вторую половину всем остальным. Трумпельдор принадлежал к этой породе людей, нарушающих все правила этой своеобразной геометрии. Скульпторы и художники, изображающие их портреты, должны себя чувствовать очень несчастными, так как в их распоряжении нет ничего, что можно прибавить от себя, разве – и это одно – что им остается только «убавить».

На редкость энергичное, умное, уверенное в себе лицо солдата, и при этом мягкие, наивные, почти детские глаза, и эта одна его рука, которая больше многих двух и даже дюжины других рук. Говорят уста и плечи, говорят могучие плечи, а уста только им аккомпанируют. Но это общее впечатление «вожака» ничего не могло изменить: положение отряда было запутанное и почти безвыходное. Его не признавали «комиссары» ни де-юре, ни де-факто. Его касса была пуста, так как ему отказывали в ассигнованиях, а касса в военном учреждении – это еще больше, чем в учреждении гражданском. О его контрреволюционности еще пока не было официально объявлено только потому, что до него еще не дошла очередь.

Выхода не было. Вместо выхода – медленная, но верная агония. И, может быть, потому все наши разговоры в маленькой боковой комнате ЦК вертелись вокруг не конкретных, а все еще пока абстрактных вещей.

Один из них, и самый главный, был вопрос о сущности халуцианского движения¹³³. И тут я должен сознаться: я не во всем был согласен с Трумпельдором, и об этих разногласиях не жалею и по сей день. Так как именно этот вопрос исказил впоследствии всю сущность сионистской организации как «государства в пути», эти разногласия 1917 г. врезались мне хорошо в память.

Позиция Трумпельдора была: военные части базируются на особой халуцианской идеологии. Они тесно связаны с захватами позиции труда в Палестине, и поэтому они не могут находиться под опекой и под руководством сионистской организации. Хозяином всего этого дела может быть только то халуцианское движение, которое его питает своими идеологическими соками. Моя позиция была обратной: халуцианское движение есть только атрибут общей сионистской деятельности, ответственность за военные части, полную ответственность как политическую, так и хозяйственную, должна нести на себе сионистская организация в целом, иначе «Гехалуц» пре-

вернется в государство, и при этом это второе государство менее совершенное и правомочное, чем первое.

Несмотря на эти военные разногласия, мы оставались друзьями. И потом внезапно наши встречи прекратились. Произошло то, что должно было произойти. Отряд был распущен НКВД¹³⁴. Трумпельдор и Кишиневский отбыли в неизвестном направлении. Как я потом узнал, первый из них через Финляндию стал пробираться в Палестину. Кишиневский затаил злобу против большевиков за роспуск отряда и, будучи юнкером, вступил в Белую армию. Я же был предоставлен самому себе, и благоразумие требовало от меня пока только – поскорее уничтожить находящийся в моем бумажнике этот драгоценный «исторический документ»: «Доктор Яков Вейншал, старший ординатор полевого госпиталя № (такой-то), по приказу главковерха генерала Алексева...»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая страница отсутствует. Воспоминания начинаются с описания отца мемуариста, к которому он будет возвращаться неоднократно.

Отец Якова Вейншала Владимир (Зев Бен-Цион) Вейншал (1863, Гродно – 1943, Хайфа) получил традиционное еврейское воспитание и общее образование. В 1883 окончил гимназию в Минске, где был тесно связан с «билуцями», в частности с И.Белкиндоом, одним из основателей БИЛУ (группа еврейской молодежи из России, возникшая в 1882, после погрома 1881 года, и призывавшая к переселению в Эрец-Исраэль; название образовано от первых букв библейского стиха: «Бейт Я'аков лху ве-нелха» (*ивр.*) (Ис.2:5: «Дом Иакова! Вставайте и пойдём»); см. о БИЛУ далее и примеч. 31). В том же 1883 поступил на естественный факультет Петербургского университета, затем учился в Военно-медицинской академии и 19 ноября 1888 получил звание врача (в 1889 защитил там же диссертацию на звание доктора медицины). В 1889–1890 работал как врач-ординатор в одной из петербургских больниц. В 1890 приехал в Тифлис (см. вступит. статью). В 1892, во время холерной эпидемии, был командирован в Баку в качестве бактериолога. Работал в Кубинском уезде; затем уездным врачом Шемахинского уезда и заведующим медицинским пунктом в Кюрдамире; состоял инспектором-врачом Закавказской железной дороги. В 1895 стал окружным врачом Бакинского уезда, в 1902 переведен в Баку и с 1906 назначен врачом Бакинского реального училища и заведующим его лазаретом. В годы Первой мировой войны – полковник, служил в военных госпиталях. Являлся многолетним секретарем Бакинского общества врачей и редактором научных трудов этого общества. Возглавлял в Баку «Комиссию для вспомоществования евреям-учащимся бакинских средне-учебных заведений» и Комитет народной еврейской библиотеки в Баку. После революции – член городского совета Баку от еврейского населения города и зам. председателя

Сионистского комитета Кавказа. В 1917–1920 – редактор бакинской сионистской газеты «Кавказско-еврейский вестник». Будучи убежденным сионистом, являлся участником нескольких Всемирных сионистских конгрессов: 8-го (1907, Гаага), 10-го (1911, Базель), 11-го (1913, Вена). Добрые отношения связывали его со многими деятелями еврейской культуры, например с С.Фругом, который 17 ноября 1889 обратился к нему со стихотворным посвящением (хранится в архиве В.Вейншала в Институте В.Жаботинского; приведено в кн.: *Давид И. История евреев на Кавказе. С.426*). В 1922 приехал в Палестину и поселился в Хайфе. В 1923–1924 работал как санитарный врач в Реховоте, в 1924–1926 – в Тель-Авиве, затем вновь в Хайфе. Являлся членом медицинской комиссии Гистадрута (профсоюза) медиков и в 1928 возглавил его хайфское отделение. Печатал много статей по вопросам здравоохранения. Подготовил к печати книгу воспоминаний о сионистской деятельности на Кавказе, но из-за начавшейся Второй мировой войны не завершил ее и не издал. Полную биографию В.Вейншала см. в журнале: *Ha-Reva. 1933. Vol.7. P.295-296*.

² Авраам (Абрам) Вейншал (1893, Кюрдамир – 1968, Хайфа) – адвокат, доктор юриспруденции, общественный деятель (член Кнессета первого созыва), один из лидеров партии сионистов-ревизионистов. Учился в университетах Германии и Швейцарии (1911–1916). В 1913–1914 вместе с Яковом являлся членом ЦК студенческой сионистской организации «Гехавер». В 1916 редактировал в Цюрихе сионистский журнал «Das Erwachen». Был членом основанного в Баку летом 1919 Палестинского индустриального товарищества «Синай», задачей которого являлось развитие в Палестине виноделия, лимонадного производства, консервирования, шоколадно-конфетной промышленности и мыловарения (в сообщении об этом товариществе говорилось, что оно «намерено в ближайшем будущем приступить к реализации своих задач и уже избрало делегацию в составе Л.Мюллера, Ш.Кагана и А.Вейншала для посылки в Палестину. Члены делегации, из которых первые двое являются пионерами палестинской колонизации и знатоками страны, предполагают выехать в начале января» (см.: Палестина: Орган Районной Палестинской Комиссии Сионистской Организации на Кавказе (Баку). 1919. №1. С.7).

В 1920 вместе с женой, поэтессой и актрисой Зиной Вейншал (1900, Бобруйск – 1990, Хайфа), приехал в Эрец-Исраэль. В 1921 в числе 15 адвокатов-евреев получил от мандатных властей разрешение на юридическую деятельность, которой занимался до конца жизни. Будучи специалистом в области земельной купли-продажи, внес неоценимый вклад в приобретении земель для еврейского ишува (ишув – поселение; еврейская община в Эрец-Исраэль до создания там государства). Один из создателей хайфской газеты «Ha-Tsafon». В 1951–1959 возглавлял Израильскую ассоциацию адвокатов.

³ Маштаги – селение, располагавшееся в те времена неподалеку от Баку, в настоящее время входит в состав города. Татарами Я.Вейншал называет азербайджанцев.

⁴ Теодор Герцль (1860–1905) – крупнейший еврейский политик, основатель политического сионизма, провозвестник создания государства Израиль.

⁵ Шахсей-Вахсей (искажение от персидского восклицания «Шах Хусейн, вах Хусейн!»), или «Ашура» (от *араб.* «десятое»), – день траура у мусуль-

ман-шиитов, приходящийся на 10-е число месяца мухаррем (или мухаррам – от *араб.* «священный, заповедный»), первого месяца мусульманского лунного календаря. Траур сопровождается шествиями с самоистязанием плоти в память великомученика Хусейна, внука Мухаммеда, сына халифа Али ибн Абу Талиба. Ср. в рассказе «Боги» уроженца Баку писателя Л.М.Вайсенберга, описывающего по детским впечатлениям шествие Шахсей-Вахсей: «Но больше всего меня поражал праздник-траур “шахсей-вахсей” в честь имама Хуссейна, павшего за веру вместе с семьюдесятью своими приверженцами. В этот день людные процессии бродили по городу, разыгрывая мистерии из жизни святого Хуссейна. Участники, в черных длинных рубашках с овальными вырезами на лопатках, непрерывно и мерно ударяли по ним особыми металлическими кистями, превращая лопатки в две кровоточащие раны» (*Вайсенберг Л.* Рассказы разных лет. Л.: Лениздат, 1959. С.6).

⁶ Кади – народный судья, решающий разнообразные тяжбы на основе мусульманского права.

⁷ Описка мемуариста: Давид Львович (Арьевич) Ландау – родной брат его матери, отец выдающегося физика, лауреата Нобелевской премии (1962) Льва Давидовича Ландау (1908, Баку – 1968, Москва). Фотографию Давида Ландау с женой Любовью Вениаминовной (урожд. Гаркави), дочерью Соней и сыном Львом см. в книгах: *Бессараб М.* Ландау: Страницы жизни. М.: Московский рабочий, 1971 (вклейка между с.32-33); Воспоминания о Л.Д.Ландау. М.: Наука, 1988. С.9; *Ландау-Дробанцева Н.* Академик Ландау: Как мы жили: Воспоминания. М.: Захаров-Аст, 1999 (вклейка между с.192-193). После автокатастрофы, в которую попал Л.Ландау, когда жизни его угрожала смертельная опасность и весть об этом облетела весь мир, Вейншал откликнулся воспоминаниями о своем кузене, напечатанными в газете «Yedi'ot Aharonot» (1962. 19 января, №9107(субботнее прилож.)); здесь же опубликован редкий фотоснимок (видимо, из семейного альбома Вейншала) маленького Левы Ландау с сестрой. Всемирная научная слава Ландау не могла, естественно, оставить Вейншала равнодушным, и он с интересом следил за ним с «чужого берега»: в его архиве хранятся вырезки статей и фотографий из разноязычных газет и журналов, писавших о знаменитом физике XX века.

⁸ Дед мемуариста Шауль (Савелий) Вейншал был секретарем издававшегося в Петербурге еврейского журнала на русском языке «Восход» (редактор-издатель А.Е.Ландау). После переезда в Тифлис он стал здесь казненным раввином. Автор «Краткого учебного руководителя по еврейскому языку» (Варшава, 1877), вышедшего под именем Авраам-Шмуэль Вейншал.

⁹ Халука (*иврит*) – буквально: разделение; имеются в виду евреи, вернувшиеся на свою родину.

¹⁰ См. в этой связи рассказ Я.Вейншала «Ерихонская роза» (Вестник Израиля. 1959. №1. С.22-25). О возможном влиянии на этот рассказ «Розы Иерихона» (1924) И.Бунина см.: *Кнут Д.* Собр. соч. Т.2. С.343-344.

¹¹ Давид Ландау работал инженером в химической лаборатории на одном из принадлежавших Ротшильдам бакинских нефтяных заводов, который в 1912, в числе прочих предприятий, был продан англо-голландской нефтяной фирме «Royal Dutch Shell С^о» (см. об этом в кн.: Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914. М.; Л., 1961.

С.729). Название этой знаменитой фирмы попало и в произведения советской литературы, см., например, роман К.Федина «Похищение Европы» (1933–1935).

¹² Артур Кестлер (1905, Будапешт – 1983, Лондон; вместе с женой покончил жизнь самоубийством) – английский писатель еврейского происхождения. Первые литературные опыты написаны по-венгерски, после переезда в 1922 в Германию перешел на немецкий, с 1939 стал писать по-английски. Впервые приехал в Эрец-Исраэль в 1926, жил и работал в kibbutz Бет-Альфа, был палестинским корреспондентом нескольких немецких газет. В 1929 вернулся в Европу. В 1931 вступил в коммунистическую партию, принимал активное участие в деятельности Коминтерна (впоследствии, в 1938, испытав острое разочарование в коммунизме, вышел из нее) и в течение года (1932–1933) жил в Советском Союзе (среди многих языков, на которых говорил Кестлер, был и русский), в частности в Харькове, где и познакомился с Л.Ландау. В 1936 в качестве военного корреспондента английской газеты «News Chronicle» отправился в Испанию и сражался в рядах Интербригады. Попал в плен и был приговорен к смертной казни, затем обменян на Жозефину Гальвеци да Хайа, жену военного летчика, занимавшего крупный пост у Франко. Воевал с нацистами сначала в рядах французской армии, а после ее разгрома – в британской. В творчестве Кестлера наша место еврейская, и в частности палестинская, тематика. Из работ на русском языке о Кестлере см.: Улановская М. Свобода и догма: Жизнь и творчество Артура Кестлера. Иерусалим, 1996.

Летом 1932, как было сказано, Кестлер приехал в СССР и поселился в Харькове у своих друзей Алекса и Евы Вайсбергов (трагическую судьбу Евы писатель впоследствии изобразит в самом известном своем романе «Dark at Noon» («Слепящая тьма»)). А.Вайсберг – физик, член австрийской коммунистической партии, работал в том же Украинском физико-техническом институте (УФТИ), что и Л.Ландау, в 1932 приехал в Харьков и возглавил в УФТИ теоретический отдел (одновременно был заведующим кафедрой теоретической физики на физико-механическом факультете Харьковского механико-машиностроительного института). Кестлер, который, по-видимому, познакомился с Ландау через А.Вайсберга, пишет в своих воспоминаниях: «Профессор Ландау, выдающийся русский физик, в течение получаса убеждал меня в том, что чтение кого-либо из домарксистских философов – пустая трата времени». – *Koestler A. The Invisible Writing*. New York: Macmillan Publishing Co, 1954. P.79. (Пер. с англ. публикатора).

По другую сторону «железной завесы» Кестлер был дружен с братьями Вейншалами – Яковом (см. их совместную фотографию в израильской ревизионистской газете: *Kherut*. 1962. 16 ноября) и Абрамом (см.: *Hamilton I. Koestler: A Biography*. London: Secker & Warburg, 1982. P.10).

¹³ Дед мемуариста со стороны матери, в чьем роду был крупнейший талмудический авторитет Иехезкель бен Иехуда Ландау (1713, Опатув (Польша) – 1793, Прага) – духовный руководитель еврейской общины в Богемии. Дед Арье умер еще в Баку, а его жена Фейга (Ципора), бабушка Вейншала, приехала в 1922 в Палестину, жила в Хайфе, где и умерла в 1936.

¹⁴ Пасхальный седер (трапеза, которой евреи отмечают исход из Египта) имеет определенный ритуал (чтение Агады). Вейншал упоминает некото-

рые элементы этого ритуала. Обычно самый юный участник седера спрашивает: «Ма ништана?» – дословно: «Что изменилось?» («Чем эта ночь отличается от других ночей?»).

¹⁵ Семен (Шим'он) Маркович Дубнов (1860, Мстиславль Могилевской губ. – 1941, Рига) – еврейский историк, публицист, общественный деятель. Придерживался асионистских взглядов на национальную судьбу еврейства; сторонник автономизма, кардинальной идеей которого является признание возможности существования евреев в диаспоре как особых национально-культурных образований.

¹⁶ Голус (*ивр.*) – диаспора.

¹⁷ Афикоман – название части мацы. В начале седера под салфетку кладется три листа мацы, половина средней мацы (она-то и называется афикоманом) отламывается и прячется; по ритуалу, дети находят ее и перепрятывают, требуя за обнаружение выкуп; пасхальная трапеза завершается тем, что афикоман раздается всем.

¹⁸ Катр – одна из первых еврейских колоний в Палестине в районе нынешнего города Реховота, ср. в кн.: Ш.Л. <Штернберг Л.Я.>. По Палестине: Письма с дороги. <Одесса, 1910>. С.40: «В Катре всего 23 семейства, земли 5200 дунамов, на которых сеют хлеб, миндаль, отчасти виноград, апельсины. Живут недурно».

¹⁹ Андрей Януарьевич Вышинский (1883, Одесса – 1954, Нью-Йорк) – советский юрист и дипломат. В 1933–1939 заместитель генерального прокурора и генеральный прокурор СССР. С 1940 по 1953 работал в МИДе. В статье «*Avi hitsil' at ahi Vyshinski mi-thilia*» / «Мой отец спас брата Вышинского от смертной казни» (*Yidi'ot Aharonot*. 1954. 26 ноября (субботнее приложение.)) Вейншал раскрывает подоплеку этого «сердечного привета». Семьи Вейншалов и Вышинских были близко знакомы по Баку. Когда брат А.Вышинского Николай выстрелом из пистолета убил девушку-армянку, В.Вейншал, отец мемуариста, выступил как врач свидетелем на суде на стороне защиты. Он отстаивал версию случайного выстрела, на которую якобы указывали траектория пули и характер поражения. Благодаря этому обвиняемый отделался символическим наказанием.

²⁰ По всей видимости, имеется в виду один из крупнейших израильских археологов Игаэл Ядин (1917, Иерусалим – 1984, Михморет). Неgev – пустыня на Ближнем Востоке.

²¹ Речь идет об Илье Шербетовиче (Шеребетович, Шарбатович) Анисимове (наст. фам. Нисим-оглы; 1862, с. Тарки Дагестанской обл. – ?) – нефтяной инженер, этнограф. Гимназию окончил в Ставрополе. С 1884 учился в Императорском Московском техническом училище, после окончания которого вернулся на Кавказ и работал инженером в принадлежавшем Ротшильдам Каспийско-Черноморском обществе (жил в Балаханах неподалеку от Баку). Учась в Москве, занялся под руководством профессора Московского университета В.Ф.Миллера изучением этнографии горских евреев. В 1886 по поручению Московского археологического общества ездил на Кавказ, собирал сведения о горских евреях, результатом чего вылилось его этнографо-статистическое исследование «Кавказские евреи-горцы» (см.: Сборник материалов по этнографии. Вып.3. М.: Изд. при Дашковском этнографическом музее,

1888. С.172-332), критическую реакцию на эту работу см.: *К-м-а А. Еврей-горцы («Кавказские еврей-горцы» Ильи Анисимова) // Восход. 1889. Январь-февраль. С.92-110; Март. С.49-64. Об И.Анисимове см.: Еврейская Энциклопедия / Под общ. ред. Л.Каценельсона и Д.Г.Гинзбурга. Т.2. СПб. <б/г>. Стлб.582-584; Российская Еврейская Энциклопедия. Т.1. М.: Эпос, 1994. С.52.*

²² «Дашнакцутюн» – национальная армянская социал-революционная партия. Образована в 1890, добивалась самостоятельности объединенной Армении, см. о ней, например: *Siny R.G. The Baku Commune. 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1972 (по индексу).*

²³ Людвиг Лазарь Заменгоф (Заменхоф; 1859, Белосток – 1917, Варшава) – врач-окулист и ученый-лингвист, создатель международного искусственного языка эсперанто.

²⁴ Прадедом мемуариста был живший в Вильне писатель и математик Авраам бен Симха Каценеленбоген (1793–1873), которому принадлежат исследования паровой машины; он также открыл минеральные воды в литовском городе Друскининкае (до 1917 Друскеники), где благодаря этому до настоящего времени существует знаменитый грязевый курорт.

²⁵ Имеется в виду Шауль бен Иехуда Валь (ок. 1541, Падуя – ок. 1617, Брест-Литовск) – купец и общинный руководитель брест-литовских евреев. Учился в Италии, где получил светское образование, впоследствии переехал в Польшу, совершенствуясь там в талмудической науке. Будучи близок к польскому королю, добился многих льгот для брест-литовской еврейской общины. Фигура Валя сделалась легендарной, существует даже предание о том, что во время междуцарствия в 1587 он был один день королем на польском престоле.

²⁶ Ицхок-Элиягу Шмулевич Ландау (1801, Вильна – 1876, Вильна) – равин, член религиозного суда в Вильне. Автор многих книг, включая комментарии к комментариям выдающегося еврейского философа Маймонида (Моше бен Маймона (Рамбама); 1135 или 1138, Кордова – 1204, Фостат (Старый Каир)).

²⁷ Речь идет о 8-м сионистском конгрессе, состоявшемся в Гааге в 1907.

²⁸ Трилогия Ф.Шиллера «Валленштейн» (1800): «Лагерь Валленштейна», «Пикколомини», «Смерть Валленштейна». Неточность мемуариста: полководец, герой Тридцатилетней войны герцог Валленштейн, командовавший войсками австрийского императора, не был принцем.

²⁹ Кашрут (*ивр.*) – законы о разрешенной пище.

³⁰ Машиах (*ивр.*) – Мессия.

³¹ Исраэль Белкинд (1861, Логойск (Белоруссия) – 1929, Берлин) – один из основателей БИЛУ (см. примеч. 1). В 1882 вместе с другими членами этой группы прибыл в Палестину. Преподавал в иерусалимской школе Альянса. Автор работ по географии Палестины.

³² Гатиква (*ивр.*) – надежда. Патриотическая песня (музыка народная) на слова Н.Х.Имбера (1856–1909, ставшая гимном сионистского движения еще в конце XIX в. С 1948 – национальная песня Израила, выполняющая функции государственного гимна.

³³ Ханука – праздник в ознаменование победы Маккавеев над греками-язычниками.

³⁴ Хасмонеи – коллективное имя (наряду с именем Маккавеи) лидеров восстания, начавшегося в 167 до н. э. против Селевкидской Сирии.

³⁵ В 1903 британское правительство предложило Всемирной сионистской организации создать еврейское поселение на территории одной из своих колоний в Восточной Африке (часть территории современной Кении). «План Уганды» острейшим образом дебатировался на 6-м сионистском конгрессе в Базеле (1903); 7-й конгресс (Базель, 1905) полностью отверг его (об этом конгрессе см.: *Яффе Л.* VII конгресс сионистов в Базеле, 14–19 июля (27 июля – 2 августа) 1905 г.: Отчет. Одесса: Книгоизд-во «Кадима», 1906).

³⁶ Шекелевый сбор составлял часть Еврейского национального фонда, используемого главным образом на приобретение земель и обустройство в Палестине. В качестве кружек использовались бело-голубые копилки, которые распространялись среди евреев всего мира. Кроме того, шекель выступал как форма голосования при выборе кандидатов на сионистские конгрессы: определенная группа шекеледателей имела оговоренное количество мест представительства – до 6-го конгресса (1903) 1 делегат на 100 человек, после него – на 200 человек.

³⁷ Афела (*ивр.*) – темнота.

³⁸ Имеется в виду рассказ о крестившемся еврее «Человек без предрассудков», подписанный В.Н.Ш-ль (Восход. 1889. №7). Следует исправить странную ошибку авторитетного израильского ученого Иехуды Слуцкого, приписавшего этот рассказ не Вейншалу-отцу, а самому мемуаристу (*Slutsky Y.* Na-itonut ha-yehudit-rusit ba-mea ha-tscha-esre. Jerusalem, 1970. С.176).

³⁹ Кафе в Тель-Авиве на улице Дизенгоф, которое в 1930–1950-е служило местом общения тель-авивской творческой интеллигенции.

⁴⁰ Бар-мицва – религиозное совершеннолетие мальчика, достигаемое им в 13 лет. В воспоминаниях о своем брате Абраме Яков Вейншал, который во время поездки в Палестину давно перешагнул 13-летний возраст, называет ее «bar-mitsva tsioni» (сионистской бар-мицвой) (*Weinshal Y.* Akhi Avraham // *Weinshal Avraham.* Leket ktavim le-zikhro. Jerusalem, 1977. P.161(иврит)).

⁴¹ Здесь: разрешение.

⁴² Константинопольский «еврейский ресторан Рубина» упоминается также в книге Л.Штернберга, совершившего путешествие в Палестину весной 1908. См.: *Штернберг Л.* По Палестине: Письма с дороги. С.7.

⁴³ Йосеф Шпринцак (1885, Москва – 1959, Иерусалим) – лидер сионистского рабочего движения в Эрец-Исраэль. Первый председатель Кнессета Израиля.

⁴⁴ Между 1896 и 1902 Теодор Герцль посетил Ближний Восток пять раз. Его поездки были в основном связаны с переговорами с турецким султаном Абдул-Хамидом II относительно палестинской проблемы – увеличения и легализации еврейской алии (репатриации) в Палестину. Эти переговоры ни к чему не привели. Т.Герцль останавливался в первоклассном константинопольском отеле «Pera Palas» на берегу бухты Золотой Рог.

⁴⁵ Виктор (Авигдор) Исаакович Якобсон (1869, Симферополь – 1934, Берн) – журналист, сионистский политический и общественный деятель, доктор химии (диссертацию по химии защитил в Бернском университете). В студенческие годы был активистом движения «Ховевей Цион» и входил в научное Русско-еврейское общество за границей (Берлин), бывшее тогда центром сионистской жизни в Германии. В 1906 назначен управляющим бейрутского отделения сионистского Англо-Палестинского банка, с 1908 – управляющий этим же банком в Стамбуле, позднее выполнял ту же миссию в Салониках (по существу, был в эти годы представителем международной сионистской организации на Ближнем Востоке, поэтому Вейншал и называет его «амбассадором»). В 1910-е – корреспондент либеральной газеты «Русские ведомости». После Первой мировой войны представлял сионистские интересы в разных странах Европы: Дании, Англии, Франции, состоял в правлении «Jüdischer Verlag» (Германия); представитель международного сионистского движения в Лиге Наций.

⁴⁶ «Капеница» – отель в Яффе, официальное название которого было «Palestine Hotel» и который все называли по имени его владельца «Отель Каменца». Располагался на улице Бустрос, неподалеку от железнодорожной станции (см.: Guide to Palestine and Egypt. 2nd ed. London: Macmillan and Co, 1903. P.18 или: Guide to Palestine and Syria. 3rd ed. London: Macmillan and Co, 1905. P.16). Содержал отель Бецалель Аврахам Каменец (1867, Иерусалим – 1915, Яффа).

Следует сказать, что и отец, и дед Б.А.Каменца вошли в историю еврейского ишува как основатели и содержатели гостиниц. Рабби Менахем Мендель, приехавший в Палестину в 1833, открыл в 1840-е Гостинный дом в Старом городе. Именно в нем в первое время жил, к примеру, создатель современного иврита Элиэзер бен-Иехуда (1858, Лужки (Литва) – 1922, Иерусалим), когда в 1881 прибыл в Палестину (в 1839 в Вильно вышла книга р. Менахема Менделя «Korot ha-itim» («Биография времен»), служившая долгое время источником по изучению Иерусалима XIX в.; современное ее переиздание осуществлено в 1975). В 1883 почину отца последовал Элиэзер Каменец, державший «Отель Каменца» в Иерусалиме на улице Яффа, 70, просуществовавший до начала Первой мировой войны (в нем какое-то время жили И.А.Бунин и В.Н.Муромцева в пору их посещения Святой Земли весной 1907).

⁴⁷ Штернисты – члены организации ЛЕХИ (по имени ее руководителя А.Штерна). Вейншал написал роман о нем (см. вступит. статью).

⁴⁸ Михаил Гальперин (1860, Вильно – 1919, Цфат) – сионист-социалист, один из пионеров поселения в Эрец-Исраэль. Получил традиционное еврейское воспитание. С юности проникся симпатией к социалистическим идеям. Впервые приехал в Палестину в 1885 и пожертвовал значительное состояние, унаследованное от отца, на приобретение земель для поселений Исод ха-Ма'ала и Нес-Циона. Стал заметной фигурой в борьбе рабочих-халуцим (евреев-пионеров, заселявших Палестину), с одной стороны, против турецких властей, с другой – против администрации барона Ротшильда. Это привело к тому, что через несколько лет он был вынужден покинуть страну. В 1898 вернулся сюда и вновь несколько раз уезжал и возвращался. Принимал участие в нескольких сионистских конгрессах и занимался пропагандой в

диаспоре идей возвращения евреев на прародину. На этих конгрессах он неизменно появлялся в красной рубашке, демонстрируя тем самым приверженность пролетарскому сионизму. На 6-м конгрессе выступил против «плана Уганды» (см. примеч. 35). В 1906 поклялся в одесской синагоге более никогда не покидать Палестину, чего бы это ни стоило, и выполнил свою клятву. По приезде был ночным сторожем в Яффе, затем, после основания в 1909 Тель-Авива, сторожем гимназии «Герцлия». Отличался яркими ораторскими способностями, производя своими речами сильное впечатление на аудиторию. Писал пьесы и стихи на идиш (не сохранились). Умер в бедности в цфатской больнице. В его честь назван мошав (кооператив мелких хозяев в Израиле) Гив'ат Михаэль неподалеку от Нес-Циона и улица в Тель-Авиве. Вейншал был дружен с сыном М.Гальперина Ирмияху (1901, Смоленск – 1962, Тель-Авив) и написал о нем роман «Игта» (см. вступит. статью).

⁴⁹ Гимназия «Герцлия» основана в 1906 в Яффе. В 1909 переведена в Тель-Авив.

⁵⁰ Меир Дизенгоф (1861, Акимовичи (неподалеку от г. Оргеева, Бессарабия) – 1936, Тель-Авив) – первый мэр Тель-Авива. Воспользуемся случаем, чтобы привести хранящуюся в архиве Вейншала запись, сделанную им в 1936 в связи с реакцией арабов Яффы на смерть М.Дизенгофа: «Пляска арабов на улицах Яффы. Их дикие крики: “Он идет в ад!” Когда он умирал, они водили по улицам слепого верблюда (осла) и, одев на него шляпу, кричали: “поклонитесь все Дизенгофу”, плевали на животное, щипали его, тыкали гвоздями, мальчишки сыпали на него шишки и сыпали песок...»

⁵¹ Итамар Бен-Ави (1882, Иерусалим – 1943, Ист-Орэндж (США); в 1947 прах перенесен в Иерусалим) – еврейский журналист, сын Э.Бен-Иехуды, возродившего древний иврит. См. о нем: *Омер Д.* Первенец дома Бен-Иехуды, Иерусалим: Изд-во «Библиотека-Алия», 1990.

⁵² Газета «Ха-Цви» (сначала, с 1884 по 1908, выходила как еженедельник, с 1908 до 1915 – как ежедневная газета; с 1910 называлась «Ха-Ор»). Основателем и редактором газеты был Э.Бен-Иехуда, активно сотрудничал в ней и его сын, Итамар Бен-Ави.

⁵³ Бен Цион Гутман (псевд. С.*Бен-Цион; наст. имя Симха Алтер-Гутман; 1870, Теленешты (Бессарабия) – 1932, Тель-Авив) – еврейский писатель. В Палестине с 1905, куда он переселился из Одессы.

⁵⁴ Цина Хая Дизенгоф (1872, Житомир – 1928, Тель-Авив) – жена Меира Дизенгофа (см. примеч. 50). Получила разностороннее образование, училась в России и во Франции. В молодости примыкала к кругам, в которых проповедовались социалистические идеи. Встретилась с М.Дизенгофом в Житомире, где он проходил воинскую службу, и впоследствии, в 1893, вышла за него замуж в Египте (М.Дизенгоф, приехав в Палестину, работал в качестве инженера на строительстве завода по изготовлению стекла и в связи с этим много времени проводил в Египте). После того как строительство завода застопорилось, оба вернулись в Одессу. В 1905 вновь отправились в Палестину и поселились здесь навсегда. Первое время Ц.Х.Дизенгоф преподавала французский язык в школе для девочек. В годы основания (1909) строительства Тель-Авива вела большую общественную работу. В ее честь названа площадь в центре Тель-Авива. Отличалась необыкновенной красо-

той, вкусом и европейскими манерами, сохранившимися в памяти современников; см., например, свидетельство художника Н.Гутмана: «Госпожа Дизенгоф была самой красивой женщиной, которую мне до сих пор доводилось видеть: модно одетая, лицо прикрыто прозрачной вуалью» (*Гутман Н., Бен-Эзер Э. Меж песками и небесной синью. Иерусалим: Изд-во «Библиотека-Алия», 1990. С.23 (Молодежная серия).*)

⁵⁵ Если в 1909 Вейншалу было 16 лет, значит, он никак не мог родиться в 1891 (см. вступит. статью).

⁵⁶ Арабское приветствие, в котором в ответ на приветствие типа «Доброе утро» прибавляется не один, а два эпитета: «Утро доброе и благословенное».

⁵⁷ Сарефенд – город в тогдашней Палестине и современном Израиле, в русской транслитерации чаще: Црифин.

⁵⁸ Правильнее: Вади-эль-Ханин – еврейская колония, основанная в 1882 членом одесской организации «Ховевей Цион» (дословно: «любящие Сион») Реувеном Лерером (через год он же создаст рядом с ней ферму-имение под названием Нахалат-Реувен). В конце XIX в. общая площадь колонии составляла 1.500 дунам (1 дунам = 1000 кв. м), и в ней проживало 25 семей, которые занимались в основном выращиванием апельсинов, лимонов и винограда (сведения приводятся по кн.: *Palästina und die Jüdischen colonien: Photographier und beschrieben von I.Raffalovich & M.E.Sachs. Jerusalem, 1899. S.26*). Со временем Вади-эль-Ханин слилась с поселением (ныне городом) Нес-Циона.

⁵⁹ Кастинья – еврейское поселение, возникшее на землях, приобретенных в 1887 бароном Э.Ротшильдом, современное название – Беер Тувия.

⁶⁰ Горен (*ивр.*) – гумно.

⁶¹ Имеется в виду отель Амдурского (официальное название: отель «Центральный»). Рабби Йосеф Амдурский (Могилевер; ?, Амдур Могилевской губ. – 1895, Иерусалим) приехал в Палестину в 1840-е и в начале 1890-х открыл в Иерусалиме (у Яффских ворот, напротив Башни Давида) Гостевой дом для еврейских паломников. В нем предоставляли ночлег и кормили бесплатными обедами. После смерти р. Й.Амдурского дело отца продолжил его сын, Ирахимизль Амдурский, который в 1903 переоборудовал здание под отель «Центральный», просуществовавший на этом месте до 1927 (именно его описал И.Бунин в рассказе «Весна в Иудее»). В 1927 отель переместился на улицу Юлиана (ныне улица Давид ха-Мелех), где находился до 1930, и затем вновь переехал в другое здание – на углу улиц Бен-Иехуды и Мордехая бен-Гилеля, которое пострадало в 1948 результате взрыва, – это положило конец почти полувековой истории «отеля Амдурского» (сведения приведены по кн.: *Zakhariia Sh. Batei malon ve-malon'im vatikim be-Ierushalaim. Jerusalem, 1985. P.8-9*).

⁶² Сэр Мозес (Моше) Монтефиори (1784, Ливорно (Италия) – 1885, Рамсгит (Англия)) – британский финансист и общественный деятель. Многократно посещал Иерусалим и жертвовал солидные средства на улучшение жизни в нем еврейской общины. Так, на его деньги был построено первое жилое здание за пределами Старого города – Мишкенот-Шаананим (1860) и началось строительство примыкающего к нему квартала Иемин-Моше.

⁶³ Шмуэль Салант (1816, Белосток – 1909, Иерусалим) – талмудист и общественный деятель Эрец-Исраэль. Приехал в Палестину в 1840. По дороге задержался в Стамбуле и познакомился там с М.Монтефиори, с тех пор между ними завязалась дружба. В Палестине за короткое время стал одной из самых заметных фигур и долгие годы был раввином ашкеназской общины.

⁶⁴ Эвен-ха-Шатиах, или эвен-штия – «камень основы», «краеугольный камень мира». Скала в центре Храмовой горы (горы Мория), на которой, по еврейскому поверью, совершилось жертвоприношение Ицхака и над которой был построен Храм. По мусульманскому поверью, пророк Мухаммад вознесся на небо, оттолкнувшись от этой скалы, поэтому эвен-штия является также исламской святыней. Над этим камнем халиф Абд ал-Малик построил мечеть Kubbat as-Sahra («Купол над скалой»; завершена в 691 г.), именуемую мечетью Омара.

⁶⁵ Строения во дворе Храма, в которых, как считается, размещались конюшни царя Соломона. Впоследствии, во время крестовых походов, крестоносцы, державшие в них своих коней, так и их и называли – «конюшни Соломона» (Stabula Solomonis).

⁶⁶ Речь идет о русской церкви Вознесения на Елеонской (Масличной) горе, с которой открывается панорама Иерусалима. Ср. у В.Дорошевича, посетившего Палестину на несколько лет раньше: «Я поднимаюсь на колокольню церкви Вознесения, и вот она вся передо мной, эта Святая земля, привлекающая к себе сердца и мысли всего мира» (*Дорошевич В.* В земле обетованной. М.: Типография Товарищества И.Д.Сытина, 1900. С.231).

⁶⁷ Борис Шац (Залман Дов Барух; 1866, Ворно (Литва) – 1932, Денвер (США); останки захоронены в Иерусалиме) – художник и скульптор, создатель и руководитель школы искусств и ремесел «Бецалель» (впоследствии Академия художеств и прикладных искусств) в Иерусалиме. Слава этой школы достигла и России, см., например, ее описание русским писателем А.Кондратьевым, посетившим Палестину в начале XX в. (Весы. 1906. №8. С.77-79) или фотографию школы и изготовленных ее учениками произведений искусства в харьковском иллюстрированном журнале «Око» (1918. №13/14. С.22).

⁶⁸ О знаменитом музее при «Бецалеле» писали многие, кто посещал его в те годы, ср., например, в очерке современника, побывавшего в Палестине несколько позднее Вейншала: «Мы покинули мастерские и перешли в музей – первый музей в Палестине. Музей небогатый и по необходимости смешанный. Старинными натуралиста Аарони и некоторых учеников Бецалела, он обладает хорошей коллекцией чучел и препаратов из флоры и фауны Палестины. Есть среди коллекции даже небольшой крокодил из палестинской реки и двухголовый урод-теленек из Дамаска. Есть кой-какие ископаемые из доисторической Палестины; есть коллекция оружия, домашних принадлежностей и ханукальных лампад, относящихся к прошлым векам; есть, наконец, и коллекция монет» (*Кац М.* Что такое «Бецалель» (Из иерусалимских впечатлений // Новый Восход. 1911. №3. Стлб.31-32).

⁶⁹ Имеется в виду Сохнут (букв.: агентств) – организация, осуществляющая связь между евреями Эрец-Исраэль (и современного Израиля) и стран

диаспоры. Кирия (дословно: квартал, городок) – место, где располагаются правительственные учреждения Израиля.

⁷⁰ Барух Агадати (наст. фам. Каушанский; 1895, Бендеры – 1976, Тель-Авив) – израильский танцор, балетмейстер, художник, кинорежиссер. Учился в школе «Бецалель», когда в первый раз приехал в Палестину в 1910. Вторично приехал сюда, уже навсегда, в 1919. См. очерк Вейншала «Агадати» в парижском русско-еврейском еженедельнике «Рассвет» (1926. 22 августа, №34. С.7-8). Упоминаемые Вейншалом, со слов самого Агадати, ночные танцы в чем мать родила были не столько эстетско-экзотической прихотью Шаца, сколько проявлением его творческого интереса к физике человеческого тела, которое он изучал как живописец и скульптор. Ср. в рассказе М.Каца о том, что ученики «Бецалея» «высекают из камня и лепят из глины каких-то человечков. И говорили даже, что позируют им для этого голые мужчины и женщины...» (*Кац М.* Что такое «Бецалель». Стлб.29, примеч. 58).

⁷¹ Саббатай Цви (1626, Измир – 1676, Дульциньо) – еврейский каббалист и мистик, провозгласивший себя Мессией.

⁷² Баб эль-Вад (от Bab el-Vâdy – Ворота Долины) – поселение на границе между Шфеля и Иудейскими горами, на пути из Иерусалима в Яффу, отмечаемое в путеводителях начала XX в. как место остановки и отдыха (см.: Guide to Palestine and Egypt. P.12 или: Guide to Palestine and Syria. P.9).

⁷³ Зихрон-Я'аков (букв.: Памяти Я'акова; название дано бароном Э. де Ротшильдом в память своего отца) – поселение в 30 км южнее Хайфы.

⁷⁴ Имеется в виду «Hotel Carmel».

⁷⁵ Casa Nova – Гостинный дом, расположенный напротив церкви Благовещения.

⁷⁶ Мерхавия – кибуц у подножия горы Гив'ат ха-Море (неподалеку от Афулы), основанный в 1909 незадолго до его посещения Вейншалами. О Мерхавии образца начала 1920-х см. в воспоминаниях Голды Меир, поселившейся там с мужем в сентябре 1921 после переезда в Палестину (*Меир Г.* Моя жизнь: Автобиография: В 2 кн. Иерусалим: Изд-во «Библиотека-Алия», 1990. Кн.1. С.94-112). Седжера (официальное ивритское название Илания) – мошав в Нижней Галилее, основанный Еврейским колонизационным обществом в 1899 (по другим сведениям – в 1902).

⁷⁷ Шомрим (от шомер – ед. число) (*ивр.*) – стражи.

⁷⁸ 4 июня 1903 студент-сионист Пинхус Дашевский (1879 – 1930-е) совершил покушение на одного из идеологов русского антисемитизма и прямого виновника первого кишиневского погрома 1903 года Паволакия Крушевана (1860–1909). Царский суд приговорил Дашевского к тюремному заключению; освобожден в 191. В 1933 репрессирован по обвинению в сионистской деятельности. См. об этом: Чему нас учит покушение Пинхуса Дашевского. Лондон, 1903; из последних книг на эту тему: *Резник С.* Кровавая карусель: Две исторических повести. Вашингтон: Вызов, 1988. С.7-107.

⁷⁹ Гер – пришелец, жилец (*ивр.*) – нееврей, прозелит, принявший иудаизм.

⁸⁰ Первый – Йоав Дубровин (1831–1935), зажиточный русский крестьянин, принявший иудаизм. До переселения с семейством в Палестину (1903

или 1906) жил в Царицыне, см. о нем: *Khen A.E.* Na-khava be-emek ha-mavet. Tel Aviv: Yonim al ha-gag, 1964. S.165-177, а также: *Баки Р.* Начать сначала / Пер. с иврита Дм. Прокофьева. <Б/м.>: Изд-во Министерства обороны Израйля, 1993. С.19-31. Второй – Александр Иванович Дубровин (1855–1922) – врач, создатель и лидер Союза русского народа; расстрелян ОГПУ.

⁸¹ Мигдал – сельскохозяйственное поселение в южной части долины Гинносар, неподалеку от Тверии. Вейншалы посетили его практически в первые месяцы существования: незадолго до их приезда эти земли были куплены у членов немецкого католического ордена, которые бежали отсюда, спасаясь от малярии.

⁸² Рош-Пинна (букв.: глава угла) – поселение в Верхней Галилее; название получило по библейскому стиху: «Камень, которым пренебрегли строители, стал главою угла» (Пс. 117: 22).

⁸³ Шабтай Малкин (1867–1924) – врач. Родился в семье членов «Ховевей Цион». Учился медицине сначала в Харьковском, затем в Бернском университете. В 1895 приехал в Палестину и работал как врач в Хедере. Имея дело с больными малярией, сам заразился этой болезнью и был вынужден вернуться в Россию. Во время Русско-японской войны был мобилизован в армию и как военный врач попал на Дальний Восток. По окончании войны вернулся в Палестину и жил в Рош-Пинне. Во время Первой мировой войны служил главным врачом назаретского лазарета.

⁸⁴ Хаим Маргалит Кальвариийский (1868, Сивалк (Польша) – 1947, Иерусалим) – агроном, один из основоположников сельского хозяйства в Эрец-Израэль. Учился в университете в Монпелье (Франция). В Палестину приехал в 1895, жил сначала в Верхней Галилее. В 1899–1923 – один из основателей еврейских поселений: Седжера, Кфар Тавор, Бейт-Ган и др. Занимался скупкой земель под будущие киббуцы. В 1923–1927 возглавлял арабский отдел палестинского бюро Международной сионистской организации. Один из инициаторов создания общества «Брит Шалом» (1925 – середина 1930-х), проповедовавшего идеи дружественных отношений евреев и арабов, и некоторое время издатель и редактор журнала «Shefiteinu». Много публиковался в палестинской печати на трех языках, которыми безупречно владел: иврите, арабском и французском. См. о нем: *Irit Amit.* Haim Margalit Kalvariisky, yotser ha-itiashvut ba-Galil ha-Tahton ha-Mizrahi // *Yahadut Zmanenu.* 1989. №5 P.137-152, а также в кн.: *Баки Р.* Начать сначала. С.223-234.

⁸⁵ Местность в Галилее, часть Иорданской долины. Несколько тысячелетий назад затвердевшие и превратившиеся в базальтовые скалы вулканические извержения закупорили здесь движение ручьев, стекавших с Ливанских гор в Иордан, воды скопились в достаточно большой по величине впадине (около 14 кв. км) и образовали озеро. На протяжении длительных геологических периодов это озеро, переливаясь через края, пробило брешь в природной каменной плотине и постепенно исчезло (считается, что этот процесс повторился дважды), оставив после себя топкие болота – рассадники малярии. Их осушение началось намного позже путешествия Вейншалов, уже после образования государства Израиль, в 1950-е. Ныне ничто не напоминает о том, что в этих краях когда-то были смертоносные болота.

⁸⁶ Цфат – город в северо-восточной Галилее, расположен на склоне горы Кна'ан на высоте 850 м над уровнем моря. Один из четырех святых для ев-

реев городов (наряду с Иерусалимом, Хевроном и Тверией). Начиная с XVI в., когда он заселяется мудрецами-талмудистами, в основном иммигрантами из Испании, город превращается в центр учености и мистицизма.

⁸⁷ Сидон – приморский город на юге Ливана.

⁸⁸ Долина реки Литани в Ливане.

⁸⁹ *Tabula gasa* (лат.) – букв.: чистая доска.

⁹⁰ Иехиэль (Ефим Владимирович) Членов (1863, Кременчуг Полтавской губ. – 1918, Лондон) – деятель сионистского движения. Полное название его брошюры, о которой идет речь, – «Сион и Африка на VI конгрессе» (М., 1905); в ней говорится об «угандийском плане», вызвавшем острые дискуссии на 6-м Всемирном сионистском конгрессе (см. примеч. 35). См. некролог И.Членова, написанный Я.Вейншалом: *Вожди и эпоха* (Памяти Е.В.Членова) // Еврейский студент (Пг.). 1918. 25 февраля, №31-32. Стлб.5-8.

⁹¹ Революция 1908 года, в ходе которой был низложен турецкий султан Абдул-Хамид II и провозглашена конституционная монархия.

⁹² Более подробно о «Молодой Иудее» в связи с деятельностью брата мемуариста Абрама Вейншала см.: *Weinshal Y. Akhi Avraham*. P.161; первоначально опубл.: На-Ума. 1969. №27.

⁹³ От *Brain-Trust* (нем.) – мозговой трест, группа экспертов.

⁹⁴ Ошибка мемуариста: «*Pall Mall Gazette*» – образ из романа У.Теккерея «История Пенденнис» (1849).

⁹⁵ От имени еврейского писателя и философа Ахад-ха-Ама (наст. имя Ашер Гириш Гинцберг; 1856, Ксвира (Украина) – 1927, Тель-Авив), проповедовавшего теорию «духовного сионизма», см. об этом: *Клаузнер И.Л.* Ахад-Гаам и его духовный сионизм. Одесса, 1905; из современных работ: *Зинтерстайн С.* Ахад-Гаам как политический деятель // *Исторические судьбы евреев в России и СССР: Начало диалога*. М., 1992; *Сакер Г.М.* История Израиля: От возникновения сионизма до создания государства Израиль. Иерусалим: Изд-во «Библиотека-Алия», 1993. Т.1. С.116-121.

⁹⁶ Производство Эрец-Исраэль (*ивр.*). То есть достижение политической независимости путем развития производства.

⁹⁷ Израиль Аншелович Розов (1869, Докшицы Минской губ. – 1947, Хайфа) – сионистский деятель, промышленник, представитель англо-голландской нефтяной фирмы «*Royal Dutch Shell Co*» в России (см. примеч. 11); по всей видимости, именно по делам фирмы он и приезжал в Баку. В 1919 покинул Россию и отправился в Англию, а оттуда в Палестину. Занимался индустриальным развитием еврейского ишува. См. о нем: *Левинг Ю.* «Писать статьи про Обломова и погоду» (Владимир Жаботинский и Израиль Розов) // *Солнечное сплетение* (Иерусалим). 2000. №14/15. С.245-251 (здесь же публикация двух писем В.Жаботинского И.Розову).

⁹⁸ От *tour de tête* (*франц.*) – букв.: «развернуться на 180°».

⁹⁹ Давид Вольфсон (1856, Дорбяны Ковенской губ. – 1914, Гамбург) – второй, после смерти Т.Герца, президент Всемирной сионистской организации; на 7-м сионистском конгрессе в 1905 в Карлсбаде избран председателем Малого комитета («*Actions Comité*») (подробнее см. примеч. 101); на 10-м, состоявшемся в 1911 в Базеле, смещен (Вейншал, присутствовавший

на этом конгрессе, пишет далее о «трагедии Вольфсона»). Тяготел к так называемому «политическому сионизму». Именно он первым предложил бело-голубое сионистское знамя, ставшее со временем государственным флагом Израиля, и шекель как форму сионистского денежного сбора (на русском языке см. об этом: *Вольфсон Д.* «Знамя и шекель»: Сборники «Сафрут» / Под ред. Л.Яффе. Кн.2: К двадцатилетию Первого сионистского конгресса в Базеле. М.: Изд-во «Сафрут», 1918. С.136-137). Автобиографию Вольфсона см. в кн.: *Sokolov N.* History of Zionism, 1600–1918. Vol.II. London: Longmans, Green and Co, 1919. P.388-389.

¹⁰⁰ Об одной из таких морских прогулок упоминалось в корреспонденции, напечатанной в петербургском еженедельнике «Рассвет», где рассказывалось о жизни еврейско-сионистской общины в Баку: «Учреждено у нас и функционирует общество “Палестина” (читались рефераты по палестинсионистским вопросам). Устроили в марте большой “палестинский” вечер, которому по возможности постарались придать характер еврейской национальной манифестации. Как и всегда, чувствовалась панихидой и речами память Т.Герцля (собрана некоторая сумма на Herzl Vald). Недавно устроена была морская сионистская прогулка – специфически бакинское явление, – прошедшая весьма оживленно и удачно, при удивительно теплом и приподнятом национальном настроении» (*М.С. Баку* (От нашего корреспондента) // *Рассвет*. 1908. №31. Стлб.20). В этой же корреспонденции сообщалось и о возникновении кружка «Молодая Иудея».

¹⁰¹ Во главе Всемирной сионистской организации стояли два исполнительных комитета – Большой и Малый; второй из них назывался «Actions Comité», название которого Вейншал передает по-русски транслитерированной аббревиатурой АЦ.

¹⁰² «Гехавер» (наряду с написанием «Гехавер») были приняты также написания «Геховер», «Хе-Хавер»; у Вейншала встречаются первые две транслитерации; мы повсюду используем единообразную – «Гехавер») – студенческая сионистская организация, образованная молодежью из России, обучающейся в западных университетах. Одним из главных направлений ее деятельности была борьба против идеологии еврейской ассимиляции, а также пропаганда иврита и иудаизма.

¹⁰³ «Гацоар» – сокращенное название сионистов-ревизионистов.

¹⁰⁴ Ицхак Бен Цви (наст. фам. Шимшелевич; 1884, Полтава – 1963, Тель-Авив) – видный деятель сионистского движения; второй президент Государства Израиль (1952–1963). Был членом «Ва’ад Леуми» (см. вступит. статью) со дня ее основания (1920), с 1931 – председатель, с 1945 – президент.

¹⁰⁵ Еврейская территориальная организация (отсюда название приверженцев ее идеологии – территориалисты) возникла после 7-го сионистского конгресса (1905) и просуществовала до 1925. Основателем и лидером ЕТО был еврейский писатель и общественный деятель Исраэль Зангвилл (1864, Лондон – 1926, Мидлхерст). Организация преследовала цель создания еврейского государства в любой части света, куда могла бы устремиться еврейская масса, исключала из своей программы сионистские лозунги и находилась в оппозиции к сионистскому движению.

¹⁰⁶ Сипурей гамикра (*ивр.*) – букв.: библейские рассказы, истории.

¹⁰⁷ Зонá – блудница (*ивр.*). Имеется в виду блудница Раав, спасаемая со всем своим домом от гибели, потому что приняла и скрыла соглядатаев, посланных в Иерихон Иисусом Навином (И.Нав.2:1 и далее, 6:16 и далее); по Евангелию от Матфея, праматерь Иисуса Христа, поскольку, став впоследствии женой Салмона, родила ему Боаза (Мф.1:5), мужа Руфи (ср. Рф.4:21), прабабки царя Давида, из колена которого вышел христианский Спаситель.

¹⁰⁸ Тод – спасибо; бевакаш – пожалуйста (*ивр.*).

¹⁰⁹ Хамадан – современное название древнего иранского города Эkbатан(ы), резиденция персидских царей, в котором, по поверью, похоронены Мордехай и Эстер.

¹¹⁰ Этот эпизод – о камнях на могилах немецких летчиков – рассказан в статье Вейншала «Im ha-divizii ha-turkestanit be-Pras. Zikhronot mi-tkufat hamil'khama ve-ha-mahapekha. 1916–1917») (опубл.: Naboker. 1941. 28 ноября).

¹¹¹ Дарий I – царь Персидской (Ахеменидской) державы (в 522–486 до н. э.). Изложил официальную версию своего прихода к власти гигантскими буквами, высеченными на скале Бехистун (Бисутун). К коронованию Дария привели следующие события. Его предшественник ахеменидский царь Камбис, разгромивший наголову египетскую армию, был провозглашен одновременно и египетским царем. В марте 522 до н. э. Камбис, находившийся в Египте, получил известие, что его младший брат Бардия, подняв в Персии восстание, узурпировал царский престол. Камбис тотчас двинулся в поход, но умер в пути при загадочных обстоятельствах. И тем не менее он был отмщен: через семь месяцев после захвата власти Бардию убили заговорщики, представители семи знатных персидских родов. Один из них, Дарий, и стал царем. Во время его царствования евреи завершили строительство Второго Храма (Ез.4: 24; 5: 5; 6: 1 и далее).

¹¹² Эзра («книжник, сведущий в законе Моисеевом», Ез.7: 6) и Нехемия (еврейский наместник Иудеи под властью Персии) – соратники в борьбе за национально-религиозную консолидацию еврейского народа во времена возвращения из вавилонского плена. В Ветхом Завете упоминаются три Дария: вавилонский царь (Дан.5:31; 9:1), Дарий I (см. примеч. 111; именно его Вейншал называет «мой Дарий – моего Эзры и Нехемии») и Дарий III Кодоман (царствовал в 336–330 до н. э.; см.: Неем.12:22).

¹¹³ «В следующем году в Иерусалиме... Благословен Ты... Я еврей в русской одежде... Душа еврейская...» (*ивр.*).

¹¹⁴ От nāzr (*перс.*) – жертвоприношение, обет.

¹¹⁵ Шнорер (*идиш*) – попрошайка.

¹¹⁶ Талес – молитвенная накидка.

¹¹⁷ Декларация Бальфура – документ от 2 ноября 1917, в котором правительство Великобритании обязывалось содействовать созданию национального очага еврейского народа на его исторической родине в Эрец-Исраэль. Декларация написана в виде письма британского министра иностранных дел А.Бальфура (1848–1930) лорду Л.Ротшильду (1868–1937).

¹¹⁸ Здесь у Вейншала какая-то нестыковка исторических событий: Декларация Бальфура была прокламирована только в начале ноября 1917

(по новому стилю), что совпало с большевистским переворотом, в то время как речь идет о событиях, происходивших примерно за полгода до этого, и стало быть, имеется в виду Февральская революция (это подтверждается и тем, что англичане вошли в Багдад 11 марта 1917). В 1917 между англичанами и турками было три Газских сражения: 26 марта, когда наступление англичан было фактически сорвано (о нем Вейншал, по всей видимости, и говорит); 17–19 апреля, которое вновь закончилось для них неудачей; и, наконец, 31 октября – 6 ноября (так называемое Беершевское сражение), в ходе которого назначенный к тому времени командующим Египетским экспедиционным корпусом генерал Алленби заставил турок отступить.

¹¹⁹ Весь нижеследующий рассказ о перипетиях в Туркестанской дивизии Вейншал включил в упомянутую выше статью «Im ha-diviziia ha-turkestanit be-Pras...» (см. примеч. 110).

¹²⁰ Буду Мдивани (1877–1937) – советский политический деятель; в РСДРП(б) с 1903. На Персидском фронте возглавлял Совет солдатских депутатов, проводивший большевистскую политику прекращения войны. С конца 1918 по март 1920 – член Реввоенсовета 11-й армии и начальник политотдела 10-й армии. В 1920–1921 – член Кавказского бюро ЦК РКП(б). В 1921 – дипломатический представитель РСФСР в Турции. В июне 1921 – председатель Ревкома Грузии, с 1922 – член Президиума ЦК КП(б) Грузии. В 1922 принимал участие в Генуэзской конференции в качестве члена советской делегации. В 1924 – торгпред СССР во Франции. С 1931 по 1936 являлся председателем ВСНХ, затем наркомом легкой промышленности и первым заместителем председателя Совнаркома Грузии. Репрессирован.

¹²¹ Александр Иванович Гучков (1862–1936) – лидер партии октябристов. Депутат и с 1910 председатель 3-й Государственной Думы. Военный и морской министр во Временном правительстве.

¹²² Хевер гаморим (*ивр.*) – товарищество учителей, лига учителей.

¹²³ Михаил Васильевич Алексеев (1857–1918) – русский генерал от инфантерии; в начале Первой мировой войны начальник штаба Юго-Западного фронта, затем командующий Северо-Западным фронтом, с августа 1915 – начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего, после Февральской революции (с марта по май 1917) – Верховный главнокомандующий русской армией. После большевистского переворота – один из создателей и руководителей Добровольческой армии.

¹²⁴ Николай Николаевич Духонин (1876–1917) – генерал-лейтенант, с 3 по 9 ноября 1917 – Верховный главнокомандующий (решением Совета народных комиссаров от 9 ноября 1917 отстранен от должности); убит солдатами.

¹²⁵ Иосиф Трумпельдор (1880, Пятигорск – 1920, Тель-Хай (Эрец-Исраэль)) – командир еврейской самообороны, общественный деятель.

¹²⁶ Иехиэль Кишиневский (Кишони) – член «Гехавера», членом которого он стал, ухась, как и Вейншал, в Германии (см. фотографии участников съезда «Гехавера», проходившего в Гейдельберге с 1 по 5 июня 1914, где они сидят рядом; приведена в кн.: *Tsentsiper A. Pa'amei ha-geula: Sefer ha-Tsiunut ha-Rusit*. Tel Aviv, 1951. P.200. Photo №638). После начала Первой

мировой войны вернулся в Россию и вошел в состав ЦК «Гехавера» (см.: *Маор И. Сионистское движение в России / Авториз. пер. с иврита. <Иерусалим>: Изд-во «Библиотека-Алия», 1977. С.302*). Помогал И.Трумпельдору в организации еврейского военного отряда, о котором далее рассказывает Вейншал. В 1920-е переселился в Палестину и жил в Хайфе.

¹²⁷ Ямим нораим (*ивр.*) – букв.: страшные дни; иначе – йом кипур; в традиционном русском переводе – Судный день.

¹²⁸ О получении телеграммы, требующей его отзыва с Персидского фронта в Петербург, Вейншал рассказывает в статье «Im ha-diviziia haturkestanit be-Pras...», где среди прочих подписавших телеграмму он называет также имя председателя Временного правительства А.Ф.Керенского.

¹²⁹ Михаил Александрович Караулов (1878–1917) – казачий подъяесаул, депутат II и IV Государственной Думы.

¹³⁰ Трудности с формированием отряда, или, как называл его И.Трумпельдор, легиона, начались еще при Временном правительстве. 18 августа 1917 Трумпельдор писал: «Хлопоты о легионе продолжаются, но легиона пока еще нет, а есть, как и была, надежда, что он будет. Московское Государственное совещание опять затормозило решение этого вопроса, но я думаю, что теперь уже близок день, когда он решится, и бог даст решится положительно» (Институт В.Жаботинского. Архив И.Трумпельдора).

¹³¹ Находясь в Египте (в начале Первой мировой войны турецкие власти изгнали многих евреев, проживавших на территории Палестины, в Египет), И.Трумпельдор, отозвавшись на предложение англичан, принял участие в формировании военного еврейского подразделения, вошедшего в историю как «Отряд погонщиков мулов». Отрядом руководил полковник британской армии Д.Паттерсон, а Трумпельдор стал его заместителем. С мая по декабрь 1915 отряд принимал участие в боях на Галлипольском полуострове (европейская часть Турции – между Дарданелльским проливом и Саросским заливом).

¹³² Вейншал опубликовал в «Рассвете» четыре материала: «Эд. Бернштейн об еврействе в мировой войне» (1918. 17 марта, №9. Стлб.23-25 – по поводу книги: *Bernstein E. Von den Aufgaben der Juden im Weltkriege. Berlin, 1917*); «Наша провинциальная печать» (1918. 24 марта, №10. Стлб.18-20); некролог убитого в Ташкенте еврейского общественного деятеля, известного сиониста С.А.Герцфельда, с которым был знаком по Кавказу (Там же. Стлб.29-30); и «Еврейский пролетариат в Соединенных Штатах» (1918. 21 апреля, №14. Стлб.16-18).

¹³³ Халуц (*ивр.*) – букв. пионер, первопроходец; в Библии – вооруженный передовой отряд. Здесь: активисты заселения и освоения Эрец-Исраэль. Термин в широком смысле применяется ко всем, кто прокладывает новые пути в разных областях деятельности (экономической, социальной, научно-исследовательской и т. д.). Халуцианство стало олицетворять бескорыстное посвящение себя сионистскому движению, отождествление личного счастья с достижением национального и социального идеала.

¹³⁴ Анахронизм мемуариста: в то время (конец 1917 – начало 1918) этот орган назывался еще ЧК.

Б.В.Варнеке
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ Н.П.КОНДАКОВА*
Публикация И.В.Тункиной

Предлагаемые читателю воспоминания Б.В.Варнеке занимают особое место среди документальных богатств личного фонда академика Н.П.Кондакова, хранящегося в Архиве Российской Академии наук в Санкт-Петербурге. Они посвящены преимущественно трем пореволюционным годам и исключительно ярко рисуют этот период, рассказывая о событиях, склоняющих русскую интеллигенцию к эмиграции, и объясняя ее причины.

Осознание необходимости эмиграции из советской России, пик которой пришелся на 1920–1922, зачастую возникало гораздо раньше. Обычно к столь серьезному шагу приходили отнюдь не внезапно, и тем более не сразу удавалось его осуществить. Чаще всего это был постепенный, растянувшийся на годы, «откат» из столицы на юг России – в Киев, Одессу, Новороссийск, затем в Константинополь, на Балканы, в Берлин и затем, через эти «перевалочные базы», в места, где можно было попытаться отстроить новую жизнь, – в Париж, США. Воспоминания Варнеке в уникальных подробностях воссоздают трехлетнюю эпопею этого «отката».

Герой мемуаров, «архистратиг русской археологии» Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) – всемирно известный историк византийского и древнерусского искусства, археолог, культуролог, ординарный академик Петербургской АН (1898), действительный член Петербургской Академии художеств (1893), действительный иностранный член Чешской Академии наук, литературы и художеств (1898), действительный член Болгарской АН (1920), член-корреспондент Сербской королевской АН в Белграде (1901), почетный и действительный член многих русских и иностранных универси-

* Эта работа выполнена благодаря финансовой помощи исследовательской программы Центрально-Европейского университета в Праге (Фонд Сороса), проект №307/1995 / This work was supported by the Research Support Scheme of the Higher Education Support Programme, grant №307/1995.

тетов, институтов, научных обществ, комиссий и пр. Для специалистов Н.П.Кондаков в представлении не нуждается, однако широкому кругу читателей его имя вряд ли достаточно известно, поэтому позволю себе кратко охарактеризовать основные вехи его жизненного пути.

Н.П.Кондаков учился на историко-филологическом факультете Московского университета (1861–1865), где, занимаясь историей искусства и археологией, оказался под сильным влиянием Ф.И.Буслаева. С 1866 по 1869 он преподавал русский язык и словесность во Второй московской гимназии, Александровском военном училище, а также русскую историю и археологию в Московской школе живописи, ваяния и зодчества. Как член Императорской Археологической комиссии в Петербурге (1876–1891) руководил раскопками памятников античной эпохи в Крыму (Херсонес, Пантикапей, Нимфей), на Таманском полуострове и в Кубанской области. Переключившись с античной археологии, которой посвящена его магистерская диссертация, на малоразработанную в то время область христианского искусства, Н.П.Кондаков опубликовал классическую монографию «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (1876; франц. перевод – 1888–1891), где впервые дал обобщающий очерк византийского искусства, охарактеризовал его основные этапы, применив при изучении миниатюр так называемый иконографический метод. В 1888 Кондаков переехал в Петербург – он был назначен старшим хранителем Императорского Эрмитажа, где вплоть до 1893 руководил отделением Средних веков и эпохи Возрождения. Практически ежегодно Н.П.Кондаков совершал научные поездки и экспедиции для знакомства с новыми памятниками по России (с 1861) и за границу (1867–1914), главным образом в страны Европы и Ближнего Востока.

С преподавательской деятельностью ученого связано появление особой школы Кондакова в науке, объединившей представителей различных гуманитарных дисциплин – историков, искусствоведов, археологов, востоковедов, антиковедов, славистов, византинистов: он был доцентом (1869–1877), затем профессором (1877–1888) по кафедре теории и истории изящных искусств Новороссийского университета в Одессе, профессором Петербургского университета (1888–1897) по той же кафедре, читал лекции на Высших женских (Бестужевских) курсах. Ученики Н.П.Кондакова регулярно собирались в Музее древностей Петербургского университета и участвовали в кондаковском домашнем семинаре – «журфиксах» так называемой Свободной Академии, где шло «приобщение к ремеслу» нескольких поколений исследователей (петербургская квартира академика находилась по адресу: Литейный пр., 15)¹.

Октябрьский переворот 1917 года застал Кондакова в Ялте: революционных перемен он не принял и новую власть не признал. Мысль о выезде из России «куда глаза глядят» впервые посетила патриарха отечественной византистики в декабре 1917². Покидая столицу, Кондаков пытался огра-

¹ Подробнее см.: *Кызласова И.Л.* Забытая традиция в преподавании истории искусства: Из опыта Ф.И.Буслаева и Н.П.Кондакова // *Rossica (Praha)*. 1996. №2. С.77–84.

² С.-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.132.

дить себя от политических временщиков всех оттенков, от войны, разрухи, голода, от идеологического гнета большевиков, повсеместного уничтожения науки и культуры – всего того, во что была ввергнута страна. Все его надежды попасть в 1918–1919 в Петроград и на север для исследовательской поездки по монастырям были обречены на неудачу. Этому мешала и начавшаяся Гражданская война. Сказывался и возраст ученого, а также обремененность грузом рукописей, с которыми он никогда не расставался.

В сентябре 1918 Н.П.Кондаков переехал в Одессу, где в 1918–1919 в качестве приват-доцента Новороссийского университета читал лекции по истории русской иконописи и итальянской живописи эпохи Возрождения. Через А.А.Шахматова он исходатайствовал себе охранную грамоту – удостоверение от Российской АН о командировании его на юг России «для изучения памятников христианской древности в связи с его работами по иконографии, сроком с 15 июня по 15 сентября 1919 г.»³. В январе 1920, при отступлении армии А.И.Деникина, Н.П.Кондаков эмигрировал в Болгарию и до 1922 являлся профессором Софийского университета. В течение трех лет, с 1919 по 1922, Кондаков не имел контактов с коллегами в Петрограде и даже не переписывался «с кем-либо в России вообще»⁴. В марте 1922 по приглашению Карлова университета в Праге Н.П.Кондаков переехал в Чехословакию, где вплоть до своей кончины в феврале 1925 читал лекции по истории искусств и археологии Восточной Европы. Здесь маститый академик объединил вокруг себя кружок молодых ученых, который после его смерти стал известен как *Seminarium Kondakovianum* (в 1931 преобразован в Археологический институт им. Н.П.Кондакова в Праге). Фактическими или «духовными» учениками Н.П.Кондакова считали себя Д.В.Айналов, Е.К.Редин, Я.И.Смирнов, С.А.Жебелёв, М.И.Ростовцев, Н.П.Лихачев, В.Т.Георгиевский, Б.В.Фармаковский, Б.А.Тураев, Г.Ф.Церетели, А.Н.Грабар, Г.В.Вернадский, Н.П.Толль, А.П.Калитинский и многие другие ученые начала XX в., в том числе иностранные – Эллис Миннз в Англии, Габриэль Мийе во Франции.

Научное наследие Н.П.Кондакова, создателя нового раздела археологии и истории искусств – археологического византиноведения, включает фундаментальные исследования о памятниках Византии и других регионов, входивших в орбиту ее влияния – Египта, Сирии, Палестины, Закавказья, России, Балканского полуострова, Румынии, Италии и т. п. В трудах Кондакова, принесших ему мировую известность, впервые введен в научный оборот огромный фактический материал, что делает их актуальными до сих пор. Им был разработан новый подход к памятникам христианского искусства – создан иконографический метод, определивший целую эпоху в науке. Показав важность изучения культурно-исторического взаимодействия цивилизаций Запада и Востока, Кондаков наметил пути применения своего метода к археологическим материалам и произведениям искусства различных исторических эпох. «Н.П.Кондаков, – писал В.Т.Пашуто, – был первым, кто включил древнерусское искусство в мировой исторический процесс, поставил вопрос о воздействии на него скифского, римского, готского, скандинавского, но осо-

³ ПФА РАН. Ф.2. Оп.17. Д.94. Л.31.

⁴ Письмо Н.П.Кондакова к С.А.Жебелёву от 25 декабря 1922 (из Праги в Петроград). – Там же. Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.139.

бенно византийского и восточного искусства, стараясь проследить генетические связи и в археологическом, и в историческом материале»⁵.

Гораздо менее известен автор публикуемых воспоминаний, Борис Васильевич Варнеке (1874–1944)⁶ – крупный ученый-латинист, историк театра и театральный критик. Долгие годы его имя замалчивалось – в советской историко-филологической литературе Б.В.Варнеке не было посвящено ни одного некролога, т. к. в эпоху сталинизма он стал жертвой политических репрессий. Даже точную дату смерти ученого удалось установить лишь недавно благодаря документам, сохранившимся в Управлении службы безопасности Украины по Одесской области.

Как свидетельствует метрическая выпись, Б.В.Варнеке родился в Москве 3 июня (ст. ст.) 1874 в квартире некой «бабки Варнике», фамилию которой он как незаконнорожденный и унаследовал⁷. Борис начал учиться во Второй московской четырехклассной прогимназии на Якиманке, где его первым преподавателем латинского языка стал А.Н.Шварц⁸, увлекший

⁵ Паушто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991. С.16.

⁶ См. о нем: Алексеев М.П. Проф. Б.В.Варнеке (К 35-летию его литературной и научной деятельности) // Силузты (Одесса). 1924. №5 (43), 3 декабря. С.6-7; Лавров А.В. Варнеке Борис Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т.1. С.390-391; Писатели современной эпохи: Библиографический словарь русских писателей XX века. 2-е изд. (репринт). М.: Дэм, 1992. Т.1. С.64-65; Тункина И.В. Новые материалы к биографии проф. Б.В.Варнеке // Древнее Причерноморье: III чтения памяти проф. П.О.Карышковского. Тезисы докладов юбилейной конференции 12–14 марта 1996. Одесса, 1996. С.109-110; Она же. Борис Васильевич Варнеке: Страницы биографии // Античный мир. Проблемы истории и культуры: Сб. научных статей. К 65-летию со дня рождения проф. Э.Д.Фролова / Под ред. И.Я.Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С.441–452.

⁷ В документах Б.В.Варнеке встречается расхождение в написании фамилии – Варнике или Варнек. В метрической выписи от 15 сентября 1877 сказано: «Борис незаконнорожденный. Рожден июня третьего дня, крещен того же июня 6 дня, в доме г. Либерман, в квартире бабки Варнике, – звание, имя, отчество и фамилия матери неизвестно». Московская казенная палата 5 августа 1898 (ст. ст.) на запрос директора Петербургского историко-филологического института К.В.Кедрова сообщила, что «фамилия Бориса Васильева, с которою он записан в Московском мещанском обществе, Варнек, а не Варнеке». См.: ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1152 (Дело о службе Бориса Васильевича Варнеке). Л.24, 26.

⁸ Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – филолог-классик, переводчик; магистр (1875), доктор (1891) греческой словесности; действительный член РАО (1895). Выпускник Московского университета (1868), учитель языков в Александровском военном училище (1868), Лазаревском институте восточных языков (1869–1874) и частной гимназии Креймана (1872–1884); инспектор 2-й Московской четырехклассной прогимназии (1884–1885), директор 1-й Московской прогимназии (1885–1887) и 5-й Московской гимназии (1887–1897). Доцент кафедры греческой словесности (1875–1885), секретарь историко-филологического факультета (1885–1887), экстраординарный профессор по кафедре теории и истории искусств (1884–1887), затем по кафедре классической филологии (1887–1890), с 1891 – ординарный профессор, с 1900 – заслуженный ординарный профессор Московского университета. Директор Константиновского ме-

мальчика древними языками. По циркуляру Министерства народного просвещения «о кухаркиных детях» от 18 июня 1887, ограничивавшему прием детей недворянского происхождения в гимназии и средние учебные заведения, Варнеке был отчислен из прогимназии, но с упорством продолжал заниматься самообразованием. Из-за крайней нужды мальчик с 8-летнего возраста был вынужден работать в театре детским статистом, получая за вечер 40 копеек жалованья. Здесь, за кулисами московской оперетты, ему посчастливилось познакомиться с академиком Ф.Е.Коршем⁹, по протекции которого он был определен на казенный счет в Первую московскую гимназию.

Закончив ее в 1894, Б.В.Варнеке поступил в Петербургский историко-филологический институт, учился по разряду древних языков у известных антиковедов, профессоров Ф.Ф.Соколова и Ф.Ф.Зелинского (1894–1898). По окончании института он был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. За бесплатное обучение в вузе Б.В.Варнеке обязывался прослужить в ведомстве Министерства народного просвещения не менее 6 лет; он стал преподавать классические, немецкий и французский языки в Пятой петербургской гимназии (1899–1901) и в Николаевской гимназии в Царском Селе (1902–1904) во время директорства Иннокентия Анненского (последний посвятил Варнеке трагедию «Меланиппа-философ»). Одновременно Б.В.Варнеке начал преподавательскую деятельность в качестве приват-доцента на кафедре классической филологии в Петербургском университете (1901–1904), где в 1903 защитил магистерскую диссертацию по рим-

жевого института (1897–1900), попечитель Рижского (1900–1902), Варшавского (1902–1905), Московского (1905) учебных округов; сенатор (1905), член Государственного Совета (с 1907), министр народного просвещения (1908–1910).

⁹ Корш Федор Евгеньевич (1843–1915) – лингвист-полиглот, специалист по классическому, славянскому, сравнительному языкознанию и восточным языкам, переводчик, теоретик стихосложения, исследователь музыкальной ритмики, пушкинист; магистр (1868), доктор (1877) римской словесности; член-корреспондент по разряду классической филологии и археологии (1893), ординарный академик по ОРЯС (1900) Петербургской АН. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета (1860–1865), был сокурсником В.О.Ключевского и Н.П.Кондакова; оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии, совершенствовал образование в университетах Германии, Австро-Венгрии и Италии (1868–1870). Доцент (1870–1877), экстраординарный (1877–1882), ординарный (1882–1890, 1892–1901) профессор Московского университета по кафедрам греческой (1870–1972) и римской (1872–1890, 1892–1901) словесности, ординарный профессор по кафедре классической филологии Новороссийского университета в Одессе (1890–1892), профессор персидской словесности Лазаревского института восточных языков в Москве (1892–1915). Председатель Восточной комиссии Московского археологического общества (1887–1915), председатель Московской диалектологической комиссии (1904–1915), председатель Общества славянской культуры (1908–1915); член Орфографической и орфоэпической комиссии, председатель Комиссии Петербургской АН по изданию сочинений А.С.Пушкина. Автор исследований в области классической филологии, сравнительного индоевропейского языкознания, славяноведения, метрики, иранистики, семитологии, тюркологии и пр.

ской словесности «Очерки по истории древнеримского театра», а в 1906 в Московском университете докторскую – «Наблюдение над древнеримской комедией: К истории типов». В печатных рецензиях на обе работы подчеркивались глубина научной мысли и необыкновенная добросовестность исследований диссертанта. С 1904 Б.В.Варнеке занимал должность экстраординарного (с 1906 – ординарного) профессора по кафедре классической филологии, секретаря историко-филологического факультета (1905–1907) Казанского университета. В апреле 1910 по представлению Э.Р. фон Штерна, благодаря благожелательным рекомендациям Ю.А.Кулаковского и Ф.Ф.Зелинского, он единогласно был избран ординарным профессором Новороссийского университета по кафедре классической филологии¹⁰.

Именно с Одессой связана дальнейшая судьба ученого. Варнеке являлся активным действительным членом и членом Совета ООИД, заведующим археологическим музеем ООИД (1913–1919), членом правления Историко-филологического общества при Новороссийском университете; председателем педагогического совета Одесской женской гимназии С.А.Верцинской (1912–1917). Он неоднократно командировался в Германию, Малую Азию и Константинополь (1904, 1909, 1911, 1913, 1914)¹¹, слушал лекции в Геттингенском университете, работал в археологическом семинарии Лейпцигского университета, изучал античное искусство в музеях Берлина и Дрездена, исследовал остатки древнегреческих театров Милета, Пирены и Эфеса; принял участие в XVI Международном конгрессе ориенталистов в Афинах (1912). Высокий авторитет Варнеке в европейских научных кругах был подтвержден его избранием в члены-корреспонденты Германского археологического института¹².

Б.В.Варнеке прекрасно знал и любил мир кулис. В 1889, будучи еще гимназистом, он начал публиковать в периодической печати статьи по вопросам театра, искусства и литературы, позднее получил известность как театральный критик. Вплоть до 1902 выступал как актер и помощник режиссера на профессиональной и любительской сцене сначала в Москве, затем в Петербурге. С 1898 был преподавателем театральных школ – на драматических курсах Е.П.Рапофо, при Императорском театральном училище в Петербурге, на частных курсах в Казани и в частной театральной школе О.В.Рахмановой в Одессе. В 1901 на Втором Всероссийском съезде сценических деятелей Б.В.Варнеке поставил вопрос о создании при Российском театральном обществе комиссии по истории русского театра. С 1902 по 1914 он являлся консультантом при Императорских театрах. Главными трудами Б.В.Варнеке стали книги, так или иначе связанные с историей театрального искусства: «Очерки из истории древнеримского театра» (СПб., 1903), «Новые комедии Менандра» (Казань, 1909), «История русского теат-

¹⁰ См.: ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1152. Л.38-40об. (представление декана историко-филологического факультета Новороссийского университета А.А.Павловского на имя ректора и отзыв о научных трудах Б.В.Варнеке, подписанный заслуженным ординарным профессором Э.Р. фон Штерном 14 января 1910).

¹¹ См.: Там же. Оп.9. Д.26. Ч.2 (1914 г.). Л.7.

¹² Формулярный список о службе Б.В.Варнеке вплоть до апреля 1917 см.: Там же. Оп.4. Д.1152. Л.6-14об.

ра» – первый в русской науке систематический обзор истории отечественного театра на всем протяжении его существования, от народных истоков русского театра вплоть до начала XX в. (вышла тремя изданиями в 1908–1910, 1913 и 1939¹³) – и «История античного театра» (М.; Л., 1940). Как справедливо отметил А.В.Лавров, «по своим эстетическим взглядам Варнеке – убежденный сторонник реализма 19 в., отвергавший модернистские веяния в литературе и театре»¹⁴.

О негативной реакции Б.В.Варнеке на общественные потрясения, связанные с Февральской и Октябрьской революциями 1917 года, разразившейся Гражданской войной и иностранной военной интервенцией, можно судить по его воспоминаниям. Во всяком случае, среди студентов того времени он пользовался репутацией консервативного профессора¹⁵. Видно, не случайным было его сотрудничество в официальной газете белых «Южное слово», где он ведал отделом театральной и городской хроники. Несмотря на имевшуюся возможность эмигрировать, Б.В.Варнеке все же не покинул родину. «Бегство из России в такую минуту, когда культурные люди ей больше всего нужны, – преступление», – вот кредо интеллигенции, строившей послереволюционную новую Россию¹⁶.

В советское время Б.В.Варнеке продолжил преподавательскую деятельность в высших учебных заведениях Одессы. С окончательным утверждением власти большевиков университеты на Украине были признаны «консервативной формой подготовки специалистов» – в 1920 Новороссийский университет был ликвидирован, а на его базе создана сеть специализированных вузов¹⁷. Б.В.Варнеке преподавал в Гуманитарно-общественном ин-

¹³ Лучшим из них считается второе, дополненное издание (СПб.: Изд-во Н.Н.Сергиевского, <1913>). Третье, сильно сокращенное издание вышло уже в советское время под названием «История русского театра XVII–XIX вв.» (М.; Л.: Искусство, 1939). По оценке Б.Н.Асеева, труды Б.В.Варнеке «выражали тенденции развития научной, можно сказать, академической историографии русского театра, которая, сохраняя высокую исследовательскую культуру и научную методику, выработанные русской филологической школой, в то же время стремилась к созданию истории театра как сценического искусства» (цит. по: Асеев Б.Н. Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII века. М.: Искусство, 1977. С.49).

¹⁴ См.: Лавров А.В. Варнеке Борис Васильевич. С.391.

¹⁵ Историк-новист, профессор Одесского университета К.П.Добролюбский (1885–1953) вспоминал о годах своего студенчества: «Из историков большим влиянием на факультете пользовался профессор Б.В.Варнеке, шедший тогда вместе с реакционной профессурой. Это был, без сомнения, умный человек и занимательный лектор, хорошо знавший римскую литературу и театр, но его лекции по истории Рима казались мне довольно поверхностными и водянистыми. К изменениям же его политической репутации я всегда относился с недоверием» (цит. по: Добролюбский К.П. В Новороссийском университете / Публ. А.К.Добролюбского // Одесский вестник. 1994. 12 февраля, №22 (576). С.10).

¹⁶ Из письма И.Э.Грабаря к В.М.Грабарю из Риги от 21 февраля 1921 (Игорь Грабарь. Письма. 1917–1941. М., 1977. С.48).

¹⁷ См.: Одесский университет. 1865–1990 / Отв. ред. И.П.Зелинский. Одесса, 1991. С.54.

ституте, переименованном впоследствии в Институт народного образования (1920–1930), был профессором и ректором (с 1921) Института изобразительных искусств, профессором в Педагогическом институте (с 1936 являлся заведующим кафедрой мировой литературы литературного факультета), а с 1933 – в восстановленном Одесском университете¹⁸. В 1920-х он сотрудничал с Русско-византийской историко-словарной комиссией АН СССР под руководством академика Ф.И.Успенского. В год «великого перелома» в частных письмах академиком кандидатура Б.В.Варнеке обсуждалась при выдвижении в действительные члены Всеукраинской Академии наук. Его избрание в Академию как представителя науки «старой школы» в тех условиях было невозможно прежде всего по политическим мотивам, т. к. он мог бы составить весомую конкуренцию ученым-марксистам¹⁹.

В советское время Б.В.Варнеке не оставлял занятий театром: он являлся заведующим художественным советом Одесских театров (1919), председателем художественного совета Одесского театра оперы и балета (1934–1935), председателем театральной секции при Одесском областном пушкинском комитете (1937). Список его трудов к 1940 насчитывал более 250 публикаций (не считая газетных статей и библиографических заметок) по истории античного и русского театра, истории западноевропейской, русской и украинской литературы, истории искусств и археологии²⁰. Указом Президиума Верховного Совета УССР от 24 января 1941 профессору Б.В.Варнеке было присвоено звание заслуженного деятеля науки УССР²¹.

¹⁸ Сохранились заполненные Б.В.Варнеке анкеты для Комиссии АН СССР по изданию справочника «Наука и ее работники в пределах СССР» (от 4 мая и 20 ноября 1926), с указанием домашнего адреса: Одесса, ул. Подбельского, д. 19, кв. 27. См.: ПФА РАН. Ф.155. Оп.2. Д.109. Л.82, 83.

¹⁹ См. письма академика АН СССР и ВУАН Б.П.Бузескула к академику АН СССР С.А.Жебелёву из Харькова в Ленинград: «Мне приходит в голову предложить в Украинскую Академию, в числе новых членов, <...> Б.В.Варнеке. Да не знаю, что из этого может выйти! Ведь здесь “классическая филология”, даже в широком смысле слова, находится еще в меньшем фаворе, нежели на севере» (письмо от 28 апреля 1929); «Здесь уже много толкуют о предстоящих выборах в Украинскую Академию и о кандидатурах. Хотелось бы предложить... Б.В.Варнеке как единственного латиниста на Украине. Но, пожалуй, не решусь: так ставится вопрос о кандидатах, такие лица предлагаются, что лучше в это дело и не соваться. То, что было на севере, ничто по сравнению с тем, кого предлагают здесь» (письмо от 8 мая 1929). См.: ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.165. Л.25об., 26, 27об.

²⁰ Неполный список трудов см.: Библиографический список научных трудов профессора Б.В.Варнеке. 1889–1924. XXV. Одесса, 1925. 16 с. (132 публикации за 1896–1925 гг.). В список не вошли материалы по научной хронике, рецензии и библиографические заметки из «Журнала Министрства народного просвещения», «Гермеса», «Русского филологического вестника» и «Исторического вестника», а также газетные статьи, публиковавшиеся в прессе Москвы, Петербурга, Риги, Казани, Самары, Киева, Одессы главным образом без подписи или под псевдонимами, статьи и заметки по вопросам театра, искусства, литературы, библиографии и городской хроники.

²¹ Одесский университет... С.58.

С началом войны наступил наиболее трагический этап в жизни Б.В.Варнеке. В 1941 Одесский университет был эвакуирован в Бердянск, затем в Ворошиловград, а впоследствии в Майкоп и наконец в 1942 – в райцентр Байрам-Али (Туркмения)²². Находившийся в преклонном возрасте профессор Б.В.Варнеке эвакуироваться не смог. Из 16 одесских вузов, существовавших до войны, в период фашистской оккупации действовал только один – Румынский королевский университет Транснистрии, торжественно открытый 7 декабря 1942. Варнеке был зачислен в штат университета, где блестяще читал лекции по истории античной литературы. Его жена Елена Сергеевна (урожд. Матросова) добилась выдачи ему академического пайка. При университете оккупационными властями был создан пропагандистско-исследовательский Антикоммунистический институт (или Институт антикоммунистической пропаганды). Постоянного штата сотрудников он не имел, т. к. скорее выполнял функции лектория. Чтобы повысить авторитет вновь созданного учреждения в глазах местного населения, при публикации объявления в одесских газетах о его открытии в числе членов института был назван и Б.В.Варнеке, который фактически никакого участия в его работе не принимал. В начале 1944 Румынский университет был закрыт, 10 апреля 1944 Одессу освободила Красная Армия. 12 апреля возобновились занятия в Одесском государственном университете, в котором продолжил работу и Б.В.Варнеке.

70-летний профессор Б.В.Варнеке был арестован 10 мая 1944 постановлением УНКВД по Одесской области по обвинению в измене Родине (ст. 54-1а УК УССР): «за деятельное участие в созданном румынскими захватчиками профашистском органе, так называемом Антикоммунистическом институте». Вскоре заключенный был этапирован в Киев, где 31 июля 1944 скончался, находясь на излечении в больнице при областной тюрьме №1. 28 августа 1944 дело в отношении Б.В.Варнеке было прекращено в связи с его смертью, а 11 лет спустя, 29 ноября 1955, военный прокурор прекратил дело «за недоказанность предъявленного обвинения», в результате чего Б.В.Варнеке был реабилитирован посмертно²³.

Так трагически оборвалась жизнь одного из ярких представителей русской науки «старой школы».

Как мемуарист Б.В.Варнеке почти неизвестен современному читателю. Между тем он оставил воспоминания не только о театральном и литературном мире – об И.Ф.Анненском²⁴, Н.С.Лескове, Д.Н.Мамине-Сибиряке,

²² Одесский университет... С.69-70.

²³ Справка Управления Службы безопасности Украины по Одесской обл. №10/26277-II от 24.09.1993.

²⁴ См.: *Лавров А.В., Тименчик Р.Д.* Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1981. Л.: Наука, 1983. С.71-76 (текст воспоминаний Варнеке), 126-132 (комментарии). К сожалению, публикаторы издали текст Б.В.Варнеке с купюрами. По их признанию, были «опущены места, не имеющие прямого отношения к Анненскому, а также особенно пристрастные характеристики его личности, не подкрепленные убедительной фактической аргументацией» (с.127).

П.П.Гнедиче, К.Д.Бальмонте, И.А.Бунине, Д.Н.Овсяннико-Куликовском²⁵ и др., но и о целой плеяде выдающихся русских ученых. Эти тексты пока остаются неизданными. Среди его героев – академик Н.П.Кондаков²⁶, военный инженер и археолог А.Л.Бертъе-Делагард, русские и немецкие антоведы конца XIX – начала XX в. (воспоминания «Старые филологи»)²⁷.

Воспоминания о Н.П.Кондакове написаны Б.В.Варнеке в 1926. Автор понимал, что в те годы их публикация была невозможна, о чем он открыто писал члену-корреспонденту АН СССР В.Н.Бенешевичу²⁸:

22 июля 1926 г.

Одесса

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич,

Прежде всего, не пугайтесь этой громадины: она не для печати, и Вам не придется хлопотать из-за нее.

С весны 1919 г., когда для меня стало ясно, какой большой и своеобразный человек Н.П.²⁹, я стал записывать все его разговоры. Недавно Вы в своем письме высоко оценили справедливость одного его отзыва, и это натолкнуло меня на мысль привести в порядок эти записи и сохранить для других свои впечатления.

Беда только, что у меня нет записей про начало моего знакомства, и тут я могу теперь только приблизительно восстановить

²⁵ Литературные воспоминания Б.В.Варнеке, написанные в конце 1920-х, хранятся в собрании академика М.П.Алексеева в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и в Центральном театральном музее (Москва).

²⁶ Предварительное сообщение о публикуемых ниже воспоминаниях см.: *Тункина И.В.* Н.П.Кондаков по неизданным воспоминаниям Б.В.Варнеке. 1917–1920 гг. // Никодим Павлович Кондаков, 1844–1925. Личность, научное наследие, архив: К 150-летию со дня рождения / Государственный Русский музей. <СПб.>: Palace Editions, 2001. С.56–62.

²⁷ Воспоминания «Старые филологи» и мемуары об А.Л.Бертъе-Делагарде подготовлены к печати автором настоящей публикации.

²⁸ Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938) – византист, археограф, историк церковного права; магистр (1905), доктор права; член-корреспондент РАН (1924; исключен общим собранием АН СССР 29 апреля 1938; восстановлен в 1958), действительный член Академий наук в Страсбурге (1912), член-корреспондент Баварской АН в Мюнхене (1927) и Берлинской АН (1929); член-сотрудник (1906), действительный член (1907) и библиотекарь РАО (1908–1924). Был женат на Амаде (Людмиле) Фаддеевне, дочери Ф.Ф.Зелинского, профессора Петербургского, затем Варшавского университетов. Неоднократно подвергался арестам (1922, 1924, 1928), в 1929 сослан в Кемь (Соловецкие лагеря), где в 1930 арестован по «академическому делу» и привезен в Ленинград как один из главных обвиняемых, был осужден на 5 лет, находился в Ухтпечлаге до весны 1933. Вновь арестован в ноябре 1937 и расстрелян в январе 1938. В 1937–1938 были расстреляны два сына-близнеца и брат В.Н.Бенешевича. См.: *Перченко Ф.Ф.* К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // *In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка.* М.; СПб., 1995. С.147–148.

²⁹ Здесь и далее Н.П. – Никодим Павлович Кондаков.

ход событий. Насколько могу сам судить, вышло все-таки нечто поучительное. Я, по крайней мере, за всю жизнь такого крупного и цельного человека среди наших ученых не встречал, а в истории с Дорошенко³⁰ он прямо показал себя героем.

Печатать это, конечно, нельзя: 1) нет журнала; 2) по самому содержанию «неблаговременно», но думаю, что лет через 50, когда судьба заставит наших потомков помянуть век «былых богатырей», среди них первое место среди филологов он отведет Н.П. и его биография появится. Вот для этого-то будущего «Барсукова»³¹ я и набросал на досуге свои заметки. Чтобы они не пропали, их надо передать в подходящее место. Естественнее всего было бы мне это сделать в Одесском музее³², для которого так много сделал Н.П., но музей теперь в руках такой махровой сволочи, что для нее Кондаков был бы только предметом глумления. Остается Академия, поэтому я и беспокою Вас.

Прочтите сами и, если найдете ценным хоть немного, дайте прочесть еще кому-нибудь, например С.А.Жебелёву³³, которого Н.П.

³⁰ См. ниже текст воспоминаний.

³¹ Барсуков Николай Платонович (1838–1906) – историк, библиограф, археолог. С 1863 служил в Археографической комиссии, в 1870 стал ее членом. В 1868–1883 являлся помощником начальника библиотеки и архива Св. Синода, в 1883–1906 – начальником архива Министерства народного просвещения. В 1860-х обследовал личные архивы и опубликовал многие документы по истории России, научной и культурной жизни страны, сделал описания ряда архивных собраний. Основной труд – незавершенная монография «Жизнь и труды М.П.Погодина» (Т.1–22. СПб., 1888–1910).

³² Имеется в виду Одесский археологический музей (ныне ОАМ Национальной Академии наук Украины), созданный в 1825 как Одесский городской музей древностей и в 1858 слитый с Музеем Одесского общества истории и древностей; с 1920 он назывался Одесским краевым историко-археологическим музеем, с 1930 – Всеукраинским историческим музеем в Одессе, с 1938 – Одесским историко-археологическим музеем, с 1945 – Одесским государственным историко-краеведческим музеем, с 1947 – Одесским государственным историко-археологическим музеем, с 1950 – Одесским государственным археологическим музеем, с 1971 – Одесским археологическим музеем Института археологии АН УССР, с 1972 – Одесским археологическим музеем АН УССР (с 1991 – АН Украины, с 1994 – Национальной АН Украины). Б.В.Варнеке стоял во главе музея с 1913 по 1919, его сменил К.М.Милисавлевич (1919–1920), а затем Сергей Степанович Дложевский (1889–1930), уполномоченный Укрнауки и начальник Ольвийской экспедиции после смерти Б.В.Фармаковского, директор музея с 1920 по 1930. См.: *Кортусова И.В.* Одесский археолог С.С.Дложевский // Проблемы истории отечественной археологии: Тезисы докладов конференции. СПб., 1993. С.58–59; *Охотников С.Б.* Люди, даты, юбилеи (Хроника музея и общества) // Древнее Причерноморье: Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1994. С.7–8.

³³ Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941) – историк античности, филолог-классик; магистр (1899), доктор (1904) греческой словесности; член-корреспондент Петербургской АН (1914), действительный член АН СССР

нежно любил. Вам лучше видно, что с этим сделать – выкинуть ли в мусорную яму или сберечь «ad poster<о>»³⁴. Я совсем не знаю столичных учреждений и потому отсюда не могу решать, куда можно было бы это сдать. Но, судя по судьбе бумаг П.В.Никитина³⁵, Академия брала материалы для биографии своих членов. Или лучше Пуб-

(1927); действительный член Академии художеств (1910–1918) и ГАИМК (1919–1937); член-сотрудник (1892), действительный член (1894), секретарь Классического отделения (1894–1919), помощник председателя (председательствующий) (1919–1922) РАО. Выпускник Петербургского университета (1890), где был оставлен для приготовления к профессорскому званию без стипендии. С 1891 – вольнонаемный сверхштатный писец, затем хранитель (1899–1903) Музея древностей Петербургского университета. В эти годы сблизился с Н.П.Кондаковым и вошел в круг его учеников. Преподаватель бытовой истории в Центральном училище технического рисования барона Штиглица (1891–1903); профессор истории искусств в Высшем художественном училище при Академии художеств (1894–1905); заведующий классическим отделением «Журнала министерства народного просвещения» (1902–1917); преподаватель, профессор Петербургского историко-филологического института (1909–1920); профессор Высших женских (Бестужевских) курсов; приват-доцент (1899–1904), экстраординарный (1904–1913), ординарный (1913–1927) профессор кафедры классической филологии, секретарь (1905–1909), декан (1918–1919) историко-филологического факультета, проректор (1911–1912) и ректор (1919) Петербургского (Петроградского) университета, в 1932–1936 читал лекции в ЛИФЛИ, с 1934 по 1941 – профессор кафедры истории античности исторического факультета ЛГУ. Председатель Совета Эрмитажа (1918–1919), товарищ председателя РАИМК (ГАИМК) (1923–1928), председатель Библиотечно-библиографической комиссии ГАИМК (с 1929), заведующий кафедрой историй античных колоний Причерноморья (1934–1937), заведующий сектором Древнего Причерноморья ИИМК (1937–1941). С началом Великой Отечественной войны отказался эвакуироваться и остался в осажденном Ленинграде, с октября 1941 руководил Комиссией по делам ленинградских учреждений АН СССР и ИИМК. Умер от голода в декабре 1941.

³⁴ На будущее (*лат.*).

³⁵ Никитин Петр Васильевич (1849–1916) – филолог-классик, эпиграфист; магистр (1876), доктор (1883) греческой словесности; адъюнкт (1888), экстраординарный (1892), ординарный (1898) академик по классической филологии и археологии, вице-президент (1900–1916) Петербургской АН; член-сотрудник (1886), действительный член (1897), управляющий классическим отделением РАО. Выпускник Петербургской духовной семинарии (1867) и Петербургского историко-филологического института (1871), с 1875 экстраординарный, затем ординарный профессор (1877–1879) Нежинского историко-филологического института князя Безбородко, доцент (1879–1883), экстраординарный (с 1883), ординарный (с 1886), заслуженный (1900) профессор по кафедре греческой словесности (до июля 1900), декан историко-филологического факультета (1897–1900), ректор (1890–1897) Петербургского университета; с 1879 – преподаватель, с 1883 – экстраординарный, затем ординарный профессор греческой словесности (1890–1900) Петербургского историко-филологического института. Личный архив П.В.Никитина хранится в Санкт-Петербургском Архиве Российской Академии наук.

личная библиотека? Мне решительно все равно, хотелось бы только, чтобы, если это имеет хоть какое-нибудь значение, не пропало без следа с моей смертью.

Напишите, что надумаете. Во избежание особой огласки, Троцкому³⁶ я не сказал про содержание пакета. Пользуюсь случаем, чтобы пожелать Вам всего доброго.

Ваш Б.Варнеке

Мемуары посвящены трем последним годам жизни Н.П.Кондакова на родине перед эмиграцией и описывают события в Одессе с весны 1917 по январь 1920. Написанные живым, образным языком, они ярко рисуют быт и нравы творческой интеллигенции, волею судеб оказавшейся в годы Гражданской войны в Одессе, когда в условиях калейдоскопической смены властей здесь жили и творили многие ученые, писатели и журналисты, впоследствии оказавшиеся в эмиграции. Благодаря несомненному литературному дару автора центральная фигура повествования – академик Н.П.Кондаков – встает перед нами в полный рост. При этом Варнеке отнюдь не идеализирует его образ.

Б.В.Варнеке сам признавался, что у него не сохранилось записей о начале его знакомства с Н.П.Кондаковым, и лишь с весны 1919 он стал фиксировать события жизни маститого ученого в Одессе. Именно поэтому в его воспоминаниях, написанные по памяти, вкрались фактические ошибки. Судя по хранящимся в Праге дневникам Н.П.Кондакова за 1917–1920 гг.³⁷, пери-

³⁶ Тронский (наст. фам. Троцкий, изменена в 1938) Иосиф Моисеевич (1897–1970) – филолог-классик, историк античной литературы; доктор филологических наук (1943). Родился в семье народного учителя, почетного гражданина Одессы. Выпускник классического отделения историко-филологического факультета Новороссийского университета (1915–1919), ученик Б.В.Варнеке, С.Д.Пападимитриу, А.И.Томсона; оставлен при Гуманитарно-общественном институте для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии (1919–1921). Преподаватель классических языков в Институте народного образования и Археологическом институте г. Одессы (1921–1923), одновременно заведовал отделом редких книг университетской библиотеки, носившей тогда название «Главная библиотека высшей школы» (1920–1923). В 1923 переехал в Петроград, выдержал испытание в объеме бывших магистерских экзаменов по римской словесности при Институте литературы и языков Запада и Востока, научным сотрудником которого в дальнейшем состоял (1924–1929). Работал помощником библиотекаря, библиотекарем, главным библиотекарем, библиотекарем-консультантом ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (1924–1945), доцентом (1926–1929) факультета языка и материальной культуры ЛГУ. После возобновления в вузах классического образования (1932) вернулся к преподавательской работе в ЛИФЛИ–ЛГУ: доцент (1932–1943), профессор (1943–1957) кафедры классической филологии филологического факультета. Старший научный сотрудник Института языка и мышления (1946–1950) – сектора индоевропейских языков Института языкознания АН СССР (1950–1970). См. его личное дело в архиве Института лингвистических исследований РАН в С.-Петербурге.

³⁷ Литературный архив Музея чешской письменности в Праге. Фонд Н.П.Кондакова. Далее – Фонд Кондакова в ЛАМЧП. Обзор фонда опубли.

од с 14 октября 1917 по 9 сентября 1918 ученый провел в Ялте, затем перебрался в Одессу, где с 10 октября 1918 приступил к чтению лекций в университете³⁸.

Однако, согласно воспоминаниям Б.В.Варнеке, лишь в марте 1919 Н.П.Кондаков, уезжавший в Ялту, вернулся в Одессу вместе с секретарем и экономкой Е.Н.Яценко. Петербургский академик поселился в квартире своего друга, профессора И.А.Линниченко³⁹. С осени 1919 Б.В.Варнеке стал часто бывать в гостях у Н.П.Кондакова. Последний в то время работал над третьим томом «Иконографии Богоматери» (в двух частях), посвященном искусству итальянского Возрождения (рукопись книги была продана Ватикану в январе 1925 и осталась неизданной). Из воспоминаний мы узнаем, что при содействии ректора А.Д.Билимовича Н.П.Кондаков получил возможность читать лекции в Одесском университете, а именно – вводные специальные курсы «История русской иконописи» и «Итальянская живопись эпохи Возрождения».

Б.В.Варнеке подробно рассказывает об университетской атмосфере послереволюционных лет, о репрессиях, обрушившихся со стороны властей и Одесской Губчека на оппозиционно настроенную профессуру. Истосковавшийся по общению с петербургскими коллегами и учениками и остро ощущавший свою оторванность от научного мира Петрограда «живописный старец» откровенно делился своими «думами» с Б.В.Варнеке. Интересны размышления академика об уровне развития гуманитарных наук и университетского преподавания в России, перемежаемые оценками (зачастую язвительными и нелицеприятными) научного творчества учителей, коллег и учеников, его откровенные признания и высказывания по самым разным вопросам. Автор пересказывает беседы с Н.П.Кондаковым, его оценки политических событий того времени, событий русской истории и современной им действительности, международной ситуации и внутреннего положения в стране, раздираемой Гражданской войной, описывает нечеловеческие усло-

Kopecka L., Dandova M. Nikodim Pavlovič Kondakov (1844–1925). Praha, 1925. 23 с. Выражаю глубокую признательность чешским коллегам – Марте Дандовой, Марте Заградниковой и Лидии Копецкой за возможность ознакомиться с материалами архива Н.П.Кондакова.

³⁸ *Кызласова И.Л. Забытая страница в преподавании истории искусства: Из опыта Ф.И.Буслаева и Н.П.Кондакова // С.-Петербургский фонд культуры. Программа «Храм». Третья российская научно-практическая конференция. Ч.2. СПб., 1994. Вып.5: Сб. материалов (ноябрь 1993 – июнь 1994). С.78. См. также: Тункина И.В. Материалы к биографии Н.П.Кондакова: Основные даты жизни и деятельности Н.П.Кондакова; Посмертно опубликованы; Поездки и экспедиции Н.П.Кондакова; Членство Н.П.Кондакова в академиях, университетах, институтах, обществах, комиссиях, музеях и т. п.; Награды Н.П.Кондакова // Никодим Палович Кондаков, 1844–1925. С.9–23.*

³⁹ Это подтверждается письмом Н.П.Кондакова к профессору Новороссийского университета И.А.Линниченко из Ялты в Одессу от 2(15) августа 1918, в котором он просит сдать ему и Е.Н.Яценко две комнаты в профессорской квартире. Причину переезда из Ялты в Одессу Н.П.Кондаков, всегда отличавшийся крайней бережливостью, объяснял дороговизной жизни в Крыму. См.: ГАОО. Ф.153. Оп.1. Д.112. Л.5-6об.

вия беженского быта, в какой-то мере объясняющие причины эмиграции академика. Кондакову как представителю консервативно-националистических кругов русского общества была свойственна крайне негативная оценка революционного и либерального движения, успехи которого, по его убеждению, свергли страну в «пугачевщину». Никодим Павлович крайне пессимистически оценивал будущность России. Хорошо зная по собственному опыту прагматизм и фальшь жизненного уклада либерально-демократической Западной Европы, он не случайно выбрал для эмиграции духовно близкие себе славянские страны – Болгарию и Чехословакию.

Ценными дополнениями к мемуарам Б.В.Варнеке о Н.П.Кондакове являются записи из дневников И.А.Бунина и его жены В.Н.Муромцевой-Буниной. Дневники хранились в парижском архиве Буниных и недавно опубликованы (к сожалению, с купюрами) доктором Эдинбургского университета Милицей Эдуардовной Грин⁴⁰. Н.П.Кондаков был знаком с И.А.Буниным еще с 1900-х. К моменту избрания почетным академиком (1909) писатель трижды удостоился академической Пушкинской премии. Известно также, что 1 ноября 1909, при баллотировке кандидатуры Бунина в почетные академики по разряду изящной словесности ОРЯС Петербургской АН присутствовал и Н.П.Кондаков⁴¹. Они, несомненно, встречались на журфиксах в доме ученика Н.П.Кондакова, профессора М.И.Ростовцева, который был дружен с И.А.Буниным.

Бунины прибыли в Одессу из Москвы в начале июня 1918. Иван Алексеевич часто виделся с Н.П.Кондаковым. Так, 23 июля (5 августа) 1919 И.А.Бунин записал: «Вчера после трех пришел Кондаков, безнадежно говорил о будущем, не веря в прочность ни Колчака, ни Деникина, вспоминая жестокий отзыв Мишле⁴² и его пророчества о том, что должно быть в России и что вот уже осуществилось на наших глазах...»⁴³. Воспоминания Б.В.Варнеке могут служить своего рода дополнением к «Окаянным дням» И.А.Бунина, где несколько раз упоминается и Н.П.Кондаков.

Исследователям жизни и творчества Кондакова ранее не было известно, что одновременно с преподаванием в университете Кондаков занимал должность помощника редактора по иностранной политике и вопросам образования в официальной газете Белой армии «Южное слово». В том же

⁴⁰ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. Милицы Грин: В 3 т. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977–1982. Предварительная публикация – в нью-йоркском «Новом журнале» за 1972–1974 (Кн.108–116).

⁴¹ ПФА РАН. Ф.1. Оп.1а (1909). Д.156. Л.273об. Во время выборов И.А.Бунин получил восемь голосов «за» и один «против».

⁴² Жюль Мишле (1798–1874) – французский историк романтического направления, с 1827 – профессор Высшей нормальной школы, затем профессор Коллеж де Франс (1838–1852), заведующий исторической секцией Национального архива, автор фундаментальных трудов по истории Великой Французской революции. Согласно Мишле, герой исторического процесса – народ, без деления на классы. Историк отрицательно относился к коммунистическим идеям, т. к. рассматривал экономическое неравенство как божественный закон.

⁴³ Устами Буниных. Т.1. С.291. Ср.: Из дневников И.А.Бунина / Публ. М.Грин // Новый журнал. 1972. Кн.109. С.175.

издании работал и Варнеке. Из его воспоминаний впервые выясняется, что по протекции Кондакова в «Южное слово» был устроен и Бунин, занявший с 21 октября 1919, наряду с Кондаковым, пост соредактора издания. Воспоминания Варнеке впервые проясняют роль Кондакова в обстоятельствах эмиграции Бунина: связи Кондакова во французских военных кругах помогли беженцам получить необходимые визы и ускорить выезд из России.

Бросающиеся в глаза некоторые фактические расхождения в описании деталей бегства в воспоминаниях Варнеке и автобиографических рассказах Бунина могут быть объяснены тем, что оба автора писали их по памяти. Во всяком случае, состояние духа и настроение Кондакова, крайне пессимистично оценивавшего будущность России, они передают достаточно точно. Снять ошибки при восстановлении подлинной хроники событий того времени помогут записи в дневниках Кондакова за 1917–1920, хранящихся в Праге. Структура и характер информации во всех дневниках ученого аналогична: записи одного дня занимают одну страницу, написаны скорописью и достаточно тезисны. Несмотря на то что заметки полны житейских подробностей, они дают представление и о научных штудиях Кондакова, его кабинетной работе, чтении лекций, участии в заседаниях, встречах с коллегами, общественными и политическими деятелями, о его реакции на политические события и многое другое. Полная расшифровка дневников Кондакова за одесский период, наполненных сведениями о его встречах с Буниным, – дело будущего. По этим записям можно будет воссоздать хронику последних лет пребывания на родине не только Кондакова, но и Бунина. Публикация материалов эмигрантского архива Н.П.Кондакова, хранящегося в Праге, поможет устранить фактические неточности в хронике самого «темного» периода биографий и великого ученого, и классика русской литературы.

Воспоминания Б.В.Варнеке публикуются по автографу, хранящемуся в фонде Н.П.Кондакова в Санкт-Петербургском Архиве Российской Академии наук (Ф.115. Оп.3. Д.91. Л.1-120).

Сокращения в тексте воспоминаний Варнеке, как и в дневниковых записях и письмах Кондакова, помещенных в комментарии, раскрываются без скобок в случаях, не имеющих другого толкования. Пропущенные автором слова и конъектуры заключены в угловые скобки, подчеркивания выделены курсивом. Купюры отмечены знаком <...>.

Список сокращений:

ВЖК – Высшие женские Бестужевские курсы; ГАОО – Государственный архив Одесской области; ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения (СПб.); ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН; ЛИФЛИ – Ленинградский государственный институт истории, философии и лингвистики; МАО – Московское археологическое общество; ООИД – Одесское общество истории и древностей; ОРЯС – Отделение русского языка и словесности; ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН; РАИМК (ГАИМК) – Российская академия истории материальной культуры (с 1926 – Государственная академия истории материальной культуры); РАН – Российская Академия наук; РАО – Русское археологическое общество (СПб.); РГО – Русское географическое общество.

* * *

Первый раз увидел я Н.П.Кондакова весной 1917 г.¹ в заседании Одесского общества истории и древностей². Оно близилось уже к концу, когда в полуосвещенную залу вошел бодрый, одетый в черный сюртук старик, робко остановившийся в дверях. Сидевший рядом со мною секретарь общества, проф. М.Г.Попруженко³, ученик Кондакова, шепнул мне, что это Кондаков, но большинство членов его не узнало, и доклад, не помню теперь – чей и о чем, шел без перерыва. Н.П. сел на ближайшее у двери кресло у стола и стал внимательно слушать доклад, а затем стал оглядывать залу, которую после перехода в новое помещение музея он, как потом оказалось, не видел. Когда доклад, вызвавший очень мало прений, кончился, я как председатель встал и от лица общества приветствовал гостя, который еще в годы председательства проф. А.А.Павловского⁴ был выбран в почетные члены общества. Услыхав, что в нашей среде Кондаков, члены собрания были, видимо, очень обрадованы возможностью увидеть именитого ученого и горячо поддержали мое краткое приветствие, так что совершенно неожиданно вышла очень теплая и сердечная встреча. При первых же моих словах Н.П. встал, и меня опять поразила стройная и бодрая фигура старца, про постоянные недуги которого я наслушался еще в Петербурге, начиная с осени 1894 г., когда на магистерском диспуте Д.В.Айналова⁵ читался его письменный отзыв и декан И.В.Помяловский⁶ оправдал это отступление заявлением, что тяжкая болезнь⁷ ближайшего учителя Дмитрия Власевича держит его в Ялте.

На мою речь Н.П. ничего не ответил, кроме низкого поклона собранию, но, когда я затем закрыл заседание и проф. Попруженко представил меня ему, Н.П. отвел меня в сторону и, словно запинаясь, стал благодарить и за это приветствие, и за мою статью о нем в «Одесском листке», которую я напечатал по случаю его пятидесятилетнего юбилея, предупрежденный об этом телеграммой С.А.Жебелёва. Номер газеты, оказывается, ему тогда же был переслан.

По рассказам у меня составилось о Н.П. представление, как об очень суровом и недоступном человеке. Особенно много о его «генеральстве» постоянно говорил А.А.Павловский. Тем приятнее мне было увидеть в ярко горящих, совсем молодых глазах его сердечную ласку и приветливость. Еще больше меня поразило тон, в каком он тут же стал просить меня позволить ему с его секретарем проделать «небольшую штудию», как он выразился, на коллекциях музея. Это было полное право любого посетителя музея, а Н.П. просил об этом как о невесть каком одолжении.

Само собой, что в условленный день я ждал Н.П. в музее. Ровно в назначенный срок он явился вместе с довольно невзрачной барыш-

ней, типа курсистки, которую он мне и представил как своего секретаря⁸. Одет он был, несмотря на жаркий день, в суконную крылатку, и под мышкой у него была папка. Я предложил им обозреть музей, но, оказывается, они уже в нем были до того заседания, где <я> с ним познакомился, и Н.П. сразу указывал мне нужные ему шкафы с черепками расписных ваз из березанских раскопок Э.Р. фон Штерна⁹. Ключи были сейчас же принесены, шкапы отперты, и я не стал им мешать, но, проходя из своего кабинета в другие залы, я видел, что Н.П. объяснял секретарше технические приемы живописи на этих черепках, сличая на разных вазах разную манеру живописца, причем особенное внимание ее он обращал на приемы накладки краски. Он говорил, а секретарша что-то записывала и зарисовывала на отдельных листах.

По будням музей бывал обыкновенно пуст, и досужие посетители им не мешали. Эта работа тянулась дней 10. Вскоре, кроме карандаша, начали они зарисовки и акварельными красками. О назначении и цели этих работ спрашивать мне Н.П. было неловко, но получалось такое впечатление, будто он учил свою секретаршу, а не она помогала ему в его работе. Каждый раз без перерыва они работали часа по три.

Как-то раз под конец их занятий секретарша ушла одна, а Н.П. прошел ко мне в кабинет, где как раз был один из типичных местных продавцов древностей. Н.П. внимательно присматривался к его своеобразному облику и после его ухода стал подробно меня расспрашивать про этот бич Одесского музея. В беседе я коснулся одной из самых крупных сделок того года. Молодой миллионер, грек, фабрикант халвы Дуваржогло купил у пресловутого Шепсиеля Гохмана¹⁰ сосуды из «древнего восточного стекла» на несколько десятков тысяч и этим вызвал страшное негодование своей жены. Желая перед нею оправдаться, Дуваржогло несколько раз приставал ко мне с просьбой посмотреть его коллекцию, от чего я упорно отказывался, во-первых, потому, что я на самом деле ничего не смыслю в восточных древностях, а во-вторых, потому, что с самого начала своего заведования музеем поставил себе за правило держаться подальше от подобных операций разных Гохманов.

Н.П. эта история очень заинтересовала, и он предложил сам свои услуги осмотреть эти вещи. Я сейчас же послал на квартиру Дуваржогло служителя с письмом, когда он сможет нам показать эти вещи. Через полчаса ответ был получен, и Дуваржогло предлагал прислать за Н.П. машину, страшно обрадованный надеждой, что такой большой ученый увидит его вещи: сам-то он про Кондакова, конечно, впервые узнал из моего письма, в котором я постарался подчеркнуть его славу.

От машины Н.П. решительно отказался и предложил идти к Дуваржогло пешком, что и мне было гораздо больше по душе. В назна-

ченный день и час я был у Н.П. Он жил тогда в гостинице «Пассаж» и занимал номер бельэтажа¹¹. В нем мне бросился в глаза большой открытый кофр. Завязывавшая Н.П. галстук секретарша заметила мне с улыбкой, что это все книги, без которых Н.П. никуда не ездит.

Был жаркий майский день, а Н.П. в неизменном черном сюртуке и суконной крылатке двинулся на набережную, где жил Дуваржогло. В подъезде он предупредил меня, что боится пыли и потому на улице всегда молчит. И шли мы очень медленно.

Встретили Н.П. как владетельную особу: сам хозяин и его жена были разряжены в пух и прах. Стол был приготовлен к роскошному завтраку с винами и ликерами. Но Н.П. от всей этой благодати решительно отказался, согласившись выпить только стакан содовой воды, и сразу же подошел к восточным сосудам, выставленным на особом столике. Это были невысокие кувшины темно-красного стекла с золотом. Минут 10 он их рассматривал самым внимательным образом, подымая на свет, выстукивая и т. п.

Поставив их на стол, он стал протирать очки и с растяжкой вымолвил:

– Да-а-а. Поучительно! Весьма поучительно!..

Хозяина это очень окрылило, и он с упованием спросил:

– Древняя работа?

– Нет-с, современная. Теперь на Кавказе сколько угодно таких делают.

– А цена какая им будет? – уже совсем упавшим голосом рискнул спросить весьма смущенный собиратель.

– Ну как сказать? Рублей триста за все дать, пожалуй, еще можно, – невозмутимо отрезал Н.П.

Вопль ярости вырвался из груди хозяйки, и она, как тигрица, ринулась на несчастного. Приближение семейной сцены было ясно, и мы удалились.¹²

На подъезде Н.П. не выдержал и с глубочайшим негодованием воскликнул:

– А и большой же марки мерзавец, кто так обставил этого несчастного пиндоса...

Потом, однако, я узнал, что пострадал собиратель не особенно и экспертиза Н.П. ему помогла: он вызвал Гохмана и, грозя хорошо знакомым ему судом, заставил взять обратно сосуды и вернуть деньги.

Больше в музее Н.П. не показывался, если не считать одного заседания весной уже 1919 г. Заседания тогда удавалось собирать с трудом, и одно из последних было посвящено памяти почетного члена Ю.А.Кулаковского¹³. По обычаю Московского археологического общества, заседание началось торжественной панихидой, за которой шел мой доклад. Между прочим я подчеркнул, что последние годы Ю.А.<Кулаковский> был очень угнетен нападками, кото-

рыми его осыпали, и его «Историю Византии», и его работы по керченским катакомбам, жестоко осмеянные автором роскошного издания керченской стеновой живописи¹⁴. После доклада Н.П., посетивший это заседание, в частной беседе стал говорить, что напрасно Ю.А. <Кулаковский> поддавался малодушию: кого не бранят! Вон и меня недавно как продернул Философов¹⁵. Притом стоило еще считаться с рецензией А.А.Васильева¹⁶ – действительно серьезный человек, а автор исследования про Керчь, при всей своей гениальности, человек больной: у него какой-то зуд в каждой работе кого-нибудь садануть. К нему надо бы приложить с небольшой переделкой название пьесы Андреева: «Тот, кто раздает пощечины»¹⁷. Это он, верно, в Оренбурге¹⁸, от башкирских джигитов такой удалы заразился.

Из газет я знал, что в весну 1917 г. Н.П. очень усердно работал в Совете Одесского художественного училища, одним из основателей которого он был еще в семидесятые годы. Теперь он проводил чуть не все вечера сплошь на заседаниях по переработке его устава, оживленно переписывался с петербургскими канцеляриями. Позже, в 1921 г., сделавшись ректором Института изобразительных искусств, выросшего на развалинах этого училища, я нашел и протоколы этих заседаний, и много бумаг, написанных рукой самого Н.П., показывающих, как близко принимал он к сердцу дело художественного образования. Примененным на деле оказалось, однако, лишь очень немногое из того, что он намечал, желая любимую им школу уберечь от слишком хорошо ему известного печального опыта Петербургской Академии художеств.

В конце мая 1917 г. я выехал на дачу, а вскоре уехал из Одессы и Н.П. Куда? Не помню точно. Кажется, он ехал в Ялту¹⁹ к своему другу А.Л.Бертье-Делагарду²⁰. Точно так же не помню, когда именно он вернулся опять в Одессу. Наверно знаю только, что его не было здесь в 1918 г.²¹ – ни при первых большевиках²², возглавляемых Муравьевым²³, ни при немецкой оккупации²⁴. Зато второй период большевиков в марте 1919 г. застал его снова здесь. Прожил ли <он> этот год с лишком в Ялте или возвращался в Петербург, тоже не знаю. Весеннее полугодие 1919 г. он не только провел в Одессе, но и состоял преподавателем нашего университета. Тогдшний ректор А.Д.Билимович²⁵, женатый на художнице²⁶, очень живо интересовался искусством и окружил Н.П. полным вниманием, устроив ему, как академику, повышенную оплату лекций, в чем он очень нуждался из-за невозможности получать деньги с севера. Та же самая нужда заставила его поселиться все с той же секретаршей уже не в номерах, а в квартире своего друга проф. И.А.Лининиченко²⁷. Этот богатый старый холостяк занимал барскую квартиру возле самого университета на Елизаветинской ул.²⁸ (№10), где теперь помещается Губарх²⁹, и несколько комнат радушно уступил Н.П.

Во время французской оккупации³⁰ Н.П. держался в тени, но с приходом советской власти³¹ сразу занял в нашем факультете очень видное положение. В политику, споры о программах и т. п. он не вмешивался и теперь, но сразу же показал себя чрезвычайно смелым и отзывчивым человеком.

Комиссаром просвещения был назначен проф. Е.Н.Щепкин³², с Февральской революции восстановленный в правах профессора. Став начальством, он начал свою деятельность с того, что на второй день Пасхи издал декрет, изгонявший из университета 26 профессоров³³, довольно пестрых по политической своей окраске, но подозреваемых им как виновников того забаллотирования, которому он сам подвергся в 1916 г., когда выставлял свою кандидатуру. Среди ее противников открыто первое место занимал наш декан А.П.Доброклонский³⁴. Часть факультета его очень любила, и его отставка очень сильно огорчила не столько его самого, как этих его друзей. На первом же заседании «очищенного» факультета кто-то, кажется Б.М.Ляпунов³⁵, задал Щепкину вопрос, нельзя ли вернуть Доброклонского? Щепкин, очень чуткий к мнению публики, смутился и стал говорить, что подкладка его увольнения вовсе не личная, а программная: советская власть не может терпеть клерикальных предметов, и потому не А.П.<Доброклонский> уволен, а отменена кафедра церковной истории, и если кто-нибудь предложит его на другую кафедру, то он немедленно его восстановит. Зная мои плохие к нему отношения, Щепкин ехидно улыбнулся и спросил: «Вот, может быть, вы, Борис Васильевич, предложите его на классическую филологию? Ведь он писал о Факунде³⁶».

Я молчал, но в это время Н.П. встал и очень резко, с видимым волнением сказал:

– Я берусь его представить на вакантную (за отъездом С.Д.Пападимитриу³⁷) кафедру византийской филологии. Евгений Николаевич, наверно, как историк знает, что отдел об иконоборцах у него в диссертации о Федоре Студите³⁸ изложен образцово; в европейской литературе равной этой главе я не знаю и считаю позором для революционной школы, если она за своим бортом оставит такую ученую силу.

Это заявление имело громадное впечатление, Щепкин смутился и скоро ушел из заседания³⁹, а по закрытии его Н.П. стал рассказывать:

– В 1876 г. для статьи о Хлудовской псалтири⁴⁰ я очень много сидел над Студитом и иконоборцами. Теперь, получив диссертацию А.П.<Доброклонского>, вижу, как она обстоятельна в этой части, и потому с радостью напишу представление.

Действительно, в ближайшее заседание, на которое Щепкин вместо себя прислал своего заместителя-студента, Н.П. представил

отзыв на нескольких листах, и А.П.<Доброклонский> был единогласно переизбран⁴¹, но толку из этого не вышло: пока бумага ходила по инстанциям, началась полоса арестов и чуть ли не в первую ночь был забран и Доброклонский⁴², просидевший до прихода белых.

Вскоре затем пришли арестовать и хозяина Н.П., проф. Линниченко, но его не было дома, и власти пригрозили, что если И.А.<Линниченко> не явится, то они вместо него арестуют Н.П. Линниченко вернулся домой часа через два, прочел бумагу и сказал, что идет в Чека, а на самом деле отправился за город на хутор к одному знакомому, где и прожил недель шесть вполне благополучно. Ни за ним, ни за Н.П. никто больше не приходил⁴³. Верно, забыли за множеством материала.

Зато скоро сам Н.П. отправился в Чека. Тогда жил в Одессе черниговский помещик старый Дорошенко⁴⁴. Всю свою жизнь он собирал украинскую старину и возился с фарфором. При гетмане или при Раде его брата назначили украинским министром иностранных дел⁴⁵, а ему дали портфель министра изящных искусств на Украине. Когда опереточное министерство пало, старик вместе с женой⁴⁶ переехали в Одессу. Французы, уходя, предлагали их вывезти, но он решительно отказался:

– Чего мне бежать? Я от политики всю жизнь свою сторонился, собирая писанки да фарфор. Это вещь невинная...

Однако, в мае 1919 г. пошли поголовные аресты украинцев. Арестовали и Дорошенко⁴⁷. Уходил он из дома совершенно спокойно:

– Это просто недоразумение. Ну какой я министр? Над фарфором...

Не беспокоилась особенно первые дни и его жена, уверенная, что каждый час он вернется.

Вдруг специалисты по сношению с Чека – а тогда развелись и такие – явились к ней с предупреждением, что дело, мол, серьезное: хлопчите...

Легко сказать, а как будет хлопотать одинокая старуха в чужом городе? Она стала кидаться ко всем, но большинство сами боялись за себя. Кто-то из профессоров, услышав, что ее муж был всего-навсего министром искусств, повел ее к Кондакову.

Явились они к нему поздно вечером. Н.П., по обыкновению, встретил крайне любезно, выслушал, поил старуху водой, но ничего определенного не сказал, и спутник madam Дорошенко потом жаловался на его безучастие: «Это какой-то камень, а не человек... Все только свое “да...а...с” тянет...».

Однако оказалось, что после их ухода, чуть ли не в полночь, Н.П., не сказав ни слова своей секретарше, надел крылатку и двинулся в Чека.

Дня через два, когда стенные газеты объявили о расстреле гетманского министра Дорошенки⁴⁸, один адвокат, хлопотавший тогда в Чека за смертников, своему зятю – профессору-филологу – рассказывал, что Н.П. при нем явился к начальнику Чека. Того добровольный приход, да еще в такой час, старика удивил крайне. Н.П. с полным спокойствием стал растолковывать, что министр изящных искусств весьма далек от политики и что казнить человека за то, что он собирал писанки, – дело несурзное.

Ему стали возражать, что как бы там ни было, а министр есть министр, но Н.П. не сдавался и все хотел убедить в бессмысленности казни Дорошенки.

Властям надоело слушать докучливого ходатая, да еще в такое горячее время, и они пригрозили, если он не уберется подобру-поздорову, и его за компанию прибавить к Дорошенке.

По словам адвоката, при этой угрозе Н.П. будто бы только усмехнулся и сказал:

– Неужели вы думаете, что это страшно 76-летнему старику?

Рассказ об этом ночном походе Н.П. в учреждение, мимо которого и днем-то избегали ходить, быстро разошелся по Одессе, и Н.П. спрашивали о подробностях, но он опять был краток: «Ходил-с, да без толку. У них соображения государственные, и переубедить их трудно-с. Зря время потратил-с».

Скоро мне самому пришлось на себе испытать отзывчивость и сердечность Н.П. Как раз в то лето мой старший сын⁴⁹ очень тяжело заболел. Врачи признали у него острый туберкулез и объявили его безнадежным.

С Н.П. я почти никаких частных бесед до того не вел, и вдруг он встречает меня на улице, берет за руку и с какой-то совсем неожиданной теплотой начинает успокаивать:

– Не волнуйтесь. Меня тоже в такие же годы приговаривали к смерти. И верхушки у меня задеты, и палочек сколько угодно, а вот до старости проскрипел, с передышками от одного обострения до другого. Врачи ничего не знают, и их приговорам верить невозможно.

Я стал говорить, что теперь совсем не те условия, и я не могу доставить больному то, что прежде было так доступно. Н.П. прервал меня:

– Пустяки-с. И у меня в молодости условия были тоже аховые. Да и потом жить приходилось со всячиной. Унывать не надо-с.

Когда болезнь сына особенно обострилась, выхожу утром на базар, возле которого живу, и у одного из возов вижу Н.П.

– Я нарочно позадержался, чтобы вас встретить и спросить, как сынок?

– Жив еще, – мог я только сказать.

– Самое-с главное, а остальное – все приложится. Авось сам на базар придет!

Действительно, к осени мой сын поправился, но Н.П. до самого отъезда неизменно встречал меня вопросом: «Ну, а сынок как?». Эта забота о чужом горе была тем удивительнее, что самому Н.П. в то лето жилось очень плохо.

Университет платил в совершенно неопределенные сроки какие-то гомеопатические суммы. Все в плате были уравнены, и преподавателям всех рангов платили по числу лекций: у Н.П. их было две, и на его долю выходила какая-то насмешка. Большинство из нас жило «товарообменом»: сбывая на базар мебель, гардины, портьеры, платья, на которые накинулись крестьяне, упорно не желавшие тогда брать «советских» денег. Но у Н.П., как у беженца, «вешей» было в обрез, и продавать ему было нечего. Никаких пайков, общественных столовок в то лето еще не было. Пока его хозяин, проф. Линниченко, был на свободе, они питались сообща, но с тех пор, как И.А.<Линниченко> оказался в «бегах», иссяк и этот источник, и больному старику пришлось голодать. Сам ходил он «менять» на базар, и раз я видел, как он с большой настойчивостью выменивал на картошку прекрасный английский плед.

Молодежь из наехавших с севера беженцев очень ловко умела вызывать к себе сострадание, жалуясь на свои беды и лишения, а Н.П. и тут остался верен себе и никогда никому не жаловался и ни в каких «делегациях» участия не принимал, а потому и ничего не получал. Только потом, при белых, когда стали вспоминать пережитые лишения, он вмешался и сказал: «Без молока туговато приходилось». В то лето университетская лектория была сборным местом для обмена всевозможными слухами, почему и получила прозвище «центрослух». И здесь Н.П. никогда не показывался, прямо проходя в соседнюю с ней библиотеку, откуда каждую неделю ему носили вороха книг.

С осени я стал довольно часто бывать у него на дому и мог присмотреться к тому, над чем он работал. Заставал я его неизменно за работой у стола. С ним было много своих книг и папки с вырезками из журналов. Среди последних помню статьи А.А.Спицына⁵⁰ из «Журнала Министерства народного просвещения» и посмертную статью П.В.Никитина из «Византийского временника». При отъезде он подарил эти оттиски мне вместе с «Месяцесловом» архимандрита Сергия⁵¹. Была при нем своя хрестоматия из Плиния⁵², по которой он слышал мой перевод⁵³ после выхода его уже из печати. Стало быть, интерес к древнему искусству у него еще сохранился. И в библиотеке он разыскивал по журналам статьи Александра Конце⁵⁴, тоже по греческому искусству, причем несколько раз хвалил мне его метод и говорил о личной дружбе с этим ученым. Одновременно с этим он

усердно разыскивал все, что в Одессе имелось про Мантенью⁵⁵, и выписывал о нем материалы в особую папку с черновиками как будто бы далеко подвинутой работы⁵⁶. Но чаще всего я его заставлял за «Месяцесловом Востока» архимандрита Сергия. На вложенных восьмушках Н.П. делал какие-то сложные расчеты и выкладки карандашом и постоянно восторгался работой духовного агиографа.

– Удивительная книга. Чем больше проверяю и вчитываюсь, тем больше преклоняюсь перед необъятной работой, сделанной этим монахом. Вот настоящий бенедиктинец, и никто не удосужился написать приличной его биографии. Очень много мне о нем рассказывал И.В.Помяловский, но все это осталось втуне. Надо было бы перерыть архивы тех московских монастырей, где он настоятельствовавал, когда писал эту книгу. Если бы был помоложе, непременно взялся бы за эту работу, а то вон проф. Гёрцу⁵⁷ посвятили целую книгу⁵⁸, а Сергий и печатного листа не заслужил. Это величайшая несправедливость.

Попутно Н.П. решительно отрекся от приписанного ему звания ученика проф. К.К.Гёрца:

– Конечно, я должен был у него слушать историю искусств, но научить он не мог ничему, потому что разводил с кафедры мутную кисло-сладкую водицу про воплощение красоты, которое одинаково его восторгало и у Фидия, и у Рафаэля, и у Брюллова. Никакой разницы между ними он не чувствовал. Учиться искусству в Москве можно было только у Буслаева⁵⁹, и это мой учитель.

Заходили иногда по поводу книг и статей разговоры и про современных ученых. Далеко не все он одобрял, что теперь печаталось, но славы «ругателя» не подтверждал. Наоборот, скорее он избегал говорить про тех, кто был ему не по душе, зато не раз говорил определенно о своей любви к Я.И.Смирнову⁶⁰:

– Что я провел его в Академию – это, пожалуй, лучшее дело моей жизни, хотя многие и нападали, будто он мало печатает. Зато все, что он печатает, – настоящее золото, и никто у нас теперь так не чувствует исторического стиля, как Я.И.<Смирнов>. Такие знатоки, пожалуй, есть только в Британском музее. Не будь теперешней разрухи, он в Академии сделал бы очень много. Я сам у него многому научился.

После Я.И.<Смирнова> теплее всех отзывался Н.П. о С.А.Жебелёве, особенно сочувственно отмечая достоинства его характера и редкое трудолюбие при полной скромности⁶¹.

Осенью с приходом белых университет рано открыл свои лекции по старым учебным планам, и Н.П. стал в нем читать специальный курс «для желающих» по иконографии. Это был последний его курс в русском университете.

Общие курсы по искусству читал Н.Л.Окунев⁶². Он незадолго до этого приехал в Одессу, но сразу же пришлось очень ко двору и бла-

годаря своему прекрасному характеру и такту – умел ладить со всеми, не пачкая себя грязью отдельных партий и кружков. Живой, отзывчивый характер создал ему множество сторонников. Студентов он подкупал и доступностью изложения, и снисходительностью на экзаменах, и умением приблизить к себе. Особенно охотно девицы писали ему рефераты, выступали в устроенном им кружке при университете, пользуясь интересом к искусству ректора А.Д.Билимовича и его жены, с которыми он очень подружился. Н.Л.<Окунев> устроил выставку картин частных владельцев в Обществе изящных искусств⁶³, где он сам был выбран председателем и где жизнь была ключом. И на лекциях, и на рефератах он, как правверный ученик Д.В.Айналова, особенно налегал на византийское искусство, и тут ему невольно на каждом шагу приходилось сталкиваться с Никодимом Павловичем.

На первых порах отношения между ними установились самые лучшие. Молодой ученый всячески чествовал маститого академика, стараясь во всем ему услужить, а тот ничем не задевал самолюбия и авторитета молодого товарища. Приглядываясь к их взаимным отношениям, я начинал сомневаться в справедливости изречения С.Ф.Платонова⁶⁴, которое слышал от него очень давно: «Добрые отношения между двумя специалистами по одной кафедре – вещь метафизическая».

Н.Л.Окунев чуть ли не каждые две недели выступал в своем обществе со своими собственными докладами и все на самые трудные общие темы. Н.П. упорно на эти доклады не показывался, но однажды пришел в середине июня. Доклад был посвящен «архитектурным параллелям между Кавказом и Францией». Прочитан он был очень бойко, сопровождался множеством иллюстраций, был лишен ученого балласта и стремился доказать, что многие детали французского средневекового зодчества попадают на более древних памятниках Кавказа.

Н.П., несмотря на страшную жару и духоту, сидел как изваяние, но за несколько минут до конца доклада ушел, чем очень смутил докладчика, который и во время прений несколько раз подчеркнул свое сожаление, как, мол, жалко, что среди нас нет Никодима Павловича. Его мнение услышать было бы особенно ценно, но, видимо, утомление и боязнь поздно ходить по улицам (это было в разгар большевистского террора, когда по улицам позже 10 <часов> ходить возбранилось) лишили нас этого удовольствия.

Многим, однако, показалось, что Н.П. ушел неспроста, и, когда на другой день в библиотеке кто-то нарочно спросил его про доклад, Н.П. высказался вполне определенно:

– Докладу не удивляюсь. Теперь еще и не такие слышать придется, не понимаю, зачем только понадобилось усердно приглашать

меня, когда не было желания прочесть мою же статью на эту самую тему в «Древностях» Московского археологического общества еще за 1876 г.⁶⁵

Как всегда бывает, эти слова распространились очень скоро и сильно подорвали вес Окунева в факультетской среде. Дошли они, видимо, и до автора доклада. Он стал реже появляться у Н.П., а когда осенью с восстановлением университета факультет ему поручил представить план чтений по искусству, имя Кондакова в нем отсутствовало. Охотно допускаю, что это вышло неумышленно и Н.Л.<Окунев> указал только свои лекции в уверенности, что Н.П. самостоятельно заявит о своих чтениях. Но «добрые друзья» истолковали этот досадный пропуск как нежелание Окунева видеть рядом с собой на кафедре Кондакова, и роковой двуглавый орел с повернутыми в противоположные стороны ликами воспарил и над этой малюсенькой кафедрой. В итоге изречение С.Ф.Платонова оказалось и здесь к месту. Ранней осенью, однако, Н.Л.Окунев, всегда стремившийся к административным постам, покинул Одессу, устремившись в Ростов, где он при Деникине был назначен главкомом по делам искусств⁶⁶. Больше Одесса его не видала, и Н.П. остался единственным преподавателем по кафедре. Но от этого слушателей у него не прибавилось.

Дело в том, что большинство местных искусствоведов дальше желания перелистать два-три выпуска «Аполлона»⁶⁷ не заходило, и даже Мутер⁶⁸ был непомерно тяжел, особенно для дамского их раздела. Вот если бы Н.П. читал так, как в «Речи» писал Александр Бенуа⁶⁹, – тогда аудитория была бы полна, а теперь число слушателей не превышало десяти. На одну лекцию в ноябре зашел и я. Н.П. толковал икону Богоматери «Неупиваемая чаша». На столе стоял снимок с нее, а Н.П. добрую треть двухчасовой лекции посвятил толкованию византийских мистиков, выпуски из которых и читал по лоскуткам мелко исписанных бумажек. Затем перешел к изложению мельчайших вариантов композиции, мастерски толкуя всякую мелочь. По поводу одной частности он указал, во сколько раз глубже Н.В.Покровского⁷⁰ толковал отдельные ее частности И.М.Снегирев⁷¹. Это дало повод к большему отступлению про последнего. Кондаков ставил очень высоко его умение при самых скудных источниках и пособиях вникать в самую «суть дела». А все от того, что он, как и М.П.Погодин⁷², были настоящие «старинщики». Для них старина – не только предмет научных домыслов, а основа всего их внутреннего уклада. Этим они оба и сильные, подобно Голышеву⁷³, Большакову⁷⁴ и Филимонову⁷⁵. Каждое слово их драгоценно, тогда как Ровинский⁷⁶ или Стасов⁷⁷ этой связи никак не могли нажить, но все-таки они оба никогда не впадали в ту непроходимую пошлость, какую про наши иконы теперь печатают князь Ев<гений> Трубец-

кой⁷⁸ в своем «Умозрении в красках»⁷⁹ и особенно «болтун Мура-тов»⁸⁰. Последний, кто понимал дело, был И.Е.Забелин⁸¹, а все потому, что у стариков на плечах голова была...

Читал Н.П. всю лекцию очень медленно, словно выжимая из себя слова⁸². Манера его больше всего напоминала мне П.В.Никитина, с той только разницей, что Кондаков не кашлял. Записать его лекцию можно было без труда. Но эти личные воспоминания его оживили: глаза загорелись особым огнем, голос сразу окреп, с языка сыпались острые, меткие слова, и получилась очень яркая картина, представляющая ценнейшее дополнение к его академической речи про Погодина⁸³, где те же самые мысли засушены и задавлены тисками како-го-то конспекта, в какой превращалось почти все, что выходило из-под его пера.

Вообще Н.П. был великий мастер на устные портреты, и походя мне доводилось от него слышать любопытные подробности про А.П.Чехова⁸⁴, В.Н.Давыдова⁸⁵, которого он знал в детстве, Н.Н.Страхова⁸⁶, Н.П.Гилярова-Платонова⁸⁷ и графа А.А.Бобринско-го⁸⁸, председателя Археологической комиссии. Про последнего он говорил особенно сурово и жестоко издевался над его сотрудниками по комиссии, «не постыдившимися посвятить целый сборник статей⁸⁹ этакому убожеству». Отчего не посвятили сборника швейцару комиссии? Тот, во всяком случае, был умнее.

Студентов на лекции было мало, и содержание ее их, видимо, не захватывало. Девиз не было вовсе. Зато на лекции были совсем редкие гости: декан А.П.Доброклонский, настоятель кафедрального собора, отец нашего профессора⁹⁰, протоиерей В.Флоровский⁹¹, несколько художников. Они составляли круг постоянных его слушателей. На некоторых лекциях, кажется, бывал акад<емик> Б.М.Ляпунов. Я сам очень жалею, что мне недосуг позволил только раз послушать его лекции.

Зато в ту самую осень мне приходилось с ним встречаться по несколько раз в день в другом месте, а именно в редакции газеты «Южное слово», где Н.П. был помощником редактора по иностранной политике.

Это была официозная газета белых, основанная Н.К.Клименко⁹² через несколько дней после ухода советской власти.

С Клименко я познакомился недели за две до ухода советских войск из Одессы. В ту пору ежедневно под вечер мы собирались в комнате у Е.А.Полевицкой⁹³ и ее мужа И.Ф.Шмидта⁹⁴. Народ все был театральный, кроме одного маляра, специальность которого становилась очень подозрительной из-за его явно интеллигентского облика. Кто его ввел в наш кружок – не помню, но И.Ф.Шмидт сказал мне по секрету, что это морской прокурор, чудом ушедший от расстрела. Каждый вечер он являлся со «слухами», отличавшимися

от всех остальных тем, что они неизменно и очень скоро сбывались. Так, сдачу Одессы он предсказал за два дня, назначив приблизительно день и час. Он намечал понедельник; сдали Одессу раньше – в субботу⁹⁵.

Когда стекла Одессы еще дрожали от пушек английского броненосца, я встретил его на улице уже в морской форме. Тогда такие переодевания были на каждом шагу. Он мне сказал, что будет издавать большую газету и идет уже от редактора Д.Н.Овсяннико-Куликовского⁹⁶ и оба они просят меня взять в свои руки отделы театра и городской хроники. Последнее для них особенно важно потому, что оба они в Одессе люди новые.

В казенной газете мне работать очень не хотелось. Но имя Д.Н.Овсяннико-Куликовского, милейшего человека, какого я когда-либо встречал, меня соблазняло очень, и я обещал подумать.

На другой день Овсяннико-Куликовский часа два просидел у меня на балконе, продолжая убеждать меня «войти в газету», а вечером на меня усиленное давление оказали Е.А.Полевицкая с мужем, причем все они заверяли, что дело будет очень чистое, раз ближайшее участие в нем, кроме Овсяннико-Куликовского, будет принимать и Никодим Павлович.

Действительно, на первом же редакционном собрании выяснилось, что Д.Н.Овсяннико-Куликовский, помимо общей редакции, будет руководить отделами внутренней политики и литературы; иностранная политика и школа поступали в ведение Н.П.Кондакова; финансы, экономика и рабочий вопрос – проф. Г.Е.Афанасьева⁹⁷, а мне достались театр, музыка и городская хроника.

Газета затевалась на очень широкую ногу, по типу «Русского слова»⁹⁸, с приглашением целой армии сотрудников и крупных литературных имен вроде И.А.Бунина⁹⁹, А.М.Федорова¹⁰⁰, Щепкиной-Куперник¹⁰¹, Тэффи¹⁰² и т. п. На гонорар и авансы не скупилась.

Но еще до выхода первого номера стали бросаться в глаза зловещие признаки. Прежде всего, сам издатель Н.К.Клименко и штаб состоявших при нем «уполномоченных» юношей в военной форме при широчайших галифе и громадных наганах обнаруживали, при редкой самоуверенности, полнейшее незнание с газетным делом. Они опирались на группу «столичных журналистов» очень сомнительного свойства: добрая половина их при советской власти играла очень важную роль. Правда, теперь они все пылали бурной преданностью к Добрармии и ее вождю, у каждого из них «сынко Гриша» проделал будто бы Ледовый поход¹⁰³, получил два Георгия и лежит теперь на излечении в Крыму. Но эти рассказы были так крикливы и однообразны, что верить им становилось трудно, особенно при беглом даже обзоре наружности патристических рассказчиков. Робкие сомнения спутников на их счет Клименко горячо раз-

бывал уверением, что все это «люди железной верности. У большевиков служили поневоле, и все оказали там массу помощи великому делу святой Руси».

Но самый грозный признак проявился за два дня до выхода первого номера. Вечером особо торжественными повестками в редакцию позвали всех решительно сотрудников для выслушивания руководящего сообщения главноначальника по делам печати и пропаганды при генерале Деникине, полковника Апушкина¹⁰⁴. Его информация должна была «поставить вехи для нашего пути», заменяя собой программу всех важнейших отделов.

В большой зале редакции собралось человек 60. Явился полковник, как и подобает начальству, с опозданием часа на полтора. Справа от него на цыпочках шел Н.К.Клименко, а слева в торжественном сюртуке и крахмальной манишке плыл Д.Н.Овсянко-Куликовский. Сам полковник оказался болезненным юношей в люстриновом пиджаке, один рукав которого был приколот у плеча: руку он потерял где-то на Карпатах.

Открыл собрание Овсянко-Куликовский при самой настороженной тишине:

– Мы вот сейчас за обедом уже наметили основные пункты в беседе с нашим уважаемым гостем. Скажу прямо: меня эта программа захватила, и я рад отдать этому великому делу остаток своих сил. Подробности вам сейчас изложит сам полковник, и я уверен, что и вас он так же захватит, как успел захватить меня...

Полковник нервно докурил папироску и стал говорить. Его бойкая речь лилась час с лишком, и в нее были вложены все радужные, розовые краски, какие только существуют для передачи самых безграничных мечтаний. Впереди одни победы: к зиме Добрармия не только очистит всю землю от большевиков, причем все города до Москвы включительно будут сдаваться сами, под звон колоколов, но вернет России ее былую великодержавность <так!>. Константинополь, конечно, будет наш, проливы тоже. Малая Азия – вероятно. Галиция рвется в наши объятия. Внутри страны – полное блаженство. Везде царит одна взаимная любовь, сплошная законность и справедливость, при полном процветании хозяйства, наук и искусств.

Речь эта многих захватила; у Д.Н.Овсянко-Куликовского на глазах были слезы. Но особенно горячий восторг обнаруживали родители «Гришек с двумя Георгиями», делавшие явно непривычный для большинства из них жест крестного знамения.

«Святое молчание» нарушил Г.Е.Афанасьев, очень усердно записывавший всю речь. Он спросил полковника, насколько сильно подтверждены официальными документами его заявления о самой широкой поддержке со стороны Англии и Франции Добровольческой армии? Нет ли на этот счет определенного договора?

Вот тут-то и обнаружилось, что безрукий полковник не Хлестаков: он задумался и после долгих припоминаний сказал:

– Нет, договора, кажется, никакого нет. У нас об этом не говорили. Но три месяца тому назад в Константинополе, в ресторане, мне говорил один английский офицер, видимо достаточно осведомленный...

Клименко сразу понял, какую жалкую фигуру должен являть собой «главноначальствующий по делам печати», опирающийся в основном вопросе политики на ресторанный беседу с «достаточно осведомленным офицером», и громко воскликнул:

– Да ведь иначе оно и быть не может. Великая логика истории...

Я невольно посмотрел в эту минуту на Никодима Павловича: его сразу покинуло то оживление, каким он горел последние дни. Лицо у него стало еще более каменное, чем тогда, на злосчастном докладе Н.Л.Окунева. И это пришибленное выражение лица не покидало его уже до самого отъезда из Одессы 24 января 1920 г. Думается мне, что в эту минуту он поставил крест над одной из сильнейших своих надежд.

Георгий Емельянович поставил между тем другой вопрос:

– А какие шаги намечены правительством по украинскому вопросу? Каковы взаимоотношения между Деникиным и Петлюрой¹⁰⁵?

И опять еще более длительное молчание, а затем полусмущенный ответ:

– Этот вопрос у нас еще не вполне провентилирован, и я затрудняюсь...

– А как же нам писать про Петлюру? – спросил кто-то из молодых сотрудников.

Вместо Апушкина опять ответил Клименко:

– А мы на первых порах, с недельку, украинского вопроса касаться не будем, а потом полковник из Ростова пришлет сюда на миноноске¹⁰⁶ вполне разработанные тезисы.

Миноноска очень понравилась полковнику, и собрание перешло к таким вопросам, как шрифт для заголовка, рассылка бесплатных экземпляров и т. п. Но думаю, не у одного меня осталось очень тяжелое впечатление после запросов Афанасьева: правительство, создавая официальный орган, понятия не имеет о таком больном вопросе местного края, как украинский, и более чем легкомысленно глядит на дела иностранной политики.

Миноноска потом эта так и не пришла. Газета не только первую неделю молчала по украинскому вопросу. И власти считали его несуществующим, что имело роковые последствия для Добармии. Я глубоко убежден и до сих пор, что ей не пришлось бы так скоро покинуть Украину, если бы ее вожди сумели столкнуться с Петлюрой и внушить к себе хоть некоторое доверие в украинских кругах.

В редакции Н.П. с самого же первого дня занял очень своеобразное положение: его ценили там не только как крупное ученое имя, хотя многие газетчики слышали его впервые, а один даже спросил меня, не медик ли Н.П. Он вступил в газету, покрытый славой человека очень влиятельного во французских кругах: ходила упорно легенда, будто Н.П. когда-то, до приезда в Кронштадт адмирала Жерве¹⁰⁷, сумел расположить в пользу французов президента Академии художеств великого князя Владимира Александровича¹⁰⁸. За это будто бы французы очень его ценят. Это отчасти подтвердилось: при добровольцах два раза в неделю в Одессу французский курьер из Константинополя привозил бюллетени, и один из экземпляров вместе с кучей французских газет получал Н.П. За это доверие Н.П. платил слепым поклонением французской политике. Не только все его статьи были сплошным панегириком французам; так же восторженно говорил он о них и в частной беседе, и много раз тщетно пытался он меня убедить в том, что одни французы делают мировую политику, и притом делают ее прекрасно. С этой точки его ничто не могло сдвинуть, и даже в январе 1920 г., перед самым выездом из Одессы на особо присланной за ним французами миноноске, он продолжал уверять нас, что и этот постыдный разгром Добрармии – не проигрыш союзников, не признак их бессилия, а только строго продуманный стратегический шаг.

– Политика, – любил говорить он, – это та же шахматная игра в мировом масштабе, и часто сдают фигуры только для того, чтобы дать простор главным фигурам...

Это слепое франкофильство для газеты было не особенно удобно. Одесса была в зоне английского влияния, а об англичанах Н.П. упорно хранил гробовое молчание, словно такого народа и не существовало. Это задевало английского представителя, но подействовать на Н.П. было невозможно.

Затем, печатал свои статьи за подписью «Н.К.» он по несколько раз в неделю, и выходило очень однообразно, тем более что и писал то он очень сухо, тягуче, каким-то старомодным слогом, и не думаю, чтобы статьи его читало много народа. Гораздо свежее и интереснее были те выборки из французских газет, которые ежедневно поставляла его секретарша.

Итак, газетный сотрудник Н.П. был далеко не першортный, но он очень хотел овладеть газетной техникой. Конечно, править своих статей он никому не позволял, и все его статьи шли в набор так, как он давал их, но он очень внимательно присматривался к тому, как Г.Е.Афанасьев и я и сами писали, и правили чужие статьи. Наша сноровка – переделать и переписать любую статью «под читальный вид» – его занимала. Он часто подсаживался к нам, когда мы правили оригиналы, и очень внимательно следил за тем, как гуляли по

гранкам наши карандаши. Бывало не раз, что после этого он брал уже сданную в печать свою статью и на другой день приносил ее в совсем перестроенном виде. Но по существу манера его не улучшалась: не такие были его годы, чтобы можно было скоро одолеть новое ремесло.

Писать в редакции он никогда не пробовал. Наше умение среди редакционного гама сразу диктовать без помарок машинистке большую статью ему казалось чудом, и он не раз ждал, что мы сорвемся на диктовке и выйдет ерунда, не годная к набору.

Зато даже самые опытные газетчики очень многому могли с пользой поучиться у Н.П., прежде всего его добросовестности и аккуратности. Получая крупный оклад, он считал своим долгом честно отсиживать в редакции свои часы и от 12 до 3-х всегда был за своим столом, хотя делать ему было нечего: свои статьи он приносил аккуратно переписанными из дома, статей по иностранной политике со стороны не было почти вовсе; больше приносили по школьному вопросу. Читал он очень внимательно и сам решал, что пойдет, а что нет. Но одобренные статьи отдавал или секретарю или мне с неизменной просьбой:

– Постругайте-ка эту вещицу, а то больно велика...

Стало быть, времени оставалось очень много, и скоро Н.П. стал работать над книгой, заказанной ему из Ростова: биография Суворова для народа¹⁰⁹. Позволяю себе думать, что заказчики обнаружили полное незнакомство с манерой Н.П.: в писатели для народа он уже ни с какой стороны не годился, но работал над ней Н.П. вовсю. У него под руками были два листа, густо кругом исписанные какими-то годами и именами. Тут же лежал атлас. И вот, глядя на эти материалы, Н.П. работал, буквально по 10 раз переделывая каждую четвертушку. Часто подходил он к соседнему столу, за которым те же часы отсиживал Г.Е.Афанасьев, и вполголоса с ним советовался.

Узнав скоро мою нелюбовь ко всему военному, Н.П. часто трунил надо мной и уверял товарищей, что я, верно, кроме декоратора Малого театра, никакого другого Суворова и не знаю, и обещал подарить мне экземпляр брошюры.

Начал ее Н.П. писать в октябре, а к концу января она еще не была готова, а между тем она была рассчитана всего на 2 листа, плату за которые Н.П. получил вперед.

Он сам сознавал, как трудна для него такая задача:

– Это не то, что «Русские древности»¹¹⁰, первый выпуск которых я написал сразу начисто в несколько недель.

Только в тот день, когда у него были лекции в университете, Н.П. не сидел по 3 часа в редакции, но и тогда заходил непременно после лекций на полчаса:

– Нет ли чего спешного?

А вечером к 8 часам, когда составляли завтрашний номер, Н.П. уже опять был в редакции и сидел там опять часа два-три, усердно читая полосы, причем всегда настойчиво требовал полного изгнания из газеты всего, что могло бы придать ей уличный, желтый характер: фельетонисты, бойкие сочинители статей и куплетов «на злобу дня» имели в нем непримиримого врага и бегали к издателю с вечной жалобой, что профессора сушат газету.

Н.П., проф. Афанасьев и я получали одинаковый оклад (5000 <рублей> в месяц). Но Афанасьев бывал только днем, я днем бывал только в те дни, когда вечером был в театре для рецензий, а Н.П. один неуклонно являлся в редакцию два раза в день, хотя никто от него этого не требовал. Это было совершенно добровольное усердие.

Кроме этой добросовестности, Н.П. резко выделялся из всего состава сотрудников <тем>, что, кажется, один никогда не бранил... большевиков, про которых все возможные ужасы особенно усердно распространяли те, чья собственная близость к советской власти до прихода белых была очевидна. И вот теперь этой руганью они очищали свое доброе имя. Н.П. отмалчивался при этом упорно. Не знаю, делал ли он это по общей своей сдержанности или потому, что ему претило приобщаться к этим показным патриотам, а может быть, потому, что он глядел на вещи вообще с особой, более, так сказать, философской точки зрения. Раз по частному вопросу он произнес по этому поводу длинную, чуть ли не часовую, речь.

Местный криминалист, проф. Э.Я.Немировский¹¹¹ прислал в газету большой фельетон на два «подвала», в котором, обозревая, что делали в университете большевики, изображал их гонителями науки и гасителями просвещения. Статья была полна вещей очень приятных для Добармии, и ее сразу сдали в набор, минуя Н.П. Вечером он настойчиво потребовал, чтобы ее не пускали:

– Во-первых, неверно, что большевики убивают нашу науку. Наша наука сама идет к смерти: она процветала недолго – от освобождения крестьян до конца XIX века; и за это время дала все, что накопила за предыдущее время, а потом пошел явный упадок¹¹². Наши лучшие ученые – Ключевский¹¹³, Тихонравов¹¹⁴, Александр Веселовский¹¹⁵ – люди 60-х годов и заместителей, равных себе, не получили. Кроме общего упадка «конца века» здесь отразился и устав 1884 г.¹¹⁶ Из тех, кто поступил в университет при этом уставе, не видно сил, равных предшествующему поколению. Это обмельчание с каждым годом идет все сильнее, и «обмеление» кафедр несомненно. Особенно вредным было назначение профессоров исполняющими должность ординарного без степени доктора¹¹⁷. Это самое злое дело И.Д.Деянова¹¹⁸, как я ему в глаза это говорил, браня его за такое поощрение «ученой импотенции». Словечко ему очень понравилось, но он оправдывал эту гнусность желанием «наградить

Ф.Ф.Соколова¹¹⁹ и Александра Введенского¹²⁰», но первого надо было возвести в доктора honoris causa¹²¹, а второй, конечно, написал бы еще диссертацию, если <бы> не нашел поощрения своей лени в окладе ординарного¹²². Москва и Киев никогда этим правом не пользовались, и потому там дело было благополучнее, а в других городах всякая шваль попала в ординарные. Говорят, что надо было только накормить обедом у Додона¹²³ всесильного Палечека¹²⁴, и вот эти-то канцелярские Ганимеды и ухлопали нашу науку. Очень много падению науки способствовали женские курсы¹²⁵. Женщин надо было давно пустить в университеты¹²⁶, и пример Ефименко¹²⁷ доказывает, что многие там выдвинулись бы, но у нас создали какую-то пародию высшей школы с рассиропленными программами in usum delphini¹²⁸. Еще в Петербурге дело ведется серьезнее, но в Москве и провинции – это просто восьмые классы женских гимназий, а между тем девицам внушают, что они с высшим образованием. Программа «Гумбина» большевиков¹²⁹ – это те же женские курсы для особ обоого пола, и было нелепо с мужчины за тот же диплом требовать больше, чем с девицы. И профессора с В.И.Герье¹³⁰ во главе первые у нас в высшей школе спустили флаг ради прекрасных глаз девиц.

Большевики посадили профессорам на голову доцентов, ассистентов и лаборантов¹³¹, а еще больше студентов¹³². Да ведь это же заветная мечта «Союза младших преподавателей»¹³³, и я убежден, что большинство последних вовсе не против большевистской реформы. Луначарский – плоть от плоти генерала Ванновского¹³⁴, да и граф Игнатъев¹³⁵ им близкая родня. Поэтому несправедливо и пристрастно, представляя первого Омаром¹³⁶, умалчивать о подвигах тех царских министров, которые туда же вели нашу высшую школу с высочайшего соизволения...

Эта речь, которую я в тот же вечер себе записал на свежую папьять, мало кому понравилась. Особенно она задела Д.Н.Овсяннико-Куликовского, назвавшего ее тут же «распространенным парадоксом»; против каждого положения ее он готов спорить, а особенно против оценки высокоуважаемого Н.П.Игнатъева, сближение которого с Луначарским ему представляется более чем странным.

В итоге статья была «одобрена к печати» вопреки мнению редактора отдела, и это разномыслие окончательно испортило отношения Н.П. с Овсяннико-Куликовским и его «молодыми друзьями».

Мне кажется, что Н.П. вошел в газету помимо желания Д.Н.<Овсяннико-Куликовского>. Их отношения с самого начала были очень внешнего характера: они не только друг о друге никогда не говорили ни слова, но и при встрече ограничивались молчаливыми рукопожатиями. Это были во всем слишком разные люди. Овсяннико-Куликовский, как опытный журналист, едва ли мог одобрять форму статей Н.П., а последнего должны были задевать и связи Д.Н.<Ов-

сяннико-Куликовского> с социалистами, что отражалось в его статьях, и особенно его положение в редакции.

Чудный, полный редкого благородства и душевной красоты, Овсяннико-Куликовский ни с какой стороны не подходил к роли редактора, и месяц работы с ним в «Южном слове» позволяет мне высказать подозрение, что и в «Вестнике Европы» он был таким же адмиралом из чеховской «Свадьбы»¹³⁷, живое воплощение которого он являл здесь.

С первого дня он оказался в окружении двух «иподьяконов», как их окрестил Кондаков. Это были столичные журналисты: один из Москвы, Александр Койранский¹³⁸, другой из Петербурга, герой «Биржевки»¹³⁹ и «Синего журнала»¹⁴⁰, Борис Миркин-Гецевич¹⁴¹, гремящий теперь в Париже как глава эмигрантской прессы. Их объединяло самое беспардонное нахальство при большой шустрости. Ввел их как своих «молодых друзей» Д.Н.<Овсяннико-Куликовский>, и Миркин захватил сразу все права в свои руки. Все свои выступления прикрывал он стереотипным: «Меня просил Дмитрий Николаевич».

Дмитрию Николаевичу платили 20000 <рублей> в месяц «за бесчестье», по словам Кондакова. Большой домосед, он обрадовался, когда его под предлогом больного сердца освободили от хождения в редакцию. Говорилось, что весь материал ему посылают на дом. Для этого был заведен особый мальчик, но на деле ему посылали стихи и вещи совершенно безразличные, а все ответственное сдавал в набор Миркин, восседавший в кабинете редактора. Даже собственные статьи Д<митрия> Н<иколаевича> далеко не все попадали в печать, и когда он изредка заглядывал в редакцию и спрашивал об участи своих ненапечатанных статей, его заверяли, что ради срочных телеграмм пришлось отложить до завтра, на что он неизменно замечал:

– Так уж, пожалуйста, принотите завтра...

Но завтра опять «срочные телеграммы» не позволяли напечатать статью главного редактора.

Каждый номер заполнялся статьями «иподьяконов», явно набивавших себе построчную плату. Кондакова они оба не переваривали. Койранский мимо него напечатал хлесткий фельетон «Кремль», наполненный такими ошибками по части истории искусства (доказывалось, что Кремль впитал все цветы итальянского Ренессанса), что Кондаков заявил, что ее писал «Муратов, помноженный на Хлестакова и Ноздрева». Миркин выкидывал самые важные куски из статей Н.П. о французской политике, что заставляло его скрежетать зубами.

Собственные их статьи по своему направлению шли в явный разрез с программой газеты, и чуть ли не в каждом номере делались промахи, вызывавшие недовольство властей. Особенно негодовал

попечитель округа и ректор университета А.Д.Билимович, уверявший, что в редакции сидят явные провокаторы и предатели. Дело объяснялось, однако, гораздо проще: тесть Миркина, спекулянт Поляков¹⁴², был владельцем газеты-конкурентки, а через послушного зятя ему удавалось топить соперника.

В конце сентября я был у издателя. Передо мной из его кабинета вышел Н.П., дышавший злобой: «Я сейчас показывал, – сказал он мне, – нарочно свой оригинал, чтобы убедились, как калечат мои статьи. Я с этой мразью работать не стану...».

Издатель в беседе со мной в два слова кончил мое дело и перевел разговор на «иподьяконов», заявив, что их сократит.

– Я уже послал машину за Дмитрием Николаевичем...

Его я встретил на лестнице в сопровождении адъютанта издателя.

После приветствий и милых шуток, без которых не обходилась ни одна наша встреча, Д<митрий> Н<иколаевич> спросил меня, не видал ли я Кондакова, и сейчас же прибавил:

– Какой упрямый и тяжелый человек: не хочет понять, что Миркин – мастер газетного дела, я без него был бы как без рук... Неужели нельзя жить мирно?

Вечером в редакции стало известно, что издатель потребовал удаления «иподьяконов», и их не было видно. Овсяннико-Куликовский не сумел бы их отстоять, если бы не его супруга, Ирина Львовна, покровительствовавшая им чрезвычайно, а против нее Д<митрий> Н<иколаевич> не смел пикнуть.

Кончился этот кризис тем, что с 1 октября Д<митрий> Н<иколаевич> вместе со своими «молодыми друзьями» покинул газету. Его заменил другой академик, И.А.Бунин.

Несомненно, что всю смену кабинета проделал Н.П., пустивший ради этого в ход все свое влияние на властей <так!>, доверявших ему безусловно. Он же рекомендовал и Бунина. Как только последний взял газету в свои властные руки, положение Н.П. в ней сразу возросло. Великая заслуга Бунина в том, что он умел всякому члену редакции дать почувствовать высокий авторитет Н.П., и малейшее желание его стало в редакции законом.

Вот тут-то и обнаружился весь склад характера Н.П.; юридически теперь он поставлен был на одно место с И.А.Буниным: принимая звание главного редактора, Бунин настойчиво подчеркивал, что примет его, только если это звание разделит с ним его «старший товарищ по Академии», на что тот и согласился¹⁴³. Но Бунин, ссылаясь на падение рубля, оклад Д.Н.Овсяннико-Куликовского для себя поднял с 20000 на 30000 <рублей>, а Н.П. продолжал получать по-старому оклад, равный тому, что получали Г.Е.Афанасьев и я.

Ссылаясь на отдаленность от его квартиры и ночную небезопасность, Бунин с первого же <дня> выговорил себе машину¹⁴⁴. Н.П.

жил дальше его, но обыкновенно вечером, а иногда чуть не в полночь, после конца работ в редакции, Бунин или один, или с заезжавшей за ним женой¹⁴⁵ ехал в гости или в ресторан, и машина его отвозила, а Н.П. шел по осенней слякоти, под выстрелами сильно поднявших при добровольцах голову налетчиков пешком. По крайней мере в те редкие вечера, когда я был свободен по театру и бывал в редакции, возвращаться мне всегда приходилось вместе с Н.П. Об особой машине для него никто и не подумал.

Тяжелое положение низших сотрудников, три четверти которых были беженцы из Петербурга и Киева, заставило их объединиться в нечто подобное теперешнему местному; председателем был выбран я. Бунин и Кондаков на первом собрании не были, но было постановлено просить и их вступить в нашу среду. Н.П. сразу согласился и очень аккуратно платил свои взносы, а Бунин отказался, заявив, что он человек не газетный и работает на особом положении. Насколько у последнего на каждом шагу проглядывало желание показать, что он – «особая статья», настолько, наоборот, ничем не хотел выделяться Н.П. Издатели сейчас же уловили эту черту его характера. Газета делала прекрасные дела и очень скоро стала окупаться, но морской прокурор Клименко оказался никуда не годным хозяином: и приход кассы, и субсидия от казны растворялись <так!> самым непопозволительным образом, путем раздачи больших авансов людям, совершенно ненужным газете. Так, жена адмирала Покровского перед отъездом мужа за границу получила громадную сумму за обещание «писать с пути» и в погашение ее прислала... 40 строчек с описанием магазинов в Софии. Таких примеров было множество, а постоянным сотрудникам жалованье задерживалось сильно. Контора помещалась через 4 улицы от редакции, и было обещано, что для оплаты заработка каждые первое и пятнадцатое число артельщик в 12 часов будет являться в редакцию. Первый раз, правда, деньги были выплачены минута в минуту, но больше артельщика в редакции мы не видали, и за деньгами приходилось путешествовать в контору, где артельщики заявляли: «Денег нет. Придите завтра», – и приходилось каждую получку это путешествие проделывать раз пять-шесть.

Старший артельщик был мой хороший знакомый и мне платил почти всегда в срок, но остальные сотрудники мне жаловались не только на потерю времени, но и на убыток: за 5–6 дней деньги сильно падали, а получать приходилось по цене кануна дня выдачи. На этой почве у меня были бои с издателем, обещавшим все уладить и заверявшим, что мне «сгущают краски». Но однажды я застал при входе в контору, как младший артельщик кричал Н.П.:

– Что вы все тут сидите, сказано: завтра, и никаких гвоздей!!

Н.П. в поношенном пальтишке с башлыком на шее смиренно повернулся к выходу. На мой вопрос: «Что это значит?» он сказал, что

шестой день ходит за деньгами и вот с каким успехом, и это всякую получку.

Конечно, я сейчас же поднял страшный тарарам, и деньги были Н.П. немедленно выданы, но самая возможность этой сцены лучше всего говорит о том, как представители Добрармии ценили работу Н.П. для них же самих.

Пока я ругался на чем свет <стоит> по этому поводу в конторе, знакомый мне старший артельщик шепнул мне, что деньги всегда есть, а их велит придерживать все тот же Клименко, набирающий будто бы себе разницу, получаемую от падения рубля за 5–6 дней.

Я тогда этому не поверил, но скоро дальнейшие подвиги издателя, окончившиеся особой ревизией, которая не только сместила его, но и отдала под суд, избегнутый им только благодаря эвакуации, заставили поверить и этому.

Личность Клименко и его адъютантов, совсем сомнительных по своему прошлому, делали крайне неприятной работу в их газете.

В.В.Шульгин в своей книге «1920 год»¹⁴⁶ изображает очень верно тогдашнюю Одессу и от встреч с представителями Добрармии приходит к выводу, что, по существу, между ними и большевиками разница – только в словах, а нравы и образ действий – одни и те же.

То же самое впечатление все больше крепло и у меня от знакомства с Клименко и его окружением. Если чем они отличались от своих врагов-большевиков – это только еще большей склонностью к трескучим фразам со священными лозунгами и детским легкомыслием, которое погубило и их самих, и их дело.

Вот почему мне было очень странно и непонятно решение Н.П. покинуть родину и вместе с большинством Добрармии двинуться в славянские земли. Об этом он стал открыто говорить близким людям около декабря 1919 г., когда в Одессе трезвые люди увидели, что карта добровольцев бита.

Бежать ему не было никакого основания: в политике он участия не принимал, а статьи его в газете носили такой отвлеченный характер, что опять-таки никакой каре не подлежало. Остался же в Одессе Овсяннико-Куликовский, писавший о большевиках и о Ленине очень злые вещи за своей подписью, и, однако, его никто пальцем не тронул, и он невозбранно читал лекции в университете, что, наверно, было бы сохранено и за ним.

А главное, не было у Н.П. и следа того настроения, которое не позволяло бы остаться в Советской России, той лютой злобы на ее порядки, которой пылал хотя бы Ив<ан> А<лексеевич> Бунин¹⁴⁷. Думаю, что под его влиянием больше всего и созрело решение Н.П. бежать. Бунин очень красочно, в тоне Иеремии¹⁴⁸, пророчил, что большевики повернут жизнь так, что на голой земле останется голый человек, и рисовал это с пылом настоящего поэта. Вот это-то на-

строение, верно, и захватило не столько самого Н.П., сколько его секретаршу, имевшую на него безграничное влияние, а она была очень дружна с молодой женой Бунина, на все глядевшей глазами мужа.

Эта секретарша, особа очень практическая, не раз рисовала мне эту будущую жизнь у славян:

– Купим там под городом клочок земли, я знаю очень хорошо молочное дело, заведем ферму, огороды и заживем покойной свободной жизнью...

На эту покупку у Н.П., видимо, кой-какие средства были; весь свой заработок по газете и издательству он переводил в фунты и вел самую умеренную жизнь в обрез, чему помогала и всегдашняя его неприхотливость¹⁴⁹.

23 ноября, накануне дня Екатерины, мы с ним возвращались из редакции, и он зашел со мной в магазин: завтра именины секретарши, надо, мол, ее почествовать; чествование оказалось очень скромным даже по тем суровым временам: Н.П. купил полплитки шоколада и полфунта брынзы.

Около Рождества возник особый Славянский комитет¹⁵⁰ и начал вести переговоры насчет устройства в Болгарии и Сербии тех, кто собирался бежать. Н.П. принял деятельное участие в этих хлопотах и вот, в одно из воскресений января, днем зашел ко мне:

– Хочу уговорить вас ехать с нами. Теперь я получил точный ответ: я получаю в Сербии место заведующего всеми музеями, вам предлагаю место своего помощника по античной части. Французское командование дает мне особую миноноску; нас двое, и поэтому вы с женой и детьми прекрасно с нами уедете.

Попутно должен заметить, что первая часть этого плана не исполнилась: сербы своих музеев в чужие руки не отдали, и, судя по справочникам, Н.П. скоро переехал в Прагу¹⁵¹, где и скончался; но вторая часть оправдалась целиком: 24 января Н.П. уехал на присланной за ним из Константинополя миноноске и, кроме секретарши, увез с собой Бунина и его жену¹⁵². Такого удобного выезда не получил никто из высших даже чинов, и французы на деле показали свое действительное к нему почтение.

Стать помощником Н.П. было очень лестно, но все-таки без всяких колебаний я отказался от его предложения. На его уговоры я отвечал, что прежде всего Герцен, Кельсиев¹⁵³ своими книгами, Амфитеатров¹⁵⁴ личными рассказами внушили мне ужас перед участью эмигранта вообще, а затем мне лично являться к славянам совсем не с руки: и Сербия, и Болгария будут в сфере влияния Антанты, а меня война сделала лютым ее врагом, и если я с детства был германофилом, то теперь, после войны и встреч с немецкими властями в Одессе, я особенно окреп в этом чувстве. Как же я это чувство буду про-

являть у вассалов Пуанкаре¹⁵⁵? Эмигрант не может быть далек от политики. Затем, в Вене я достаточно насмотрелся на «братьев славян» и попасть под их покров считаю для себя совсем не подходящим, а главное, не хочу из своих детей делать материал для государственных упражнений разных Славейковых¹⁵⁶ и Пашичей¹⁵⁷.

– Ну, а здесь что их ждет? Россия в лучшем случае станет свалочным местом для западной дряни, как сто лет тому назад им была Америка. Вот и теперь России предстоит стать Америкой №2, – заявил Никодим Павлович, – и русским придется работать на нового барина под его кнутом. Повторится татарское иго с Запада.

Я спросил Н.П., почему он сам едет в Сербию, а не в Париж, куда собирался Бунин¹⁵⁸. При отношении к нему французов это было бы для него самое лучшее.

– Я слишком хорошо знаю французов. Это великий народ, но иностранца он терпит только как источник наживы для себя, а работать никогда никому не позволит рядом со своими. Я насмотрелся, как там жил мой друг Мечников¹⁵⁹: без капитала жены¹⁶⁰ он почил бы давным-давно, и французы пальцем бы не пошевелили для того, чтобы устроить его. Кроме некролога и речи над могилой от них ничего не получишь, а я еще многое должен сделать, и славянские земли, которые я тоже недолюбиваю, – непочатый край по нашей части.

Это стремление глубокого старика поработать вдоволь после перенесенных лишений и разочарований яркой чертой дорисовало образ Н.П., как он сложился у меня за время знакомства с ним, и я с радостью прочел в его некрологе в *Slavia*¹⁶¹, что ему удалось найти подходящие условия для того труда, которому этот большой человек отдал всю свою жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.П.Кондаков в сопровождении Е.Н.Яценко прибыл в Одессу из Ялты 1(18) апреля 1917.

² Одесское общество истории и древностей было создано в 1839 группой любителей истории и археологии при содействии графа М.С.Воронцова. Усилиями членов общества Одесса стала крупным археологическим центром дореволюционной России. Общество располагало музеем с первоклассным собранием памятников не только Северного Причерноморья, но и Древнего Египта, Греции и Рима, издавало «Записки ООИД» (Т.1-33. 1844–1919). О музее и обществе см.: *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. Н.П.Кондаков с 13 сентября 1875 являлся действительным, а с 31 января 1912 почетным членом ООИД.

При отступлении Белой армии в декабре 1919 коллекции музея были подготовлены к эвакуации за границу, но, к счастью, вывезены не были. После вступления в город большевиков в январе 1920 общество фактически

не функционировало, хотя формально было распущено лишь в мае 1922. В марте 1920 музей ООИД был национализирован. В 1959 ООИД возродилось под названием Одесского археологического общества. См.: *Синицын М.С.* Развитие археологии в Одессе // Записки Одесского археологического общества. 1960. Т.1 (34). С.11.

Н.П.Кондаков впервые посетил музей ООИД спустя несколько дней после приезда из Ялты, 7(24) апреля 1917. Запись в его дневнике: «В Музее древностей с 1,5 до 3 <часов дня> в отделении ваз и березанских древностей». На следующий день: «В музее, в Березанском зале с Е.Н.<Яценко>».

В данном пассаже Б.В.Варнеке речь идет о заседании ООИД, состоявшемся 8(25) апреля 1917. Н.П.Кондаков записал в дневнике следующее: «В Обществе истории и древностей, пришел, когда <заседание> началось. Варнеке о бумагах по поводу Александра Михайловича Линниченко <...>, об исключении Штерна, против Ляпунов... И никого не спросили. Варнеке о высокой радости приветствовать великого ученого и т. д. Благодарность обществу, которое с юности привык чтить и т. д. От председательства отказался, но сидел рядом <с председателем>. Знакомые: художник <...>, Будде, Шпаков, Ляпунов, Попруженко, Варнеке, Трефильев» (Фонд Н.П.Кондакова в ЛАМЧП).

³ Попруженко Михаил Георгиевич (1866–1944) – филолог-славист, историк, специалист по южным славянам; магистр (1894), доктор (1899) славянской филологии; почетный доктор Софийского университета (1939); действительный член и секретарь (с 1909) ООИД; действительный член Болгарского археологического института в Софии (1928); член-корреспондент (1923), академик (1941) Болгарской АН. Дядя А.В.Флоровского по материнской линии. Выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета (1888), ученик Ф.И.Успенского и А.А.Кочубинского; учитель Одесского коммерческого училища (1888–1891), приват-доцент (1891–1908), экстраординарный (1908–1910), ординарный (1910–1916), заслуженный ординарный (1916–1919) профессор кафедры славянской филологии Новороссийского университета; заведующий Публичной библиотекой в Одессе (с 1896). Летом 1907 совершил поездку в Константинополь, Болгарию и Белград для изучения памятников южнославянской письменности. В 1919 эмигрировал в Болгарию, профессор истории русской литературы Софийского университета (1920–1941). Подробнее о нем см.: *Савина Г.А.* «Пусть барахтаются...»: К истории «одесской высылки» за рубежом // Диаспора: Новые материалы. Т.3. СПб., 2002 (по указателю).

⁴ Павловский Алексей Андреевич (1856–1913) – историк искусства; магистр (1891), доктор (1896) теории и истории искусств; член-сотрудник РАО (1889); действительный член, член Совета и секретарь (1895–1899, 1905–1909) ООИД. Член черносотенной организации «Союз русского народа». Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1880), ученик К.Н.Бестужева-Рюмина; был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории; в 1887 совершенствовал знания в области истории искусств в университетах Германии. С 1880 – преподаватель истории и истории быта в Центральном училище технического рисования барона Штиглица. Приват-доцент по кафедре теории и истории искусств Петербургского университета (1888–

1891), где испытал сильное влияние Н.П.Кондакова. С 1891 – экстраординарный, с 1896 – ординарный профессор, декан историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе. Читал также лекции в Одесской рисовальной школе и на Театральных курсах. Один из учредителей и декан историко-филологического факультета ВЖК в Одессе.

⁵ Айналов Дмитрий Власьевич (1862–1939) – историк искусства, специалист по раннехристианскому, византийскому и древнерусскому искусству; магистр (1895), доктор (1900) теории и истории искусств; член-корреспондент Петербургской АН (1914), действительный член Болгарского археологического института (1926). Выпускник Новороссийского университета (1888), ученик Н.П.Кондакова; с 1889 был прикомандирован к Петербургскому университету на два года для приготовления к профессорскому званию по теории и истории искусств без стипендии, совершенствовал знания за границей; приват-доцент (1890–1900), экстраординарный (1900–1902), ординарный профессор Казанского (1902–1903) и Петербургского-Ленинградского (1903–1917, 1923–1927) университетов, профессор кафедры истории искусств историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов (1906–1917), профессор и действительный член Института истории искусств (1911–1917, 1921–1929), заведующий разрядом археологии искусства средневекового Запада Археологического отделения ГАИМК (1921–1929), хранитель голландской живописи Картинной галереи Государственного Эрмитажа (1921–1929). В 1927 и 1929 выдвигался в действительные члены АН СССР: первый раз по специальности история искусств, второй – как византист, но оба раза неудачно (в 1929 не мог быть избран по политическим мотивам, так как конкурировал с историками-марксистами). В 1929 вышел на пенсию. По предположению Ф.Ф.Перченка, в 1930-х Айналов находился в заключении, но это не подтверждается материалами личного фонда ученого в ПФА РАН и другими документами архива (благодарю за сообщение А.Н.Анфертьеву). См.: *Перченко Ф.Ф. К истории Академии наук: Снова имена и судьбы...* С.145.

Защита магистерской диссертации Д.В.Айналова, на которой присутствовал Б.В.Варнеке, состоялась в Петербургском университете 1 октября 1895.

⁶ Помяловский Иван Васильевич (1845–1906) – филолог-классик, эпиграфист; магистр (1869), доктор (1873) римской словесности; член-корреспондент Петербургской АН по разряду классической филологии и археологии (1890); действительный (1871) и почетный (1885) член, секретарь (1873–1885), управляющий классическим отделением (1893–1906) РАО. Сын протоиерея. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1863–1867), где был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Совершенствовал образование в университетах Берлина и Лейпцига, во время заграничной командировки посетил Италию, где занялся изучением римских надписей (1869–1871). Преподаватель (1867–1869), доцент (1869–1873), экстраординарный (1873–1884), ординарный (1884–1892), заслуженный ординарный (1892–1906) профессор римской словесности по кафедре классической филологии, декан историко-филологического факультета (1887–1897) Петербургского университета; преподаватель Училища правоведения (1873–1883) и Петербургского историко-филологического института (с 1873). Член Учебного комитета при Св.

Синоде (с 1874) и Ученого комитета Министерства народного просвещения (с 1884). В университете читал курсы истории римской литературы, римских государственных древностей, энциклопедию и историю древней филологии. Автор трудов по истории римской литературы, латинской эпиграфике, нумизматике, археологии, агиографии.

⁷ Н.П.Кондаков с молодости страдал заболеванием легких (чахоткой) и по совету врачей холодные месяцы года проводил не в Петербурге, а в Ялте, где жил в доме, принадлежавшем его покойному старшему брату, губернскому секретарю, адвокату, почетному гражданину Ялты Михаилу Павловичу Кондакову (1843–1888), затем младшему пасынку академика Петру Никодимовичу Кондакову (1886–1919). Дача Кондаковых по адресу Церковная ул., 2, сохранилась до сих пор (ныне угол ул. Л.Толстого и Нагорной). С осени 1917 по 10 мая 1918 часть дома была сдана в аренду Красному Кресту под лазарет.

⁸ Речь идет о Екатерине Николаевне Яценко, секретаре и экономке Н.П.Кондакова с 1915 по 1925. Яценко сопровождала Н.П.Кондакова во всех поездках, начиная с 1917. Она родилась 9 ноября 1890 (ст. ст.) в семье офицера (в годы Первой мировой войны – генерал-майора артиллерии) Н.И.Яценко. Училась в Гельсингфорсе, затем в Марининской гимназии Э.П.Шаффе в Петербурге, которую закончила с серебряной медалью (1907), получив диплом домашней наставницы с правом преподавания русского языка и арифметики (1908). В 1908 поступила на историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов, училась на отделении русской филологии в подгруппе русской литературы, но была исключена по болезни в 1912; повторно поступила на ВЖК в 1913 и в январе 1914 была вновь отчислена из состава курсисток, так и не закончив учебу. В годы Первой мировой войны – сестра милосердия. В 1915 познакомилась с Н.П.Кондаковым и вошла в круг его учеников. События Октября 1917 г. застали Кондакова и Яценко на юге России, так что они оказались отрезанными от Петрограда. Е.Н.Яценко, став «ангелом-хранителем» академика, делила с ним все жизненные трудности в Ялте и Одессе (1917–1920), Софии (1920–1922) и Праге (1922–1925). 26 апреля 1919 Д.В.Айналов писал С.А.Жебелёву из Симферополя: «Проездом через Одессу я виделся с Н.П.Кондаковым... При Никодиме Павловиче состоит курсистка, которая его бережет и кормит» (ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.1. Л.152). После смерти Н.П.Кондакова, вероятно, в 1927, Е.Н.Яценко уехала из Праги в Ниццу, и дальнейшая ее судьба неизвестна.

⁹ Штерн Эрнест Романович, фон (Stern; 1859–1924) – филолог-классик, историк античности, эпиграфист, археолог, создатель школы археологов в Одессе; магистр (1883), доктор (1884) классической филологии; действительный член РАО (1900). Уроженец Лифляндской губ., учился в Дерптском университете (1877) и Филологическом семинарии Лейпцигского университета (1877–1880); приват-доцент (1884–1886), экстраординарный (1886–1888), ординарный (1888–1911) профессор по кафедре классической филологии Новороссийского университета, ректор Высших женских курсов в Одессе, действительный (1891) и почетный член, казначей (1895–1899), член и председатель Совета (1899–1910) ООИД, директор музея общества (1896–1910). Еще в 1899 первым использовал археологические источники для выяснения общих особенностей Великой греческой колонизации и по-

строил первую в европейской науке ее теоретическую модель, основанную на археологических данных: плавание – эмпорий – полис. Вплоть до начала Первой мировой войны руководил раскопками древнейшего ионийского поселения на острове Березань (1904–1914), исследованиями в 1900, 1903 и 1912 античной Тиры (ныне г. Белгород-Днестровский) и памятников эпохи энеолита (селище трипольской культуры Петрены в Молдавии), выявил взаимосвязь между носителями трипольской культуры и энеолитическими племенами Греции. Впервые опубликовал исследования по важнейшему комплексу позднебронзового века (XV–XIII вв. до н. э.) – Бородинскому кладу из Бессарабии (см.: Материалы по археологии России. 1914. №34), для изучения которого предпринял специальную поездку в Россию (1912). С 1910 занял кафедру древней истории философского факультета, затем стал ректором (1921–1923) университета в Галле (Германия).

¹⁰ Речь идет об известном торговце археологическими находками и поддельными древностями.

¹¹ Вот что сообщал о своей одесской жизни Н.П.Кондаков в письме С.А.Жебелёву:

Одесса, гостиница Пассаж
24 мая 1917 г.

Дорогой Сергей Александрович,

вот уже месяц, как я живу в Одессе, и только теперь, окончательно убедившись, что выехать мне отсюда, вероятно, не удастся до осени, я решился написать Вам и просить Вас написать со своей стороны о том, что нового произошло у Вас, в Питере и в Академии художеств.

Выехать отсюда трудно, и, пожалуй, дальше Киева никуда не попадешь, а потому и приходится прожить лето здесь. Пока живется хорошо, даже с некоторым обилием продовольствия (сахар, свет, консервы и т. д.). Помещаюсь в хорошем номере с балконом, выходит он на Соборную площадь, разделенную скверами, и вечером чай можно пить не без удовольствия, наблюдая, как тут же ловят дезертиров, водят воров, собирают митинги и т. п.

Обедаем мы у проф. Линниченко, и в его же квартире (Елисаветинская, 10) есть надежда найти на лето помещение. Дачи отдаются здесь без мебели и стоят от 500 руб<лей> и выше за лето. Но слава Богу, что не живешь на даче: в трамвай еще меньше шансов попасть, чем в Санкт-Петербурге, извозчики <так!> бастуют все время, т. е. за поездку в окрестности требуют 20 руб<лей>, за перевозку мебели надо платить 50–60 руб<лей> и т. д.

Здесьняя рисовальная школа желает в будущем завести у себя мастерские, равно устроить архитектурный отдел. Все это доброе дело, и я ему не прочь помогать, так как Одесса пока единственный художественный центр в Южной России.

Напишите, пожалуйста, как дела идут и на чем остановилось дело реформ Академии художеств.

Ваш Н.Кондаков

В будущем адрес: Одесса, Елисаветинская, 10
Квартира проф. И.А.Линниченко.

(ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.130-131)

¹² Этот эпизод произошел 18(31) мая 1917. В дневнике Н.П.Кондакова запись: «К 1 часу <дня> дома, за мною Б.В.Варнеке, с ним к Дуваржогло в Петербургскую гостиницу, арабские сосуды – только бокалы и подобие настоящих и не настоящие из кавказских некрополей, раскрашенные эмалевыми красками <...>. Сейчас ушел» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП).

¹³ Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919) – историк, специалист по истории Рима и Византии. Выпускник Петербургского университета, ученик академика В.Г.Васильевского. Совершенствовал образование в Германии, слушал лекции Т.Моммзена. Доцент (с 1881), затем профессор (с 1884), заслуженный ординарный профессор кафедры классической филологии Университета Св. Владимира в Киеве.

¹⁴ Речь идет об ученике Н.П.Кондакова академике М.И.Ростовцеве.

Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – историк античности, археолог; магистр (1899), доктор (1903) римской словесности; член-корреспондент (1908), действительный член РАН (1917; исключен в 1928, восстановлен в 1990) и многих иностранных академий, институтов и обществ, создатель американской школы антиковедения; член-сотрудник (1894), действительный член (1897), управляющий классическим отделением (1916–1918), помощник председателя РАО (1918). Учился на историко-филологическом факультете сначала Киевского (1888–1890), затем Петербургского (1890–1892) университетов, на средства Министерства народного просвещения был командирован за границу для подготовки к профессорской деятельности (1895–1898), приват-доцент (1899–1903), экстраординарный (1903–1908), ординарный (1908–1918) профессор кафедры классической филологии Петербургского (Петроградского) университета. Член ЦК партии кадетов. Летом 1918 по заданию РАН уехал в заграничную командировку, но в Россию не вернулся и навсегда остался за границей. Преподавал в Оксфорде (1918–1920), с 1920 жил в США (в 1929 получил гражданство), являлся профессором древней истории Висконсинского (1920–1925) и Йельского (1925–1939) университетов, президентом Американской исторической ассоциации (1935), руководителем археологических исследований в Дуга Европос (Сирия) и хранителем древнего искусства в Йельском университете (1939–1944). Подробнее о нем см.: Скифский роман / Отв. ред. Г.М.Бонгард-Левин. М., 1997.

Еще в годы подготовки магистерской диссертации М.И.Ростовцев опубликовал рецензию на труд Кулаковского «Древности Южной России» (Материалы по археологии России. №19. СПб., 1896. 72 с. с 14 табл. и 14 рис.) – статью «Заметка о росписях керченских катакомб» (Записки Императорского Русского археологического общества. Новая серия (СПб.). 1897. Т.9. Вып.3-4. С.291-298). Много лет спустя он выпустил монографию «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб., 1914. Т.1) с роскошным атласом к ней (СПб., 1913), где также не удержался от нападок в адрес Ю.А.Кулаковского. Последний преподавал на историко-филологическом факультете Университета Св. Владимира в годы учебы М.И.Ростовцева в Киеве (1888–1890).

¹⁵ Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) – публицист, литературный критик. С декабря 1919 в эмиграции.

¹⁶ Васильев Александр Александрович (1867–1953) – историк средневековья, византинист, основатель американской школы византиноведения;

магистр (1901), доктор (1902) всеобщей истории; член-корреспондент Российской АН (1923; исключен в 1935, восстановлен в 1990), член-сотрудник (1900), действительный член (1901) РАО. Выпускник Петербургского университета (1892), профессор Юрьевского университета (1904–1912), с 1 сентября 1912 – приват-доцент, затем экстраординарный профессор (1917–1925) по кафедре всеобщей истории Петербургского (Петроградского) университета, профессор Петербургского женского педагогического института (1912–1922). После Октябрьской революции – профессор новогреческой литературы факультета языка и материальной культуры (ямфак) ЛГУ (до 1925), профессор и декан Первого Петроградского государственного педагогического института, действительный член (с 1919), заведующий разрядом археологии и искусства раннехристианского и византийского Археологического отделения (1919 – осень 1926), председатель (1920–1921) РАИМК. В 1925 уехал в заграничную командировку в Европу, обратно не вернулся. Эмигрировал в США, где до 1939 занимал кафедру древней истории Висконсинского университета, затем работал в исследовательском центре Гарвардского университета Думбартон Окс в Вашингтоне (1944–1948 – senior scholar, с 1949 до своей смерти – scholar emeritus). С 1938 – почетный председатель Археологического института им. Н.П.Кондакова. См. его личное дело: Рукописный архив ИИМК РАН. Ф.2. Оп.3. Д.107.

Речь идет о рецензии А.А.Васильева на монографию Ю.А.Кулаковского «История Византии» (Т.1): ЖМНП. 1911. Т.33. С.337–351.

¹⁷ Н.П.Кондаков имеет в виду пьесу Л.Андреева «Тот, кто получает пощечины» (1916).

¹⁸ В Оренбурге с 1890 жили родители М.И.Ростовцева (отец ученого, Иван Яковлевич Ростовцев, ряд лет занимал пост попечителя Оренбургского учебного округа). М.И.Ростовцев последний раз посетил Оренбург летом 1915. См.: *Зуев В.Ю.* Творческий путь М.И.Ростовцева (К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства») // Вестник древней истории. 1991. №1. С.173.

¹⁹ Согласно дневникам Н.П.Кондакова за 1917–1920 годы, 28 августа 1917 он и Е.Н.Яценко покинули Одессу и через Киев отправились в Москву, куда прибыли 1 сентября. Здесь они находились вплоть до 11 октября, затем выехали в Крым. В Ялте они жили с 14 октября 1917 по 7 сентября 1918. Из Ялты Н.П.Кондаков сообщил С.А.Жебелёву в открытке от 8 декабря 1917: «Вот уже два месяца, как я спешно пишу сочинение по русской иконописи, днями сижу у стола, никого не вижу и никому не пишу. Очень хочется кончить, сдать работу на хранение, чтобы была напечатана, когда можно будет. А затем начну хлопотать по выезду из России, что называется – куда глаза глядят. Хотя перед смертью не буду видеть ничего, что почти видеть не могу. Сочинение по Иконографии Божьей Матери III том почти готов вчерне, и его буду отделявать, и еще другую тему» (ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.132). Через Севастополь морем Кондаков и Яценко перебрались в Одессу, где и находились вплоть до отъезда из России – с 9(22) сентября 1918 по 24 января (6 февраля) 1920. С 10 октября 1918 Н.П.Кондаков приступил к чтению лекций в Новороссийском университете.

Сохранились письма Н.П.Кондакова из Ялты к И.А.Линниченко в Одессу: «Целые дни сижу за письменным столом и пишу ежедневно столько, что

на прочее писание нет у меня средств. <...> Писать для сборника не мог пока – темы есть, но без рисунков, и работы не хочется издавать. Да и время придет. Спешу покончить сочинение, чтобы выбраться из России» (открытка от 8 декабря 1917). 1(15) августа 1918 Н.П.Кондаков обратился к коллеге с просьбой сдать ему и Е.Н.Яценко две комнаты для проживания в Одессе в связи с крайней дороговизной жизни в Крыму. См.: ГАОО. Ф.153. Оп.1. Д.112. Л.5-6об., 7, 11об.

²⁰ Бертье-Делагард Александр Львович (Berthier de la Garde; 1842–1920) – военный инженер, строитель, археолог, нумизмат, библиофил, коллекционер древностей; действительный член (1880) и вице-президент (1899–1919) ООИД, действительный (1889) и почетный член Таврической ученой архивной комиссии, действительный член РАО (1890). Из семьи обрусевших французских эмигрантов. Выпускник Инженерной академии, до 1887 состоял на службе в инженерных войсках. В 1874–1878 участвовал в работах по укреплению Севастополя и его порта. После выхода в отставку поселился в Ялте, с 1887 руководил строительством портов Одессы, Феодосии, Ялты, Ростова на Дону. Как уроженец Крыма, заинтересовался историей и древностями Северного Причерноморья, начал собирать книги о нем (ныне его библиотека «Таугика» хранится в Крымском краеведческом музее в Симферополе), этнографические, археологические и нумизматические коллекции, связанные с Новороссийским краем (часть нумизматического собрания была передана собирателем в ООИД, другая продана частному лицу в Женеву, ювелирные изделия и торевтика «готского стиля» из Керчи в 1919 куплены Британским музеем). Автор трудов по исторической топографии Крыма, по истории и древностям Херсонеса, по античной нумизматике греческих колоний Северного Причерноморья.

²¹ Здесь Б.В.Варнеке ошибается: Н.П.Кондаков вернулся в Одессу 9(22) сентября 1918 и больше ее не покидал вплоть до эмиграции из России.

²² Советская власть была провозглашена в Одессе 14 января 1918.

²³ Муравьев Михаил Артемьевич (1880–1918) – политический и военный деятель. Из крестьян. Окончил юнкерское пехотное училище (1899), участник Первой мировой войны, подполковник (1917). Левый эсер с 1917. В октябре–ноябре 1917 назначен советским правительством начальником обороны Петрограда, командовал войсками, участвовавшими в ликвидации мятежа Керенского–Краснова. С декабря 1917 начальник штаба наркома по борьбе с контрреволюцией на юге России, в январе–марте 1918 – главком войск Южного фронта, действовавших против войск Центральной Рады, румынских и германо-австрийских интервентов, с середины марта 1918 – начальник штаба Верховного главнокомандующего войсками советской Украинской народной республики. В апреле 1918 в Москве был арестован за злоупотребление властью, но вскоре освобожден. В июне назначен командующим Восточным фронтом, в июле в Симбирске поднял левозсеровский мятеж, назвав себя «главкомом армии» и объявив войну Германии. Совнарком объявил его вне закона. В ходе ликвидации мятежа Муравьев был убит при аресте.

²⁴ В начале марта 1918 большая часть юга страны, в том числе Одесса, была оккупирована австро-германскими войсками; в ноябре 1918 город заняли войска Антанты, главным образом греко-французские части.

²⁵ Билимович Антон (Антоний) Дмитриевич (1879–1970) – математик, основатель белградской школы механики; магистр (1912), доктор (1919) механики; член-корреспондент (1925), действительный член (1936) Сербской АН. Уроженец Житомира. Учился в Киевском кадетском корпусе, Николаевском инженерном училище в Петербурге и на физико-математическом факультете Университета Св. Владимира в Киеве (1903), где был оставлен для подготовки к профессорскому званию; ассистент (1903–1907), приват-доцент (1907–1914) по кафедре аналитической механики физико-математического факультета Университета Св. Владимира, совершенствовал образование в Париже и Геттингене (1912–1914); профессор механики (1914–1920) и ректор (1918–1919, с перерывами) Новороссийского университета в Одессе. Эмигрировал в январе 1920 в Сербию, с апреля того же года ординарный профессор рациональной механики Белградского университета (1920–1955, с перерывами), преподавал в Русско-сербской гимназии (1929–1936). Член правления Русской академической группы в Югославии, участвовал в создании Русского научного института в Белграде. Секретарь отделения естественно-математических наук (1937–1939) Сербской АН, после Второй мировой войны работал в Математическом институте Сербской АН (с 1946). Один из основателей, с 1964 – почетный председатель Югославского общества механиков.

²⁶ Елена Андреевна Билимович.

²⁷ Линниченко Иван Андреевич (1857–1926) – историк, специалист по истории России и западных славян; магистр (1884), доктор (1894) русской истории; член-корреспондент Петербургской АН (1900) и Краковской АН (1901). Выпускник историко-филологического факультета Университета Св. Владимира в Киеве (1879), где был оставлен для подготовки к профессорскому званию (1879–1883). Приват-доцент Новороссийского (1884–1885), затем Московского (1888–1894) университетов. Неоднократно командировался за границу с ученой целью (1886–1888, 1907, 1908, 1909, 1910, 1912, 1914). Экстраординарный (с 1895), затем ординарный профессор, заведующий кафедрой русской истории (с 1898), заслуженный ординарный профессор (1908–1919) Новороссийского университета; профессор ВЖК в Одессе (1906–1917). Председатель Одесского библиографического общества и редактор-издатель его «Известий» (1910–1912), председатель Одесского славянского благотворительного общества им. Кирилла и Мефодия (1903–1910), действительный член ООИД и его секретарь (1903–1905), член правлений Общества любителей российской словесности и Общества истории и древностей российских. Участник всероссийских археологических съездов, международных исторических и археологических конгрессов в Риме (1903, 1912), Афинах (1905), Берлине (1908), Каире (1910), Буэнос-Айресе (1910), Женеве (1912), Лондоне (1913). Октябрьскую революцию категорически не принял.

Согласно записям в дневнике Н.П.Кондакова, при приближении Красной армии 1(14) декабря 1919 И.А.Линниченко уехал из Одессы в Ялту (в Крыму власть белых продержалась до начала ноября 1920). После окончательного установления советской власти Линниченко преподавал в учебных заведениях Симферополя, был профессором Таврического университета (1921–1926). С момента приезда в 1917 в Одессу Н.П.Кондаков и

Е.Н.Яценко, разместившиеся в гостинице «Пассаж», столовались у Линниченко, а с 7(20) июня по 28 августа (10 сентября) 1917 и с 9(22) сентября 1918 вплоть до отъезда в эмиграцию снимали у него две комнаты в квартире по адресу: Елисаветинская, 10.

²⁸ В советское время улица носила имя профессора Е.Н.Щепкина.

²⁹ Губарх – Одесское губернское управление архивным делом (в августе 1925 реорганизовано в Одесское окружное управление архивным делом). В ноябре 1926 из его состава был выделен Одесский исторический архив, получивший наименование Одесский краевой исторический архив (ныне Государственный архив Одесской области). См.: Государственный архив Одесской области: Путеводитель. Одесса, 1961. С.3-4.

³⁰ Войска Антанты заняли Одессу в ноябре 1918.

³¹ 24 марта (6 апреля) 1919 в Одессу вошли большевистские войска, к которым присоединился петлюровский отряд под предводительством атамана Н.А.Григорьева.

³² Щепкин Евгений Николаевич (1860–1920) – историк средневековья и нового времени, педагог, общественный деятель. Внук великого русского актера М.С.Щепкина. Выпускник Московского университета (1883), ученик В.И.Герье и В.О.Ключевского. Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории. Приват-доцент Московского университета (1892–1897), затем Нежинского историко-филологического института (1897–1898). С 1898 по 1906 – приват-доцент Новороссийского университета в Одессе по кафедре всеобщей истории. Член I Государственной Думы от кадетской партии. В 1906 подписал обращение группы бывших депутатов I Государственной Думы к населению России с призывом оказать царскому правительству «пассивное сопротивление» в знак протеста против разгона Думы (так называемое «Выборгское воззвание»). В период реакции был отстранен от преподавания в государственных вузах и работал в частных учебных заведениях Одессы, вернулся в университет после Февральской революции в качестве профессора. Примыкал к левозэровскому направлению (фракция боротьбистов). С 1919 – член ВКП(б), комиссар просвещения в Одессе. См.: Памяти Евгения Николаевича Щепкина. Одесса, 1927.

Комиссариат (отдел) народного образования при Одесском губисполкоме во главе со Щепкиным начал перестройку университета: в условиях военного времени упразднились должности ректора и проректоров, а управление университетом было передано комиссару народного образования. Руководство вузом, взамен распущенного Совета профессоров университета, было передано революционному студенческому совету, в присутствии членов которого проводились заседания профессорско-преподавательского состава; при деканах были созданы факультетские советы, куда также входили представители студенчества; проводились массовые увольнения профессуры старой школы, взамен выдвигались молодые преподаватели, которых факультеты уравнивали в правах с профессорами, и т. п. По воспоминаниям И.А.Бунина, Щепкин составлял списки негодных ему профессоров университета и передавал их в ЧК, «не заступался за невинно гонимых, за кого мог с успехом заступиться, закрыл университетскую церковь. Комиссаром просвещения был недолго – его уволили» (цит. по: Бунин И.А. Ока-

янные дни. Воспоминания. Статьи / Сост., подг. текста, предисл. и комм. А.К.Бабореко. М., 1990. С.396).

³³ Запись в дневнике Н.П.Кондакова от 23 апреля (6 мая) 1919: «Уволены из Новороссийского университета 21 профессор, из них Доброклонский, Стадников и Смирнов, Сапезко и Кишенский, И.А.< Линниченко> и др.» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП). Через день, 25 апреля (8 мая) 1919, было разогнано Правление университета.

³⁴ Доброклонский Александр Павлович (1856–1937) – историк церкви; магистр, затем доктор богословия. Из духовного звания. Исполняющий должность ординарного профессора по кафедре церковной истории, декан историко-филологического факультета и ректор Новороссийского университета; член городской думы г. Одессы. Эмигрировал в 1920. Читал патрологию как профессор теологического (православного) факультета Белградского университета. Председатель отделения общественных и исторических наук Русского научного института в Белграде (1928–1936).

³⁵ Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943) – филолог-славист, представитель школы Ф.Ф.Фортунатова; действительный член Российской АН (1923), академик Польской АН (1930), член-корреспондент Болгарской АН (1932), Чешской АН (1934). Выпускник Петербургского университета (1885), ученик И.В.Ягича. Профессор Новороссийского (1903–1923) и Ленинградского (1924–1929) университетов по кафедре славянской филологии. Основные труды – в области сравнительного языкознания и этимологии, истории праславянского языка и отдельных славянских языков.

³⁶ Факунд (Facundus) – епископ Гермианский (в африканской провинции Бизацена). В 550 г. настоял на отлучении от церкви Папы Римского Вигилия. При Юстиниане был подвергнут заточению.

Речь идет о монографии А.П.Доброклонского «Сочинения Факунда, епископа Гермианского, в защиту трех глав» (М., 1880).

³⁷ Пападимитриу Синодий Дмитриевич (1859–1921) – филолог-классик, византист; магистр, затем доктор греческой словесности. Родом грек. В 1900 при Новороссийском университете учреждена была экстраординатура по византийской филологии, предоставленная приват-доценту классической филологии С.Д.Пападимитриу, автору статей по античным и византийским древностям Причерноморья. После защиты докторской диссертации (монографии «Феодор Продром: Историко-литературное исследование». Одесса, 1905) стал ординарным профессором Новороссийского университета. В годы революции покинул Россию. О нем см.: *Papouliides K.K.* ΕΛΛΗΝΟΡΩΣΙΚΑ. Thessalonike, 1988. S.227-265.

³⁸ Речь идет о докторской диссертации профессора А.П.Доброклонского. См.: *Доброклонский А.П.* Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский. Ч.1-2. Одесса, 1913–1914. В день увольнения А.П.Доброклонского из университета 23 апреля (6 мая) 1919 автор преподнес Н.П.Кондакову обе части своей монографии о Феодоре Студите (хранится в Фонде Кондакова в ЛАМЧП).

³⁹ Заседание историко-филологического факультета состоялось 27 апреля (10 мая) 1919. В дневнике Н.П.Кондакова запись: «Уселся рядом с Окуневым, но дали стул за столом <президиума>. Пересматривали вакантные кафедры и, согласно новому профессорскому стажу, производили всех в

профессора: Рубинштейна доцентом философии, Окунева – профессором, Мочульского доцентом, Потапова профессором, Доброклонского Щепкин <предлагает> профессором истории Византии – но отложил представление до осени, т. к. имеются <голоса> против, и он получил степени от Духовной Академии, и конфессиональный характер этой науки. Мне Щепкин предложил <дать отзыв> об Окунове: рад промоции, занимался Новгородом, в Константинополе – Софией, <на> Кавказе – восточной архитектурой, но желательнее письменно и печатно <представить отзыв>, когда только будет возможно». На следующий день Кондаков отметил: «И.А.<Линниченко> возмущался промоцией Окунева. Пришли <так!> Билимович к И.А., доволен, что я говорил о печатных трудах профессоров; А.П.Доброклонский очень благодарил за отзыв вчерашний». 29 апреля (12 мая) запись: «Попробую уже осуждать Окунева за профессорство». 28 мая (10 июня) к Н.П.Кондакову обратился профессор П.М.Бицилли с просьбой написать представление факультета для избрания Доброклонского почетным доктором византологии. Однако на заседании факультета 31 мая (13 июня) «Щепкин отказал в согласии на почетное докторство Доброклонского – и это сочтется манифестацией. Отказал и в назначении Флоровского» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП).

⁴⁰ См.: Кондаков Н.П. Миниатюры греческой псалтири IX века из собрания А.И.Хлудова // Труды Московского археологического общества. 1878. Т.7. С.162-183. Отд. отт.: М., 1878.

⁴¹ 22 июня (5 июля) 1919 Н.П.Кондаков записал в дневнике о заседании факультета: «Выбрали единогласно Доброклонского, и я ушел. В две комиссии попал – предметную и музейную. Пошли поздравить Доброклонского» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП).

⁴² Доброклонский был арестован в начале июля 1919. Начиная с 4(17) июля Н.П.Кондаков записывал сведения о хлопотах Марии Григорьевны, жены профессора, по его освобождению, состоявшемуся 22 июля (4 августа) 1919.

⁴³ Б.В.Варнеке ошибается. Судя по дневнику Н.П.Кондакова, квартира И.А.Линниченко была центром сбора антибольшевистски настроенной профессуры. Опасаясь ареста, хозяин периодически не ночевал дома, начиная с 23 мая (5 июня) 1919. 2 (15) июля Н.П.Кондаков записал о приходе чекистов за Линниченко без четверти двенадцать ночи: «...Отчаянный стук, не могу выйти, еще сильнее... и 6 военных ко мне, протокол, где профессор. Не знаем. До 1 часу». На следующий день Линниченко вернулся в шесть с четвертью утра, сказав Кондакову, что «решил идти в оперативный отдел Чрезвычайной комиссии». Однако свое намерение он не осуществил и скрывался вплоть до прихода белых. По каким-то причинам он не поставил об этом в известность своих квартирантов. Последние оставались в неведении довольно долго и приглашали разных лиц (А.Н.Грара, Д.Г.Атлас, Д.К.Крайнева, М.Леонова и др.) поочередно ночевать в комнатах Линниченко, опасаясь как ареста, так и грабежа налетчиков. 20 июля (2 августа) 1919 во время обеда в квартиру пришел офицер Красной Армии с вопросом, где профессор Линниченко. Н.П.Кондаков и Е.Н.Яценко ответили, что не знают. 23 июля (5 августа) комиссар просвещения Е.М.Щепкин поставил вопрос о необходимости «секвестра» библиотеки и архива И.А.Линниченко

– на следующий день ученицы И.А.Линниченко Д.Г.Атлас, Шишкина и Елашкова занялись разбором его бумаг. Матрос-чекист вновь посетил квартиру Линниченко 31 июля (13 августа), в течение часа допытывался у Н.П.Кондакова и Е.Н.Яценко о местонахождении хозяина. 24 августа (6 сентября) в Одессу вошла Добровольческая армия, и И.А.Линниченко смог вернуться домой.

⁴⁴ Дорошенко Петр Яковлевич (1857–1919) – украинский врач, общественный деятель, краевед, коллекционер рукописей, книг, произведений искусства и предметов быта, связанных с историей Украины. Потомок запорожского гетмана М.Дорошенко. Выпускник медицинского факультета Университета Св. Владимира в Киеве, земский врач в Глухове. Член Черниговской ученой архивной комиссии; был одним из создателей Глуховского краеведческого музея (1903), участвовал в подготовке и проведении XIV Археологического съезда в Чернигове (1908). Перед революцией – директор Черниговского дворянского пансиона-приюта. При гетмане П.П.Скоропадском в Министерстве народного просвещения Украинской державы (апрель – декабрь 1918) возглавлял Главное управление искусств и национальной культуры, пытался спасти от гибели коллекции предметов старины. Бежал в Одессу, где был расстрелян большевиками. О первой встрече с Дорошенко, бывшим киевским министром искусств, Н.П.Кондаков записал в дневнике 2(15) апреля 1919.

⁴⁵ Имеется в виду Дорошенко Дмитрий Иванович (1882–1951) – украинский политический деятель, историк, публицист. С 1909 – профессор истории в Киеве и Екатеринославе. В Украинской Центральной Раде занимал пост председателя Генерального секретариата, являлся генеральным секретарем внутренних дел. В правительстве гетмана Скоропадского с 20 мая 1918 исполнял обязанности министра иностранных дел, однако формально до 2 сентября числился в должности управляющего министерством. В 1919 – доцент университета в Каменце-Подольском, в том же году эмигрировал в Прагу. Доцент, затем профессор Карлова университета (1926–1936) и Украинского института в Праге (1921–1945, с перерывами), профессор богословского факультета Варшавского университета (1936–1939). С 1945 работал в Мюнхене, в 1947–1950 – в Виннипеге в Украинском свободном университете; президент Украинской свободной АН (1945–1951). Умер в Мюнхене.

⁴⁶ П.Я.Дорошенко был женат на Марии Парменовне Дорошенко, урожденной Маркович.

⁴⁷ 5(18) июля 1919 Н.П.Кондаков отметил в дневнике, что Дорошенко опасается своего ареста, а 14(17) июля записал: «Кроме генералов Эбелова, Бирюкова, расстрелян Дорошенко» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП). Сведения о хлопотах Н.П.Кондакова за него в ЧК в дневнике отсутствуют.

⁴⁸ Вот как описывает другой источник обстоятельства гибели П.Я.Дорошенко:

С падением гетманшфта пришлось как-нибудь спастись, и П<етр> Я<ковлевич> приютился в Одессе, где его никто не знал. Там он жил более или менее спокойно, пока продолжалась французская оккупация. Когда французы покинули Одессу, П<етру> Я<ковлевичу> не посчастливилось уехать за границу. Началась тяжкая пытка укрывания себя от чрезвычайки, которая тем временем

объявила «красный террор». Во главе свирепой одесской «Чеки» стоял известный палач, грузин Гимишвили или Саджая, по кличке Каменченко, который за три месяца, от конца французской оккупации до прихода денкинцев, успел истребить не менее 3000 душ интеллигенции. В число жертв попал П.Я.Дорошенко и был расстрелян в гараже «Чеки».

(*Царинный А.* Украинское движение: Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям / С введ. кн. А.М.Волконского. Берлин, 1925. С.169.

Выражаю глубокую признательность В.Г.Пуцко за предоставленные биографические сведения о судьбе П.Я.Дорошенко и указание на литературные источники.

⁴⁹ Речь идет об Александре Борисовиче Варнеке (1904–?) – старшем сыне Б.В.Варнеке. В годы Второй мировой войны он работал библиотекарем в Одесской публичной библиотеке.

⁵⁰ Спицын Александр Андреевич (1858–1931) – археолог; действительный член РАО (1907), хранитель Музея общества (с 1907); член-корреспондент АН СССР (1927). Выпускник Петербургского университета (1882), ученик К.Н.Бестужева-Рюмина. В 1882–1892 жил в Вятке, преподавал в гимназии, занимался историческим краеведением, в том числе археологией. С 1892 – член Императорской Археологической комиссии, с 1909 – приват-доцент по кафедре русской истории Петербургского университета и создатель Археологического кабинета при ней (1910); с 1914 – преподаватель кафедры исторической географии Петроградского археологического института, после Октябрьской революции – профессор факультета языка и материальной культуры Петроградского-Ленинградского университета (1918–1927), с 1919 по 1929 – действительный член, заведующий разрядом русской археологии Этнологического отделения, член комиссии по раскопкам РАИМК (ГАИМК). Проводил полевые исследования в Прикамье; как классификатор и систематизатор коллекций занимался изучением памятников различных исторических эпох – от палеолита до позднего средневековья. Основные труды посвящены славяно-русским древностям.

⁵¹ Сергей, архимандрит (Спаский Иван Александрович; 1830–1904) – духовный писатель; магистр Киевской духовной семинарии, доктор богословия (1876). Сын священника. Инспектор и ректор семинарии в Киеве, затем епископ Ковенский и Могилевский, впоследствии архиепископ Владимирский. Речь идет о его докторской диссертации: *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока: В 2 т. М.: Тип. «Соврем. Известий», 1875–1876. Т.1: Восточная агиография. 548 с.; Т.2: Святой Восток. 1056 с. 2-е изд.: Владимир, 1901.

⁵² Гай Плиний Секунд Старший (23 или 24–79 г. до н. э.) – римский писатель, ученый и государственный деятель.

⁵³ Речь идет о кн.: *Плиний.* Об искусстве / Пер. с введ. и примеч. Б.В.Варнеке. Одесса: Изд-во Ивасенко, 1918. 91 с.

⁵⁴ Конце Александр (Conze; 1831–1914) – немецкий археолог, историк античной пластики, организатор науки; действительный член Академий наук в Вене (1869) и Берлине (1877); член-сотрудник РАО (1896). Профессор университетов в Галле (с 1863), Вене (с 1869) и Берлине (1878–1906),

руководитель Античного собрания Берлинских музеев (1877–1887), генеральный секретарь Германского археологического института в Берлине (с 1877). Под руководством А.Конце работали археологические экспедиции австрийских исследователей на о. Самофракия (1873–1875) и немецких ученых в Пергаме (1878–1886, 1900–1902).

⁵⁵ Мантенья Андреа (Mantegna; 1431–1506) – итальянский живописец и гравер Раннего Возрождения, представитель падуанской школы.

⁵⁶ В то время Н.П.Кондаков работал над третьим томом «Иконографии Богоматери», посвященном итальянской живописи Возрождения. В письмах коллегам автор называл книгу «Итальянской Мадонной».

⁵⁷ Гёрц Карл Карлович (1820–1883) – историк искусства, археолог, исследователь Таманского полуострова, публицист, беллетрист; магистр (1870), доктор истории искусств (1873); действительный член РАО (1870) и МАО. Выпускник Московской коммерческой академии и философского факультета Московского университета, ученик Д.Л.Крюкова. Переехав в Петербург по окончании университета, он 6 лет служил домашним воспитателем в доме князя Салтыкова, сотрудничал в журнале «Современник». В 1851, получив от князя пожизненную пенсию, в течение 5 лет путешествовал по Западной Европе для изучения памятников искусства. Вернувшись в Россию и поселившись в Москве, служил приват-доцентом (1857–1870), затем профессором археологии и истории искусства Московского университета, хранителем картин Румянцевского музея; многие годы вел в «Московских ведомостях» отдел археологических и художественных новостей. Являлся одним из ближайших сотрудников А.С.Уварова при создании МАО и был деятельным членом общества – секретарем (с 1864), товарищем председателя (с 1872); как член редакционного комитета редактировал его труды.

⁵⁸ Речь идет о кн.: *Малеин А.И.* Карл Карлович Гёрц (1820–1883): Биографический очерк с портретом и двумя приложениями. СПб., 1912. 252 с.

⁵⁹ Буслаев Федор Иванович (1818–1897) – филолог-славист, литературовед, искусствовед, представитель мифологической школы в русской науке, создатель московской школы ученых-славистов (А.Н.Веселовский, А.Н.Афанасьев, О.Ф.Миллер и др.); магистр русской словесности (1848), почетный доктор русского языка и словесности (1864) и теории и истории искусства (1889); член-корреспондент (1852), академик (1860) Петербургской АН. Выпускник Московского университета (1838), преподавал во 2-й (1838–1839) и 3-й (1841–1847) московских гимназиях, домашний учитель в семье гр. С.Г.Строганова, вместе с которой путешествовал по Германии, Австрии и Италии (1839–1841); преподаватель (с 1847), адъюнкт (с 1848), экстраординарный (с 1850), ординарный (с 1859), заслуженный профессор (с 1873) Московского университета. В своих трудах развивал мысль о русской художественной культуре как о синтезе словесного и изобразительного искусства, первый выявил русско-византийские связи в изобразительном искусстве на широком фактическом материале.

Н.П.Кондаков во время учебы в Московском университете (1861–1865) слушал лекции Ф.И.Буслаева по русской словесности и археологии. Учителю оказал на него определяющее влияние, пробудив интерес к византизскому искусству. Подробнее о Ф.А.Буслаеве и Н.П.Кондакове см.: *Кызласо-*

ва И.Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И.Буслаев, Н.П.Кондаков: Методы, идеи, теории). М., 1985.

⁶⁰ Смирнов Яков Иванович (1869–1918) – историк древнехристианского и византийского искусства, археолог; член-корреспондент (1907), ординарный академик РАН (1917), член-сотрудник (1893), действительный член РАО (1897), управляющий Русским отделением общества (1898–1912). Выпускник Петербургского университета (1891), любимый ученик Н.П.Кондакова, по настоянию которого сдал экзамен на степень магистра. Приват-доцент кафедры теории и истории изящных искусств историко-филологического факультета (1898–1899) и кафедры истории Востока факультета восточных языков (1913–1918) Петербургского (Петроградского) университета; хранитель (1899–1909), старший хранитель (1909–1918) Отделения Средних веков и эпохи Возрождения Императорского Эрмитажа. Умер от болезни и голодного истощения в Петрограде.

⁶¹ С.А.Жебелёв сблизился с Н.П.Кондаковым с конца 1890-х. В ПФА РАН и Литературном архиве Музея чешской письменности в Праге сохранилась их обширная личная переписка. О своей жизни в Одессе при большевиках Н.П.Кондаков сообщал С.А.Жебелёву следующее:

Одесса, Елисаветинская, 10

8 июня 1919

Дорогой Сергей Александрович,

очень был рад получить от Вас письмо заказное от 18 мая, мною полученное в самом конце <месяца>. Затем пошло у нас и слухи и даже вести, опять пережеглось почтовое сообщение, не принимали заказных, а затем вновь возобновилось, и вот уже 3–4 дня, как почти ежедневно приходят поезда, и с ними и письма от Сережи (С.Н.Кондаков, старший пасынок Н.П.Кондакова. – *И.Т.*) и некоторые известия.

Вы меня ошеломили сообщением о смерти Я.И.Смирнова: за день раньше Сережа в письме назвал его покойным, а от Вас я узнал, что он уже 10 октября умер и, по-видимому, от истощения. Смерть его мне очень горька. У меня не было ученика, так полно снабженного для науки и так любившего занятия. Неужели надо вновь читать в Университете и искать учеников? Здесь я прочел за два полугодия два введения: в русскую иконопись и в иконографию Богоматери эпохи Возрождения. По-видимому, я еще могу читать. Слушателей под конец набиралось много, и больше всего профессоров и художников. Думаю о том, чтобы прочесть подобные курсы в Санкт-Петербурге, если буду жив, и вновь в университете.

За эти два года моего отсутствия из Санкт-Петербурга я мог много заниматься и почти закончил 2 сочинения: Историю русской иконописи на 2 больших томах с 3<-м> отдельным томом атласа и Иконографию Богоматери в эпоху Возрождения, тоже в двух томах. По первому, однако, надо еще сделать поездку по разным монастырям. По второму надо тоже побывать на юге Франции и еще раз в Италии. Когда и как я это сделаю, если теперь всякие поездки невозможны по тысяче затруднений и чудовищным ценам? Стараюсь не думать. Для изданий надобна бумага, а ее нет даже для академического <издания>, тем более для издания Иконописных таблиц. Тоже ста-

раюсь не думать. Ибо, если начать думать, то, пожалуй, сунешь свои томы в печь и сожжешь, как дрова. Ведь страшно подумать даже о том, что вывезти эти сочинения с материалами к ним, т. е. фотографиями для нужных рисунков, мне тоже или невозможно, или крайне трудно. Взять сочинения – не брать вовсе багажа, таковы условия переездов теперь. Добыть хотя бы разрешение купить три места в поезде, о чем я писал в Академию С.Ф.Ольденбургу (непременный секретарь РАН. – *И.Т.*) (и ответа не получил), и то не удастся. И поэтому лучше не думать!

Думаю больше о том, куда бежать: теперь из Одессы, где началась чудовищная дороговизна, растущая до питерских цен; затем... из отечества, где зимою нельзя будет жить, за отсутствием топлива. У нас пуд дров стоит 60–70 рублей, а его хватает на один день в кухне и не хватит на печку: в пуде 7 мокрых полен.

Теперь у нас с половины апреля идут дожди, или по два ливня в день, или мелкие поудря. Нет дней без дождя. Все растет так буйно, что озимые имеют колосья в палец толщиной, а стебель еще толще. Но весь этот урожай сгниет от сырости, и даже сена нельзя собрать.

Вот Вам и наши кошмарные новости. Очень жаль Вас, как декана, и еще более по участию в заседаниях. Сам почти никуда не хожу. Недавно, однако, пошел в историко-филологический факультет, восстал, во имя университетской науки, против слияния университета с женскими курсами, и очень сожалел о том.

О Пете (младший пасынок Н.П.Кондакова. – *И.Т.*) ни слуху, ни духу, вот уже 8 месяцев; и жена ждет его в Ялте уже год с двумя детьми, едва сводя концы с концами, из доходов от сданного целиком внаймы дома.

Напишите мне подробнее, почему и от чего умер Яков Иванович. Напишите и о других. Поклонитесь нашей компании, кого увидите.

Ваш преданный

Н.Кондаков

(ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.37-138об.)

⁶² Окунев Николай Львович (1886–1949) – историк искусства, византист, славяновед; член-сотрудник (1912), действительный член РАО (1912); действительный член Болгарского археологического института в Софии. Выпускник Петербургского университета, ученик Д.В.Айналова. Ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (1912–1914), приват-доцент Петроградского (1916–1917), затем профессор по кафедре теории и истории искусств Новороссийского университета (1918–1919), председатель Совета ООИИ. С осени 1919 являлся главным комиссаром по делам искусств в правительстве А.И.Деникина в Ростове-на-Дону. С 1920 – в эмиграции в Югославии, в том же году был приглашен профессором археологии на философский факультет университета в Скопье (Югославия), с 1922 или 1923 жил в Праге, с 1925 – профессор философского факультета Карлова университета в Праге; член Русской академической группы, *Seminarium Kondakovianum* (Археологического института им. Н.П.Кондакова).

⁶³ Одесское общество изящных искусств (ООИИ) было основано в ноябре 1864 (открыто в 1865) с целью «развить вкус и понятие о живописи во всех сословиях общества». Во главе общества стоял избираемый общим собранием Совет. Н.П.Кондаков был почетным членом и членом Совета общества, принял деятельное участие в организации Музея изящных искусств (открыт в 1889) и Рисовальной школы при ООИИ (открыта в 1865), которыми он заведовал соответственно в 1883–1888 и 1883–1894. С 1880 ученый способствовал получению субсидий и льгот от Академии художеств на содержание Рисовальной школы. См.: <Рескрипт президента Академии художеств проф. Н.П.Кондакову> // Художественные новости. 1888. №4. Стлб.100; №5. Стлб.130–132 (внутренние известия). В 1900 Одесская рисовальная школа и общеобразовательное училище, созданное в 1886 при ООИИ, были слиты и преобразованы в Художественное училище с живописным, скульптурным и архитектурным отделениями. Н.П.Кондаков работал в Совете училища с 1917 вплоть до своего отъезда из Одессы. См.: *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820–1932): Справочник. СПб., 1992. С.221–223.

В 1888, при отъезде Н.П.Кондакова в Петербург, преподаватели Рисовальной школы поднесли ученому альбом с собственными фотографиями и рисунками в знак уважения его заслуг перед школой (ПФА РАН. Ф.115. Оп.5. Д.1). В трудные годы Гражданской войны Никодим Павлович писал в письме к С.Н.Кондакову от 8 июня 1919 о необходимости продать альбом:

Надо особо показать Одесский альбом – музей <Русский> даст мало, но коллекционеры могут дать около 4–5 тысяч по теперешним ценам. Иначе оставь себе – будет продано тобою выше, так как Ладыженского ни у кого нет, а это был большой акварелист. Константинополь Вилье или продать за 1000 <рублей>, или оставить, вынув из альбома акварелей. Или оставить весь альбом Одесский и все акварели на хранение у Околовича – человек верный.

(ПФА РАН. Ф.115. Оп.7. Д.177. Л.131).

⁶⁴ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк России; магистр (1888), доктор (1899) русской истории; член-корреспондент (1909), действительный член РАН (1920), исключен 2 февраля 1931, восстановлен в 1968); действительный (1890), почетный (1909) член РАО, управляющий Русским отделением (1894–1898), председатель общества с 1922. Выпускник Петербургского университета (1882), приват-доцент (1888–1890), экстраординарный (1890–1899), ординарный (с 1899), заслуженный (с 1912) профессор по кафедре русской истории, секретарь (с 1893) и декан (1900–1905) историко-филологического факультета Петербургского-Петроградского университета, профессор Высших женских (Бестужевских) курсов, профессор и директор Петербургского женского педагогического института (1903–1916), с 1893 – член Ученого комитета Министерства народного просвещения. После Октябрьской революции – председатель Археографической комиссии (1918–1929), помощник заведующего Главархивом (1918–1923), директор Пушкинского Дома (1925–1929) и Библиотеки АН СССР (1925–1928). По сведениям Ф.Ф.Перченка, впервые арестован в 1919, но отпущен по приказу Зиновьева. Арестован по «Академическому делу» (1930–1931) и приговорен к 5 годам высылки в Самару, где и умер (реабилитирован).

литирован в 1967). См.: *Перченков Ф.Ф.* К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... С.193.

⁶⁵ См.: *Кондаков Н.П.* Древняя архитектура Грузии: Исследование // Труды МАО. 1876. Т.6, вып.3. С.211-268.

⁶⁶ Вот что писал Н.П.Кондаков к С.А.Жебелёву из Праги 24 марта 1923 о Н.Л.Окуневе: «Из прежних учеников Окунев при большевиках в Одессе выскочил в ординарные профессора, не написав ничего, был потом низведен факультетом, когда большевики ушли, в доценты, бросил всякие занятия и университет и ушел товарищем министра к Деникину. Он же составил Общество истории искусства прямо из *demi-monde'a* <полусвета (франц.)> – я раз был и был смущен таким “ученым обществом”. Он уже появился здесь <в Праге>, и рать ёрников здесь все растет и на прежних с боем идет» (ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.144об.).

⁶⁷ «Аполлон» – русский иллюстрированный журнал по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы, издававшийся в 1909–1917 в Петербурге (редактор-издатель С.К.Маковский). Публиковал материалы по истории искусства, обзоры выставок, театральной и музыкальной жизни. В 1918 закрыт властями в связи с публикацией ряда антисоветских статей.

⁶⁸ Мутер Рихард (1860–1909) – немецкий искусствовед, представитель позитивистской школы в немецком искусствознании.

⁶⁹ Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – художник, театральный декоратор, историк искусства, художественный критик, мемуарист. В пред-революционные годы – вице-председатель созданного в 1911 Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины; в марте 1917 – один из организаторов Комиссии по делам искусств для переговоров с Временным правительством об охране памятников искусства и старины; с 1918 – член Коллегии по делам музеев при Наркомпросе. В 1918–1926 – главный хранитель Картинной галереи Эрмитажа. В 1926 не вернулся из Парижа, где находился в командировке от Эрмитажа. В эмиграции работал как театральный художник и режиссер-постановщик балетов в театрах Франции, Италии и других стран.

⁷⁰ Покровский Николай Васильевич (1848–1917) – историк искусства, специалист по церковной археологии и иконографии; действительный (1880), почетный (1910) член РАО, секретарь его Русского отделения (1885–1888). Выпускник, затем профессор Петербургской Духовной академии, профессор кафедры церковных древностей и директор Петербургского археологического института. Автор монографии «Очерки памятников христианской иконографии и искусства» (Изд. 3. СПб., 1902).

⁷¹ Снегирев Иван Михайлович (1793–1868) – археолог, искусствовед, этнограф, собиратель и исследователь фольклора; магистр словесных наук (1815); член Общества истории и древностей российских (1828), член-корреспондент РАО (1848). Учился на словесном отделении Московского университета (1810–1814), где впоследствии преподавал латинский язык (1818–1826) и был профессором по кафедре латинского языка и римских древностей (1826). Участник Румянцевского кружка. Московский цензор (1828–1855). В 1855 уволен от цензорства за разрешение к печати статьи о

Н.И.Новикове. В последние годы жизни бедствовал, переехал в Петербург, умер в больнице. Знарок истории, топографии и церковных древностей Москвы. Собирал и изучал этнографические материалы, фольклор, лубочные картинки. Автор обзоров российских и московских древностей, работ по иконописи, церковной археологии, устному народному творчеству и пр.

⁷² Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – историк-славист, коллекционер древностей, писатель, публицист, видный деятель правого крыла славянофильства; магистр (1825), почетный доктор философии Пражского университета; член-корреспондент (1826), адъюнкт (1828), действительный член (1836) РАН, член-корреспондент по разряду истории и древностей (1826), ординарный академик по ОРЯС Петербургской АН (1841), действительный член (1825–1875), секретарь (1836–1845), председатель (1875) Общества истории и древностей российских при Московском университете; член, секретарь (1834), председатель (1860–1866) Общества любителей российской словесности, один из организаторов и председатель (1861) Московского славянского благотворительного комитета; член-корреспондент (1848), почетный член (1872) РАО. Выпускник Московского университета (1821), преподаватель географии Московского благородного пансиона (1821–1824), преподаватель всеобщей и русской истории, ординарный профессор (с 1833) Московского университета (1826–1844). Совершал регулярные поездки по России с целью покупки предметов древности. С 1820-х собирал рукописи, старопечатные и редкие книги, иконы, резные образки, кресты, шитье, монеты, печати, медали, оружие и т. п. (знаменитое «погодинское древлехранилище», которое в 1853 было продано государству). С середины 1820-х занялся литературно-издательской деятельностью, издавал «Московский вестник» (1827–1830) и «Москвитянин» (1841–1856), где публиковал исторические материалы о духовной жизни и быте славянских народов. С 1841 служил в Министерстве народного просвещения.

⁷³ Голышев Иван Александрович (1838–1896) – краевед, издатель; член-сотрудник РАО (1877), действительный член Владимирского статистического комитета (1861) и МАО. Из крепостных крестьян-иконописцев с. Мстеры Владимирской губ. Учился в приходской школе, работал учеником литографа в Москве. В 1858 открыл в Мстере литографию, выпускавшую лубочные картинки, народные издания религиозно-нравственного содержания (свыше 500 тыс. листов в год). Под влиянием владимирского краеведа К.Н.Тихонравова занялся изучением старины. В 1884 возведен в звание потомственного почетного гражданина. Автор более 500 статей по археологии, этнографии, истории искусств, иконописи, издатель исторических документов. На свои средства опубликовал альбомы «Древности Богоявленской церкви XVII в. в слободе Мстере» (1870), «Атлас рисунков старинных пряничных досок» (1874), «Памятники старинной русской резьбы по дереву» (1877), «Альбом русских древностей Владимирской губ.» (1883), «Памятники русской старины Владимирской губ.» (1883), «Альбом рисунков рукописных синодиков 1561, 1679 и 1686 гг.» (1885), «Сборник русской старины Владимирской губ.» (1890) и пр. Удостоен РАО большой серебряной медали за сочинение «О старинных деревянных храмах во Владимирской губернии» (1880) и малой золотой медали «за 25-летнюю деятельность на пользу археологии» (1886). На многих археологических съездах и вы-

ставках экспонировал вещи из собственной коллекции древностей, копии икон, оттиски пряничных досок и т. п.

⁷⁴ Большаков Тихон Федорович (1794–1863) – московский купец, известный знаток русских древностей, собиратель и торговец рукописями, старопечатными книгами, иконами, монетами и пр. Его сын Сергей Тихонович Большаков (1842–1906) в 1863–1864 продал наиболее ценную часть коллекции рукописей и книг отца в Румянцевский музей, а в 1890 экспонировал другую часть собрания на выставке русской старины в Историческом музее в Москве, устроенной по случаю VIII Всероссийского археологического съезда. См.: Археологическая выставка в Москве. Собрание Т.Ф.Большакова. М., 1890.

⁷⁵ Филимонов Георгий Дмитриевич (1828–1898) – историк древнерусского искусства, археолог, коллекционер; член-корреспондент РАО (1862). Заведующий архивом Оружейной палаты в Москве, заведующий (без содержания) отделения христианских и русских древностей в Публичном музее (1863–1870), член комиссии по реставрации икон и открытию фресок XVI в. в верхних пределах Благовещенского собора Московского Кремля (1863–1864). Учредитель и редактор изданий Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее. Работал по комплектованию русского отдела на Всемирной выставке в Париже (1864–1867), осуществлял надзор за реставрацией живописи Грановитой палаты (1881). С 1862 собирал произведения иконописи и иконописные образцы. В конце жизни переключился на археологию, исследовал стоянки первобытного человека в Крыму и на Кавказе.

⁷⁶ Ровинский Дмитрий Александрович (1824–1895) – правовед, либеральный судебный деятель, историк искусства, коллекционер; член-корреспондент по ОРЯС (1881), почетный член Петербургской АН (1883), почетный член Академии художеств (1870), действительный член РАО (1871). Выпускник Училища правоведения в Петербурге (1844), служил секретарем судебной палаты и в других судебных учреждениях, с 1866 – прокурор Московского судебного округа, с 1870 – сенатор уголовно-кассационного департамента. С 1840-х увлекся коллекционированием гравюр (в том числе лубков), объездил многие места России. Впервые систематизировал большой массив материалов по истории русской гравюры, изучал гравюры западноевропейских мастеров. Свои художественные собрания завещал Эрмитажу, Румянцевскому музею в Москве, Публичной библиотеке и Академии художеств. Автор многотомных трудов «Русские народные картинки» (СПб., 1881–1893), «Подробный словарь русских гравированных портретов» (СПб., 1886–1889), «Полное собрание гравюр Рембрандта» (СПб., 1890), «Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв.» (СПб., 1895).

⁷⁷ Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) – художественный и музыкальный критик, историк искусства, археолог, библиограф, фольклорист, видный деятель русской художественной культуры демократического направления; почетный академик по разряду изящной словесности Петербургской АН (1900); почетный член Публичной библиотеки (1902); член-корреспондент (1860), действительный член РАО (1861), действительный член и секретарь по отделению этнографии РГО (1864), редактор «Известий

РГО» и «Этнографического сборника». Сын архитектора В.П.Стасова. Выпускник Училища правоведения (1836–1843), служил в департаментах Сената (1843–1850) и Министерстве юстиции (1850), но в 1851, заинтересовавшись историей искусств, вышел отставку и до 1854 жил за границей как секретарь и консультант уральского промышленника А.Н.Демидова. С 1847 начал печатать в газетах и журналах статьи по литературе, искусству, музыке; активно участвовал в творческой жизни Артели художников, Товарищества передвижников, композиторов «Могучей кучки». В 1854 вернулся в Петербург, с 1850 сотрудничал, а с 1872 до конца жизни служил в Публичной библиотеке библиотекарем, заведовал ее Отделением искусств и технологии; изучал древние рукописи и миниатюры, одним из первых начал систематическую работу по собиранию и публикации эпистолярного наследия русских художников и композиторов. С 1863 по 1882 служил во II отделении собственной ЕИВ канцелярии. В конце 1880-х–1890-х неоднократно посещал западноевропейские хранилища для знакомства с древними памятниками письменности и произведениями искусства.

⁷⁸ Трубецкой Евгений Николаевич, князь (1863–1920) – религиозный философ, правовед, культуролог, общественный деятель, публицист; магистр (1892), доктор (1897) философии. Брат С.Н.Трубецкого, последователь и друг В.С.Соловьева. Выпускник юридического факультета Московского университета (1885), приват-доцент юридического лица в Ярославле, профессор Университета Св. Владимира в Киеве, затем Московского университета (1905–1918). Один из организаторов Психологического общества при Московском университете, Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева. Инициатор и участник книгоиздательства «Путь» (1910–1917). После Октября 1917 покинул Москву. В годы Гражданской войны служил в рядах Добровольческой армии. Умер в Новороссийске незадолго до эвакуации Белой армии.

⁷⁹ Речь идет о кн.: *Трубецкой Е.Н.* Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи. М., 1916 (переизд.: Париж, 1965; М., 1991).

⁸⁰ Муратов Павел Петрович (1881–1950) – художественный критик, прозаик, издатель. Сын военного врача. Учился в кадетском корпусе и Институте инженеров путей сообщения в Петербурге (1903). Вскоре переехал в Москву, служил помощником библиотекаря в библиотеке Московского университета, хранителем изящных искусств и классических древностей Румянцевского музея, работал в Историческом музее. Принимал участие в организации первых выставок русской старины, участвовал в расчистке икон в соборах Кремля, изучал частные коллекции икон. Совершил ряд поездок в Европу (Франция, Италия), на русский Север для изучения икон и фресок монастырей. В 1913–1914 издавал альманах «София: Журнал искусства и литературы». В 1914–1917 служил в действующей армии как артиллерийский офицер. После Октябрьской революции – член президиума Комитета по охране художественных и научных сокровищ России (1918–1919), организатор Studio Italiano (с 1918) и Книжной лавки писателей в Москве. В 1921 входил в состав Всероссийского комитета помощи голодающим (ПОМГОЛ) и был арестован ВЧК, но вскоре выпущен из тюрьмы. В 1922 командирован Главмузеем в Европу, но в Россию не вернулся. В

1922 – один из инициаторов создания «Клуба писателей» в Берлине; сотрудничал с Русским научным институтом, печатался в эмигрантской периодике, издавал собственную художественную прозу. В 1924 переиздал в издательстве З.И.Гржебина свой знаменитый труд «Образы Италии» (Т.1-3). В 1923–1927 жил в Риме, затем в Париже, незадолго до начала Второй мировой войны переехал в Великобританию. Умер «в ирландской глуши». Подробнее о нем см.: *Толмачев В.М. Образ красоты // Муратов П.П. Образы Италии. М., 1994. С.564-570.*

⁸¹ Забелин Иван Егорович (1820–1908) – историк, археолог; почетный доктор русской истории Университета Св. Владимира в Киеве (1871); член-корреспондент (1884), почетный член (1907) Петербургской АН; член-сотрудник (1850), действительный (1888), почетный (1892) член РАО. Учился в Преображенском училище в Москве, из-за недостатка средств продолжить образование не смог. Служил в Оружейной палате сначала как канцелярист, затем как помощник архивариуса (с 1848) и как архивариус (с 1856) в дворцовой конторе в Москве (1837–1859). Младший член Археологической комиссии в Петербурге (1859–1876), вел раскопки скифских курганов в Екатеринославской губернии, на Таврическом полуострове и в окрестностях Керчи, результаты которых обобщены в «Отчетах Археологической комиссии» (1866) и в «Древностях Геродотовой Скифии» (1873). Председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете (1879–1888), один из организаторов Исторического музея в Москве, где служил товарищем председателя (в 1888–1908 фактически стоял во главе музея). Автор трудов по русской материальной культуре и быту: «О металлическом производстве в России до конца XVII в.» (1853), «Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России» (1853), «Домашний быт русского народа в XVI и XVII вв.» (1862–1869), «Опыты изучения русских древностей» (1872–1873), «История русской жизни с древнейших времен» (1876–1879), «Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы» (1884–1891) и др.

⁸² К чтению лекций для неподготовленной аудитории Н.П.Кондаков отнесился как к обузе. Лекторскими способностями он не отличался. А.Н.Бенуа, слушавший его лекции в Петербургском университете, вспоминал: «Стал я было посещать и лекции Н.П.Кондакова, происходившие в помещении библиотеки, в очень интимной обстановке и при весьма ограниченном стечении слушателей. Отправляясь на первую, я мечтал, что вот услышу нечто дух подымающее, вроде легендарных лекций Грановского или Тона. Вместо того на всех трех лекциях нашего знаменитого ученого, на которых я побывал, речь шла (в довольно “неуклюжем” изложении) лишь о микенских древностях и происходил подробнейший разбор разных чаш, кубков и других откопанных золотых предметов. Получив тогда отвращение от подобного “гробокопательства”, я закаялся ходить на лекции маститого Никодима Павловича и тогда же оставил последние помыслы перебраться на историко-филологический факультет. Археология не была тогда в моем вкусе; мне она казалась областью прямо противоположной искусству. Позже я лучше изучил пользу от досконального изучения хотя бы и очень невзрачных с первого взгляда предметов. Да и к самому Кондакову я исполнился величайшего уважения. Какой светлый ум, какая глубо-

кая ученость, какое чувство прекрасного скрывались под оболочкой сухости и даже какой-то тупости» (цит. по: *Бенуа А. Мои воспоминания*. М.: Наука, 1990. Т.1. С.636).

⁸³ См.: *Кондаков Н.П.* Н.П.Погодин как археолог // Сборник ОРЯС Императорской Академии наук. Т.71, №4. СПб., 1901.

⁸⁴ Чехов познакомился с Н.П.Кондаковым 13 декабря 1898 и до конца жизни поддерживал с ним переписку: сохранилось 9 писем А.П.Чехова к Н.П.Кондакову (РО ИРЛИ и ПФА РАН) и 20 писем Н.П.Кондакова к А.П.Чехову (ОР РГБ), серия фотопортретов А.П.Чехова и Н.П.Кондакова, а также неизданный набросок воспоминаний о писателе, написанный Н.П.Кондаковым сразу после получения известия о его смерти. Подробнее см.: *Андреев Н.Е.* Н.П.Кондаков в письмах А.П.Чехова: Материалы для биографии // Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П.Кондакова. Прага, 1929. Т.3. С.271-282; *Кызласова И.Л.* Из переписки А.П.Чехова и Н.П.Кондакова // Чеховские чтения в Ялте: Чехов сегодня. М., 1987. С.94-100.

⁸⁵ Давыдов Владимир Николаевич (наст. имя Горелов Иван Николаевич; 1849–1925) – известный драматический актер, театральный педагог, народный артист республики (1922). Учился на естественном факультете Московского университета, брал уроки драматического искусства у известного актера Малого театра И.В.Самарина. В 1867–1880 играл в провинциальных театрах (Орел, Воронеж, Тамбов и др.), затем – артист Александринского театра в Петербурге–Петрограде (1880–1886, 1888–1924). С 1883 преподавал в Петербургском театральном училище практику драматического искусства. Воспитатель плеяды выдающихся русских актеров, среди которых В.Ф.Комиссаржевская, Л.С.Вивьен, К.А.Зубов и др.

⁸⁶ Страхов Николай Николаевич (1828–1896) – философ, публицист, литературный критик; магистр зоологии (1857); член-корреспондент Петербургской АН (1890). Учился на естественно-математическом отделении Главного педагогического института (1851). Сотрудничал в журналах «Время» и «Эпоха» (1861–1864), «Библиотека для чтения», «Русский вестник», издавал журнал «Заря» (1869–1872). Служил в Публичной библиотеке (1873–1885), был чиновником Комитета иностранной цензуры (с 1885). Поддерживал дружеские связи с Ф.М.Достоевским (был первым биографом писателя) и Л.Н.Толстым. Автор философских и литературно-критических работ, воспоминаний о деятелях культуры.

⁸⁷ Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824–1887) – публицист, философ, издатель. Родной дядя жены Н.П.Кондакова, Веры Александровны (урожд. Гиляровой), племянник московского митрополита Филарета (В.М.Дроздова). Выпускник Духовных семинарии (1844) и Академии (1848) в Москве. В Московской Духовной академии возглавлял кафедру герменевтики и учения о вероисповеданиях, ересьях и расколах (1848–1855); в 1855 под давлением митрополита Филарета вышел в отставку и был уволен из духовного звания. Цензор в Московском цензурном комитете (1856–1862); управляющий Московской синодальной типографии (1863–1868). С середины 1850-х сблизился со славянофилами, переводил на современный русский язык сочинения А.С.Хомякова, сотрудничал в изданиях К.С. и И.С. Аксаков.

вых. Издавал газету «Современные известия» (1867–1887), редактировал еженедельный иллюстрированный журнал «Радуга» (1883–1884), активно публиковался в московских периодических изданиях.

⁸⁸ Бобринский Алексей Александрович, граф (1852–1927) – общественный и политический деятель, историк, археолог; сенатор (1896), обер-гофмейстер (1916); действительный (1882) и почетный (1894) член РАО, управляющий Русским отделением общества (1885–1894), член Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, член многих иностранных и русских археологических обществ и архивных комиссий. В 1870–1872 учился на юридическом факультете Петербургского университета, но курса не окончил, служил в Канцелярии Комитета министров. С 1875 – петербургский уездный и губернский (1878–1898) предводитель дворянства, председатель Петербургской городской думы; председатель Имп. Археологической комиссии (1886–1917). Провел раскопки около 1 тыс. курганов, главным образом в Керчи, Херсонесе, Ольвии и близ имения Смелы Черкасского уезда Киевской губ. Материалы раскопок опубликовал в монографии «Курганы и случайные находки близ местечка Смелы» (Т.1-3; СПб., 1887–1901), а также в Отчете Императорской Археологической комиссии (1882–1907) и Известиях Императорской Археологической комиссии (Вып.14, 16-18, 35, 37-40). С его именем связана деятельность Комиссии по охране, реставрации и научному использованию памятников старинного русского церковного зодчества. Собрал уникальную коллекцию древней бронзы, как вице-председатель Комиссии по созданию Музея на Волхонке в Москве (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина) передал в его фонды 19 произведений старинной бронзы, заполнивших целый зал музея; часть обширных археологических и антропологических коллекций передал Московскому обществу естествознания. В 1889 – вице-президент Академии художеств. С 1892 – почетный опекун Петербургского опекунского присутствия, управляющий столичными сиротскими домами Ведомства учреждений императрицы Марии (1893–1896). Являлся председателем Вольного экономического общества (1894), членом Сельскохозяйственного совета Министерства земледелия, председателем Кустарного комитета, председателем Совета объединенного дворянства (1906–1912), руководил проведением ежегодных дворянских съездов, где разрабатывались рекомендации для правительства. С 1907 был депутатом III Государственной Думы от Киевской губернии, товарищем председателя фракции крайне правых, выступал на заседаниях Думы по вопросам археологии и охраны памятников, по бюджетным и общеполитическим вопросам с точки зрения крайнего консерватизма, активно поддерживал политику П.А.Столыпина. С 1912 – член Государственного Совета; накануне первой мировой войны – председатель совета Русско-английского банка. Товарищ министра внутренних дел (март–июль 1916), министр земледелия (июль–ноябрь 1916). После Октябрьской революции входил в монархический Совет государственного объединения России. В 1919 эмигрировал. Умер в Ницце.

⁸⁹ Речь идет о кн.: Сборник археологических статей, поднесенный гр. А.А.Бобринскому в день 25-летия председательства в Археологической Комиссии. 1886-1/II. СПб., 1911. 278 с., 34 л. табл.

⁹⁰ Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968) – историк России нового времени, специалист в области истории русско-чешских отношений; магистр (1916), доктор (1936) русской истории; доктор исторических наук (1957); доктор философии Карлова университета в Праге (1933). Родился в Елисаветграде (ныне Кировоград) в духовной семье. Закончил Одесскую 4-ю классическую гимназию (1894–1903), учился на историко-филологическом факультете Новороссийского университета (1903–1908), занимался в семинариях Э.Р. фон Штерна, В.М.Истрина, Е.Н.Щепкина, И.А.Линниченко; в 1908 был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. Приват-доцент (1912–1917), профессор (1917–1920) Новороссийского университета, Института народного образования, Института внешней торговли, Археологического института (1920–1922); преподавал в средних учебных заведениях Одессы (1907–1920), на ВЖК (1915), экономическом факультете Одесского политехнического института (1917–1918). Библиотекарь и член правления Одесского библиографического общества, библиотекарь и член Историко-филологического общества; действительный член, правитель дел (1915–1922) ООИД. Помощник заведующего Одесским областным архивным управлением (1920), директор Одесской публичной библиотеки (1921), затем главной библиотеки Одесской высшей школы (1921). Осенью 1922 по распоряжению большевистских властей выслан из страны, жил в Константинополе, Софии, Белграде (сентябрь – декабрь 1922), с 1923 – в Праге. Член Русской учебной коллегии, где состоял председателем (деканом) историко-филологического отделения. С 1933 по 1957 читал курс русской истории на философском факультете Карлова университета (с 1948 – ординарный профессор). С 1929 – член Славянского института; товарищ председателя (1924–1938), председатель (1938–1940) Русского исторического общества в Праге; член руководящих органов Русского заграничного исторического архива (с 1925), председатель его Ученого совета (1933–1945); директор Археологического института им. Н.П.Кондакова в Праге (1947–1952). См. о нем также: *Савина Г.А.* «Пусть барахтаются...» (по указ.).

⁹¹ Флоровский Василий Антонович (1852–1928) – протоиерей. Родился в семье псаломщика в Новгородской губ. Учился в Новгородской духовной семинарии и Московской духовной академии, которую закончил в 1877, был направлен в Одессу помощником инспектора духовного училища. Женится на Клавдии Георгиевне Попруженко (1863–1933), дочери профессора Одесской духовной семинарии, священника в церкви Сретения Господня, родной сестре профессоров Новороссийского университета геофизика Сергея и слависта Михаила Попруженко. В 1883 рукоположен в священнический сан и в том же году назначен ректором духовного училища в Елисаветграде; преподавал также Закон Божий в гимназиях. С 1894 жил в Одессе: служил приходским священником, был ректором Одесской духовной семинарии (1900–1903), настоятелем Кафедрального собора (1905–1920). В январе 1920 вместе с частью семьи бежал из Одессы в Севастополь, оттуда в Варну, затем в Софию. Служил инспектором болгарской православной семинарии, затем священником русской православной церкви в Софии (1922–1928). Имел детей: сына Василия (1881–1924) – хирурга, главного врача Особой армии на Южном фронте (единственный, кто остался в России);

дочь Клавдию (1883–1963) – приват-доцента по кафедре истории Средних веков Новороссийского университета (с 1915), затем преподавателя Софийского университета (после 1955 вернулась в СССР, работала переводчицей в Московской Патриархии), сына Антония (см. примеч. 90) и сына Георгия (1893–1979) – философа и православного богослова. О семье Флоровских см.: Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / Пер. с англ. М., 1995.

⁹² Клименко Н.К. – морской прокурор, издатель одесской газеты «Южное слово» (1919). Более подробных сведений о нем обнаружить не удалось.

⁹³ Полевицкая Елена Александровна (1881–1973) – актриса. Играла в театре В.Ф.Коммиссаржевской в Петербурге (1909–1910), московском драматическом театре Суходольских (1914–1916), где работала вместе с мужем, режиссером И.Ф.Шмитом, театре Н.Н.Синельникова в Харькове и Киеве (1910–1914, 1916–1918). В 1920 уехала на гастроли в Болгарию и до 1955 жила за границей (Германия, Австрия, Чехословакия, страны Прибалтики). С 1961 преподавала в Театральном училище им. Щукина в Москве.

⁹⁴ Шмидт (Шмит) Иван Федорович (?–1939) – театральный режиссер, муж Е.А.Полевицкой. Работал в московском драматическом театре Суходольских, театре Н.Н.Синельникова в Харькове и Киеве, театре Красного Флота в Одессе. В 1920 уехал с женой на гастроли в Болгарию, в эмиграции работал в различных европейских театрах. В 1934 изгнан фашистами из театра в Берлине, переехал в Эстонию, затем в Латвию. Умер в Риге.

⁹⁵ Войска армии генерала А.И.Деникина вошли в Одессу 11(24) августа 1919.

⁹⁶ Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920) – литературовед, языковед, историк культуры; магистр (1885), доктор (1887) сравнительного языкознания и санскрита; почетный академик Петербургской АН по разряду изящной словесности ОРЯС (1907). Учился в Петербургском (1871–1873) и Новороссийском (1873–1876) университетах, совершенствовал образование в Праге и Париже. С 1882 – приват-доцент, затем профессор Новороссийского, Казанского, Харьковского университетов, приват-доцент по кафедре русского языка и словесности Петербургского университета (1905–1918); один из редакторов журнала «Вестник Европы» (1913–1918), редактор «Истории русской литературы XIX в.» (Т.1-5. 1908–1910). Автор трудов по ведийской мифологии и философии, по синтаксису русского языка, по проблемам психологии художественного творчества, истории русской литературы XIX в., «Истории русской интеллигенции» (Т.1-3. 1906–1911). В 1919 жил в Харькове, с лета того же года в Одессе, поселился на своей приморской даче, где писал мемуары (доведены до 1893 г.). См.: *Овсяннико-Куликовский Д.Н. Воспоминания*. Пб.: Время, 1923.

⁹⁷ Афанасьев Георгий Емельянович (1848–1926) – историк-новист, экономист, публицист, специалист по истории Франции XVIII–XIX вв.; магистр (1885), доктор (1892) всеобщей истории. Выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета (1865–1869), ученик профессора А.Г.Брикнера, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (1870–1872). Преподавал в учебных заведениях Одессы; заведовал политическим отделом одесской газеты «Правда» (1877–1878), сотрудничал в «Одесском вестнике» и «Русских ведомо-

стях». Ряд лет прожил в Париже с целью сбора материалов для магистерской и докторской диссертаций. Приват-доцент (1884–1890), затем профессор Новороссийского университета по кафедре всеобщей истории. В 1896 был назначен управляющим Киевской конторой Государственного Банка. В 1919 – редактор одесской газеты «Южное слово».

⁹⁸ Газета «Русское слово» выходила в Москве в 1895–1917.

⁹⁹ Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) – прозаик, поэт, переводчик; почетный академик Петербургской АН по разряду изящной словесности ОРЯС (1909); лауреат Нобелевской премии в области литературы (1933). Эмигрировал в 1920, жил во Франции. Бунин и его жена Вера Николаевна приехали в Одессу, вероятно, 3(16) июня 1918. Впечатления одесской жизни зафиксированы в «Окаянных днях» И.А.Бунина, материалом для которых послужили дневниковые записи писателя и его жены.

¹⁰⁰ Федоров Александр Митрофанович (1868–1949) – поэт, беллетрист, драматург, переводчик. Из крестьянской семьи. Учился в Саратовском реальном училище, но курса не окончил, работал актером в провинциальных театрах. С 20-летнего возраста занялся литературной деятельностью: публиковался в «Русском богатстве», «Земле», «Мире божьем», «Живописном обозрении», одесских газетах. В 1903 совершил поездку по Турции, Греции, Египту, Индии, Японии, Китаю. Эмигрировал из Одессы за месяц перед окончательным занятием ее большевиками. Жил в Болгарии.

¹⁰¹ Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (по мужу Польшова; 1874–1952) – писательница, переводчица; заслуженный деятель искусств РСФСР (1940). Правнучка великого русского актера М.С.Щепкина. Начала (с 1892) с драматических произведений, затем писала стихи, рассказы, путевые очерки, мемуары, переводила на русский язык западноевропейскую классику (Э.Ростан, Лопе де Вега, Мольер, Гольдони, Р.Б.Шеридан и др).

¹⁰² Тэффи Надежда Александровна (урожд. Лохвицкая, по мужу Бучинская; 1872–1952) – писательница. Печаталась с 1901, публиковала остро-сатирические стихи и фельетоны, с 1908 сотрудничала в журнале «Сатирикон». В 1920 эмигрировала из Новороссийска, жила в Париже.

¹⁰³ В начале ноября 1917 в Новочеркаске было положено начало Добровольческой армии, ядром которой стала организация генерала М.В.Алексеева, состоявшая из бежавших на Дон офицеров, юнкеров, студентов, гимназистов и пр., готовых с оружием в руках бороться с советской властью. 25 декабря 1917 (7 января 1918) вооруженные отряды получили официальное название Добровольческой армии под командованием генерала Л.Г.Корнилова. Ледовый (Ледяной, или Первый Кубанский) поход Добровольческой армии состоялся в феврале – апреле 1918. Он не принес ощутимых военных успехов, но стал катализатором для образования сплоченного ядра Белой армии.

¹⁰⁴ Речь идет о представителе Отдела пропаганды в правительстве генерала А.И.Деникина. Летом 1918 при Верховном руководителе Добровольческой армии генерале М.В.Алексееве было создано Осведомительное отделение во главе с кадетом С.С.Чахотиным (август – октябрь 1918) для пропаганды и агитации «Белой идеи». В соответствии с «Положением об Особом совещании при Верховном руководителе Добровольческой армии» от

18(31) августа 1918 отделение было реорганизовано в Осведомительное агентство (ОСВАГ), входившее в состав дипломатическо-агитационного отдела Совещания. В октябре 1918 – марте 1919 во главе ОСВАГа стал ростовский миллионер, кадет Н.Е.Парамонов. Агентство находилось в Ростове-на-Дону и контролировало все направления политико-идеологической деятельности белогвардейского правительства. В феврале 1919 было реорганизовано в Отдел пропаганды при Особом совещании (правительстве генерала А.И.Деникина), причем старое название – ОСВАГ – бытовало вплоть до ликвидации отдела. С марта 1919 его возглавил кадет, профессор К.Н.Соколов. К осени 1919 штат отдела насчитывал свыше 10 тыс. человек, работавших в сотнях местных и зарубежных отделений, пунктов и т. п., трех агитпоездах. Отдел ведал изданием газет и другой печатной продукции. С ним сотрудничали П.Б.Струве, Э.Д.Гримм, Е.Н.Трубецкой, А.В.Тыркова-Вильямс, писатели Е.Н.Чириков, Вл. Эльснер, И.Ломакин, И.Сургучев, Е.Венский, журналисты Г.Вильямс, С.Чазов, художники И.Билибин, Е.Лансере и др. 30 декабря 1919 отдел был подчинен начальнику управления внутренних дел Правительства при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. В начале марта 1920 прекратил существование. Эффективность пропаганды белых, оторванной от нужд народа, в целом оставалась весьма низкой – работу ОСВАГа отличало обилие формальности и канцелярской волокиты. «Отдел пропаганды, копируя в постановке дела пропаганды большевиков, не перенял у них самого главного и самого важного: большевики своей пропагандой сумели подойти к населению вплотную», – писал современник. О деятельности ОСВАГа см.: *Дроздов А.* Интеллигенция на Дону // Архив русской революции / Сост. И.В.Гессен. Т.2. М., 1991. С.57-74; Из документов белогвардейской контрразведки. Секретная сводка о работе Харьковского оосвага / Публ. В.Г.Бортневского // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1991. Кн.2. С.339-347. О самом полковнике Апушкине сведений найти не удалось.

¹⁰⁵ Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) – один из лидеров национального движения на Украине. С 11 февраля 1919 – председатель Украинской Директории, возглавил армию Украинской народной республики (УНР) как головной атаман. В мае 1920 создал в Киеве правительство, в октябре 1920 после разгрома войск УНР Красной армией вместе с правительством эмигрировал в Польшу, в 1923 переехал в Будапешт, затем в Вену и Женеву, в конце 1924 – в Париж. Убит в 1926 С.Шварцбартом за организацию еврейских погромов на Украине.

¹⁰⁶ Миноноска – малый боевой корабль для уничтожения кораблей противника торпедами (самодвижущимися минами) в прибрежных районах. Появились в русском флоте после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, с 1880-х заменены миноносцами, обладавшими более высокими тактико-техническими свойствами.

¹⁰⁷ Речь идет о посещении Кронштадта в 1891 французской эскадры под командованием вице-адмирала Альфреда-Альбера Жерве, торжественно встреченной русским правительством, что было воспринято общественностью всего мира как выражение намерения к сотрудничеству между Францией и Россией.

¹⁰⁸ Владимир Александрович Романов (1847–1909) – великий князь, государственный и военный деятель, коллекционер произведений живописи. Третий сын императора Александра II. Генерал от инфантерии (1880), генерал-адъютант (1872), член Государственного Совета (1872), сенатор (1868); товарищ президента (с 1869), президент (с 1876) Императорской Академии художеств, почетный член Петербургской АН (1875), почетный член РАО (1871), почетный президент Общества ревнителей военных знаний (с 1898). В первые годы правления Николая II оказывал на него большое влияние, сторонник контрреформ и охранительной политики. С 1905 – в отставке. Оказывал покровительство художникам. Попечитель Румянцевского музея; председатель Комитета по постройке храма Воскресения Христова («Спаса на крови») в Петербурге.

¹⁰⁹ Такая брошюра Н.П.Кондакова неизвестна и отсутствует во всех его списках публикаций.

¹¹⁰ Речь идет о научно-популярном издании Н.П.Кондакова и И.И.Толстого (старшего) «Русские древности в памятниках искусства» (Вып.1-6. СПб., 1889–1899; вып.1-3 переведены И.И.Толстым на франц. яз. и вышли под редакцией С.Рейнака: Paris, 1891–1893). Эти книги стали для современников своего рода энциклопедией отечественных памятников истории, археологии и искусства, начиная с античной эпохи вплоть до монгольского нашествия. Первый выпуск издания – «Классические древности Южной России» (СПб., 1889).

¹¹¹ Немировский Эммануил Яковлевич (1874–?) – криминалист. В 1915 – приват-доцент, затем профессор кафедры уголовного права и судопроизводства юридического факультета Новороссийского университета. С 1920-х – профессор и декан юридического факультета Одесского института народного хозяйства.

¹¹² Пессимистические оценки состояния отечественной науки были даны Н.П.Кондаковым еще в письме к С.А.Жебелёву от 28 января 1897: «Чем больше я живу, тем более ощущаю наступивший упадок в русской науке. Популярная наука у нас становится прямо позорною, а чисто научные изыскания делаются странною редкостью» (ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.33об.).

¹¹³ Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – историк России, публицист, педагог; магистр (1872), доктор (1882) русской истории; член-корреспондент (1889), ординарный академик (1900), почетный академик по разряду изящной словесности ОРЯС (1908) Петербургской АН; член Московского археологического общества, Общества любителей российской словесности (1874, почетный член с 1909), Московского общества истории и древностей российских (председатель в 1893–1905). Сокурсник Н.П.Кондакова по учебе в Московском университете. Автор фундаментальных трудов по общественно-политической, социально-экономической и церковной истории России.

¹¹⁴ Тихонравов Николай Саввич (1832–1893) – историк русской литературы, археограф, представитель культурно-исторической школы в русском литературоведении; почетный доктор русской словесности Московского университета (1870); член-корреспондент (1863), ординарный

академик (1890) по ОРЯС Петербургской АН. Издатель текстов ветхозаветных и новозаветных апокрифов по древним рукописям. Автор работ по истории русской общественной мысли, по истории древнерусской литературы, русской литературы XVII–XVIII вв. и западноевропейской литературы.

¹¹⁵ Веселовский Александр Николаевич (1838–1906) – историк, теоретик литературы, фольклорист; магистр (1870), доктор (1872) истории всеобщей литературы; ординарный академик (1881), председательствующий ОРЯС (1901–1906) Петербургской АН. Автор трудов по фольклористике, средневековой итальянской и новой русской литературе.

¹¹⁶ Введенный при министре народного просвещения И.Д.Делянове реакционный университетский устав 1884 года ликвидировал автономию университетов, передав контроль над ними Министерству народного просвещения. В основу этого устава было положено чрезвычайное усиление власти попечителя и ректора. Устав лишил университеты выборного права; в дальнейшем ректор, деканы и профессора назначались министром. Совет университета полностью утратил свое значение, при этом Правление получило значительную административную власть и влияние; вводилась инспекция над студентами. Этот устав фактически действовал до февраля 1917, хотя активное участие студенчества в Первой русской революции привело к появлению «Временных правил», ненадолго возродивших университетскую автономию (1905–1907).

¹¹⁷ Если по университетскому уставу 1863 года получить профессию можно было лишь после защиты докторской диссертации, то после принятия устава 1884 года это требование вскоре перестало соблюдаться, даже в столичных университетах – Петербургском и Московском, не говоря уже о провинциальных; начался «обход закона». Магистров стали назначать исполняющими должности экстраординарных профессоров, хотя устав 1884 года не предусматривал такой возможности. При введении в действие этого устава двое из доцентов историко-филологического факультета Петербургского университета, несмотря на то что они являлись магистрами, были утверждены экстраординарными профессорами: филологи-классики Ф.Ф.Соколов (член-корреспондент Петербургской АН с 1900) и В.К.Ернштедт (академик Петербургской АН с 1893). Впоследствии экстраординарными профессорами того же факультета были назначены магистры А.И.Незеленов, А.И.Введенский, С.Ф.Платонов, И.Д.Андреев, Ф.А.Браун, И.М.Гревс, А.П.Кадлубовский, Б.М.Мелиоранский, И.А.Шляпкин, Н.В.Ястребов. Некоторые из них вскоре были назначены исполняющими должности ординарных профессоров. Напротив, другим преподавателям, имеющим докторскую степень, пришлось ждать ординатуры довольно долго – например, экстраординарному профессору по кафедре классической филологии С.А.Жебелёву – около 9 лет. Подробнее см.: Из научного наследия: С.А.Жебелёв. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / Подгот. текста, публ. и коммент. И.В.Тункиной // Очерки истории отечественной археологии / Отв. ред. И.С.Каменецкий, А.А.Формозов. М.: Наука, 2002. Вып.3. С.142-194 (Ин-т археологии РАН).

¹¹⁸ Делянов Иван Давыдович (1818–1897), граф – государственный деятель; почетный член Петербургской АН (1859). Министр народного просвещения (1882–1897). При нем был введен университетский устав, лишивший университеты автономии, закрыты Высшие женские курсы (1886), установлена процентная норма приема евреев в учебные заведения, проводилась русификация в школах для национальных меньшинств. Циркуляр от 18 июня 1887 (так называемый циркуляр о «кухаркиных детях») ограничивал прием детей недворянского происхождения в гимназии и средние учебные заведения.

¹¹⁹ Соколов Федор Федорович (1841–1909) – историк античности, эпиграфист, палеограф, создатель школы греческой эпиграфики в России; магистр всеобщей истории (1865); действительный член РАО (1874), член-корреспондент Петербургской АН (1900). Выпускник Петербургского университета (1862), приват-доцент (1867–1868), доцент (1868–1884), экстраординарный (1884–1890), исполняющий должность ординарного профессора (1890–1892), исполняющий должность заслуженного ординарного профессора (1892–1909) Петербургского университета; экстраординарный (1870–1883), ординарный профессор, ученый секретарь Конференции (1871–1891) Петербургского историко-филологического института (1883–1909).

¹²⁰ Введенский Александр Иванович (1856–1925) – философ и психолог, крупнейший представитель русского неокантианства; магистр философии (1888). Выпускник Петербургского университета (1881), совершенствовал знания за границей, приват-доцент (1887–1890), экстраординарный профессор (1890–1901), исполняющий должность ординарного (1902–1912) и заслуженного (1912–1918) профессора Петербургского университета, профессор Петербургского историко-филологического института (с 1881) и Высших женских (Бестужевских) курсов (с 1888), председатель Санкт-Петербургского философского общества (с 1899).

¹²¹ «Ради почета», во внимание к заслугам (*лат.*). Здесь – в значении присуждения ученой степени без защиты диссертации (почетный доктор), в силу общепризнанных заслуг в области науки. Совет университета мог присвоить известному деятелю науки степень почетного доктора, которая давала те же права, что и докторская степень с защитой диссертации, т. е. открывала перед ученым возможность получения должности ординарного профессора.

¹²² Ординарный профессор получал оклад 3000 рублей в год, экстраординарный – 2000 рублей в год.

¹²³ «Додон» (старый и новый) – два фешенебельных ресторана в Петербурге начала XX в.

¹²⁴ Палечек Николай Осипович – заведующий разрядом ученых учреждений и высших учебных заведений Департамента народного просвещения в Министерстве народного просвещения.

¹²⁵ Первыми в России высшими учебными заведениями для женщин стали открытые с разрешения правительства в 1869–1870 Высшие женские курсы – Аларчинские и Владимирские в Петербурге и Лубянские в Москве. В 1872 при Медико-хирургической академии в Петербурге были учреждены

Высшие женские медицинские курсы и ВЖК профессора Московского университета В.Н.Герье в Москве. В 1876 в Казани и в 1878 в Киеве открылись ВЖК, имевшие всего два факультета – физико-математический и историко-филологический. Учрежденные в 1878 по инициативе ректора Петербургского университета профессора А.Н.Бекетова ВЖК в Петербурге в 1878–1892 возглавлял профессор русской истории К.Н.Бестужев-Рюмин (1829–1897), почему они и получили название Бестужевских. Курсы включали факультеты: историко-филологический, физико-математический и юридический и по существу стали первым женским университетом в России. С 1905 женщины стали допускаться в университеты и другие вузы в качестве вольнослушательниц. В 1905–1916 ВЖК были открыты в Одессе, Харькове, Киеве, Казани, Тифлисе, Новочеркасске, Томске. ВЖК не финансировались правительством, существовали на благотворительные средства и плату за обучение. Срок обучения на ВЖК составлял 4 года. Выпускницы ВЖК имели право преподавать в женских средних учебных заведениях и в младших классах мужских гимназий. После революции часть ВЖК вошла в состав государственных университетов и других вузов, часть была закрыта.

¹²⁶ Еще при большевиках, 6(19) июня 1919 Н.П.Кондаков выступил на заседании историко-филологического факультета Новороссийского университета по вопросу о слиянии его с женскими курсами: «Говорил, что это слияние может быть гибельно для университетской науки, что суть университета в научном творчестве, оно понизится или прекратится, курсы – преподавательские учреждения, не больше. Щепкин <возражал>, что для поддержания науки при Университетах будут Академии наук. Олимп будет низведен на общий уровень. Учреждена Комиссия по способам слияния... Но в Одесском университете историко-филологический факультет давно покинул науку!» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП).

¹²⁷ Ефименко Александра Яковлевна (урожд. Ставровская; 1848–1918) – историк, этнограф, фольклорист. Первая в России женщина – почетный доктор русской истории (Харьковский университет, 1910). Окончила гимназию в Архангельске (1863), служила учительницей в Холмогорах в двухклассном женском приходском училище (с 1864), где вышла замуж за ссыльного студента Петра Савича Ефименко (1835–1908). Вместе с мужем занималась историко-этнографическим исследованием населения Севера России, а с 1879 – Украины (с 1873 жила в Воронеже, с 1876 – в Самаре, с 1877 – в Харькове). Автор трудов и научно-популярных очерков по обычному праву, экономике, истории крестьянской семьи и этнографии, по истории общественных отношений и землевладения в России, по истории украинского народа, истории украинской литературы. Профессор русской истории на Высших женских (Бестужевских) курсах (1907–1917). В конце 1917 переехала на Украину в имение родственников на Харьковщине, где была убита петлюровцами во время бандитского налета.

¹²⁸ Для пользования дофина (*лат.*). Выражение восходит к названию составленного при французском короле Людовике XIV для наследника трона собрания сочинений античных классиков, в котором были исключены или вынесены в приложение все предосудительные с воспитательной точки зрения места. Впоследствии так стали называть издания с исправлением авторского текста по цензурным соображениям.

¹²⁹ Имеется в виду программа гуманитарного образования. О политике большевиков в области народного образования Н.П.Кондаков мог судить по их деятельности в Одессе. Для реализации идеи «превращения высшей школы из орудия классового господства буржуазии в инструмент строительства нового общества» был открыт доступ в университет широким пролетарским массам. Летом 1919 в университете был организован «нулевой семестр» с тремя отделениями (математико-техническим, естественно-историческим и гуманитарным) для подготовки к поступлению на все факультеты. Во многих вузах, кроме университета, отменялась курсовая система обучения. Каждый студент, за исключением учащихся медицинского и технического факультетов, мог разработать для себя индивидуальный план сдачи предметов и представить его администрации факультетов за две недели до начала экзаменов. При этом государственные экзамены и оценки в баллах были отменены, вместо них вводилась система зачетов. См.: Одесский университет... С.52-54.

¹³⁰ Герье Владимир Иванович (1837–1919) – историк-медиевист и новист, политический и общественный деятель; магистр (1862), доктор (1868) всеобщей истории; член-корреспондент Петербургской АН (1902). Автор работ по истории Великой Французской революции, истории католического мирозозерцания и «теократического начала». Основатель и первый директор ВЖК в Москве (1872–1888, 1900–1905). Гласный Московской городской думы (председатель в 1892–1904). В 1906 вступил в «Союз 17 октября». Член Государственного Совета (с 1907). В 1912 от политической деятельности отошел.

¹³¹ Декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики» дореволюционная система аттестации научных кадров была упразднена, отменены старые ученые звания и степени: магистра, доктора, адъюнкта, приват-доцента, разделение профессоров на заслуженных, ординарных, экстраординарных и адъюнкт-профессоров, упразднены звания ординарных и экстраординарных академиков. Взамен установлены единые звания профессора и преподавателя для лиц, осуществляющих преподавательскую деятельность в вузах. Все члены РАН получили одинаковое наименование действительных членов Академии. При этом для сотрудников научно-исследовательских учреждений званий установлено не было. Тем же декретом с целью борьбы с «реакционной частью профессуры», враждебно встретившей Советскую власть, было установлено, что профессора и преподаватели, имеющие общий 15-летний научно-педагогический стаж или 10-летний стаж работы в одном вузе, считаются выбывшими с должностей и подлежат новому избранию по всероссийскому гласному и публичному конкурсу, проведенному в 1919. Право избрания на должность принадлежало советам факультетов, однако оно было ограничено тем, что местные органы Советской власти после публикации известия о вакансиях в прессе и оглашения имен кандидатов на должность могли заявить протест против выдвинутых кандидатов и отклонить их от участия в конкурсе.

¹³² С целью регулирования социального состава студенчества декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 при поступлении в вузы отменялись предьявление свидетельств о среднем образовании и плата за обучение, при этом

имущие классы лишались всяких привилегий на получение высшего образования. Властями были приняты ограничения политических прав «выходцев из эксплуататорских классов» на прием в вузы. По указаниям В.И.Ленина, в высшую школу в первую очередь принимались лица «из среды пролетариата и беднейшего крестьянства» с целью сократить «буржуазное и мелкобуржуазное студенчество». Это, во-первых, привело к катастрофическому снижению общеобразовательного уровня подготовки студентов, а во-вторых, к увеличению числа студентов более чем вдвое по сравнению с дореволюционным периодом, что также отрицательно сказалось на качестве подготовки специалистов.

¹³³ «Союз младших преподавателей» выступал за уменьшение почасовой нагрузки низшего звена преподавателей вузов и увеличение оплаты труда.

¹³⁴ Ванновский Петр Семенович (1822–1904) – военный и государственный деятель, член Государственного Совета (с 1898), генерал от инфантерии (1883), генерал-адъютант (1878); почетный член Петербургской АН (1888). Управляющий Военным министерством (1881), военный министр (1882–1898). В 1899 руководил расследованием студенческих беспорядков в Петербургском университете. Министр народного просвещения (1901–1902). При нем разрабатывались планы реорганизации средней и высшей школы: по проекту Положения о средней образовательной школе упразднен курс латинского и сокращался курс древнегреческого языков, увеличивалось число часов по русской истории. Был начат пересмотр уставов и штатов вузов, введены Временные правила о студенческих организациях (1901–1902), которые разрешали студенческие сходки при одновременном усилении деятельности университетских инспекций по выявлению студентов, участвовавших в беспорядках; снижена норма приема в вузы евреев, воспрещен прием в университеты лиц, окончивших гимназии в окраинных учебных округах (1901); разрешалось устройство научных, литературных и других студенческих кружков по специальностям; вводилась выборность курсового старосты; в университеты были возвращены студенты, ранее сданные в солдаты.

¹³⁵ Игнатьев Павел Николаевич, граф (1870–1926) – шталмейстер; государственный деятель; почетный член РАН (1917). Министр народного просвещения (1915–1916). Отменил запрет 1912 года на открытие новых университетов. Попытался провести реформу средней и высшей школы, ввести всеобщее начальное обучение, в русле развития прикладных аспектов высшей школы предлагал расширить профессиональное, прежде всего техническое и сельскохозяйственное, образование. Правительство отвергло его проекты, и он в декабре 1916 вынужден был уйти в отставку. После Октябрьского переворота 1917 – в эмиграции; умер в Канаде.

¹³⁶ Возможно, имеется в виду Омар ибн-Хаттаб (591/581–644) – халиф, один из виднейших сподвижников Мухаммеда. Первоначально был ярым врагом ислама, но вскоре уверовал в пророка и стал его ревностным и деятельным помощником.

¹³⁷ Речь идет о персонаже водевиля А.П.Чехова «Свадьба» (1889) – капитане 2-го ранга Ф.Я.Ревунове-Караулове.

¹³⁸ Койранский Александр Арнольдович (Ааронович; 1884–1968) – беллетрист, поэт, художественный критик, график, театральный деятель. Из

еврейской семьи. Учился на юридическом факультете Московского университета (1903–1909) и в Московской школе живописи, ваяния и зодчества (до 1907). Участвовал в выставках Союза русских художников, с 1902 сблизился с московскими литераторами-символистами, в 1910-х стал заметной фигурой артистической московской богемы. Печатался в альманахах книгоиздательства «Гриф», журналах «Зори», «Перевал», «Весь», «Русская мысль» и др., газетах «Биржевые ведомости», «Утро России», «Русское слово» и др. Весной 1918 уехал на юг России, в Одессе сотрудничал в газете «Наше слово». Эмигрировал 5 апреля 1919, жил в Париже, Лондоне, Берлине, публиковался в парижских «Последних новостях», журнале «Современные записки». В 1922 переехал в США, работал художником-декоратором, переводчиком К.С.Станиславского во время гастролей Московского художественного театра (1923). В конце 1920-х прекратил литературную деятельность. После окончания Второй мировой войны преподавал русскую словесность в Боулдере. Умер в Пало-Алто, штат Калифорния.

¹³⁹ Газета «Биржевые ведомости» выходила в Петербурге в 1880–1917.

¹⁴⁰ «Синий журнал» еженедельно выходил в Петербурге–Петрограде в 1910–1916.

¹⁴¹ Миркин-Гецевич Борис Сергеевич (Mirkin-Guetzevitch, Мирский; 1892–1955) – журналист, юрист, специалист в области международного права; почетный доктор университетов в Черновцах (1932), Лиме (1938); член-корреспондент Испанской Академии моральных и политических наук, Испанской Академии истории, Национальной Академии истории Аргентины и др. Уроженец Киева. Выпускник юридического факультета Петербургского университета (1914), магистрант и приват-доцент по кафедре международного права юридического факультета Петроградского университета (1917). В 1919 эмигрировал в Париж, декан историко-юридического факультета Русского народного университета, профессор международного права юридического факультета Сорбонны (1926–1940). Публиковал статьи в эмигрантской периодике, в том числе в газетах «Последние новости», «Свободные мысли» и пр. Получил французское гражданство в 1933, в марте 1941 переехал в США. Президент Французского университета в Нью-Йорке; преподаватель и декан факультета права и политической науки École Libre des Hautes Etudes, преподавал в Гарвардском и Колумбийском университетах. Вице-президент Международной лиги по правам человека. Умер в Париже.

¹⁴² Возможно, имеется в виду Поляков Александр Абрамович (1879–1969 или 1970) – журналист. До революции работал в газетах Одессы и Москвы, в эмиграции – секретарь редакций газет «Последние новости» (Париж, 1920–1940), «Новое русское слово». Миркин-Гецевич с 1913 был женат на Евгении Поляковой, дочери А.А.Полякова.

¹⁴³ Когда Добровольческая армия основала в Одессе свой официальный печатный орган газету «Южное слово», И.А.Бунин вошел в ее редакцию как рядовой член. По протекции Н.П.Кондакова с 21 октября 1919 И.А.Бунин занял, наряду с Н.П.Кондаковым, пост соредактора издания. В числе сотрудников газеты были А.А.Кипен, И.С.Шмелев, К.А.Тренев, С.Н.Сергеев-Ценский, А.М.Федоров.

¹⁴⁴ В.Н.Муромцева-Бунина записала в дневнике: «Впервые Ян <И.А.Бунин> на службе. Ему нравится, что он ездит на машине с национальным флагом. За ним приезжает доброволец, очень милый, с калмыцким лицом офицер. И к каждому слову: “Есть, ваше превосходительство”. Все эти дни Ян оживлен, возбужден и деятелен. То бездействие, в котором он пребывал летом при большевиках, было, несомненно, очень вредно и для его нервов, и для его души. Ведь минутами я боялась за его психическое состояние. Не знаю, чем бы все кончилось, если бы нас не освободили добровольцы. Редко кто страдал, как он» (цит. по: Устами Буниных. Т.1. С.318).

¹⁴⁵ Муромцева-Бунина Вера Николаевна (1881–1961) – жена И.А.Бунина, переводчица Мопассана, Флобера. Дочь главы Московской городской управы, племянница председателя I Государственной Думы С.А.Муромцева. С ней Бунин познакомился в Москве 4 ноября 1906 в доме писателя Б.К.Зайцева. С конца 1906 И.А. и В.Н. жили вместе, однако повенчаться смогли лишь в Париже в 1922 из-за нерасторгнутого первого брака И.А.Бунина с А.Н.Цакки (1879–1963). Автор мемуаров (см.: *Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью.* М.: Советский писатель, 1989), статьи о Н.П.Кондакове (см.: *Муромцева В. Н.П.Кондаков // Последние новости (Париж). 1930. 21 февраля. С.4).*

¹⁴⁶ См.: *Шульгин В.В.* 1920. София, 1921. Воспоминания повествуют об исходе Белого движения на Юге России.

¹⁴⁷ Уже в Париже 21 июля 1921 в автобиографическом письме к французскому издателю Боссару И.А.Бунин объяснил причины своей эмиграции:

Во что вскоре превратилась русская революция, не поймет никто, ее не видевший. Зрелище это было совершенно нестерпимо для всякого, кто не утратил образа и подобия Божия, и из России бежали все имевшие возможность бежать. Бежало и огромное большинство самых видных русских писателей, и прежде всего потому, что в России их ждала или бессмысленная смерть от руки первого встречного злодея, пьяного от разнузданности и безнаказанности, от грабежа, от вина, от крови, от кокаина, или позорное, рабское существование во тьме, во вшах, в лохмотье, среди эпидемий, в холоде, в голоде, в пещерных муках желудка и унижительных заботах только о нем, под вечной угрозой быть выброшенным из своего нищенского угла на улицу, быть посланным на уборку солдатских нечистот в казарму, быть без всякой причины арестованным, избитым, оскорбленным, увидеть свою мать, сестру или жену изнасилованной и в полном молчании, ибо за малейшее свободное слово в России могут вырвать язык.

Я покинул Москву в мае 1918 г., жил на юге России, переходившей из рук в руки «белых» и «красных», а затем эмигрировал за границу – в феврале 1920 года, испив полную чашу несказанных страданий и напрасных надежд, что христианский мир наконец прозреет, ужаснется своему бессердечью и протянет нам руку помощи во имя Бога, человечности и собственной безопасности.

(Бунин о себе и своем творчестве: Архивные материалы / Публ. М.Э.Грин // Новый журнал (Нью-Йорк). 1972. Кн.107. С.164-164).

¹⁴⁸ Иеремия (10-е годы VII в. – после 586 до н. э.) – в иудаизме второй из так называемых «больших пророков». Основу книги Ветхого завета, носящей его имя, составляют проповеди и изречения Иеремии.

¹⁴⁹ Н.П.Кондаков всю жизнь отличался необыкновенной скупостью. Лишившись всех сбережений после Октябрьского переворота 1917 года, он ограничивал себя буквально во всем необходимом и к концу 1924 сумел скопить значительную сумму (15 тыс. франков) с целью покупки домика на юге Франции или Италии. Однако реализовать свое намерение он не успел. См.: ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.152-153об.

¹⁵⁰ Созданный в декабре 1919 Славянский комитет в Одессе способствовал организации выезда беженцев из России в славянские страны.

¹⁵¹ Н.П.Кондаков и Е.Н.Яценко первые два года эмиграции провели не в Сербии, а в Болгарии (София), где академик по приглашению профессоров Л.Милетича, В.Н.Златарского и Б.С.Цонева читал курс христианской археологии в университете. Здесь Н.П.Кондаков был избран действительным членом Болгарской АН (1920). Но отсутствие в библиотеках Софии необходимых книг для продолжения научных исследований вынудило Кондакова в марте 1922 принять предложение совета Карлова университета о переезде в Прагу. В Чехии профессор прочел курс лекций «О роли Восточной Европы, германо-славянских и кочевых народностей в истории образования общеевропейской культуры». Кондаков скончался в Праге вскоре после своего 80-летнего юбилея.

¹⁵² Иным образом описывает отъезд из Одессы И.А.Бунин в воспоминаниях «Третий Толстой», написанных в 1949, – о специально присланной французами миноноске им не говорится ни слова.

Мы ушли из города в порт пешком, темным, грязным вечером, когда большевики уже входили в город, и едва втиснулись в несметную толпу прочих беженцев, набившихся в маленький, ветхий греческий пароход «Патрас», а нас было четверо: с нами был знаменитый русский ученый Никодим Павлович Кондаков, грузный старик лет семидесяти пяти, и молодая женщина, бывшая секретарем его и почти нянькой. Шли мы затем до Константинополя двое суток в снежную бурю, капитан «Патраса» был пьяница-албанец, не знавший Черного моря, и, если бы случайно не оказался на «Патрасе» русский моряк, заменивший его, потонул бы «Патрас» со всеми своими несчастными пассажирами непременно.

(Бунин И.А. Из воспоминаний «Третий Толстой» // Собр. соч.: В 9 т. Т.9. М., 1967. С.437).

Однако эти воспоминания противоречат некоторым записям в дневниках самого И.А.Бунина и его жены Веры Николаевны. 24 января (6 февраля) 1920 В.Н.Муромцева-Бунина записала: «В четыре часа дня мы тронулись в путь... Отыскивали наш пароход “Спарту”, маленький, не внушивший доверия». Из текста дневника следует, что французский (а не греческий, как писал Бунин) пароход «Спарта», переполненный беженцами, три дня простоял на внешнем рейде Одесского порта и лишь 9 февраля 1920 вышел в открытое море по направлению к Константинополю. Крошечную каюту Бунины делили с Н.П.Кондаковым и Е.Н.Яценко, но все же они путешест-

вовали в 1-м классе, т. е. в более привилегированных условиях, чем остальные пассажиры. Вера Николаевна писала: «Четвертый день на пароходе. Последний раз увидела русский берег. Заплакала. Тяжелое чувство охватило меня... Народу так много, что ночью нельзя пройти в уборную. Спят везде – на столах, под столами, в проходах, на палубе, в автомобилях, словом, везде тела, тела. Вечером мы выходили на палубу. Мы в открытом море. Как это путешествие непохоже на прежние. Впереди темнота и жуть. Позади – ужас и безнадежность...» (цит. по: Устами Буниных. Т.1. С.340, 341, 344-345).

По вине вечно пьяного капитана-албанца, плохо знавшего лоцию, судно зашло на минное поле и лишь чудом не погибло. На 7-й день плавания «Спарта» вошла в Босфор. 31 января (13 февраля) 1920 В.Н.Муромцева-Бунина записала: «На Константинополь смотрю безучастно, Ян в каюте, он даже не захотел взглянуть на столь любимый им город» (Там же. С.347).

Сам Иван Алексеевич позднее вспоминал константинопольские дни как кошмарный сон:

В Константинополь мы пришли в ледяные сумерки с пронзительным ветром и снегом, пристали под Стамбулом и тут должны были идти под душ в каменный сарай – «для дезинфекции». Константинополь был тогда оккупирован союзниками, и мы должны были идти в этот сарай по приказу французского доктора, но я так закричал, что мы с Кондаковым «Immortels», «Бессмертные» (ибо мы с Кондаковым были членами Российской Императорской Академии), что доктор, вместо того, чтобы сказать нам: «Но тем лучше, вы, значит, не умрете от этого душа», – сдался и освободил нас от него. Зато нас вместе с нашим жалким беженским имуществом покидали по чьему-то приказанию на громадный, грохочущий камион <грузовик (франц.)> и помчали за Стамбул, туда, где начинаются так называемые Поля Мертвых, и оставили ночевать в какой-то совершенно пустой руине тоже огромного турецкого дома, и мы спали там на полу в полной тьме, при разбитых окнах, а утром узнали, что руина эта еще недавно была убежищем прокаженных, охраняемая теперь великаном-негром, и только к вечеру перебрались в Галату, в помещение уже упраздненного русского консульства, где до отъезда в Софию спали тоже на полу.

(Бунин И.А. Из воспоминаний «Третий Толстой». С.437-438).

О пребывании в Софии Бунин писал в рассказе «Гегель, фрак, метель»:

Материальное положение наше не внушало радости: и мне, и Н.П.Кондакову, с которым мы покинули Одессу и были неразлучны и в Константинополе, надо было искать прочного прибежища и средств к существованию в какой-нибудь славянской стране – в Софии, в Белграде, в Праге, – где эмигрантам было бы легче всего как-нибудь устроиться. И вот, дождавшись наконец виз и первого поезда, – <...> мы уехали из Константинополя в Софию...<...> Болгария была оккупирована тогда французами, и потому русских беженцев, прибывавших туда, устраивали по квартирам французы. В Софии многих из них они поселили в одном из больших отелей, поселили там и

нас с Кондаковым, и началось с того, что мы оказались среди множества тифозных больных, заразиться от которых ничего не стоило.

(Бунин И.А. Окаянные дни. С.321).

¹⁵³ Кельсиев Василий Иванович (1835–1872) – общественный деятель, публицист, мемуарист, прозаик. Учился в Петербургском коммерческом училище (1845–1855), служил чиновником в Российско-американской компании, которой в 1856 был командирован на Аляску; в 1859 в Англии познакомился с А.И.Герценом, увлекся его идеями и заявил о переходе на положение политэмигранта. В Вольной русской типографии Герцена и Огарева издал перевод первых книг Ветхого завета (1860), «Сборник правительственных сведений о раскольниках» (1860–1862), выпускал листок «Общее вече» при «Колоколе» (1861–1862). В 1862 нелегально приезжал в Россию для контактов с революционными кружками, в том же году заочно приговорен к лишению всех прав состояния и вечному изгнанию из страны. С 1863 жил в Турции, пытался вести революционную пропаганду среди старообрядцев, затем в Вене. В 1867 добровольно сдался русским властям, отбывал заключение, но был прощен императором Александром II, выпущен на свободу, поселился в Петербурге. Автор мемуарно-публицистической книги «Пережитое и продуманное» (СПб., 1868), серии очерков «Из рассказов об эмигрантах» (1869–1870) и др.

¹⁵⁴ Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) – прозаик, поэт, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург. В 1904 эмигрировал во Францию, издавал в Париже журнал «Красное знамя», читал лекции в Высшей русской школе общественных наук, затем жил в Италии (1906–1916). Руководил журналом «Современник», издававшимся в Петербурге (1911–1912). Во время Первой мировой войны был корреспондентом «Русского слова» в Риме. В конце 1916 вернулся в Россию. Октябрьскую революцию не принял. В 1921 эмигрировал, жил в Италии.

¹⁵⁵ Пуанкаре Раймон (Poincaré; 1860–1934) – президент Французской республики (1913–1920). В годы Первой мировой войны выступал за укрепление Антанты, сторонник продолжения войны до победного конца, один из организаторов антисоветской военной интервенции. Стремился использовать результаты войны для установления французской гегемонии в Европе.

¹⁵⁶ Славейков Петко Рачев (1827/1828–1895) – болгарский общественный деятель, просветитель, поэт, переводчик; один из основателей и лидеров Либеральной партии. Редактор газет «Гайда» (1863–1867), «Македония» (1866–1872). Выступал за национальную независимость Болгарии, демократизацию общественной жизни, развитие просвещения. После получения независимости страны – член Тырновского учредительного собрания (1879), депутат, председатель (1880) Народного собрания Болгарии. Один из основоположников новой болгарской литературы.

¹⁵⁷ Пашич Никола (1845–1926) – сербский политический и государственный деятель, один из организаторов и лидер Радикальной партии. Посланник в России (1893–1894), премьер-министр и министр иностранных дел (1891–1892; 1904–1918; 1921–1926, с перерывами). Возглавлял делегацию Королевства сербов, хорватов и словенцев на Парижской мирной кон-

ференции 1919–1920 гг. Выступал с антисоветских позиций, поддерживал белоэмигрантские организации.

¹⁵⁸ Злоключения беженцев не закончились неприятностями по пути из Одессы в Константинополь и далее в Болгарию. В Софии Бунины были ограблены и лишились вывезенных из Одессы драгоценностей и почти всех денег. 3 марта 1920 Кондаков записал в дневнике: «У Бунина около 5 <часов дня> украли все только что полученные деньги, золотые часы, 3 золотых медали, и свои <романы?>.., <ничего> не говорил дирекции отеля». В болгарской столице пути эмигрантов разошлись. Пробыв в Софии 18 дней, И.А.Бунин и его жена на средства болгарского правительства были отправлены в Белград, а оттуда уже в марте 1920 уехали в Париж. 31 марта Кондаков пометил в дневнике: «Бунины уехали в Париж!» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП). См. также: Из дневников И.А.Бунина: Франция (1920–1924) / Публ. М.Грин // Новый журнал (Нью-Йорк). 1973. Кн.110. С.139.

Близкое знакомство с Кондаковым позволило Бунину надеяться на его содействие при выдвижении на Нобелевскую премию 1923 года от русских эмигрантских писателей, в противовес «рекламируемому с большевистской стороны» М.Горькому. См. письмо А.В.Карташева к П.Б.Струве от 7 декабря 1922: «...П.Г.Виноградов (академик РАН, живший в Оксфорде. – И.Т.) и Н.П.Кондаков могли бы поддаться на представлении или порознь, или вместе. <...> Пусть бы Кондаков и Виноградов представили Бунина от себя, одновременно Парижская академическая группа уговорила бы Р.Роллана представить Бунина от его имени. И – наша Пражская “Академия наук” сделала бы независимое представление в Стокгольм» (цит. по: Колеров М.А. Русские писатели и «Русская мысль» (1921–1923). Новые материалы // Минувшее: Исторический альманах. Вып.19. М.; СПб., 1996. С.243).

¹⁵⁹ Мечников Илья Ильич (1845–1916) – выдающийся русский биолог, основоположник эволюционной эмбриологии, микробиологии, иммунологии. Жил в Одессе с 1867 по 1968 и с 1870 по 1887, с 1887 и до конца жизни – в Париже, где ему была предоставлена лаборатория в созданном Л.Пастером институте (с 1905 – заместитель директора института).

Н.П.Кондаков, ставший в 1874 доцентом Новороссийского университета по кафедре теории и истории искусств, долгие годы был дружен с И.И.Мечниковым и впоследствии не порывал связи с ним вплоть до смерти последнего. Сохранились письма Мечникова и его жены Ольги Николаевны к Н.П. и В.А. Кондаковым за 1880-е–1913 годы (ПФА РАН. Ф.115. Оп.4. Д.271, 530), а также письма О.Н.Мечниковой к Н.П.Кондакову и за послеволюционный период (Фонд Н.П.Кондакова в ЛАМЧП).

¹⁶⁰ Мечникова Ольга Николаевна (урожд. Белокопытова; 1858–1944) – живописец и скульптор, жена биолога И.И.Мечникова. С 1887 жила с мужем в Париже, сотрудничала в Институте Пастера. С 1900 участвовала в художественных выставках в Париже. В 1903 вместе с Е.С.Кругликовой и М.А.Волошиным организовала кружок русских художников «Монпарнас» под председательством И.И.Мечникова. Сотрудничала с Русской школой общественных наук и Литературно-художественным обществом в Париже.

¹⁶¹ См.: Slavia (Praha). 1925. Roč.III. Seš.4. S.787-789.

Л.Я.Нелидова-Фивейская
НА СТРУНАХ ПАМЯТИ
Публикация В.А.Александрова

Биография Лидии Яковлевны Нелидовой-Фивейской (1894–1978) была очень богата событиями, как и у многих людей ее поколения. Даже на свет она появилась при весьма экзотических обстоятельствах, о чем сохранились семейные рассказы, воспроизведенные в ее позднейших воспоминаниях «В плену небоскребов»:

Родилась я в Туркестане, раньше нормального срока. Произошло это так: мои родители ехали в арбе по Голодной степи. Дорогой арба остановилась. Моя мать, Ольга Антоновна, прогуливаясь по степи, нечаянно задела змею. Сидевший у высоких колес арбы сарт¹ заметил, как змея свернулась клубком для прыжка и внезапно рванул за руку Ольгу Антоновну так, что она упала. Этим он спас ее от укуса змеи, которая пролетела над ней. Начались родовые схватки, и я преждевременно появилась на этой планете. Но в каком жалком, безнадежном виде! Почти без признаков жизни, слабая и тщедушная, я молча глядела на всех, не плакала, не просила и не двигалась. Нежить какая-то. Доктора отказались лечить меня, заявив, что я «не жилец на этом свете». Родители мои были очень опечалены. У них уже было два сына, и они мечтали о дочери. Моя бабушка, Дарья Степановна, упрямо говорила: «Не верю, что в ней нет жизни! Я по глазам ее вижу, что она все понимает!» Тайно от всех бабушка привела ночью знахарку, которая, произнося заклинания над горящими углями, «спрыскивала с уголька живой водой» на меня.²

Возможно, это и семейный апокриф, но Нелидова-Фивейская упорно повторяла его во всех воспоминаниях и автобиографических заметках (см.:

¹ Сарты – оседлая с древних времен часть узбеков.

² РГАЛИ. Ф.2449. Оп.1. Ед.хр.7. Л.5.

Зарница (Нью-Йорк). 1926. №12. С.18, а также биографические материалы, хранящиеся в ОР ЦНБ СТД РФ. Ф.16).

Отца своего Лидия Яковлевна не помнила, воспитывал девочку отчим:

Мне было года два, когда умер мой отец, Яков Андрианович (надворный советник), но я хорошо помню цветы и горящие свечи над его гробом и его строгое восковое лицо. Года через четыре моя мать вышла замуж за инженера-строителя, который увез нашу семью из Туркестана в Китай.³

Несколько лет семья прожила в Харбине, а в 1903 году девятилетнюю Лиду поделили в Мариинскую казенную гимназию в Томске. Девочка с юных лет увлекалась балетом, театром, литературой, во время учебы выступала в гимназических журналах «Проба пера» и «Юные годы» со своими стихами, рассказами, рисунками. Искусство танца ей преподавала балерина Люзинская.

По окончании гимназии барышня приехала в Москву с целью поступить в один из дешевых театров, однако вместо этого неожиданно получила предложение балетмейстера Рижского театра и уехала в Ригу работать в труппе И.П.Палиева. В качестве сценического имени Лидия Яковлевна взяла фамилию отчима и как Л.Я.Нелидова выступала в Одесском городском театре, позже – в Казани, Царицыне, Вильно, Кисловодске, Тифлисе и Владивостоке, где встретила дирижера и композитора Михаила Михайловича Фивейского (1880–1956). Ученик Танеева, затем Н.А.Римского-Корсакова и А.К.Лядова, соклассник С.С.Прокофьева, Б.В.Асафьева, Н.Я.Мясковского, он прибыл во Владивосток из Москвы в 1916 «поднимать местный музыкальный уровень». Об этой встрече Лидия Яковлевна впоследствии писала: «Во Владивостоке я встретила свою судьбу, свою первую и единственную любовь – Михаила Михайловича Фивейского»⁴. В 1917 М.М.Фивейский стал ее мужем, и горячее чувство к нему она пронесла через всю свою жизнь.

В 1920 Л.Я.Нелидова-Фивейская вместе с супругом и труппой «Русской оперы» отправилась на гастроли в Индию, Китай, Японию и Соединенные Штаты Америки. В Америке они остались и прожили тридцать пять лет, приняв американское гражданство в 1929.

В эмигрантской печати Л.Я.Нелидова-Фивейская публиковалась с 1923: в нью-йоркских газетах «Россия» и «Новое русское слово», чикагской «Москве», пражской «Вольной Сибири», чаще всего в нью-йоркском журнале «Зарница». В 1927 она оставила сцену и посвятила себя литературной деятельности, выпустив несколько книг: «Подснежники: Стихотворения» (Нью-Йорк: Изд. газ. «Новое русское слово», 1927); поэму о Пушкине «Невольник чести» (Чикаго: Изд. газ. «Рассвет», 1933; 2-е изд. – Нью-Йорк, 1936); «Жертва вечерняя: Драматический этюд в 1 действии: Из легенды о сибирском старце Федоре Кузьмиче» (Чикаго: Изд. газ. «Рассвет», 1934); «С чужих берегов: Второй сборник стихотворений» (Southbury, Connecticut: Алатас, <1939>); «Право на жизнь: Роман в пяти частях» (Нью-Йорк, 1942); «Запечатленные мгновенья: Третий сборник стихотворений» (Нью-Йорк, 1952).

³ РГАЛИ. Ф.2449. Оп.1. Ед.хр.7. Л.5.

⁴ Там же. Л.34.

Свои книги Л.Я.Нелидова-Фивейская преподносила великим современникам, которые весьма благосклонно о них отзывались. Получив ее первый сборник стихов «Подснежники», Ф.И.Шалапин писал автору из Нью-Йорка 22 февраля 1927:

Многоуважаемая Лидия Яковлевна!

Извините, я несколько запоздал поблагодарить Вас за Ваше внимание и за милую книжку, присланную мне.

Я прочитал ее почти всю; мне очень нравятся Ваши стихи: они звучны, красивы и проникнуты трогательными чувствами.

Желаю Вам сердечно доброго здоровья и счастливого пути на Вашей прекрасной дороге поэта.⁵

С.В.Рахманинов 16 декабря 1934 писал ей из Нью-Йорка:

Многоуважаемая г-жа Фивейская,

Только что вернувшись в Нью-Йорк, я нашел присланную Вами Вашу новую вещь.

Ваша прошлогодняя поэма «Невольник чести» мне очень понравилась и поэтому с удовольствием прочту и «Жертву вечернюю».

Уважающий Вас С.Рахманинов.⁶

Поэтические произведения Нелидовой-Фивейской вдохновляли многих композиторов. Музыку на ее стихи писали А.Т.Гречанинов, И.К.Базилевский, А.Ф.Титов, М.М.Фивейский, К.Н.Шведов, О.Я.Штример.

За свою долгую жизнь за рубежом Л.Я.Нелидова-Фивейская встречалась со многими видными деятелями русской эмиграции – композиторами А.К.Глазуновым, А.Т.Гречаниновым, А.И.Зилоты, С.В.Рахманиновым; писателями Г.Д.Грбенщиковым, С.И.Гусевым-Оренбургским, Е.Н.Чириковым; балетмейстерами М.М.Мордкиным и М.М.Фокиным; Ф.И.Шалапиным; А.П.Павловой; Н.К.Рерихом и многими другими.

После смерти мужа в 1956 Л.Я.Нелидова-Фивейская вернулась на родину и поселилась в Харькове. В 1961 переехала в Москву, жила в Доме ветеранов сцены им. А.А.Яблочкиной, писала воспоминания. Некоторые из них были опубликованы: Из воспоминаний о Шалапине // Советская музыка. 1959. №1; Десять встреч с Шалапиным // Новая заря (Сан-Франциско). 1955. 17 февраля (то же: Новая Сибирь (Иркутск). 1957. Кн.36); Из воспоминаний о С.В.Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове. М., 1962. Т.2; Мемуарная запись Л.Я.Нелидовой-Фивейской о Скрябине / Публ. Г.И.Ганзбурга // Панорама (Харьков). 1998. №36, 5 сентября. С.12; На струнах памяти <о Русской Опере в Японии в 1921 году> / Публ. В.Нестьева // Япония сегодня. 2000. №7. Печатались также фрагменты воспоминаний о Гречанинове: Последние годы // Советская музыка. 1964. №10 (ниже они публикуются полностью).

Главы из воспоминаний Л.Я.Нелидовой-Фивейской «Глазунов в Нью-Йорке», «Воспоминания об А.Т.Гречанинове», «В гостях у Гречанинова»,

⁵ Ф.И.Шалапин. Литературное наследство. Т.1. Москва: Искусство, 1976. С.462.

⁶ С.Рахманинов. Литературное наследие. Т.3. Москва: Советский композитор, 1980. С.34.

«День с Гречаниновым», «О Мордкине», «Об И.И.Остромысленском», «Анна Павлова в Америке», «На концерте С.С.Прокофьева в Нью-Йорке», «О Зилоти», «О Рерихе», «О Санине», «О Сикорском», «О Фокине» печатаются по авторизованной машинописи, хранящейся в РГАЛИ (Ф.2449. Оп.1. Ед.хр.4-6).

ГЛАЗУНОВ¹ В НЬЮ-ЙОРКЕ

В 1929 году в Нью-Йорк приехал Александр Константинович Глазунов. Нью-Йоркское общество проявило большой интерес к этому музыкальному событию. Особенно волновались русские, в сердцах которых приезд знаменитого композитора затронул сокровенные струны и пробудил национальную гордость за своего великого соотечественника.

Бывшие воспитанники Петербургской консерватории устроили большой банкет в честь Глазунова² в самом феешенебельном отеле Нью-Йорка – в «Валдорф-Астории». На этом банкете присутствовал почти весь музыкальный мир Нью-Йорка. Чествование было весьма торжественным, с хвалебными речами, тостами и большой концертной программой. Но кто-то из составителей этой программы допустил оплошность, включив в нее известного куплетиста Сарматова (бывшего владельца собственного театра в Харькове)³. Куплеты его были довольно пошловатыми и не понравились Глазунову.

– Ну, для чего же это? – удивленно и даже как будто обиженно обратился Александр Константинович к сидевшему рядом с ним Фивейскому, не имевшему никакого отношения к составлению этой концертной программы, и Михаилу Михайловичу ничего не оставалось, как только молча пожать плечами, – он сам был в недоумении от характера программы концерта с куплетами и цыганскими песнями, совершенно не подходившими к данному случаю. Как оказалось, один из составителей этой программы, скрипач <Яков> Фишберг, руководствовался тем соображением, что Глазунов отчасти купеческого происхождения⁴, а купцы, как известно, любили кутить с цыганами. Неизвестно – была ли это ошибка или бестактность...

Высокий, грузный, добродушный и флегматичный Глазунов казался на этом банкете утомленным и чем-то озабоченным. Он, несмотря на свою полноту, свидетельствующую о хорошем аппетите гурмана, – напротив, ел очень мало и еще меньше говорил, отвечая только на задаваемые ему вопросы, очень коротко и лаконично, причем смотрел на собеседника усталыми и грустными глазами, в которых светилась доброта и мягкость, похожая на безволие.

В ответ на обращенные к нему приветственные речи он коротко сказал, что тронут оказанным ему приемом и что его очень радует

тот интерес и любовь к русской музыке, которые он наблюдал в чужих странах.

Огромный раззолоченный зеркальный зал «Валдорф-Астории» был переполнен музыкальной публикой, сидевшей за небольшими столиками по пяти-шести человек. Только в центре зала стоял один большой стол, за которым сидело человек двадцать, и посреди них – Александр Константинович Глазунов. Все мужчины были во фраках или смокингах, а женщины в вечерних платьях, сильно декольтированные.

За столиками происходили всевозможные разговоры и даже сплетни – большинство присутствующих знали друг друга и вели себя довольно шумно и непринужденно для такого торжественного банкета.

– Вот я слышала, что Глазунов нуждается, – говорила пожилая американка, скрипачка, своему соседу за столом, русскому скрипачу. – Что ж, сам виноват! Не хочет понять духа Америки!

– То есть, что же именно он не понимает в Америке? – полюбопытствовал ее сосед.

– Вот вы, русские, все такие! Не хотите приспособляться к чужим странам, а наоборот – хотите их переделывать на свой лад!

– Но Глазунов, кажется, не собирается переделывать Америку!

– Но он не хочет идти навстречу ее вкусам! Он предпочитает нуждаться. А вот если бы он написал джаз или бы переделал какую-нибудь из своих вещей под фокстрот, то сразу бы разбогател!

– Ну, тогда он не был бы Глазуновым!

– Еще он очень повредил своей карьере в Америке тем, что женился на молодой. Этим он оттолкнул от себя наших высоко почитаемых дам-патронесс и меценаток, которые обращают большое внимание на частную жизнь музыкантов. Они шокированы этим неравным браком.

– Иппокритство, – по-русски проворчал хормейстер Кибальчич⁵. – Армия спасения⁶... А сами...

– А если это любовь? – сказал старый скрипач.

Тут пошел оживленный разговор и спор на всех языках по поводу последнего брака Глазунова:

– Тут просто поймали в сети простодушного Глазунова!..

– Ах, бедный, старый, наивный Александр Константинович!

– Да почему же бедный? Он счастлив с ней!

– Он нашел в ней хорошего, преданного друга! И т. д.

Другой банкет в честь Глазунова был дан в отеле «Ансония». Устраивали его не только представители музыкального мира, но и общественные деятели и представители науки, профессора, доктора философии, артисты, художники. Дамы-устроительницы так волновались, что невольно заражали своим волнением и всех присут-

ствующим. Им страшно хотелось, чтобы их банкет был удачнее первого и более понравился бы Глазунову.

Программу они составили более серьезную и столы расставили иначе. Тут все столы были сдвинуты вместе в виде огромной буквы «Т».

В ожидании появления Александра Константиновича все присутствующие встали, а четыре человека во фраках скромно (как мне казалось) пошли в дальний угол зала против небольших дверей. Не зная расположения зал этого отеля и уверенная, что Глазунов войдет через большие двери, похожие на высокую арку и выглядевшие весьма величественно, – я тоже застенчиво отошла подальше от них в этот скромный угол, не спуская глаз с величественных дверей, в ожидании появления в них Глазунова, и поэтому не заметила, как Александр Константинович вошел с другой стороны, через небольшие двери, и чуть не наступила ему на ноги, когда вздрогнула от внезапно грянувшего над моим ухом громкого приветствия, которое запели эти четыре скромных человека, оказавшихся (как я впоследствии узнала) знаменитым квартетом братьев Кедровых⁷. От неожиданности я попятилась назад и наткнулась затылком прямо на Глазунова, который принял меня за главную распорядительницу банкета и, остановившись около меня, почтительно поцеловал мою руку. Тотчас к нему подбежали дамы-устроительницы, испугавшиеся, что я скомкала весь церемониал, так тонко и тщательно обдуманый ими. Они усадили Александра Константиновича на почетное место за банкетным столом. Рядом с ним села главная устроительница банкета, красивая брюнетка, жена управителя рояльной фабрики «Стейнвей».

Энергичная и волевая брюнетка никак не могла расшевелить молчаливого и флегматичного композитора, который казался чем-то расстроенным, – видимо, был озабочен предстоящим ему концертом из его произведений. Под шум речей, тостов и спичей он тихо обратился к Фивейскому:

– Михаил Михайлович, а нельзя ли подыскать получше музыкантов для моего концерта? И почему мне дают так мало времени для репетиций?

Фивейский, не имевший отношения к организации этого концерта, объяснил Глазунову, что юнионные правила ограничивают время для репетиций, которые стоят очень дорого в Соединенных Штатах.

– Если ограничивают время для репетиций, то пусть дадут мне лучший состав оркестра, – недовольно и печально проворчал Александр Константинович, – а то, как же получается? Музыканты не будут знать своих партий... Да и музыканты-то слабоваты...

Фивейский пробовал успокоить его, назвав здешних музыкантов очень опытными.

(Между прочим, когда мой сосед по банкетному столу, отрекомендовавшись, назвал себя Филипповым, я хотела спросить его, не родственник ли он знаменитому московскому булочнику, но, не решаясь произнести слово «булочнику», сказала так:

– А вы не родственник этому... этим филипповским пирожкам?

– Да. Совершенно верно! – смеясь ответил он. – Самый ближайший родственник прославленным пирожкам и родной сын своего отца!⁸

Он был главным управляющим отеля «Ансония».)

Через несколько дней в Нью-Йорке, в театре «Метрополитэн», состоялся концерт Александра Константиновича Глазунова. Оркестр, наскоро набранный с бору да с сосенки, играл вяло, не подчиняясь дирижерской палочке маститого композитора, который, в противоположность своей грузной и неуклюжей внешности, – дирижировал с благородной простотой, сдержанностью и спокойствием, за которыми чувствовалась поэтическая красота его обаятельного таланта.

Наблюдательный слушатель и зритель мог бы заметить порой на его лице морщинки негодования, когда оркестр звучал не ровно, не так, как бы ему хотелось. Но ни единым резким движением дирижерской палочки он не подчеркивал ошибок музыкантов, только бросал на них грустные взгляды да слегка покачивал укоризненно головой.

– Провалили Александра Константиновича, – печально прошептал Фивейский.

Мне показалось в темноте театрального зала, что по его тонкому и нервному лицу скатилась слеза. Но овации знаменитому композитору все же были искренними и бурными. Он много раз выходил на сцену по вызову публики. Последний раз он вышел на сцену под руку со своей молодой женой. Оба они счастливо улыбались, отвечали поклонами на овации публики.

¹ Глазунов Александр Константинович (1865–1936) – композитор, дирижер, педагог. Один из лучших русских симфонистов. Учился у Милии Алексеевичи Балакирева (1831–1910) и Николая Андреевича Римского-Корсакова (1844–1908). В 1881 написал Первую симфонию. Выступал как дирижер с 1888. Один из членов «Беляевского кружка». Вместе с Н.А.Римским-Корсаковым завершил оперу А.П.Бородина «Князь Игорь» (1890). С 1899 – профессор, с 1905 – директор (с 1917 – ректор) Петербургской (Петроградской, Ленинградской) консерватории. В 1928 выехал в Вену для участия в жюри Международного конкурса в ознаменование столетия со дня смерти Ф.Шуберта. Из этой поездки на родину он не вернулся. Из Австрии уехал в Париж, где и умер. В 1972 прах А.К.Глазунова был перенесен с кладбища Нейи в Париже в Некрополь мастеров искусств в Ленинграде.

А.К.Глазунов был удостоен звания Народного артиста Республики (1922), почетного вице-президента Русского симфонического общества в Великобритании (1906), почетного доктора Кембриджского и Оксфордского университетов (1907), являлся почетным членом Национальной академии «Санта-Чечилия» в Риме (1914), членом Музыкальной академии в Стокгольме (1929).

² Банкет в честь А.К.Глазунова состоялся 16 декабря 1929. На программе банкета композитор сделал дарственную надпись М.М.Фивейскому, смешав английский и русские слова: «To Mr. Fiveisky в память банкета 16-го Дек<абр> 1929 г. Alexsander Glazounoff» (Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М.И.Глинки. Ф.175. Инв.№24. Далее – ГЦММК). М.М.Фивейский входил в состав комитета по организации банкета. На банкете присутствовало 84 человека, включая А.К.Глазунова, его супругу Ольгу Николаевну (урожд. Герасимова; 1892–1943) и падчерицу Елену Герасимову. Среди гостей был композитор Дмитрий Темкин (1899–1979). В ГЦММК (Ф.175. №24) сохранилось меню банкета в честь А.К.Глазунова. В нем перечислены блюда и десерты: «Фруктовый коктейль» («Fruit cocktail»), «Монгольское пюре» («Puree Mongole»), «Вишни» («Cherry»), «Оливки» («Olives»), «Филе рыбы соль “Простая женщина”» («Filet sole “Bonne femme”»), «Жареная мэрилендская индейка в клюквенном желе» («Roast Maryland tursey, cranberry jelly»), «Брюссельская капуста с каштанами» («Brussels sprouts with chestnuts»), «Бататы, вареные в сахаре» («Candied sweet potatoes»), «Салат по-фермерски» («Salade fermiere»), «Торт Макальпин в шоколадной глазури» («Buche McAlpin, chocolate sauce»), «Пирожные “пети-фур”» («Petits fours»), «Кофе» («Demi tasse»).

³ Сарматов (Опеньховский) Станислав Францевич (ок. 1873–1938) – эстрадный актер, куплетист, племянник профессора Харьковского университета Федора Мечиславовича Опеньховского. Выступать начал в Киеве, будучи гимназистом. Выпустил юмористический листок «Сапоги всмятку» (Киев, 1894), три года спустя – сборник куплетов «Смех!!!» (Киев, 1897). После переезда в Москву выступал в амплуа «рваного» (босняка) в кафешантане «Омон». Когда «Омон» закрылся, выступал в разных городах России. В 1913 открыл свой театр миниатюр в Харькове, в котором ставили пьески А.Аверченко, Е.Чирикова и других авторов, выступали различные гастролеры. Однако главное место в репертуаре занимали фарсы на «смешанную музыку» и куплеты самого Сарматова. В 1920 Сарматов эмигрировал в Константинополь, где вместе с А.Н.Вертинским одно время содержал ресторан «Русский трактир». В 1923 переехал в США и поселился в Нью-Йорке. Служил в ресторане официантом и выступал со своими куплетами. Ради заработка писал фельетоны в стихах в газету «Новое русское слово». С начала 1934 печатал в этой газете пародийно-стихотворную энциклопедию под названием: «Краткая энциклопедия русских театральных деятелей в Нью-Йорке». Умер в нищете. Его хоронили служащие ресторана, в котором он работал, на свои средства.

⁴ А.К.Глазунов происходил из старинного купеческого рода, занимавшегося книгоизданием и торговлей книгами. Фирма Глазуновых существовала с конца XVIII в. и владела книжными магазинами в Москве и С.-Петербурге. Фирма печатала сочинения русских классиков, книги по истории,

учебники и пособия разного рода. Дед композитора Илья Иванович Глазунов (1786–1849) в январе 1837 выпустил миниатюрное издание «Евгения Онегина», которым очень гордился А.С.Пушкин. В 1882 род Глазуновых в ознаменование столетия основания своего дела был возведен в потомственное дворянство.

⁵ Кибальчич Василий Федорович (1883–1981) – хормейстер. В 1914 был регентом русской посольской церкви в Женеве. Устраивал в городе концерты русской музыки. Организовал «Общество друзей русской музыки». Переехал в Париж после Первой мировой войны. В 1921 создал «Русский хор», в программу которого входила русская духовная и светская музыка, а также народные песни. 15 апреля 1923 хор В.Ф.Кибальчича принял участие в литературно-художественном вечере А.И.Куприна (1870–1938) в Salle des Ingenieurs Civils. Последнее выступление хора В.Ф.Кибальчича в Париже состоялось 9 декабря 1923. Позже В.Ф.Кибальчич переехал в США, где организовал «Русский симфонический хор». Художник Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960), находившийся в Америке с конца 1923 в качестве члена комитета Выставки русского искусства и слушавший в Нью-Йорке хор В.Ф.Кибальчича 26 апреля 1924, рассказывал о своем впечатлении жене Валентине Михайловне Грабарь (урожд. Мещерская; 1892–1959): «Хор замечательный, и мы совсем растаяли, до слез. Пели “Верую” и другие вещи Гречанинова, Чайковского, церковные вещи на старинный лад и русские песни» (*Грабарь И. Письма: 1917–1941. М.: Наука, 1977. С.134–135*).

⁶ Армия спасения (Salvation Army) – религиозная филантропическая организация евангелического направления. Основана методистским священником Уильямом Бутсом (Booth; 1829–1912) в 1865 в Лондоне. Реорганизована в 1878 по военному образцу. Ставит своей целью распространение идей и догматов Евангелия посредством проповеди и оказания социальной, медицинской, моральной и иной помощи. Содержит на свои средства столовые, ночлежные дома, больницы и т. д. По структуре напоминает армию: имеет рядовых и офицеров, которые носят форму. Ее первым «генералом» был У.Бутс. В США организация начала действовать с 1880. В книге «В трущобах Англии и выход из них» («In the Darkest England and Way Out», 1890) Бутс изложил свою филантропическую программу борьбы с нищетой. Л.Н.Толстой был знаком с этой книгой. Д.П.Маковицкий записал 14 ноября 1909 в дневнике:

Л<ев> Н<иколаевич> читал книгу генерала Бутса («In darkest England») и был доволен ею.

– У генерала Бутса видят сектантство и отворачиваются от него, а на другую сторону не обращают внимания, сказал Л.Н. <...>. Л.Н. попросил Ольгу Константиновну спросить близких Бутсу людей, каковы дальнейшие результаты деятельности Бутса. Написать им (центральной конторе), что он прочитал книгу Бутса и очень восхищался ею и желал бы знать, какие дальнейшие результаты

Маковицкий Д.П. У Толстого: Яснополяские записки // Лит. наследство. Т.90, кн.4. М.: Наука, 1979. С.103.

Ольга Константиновна Толстая (урожд. Дитерихс; 1877–1916) – первая жена Андрея Львовича Толстого (1872–1951), сына писателя.

⁷ Вокальный квартет был создан в 1907 оперным певцом и композитором Николаем Николаевичем Кедровым (1871–1940) вместе с братом Константином Николаевичем Кедровым (1877–1932), а также Николаем Матвеевичем Сафоновым (1865–1922?) и Митрофаном Михайловичем Чупрыниковым (1866–1918). В первое десятилетие своего существования квартет был известен всей России. В 1908 он выступал с гастрольями в Париже и Лондоне. Неоднократно в концертах с квартетом выступал Ф.И.Шалыпин (1873–1938). Пел он с этим квартетом в апреле 1914 года в Мустамяках, где гостил А.М.Горький у В.А. и Е.Ф. Крит, родственников М.Ф.Андреевой. Руководитель квартета Н.Н.Кедров, артист Московской частной оперы, профессор Петербургской (затем Петроградской) консерватории (1904–1923), уехав во Францию вместе с женой, певицей Софьей Николаевной Кедровой (урожд. Гладкая; 1875–1965), основал в Париже Русскую консерваторию им. С.В.Рахманинова, где потом преподавал. В эмиграции он воссоздал квартет, который везде имел большой успех. Со своим квартетом Н.Н.Кедров объехал весь свет.

⁸ Филиппов Борис Дмитриевич (ок. 1887–1936) – сын булочника и владельца кондитерских и пекарен в Москве Дмитрия Ивановича Филиппова (1838–1908). В 1905 Б.Д.Филиппов был послан отцом в Америку изучать способы выпечки хлеба и приемы торговли. Из этой поездки он в Россию не вернулся. Оставшись в США, окончил Колумбийский университет, работал управляющим в гостинице «Ансония» в Нью-Йорке, открыл гастрономический магазин.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А.Т.ГРЕЧАНИНОВЕ¹

В середине <так!> 20-х годов в Нью-Йорк приехал А.Т.Гречанинов. Его приезд был настоящей сенсацией в Америке, проявившей к знаменитому русскому композитору живой интерес. Торжественно прошел концерт из его произведений, с симфоническим оркестром под управлением самого композитора. Зал «Карнеги Холл»² был переполнен публикой, в которой можно было видеть всех выдающихся представителей музыкального мира Америки. Сверкали бриллианты миллионерш и голливудских звезд. Гречанинова принимали горячо, с энтузиазмом, с бурными овациями.

Дирижировал он просто, скромно без аффектации, очень осторожно, как будто не вполне уверенный, что оркестр будет повиноваться ему.

Потом начались банкеты и вечера в честь Гречанинова.

Он жил в Париже, изредка приезжая в Америку, но в конце 30-х гг. окончательно переселился в Нью-Йорк и первые годы был в центре внимания всей страны, высоко чтившей нашего композитора.

Невысокого роста, светлый блондин с правильными чертами и хорошим цветом лица и стройной осанкой – он производил впечатление холодного и тонкого сноба. Но, познакомившись с ним ближе,

можно было заметить в нем что-то беспомощное. Даже какая-то запуганность чувствовалась в нем иногда. Впечатление его беспомощности создавало, главным образом, незнание английского языка и плохое зрение. Кроме того, он стал терять слух, и впоследствии ему пришлось прибегать к слуховому аппарату.

В 1929 году в Нью-Йорке состоялся вечер в честь Гречанинова. Обязанность рассказать о нем и его творчестве возложили на М.М.Фивейского.

Перед началом доклада Гречанинов взял Фивейского под руку и, уведя его в укромное место в нише окна, испуганно зашептал по секрету:

– Прошу вас, Михаил Михайлович, не упоминайте о том времени, когда я увлекался Бодлером и его «Цветами зла»³! Обещайте – ни слова об этом, очень прошу вас!

Эта неожиданная просьба разрушила намеченный план речи Фивейского, и ему пришлось говорить экспромтом перед многочисленной русско-американской аудиторией, состоявшей исключительно из представителей искусства: музыковедов, писателей, художников, певцов, артистов, музыкантов и даже балета в лице знаменитого балетмейстера М.М.Фокина⁴.

– Признаюсь, я чувствую смущение говорить о музыке Александра Тихоновича в присутствии самого композитора, – так начал Фивейский свою речь. – Ведь мы, музыканты, лучше высказываемся звуками, чем словами, и когда оказываемся в роли докладчика по какому-либо музыкальному вопросу, то должны признаться, что лишены красноречия, а потому я и прошу вас смотреть на меня не как на докладчика, но лишь собеседника. Имя Гречанинова столь близко и дорого всем, что я уверен, присутствующие почувствуют сами потребность высказаться. Разве не звучат в душе у нас романсы и песни Александра Тихоновича Гречанинова: «Колыбельная»⁵, «Степью иду я унылою»⁶, «На нивы желтые»⁷, «В темной роще запел соловей»⁸, «Узник»⁹ и другие?.. Разве не поют на всех эстрадах мира арию Алеши из оперы «Добрыня Никитич»¹⁰? Разве не звучит во многих церквях мира «Верую» из его «Литургии»¹¹? А его детские песни¹²?.. Загляните в каталог сочинений Гречанинова, и вы поразитесь необыкновенной плодовитости композитора: оперы «Добрыня Никитич» и «Сестра Беатриса»¹³ (Фивейский говорил это в 1929 г., а в 40-х гг. Гречанинов написал еще оперу «Женитьба»¹⁴), 5 симфоний¹⁵; 4 квартета¹⁶, из которых 3 премированы Беляевским издательством¹⁷; 2 трио, из которых второе было также премировано; многочисленные духовно-церковные произведения; свыше 300 романсов.

А.Т.Гречанинов вступил на композиторский путь в 1893 г. (год его окончания Петроградской <так!> консерватории по классу ком-

позиции у Н.А.Римского-Корсакова¹⁸). 90-е годы можно считать эпохой окончательного утверждения принципов Русской музыкальной школы, которая в эти годы раскололась на два лагеря: Петербургскую музыкальную школу композиторов, возглавляемую Римским-Корсаковым, и Московскую во главе с Чайковским¹⁹.

К этому времени уже прозвучали творения Петербургской школы: «Борис Годунов»²⁰, «Князь Игорь»²¹, «Снегурочка»²², и только что прозвучала 6-я симфония П.И.Чайковского²³, возглавителя Московской школы. Появились выдающиеся последователи каждой из школ: Александр Константинович Глазунов и Анатолий Константинович Лядов²⁴ в Петербурге, и Сергей Иванович Танеев²⁵ и Антоний Степанович Аренский²⁶ в Москве. Гречанинов был в центре лаборатории обеих школ. На заре своего музыкального творчества Александр Тихонович находился под влиянием Московской школы, будучи в то время учеником Аренского по классу композиции. Но Аренский, несмотря на свою глубокую талантливость, проглядел дарование Гречанинова и даже сомневался в успешном завершении им курса в консерватории. Но... нет худа без добра: как истинный талант, сознающий свою силу, Гречанинов едет в Петербург, где его радушно и тепло встречает Римский-Корсаков.

Здесь начинается его первое соприкосновение с Петербургской школой, осознание и претворение которой в таланте Гречанинова с этого момента проявилось с неудержимой силой. Позднее, опера «Добрыня Никитич» – прямое этому подтверждение. Хотя, в сущности, в основе обеих школ лежит русская душа и природа, все же московских композиторов можно назвать западниками, а петербургских – народниками или славянофилами. Техническое музыкальное разногласие было между ними большое, о чем свидетельствуют письма Танеева к Чайковскому²⁷. Но несмотря на то, что каждая из этих школ шла к своим идеалам собственной дорогой, – они были соединены одной гармонической религией: это так называемая ладовая система гармонии, лежащая в основе обеих школ. В сущности, ладовая система служит основой народной песне. Песня же, как таковая, есть не что иное, как проявление жизни души человека, в ее различных эмоционально-психологических переживаниях; отсюда ее содержательность. Прекрасно выразился Михаил Иванович Глинка: «Народ сочиняет музыку, а мы, композиторы, только ее аранжируем»²⁸.

Ладовая система гармонии в своей сущности патриархальна; она живет как бы по домострою; но и загадочна по своей непреложной, неумолимой логике. При ее кажущихся как бы необозримых возможностях и при ее как бы неограниченной свободе, тем не менее мы чувствуем какой-то закон, которому она обязывает художника подчиниться.

Ладовая система гармонии начала создаваться уже с первых предчувствий ее в работах старинных контрапунктистов, определеннее осознаваясь в творчестве Палестрины²⁹ и окончательно утверждается в принципе в творениях Баха. Антон Григорьевич Рубинштейн³⁰ как-то сказал, что если бы какая-нибудь фантастическая катастрофа уничтожила все сочинения композиторов, но остался бы Бах, то музыка возродилась бы вновь до ее настоящей высоты³¹.

В дальнейшем ладовая система гармонии, пройдя на Западе через творчество композиторов классической и романтической эпох, – выявила все богатство своего содержания в творениях Вагнера, и на Востоке в творениях композиторов русской музыкальной школы, в которой она нашла настоящую свою стихию и расцвела пышным цветом. Произведения Глинки, Чайковского, Бородина, Мусоргского, Римского-Корсакова и нашего юбиляра Гречанинова – прямое тому доказательство.

19-й век и начало 20-го – по праву считается золотой эпохой русской музыки. Композиторы этой эпохи, воплотив путем борьбы свои идеалы в жизнь, – являются уже как бы в роли созерцателей сотворенного ими. Это состояние созерцания всегда сопряжено и с плодотворностью композитора. Вот именно в таком состоянии созерцания сотворенного ею находилась русская музыкальная школа, когда на ее горизонте появился Гречанинов с его пластичной и ясной концепцией музыкальных произведений первого периода его творчества. Но вот на ясном, безоблачном небе русского музыкального искусства появляются первые тучи... Прозвучал уже отдаленный гром... Наступают предреволюционные годы с лозунгом «переоценки ценностей». Появляются композиторы этой эпохи: Скрябин в Москве и Стравинский в Петрограде. Как бы следуя традициям лагерей той и другой школы, эти композиторы также находились в полемике друг с другом, но были объединены одной общей задачей – «Война ладовой системе!». Но в то время, как Скрябин с его псевдоакустической теорией гармонии и Стравинский с его линейной политональной системой гармонии, утверждая свои принципы на практике, только революционизировали ладовую систему, – на Западе же появляется Шенберг³² с его атональной системой гармонии, который совершенно отверг ладовую систему гармонии и тем самым, уничтожив различие между консонансом и диссонансом, пришел к какому-то гармоническому хаосу, беспочвенно внедренному в существование музыкальной формы.

Музыка, основанная на ладовой системе гармонии, – не беспредметна; она жива; она душа и плоть человека! Тогда как музыка атональной системы гармонии – мертва, искусственна, схематична, и является не музыкальным творчеством, а каким-то, – я бы сказал, – «звукоделием», не говорящим ничего ни уму, ни сердцу слушателя.

Глядя в будущее, трудно предугадать, по какой дороге пойдет русское музыкальное искусство? Превратится ли оно в атональный язык звуков, выработанных на основе крайних псевдоакустических теорий, или же, оставаясь с многовековым испытанным другом: ладовой системой гармонии, – она, обновленная и очищенная от атональных наслоений, еще ярче заблестит лучами радостного расцвета и подарит миру новые великие творения!

Дальше Фивейский говорил о разных музыкальных течениях и ладовой системе гармонии, ярким последователем которой является Гречанинов.

В продолжение всего доклада Фивейского, А<лександр> Т<ихонович> внимательно следил за речью М<ихаила> М<ихайловича> и порой утвердительно кивал головой в знак полного согласия с ним. Только когда было произнесено имя Аренского, он нервно зашевелился в кресле. Он сидел в первом ряду, опираясь правым локтем о ручку кресла и подперев щеку ладонью.

По окончании доклада Гречанинов подошел к Фивейскому со словами:

– Браво, маэстро! Вы так просто и правдиво нарисовали картину моей музыкальной деятельности и фон, на котором она протекала.

Он обнял докладчика и трижды расцеловал. Но позднее сказал с упреком:

– А все-таки вы больше говорили о ладовой системе гармонии, чем обо мне!

Прямой, искренний и правдивый, А<лександр> Т<ихонович> тем не менее очень любил похвалу и лесть, – он прямо как бы нуждался в этом! Окружающие его знали эту слабость Гречанинова и часто злоупотребляли ею для своих личных целей.

Первые года Гречанинов жил в нью-йоркских отелях на шумном, вечно грохочущем Бродвее. Впоследствии снял квартиру. Последняя его 3-х комнатная квартира была на тихой 76-й улице, около Центрального парка, куда он каждое утро ходил кормить голубей.

Прислуживали ему и вели его несложное хозяйство люди «из бывших» – эмигранты. Последней экономкой у него была беженка из Германии.

В квартире всегда был порядок. Аккуратно сложенные ноты лежали на своих постоянных местах. На маленьком письменном столе всегда были наготове остро отточенные карандаши.

Жена его, Мария Григорьевна (2-ая жена Гречанинова)³³, часто хворала. Ал<ександр> Тих<онович> заботливо ухаживал за больной, сам приносил ей кушанья из ресторанов и очень горевал после ее смерти.

Гречанинов хорошо знал французский язык, но никак не мог овладеть английским и в своих музыкальных затруднениях: в перего-

ворах с американскими издателями и менеджерами – прибегал к помощи Фивейского, прекрасно владеющего английским, итальянским и французским языками.

Любил Гречанинов совещаться с Фивейским и по разным контрапунктическим вопросам, высоко ценя его теоретические знания. Он любил Фивейского и как музыканта, и как человека. Если Фивейский долго не навещал его, то он сам приходил к нему в студию или звонил по телефону, жалобно упрекая:

– Что же вы забыли меня совсем? Мне без вас скучно... Вот сейчас я, кажется, нашел контрапунктическую ошибку в «Сестре Беатрисе». Надо посоветоваться с вами!

Фивейский часто посещал Гречанинова, особенно последние годы, когда все друзья и почитатели стали забывать стареющего композитора.

Иногда и я приходила вместе с мужем к Ал<ександру> Тих<оновичу> и подолгу сидела на его старом диване с выпирающими наружу пружинами и вылезавшей кое-где ватой. Встречал нас он радушно, и даже румянец появлялся на его щеках от оживления. Он спешил сам приготовить для нас чай и угощение. Было в его натуре что-то неистребимо русское. Он очень тосковал по родине. Русский язык его был безупречен, и он болезненно реагировал на искажение его. Как-то в его присутствии одна певица в разговоре с ним произнесла слово «поняла» с ударением на 1-м слоге. Гречанинов строго поправил ее, сделав резкое ударение на последней гласной.

Однажды, в начале 50-х гг., Гречанинов по телефону попросил нас с мужем немедленно прийти к нему:

– Хочу поделиться с вами моей радостью!

Кажется, это было в 1953 году. В эти годы Гречанинов жил очень одиноко, как бы всеми забытый. Когда мы пришли к нему, он взволнованно засуетился, приготавливая чай и ставя на маленький столик перед диваном торт и красное вино. От оживления даже запыхался. Совершив этот обычный ритуал, он сказал:

– А теперь я вам покажу мою радость!

С этими словами маленькая, худенькая фигурка старичка скрылась за дверью соседней комнаты.

– Смотрите! – вернувшись в гостиную, сказал он, торжественно развертывая перед нами афишу (размером больше в ширину, чем в длину), на которой большими красными буквами оповещалось, что в Москве пойдет опера Гречанинова «Добрыня Никитич», в сопровождении балалаечного оркестра³⁴.

– Вот что мне прислали из Москвы! – радостно показывал он нам эту афишу. – Помнит родина своего композитора!

Он любил, когда Михаил М<ихайлович> садился за рояль и напевал свои или гречаниновские романсы.

– Нет, этот романс я хочу иначе! – сказал он, сидя рядом с Фивейским на рояльной скамье и слушая, как М<ихаил> М<ихайлович> напевает «Ты не плачь, березка»³⁵. – Надо дольше затянуть «не плачь!». Дайте я сам его спою! – И он пытался петь, широко раскрывая рот, из которого с трудом извлекал глухие звуки, но тотчас же сконфуженно сдавался: – Нет, у вас получается лучше! Конечно, я не такой сильный пианист, как вы, и с голосом у меня что-то неладное теперь... А ведь раньше я всегда пел, когда сочинял... Ходил и пел, сочиняя...

Отойдя от рояля и издали глядя на Фивейского, он прошептал задумчиво:

– Он похож на Глинку... У него есть что-то пушкинское в природе...

Разбираясь в нотах, Гречанинов ворчал:

– Вот все поют одни и те же мои песни, а вот эти все лежат никому неизвестные... – Он показал тетрадь с 4-мя романсами, изд<ание> Гутхейля. – Лидия Яковлевна правильно назвала их «песнями». Это именно песни, а не романсы...

Вспоминая Шалапина³⁶, Гречанинов говорил:

– Я сказал ему прямо, что он плохо знает партию Добрыни, когда он пел в Большом театре... После этого Федор Иванович надулся на меня и избегал петь мои сочинения...

За чаем, дуя на блюдечко, с которого он пил, Гречанинов жаловался:

– Вот, Михаил Михайлович, видите, никому не нужен живой композитор! Все начинают забывать меня: и публика, и певцы, и издатели... Я всегда был застенчив, всегда старался спрятаться, вот как и вы! Не так, как Анатолий Константинович <Лядов>, который никогда и никого не стеснялся... Во время обеда расстегивал пюговницы на жилете... Лядов не любил меня... Кюи меня любил³⁷, но не мог я простить ему его отношения к Петру Ильичу. Совершенно возмутительное отношение!³⁸

– Вы любили Чайковского? – спросила я.

– О, обожал! – живо отозвался Гречанинов. – Когда однажды Чайковский пожал мою руку, то я потом целую неделю не мыл ее...

Как-то Гречанинов попросил Фивейского привести его на оперу, которой дирижировал Михаил Михайлович в «Карнеги Холл». Гречанинова привезли в театр ученики Фивейского и сдали его на мое попечение. В наше распоряжение была предоставлена лучшая ложа – как раз против сцены.

Гречанинов оживился и даже разругался, с интересом разглядывая все вокруг.

– Какой большой оркестр! – воскликнул он, когда начали рассаживаться по местам музыканты (из состава оркестра Тосканини³⁹). –

Как хорошо идет опера! А ведь «Мазепа» считается одной из слабых опер Чайковского! Я сам так думал раньше...

В антракте, гуляя с Ал<ександром> Тихоновичем по коридорам Карнеги Холл, мы рассматривали портреты, во множестве развешанные по стенам.

– Черт знает, кого они тут развесили. Всякую ерунду! Никого не знаю, кроме Сафонова⁴⁰, – говорил он.

Зная, что он плохо видит, я сказала:

– Вот портрет Прокофьева!⁴¹

Гречанинов промолчал. Его портрета не было. Заглядевшись на эти портреты, я потеряла Гречанинова в толпе и, только когда кончился антракт, – увидела его, растерянно блуждающего по опустевшим коридорам театра. Встреча была радостная!

– Как я доволен, что пришел на этот спектакль! – говорил мне в ложе Александр Тихонович. – Я просто чувствую себя как давно, давно, в Москве.

Он завел со мной оживленную беседу о композиторах. Впрочем, я только слушала его.

– А вот какую интригу затеял против меня однажды Рахманинов⁴², – начал было он, но заиграл оркестр, и Гречанинов не закончил фразы.

Слух о том, что в театре присутствует Гречанинов, быстро распространился среди публики, и в нашу ложу началось целое паломничество американцев. Многие из них даже не подозревали, что Гречанинов еще жив и находится в Нью-Йорке. Это открытие явилось для них настоящей сенсацией!

По окончании спектакля Гречанинов пожелал отправиться к Фивейскому за кулисы. С удивительной для его лет энергией он протиснулся сквозь плотную массу публики, обступившей дирижера, и, обняв его, трижды расцеловал, приговаривая:

– За Мазепу! Вы сделали чудо!..

Однажды, когда в нашей студии собрались оперные артисты для репетиции, вдруг неожиданно появился Александр Тихонович.

– Давно уж я не сочинял, но вот захотел сделать вам сюрприз! – сказал он, подавая мне ноты, сложенные трубочкой и перевязанные розовой ленточкой. – Вот, написал песню на ваши слова!

Это была его последняя песня «Ветерочек»*. С 1953 года Гречанинов стал заметно стареть, худеть и слабеть. Он почти не видел и не слышал, но всегда держался прямо и одет был аккуратно и чисто. Нашему приходу всегда радовался, как дитя. Разговаривая с ним, приходилось прямо кричать, несмотря на его слуховой аппарат.

* Манускрипт Гречанинова хранится в <Государственном центральном> музее музыкальной культуры имени М.И.Глинки. (Примеч. автора.)

Даря Фивейскому книгу «Моя жизнь» (его автобиографию, только что вышедшую из печати)⁴³ – он жаловался, что с него дорого взяли за печатание: 900 долларов за 150 страниц!

– Евелина Францевна, пожалуйста, впрысните мне в глаза капель, чтобы я мог лучше видеть Фивейских! – просил он даму, ведущую его хозяйство. Усадив нас на диван и сидя напротив в кресле, он говорил:

– Вы мои настоящие друзья! Кроме вас у меня нет искренних друзей. Подождите, мы еще вернемся в Россию! Увидим матушку Волгу, поклонимся родной земле!.. Только там наша жизнь начнется!.. Вам-то, вдвоем, легче ждать эту радость, чем мне, всеми покинутому, забытому...

На мою фразу, что он не должен чувствовать себя таким одиноким, так как с ним всегда Музы, – он печально ответил:

– Да вот Музы-то не слушают меня последнее время... Это потому, что грудь моя ослабела и болит и я не могу петь, когда сочиняю... А знаете, что соловьи не поют здесь! Пробовали привозить сюда самых голосистых, но ни один из них не мог петь здесь, в стране сухого бизнеса! Да... соловьи поют только в своих родных, любимых рощах...

Заметив, что я записываю в свою записную книжку какую-то его фразу, он сказал одобрительно:

– Записывайте, записывайте!.. Может быть, и обо мне когда-нибудь напишете книгу.

С 1955 года Александр Тихонович стал терять память и быстро угасать...

2 января 1956 года⁴⁴ престарелый композитор Александр Тихонович Гречанинов скончался в Нью-Йорке, завещая отвезти его прах на родину и похоронить в Москве на Ново-Девичьем.

¹ Гречанинов Александр Тихонович (1864–1956) – композитор, автор нескольких опер, симфоний, более 200 романсов, писал детскую и духовную музыку. Учился в Московской (1881–1890) и Петербургской (1890–1893) консерваториях. В 1896–1922 жил в Москве. С 1903 преподавал в Музыкальном училище сестер Е.Ф. и М.Ф. Гнесиных. С того же 1903 работал заместителем Музыкально-этнографической комиссии при Московском университете. Обработывал песни народов России (русские, татарские, белорусские, башкирские и др.). Был профессором Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества. В 1910-е выступал аккомпаниатором певцов, исполнявших в концертах его романсы. В советское время концертировал как дирижер и пианист. Руководил хором детской колонии. В 1925 уехал за границу и поселился в Париже. Любопытно, что ранее желания покинуть Россию у него не возникало. 27 декабря 1906 А.Т.Гречанинов писал Р.М.Глиэру в Германию, где тот жил в 1905–

1907: «Не соблазните меня за границу: все равно я туда не переселюсь. Я слишком для этого тяжел на подъем» (РГАЛИ. Ф.2085. Оп.1. Ед.хр.625. Л.11). 26 октября 1944 в сан-францисской газете «Новая заря» была опубликована беседа с А.Т.Гречаниновым, в которой он объяснял причины своего отъезда из Советской России:

«Всякий может задаться вопросом: почему же я покинул свою страну в 1925 году? – говорит Александр Тихонович. – Я ведь уехал из России в такой момент, когда жилось уже значительно лучше в материальном отношении. В ту пору процветал «НЭП». Но тогда не было жизни для самого духа моей музыки. Не подходил стиль моего творчества. И мне пришлось бы ампутировать самого себя. Теперь отношение к моей музыке переменялось в корне. Раньше в мои произведения заворачивали селедку. Теперь их будут печатать новыми изданиями».

(Казем-Бек А. Наш Гречанинов: После беседы с композитором // Новая заря (Сан-Франциско). 1944. 26 октября).

Живя в Париже, Гречанинов концертировал, писал сочинения. В 1929 вместе с певицей Н.П.Кошиц гастролировал в Нью-Йорке, а в 1939 навсегда переехал в США. За границей внимательно следил за музыкальной жизнью в Советском Союзе. А.Казем-Бек после беседы с композитором писал:

А.Т.Гречанинов выделяет из современных композиторов Прокофьева.

– Прокофьев первый из всех ныне живущих композиторов, первый во всем мире, самый интересный, оригинальный, новый, захватывающий богатством красок, которыми блистает его творчество.

К современной популярной музыке Гречанинов суров. Но мотивы, почерпнутые из народного эпоса – «Провождение», например, или «Кто его знает» – восхищают его. Хоры Александрова и Пятницкого, которые посвящают столько усилий делу популяризации народных песен, привлекают к себе сочувственное внимание композитора.

(Там же.)

² Карнеги-холл – концертный комплекс в Нью-Йорке. Построен на средства американского миллионера Эндру Карнеги (1835–1919). Открылся концертом в 1891. На открытие Карнеги-холла был приглашен П.И.Чайковский, который дирижировал оркестром, исполнявшим его Торжественный марш (1881), и имел большой успех. П.И.Чайковский встречался с Э.Карнеги, который называл русского композитора «самым настоящим королем музыки» (см.: *Чайковский П.И.* Дневники. 1873–1891. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С.279).

³ В 1910-е у Гречанинова был «декадентский» период увлечения «Цветаи зла» (1857) Шарля Бодлера (Baudelaire; 1821–1867). Во Франции после выхода сборника прокуратура возбудила процесс, в результате которого Бодлер был приговорен к штрафу за оскорбление «общественной морали и добронравия». В России начала века книгу окутывал флер скандала. В пуританской межвоенной Америке Бодлер также был персоной нон грата. Результатом увлечения Гречанинова Бодлером явились его романсы: «Гимн», «Призыв», «Я люблю тебя», «Вечерний аккорд» и «Смерть», во-

шедшие в цикл «Цветы зла: 5 романсов для голоса и ф-но» (Оп.48), написанный в 1909 и изданный А.Г.Гутхейлем в Москве в 1911.

⁴ О М.М.Фокине см. главу «О Фокине» и примеч. 1 к ней.

⁵ Романс А.Т.Гречанинова «Колыбельная» на стихи М.Ю.Лермонтова (Оп.1. №5) из цикла «5 романсов для голоса и ф-но» был написан в 1889. Опубликован М.П.Беляевым в 1894 в Лейпциге.

⁶ Романс «Степью иду я унылою» на стихи А.Н.Плещеева (Оп.5. №1) из цикла «4 романса для пения с ф-но» был написан в 1893. Опубликован М.П.Беляевым в 1894 в Лейпциге.

⁷ Романс «На нивы желтые» на стихи А.К.Толстого был написан в 1906 (Оп.6/№). Издан в 1906 А.Г.Гутхейлем в Москве.

⁸ Правильное название романса – «В темной чаще замолк соловей» (Оп.20. №2) из цикла «4 романса для голоса и ф-но». Написан в 1898 на слова И.С.Никитина. Опубликован М.П.Беляевым в 1899 в Лейпциге.

⁹ Романс «Узник» на стихи А.С.Пушкина (Оп.20. №4) из цикла «4 романса для голоса и ф-но» был написан в 1899. Опубликован М.П.Беляевым в 1899 в Лейпциге.

¹⁰ Опера-былина «Добрыня Никитич» (Оп.22) была написана в 1895–1901. Автор либретто – А.Т.Гречанинов. Издана А.Г.Гутхейлем в Москве в 1902. Впервые исполнена в Москве в Большом театре 14 октября 1903 с Ф.И.Шаляпиным в заглавной роли.

¹¹ «Верую» – часть из «Литургии Св. Иоанна Златоуста» №2 (Оп.29. №8) создана в 1903. Издана П.И.Юргенсоном в Москве в 1903. Впервые исполнена 2 марта 1903 в Московском Дворянском собрании оркестром под управлением Л.С.Васильева.

¹² Своих детей у Гречанинова не было, но детей он любил, и общение с ними доставляло ему истинную радость. Когда композитор преподавал теорию музыки в Музыкальном училище Гнесиных, где был детский хоровой класс, Евгения Фабиановна Гнесина (в замужестве Савина-Гнесина; 1871–1940), одна из основательниц училища, попросила его написать что-нибудь для детей. Гречанинов написал шесть двухголосных песен, которые вошли в сборник под названием «Ай-ду-ду!» (Оп.31, 1903). Издан А.Г.Гутхейлем в Москве в 1903. Эти первые песенки для детей положили начало «детской музыке» в творчестве Гречанинова.

¹³ Опера-легенда «Сестра Беатриса» (Оп.50) по мотивам пьесы Метерлинка написана в 1908–1910. Издана Ю.Г.Циммерманом в С.-Петербурге в 1912. Первое исполнение состоялось в московском театре С.И.Зимина 12 октября 1912.

¹⁴ Комическая опера «Женитьба» (Оп.180) по пьесе Н.В.Гоголя написана в 1945–1946 гг. Не издана. Первое исполнение состоялось в парижском Русском оперном театре 8 октября 1950.

¹⁵ 1) Симфония №1 для оркестра (си минор) (Оп.6) была написана в 1893–1894. Впервые исполнена в С.-Петербурге 14 января 1895 в Русском симфоническом концерте под управлением Н.А.Римского-Корсакова. Издана А.Г.Гутхейлем в 1904 в Москве.

2) Симфония №2 (пасторальная) для оркестра (ля мажор) (Оп.27) была написана в 1902–1909. Впервые исполнена в Москве 14 марта 1909 под управлением автора. Издана А.Г.Гутхейлем в 1910 в Москве.

3) Симфония №3 для оркестра (ми мажор) (Оп.100) была написана в 1920–1923. Впервые исполнена в Киеве 29 мая 1924 под управлением авто-ра. Напечатана издательством М.П.Беляева в Лейпциге в 1931.

4) Симфония №4 для оркестра (до мажор) (Оп.102) была написана в 1923–1924. Впервые исполнена в Нью-Йорке Нью-Йоркским филармоническим оркестром 9 января 1942 под управлением английского дирижера Джона Барбиролли (Barbieroli; 1899–1970). Не издана.

5) Симфония №5 для оркестра (соль мажор) (Оп.153). Впервые исполнена в Филадельфии Филадельфийским оркестром 5 апреля 1939 под управлением Леопольда Стоковского (Stokowski; 1882-1977). Напечатана издательством М.П.Беляева в Лейпциге в 1938.

¹⁶ 1) Струнный квартет №1 (соль мажор) (Оп.2) был написан в 1892–1894. Впервые исполнен в С.-Петербурге на концерте Общества камерной музыки 7 декабря 1894. Квартет премирован на конкурсе С.-Петербургского Общества камерной музыки в 1894. Издан М.П.Беляевым в Лейпциге в 1894.

2) Струнный квартет №2 (ре минор) (Оп.70) был написан в 1913. Впервые исполнен в Москве 29 января 1914. Квартет премирован на конкурсе С.-Петербургского Общества камерной музыки. Напечатан издательством М.П.Беляева в 1914 в Лейпциге.

3) Струнный квартет №3 (до минор) (Оп.75) был написан в 1915. Квартет премирован на конкурсе С.-Петербургского Общества камерной музыки в 1916. Напечатан издательством «Гутхейль – Кусевицкий» в 1926 в Берлине.

4) Струнный квартет №4 (фа мажор) (Оп.124) был написан в 1929. Напечатан издательством «Шотт» в 1931 в Майнце.

¹⁷ Беляев Митрофан Петрович (1836–1904) – музыкальный деятель и издатель нот, лесопромышленник и меценат. Основатель музыкально-издательской фирмы «М.П.Беляев в Лейпциге» (1885), организатор «Русских симфонических концертов» в С.-Петербурге, Петрограде (1885–1918), «Русских квартетных вечеров» (с 1891), председатель Петербургского Общества камерной музыки (1898–1904). С 1892 устраивал ежегодные конкурсы с присуждением премий за лучшие камерно-инструментальные произведения. По его инициативе были учреждены Глинкинские премии (1884), организован музыкальный «Беляевский кружок», собиравший по пятницам русских композиторов в доме М.П.Беляева в 1880–1890-е.

¹⁸ После ухода из Московской консерватории в 1890 Гречанинов поступил в Петербургскую консерваторию (1890–1893) в класс композиции и инструментовки Николая Андреевича Римского-Корсакова (1844–1908). Композитор записал своего ученика на стипендию Русского музыкального общества. В 1891, во время бракосочетания А.Т.Гречанинова с пианисткой В.И.Рерберг, Н.А.Римский-Корсаков был его посаженным отцом. В 1892 студент Гречанинов написал концертную увертюру для большого оркестра. Работа понравилась Римскому-Корсакову, и он предложил на художественном совете Консерватории исполнить ее на ежегодном публичном концерте учеников. Увертюра имела большой успех. 14 января 1895 в «Русском симфоническом концерте» под управлением Римского-Корсакова впервые была исполнена 1-я симфония Гречанинова.

¹⁹ С произведениями Петра Ильича Чайковского (1840–1893) Гречанинов познакомился рано. Мальчиком он присутствовал на первых представлениях «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы». Эти оперы произвели на него большое впечатление. Будучи учеником Московской консерватории, Гречанинов, однажды исполнявший партию колокольчиков в «Моцартиане» П.И.Чайковского на репетиции с Оркестром симфонических концертов, удостоился чести играть под управлением автора, а в антракте быть представленным самому композитору своим учителем, преподавателем Московской консерватории (1866–1906) Николаем Дмитриевичем Кашкиным (1839–1920). Тогда Чайковский пожал руку Гречанинову. Смерть Чайковского потрясла Гречанинова. На похоронах он нес серебряный венок, купленный на деньги, собранные им среди своих друзей. Позже, вспоминая о тяжелых для себя днях, Гречанинов писал:

Чтобы дать исход душевному трауру, который я переживал, я сочинил для оркестра элгию «Памяти Чайковского», но она меня не удовлетворила, и я не дал ей ходу. Только спустя несколько лет, живя в Москве, я снова принялся за нее, и она была исполнена в одном из беляевских Русских симфонических концертов, но успеха не имела, и я больше к ней не возвращался. Вспоминаю об этом с грустью, так как мне так искренно хотелось сочинить что-нибудь достойное в память художника, которого я так глубоко чтил и горячо любил.

(Гречанинов А.Т. Моя музыкальная жизнь. Париж, 1934. С.43).

²⁰ Опера Модеста Петровича Мусоргского (1839–1881) «Борис Годунов» была написана в 1868–1869 (2-я ред. – 1872). Поставлена в 1874 в С.-Петербурге.

²¹ Опера Александра Порфирьевича Бородина (1833–1887) «Князь Игорь», над которой композитор работал восемнадцать лет, не была им окончена. После смерти композитора эту работу в 1890 завершили Н.А.Римский-Корсаков и А.К.Глазунов.

²² Опера Н.А.Римского-Корсакова «Снегурочка» была написана в 1881. Под названием «Снегурочка» существует несколько музыкальных произведений. В 1873 П.И.Чайковский написал музыку к спектаклю драматического театра «Снегурочка» А.Н.Островского. В 1900 А.Т.Гречанинов по просьбе К.С.Станиславского написал музыку к «Снегурочке» А.Н.Островского для Московского Художественного театра. 24 сентября 1900 состоялась премьера спектакля.

²³ Шестая (патетическая) симфония П.И.Чайковского (Оп.74) была написана в 1893. Первые исполнена 16 октября 1893 в С.-Петербурге под управлением автора.

²⁴ Лядов Анатолий Константинович (1855–1914) – композитор, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель. Сын дирижера и композитора Константина Николаевича Лядова (1820–1871). В 1878 окончил Петербургскую консерваторию. С осени 1878 вел педагогическую работу в Консерватории, профессором которой (с 1886) состоял до конца жизни. В 1879–1909 занимался дирижерской деятельностью. Среди его учеников был Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953). О Лядове см. также в главе «На концерте С.С.Прокофьева в Нью-Йорке».

²⁵ Танеев Сергей Иванович (1856–1915) – композитор, пианист, педагог, музыкально-общественный деятель. С 1878 по 1905 преподавал в Московской консерватории (с 1881 – профессор, в 1885–1899 – директор). Гречанинов изучал у С.И.Танеева формы музыкальных сочинений и позднее писал: «Общение с Танеевым всегда было радостно, и я много получил от занятий с ним» (*Гречанинов А.Т. Моя музыкальная жизнь. С.26*). В 1904 в доме тестя Гречанинова И.Ф.Рерберга состоялось обсуждение его оперы «Добрыня Никитич», на котором присутствовал и С.И.Танеев. После смерти своего учителя А.Т.Гречанинов писал: «Имя его было для всех, знавших его, лозунгом добра, истины и нравственной красоты. Светлым, лучезарным маяком будст оно для нас и после его смерти» (*Гречанинов А. Из воспоминаний о С.И.Танееве // Музыкальный современник (Пг.). 1916. №1. С.27*).

²⁶ Аренский Антоний (Антон) Степанович (1861–1906) – композитор, дирижер, педагог. С 1882 – преподаватель (с 1889 – профессор) Московской консерватории. В 1895–1901 – директор Придворной певческой капеллы в С.-Петербурге. В классе А.С.Аренского Гречанинов изучал фугу. Отношения между профессором и учеником сложились весьма неприязненные. В январе 1890 они закончились раздражительным спором и уходом Гречанинова из Московской консерватории. Осенью того же года А.Т.Гречанинов поступил в Петербургскую консерваторию.

²⁷ См.: П.И.Чайковский – С.И.Танеев. Письма / Сост. В.А.Жданов. М.: Госкультпросветиздат, 1951.

²⁸ Неточная цитата. В оригинале: «...создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем». Высказывание М.И.Глинки приводится композитором Александром Николаевичем Серовым (1820–1871), хорошо его знавшим, в статье «Музыка южнорусских песен» (См.: *Серов А.Н. Критические статьи. Т.3. СПб., 1895. С.1392*).

²⁹ Палестрина Джованни Пьерлуиджи да (Palestrina; 1525–1594) – итальянский композитор, певец, органист и хормейстер.

³⁰ Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) – композитор, пианист-виртуоз, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель. Основатель Петербургской консерватории (1862), директором и профессором которой был до 1867 (вторично – в 1887–1891). Во время учебы Гречанинова в Московской консерватории важным событием в музыкальной жизни города были «Исторические концерты» А.Г.Рубинштейна, которые сыграли большую роль в развитии его музыкального вкуса.

³¹ Неточная цитата. В оригинале: «“Wohltemperirtes Clavier” <“Хорошо темперированный клавир” (нем.)> есть такая жемчужина в музыке, что если бы, по несчастью, все Баховские “мотеты”, “кантаты”, “мессы” и даже “музыка к страстям Господним” потерялись и уцелело бы одно это, то нечего было бы отчаиваться – музыка не погибла!» (*Рубинштейн А. Музыка и ее представители. Разговор о музыке. М., 1892. С.25*).

³² Шёнберг Арнольд (Schönberg; 1874–1951) – австрийский композитор, дирижер, педагог, теоретик музыки.

³³ Гречанинова Мария Григорьевна (1875–1947) – актриса, вторая жена композитора. В первом браке – жена художника Александра Валентиновича

Средина (1872–1934). А.Т.Гречанинов первым браком был женат на пианистке Вере Ивановне Рерберг – дочери инженера-строителя, а потом директора Нижегородской железной дороги И.Ф.Рерберга.

³⁴ 30 мая 1947 в Концертном зале им. П.И.Чайковского была поставлена опера А.Т.Гречанинова «Добрыня Никитич» в исполнении Государственного оркестра народных инструментов им. Н.Осипова и Ансамбля советской оперы ВТО.

³⁵ Неточная цитата из стихотворения А.К.Толстого «Острою секирой ранена береза» (в оригинале: «Ты не плачь, береза»). Романс Гречанинова «Острою секирой» на эти стихи написан в 1891 (Оп.1. №2. Из цикла «5 романсов для голоса и ф-но»). Опубликован М.П.Беляевым в 1894 в Лейпциге.

³⁶ Начало творческого сотрудничества Гречанинова с Ф.И.Шляпиным относится к 1901. В ноябре 1901 композитор послал в подарок певцу свой романс «На распутье» на стихи И.А.Бунина (Оп.21), который уже был ему известен. 31 мая 1901 Шляпин сообщал дирижеру летних симфонических концертов в Сокольниках Николаю Разумниковичу Кочетову (1864–1925): «Петь я буду, конечно, Гречанинова. Он мне очень нравится, и я им несколько уже начал заниматься» (См.: *Шляпин Ф.И.* Лит. наследство. Письма. Т.1. М.: Искусство, 1976. С.403). Правда, еще до выступления в Сокольниках Шляпин исполнял романс «На распутье»: 4 июля 1901 в симфоническом концерте в Павловске, 13 июля 1901 – в симфоническом концерте под управлением Н.Р.Кочетова в Сокольниках, а 16 января 1902 – в Благородном собрании. На это последнее исполнение А.Т.Гречанинов откликнулся посланием от 20 января 1902, в котором писал:

Глубокоуважаемый Федор Иванович!

Прочел в «Курьере», что 16-го Вы пели мое «Распутье», и очень пожалел, что узнал об этом поздно и лишен был удовольствия слышать эту вещь еще раз в Вашем исполнении.

(Там же. С.561).

Однако опера Гречанинова «Добрыня Никитич» на долгие годы развела в стороны композитора и певца. Позже Гречанинов жаловался: «Шляпин охладел к своей партии, не ходил на репетиции, и по этому поводу у меня с ним возникла переписка весьма неприятного характера» (*Гречанинов А.Т.* Моя музыкальная жизнь. С.76).

Отношения их не возобновились, однако в 1932 Шляпин вернулся к произведениям Гречанинова, записав 29 января и 26 февраля 1932 с парижским «Митрополличьим хором» под управлением Николая Петровича Афонского (1894–1971) его «Верую», а 1 марта 1932 – «Сугубую ектению», которую исполнял позже в концертных залах Парижа и Берлина в 1933 и 1937. «Сугубая ектения» была исполнена знаменитым хором Н.П.Афонского и хором Русской оперы под управлением Дмитрия Ивановича Аристова во время отпевания Ф.И.Шляпина в русской церкви на улице Дарю в Париже.

³⁷ Кюи Цезарь Антонович (1835–1918) – композитор, музыкальный критик. А.Т.Гречанинов знал Кюи, встречался с ним в концертах. В 1896, по просьбе начинающего композитора, Кюи принял Гречанинова у себя дома, прослушал его девять романсов и удостоил их похвалы.

³⁸ Об отношении Кюи к Чайковскому см.: *Кюи Ц.А. Избранные письма*. Л.: Гос. музыкальное изд-во, 1955.

³⁹ Тосканини Артуро (Toscanini; 1867–1957) – итальянский дирижер. В 1898–1903, 1906–1908, 1921–1929 – главный дирижер «Ла Скала». В 1908–1915 – главный дирижер Оперного театра «Метрополитен-Опера». С 1926 работал с разными симфоническими оркестрами в США. В 1937–1953 – главный дирижер симфонического оркестра Национального радио США.

⁴⁰ Сафонов Василий Ильич (1852–1918) – пианист, педагог, дирижер. В 1889–1905 – дирижер симфонических концертов Московского отделения Русского музыкального общества. В 1906–1909 – главный дирижер Нью-Йоркского филармонического оркестра. Профессор (1885–1905) и директор (1889–1905) Московской консерватории. Во время учебы в Московской консерватории Гречанинов занимался под руководством Сафонова, который отметил одаренного ученика.

⁴¹ О Прокофьеве см. в главе «На концерте С.С.Прокофьева в Нью-Йорке» и примеч. 1 к ней.

⁴² Эту историю Гречанинов рассказал впоследствии в своих воспоминаниях:

К осени 1901 года у меня был закончен «Добрыня», и я решил показать его нашему кружку, о чем и заявил во всеуслышание за обедом <в московском ресторане «Эрмитаж». – *Публ.*> в ноябре. Предложил день и час, на котором все сошлись, и дал адрес. По окончании обеда, прощаясь, я еще раз всем напомнил о предстоящем audition <прослушивании (*англ.*)> моей оперы. Когда я прощался с Танеевым и напомнил также ему, он мне вдруг говорит: «Постойте, это понедельник? А меня на этот вечер приглашал сейчас к себе NN <Рахманинов. – *Публ.*>. Это какое-то недоразумение. Надо от него отказаться». Было так печально убедиться, что в нашей товарищеской семье оказался человек, который не только сам решил не идти ко мне, но старался и других отвлечь. И это был один из выдающихся членов нашего кружка»

(*Гречанинов А.Т. Моя музыкальная жизнь*. С.70).

⁴³ *Гречанинов А.Т. Моя жизнь*. Нью-Йорк: «Новый журнал», 1951.

⁴⁴ Ошибка мемуаристики. А.Т.Гречанинов умер 4 января 1956. 1 июня 1958 урна с прахом композитора захоронена на Свято-Владимирском кладбище Русского объединенного общества взаимопомощи в городе Кессвилл (США).

В ГОСТЯХ У ГРЕЧАНИНОВА

Хотя после смерти своей жены, Марии Григорьевны, Александр Тихонович Гречанинов жил очень одиноко, как бы всеми покинутый, но каждый год 25 октября его квартира наполнялась гостями, приходившими поздравить Александра Тихоновича со днем его рождения.

В такие дни у Гречанинова происходили концерты известных музыкантов и певцов. А иногда и малоизвестные начинающие композиторы устраивали у него экспромтные концерты из своих сочинений, а потом сами писали в газетах, что их сочинения очень понравились гостям Александра Тихоновича, выдающимся представителям музыкального мира, и самому Гречанинову; хотя престарелый композитор последние годы своей жизни совсем и не слушал их, потому что во время таких концертов он от усталости и слабости здоровья уходил от своих гостей за широкие стеклянные двери, отделяющие от зала маленькую темную спальную, и там, укрывшись с головой жестким одеялом, засыпал на узенькой койке весьма аскетического вида. Та роскошь, которая окружала Рахманинова¹ и других знаменитых музыкантов, – у Гречанинова совершенно отсутствовала. Мебель была потерта и продавлена, скатерти в заплатках, но квартира содержалась в образцовой чистоте, наводимой прислуживающей ему дамой из эмиграции, которая вела его несложное хозяйство. Александр Тихонович любил порядок во всем и сам был очень аккуратен как в одежде, так и в вещах и в делах, – всему было свое место и свое время. На черном блестящем рояле неизменно возвышалась узорная серебряная рамка с портретом Марии Григорьевны, из которой прямо в лицо каждому смотрели ее умные черные глаза, с выражением затаенной скорби.

– Скоро мне исполнится сто лет, – сказал своим гостям в 1953 году Александр Тихонович, – через одиннадцать лет...

– Ну, это еще не так скоро! – возразил ему скульптор Глеб Дерюжинский², недавно вылепивший замечательный бюст Гречанинова. Этот бронзовый бюст композитора всегда стоял в углу зала, на книжной этажерке. – Пожалуй, не доживем мы с вами до этого юбилея...

Он оказался прав – Гречанинов прожил еще только три года.

В этот день его рождения у него с утра хозяйничал его старый знакомый, приехавший из Парижа, бывший парижский импресарио Шаляпина, Михаил Эммануилович Кашук³. Он добровольно принял на себя заботу о кипячении чайников и угощении гостей чаем, вином, закусками и сладостями, предоставляя Гречанинова всецело его гостям.

Во время вечернего концерта из-за стеклянных дверей, куда ушел спать Александр Тихонович, вдруг неожиданно послышался его голос:

– Куда делись мои ботинки?

Кашук поспешил ему на помощь, и через несколько минут двери приоткрылись и Гречанинов вышел к своим гостям.

Виолончелист, исполнявший свое произведение, и его жена пианистка, аккомпанировавшая ему, смущенно прервали игру, с недо-

умением глядя на появившуюся маленькую фигуру старичка, чем-то напоминающего нахохлившегося петушка.

– Вот, маэстро, это для скрипки, но, пожалуйста, проиграйте им, пусть послушают, как сочиняют мои ученики! Это сочинение моего бывшего ученика Зандерлинга⁴.

И, обращаясь к своим гостям, он добавил:

– Хотя обычно у дирижеров голоса плохие, но Михаил Михайлович является исключением из этого правила. Я люблю слушать, когда он поет.

После того, как Фивейский проиграл эту вещь, напевая за скрипку, раздались дружные аплодисменты, доставившие явное удовольствие Александру Тихоновичу. Он взял ноты и, присев к маленькому письменному столику, стал писать что-то, а потом обратился к Михаилу Михайловичу с просьбой просмотреть эти ноты и написать Зандерлингу письмо в Советский Союз.

Не уверена, правильно ли я пишу фамилию этого музыканта, так как я видела только ту страницу, которую показал мне Александр Тихонович, прося прочитать вслух написанное им. Отзыв Гречанинова был доброжелательный.

После этого известная певица спела романсы Гречанинова: «Острою секирой», «Слезы людские»⁵, «На нивы желтые» и стала говорить ему, что это ее самые любимые вещи, но Александр Тихонович возразил:

– А я вот как раз и не люблю теперь эти песни!.. Хотя они самые ходовые... Слезы, да слезы... Хотя по годам я и стар, но чувствую себя молодым и современным... Я люблю вот эти мои песни...

Он достал из книжного шкафа тетрадь с четырьмя романсами, изданными Гутхейлем⁶, и, сев к роялю, стал играть и пытался петь, широко и беззвучно раскрывая рот:

– Нет, совсем не могу петь теперь!.. И грудь стала болеть, – пожаловался он, поднимаясь с рояльной скамьи, и укоризненно проворчал: – Вот все вы, певцы и певицы, всегда поете одни и те же мои романсы и песни... И совсем не интересуетесь другими, которые лежат на полках, никому не известные... Нет, вы пойте теперь вот эти самые любимые мои песни, которые совсем никто не поет и не знает!.. Этих песен теперь нигде не достанешь!.. А слова-то какие красивые!.. Я всегда был очень разборчив в стихах для своих песен. Не то что Петр Ильич, который не всегда брал хорошие стихи, достойные его гениальной музыки... А я считаю, что слова так же важны, как и музыка... А послушайте, слова-то какие в этих песнях!..

И он стал читать вслух слова своего романа о девушке, вышедшей на работу в поле ранним утром и соперничающей своей красотой с солнцем. Запомнилась мне одна задорная строчка этого стихотворения: «Солнце вышло – и я вышла»⁷.

На мой вопрос об его теперешних музыкальных замыслах, Александр Тихонович ответил так:

– Ничего не сочиняю больше... Может быть, потому, что не могу петь теперь... А ведь раньше я всегда пел, когда сочинял... Сочинял и пел... Да и не издадут меня теперь...

– Ну хотя бы для самого себя, для души.

– Молчит душа моя... И даже песен не просит... Какое может быть вдохновение в плену этих сухих, деловых, меркантильных небоскребов!

Александр Тихонович указал рукой на окна, за которыми сверкали и мигали огни реклам и грохотал неумолчный Нью-Йорк.

– Нет, – вздохнул он, – соловьи могут петь только в своих родных, любимых рощах...

После того, как по просьбе гостей была проиграна грампластинка с «Литургией» Гречанинова, напетая в Париже Шаляпиным с хором Афонского⁸, Александр Тихонович промолвил:

– Соизволил все-таки Федор Иванович исполнить мою вещь! А то ведь много лет избегал петь мои сочинения, после того как в Москве на репетиции в Большом театре я сделал ему замечание, что он плохо выучил партию Добрыни... Ах, да! – вдруг как бы спохватился Александр Тихонович. – Показывал ли я вам афишу, которую прислали мне из Москвы?

...Ставят там мою оперу «Добрыня Никитич»... Не забыла родина своего композитора... Вот какая у меня радость!

– Да, но ставят-то они вашу оперу под балалаечный оркестр, – ревниво вставил свое замечание Кашук. – А вот я думаю поставить «Добрыню Никитича» здесь, в Нью-Йорке, с большим симфоническим оркестром! Уже веду переговоры с театрами и музыкантами. Вот надо бы еще раздобыть где-нибудь средства на это. Много денег требует такая постановка. Но раздобуду!

– Зачем предаваться несбыточным мечтам?.. – возразил ему на это Александр Тихонович, стоя у окна и глядя на голубей, теснившихся на подоконнике. – Я свое слово сказал... Свою песенку спел...

– И мир ее услышал, – сказала я. – И не забудет. Вы будете жить в сердцах людей долго, долго... Ваша миссия выполнена.

Гречанинов задумался, глядя в вечернее небо, как бы вопрошая далекие звезды:

– Но исполнится ли моя главная мечта, заветная мечта моя умереть на родине?..

¹ Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943) – композитор, дирижер, пианист. С 1882 учился в Петербургской консерватории, в 1885 был переведен в Московскую консерваторию, которую окончил в 1892 с Большой зо-

лотой медалью. В 1897–1898 – дирижер Московской частной оперы С.Мамонтова, где встретился и подружился с Ф.И.Шаляпиным. В 1904–1906 – дирижер Большого театра, в 1909–1912 – инспектор русской музыки при Главной дирекции Русского музыкального общества. В конце 1917 уехал в Швецию на гастроли. Из этой поездки на родину он не вернулся. С 1918 жил в США. В 1918–1926 выступал с концертами как пианист. В 1926 вернулся к творческой работе, написав ряд больших произведений разных жанров.

² Дерюжинский Глеб Владимирович (1888–1975) – скульптор. В 1906–1912 учился на юридическом факультете Петербургского университета. В 1913–1918 – студент Академии художеств в С.-Петербурге. В 1918 уехал в США, где создал много скульптурных портретов: А.Т.Гречанинова, М.В.Добужинского, С.В.Рахманинова, Н.К.Рериха, Р.Тагора, Ф.Рузвельта. Из-за отсутствия заказов во время Второй мировой войны работал чертежником на заводе И.И.Сикорского. После войны вернулся к скульптуре. Его работы представлены в музеях: Метрополитен (Нью-Йорк), Национальная портретная галерея (Вашингтон), Музей современного искусства (Нью-Йорк) и др. Г.В.Дерюжинский – член Национальной академии искусств, Национального общества скульптуры, Лиги архитекторов и др. Был близким другом А.Т.Гречанинова. Дочь скульптора – крестница композитора и его ученица, которой он давал уроки по теории музыки. Г.В.Дерюжинский был автором не только бюста, но и медальона на памятнике Гречанинова.

³ Кашук Михаил Эммануилович (1877–1952) – импресарио. Учился в драматической школе в Киеве. В 1904 переехал в Москву. В 1918 организовал в Москве по предложению директора Большого театра летний оперный сезон и был его руководителем. В его труппу вошли Ф.И.Шаляпин, Л.В.Собинов, А.В.Нежданова, Д.А.Смирнов. М.Э.Кашук был администратором Большого театра, владельцем театральной кассы, продававшей билеты во все театры и на концерты. В 1924 уехал за границу. С конца 1920-х и по 1938 – импресарио Ф.И.Шаляпина, один из организаторов похорон великого певца. Осенью 1941 переехал в США и обосновался в Нью-Йорке, где открыл театральное агентство по организации концертов и гастролей артистов.

⁴ Зандерлинг Курт (Sanderling; р.1912) – немецкий дирижер. С 1931 работал коррепетитором в Городской опере Берлина. В 1936 уехал в СССР, где в 1937–1941 был дирижером оркестра Всесоюзного радио, затем оркестра Ленинградской филармонии (1941–1960). В 1960 уехал в ГДР, руководил Городским симфоническим оркестром Берлина (1960–1977).

⁵ Романс «Слезы» на стихи Ф.И.Тютчева (Оп.7. №2) из цикла «4 романса для голоса и ф-но» был написан в 1894. Издан М.П.Беляевым в 1895 в Лейпциге.

⁶ Речь идет о Карле Александровиче Гутхейле (1851 – после 1914) – главе музыкально-издательской фирмы в Москве (1882–1914).

⁷ Название этого романса установить не удалось.

⁸ См. примеч. 35 к главе «Воспоминания об А.Т.Гречанинове».

⁹ Сведениями о постановке М.Э.Кашуком в Нью-Йорке оперы Гречанинова «Добрыня Никитич» мы не располагаем.

ДЕНЬ С ГРЕЧАНИНОВЫМ

В один из жарких дней в Нью-Йорке, проходя по Центральному парку, я застала Александра Тихоновича Гречанинова за его любимым занятием – кормлением голубей.

Он жил недалеко от этого парка, на 75-й улице, и каждое утро приходил сюда кормить своих любимцев. Томясь одиночеством после смерти Марии Григорьевны (его второй брак), он находил утешение в обществе голубей.

Александр Тихонович сидел на скамье в уединенной аллее, окруженный своими крылатыми друзьями, которые клевали из его рук хлебные крошки и садились ему на колени, на плечи и даже старались усесться на голове.

– Лидия Яковлевна! – позвал меня Гречанинов. – Посидите со мной. Посмотрите, как они меня совсем не боятся.

Голуби уже хорошо знали этого доброго, худенького старичка и слетались к нему стаями.

– Я люблю их, как родных детей, – говорил он. – Кормить их для меня большое развлечение.

– Александр Тихонович, – сказала я, когда мне надоело смотреть на ненасытных птиц, которые, энергично махая крыльями, как веерами, напористо и жадно выхватывали хлебные крошки через спины своих сотоварищей. – Пойдемте кофе пить на веранде. Мы там всегда завтракаем с мужем.

Гречанинов принял мое предложение, и мы пошли на веранду.

Как всегда в жаркие дни, веранда была полна разнообразной публикой, сидевшей за отдельными круглыми столиками, над которыми пестрели широкие разноцветные зонты. Было тесно и шумно. Мы с трудом нашли свободный столик у барьера, обсаженного цветами. Около веранды сверкали, высоко взлетая, струи фонтана, бившие во все стороны причудливыми узорами, а в бассейне плавали и кувыркались тюлени, иногда выползая из воды, чтобы подремать на широких каменных плитах. Рядом с бассейном из огромных клеток для птиц неслись крики ярко-цветных попугаев, смешиваясь с криками обезьян и рычанием львов и тигров, клетки которых находились немного подале, но их специфический звериный запах доносился и до веранды.

Чуть сгорбившись, Гречанинов держал в руках блюдечко и, дую на него, осторожными глотками пил горячий кофе и рассказывал смешную историю, как на днях, возвращаясь из парка, он попал в чужую квартиру, приняв ее за свою.

– Хозяева, совершенно незнакомые мне люди, видимо, узнали меня и так ласково обошлись со мной, что я остался чай пить с ними... А потом они ласково проводили меня до дому, отлично зная,

где я живу. И даже поднялись на мой 5-й этаж и ждали, пока мне отворят двери... Милейшие люди! – рассказывал Александр Тихонович, попивая с блюдечка кофе. – Жаль, что я не помню, где они живут, а то бы непременно навестил их опять...

К нашему столу подошла незнакомая пожилая американка и, заботливо склонившись над Гречаниновым, уговаривала его снять свой пиджак. – Скажите вашему папе, чтобы он снял с себя пиджак, – обратилась она ко мне. – Ведь ему жарко. Пусть не стесняется, у нас в Америке все просто...

– Чего ей надо? – недовольно спросил меня Александр Тихонович, ни слова не понимавший по-английски. – Что она пристала к нам?

Узнав, о чем просила американка, Гречанинов возразил:

– Как бы мне ни было жарко, но снимать пиджак при дамах считаю неприличным, так ей и передайте!

Он пробовал сказать ей это по-французски, отлично владея французским языком, но она, не понимая его, только качала головой с добродушной укоризной упрямому старичку.

– В доме должен быть тон... – строго сказал Гречанинов, когда американка отошла от нас. – Не люблю распушенности... А кроме того, я вообще стесняюсь... Я всегда был застенчив; не то что Лядов, Анатолий Константинович, который никого и никогда не стеснялся... За обедом расстегивал пуговицы на жилете... Не любил он меня... Кюи меня любил¹, но не мог я простить ему его отношения к Петру Ильичу². Возмутительное отношение!..

– А вы любили Чайковского? – спросила я.

– О, обожал – горячо воскликнул Гречанинов. – Петр Ильич был такой деликатный, скромный, простой, как будто совсем не сознавал своей гениальности. Я обожал его и как человека и как композитора. Помню, когда он впервые пожал мою руку, я был так горд и счастлив, что не знал, как сохранить следы его прикосновения и целую неделю не мыл свою руку.

В этот особенно жаркий и душный день Михаил Михайлович Фивейский пригласил Александра Тихоновича прокатиться с нами по парку.

Последние годы Гречанинов не уезжал на дачу, изнемогая от жары и духоты в плену раскаленных железобетонных небоскребов, не остывающих даже ночью. Центральный парк являлся единственным спасением для нью-йоркцев, не имеющих возможности уехать на дачи.

Около Центрального парка, на его юго-восточном углу, всегда стояли старые, доживающие свой век лошадки, запряженные в старомодные коляски и кареты, с такими же старомодными седыми кучерами в потертых атласных цилиндрах. Они катали седоков по пар-

ку за 4 доллара, делая всегда один и тот же круг по одним и тем же аллеям, из года в год, и лошадки так привыкли к этому однообразию, что заставить их идти в другом направлении было совершенно невозможно – они сами прямо поворачивали в свою привычную сторону.

В тот день нам досталась особенно старая карета с таким же древним кучером и еще более дряхлой лошадкой, медленно семенившей усталыми ногами по привычным аллеям Центрального парка, начинающегося от 59-й улицы с юга и простирающегося на север до 110-й улицы, и местами похожого на лес.

– Люблю природу! – говорил Александр Тихонович, глядя из окна кареты на холмы и озера парка, мимо которых мы проезжали, и порой (особенно в последний год своей жизни), впадая в старческую забывчивость, принимал их за знакомые родные места.

– Вон за тем озером, – говорил он, – была моя дача. По утрам мы с женой пили там кофе на террасе... Около террасы цвела сирень... В каком году это было?... Не помню... Но не так давно! Интересно, кто теперь живет там? Вы не знаете?

– Не знаю, – отвечаю я, не решаясь рассеивать его мечтания.

Когда Гречанинов рассказывал Фивейскому что-то о Глиере³, я вмешалась в их беседу и спросила:

– Александр Тихонович, почему вы поссорились с Глиером?

Гречанинов вдруг сразу насупился и проворчал:

– Такие вопросы нельзя задавать!⁴

И не успела я сказать слова в свое оправданье, как вижу – наша лошадка падает!.. Это был ее последний рейс по старому парку. Кучер слез с высоких козел и, сняв порыжелый цилиндр, обнажил лысину, окаймленную реденькой бахромой седины. Он молча стоял, поникнув головой, и грустно глядел на своего павшего верного друга и кормильца...

Мы с мужем помогли Гречанинову с трудом вылезти из кареты и, взяв его под руки, пошли пешком по давно знакомым аллеям.

– А я еще хоть куда! О-го-го! – воскликнул Александр Тихонович, стараясь бодро шагать в ногу с нами, и командуя: – Шагом марш! Левой, правой! Раз, два! Раз, два!..

¹ См. примеч. 37 к главе «Воспоминания об А.Т.Гречанинове».

² См. примеч. 38 к главе «Воспоминания об А.Т.Гречанинове».

³ Глиэр Рейнгольд Морицевич (1875–1956) – композитор, дирижер, педагог, музыкальный деятель. В 1900–1907 и 1909–1913 преподавал в Музыкальном училище сестер Гнесиных. С 1913 по 1920 – профессор Киевской консерватории (с 1914 также и директор). В 1920–1941 – профессор Московской консерватории. В 1924–1930 – председатель Всероссийского обще-

ства драматургов и композиторов. В 1938 – председатель Московского Союза композиторов, а в 1939–1948 – Оргкомитета Союза композиторов СССР. Автор первого советского балета «Красный мак» (1927).

⁴ А.Т.Гречанинов и Р.М.Глиэр познакомились в начале 1900-х, когда работали в Музыкальном училище сестер Гнесиных. Расставаясь, поддерживали отношения дружеской перепиской. Одиннадцать лет спустя после отъезда на Запад Гречанинов решил восстановить отношения с бывшим товарищем и коллегой. В письмах Глиэру Гречанинов рассказывал о своей работе, предлагал новые музыкальные произведения для исполнения и издания в Советском Союзе. Сочинив героическую поэму «К победе!», композитор писал Глиэру 5 марта 1943: «Хочется мне <...>, чтобы и на родине моей знали, что я остаюсь ее верным сыном и готов служить тем оружием, кот<орое> мне (особенно в мои годы) по руке» (РГАЛИ. Ф.2085. Оп.1. Ед.хр.625. Л.360б). 25 октября 1944 в Москве в Большом зале Московской консерватории состоялся вечер, посвященный 80-летию А.Т.Гречанинова. Были исполнены 4-я симфония и отрывки из оперы «Добрыня Никитич». «Не нахожу слов, – писал он Глиэру 28 января 1945, – чтобы выразить, как я был счастлив ото всего, что было сделано по случаю 80-летия моего в Москве. Конечно, этим я много обязан Вам, мой милый, старый друг» (РГАЛИ. Ф.2085. Оп.1. Ед.хр.625. Л.46). Однако Глиэр, занятый большой общественной и творческой работой, весьма неаккуратно отвечал на письма Гречанинова. «Мне очень грустно, что между нами прекратились почти всякие общения», – упрекал его композитор в письме от 22 января 1939 (Там же. Л.33). «Сто лет прошло с тех пор, как я получил Ваше последнее письмо, письмо-соболезнование после смерти Марии Григорьевны <26 января 1947>. Что это значит? Как будто черная кошка пробежала между нами. Какие могли быть причины тому, что наша переписка вдруг прекратилась?» – спрашивал он Глиэра в письме 4 декабря 1948 (Там же. Л.71). Свои симфонические произведения, включая 4-ю симфонию, Гречанинов посылал в Москву в Филармонию, в «Музгиз», надеясь, что они будут исполнены, опубликованы. Теряя надежду, с тайным упреком Гречанинов писал Глиэру в своем последнем к нему письме 16 января 1951:

Пишу Вам сейчас о своей 4-ой симфонии, кот<орая> исполнялась в Москве, м<ожет> б<ыть>, Вы помните, в день моего 80-ти летия в 1944 г. Она имела очень хороший успех и была принята Музгизом для напечатания. Велась переписка об условиях, условия, конечно, были мною приняты, и в 1945 году симфония должна была выйти в свет. В <19>45 г. она не вышла. Не вышла она и в следующем году и не вышла до сих пор. Мне писали, что из провинции были требования для исполнения ее, но они почему<-то> не были удовлетворены.

Вероятно, дорогой Рейнгольд Морисович, Вы об этом ничего не знаете, ибо не могу себе представить, как если бы Вы знали, что Музгиз может так относиться к старому заслуженному композитору, пользующемуся всемирной известностью. Если бы Вы об этом знали и вместе с другими не возмутились, – не может этого быть. Когда я умру, а этого ждать не долго, симфония будет, вероятно, разыскана, и напечатана, и исполнена, как это делается всегда даже со слабыми

произведениями умерших композиторов, но... но не лучше ли это сделать при жизни их и им на радость?..

Мне совестно, что я Вас беспокою собственной особой, но вспомним наши юношеские времена: я не хочу думать, чтобы Вы могли холодно отнестись к моему письму.

Годков нам с Вами не мало, жить осталось не долго, так проживем остаток дней в мире и любви. Хорошо?

Обнимаю Вас и остаюсь всегда дружески Ваш

А. Гречанинов
(РГАЛИ. Ф.2085. Оп.1. Ед.хр.625. Л.76-76об).

Ссоры между Гречаниновым и Глиэром не было. Однако неаккуратность в переписке, невнимание к просьбам оставили в душе композитора глубокую рану.

О МОРДКИНЕ¹

Фокин, Павлова, Мордкин... Вот три кита, на которых достиг своего зенита расцвет русского классического балета. В лучах этого расцвета ярко засияли звезды и звездочки хореографического искусства, перечислить которые заняло бы слишком много страниц.

Одержимый неукротимой энергией, Михаил Михайлович Мордкин, как и Михаил Михайлович Фокин, горел творческими исканиями. Но энергия Фокина была более одухотворенной, а Мордкина более физической. Мордкин постоянно был в движении, в возбужденно-приподнятом настроении. Если он не был занят репетициями в театре или уроками в своей балетной студии, то возился в театральной бутафории, что-то починял, мастерил, клеил. Он сам шил и штопал туфли и разные балетные принадлежности и одеяния и при этом не умолкая острил и шутил. На репетициях он смешил всех, как говорится, «до упаду». Иногда даже просто клоуничал, – полная противоположность Фокину, всегда серьезному и вдумчивому. Однажды Мордкин внезапно прервал репетицию и, хромя, поплелся к скамье, охая и морщась, как от физической боли. Окружающие с испугом и участием молча смотрели, как он сел на скамью, снял башмаки, которые были ему страшно тесны и натерли ноги, и, разглядывая по очереди подошвы, бормотал с комическими гримасами:

– Тут восемь (размер обуви в Америке), а тут половина восьмого! Один башмак на полчаса отстает от другого! Вот почему я хромяю!

Мордкин одинаково равнодушно занимался с талантливыми и бездарными учениками, не делая между ними различия: в противоположность Фокину, который любил заниматься только с законченными артистами балета, отшлифовывая их художественно; с начинающими занималась его жена, Вера Петровна². Мордкин совершенно не заботился о развитии художественного вкуса своих учени-

ков и учениц и не старался развивать их грацию и технику. Он как будто даже противился этому, всегда кривляясь и клоуничая на уроках и репетициях, нарочно принимая самые угловатые и смешные позы, искажая и шаржируя балетные «па». Но зато на спектаклях он совершенно преображался, восхищая зрителей скульптурностью поз и пластичностью движений. Он был прекрасный танцовщик, но посредственный балетмейстер и плохой педагог. Тут Фокин значительно превосходил его. Фокин был болезненно-требовательным к балетным артистам, страдая от их недостатков и тяжело переживая, иногда до настоящей истерики, их неспособность воплотить его художественный замысел. Но всякое проявление талантности вызывало у него невольное восхищение. (И неудовольствие его жены.) Вера Петровна очень дорожила первенством в балетах Фокина и берегла его, вернее – ревниво оберегала свое первенство. Мордкин же требовал от всех участников его балетов только памяти, т. е. чтобы помнили порядок «па» и групп и не путали рисунок его постановки. Талантливость исполнения его не интересовала и даже как будто раздражала. Главное для него было не художественность исполнения, а шум успеха. Для этого он требовал от участвующих только побольше энергии, огня и темперамента. На мой вопрос, почему он «затирает» одну из лучших танцовщиц его балета, он ответил так:

– Она лезет в Павловы! А вторых Мордкина и Павловой не может быть!

– Нет, может быть!

– Но не должно быть! – возразил Мордкин. – Мир должен запомнить только два имени: Мордкина и Павловой, которым не может быть сменя! Мы – двое!

– А Фокин? – спросила я.

Мордкин не ответил. Он резко вскочил и, хлопая в ладони, крикнул:

– Мамзели и мадамы! Жентельмены! По местам! Начинаем! – а потом бросил мимоходом: – Ах, Лидия: все в мире условно! Трудно добиться вершины славы, но еще труднее удержаться на ней!

Помню, перед спектаклем оперы «Хованщина»³ – впервые представленной в Америке М.М.Фивейским – Мордкин жаловался ему, сидя в нашей студии:

– У меня не балерины, а тигры настоящие! Того и гляди голову мне отгрызут.

Накануне, на репетиции «Хованщины», у меня произошло столкновение с Кирой Нижинской⁴, которая, желая сделать какое-то необыкновенное гранджете, потребовала, чтобы ей освободили всю сцену. Низкорослая и полная, она не унаследовала таланта своего знаменитого отца, славившегося высокими прыжками, но не сознавала этого и была строптива (теперь она оставила балет и дает уроки

русского языка американцам). Мордкин испугался, что одна из нас подведет его и покинет репетицию накануне спектакля. Поэтому он пришел жаловаться на нас дирижеру (моему мужу). Все окончилось благополучно – Кире пришлось потесниться. Спектакль прошел блестяще. Балету шумно аплодировали, настойчиво требуя повторения. Фивейский не любил «бисов», считая, что они нарушают цельность восприятия оперы. Но публика настояла на своем. Балет бисировал. Мордкин, схватив мою руку и высоко подняв ее, несколько раз выводил меня на авансцену кланяться публике и дирижеру. За кулисами я сказала запыхавшемуся балетмейстеру, с лица которого текли ручьи пота, размазывая грим:

– Ого, как вы устали!

– Нисколько! – едва переводя дух, возразил он и, положив на мои плечи мокрые и горячие ладони, торжественно изрек свою излюбленную фразу: – Лидия! Гении не стареют!

Первые годы своего пребывания в Америке, после отъезда Павловой, Мордкин имел роскошную балетную студию в Нью-Йорке, устроенную для него Морисом Гестом⁵, его импресарио. Тут сверкали зеркала, бронза, хрустальные люстры и прочее великолепие, – почти как у Фокина. Но Фокин до последних дней своей жизни держался все на той же высоте своего великолепия и балетной славы. Иная судьба досталась Мордкину. Ему приходилось довольно часто менять свои студии, каждый раз на более скромные. Последний раз он снимал студию на 8-м этаже Карнеги Холл. Я отдала ему свою ученицу Анну Чеселку⁶, и она была лучшей в его студии. (Вскоре она была прима-балериной в лондонском Ковент Гарден⁷ театре).

Полный бурной энергии и почти юношеской бодрости – он внезапно умер, отдыхая летом на своей даче. Отдых оказался для него неприемлемым.

¹ Мордкин Михаил Михайлович (1880–1944) – танцовщик, балетмейстер, педагог. Выпускник Московского академического хореографического училища. В 1900–1910 и 1912–1918 танцевал на сцене Большого театра. В 1909 принял участие в первом из «Русских сезонов» С.П.Дягилева. В 1910–1911 с Анной Павловой и с собственной труппой гастролировал по США и Великобритании. После ухода из Большого театра танцевал на сценах многих театров страны. В 1923 уехал за границу. С 1924 жил в США. Организовал в Нью-Йорке балетную школу, где и преподавал. В 1927 создал труппу «Mordkin Ballet», которая впоследствии была распущена, однако в 1937 под тем же названием была создана новая труппа, с которой М.М.Мордкин вновь стал выступать на сцене. Осенью 1939 его танцовщица, американская балерина Люсия Чейз (Chase; 1907–1986), финансировавшая «Mordkin Ballet», и ее соотечественник, коммерческий директор Ричард Плезант (Pleasant; 1909–1961), переименовали труппу в «Ballet Theatre» (с 1957 – «American Ballet Theatre»). Первое представление «Ballet Theatre» состоя-

лось в Нью-Йорке 11 января 1940. Мордкин в труппу Люсии Чейз и Ричарда Плезанта не вошел и с 1939 занялся педагогической деятельностью.

² Фокина Вера Петровна (урожд. Антонова; 1886–1958) – артистка и педагог. Окончила Петербургское театральное училище, затем работала в Мариинском театре (1904–1918). С 1905 – жена М.М.Фокина, исполняла партии в его балетах. В 1909–1912 и в 1914 участвовала в «Русских сезонах» и спектаклях Русского балета С.П.Дягилева. Вместе с мужем в 1918 уехала на гастроли в Стокгольм. С 1919 жила в США. С 1921 преподавала в балетной школе Фокиных в Нью-Йорке.

³ Опера М.П.Мусоргского «Хованщина» впервые в США была поставлена 7 марта 1937 в Нью-Йорке.

⁴ Нижинская Кира Вацлавовна (род. 1913) – танцовщица и хореограф. Старшая дочь Вацлава Фомича Нижинского (1889, по др. данным 1890–1950). В 1936 вышла замуж за французского дирижера и композитора Игоря Борисовича Маркевича (1912–1983). После развода с мужем уехала в США.

⁵ Гест Морис (Guest; 1881–1942) – американский импресарио.

⁶ Чеселка Анна (Cheselka; род. 1929) – танцовщица английской труппы «Festival Ballet» (Лондон, 1950–1951).

⁷ Ковент-Гарден (Covent Garden) – театр в Лондоне. Основан в 1732. С 1847 – оперный, с 1890-х – Королевский оперный театр Ковент-Гарден, с 1940-х – государственный.

ОБ И.И.ОСТРОМЫСЛЕНСКОМ¹

В начале тридцатых годов в жизни русской колонии Нью-Йорка большую роль играли «пятницы», устраиваемые профессором Иваном Ивановичем Остромысленским в его роскошной квартире на берегу Гудзона, на Риверсайд Драйв. Риверсайд Драйв – самое живописное место Нью-Йорка, где у подножия небоскребов зеленеют скверы и бульвары, спускающиеся к мутным волнам Гудзона, запруженного множеством разнообразных яхт, кораблей и броненосцев...

Известный ученый химик, Остромысленский был необычайно жизнедеятельным, интересующимся не только наукой и своей специальностью, но и литературой, и музыкой, и всеми отраслями искусства. Это был стремительный и неутомимый в своих исканиях человек, давший много нового науке о химии. Жена его, Ольга Аристарховна, была полной противоположностью ему, – флегматичная, чопорная, с головой погруженная в свои домашние, семейные интересы и заботы. У них была прелестная дочь и сын-неврастеник, который никогда не показывался из своих комнат.

Каждую пятницу у Остромысленских собирались представители всех родов искусства, науки, литературы. За большим столом в просторной столовой и в двух огромных залах, выходящих окнами на

живописный Риверсайд Драйв, – гости засиживались до рассвета. Это совмещалось у Ивана Ивановича с кипучей деятельностью в его собственной лаборатории, где несколько его научных открытий в области химии, патенты на которые у него купила Америка, – принесли ему славу и богатство. Но головокружительная карьера Остромысленского в Америке продолжалась недолго – он сгорел, как ракета, в огне своих беспокойных, непрерывных исканий, увлечений, страстей и безумств.

Среднего роста, сухощавый, с пышной шевелюрой русых волос, с пронизательными, живыми глазами и с неисчерпаемым источником мыслей, идей, откровений, фантазий, – он единственный в русской колонии Нью-Йорка сумел как-то оживить ее, поднять над повседневщиной из мелких ссор и междоусобиц и объединил всех вокруг себя на почве высших духовных интересов человеческого интеллекта, причем избегал всякого прикосновения к каким бы то ни было политическим проблемам, считая их разъединяющим ядом. Себя он причислял к «левым» по своим убеждениям, которых никогда не высказывал.

– Пусть каждый молится своим богам, – как-то остановил он начавшийся в его гостиной политический спор. – Во всех партиях хороши только порядочные люди.

С друзьями и во время занятий в своей химической лаборатории он пил так много, как будто нарочно старался отравить себя алкоголем.

– Не бойтесь, – говорил он своим друзьям, упрекавшим его в пристрастии к вину, – я пью не потому, что я алкоголик, но потому, что спирт помогает мне предохранить себя от опасностей при моих химических опытах.

И действительно – сколько бы ни пил Иван Иванович, его мысль всегда была ясна, остра и тверда, а голова работала бесперебойно. Но хрупкий организм его оказался значительно слабее головы – он умер вскоре почти что в нищете, быстро забытый теми, кто так бесцеремонно пользовался его добротой и щедростью и опустошал его кошелек непрерывными просьбами – «одолжить до завтра хотя бы пару сотен долларов». Остромысленский охотно и до сумасбродства щедро откликался на все просьбы. В этом невзрачном на вид человеке заключалась широкая, мятежная, вакхическая натура гения. Основной причины его скоростижной гибели я не знаю. Тут сплелась целая паутина разных причин – помимо его личных ошибок и бурных страстей, – его опутали какими-то интригами и конкурирующие с ним соперники по химии, и политические вредители.

Он процветал, пока работал совместно с американскими химическими организациями². Но по совету своего ближайшего окружения, покровительствуемого недалёковидной Ольгой Аристарховной, он

отделился в самостоятельную химическую лабораторию³ – и тут-то его подстерегла гибель. Помню, какие знаменитости присутствовали на торжественном открытии его лаборатории!!! Сколько громких фраз было произнесено!.. Сколько шампанского было выпито!..

На его «пятницах» бывали Шаляпин, Рахманинов, Зилоти⁴... Его столы ломились от всевозможных вкусных яств, вин, лакомств, фруктов... Высокие стены его просторных зал оглашались самыми изысканными рассуждениями об искусстве... На его рояле играли самые знаменитые и талантливые музыканты...

Каким простым, радушным хозяином казался этот гениальный ученый среди своих знаменитых гостей, большей частью важных, чопорных, замкнутых, надутых, надменных, высокомерных...

Однажды, заметив, что я рассматриваю руку Рахманинова, он сказал мне:

– Что это вы ворожите Сергею Васильевичу как хиромантка? Смотрите, как бы вам не попало от Нины Павловны!

– При чем здесь Кошец⁵? – спросила я.

– Как раз сегодня утром она прислала Сергею Васильевичу корзину белых лилий.

– Как же отнесся Рахманинов к этим лилиям?

– Отправил их обратно без всяких объяснений.

В те годы среди русской эмиграции усиленно распространялись слухи об увлечении Рахманинова Ниной Кошец и что она является вдохновительницей многих его романсов. Это связывание его творчества с именем Кошец действовало на нервы Сергею Васильевичу.

– Неужели это правда, что Рахманинов увлекался Ниной Кошец? – спросила я Остромысленского.

– А как вы думаете?

– Музы-вдохновительницы рисуются мне иными... Нина Павловна уж очень земная.

– Певицы, да и вообще все женщины, особенно артистки, любят иногда приписывать себе незаслуженные лавры. С таким же успехом могла бы говорить о себе и Надежда Васильевна⁶, песни которой так любит Сергей Васильевич. В концерте Плевницкой в Нью-Йорке Рахманинов сам изъявил желание аккомпанировать ей...

Поглядев на каменно-бесстрастное лицо Рахманинова, с набухшими мешками под глазами, Остромысленский пошутил:

– Нет, Сергей Васильевич увлекается только музыкой и... слоеными пирожками! Кстати, они уже готовы и пора перейти в столовую!

Однажды, после одного из своих многолюдных ужинов, Остромысленский повел меня во вторую, менее многолюдную залу и, усав рядом с собой на белый атласный диван, сказал:

– Напишите поэму о Рахманинове! Вы встречались с ним в разные времена, видели и слышали его на сцене, за кулисами и в жизни.

Вот пользуйтесь случаем, который предоставляет вам сама жизнь, – рисуйте его с натуры!

– Но я не так много встречалась с Сергеем Васильевичем и почти никогда не разговаривала с ним... Я мало знаю его.

– Достаточно, чтобы рассказать о нем много интересного, – настаивал Остромысленский. – Я тоже постараюсь помочь вам своими наблюдениями и знанием его характера и привычек.

Иван Иванович начал подробно рассказывать мне о жизни и деятельности великого композитора, а потом вскочил с дивана и исчез в других комнатах. Сидевший в кресле около дивана знаменитый режиссер Санин⁷ зевнул и сказал:

– Получится прескучная поэма – сухой перечень его бесконечных концертов, описание упорного труда над техникой пианиста и узкого замкнутого круга семейных интересов... В этом вся история его прескучной жизни, которая...

Вошедший с двумя бокалами шампанского Остромысленский не дал ему закончить свою охлаждающую тираду.

– Вот выпьем за вашу будущую поэму о Рахманинове! – оживленно провозгласил Остромысленский, чокаясь со мной бокалами, и, стараясь зажечь мой интерес к этой теме и фантазию, он начал импровизировать сам:

– Начните с Кисловодска, хотя бы. Вы ведь там впервые встретили Сергея Васильевича? Очень хорошо! Вот молодой Рахманинов со своим расцветающим гением среди живописных садов и гор Кавказа, таких же гордых и величественных и недоступных, как он сам... И все это в стихах! Опишите сначала, как увертюру к опере, чудесную кавказскую природу!

– И кавказские глаза Нины Павловны? – смеясь, перебила я его.

Лицо Остромысленского омрачилось.

– Отнеситесь серьезнее к моей идее. Сергею Васильевичу понравилась ваша поэма о Пушкине⁸. Он охотно помог бы вам написать о нем. Дал бы вам все необходимые сведения.

– Поэма будет состоять только из одних цифр: такого-то числа состоялся концерт в таком-то городе, сбор такой-то... В таком-то году вышло столько-то романсов, опус такой-то... – флегматично подавал свои реплики Санин, почти засыпая в удобном кресле.

На одной из своих «пятниц» Иван Иванович Остромысленский был необычайно нервным, беспокойным и откровенно нелюбезным к одному из своих гостей, которого я видела у него впервые.

В ярко освещенной, просторной столовой, за большим продолговатым столом сидели за ужином Рахманинов, Зилоти, Фокин, Толстые⁹, Оболенские¹⁰, Чавчавадзе¹¹, Санины¹², Сорин¹³, Судейкин¹⁴, Шведов¹⁵ и множество других музыкантов и художников, в числе которых находился и этот новый гость в сером костюме с большими

синими клетками, с весьма развязными манерами и вызывающей физиономией, возбужденной жарким спором с Остромысленским.

Во время общего оживленного спора об искусстве вдруг раздался голос Остромысленского:

– Шут гороховый! Болван клетчатый!

Так закончился спор Остромысленского с его новым гостем. Это произошло уже в конце ужина, и поэтому все присутствующие встали вслед за поднявшимся из-за стола хозяином дома и удалились из столовой, где оставался только оскорбленный гость, одиноко прижавшийся к краю стола. Было удивительно, как из его большой, сильной, самоуверенной фигуры вдруг сразу получился такой сконфуженный жалкий комочек, и я, не согласная с резкой выходкой Ивана Ивановича, осталась тоже в столовой из сочувствия к обиженному человеку и не понимая причины всего происшедшего. Из залы доносились звуки рояля. Играли разные пианисты, из которых я сразу узнавала Михаила Михайловича <Фивейского> по его какой-то особенно певучей мягкой и выразительной манере. Запела итальянская певица.

– За что обидел вас Иван Иванович? – прервав длительное молчание, спросила я опального гостя.

– А, самодур! – с скрытой злобой бросил он. – Картины мои, видите ли, ему не нравятся! Разлагателем искусства изволил обозвать меня!

– И шутом и болваном! – посочувствовала я ему. – Нехорошо.

– Мои картины созданы для избранных! Для людей высшего порядка! А не для таких мещан-обывателей, как он!

– Не обращайте внимания на выходку Ивана Ивановича, – успокоительно посоветовала я. – Иван Иванович эксцентричный и несдержанный человек, но он очень добрый и, наверное, теперь сам раскаивается в своей бестактности! Вот увидите, через минуту он придет сюда, чтобы извиниться перед вами! Вы художник?

– Я – Борис Григорьев!¹⁶ – с достоинством произнес он, опять став большим и широкоплечим. – Вы, надеюсь, слышали это имя?

– О, конечно! – из вежливости поспешила я согласиться с ним, хотя никогда не слышала этого имени.

Остромысленский действительно явился в столовую, но совсем не для извинений перед обиженным гостем. Он заглянул в столовую и сказал:

– Вот вы где, Лидия Яковлевна! А я сейчас у себя в кабинете показывал свое новое открытие в области химии. Думал, что вы предпочли слушать пение в зале. Пойдемте, я покажу вам что-то интересное!

И, не взглянув на Григорьева, он взял меня за руку и повел в свой кабинет, где несколько человек с любопытством рассматривали ка-

кие-то колбы и трубочки. Иван Иванович показал мне небольшую трубочку, похожую на папиросный мундштук, в которой чуть серебрилась какая-то жидкость.

– Потрогайте пальцем! – предложил он.

Когда я прикоснулась к серебристой жидкости, то кончик моего пальца стал совершенно жемчужным. (Это было в 1928 году.)

– Теперь мы сами можем делать жемчуг.

– Какая прелесть! – воскликнула Вера Петровна Фокина, вся увешанная настоящим жемчугом и бриллиантами, сверкавшими даже на пряжках ее атласных туфель. Свое изящество и роскошь туалетов знаменитая балерина сохраняла до преклонных лет.

– Вот находка для модниц, – заметила я, рассматривая колбу, – они теперь начнут окрашивать свои ногти в жемчужный цвет.

– Едва ли... – с недоверием протянула Фокина, разглядывая свои унизанные кольцами руки с остро отточенными красными, как кровь, ногтями. – Рубиновые коготки пикантнее жемчужных.

(Я оказалась ясновидящей – лет через десять модницы Нью-Йорка именно так воспользовались этим изобретением Остромысленского.)

В 20-х и 30-х годах очень популярным был «Кружок Духовного Общения»¹⁷, организованный Остромысленским, вокруг которого группировалась вся русская колония Нью-Йорка, с интересом посещая вечера этого кружка, устраиваемые в Русском Клубе, на Медисон Авеню. На этих вечерах выступали певцы и музыканты, читались лекции и доклады на разные темы об искусстве, науке, философии, вплоть до лекции о грибах, которую прочла Софья Александровна Сатина¹⁸, двоюродная сестра Рахманинова и родная сестра его жены, Наталии Александровны.

Эпоха существования «Кружка Духовного Общения» – была самой яркой страницей в Книге Жизни русской колонии Нью-Йорка, приблизившей старую эмиграцию 1914 года, состоящую из простых рабочих и крестьян, – к новой эмиграции интеллигенции. Иван Иванович привлекал к участию в этих вечерах многих знаменитостей искусства и науки, как бы желая поднять культурный уровень старой колонии, весьма чтившей его за это. Он как бы старался стереть грани и различия между людьми – политические, классовые, интеллектуальные, иерархические...

Но были у него и недоброжелатели, устраивавшие ему интриги и препятствия в его благородных и бескорыстных начинаниях и отравлявшие его существование сильнее алкоголя и химических ядов лаборатории.

Однажды все русские организации, научные, деловые и профессиональные, решили чествовать Ивана Ивановича банкетом, устроенным в отеле «Ансония». Вереница столов, установленных так же,

как на банкете Глазунова¹⁹, – в виде буквы «Т», – были заполнены участниками банкета. Тут были профессора, ученые, музыканты, артисты, художники, все друзья и почитатели Ивана Ивановича, сидевшего на почетном месте во главе стола. Произносились речи с перечислением заслуг и достоинств Остромысленского, после чего все чокались с юбиляром, который каждый раз добросовестно выпивал до дна свой бокал. На лице Ивана Ивановича играла необычная, какая-то бесшабашная усмешка, прятавшая грусть обреченности человека, потерявшего все надежды, мечты и упования... Он как бы бросал вызов судьбе, готовящей ему гибель, и смеялся ей в лицо. (Впрочем, это мои личные впечатления. Другие этого не замечали.)

Во время длинной речи одного из представителей адвокатской организации Иван Иванович вдруг запел:

– Пой, ласточка, пой!²⁰ – заставив оратора умолкнуть, и на его недоумевающий вид объяснил: – Помните, так пели рабители, когда душили богатого купца в Москве...

После этого выпада Остромысленского следующий оратор долго не решался начать свою заранее приготовленную речь. Но, слишком усердно над нею поработав и считая ее шедевром ораторского искусства, которым ему хотелось блеснуть, он все-таки решился выступить с нею, тем более что никто из более солидных его соседей по банкетному столу не хотел выступать с речами. Он был молод и полон энергии, сил и оптимизма. Посреди его речи Иван Иванович вдруг поднялся с своего места с бокалом шампанского и неверными шагами направился куда-то. Слушая речь молодого оратора, полную самых искренних чувств и почтения к Остромысленскому, и глядя на пустое место юбиляра, я удивлялась, почему он не слушает такую хорошую речь и почему вдруг оставил своих гостей, пришедших почтить его плодотворную научную деятельность? Я готова была обидеться и тоже встать и уйти, как вдруг через мое плечо протянулась рука с бокалом. Оказывается, Иван Иванович встал с места, чтобы направиться ко мне, сидящей на другом конце стола. Шатающейся походкой он добрался до моего стула и остановился позади, пытаясь сохранить неустойчивое равновесие. Потом качнулся и, перегнувшись через мое плечо, хотел чокнуться со мной, но, потеряв равновесие, уронил бокал на пол, облив шампанским подол моего белого платья, и... замертво свалился к моим ногам. Молодой оратор, не dokonчив своей речи, на приготовление которой он затратил столько времени и энергии, бросился к нему и, как Самсон, несущий филистимлянский ворота²¹, поднял лежавшего в луже шампанского юбиляра – большого русского ученого, сделавшего так много для науки, – и унес его из банкетного зала...

После этого Иван Иванович заболел. Его исторические «пятницы» прекратились. Никто из друзей не допускался к нему докторами

и Ольгой Аристарховной, обрадовавшейся поводу изгнать из своих апартаментов всех без исключения посетителей, знакомых и друзей... Болезнь Остромысленского продолжалась долго. Соскучившись о нем, я послала ему письмо в стихах:

Иван Иваныч, разрешите
 Мои сомненья, – только Вы
 Казнить и миловать вольны –
 Меня Вы видеть не хотите,
 Иль в самом деле Вы больны?

Уже весна. Цветет сирень.
 В дыханьи трав разлита нега.
 А на душе сомненья, тень.
 Так омрачает ясный день
 Вид нарастающего снега.

На что получила от него ответ, тоже в стихах:

На Ваш талантливый сонет
 Хотел бы я ответить прозой
 Или без слов послать Вам розы!
 Но даже на такой ответ
 Нет сил: я сделался «мимозой».

Конечно, видеть Вас хочу,
 Но быть с больным не так приятно.
 Все время мрачно я молчу
 (Потерян голос), не шучу
 И вряд ли будет Вам занятно.

Иван Остромысленский

Вслед за этим письмом мне были посланы из цветочного магазина алые розы неизвестно от кого.

Вскоре после этого Иван Иванович Остромысленский умер, и уход из жизни этого большого ученого остался почти незамеченным...

¹ Остромысленский Иван Иванович (1880–1939) – химик-органик, инженер-технолог, иммуно-химик, фармацевт. В 1921 уехал в Латвию. С 1922 жил в США.

² В Америке Остромысленский работал в фирмах «Rubber Company» и «Goodyear Tire».

³ Свою собственную научную лабораторию «Ostro Research Laboratory» Остромысленский открыл в 1925.

⁴ Об А.И.Зилоти см. главу «О Зилоти» и примеч. 1 к ней.

⁵ Правильно: Кошиц Нина Павловна (наст. фам. Порай-Кошиц; 1894–1965) – артистка оперы и камерная певица (сопрано), педагог. В 1913 окон-

чила Московскую консерваторию. С 1913 по 1919 выступала на сцене Оперного театра С.И.Зимины (Москва). С октября 1916 по январь 1917 вместе с С.В.Рахманиновым выступала с концертами в Москве, С.-Петербурге, Киеве и Харькове. В программе концертов были лишь произведения С.В.Рахманинова, включая посвященные Н.П.Кошиц «Шесть романсов» (Оп.38). В 1920 вместе с украинским хором, руководимым ее братом А.А.Кошицем (1875–1944), певица уехала в США. В 1921 она дебютировала в Детройте как камерная певица, позже участвовала в симфонических концертах под управлением Леопольда Стоковского (1882–1977) в разных городах США. В 1926 организовала в Нью-Йорке концерты, программа которых состояла из произведений русских композиторов. В этих концертах выступала вместе с С.В.Рахманиновым, А.К.Глазуновым, А.Т.Гречаниновым, Н.К.Метнером. Вместе с Н.К.Метнером в 1929–1930 выступала с концертами в Нью-Йорке и Филадельфии.

⁶ Певчицкая Надежда Васильевна (урожд. Винникова; 1884–1941) – эстрадная певица (меццо-сопрано), исполнительница народных песен. В начале своей творческой деятельности выступала в кафешантанах провинции и С.-Петербурга. Л.В.Собинов, услышав певицу на Нижегородской ярмарке летом 1909, пригласил ее участвовать с ним в благотворительном концерте. С этого времени началась слава Н.В.Певчицкой. Она выступала в столичных концертных залах, пела в Царском Селе, в Мариинском театре в присутствии царской семьи. С 1919 – в эмиграции (Турция, Галлиполиийский лагерь, с 1922 – Париж). В 1926 певица с триумфом гастролировала в США. Русская народная песня «Белолицы, румяницы вы мои...» в исполнении Певчицкой с аккомпанементом С.В.Рахманинова была записана на пластинку (1926). В Париже она пела в известном ресторане «Большой московский Эрмитаж», где выступали А.Н.Вертинский и Ю.С.Морфесси. Роман Гуль, бывший на концертах Певчицкой, вспоминал:

Знаменитую исполнительницу русских народных песен Н.В.Певчицкую я слышал многожды. И в России, и в Берлине, и в Париже не раз. Везде была по-народному великолепа. Особенно я любил в ее исполнении «Смеркалось. Я сидела у ворот, / А по улице-то конница идет...» Исполняла она эту песню, по-моему, лучше Шаляпина, который тоже ее пел в концертах.

(Гуль Р. Я унес Россию. Т.2: Россия во Франции. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. С.164).

В 1930 вместе с мужем генерал-майором Н.В.Скоблиным (1893–1937) была завербована ОГПУ, работала под псевдонимом «Фермерша». В 1937 помогла своему мужу похитить в Париже руководителя Русского общесоюзного союза генерал-лейтенанта Е.К.Миллера (1863–1939). Умерла во французской тюрьме (см.: *Млечин Л.* Сеть Москва–ОГПУ–Париж. <М.,> 1991). В 1943 Владимир Набоков написал рассказ о Певчицкой (*Набоков В.* Помощник режиссера // Киносценарии. 1994. №2. С.9-21).

⁷ Об А.А.Санине см. в главе «О Санине» и примеч. 1 к ней.

⁸ Речь идет о поэме Нелидовой-Фивейской «Невольник чести» (Чикаго, 1933; 2-е изд. – Нью-Йорк, 1936). В 1937 она написала еще два стихотворения о Пушкине. См.: *Нелидова-Фивейская Л.* Слава поэту. // Столетней годовщине смерти А.С.Пушкина. Слова любви на музыку Шуберта // Россия (Нью-Йорк).

1937. 23 января, №718. С.1; Гимн Пушкину / Музыка М.М.Фивейского; Слова Л.Я.Нелидовой-Фивейской и Г.В.Голохвастова // Там же. 20 февраля, №742. С.3.

⁹ Вероятно, Илья Львович Толстой (1866–1933), живший с 1916 в США, и его супруга Надежда Клементьевна (урожд. Катильская).

¹⁰ Князь Алексей Александрович Оболенский (1884–1944) – певец (бас), руководитель вокального ансамбля, и его супруга.

¹¹ Вероятно, князь П.А.Чавчавадзе (1899–1971) – писатель, и его супруга.

¹² А.А.Санин (Шёнберг) и его супруга Лидия Стахиевна Шёнберг (урожд. Мизинова; 1870–1939), близкая знакомая семьи Чеховых.

¹³ Сорин Савелий Абрамович (Завель Израилевич; 1878–1953) – художник. Учился в Одесской рисовальной школе (1895–1899), затем в Академии художеств (1899–1907). В 1913, 1915 и 1917 участвовал в выставках «Мир искусства» и Нового общества художников (1917) в Москве и С.-Петербурге (Петрограде). В 1917–1918 жил в Ялте, участвовал в выставке «Искусство в Крыму» (1918). В 1919 в Тифлисе принимал участие в выставке «Малый круг». В 1920 уехал во Францию, поселился в Париже. В эмиграции написал портреты Н.Н.Евреинова, Дж. Баланчина, Л.И.Шестова, А.Н.Бенуа, М.М.Фокина, Анны Павловой и др. С 1923 часто приезжал в США, жил в Нью-Йорке. Неоднократно участвовал в выставках русского искусства в Америке. Окончательно переселился в США в начале 1940-х.

¹⁴ Судейкин Сергей Юрьевич (Георгиевич) (1882–1946) – живописец, график, театральный художник. Сын жандармского подполковника Г.П.Судейкина (1850–1883), убитого народовольцем С.П.Дегаевым (1857–1921). Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1897–1909) и в Петербургской Академии художеств (1909–1910). Начал работу как театральный оформитель в театре «Эрмитаж», затем в созданной К.С.Станиславским и В.Э.Мейерхольдом Театре-студии на Поварской в Москве, а также в театре В.Ф.Коммиссаржевской в Петербурге. Работал с режиссерами Ф.Ф.Коммиссаржевским, А.Я.Таировым, Н.Н.Евреиновым и др. В 1912–1913 участвовал в «Русских сезонах» С.П.Дягилева в Париже. В 1910-е принимал участие в создании петербургских литературно-художественных кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов». В 1920 уехал во Францию. С 1922 жил в США. В Америке оформлял балеты с Дж. Баланчиным, Б.Ф.Нижинской, М.М.Мордкиным, М.М.Фокиным и др. В 1920-е и 1930-е участвовал во многих выставках русского искусства в США.

¹⁵ Шведов Константин Николаевич (1886–1954) – дирижер, композитор, теоретик музыки, педагог. В 1904 окончил Синодальное училище, в котором затем преподавал (1904–1915). В 1909 окончил Московскую консерваторию по классу теории и композиции. В 1912–1925 преподавал в консерватории теорию музыки. Был одним из художественных руководителей Музыкальной студии им. В.И.Немировича-Данченко при МХТ. В 1925 вместе с Немировичем-Данченко приехал в США для организации турне студии и по окончании гастролей перешел на положение невозвращенца. В Америке занялся педагогической деятельностью, а также аранжировкой народных казачьих песен для хора донских казаков Сергея Александровича Жарова (1897–1985).

¹⁶ Григорьев Борис Дмитриевич (1886–1939) – живописец и график. Учился в Строгановском художественно-промышленном училище в Москве (1903–1907), в Высшем художественном училище при Академии художеств в С.-Петербурге (1907–1913). Сотрудничал с петербургскими журналами «Новый Сатирикон», «Лукоморье», «Солнце России». Создал портреты М.В.Добужинского, Б.М.Кустодиева, Н.А.Клюева, В.Э.Мейерхольда, И.Е.Репина, Н.К.Рериха, С.Ю.Судейкина, В.В.Хлебникова, Ф.И.Шаляпина и др. В 1916–1918 трудился над циклом работ о деревне «Расея». Альбом «Расея» вышел в 1918 в Петрограде. В 1919 уехал в Берлин, в 1921 переселился в Париж. В 1923 впервые посетил Нью-Йорк, куда потом приезжал неоднократно, часто на свои персональные выставки (1923, 1924, 1925, 1927, 1932, 1933, 1934, 1935, 1938). Преподавал в Академии художеств в Чили (1928), в Русской академии (1930), организованной Т.Л.Сухотиной-Толстой в 1929 в Париже. Иллюстрировал романы М.Горького «Детство» (1931) и Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» (1932–1933). В 1935 возглавил факультет Академии прикладного искусства в Нью-Йорке. В 1938 переехал во Францию.

¹⁷ «Кружок духовного общения» был основан в Нью-Йорке в январе 1924 русскими эмигрантами первой волны. Членами рабочей группы кружка были И.И.Остромысленский, Л.М.Камышников, М.И.Печковский и Н.Д.Рудковский. За первые семь лет существования в нем было проведено 129 бесед на разные темы.

¹⁸ Сатина Софья Александровна (1879–1975) – биолог, научный работник. Родная сестра Наталии Александровны Рахманиновой (урожд. Сатина; 1877–1951), жены С.В.Рахманинова, и его двоюродная сестра. В эмиграции с 1922 (Германия, США). В 1922–1942 – сотрудник Института Карнеги (Колд Спринг Харбор, штат Нью-Йорк). В 1942–1955 работала на генетической экспериментальной станции при Смит-колледже (Нортгемптон, штат Массачусетс). Автор многих научных трудов по ботанике и генетике.

¹⁹ О банкете см. примеч. 2 к главе «Глазунов в Нью-Йорке».

²⁰ «Пой, ласточка, пой» – песенка К.Линского, музыка А.Лаврова.

²¹ Имеется в виду один из подвигов библейского богатыря Самсона, обладавшего необыкновенной силой. Жители филистимлянского города Газы, узнав, что Самсон находится в одном из их домов, заперли городские ворота, надеясь поймать и убить его. Ночью Самсон, подойдя к воротам, поднял их и, взвалив на свои плечи, отнес на вершину близлежащей горы.

АННА ПАВЛОВА¹ В АМЕРИКЕ

Одновременно с Русской оперой², главным дирижером которой был Михаил Михайлович Фивейский, в Америке гастролировала и балетная труппа Анны Павловны Павловой. Встречаясь с ней в отеле и в театре (Русская опера давала свои спектакли в том же театре, что и балетная труппа Павловой), я была очарована ее простотой и изяществом, хотя красотой она в жизни не отличалась.

– Ой, какая Павлова некрасивая утром! – громко выражал свое разочарование театральный рассыльный Жак, зашедший утром к

знаменитой балерине с книгой для вызова на репетицию. Он, как и многие другие, представлял себе Павлову неотразимой красавицей не только на сцене, но и в жизни.

Импресарио обеих трупп был Соломон Юрок³.

Но даже эта некрасивость Павловой – ее длинный нос и шея, ее худые руки и ноги – на сцене казались воплощением грации. Мне приходилось встречаться со многими знаменитыми балеринами, но ни одна из них не выдерживала сравнения с Павловой, хотя многие из них были гораздо красивее ее, – но все же у каждой можно было заметить какой-нибудь недостаток: у одной не хватало техники, у другой выразительности, или легкости, или гибкости и т. п., или же было плохое кор-де-пье. У Павловой на сцене не было соперниц – настолько она была безукоризненна и бесподобна, соединив в себе и одухотворенность художницы балета, и виртуозную технику мастера балетного искусства. Это была сама Терпсихора, сошедшая на сцену в исторический момент кульминационной точки расцвета классического балета. Но это совершенство балетного мастерства далось не легко. Она достигла этого после многих лет упорного труда в балетной школе. Она была большая труженица. Позднее, года через четыре, когда я была в нью-йоркской студии Михаила Михайловича Фокина, он, показывая мне фотографию, сказал:

– Хотите посмеяться?

На старинной фотографии были сняты мальчик и девочка в неуклюжей позе.

– Ой, какие смешные! Кто же это!

– Я и Анна Павловна Павлова в начале школьных лет! – ответил Фокин.

Глядя на 12-летнюю Павлову, можно было только удивляться, откуда у этой угловатой дурнушки, с острыми локтями и коленями, взялось впоследствии столько грации, изящества, артистичности и непревзойденной балетной техники? Но, всматриваясь в ее небольшие, но живые, цепкие, как будто чего-то нетерпеливо ждущие, жадные глаза – начинаешь угадывать в этом подростке уже зарождающуюся внутреннюю творческую силу, бурно ищущую выхода. Одно из чудес природы, превращающей неуклюжую гусеницу в очаровательную бабочку!

– Она была очень трудолюбива в классе, – рассказывал Фокин. – Она упорно и настойчиво работала, добиваясь совершенства техники. Нельзя сказать, чтобы это доставалось ей легко. Нет, напротив! Она пролила много слез и пота, чтобы достичь своей изумительной виртуозности.

– Среди начинающих того времени были талантливее Павловой?

– Были. Но они ленились в классе, считая, что природа сама дала им все. И ничего из них не вышло путного. Они смеялись над Пав-

ловой, когда она, красная и потная от напряжения, работала у станка, упрямо добиваясь преодолеть трудности балетной техники <так!>. Она была честолюбива и целью своей жизни поставила быть первой в балете. Она с детства мечтала о славе. И она достигла вершин и славы, и артистического мастерства.

Проникновенно воплощая на сцене мечту композитора и замысел балетмейстера, она в каждой своей роли создавала яркие и разнообразные образы, никогда не повторяясь и очаровывая зрителей естественностью своих перевоплощений. Созданные ею образы запечатлеваются навсегда в памяти тех, кому посчастливилось их видеть.

Лучшая интерпретаторша балетной фантазии Фокина – «Умиращий лебедь», – Павлова сделала его бессмертным⁴. До сих пор он живет именно таким, как создало его воображение Фокина и воплощение Павловой, в более или менее удачной реставрации его другими позднейшими исполнительницами. Такого бисерного, скользкого падебурэ в пятой позиции, напоминающего плавное скольжение лебедя по глади озера, – я не видела ни у кого. В продолжение всего танца Павлова не спускалась с пуантов, даже если ей приходилось бисировать несколько раз. Какая-то изумительная легкость, воздушность и грация заключалась в ее тоненькой, стройной фигурке! Выходя на овации публики, она делала глубокий реверанс, похожий на позу в финале «Умиращего лебедя». Но ее поклоны перед публикой всегда были разные, соответственно исполненному танцу. Так, в испанских танцах ее поклоны были отрывистыми кивками гордо поднятой головы, а в боярских русских танцах она отвечала низкие поклоны с плеча. Реверансы и поклоны «Стрекозы»⁵, казалось, искрились жизнерадостностью и трепетной живостью.

Павлова любила птиц, и даже во время своих гастрольных поездок по разным странам она возила с собой клетки с канарейками. В ее лондонском имении⁶ плавали лебеди, которых она очень любила. Любовь, можно сказать, была взаимная. Эти лебеди охотно садились на ее колени и ласкались к ней своими длинными гибкими шеями; она обнимала и целовала их.

– Это мои учителя! – говорила Павлова. – От них я переняла лебединую грацию.

Казалось бы, что и в жизни она должна была бы быть такой же пленительной и нежной, как на сцене; но нет – в жизни она была сухой, властной и практичной, как говорили артисты ее труппы, близко с ней соприкасавшиеся. Не раз плакали танцовщицы от ее придирчивого и тяжелого характера. Балет Павловой состоял из многих известных артистов русского балета и был блестящим как по составу артистов, так и по художественности и роскоши балетных спектаклей. Американские и английские артисты в балетной труппе

Павловой брали себе русские имена, как, например, талантливая солистка ее балета Бутцева⁷.

Балетные спектакли происходили в том же театре, где и оперные. Импресарио обеих трупп был Соломон Юрок.

Запомнилась мне одна из встреч с Анной Павловой в фойе театра, когда там столпились оперные и балетные артисты. Нарисую эту картинку с натуры.

Павлова стояла около мраморной подставки, на которой возвышалась высокая синяя китайская ваза, положив на выступ мрамора свой правый локоть и держа в руке снятые белые лайковые перчатки.

Элегантная примадонна Русской оперы Инна Иосифовна Бурская⁸ обратилась к Анне Павловне со словами:

– Красивое искусство балет!

– Да, – с грустной улыбкой ответила Павлова, слегка склонив набок изящную головку: с прямыми черными волосами, гладко зачесанными на уши и низко на шее закрученными в узел. – Но если бы мне пришлось опять появиться на этом свете, то я желала бы быть кем угодно, но только не лошадью и не балериной!

– Какое странное сопоставление – балерина и лошадь! – улыбнулась Бурская. – Слишком контрастно!

– Нет!.. Это два труженика, вечно работающие только ногами, – пояснила Анна Павловна, опустив длинные ресницы и слегка похлопывая по ладони перчатками. – А когда они стареют, то делаются ни на что не годными и никому не нужными.

– В старости мы все никому не нужны, – грустно вздохнула Инна Иосифовна, и ее щека слегка дрогнула от еле заметной нервной судороги.

– Гении не стареют! – самоуверенно изрек красивый танцовщик, гордо выгибая грудь и плечи.

– Вот вам доказательство, что нам нужны только ноги! Каждый из нас, кто может сделать большее число фуэте или выше прыжок в гранд жетте – уже считает себя гением! – иронически произнесла Анна Павловна, когда красивый танцовщик, подхватив под руку нарядную балерину, помчался с ней к выходу. – А вы знаете, я могла бы быть певицей! Я могу брать самые высокие ноты! Я легко беру верхнее «ми»! – с оживлением заявила Анна Павловна, теребя свои перчатки; и, вытянув длинную шею, она тоненьким голоском пискнула, как мышь.

– О, да вы настоящая флейта! – поощрительно улыбнулась Инна Иосифовна.

– Я слышала, что вы любите заниматься скульптурой? – спросила я.

– Да, я очень люблю заниматься скульптурой, – ответила Павлова. – Я нахожу большое родство между скульптурой и балетом.

Основой этих искусств служит одно и то же верное чувство правильности линии движения и позы. Не правда ли?

Легко опираясь на мраморную подставку и слегка согнув в колене ногу и отодвинув в сторону узкий носок лакированной туфельки, она сама казалась живой статуэткой, затянутой в черный шелк. Норковая накидка небрежно свисала с ее стройного плеча.

– Вы, наверное, заметили, – продолжала Анна Павловна, – как верно угадывают талантливые скульпторы балетные позы и позиций? Непременно посмотрите в нью-йоркском музее мою статуэтку, сделанную с меня Родэном из розового мрамора. Как правильно передал он балетную позицию! Как будто сам учился балетному искусству у Петипа или Фокина! Вот и я, во время своих выступлений на сцене, как скульптор, слежу за каждой линией своих поз и движений. Даже в жизни я не могу освободиться от этого постоянного самоконтроля своих манер. Я иногда нарочно стараюсь принимать самые простые и некрасивые позы, чтобы казаться естественной в жизни!

– Нарочно нельзя быть естественной – одно исключает другое! – засмеялась Инна Иосифовна. – Просто надо быть всегда самой собой.

Они стояли, освещенные огнями люстр, выделяясь изяществом и грацией из общей массы разбегжающейся после спектакля театральной публики, и трудно было решить, кто из них эффектнее – Павлова ли с гладко причесанными, как черный атлас, волосами или голубоглазая и златокудрая Бурская?

Грациозно протянув худую ручку, Анна Павловна Павлова простилась со своими собеседницами и поспешила к входным дверям, где блеснул цилиндр Д'Андре⁹, ее мужа.

¹ Павлова Анна Павловна (Матвеевна) (1881–1931) – артистка балета. Училась в Петербургском театральном училище (1891–1899). С 1899 танцевала в Мариинском театре. В 1905 получила звание балерины, в 1906 – prima-балерина. С 1908 гастролировала за рубежом. В 1909 участвовала в «Русском сезоне» С.П.Дягилева в Париже. В начале 1910 А.Павлова вместе с М.М.Мордкиным совершила гастрольную поездку по США. В апреле 1910 танцевала в «Palace Theatre» в Лондоне. В том же 1910 она создала свою балетную труппу. В 1911 Анна Павлова снова выступала в «Palace Theatre», затем еще раз с Мордкиным на гастролях в США. В октябре 1911 она снова танцевала в Лондоне, на этот раз в труппе Дягилева. В 1913 в С.-Петербурге А.Павлова была удостоена звания заслуженной артистки Императорских театров, а также награждена золотой медалью. Последний раз балерина выступала на сцене Мариинского театра в 1913. Последний ее концерт в России состоялся в 1914 в Зеркальном театре московского сада «Эрмитаж». За границей А.Павлова поселилась в Лондоне, совершая постоянные туры по всему свету.

² Русская опера была создана в 1920 во Владивостоке при активном участии М.М.Фивейского. Будучи отрезанной Белой армией от Европейской

России, Русская опера отправилась в заграничное турне (Китай, Индия, Япония, Америка). В США в конце 1921 Русская опера открыла сезон (в г. Сизэтл) оперой П.И.Чайковского «Пиковая дама». Спектакли давались во всех больших городах Америки, Канады, Мексики, они пользовались большим успехом у зрителей. Главным дирижером ее был М.М.Фивейский. В конце 1925 Русская опера прекратила свое существование.

³ Юрок Сол (Hurok; наст. имя Гурок Соломон Израилевич; 1888–1974) – американский импресарио. Родился в России, эмигрировал в США в 1906. С 1914 организовывал в Америке гастрели многих выдающихся представителей мира искусств: музыкантов, певцов, танцоров, театральных деятелей и коллективов, среди них: Анна Павлова, Ф.И.Шалыпин, позже – пианист Э.Гилельс, виолончелист М.Ростропович, певица Г.Вишневская, скрипач Л.Коган, а также балетная труппа Большого театра, Государственный ансамбль народного танца СССР под управлением И.А.Моисеева и др.

⁴ 22 декабря 1907 в Мариинском театре Анна Павлова впервые исполнила партию лебедя в концертном номере «Лебедь» (позже – «Умиравший лебедь») на музыку Сен-Санса в постановке М.М.Фокина. Позже Фокин рассказывал о работе с Анной Павловой над этим танцем:

Другой нашей совместной работой был «Умиравший лебедь». Общеизвестно, что этот танец был самым удачным из всего того, что Павлова исполняла на протяжении своей артистической деятельности. Все знают, как удивительно хороша была она в нем, но лишь немногие знают, какое место занимал этот двухминутный танец в ее сердце. Вспоминаю, как он создавался. Как-то Павлова пришла ко мне и сказала:

– Хор Императорского оперного театра просил меня принять участие в их концерте в Дворянском собрании. Ты не мог бы мне помочь выбрать музыку?

В то время я увлекался игрой на мандолине и как раз разучивал дома, под аккомпанемент школьного товарища, «Лебедя» Сен-Санса.

– А что, если взять «Лебедя» Сен-Санса? – предложил я.

Она сразу же поняла, что роль Лебедя ей подходит как нельзя лучше. А я, оглядев ее тоненькую, хрупкую фигурку, подумал: «Она создана для Лебедя».

– Поставь мне этот номер, – попросила Павлова.

Я согласился, и мы договорились насчет репетиций. Для постановки танца потребовалось всего несколько минут. Это была почти импровизация. Я танцевал перед ней, она – тут же, позади меня. Потом она стала танцевать одна, а я следовал за ней сбоку, показывая, как нужно держать руки. <...> Этот танец стал символом нового русского балета. Это было сочетание совершенной техники с выразительностью. Это было как бы доказательством того, что танец может и должен не только радовать глаз, он должен проникать в душу. Нетрудно понять, что я почувствовал, когда после кончины Павловой узнал, что последние ее слова были об этом танце.

(Фокин М. Против течения: Воспоминания балетмейстера. Л.: Искусство, 1981. С.341).

⁵ Имеется в виду хореографическая миниатюра «Стрекоза» на музыку австрийского композитора Фрица Крейсlera (Kreisler; 1875–1962), в которой Анна Павлова исполняла главную партию.

⁶ Речь идет об «Ivy House» («Дом в плюще»), имени Анны Павловой, которое она купила в фешенебельном районе Лондона Хампстед.

⁷ Бутцева Хильда (Butsova; наст. фам. Бут (Boot); 1897–1976) – английская балерина и педагог. Училась искусству танца у Александра Емельяновича Волинина (1882–1955) и Энрико Чеккетти (1850–1928). В юном возрасте поступила в труппу Русского балета С.П.Дягилева, выступавшую в Лондоне, где ее увидела Анна Павлова и пригласила с собой в Россию. Бутцева была дублершей Анны Павловой, успешно выступала в ее ролях, за что получила звание балерины. Танцевала в труппе Анны Павловой до 1927. В 1927 вместе с М.М.Мордкиным совершила турне по США. В 1928 вернулась в труппу Анны Павловой. В 1929 выступала в концертах с английским артистом Антоном Долиным (Dolin; наст. имя Сидни Фрэнсис Патрик Чиппендал Хилли-Кей (Healey-Key); 1904–1983). В 1930 уехала в США, поселилась в Нью-Йорке, где была принята в труппу «Capitol Theatre».

⁸ Бурская Инна Иосифовна (ок. 1887–1954) – оперная певица (меццо-сопрано). Артистка Русской оперы. Ее дебют в Америке на сцене «Метрополитен-Опера» в Нью-Йорке состоялся 2 марта 1923 в заглавной роли в опере Бизе «Кармен». В том же году она стала выступать на сцене Чикагской оперы. После ухода на пенсию в 1937 И.И.Бурская занялась бизнесом в Чикаго.

⁹ Дандре (Д'Андре) Виктор Эммануилович (1870–1944) – горный инженер, балетоман, муж (с 1914) и импресарио Анны Павловой. После смерти жены создал собственную труппу, с которой совершил турне по Европе, Южной Америке, Индии и Австралии. В 1938 вместе с Г.Севастьяновым возглавил труппу «Les Ballets russes du Colonel de Basil» (затем «Covent Carden Ballet russe», а с 1939 – «Original Ballet russe»), которая давала представления в Лондоне и Австралии. Автор книг о жене: *Dandre V. Anna Pavlova in Art and Life*. London, Toronto etc.: Cassel company, 1932. *Дандре В. Анна Павлова*. Берлин: Петрополис, 1933.

НА КОНЦЕРТЕ С.С.ПРОКОФЬЕВА¹ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Вспоминается, как в тридцатых годах С.С.Прокофьев посетил Нью-Йорк, как он бродил по Центральному парку с каким-то подавленным и растерянным видом... Я встречала его в парке несколько раз и сожалела, что шла одна, без мужа, М.М.Фивейского, который учился вместе с ним у Н.А.Римского-Корсакова², и конечно, их встреча была бы весьма интересной для меня. Однажды я долго стояла в парке у решетки и наблюдала, как Прокофьев бросал орехи двум красавцам-павлинам, которые, распутив роскошные веера хвостов, как бы звенели ими, отгоняя назойливых голубей и воробьев, жадно хватавших все, что бросал за решетку Прокофьев.

– Ишь, аристократы какие! – сказал по-русски Прокофьев своему спутнику. – Не едят с пола. Интересно, чем они питаются? Я никогда не видел, чтобы они ели что-нибудь.

Спутник начал объяснять что-то Прокофьеву, но тот живо воскликнул:

– До чего же забавно грызет орех белка!

Белка грызла орех, сидя на задних лапках и крепко держа его обеими передними лапками. Прокофьев, глядя на нее, смеялся.

Вскоре после этого мы с мужем присутствовали на его концерте в Карнеги Холл. Публики было много, и она по-разному принимала его произведения. Успех был средний. Большинство слушателей состояло из представителей музыкального мира, пришедших по приглашениям и контрамаркам. Но многие американцы, стремившиеся увидеть знаменитость Советской России, доставали себе билеты у перекупщиков за баснословные цены.

По окончании концерта я долго упрашивала мужа пойти за кулисы к Прокофьеву. У меня был приготовлен для него маленький букетик камелий. Но Михаил Михайлович почему-то упорно отказывался идти к нему. Может быть, потому, что не был уверен, что Прокофьеву, ставшему мировой знаменитостью, будет интересно теперь встретиться с ним, скромным тружеником по пропаганде русской музыки на чужбине? Простота и скромность, доходящая до застенчивости, у Фивейского являлись следствием его гордости – он не был из числа тех, кто любит навязываться людям преуспевающим.

– Но ведь ему будет интересно вспомнить с тобой консерваторское время! – настаивала я.

– В те времена он был большой шалун, – улыбнулся Фивейский, невольно вспомнив прошлые дни в классе Римского-Корсакова. – Помню, как-то на уроке у Римского он говорит мне: «Фивейский, почему вы сегодня сделали две ошибки? Прошлый раз у вас ни одной не было! А у меня и прошлый раз было три ошибки, и сегодня три!»... Он любил считать кто сколько делает ошибок на уроках и записывал это в свою тетрадь. Особой почтительностью к старшим коллегам он тоже не отличался. Я слышал, как на обеде у Льва Эдуардовича Конюса³ Рахманинов с негодованием рассказывал ему, что встретил на улице Прокофьева и тот с вызывающей развязностью обратился к нему: «А вы, Сергей Васильевич, все полечки пописываете?»

Сидевший в соседней ложе М.М.Фокин сказал:

– За это ему отомстил Александр Ильич Зилоти, который, встретив Прокофьева тоже на улице, громко воскликнул: «Да ты, Сережа, говоришь, шедевр за шедевром вытворяешь!»

Я рассказала, что недавно встретила Прокофьева в Центральном парке и что я уверена, что он здесь скучает и ему будет приятно

встретить старых друзей. В конце концов Фивейский сдался на мои просьбы и пошел со мной за кулисы к Прокофьеву. Но там толпилась публика, и Михаил Михайлович не захотел проталкиваться сквозь толпу.

– Иди, Лида, одна, если тебе так хочется передать ему свой букетик, а я подожду тебя здесь, – сказал он, решительно остановившись у стены, позади всей публики, двигающейся к Прокофьеву. Никакими силами я не могла уговорить его пойти вместе со мной.

Прокофьев встречал публику на первой площадке лестницы, не так как Рахманинов и другие концертанты, которые всегда принимали своих поклонников на втором этаже в большой артистической уборной, скорее похожей на залу. Прокофьев, видимо, не знал этого и, стоя на площадке, пытался понять, что говорит ему разноязычная публика Нью-Йорка, и улыбался все больше, чем говорил. Вскоре ему надоело объясняться со своими поклонниками жестами, мимикой и междометиями, и он, сияя улыбками и расточая поклоны во все стороны, – стал пожимать всем руки и прощаться.

Увидев, что Прокофьев, уже распрощавшись со всеми, взбегаet вверх по лестнице в свою артистическую уборную, – я перестала спорить с Фивейским и тщетно его уговаривать и одна побежала по лестнице вдогонку за Прокофьевым, проталкиваясь сквозь спускавшуюся по ступеням толпу.

– Сергей Сергеевич! – громко окликнула я его.

Он оглянулся и, увидев совершенно незнакомого ему человека, удивленно остановился наверху лестницы, вопросительно глядя на меня и приглаживая на затылке редкие льняные волосы. Не зная, что сказать ему, я молча указала букетом камелий на стоящего вдали, у стены, Фивейского.

Взглянув туда, куда я указывала, Прокофьев широко раскрыл изумленные глаза.

– Фивейский?! – воскликнул он, как бы не доверяя своим глазам, и, быстро сбежав с лестницы сквозь недоумевающую толпу, он дружески обнял Михаила Михайловича.

– Я сразу узнал вас, как только взглянул! Вы мало изменились с тех пор, как я видел вас в Москве, когда вы дирижировали в Народном Доме⁴.

Они начали оживленно вспоминать прошлые дни в консерватории и общих знакомых, под любопытными взглядами окружившей их публики, с интересом прислушивающейся к непонятному для них русскому языку.

– Как вы можете жить в этой стране? – говорил Прокофьев. – Я здесь всего несколько дней и уже умираю от скуки! Не дождусь дня, когда наконец вырвусь из этого каменного Нью-Йорка! И публика здесь какая-то каменная, совсем не располагает к музыке. Вот у нас

публика совсем другая! Там совсем другое дело – там чувствуется слитность с аудиторией, и это поднимает твое настроение! А здесь публика – сфинкс какой-то замораживающий. Не знаешь, что ей надо. Но побеседуем лучше у меня в отеле! Вы свободны сейчас? – спросил он и опять вопросительно взглянул на меня. – А вы говорите по-русски? – обратился он ко мне, приняв меня почему-то за американку. Я все время молчала, стоя позади Фивейского, и рассматривала Прокофьева, в котором видела и мальчишескую задорность, и какую-то опасливую осторожность.

Михаил Михайлович представил меня Прокофьеву. Тот сказал:

– А я принял вас за американку!

И, узнав, что Фивейский сегодня не может провести вечер с ним, он вынул из кармана записную книжку (кстати, как я заметила, купленную в Нью-Йорке) и написал на листке свой телефон и адрес. Отдавая этот листок Фивейскому, он стал уславливаться с ним о дне встречи.

– А что бы сказал Анатолий Константинович <Лядов>⁵, если бы послушал мою «Скифскую сюиту»⁶? – задал Прокофьев вопрос Фивейскому.

– Лядов, наверно, выкинул бы ее в окно вместе с вами, – ответил Фивейский. Прокофьев громко расхохотался.

– Не сомневаюсь в этом! – согласился он без тени обиды. – Да я бы и сам не решился сыграть ее в присутствии Анатолия Константиновича. Ведь Лядов всегда недолюбливал меня⁷. А вот на вас он возлагал большие надежды. Я, помню, даже завидовал, когда он водил нас по библиотекам после уроков и заставлял вас читать все в оригиналах, в подлинниках...

– Даже на латинском и древнегреческом языках, – добавил Фивейский.

– Но теоретик он, действительно, был сильнейший! – сказал Прокофьев.

– Даже Римский-Корсаков с трепетом давал ему свои первые произведения⁸. Он преклонялся перед его авторитетом.

– Почему вы не возвращаетесь на родину? – спросил Прокофьев. – Там нужны такие музыканты, как вы!

Прокофьев не знал, что наши ходатайства о возвращении уже поданы.

– Ну, об этом мы поговорим с вами в следующий раз, – сказал Фивейский, прощаясь с ним.

¹ Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953) – композитор, пианист, дирижер. В 1904–1914 учился в Петербургской консерватории. С 1908 выступал с концертами, главным образом собственных произведений. В 1918

уехал в Японию, затем – в США. В разное время жил и работал то в Америке, то в Европе (в основном в Париже). В 1927, 1929 и 1932 выступал с концертами в СССР. В 1933 вернулся на родину и поселился в Москве. Во время Великой Отечественной войны находился в эвакуации: Нальчик, Тбилиси, Алма-Ата, Пермь. В 1943 вернулся в Москву. Последнее дирижерское выступление Прокофьева состоялось в 1945. С 1946 по 1953 жил в поселке Николина Гора близ Звенигорода. Награжден орденом Трудового Красного знамени (1943). Заслуженный деятель искусств РСФСР (1943), народный артист РСФСР, лауреат Сталинской (1943, в 1946 – трижды, 1947, 1951) и Ленинской (1957, посмертно) премий. Член Национальной академии «Санта-Чечилия» в Италии (1934), Шведской королевской музыкальной академии (1947), почетный член «Умелецкой беседы» в Праге (1946), награжден золотой медалью Английского филармонического общества (1945).

² Во время учебы в Петербургской консерватории Прокофьев занимался инструментовкой у Н.А.Римского-Корсакова.

³ Конюс Лев Эдуардович (1871–1944) – пианист, педагог. Сын пианиста Эдуарда Константиновича Конюса (1827–1902), брат музыковеда и композитора Георгия Эдуардовича Конюса (1862–1933). Учился в Московской консерватории, где преподавал с 1912. В 1918 получил звание профессора. С 1920 жил во Франции. Был одним из основателей и преподаватель Русской консерватории имени С.В.Рахманинова в Париже (1920–1935). В 1935 уехал в США, где преподавал в музыкальном колледже г. Цинциннати (штат Огайо).

⁴ В 1908 М.М.Фивейский дебютировал в опере Н.А.Римского-Корсакова «Царская невеста» в качестве дирижера в Московской опере Народного дома, после чего стал там главным дирижером.

⁵ О А.К.Лядове см. о примеч. 24 к главе «Воспоминания об А.Т.Гречанинове».

⁶ Симфоническая «Скифская сюита» (Оп.20) была написана С.С.Прокофьевым в 1915.

⁷ Лядов преподавал Прокофьеву композицию во время учебы его в Петербургской консерватории.

⁸ Неточность. Лядов был учеником Римского-Корсакова в Петербургской консерватории.

О ЗИЛОТИ¹

Александр Ильич Зилоти жил в отеле «Ансония», недалеко от нашей студии на 72-й улице, по которой Александр Ильич часто проходил, направляясь с женой, Верой Павловной (дочерью Третьякова, основателя московской картинной галереи)², на прогулку в Центральный парк.

– Вот идет Зилоти, – говорила я мужу, не глядя в окна.

– Откуда ты это знаешь? – сидя за роялем, спрашивал меня Михаил Михайлович.

– А вот прислушайся на минутку!

Михаил Михайлович на минутку прислушивался к шуму и грохоту за окнами, за которыми среди английского говора вдруг явственно слышал русское ворчание и брань – это Александр Ильич возвращается с женой из Центрального парка домой.

Добродушный Зилоти крепко любил ворчать и ругаться.

– Вот черти окаянные, как стучат! – раздался однажды около нас голос Зилоти, когда мы с мужем, стоя у подъезда нашей студии, глядели на постройку небоскреба. Еще недавно на этом месте стоял восьмизэтажный дом, и вот уже его снесли, а на его месте выросла громада в несколько десятков этажей. Вширь раздаться невозможно, и новые здания стремительно тянутся ввысь. По железным балкам каркаса строящегося небоскреба суетились, бегали и грохотали люди и машины, низвергая каскады огненных искр.

– Как будто нарочно стараются оглушить всех в Нью-Йорке! – ворчал Александр Ильич, остановившись рядом с нами. – Ведь все уже оглохли и ослепли от вечного грохота и идиотских мигающих вывесок! Вот варвары! Они и в музыке, как бандиты, крепко держатся друг за друга, образуя цепь, через которую не пропускают настоящих культурных музыкантов! Просто боятся хороших музыкантов и душат их из ревности!

– Но у вас недавно был знаменитый концерт с Тосканини, – заметила я.

– Да, Тосканини мой старый друг! – смягчившись, улыбнулся Зилоти и неожиданно добавил: – Зашел бы я к вам сейчас, да Лидия Яковлевна не хочет!

– Как не хочу? – не сразу поняла я его шутку. – Я просто не догадалась пригласить вас! Но была бы очень рада.

– А знаете, Михаил Михайлович, ведь это я посоветовал Чайковскому сделать в арии Татьяны точку: «Зачем, зачем вы посетили нас...». Я посоветовал отделить первое «Зачем?» от второго. Чайковскому это понравилось. Он благодарил меня за мой совет! – говорил Зилоти, придя к нам в студию.

Интересно рассказывал Александр Ильич о своем учителе Листе, на которого, как мне кажется, он походил сам.

¹ Зилоти Александр Ильич (1863–1945) – пианист, дирижер, педагог. Двоюродный брат С.В.Рахманинова (его мать – Юлия Аркадьевна (1835–1925) была родной сестрой Василия Аркадьевича Рахманинова (1841–1916), отца композитора). В 1871–1883 Зилоти учился в Московской консерватории, затем (1883–1886) в Веймаре (Германия) у Ференца Листа. Профессор Московской консерватории (1881–1891). В 1892–1901 много гастролировал по Европе. Главный дирижер Московского филармонического общества (1901–1902). С 1903 по 1913 проводил в С.-Петербурге ежегодные «Концер-

ты А.Зилоти», в программу которых входили произведения русских и зарубежных композиторов. Основатель и руководитель (с 1916) Русского музыкального фонда. В эмиграции с 1919 (Финляндия, Германия, с 1922 – США). В Нью-Йорке преподавал фортепиано в Джульярдской музыкальной школе (1926–1942).

² Зилоти Вера Павловна (урожд. Третьякова; 1866–1940) – член Совета Третьяковской галереи, мемуарист, дочь П.М.Третьякова (1832–1898), жена А.И.Зилоти.

О РЕРИХЕ¹

Когда наша Русская опера после 4-летних гастролей по городам Америки, Канады, Мексики и т. д. вернулась в Нью-Йорк заканчивать свое существование, – я часто, до заката солнца, стояла на берегу Атлантического океана, мечтая о том дне, когда поплыву по его волнам домой, на родину. В ожидании скорого возвращения домой (которого мне пришлось ждать более тридцати лет), я решила исполнить данное мужу и нашим друзьям обещание серьезнее заняться скульптурой и некоторое время возилась с глиной в Музее Рериха², где окончательно возненавидела скульптуру, несмотря на одобрительные замечания Рериха, изредка заходившего в скульптурную студию с заезжими из Европы знаменитостями, чтобы показать им наши работы. Скульптурой занимался с учениками в Музее Рериха итальянский скульптор. Особенную скуку наводила маленькая, сухая англичанка, всегда молча сидевшая в углу и, как мышь, упорно скребущая большой серый мрамор. Это была известная миллионерша, и Николай Константинович останавливался около ее камня дольше и глубокомысленнее, чем перед остальными работами студентов, которые даже не могли понять, что такое скребет миллионерша из своего камня, впоследствии удостоившегося высокой чести красоваться в садике здания Музея Рериха.

Музеем Рериха назывался небоскреб, построенный для него американцами, его почитателями, на берегу Гудзона, на Риверсайд Драйв (угол 103-й ул.). Залы трех первых этажей были увешаны его картинами, с мистическим содержанием и с преобладающими на них сине-лиловыми тонами. Уже первый этаж производил на пришедших зрителей впечатление чего-то непонятного, не от мира сего. На стенах вестибюля темнели строгие старинные русские иконы, и скорбные, тонкие лица мучеников как бы без слов рассказывали мученическую историю прошлого...

Творчество Рериха производило захватывающее впечатление. В каждой его картине притаилось особенное настроение, глубокое значение которого непосредственно действовало на зрителя, унося

его мысленно в миры иные... Там, за океанами, в дали неведомой, лежат страны чудесные, – думалось мне, когда я молча стояла перед его полотнами.

И эти чудесные страны были моя Россия, о которой я так тосковала!

Редактор одной нью-йоркской газеты поручил мне написать что-нибудь о картинах Рериха и поместил мою статью в своей газете в 1926 году³... Николай Константинович Рерих самобытный художник-мыслитель. Он искренен и правдив в своей оригинальности. Смелый, дерзновенный полет его художественной фантазии всегда сочетается со строгой простотой, величавой мудростью и глубокой правдой, только претворенной в его собственной оригинальной индивидуальности. Так он видит, чувствует и понимает эту правду, и его миссия, его предопределение в книге судеб – принести эту правду в мир и поведать о ней людям. Его краски чаруют зрение необыкновенной гармонической чистотой тонов. Я слышала восклицание американского художника перед картинами Рериха:

– Это божественная симфония красок!

Невольно напрашивается музыкальное сопоставление: я бы сказала, что в творчестве Рериха своеобразно сочетается музыка Римского-Корсакова и Скрябина с его потусторонними, сверхчеловеческими исканиями. Кроме мастерства и таланта великого художника, в его картинах отражен целый духовный мир его – широкий, как русские степи, и кристаллически чистый, как волны океана. Его картины навевают много новых мыслей, чувств и откровений, как чтение редкой, замечательной книги, полной глубокого содержания...

Встречаясь с Николаем Константиновичем в его Музее и на литературных вечерах писателя Гребенщикова⁴, которому он очень покровительствовал, – я часто слышала его туманно-религиозно-мистические рассуждения о каком-то Граде обреченном⁵, Беловодье⁶ и других непонятных мне вещах. (Непонятных в те годы.)

– Радуйтесь и веселитесь! – вещал он. – Ибо приближается великое Беловодье!..

Стараясь угадать смысл этих слов, – почему, собственно, я должна веселиться, когда мне совсем не весело быть оторванной от родины? – я вглядывалась в его светлые глаза, но они были холодны и далеки, как зимнее небо над вершинами Тибета, который он так хорошо знал и любил.

Обычно, сидя в кресле одного из зал своего небоскреба, окруженный только близкими ему людьми (то есть теми, кто имел какое-нибудь отношение к его Музею, как, например, Г.Д.Гребенщиков с женой⁷, которые жили там зимой, когда не могли жить в своем имении на Помпеграге⁸), он тихим задумчивым голосом повествовал о чем-то неуловимом, как мечта. Не знаю, понимали ли его другие

слушатели, но внимали ему они, затаив дыхание и не сводя с него пристальных глаз. Он же смотрел всегда куда-то поверх голов своих слушателей и как бы видел в дальней высоте что-то недоступное другим...

¹ Рерих Николай Константинович (1874–1947) – живописец, художник театра, философ, путешественник, писатель, общественный деятель. Учился на юридическом факультете Петербургского университета (1893–1895) и в Академии художеств (1893–1897), где его преподавателем был Архип Иванович Куинджи (1841–1910). В 1897 получил большую золотую медаль и звание художника за свою картину «Гонец. Восстал род на род», приобретенную П.М.Третьяковым. В 1898–1899 читал курс лекций в Археологическом институте по искусству. В следующем году продолжил обучение в Париже. В 1901 женился на правнучке М.И.Кутузова Елене Ивановне Шапошниковой (1879–1955). Директор школы Императорского Общества поощрения художеств (с 1906). Действительный член Российской Академии художеств (1908). С 1907 выполнял работы для театра, в том числе и для Русских сезонов С.П.Дягилева: «Половецкие пляски» из оперы А.П.Бородина «Князь Игорь» (1908, 1914), «Псковитянка» Н.А.Римского-Корсакова (1909), «Весна священная» И.Ф.Стравинского (1913). В 1910 был избран председателем возрожденного общества «Мир искусства». В 1911–1914 занимался росписью храма Святого Духа во Флеоне, близ Талашкина, усадьбы княгини Марии Клавдиевны Тенишевой (урожд. Пятковская; 1867–1929). Статья «Индийский путь» (1913) положила начало его новому культурно-философскому миропониманию. В 1918, после установления границы с Финляндией, остался за рубежом. В 1919 по предложению С.П.Дягилева приехал в Лондон, чтобы оформить несколько русских опер. В 1920–1923 находился в США с выставками и лекциями о русском искусстве. Основал в Нью-Йорке Институт объединенных искусств (1921–1935) и объединение художников «Сог Ardens» («Пылающее сердце»), позже – Международный художественный центр «Corona Mundi» («Венец мира», 1922–1935), занимавшийся организацией выставок в США. В 1923 Н.К.Рерих с семьей переселился в Индию. В 1924–1928 вместе с женой и старшим сыном, Юрием Николаевичем Рерихом (1902–1960), находился в экспедиции в Гималаях, Тибете, Западном Китае, Алтае и Монголии. За время экспедиции Н.К.Рерих написал 500 полотен и этюдов, собрал уникальный научный материал по археологии, этнографии, лингвистике. По возвращении из экспедиции Н.К.Рерих основал в долине Кулу Институт Гималайских исследований «Урусвати» (1928–1939). Директором Института стал лингвист и востоковед Ю.Н.Рерих, вице-директором – младший сын Святослав Николаевич Рерих (1904–1993) – ботаник лекарственных растений и художник. Об этой экспедиции рассказано в книгах «Алтай-Гималаи» и «Сердце Азии» Н.К.Рериха, «По тропам Срединной Азии» Ю.Н.Рериха. В 1934–1935 Н.К.Рерих совершил новую экспедицию – в Маньчжурию и Китай. По инициативе Н.К.Рериха была основана Американско-Русская культурная ассоциация (АРКА; 1942–1948), куда вошли Эрнест Хемингвей, Роквелл Кент, Чарли Чаплин и др. В 1954 на конференции в Гааге был подписан предста-

вителями более 50 государств «Пакт Рериха», первоначально одобренный в 1930 Комитетом по делам музеев Лиги Наций. Этот документ призывал охранять во время войны произведения искусства, государственные и частные коллекции, художественные галереи, старинные здания.

² Музей имени Н.К.Рериха был основан в Нью-Йорке 17 ноября 1923 группой русских и американских почитателей художника (открыт в марте 1924). В Музее было выставлено 315 картин Н.К.Рериха, пожертвованных им на благо общества, представлены русские иконы и произведения искусства Востока. Со временем там было собрано более тысячи полотен художника. 24 июля 1929 попечители Музея опубликовали резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Мы, Попечители Музея Рериха, настоящим приносим наш дар народу Америки с глубокой убежденностью, что вдохновенное послание Рериха принесет этой стране новую красоту и его призыв к новому братству людей, добавит славы настоящему и будущему Америки» (*Рерих Е.И. Письма. Т.4. М.: Международный Центр Рерихов, 2002. С.447*). Этот музей прекратил свое существование в 1935. Второй Музей Н.К.Рериха был открыт в 1949 в Нью-Йорке также по инициативе русских и американцев, возглавляемых Зинаидой Григорьевной Фосдик (1889–1983) – близким учеником Н.К. и Е.И. Рерихов. В новом музее хранится около 300 картин художника, в основном посвященных «Сердцу Азии». Эти картины писались преимущественно под впечатлением путешествий в Тибет, Гималаи, Западный Китай, Алтай, Монголию. Есть в Музее и картины с изображением русских святых.

³ Статья Л.Я.Нелидовой-Фивейской о Н.К.Рерихе не учтена в справочнике: Николай Константинович Рерих: Библиографический указатель. М.: Международный Центр Рерихов, 1999.

⁴ Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882–1964) – писатель, публицист, издатель, бытописатель Сибири. Родился на Алтае, писать начал под влиянием «Записок охотника» И.С.Тургенева. Печатался с 1905, в 1911–1917 сотрудничал с журналами «Современник» и «Летопись». С ноября 1920 в эмиграции (Турция, Египет), с января 1921 – во Франции. В 1922–1923 в Париже опубликовал шеститомное собрание сочинений. В октябре 1923 в доме княгини М.К.Тенишевой состоялась встреча Г.Д.Гребенщикова с Н.К.Рерихом. Она послужила началом крепкой дружбы, определила цель дальнейшей жизни писателя, связавшего ее с учением Живой Этики Н.К.Рериха, раскрывающей пути самосовершенствования человека. Он принял эзотерическое имя Тарухан, вероятно, в честь своего прадеда, монгольского правителя Тарлык-хана. «Ваш послушный Тарухан», – подписывал Г.Д.Гребенщиков свои письма к Н.К. и Е.И. Рерихам. О том, кем стали для него супруги Рерихи, он говорил в письме к ним от 26 мая 1924: «Дивные и великие Учители! Не могу иначе называть Вас. <...> Если я с самого начала назвал Вас так, то теперь, поистине, Вы, Двое – наши Учители и духовные вожди» (Десять писем Г.Д.Гребенщикова к Н.К. и Е.И. Рерихам // Дельфис (М.). 2001. №1(25). С.35). Н.К.Рерих советовал писателю переехать в США. В апреле 1924 супруги Гребенщиконы прибыли в Нью-Йорк, где стали служителями Музея им. Н.К.Рериха. В Нью-Йорке в том же 1924 писатель принял участие в создании издательства «Алатас» (в переводе с казахского «Белый камень»), став его директором-распорядителем. В марте

1927 издательство перешло в личное владение Гребенщикова и из Нью-Йорка было переведено в деревню Чураевку в штате Коннектикут, основанную им в 1925. «Алатас» издавал книги самого Гребенщикова и других русских писателей, живших в то время в Америке, среди них: «Пути Благословения», «Сердце Азии», «Держава света» Н.К.Рериха, «Звенигород Окликанный» А.М.Ремизова, «Голубая подкова» К.Д.Бальмонта, «Книга жизни» проф. И.А.Сикорского.

⁵ «Град обреченный» – символическая картина Н.К.Рериха (1914) об ужасах войны.

⁶ Беловодье – земля истинного блаженства, обетованная земля, «названная легендарной страны, где, по народным представлениям, распространенным среди старообрядцев XVII–XIX вв., сохранилось древлеправославное благочестие в первозданном виде. <...> Многие старообрядцы пытались найти эту страну» (*Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. С.44). См. также статью Н.К.Рериха «Беловодье»: *Рерих Н.* Листы дневника. Т.2: 1936–1941. М.: Международный Центр Рерихов, 1995. С.23-29.

⁷ Гребенщикова Татьяна Денисовна (1896–1964) – жена писателя.

⁸ Речь идет о дачном поселке Чураевка (штат Коннектикут), расположенном у слияния рек Хусатоник и Помпераг, близ города Саутбери (ныне в черте города). Основан в 1925 Г.Д.Гребенщиковым, мечтавшим создать здесь деревню-сад, место отдыха и творческого труда. Чураевка названа в память скита, затерявшегося в горах Алтая, в котором начинаются события эпопеи «Чураевы». Первыми поселенцами Чураевки были вестраны Белой армии или члены их семей. В свое время здесь жили И.Л.Толстой, С.В.Рахманинов, М.А.Чехов, М.М.Фокин, Н.К.Рерих. Владевший большим участком И.И.Сикорский часто навещал Чураевку, но в ней не жил. Сюда приезжали А.Т.Гречанинов, Ф.И.Шаляпин, Г.В.Вернадский и другие деятели науки и искусства. В 1927 из Нью-Йорка в Чураевку Гребенщиков перевел издательство «Алатас». Основная достопримечательность Чураевки – часовня Св. Сергия Радонежского, сложенная из дикого камня и с позолоченным куполом. Часовня была построена по проекту Н.К.Рериха на деньги, пожертвованные Гребенщиковым. 14 сентября 1930 часовня Св. Сергия Радонежского была открыта. Американцы, жители г. Саутбери, из-за трудности произношения называют Чураевку «Russian Village» («Русская деревня»). Некогда здесь жило 30 русских семейств. После смерти Гребенщикова жизнь в Чураевке стала угасать. В конце 1980-х лишь в 18 домах жили хозяева русского происхождения. Теперь в деревне несколько русских. Тем не менее здесь до сих пор сохраняются русские названия улиц: Russian Village Road, Kiev Drive, Tolstoy Lane. Следует отметить, что роман-эпопея Гребенщикова «Чураевы» оказал большое влияние на литературные вкусы русской молодежи в эмиграции. С 1926 по 1934 в Харбине существовал кружок «Молодая Чураевка», объединявший многих молодых поэтов и прозаиков, названный так в честь этого романа, а в начале 1930-х была основана «Шанхайская Чураевка».

О САНИНЕ¹

Будучи в Нью-Йорке, А.А.Санин часто заходил к нам после спектаклей в театре Метрополитэн, где он был главным режиссером.

Санин любил слушать и мечтать у рояля, когда Фивейский играл оперы.

– Ваша музыка утешает меня от всех моих огорчений! – говорил он Михаилу Михайловичу. – Я отдыхаю только около вашего рояля! Как я соскучился по настоящему высокому искусству! Как бы я хотел поставить оперу вместе с вами, маэстро!

Как-то он сказал:

– Вот, все эти Оболенские, Трубецкие², Волконские³ считают себя большими князьями!.. А я, Санин, заявляю, что есть здесь только один князь, князь музыки – Фивейский!

Александр Акимович Санин (Шёнберг), талантливый режиссер, актер, участник первых постановок МХТ, режиссер Александринского театра, Малого театра, сезонов Русской оперы в Париже и в Лондоне, в Милане и т. д., – был еще более известен своим двуличием и неискренностью. Поэтому я спросила, выслушав его похвалы:

– Так ли вы говорите, когда нас нет?

– Лидия Яковлевна! – укоризненно воскликнул Санин. – Да ведь всем известно, что я ставлю Михаила Михайловича выше всех дирижеров с мировыми именами!

Это правда – Санин всегда отзывался о Фивейском восторженно и в глаза и за глаза. Но о двуличности знаменитого режиссера, которого ценила и Америка, и Италия, где он был много лет главным режиссером «Ля Скала Опера» в Милане, – ходили анекдоты.

– Душечка моя, ты же гений! – с распростертыми объятьями обращался он к певцу и тотчас же, отвернувшись в сторону, говорил другому: – Гений-то, конечно, ты! А он бездарность!

Но действительно талантливых людей он ценил глубоко. Фивейским он был искренно покорен. Я сама слышала, как он говорил князю Алексею Александровичу Оболенскому на концерте, где он выступал как певец:

– Нет, Алексей Александрович, князь-то вы только в жизни, а в музыке-то вы просто Оболенский! А настоящий-то князь музыки вон там стоит скромненько у кулис! – и Санин указал на Михаила Михайловича, что-то объясняющего музыкантам в их оркестровых партиях. – Фивейский не только в музыке князь, он и в жизни князь... Мышкин. Да, в музыке он великий князь, а в жизни князь Мышкин. Слишком он тонок и деликатен для нашего времени – погибнет зря большой русский музыкант...

Санин называл меня Настасьей Филипповной или Грушенькой Достоевского. Иногда называл меня Таис⁴, а мужа Атанаилом⁵.

Но я до сих пор не знаю, чем объяснить такую резкую выходку Санина по отношению к Оболенскому, обладателю прекрасного баса и человеку весьма добродушному и скромному. Неправ был он и по отношению к другим князьям, будто бы чванившимся своими титулами. Напротив, все они были просты и скромны. (По крайней мере те, которых я встречала.) Сам Оболенский потом говорил Михаилу Михайловичу, что эта выходка Санина была попыткой интригана поссорить их и развалить вокальный ансамбль Оболенского, потому что Санину хотелось, чтобы Фивейский организовал Русскую оперу в Нью-Йорке. Видя вокруг Фивейского людей с влиянием и деньгами, он думал, что ему легко будет организовать оперу и что только Оболенский мешает этому, заняв Фивейского своим ансамблем.

– Маэстро, – говорил он, – только кликните клич, и все пойдут вам навстречу!

Санин любил делиться с Михаилом Михайловичем своими планами режиссерских постановок опер и оживленно обсуждал с ним художественные детали спектаклей. Увлекаясь и мечтая, он часто впадал в отчаяние от невозможности осуществлять на деле эти замыслы.

– Американские толстосумы скупаются дать лишнюю репетицию, – говорил он Михаилу Михайловичу, придя к нам после репетиции в театре Метрополитэн. – Все наспех, все кое-как приходится здесь! Я, Санин, я – мастер массовых сцен, а мне не дают никакой возможности проявить мое мастерство! Никому не нужны здесь наши искусства. Для них главное – «стар» (стар – звезда, примадонна), а все остальное не важно. Они идут слушать знаменитую примадонну, а не композитора, не оперу! Их интересует только верхняя нота певца, а не музыка! Знаете ли вы, что я не раз становился перед ними на колени, чтобы добиться необходимого мне! Унижался, как последний попрошайка, во имя чистого искусства! Но не всегда добивался желаемого. Чаще унижался совершенно впустую.

Однажды он пришел к нам поздно вечером в страшно подавленном состоянии:

– Друзья мои, посочувствуйте! Сегодня прогнали меня из Метрополитэна. Не поверите – я на коленях стоял перед Гатти-Казацца⁶, умоляя его оставить меня еще хотя бы на один сезон! Плакал перед ним. Не помогло! Прогнали...

Мы утешали его, чем могли, – я чаем и стихами, а Михаил Михайлович музыкой, под которую он плакал настоящими слезами оскорбленного артиста и человека.

¹ Санин Александр Акимович (наст. фам. Шёнберг; 1869–1956) – режиссер и актер. С 1887 играл в любительских спектаклях Общества искусства и

литературы, с 1898 – в труппе Московского Художественного театра. Режиссер, актер и преподаватель сценического искусства в Александринском театре (1902–1907), режиссер петербургского Старинного театра (1907–1909), театра на Офицерской (1909–1910), Свободного театра К.Марджанова (1913–1914), Московского драматического театра Суходольских (1914–1915), Большого, Малого и Мариинского театров. Участник «Русских сезонов» С.П.Дягилева в Париже и Лондоне (1908–1911). В 1922 уехал в Берлин. В 1920–1930-е работал в театрах Европы и Америки.

² Вероятно, князь Трубецкой Павел (Паоло) Петрович (1866–1938) – скульптор. В 1911–1912, 1914–1921 жил в США. В 1928 провел свою персональную выставку в Нью-Йорке.

³ Вероятно, Волконский Петр Григорьевич (1897–1925) – художник, муж дочери С.В.Рахманинова Ирины Сергеевны Волконской (урожд. Рахманинова; 1903–1969).

⁴ Александрийская куртизанка, персонаж оперы французского композитора Жюль Массне (Massenet; 1842–1912) «Таис» (1894), либретто Луи Галле по роману Анатоля Франса «Таис» (1891).

⁵ Атанаэль (Атанаил) – монах-отшельник, пытавшийся наставить куртизанку Таис на путь истинный, персонаж оперы Ж.Массне «Таис».

⁶ Гатти-Казаца Джулио (Gatti-Casazza; 1869–1940) – итальянский продюсер и театральный администратор. Руководил театром «Ла Скала» в Милане (1898–1908), «Метрополитен-Опера» в Нью-Йорке (1908–1935). В 1901 пригласил в «Ла Скала» Ф.И.Шаляпина для участия в постановке оперы итальянского композитора Арриго Бойто (Boito; 1842–1918) «Мефистофель» (1869). Премьера постановки состоялась 3(16) марта 1901. Дирижировал А.Тосканини, пели также Э.Карузо и Э.Карелли.

О СИКОРСКОМ¹

Одним из умнейших людей, которых привелось мне встречать в жизни, – я считаю Игоря Ивановича Сикорского. Об этом говорила его манера держаться в обществе и его отношение к окружающим – всегда спокойное, внимательное, чуткое, похожее на отношение взрослого к детям, которым не хотят показать, что они еще малые дети. Он серьезно и терпеливо выслушивал всякую чепуху, которую городил ему какой-нибудь болтливый дилетант, а потом каким-то удивленно-укоризненным, ему одному свойственным молчаливым взглядом заставлял его умолкнуть и сконфуженно ступешаться.

Его ум – ясный, творческий, созидательный – открыл ему широкие перспективы для плодотворной деятельности.

Человек с высокими духовными запросами, волевой, целеустремленный – Игорь Иванович Сикорский является одним из наиболее почитаемых людей в Америке, где он начал свою карьеру с весьма скромной роли учителя в русской школе при рабочей организации в

Нью-Йорке. Там он встретил свою будущую жену, Елену Алексеевну², тоже учительницу.

Россию он оставил еще при царском режиме³, недовольный тем, что ему не дали возможности проявить свои конструкторские дарования в полной мере. Но, веря в себя, он отправился в чужие страны искать более благоприятной атмосферы для своей деятельности на пользу науки и человечества. Шила в мешке не утаишь – талантом и знаниями Сикорского заинтересовались сначала русские организации, а потом американские и постепенно выдвигали его, субсидируя его начинания и давая ему возможность осуществлять на деле его авиационные идеи и замыслы. Теперь на его авиационном заводе работает несколько тысяч человек. Пять тысяч русских эмигрантов накормлено хлебом Сикорского. До своего самостоятельного дела он работал в американской авиационной корпорации.

О том, насколько почитает его Америка, свидетельствует хотя бы этот маленький эпизод: однажды, торопясь на свой аэропланый завод, около Бриджпорта он нечаянно наскочил автомобилем на маленького оленя, выбежавшего из лесу на дорогу, как это часто случается в этих местах. Игорь Иванович остановил автомобиль и, подобрав раненого оленя, помчался с повинной в полицию для уплаты штрафа. Несмотря на строгость этих законов, с него не только не взяли полагающегося за это штрафа, но еще любезно обещали сделать из оленя чучело в память рыцарского благородства и честности Сикорского, не побоявшегося явиться с повинной за свой нечаянный поступок.

– Этот олень будет предупреждением и назиданием всем неосторожным автомобилистам! – заявил начальник полиции.

Брунет, выше среднего роста, с карими вдумчивыми глазами, он отличался необычайной сконцентрированностью мыслей и четкостью слов, действий и поступков. Всегда сдержанный до суровости, он в то же время был на редкость отзывчивым и добрым человеком, внимательным и чутким ко всем. Я никогда не видела его улыбающимся или смеющимся, но никогда не видела его и мрачным или печальным. Он всегда был ровен, сосредоточен, серьезен и спокоен. Без тени надменности и недоступности, – он внушал всем невольное уважение. Наверное, как и у всех людей без родины, – жизнь его была не всегда гладкой, но никакие эмоции никогда не проявлялись на его красивом строгом лице человека сильного и твердого, как скала. Он не проявил никаких эмоций даже тогда, когда на его глазах сгорел аэроплан с летчиком во время пробного полета, который он наблюдал, стоя на аэродромном поле. Ни один мускул не дрогнул на его лице, но он тотчас же принял меры для обеспечения семьи погибшего летчика и заботился о них, как о своих родных. Обычно он сам первый пробовал полеты своих новых аэропланов и побивал ре-

корды высоты вместе со своим помощником, капитаном Б.В.Сергиевским⁴, проявляя полное бесстрашие и непоколебимое самообладание. В нем было врожденное презрение к опасностям, физической боли, лишениям и всяким эмоциям, как у древнего спартамца времен Ликурга.

Особым проникновенным чутьем угадывая человека, он не делал ошибок в выборе друзей и своих помощников по работе. Чувство недоверчивости или подозрительности у него совершенно отсутствовало. Помню недовольный ропот его помощников, когда Игорь Иванович повел нас с мужем показывать новый строящийся четырехмоторный аэроплан в двадцатых годах: они бы не позволили этого! Но знаю, когда другие, очень интересовавшиеся этим строительством, не могли никак добиться разрешения.

– Сейчас я покажу вам свои воздушные корабли и коляски, – сказал Сикорский Фивейскому, когда мы сидели в его большой, уютной гостиной, за открытыми окнами которой шелестел густой лес живописного штата Коннектикут.

За спиной моего кресла начались какие-то приготовления, устанавливались аппараты, а на противоположной стене натягивалось белое полотно экрана, на котором замелькали кинематографические изображения разных моментов из жизни и деятельности знаменитого конструктора аэропланов. Вот его «Илья Муромец»⁵, где рядом с Игорем Ивановичем стоит последний русский царь Николай II. Вот его «Амфибия», где около серьезного и сосредоточенного Сикорского мы увидели мрачно улыбающегося Рахманинова⁶. Вот Игорь Иванович на вертолете парит над дымящимся Везувием, в полном одиночестве, с глазу на глаз с огнедышащей стихией, опускаясь так низко над жерлом вулкана, что мы видим раскаленную кипящую лаву и красные языки пламени в нем.

Глядя на спокойное лицо Игоря Ивановича, озабоченного только тем, чтобы кинематографический аппарат стоял прямо и функционировал правильно, можно было только удивляться тому, как гармонично сочетались в его натуре огромная сила ума, воли и гениальности – с простотой и скромностью! С такой же простотой и спокойствием, с каким он парил над огромным Везувием, – он неподвижно останавливается в воздухе над грядкой фермера, который угощает его сорванной с грядки морковкой и рассказывает ему о своих фермерских делах. Игорь Иванович мирно беседует с ним, сидя в своем воздушном кресле, неподвижно остановившемся в воздухе, и грызет морковку.

– Меня угнетает мысль, что мои изобретения могут быть употреблены для истребления людей на войне! – признался он как-то Фивейскому в одной из откровенных бесед с ним.

А в другой раз радостно рассказывал ему:

– Я так счастлив, что мой вертолет спас людей, погибавших в джунглях! Только вертолет мог приземлиться к тому месту, где они находились. Как бы я хотел, чтобы мои изобретения служили бы только для пользы и счастья людей!

Большой друг Сергея Васильевича Рахманинова и других всемирно прославленных музыкантов, Сикорский высоко ценил Фивейского как музыканта. Однажды он говорил Михаилу Михайловичу:

– Вернувшись домой с того вечера, когда вы исполнили Патетическую симфонию Чайковского, я не мог заснуть всю ночь, охваченный глубоким впечатлением этих бесподобных звуков! Я всю ночь играл на рояле эту симфонию, заводил пластинки граммофона со знаменитыми дирижерами, но все это было не то! Скажите, в чем же секрет вашего исполнения этой гениальной симфонии?

Сикорский очень любит музыку и поэзию и сам одарен большим литературным талантом, унаследованным им от своего отца, известного писателя-философа, автора многотомных трудов⁷.

¹ Сикорский Игорь Иванович (1889–1972) – авиаконструктор. Учился в Военно-морском корпусе в С.-Петербурге (1903–1906), затем в Киевском политехническом институте. С 1908 занимался конструированием вертолетов и самолетов. В 1912 был принят на работу на Русско-Балтийский вагонный завод в качестве главного конструктора авиационного отдела, где создал первые русские самолеты-гиганты «Русский витязь» (1913) и «Илья Муромец» (1913–1914), последний использовался во время Первой мировой войны как бомбардировщик. Для военных целей строил также легкие самолеты-разведчики и истребители-перехватчики. В 1918 уехал во Францию, в 1919 – в США. В 1923 создал свою самолетостроительную фирму «Sikorsky Aeroengineering Corporation», которая стала разрабатывать модели самолетов-амфибий, нашедших широкое применение во всех частях света. Его «летающие лодки» совершали полеты через Тихий и Атлантический океаны. Четырехмоторная амфибия С-44 использовалась в армии США в качестве бомбардировщика во время Второй мировой войны. В конце 1930-х, когда спрос на самолеты-амфибии упал, фирма И.И.Сикорского слилась с фирмой «Voight», в результате чего возникла новая фирма «Voight-Sikorsky Aircraft». В это время Сикорский занялся вертолетостроением. Его двухместный вертолет С-47, созданный в конце 1941, также был принят на вооружение армией США во Второй мировой войне. В 1943 Сикорский создал свою фирму «Sikorsky Aircraft». В 1957 вышел на пенсию.

² Неточность. Жена Сикорского звали Елизаветой.

³ Неточность. Из России Сикорский уехал в 1918.

⁴ Сергиевский Борис Васильевич (1888–1971) – летчик-испытатель, авиационный инженер, общественный деятель. Будучи студентом Киевского политехнического института, познакомился с Сикорским. Во время Первой мировой войны был командиром роты и начальником команды разведчиков. В 1916–1917 учился в Севастопольской военной авиационной школе.

Воевал в отряде истребителей на Юго-западном фронте. Осенью 1917 произведен в чин капитана. С 1923 жил в США. Встретившись с Сикорским, стал работать в его фирме летчиком-испытателем и авиационным инженером. Вместе с Александрой Львовной Толстой (1884–1979) Сергиевский участвовал в создании Толстовского фонда в Америке (1939), был вице-председателем и членом совета директоров фонда в течение многих лет.

⁵ Создав в 1914 четырехмоторный самолет-гигант «Илья Муромец», Сикорский совершил на нем уникальный для того времени полет по маршруту Петербург–Киев–Петербург. По возвращении в Петербург авиаконструктор был награжден Николаем II орденом Святого Владимира 4-й степени.

⁶ Рахманинова и Сикорского связывали узы дружбы. Когда авиаконструктор создавал свою самолетостроительную фирму «Sikorsky Aero-engineering Corporation», Рахманинов оказал ему финансовую поддержку, подарив 5000 долларов.

⁷ Иван Алексеевич Сикорский (1842–1919) – психиатр, профессор Киевского университета, автор работ по вопросам общественной психологии, проблемам воспитания и др. См., например: Черты из психологии славян. Киев, 1895; Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина. Киев, 1912; Психологическое направление художественного творчества Гоголя. Киев, 1911; Воспитание в возрасте первого детства. СПб.: Рябенко, 1884; О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России. Киев, 1899; Основы алкогольной политики в России. Киев, 1912.

О ФОКИНЕ¹

В 1926 году Михаил Михайлович Фокин пришел в дирижерскую комнату, чтобы просить М.М.Фивейского продирижировать его балетным спектаклем в театре «Ипподром»² в Нью-Йорке.

– Для первого выступления в Америке моего балета я не хочу никакого другого дирижера, кроме вас! – говорил Фокин Фивейскому, сидя в его дирижерской комнате в театре «Сенчюри»³ (теперь уже не существующем, как и театр «Ипподром»), где в тот день выступал в программе своих произведений приехавший из Франции Морис Равель⁴ – маленький, тихий, черненький. Его импресарио был С.Юрок, устраивавший в этом же театре гастроль Маргарет Метценауер⁵ и других знаменитостей. Дирижировал М.М.Фивейский.

– Я согласен на какие угодно условия, какие бы вы ни потребовали! – горячо упрашивал Фивейского знаменитый балетмейстер.

Фивейский не любил дирижировать балетом. Еще будучи юношей, он отказался быть дирижером балета в Большом театре, куда его хотели устроить Ипполитов-Иванов⁶ и Арендс⁷. Из-за его не любви к балету у меня было пролито немало слез, – почти всегда мне сопровождали на концертах другие музыканты, а не он. В очень редких случаях Фивейский снисходил к моим мольбам и со-

глашался аккомпанировать мне в вальсах Шопена, в «Лебеде» Сен-Санса, в «Осенней песне» и «Романсе» Чайковского⁸.

Он наотрез отказался дирижировать балетом Фокина, который сказал с гордым достоинством:

– Маэстро, но ведь балет Фокина – явление исключительное! Вот вы дирижировали спектаклями Шаляпина⁹, самого капризного и взыскательного артиста... В балете – я Шаляпин! Конечно, не по капризам, – поправился Фокин, – но по творческому мастерству и мировому значению. Фокин – имя всемирно известное!

– Не спорю, Михаил Михайлович, что в балете вы непревзойденный мастер, – старался утешить его Фивейский. – Но я просто не способен аккомпанировать балету, не способен координировать музыку с движением ног!

Фокин и обижался, и сердился, и упрашивал Фивейского, сломить упрямство которого помогла нужда в средствах к существованию, часто испытываемая Фивейским. Он вынужден был согласиться дирижировать балетом Фокина в огромном театре «Ипподром», где в то время, в середине двадцатых годов, происходили грандиозные театральные зрелища: тут были и дрессированные слоны, и необъезженные лошади с ковбоями и быками, и балет, и певцы с мировыми именами, и тигры со львами и укротителями... На просторной эстраде один номер быстро сменялся другим, и балет Фокина начинался сразу после итальянского певца, так что предыдущий дирижер не успел из-за своей тучности еще сойти с подиума, как Фивейский уже должен был начинать «Кавказские эскизы» Ипполитова-Иванова¹⁰, и взмахнув своей палочкой, Фивейский нечаянно ударил ею по лысине поспешно сходявшего вниз предшественника. Он безмолвно, мимикой и жестом, извинился перед пострадавшим. Тот, поглаживая свою ушибленную лысину, сказал с улыбкой: – Олл райт, маэстро! Бизнес из бизнес!

После, довольный успехом своего балета, Фокин любил говорить:

– Ну, еще бы! Ведь для успеха моего балета соединились три Михаила Михайловича: я, Ипполитов-Иванов и Фивейский!

Балетная студия Фокина помещалась в миллионерском особняке на Риверсайд Драйв, около 74-й улицы в Нью-Йорке (теперь этот особняк снесен и на его месте выстроен обычный небоскреб). Залы нижнего этажа были украшены картинами Фокина, хорошо рисовавшего масляными красками. Особенно запомнился мне его автопортрет во весь рост и в натуральную величину, в испанском танце. Картина была нарисована мастерски. Казалось, что даже слышен стук кастаньет и каблук в этой стремительно изогнутой тонкой и гибкой фигуре испанца-Фокина. Михаил Михайлович Фокин был разносторонне одаренной натурой и по праву заслужил свою мировую славу. Это не был только ловкий танцовщик с изумительной

балетной техникой, – это был большой артист с огромной творческой фантазией и яркостью и глубиной мысли. Тонкий, стройный, чуть выше среднего роста, с правильными чертами нервного лица, он поражал на сцене разнообразием своих перевоплощений в создаваемые им художественные, красочные образы, – один вдохновеннее другого! Казалось, он вечно горел огнем своих творческих фантазий.

В вестибюле балетной студии Фокина стоял большой темно-коричневый саркофаг. Не знаю, зачем понадобился Фокиным этот мрачный египетский гроб среди их нарядных зал. Он наводил страх на меня, хотя в нем лежали только старые балетные туфли Веры Петровны Фокиной.

Вера Петровна занималась с детьми в своей балетной студии в верхнем этаже, а Михаил Михайлович занимался и репетировал с взрослыми учениками и профессиональными балетными артистами в залах двух нижних этажей.

После отъезда Павловой из Америки классический балет здесь заглох, и Фокину приходилось заниматься только преподаванием в своей балетной студии. Он очень скучал о театре, о живой творческой работе. Работа в студии с учениками не могла заменить ему сцену.

Балетное искусство в Америке в те годы сводилось только к фок-стротам, чарльстонам и т. п. акробатически-спортивным номерам.

– Я не верю, что Америка не любит классического балета! – говорил он убежденно. – Это искусственно созданное ошибочное мнение. Нет, классический балет еще не отжил своего века!

И он всеми силами старался создать свой балет.

Однажды Фокин обратился ко мне:

– Самородок! – (такое прозвище он дал мне почему-то) – хотите быть артисткой балета Фокина?

Он с особым шиком произнес три последние слова.

Я согласилась и принимала участие во многих его балетах, которые вскоре ставились в Янки Стадиуме¹¹.

К этим годам его жена, Вера Петровна, уже значительно отяжелела, и ее ноги приняли форму рояльных ножек, хотя ее грация осталась такой же пленительной и стальной носок удивлял своей крепостью американцев, скорее даже боявшихся за крепость подмостков, когда она прыгала на одном носке, изображая сказочную птицу Феникс. Какой роскошный волочил за нею шлейф из синего шифона, изображающий длинный и пышный хвост волшебной птицы, искрящийся всеми переливами цветов радуги! Она была необычайно эффектна в этой роли.

Как-то на репетиции балета «Медуза»¹² (на музыку Чайковского, «6-я симфония»), когда Вера Петровна, изображая трагические пе-

реживания Медузы, ломала свои руки в отчаянии посреди зала студии, а Фокин, стоя на скамье у стены, кричал ей:

– Вераша, да потряси же хоть головой для пушего трагизма! А то ты слишком однообразно мотаешь руками! – тут вдруг произошло неожиданное происшествие: один из танцовщиков, стоявших на выступе мраморного камина, изображавшего крутой выступ скалы над морем, и целившихся копьями в Медузу, так неловко спрыгнул со скалы, что задел своим копьём Веру Петровну.

Надо было видеть искажившееся ужасом лицо Фокина!!!

– Вераша!!! – крикнул он не своим голосом и, спрыгнув со скамьи, бросился к ней.

Схватив ее на руки (груз не малый!), он побежал с ней вверх по ступеням вестибюля, при гробовом молчании всех участников балета, боявшихся даже взглянуть на провинившегося танцовщика, который, побледнев от страха, стоял недвижно у окна и молча нервно тербил бахрому шторы. Голые колени его дрожали мелкой дрожью, как у раненого иноходца...

Всем было известно, какой грозой иногда бывал обычно мягкий и добрый Михаил Михайлович Фокин!

Его отсутствие показалось всем томительно долгим. Но вот он спускается с верхнего этажа по широким мраморным ступеням и, войдя в зал студии, говорит каким-то устало-примиренным голосом:

– Господа, репетиция продолжается!

Танцовщики (и я в том числе) весело вскочили опять на выступ камина и стали целиться копьями в середину зала, в отсутствующую Медузу, так как Вера Петровна не вернулась в студию. Все поняли, что она уговорила мужа оставить без наказания злополучного танцовщика, которому очень благоволила за его красоту, уменье целовать ручки и ловко подавать ей манто.

Одна шаловливая танцовщица как-то задела меня фразой:

– Вас ласкают все Музы, поэтому в поэзии вы балерина, а в балете вы поэт!

Я страшно обиделась.

– Михаил Михайлович! – обратилась я к Фокину и от волнения не могла даже выговорить то, что хотела. – Она говорит, что я... Нет, вы сами скажите, кто из нас в балете поэт? Она или я?

– Ну, ну, – сидя на корточках на маленькой тумбочке у стены, сочувственно протянул ко мне обе руки Фокин. – Ну, ну, в чем дело?

– Нет, вы скажите, кто из нас в балете поэт? Она или я?

– Поэт в балете? – серьезно переспросил Фокин. – Конечно вы!

Я села на пол и закрыла лицо руками, чтобы не видеть злорадной улыбки своей обидчицы.

– Но почему же это вас так расстраивает? – склонился ко мне Фокин, отнимая мои руки от сконфуженного лица. – Вот ваша со-

перница и в жизни и в балете прозаик. Ведь потому, что вы поэт в балете, я даю вам самое поэтическое соло в «Сильфидах»!

Когда через несколько дней в студии Фокина начались приготовления к балету «Сильфиды» (или «Шопениана») ¹³, – я невольно вспомнила маленький полустанок около Томска, куда я с сестрой приезжала на каникулы к матери, жившей со старшим сыном на этом разъезде, где даже поезда не останавливались, а только замедляли ход, давая возможность нам прыгнуть на ходу поезда. Там, залезая для ночлега на сеновал, мы прикалывали к голым бревнам стены фотографии любимых артистов. Могла ли я думать тогда, что эта волшебная на картинке Вера Фокина будет с сантиметром в руках измерять меня для новых пачек Сильфиды?.. (Костюмы для «Шопенианы» шились портнихами под наблюдением Веры Петровны.)

Жизнь, как мыльные пузыри – ширятся, сияют радужными отсветами, растут и исчезают... Без следа...

До встречи с Фивейским балет для меня был просто радостной забавой, улыбкой юного тела. Но общение с таким одухотворенным музыкантом, как он, непроизвольно наложило свой особенный отпечаток, заставивший Фокина на репетиции «Шопенианы» вдруг громко заплодировать и крикнуть:

– Браво, Нелидова, поэт балета! – хотя на этой репетиции участвовали и знаменитые танцовщицы.

Но вскоре я покинула балет Фокина, потому что не могла вынести беспричинной неприязни ко мне Веры Петровны.

Однажды в студию Фокина явилась известная мультимиллионерша с намерением брать у него уроки.

– Я не занимаюсь с начинающими, – отказывался Фокин, узнав, что она еще ни у кого не училась балетным премудростям.

Мультимиллионерша настойчиво упрашивала его, предлагая какие угодно условия. Но Фокин отказывался, говоря:

– Вам просто хочется называться ученицей Фокина! Я на это не иду!

Но она предложила ему такую астрономическую цену за его уроки, что он сделал для нее исключение и принял в свою студию начинающую, после того как она решительно отказалась идти в класс Веры Петровны, где учились только дети и подростки.

После первого же урока Фокин пришел в отчаяние:

– Она совершенно лишена всяких способностей к балету! Мне легче было бы выучить танцевать слона или тюленя, чем ее!

Но Фокину нужны были деньги. У него огромные расходы на поддержание той внешней обстановки жизни, которая была бы достойной его мирового имени. Он хотел держаться на высоте, а это стоило дорого. Он как-то сказал ту же фразу, которую я слышала и от Мордкина:

– Мало того, чтобы достигнуть высоты славы – надо уметь удержаться на ней!

Чтобы не потерять доходную ученицу, Фокин придумал оригинальный выход.

– Господа, мы приступаем к репетиции балета «Клеопатра»! – заявил он своему балету. – Заглавную роль Клеопатры исполнит мисс Дэйзи!

Все были поражены – ведь она ступить по сцене не способна, а Фокин вдруг дает ей главную роль! Что с ним случилось?!. Было известно, что она субсидирует весь балет и берет на себя расходы по постановке этого спектакля в самом роскошном театре Нью-Йорка «Сенчюри».

– Но ведь это будет позор, если он выпустит такую бездарную прима-балерину! – волновались танцовщицы.

– Вот так «удержаться на высоте»! – вспомнилась мне фраза Фокина.

Удивляло всех равнодушие к этому Веры Петровны, всегда такой ревливой к своим конкуренткам.

– Ей не стыдно, что Фокин покроет позором свое имя из-за жадности к деньгам, которые нужны для роскошной жизни и нарядов Веры Петровны! – роптали танцовщицы.

Но умный балетмейстер придумал острую вещь. Заглавная роль Клеопатры заключалась только в том, что ее весь вечер носили в раззолоченных роскошных носилках, не давая ни малейшей возможности коснуться ногой до пола. Вокруг нее танцевали все, кто угодно – жрецы, жрицы, весталки, черные рабы ее. Но ей была предоставлена только одна возможность – слегка приподняться на носилках и, сделав милостивый жест, поцеловаться с Фокиным, который за этот поцелуй Королевы Нила должен был поплатиться жизнью, и его бездыханное тело обнимала опечаленная Вера Петровна.

Сюжет этого балета (который Фокин назвал балет-драма «Клеопатра») и составил из музыки Аренского, Римского-Корсакова, Глазунова, Глинки и Танеева) – состоял в том, что жрица Тахор (Вера Петровна) любила Амана (Фокина), и любовь их была очень идиллическая, до тех пор, пока на сцену не вынесли на золотых носилках мультимиллионершу. Тут Аман с одного взгляда влюбился в Королеву Нила, Клеопатру, и отдал свою жизнь за ее единственный поцелуй!

Балет прошел блестяще¹⁴. Египетские, греческие и европейские костюмы были сделаны по рисункам Леона Бакста¹⁵ и Ан<и>сфельда¹⁶. Многие известные художники принимали участие в создании художественных декораций и бутафории. Все были довольны – и публика и артисты, а больше всех сама Клеопатра, поразившая зрителей роскошью и богатством своего одеяния и настоящими дра-

гоценными камнями на кольцах и браслетах, сплошь покрывавших ее руки и ноги.

Фокин был прав, утверждая, что классический балет еще не отжил свой век. Балет действительно стал возрождаться в Америке, но уже после смерти Фокина, скончавшегося летом 1942 года.

Собственно, возрождение классического балета началось еще с середины тридцатых годов и достигло кульминационной точки своего расцвета в пятидесятые годы. Появилось множество балетных трупп: Баланчина¹⁷, Мясина¹⁸, Сэдлер-Велс¹⁹, Монте-Карло²⁰ и другие. Но сентиментальная поэзия старого классического балета заменилась теперь спортивно-техническим мастерством. Большинство балетных артистов – русские. Лучшим танцовщиком в Америке теперь считается Андрей Еглевский²¹, женатый на дочери декоратора нашей бывшей «Русской оперы» Лидии Яковлевне Анчутиной²², тоже считавшейся самой технической балериной в Америке. Теперь она уступила свое первенство англичанке Марго Фаунтейн²³. В начале 40-х гг. блистала во Франции и Англии моя ученица Анна Чеселка²⁴, прима-балерина лондонского театра «Ковент Гарден». Почти все балетные учителя в Америке – русские.

Сын Фокина, Виталий²⁵, продолжает дело своего отца, хотя совершенно не унаследовал его таланта. Вера Петровна одиноко доживает свой век в предместье Нью-Йорка.

Постскриптум: так обстояло вышеописанное до моего отъезда из Америки.

¹ Фокин Михаил Михайлович (1880–1942) – танцовщик, балетмейстер, педагог. Окончил Петербургское театральное училище в 1898. В 1898–1918 выступал на сцене Мариинского театра. Преподаватель Петербургского театрального училища (1901–1911), художественный руководитель, балетмейстер и танцовщик «Русских сезонов» и труппы «Русский балет С.П.Дягилева» (1909–1912 и 1914). В 1918 уехал на гастроли в Швецию, из этой поездки на родину не вернулся. С 1919 жил в США, с 1921 – в Нью-Йорке, открыв там балетную школу, руководителем которой был с 1921 по 1942. В 1931 работал в театре «Колон» в Буэнос-Айресе (Аргентина), в 1934–1935 – в Парижской Опере, в 1936 – в труппе «Les Ballets russe de Monte-Carlo», в 1937–1939 – в труппе «Les Ballets russes du Colonel de Basil».

² Театр, существовавший в Нью-Йорке с 1905 по 1939, в то время самый большой в США (зал вмещал 6600 зрителей). На сцене театра ставились драматические спектакли, балетные постановки, водевили, оперы, выступали цирковые артисты.

³ Театр в Нью-Йорке, существовавший с 1911 по 1929. На его сцене шли музыкальные спектакли и пьесы Шекспира.

⁴ Равель Морис (Ravel; 1875–1937) – французский композитор. В своем творчестве испытывал влияние русских композиторов: А.П.Бородина,

Н.А.Римского-Корсакова, М.П.Мусоргского. В 1913 совместно с И.Ф.Стравинским работал над подготовкой оперы «Хованщина» М.П.Мусоргского для постановки ее в Париже.

⁵ Метценауэр Маргарет (Matzenauer; 1881–1963) – американская певица, немка по национальности. Родилась в Румынии. Училась искусству пения в Граце, Берлине и Мюнхене. Дебютировала в 1901 на сцене Оперного театра в Страсбурге в роли Фатимы в опере немецкого композитора Карла фон Вебера «Оберон» (1826). Выступала на сцене этого театра до 1904. В 1904–1911 – в труппе Придворного театра в Мюнхене. В 1911 была принята в труппу «Метрополитен-Опера». Ее дебют в этом театре состоялся 13 ноября в партии Амнерис в опере Джузеппе Верди «Аида» (1871). В «Метрополитен-Опера» она пела 19 сезонов. Выйдя на пенсию, давала уроки пения в Нью-Йорке, позже – в Калифорнии.

⁶ Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович (наст. фам. Иванов; 1859–1935) – композитор, дирижер, педагог. Выпускник Петербургской консерватории (1882), профессор (с 1893), а с 1905 по 1922 – директор (ректор) Московской консерватории. Дирижер Русского хорового общества (1895–1901), Московской частной русской оперы и Оперного театра С.И.Зимина (1899–1906), затем Большого театра (с 1925).

⁷ Арендс Андрей (Генрих) Федорович (1855–1924) – дирижер, скрипач, альтист, композитор. В 1882–1892 – в оркестре Большого театра, дирижер оркестра Малого театра (с 1892). С 1900 по 1924 – главный дирижер балета Большого театра.

⁸ «Осенняя песня» (Оп.37. №10) из цикла «Времена года» написана П.И.Чайковским в 1885–1886; «Романс» для фортепиано (Оп.5) – в 1868.

⁹ 19 февраля 1923 состоялось первое из шести выступлений Ф.И.Шалаяпина с труппой Русской оперы под управлением М.М.Фивейского в опере М.П.Мусоргского «Борис Годунов» в театре «Аудиториум» (Чикаго).

¹⁰ Концертный номер «Кавказские эскизы» М.М.Ипполитова-Иванова в постановке Фокина был показан 8 августа 1924 в Нью-Йорке.

¹¹ Стадион «Янки» («Yankee Stadium») – стадион в Нью-Йорке, вмещающий 57,5 тысяч зрителей (открыт в 1923).

¹² Балет-трагедия «Медуза» в постановке Фокина впервые был показан 26 февраля 1924 на сцене «Метрополитен-Опера» в Нью-Йорке.

¹³ Балет Фокина «Шопениана» (2-я редакция) был впервые поставлен на сцене Маринского театра в С.-Петербурге 8 марта 1908. Затем под названием «Сильфиды» (такое название «Шопениане» дал С.П.Дягилев) – на первом «Русском сезоне» в Париже 2 июня 1909. В 1913, во время своего турне по США, Анна Павлова выступала в балете «Шопениана». Сведениями о постановке этого балета при жизни Фокина в США мы не располагаем. В 1964 балет «Сильфиды» был поставлен в Нью-Йорке труппой «American Ballet Theatre».

¹⁴ Эта постановка балета «Клеопатра» в США в Списке постановок Фокина не учтена. См.: *Фокин М. Против течения...* С.462-469.

¹⁵ Бакст Лев Самойлович (наст. фам. Розенберг; 1866–1924) – живописец, художник театра, график. Учился в Академии художеств в С.-Петер-

бурге (1883–1887). В 1898 вместе с А.Бенца, Б.Анисфельдом, М.Добужинским и др. принял участие в создании творческого объединения «Мир искусства». Сотрудничал в журналах «Мир искусства», «Весы» (1904–1909), «Золотое руно» (1906), «Аполлон» (1909). В 1906–1910 руководил Школой рисования и живописи Е.Н.Званцовой в С.-Петербурге. С 1910 жил в Париже. В 1909–1922 оформлял спектакли «Русских сезонов» и «Русского балета С.П.Дягилева». Часто работал с Фокиным. С 1912 оформлял спектакли в театрах Франции, в Брюсселе, Лондоне, Риме, Нью-Йорке. Занимался станковой живописью и графикой. С 1911 по 1924 в разных городах Европы, Скандинавии и Америки провел 18 персональных выставок.

¹⁶ Анисфельд Борис Израилевич (Бер Срулевич; 1878–1973) – живописец, график, театральный декоратор, педагог. В 1900 окончил Одесскую рисовальную школу. 1901–1909 учился в Академии художеств в С.-Петербурге. С 1910 – в объединении «Мир искусства». С 1909 оформлял спектакли «Русских сезонов» С.П.Дягилева в Париже. В 1917 уехал в Японию. В 1918 переселился в Америку, жил в Нью-Йорке. Оформлял спектакли для «Метрополитен-Опера». Рисовал декорации к опере С.С.Прокофьева «Любовь к трем апельсинам», поставленной в Чикагской опере в 1921, к балетам «Азиада» и «Карнавал» для труппы М.М.Морджина (1926) и др. С 1928 жил в Чикаго, где (1929–1957) преподавал живопись в художественном институте.

¹⁷ Труппы американского балетмейстера Джорджа Баланчина (Balanchine; наст. имя Георгий Мелитонович Баланчивадзе; 1904–1983) – «American Ballet» (1935–1938) и «New York City Ballet» (с 1948).

¹⁸ Речь идет о труппе (1945–1946) балетмейстера Леонида Федоровича Мясина (1895–1979), с которой он гастролировал по США.

¹⁹ В 1931 театральным деятелем Лириан Мэри Бейлис (Baylis; 1874–1937) и хореографом Нинет де Валуа (de Valois; наст. имя Идрис Станнус (Stannus); 1898 – после 1995) была основана английская труппа «Vic-Wells Ballet». Сначала труппа выступала на сценах театров «Old Vic» и «Sadler's Wells». С 1942 труппа стала называться «Sadler's Wells Ballet», с 1957 – «Королевский балет».

²⁰ Речь идет о труппе «Les Ballets de Monte-Carlo» (1936–1939), организованной французским импресарио Рене Блюмом (Blum; 1878–1942). В 1939 труппа была переименована в «Les Ballets russe de Monte-Carlo».

²¹ Еглевский (Эглевский) Андрей (Eglevski; 1912–1972) – американский артист балета и хореограф. Ребенком был привезен во Францию. Учился искусству балета в студии Ольги Иосифовны Преображенской (1871–1962) и школе танца Любови Николаевны Егоровой (1880–1972). В 1928 стал выступать в труппе «Les Ballets russes du Colonel de Basil», позже – в Балете Вуйциковского и «Les Ballets de Monte-Carlo» Рене Блюма. В 1937 уехал в США, танцевал в труппе «American Ballet Theatre» (1937–1938), «Les Ballets russe de Monte-Carlo» (1939–1942), «Ballet Theatre» (1942–1943 и 1945), «Original Ballet russe» (1946–1947), «Grand Ballets du Marquis de Cuevas» (1950–1951), «New York City Ballet» (1951–1958). Работал с Л.Ф.Мясиним, М.М.Фокиным, Дж. Баланчиным. Снимался в фильме Чаплина «Огни рампы» (1952). Оставил сцену в 1962. Преподавал в Школе американского балета, был директором Школы классического и характерного танца.

²² Анчутина Лидия Яковлевна (Anchutina Leda) – балерина труппы Джорджа Баланчина «American Ballet» (1935–1938), с 1938 – жена Андрея Еглевского.

²³ Правильно: Фонтейн Марго (Fonteyn; наст. имя Маргарет Хукем (Hookham); 1919–1991) – английская балерина. Училась искусству танца у Г.Гончаровой (1904–1954) в Шанхае и у Серафимы Александровны Астафьевой (1876–1934) в Лондоне, а также в школе театра «Sadler's Wells». Дебютировала в 1934 в балете «Щелкунчик» в труппе «Vic-Wells Ballet». Первая большая роль (Невесты) в балете «Поцелуй феи» (1935) в постановке английского хореографа Фредерика Аштона (Ashton; 1904–1988). С 1935 – прима-балерина труппы «Vic-Wells Ballet». Танцевала во многих балетах Ф.Аштона. В 1961 в составе труппы Королевского балета приезжала в СССР с гастроями. Оставила балет в 1978. Была Президентом Королевской академии танца в Лондоне (с 1954).

²⁴ См. примеч. 6 к главе «О Мордкине».

²⁵ Фокин Виталий Михайлович (1906–1977) – танцовщик, балетмейстер, педагог, сын М.М.Фокина.

ИД

**Статьи,
исследования**

Емануил Попдимитров
С КОНСТАТИНОМ БАЛЬМОНТОМ
(Неизданная книга о русском поэте в Болгарии)
Публикация Маргариты Каназирской

5 мая 1929 года Константин Дмитриевич Бальмонт приехал в Болгарию¹. На софийском вокзале его встречали Никола Т. Балабанов², заведующий отделом культурных учреждений и фондов Министерства народного просвещения Болгарии, писатель Емануил Попдимитров³, знаток бальмонтовской лирики, и живший в Болгарии русский поэт-эмигрант Алексей Федоров.

¹ Точную дату приезда Бальмонта в Болгарию Е.Попдимитров приводит в предисловии к своей неизданной книге о русском поэте: «5 мая 1929 Бальмонт, будучи сам эмигрантом, и сам посетил Болгарию» (Архив на Народната библиотека «Кирил и Мефодий» / Архив Народной библиотеки имени Кирилла и Мефодия (далее – НБКМ). Ф.292. Ед.хр.19. Л.35). Эта дата упоминается и в его воспоминаниях: *Попдимитров Е. С Константин Балмонт (Спомени)*. – НБКМ. Ф.292. Ед.хр.19. Л.57.

² Далее везде сохранено написание «Н.Т.Балабанов» (в отличие от Н.М.Балабанова – писателя и Н.Балабанова – актера). Именно так подписывал Н.Т.Балабанов свои книги. В ряде текстов К.Бальмонта встречается «Н.Ф.Балабанов», так как поэт в письмах часто называл своего болгарского коллегу на русский манер: Николай Феодорович. См.: *Неизвестни писма на К.Д.Балмонт до Н.Т.Балабанов / Публикация на Д.Донска и Л.Петрова // Литературна история*. 1981. №7. С.99-109.

³ Согласно требованиям старой орфографии (до 1944) имя и фамилия болгарского поэта на письме выглядели следующим образом: Емануил п. Димитров («п» означало, что отец был священником, попом. В родословной поэта было три поколения священников. См.: *Биографически бележки // Емануил п. Димитров: Юбилеен сборник. По случай 25-годишна литературна дейност. 1906–1931*.

В своих неопубликованных воспоминаниях Е.Попдимитров так описал этот эпизод:

К полудню отправились я, Н.Т.Балабанов и русский поэт-эмигрант А.Федоров, небольшого роста, с пошатывающейся походкой, высоко поднятой круглой головой, с усталыми, но живыми карими глазами на красном, уже немолодом лице, озаряющемся милой улыбкой. Стоим на перроне в ожидании поезда, которым приедет Константин Дмитриевич из Белграда. Федоров немножко взволнован, сунув руки в карманы, он ходит взад и вперед мелкими шагами, постукивая каблуками.⁴

Не будем останавливаться на всех деталях пребывания Бальмонта на болгарской земле, его многочисленных поездках – в Рильский монастырь, Плевен или на Шипку. Недавно в журнале «Български месечник» Е.Димитров рассказал об основных эпизодах путешествия русского поэта по Болгарии, воскресив для читателей и несколько забытых его статей о болгарских писателях (Е.Попдимитрове, Н.В.Ракитине и Н.Лилиеве) с переводами их произведений⁵.

Настоящая публикация воспроизводит оставшуюся незаконченной книгу Е.Попдимитрова о Бальмонте, содержащую письма русского поэта, а также неопубликованные до сих пор воспоминания о нем болгарского коллеги. В комментариях обращено внимание и на некоторые другие, малоизвестные и неизвестные, детали взаимоотношений русского поэта с болгарской культурой.

До Первой мировой войны старшее поколение болгарских символистов запоем читало русского поэта, испытал на себе его влияние как в выборе новых тем и мотивов, так и в усовершенствовании музыкальности и песенной выразительности болгарского стиха. Его имя было известно в Болгарии с рубежа XIX–XX столетий⁶. Однако с анализом лирики Бальмонта болгарского читателя первым познакомил журнал «Художник»⁷, в котором наряду с известными писа-

София, 1931. С.23). В настоящей публикации эта форма сохранена во всех текстах до 1944 года, хотя Бальмонт иногда опускал «п».

⁴ НБКМ. Ф.292. Ед.хр.19. Л.53.

⁵ Димитров Е. Константин Балмонт и България // Български месечник. 1998. №6-7. С.62-89.

⁶ См.: Балмонт К. 1) Сърце на сърцата / Прев. от руски Г.Х.Бонев // Мисъл. 1895. Кн. VIII. С.799-805; 2) Кочач / Прев. М.Летов // Пролетна заря. 1905. №X. С.540; 3) Човечета / Прев. Д.Подвързачов // Ново общество. 1906. №4. С.302; 4) Заветът на битието / Прев. Х.Ц.Борина // Там же. №5. С.413 и др.

⁷ «Художник» (1905–1909) – иллюстрированный литературно-художественный журнал, стремившийся выявить новейшие тенденции в искусстве на рубеже столетий, представить классические образцы живописи и скульптуры, воспитывать изысканный эстетический вкус у читателя. Наряду с произведе-

телями-реалистами печатались и первые болгарские символисты. Х.Сиялянов в небольшом критическом эссе «Константин Дмитриевич Балмонт» справедливо отметил:

Бальмонт прежде всего поэт красоты, именно новой, по-своему понятой им красоты. Он ищет красоту везде и умеет найти ее даже там, где никто до сих пор не догадывался искать. Преобладающие настроения Бальмонта – бодрые, жизнерадостные. Он любит жизнь, любит ее во всех проявлениях.⁸

В 1943, уже после кончины Бальмонта (23 декабря 1942), Е.Попдимитров, готовя к изданию свою переписку и воспоминания о русском поэте, так оценивает в предисловии его роль в болгарской культуре:

Всем известно большое значение Бальмонта для развития нашей лирики, после Пенчо Славейкова и Яворова, для обогащения и облагораживания ее формы. Поколение поэтов со времен журнала «Художник» (в котором впервые на болгарском было рассказано о поэзии Бальмонта) до «Хипериона»⁹ и «Златорога»¹⁰.

И если поэзия (речь идет о болгарской поэзии. – М.К.) не застыла, окаменев, на пути скульптурного и тяжелого стиха Пенчо Славейкова, если она не зашла в тупик патетичности или монотонного крика безысходного пессимизма Яворова, если она расширила регистр мотивов и влила новые струи в свою гармонию, то в этом освободительном движении, среди прочих, есть определенная заслуга и *певца солнца*: «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце».¹¹

Итак, уже с середины 1900-х культурная общественность Болгарии хорошо знала поэзию Бальмонта. Переводили ее не очень часто, читатель знакомился с ней преимущественно в подлиннике, тем бо-

ниями болгарских реалистов (И.Вазов, К.Величков, Елин Пелин, К.Христов, Ц.Церковски и др.) в нем печатались ранние символисты (И.Андрейчин, Сирак Скитник, Т.Траянов, Е.Попдимитров, Л.Стоянов и др.). Издатель П.Генадиев, редакторы С.Радев, А.Балабанов.

⁸ Сиялянов Х. Константин Дмитриевич Балмонт // Художник. 1905–1906. №3-4. С.23. В том же номере автор эссе напечатал и свои переводы бальмонтовских стихотворений «Последний луч», «Мудрость сердца», «Заветы бытия», «Можно жить с закрытыми глазами» из сборников «Горящие здания» (1900), «Будем как солнце» (1903) и «Только любовь» (1903).

⁹ «Хиперион» («Гиперион», 1922–1931) – журнал группы болгарских символистов, объединившихся в литературный цех «Х». Редакторы: И.Радославов, Т.Траянов, Л.Стоянов.

¹⁰ «Златорог» (1920–1943) – журнал широкой эстетической направленности, отстаивающий поиски новых форм художественной выразительности в болгарской литературе. Редактор В.Василев, в последующие годы соредакторы Н.Лилив, Сирак Скитник, С.Казанджиев.

¹¹ Попдимитров Е. Предговор. – НБКМ. Ф.292. Ед.хр.19. Л.35.

лее что виртуозная музыкальность автора «Будем как солнце» и «Горящих зданий» трудно поддавалась переводу¹².

После Первой мировой войны и Октябрьского переворота литературная публика продолжала интересоваться судьбой Бальмонта, оказавшегося в эмиграции. В 1921 молодой темпераментный публицист А.Дзигвов опубликовал пространный очерк, написанный по печатным выступлениям поэта в пражской эмигрантской газете «Воля России». Один из эпизодов, иллюстрировавший сложные взаимоотношения Бальмонта с советской властью, был приведен полностью на болгарском языке¹³. Позже этот молодой человек стал одним из самых восторженных спутников Бальмонта, сопровождавших его в поездке по Болгарии.

В начале 1920-х редактор болгарской газеты «La Bulgarie» Н.П.Николаев сообщил в своем письме из Парижа, опубликованном в авторитетном журнале «Златорог», о волнующем выступлении К.Бальмонта по поводу 100-летия со дня рождения Ф.М.Достоевского, происходившем в театре «Vieux Colombier». Это письмо – одно из редких свидетельств того, как и что говорил Бальмонт о великом писателе¹⁴.

Известно, что в 1920-е, пережив увлечение Востоком и Японией¹⁵ и уже находясь в эмиграции, К.Бальмонт предался новой страсти – изучению языков и культур славянских стран, причем не только творчества лучших поэтов, но и фольклора – пословиц, поговорок, сказок. На протяжении двух лет (1926–1928) он регулярно публиковал свои переводы с чешского (Ярослав Врхлицкий) и польского (Ян Каспрович¹⁶), а также критические эссе о славянских поэтах и писа-

¹² По этому поводу поэт, переводчик и литературный критик, заведующий литературной страницей болгарской газеты на французском языке «La Bulgarie» Н.Дончев накануне приезда К.Бальмонта писал: «В Болгарии имя Бальмонта давно известно и заслуженно вызывает самые теплые чувства в нашей литературной среде. Не будет преувеличением сказать, что из современных русских поэтов Бальмонт и В.Брюсов (уже умерший) оказали большое воздействие на лучших наших поэтов. Правда, на болгарский язык переведено не очень много произведений Бальмонта, главным образом по двум причинам: с одной стороны, трудно передать его чрезвычайно гибкий и звучный стих на болгарском языке, с другой – близость обоих языков позволяет интересующимся читать его в подлиннике» (Дончев Н. Константин Балмонт. Един скъп гост // Лъч. 1929. 4 май, №122).

¹³ Дзигвов А. Балмонт за днешна Русия // Ден. 1921. 20 юни, №100 (3021).

¹⁴ Николаев Н.П. Письмо из Парижа // Златорог. 1922. №3-4. С.240-243.

¹⁵ Азадовский К.М., Дьяконова Е.Л. Бальмонт и Япония. Москва: Наука, 1991.

¹⁶ Врхлицкий Я. Избранные стихи. Прага, 1928; Каспрович Я. Книга смиренных. Варшава, 1928. Оба издания значатся в Списке книг К.Д.Бальмонта, вышедших в России и за рубежом (поэзия, проза, переводы), авторизованном са-

телях. Постепенно Бальмонт включил в сферу своих переводческих интересов народные песни южных славян – сербов, хорватов и болгар¹⁷.

Пристальный интерес русского поэта к феномену славянских культур не остался незамеченным болгарской общественностью. Почти одновременно он привлек внимание двух институций: Министерства народного просвещения и Славянского благотворительного общества в Болгарии (далее в тексте – Славянское общество).

Н.Т.Балабанов, педагог и знаток театрального дела, на протяжении долгих лет (1920–1932 и 1936–1944) работал в Министерстве народного просвещения Болгарии. В 1928 он стал во главе отдела культурных учреждений и фондов и с этого момента посвятил все силы своей незаурядной личности одной цели – продвижению культуры и искусства молодого государства (новой Болгарии было всего 50 лет) к более высокому, европейскому уровню, широкой популяризации древних памятников болгарского народа (включая сокровища народно-песенного творчества) и современных образцов художественной литературы за пределами страны. Можно с уверенностью сказать, что он один работал как целое министерство.

Балабанов был инициатором многих серий («Малка енциклопедическа библиотека», «Селска библиотека», «Библиотека за малките», «Библиотека за юноши», «Българска книжнина», «Родна книга» и пр.), которые издавались министерством и были доступны самому широкому кругу читателей. Он участвовал в составлении и издании первой болгарской энциклопедии¹⁸.

Н.Т.Балабанов поддерживал тесные связи со многими видными деятелями болгарской культуры: учеными (М.Арнаудов, Б.Ангелов, В.Златарски, А.Балабанов), писателями (Н.Райнов, Н.Лилиев, Г.Стаматов, А.Страшимиров, К.Христов, Вичо Иванов, М.Белчева, Е.Багряна, Д.Габе, А.Дзивгов, Георги-Асен Дзивгов, Хр. Борина, С.Красински, Ана Карима, Яна Язова, М.Грубешлиева и др.), художниками (И.Бешков, Н.Танев), композиторами и музыкантами (П.Владигеров, А.Владигеров, М.Златин), актерами (Н.М.Балабанов, В.Игнатиева) и многими другими¹⁹.

мим поэтом. Машинопись с подписью Бальмонта хранится в архиве Е.Попдимитрова (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.17. Л.1301-1302). Список был воспроизведен в кн.: *Бальмонт К. Золотой сноп Болгарской поэзии. Народные песни* / Пер. с болгарского. София: Издательство Министерства народного просвещения (далее – Изд-во МНП), 1930. С.132-133.

¹⁷ См. Последние новости. 1928. Январь–июнь (№ 2496, 2515, 2661 и др); Россия и славянство. Декабрь 1928 – апрель 1929 (№ 2, 4, 7-10, 20 и др.).

¹⁸ См.: *Данчовы Н.Г. и И.Г.* Българска енциклопедия. София, 1936.

¹⁹ См.: Централен державен архив / Центральный государственный архив (далее – ЦДА). Ф.1137. Оп.1. Ед.хр.157 (Опис на писмата до Н.Т.Балабанов).

Особой его заслугой являются ревностные усилия в пропаганде болгарской культуры за пределами страны, стремление привлечь к этому ученых и деятелей искусства, к которым он часто обращался через болгарские посольства (в основном в Париже и Риме), направлял им бандероли с книгами, приглашения и пр. В его архиве сохранилось множество писем, свидетельствующих об интенсивности таких его контактов. Так, например, он переписывался со многими славистами – специалистами в области болгарского языка, болгарской литературы и истории, театра и пр., такими как Энрико Дамиани (Италия), Андре Мазон, Леон Бальо, Леон Ламуш, Жюстен Годар (Франция), Йожен Лагранж (Бельгия), Генрих Шмид, Йозеф Грегор (Австрия), М.Сато (Япония), Й.Пата (Чехословакия), писателями К.Альберти (Польша), А.Ремизовым (Париж), доктором Й.Езихом (Хорватия), В.Михаеску, В.Христу (Румыния), режиссером А.Я.Таировым (СССР) и др.

Балабанов находился в постоянном контакте со всеми посольствами в Софии. В 1928–1929 его деятельность стала еще активней в связи с подготовкой и проведением масштабных национальных торжеств, посвященных 1000-летию царства Симеона Великого (927–1927) – периоду Золотого века болгарской письменности и древней литературы, и 50-летию освобождения Болгарии от турецкого ига и восстановления государственности. Целью этих празднеств было поднятие самосознания болгарского народа после тяжелых национальных катастроф²⁰ и суровых требований Нейсского договора (1919), по которому Болгария теряла значительную территорию. Бессспорно, Балабанов выполнял политический заказ правительства (А.Ляпчева) и монархической институции (Бориса III). Но как бы то ни было, он выступил истинным радетелем утверждения ценностей болгарской культуры в стране и за границей. Пользуясь поддержкой министра народного просвещения Николы Найденова, он приложил все свои силы и умение для обеспечения условий и усовершенствования деятельности культурных институций и создания новых²¹. Он

²⁰ После так называемой Межсоюзнической войны (Второй Балканской войны; 1912–1913) Болгария потеряла некоторые свои территории (Восточную Фракию, Южную Добруджу), незадолго до того отвоеванные у Турции в Балканской войне 1912 года. После Первой мировой войны, оказавшись в стане побежденных, вынуждена была отдать Западную Фракию (западные окраины на границе с Сербией), заплатить огромные репарации (2,25 млрд золотых франков), расформировать армию и принять 600000 болгарских беженцев. В последующие десятилетия страна переживала серьезные экономические трудности.

²¹ См.: Балабанов Н.Т. Културни и филантропични институти и културни прояви след измененијата на Закона за народната просвета от 1924 г. София, 1925.

писал письма, рассылал через болгарские посольства книги болгарских писателей, приглашал на работу иностранных деятелей искусства на выгодных для них условиях.

Приведем только один пример, относящийся ко времени приезда Бальмонта в Болгарию. Балабанову удалось вернуть в страну талантливому дирижера, русского эмигранта М.Златина, который покинул Софию в 1921. Несмотря на успешные гастролы с оперным театром «Летучая мышь» по Европе и Америке (1921–1924) и предложение остаться в США, М.Златин, получив престижную должность дирижера в Вашингтоне, принял руководство Народной оперы в Софии²².

В 1928–1929 Балабанов на средства Министерства народного просвещения направил в Париж поэтесс Е.Багряню и Д.Габе для проведения поэтических вечеров и лекций о болгарской культуре и литературе (в том числе и в Пен-Клубе). Он содействовал Георгиу-Асену Дзивгову, поэту и переводчику, в издании составленной им антологии «Poetes bulgares» (1927) на французском языке, которая привлекла внимание Леона Ламуша и многих иностранных писателей²³.

Д.Габе, побывавшая в гостях у А.Ремизова (вместе с А.Мазоном²⁴), 22 марта 1929 написала Н.Т.Балабанову:

Ремизов пожелал посетить Болгарию из-за материалов по нашим апокрифам. Его жена – археолог, преподает в Ecole des Langues orientales, она интересуется нашими раскопками, хочет видеть их и написать <статью>, а потом выступить с лекциями о на-

²² В интервью с Х.Бразицовым на вопрос, каким образом он опять оказался в Софии, М.Златин ответил: «Меня пригласил господин министр Найденов через заведующего отделом культуры, и я хочу приложить все свои усилия для поднятия уровня Народной оперы» (*Бразицов Х.Д.* Един час при... // Литературен глас. 1929. 5 май, №34).

²³ См. письма Г.-А.Дзивгова к Н.Т.Балабанову за 1928–1929: ЦДА. Ф.1137. Оп.1. Ед.хр.36.

²⁴ Андре Мазон (Mason; 1881–1967) – французский славист, профессор парижского Institut d'études slaves. Несколько раз посещал Болгарию. Автор исследований по болгарскому фольклору. В 1929 он также получил посылку с произведениями болгарских поэтов, отправленную Н.Т.Балабановым от имени министра народного просвещения. В своем ответе Мазон писал:

Глубокоуважаемый коллега,

я только что получил томики болгарских поэтов. С самым живым интересом буду их читать. Я благодарю Вас за эту посылку и хотел бы сказать через Вас господину Министру Народного Просвещения, как я тронут этим обязывающим вниманием. <...>

А.Мазон

P.S. Выступления госпожи Доры Габе о болгарской литературе имели очень большой успех. С одной из лекций – о Каспровиче – она была приглашена в Институт славянских исследований.

(ЦДА. Ф.1137. Оп.1. Ед.хр.179. Л.1).

ших древностях. Что можно сделать, чтобы они приехали, – он без нее не поедет, она для него как мать.²⁵

Дальше она сообщала о готовности Генриетты Лесли перевести болгарские народные сказки.

В этом контексте обращение Н.Т.Балабанова к Бальмонту было вполне естественным не только в порядке выполнения служебных обязанностей в связи с проведением вышеупомянутых празднеств, но и по глубоко личным мотивам: ведь он тоже был одним из переводчиков русского поэта, но не стихов, а его критической эссеистики. В 1924 Балабанов опубликовал небольшую книжку размышлений Бальмонта о художественном творчестве²⁶. Таким образом, вместе с первым своим письмом он направил этот перевод, составленную им книгу болгарских пословиц и поговорок²⁷ и сборник народных песен.

Русский поэт тут же ответил почтовой открыткой со своим портретом и посвящением: «Глубокоуважаемому Николе Т. Балабанову с преданностью сердечной. 1928. 17 авг<уста>. К.Бальмонт», а на обороте написал:

Глубокоуважаемый Болгарский Друг,

От детских дней, когда я и мои братья, в деревне, в 1877-м году²⁸ под рассказы старших щипали корпию для раненых Болгарских солдат, – и позднее, когда я читал о Кирилле и Мефодии, Болгария была для меня – совсем родная.

Болгарским языком я занимался (давно!) по Английской грамматике моего друга, оксфордского слависта, проф<ессора> Вилья-

²⁵ Письма Д.Габе к Н.Т.Балабанову. – ЦДА. Ф.1137. Оп.1. Ед.хр.32. Л.6.

²⁶ *Балмонт К.Д.* Мисли за творчеството. 1. Епоха на Възраждането. 2. Романтизъм / Прев. Н.Т.Балабанов. София, 1924. («Малка енциклопедическа библиотека». №12). Эта книга была издана в одной серии с книгами статей о литературе таких авторов, как А.С.Пушкин, И.С.Тургенев, И.Тэн, Н.Я.Грот, Д.Н.Овсянко-Куликовский, А.А.Волынский, В.Н.Златарски и др. В письме от 13 ноября 1929 к Н.Т.Балабанову Бальмонт просит новые экземпляры этой книги (см.: Неизвестни писма на К.Д.Балмонт до Н.Т.Балабанов / Публ. на Д.Донска и Л.Петрова // Литературна история. 1981. №7. С.101).

²⁷ Народна мъдрост / Съст. Н.Т.Балабанов. София: Изд-во МНП, 1928. («Селска библиотека». №5). В предисловии составитель отмечал: «У болгарского народа много пословиц и поговорок. Он вложил в них накопленный веками опыт и житейскую мудрость. Большая их часть довольно хорошо известна и употребляется всем народом, другая – а она немалая – популярна только в некоторых регионах Болгарии. <...> Моя цель очень скромна: поднести читателям серии “Селска библиотека” частицу из лучших образцов народной мудрости» (с.3). Получив эту книгу, Бальмонт 28 сентября 1928 написал Балабанову: «Болгарские поговорки блещут остроумием и меткостью» (ЦДА. Ф.1137. Оп.1. Ед.хр.12. Л.2).

²⁸ 1877 – год войны России с Турцией на Балканах, в результате которой Болгария освободилась от турецкого порабощения. После Берлинского конгресса 1878 года было восстановлено болгарское государство.

ма Морфиля. А присланные вами драгоценные книги (спасибо, спасибо от всего сердца!) – для меня прямо клад. Я сразу погрузился в несколько книг. Вижу, что скоро овладею ими. Шлю пока три перевода. Если в чем ошибся – простите – и укажите. Буду работать, хочу целого Золотого снопа Болгарской поэзии по-русски.

(1928. 17 августа)

Ваш К.Бальмонт²⁹

Таким образом, идея будущей книги переводов болгарской народной поэзии родилась еще в первом письме к Н.Т.Балабанову. В конце августа 1928 Бальмонт с удовлетворением сообщал своей второй жене Е.А.Андреевой в Москву о творческих планах, о готовности приступить к составлению «целых четырех сборников»: «Песни и сказки Литвы», «Чешские поэты XIX–XX вв.», «Народные песни Сербии и Хорватии», «Болгарские народные песни»³⁰. В письме к Балабанову от 17 августа и 13 сентября 1928 русский поэт вложил свои первые переводы болгарских народных песен. 18 сентября 1928 они появились и в парижской печати³¹.

Этот факт стал знаменательным и для другой организации – Славянского общества в Болгарии, и совсем не случайно. Со времени своего создания в 1899 Общество последовательно проводило целенаправленную программу под знаком единения всех славянских стран³². При его Правлении с 1915 работал Научно-просветительский комитет, в который входили видные болгарские ученые, общественные деятели, писатели. Одной из его главных задач было внимательное наблюдение за публикациями в иностранной печати материалов о Болгарии и болгарской культуре, за теми, кто интересовался страной и работал на славянскую идею.

Деятельность Комитета развернулась в полную силу по окончании Первой мировой войны и стала особенно интенсивной в период наибольшей активности русской эмиграции. Славянское общество первым в Болгарии выразило свое искреннее сочувствие русским изгнанникам, проявило большую отзывчивость и заботу о них, в частности об эмигрантской интеллигенции³³.

²⁹ Литературна история. 1981. №7. С.100.

³⁰ Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М.: Изд. им. Сабашниковых, 1997. С.533.

³¹ См.: Последние новости. 1928. 18 сентября, №2736. С декабря 1928 Бальмонт регулярно публикует переводы болгарских народных песен также и в «России и Славянстве» (№7, 75, 84, 86, 88, 91, 95 и др.).

³² Подробнее см: Лазарова Е. Славянского движение в България. София, 1997.

³³ Буквально на следующий день по прибытии первых русских изгнанников из Одессы в Варну в январе 1920 Славянское общество стало инициатором создания Русско-болгарского культурно-благотворительного комитета (создан 22 января 1920), который незамедлительно начал оказывать значительную по-

В эти годы Научно-просветительский комитет значительно изменил свой облик. В 1927 (ко времени установления отношений с Бальмонтом) в него входили как болгарские ученые (проф. С.С.Бобчев, проф. В.Н.Златарски, д-р Н.С.Бобчев, Н.Станев), так и русские (проф. П.М.Богаевский, проф. М.Г.Попруженко), а со следующего года на его базе стал формироваться Славянский институт³⁴. Бесменным его главой был председатель Славянского общества, профессор, член Болгарской Академии наук Стефан С. Бобчев, воспитанник Московского императорского университета, пламенный поборник идеи славянского единения. Он стремился привлечь к участию в так называемых «Славянских встречах» (регулярно проводившихся с 1924) многих русских ученых-эмигрантов, деятелей культуры из славянских стран, приверженцев славянской идеи со всех концов мира.

Бальмонт на эту роль подходил идеально. Редактор журнала «Славянски глас» и член Комитета доктор Никола Бобчев постоянно информировал читателей о выступлениях, новых произведениях и переводах русского поэта. Он перепечатал из «Последних новостей» стихотворение Бальмонта «Слава славянам!» (1926)³⁵, в котором была такая строфа:

Рус, Чех и Лех, и Серб – четыре брата,
Но между гор, полей, лесов, равнин
Забуду ли в столетних мглах судьбин
Болгара, и словена, и хорвата?

Редактор хорошо знал маленькое эссе русского поэта о чешской поэзии, в котором он спрашивал: «А кто из русских любителей словесности знает что-либо о творчестве Чехов, Сербов и Болгар? Это большой пробел, который легко можно заполнить и надо заполнить, превратив неосведомленность в обогащенное знание, в поэтическое побратимство всех славян»³⁶.

Можно предположить, что Н.Бобчеву принадлежат следующие строки в журнале «Славянски глас»: «В последние годы хорошо известный нашим писательским кругам большой русский поэт Константин Бальмонт усердно занимается поэзией славянских народов в

мощь беженцам. См.: Русско-Болгарский Культурно-Благотворительный Комитет (К пятилетнему юбилею его существования). София, 1925.

³⁴ См.: Славянски календар за 1929 г. Т.ХІХ. София, 1928. С.65; см. также: XXVII Отчет на Настоятелството на Славянското дружество в България за 1929 г. // Славянски глас. 1930. №1. С.1.

³⁵ Бальмонт К. Слава славянам! // Славянски глас. 1926. №1-2. С.3.

³⁶ Бальмонт К. Образцы чешской поэзии // Воля России. 1927. №4. С.29 (журнал выписывался Народной библиотекой в Софии). «Славянски глас» напечатал эссе на болгарском языке чуть позже, в канун приезда Бальмонта (Славянски глас. 1929. №1-2. С.21-22).

лице самых видных ее представителей. В результате этих занятий уже опубликовано несколько переводов с польского (Ян Каспрович), чешского (Ян Врхлицкий и др.), а также множество этюдов об этих и других славянских поэтах и писателях в парижских русских «Последних новостях»³⁷.

Все это и, несомненно, первая публикация переводов болгарских народных песен в «Последних новостях» (18 сентября 1928) послужило импульсом для Славянского общества и Научно-просветительского комитета, чтобы обратиться с письмом к Бальмонту и послать ему томики стихов лучших болгарских поэтов (Вазова, Ботева, Пенчо Славейкова³⁸, Яворова, Лилиева), сборники народных песен (Пенчо Славейкова, Е.Попдимитрова, Б.Ангелова и М.Арнаудова, Н.Вранчева, П.Михайлова)³⁹.

Эта «атака» ласковыми письмами и сердечными приглашениями со стороны Н.Т.Балабанова и Славянского общества кончилась тем, что 18 октября 1928 поэт ответил согласием посетить Болгарию. Второму адресату он написал:

Шлю сердечную признательность Славянскому обществу в Болгарии за его поздравления, за братский отзыв, за ценный дар. Я поистине пленен болгарским народным творчеством: песнями, сказками, пословицами. Все это манит меня, и я буду работать над ним усердно. Хорошо трудиться там, где горит огонь, от него и тепло, и светло, и радостно. <...> Приеду в Болгарию непременно. Но еще два месяца придется остаться во Франции. Мне очень хочется приехать в южно-славянские страны. Мой прадедушка был из южной России, мы кровью близки.

Вам преданный

К.Бальмонт⁴⁰

Славянское общество сыграло роль катализатора: вызвало большой интерес к личности русского поэта. О его решении посетить Болгарию быстро стало известно общественности, которая с востор-

³⁷ К.Бальмонт за българската поезия // Славянски глас. 1928. №4. С.156.

³⁸ Существует два варианта написания имени этого поэта: Пенчо Славейков или П.П.Славейков – в отличие от его отца, тоже поэта, Петко Славейкова или Петко Рачева Славейкова (П.Р.Славейкова).

³⁹ В годовом отчете Славянского общества за 1928 год записано: «За истекший год Общество не поддерживало связи со славянскими деятелями за границей, но оно отправило видному русскому поэту Константину Бальмонту, живущему в Капбретоне (Франция), произведения болгарских поэтов и сборники народных песен, так как Бальмонт занимается в последнее время переводом болгарской народной поэзии на русский язык. Таким образом, оно хотело облегчить работу этого художника и дать ему доступ к сокровищнице болгарского народного творчества» (XXVI Отчет на Настоятелството на Славянското дружество в България за 1928 г. // Славянски глас. 1929. №1-2. С.VII).

⁴⁰ Оубл.: Славянски глас. 1928. №4. С.157.

гом на это откликнулась⁴¹, а также на первые бальмонтовские переводы болгарских народных песен, отданных Н.Т.Балабановым в журнал «Златорог» (вместе с маленьким эссе о болгарской народной поэзии⁴²). По-бальмонтски взволнованно еженедельная газета «Литературен глас» ответила русскому поэту:

Солнечный поэт,

Вы оказали большую честь нашей маленькой стране – перевели несколько маленьких песен ее народа.

Мы бескрайне признательны Вам за это. Но, будьте уверены, солнечный поэт, что эти маленькие песни представляют только не-*неской зернышек моря золотого песка и изумрудов нашей болгарской народной песни.*

Если бы Вы знали всю богатую сокровищницу песен и преданий нашего страдальческого, трагического народа, созданных под гнетом пятисотлетнего тройного рабства, Вы бы ахнули в изумлении перед дивной фантазией, мистической глубиной, черной скорбью, редкой образностью и символикой нашей незапятнанной народной болгарской песни и т. д.

С глубоким поклоном
Светослав Камбуров⁴³

Это эссе действительно было «приглашением в путешествие» в прекрасный мир народно-песенного творчества болгарского народа. 13 февраля 1929 Бальмонт как бы ответил на него вторым очерком о красоте болгарской народной песни, затронувшей в его душе нечто глубоко личное, кровавленное:

Как мою утраченную, на неведомые дни, Россию, охотнее всего представляю я себе, еще невиденную мною, братскую Болгарию, с которой весною увижусь, зеленой страной, земледельческой, деревенской, сельской. Так мне и дают ее видеть Болгарские народные песни. В тонком узоре свежераспустившихся цветов и зазеленевших деревьев, – в изумрудах воскресшей озими,

⁴¹ См.: К.Д.Балмонт и българската поезия. Едно писмо до Славянското дружество – Преводи в «Златорог» // Литературни новини. 1928. 25 ноември, №9.

⁴² См.: *Балмонт К.* Българските народни песни // Златорог. 1928. №7. С.321-322. На русском языке опубликовано позже: *Бальмонт К.* Соучастие душ: Очерки. София: Изд-во МНП, 1930. С.56-57; далее – Соучастие душ, с указанием страницы). «Я дал по-Русски, – писал поэт, – несколько образцов народных песен Сербских и Хорватских. Они полны тонкости, часто ювелирной. Так называемые *Женские песни* Сербии и в особенности Хорватии пропеты глубоко чувствующими драгоценщиками <так!> песенного слова. В народных песнях Болгарии, часто еще более изящных, меня пленяет, однако, нечто иное. Я сильнее в них чувствую свою родную деревню, – в лучшем смысле, крестьянское. Поэтическая хитрость Болгарской песни – Боже мой! – да ведь это мое родное Русское поэтическое лукавство» (с.56).

⁴³ *Камбуров С.* Балмонт за България // Литературен глас. 1928. 2 декември, №12.

– в золотом сиянии тяжелых снопов, из которых сотворится для работавших душистый хлеб, – в веселых змеинных побегах виноградной лозы, свесившей обильные ожерелья золотистых и алых ягодных бус.⁴⁴

В начале 1929 еженедельник литературы, искусства и общественной жизни «Литературен глас» (1928–1944) напечатал на болгарском языке размышления Бальмонта о внутреннем родстве славянского гения, выражающие его видение возможностей взаимного сближения и духовных взлетов, «соучастия душ»⁴⁵, заключенных в поэзии чеха Й.Пелишека, поляка Б.Лесмяна и литовца Л.Гиры или в народных песнях, собранных сербом В.Йовановичем, болгариним Е.Попдимитровым и хорватом Н.Андричем, о единении поэта с его незнакомым, но существующим братом («Дорога очень проста: брат – с братом, друг – с другом»). Опять же в начале 1929 «Славянски глас» дал новые варианты переводов его стихотворений «Правда» и «Кузнец»⁴⁶.

Итак, болгарская культурная общественность была подготовлена к встрече с русским поэтом. В течение 1928–1929 в печати часто появлялись материалы Бальмонта и о Бальмонте («Златорог», «Литературен глас», «Лъч», «Мир», «Заря» и др.). Все, что писал русский поэт о Болгарии в «Последних новостях», «России и славянстве» или «Сегодня» (Рига), почти одновременно выходило в свет и в болгарских изданиях, прежде всего стараниями Е.Попдимитрова, который стал не только лучшим другом «Певца солнца», но и его главным переводчиком. В некоторых случаях материалы выходили в Болгарию раньше, чем в парижских газетах⁴⁷.

⁴⁴ Бальмонт К. Българската народна песен // Златорог. 1929. №5. С.228-232. Цит. по русскому изд.: Соучастие душ. С.59. В него Бальмонт включил переводы 11 народных песен – все из сборника Е.Попдимитрова «Самодиви» («Девушки-болгарки»), «Юная яблоня», «Пчела», «Ирис», «Белые павы», «Пахари», «Крестоносцы», «Богородичная риза», «Мариина церковь», «Святой Никола»).

⁴⁵ Бальмонт К. Съучастие на душите (Славия и Литва) // Литературен глас. 1929. 10 февруари, №22. Впервые на русском языке: Бальмонт К. Соучастие душ (Славия и Литва) // Россия и славянство. 1929. 5 января, №6. Позже вошло в книгу «Соучастие душ» (с.66-73).

⁴⁶ Бальмонт К. Правда; Ковач / Прев. Д.Бойкинов // Славянски глас. 1929. №3. С.21-23.

⁴⁷ См., например, газету «Лъч» (главный редактор И.Тодоров). В ней опубликованы следующие материалы: Дончев Н. Константин Балмонт. Един скъп гост (1929. 4 май, №122); Симидов Д. Един час при К.Балмонт (1929. 6 май, №123; в том же номере Бальмонт опубликовал свой перевод стихотворения Ивана Вазова «Вечерний час»); Карановски И. За Константин Дмитриевич Балмонт (1929. 19 май, №133); Балмонт К. 1) Славянски впечатления (1929. 8 юни, №150); 2) В единение (1929. 3 юли, №169), и др.

Весной 1929 Бальмонт вместе со своей второй женой Еленой Константиновной Цветковской совершил давно задуманную поездку по южнославянским странам. Перед отъездом поэт выступил с лекцией в Сорбонне на факультете литературы (председательствовал профессор Н.Кульман) на тему «Народные песни Литвы и Славии».

На присутствующих лектор произвел впечатление неожиданными сравнениями малайских заговоров с болгарскими девичьими заклинаниями⁴⁸, он говорил и о том, что народное творчество – это сокровищница, постоянно обогащающая поэта. Почти полтора месяца (март–апрель) он провел в Белграде, откуда совершил короткие поездки в Любляну и Загреб⁴⁹. Конечным пунктом его путешествия была Болгария.

В Софии любезные хозяева устроили гостей в фешенебельной гостинице «България» в апартаментах с прекрасным видом на площадь, царский дворец и сад. Поэт с благодарностью принял такой знак уважения и шуточно сказал: «Здесь я буду чувствовать себя, как министр или посол»⁵⁰.

День приезда в течение часа он охотно рассказывал в беседе с поэтом и переводчиком Д.Симидовым:

Знаю Болгарию уже долгие годы, и не только знаю, но я ее полюбил, как полюбил всех членов большого славянского семейства. И спешу заявить, что эти мои добрые чувства оправдались еще с самого начала, когда захотел изучить более основательно быт, песни, литературу и культуру болгарского народа: из всех славянских стран с наибольшей готовностью и незамедлительностью отозвалась Болгария, за ней Литва, на письмо, которым я пожелал установить прямые культурные связи с вами. Я был просто завален таким обильным материалом из фольклора и литературы, что мне даже пришлось купить две новые полки к библиотеке. Книги, которые я получил, раскрывают передо мной новое богатство, которое болгарский народ должен сохранить и чтить как настоящую святыню: народные песни и народные сказки.⁵¹

Программа поэта была предельно насыщенной: выступления о славянских и болгарских народных песнях в софийском театре «Роял» (7 и 8 мая), на собственном вечере лирики (10 мая), на торжественном собрании в Славянском обществе, на котором председатель

⁴⁸ Львов Л. На лекции К.Д.Бальмонта // Россия и славянство. 1929. 9 марта, №15.

⁴⁹ См. его письма к Н.Т.Балабанову: Литературна история. 1981. №7. С.103-104.

⁵⁰ Попдимитров Е. С Константин Балмонт (Спомени). Л.54.

⁵¹ Симидов Д. Един час при Константин Балмонт // Лъч. 1929. 6 май, №123.

вручил ему диплом почетного члена (16 мая)⁵², в Обществе культурного единения молодых славян (18 мая). Эти выступления чередовались поездками: в Перник и Рильский монастырь (9 мая), в Драгалевци⁵³ и на Витошу (12 мая)⁵⁴, в Плевен (13 мая), на знаменитую Шипку⁵⁵.

Хотя сроки приезда Бальмонта в Болгарию не раз менялись (сначала поездка планировалась на начало зимы, потом на конец апреля 1929)⁵⁶, но в конце концов пребывание поэта в стране совпало с торжественными событиями: с праздником Пасхи (5 мая) и с великими годовщинами Болгарии: 1000-летием царства Симеона и 50-летием освобождения Болгарии от турецкого ига (12–15 мая).

В болгарской столице царило праздничное настроение, казалось, радость растворена в весеннем воздухе. С золотых куполов кафедрального собора Александар Невского и Русской церкви, в двух шагах от которых жил русский поэт, доносились колокольные перезвоны. Письмо из Софии к Е.А.Андреевой отражает его эмоциональный настрой:

...Из далеких пишу тебе стран, неизъяснимо мне милых, ибо все здесь похоже на Россию – и благовест, и пашни, и улыбки, и язык. Я овевя лаской и вниманием и любовью, каких не знаю уже давно-давно. Я изъездил Балканские горы. Я вспомнил и Кавказ, и Крым, и Харенду, и снова наши русские дали и шири...⁵⁷

Об этих впечатлениях поэт рассказал позднее в своей книге «Сочастие душ».

Везде – и на торжественных обедах, и на лекциях – Бальмонт был окружен болгарскими писателями. Но чаще других сопровождали его в эти три недели Никола Т. Балабанов, Александр Дзивгов, Ема-

⁵² Это событие дважды было отражено в печатном органе Славянского общества: Из дейността на Славянското дружество в България // Славянски глас. 1929. №1–2. С.48–50; XXVII Отчет на Настоятелството на Славянското дружество в България за 1929 г. // Там же. 1930. №1. С.VI.

⁵³ Село Драгалевци является пригородным дачным районом Софии.

⁵⁴ Витоша – невысокий горный массив вблизи болгарской столицы.

⁵⁵ Нам не удалось уточнить дату поездки Бальмонта на вершину и в село Шипку, где находится храм в память павшим за освобождение Болгарии русским солдатам, но в письме Е.А.Андреевой поэт сообщал: «...я шлю тебе и Нинике эдельвейсы с Шипки, подаренные мне болгарским учителем и композитором, собирателем болгарских народных песен...» (*Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. С.534 (Приложение)).

⁵⁶ Бальмонт откладывал поездку в Болгарию по разным причинам: чтобы подучить болгарский язык, чтобы пробыть месяц в Белграде, две недели в Любляне и Загребе. К тому же в Любляне он ушиб ногу, и врач порекомендовал ему задержаться дней на десять. См. письмо к Н.Т.Балабанову от 20 апреля 1929 (Литературна история. 1981. №7. С.104).

⁵⁷ *Бальмонт-Андреева Е.А.* Воспоминания. С.432.

нуил Попдимитров и Алексей Федоров. 13 мая 1929, во время поездки в Плевен, он познакомился еще с двумя замечательными людьми, дружбу с которыми пронес через всю жизнь, – видным общественным деятелем Стояном Заимовым и поэтом Николой Ракитиным.

За исключением С.Заимова, все эти люди были сравнительно молоды (около сорока лет), хорошо образованны, закончили европейские университеты или стажировались во Франции, Швейцарии, Чехословакии, прекрасно владели французским и русским языками.

Прежде чем рассказать о болгарских друзьях Бальмонта, упомянем русского поэта-эмигранта А.М.Федорова, который навсегда соединил свою судьбу с Болгарией. К концу 1920-х он уже хорошо освоился в болгарской культурной жизни. Благодаря дружбе с писателем С.Чилингириным, бывшим директором Народной библиотеки в Софии (1918–1922) и председателем Писательского союза, ему удалось объездить всю Болгарию, познакомиться с ее бытом, достопримечательностями и памятниками культуры. Об этих своих впечатлениях он рассказал в серии очерков «По Болгарии. Впечатления»⁵⁸, а также в стихах («Балканы» и др.)⁵⁹, активно сотрудничал как в эмигрантской, так и в болгарской печати. Его имя неизменно присутствовало во многих юбилейных сборниках (И.Вазова, Ц.Церковского, А.Будевской, С.С.Бобчева и др.). Но самой известной работой А.М.Федорова была авторитетная «Антология болгарской поэзии» (София, 1924), изданная на средства Министерства народного просвещения, включившая в себя 110 стихотворений в его переводе, составленная с целью познакомить русскую читательскую публику с выдающимися поэтами Болгарии. Антология имела большой успех, получила широкий резонанс в стране и за границей⁶⁰.

Н.Т.Балабанов неизменно сопровождал Бальмонта в его болгарских путешествиях не только как уполномоченный министерства, но и как гид-эрудит. Педагог и журналист, литературный и театральный критик⁶¹, он активно сотрудничал в журнале «Училищен преглед», в газетах «Литературен глас», «Заря», «Днес», «Дума» и пр. Позже сам был редактором журнала «Заветы» (1934–1944) и серии книг с тем же названием. Бальмонт очень подружился с ним и называл на русский лад: Николай Федорович. Эта дружба продолжалась и позже, уже в переписке (1929–1931).

Балабанов был и одним из главных организаторов национальных Симеоновых торжеств и юбилейного Дня независимости Болгарии,

⁵⁸ Опул.: Россия. 1920. 6–31 октября, №7, 10, 15, 20, 26, 31, 42.

⁵⁹ Там же. 15 октября, № 35.

⁶⁰ См.: Руль (Берлин). 1924. 18 мая, №1050; Развигор. 1924. 14 юни, №147; Училищен преглед. 1924. №5/6; Листопад. 1924. Кн. VI; и др.

⁶¹ См., в частности: Балабанов Н.Т. Театър и драма. София, 1933.

автором программы по их проведению во многих городах и исторических местах страны (Панагюриште, Копривштица, Шипка, Преслав, Свиштов, София). Многие его идеи осуществились: издание монументальной книги (в тысячу страниц) «България 1000 години»⁶², сооружение памятников выдающимся историческим деятелям (в Обориште и Копривштице), освящение новой церкви Святых Кирилла и Мефодия в Преславе и пр.⁶³ Одним из наиболее впечатляющих эпизодов была эстафета Священного огня, зажженного 12 мая в столице Симеона Великого и принесенного 15 мая в Софию – как символ связи Второго болгарского государства с современной пятидесятилетней Болгарией (маршрут эстафеты: Преслав – Нови пазар – Тырново – Габрово – Шипка – вершина Святого Николы – Казанлык – Калофер – Пловдив – Пазарджик – Костенец – Ихтиман – София)⁶⁴.

Балабанов справедливо полагал, что русский поэт не останется безучастным к увиденному и пополнит когорту новых друзей Болгарии и болгарской культуры, как многие из тех, кому удалось соприкоснуться с ней (Э.Дамиани⁶⁵, Л.Ламуш⁶⁶ и др). Самым темпераментным спутником Бальмонта был А.Дзивгов, человек яркий, исключительно эрудированный, пишущий на болгарском и французском язы-

⁶² България 1000 години. 927–1927. I. София: Изд-во МНП, 1930.

⁶³ См.: Доклады на Н.Т.Балабанов до Министерския съвет и Министъра на народното просвещение (15 ноември 1927 и 2 декември 1927). – ЦДА. Ф.1137. Оп.1. Ед.хр.130. Л.2-11.

⁶⁴ См.: Програма за отпразнуване на тържествата по случай 1000-годишнината от Цар Симеона и 50-годишнината от Освобождението на България. – Там же. Л.12-15.

⁶⁵ Энрико Дамиани (Damiani; 1892–1953) – итальянский профессор-славист, публицист, переводчик. Читал лекции по болгарской литературе в Римском университете, в совершенстве знал болгарский язык, переписывался со многими болгарскими писателями, в том числе с Н.Т.Балабановым и Н.В.Ракитиным, много раз бывал в Болгарии. Перевел на итальянский язык сборник произведений болгарских поэтов (Poeti bulgari. Roma, 1925), стихи Пенчо Славейкова, Д.Дебелянова, прозу И.Вазова, Елина Пелина, П.Ю.Тодорова. Печатался в болгарских журналах («Завети»), был издателем и главным редактором журнала «Итало-българско списание» (София, 1931). Автор «Истории итальянского языка», «Исследований по славянским языкам и литературам». См. также: *Данчовы Н.Г. и И.Г.* Българска енциклопедия. С.326.

⁶⁶ Леон Ламуш (Lamouche; 1860–1945) – французский полковник и историк, ученик слависта Луи Леже, преподаватель университета в Монпелье, опубликовал на французском языке несколько книг о Болгарии: «Болгария в прошлом и настоящем» (1892), «Болгария» (1922), «Пятнадцать лет Балканской истории» (1928) и др. В 1929 был специально приглашен на юбилейные торжества. На болгарском языке см.: *Ламуш Л.* Петнадесет години Балканска история. 1904–1918. София, 1929. Эту книгу Бальмонт просил у Н.Т.Балабанова в письме от 10 июня 1929 (ЦДА. Ф.1137. Оп.1. Ед. хр.13. Л.5). См. также: *Данчовы Н.Г. и И.Г.* Българска енциклопедия. С.814-815.

ках⁶⁷. Он с горечью отмечал снижение экономического уровня страны в результате войны и все же мечтал видеть болгарскую культуру равной среди культур европейских держав и многое для этого делал. На современников он производил яркое впечатление своей страстностью, желанием отдать все знания на благо духовного развития нации. В 1920-е Дзивгов был публицистом, отстаивавшим свободу слова, справедливость и гуманистические принципы человеческого общежития (см. его статьи «В.Г.Короленко», «Обществен морал и обществена взаимопомощ»⁶⁸).

Редактор «Литературен глас» Д.Б.Митов в своих воспоминаниях называет Дзивгова «прирожденным аристократом и изящным литератором», который был в своей стихии, когда готовились специальные, юбилейные, номера газеты. Дзивгов считал, что они должны походить на «маленькие литературные энциклопедии», чтобы обогатить читателя новыми познаниями, представив в лучшем свете Болгарию как культурную страну⁶⁹.

В памяти Бальмонта Дзивгов запечатлелся в образе «неутомимого Мефисто», который тайно проводил с ним свои «интервью»⁷⁰. Однако критик жестоко пострадал за свои статьи, разоблачающие болгарскую судебную систему⁷¹. В 1936 он был брошен в тюрьму. Хрупкое здоровье не выдержало, но лишь за день до кончины Дзивгов был перевезен в больницу. Болгарская демократическая общественность была потрясена этой безвременной смертью⁷².

С.Заимов был одним из лидеров национально-освободительного движения болгар против турецкого ига. После освобождения он работал на поприще просвещения, образования и культуры, сотрудничал в журнале «Училищен преглед», написал ряд биографий и мемуаров. Последнее десятилетие своей жизни он посвятил созданию и поддержке расположенного на холмах близ Плевны большого мемориального комплекса в память о русских солдатах, павших в сражениях при взятии города во время войны с турками.

Знакомство с уже немолодым С.Заимовым, общение с этим «юношей 80-ти лет», по выражению русского поэта, встреча с которым

⁶⁷ См.: *Dzivgoff A.*: 1) *La vie et l'oeuvre de Lois Leger*. Sofia, 1923; 2) *L'Inompetence dans le domaine de l'histoire littéraire*. Sofia, 1924.

⁶⁸ *Дзивгов А.* 1) В.Г. Короленко // *Сила*. 1922. 18 января, №1. С.5-8; 2) *Обществен морал и обществена взаимопомощ* // Там же. 5 января, №2. С.2-5.

⁶⁹ *Митов Д.Б.* Нашите покойници // *Литературен глас*. 1938. 22 юли, №400.

⁷⁰ См.: *Попдимитров Е.* С Константином Балмонт (Спомени). Л.56.

⁷¹ *Дзивгов А.*: 1) *Млади и стари: Политико-обществени наброски*. София, 1924; 2) *Покушение срещу българското правосъдие*. София, 1933.

⁷² См.: *Литературен глас*. Специальный номер, посвященный А.Дзивгову. 1936. 4 ноября, №327; а также сборник: *В памет на Александър Дзивгов / Под ред. на Д.Б.Митов*. София, 1937.

произошла в музее под открытым небом, – все это произвело на Бальмонта неизгладимое впечатление. Волнующе и выразительно он написал: «И вот, своими руками, Стоян Заимов на холмах, где была резня, и боль, и ужас, и смерть, разбил-раскинул-вырастил цветок близ цветка, дерево близ дерева, сад над садом. Такого сада над садом, такого венчания жертвенной смерти цветущей жизнью я не видел нигде, никогда – только в Плевне. <...> Как мне близок и дорог этот сильный прекрасный человек, избравший в жизни, как и я, растение, дерево, цветок своим девизом, своим знаменем, своим голосом – над человеческим – в Вечность»⁷³.

По словам Н.В.Ракитина, единственная встреча с Бальмонтом была самым замечательным событием в его жизни. Он жил почти безвыездно в Плевене, время от времени посещая в Софии редакцию еженедельника «Литературен глас». Его редактор Д.Б.Митов любил тихого, но общительного поэта, который очаровывал своей приветливостью и обходительностью. С середины 1920-х его поэзия была очень популярна. Влюбленный в природу поэт воспринимал ее как храм, где можно причаститься, верил в мистическое слияние труженника с землей. Его лирика дышала миром природы – полем, лесом, рекой, морем, воздухом, солнцем. Уже сами названия его стихотворных сборников говорят сами за себя: «Под цъфналите вишни» (1909), «Преди да разсъмне» (1920), «Златните нишки» (1922), «Родното село» (1922), «Лес» (1924), «Морско лято» (1924), «Цветя от моите градини» (1925) и др.

Бальмонт был знаком с последними книгами Ракитина: «Слънчеви люлки» (1926), «Зима при Вит» (1929), «Пролет при Вит» (1929), «Цветя от вечната пролет» (1930), знал его стихи «Черни мъниста» (1934)⁷⁴. Прочитировав по-русски в очерке «На высотах Плевны» его

⁷³ Бальмонт К. На высотах Плевны. У Стояна Заимова – в плену // Россия и славянство. 1929. 6 июля, №32. Цит. по: Соучастие душ. С.91-93. На болгарском языке очерк опубл.: Мир. 1929. 26 юли, №8718.

⁷⁴ В сборнике «Цветя от вечната пролет» (София, 1930) Ракитин напечатал стихотворение «Дъб» с посвящением Бальмонту. В ответ тот написал:

Дорогой Поэт,

большое спасибо за новую Вашу книжку и за стих, мне посвященный. Ваше творчество проявляется свободно и Природа говорит с Вами своими голосами. <...> Мы в Париже. Но мне плохо здесь. И я больше хотел бы быть не среди каменных громад и дымного города, а там

Дето светло и огромно
Вдига слынце своя храм.

Преданный Вам К.Бальмонт
(Paris. 1932. 9 марта)
(НБКМ. Ф.333. Оп.1. Ед.хр.3. Л.2).

Бальмонт цитирует стихотворение Ракитина из сборника «Цветя от вечната пролет».

стихотворение «Солнечные люльки», он спрашивал: «В Болгарской книжке я – или в родной деревне?»⁷⁵

Творчество болгарского лирика оказалось близко поэтическим устремлениям Бальмонта, и он поспешил написать в очерке «Болгарские поэты. Никола В. Ракитин» (1929): «Поэт прозрачных стихов, непосредственных, как веяние ветра, пробившийся из темной глыбы земли зеленый росток, хруст снега под ногами одинокого путника и безглагольноречивое мерцание звезд»⁷⁶.

К 25-летнему юбилею Бальмонт поздравил Ракитина сонетом:

Далекое Болгарское село,
 Далекый и высокий город Плевна,
 В тебе сейчас гостит Весна-Царевна,
 С ней песня, стебель, цвет, полет, крыло.
 И хочется, чтоб было все светло,
 Чтоб глянул день приветно, а не гневно
 К тому, кто любит отчий край напевно,
 Кто вел ладью, взяв меткое весло.
 Чей ясный дух с родною пашней слитен,
 Кто своего не омрачил лица
 И сердцем приманил к себе сердечно –
 Перед кем и стебелек не беззащитен,
 Я встретил брата в образе певца, –
 Таков поэт Болгарии, Ракитин.

Clamart, 9 апреля 1933⁷⁷

Н.В.Ракитин ушел из жизни трагически, покончив собой, что потрясло Бальмонта, и он написал Е.Попдимитрову: «Дорогой Емануил, я получил 3 №-а “Зари” от 4-го мая, 6-го и 10-го. Почему Вы не шлете мне дальнейшие №№-а “Зари” и других газет с разъяснением несчастья? Прошу, напишите мне, кто те изверги, которые загубили Ракитина? <...> Места себе не нахожу от горя и гнева. Болгария, которую я так любил, погубила такого человека и такого поэта, как Ник. Вас. Ракитин. Его кровь обрызгала всю Болгарию! И как она смоем эту кровь?»⁷⁸

Взволнованный несправедливыми обвинениями, которые были выдвинуты чиновниками в адрес Ракитина, русский поэт, не сдер-

⁷⁵ Русский поэт сохранил болгарское слово «люлка» («качели») в заглавии стихотворения (см.: Соучастие душ. С.88).

⁷⁶ Очерк опубл.: Последние новости. 1929. 17 сентября, №3100. С незначительными поправками вошел в: Соучастие душ. С.100. Цит. по последней редакции.

⁷⁷ Сонет написан на обороте почтовой карточки с портретом Бальмонта. См.: НБКМ. Ф.333. Оп.1. Ед.хр.3. Л.1. См. также: *Ракитин Н.В.* Творчество и судьба. Стихотворения. Спомени. Разговори. Писма. София, 1985. С.366.

⁷⁸ См. письмо 34 наст. публ.

живая свои гневные чувства, откликнулся двумя короткими эссе: «Жертва вечерняя» (13 мая 1929) и «Сломанные крылья. Имени Ник. Вас. Ракитина» (24 мая 1929) с переводом стихотворения «Черные бусы»⁷⁹. Этот цикл до глубины души потряс Бальмонта и в прощальном слове он напомнил о «соучастии души» своего болгарско-го друга со всем миром:

Как чистое сердце дитяти, он пел: «Внимает небо, багрenea низко, / И дух поет безбрежно, непреложно, / Что счастье тут, что наше счастье близко, / Что на земле, что здесь возможно». Но ведь это священные слова, святые, полная правда братского лица, обращенного к братским лицам в Божеский миг Тайной вечери. А ему протянули возможность неправдоподобную, но сбывшуюся, невероятную возможность – написать, перед нахлынувшей, преждевременной смертью «Черные бусы». Нестерпимо жутко взглянуть в разятую душу терзаемого человека и видеть, как он бросает на жизнь последний взгляд – Черные бусы.⁸⁰

Из всех своих спутников и гидов Бальмонт больше всего сблизился с Емануилом Попдимитровым. Они встречались ежедневно в течение трех недель и не могли наговориться. Этому способствовала европейская образованность болгарского поэта, изучавшего философию и литературу в Монпелье и Фрибурге, отличное владение русским и французским языками и самое главное – сходство поэтических устремлений.

Е.Попдимитров на протяжении двух десятков лет (1923–1943) был приват-доцентом Софийского университета, но профессорского звания не смог получить – из-за интриг⁸¹. Он был преподавателем кафедры сравнительной истории литератур, автором книг и исследований «Естетиката на Бергсон» (1923, 1930), «Ибсен и ибсенизмът в литературата» (1924), «Френският символизъм» (1924), «Мистицизмът в индийската философия» (1936)⁸², «Философски студии» (В 2 т. 1937–

⁷⁹ Очерк «Жертва вечерняя» напечатан в «Последних новостях» (26 мая 1934). На болгарском языке опубл.: Литературен свят. 1934. 1 юлий, №10; с сокращениями: Северно утро (Плевен). 1934. 1 юлий, №771. См. также: Дума на българските писатели. 1934. 9 декабря, №3. Очерк «Сломанные крылья. Имени Ник. Вас. Ракитина» хранится в архиве Е.Попдимитрова. – НБКМ. Ф.292. Ед.хр.18. Л.411-413.

⁸⁰ Бальмонт К. Сломанные крылья. Имени Ник. Вас. Ракитина. – НБКМ. Ф.292. Ед.хр.18. Л.412.

⁸¹ По сообщению дочери поэта, карьеру эрудита Попдимитрова сдерживал заведующий кафедрой сравнительной истории литератур. Чтобы содержать семью, Попдимитрову приходилось работать одновременно в трех местах – в университете, Высшем военном училище и софийской гимназии; большая нагрузка мешала заниматься литературным трудом. См. также черновик письма Е.Попдимитрова к Бальмонту от 7 января 1935. – НБКМ. Ф. 292. Ед. хр.7. Л.17).

⁸² Философски преглед. 1936. №1.

1938), «Иследования върху строежа на стиха с оглед към българската поезия» (1942–1943)⁸³.

В его архиве хранятся лекции по сравнительной истории литературы, которые до сих пор не потеряли своего значения. Попдимитров был настоящим интеллектуалом, но эрудиция не иссушала поэтического дара. Эту особенность его таланта заметили еще современники (Н.Дончев, В.Василев). Литературный историк С.Игов справедливо подчеркивает: «Но, если *доцентщина* считается эмблемой рациональной сухости и эрудитского бесплодия людей без души, то этот *доцент* – один из самых задушевных поэтов болгарской литературы, один из ее самых эмоционально одаренных творцов, всегда грезивших романтическими видениями»⁸⁴.

Как истинный патриот, Попдимитров не мог оставаться в стороне от судьбы своей страны. Когда в результате Первой мировой войны Болгария потеряла свои западные окраины (место, где родился Попдимитров), он возглавил Верховный комитет болгарского населения, оставшегося в Югославии, принял участие в работе V конгресса национальных меньшинств в Швейцарии (1929). 28 августа 1929 без переводчика, на безукоризненном французском языке он выступил на заседании Общества народов в Женеве в защиту своих соотечественников, подвергаемых репрессиям. Общественная работа часто отвлекала его от литературных дел, но он считал себя обязанным помочь без вины пострадавшим⁸⁵.

Как поэт Попдимитров сформировался под влиянием французского и русского символизма (в том числе Бальмонта)⁸⁶. Он был сторонником поиска новых путей в поэзии, ее обновления и раскрепощения от традиционных форм. В своих первых сборниках стихов «Сънят на любовта» (1912) и «Песни» (1914) он опубликовал цикл «Женски портрети» (стихотворения «Лаура», «Ема», «Маргарита», «Лисхен», «Магдалина», «Гретхен», «Клара» и др.), которые являются уникальными в болгарской любовной лирике.

⁸³ Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. 1942 и 1943.

⁸⁴ Игов С. История на българската литература. 2-е фототипно изд. София: Проф. Марин Дринов, 1995. С.252. См. также: Кузмова-Зографова К. Поетът-интелектуалец // Български писател. 2000. 22 ноември, №33(268).

⁸⁵ См.: НБКМ. Ф.292. Ед.хр.26. Л.295. (Реч за малцинствата и репарациите и др.). Подробнее см.: Тодорова З. Емануил Попдимитров и българите от западните покрайнини // Анти. 1999. 17–23 септември, №36(405).

⁸⁶ См. его интервью с Х.Бразицовым: «Един час при Емануил п. Димитров» (Литературен глас. 1931. 21 февруари, №103). Автор интервью пишет: «Дальше господин Димитров рассказывал мне о своих увлечениях Бальмонтом – учителем молодой болгарской лирики того времени, о Верхарне, Верлене, Метерлинке».

Известный болгарский поэт-модернист Гео Милев в начале 1920-х высоко оценил лирику Попдимитрова как «поистине новую и оригинальную, самостоятельный шаг в развитии болгарской лирики», считал его поэтом, чье имя делается бесспорным, станет эмблемой «значительного поэтического свершения»⁸⁷.

Поэтическая природа Попдимитрова была всеобъемлющей: «чувство вселенскости» (В.Василев) расширяло его индивидуальное «я» до космических высот, но он не пренебрегал и самой маленькой частицей сущего. В предисловии к посмертному изданию избранных стихов (1943) известный литературный критик В.Василев справедливо обратил внимание на необычайную способность поэта преобразовать все, с чем соприкасалась его мысль: образ переходил в легенду, легенда – в миф. Он писал:

В мифе он <образ> становится поэтическим феноменом и принимает различные измерения. Отсюда склонность Е.Попдимитрова к экзотике. Его «Лаура» похожа на витраж какого-то кафедрального собора, по которому играют солнечные лучи. «Ема» напоминает инкрустацию средневекового мастера. А в самом известном стихотворении «Ирен» глубокий гинтергрунд⁸⁸ заставляет скорбную мелодию звучать как мелодию органа. «Женские портреты» Е.Попдимитрова исключительные в нашей поэзии, и, мне кажется, не только в ней. Они передают сокровеннейшие чувства человека. Своими мягкими линиями «портреты» напоминают образы Боттичелли, чувством благоговения – Фра Анжелико, а пейзажные ореолы – декорацию прерафаэлитов.⁸⁹

Бальмонт восхищался «Лаурой» и «Бурей», но признавал, что перевод их требует огромных усилий.

Попдимитров был виртуозным поэтом, с необыкновенным чувством музыкальности. Его друг, переводчик Н.Дончев, обратил внимание на эту сторону его таланта: «Немного таких поэтов, как Ем. п. Димитров, которые могут заставить нас в одной строфе, в одной только строчке ощутить величие природы и полет духа, вечно стремящегося показать невидимую связь земного и неземного, реального и нереального мира»⁹⁰.

Еще одно обстоятельство послужило сближению поэтов: Попдимитров с большим вниманием всматривался в народную душу, выраженную в фольклоре. В 1920-е, после всех войн и националь-

⁸⁷ Милев Г. <Рец.> «Стихове и песни» от Емануил п. Димитров (Кюстендил, 1921) // Везни. 1921. №9. С.178-179.

⁸⁸ От hintergrund (нем.) – задний план, фон картины или пейзажа.

⁸⁹ Василев В. Емануил п. Димитров // Димитров Е. п. Купол. Избрани стихотворения / Под ред. на В.Василев. София, 1943. С.10-11.

⁹⁰ Дончев Н. Поезията на Емануил п. Димитров // Вестник на жената. 1931. 28 март, №446.

ных катастроф, обращение к народному творчеству стало характерным явлением духовной и художественной жизни (не только поэзии, но и живописи)⁹¹. Бальмонт с большим интересом узнал о собрании из нескольких сотен народных песен, записанных от руки болгарским поэтом⁹².

Трехнедельное общение, беседы, выступления, вечера, поездки – все это располагало к сближению и лучшему узнаванию друг друга. Е.Попдимитров и другие молодые поэты были рады видеть корифея русского символизма, общаться с Учителем. А русский поэт радовался тому, что в Болгарии так хорошо знают его стихи, что у него столько почитателей, и с удивлением узнавал, что его лирика оказала значительное воздействие на развитие болгарской поэзии⁹³.

Первый вечер, на котором Бальмонт говорил о литовских и славянских народных песнях (7 мая 1929), открыл Попдимитров словом в адрес дорогого гостя. Он тонко и проникновенно характеризовал лирику «Певца солнца» и попытался дать ответ на главный вопрос: кем был Бальмонт для болгарской поэзии?

Он был учителем нашей новой лирики. Для старшего поколения поэтов, от Вазова до Пенчо Славейкова и Яворова, русскими учителями были Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Новый расцвет лирики начался с благородного влияния Бальмонта через вышедшие его сборники «Будем как солнце», «Только любовь», «Зовы древности», «Жар-птица». Все новые поэты, от самых крупных до менее значительных, испытали его воздействие. Бальмонт был осебуждающим началом для этого поколения. Он внес в нашу поэзию лирический субъективизм, самоценность личности и поэтической индивидуальности, пантеистическое мировосприятие, принцип божественной красоты, дерзость и радость жизни, расширение регистра лирической чувствительности, артистичность, нюансы и музыкальность формы; одним словом, он открыл путь к экзотическому началу, к западной поэзии и символизму. Через него нашли себя молодые поэты Н.Лилиев, Л.Стоянов, Хр. Ясенов, Д.Дебелянов, И.Грозев, Д.Подвырзачов, М.Кремен, К.Константинов, И.Карановский, Т.Траянов, Н.Райнов и многие другие, составлявшие ядро нашей поэзии с 1905 по 1915 г. – до европейской войны, десятилетний период самого интенсивного бальмонтовского влияния у нас. <...>

⁹¹ В 1919 было создано общество художников «Родно изкуство», организовавшее серию выставок под тем же названием. Девиз «Назад к родному!» получил в болгарском искусстве 1920-х очень большую популярность. См.: *Димитрова Т.* За сецесиона в българското изобразително изкуство // Проблемы на изкуството (София). 1991. Извънреден брой <Внеочередной номер>. С.3-15. См. там же статьи М.Коевой (с.16-26), Р.Маринской (с.32-44) и др.

⁹² См.: НБКМ. Ф.292. Ед.хр.17. Л.692-762, 864-892, 1167-1416 и др.

⁹³ См.: *Попдимитров Е.* С Константин Балмонт (Спомену). Л.54.

Эта признательность нового поколения поэтов, от лица которого я говорю, является скромной данью Учителю и Старшему брату Бальмонту – истинной Жар-птице поэзии.⁹⁴

Бальмонт любил многие стихи Попдимитрова – «Лаура», «Буря», «Созвучие», «Бог и я», «Ночной дождь», «Венчание», «Зоря», «Нарцисс», «Вечность» и др., много раз просил его читать их. Однажды вечером (12 мая 1929) Бальмонт признался Попдимитрову: «Сбылась мечта моей юности. Никогда я не думал, что увижу этого поэта. Но каждая мечта сбывается: вот он стоит передо мной, говорит со мной, и я радуюсь его произведениям и приятельству. О чем еще можно мечтать!?»⁹⁵ Эту мысль русский поэт повторил в очерке «В отъединении»: «Я нашел своего брата. Хорошо искать и найти. А еще лучше искать и найти его неожиданно»⁹⁶.

Любовь была взаимной. Через неделю после отъезда Бальмонта из Болгарии Е.Попдимитров рассказал своим студентам о талантливом русском поэте. Сохранились тезисы его лекции 7 июня 1929, представляющие собой любопытный документ:

I

Нескольким студентам я обещал по окончании семестра поделиться впечатлениями об одной знаменательной дружбе с большим русским поэтом-символистом К.Д.Бальмонтом, который недавно был гостем нашей столицы, и я имел честь сопровождать его и быть его гидом.

Всегда интересно людям, занимающимся литературными исследованиями, пообщаться <нрзб.> с крупными личностями, о которых им потом придется говорить или толковать их произведения.

Это называется экспериментальным методом психографии. Беседы и письма как интимная речь души.

II

1. Впечатления: от личности: на вокзале, в поездках в Рильский монастырь. Река.

2. От поэта, читающего свои стихи, лектора и переводчика (колонка по дороге в Плевну⁹⁷).

⁹⁴ *Емануил п. Димитров*. Слово за Константин Д. Балмонт (7 май 1929). – ЦДА. Ф.123. Оп.1. Ед.хр.143. Тот же текст вышел в печати под другим заглавием: Константин Д. Бальмонт. (Приветствие по случай сказката му за славянските народни песне на 7.V.1929) // Демократически сговор. 1929. 8 май, №1661; La Bulgarie. 1929. 10 mai, №1742. Готовя свою книгу о Бальмонте, Е.Попдимитров сохранил второе название с незначительными дополнениями. См. ниже – примеч. 1 к тексту приветственной речи в наст. публ.

⁹⁵ НБКМ. Ф.292. Ед.хр.19. Л.56.

⁹⁶ Цит. по: Лъч. 1929. 3 юли, №169.

⁹⁷ В своих воспоминаниях Попдимитров записал: «Во время поездки (в Плевен. – М.К.) мы остановились у одной колонки (с. Саранци), он <Бальмонт> на-

От мыслителя, пророка и критика.

III

Отдельные афористические мысли.

IV

Бальмонт и его впечатления от югославских стран и Болгарии.⁹⁸

Это дружеское и поэтическое взаимопонимание переросло в духовную связь на долгие годы. Бальмонт почти во всех очерках упоминал человека «прекрасной души Ем. Димитрова»⁹⁹, переводил его стихи, печатая их в парижских газетах («Последние новости», «Россия и славянство»), написал о нем несколько критических эссе: «Емануил п. Димитров»¹⁰⁰, «Привет певцу страны певучей»¹⁰¹, «О

рочно дольше задержался, чтобы рассмотреть “чучур” (кран, который не закрывается, и вода постоянно течет, журча), потому что в народной песне “Дели Димо и Джан-Еленка” говорилось о колонке, которую Дели Димо построил с серебряным “чучуром”. Он перевел это слово на русский язык как “журчун”» (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.26. Л.58).

⁹⁸ Там же. Л.115. Интересен и тот факт, что все эти дни – 7, 8 и 9 июня – Попдимитров посвятил русскому поэту. 7 июня он выступил перед студентами в Софийском университете. Во вступительной части лекции он обратил внимание своих слушателей на то, что очерк «Славянские впечатления» Бальмонта, только что напечатанный в «России и славянстве» (1929. 1 июня, №27) стал поводом для появления передовой статьи «Славянские распри и славянское единство» в русской газете. 8 июня этот очерк был напечатан на болгарском языке в переводе Попдимитрова (Лъч. 1929. 8 юни, № 150). 9 июня он извещал Бальмонта:

Я не написал Вам до сих пор, потому что хотел сообщить (как обещал) после выступления о моих впечатлениях от знакомства и близости с Вами. Я сделал это на последнем моем занятии в университете 7-го июня. Воздействие на студентов было очень сильное, были там и русские, которые остались особенно восхищенными.

Я получил Ваши прекрасные путевые заметки об южнославянских странах в «России и славянстве». Высылаю Вам отдельной бандеролью их перевод в газете «Лъч» и с сокращениями на французском языке в «La Bulgarie» вместе с требуемой Вами «Gramatika bulgara» с посвящением от самого автора.

(НБКМ. Ф.292. Ед.хр.7. Л.6).

Д.Танев опубликовал часть черновиков писем Попдимитрова Бальмонту в неполном виде, в частности опущен процитированный выше абзац (См.: Танев Д. Емануил Попдимитров и Константин Балмонт // Литературна мисъл. 1977. №7. С.188).

⁹⁹ Соучастие душ. С.89-90 (письмо Балабанову от 6 июня 1929).

¹⁰⁰ Там же. С.94-99.

¹⁰¹ Подлинник (машинопись с автографом) находится в специальной папке вместе с другими материалами юбилейного вечера (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.22. Л.220-221). Цит. по: Емануил п. Димитров. Юбилеен сборник. По случай 25-годишна литературна дейност. С.58-60.

книге “Глас из дълбините”. В храма на българското слово¹⁰². Второй очерк представлял собой приветствие, посланное болгарскому поэту к 25-летию его творческой деятельности, торжественно отмеченному 4 апреля 1931 в зале Военного клуба в Софии. Оно прозвучало особенной нотой на юбилейном вечере среди множества поздравлений. Известно, что Бальмонт заранее отправил его Н.Т.Балабанову, председателю юбилейного комитета и редактору юбилейного сборника¹⁰³. (Из писем видно, что Бальмонт приурочивал публикацию очерка к дате юбилея¹⁰⁴.) В своем «Привете» он заявлял:

Емануил Димитров – превосходный знаток Болгарской Народной Песни, он составил отличное собрание этих песен, и именно через него я вошел в эту заветную горницу Болгарского народного духа. Сердечное ему спасибо, что дал он мне так глубоко вдохнуть священным запахом колосьев <так!>, который драгоценнее аромата всех белых и алых роз, всех золотых и красных тюльпанов. Но Димитров не только проникновенный исследователь и знаток своей родной песни, он тонкий знаток Русского языка, русской словесности, Европейских литератур и философии не только Европейской. В его поэзии чувствуешь настоящего Арийца, Инда, который Солнцу молится, в Луну влюблен, Землю любит с сыновней почтительностью, и с заворуженностью трубадура, и с нетерпеливой, зоркой алчбой, с какою мы думаем о Желанной.¹⁰⁵

Переписка Бальмонта с Попдимитровым продолжалась с 1929 по 1937. Эти письма полны теплом, радушием, взаимопониманием, сердечностью. Их главной темой была подготовка двух книг русского поэта: «Золотой сноп болгарской поэзии» и «Соучастие душ»¹⁰⁶, готовившихся к изданию Министерством народного просвещения при поддержке Н.Т.Балабанова.

Над первой книгой Бальмонт работал с большим воодушевлением, так как считал народное творчество высшей эстетической ценностью. Он выбрал песни из собрания, которое предоставил ему бол-

¹⁰² Тридесет години литературна дейност на писателя Емануил п. Димитров. 1906–1936. София, 1936. С.52.

¹⁰³ По этому поводу Бальмонт сообщал Попдимитрову 12 февраля 1931: «Дорогой друг, я написал сегодня “Привет певцу певучей страны Емануилу Димитрову” и отослал Н.Ф.Балабанову, экспрессом, прося воспроизвести также мой очерк о Вас из “Соучастия душ” и “Горную обитель”. Буду ожидать корректуру. Когда выйдет Ваш альманах, чтобы не пропустить мне срок и напечатать мой “Привет” в “Росс<ии> и слав<янстве>”? Жму руку. Ваш К.Бальмонт». См. также письмо 25 наст. публ.

¹⁰⁴ См.: Россия и славянство. 1931. 18 апреля, №125.

¹⁰⁵ Бальмонт К. Привет певцу страны певучей Емануилу п. Димитрову // Емануил п. Димитров. Юбилейен сборник. По случай 25-годишна литературна дейност. С.59.

¹⁰⁶ См.: Бальмонт К.: 1) Золотой сноп болгарской поэзии: Народные песни / Пер. с болгарского. София: Изд-во МНП, 1930; 2) Соучастие душ.

гарский поэт, часто обращался к нему с различными вопросами в ходе работы и перевел в общей сложности 105 народных песен. Книга была снабжена предисловием Е.Попдимитрова. Во второй книге Бальмонт собрал свои очерки о славянских странах, о торжественных праздниках Болгарии, о Славянском обществе, о народно-песенной лирике и болгарских поэтах. Заключительным аккордом было стихотворение о Рильском монастыре («Горная обитель»).

В письмах отразились и трудные условия жизни русского поэта во Франции. Бальмонт хотел еще раз посетить Болгарию и даже поселиться в ней, чтобы спасти себя и семью от нищенского существования. К сожалению, это намерение натолкнулось на непреодолимые препятствия: в конце 1929 разразился всеобщий экономический кризис, который захватил и Болгарию; изменилась обстановка в софийском городском управлении (оно было захвачено левыми силами, которые не жаловали русских эмигрантов¹⁰⁷); Н.Т.Балабанов оставил свой пост в министерстве. Болгарские друзья русского поэта не в состоянии были помочь ему, несмотря на все попытки Попдимитрова что-то сделать для Бальмонта. 3 ноября 1932 русский поэт с болью писал: «Дорогой Емануил, благодарю Вас за подробное дружеское письмо. Но горько мне от него стало. Весь широкий и земной мир становится для достойных людей все более и более узким кольцом, тюрьмою и западней...»¹⁰⁸

Но Бальмонт, влюбленный в болгарскую народную песню, продолжал переводить ее образцы, печатая их в газете «Россия и славянство», и всю жизнь поддерживал добрые и сердечные отношения со своим болгарским другом, посылал ему свои новые стихи¹⁰⁹.

Письма Бальмонта к Емануилу Попдимитрову хранятся в двух архивах – ЦДА и НБКМ¹¹⁰. В ЦДА (Ф.123) находятся подлинники 45 писем, почтовых открыток, мелких сопровождающих записок, машинописных копий некоторых очерков, десятков стихотворений

¹⁰⁷ См. черновик письма Попдимитрова от 12 октября 1932. – НБКМ. Ф.292. Ед.хр.7. Л.15.

¹⁰⁸ НБКМ. Ф.292. Ед.хр.19. Л.47. См. также письмо 31 наст. публ.

¹⁰⁹ В архиве Попдимитрова (Ф.123) сохранились следующие стихотворения: «Прибаутка молвит гудко» (1933), «Алмазный ток» (1933), «Скрипка из Кремены» (1933), «В тысячелетиях» (1934), «Раковина» (1936), «Из пылинки» (1936), «Вечный юноша» (1936), «Но я тебя любила!» (1936), «В предвещии утра» (1936), «Осенняя луна» (1936), «Красный корень» (1936).

¹¹⁰ По сведениям дочери поэта доктора С.Димитровой, при передаче на государственное хранение огромный архив ее отца был разделен на две части без ясной формулировки принципа его деления. По этой причине автографы писем, тексты лекций, переводы его произведений и др. попали в ЦДА, а автографы художественных произведений, собрание народных песен, литературоведческие исследования, критические статьи и др. – в НБКМ.

русского поэта 1932–1936 гг.¹¹¹ В НБКМ (Ф.292. Ед.хр.19) лежит неизданная книга Попдимитрова о Бальмонте, которая является предметом настоящей публикации. Замысел книги, вероятно, возник задолго до ухода русского поэта из жизни¹¹², но толчком к работе послужила смерть Бальмонта, последовавшая 23 декабря 1942. Книга имеет четкую композицию: предисловие (Л.35), приветствие К.Д.Бальмонту от 7 мая 1929, письма к Е.Попдимитрову (автор выбрал 36 писем, опустив часть почтовых открыток, незначительные записки (Л.36–50) и воспоминания (Л.51–66).

Предисловие и письма напечатаны на машинке, последние пунктуально сверены Е.Попдимитровым с автографами. На них он оставил свои пометки: исправил опечатки в предисловии, в конце поставил многоточие и дату «1943 г.» (так как книга не была полностью законченной). На полях трех писем пометил «нет!», решив оставить их за рамками публикации. Мы позволяем себе включить эти письма (№6, 10, 15) в настоящую публикацию, так как они проливают свет на процесс работы Бальмонта над переводами болгарских народных песен, показывают его интерес к некоторым явлениям болгарской истории и культуры (к движению богомилов, легенде о Баяне и пр.).

Воспоминания «С Константином Бальмонтом» представляют собой рукопись на бумаге в клетку, согнутой пополам в форме тетради и переплетенной толстой ниткой. К ним приклеена вырезка из газеты «Зора» за 17 февраля 1943 с сообщением о смерти Бальмонта – свидетельство того, что именно кончина русского поэта вернула Попдимитрова к давнему замыслу – подготовить воспоминания как заключительную часть книги о Бальмонте. Но внезапная смерть Попдимитрова (23 мая 1943) не позволила закончить эту работу. Рукопись воспоминаний является первостепенным источником сведений о пребывании Бальмонта в Болгарии, содержат любопытные оценки самого Попдимитрова, рассказы русского поэта о его путешествиях и пр.

¹¹¹ На этот фонд и выдержки из переписки Бальмонта с Попдимитровым впервые ссылается Л.Ерихонов (К.Д.Балмонт и българската поезия // Септември. 1970. №1. С.249–255), позже – Р.Евтимова (см.: Втори международен конгрес по българистика. София, 23 май – 3 юни 1986. Доклади. Превод и рецепция на българската литература в чужбина и на чуждестранната литература в България. Т.13. София: БАН, 1989. С.205–212; также: Балмонт и България // Летописи. 1994. №11/12. С.63–66).

¹¹² В черновике письма от 7 января 1935 Попдимитров сообщал, что только что закончил наброски воспоминаний о Бальмонте. Дальше он спрашивал: «Будет ли удобно Вам выслать мне короткую автобиографию вместе с Вашим портретом?» (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.7. Л.17). Можно предположить, что болгарский поэт собирался подготовить книгу, но сверхзанятость, материальные проблемы (содержание большой семьи) и хроническая болезнь (сахарный диабет) препятствовали этой работе.

Очень ценными, на наш взгляд, являются заметки Попдимитрова о торжественном вечере в честь Бальмонта в Славянском обществе (16 мая)¹¹³, которые так описывают этот «болгарский» эпизод его жизни:

На славянском вечере в честь Бальмонта Стефан С. Бобчев вручил поэту значок Славянского общества (в «Славянска беседа»¹¹⁴). Бальмонт выступил с импровизацией: «Я русский, я русый, я рыжий» и пр.»¹¹⁵

Далее Попдимитров рассказывает, какое неотразимое впечатление произвел на публику автор «Будем как солнце» и «Горящих зданий»¹¹⁶. Вот как он описывает выступление русского поэта:

Читали (собственно Бальмонт читал стихи с особым музыкальным чувством, распевая их, вдохновенно обращаясь к слушателям, затаившим дыхание) «Венок сонетов» – лирическую симфонию, исполненную <нрзб.> и кристальным мироощущением. «Дерево Осинь»¹¹⁷ – это поэма, которая по музыкальности и поэтическому совершенству является одним из глубочайших его творений: <доминирует> интуиция и метафизическое проникновение в «Я» и творчество, в Бога и бессмертие. Кроме того, через каждый сонет проносился, пролетал или мелькал стихией русский пейзаж: степь, болота, тростник, поля, леса, весна и зимние снега, бури и северный мороз. Как на бешеных лошадях, пронесилась Святая Русь через вереницу сонетов. Притом каждый следующий <сонет> начинался с последнего стиха предыдущего, а первый сонет повто-

¹¹³ Газета «Демократически сговор» (1929. 16 май, №1667) под шапкой «Дневни вести» сообщает: «Славянское общество в Болгарии устраивает торжественное собрание в честь русского поэта К.Бальмонта, которое состоит<ся> в аудитории №5 Свободного университета (ул. Раковска, №124), сегодня, 16 мая, в 18 ч<асов> вечера. Повестка дня: 1. Награждение поэта дипломом почетного члена Славянского общества. 2. Выступление поэта».

¹¹⁴ Ошибка мемуариста – торжественное собрание в честь Бальмонта проходило в Свободном университете. А вот банкет, организованный Министерством народного просвещения, – уже в «Славянской беседе».

¹¹⁵ *Емануил п. Димитров*. С Константин Балмонт (Спомени). Л.63. Далее следовал зачеркнутый текст: «Федоров, который уже долгое время был в Болгарии, болезненно почувствовал себя обойденным и ответил импровизацией лишь из двух-трех строчек, в которых пародировал Бальмонта». Совершенно другое впечатление осталось у самого Федорова: «В своей речи на банкете, данном Бальмонту, я вспоминаю эти счастливые дни (дни молодости. – М.К.) и свидетельствую вместе с болгарскими почитателями, что поэт в душе остался таким же молодым и рыжим, как и в те далекие годы: в этом убеждают прежде всего его новые стихи, которые он щедро читает болгарам, наряда с своими переводами славянских народных песен» (*Федоров А.* Перелетные птицы (Из дневника эмигранта) // *Сегодня*. 1929. 21 июня, №170).

¹¹⁶ Описание вечера см.: Там же.

¹¹⁷ Ошибка Е.Попдимитрова: сборник сонетов Бальмонта называется «Ясень. Видение древа» (М., 1916).

рялся в конце и завершал этот лирический, неперево­димый ве­нок.¹¹⁸

На этой высокой ноте и завершилось двадцатидневное пребыва­ние поэта в Болгарии.

Настоящая публикация является первой попыткой реконструк­ции неизданной книги Е.Попдимитрова, не увидевшей свет по при­чине внезапной смерти автора. Приводится значительная часть пи­сем Бальмонта. Тексты сверены с автографами, авторская пунктуа­ция сохраняется. В качестве названия выбран заголовок одной из частей оставшейся неназванной книги. Пользуясь случаем, хотим выразить искреннюю благодарность дочери поэта Светле Димитро­вой за любезную разностороннюю помощь (в частности, предостав­ление ксерокопии этой книги и ценных сведений о жизни ее отца), а также коллегам и близким, которые всячески содействовали этой работе.

С КОНСТАНТИНОМ БАЛЬМОНТОМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Недавно болгарская печать сообщила, что в Париже умер большой рус­ский поэт, один из родоначальников русского символизма, мастер стихо­творной формы и неутомимый переводчик, Константин Дмитриевич Баль­монт.

Всем известно большое значение Бальмонта для развития нашей лирики после Пенчо Славейкова и Яворова, для обогащения и облагораживания ее формы. Поколение поэтов со времен журнала «Художник» (в котором впервые на болгарском языке было рассказано о поэзии Бальмонта) до «Хи­перииона» и «Златорога» испытало благодатное влияние русского лирика.

И если поэзия (речь идет о болгарской поэзии. – М.К.) не застыла, ока­менев, на пути скульптурного и тяжелого стиха Пенчо Славейкова, если она не зашла в тупик патетичности или монотонного крика безысходного пес­симизма Яворова, если она расширила регистр мотивов и влила новые струи в свою гармонию, то в этом освободительном движении, среди про­чих, есть определенная заслуга и *певца солнца*: «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце».

5 мая 1929 г. Бальмонт, будучи эмигрантом, и сам посетил Болгарию и был принят самым торжественным образом. В качестве гостя Министерства Народного Просвещения он совершил поездки на Витошу, в Рильский мо­настырь и Плевен. Очарованный болгарской природой и сердечным прие­мом, он написал две книги в знак благодарности людям, среди которых был счастлив: книгу статей «Соучастие душ» и книгу переводов болгарских

¹¹⁸ НБКМ. Ф.292. Ед.хр.19. Л.63-64.

народных песен «Золотой сноп» (с предисловием Ем. п. Димитрова), обе они были изданы Министерством Народного Просвещения в 1930 г.

Настоящая книга – скромный дар памяти поэта.

1943 г.

София

КОНСТАНТИН Д. БАЛЬМОНТ.
ПРИВЕТСТВИЕ ПО СЛУЧАЮ ЕГО ВЫСТУПЛЕНИЯ
О СЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ
7 мая 1929 г., Театр «Роял», София¹

Уважаемые дамы и господа!

Мы счастливы, что в этот вечер среди нас находится самый большой современный русский поэт Константин Бальмонт. Этот уникальный цветок русской лирики вырос на почве, на которой цвели Пушкин и Баратынский, Тютчев, Фет и Некрасов. И нет в наши дни более высокого имени, которое могло бы быть одновременно знаменем и символом новой, звонкой и лучезарной поэзии. Это имя открывает иконостасные двери возродительного движения, называемого русским *символизмом*. Только в трех странах символизм возник как яркое и жизнеспособное литературное направление: Франция, Германия и Россия. А среди медоносных творцов русской речи, в многоголосом хоре В.Брюсова, Вяч. Иванова, Ф.Сологуба, Бунина, Балтрушайтиса, А.Блока, Андрея Белого, Максимилиана Волошина, Сергея Городецкого и многих других громче всего слышался солнечный голос певца Бальмонта.

Когда в марте 1912 г. в Петербурге отпраздновали 25-летие литературной деятельности Бальмонта, для всех стало ясно его огромное значение для новой русской поэзии. Невозможно в те несколько минут, которыми я располагаю сейчас, раскрыть вам это значение. Поэт Божьей милостью, природный творец, создатель новой формы и ритмики, воплотивший на русском Шелли, Кальдерона и Марло, он с ранних лет почувствовал колдовскую силу своего стиха и гордо заявил, что в этом плане другие поэты только его предтечи, что он является абсолютным художником. Он отвоевал для поэзии право быть речью богов, возвышенной музыкой слова.

В сборниках «Будем как солнце» и «Только любовь» он сформулировал заветы поэта: истина познается сверхчувственным образом; *лживы* наши пять чувств. Только *экстаз* открывает нам сокровенное бытие мира, экстаз и радость жизни! Субъективизм, освобождение личности, право на песню... Еще в стихотворных сборниках «Безбрежность» и «Тишина» поэт жаждет свободы и странствий. Его привлекают фиорды Скандинавии, Англия, Испания, Италия. И скоро он

начинает менять страну за страной, материк за материком, моря и океаны и, углубляясь во все культуры и религии, в дух древних космогоний, создает книгу «Зовы древности» («Гласове на древността») или клад мирового поэтического слова: древнего Египта, Мексики, Майи, Перу, Халдеи, Ассирии, Индии, Ирана, Китая, Океании, Эллады, Скандинавии, Британии.

Теперь он снова возвращается на родину и к современности, – освобожденный от западничества, вдохновленный «музой мести и печали»². Он поет песню ненависти ко всем угнетателям славянства. Он возвращается к славянским мифам, к древним истокам живой воды. Он разрабатывает старинные народные сказания, спел даже и нашу богомильскую легенду о том, как Бог и Сатанаиль создавали мир, вернул из забвения и русских богатырей: Добрыню, Анику, Микулу Селяниновича и славянские мифологические образы Сварожича, Дажбога, Стрибоговых внуков и Святовита... Таким образом возникает «Жар-птица (Свирель славянина)», символ возрожденного славянства и вечной поэзии...

В своей лирике Бальмонт способен выразить все – от самых таинственных и смутных движений души до глубочайших проникновений в глубины жизни. Образ и идея запечатлеваются в музыкальном слове, музыкальное начало доминирует в его поэзии, поэтому, я подчеркиваю это, она является лирикой и только лирикой! Бальмонт создает целый оркестр рифм, ритмов, самых разнообразнейших сочетаний аллитераций и ассонансов, созвучий и благозвучий в свободной игре, произвольный синтаксис, подчиненный единственно гармонии. Вся атмосфера довоенной эпохи насыщена его лирикой. Его сб<орники> «Будем как солнце» и «Только любовь» знают назистусть. Серафический трепет Шелли, божественно-мистическое начало Новалиса, экстаз жизни Уитмена, приближение к *magis tenebrarum* человеческой судьбы у Эдгара По, соединенные с бальмонтовским музыкальным лирическим началом, естественной певучестью – вот это все и представляет собой поэт, который сейчас среди нас. Прирожденная артистичность, непринужденная виртуозность, легкость в сочинении стихов характеризуют его технику изысканного мастера-ювелира.

Как непересыхаемый поток изливается мелодия за мелодией, капля за каплей, слеза за слезой из души поэта подобно сладкому соку, его песня как лунное сияние, как яркое пламя – горит и не сгорает. И теперь, уже в зрелом возрасте, вдохновение не покидает великого певца *солнца и славянства*.

Попробуем ответить на вопрос: кем был Бальмонт для нас? Он был учителем нашей новой лирики. Для старшего поколения поэтов, от Вазова до Пенчо Славейкова и Яворова, русскими учителями были Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Новый расцвет лирики начался с

благородного влияния Бальмонта через вышедшие его сборники «Будем как солнце», «Только любовь», «Зовы древности», «Жар-птица». Все новые поэты, от самых крупных до менее значительных, испытали его воздействие. Бальмонт был освобождающим началом для этого поколения. Он внес в нашу поэзию лирический субъективизм, самоценность личности и поэтической индивидуальности, пантеистическое мировосприятие, принцип божественной красоты, дерзость и радость жизни, расширение регистра лирической чувствительности, артистичность, нюансы и музыкальность формы; одним словом, он открыл путь к экзотическому началу, к западной поэзии и символизму. Через него нашли себя молодые поэты Н.Лилиев, Л.Стоянов, Х.Ясенов, Д.Дебелянов, И.Грозев, Д.Подвырзачов, М.Кремен, К.Константинов, И.Карановский, Т.Траянов, Н.Райнов и многие другие, составлявшие ядро нашей поэзии с 1905 по 1915 г. – до европейской войны, десятилетний период самого интенсивного бальмонтовского влияния у нас. С другой стороны, бальмонтовские произведения создали у нас первых читателей современной <так!> литературы.

Первую весточку о Бальмонте сообщил нам в ж<урнале> «Художник» (октябрь 1905 г.) Х.Силянов³. В своей заметке он по наитию открыл новое начало, которое пришло с Бальмонтом в русскую литературу, которое будет важным и для нас. Он назвал Бальмонта поэтом красоты, увидевшим ее всюду во вселенной: поэт опьянен бодростью жизни, он влюблен в мир солнца. Для него мир был то музыкой цветов, то хором различных голосов, то иероглифом или темными письменами загадочных начертаний и чисел... В «Трех легендах» и «Заветах бытия» ясно выразилось его кредо: одна из легенд учила нас любить себя, другая – любить людей, а третья – любить бессмертие. Это – три преддверия, поэт должен пройти через каждое из них. В этом критическом эссе впервые подчеркивалась непревзойденная артистичность формы у Бальмонта: сложная ритмика всех стихотворных размеров, богатая, звонкая, легкая рифма (часто двойная, внутренняя). «Я изысканный стих!» – вот это и было откровением для новой поэзии: борьба за новую форму, за свободную поэтическую индивидуальность, за беспредельность песни, не ограниченной ничем...

Эта признательность нового поколения поэтов, от лица которого я говорю, является скромной данью Учителю и старшему брату Бальмонту – истинной Жар-птице поэзии:

¹ Попдимитров воспроизводит текст приветственной речи по печатной публикации (Демократически говор. 1929. 8 май, №1661; см. также: La Bulgarie. 1929. 10 mai, №1742). Машинописный вариант «Слова о Кон-

стантине Д. Бальмонте» хранится в ЦДА (Ф.123. Оп.1. Ед.хр.143. Л.1-2). За исключением заглавий варианты абсолютно идентичны.

² В 1907 Бальмонт изгнанником в Париже написал цикл революционных стихов «Песни мстителя» – смелый протест против царствования императора Николая II, названного в этом сборнике Николаем последним (*Примеч. Попдимитрова*).

³ См. примеч. 8 к вступительной статье.

ПИСЬМА К.Д.БАЛЬМОНТА К ЕМАНУИЛУ ПОПДИМИТРОВУ

1

Буска. 1929. 16 июня

Мой милый Емануил,

13-е, 14-е и 15-е июня я был неразлучно с Вами, упиваясь вашими строками¹, Вы были тут и 15-ого же, т. е. вчера я получил Ваше ласковое письмо от 9-ого мая² и ценный для меня дар «Gramatika bulgara» Giorgio Nurigiana'a,³ которому мое спасибо – напишу ему сам через неделю по прочтении его грамматики.

Литовскую Соловьиную Дайну (Песню) пошлю Вам в следующем письме. А сейчас – мои слова о Вас. Я горжусь переводом «Бури»,⁴ и Джан-Еленка⁵ (Вам поклон, супруге Вашей – поцелуй от нее) в восторге от Вашей-моей «Бури» и десять раз ее и прослушала, и прочитала – и по-русски, и по-болгарски.

Мы оба очень устали. Но оба уже – в работе, в работе. Ей, бедняге, на кухне много тяжелее работать, нежели мне за письменным столом.

Дочь наша Мирра, болгарскими подарками разукрашенная, все еще в Париже. Грезит о Болгарии и, кажется, несколько занимается болгарскими книгами, которые я ей дал.

Спасибо за перевод моих «Славянских впечатлений»⁶ в «Луче»⁷ (хотел бы получать «Луч» ежедневно). Жаль, что в «La Bulgarie»⁸ лишь отрывок, а не все, и ошибочно названы «Последние новости», а не «Россия и славянство».

Пишите мне больше. Что Вы? Что Балабанов⁹ и все друзья? Где Федоров¹⁰?

Ах, в Софии много лучше, чем здесь!

Ваш К.Бальмонт

¹ Бальмонт читал сборники стихов Е.Попдимитрова «Пред дверите на любимата. Антология» (1927) и «Златна жетва» (1928), которые получил в

подарок от болгарского поэта. Вскоре в очерке «Емануил п. Димитров» он написал: «Торопливо, жадно пробежав две книги Болгарского поэта “Пред дверите на любимата” (София, 1927) и “Златна жетва” (София, 1928), я сразу нахожу пригоршню цветистых раковин, в которые дунь – и запоет море, я вдыхал запах свежих цветов, над ними лишь наклонись – и вспомнишь через чужое Родное, свое». Впервые очерк был напечатан на болгарском языке в газете «Мир» (1929. 4 юли, №8700), на французском языке с сокращениями в «La Bulgarie» (1929. 2 juillet, №1783), на русском языке в «Последних новостях» (1929. 12 декабря, №3186), а также в сборниках: *Бальмонт К. Соучастие душ: Очерки*. София, 1930. С.94-99; Емануил п. Димитров. Юбилеен сборник. По случай 25-годишна литературна дейност. 1906–1931. София, 1931. С.17-20.

² Болгарский поэт считал, что встреча и знакомство с Бальмонтом имели большое значение не только лично для него, но и для других болгарских литераторов. В черновике письма от 9 июня 1929 Попдимитров писал: «После Вашего отъезда в наших душах надолго останется пустота, точно так же бывает, когда для глаза наступает темнота, после того как взгляд продолжительно смотрел в какую-то светлую точку» (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.8. Л.6).

³ Жорж Нурижан (1892 – после 1943) – итальянский журналист, публицист и литературный критик, родившийся в г. Ливорно (Италия), но окончивший гимназию в г. Стара Загора (Болгария). Высшее образование получил в Риме (юридические науки). Был пресс-атташе при итальянском посольстве (1920–1930) и представителем Итальянского Международного института в Болгарии (с 1928), профессором итальянского языка в Свободном университете в Софии (1926–1932). После Первой мировой войны по приглашению болгарского дипломата К.Стоилова переехал в Болгарию и работал в области болгарской культуры и литературы. Основатель Общества иностранных публицистов и писателей в Болгарии. Печатался в множестве болгарских газет и журналов («Развигор», «Литературен глас», «Нова мисъл», «Нови хоризонти», «Утре», «Мир», «Светоглас», «Дневник» и др.). Автор ряда словарей, публицистических и литературно-критических книг: «Итало-български речник» (1921), «Италианска граматика» (1921, 1932), «Българо-италиански речник» (1926), «Gramatika bulgara ad uso degli italiani» (prefazione dei prof. St. Mladenov) (1928), «Творци на италианския дух. Литературни силуети» (1934), «Лесница от безсмъртни» (1935), «История на италианската литература» (1939, 1942), «Приятели на България» (1940), «Стожери на българската литература» (Ч.1-2. 1939–1940), «Български критици» (1941), «Италиано-български речник» (1941), «Творци и литература» (1943) и др.

⁴ Перевод стихотворения Попдимитрова «Буря» Бальмонт напечатал вместе с переводами других его произведений («Бог и я», «Ночной дождь», «Дождь», «Зоря») в очерке «Емануил п. Димитров», обращая внимание на его сложность и привлекательность для каждого настоящего поэта-переводчика: «И дабы показать, как близко к подлиннику можно передать самое трудное и сложное стихотворение, когда эту сложность чужого, но близкого сердцу языка любимишь, я предлагаю любому поэту, знающему Болгарский язык, взять прославленное песнопение Емануила Димитрова “Буря” (“Пред дверите на любимата”, стр. 88) и завлечься мыслью поистине завле-

кательной: передать в звучных Русских строках звучные строки Болгарских поэтов и тем скреплять воедино золотыми звеньями двух Стран-Сестер, чье будущее – Лучезарное Завтра». На вызов Бальмонта ответил студент А.Бинецкий, русский эмигрант, учившийся в Болгарии, позже преподаватель Софийского университета. Его перевод был напечатан в газете «Россия и славянство» (1930. 19 июля, №86). См. также: Емануил п Димитров. Юбилеен сборник. По случай 25-годишна литературна дейност. 1906–1931. София, 1931. С.97.

⁵ Джан-Еленка (Душа-Еленка (*тур.*)) – обращение к девушке из болгарской народной песни «Дели Димо и Джан-Еленка», которая очень нравилась Бальмонту. Этим же именем он обращался к Елене Константиновне. В письме Н.Т.Балабанову от 10 июня 1929 он писал, что эту народную песню напечатает в одном из ближайших номеров парижских газет (ЦДА. Ф.1137. Оп.1. Ед.хр.13. Л.5). Впервые на русском языке опубликовано: Россия и славянство. 1930. 10 августа, №37. Затем: *Бальмонт К.* Золотой сноп Болгарской поэзии. С.52-54.

⁶ «Славянские впечатления» – очерк Бальмонта, который впервые появился в «России и славянстве» (1929. 1 июня, №27), на болгарском языке был напечатан в газете «Лъч» (1929. 8 юни, №150). Позже очерк был включен в: Соучастие душ. С.74-77.

⁷ «Луч» – болгарская газета «Лъч» (1929–1930). Редактор П.Тодоров.

⁸ «La Bulgarie» (1924–1935) – болгарская газета, выходившая на французском языке. Редактор Н.П.Николаев.

⁹ Н.Т.Балабанов (1893–1966) – заведующий отделом культурных учреждений и фондов Министерства народного просвещения Болгарии. О нем и других болгарских друзьях Бальмонта см. подробнее вступительную статью к наст. публ.

¹⁰ А.М.Федоров (1868–1949) – русский поэт-эмигрант. См. о нем во вступительной статье.

2

Буска

1929. 24 июня

Другу привет. Буду счастлив увидеть эти мои строчки по-болгарски¹. Отослал их сегодня в «Россию и славянство» вместе с нашей фотографией.²

Ваш К.Б.

*Отнася се до статията «На висотах Плевны».³

¹ Речь идет об очерке К.Бальмонта «На висотах Плевны. У Стояна Заимова – в плену». Подлинник очерка (машинопись с автографом) находится в архиве Попдимитрова (ЦДА. Ф.123. Оп.1. Ед.хр.98. Л.5-11). Впервые напечатан: Россия и славянство. 1929. 6 июля, №32; позже включен в: Соучастие душ. С.82-90. На болгарском языке опубликовано: Мир. 1929. 26 юли, №8718.

² На снимке, о котором пишет Бальмонт, сфотографированы он со своей спутницей Е.К.Цветковской, Стоян Заимов и поэты А.М.Федоров, Е.Попдимитров и Н.В.Ракитин. В Болгарии фотография была опубликована с подписью: «Русский поэт К.Д.Бальмонт в Плевен» (Заря. 1929. 13 мая, №2313). Похожая фотография воспроизведена в кн.: *Ракитин Н.В.* Творчество и сдба. Стихотворения. Спомени. Разговори. Писма. София, 1985.

³ Приписка сделана Е. Попдимитровым.

3

Буска

1929. 25 июля

Дорогой Емануил,

Каждое письмо Ваше радует меня, а также и грусть во мне будит, ибо не насытил я свою душу тремя неделями в Болгарии, только раздражил в ней голод, жажду, не телесную, а душевную, которую пой, не напоишь, и, чем более ласки тебе дают, тем больше, и все больше ее хочешь, и грубой, скучной, резкой, чужой кажется мне Франция, вдвойне и втройне, после моего путешествия в Славию, где души так часто открыты.

Уезжали мы на несколько дней в Капбретон, чтоб свидеться с Иваном Шмелевым¹, с Иваном Сергеевичем, другом нашим, и чтобы поискать другого обиталища, ибо Буска надоела и без океана грустно. Осматривали там окрестности, но нашли подходящую виллу *Malgre tout* именно в моем прежнем Капбретоне, в нескольких минутах от волны. Переезжаем туда числа 5-ого августа. Пишите, однако, пока сюда. Еще можем с переездом и задержаться на несколько лишних дней – уж очень много хлопот с укладкой вещей.

Шлю Вам мой перевод из Лилиева². Нравится мне этот поэт. Хорошо бы это напечатать в «Мире»³. На «Луч»⁴ я прямо сердит за искажение моего очерка «В отъединении». Он не имел права этого сделать. Пропустить лучшие места! Ну, какая это глупость! А пропускать слова *Сербия, сербский* в перечень <так> уже и неуместный шовинизм, рисующий меня в неверном свете. Скажите им это.

Противные «Последние новости»⁵ до сих пор еще не напечатали мои слова о Вас. Послал туда запрос, но, вообще, Милюков двусмысленная фигура, и вся редакция.

От Ник<олая> Вас<ильевича> Ракитина⁶ получил прелестную «Пролет при Вит»⁷. Он мне совсем близкий, почти как Вы, но Вы ближе. Кстати, конечно, «Лауру»⁸ Вашу я смог лишь перепеть, а не перевести. Это последнее не всегда возможно. «Буря»⁹, по-моему, вышла великолепно, но Вы знаете, что «Буря» стоила мне ровно день моей жизни, а «Лаура» целых три! Вы-то поймете это, но неосведомленные не уразумеют.

От Балабанова получил ласковое письмо. А Заимов¹⁰ молчит. Получил ли он мою «Плевну»?¹¹ Привет Вашей очаровательной супруге и всему дому Вашему.

Братски обнимаю Вас. Грущу и грущу.

Ваш К.Бальмонт

P.S. Навестите Нину Васильевну Евреינוву¹² (16, ул. Иван Вазов и уг<ол> ул. 6 септ<ември>.). Может быть, Вы познакомили бы с ней Н.Ф.Балабанова и Катю Балаб<анову>¹³. Она очень высокая душа, Нина Вас<ильевна>, и отличная пианистка.

¹ И.С.Шмелев (1873–1950) – русский писатель-эмигрант. В 1922 выехал в Берлин, с 1923 поселился во Франции.

² Речь идет о болгарском поэте-символисте Николае Лилиеве (наст. имя Николай Михайлов Попиванов; 1885–1960). В архиве Е.Попдимитрова подлинник этого перевода не обнаружен. Позже небольшую заметку «Николай Лилиев» с несколькими переводами стихотворений болгарского поэта («Поле глухое», «Вечер», «Серебряные линии», «В далекой степи») Бальмонт включил в свою книгу «Соучастие душ» (с.106-108).

³ «Мир» (1895–1944) – болгарская консервативная газета русофильской направленности. Отв. редактор И.Плачков.

⁴ «Лъч» напечатал этот очерк с сокращениями, не поставив в известность автора: *Балмонт К.* В уединение // Лъч. 1929. 3 юли, №169. В связи с осложненными отношениями Болгарии и Сербии после Первой мировой войны газета позволила себе опустить те места очерка, где встречались слова «Сербия» и «сербский». При этом оказалось искажено и название – вместо болгарского «В разединение» получилось «В уединение».

⁵ Очерк «Емануил п. Димитров» был напечатан лишь к концу года: Последние новости. 1929. 12 декември, №3186. См. примеч. 1 к письму 1.

⁶ Никола Василев Ракитин (наст. имя Никола Василев Панчев; 1885–1934) – болгарский поэт. Закончил отделение славянской филологии Софийского университета (1903–1907), учился в Швейцарии (1907). Почти безвыездно жил в г. Плевене, работая учителем (1920–1932). После смерти Стояна Заимова стал директором Военно-исторического музея (1932–1933). Его жизнь оборвалась трагически – несправедливо обвиненный, он покончил с собой. Автор 26 сборников стихов. Стихи Н.В.Ракитина переводились, кроме русского, и на французский язык. В 1938 французский переводчик А.Монтиньи опубликовал некоторые образцы его лирики (*La Parole bulgare* // 1938. 4 decembre; см. также: *Rakitine N.V. Chants du Danube et du Balkan / Poèmes choisis, traduits du bulgare et présentés par André Montigny van Assche.* Ariège: Ed. de la Revue Azur, 1961). Подробнее см.: *Ракитин Н.В.* Творчество и съдба. Стихотворения. Спомени. Разговори. Писма. София, 1985.

⁷ *Ракитин Н.В.* Пролет при Вит: Стихове. Плевен, 1929.

⁸ Стихотворение из сборника Попдимитрова: Пред дверите на любимата: Антология. София, 1927. С.92.

⁹ Там же. С.88.

¹⁰ Стоян Стоянов Заимов (1853–1932) – один из руководителей болгарского национально-освободительного движения в борьбе против турецкого ига. После освобождения Болгарии закончил Московский педагогический институт (1880–1882), работал учителем во многих городах Болгарии (Шумен, Варна, Кюстендил), был директором Народной библиотеки в Софии, многие годы посвятил созданию мемориалов героям, павшим за освобождение Болгарии. Был директором Военно-исторического музея в Плевене. Оставил богатое мемуарное и биографическое наследие (Миналото. Белетристически и исторически очерки из областта на българските движения от 1870–1877 г. Т.1-4. Варна, 1884–1877; Васил Левски. Живот и дейност. София, 1895 и др.).

¹¹ Речь идет об очерке Бальмонта «На высотах Плевны. У Стояна Заимова – в плену». См. примеч. 1 к письму 2.

¹² Антонина (Нина) Васильевна Евреинова (урожд. Сабашникова; 1861–1945) – сестра издателей М. и С. Сабашниковых. В молодые годы серьезно занималась музыкой, брала уроки у немецкого пианиста К.Клиндворта (1868–1881), профессора Московской консерватории, ученика Ф.Листа. На ее талант обратил внимание и Н.Г.Рубинштейн. Вместе с А.М.Евреиновой издавала журнал «Северный вестник» (1885–1890), вышла замуж за ее племянника – А.В.Евреинова. Бальмонт печатался в этом журнале. Н.В.Евреинова дружила с первой женой К.Бальмонта Е.А.Андреевой (дочь Бальмонтов была названа в ее честь Ниной). Супруги Бальмонт тесно общались с семьей М.В.Сабашникова, они были переводчиками и активными сотрудниками издательства. В 1922 с разрешения советского правительства А.В.Евреинова уехала к своим трем детям в Прагу, в 1928–1930 вместе с дочерью Ниной Алексеевной Рауш фон Траубенберг жила в Софии. Потом уехала во Францию, жила у своего сына Владимира в Тулузе. Находясь в болгарской столице, Бальмонт часто посещал эту семью, он познакомил с ней и Е.Попдимитрова. См.: *Попдимитров Е. С Константином Бальмонтом* (Спomenи). Л.59.

¹³ Катя Балабанова – жена Н.Т.Балабанова.

4

Буска

1929. 30 июля

Дорогой друг,

Шлю Вам «Соловьиную Дайну»¹ Литвы и разные свои вещи. Буду Вам признателен, если переведете на Болгарский язык «Тетю Сашу» и секстину о скрипке хорошо было бы перевести. И «Звезду вечернюю», видите, какой я жадный.

Поблагодарите от меня дорогого К.Г.Георгиева² за прекрасные обо мне слова в горном журнале³. Очень они проникновенны и брат-

ски. И больно мне, что все <продолжаются> нелады и угрозы между Сербией Болгарией⁴. Какой благой волшебник расчарует эти злые чары?

Через неделю мы покидаем Буска и поселяемся опять в моем зеленом Капбретоне. Пожалуйста, сообщите мне адреса: Георгиева, Федорова, Пушкаревой⁵ и Дзивгова⁶. И где они все? И где Вы? И как Ваш домашний адрес? Елена Конст<антиновна> шлет сердечный привет Балабановым и вам, мое сердце.

Ваш К.Бальмонт⁷

...Вот, как бы воспроизводящая некоторые рулады соловьиного пения, литовская дайна, народная песня, играющая именем Юргис, Георг, которому она приказывает снарядить поскорей коня и мчаться. По-русски с заменой повеления «Kinkyк!» – «Запрягай!», не укладывающегося в русский стих, приказанием «Седлай!» песня звучит так:

Георг! Георг! Георг!
Седлай! Седлай! Седлай!
Скачи! Скачи! Скачи!
И стой! И стой! И стой!

По-литовски Соловьиная Дайна звучит так:

Iurgiuk! Iurgiuk! Iurgiuk!
Kinkyk! Kinkyk! Kinkyk!
Paplak! Paplak! Paplak!
Vaziuok! Vaziuok! Vaziuok!
Sustok! Sustok! Sustok!

Юргьюк! Юргьюк! Юргьюк!
Кинкик! Кинкик! Кинкик!
Паплак! Паплак! Паплак!
Важьок! Важьок! Важьок!
Сусток! Сусток! Сусток!

К.Бальмонт

¹ К письму приложена небольшая заметка с переводом литовской народной песни (подлинник см.: ЦДА. Ф.123. Оп.1. Ед.хр.98. Л.14). Вместе с ней Бальмонт направил Е.Попдимитрову и свои произведения «Тетя Саша», «Скрипка» и «Звезда вечерняя». В архиве болгарского поэта сохранились лишь последние два (Ф.292. Ед.хр.17. Л.1167-1168).

² Коста Г. Георгиев – сотрудник журнала «Архив на мини Перник» (1929), еженедельных газет «Литературен глас» (1928–1944), «Литературна седмица» (1939) и др. Под шапкой «Един час при ...» («Час у ...») он опубликовал ряд интервью с иностранными и болгарскими знаменитостями

(Ф.Шаляпин, Жан Тибо, Анри Грегуар, Габриель Мийе, сестра поэта П.Яворова, Н.Балабанов, Яна Язова, Соня Георгиева и др.).

³ Речь идет о журнале «Архив на мини Перник», в котором К.Г.Георгиев поместил маленький очерк «Бальмонт в Перник» (1929. Кн.1. Юни. С.80). См. также черновик письма Е.Попдимитрова от 8 июля 1929. – НБКМ. Ф.292. Ед.хр.7. Л.8.

⁴ После Нейского договора и на протяжении 1920-х отношения между Болгарией и Сербией были очень осложнены из-за переданных Сербии западных болгарских окраин. Болгарское население начало борьбу за свои права и приняло участие во всех конгрессах европейских меньшинств. Особое значение имел V конгресс европейских меньшинств в Женеве, который начал свою работу в начале августа, накануне очередного заседания Общества народов (28–29 августа 1929).

⁵ Вера Васильевна Пушкирева (1890–1941) – актриса Александринского театра, жена академика Н.А.Котляревского. В Петербурге имела свой салон, в котором бывали, в частности, президент Академии наук, дядя русского императора, великий князь Константин Константинович, члены Государственной Думы Родичев, Петрункевич, Маклаков, писатели Бунин, Куприн, Бальмонт, художники Репин, Сомов, Бакст, многие профессора и актеры. В Софию приехала в январе 1920 со своим вторым мужем-болгарином, полковником Йорданом Георгиевым Пехливановым, и дочерью. В.В.Пушкирева быстро сориентировалась в культурной жизни болгарской столицы и с 1920 начала активную театральную-критическую деятельность, написала множество рецензий не только о Народном театре в Софии, но и о Варненском, Русенском, Пловдивском театрах. По мнению ее дочери, по этим статьям можно восстановить историю болгарского театра 1920–1930-х. Она выступала с лекциями о художественной речи, организовала курсы художественного чтения и спектакли со своими воспитанниками из кружка «Живо слово» (1924), открыла таких звезд болгарского театра, как Н.Буюклиева, З.Йорданова, Б.Ганчев и др., занималась педагогической деятельностью в Русском народном университете. См.: *Федоров А.М.* В слънчевия спектър // Вера Пушкирева. Възпоменателен лист. По случай 40 дни от смъртта ѝ. Издава кръжец «Живо слово». 1943. 14 ноември (Единственият номер); *Пехливанова К.* Верен приятел на българския театър // Театър. 1957. №3. С.59-61.

⁶ Крум-Александр Димитров Дзивгов (1895–1936) – болгарский публицист и критик. Учился в университетах Гренобля и Парижа, знаток западно-европейской и русской культуры. С начала 1920-х интенсивно работал на ниве публицистики, смело выступая против нарушений законодательства (журналы «Сила», газета «Ден» и др.). Он был одним из тех болгарских интеллигентов, которые часто сопровождали знаменитых иностранных гостей, посещавших Болгарию (актрису Мари-Терезу Пиера, поэта И.Северянина, французского государственного деятеля и писателя Эдуарда Эррио). Дзивгов был среди тех, кто сопровождал Бальмонта в его поездке по Болгарии. См. также примеч. 67-69 к вступит. статье.

⁷ Ниже – небольшая заметка и текст перевода литовской даины, приложенные к письму.

5

<почтовая открытка>
 Буска, 1929, 2 авг<уста>

Проф. Ем. П.Димитров
 Университет
 Sofia, Bulgarie

Дорогой друг,

У меня сломалась моя пишущая машинка, мы задерживаемся на лишнюю неделю. Напишите мне сюда, а потом пишите по адресу: М. Constantin Balmont, «Malgre tout», Capbreton, Landes.

Большое Вам спасибо за прекрасный перевод моей «Плевны»¹, которая всем очень-очень нравится. И мне, и Ел<ене> К<онстантиновне> этот очерк по-болгарски еще больше нравится, чем по-русски. Живей и сердечнее!

Братски обнимаю

Ваш К.Бальмонт

¹ Речь идет об очерке «На высотах Плевны. У Стояна Заимова – в плену».

6

Капбретон
 1929. 19 авг<уста>

Где же Вы, друже? Я поселился в минутах от океана.

Шлю Вам строки о Ракитине¹. Хорошо бы их перевести. Ему тоже, конечно, послал. «Посл<едние> нов<ости>» все еще не напечатали мои строки о Вас². Написал, чтоб или напечатали, или написали мне, что я могу их напечатать в другом месте («Рос<сия> и слав<янство>» давно бы уже напечатало).

Прошу Вас и Ник<олая> Феод<оровича> Балабанова послать мне – Прослава на Освободителната война. София, 1929.³

Что-нибудь о секте Богумилов.⁴

Географию Болгарии.

Путеводитель по Рильскому монастырю.⁵

Каждый день читаю по-болгарски.

Привет.

Ваш К.Бальмонт

¹ Речь идет об очерке Бальмонта «Болгарские поэты. Н.В.Ракитин», напечатанном в газете «Последние новости» (1929. 17 сентября, №3100). Оригинал (машинопись с автографом) хранится в архиве Е.Попдимитрова (Ф.292. Ед.хр.19. Л.22-25). На следующий год Бальмонт слегка отредактировал его и включил в книгу «Соучастие душ» (с.100-105). Н.В.Ракитин опубликовал этот очерк как предисловие к своему сборнику стихов «Черноморско лято» (София, 1930).

² Речь идет об очерке Бальмонта «Болгарские поэты. Емануил п. Димитров», который «Последние новости» напечатали лишь в конце года (1929. 12 декабря, №3186). Оригинал хранится в архиве Е.Попдимитрова (датирован: 1929. 14–15 июня, Le Bouscat, Gironde). – ЦДА. Ф.123. Оп.1. Ед.хр.98. Л.1-3. Позже с дополнениями и стихотворением «Нива» очерк был включен в книгу «Соучастие душ» (С.94-99). На болгарском языке впервые: Мир. 1929. 4 юли, №8700; опубликован также в юбилейных сборниках Е.Попдимитрова (1931, 1936).

³ Прослава на Освободителната война. 1877–1878. Русско-български сборник. Издание на Славянското дружество в България. София, 1929. В сборнике приняли участие не только известные болгарские деятели науки (проф. С.С.Бобчев, проф. В.Н.Златарски, д-р Н.Бобчев, д-р С.Данев, Н.Станев и др.), но и видные русские ученые-эмигранты: проф. Н.Кизеветтер, проф. П.М.Богаевский, проф. А.В.Флоровский, проф. В.А.Францев, проф. П.М.Бицилли.

⁴ Е.Попдимитров послал Бальмонту книгу: *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. София, 1925.

⁵ Очень возможно, что Бальмонт получил и другую книгу профессора Й.Иванова «Св. Иван Рилски и неговият манастир. С приложение на пометници и фотографски снимки» (София, 1927).

7

<почтовая открытка>

Capbreton
Landes
Malgre tout
1929.XI.23

България. София.
Ем. п. Димитров.
Цибра 10,
Sofia. Bulgarie

Дорогой друг,

Спасибо за прекрасную книгу Вашу «Златни ниви»¹. Читаю ее с наслаждением. Когда прочту всю, напишу о ней и переведу из нее отрывки.

Отчего 100 лет мне не пишете? Не хорошо. И книг, которые я просил для работы, ни вы, ни Балабанов не послали. Не хорошо. И ничего больше из меня не переводите. Не хорошо. И никто из болгар ничего мне не пишет. Не хорошо.

Или уж болгарам довольно меня?

Приветы.

Ваш К.Бальмонт

¹ См.: *Емануил п. Димитров.* Златни ниви и бойни полета: Поема. София, 1929.

<почтовая открытка>
Капбретон
1929. 25 декабря

Дорогой друг,

Спасибо за хорошее большое письмо¹. И для меня, и для Елены Конст<антиновны> оно было, как Вы сами, пришедший к нам, со всей ласкою души. Мне очень жаль, что Болгарию так несправедливо и так бесчеловечно притесняют. Я видел ее, люблю и знаю, как это неправосудно.

Пожалел я и о том, что мне от Болгарии, которой самой трудно, нельзя ждать опоры в дни, когда нужда совсем пристально заглянула в мой дом. Я хотел бы все-таки знать, могу ли я рассчитывать на то, что книга моих переводов болгарской поэзии и очерков о Болгарии и болгарских поэтах будет издана в Софии – или с этим надо подождать.

Шлю Вам перевод мой Вашей душистой «Нивы»². Очень мне люба эта Ваша книга.

В нынешнем №-е «Сегодня»³ (пошлю Вам на днях) напечатан в моем очерке «Многоочитая мудрость»⁴ перевод большой болгарской сказки «Св. Петер и бедняк». Чудесная она.

Ну, пока до свидания. Обнимаю Вас.

Ваш К.Бальмонт

С Новым годом! Супруге Вашей и девочке и Вам – счастья! Привет друзьям.

¹ В архиве Е.Попдимитрова сохранился черновик письма от 10 ноября 1929, в котором болгарский поэт писал:

Дорогой Учитель,

Никакого извинения не могу найти для моего молчания. Вполне заслуживаю упрек, который отправили мне в своем последнем письме. Только в одном не согласен с Вами, – что в Болгарии Вас забыли и что не нуждаются больше в Вас. Не только нуждаемся в Вас, но очень обязаны Вам и никогда не сможем Вас отблагодарить. Одна из причин столь долгого моего молчания такова: я пытался добиться помощи Вам с нашей стороны, но, к большому сожалению, дела в Болгарии и в международном положении сложились так, что ничего нельзя сделать – к большому нашему стыду! Общественность охвачена паникой, поднят страшный вопрос о репарациях, наступил острый экономический кризис, начались злосчастные переговоры о «мертвой зоне» на западной границе, и все это отразилось на жизни страны. <...>

Я получил последнюю Вашу открытку, в которой Вы сообщаете, что начали читать мою книгу⁵, что намерены писать о ней и перевес-

ти несколько отрывков. Трогательно это Ваше отношение к меньшему брату, и все более совестно становится мне, что не удалось сделать ничего особенного для Вас. Великолепное воспоминание о Вашем пребывании вызывает и радость, и грусть, как солнце, что заходит за океан, но утром все-таки обещает вернуться с Востока.

(НБКМ. Ф.292. Ед.хр.7. Л.9-10).

* Речь идет о поэме «Златни ниви и бойни полета» – см. письмо 7.

² «Нива» – вступительное стихотворение Е.Попдимитрова к поэме «Златни ниви и бойни полета». Этот перевод Бальмонт впервые напечатал в «России и славянстве» (1930. 26 марта, №69), позже приложил его к очерку «Емануил п. Димитров» в книге «Соучастие душ» (с.98-99), подчеркнув: «"Золоты нивы и боевые поля" ясно указывают, что сладкозвучный трубадур, владеющий лютней и кремонскою скрипкою, может далеко послать свой гуд, приложив к губам длинный изогнутый рог. "Нива", истинно Болгарский стих, становится вровень с Эллинскою красотой, заставляет вспомнить "Труды и дни" Гезиода» (с.98).

³ «Сегодня» (1919–1940) – ежедневная газета, выходившая на русском языке в Риге.

⁴ Бальмонт К. Многоочитая мудрость. О литовских сказках // Сегодня. 1929. 22 декабря, №354. С.7. Позднее очерк был включен в книгу «Соучастие душ» (С.28-36).

9

<почтовая открытка>

Капбретон. 1930. 3 м<a>рт<a>

България. София
Проф. Ем. П. Димитров
Университет
Sofia. Bulgaria

Дорогой друг, живы ли вы? Почему молчите? Где обещанные песни¹? Есть ли Болгарский перевод «Слова о полку»²? Если есть и можете прислать мне, хоть на время, очень о том прошу. Хочу также знать, есть ли какие-нибудь болгарские исследования о «Слове». Я собираюсь напечатать мой стихотворный перевод «Слова» с предисловием проф. Н.К.Кульмана³ и хотел бы упомянуть болгарские работы, если они есть.

Как живете? Как друзья?

Привет Вам и память сердца.

Ваш

К.Бальмонт

¹ Несмотря на объективные трудности, о которых идет речь в письме Е.Попдимитрова от 10 ноября 1929 (см. примеч. 1 к письму 8), при активной поддержке Н.Т.Балабанова Бальмонту удалось заключить договор с Министерством народного просвещения Болгарии об издании двух книг:

«Золотой сноп болгарской поэзии» и «Соучастие душ». Для работы над первой книгой Е.Попдимитров обещал выслать Бальмонту подборку болгарских народных песен. В его архиве сохранилось огромное количество образцов болгарского фольклора. К 1925 он располагал четырьмя тетрадями по 40 песен в каждой, подобранных по тематическому признаку (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.17. Л.692-762). Из этого собрания болгарский поэт напечатал лишь небольшую часть: Самодиви. Народни песни / Подбрал и наредил Емануил п. Димитров. София, 1926. Именно этот сборник Славянское общество прислало Бальмонту среди прочих книг в 1928.

В архиве болгарского поэта имеются и другие собрания народных песен (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.17. Л.764-813, 869-893), а также народные песни, записанные от руки Е.Попдимитровым (Там же. Л.1167-1302). Им была подготовлена для Бальмонта специальная тетрадь с народными песнями. В черновике письма от 9 апреля 1930 Е.Попдимитров писал: «Тетрадь с народными песнями предназначена для Вас, и Вы можете ее задержать у себя. Подбор песен сделан мною, конечно, из всех печатанных до сих пор материалов, а именно до 44-й стр<аницы>. Дальше, с 44-й стр<аницы>, песни собраны недавно мной и нигде не напечатаны (inedits)» (Там же. Ед.хр.7. Л.11).

² Е.Попдимитров направил справку Бальмонту о первом болгарском переводе «Слова», принадлежащем Р.Жинзифову. См.: *Жинзифов Р.* Новобългарска сбирка. М., 1863. Существовали и другие переводы «Слова» (Е.Каранова (1900) и Н.Василева (1907); последний – в прозе), но их Попдимитров, вероятно, счел менее удачными. Бальмонтовский перевод «Слова о полку Игореве» (датирован 20–24 декабря 1929, 24 апреля 1930) был вскоре опубликован в номере «России и славянства», посвященном Дню русской культуры (1930. 14 июня, №81).

³ Николай Карлович Кульман (1871–1940) – литературовед, профессор филологии, преподаватель Императорского лицея, Военно-юридической академии и Женского педагогического института. С 1918 в эмиграции в Константинополе, затем в Париже. Декан Русского отделения Сорбонны, постоянный сотрудник изданий, редактируемых П.Б.Струве – журнала «Русская мысль», газет «Возрождение», «Россия», «Россия и славянство», автор перевода «Слова о полку Игореве» на французский язык.

10

Капбретон.

1930. 26 м<a>рт<a>

Милый Емануил,

Как жаль, что Вы хвораете. Да пошлет Вам весеннее солнце здоровья и сил.

Спасибо за письмо ласковое и за отличную тетрадь любовных болгарских песен¹. В первый же миг я перевел изумительную песню о пионе и белой розе. Сколько времени могу держать эти песни у себя? Как Вы их подбирали, из напечатанных книг уже или есть ineditis²?

Шлю Вам «Недоговоренное»³. Хотел бы это видеть по-болгарски. К стати, как Вы передадите по-русски слова *келешът*, *световал*, *на вратата*, *вървим из пътя*. Хочу знать именно Вашу передачу. Эта сказка гениальна. И «Любим, любим» – что это за чудо?

Книгу В.Пундева (как он погиб?) «Боян Магесникът»⁴ моллю послать мне.

Кто Стоян Загорчинов⁵? Я только что прочел с большим волнением и наслаждением его прекрасную «Легенда на Св. София». Как это свежо, тонко и сильно! Кто он? Передайте ему мою любовь за эту книгу. Нет ли у него чего-н<и>б<удь> еще и не могу ли получить что-н<и>б<удь> историческое о героине повести?

Получили ли Вы и Н.Ф.Балабанов «В раздвинутой дали»⁶ из Белграда (о чем просил изд<ательст>во)?

Спешу. Обнимаю Вас братски, дорогой. Приветы семье

Ваш К.Бальмонт

¹ Е.Попдимитров выслал К.Бальмонту тетрадь с подборкой народных песен для его будущей книги переводов «Золотой сноп болгарской поэзии».

² Неизданные (*франц.*). Из предоставленных Бальмонту песен только 43 были известными, все остальные ранее не публиковались, и Попдимитров ответил Бальмонту этим же словом: «inedits» (см. черновик письма от 9 апреля 1930. – НБКМ. Ф.292. Ед.хр.7. Л.11). См. примеч. 1 к письму 9.

³ Оригинал очерка Бальмонта «Недоговоренное» хранится в архиве (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.19. Л. 1045-1050). Впервые на русском языке опубл.: Сегодня. 1930. 9 мая, №128. С.2. Позже включен в сборник «Соучастие душ» (с.37-48).

⁴ Васил Маринов Пундев (1892–1930) – историк литературы и критик, занимался исследованием болгарского Возрождения и современной литературы. Автор книг: «Характеристики» (Ч.І. 1914), «Добри Чинтулов» (1922), «Боян магесникът. Историко-литературна студия» (1923), «Добри Чинтулов. 1822–1922» (1928), «Днешната българска лирика» (1929) и др. Редактор газет «Свободна реч», «Македония», «Вардар» и еженедельника литературы, искусства и науки «Литературни новини» (со второго года издания, в 1928–1929). Принял участие в борьбе за освобождение Македонии от турецкого ига. 4 марта 1930 был расстрелян на софийской улице македонскими фракционерными.

⁵ Стоян Павлов Загорчинов (1889–1969) – болгарский писатель, прозаик. Работал в жанре исторического романа. Первая его повесть «Легенда на Света София» (1926) имела огромный успех. В черновике письма от 9 апреля 1930 Е.Попдимитров пишет: «Я не знаком лично со Стояном Загорчиновым. Мне хотелось бы познакомиться с ним, чтобы передать Ваши приветы, но не удалось его найти, его нет в Софии. О загадочности легенды Святой Софии рассказывается в «Юбилейной книге г. Софии», которую Вам подавали, когда были у нас» (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.11. Л.11).

⁶ Бальмонт К. В раздвинутой дали: Поэма о России. Белград, 1929.

Капбретон.

1930. 16 апр<еля>

Христос Воскресе, мой милый Емануил! Троекратно целую Вас. Христос воскресе, милая избранница Емануила! Троекратно целую Вас. Воистину воскресе!

У меня нет, к сожалению, православного календаря, и я не знаю, совпадает ли наша Пасха с католической. Здесь она в ближайшее воскресенье, и душою вдвойне буду с Вами. Мне так хочется быть в Софии, в Рильском монастыре, в Плевне. Мое сердце там, в Болгарии, и хочется надеяться, что скоро судьба опять приведет меня туда, где на любовь отвечают горячей любовью.

Я написал Ник<олаю> Фед<оровичу> Балабанову. У меня готов перевод 70-и народных болгарских песен. На будущей неделе их будет 100. Присоединяю к этому мои очерки болгарских впечатлений и образцы из Вазова¹, верно еще Ботева², из Вас³, Ракитина⁴, Лилиева⁵ и неск<ольких> др<угих> «Золотой сноп» создан и завершается, главным образом, благодаря Вам. И «Самодивы»⁶ Ваши, и рукописное собрание идеально хорошо подобраны. Такие песни, как «Царь и слуга», «Неда» (умирающая), «Рыба беломорка», «Невеста-лань», «Три овчаря», только что мной переведенные, поразительны. По-эллински чисто-четко выраженные чувства, по-славянски глубоко и загадочно-чувствительно. Я в восторге от Вашей рукописи⁷.

Ел<ена> К<онстантиновна> просит передать нежные приветы и говорит, что она вспоминает Рильский монастырь.

Хочется, хочется опять к Вам.

Обнимаю братски. Не хворайте.

Ваш К.Бальмонт

¹ Иван Минчев Вазов (1850–1921) – великий болгарский поэт, прозаик, драматург, создатель новой болгарской литературы. См.: *Вазов И.* 1) Пълно събрание съчиненията: В 28 т. София, 1921–1922; 2) Събрани съчинения: В 22 т. София, 1974–1979. Бальмонт перевел на болгарский язык стихотворения «Вечерний час», «Россия», «Болгарский язык» (опубл.: Соучастие душ. С.109-110). Перевод стихотворения «Вечерний час» был впервые опубл.: Лъч. 1929. 6 май, №123.

² Христо Ботев Петков (1848–1876) – знаменитый болгарский поэт периода болгарского Возрождения. Его творчество сыграло значительную роль в развитии новой болгарской поэзии. Бальмонтских переводов произведений этого поэта обнаружить не удалось.

³ Стихи Е.Попдимитрова в переводе Бальмонта впервые опубликованы в газетах «Последние новости» (12 декабря 1929 и 22 марта 1930), «Россия

и славянство» (6 июля 1929) и др., включались в очерки Бальмонта: «На высотах Плевны» («Лаура»), «Емануил п. Димитров» («Созвучия», «Венчание», «Бог и Я», «Ночной дождь», «Дождь», «Зоря», «Буря», «Нива»), «В отъединении» («Нарцисс», «Вечность»). Позже все, за исключением стихотворений «Вечность» и «Нарцисс», вошли в сборник «Соучастие душ» (с.89-90, 95-99).

⁴ Бальмонт включил в свои очерки следующие переводы стихотворений Н.В.Ракитина из его сборников «Слънчеви люлки» (1926), «Зима при Вит» (1929), «Пролет при Вит» (1929): «Солнечные люльки», «Жрец» («На высотах Плевны»), «Звездное небо», «Песнь о хлебном зерне», «Коляда», «Сани», «Журавли пролетали на юг...», «В утро позднее, простор свой белый для...», «Вечерний звон. Как тихо все и свято...» («Ник. В. Ракитин»); «Простор», «Над могилой моей» («Жертва вечерняя»); «Как враждебна зловещая ночь без луны...», «Проходят дни, они вровень мукам...», «Прозвучит незримый рог пастуший...» («Сломанные крылья»).

⁵ К.Бальмонт перевел следующие произведения из лирики Н.Лилюева: «Поле глухое», «Вечер», «Серебряные линии», «В далекой степи» из его сборников «Птици в нощта» (1918) и «Лунни петна» (1922).

⁶ Самодиви. Народни песни / Подбрал и наредил Емануил п. Димитров. София, 1926. («Библиотека за юноши». №2)

⁷ Речь идет о тетради с подборкой народных песен. См. примеч. 1 к письму 9 и примеч. 1 к письму 10.

12

Капбретон.
1930. 16 мая

Дорогой друг, милый мой Емануил,

Я все еще пью из золотой чаши драгоценное вино и пенную густую брагу Болгарских Народных Песен, еще множу выбор, но уже сегодня начал переписывать набело все свои достижения и надеюсь, что на ближайшей неделе, наконец, отошлю Вам «Золотой сноп Болгарской поэзии». Прочтя и отметив, для сообщения мне, те строки, которые Вы найдете неточными, Вы мне напишете об этом, не правда ли, а рукопись передадите Ник<олаю> Фед<оровичу> Балабанову? Что найдете несовершенным в моей работе, верно, легко будет с Вашими указаниями исправить.

Все время, все время я мыслю в Болгарии. И без Вас, друг, я не смог бы подобрать такой чудесный «Золотой сноп». Лирика Болгар изумительна.

Обнимаю Вас. Всем друзьям привет.

Ваш К.Бальмонт

13

Капбретон.

1930.13/26 мая

Мой милый Емануил,

Свершилось! Я послал Вам сегодня, в 6-м ч<асу> веч<ера> «Золотой сноп Болгарской поэзии», 106 Болгарских народных песен (Вы их узнаете!), и сборник очерков «Соучастие душ» (Н.Ф.Балабанову), список оглавления этого сборника прилагаю.

Я напишу Вам подробно как смогу. А сейчас лишь, я счастлив, что хотел – и вот. Уж не греза о красоте, а расцвели цветы.

Прошу Вас, друг, прочтя «Золотой сноп», отдайте его Балабанову. А мне напишите, что у меня не точно и ошибочно (если это есть, все изучение, все любовное внимание я приложил). И молю: напишите предисловие¹. Я ведь как гость скромн. А Вы здесь – хозяин. Нежная память Вам и супруге.

Ваш К.Б.

¹ Книга Бальмонта «Золотой сноп болгарской поэзии» вышла с предисловием Е.Попдимитрова. Оригинал предисловия на болгарском языке, написанный карандашом, хранится в архиве поэта (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.19. Л.1104). После выхода книги (в конце декабря 1930) Бальмонт напечатал предисловие в газете «Россия и славянство» (1931. 10 января, №111) со следующим примечанием: «Предисловие к “Золотому снопу”, написанное одним из тончайших лириков Емануилом п. Димитровым, профессором Русской и Европейских литератур в Софийском университете».

14

Капбретон.

1930. 19 июля

Мой милый Емануил,

Я лишь вчера, наконец, вернулся к своему письменному столу, заваленному Болгарскими и Литовскими книгами. Был в Париже, был в Литве, был снова в безумном Париже – и вот опять в моем мире мечты и работы. В Париж<е> получил из Соф<ийского> Мин<истерства> Нар<одного> Просв<ещения> дивный чек на 6 с лишком тысяч франков. Благодарю очень и за деньги, и за уважительность. Завтра пишу и в Мин<инистерство> Н<ародного> Пр<освещения>, и Вам, и Балабанову. А сейчас лишь спешу известить Вас, что здесь меня ждало Ваше письмо, все поправки сделаю – и еще несколько, Вами указанных. Сердцем обнимаю Вас, и счастливи работать для Болгарии.

Ваш К.Бальмонт

Капбретон
1930. 22 июля

Мой дорогой друг,

Только что пережив целое множество впечатлений (Париж – Бельгия – Германия – Литва – Литва – Париж), я приехал сюда совершенно измученный и не смог тотчас ответить Вам хорошенько. Я счастлив, что две мои книги, посвященные Болгарии, будут печататься без промедлений, но спешу сообщить, что корректуру (2-ю и 3-ю) я непременно хочу читать сам.

О поправках. В «Рыбе беломорке» предлагаю, после 1-й строки, такие 3 строки:

Раду причесала, кудри заплетала,
Кудри заплетала, Раду проклониала.
Рада же внимала лютыя заклятья:

В «Упадала, Стоян мой...» вместо «нежеланные сваты», нельзя ли «тяжко-важные сваты»?

Волкашин, пожалуй, лучше, чем Вулкашин, ибо напоминает волка, а не вулкан, но по звуку мне больше нравится у – грузный и страшный.

В «Огненной Марии» 5-я и 6-я строки вм<есто> «Там земля ... Умалилась...», надо: –

Там народы ересью объята,
Вера православная погибла.

В «Коледе» вм<есто> «белобоки» – «белогрудки».

Моего «соотечественника» (не Рафаель ли из Одессы, Федоров это?)¹⁾ я нимало не страшусь. «Утеху любовную» менять не хочу, она мне очень дорога так, как у меня вышло. Но, если Вы находите, что я тут не точен, припишите «вольный перепев». Я бы, однако, предпочел, чтобы не в тексте, а в Вашем предисловии (без него не мыслю мой «Золотой снопп») это было оговорено. Ведь «вольню» передана не одна эта «Утеха», – в общем, однако, я был, – уповаю, – точен? Если «да», то необходимо, чтобы Болгарин таких данных, как Ваши, это заявил. А то, конечно, не только в слабом, но и в наилучшем – и дураки, и умные будут говорить: «Да, это все Бальмонт бальмонтизирует! Не может быть, чтобы Болгарский крестьянин мог быть так утончен!» (Это невежественное утверждение я много уже раз слышал от лучших Русских людей, к сожалению, вовсе не знающих ничего о своих одаренных братьях Болгарах.)

Последняя строка в «Пчеле» (привожу на память) у меня, кажется, звучит так: «Этот жбанчик – желтоцветный». По-моему, вернее: «Этот жбанчик – он червонный».

Когда получу корректуру, смогу внести разные улучшения в отдельных стихах.

Друг! Неужели грезы исполняются? и мой «Золотой сноп» (мною и Вами – Вами и мною – связанный крепко – и душистый!) будет лежать на честном, трудолюбивом Болгарском гумне? «Златоколося» – жито с крепким стеблем.

Мне было часто хорошо в Ковно и в Литве. Но София и Болгария сияют в моей душе непревзойденно и несравнимо. Нет, Славянское сердце горячее.

Почему ничего не напишете о моем переводе «Слова о полку Игореве»? Или не дошло? Шлю еще раз. Если у Вас уже есть, подарите кому-н<и>б<удь>.

Супруге Вашей, образ которой в душе моей живет, как лик самой прекрасной Болгарки, какую я видел, от меня и Ел<ены> К<он>стантиновны> привет ласковый.

Не хворайте и пишите мне.

Обнимаю Вас.

Ваш К.Бальмонт

Р. С. Не смогу на днях написать Н.В. Ракитину, спасибо ему за «Цветы из вечной весны»² и карточку. Он мне очень дорог.

¹ А.М.Федоров.

² Имеется в виду сборник Ракитина «Цветя от вечната пролет».

16

<почтовая открытка>

Капбретон.

1930. 5 авг<уста>

Мой милый Емануил,

Мне горестно было узнать, что Вы опять хвораете, и, быть может, это надолго. Вам необходимо отдохнуть, Вы, как и Балабанов, как, кажется, многие честные болгары нынешних тяжелых дней, работаете за троих. Но, друг, это похвально лишь до тех пор, пока мы бодро выносим непомерную работу. Заниматься самоистреблением, хотя бы во имя родной земли, никак нельзя. Ведь и родная земля от этого лишь в ущерб будет, а не в прибыли.

Когда сможете, напишите мне подробнее или лучше продиктуйте кому-н<и>б<удь>.

Я тоже работаю бескрайне. Но я ведь железный. Пока сердце лишь слегка покусывает меня кошачьими зубами.

Приветы!

Ваш К.Бальмонт

17

<почтовая открытка>
Капбретон.
1930. 23 авг<уста>

Ем. П. Димитров
Цибра 10
Bulgarie

Дорогой друг,

Я двойко озабочен: 1. Вы молчите, значит, Вам все еще худо. Жаль. Напишите мне несколько слов, как только сможете. И поправляйтесь!

2. Я не получил еще корректур. Набирается ли «Соучастие душ»? Жажду корректур, и всегда любил типографский их запах, больше даже запаха многих цветов. Как хорошо глубоко вздохнуть этот дух – и потом глубоко вздохнуть, утомительным вздохом ощущения жатвы.

Привет – братский.

Ваш К.Бальмонт

18

<почтовая открытка>

България. София.
Ем. П. Димитров
Цибра 10. Bulgarie

Капбретон.
1930. IX. 20

Дорогой друг,

Что ж Вы молчите? Или все еще нездоров!? Отзовитесь. Когда я, наконец, получу корректуры моих книг? Меня очень тревожит отсутствие их. Пришлите непременно и поскорее.

Опять прошу прислать мне болгарские переводы «Слова о полку Игореве»¹ и исследование о Баяне². Если этих книг нет более в продаже, прошу, достаньте у частных лиц и пришлите мне на время, – через неделю верну. Очень надо мне.

Что Вы и как? Братски обнимаю.

Ваш К.Бальмонт¹

¹ См. примеч. 2 к письму 9. Поэтические переводы этого древнерусского памятника на болгарский язык были созданы значительно позже. См.: Песен за похода на Игор / Прев. Л.Стоянов. София, 1954; Слово за похода на Игор / Прев. К.Кадийски. София, 1986.

² Речь идет об историко-литературном исследовании В.Пундева «Боян магесникът» (София, 1923).

19

Капбретон. 1930
11 окт<ября>

Дорогой друг Емануил,

Очень меня тревожит, огорчает Ваше долгое молчание. Верно, Вы все еще не поправились. И Балабанов мне пишет из Фердинанда¹, что он беспокоится о Вас.

Я отослал, уже дней 10 тому, 1-ю корректуру «Соучастие душ». Я внес поправки и дополнения в мой очерк о Вас² и очерк о Ракитине³. Я также написал, наконец, давно уже задуманную «Горную обитель»⁴. Шлю Вам ее. Она будет на последней странице «Соучастия» Душ», как завершение всего. Я послал ее и Балабанову и его заместителю Величкову⁵.

Вчера получил «Золотой сноп». Прочел. Завтра отсылаю. Но где же Ваше предисловие? Молю написать хоть несколько слов, ведь без вас эта книга вовсе, вовсе бы и не возникла или, разве, несоро.

Я прошу послать мне мои книги в сверстанных корректурах.

Очень хочется получить болгарские переводы «Слова о полку Игореве» – хоть на время. Похлопочите! И работу о Баяне!⁶

Ел<ена> К<онстантиновна> кланяется, Вам и супруге Вашей. Поправляйтесь. Братски обнимаю Вас!

Ваш К.Бальмонт

¹ Фердинанд – город на северо-западе Болгарии.

² К первоначальному варианту очерка «Емануил п. Димитров» Бальмонт добавил следующий текст: «Емануил Димитров – поэт нежности и тонкого внутреннего зрения, по преимуществу. Но глубоко ошибаются те, кто думает, что поэты такого лика не располагают художественною мощью. Стих Димитрова “Буря”, его магически проникновенный стих “Лаура” и “Нива”, великодушная записка новой его книги “Златни ниви и бойни полета” (“Золотые нивы и боевые поля”) ясно указывают, что сладкозвучный трубадур, владеющий лютней и кремонскою скрипкой, может далеко послать свой гуд, приложив к губам длинный изогнутый рог. “Нива”, истинно Болгарский стих, становится вровень с Эллинскою красотой, заставляет вспомнить “Труды и дни” Гезиода». Это дополнение, написанное от руки на обрывке тонкой бумаги, находится в архиве Е.Попдимитрова (ЦДА. Ф.123. Оп.1. Ед.хр.98. Л.91).

³ В очерк о Н.В.Ракитине Бальмонт внес незначительные поправки, отредактировано только первое предложение. Ср. оригинал: НБКМ. Ф.292. Ед. хр.17. Л. 411-413, а также текст в «Соучастии душ» (с.100-105).

⁴ Первый экземпляр стихотворения «Горная обитель» с пометкой «Капбретон, 1930. 1–9 октября» (машинопись, подпись – автограф) находится в архиве Е.Попдимитрова (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.17. Л.1165-1166), второй – в архиве Н.Т.Балабанова (ЦДА. Ф.1137. Ед.хр.15. Л.1-2). Впервые опубликовано: Россия и славянство. 1930. 22 ноября, №104. Стихотворение стало заключи-

тельным аккордом книги «Соучастие душ» (с.121-122), его эпитафия почерпнута из «Завещания» («Завета») Святого Ивана Рильского его ученикам. Стихотворение навеяно не только впечатлениями от поездки поэта в Рильский монастырь в день Светлой пятницы (10 мая 1929) вместе с Е.К.Цветковской, русским поэтом-эмигрантом А.М.Федоровым и болгарскими друзьями Е.Попдимитровым и Н.Т.Балабановым, но и всеми теми материалами по истории и географии Болгарии, которые Бальмонт получил позже от Е.Попдимитрова и Н.Т.Балабанова. Можно предположить, что он располагал книгой Й.Иванова «Св. Иван Рилски и неговият манастир. С приложение на паметници и фотографски снимки») – см. примеч. 5 к письму 6. В приложение к книге включен древнеболгарский памятник X века «Заветът на Св. Иван Рилски», написанный в 941, за 5 лет до смерти Рильского Святого. Книга дает подробные сведения о Рильской обители, находящейся высоко на горе, в дремучем, девственном лесу, где когда-то жил Святой Иван Рильский (876–946) – современник князя Бориса I (852–889) и его сына Владимира (889–893), царей Симеона Великого (893–927) и Петра (927–969), – ставший основателем монастыря. Болгарский народ почитал Ивана Рильского как чудотворца.

ГОРНАЯ ОБИТЕЛЬ

...Но небо ми беше покров, и земля постеля, и былье пища.
Из «Завета Св. Ивана Рильского»

Наш путь нас мчит. Стремлюсь крутой стремниной,
С любимой, с Русским другом и с друзьями
Болгарскими. Нас кликнула обитель.
Все выше взносит горная дорога,
С верхушки неба Солнце льет свой пламень,
Шумит поток, безмолвствуют Балканы.

<...>

От древних дней горел здесь чистый пламень,
Святой Иван в пустыне взнес обитель,
Лесные злаки смотрят здесь друзьями,
Гремят потоки в гулкие Балканы,
Благоуханны липы над стремниной,
Чуть шепчет ясень, к Богу здесь дорога.

Беспримесна от зла твоя дорога,
Святой Иван, над срывом, верный пламень,
Покров был – небо, звезды над стремниной,
Земля – постеля, звук молитв – обитель,
Твердыней правды вздыбились Балканы,
Провалы стали верными друзьями.

<...>

Мы над стремниной – с верными друзьями,
В обитель – вход резной, верна дорога
Господень пламень светит на Балканы.

(Соучастие душ. С.121-122.)

⁵ Атанас Величков – чиновник Министерства народного просвещения, заместитель Н.Т.Балабанова, составитель сборников лирических стихов, пробовал писать и критические статьи. См.: Ерос и Психея: Антология на българската любовна лирика / Състав. А.Величкова; С предговор върху главните й представители. София, 1927; Лириката на Константин Величков // Величков К. Стихотворения. София: Изд-во МНП, 1931; *Величков А.* Жената в творчеството на Г.П.Стаматов // Философски преглед. 1936. №5. С.430-432.

⁶ Речь идет о книге В.Пундева «Боян Магесникът» (София, 1923).

20

Капбретон.
1930. 3 ноября

Дорогой друг,

Спасибо Вам большое за прекрасное предисловие к моему «Снопу»¹. Шлю перевод. Пожалуйста, отправьте в печатьню его Вы сами, – я не знаю кому адресовать.

Горюю, что Вы все еще хвораете. Поправляйтесь. И очень радуясь, что мы нашли *друг друга*.

Братский привет.

Ваш К.Бальмонт

¹ Предисловие Попдимитрова к «Золотому снопу болгарской поэзии» написано с большой любовью и признательностью к Бальмонту за его труд: «Перед нами великолепный *Золотой сноп Болгарской поэзии*. И жнец его – великий Русский поэт, солнцеликий *Бальмонт*, патриарх Русского символизма, певец, чей слух расслышал *Зовы Древности* и забытые голоса народов. В звучных простых словах, заставляющих вспомнить Русскую народную песню, он воплотил некоторую часть неисчерпаемого сокровища Болгарского песенного творчества. Он выковал золотое ожерелье, которое своим тонким мастерством пробудит удивление и в Русском, и в чужеземце. Под Русским покровом они найдут неподдельный дух истинной народной песни и смогут вкусить от ее самобытной прелести <...> (20 мая 1930)» (См.: *Бальмонт К.* Золотой сноп болгарской поэзии. С.5-6).

21

<почтовая открытка>
Капбретон. 1930.XI.11

България. София
Проф. Ем. П. Димитров
Цибра 10 Sofia. Bulgarie

Дорогой друг,

Меня тревожит, что я доселе еще не получил вторых корректур «Соучастия душ» и «Золотого снопа». Я послал запрос об этом в отд<ел> Культ<уры> Мин<истерства> Н<ародного> Обр<азова-

ния>, но буду Вам очень признателен, если Вы, со своей стороны, – открыткою – поторопите их.

Поправляетесь ли, друг? Жаль, что Вы не здесь. Вместе бы слушали звонкий свист синиц.

Ваш К.Бальмонт

22

<почтовая карточка>
Кап<бретон>. 1930.XI.28

България. София
Проф. Ем. П. Димитров
Цибра 10. Sofia. Bulgarie

Милый друг,

Как Вы? Как здоровье? Вы, конечно, получили корр<ектуру> «Снопа», подписанную к досылу Вам и к печати. Надеюсь, что «Листок книг К.Д. Бальмонта»¹ будет включен в наш «Сноп». Просил бы копию включить и в «Соучастие душ».

С радостным волнением буду ждать уже напечатанных моих книг и приветствую Вас, Н.Ф.Балабанова и уважаемого господина министра Народного просвещения² в Болгарии, благодарно сознавая, что напечатание в Софии двух этих книг делает меня счастливым и дает мне энергию пристально работать еще и еще над изучением Болгарии и Болгар и над воссозданием в русском слове великих духовных ценностей братской страны.

С любовью к Вам

К.Бальмонт

¹ По просьбе Е.Попдимитрова Бальмонт подготовил список своих сочинений (поэзия, проза, переводы), чтобы приложить его к книге с болгарскими народными песнями. См.: Книги К.Д.Бальмонта, вышедшие в России и за рубежом // Бальмонт К.Д. Золотой сноп болгарской поэзии. С.131-132.

² В этот период министром народного просвещения был профессор А.Цанков (15 мая 1930 – 29 июня 1931). В издании обеих книг большую роль сыграл и предшествующий министр Н.Найденев (12 сентября 1928 – 15 мая 1930). См.: Пълен указател на Законите в България от Освобождението до 30.VI.39. София: Държавна печатница, 1939. С.475.

23

<почтовая открытка>
Капбретон
1930.XII.20

България. София
Проф. Ем. Димитров
Цибра 10
Sofia. Bulgarie

Милый друг,

Я потонул в писании поэм и очерков к святкам. Оттого – не сразу ответ.

Список лиц и учреждений для рассылки моих, наших, книг изготовлю сегодня ночью (работаю уже две недели до 2-х, 3-х, иногда 4-х часов ночи). Завтра отошлю Вам.

Обнимаю братски. Привет всей семье Вашей и друзьям.

Ваш К.Бальмонт

24

Кап<бретон>
1930.XII.28

Ну, друг мой Емануил, и задали же Вы мне работу! Два дня жизни я истребил на этот список, здесь прилагаемый¹. И это в предсвятосточной спешке. Вчера в 4 ч<аса> н<очи> его кончил, и сегодня в 9 ч<асов> у<тра> уже был за другою работой.

С горячим нетерпением жду книг.

Обнимаю.

Ваш К.Бальмонт

¹ См. примеч. 1 к письму 22.

25

<почтовая открытка>
Капбретон
1931.12 февр<аля>

България. София
Проф. Ем. П. Димитров
Цибра 10. Bulgarie

Дорогой друг,

Я написал сегодня «Привет певцу певучей страны, Емануилу Поддимитрову»¹ и отослал Н.Ф.Балабанову, экспрессом, прося воспроизвести также мой очерк о Вас из «Соучастия душ» и «Горную обитель». Буду ожидать корректуру.

Когда выйдет Ваш альманах, чтобы не пропустить мне срок и напечатать мой «Привет» в «Росс<ии> и слав<янстве>».

Жму руку.

Ваш К.Бальмонт

¹ Этот текст является поздравлением К.Бальмонта с 25-летним юбилеем творческой деятельности болгарского поэта, состоявшимся 4 апреля 1931. Подлинник (машинопись) имеет другой вариант заглавия: «Привет певцу страны певучей Емануилу п. Димитрову (12 февраля 1931)» (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.22. Л.220-221). Именно под таким заглавием очерк опубликован впервые. См.: Емануил п. Димитров. Юбилеен сборник. С.58-60, см. также: Россия и славянство. 1931. 18 апреля, №125. Очерк печатался и в следующем юбилейном сборнике поэта: Тридесет години литературна дейност на писателя Емануил п. Димитров. 1906-1936. София, 1936.

26

<почтовая открытка>

Капбретон.
1931.IV.10България. София.
Проф. Ем. П. Димитров
Цибра 10. Bulgarie

Друг милый, Емануил,

Христос Воскресе, обнимаю и целую Вас.

Как же прошли дни Вашего праздника?¹ Напишите и опишите!
Подробно!

Надеюсь, что малый мой привет к Вашему дню дошел вовремя.

С разных сторон получаю приветы за наши две болгарские книги². Но от болгар ни звука.

Дому Вашему – преуспяние.

Ваш К.Бальмонт

¹ Юбилейное торжество Е.Попдимитрова состоялось 4 апреля 1931. Заранее был сформирован юбилейный комитет из 55 членов под председательством Н.Т.Балабанова. В него входили писатели – Т.Влайков, Д.Шишманов, Н.Дончев, А.Величков, И.Кириллов, Н.Шейтанов и др., ученые – проф. С.Младенов, проф. К.Глебов, проф. С.Ватев, проф. Б.Йоцов, Н.Станев, художник И.Лазаров, актрисы З.Йорданова, Н.Буюклиева и др. Торжественный вечер проходил в зале Военного клуба в Софии под патронажем известного общественного деятеля, министра земеделия Григора Василева. Почти все болгарские газеты писали об этом вечере как о значительном культурном событии. См.: Литературен глас. 1931. 18 март, №108; Вестник на жената. 1931. 28 март, №446; Шоп. 1931. 1 април, №31; Мир. 1931. 4 април, №9221; Зора. 1931. 4 април, №3523; Заря. 1931. 5 април, №2870; La Bulgarie. 1931. 6 април, №2301.

² Речь идет о книгах «Золотой сноп болгарской поэзии» и «Соучастие душ».

27

<почтовая открытка>

Капбретон
1931. 23 маяБългария. София.
Проф. Ем. П. Димитров
Цибра 10. Sofia

Дорогой Емануил,

Давно от Вас не было письма. Напишите мне несколько слов о себе и о том, что сейчас делается в Софии. – Давно уже писал мне сербский друг Иван Степанович Шайкович (consul d-r J.Sajkovic. Raunauk 11 B., Helsinki, Suomi, Finlande), что он хотел бы прочесть Ваши книги и вступить с Вами в соотношение <так!>. Пошлите ему свои книги. Это хороший поэт, прекрасный человек и один из тех зорких югославын, которые увлечены мыслью о всеславянском брат-

стве. – О себе ничего не пишу. Мы в больших материальных затруднениях и прямо не знаем, как дальше быть.

Жму руку.

Ваш К.Бальмонт

28

Париж. 1931. 25 мая

Дорогой друг,

Спасибо Вам за присыл трех томиков Вашей изящной лирики¹. Снова повеяло на меня тем же очарованием чистого поэтического мироощущения. Вы должны сейчас переживать тихую и сладостную радость завершения жатвы. Но перед Вами еще новый большой путь.

Мы живем в душном воздухе повседневной борьбы за жизнь, в тревогах, в заботах неисчислимых.

Всего лучшего Вам и Вашей семье, и Болгарии.

Ваш К.Бальмонт

¹ Можно предположить, что Бальмонт получил в подарок новые сборники стихов Е.Попдимитрова: «Песни за родната земя» (1929), «Росни капки. Стихове» (1931) и первый том «Лирика» (София, 1931) 15-томного полного собрания сочинений (София, 1931–1938).

29

Capbreton. Landes
Malgre tout
1931. 15 окт<ября>

Милый друг мой, Емануил,

Куда же Вы исчезли из моей жизни? Мне горестно это долгое Ваше отсутствие, и не знаю причин его. Нездоровье? Занятость?

Напишите мне о себе и новых Ваших работах и о том, что делается сейчас в Болгарии. Как жаль, что Н.Ф.Балабанов более не занимает своего поста¹.

Я опять вернулся к Вашему рукописному собранию болгарских песен, нашел там много того, что необходимо перевести. и уже приступил к этой работе. Когда наберется у меня переводов довольно, перепису и пришлю Вам. Хорошо было бы составить еще целую книгу, посвященную болгарским песням, сказкам и поэтам.

Сообщите мне, прошу, много ли разошлось экземпляров «Соучастия душ» и «Золотого снопа».

Только что получил последний № литовского журнала «Vairas» («Руль»), в нем очень хвалебная статья² о двух этих моих книгах.

Между прочим, автор, отмечая, что в «Соучастии душ» есть много и о Литве, говорит: «Министерство Народного Просвещения в Болгарии, издав эти книжечки, сделало доброе дело не только для прославления своей страны, но оказало дружескую услугу и Литве». При статье (если хотите, я переведу ее для Вас) приложены отличные литовские переводы из «Снопа»: «Лес», «Пчела», «Поцелуй», «Облако», «Любовная тайна», «Пион и роза».

Мы живем грустно, погибаем от безденежья и прямо не знаем, как дальше жить и что делать.

От Ел<ены> К<онстантиновны> и меня привет Вам и Вашей семье. Откликнитесь.

Ваш К.Бальмонт

¹ В период с июня 1931 по май 1934 политическая ситуация в стране делалась все более напряженной. Почти каждый год менялись или переизбирались кабинеты министров (Ал. Малинова – с 29 июня 1931 по 1 октября 1931, Н.Мушанова – с 12 октября 1931 по 7 сентября 1932, с 7 сентября 1932 по 31 декабря 1932 и с 31 декабря 1932 по 19 мая 1934). См.: Пълен указател на Законите в България... С.452. Один за другим менялись и назначались новые министры Министерства народного просвещения (А.Цанков, К.Муравиев, Д.Гичев, А.Бояджиев) и заведующие отделом культурных учреждений и фондов (12 октября 1931 место Н.Т.Балабанова занял С.Чукалов). Это обстоятельство помешало Бальмонту в его работе над новой книгой о Болгарии, а также нарушило планы поэта переехать в страну на постоянное жительство.

² В архиве Е.Попдимитрова находятся две положительные рецензии из зарубежных изданий на книги Бальмонта, вышедшие в Болгарии: 1) *Трубников П.* Одна кровь // *Сегодня.* 1931. 19 марта, №78; 2) *Шварнас Т.* Две книги К.Д.Бальмонта «Соучастие душ» и «Золотой сноп болгарской поэзии». Издание Министерства Народного Просвещения. София, 1930 // *Руль / Vairas* (Каунас). 1930. Октябрь. К машинописной копии этой статьи рукою Бальмонта приписано: «Перевод с Литовского Мстислав <так!>, ж<урнал> Vairas ("Руль"), 1931. 10. Kaunas. Lietuva» (НБКМ. Ф.292. Ед. хр.22. Л.159-161). Были и другие отзывы. Проф. Н.Кульман в частности писал: «Славянские переводы Бальмонта – большое литературное событие» (*Кульман Н.* Бальмонт и славяне // *Россия и славянство.* 1931. 25 апреля, №126); См. также: *Волошин Г.* Болгарская народная поэзия // *Голос* (София). 1931. 30 апреля, №334.

30

Капбретон
1931. 22 дек<абря>

Дорогой Емануил,

Шлю Вам 17 болгарских песен¹, мною пропетых по-русски. Копии большею частью тусклы – машинка моя пишущая плоховата.

Прочтите, и, если есть замечания, скажите.

Как видите, и как может видеть г. Савва Чукалов², которому с красноречивыми надписями я послал «Северное сияние»³, «Золотой сноп», «Соучастие душ» и «Стихи Врхлицкого», – я за работу новую по Болгарии принял ся рьяно. Надеюсь продолжать так же.

Привет Вам.

Ваш К.Бальмонт

¹ В архиве Е.Попдимитрова не сохранились.

² Сава Константинов Чукалов (1889–1971) – болгарский лексикограф, переводчик, составитель двух русско-болгарских словарей (София, 1938, 1944, 1945, 1947, 1951, 1970 и М., 1962, 1972). Закончил Духовную академию в Петербурге (1916), основал в Софии издательство «Златолира» (1918–1923) и магазин русской книги. Перевел на болгарский язык очерк К.Бальмонта «Соучастие душ» (опубл.: Литературен глас. 1929. 10 февруари, №22). С октября 1931 – заведующий отделом культурных учреждений и главный инспектор Министерства народного просвещения (1931–1934) вместо Н.Т.Балабанова. Е.Попдимитров советовал Бальмонту обратиться к Чукалову и рассказать ему о продолжении своей работы над переводами болгарских народных песен и желании подготовить новые книги о Болгарии (черновик письма от 3 декабря 1931 см.: НБКМ. Ф.292. Ед.хр.7. Л.14). Видимо, С.Чукалов не отозвался на предложения Бальмонта, таким образом, новая поездка в страну, а тем более переезд поэта в Болгарию стали невозможными.

³ *Бальмонт К. Северное сияние. Стихи о Литве и России. Париж, 1931.*

31

60, rue Cecile Dinant
Clamart, Seine
1932. 3 ноября

<почтовая открытка>

Дорогой Емануил, Благодарю Вас за подробное дружеское письмо¹. Но горько мне от него стало. Весь широкий земной мир становится для достойных людей все более и более узким кольцом, тюрью мою и западной <...>².

¹ В архиве Е.Попдимитрова сохранился черновик письма от 12 октября 1931, в котором он сообщал о своих бесплодных попытках найти возможность выполнить желание Бальмонта поселиться в Болгарии:

Я встретился с двумя Вашими друзьями Н.Балабановым и Костой Георгиевым, но и они не в состоянии сделать теперь что-нибудь. Коста Георгиев передает приветы Вам и нарочно попросил меня сообщить Вам не предпринимать ничего для переезда сюда. В Болгарии наступают сложные времена. Столица большевизируется. Коммуны 20 дней тому назад выиграли выборы в городское правление. Они не задержатся, но все-таки неизвестно, что будет...

Наш общий друг Стоян Заимов из Плевена ушел из жизни три недели тому назад. Его заместителем сейчас тоже наш общий друг Никола Вас<ильевич> Ракитин. Теперь надежда моя на него: не сможет ли он принять к себе семью русского поэта в Плевене. Я ему написал об этом, но прошу, чтобы и Вы написали ему.

<...>

Я прошу Вас принять мои извинения за нерегулярность моих писем. Но несмотря на мое молчание, я постоянно думаю о Вас и грущу, что не могу ничем облегчить Ваше тяжелое положение. Теперь трудно русскому эмигранту приехать к нам и найти государственную работу, а всякая другая помощь исключена. <...>

Ваш Емануил

(НБКМ. Ф.292. Ед.хр.7. Л.15-16.)

² В своей книге Е.Попдимитров не воспроизвел полный текст этого письма, поэтому подпись Бальмонта отсутствует. Приводим его продолжение:

В «Народных Листах» Червинка напечатал очень хвалебный очерк о «Соучастии душ», «Золотом снопе», где я так связан с Вами. Посылаю Вам эту статью. Хорошо бы ее напечатать и по-Болгарски.

Жаль мне, что нет более Стояна Заимова. Он мне дорог. Поклонитесь Ракитину и Георгиеву. Кто такой Н.Джеров? Мне очень нравятся его «Облачка», «Бисерная песня», «Благословенная весна». Это – то же, что я люблю в Вас, Ракитине и Лилиеве – три поэта, всегда мне милы.

Надеюсь, что супруга Ваша поправилась и вы все благополучны.

Приветы ласковые.

Ваш К.Бальмонт

(ЦДА. Ф.123. Оп.1. Ед.хр 98. Л.56. Автограф)

Винсент Червинка – редактор чешской газеты «Народни листи». Упомянутая Бальмонтом статья не обнаружена в архиве и не публиковалась на болгарском языке. Никола Георгиев Джеров – малоизвестный болгарский поэт, автор сборников стихов «Благословие на света. Лирически песни» (Троян, 1922), «Пролет край езерото» (София, 1930), «Гергьовденски люлки» (София, 1940). В архиве Е.Попдимитрова сохранились два переведенных Бальмонтом стихотворения Н.Джерова («Бисерная песня», «Облачка»).

60, rue Cecile Dinant
Clamart, Seine
1933.VI.19

Дорогой Емануил,

Давно, очень давно я Вам не писал, но так спутанна и мучительна теперь наша жизнь, что трудно даже выбрать подходящую минуту для письма к человеку, который дорог. Большое спасибо Вам за присылку двух Ваших новых книг «Есенин пламъци» и «Глас из дълбините. В храма на българското слово»¹. Если в 1-й мне нравится Ваш обычный легковейный лиризм, 2-я меня совершенно очаровала.

Какой прекрасный замысел – дать цельную поэтическую сводку, дать цельный обзор глубоко-прочувственного, героического, мученического, всегда из тьмы к свету рвущегося болгарского слова. Читая страницу за страницей эту подлинно-искреннюю сложную поэму, я брожу вместе с Вами по старинной, старой и вечно-молодой Болгарии и снова чувствую, что не напрасно еще в детстве я ее полюбил

Христос е на земята – повярвахме,
Христос е с мъртвите: да слезем с него,
Да узнаем подземната тайна,
Да познаем как словото слиза
И просветява ония, що са в ада...

Эти слова, как по лучу, прямо идут в сердце.

Хорошего много, хорошо все. «Азбучна молитва» – самое название трогательно. «Дракон» полон движения, «Луна» первично прекрасна, «Цветен дар» – как детские глаза, и величественно «Исусово детство», и умиротелен «Софроний».²

Каждая страница сразу переносит в Болгарию. Эта книга должна быть в каждом болгарском доме, как в каждой божнице должны быть иконы, свечи, лампада, – пучок полевых цветов и колосьев.

Напишите мне о себе. Как здоровье Ваше и супруги и всей семьи?

Приветы наши Вам и память верная.

Ваш К.Бальмонт

P.S. Поклон Н.В.Ракитину и К.Г.Георгиеву.

¹ В год 25-летия творческой деятельности Е.Попдимитров начал издание своих произведений. *Димитров Емануил п.* Събрани съчинения: В 15 т. София, 1931–1938. В письме речь идет о 4-м томе (София, 1932), состоящем из двух частей: «Преображение» (Поэма в 7 видения) и «Есенни пламъци» (Нови песни) и 6-м томе (София, 1933), в котором напечатана поэма «Глас из дълбините. В храма на българското слово».

² Бальмонт приводит заглавия нескольких частей поэмы «Глас из дълбините».

60, rue Cecile Dinant,
Clamart, Seine
1934. 10 янв<аря> н<ового> ст<илия>

Дорогой Емануил,

С Новым годом! Желаю здоровья, удачи и радостей Вам, ласковой семье Вашей и всем друзьям, если они еще меня помнят.

Шлю Вам «Чарованья струн»¹. Исай Бармас² – мой друг с 1894-го года, он кончал тогда Московскую консерваторию и играл мне на

скрипке, когда я переводил поэмы Эдгара По. Он профессор скрипки, прожил в Берлине 30 лет, считался там одним из двух лучших скрипачей, должен был уехать оттуда и живет теперь в Париже.

«Скрипку из Кремоны» я, конечно, написал как ответ на Вашу прекрасную «Лауру», незабываемую³.

Живем очень грустно и в постоянной заботе. Но стихи меня не покидают. Шлю «Прибаутку» и «В тысячелетях»⁴. Как Вы?

Приветы.

Ваш К.Бальмонт

СКРИПКА ИЗ КРЕМОНЫ⁵

Емануилу Димитрову

- Ты нам играл на скрипке из Кремоны.
 – Неумолим алеющий закат. –
 Струною овоздушены все стоны.
 – Немая ночь вступила в зимний сад. –
 Казалось мне, смычком ты ранил струны.
 – Кровавый кактус в зимнем цвел саду. –
 Мы в музыке преображенно юны.
 – Немая ночь всю страсть влила в звезду. –
 Пьянела страстью скрипка из Кремоны.
 – Из-за морей к душе гудел набат. –
 Пожар окутан в бешеные звоны.
 – Звезда взглянула в кактус, в зимний сад. –
 Смычок пропел все пламени для мысли:
 – Немой с немою в зимнем был саду. –
 Созвездья в небе гроздьями повисли.
 – Расцветший рот был с алым ртом в бреду.

1933. 11 ноября. Ночь. Clamart.

К.Бальмонт

¹ В архиве Попдимитрова сохранилось приложение к этому письму – два стихотворения (машинопись на тонкой бумаге): «Чарованье струн» с посвящением Исаю Бармасу (Бальмонт в письме заменил заглавие стихотворения на другое – «Алмазный ток») и «Скрипка из Кремоны» с посвящением Емануилу Димитрову. Оба стихотворения написаны в один и тот же день: 11 ноября 1933. В первом обыгрывается мотив чарующих струн, вызывающий ощущение алмазного тока музыки и неземного счастья:

АЛМАЗНЫЙ ТОК

Едва возьмешь ты скрипку в руки,
 И, звон лия в алмазный ток,
 Послушный задрожит смычок,
 Я взят, я влит, вваливлен в звуки.
 Цветок на берегу реки,
 Колеблем спешною волною,

В разливе к небу дух раскрою,
 Во мне в сверканьи огоньки.
 Прозревшее от счастья око,
 Вдруг истончившийся я слух.
 Велел колдующий пастух,
 И стадо движется широко.
 Я в ветре дрогнувший листок,
 Что с веткой в трепетаньи скован,
 Я стих, который зачарован
 Теченьем музыкальных строк.
 Вот, звездозернь неисчислима,
 Надземным током льется Бах,
 И вижу я в твоих перстах
 Всю верность хватки Иоахима.
 Ты в скрипке – мага ученик,
 И совершенный ты учитель,
 Ты звукогрозный расточитель,
 Трех скрипок в скрипке звездный вскрик.
 Звучал ли здесь оркестр содружный?
 Не знаю. Слышал я его.
 Все истончилось вещество
 В единый свет Луны жемчужной.

(ЦДА. Ф.123. Оп.1. Ед.хр.98. Л.85.)

² Исая Бармас (1872–1945) – скрипач, педагог. Ученик И.В.Гржимали и Й.Иоахима. Профессор консерватории Штерна (1900–1905), затем консерватории Клиндворта–Шарвенки в Берлине (1905–1929). В 1919 основал в Берлине струнный квартет, гастролировал по многим странам.

³ Бальмонт был в восторге от раннего стихотворения «Лаура» из сборника «Песни» (1914) Е.Попдимитрова, вошедшего и в антологию «Пред дверите на любимата», которую он хорошо знал. Это было первое переведенное им произведение болгарского поэта, включенное в текст очерка «На высотах Плевны. У Стояна Заимова – в плену». По поводу этого стихотворения Бальмонт писал:

Я читаю прославленный стих Димитрова «Лаура». Мне чудится, что я вижу целый сонм белых девушек. Лунных. Побледневших. Обреченных. На что? На любовь и на счастье? На служение жизни? Или? Или? На служение тем, чья жизнь истекает с каждой каплей – текущей, жертвенно пролитой крови? Той крови и юной, и горячей, что хотела своего счастья, а пролилась за волю и радость неведомого брата, неведомой сестры? Безумный, прекраснейший стих Димитрова. Невнятный для разума, понятный и четкий для сердца. Как вскрик струны. Как голос скрипки, в котором смешались, слились и зыбнутся – свет, и цвет, и уводящий звук, и страсть, и бескрайняя печаль:

ЛАУРА

Белой розы глазок нераскрытый, ты белая роза, Лаура...
 Роза зимних ночей, тех, где вьюги мятелятся хмуро,
 Тех, когда расцветают цветы по стеклу,

И, безлиственна, ветка дрожит, как теперь,
 Вот, я белою розой коснулся, сквозь мглу,
 О хрустальную дверь.
 – Пробудись, о, невеста небесная сонная!
 Я коснулся преддверья слегка... Ты слегка поднимаешь вуаль,
 Говоришь: Как я долго ждала тебя!
 Задремала под бурей, что снежилась хмуро,
 Убеляя всю даль!
 – Твой голос Кремонская скрипка, Лаура.
 Когда расцветают цветы по стеклу
 И ветка, безлиственно зыбясь, велит моему суеверью
 Качнуться во мглу,
 На скрипке Кремонской глухой я играю пред светлую дверью.
 Кличет даль,
 Снежная мчится мятель, убеленная...
 Ты без слов опускаешь вуаль.
 – Пробудись, о, невеста небесная сонная!

См. также: Соучастие душ. С.89-90.

⁴ Стихотворения К.Бальмонта «Прибаутка молвит гудко» (1933) и «В тысячелетиях» (1934) хранятся в архиве Е.Попдимитрова (ЦДА. Ф.123. Оп.1. Ед.хр.98. Л.84).

⁵ Стихотворение «Скрипка из Кремоны» приложено к письму.

34

<почтовая открытка>
 Clamart. 1934. 14 мая

Дорогой Емануил,

Я получил 3 №-а «Зари» от 4-го мая, 6-го и 10-го¹. Почему Вы не шлете мне дальнейшие №-а «Зари» и других газет с разъяснением несчастья. Прошу, напишите мне, кто те изверги, которые загубили Ракитина? Какую роль играли в этом министр Нар<одного> Пров<ещения>, фамилию которого не знаю², и Савва Чукалов³? Я должен это знать. Конечно, не для выступления в печати.

Места себе не нахожу от горя и гнева. Болгария, которую я так люблю, погубила такого человека и такого поэта, как Ник<олая> Вас<ильевича> Ракитина! Его кровь обрызгала всю Болгарию, и как она смоеет эту кровь?

Вчера ночью я написал «Жертву вечернюю»⁴ и послал в «Посл<едние> нов<ости>». Прошу, напечатайте это в «Заре». Прилагаю. Обнимаю Вас.

Ваш К.Бальмонт

¹ Вся болгарская печать откликнулась на безвременную смерть Н.В.Ракитина (см.: Свободна реч. 1934. 4 мая, №3045 и 6 мая, №3046; Ново време. 1934. 4 мая, №874; Слово. 1934. 3 мая, №3557; Народ. 1934. 4 мая,

№95 и 6 мая, №97; Дневник. 1934. 5 мая, №10314; La Bulgarie. 1934. 5 мая, №3209; и др.). Самые подробные разъяснения по поводу трагической кончины поэта дала газета «Заря»: Самоубийството на писателя Ракитина // Заря. 1934. 4 май, №3794; Ник. Вас. Ракитин – на смъртно легло // Там же. 5 май, №3796; В що се обвинява Ракитин? // Там же. 6 май, №3796; Последното писмо на Ракитин // Там же; Тайната на Ракитин се разбулва // Там же. 9 май, №3798. Е.Попдимитров опубликовал в этой газете свое стихотворение «На поэта Н.В.Ракитин» (1934. 10 май, №3799). Еженедельник «Литературен глас» посвятил специальный номер Н.В.Ракитину (1934. 13 мая, №234). Под шапкой «В памет на Ник. В. Ракитин» выступили главный редактор Д.Б.Митов, проф. А.Балабанов, проф. К.Глебов, проф. Б.Йоцов, проф. М.Арнаутов, А.Дзивгов, Хр. Цанков-Дерижан, Калина Малина, Вичо Иванов и многие другие. В пространном очерке на целой полосе, размышляя о поэте Ракитине, А.Дзивгов провел любопытное сравнение: «Через то “соучастие душ”, о котором говорил сам Бальмонт, русский поэт полностью перевоплотился в Ракитине и претворил его в себе. Не все успел видеть и осознать Бальмонт, но то, к чему он близко подошел, ему удалось понять творческим образом. Его мнение вдвойне ценно, потому что он, чуждый всякому художественному эгоцентризму, есть редкая универсальная личность, имеющая непосредственное отношение ко всей мировой поэзии. Он знает все европейские языки и все литературы мира, и именно по этой причине его отношение к Ракитину приобретает особенное значение, что обязательно нужно подчеркнуть» (Там же). В фонде Н.В.Ракитина хранится специальная папка с его посмертными материалами (НБКМ. Ф.333. Оп.1. Ед.хр.16. Л.30-137).

² В это время министром народного просвещения был А.Бояджиев.

³ См. примеч. 2 к письму 30.

⁴ По просьбе Писательского союза Болгарии Е.Попдимитров задержал публикацию статьи-некролога «Жертва вечерняя». Вместо «Зари» она появилась в издании «Дума на българските писатели» – в номере, посвященном памяти Н.В.Ракитина (1934. 9 декември, №3). См. черновик его письма Бальмонту (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.7. Л.17). До того очерк был напечатан под другими заглавиями, переведенный на болгарский язык прямо из «Последних новостей», которые опубликовали его 26 мая 1934.

Clamart. 1934.XII.30

Дорогой друг Емануил,

В звездном воздухе приближающегося Нового года вспоминаю мои очаровательные летние дни в Болгарии, уже такие далекие, но негаснущие, и шлю Вам сердечные приветы, Вам, поэт глубокий, и Вашей милой супруге, всей семье Вашей. Прошу также передать наши поклоны Балабановым и Георгиевым. Будьте благополучны и счастливы, пошлите мне новых своих стихов и не забывайте любящих Вас.

Ваш К.Бальмонт

<почтовая открытка>

България. София
Проф. Емануил Димитров
Цибра 10. Bulgaria

Noisy-Le grand, S. et O.
26, Av. Chilperic, 26
1937. 10 января

Милый и дорогой Емануил,

Спасибо за две книги, известившие меня о жизненном Вашем празднике¹. И я, и Ел<ена> Конст<антиновна> обнимаем Вас и красивую, верную супругу Вашу, и желаем Вам долголетней счастливой жизни. Всей семье Вашей – успехов, здоровья и счастья. – Я сейчас спешу с окончанием книги новых стихов, «Светослуженье»², которая будет печататься в Харбине. Как только отошлю ее, напишу Вам подробно и пошлю новых стихов. – Слава Вам, добрый сын родной матери Болгарии и прекрасный музыкант стиха.

Ваш К.Бальмонт

¹ По всей вероятности, Е.Димитров направил К.Бальмонту свой второй юбилейный сборник в связи с 30-летием творческой деятельности, отмеченным в 1936 (См.: Тридесет години литературна дейност на писателя Емануил Попдимитров) и очередной том собрания сочинений, которое продолжало выходить до 1938 (Т.13: Живот и блян. Дневникът на самотния, поеми в проза, разкази, хуморески. София, 1935).

² *Бальмонт К.* Светослужение: Стихи. 1936, август – 1937, январь. Харбин: В.В.Обольянинов, 1937.

С КОНСТАНТИНОМ БАЛЬМОНТОМ (Воспоминания)¹

К полудню отправились я, Н.Балабанов² и русский поэт-эмигрант А.Федоров³, небольшого роста, с пошатывающейся походкой, высоко поднятой круглой головой, с усталыми, но живыми карими глазами на красном, уже немолодом лице, озаряющемся милой улыбкой. Стоим на перроне в ожидании поезда, которым приедет Константин Дмитриевич из Белграда. Федоров немножко взволнован, сунув руки в карманы, он ходит взад и вперед мелкими шагами, постукивая каблуканы.

Поезд приходит шумно и, затормозив, быстро затихает. Хлынули пассажиры. Мужчина со светлыми волосами, скромно одетый, в зеленом костюме, в шляпе с опущенными полями, с серой бородкой, медленно приближается к нам, рядом с ним худощавая, смуглая

женщина, с маленьким сморщенным лицом, черными глазами, идет быстрыми шагами. Федоров бросается прямо к пассажиру, который идет навстречу на слабых и неуверенных ногах. Поцеловались.

– Вы здесь?

– Да.

У мужчины лицо наивное, немножко хитроватое, волосы кудрявые, вьющиеся из-под шляпы. Когда-то они были рыжими, теперь почти седые, маленькие голубые глаза улыбаются ласково. Какая-то изумленность и боязнь играют в глазах пассажира, который постоянно оглядывается. Знакомимся.

– Александр Федоров, вы были с черными смоляными волосами, а теперь они седые.

– У вас тоже были рыжие, а теперь поседевшие <нрзб.>.

– Сколько времени прошло с того дня, как мы не видались? Помните тот вечер? Я читал стихи... Выпил бутылку вина. Была лунная ночь. Я бросил всех и вышел в луга, потом уснул. Вы меня нашли и опять...⁴

Приезжаем в гостиницу «България»⁵. Бальмонт радуется номеру: «Я здесь буду чувствовать себя как министр или как посол...» Есть прекрасный вид на сад.

Он рассказывает о своих впечатлениях от поездки. С болгарской литературой познакомился в Париже. Выписал себе Министерские издания и другие книги. На него произвели впечатление... (Все писатели во все уши слушают, ожидают модное тогда имя Лилиева⁶, ж<урнал> «Златорог»⁷ и пр.). На него произвели впечатление народные песни, стихи молодых поэтов, Е.Попдимитрова.

– Но он сам перед вами!

Он обнимает и целует меня. Я рассказываю ему о том, какое счастье для нас, молодых, видеть своего старшего Учителя, корифея русского символизма среди нас. Он удивляется тому, что его произведения настолько известны в Болгарии. «Разве у меня так много почитателей?! Разве мое творчество имело такое значение для новой болгарской поэзии!?»

В его честь мы устраиваем обед в ресторане <гостиницы>. Он очарован угощением. Ему нравятся блюда и вино, вкусное, прозрачное, красное болгарское вино. Он расслабляется, видна физическая слабость и усталость от поездки. Но его желание говорить не стихает, он рассказывает анекдоты из Парижа и России, о недавних путешествиях в экзотические уголки тропиков, об островах Таити, Мексике. Оттуда он привез два тома в Россию. После революции Максим Горький, выполнявший тогда роль цензора, отнял их у него (вероятно, для себя).

Сидели долго и оживленно беседовали. Может быть, в своей изгнаннической жизни он давно не встречал такого радушного

приема. Возбужденный вкусным вином, чуть опьяневший, он нуждается во сне. Но ему не хочется покинуть нас: читает стихи, просит и меня почитать что-нибудь. Стихотворение «Брак» («Венчание»)⁸ кажется ему необыкновенным. Он не расстается со мной, хочет, чтобы я был постоянно с ним.

На завтрашний день мы устраиваем ему выступление в зале <театра> «Рояль». Открывать его буду я – прочитаю приветственное слово о нем⁹. Послезавтра следует второе его выступление о славянской народной песне, о славянской душе¹⁰, предстоит чтение стихотворения «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце!».

Вечером возвращаемся в гостиницу. Он окружен писателями и говорит обо всех. Мною овладевает смущение, когда он восхищается моими вещами: «Он кроткий как голубь и мудрый как змея».

12 мая отправились на экскурсию в Драгалевци и на Витошу¹¹. <Едем наверх>. Очаровательный вид. Вся София лежит как на ладони – великолепная столица, необъятный простор, чтобы расти в ширину и высоту. Поднялись на машине до самых снегов. Вот последние владения зимы. Из-под снега показывают свои головки чемеричник, кукушкина слеза, анемоны, желтые и фиолетовые крокусы. Собираем букетики цветов. Федоров, Бальмонт и Елена Константинова мелькают в кустах. Заходящее солнце бросает оранжевые отблески <нрзб.> на снега Балкан и Рилы.

«Вот, сбывлась мечта моей юности. Никогда я не думал, что увижу этого поэта! Но каждая мечта сбывается: вот он стоит передо мной, говорит со мной, а я радуюсь его произведениям и приятельству. О чем можно мечтать?!»

Вечером мы расстались. Утром его <Бальмонта> взял в плен А. Дзивгов¹², который, неизвестно почему, после тайных интервью с ним для своих литературных анкет, производил на него комическое впечатление. Бальмонт не доверял ему. Ко всему им сказанному он относился скептически. Называл его смеху ради «Мефистом». А. Дзивгов очень старался, чтобы заслужить внимание поэта. Его фигура напоминала ему Бобчинского.

5 мая 1929 г. – состоялась первая встреча.

7 мая, во вторник, Бальмонт выступил с лекцией о славянских народных песнях. (Он уже перевел песню о Дели Димо и Джан (душа) Еленке.¹³)

9 мая – <выступление> о болгарских народных песнях¹⁴.

Пятница, 11 мая – вечер бальмонтговской поэзии¹⁵.

В Великую пятницу мы были в Рильском монастыре¹⁶. Вечером поехали через Дупницу¹⁷. Там встретили одного русского врача, народника и нигилиста. Начался разговор между ними. Так как врач уехал <из России> 40 лет тому назад¹⁸ <нрзб.>, он остался с идеями того времени, он был похож на человека, который словно проспал 100 лет и проснулся словно в новой стране и новом времени, которое для него было совершенно непонятым.

<Нрзб.> монастырского здания и природная обстановка. Вечерня – чтение евангелий, антифонов. Потом раздавали дикую герань и первоцветы, собранные в лесу. Очень сильное впечатление произвели <на Бальмонта> Рильский монастырь и легенда о Святом Иване Рильском:

– Я напишу что-нибудь о нем. Этот монастырь напоминает мне монументальный буддистский храм. Только в Питере можно видеть подобное.

Поехали на экскурсию в Плевен. Там я познакомил его с Н.В.Ракиным¹⁹, которого он уже любил. Были гостями у С.Займова²⁰. Свои впечатления он напечатал в очерке «У Стояна Займова – в плену»²¹, переведенном на болгарский язык...

Во время поездки мы остановились у одной колонки (Саранци²²), он нарочно дольше задержался, чтобы посмотреть на «чучур»²³, потому что в народной песне «Дели Димо и Джан Еленка» говорится о колонке, которую построил Дели²⁴ Димо с серебряным «чучуром». Он перевел это слово на русский язык как «журчун»²⁵.

К Орхание²⁶ <отклонились и> поехали по старому шоссе, которое проходит по равнинным лугам и представляет собой великолепную аллею со старыми роскошными ивами, которые распустились золотисто-желтыми цветками и приятно благоухал.

Бальмонт нашел в своей родословной документы о том, что на одном редуте во время осады Плевена сражался его родственник. При виде памятников вокруг и в самом Плевене он вздохнул и сказал:

– Где только не лежат по обширной земле святые русские кости!

Во время экскурсии в поселок Банкя²⁷ особенно проявил себя А.Дзивгов как гастроном и хороший хозяин (средства были отпущены М<инистерством> Н<ародного> П<росвещения>). Наконец он получил одобрение и благорасположение Бальмонта. Поэт пустился в рассказы о детстве, о деревне. Рассказывал о своем отце.

Однажды он <Бальмонт> повел меня на какую-то евангелическую русскую вечерню. Познакомил меня с нищенствующим эмигрантом, добродушным человеком (мистиком, адмиралом русского флота). Молодой человек читал и толковал евангелие. Проповедь была неуверенной, необедительной. <...>

Заставили Бальмонта читать стихи. Он с трудом согласился. Плохое впечатление произвела на него проповедь. Она рассердила его: «Кому не дано свыше, тому не следует толковать и проповедовать!»

Познакомил меня здесь <в Софии> с семьей Евреиновых.

– Подружитесь с ними! Обещайте мне, что будете их навещать (Нина Васильевна Евреинова и Нина Алексеевна Рауш фон Траубенберг²⁸). Посмотри, какая изысканность у дочери!

Дочь была брюнеткой, лунатичкой. Они были богатыми. Бальмонт дал мне адрес, но мне не удалось посетить их.

Госпожа Елена Константиновна была для Бальмонта ангелом-хранителем. Скромная, преданная, умная, она предостерегала поэта от увлечений, ориентировала его, потому что лучше наблюдала и понимала людей.

Вечером в пивную пришел русский с непокрытой головой, который продавал деревянные резные штатулки. Он был широкоплечий, с открытым лицом, с великолепной седой бородой. Он раздвигал публику своим телом, и, наверное, узнав, что здесь находится Бальмонт, подошел и предложил ему коробку, попросив его купить на память о Болгарии.

– Не надо.

Бальмонт посмотрел на него, засмеялся, а когда продавец ушел, рассказал нам следующий анекдот: «Этого господина я помню по имени “Воистину Воскресе!”». Когда-то он был полицеймейстером в Екатеринославе. Я был интернирован губернатором и во время пасхальных праздников отправил ему телеграмму в Екатеринослав: “Христос Воскресе! Могу ли я приехать в Екатеринослав и выступить с несколькими лекциями во время праздников?” Получил ответ: “Невозможно. Воистину Воскресе!”».

Ему <Бальмонту> очень нравилось слово «самодиви» (это заглавие моего сборника народных песен²⁹) вместо «самовилы» из сербской поэзии. «Лауру»³⁰ и «Бурю»³¹ считал лучшими произведениями новой болгарской лирики. Он перевел их на русский язык. На последнее даже объявил конкурс лучшего перевода на русский язык³².

Он рассказывал о красивых человеческих расах, которые видел в своем трикратном <так!> путешествии вокруг земли. На о. Самоа одинаково были красивы и женщины, и мужчины. Особая раса. В Италии красивые женщины, в Швеции – мужчины.

«В жару на о. Самоа мы лежали под шатрами, покрытые потом, не могли двигаться, нельзя было ни ходить, ни думать. В эту жару люди срывали с высоких деревьев крупные плоды, выжимали холодный сок, свежий, как мороженое».

Часто цитировал свой любимый перевод <народной песни> «Дели Димо и Джан-Еленка»:

– Какой хитрый этот богатырь Дели Димо! – смеялся он и торжествовал. – «Джан-Еленка!» – обращался он к Елене Константиновне и смеялся громко, маленькие голубые глаза тоже смеялись.

«Болгарский народ – поэтический народ. Лучшая лирика в мире принадлежит англичанам. Но у них нет народной песни. В Болгарии и России и по сей день сочиняются народные песни».

Раз, когда мы были в парке имени Скобелева³³, он, увидев поднятые стволы орудий, сказал: «Они давным-давно совершили свое дело, и нужно было <бы> их убрать. Им не место в лесу, где поют соловьи».

Он отказался войти в мавзолей-усыпальницу: «Нехорошо то, что собрали в одном месте столько костей. Это и безобразно, и страшно. Их место в земле, где они могли бы истлеть, чтобы проросли цветы».

«Чудесен этот старик-великан. У него молодая душа, – говорил он о Стояне Заимове. – Странное его дело в этом возрасте – рассаживать розы в память о погибших в войне русских княгинях и девицах. И эта буддистская Нирвана (задуманная самим Заимовым, как мавзолей в саду, как Божий дом в зеленых лесах, как Верхняя Земля или сбывшаяся мечта)».

Провели две недели в гостях у Татренских атаманов, у Яна Каспровича³⁴. «Это – сила недр сельского польского народа, это – гений интуитивный, бессознательный, величественный. Врхлицкий³⁵ Каспрович и я были в свое время славой трех народов. Бжезина³⁶ был тоже чешским гением».

На славянском вечере в честь Бальмонта Стефан С. Бобчев³⁷ вручил поэту значок Славянского общества (в «Славянской беседе»³⁸).

Бальмонт выступил с импровизацией: «Я русский, я русый, я рыжий...»*

Читали (сам Бальмонт читал с особым музыкальным чувством, распевая свои стихи, вдохновенно обращаясь к слушателям, затаившим дыхание) «Венок сонетов» – лирическая симфония, исполненная полновесностью и кристальным мироощущением. «Дерево Ясень»³⁹ – это поэма, которая по музыкальности и поэтическому совершенству является одним из глубочайших его творений своей интуицией и метафизическим проникновением в «Я» и творчество, в Бога и бессмертие. Кроме того, через каждый сонет проносился, пролетал или мелькал русский пейзаж: степи, болота, тростник, поля, леса, весна и зимние снега, бури и северный мороз... Как на бешеных лошадях, пронеслась Святая Русь через эту вереницу сонетов. Притом каждый следующий <сонет> начинался с последнего стиха предыдущего, а первый сонет повторялся в конце и завершал этот лирический непере译имый венок.

«Он как алмаз, проникновенный, глубокий, как глубокая, прозрачная вода. Им владеет всегда белый Бог, а мной – никогда», – сказал он раз по поводу пишущего эти строки. Кто-то (Дора Габэ⁴⁰) сказал:

– Почему?

– Натура, темперамент.

Автор «Зовов древности»⁴¹, переводчик Шелли и Эдгара По, продолжал: «Есть что-то мистическое, какая-то таинственная связь между человеческой душой и природным существом: собакой, бабочкой или птицей, посланцами той души, которая умирает.

«Кротость, ласково-добрая у Бодлера, этого садиста поэзии, напоминает мне <кротость> тигра, который, после того? как поразил лань, лежит на солнце и облизывается».

«Когда я предпринял, – говорил он, – свое первое посещение Японии, на вокзале в Токио множество мужчин махало руками и <нрзб.> доносились возгласы: “Будем как Солнце! Будем как Солнце!”. И там я видел самый красивый экзотический цветок – красивейшую японку. Люди склонялись над ней, как колосья ржи под дуновением ветра, чтобы смотреть на нее.

Японцы – люди восточной тайны, они – загадка. Они могут ждать долго и долго терпеть. И вдруг расцветают как <нрзб.>, как столетнее дерево. А мы как береза, которая цветет каждый год».

* *Зачеркнуто*: «Федоров, который уже долгое время был в Болгарии, болезненно почувствовал себя обойденным и ответил импровизацией лишь из двух-трех строчек, в которых пародировал Бальмонта».

Мы говорили о животных и их душе. «Всегда меня удивляли рационалисты и Декарт с его допущением, что животное является только живой машиной. Разве он никогда не видал живых животных. Даже в двух мухах есть индивидуальная разница. Но эта психология часто закрыта для нас. Даже и детская, как затоптанная бабочка, она нам незнакома».

«В первый раз узнал о братьях болгарах, когда русские войска ушли сражаться куда-то на Балканы, а моя матушка щипала корпию для перевязки ран, и я спрашивал для кого эти платки. А с сербами в первый раз я познакомился в Мексике. В одном кафе я видел серба, который водил медведя, и медведь пожал мне ласково руку...»

«Англичане, вообще, – непоэтический народ. У них нет народной песни, но у них лучшая лирика в мире». Бальмонту очень нравилась болгарская народная сказка о том, как Бог раздавал удачу. (В этой сказке дается верная, юмористическая характеристика народам, с которыми болгары соприкасались, и в то же время они сами смеялись над собой.) – «Народ, который может подняться до того, чтобы смеяться над собой, это – умный народ».

Раз, чтобы охарактеризовать славянскую природу, рассказал легенду. В греческом источнике говорилось об одном племени, которое проходило через леса и болота и на неприятелей и врагов шло со свирелями и гуслиями в руках...

– Как же вы не боитесь идти без луков и стрел, без щитов и топоров среди зверей и людей?

– Мы играем и поем, и леса расступаются, чтобы нам пройти...

Он терпеть не мог граммофон, не восхищался аэропланом – этой грубой, злой и несовершенной машиной. «Крылья в воздухе, а загорается бензиновый мотор. Леонардо да Винчи очень хорошо понимал это, когда изучал старательно полет птиц и анализ их крыльев. А аэроплан ни то, ни се».

«Считают Толстого и Достоевского учителями и путеводителями человека в жизнь. Но как же можно взять в товарищи в пустыню гиппопотама или тигра?».

«Не Лермонтов, который мне предельно ясен, а Пушкин, многоликий Пушкин для меня является вечной загадкой...»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В черновике письма от 7 января 1935 Е.Попдимитров сообщал: «Милый Константин Бальмонт. Я получил Вашу открытку с поздравлениями к Новому году. Это было как раз в тот момент, когда я завершал мои воспоминания о Вашем посещении Болгарии по записям, которые я делал для себя, и таким образом в мыслях Вы были опять <нрзб.> здесь среди нас» (НБКМ. Ф.292. Ед.хр.7. Л.17). Это свидетельствует о том, что болгарский поэт приступил к воспоминаниям через 5 лет после визита Бальмонта в Болгарию, поэтому он порой делает ошибки в датах. Воспоминания публикуются с незначительными сокращениями.

² Никола Тодоров Балабанов. См. о нем во вступит. статье.

³ Алексей Митрофанович Федоров. См. о нем во вступит. статье.

⁴ О том же эпизоде вспоминает и А.Федоров в своем очерке «Перелетные птицы», посвященном пребыванию Бальмонта в Болгарии:

Москва – потом юг – Бальмонт гостит у меня на даче, на берегу
Черного моря, в маленьком немецком селении под Одессой.

Одновременно гостит у меня и Иван Алексеевич Бунин.

Яркость неба, яркость моря,
Сила бурь и тишины
Блещет, плещет, манит вторя
Зовам творческой весны.

Мы живем, пьяные от всего этого, подчас безумствуем и просто творим глупости от близости стихии, от собственной молодости и избытка сил, которые тоже стихия.

(Сегодня. 1929. 21 июня, №170).

⁵ Гостиница «България» – один из фешенебельных отелей болгарской столицы в 1920–1930-е, с прекрасным видом на царский дворец, площадь и сад.

⁶ Николай Лилив (наст. имя Николай Михайлов Попиванов; 1885–1960) – болгарский поэт-символист. Его лирика была очень популярна в начале 1920-х. См. также примеч. 2 к письму 3.

⁷ «Златорог» – болгарский журнал. Подробнее см. примеч. 10 к вступительной статье.

⁸ Стихотворение «Брак» (в переводе К.Бальмонта «Венчание») из антологии «Пред дверите на любимата» (1927) Е.Попдимитрова очень нравилось русскому поэту; этот перевод он включил в очерк «Емануил Попдимитров».

⁹ Текст приветствия включен в наст. публ. См.: «Константин Д. Бальмонт. Приветствие по случаю его выступления о славянских народных песнях. 7 мая 1929, в театре “Роял”, София».

¹⁰ Мемуарист не совсем точен. Второе выступление Бальмонта (8 мая 1929) было посвящено болгарской народной песне. Об этом сообщают многие ежедневные газеты (см., например: Мир. 1929. 8 мая, №8555; Демократически сговор. 1929. 4 мая, №1659; и др.). В заметке под названием «Вторая лекция Бальмонта» в газете «Демократически сговор» сообщалось:

«Знаменитый писатель Бальмонт выступит сегодня, в среду, в 6 ч<асов> вечера в театре “Роял” на тему “Болгарская народная песня”».

¹¹ Село Драгалевци – дачный пригород Софии; Витоша – горный массив, к которому подходят южные пригороды болгарской столицы. Витоша представляет собой естественный, природный парк, и жители Софии любят подниматься по выходным дням на ее вершину «Черни врах».

¹² Крум-Александр Димитров Дзивгов (1895–1936) – публицист и литературный критик. См. также вступит. статью и примеч. 6 к письму 4.

¹³ См. примеч. 5 к письму 1.

¹⁴ См. примеч. 10.

¹⁵ Мемуарист ошибается. Вечер бальмонтской поэзии состоялся 10 мая 1929. Газета «Мир» информирует: «Сегодня вечером, в 6. 30 ч<асов>. в “Роял” К.Д.Бальмонт выступит в последний раз» (1929. 10 мая, №8657).

¹⁶ Рильский монастырь – древняя обитель X в., основанная Святым Иваном Рильским. Этому древнеболгарскому памятнику Бальмонт посвятил стихотворение «Горная обитель». Подробнее см. примеч. 3 к письму 19.

¹⁷ Дупница – город, через который идет дорога на Рильский монастырь.

¹⁸ На рубеже столетий (XIX–XX вв.) в Болгарии нашли убежище политические эмигранты из России.

¹⁹ Никола Василев Ракитин. Подробнее о нем см. вступительную статью, а также примеч. 6 к письму 3 и примеч. 1 к письму 34.

²⁰ Стоян Стоянов Заимов – заведующий Военно-историческим музеем в Плевене. Подробнее о нем см. вступит. статью и примеч. 10 к письму 3.

²¹ Речь идет об очерке «На высотах Плевны. У Стояна Заимова – в плену». См. также примеч. 1 к письму 2.

²² Саранци – село, мимо которого проходит дорога в Плевен.

²³ Чучур – кран, который не закрывается, и вода постоянно течет, журча.

²⁴ Дели (*тур.*) – богатый.

²⁵ См. примеч. 97 к вступит. статье.

²⁶ Орхание (*тур.*) – город на пути к Плевену. Современное название – Ботевград.

²⁷ Банка – курортный поселок с минеральными источниками, находящийся недалеко от Софии.

²⁸ Подробнее о А.В.Евреиновой и ее дочери Н.А.Рауш фон Траубенберг см. примеч. 12 к письму 3.

²⁹ Самодиви: Народни песни / Подбрал и наредил Емануил п. Димитров. София, 1926.

³⁰ Стихотворение «Лаура» из сборника «Песни» (1914) Попдимитров включил в антологию «Пред дверите на любимата», которую Бальмонт хорошо знал еще в Париже. Это первое из переведенных Бальмонтом произведений болгарского поэта; напечатано в очерке «На высотах Плевны» (опубл.: Россия и славянство. 1929. 6 июля; см. также: Мир. 1929. 26 юли, №8718; Соучастие душ. С.89-90). См. также примеч. 3 к письму 33.

³¹ Стихотворение «Буря» из антологии Попдимитрова «Пред дверите на любимата» Бальмонт перевел на русский язык в очерке «Емануил п. Димитров». См. также письмо 3.

³² См. прим.4 к письму 1.

³³ Парк имени генерала Скобелева, освободителя Плевена, был создан С.Заимовым.

³⁴ Ян Каспрович (1860–1926) – польский поэт, переводчик, критик, член Польской Академии наук. Автор сборников стихов: «Христос» (1890), «Конец мира» (1891), «Anima lacrimans» (1894), «Шиповник» (1898), «К погибающему миру» (1902), «Баллада о подсолнухе» (1908), «Книга о нищих» (1916) и др.

³⁵ Ярослав Врхлицкий (1853–1912) – чешский поэт, драматург, переводчик, член Чешской Академии наук. Автор сборников стихов: «Из глубин» (1876), «Мгновенья» (1879), «Сфинкс»(1881), «Деревенские баллады» (1885), «Сонеты одинокого» (1885), «Дерево жизни» (1909) и др.

³⁶ Отокар Бжезина (1868–1929) – чешский поэт-символист, эссеист. Автор сборников стихов: «Рассвет на западе» (1896), «Ветры с полюсов» (1897), «Строители храма» (1899), «Руки» (1901) и др.

³⁷ Стефан Савов Бобчев (1853–1940) – известный болгарский ученый-юрист, публицист, общественный деятель, член Болгарской Академии наук, член-корреспондент иностранных академий (Загреб – 1909, Прага – 1910), основатель Юридического факультета Софийского университета, создатель и директор Свободного университета (1920–1937), председатель Славянского общества в Болгарии (1904–1940). Автор исследований в области истории болгарского права.

³⁸ Мемуарист не совсем точен. Торжественный вечер состоялся в аудитории №5 Свободного университета, а в «Славянской беседе» Министерством народного просвещения был устроен банкет в честь русского поэта.

³⁹ Правильное название сборника сонетов Бальмонта «Ясень. Видение древа» (М., 1916).

⁴⁰ Дора Петрова Габе (1888–1980) – болгарская поэтесса. Высшее образование получила во Франции. Начала печататься в 1908. Редактировала серию «Библиотека за малките», издаваемую Министерством народного просвещения (1921). Известный переводчик с польского языка («Полски поети», 1921). Автор множества сборников стихов («Теменуги», 1908; «Някога», 1924; «Лунатичка. Поеми», 1931; «Лирика. Избрани стихове», 1964; «Почакай, слънце», 1967; «Невидими очи. Стихове», 1970; «Избрани стихове. В 2 т.», 1978; «Светът е тайна», 1994 и др.).

⁴¹ Бальмонт К. Зовы древности. М., 1908.

Рашит Янгиров
В КАДРЕ И ЗА КАДРОМ
Российские кинематографисты за рубежом (1924–1930)
Часть вторая

Среди творческой элиты Русского Зарубежья кинематографисты занимали особое место. В отличие от большинства соотечественников они быстро интегрировались в культурный ландшафт Запада, не отказываясь при этом от связей с метрополией. Вопреки расхожим представлениям, их прямые и косвенные контакты с коллегами в СССР продолжались многие годы и после закрытия государственных границ, но никогда они не были столь многообразными, как в 1920-е. Признанные на родине «шелухой исторического процесса» (определение Виктора Шкловского), эмигранты сыграли важную роль в восстановлении отечественной кинопромышленности, став своего рода инициаторами и посредниками в сложной процедуре ее интеграции в международный кинопроцесс. Пока эта многоходовая интрига развивалась, они держались в тени и на свет появлялись лишь время от времени, но каждый ход неизменно сопровождался их репликами и публичными жестами, заставлявшими главных участников считаться с их присутствием. Жесткое противостояние двух

* Первая часть работы была опубликована в прошлом году: *Янгиров Р.* В кадре и за кадром: Российские кинематографисты-эмигранты во Франции (1924–1930) // *Диаспора: Новые материалы.* Вып. II. СПб.: Феникс, 2001. С.217-268. Третья, заключительная, часть готовится автором и будет напечатана в одном из ближайших томов альманаха.

Автор выражает искреннюю благодарность коллегам – Марине Сорокиной, Вере Ивановой и Татьяне Осокиной (Москва) за живое участие и разнообразную помощь при написании работы.

миров вынуждало, как правило, избегать постороннего внимания, конспирировать профессиональное и личное общение коллег-соотечественников, и этот камуфляж со временем затемнил или даже «удалил» важные эпизоды целого ряда творческих биографий, обеднив реальную историческую панораму отечественного кинематографа. Ее реконструкция требует значительных усилий и привлечения нетрадиционного круга источников, в частности материалов эмигрантской печати.

Сокращения, применяемые в библиографических ссылках: ВМ – газета «Вечерняя Москва»; ГК – газета «Кино» (М.); ГК (Л.) – ленинградское приложение к газете «Кино»; ЖК – журнал «Кино» (М.); ИК – журнал «Искусство кино» (М.); ИР – журнал «Иллюстрированная Россия» (Париж); ПН – газета «Последние новости» (Париж); КЗ – журнал «Киноведческие записки» (М.).

1. В СТОРОНУ ГРИФФИТА

Объявив себя центром новой мировой цивилизации, лидеры Советской России взяли за всемирную пропаганду коммунизма средствами искусства. Возможности кинематографа – и эстетические, и технические – идеально, как им представлялось, подходили для достижения этой цели.

Идейный противник большевизма философ Дмитрий Болдырев одним из первых пронизательно разглядел тождество химер экрана с утопическим мироощущением эпохи:

«Великий Немой» есть в то же время и великий интернационалист, и есть до известной степени сам Интернационал. Магическое и мистическое слово, ты становишься, наконец, видимою плотью, или – вернее – призраком плоти на экране кинематографа. «Г-н Арнольд весело проводит время в своей роскошной вилле «Россия». Его посещает известный художник Павел Плантарев...» или «Граф Иоанн Мельников влюбляется в красавицу испанку Маню Кручини» – вот интернационал, подлинный, живой и наглядный, раскрывающий в образах загадочные формулы Кинтала и Циммервальда. И нет, и не будет другого интернационала, кроме этого экранного международного мира аферистов, сыщиков, спортсменов, тангистов, туристов, апашей, раджей, атлетов, банкиров, дельцов и бездельников, кроме этого вавилонского столпотворения имен, костюмов и стран, кроме этого отвратительного воляпюка, на котором «Великий Немой» говорит со всем земным шаром. Огненные электрические слова, которые с некоторых пор начали зажигаться на небосклонах даже самых скромных и тусклых <...>, это, можно сказать, пророческие слова, своего рода «Мене, Такел, Фарес», начертавшиеся перед входом в царство интернационала и социализма. Глядите, за небольшую

плату вам показывают как бы панораму на Земной Рай, который пока цветет для немногих, где-то на самой макушке горы, на Олимпе, но который по природе своей предназначается для всего широкого подножия горы и даже для самых низких долин. В эти сумрачные долины кинематограф проведет луч этого рая, призрак этого счастья, т. е., в сущности, пропагандирует в Аиде – Олимп.¹

Создание производственных структур для материализации планетарных идеологием коммунизма (именно ими было обусловлено, в частности, появление на свет «Пролеткино» и «Межрабпом-Русь»)² требовало, помимо прочего, квалифицированных кадров, острый дефицит которых поначалу было решено восполнить именитыми иностранцами. Вскоре после национализации кинопромышленности, осенью 1919, Ленин предложил Дэвиду У.Гриффиту возглавить кинопроизводство революционной России³, и тот, приняв было это

¹ Болдырев Д. Пролеткульт // Сибирская речь (Омск). 1919. 19 июня. С.3-4. Ср. с эмигрантской рефлексией: «Великий Немой обращается в четвертый интернационал, в современном Вавилон, в котором столпотворения быть никак не может, ибо язык в нем – отменен» (<Б/н.> Четвертый интернационал // Эхо (Берлин). 1924. №8. С.4).

² Ср.: «Рабочие Европы и Америки, рабочие всех стран, всех уголков земного шара ждут пролетарских картин из России, потому что только в России сейчас могут быть созданы такие картины» (из выступления члена Исполкома Коминтерна Э.Гернле на вечер «Пролеткино» 26 апреля 1923; цит. по: Лебедев Н. Кино – его история, его возможности, его строительство в Советском государстве. М., 1924. С.129).

³ См. мемуарное свидетельство французского посла в России Жозефа Нуланса: Leyda J. Kino. A History of the Russian and Soviet Film. London, 1983. P.142-143 (далее – Leyda, с указанием страницы). Повышенный интерес к американскому режиссеру был связан с его картиной «Нетерпимость» (1916), которую советские идеологи несколько лет спустя попытались приспособить к задачам революционной пропаганды и представили перемонтированную версию делегатам IV конгресса Коминтерна летом 1921 (об этом см.: Пролог к киноспектаклю «Нетерпимость» / Написан Н.Н.Глебовым-Путиловским. Пг., 1921). В советском прокате картина демонстрировалась под названием «Зло мира». См. рец.: Барсов Н. «Нетерпимость» // Экран (М.). 1921. №2. С.10; <Б/н.> Кинонеделя в пользу голодающих // Красная газета (Пг.). 1921. 18 октября. С.1. Об этом см. также: Трауберг Л. Дэвид Уорк Гриффит. М., 1981. С.105-125.

Можно предположить, что приобретение фильма Московским Кинокомитетом у представителя «американской» прокатной компании «Трансатлантик» Жака Чибрарио дэ Годзона было лишь началом шумной истории, начавшейся летом 1918. Последний заявил себя посредником в переговорах советских киноорганизаций с Гриффитом, а также был уполномочен провести закупку кинооборудования и пленки в США на общую сумму в миллион золотых рублей. Эта сделка обернулась безвозвратной потерей денег и длительной тяжбой в судебных инстанциях (об этом см.: <Б/н.> Итальянец Жак Чибрарио обокрал большевиков // Наша речь (Бухарест). 1928. 12 декабря. С.4; Листов В. Россия. Революция. Кинематограф. М., 1995. С.66-67). Так или иначе, но затея с приездом

приглашение, в последний момент отказался от него из-за внутри-голливудских осложнений.

Начиная с 1923, в советской печати не раз обсуждался вопрос о переезде в СССР «социально близкого пролетариату» Чаплина. Эта идея обрела особую злободневность в период скандального бракоразводного процесса актера со второй женой Литой Грэй, реально грозившего ему досрочным прекращением творческой карьеры в Голливуде из-за бойкота продюсеров. «Известия» сообщали:

Возмущенное травлей против Вас, Совкино шлет Вам привет и приглашает Вас работать в СССР. Полны уверенности, что Вы встретите горячий прием в СССР.

Совкино <...>⁴

Гриффита, по-видимому, завершилась появлением в советских киноорганизациях репатриантов Льва Замкового (1887–1957?) и Лео Мура (Леонтий Мурашко; 1889–1938), аттестовавших себя его ближайшими помощниками. Быстро обнаружившаяся профессиональная несостоятельность перевела этих кинематографистов в разряд теневых, но влиятельных производственников. Например, Замковой в 1926–1927 работал уполномоченным Совкино в США.

Обоснования и производственно-технические аспекты заграничных контактов советской кинематографии см. в: *Лемберг Э.* Кинопромышленность СССР. Экономика советской кинематографии. М., 1930; см. также: *Thompson K.* Government Policies and Practical Necessities in the Soviet Cinema of the 1920s // *The Red Screen: Politics, Society, Art in Soviet Cinema.* London; New York, 1992.

⁴ Известия. 1927. 29 марта. С.6. Идея о переезде Чаплина в Россию возникла за несколько лет до этого приглашения: «Когда мы задумаем построить фабрику смеха, Президиуму Коминтерна придется рассмотреть просьбу коммунистов-киноработников о переброске в порядке партийной дисциплины т. Чарли Чаплина из Америки в РСФСР, впрочем, он и без того рвется к нам» (Правда. 1923. 12 января. С.4). Эмигрантская печать не без интереса следила за развитием этого сюжета и комментировала его. См., например: «“Товарищ” Чарли Чаплин женится на Полла Негри. “Правда” пишет, что Чаплин вступил в коммунистическую партию» (Новое русское слово (Нью-Йорк). 1923. 30 января. С.1).

К концу 1920-х отношение к актеру было скорректировано: «Существует довольно распространенное мнение, что Чаплин является не только одним из самых передовых культурных киноработников западной кинематографии, но и революционером-общественником, сочувствующим пролетарской революции, якобы проводящим в своих ролях и фильмах близкую нам идеологию. Здесь надо развеять некоторые иллюзии. Чаплин в буржуазном государстве является только либералом, и в своих ролях он олицетворяет и идеализирует деклассированный тип мелкого буржуа и мещанина...» (*Херсонский Хр.* Чаплин // ГК. 1929. №29, 2 апреля. С.3). Тем не менее надежды на приезд в СССР сохранялись, по-видимому, и у самого актера: «Чаплин думает об этом уже давно. К сожалению, осуществить свое намерение сейчас, в марте, он не может: этому мешает суровость русского климата. Но Чаплин твердо уверен, что когда он закончит свое путешествие по Германии, Франции и Испании, он сможет весной осуществить свое давнишнее намерение и посетить Москву и другие центры СССР» (<Б/н.> Когда Чарли Чаплин приедет в СССР // ВМ. 1931. 17 марта. С.3).

Аналогичные предложения поступали в те годы и другим мастерам экрана. Фриц Ланг, например, приглашенный Госкинопромом Грузии экранизировать «Всадника в барсовой шкуре»⁵, поначалу приняв это предложение, отказался от него из-за занятости другими проектами⁶. В 1924 для своей первой советской постановки «Аэлита» реэмигрант Яков Протазанов выписал из Берлина оператора Ф.Шюнемана, который, правда, в первые же дни работы продемонстрировал непрофессионализм и был со скандалом изгнан со съемочной площадки коллегой – Юрием Желябужским⁷.

Особый интерес к «киноспецам» питали республиканские киноорганизации (Всеукраинское фото-киноуправление (ВУФКУ), Госкинопром Грузии, Азербайджанское фото-киноуправление (АФКУ) и др.). Так, в историю советского кино вошла фигура основоположника турецкого кино Ертогрула Мухсин-Бея. В 1925 он был приглашен Одесской киностудией на костюмную мелодраму «Спартак», еще на стадии производства ставшую одиозным примером дорогостоящей пошлости и спекулятивной эксплуатации идеологической конъюнктуры⁸.

Время от времени советская печать сообщала о надеждах на приезд и других кинематографистов: «При первой возможности <Григорий> Хмара со своей женой Астой Нильсен приедет в Россию. Искреннее желание приехать в СССР выразил также Конрад Вейдт, который мне заявил, что по своей артистической индивидуальности он тяготеет к русским ролям»⁹.

Кинематографисты-эмигранты представляли не меньший, если не больший интерес для советских вербовщиков. Сразу же по приезде в Берлин весной 1921 официальный представитель Всероссийского фотокиноотдела (ВФКО) М.Ф.Андреева «особенно заинтересовалась постановкой дела местной кинопромышленности, а также положением русских актеров-эмигрантов»¹⁰. Установление контактов с ними стало важной заботой московского эмиссара, так как многие

⁵ Современное название поэмы Ш.Руставели – «Витязь в тигровой шкуре».

⁶ ГК. 1925. №34. С.3.

⁷ См.: *Новицкий П.* Русские и иностранные операторы (Из воспоминаний оператора) // Кинофронт (М.). 1926. №1. С.32.

⁸ Как постановщик Мухсин-Бей начал в 1922 – с кинодрам «необузданной и неукротимой страсти» «Трагический Стамбул» и «Тайны Босфора» (второй фильм – по сценарию Ильи Василевского (Не-Буквы)) для фирмы Григория Либкина. См. об этом: *Presse Soir / Вечерняя Пресса (Константинополь)*. 1923. 20 января. С.3; Там же. 23 января. С.3; см. также: *Белосельская-Булгакова Л.* Воспоминания. М., 1989. С.11.

⁹ <Б/н> Кинодостижения в Германии (Беседа с кинорежиссером А.В.Ивановским) // Красная газета (Л.). 1925. 16 июня. С.4 (веч. вып.).

¹⁰ <Б/н> М.Ф.Андреева в Берлине // Руль (Берлин). 1921. 26 мая. С.6.

творческие работники, отправленные за границу во временные отпуска или командировки от Наркомпроса, оставшись без эффективного контроля своей политической лояльности, вовсе не спешили возвращаться на родину:

Отпуска эти значительно тормозятся «некорректными прецедентами» – многие артисты, находящиеся сейчас в эмиграции, были в свое время отправлены с надлежащего благословения меценатствующего правительства, но, очутившись за границей и успев отвыкнуть от советских порядков, они не хотят почему-то не только возвращаться обратно, но и вообще знаться с представителями Совдепии.¹¹

Восстанавливать доверие соотечественников приходилось щедрыми обещаниями или подкупом, но то и другое подкреплялось безошибочными психологическими приманками (патриотизм, участие в восстановлении русского экранного творчества, семейно-родственные обстоятельства и т. п.).

Активная вербовка «киноспецов» на советскую службу, являвшаяся частью большой операции по разложению эмиграции, началась в конце 1922, когда до зарубежной России дошло официальное

¹¹ <Б/н.> М.Ф. Андреева в Берлине. См. также: *Норд*. Беседа с М.Ф. Андреевой (от нашего корреспондента) // *Новый мир* (Берлин). 1921. 6 июля. С.4. Возглавляемый Андреевой Киноотдел при советском торговом представительстве был витриной другого ведомства, далекого от задач кинопроизводства: «Управление (предприятий) ГПУ. – Р.Я.» <...> состоит пайщиком во многих заграничных предприятиях. <...> В Берлине оно организовало киноотдел, во главе которого стоит жена М. Горького – Андреева. Получаемые доходы поступают на содержание официального и секретного штата ГПУ в Москве, частью становятся собственностью тех из работников ГПУ, которые являются участниками этих предприятий» («Организация ГПУ» – недатированный документ начала 1920-х. Цит. по: ВЧК–ГПУ: Сб. документов / Сост. Ю. Фельштинский. Benson; Vermont: Chalidze Publications, 1989. С.149). О кинематографической деятельности Андреевой в Берлине см. также: Мария Федоровна Андреева: Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М.Ф. Андреевой. М., 1961. С.289-292.

В результате деятельность Андреевой на этом поприще была оценена следующим образом: «Считаю совершенно необходимым записать и провести решение: отстранить от всех обязанностей по кино-делу М.Ф. Андрееву из Берлинского Торгпредства, как лицо явно вредное для развития кинематографии, своей работой часто тормозившее последнее» (мнение Н. Мещерякова, внесенное в протокол заседания Кинокомиссии при ЦК ВКП(б) от 6 ноября 1924. – ГАРФ. Ф.406. Оп.12. Ед.хр.952. Л.1). Вслед за этим актриса была отлучена от дел советской кинематографии, хотя с помощью друзей пыталась изменить ситуацию. Например, нарком просвещения, передавая новые кинопроекты Андреевой на рассмотрение Правления Совкино, интересовался возможностью привлечения ее к съемкам: «...предполагаете ли использование самой Марии Федоровны в качестве киноактрисы после ее приезда в Россию, что будет после Рождества» (письмо А. Луначарского от 10 ноября 1926. – Архив РАН. Ф.586. Оп.4. Ед.хр.3. Л.5).

извещение о том, что «возвращение энергичных и толковых крупных организаторов в высшей степени желательно, и Фотокиноотдел об этом заботится»¹². Первым удачным опытом стали переговоры руководителя ВФКО Льва Либермана с Александром Ханжонковым и переезд последнего в Москву в декабре 1923¹³. Поначалу охотно пошел на контакты и Иосиф Ермолев, однако выставил предварительным условием возврат кинофабрики на Брянской улице (ставшей к тому времени 3-й фабрикой Госкино), которое было отвергнуто, и разочарованный предприниматель отказался от идеи репатриации.

Между тем поток советских визитеров в Берлин не иссякал: в начале 1923 там появился специальный представитель ВУФКУ В.Прокофьев. Прием, который он встретил «среди живущих в Берлине русских артистов, был самый дружественный. Он виделся с крупнейшими русскими режиссерами и актерами, пользующимися сейчас известностью за границей. Все они с большим интересом относятся к возможности работы в России, и с некоторыми из них было конкретно договорено о таковой работе. А.Н.Толстой охотно взялся написать для ВУФКУ сценарий на тему из жизни русской эмиграции»¹⁴.

Разрекламированные отъезды из Берлина в Москву Александра Ханжонкова, режиссеров Якова Протазанова и Петра Чардынина¹⁵ вызвали «брожение умов» в эмигрантской среде и принесли свои результаты. Режиссер Вячеслав Висковский, в 1922 уехавший из России в Америку, через два года решил вернуться на ленинградскую киностудию. Его предотъездное интервью демонстрирует типичность ситуации и ее материальную подоплеку, не подлежащую обнаружению в СССР:

Встретился с режиссером Висковским. Весел. Оживлен...
– Как дела? Налаживается кино здесь?

¹² *Ашмарин В.* Кинематография в Сов. России // Новый путь (Рига). 1921. 30 сентября. С.2. О стратегии советской кинематографии см. также: <Б/н.> Л.Б.Красин о «Совкино» // Кинотворчество (Париж). 1924. №6-7.

¹³ Подробнее об этом см. в нашей работе: *Янгиров Р.* К биографии А.А.Ханжонкова: Новый ракурс // КЗ. 2001. №55. С.314-315. Надежды на возвращение питал одно время и Дмитрий Харитонов, по-видимому, внимательно следивший за советской карьерой Ханжонкова. См. об этом: *Миславский В.* Дмитрий Харитонов. Судьба русского кинопродюсера // Там же. 1993. №18. С.231-233.

¹⁴ ЖК. 1923. №2-3. С.21. См. также: «1 февраля выезжает вторично за границу директор “Кино-Москвы” М.Л.Янколович специально для ознакомления с кинопроизводством, для привлечения спецов к производству в РСФСР и для приобретения предметов технического оборудования киноателье» (Там же. №1/5. С.32).

¹⁵ Там же. 1922. №3. С.45; 1923. №2-3. С.21. Обстоятельства «перекупки» Протазанова у фирмы «УФА» см.: *Алейников М.* Яков Протазанов. М., 1961. С.93-95.

– Налаживаю-то налаживаю, да вот визу уже в СССР получил, и в феврале уезжаем, дружище, на родину!

– Ну, а там как?

– Там дела!.. Более чем блестящие.

– ?!?!

– Контракт на 1000 рублей золотых в кармане.

<...> И пахнуло от него Россией. Сразу почувдилось, что есть сила – сила притяжения – там где-то, и имя ей магнит-родина. Здешние белогвардии представители воют о том, что всем надо, надо поскорее переезжать из России в «благословенную» Америку и поскорее принимать американское подданство, а вот режиссер Висковский думает иначе. Мы не знаем, что он думает, но видим, что делает. А ведь режиссер тов. Висковский, очевидно, человек не только не глупый, а совершенно наоборот.¹⁶

По утверждению киноисторика, «в Советском Союзе людей, возвращающихся из эмиграции, и в частности кинематографистов, даровитых актеров, встречали с радостью. К ним относились снисходительно»¹⁷. На самом деле очень скоро реэмигранты убедились в том, что «анкетные аномалии» сделали их объектами постоянных подозрений «общественности» и контрольных инстанций. Поводами к этому были вовсе не их профессиональные качества, а вольное или невольное неумение «спецов» идеологизировать свою продукцию, что вызывало раздраженное недоверие:

«Опытные» спецы по производству – режиссеры и операторы – отлично вытравливают из того, что могут дать авторы сценариев, все революционное-советское. «Опытный» спец-актер, не могущий выбросить из себя буржуазной «изюминки», старается, но появлением своим на экране окончательно убивает какую бы то ни было ценность картины с нашей точки зрения. <...> Кино-спецы не соответствуют в большинстве своем и не могут соответствовать тем новым задачам, которые стоят сейчас перед советской кинематографией. Пора их «почистить». На их места следует поставить хотя и не таких «опытных», но вполне преданных новому строительству, могущих им руководить и не зара-¹⁸женных старыми кинематографическими традициями деятелей.

¹⁶ Бука <Д.Бурлюк>. Из встреч и разговоров. Режиссер Висковский // Русский голос (Нью-Йорк). 1923. 16 декабря. С.2. Ср. с интервью по возвращении кинематографиста на родину: Д.Е. Беседа с режиссером В.К.Висковским // Кинонеделя (Л.). 1924. №17. С.7. О судьбах мастеров старой киношколы см. в наших работах: Янгиров Р. 1) «Спецы» на «кинофронте» // Русская мысль (Париж). 1990. 30 ноября – 6 декабря; 2) «Спецы» в советском кинематографе // Тыняновский сборник. Четвертые тыняновские чтения. Рига; М., 1990. С.219-235.

¹⁷ Садуль Ж. Всеобщая история кино: В 6 т. Т.4. Первый полумет: Послевоенные годы в странах Европы. 1919–1929. М., 1982. С.234.

¹⁸ Никаноров М. На новые рельсы // Пролеткино (М.). 1924. №3. С.9.

Жертвой повышенной бдительности стал, например, режиссер Александр Уральский. Покинув Россию весной 1918 и затем успешно работая в кино и театре Германии, Италии и Франции¹⁹, летом 1925 он был приглашен из Парижа для экранизации «Капитанской дочки» в «Пролеткино». К съемкам картины Уральский приступил вместе с привлеченными им французским оператором Рапелленом и немецким декоратором Агденом²⁰, но работу завершить не смог, так как вместе с группой кинематографистов был арестован и привлечен к суду по обвинению в финансовых злоупотреблениях²¹. После не-

¹⁹ Об А.Уральском см.: Кино-Газета (М.). 1918. №21 (май). С.12; <Б/н.> «Русская Золотая серия» // Там же. №31 (июль). С.9; Общее дело (Париж). 1920. 20 декабря. С.4; ПН. 1921. 19 февраля. С.4; 24 июля. С.4; 26 октября. С.3; Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. Т.1: 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л.Мнухина. М.; Париж, 1997. С.178-179.

²⁰ Новый зритель (М.). 1926. №7. С.17. См. печатное наставление германского художника советским коллегам: «Художник в СССР работает <...> без точного расчета. Эскизы, детальных чертежей, предварительных разработок он обычно не делает... Между тем ему поручается выполнить больше, чем художнику на Западе. У вас художник *строит*, на Западе *собирает*. <...> На Западе оператор только простой *технический исполнитель*. В ваших же *кустарных русских условиях* оператор является творцом, доминирующим над художником. <...> Прав тот, кто больше всех знает, а русским художникам как раз знания-то и не хватает» (Агден В. Кинохудожник на Западе и в СССР // Киножурнал АРК (М.). 1926. №2. С.16-18).

²¹ ГК. 1926. №7, 16 февраля. С.3. Кроме Уральского под следствием оказались сценаристки Ольга Рахманова и Нина Агаджанова-Шутко, режиссеры Валерий Инкижинов и Михаил Доронин. См.: <Б/н.> Крик Немого // Красная газета. 1926. 24 апреля. С.2 (веч. вып.); М-ва З. Кино-дельцы // ВМ. 1927. 18 апреля. С.3; <Б/н.> Тайны «Пролеткино» // Новое русское слово. 1927. 5 июня. С.4.

В 1926–1927 в Москве было открыто несколько дел по организациям «Госкино» и «Культкино», фигурантами которых стали, в общей сложности, около 50 человек – преимущественно мастера старой киношколы (Владимир Гардин, Борис Михин, Петр Новицкий) и примкнувшие к ним партийцы (Михаил Крессин, Михаил Капчинский, Яков Блюх, И.Бурсак, Дмитрий Бассалыго и др.). Ср.: «В разлагающей обстановке кино-нравов жалко барахтался, как показал процесс, и кое-кто из партийцев, – в результате чего на скамье подсудимых сидят и коммунисты. Это последнее обстоятельство особенно отвратительно и... грозно» (<Б/н.> Внимание партии к кино // Жизнь искусства (Л.). 1927. №16. С.1). Репрессии сопровождались публикациями, рассказывающими о низком политическом и моральном облике многих работников киноцеха: Зорич А. За кулисами кино // Комсомольская правда. 1927. 17 марта. С.2 (о финансовых комбинациях режиссеров В.Гардина, А.Ивановского, Г.Рошалья и др.); Аграновский А. Великий Немой (К делу Госкино и др.) // Известия. 1927. 23 марта. С.3; и др. Наряду с этим была проведена серия индивидуальных «воспитательных» арестов киноспецов (в 1926 – Амо Бек-Назарова в Ереване, в 1927 – Владимира Гардина в Ленинграде, Льва Кулешова в Тифлисе), а контрольные инстанции провели финансовые проверки республиканских киноорганизаций (Госкинопром Грузии, ВУФКУ и др.), завершив их соответствующими «оргвыводами».

долгой тюремной отсидки режиссер сумел уехать из страны, сохранив незабываемые впечатления о своем советском опыте:

Уважаемый Аминад Петрович

– с удовольствием сообщаю Вам, что только что вернулся из Советской России. Жив и здоров.

Пишу Вам в надежде, что, мож<ет> б<ыть>, возможно использовать для журналов, газет и т. п. тот громадный материал о СССР, который я имею. Мало того, что я столкнулся с самой гущей жизни de facto и, как очевидец, могу подтвердить многое, что кажется здесь анекдотами, – но как полагается каждому порядочному сов<етскому> гражданину и почти каждому иностранцу – провел некоторое время и в тюрьмах – начиная от «внутренней» Бутырки и Шпалерки (Петроград). Был по использованию (!) и после правительственного развала всей кинопромышленности на «предмет ее реорганизации» – арестован. Тут, конечно, я столкнулся с «обратной стороной медали» и тем, как и что представляет из себя «строительство жизни». Во всяком случае, на 75% знаю воочию все и могу поделиться. Возможно ли это, кому и как?

Если хотите, – давайте возьмемся, чтобы дать хорошую и постоянную картину происходящего и предупредить желающих туда ехать, а не меньше и тех, кто имеет общение с родственниками, живущими там. Последствия оригинальные!! Я пробыл там с января по сентябрь.

Многое прошло перед моими глазами, не исключая смерти Держинского и связанных с этим событий и т. п.

Пока я в Берлине. Буду рад получить от Вас пару строк помимо всяких моих предположений об использовании «сведений очевидца». Если не лень, или не имеете как<их>-либо иных причин против – черкните ответ.

Жму Вашу руку

Уральский <...>²²

Об этом см.: *Каптелян М.* Кино-алименты // Красная газета. 1926. 15 мая. С.4 (веч. вып.); <Б/п.> Хищения в киноорганизациях // Там же. 15 июля. С.1; см. также: *Гайдай Е.* Соучастник // ИК. 1995. №1; *Ибрагимов О.* 1) Компромат на Луначарского // ВМ. 1996. 5 февраля; 2) Еще раз о «деле Ханжонкова» // ИК. 1996. №9. С.107.

²² Письмо А.Уральского к Дон-Аминадо от 20 сентября 1926 (Берлин – Париж). – *Vachmeteff Archive of Russian and East European History*. Columbia University (New York). Rare Book and Manuscript Library. Shpolyansky Coll. Box 2. Нам неизвестны какие-либо опубликованные воспоминания режиссера о пребывании в СССР, но его опыт, по-видимому, пригодился его коллегам. Ср. с признанием Николая Колина: «Предлагали мне ехать туда на гастроли. Устроили в прошлом году сюрприз – встречу с М.Ф. Андреевой. Условия – прекрасные. Но... я все это любезно отклонил» (*Б<ю.Офросимов>*). Беседа с Колиным // *Руль*. 1929. 29 октября. С.6; с искажениями и без указания автора перепечатано: Колин о сов<етском> фильме // ПН. 1929. 8 ноября. С.5).

Этот случай не был уникальным: усиление «классовой линии» выдавливало из советского искусства «социально чуждых» работников, подталкивая их, пока были возможности, к отъезду за границу²³. Разочаровавшись в «спечах», власть актуализировала другой вид международной деятельности в советском кино – творческие командировки за границу молодых кинематографистов, преданных партийно-государственным интересам:

В связи с командировкой Госкино за границу ряда кинорботников Фото-киносекция Мосгубрабиса приняла решение: Фото-киносекция приветствует почин Госкино по посылке за границу тт. производственников для повышения их квалификации. В интересах экономии государственных средств необходимо послать в первую очередь режиссеров, оператора, лаборанта, электромеханика, осветителя из наиболее квалифицированных и ответственных. Отбор посылаемых специалистов должен быть согласован с ЦК Рабис.²⁴

²³ Ср.: «За последнее время русская кино-эмиграция пополнилась новыми индивидами, прибывающими из СССР. Часть из них оседает в Риге, часть едет в Берлин и Париж» (*Ерофеев В.* Кино-эмиграция // ГК. 1925. №9, 19 мая. С.2). В их числе были, например, бывший сотрудник Ханжонкова и Тимана, владелец кинолаборатории, а в советские годы – коммерческий директор «Госкино» Леонид Теодосиадис. Летом 1926 за границу уехала сценаристка, редактор-монтажер и журналистка Ольга Блажевич: «Переезд в Париж Ольги Михайловны, едва ли <не> единственного в настоящее время здесь человека с громадным опытом в смысле требований цензуры и знания русского рынка, является, несомненно, очень ценным для фирм, продающих свое производство на Россию, и они, конечно, не преминут использовать ее знания и опыт» (<Б/н. – Морской А.?) О.М.Блажевич // Кинотворчество (Париж). 1926. №18/19 (октябрь). Схожими были мотивы отъезда и других мастеров художественной культуры, например Александра Бенуа: «...тяжелые материальные условия побудили художника к поездке в Париж почти на два года. Там им осуществлен целый ряд постановок в “Гранд Опера” и других театрах <...> и огромное количество эскизов к фильму “Наполеон”» (*Аранович Д.* По мастерским художников. У Александра Бенуа // ВМ. 1926. 30 сентября. С.3). Ненадолго вернувшись в Ленинград осенью 1926, художник ликвидировал свои дела и насовсем уехал в Париж, хотя еще до конца 1930 числился «советским художником» (*Воинов Вс.* Александр Бенуа. Наши художники за границей // Красная панорама (Л.). 1927. №43, 21 октября. С.13).

²⁴ <Б/н.> О командировках за границу // ГК. 1925. 6 января. С.1. Предполагалась следующая схема: «Разрешению этой задачи можно бы помочь командировкой за границу – хотя бы в Германию – наиболее опытных и культурно развитых кинорботников (операторов, организаторов, режиссеров, лаборантов, архитекторов), – коммунистов или идеологически близких нам старых специалистов, имеющих данные для педагогической деятельности. После возвращения этой группы из ее состава должен быть создан кадр <так!> преподавателей для государственной кино-технической школы повышенного типа» (*Лебедев Н.* Кино – его история... С.180).

С тех пор поездка за границу превратилась для киноработников в постоянную приманку, но лишь немногим из них власть дала возможность увидеть наяву «миф о загробной жизни» (определение известного героя Ильфа и Петрова). Обстоятельства этих поездок редко привлекали к себе историков, хотя, без сомнения, они заслуживают специального изучения. Не является исключением в этом ряду и хрестоматийный сюжет – путешествие Сергея Эйзенштейна в Европу и Голливуд, продлившееся, в общей сложности, почти три года (1929–1932). Его первый биограф небезосновательно считал, что «эта история у нас мало известна». После этого Эйзенштейн целых два года «не мог без ужаса видеть катушки с пленкой и начинал трястись при виде съёмочной камеры. Как говорят летчики и жокеи, он потерял сердце»²⁵.

Причины этой глубокой психологической травмы до сих пор не вполне ясны, но дело, по-видимому, было не только в неблагоприятных внешних факторах, но и в личности самого Эйзенштейна, хотя он предпочел описать свой опыт в стиле официальной риторики:

Заграница – предельное испытание, которое биография может ставить советскому человеку, выросшему автоматически-неразрывно с ростом Октября. *Испытание свободного выбора.*

Заграница – предельное испытание для «мастера культуры», сознательно проверить, «с кем он и против кого».

Заграница – предельное испытание для творческого работника, способен ли он вообще творить вне революции и продолжать существовать и вне ее.

Перед лицом «златых гор» Голливуда предстало это испытание нам, и мы выдержали его не геройской позой высокомерного отказа от земных чар и благ, а скромным органическим отказом *нашего творчески созидательного аппарата творить в условиях иной социальности и в интересах иного класса.*

И в этой немоги творить по ту сторону демаркационной линии водораздела классов сказалась вся сила и мощь революционного напора пролетарской революции, как вихрь, сметающий всех, ей сопротивляющихся, и как вихрь еще более мощный, до конца захватывающий тех, кто раз избрал идти с ней в ногу.

Так действует, так чувствует и думает всякий в плееде советских деятелей искусства.²⁶

Пожалуй, ни один из отечественных мастеров искусства не был столь многоликой фигурой, как Эйзенштейн. Исподволь выстраивая стратегию своего творческого, общественно-политического и бытово-

²⁵ Аксенов И. Сергей Эйзенштейн: Портрет художника. М., 1991. С.108.

²⁶ Эйзенштейн С. Через революцию к искусству – через искусство к революции // Советское кино (М.). 1933. №1-2. Цит. по: Эйзенштейн С. Избранные произведения: В 6 т. (далее – Эйзенштейн, с указанием тома и страницы). М., 1964. Т.1. С.83 (курсив наш).

го поведения, он, по обстоятельствам, менял и дополнял черты этого образа, навязывая его «призматичность» современникам, а за ними и биографам. «Органическое сочетание художественного авангардизма – с “пролеткульством”, ошеломляющей эрудиции и утонченного интеллектуализма – с безоговорочной поддержкой коммунистической идеи и советского государства»²⁷ привлекали к режиссеру внимание прогрессивных иностранцев и, напротив, отталкивали старомодных соотечественников²⁸, что, надо думать, входило в сверхзадачу «произведения “Эйзенштейн”»²⁹.

Вообще, автомистификации Эйзенштейна породили немало легенд. Одна из них, например, отсчитывала его советскую биографию с добровольного вступления в Красную Армию, хотя теперь ясно, что «Сергей Михайлович там оказался <...> не потому, что он поверил в революцию, не потому, что он поверил в логику истории, как писали у нас, а потому, что он был тем самым запрятанным на Север мальчиком из благополучной семьи, который мог там заниматься театром себе в удовольствие»³⁰. Столь же легендарен и сам «советизм» Эйзенштейна: в 1920 будущий режиссер озаботился проблемой гражданства³¹, всерьез обсуждая с матерью варианты выбора между латвийским или германским гражданством и свой отъезд за границу. Эти планы сохранялись вплоть до конца 1922, уже после начала его режиссерской карьеры в театре Пролеткульта³².

Требуется уточнения и другое биографическое обстоятельство, вольно или невольно мистифицированное режиссером. По его утверж-

²⁷ Флейшман Л. К истории мексиканского фильма Эйзенштейна // Материалы по истории русской и советской культуры. Из архива Гуверовского института. Stanford Slavic Studies. Vol.5. Stanford, 1992. P.220 (далее – Флейшман, с указанием страницы).

²⁸ Ср. с отзывом актера и режиссера Олега Фрелиха: «Человек чуждой мне и отвратительной для меня социальной группировки, блестящий выразитель новой хватки за горло, беззастенчивый авантюрист, сознательно и талантливо грубящий, глумящийся и строящий» (Фрелих О. Хромоножка (новелла). – РГАЛИ. Ф.2760. Оп.1. Ед.хр.б. Л.52-53).

²⁹ Подорога В. Материалы к психобиографии С.М.Эйзенштейна // Авто-биография. К вопросу о методе: Тетради по аналитической антропологии. №1 / Под ред. В.А.Подороги. М., 2001. С.144.

³⁰ См.: КЗ. 1999. №41. С.95.

³¹ См. «Анкетный лист иностранного отдела административного подотдела Петрогубисполкома» об оптации в латвийское гражданство гражданина Эйзенштейна (1920). – РГАЛИ. Ф.1923. Оп.2. Ед.хр.1868.

³² Ср.: «Насчет заграницы серьезно задумываюсь, но до лета это надо отложить безусловно. Кстати, что оптация? <...>». См.: «...Обнимаю мать знаменитого сына»: Письма С.М.Эйзенштейна Ю.И.Эйзенштейн. 1921–1925 / Публ. В.Забродина // КЗ. 2000. №48. С.208 (письмо от 1 марта 1922) (далее – Письма к матери, с указанием страницы).

дению, смерть отца, эмигрировавшего в Германию, явилась тем толчком, который привел его в искусство: «...я порываю со своим прошлым, когда отец *недостижимо* далеко умирает от разрыва сердца»³³. Уход Эйзенштейна-старшего был воспринят сыном как знак судьбы: «Совпадение дат потрясло его. И до конца жизни у него было ощущение, что он, в каком-то смысле, виноват в смерти папеньки – как будто папенька почувствовал там, в Берлине, что сын ушел не только из социального круга, но сошел с предначертанного ему папенькой пути архитектора»³⁴.

Смерть М.О.Эйзенштейна, датированная 1 июля 1920, удостоверена справкой полицейского управления Берлина, выданной задним числом 17 декабря 1926³⁵. Нам известен более надежный источник сведений об этом событии:

30 июня с<его> г<ода> волею Божию после тяжелой, непродолжительной болезни скончался действ<ительный> статск<ий> советник, гражданский инженер

Михаил Осипович Эйзенштейн,

о чем с глубоким прискорбием извещают родные. Панихида в церкви русского православного кладбища в Тегеле 1-го июля в 6 час. вечера, 2 июля в 11 час. утра. Погребение 3 июля в 2 ½ час.³⁶

Сын же узнал об этом только в начале октября 1920, а первый вариант «*Sterbe-Kunde*»³⁷ он получил в начале осени 1922³⁸.

Со временем возникли серьезные сомнения в адекватности реальной эйзенштейновской биографии представлениям, существующим о ней: «Несмотря на кажущееся обилие воспоминаний и внушительный объем оставленных им автобиографических записей, личная жизнь Эйзенштейна оказывается надежно огражденной барьером умолчания, а его биография – полной загадкой и “белых пятен”»³⁹. Справедливость этого наблюдения распространяется не только на период «художника в юности», но и на весь его жизненный путь, обычно выстраиваемый по заданным координатам автобиографических записей режиссера. Как это ни странно, но Эйзенштейн начал их в октябре 1942, в алма-тинской эвакуации (т.е. через де-

³³ *Эйзенштейн С.* Мемуары: В 2 т. Т.1. М., 1997. С.109, 397 (далее – Мемуары, с указанием тома и страницы) (курсив наш).

³⁴ КЗ. 1999. № 41. С.96.

³⁵ См.: РГАЛИ. Ф.1923. Оп.1. Ед.хр.3066.

³⁶ Голос России (Берлин). 1920. 2 июля. С.1.

³⁷ Свидетельство о смерти (*нем.*).

³⁸ См.: *Никитин А.* Один год Сергея Эйзенштейна. 1920–1921. Письма с комментариями // КЗ. 1995. №25. С.51; Письма к матери. С.213 (письмо от 10 октября 1922); см. также письма к режиссеру берлинской сожигательницы М.О.Эйзенштейна Е.К.Михельсон (РГАЛИ. Ф.1923. Оп.1. Ед. хр.1978).

³⁹ *Никитин А.* Один год Сергея Эйзенштейна. С.12.

сять лет по возвращении из Америки), задумав новую попытку разъяснения этого эпизода неведомому читателю:

Еще в 1932 году, вскоре после трагического возвращения из Мексики, Эйзенштейн пробует написать о тех странах Старого и Нового Света, через которые пролегли его трехлетние странствования. Судя по наброскам, его намерением была не столько фиксация «туристических впечатлений», сколько попытка объяснить причины социальной, психологической и художественной несовместимости с конкретными условиями творчества на Западе. Видимо, раны от столкновений с кинодельцами Европы и Голливуда были еще слишком свежими и дальше рабочих помет и беглых «зарисовок» дело не пошло.⁴⁰

Эта попытка письменных «объяснений», ныне растражированная в нескольких разноязычных инвариантах, – весьма примечательный, не имеющий жанровых аналогов в советской практике «человеческий документ», образцы которого скорее следует искать в модернистской эгоцентрической прозе (Андрей Белый, Дж. Джойс), чем в мемуаристике⁴¹. По мнению исследователя, в этих «мнезических аттракционах»

...движение рассказа идет в одном направлении, и читатель смиренно ожидает развязки, но эта развязка, если она наступает, тут же его опрокидывает в начало, и все те детали, черточки, следы, тут и там разбросанные в тексте, которым не придавалось значения, вдруг, в один момент обретают взрывную силу. В сущности, речь и идет об этой мнимой задержке внимания на всем несущественном, в то время как главное должно быть сокрыто. Движение рассказа есть стягивание узла, сокрытие истины или тайны, отсюда оттягивание, отсроченность и незавершенность всего повествовательного ряда. Нет необходимости приближения к концу повествования, ибо высшая ценность нарративной формы как раз и заключается в том, чтобы его избежать всеми доступными литературной технике средствами.⁴²

«Мемуары» Эйзенштейна – межвидовой симулякр, окруженный пространными комментариями, – превратился в объект «непрозрачный» даже для посвященных и нуждается в реальном комментарии. Эта задача весьма актуальна, поскольку в результате конъюнктурных манипуляций публикаторов с архивом режиссера его личность и творчество утратили аутентичность историческому контексту.

⁴⁰ Мемуары. Т.1. С.567. Эти отчеты, существовавшие в нескольких версиях, по-видимому, были рассчитаны на разных адресатов. Один из них, например, он послал летом 1934 Джозефу Фримену (Флейшман. С.244-245).

⁴¹ Ср. с ремаркой комментатора первого книжного издания: «Их фрагментарность, их эскизность отнюдь, по-видимому, не случайное явление, а вполне сознательный литературный прием» (Эйзенштейн. Т.1. С.628).

⁴² *Подорога В.* Материалы к психобиографии С.М.Эйзенштейна. С.92.

Возвращение Эйзенштейна и его окружения в ландшафт эпохи возможно лишь при расширении круга источников, позволяющих объективно оценить его бытовую, интеллектуальную и психологическую зависимость от тех или иных персонажей и обстоятельств. В качестве выразительного примера мы выбрали зарубежную поездку Эйзенштейна – сюжет множества воспоминаний и исследований, в которых совершенно не учтен интерес к нему зарубежных соотечественников. Писать об этом тем более важно, что события «большой» истории с трудом вписываются в эту частную биографию, «стерилизованную» под классику.

2. В СТОРОНУ «ОБТЮРАТОРА»⁴³

О поездке Эйзенштейна в Голливуд и ее серьезных последствиях для всей биографии режиссера более или менее известно, но, как ни странно, ее предыстория осталась в тени. Все началось летом 1926, когда Москва пережила незаурядное по мировым кинематографическим меркам событие – визит Дугласа Фэрбенкса и Мэри Пикфорд. Перед тем как получить в Берлине въездные визы, они решили предварительно ознакомиться с советской кинопродукцией. На специальном просмотре, устроенном в зале Торгпредства, им был показан «Броненосец “Потемкин”», произведший глубокое впечатление.

После сеанса подхожу к ним и сразу попадаю в сферу влияния секретарей и переводчиков. Хочу предложить целый ряд, как подбавляет, «заранее подготовленных вопросов», но не успеваю, ибо Мэри Пикфорд и Дуглас Фэрбенкс сами забрасывают меня вопросами и отвечать приходится мне.

«Где режиссер? Сколько ему лет? Почему его имя неизвестно в Голливуде?»

И еще...

«Сколько метров было всего снято? Кто писал сценарий? Сколько времени длилась съемка?» и т. д.

Просят передать поздравления режиссеру, оператору, дирекции... <...> фильма превзошла все их ожидания. Дуглас утверждает, что до сих пор не видел ничего подобного по грандиозности, мощи и выдержке, это лучшая фильма, которую он до сих пор видел... <...> Мэри перебивает мужа, вспоминая отдельные места. Особенно поразили ее две последние части, где почти не действуют люди, а «играют» предметы. <...>

⁴³ «Обтюратор – механический затвор съемочных, копировальных и проекционных киноаппаратов. В киносъемочных аппаратах и копировальных аппаратах О. служит для защиты киноплёнки от действия света при ее продвижении и для экспонирования очередных кадров в моменты ее остановки; в кинопроекторе О. препятствует доступу света на экран в период смены кадра» (Кинословарь: В 2 т. Т.2. М., 1970. Ст.232).

Это умение режиссера извлечь из неодушевленных предметов драматическую игру поражает. Больше: подавляет необычайностью и новизной подхода. Так популярнейшими артистами, к голосу которых прислушивается весь мир, была принята советская фильма, поставленная режиссером, «имя которого неизвестно в Голливуде».⁴⁴

Печатные отклики на визит Фэрбенкса и Пикфорд указывают на то, что встреча с Эйзенштейном с того дня стала главной целью их приезда в СССР (по крайней мере, с точки зрения московской прессы): «Фэрбенкс заявляет, что “Потемкин” самая великая картина, какую он когда-либо видел. Пикфорд заявила, что она была потрясена этой картиной и мечтает пожать руку творцу “Потемкина”»⁴⁵. Днем 20 июля, едва успев сойти с поезда на Александровском (Белорусском) вокзале Москвы, американские гости вновь подтвердили свой эксклюзивный интерес к создателю фильма:

<Фэрбенкс:> «Потемкин» показал нам, что в России мы научимся искусству кино больше, чем в какой-либо другой стране...

– Что вас больше всего поразило в «Потемкине»?

– Изумительная простота и целостность действия, несомненное нарастание трагизма. Наши американские режиссеры непременно ввели бы в этот фильм бутафорскую экзотику или что-нибудь в этом роде...

– Эйзенштейн – прост «до ужаса», – говорит Мэри.⁴⁶

⁴⁴ Лагорио А. Мэри Пикфорд и Дуглас Фэрбенкс о «Потемкине» // Советский экран (М.). 1926. №23, 8 июня. С.7. «Цель их приезда – коммерчески связаться с советскими киноорганизациями» (<Б/н.> Приезд Фэрбенкса и Пикфорд // Рабочая Москва. 1926. 21 июля. С.3). Однако историк полагает, что в поездку кинозвезд вело больше любопытство, чем деловые расчеты (Leyda. P.205).

Закупку американских фильмов в те годы СССР производил через европейских дилеров или посредников в Германии и Прибалтике. Попытку установления прямых контактов с советскими киноорганизациями, предпринятую Фэрбенксом и Пикфорд, на несколько дней опередила г-жа Розенкранц – комиссионер конкурирующих компаний («Fox-Film» и др.) (см.: ВМ. 1926. 15 июля. С.1): «За время моего пребывания в Москве, – говорит г-жа Розенкранц, – я успела уже посмотреть “Потемкина” и “Абрек Заур”. Говорить о “Потемкине”, это значит – рассыпаться в самых восторженных похвалах как кинооператору, так и режиссеру Эйзенштейну. Эйзенштейн, по-моему, разовьется в одного из самых значительных режиссеров мира. У него для этого имеются все задатки. В особенности ему удаются массовые действия. Советское кино производит еще более сильное впечатление, когда вспоминаешь, что столь блестящие успехи достигнуты в такой короткий срок и в таких тяжелых условиях» (<Б/н.> Американская кинодеятельница в Москве // Там же. 17 июля. С.3).

⁴⁵ Мэри Пикфорд и Дуглас Фэрбенкс на пути в СССР: «Пожать руку творцу “Потемкина”» <из интервью польским журналистам> // Там же. 19 июля. С.1.

⁴⁶ Н.К. Мэри Пикфорд и Дуглас Фэрбенкс приехали // Там же. 21 июля. С.3.

Однако важные события сорвали программу визита звезд мирового экрана и практически свели на нет ее рекламно-пропагандистский и коммерческий смыслы.

Менее чем через час после приезда американцев неожиданно скончался Ф.Дзержинский, о чем сразу же стало известно⁴⁷. Это событие и стало причиной спешного отъезда гостей, получившего дипломатичные объяснения: «Оба они намеревались пробыть в Москве долго, но неожиданно для них дела заставляют их вернуться дня через два в Америку. Впрочем, они обещают вскоре приехать к нам на более продолжительный срок»⁴⁸. Подлинная же причина заключалась в том, что траурной церемонии похорон наркома, состоявшейся 22 июля, мешали толпы киноманов, собравшиеся у гостиницы, в которой жили гости, находившейся в непосредственной близости от Лубянской площади, а также группы поклонников, сопровождавшие передвижения актеров по городу⁴⁹.

Неприятный осадок от поспешного отъезда гостей хозяева компенсировали ехидными комментариями в их адрес, снизив тем самым общее значение визита. Один из журналистов усомнился в целесообразности приезда Пикфорд и Фэрбенкса:

В черных рубашках видел Рим американских кинозвезд, но Москва не любит этот мрачный цвет. Москва больше любит красные галстуки, и Москва не очень будет горевать, если не увидит живых киноебоек <...>. Сожаление останется на долю тех, кто в состоянии кино-психоза не видит, как умные, предприимчивые деловые люди завоевывают рынки для своей продукции.⁵⁰

Другой автор перевел тему в идеологическую плоскость:

Знатные иностранцы заявили в многочисленных интервью: во-первых, что они считают себя интернациональными, так как принадлежат миру; во-вторых, что они не чужды (!) учения Ленина и готовы учиться в области кино у великого учителя; в-третьих, что русский пролетариат бесконечно прав и мудр: надо любить простоту. Мэри Пикфорд и Дуглас Фэрбенкс любят простоту, но не менее любили (!) активность Ленина, почитают его память, любят жизнь и имеют страстное желание встретиться с Троцким. <...> Мы не верим в существование «внеклассового» искусства. Миллионеры Фэрбенкс и Пикфорд знают, на какую публику они работают – на мещанина-обывателя, ждущего от

⁴⁷ Сообщения об этом см.: ВМ. 1926. 21 июля. С.1; Рабочая Москва. 1926. 21 июля. С.1; и др.

⁴⁸ ВМ. 1926. 21 июля. С.1.

⁴⁹ Свидетельство актрисы Г.С.Кравченко в беседе с нами 20 февраля 1986.

⁵⁰ Вл. В. Дуг и Мэри: Маленький фельетон // Красный спорт (М.). 1926. 25 июля. С.2.

картины дешевой сентиментальщины, в меру слез и много смеха, а главное – «радостного конца».⁵¹

26 июля участники специального вечера в Большом зале Консерватории обличили «капиталистические цели приезда» кинозвезд и доложили аудитории о своих усилиях по охране интересов советской кинематографии⁵².

Тем не менее гостям успели кое-что показать: накануне отъезда, вечером 21 июля, в просмотровом зале 1-й фабрики Совкино на Житной улице был устроен просмотр новинок советского экрана (фильмы «Предатель» и фрагменты «Бухты смерти» Абрама Роома, «Мать» Всеволода Пудовкина и «Процесс о трех миллионах» Якова Протазанова), который они, правда, едва выдержали⁵³. Впечатления от вечера постарались компенсировать знакомством со специально приглашенным Эйзенштейном.

Встреча американских артистов с советским режиссером была чрезвычайно теплой.

– Я удивляюсь, – заявил Дуглас, – успеху, которым пользуются в Советской России мои наиболее слабые картины – «Багдадский вор» и «Знак Зорро». В сравнении с «Потемкин» оба эти фильма не заслуживают никакого внимания. Макс Рейнгардт, которого я встретил в Италии, сообщил мне, что, по его мнению, «Броненосец “Потемкин”» совершенно убил искусство театра и что теперь он, Макс Рейнгардт, переходит на режиссуру в кино.

– Вообще, – говорит Дуглас Фэрбенкс, – режиссер Эйзенштейн в кинодраме сыграл, пожалуй, такую же значительную роль, как режиссер Чаплин в кинокомедии...

– Когда мы покажем «Потемкина» Чаплину, – смеется Мэри, – он вытарачит от изумления глаза...

⁵¹ <Б/н.> Кино-психоз в Москве // Огонек. 1926. №31.

⁵² *Тимур*. Вечер, посвященный Дугласу Фэрбенксу и Мэри Пикфорд // ВМ. 1926. 27 июля. С.3.

Об этом визите см. также: <Б/н.> К приезду М.Пикфорд и Дугласа Фэрбенкса // ВМ. 1926. 17 июля. С.3; <Б/н.> К приезду М.Пикфорд и Д.Фэрбенкса // Там же. 20 июля. С.3; Мэри Пикфорд (К ее сегодняшнему приезду) // Там же. С.3; <Б/н.> Приезд Фэрбенкса и Пикфорд // Рабочая Москва. 1926. 20 июля. С.3; <Б/н.> М.Пикфорд и Д.Фэрбенкс сегодня уезжают // Там же. 22 июля. С.3; <Б/н.> Фотовыставка «Пикфорд и Фербэнкс в Москве» // Труд. 1926. 22 июля. С.4; <Б/н.> Дуглас Фэрбенкс и Мэри Пикфорд на съемках в «Межрабпом-Русь» // Там же. 24 июля. С.3; <Б/н.> Фэрбенкс и Пикфорд в СССР // ГК. 1926. 27 июля. №30. С.1; <Б/н.> К приезду Пикфорд и Фэрбенкса <о планах актеров посетить после Москвы Ленинград> // ГК (Л). 1926. 22 июля. С.2, и др. См. также в сб.: Они у нас. Мэри Пикфорд и Дуглас Фербенкс в СССР. М., 1926; *Кравченко Г.* Мозаика прошлого (Рассказывает киноактриса). М., 1971. С.49-54.

⁵³ Дж. Лейда пишет, что во время показа последнего из упомянутых фильмов гости, не выдержав, вышли из зала (Leyda. P.205).

Фэрбенкс приглашал Эйзенштейна в Голливуд для совместной работы.

– Вы покажете нам, – говорил Фэрбенкс Эйзенштейну, – как надо работать...

Обоих артистов изумляет чрезвычайно краткое время работы над «Потемкиным»: всего три месяца.

– В Америке, – говорят они, – на постановку такой картины потратили бы целый год...⁵⁴

Оба артиста берут с собой в Голливуд экземпляр «Потемкина» для Любича и Чаплина⁵⁵.

⁵⁴ С легкой руки режиссера миф о «блистательной скорости» и дешевизне его постановок был подхвачен биографами. См., например: *Шкловский В.* Эйзенштейн. М., 1973. С.197. Данные об этой стороне его творчества разноречивы. Помощник режиссера утверждал, например, что работа над ленинградскими эпизодами «Потемкина» началась в середине августа 1925 (*Александров Г.* Эпоха и кино. М., 1978. С.50; далее – Александров, с указанием страницы). Историк, сверявшийся с самим Эйзенштейном, отсчитывал производственный цикл со дня первой съемки массовых сцен в Москве 31 марта 1925 (т. е. с начала работы над эпопеей «1905 год»). Премьера «Броненосца» состоялась на торжественном заседании ЦИК СССР в Большом театре 21 декабря 1925 (*Leuda*. P.194).

Организационная сторона этой постановки заинтересовала контрольные инстанции: «Готовится к постановке “1905 год”». Для этой цели в начале августа 1925 года снаряжается в Ленинград экспедиция для заснятия эскадры. Работу предполагается закончить в 2–3 дня. Приезжают в Ленинград. Оказывается, эскадра ушла в море... Никто не поинтересовался выяснить местонахождение эскадры до поездки. Этого мало. Вместо того, чтобы немедленно вернуться в Москву, экспедиция из 12 человек остается почему-то в Ленинграде еще две недели и только 21 августа выезжает в Одессу для заснятия Черноморской эскадры. А там выясняется, что для заснятия нужен... оператор. Раньше никто не догадался, что без оператора нельзя производить съемки, и экспедиция сидит в Одессе целый месяц в ожидании приезда московского оператора. Этот “эпизод” обошелся государству в 20000 рублей» (*Аграновский А.* Великий Немой. С.3). Другие детали съемочной истории фильма см.: *Taylor R.* The Battleship Potemkin. The Film Companion. London; New York, 2000. P.1-13.

Данные в отношении фильма «Старое и новое» столь же разноречивы. В интервью американской журналистке режиссер сообщил, что эта постановка «обошлась всего в 75000 рублей, но только потому, что мы снимали ее в обычной деревенской обстановке» (цит. по: *Росс Б.* Русское кино использует непрофессиональных актеров // КЗ. 1997/1998. №36/37. С.327). Однако его осведомленный коллега располагал иными цифрами: «...если подумать, что эта картина делалась три года, что на нее истрачено 700 тысяч, а выбирали из 80-ти тысяч <метров> пленки, то это безобразия, за которое всякого другого режиссера давно посадили бы в Соловки» (цит. по: *Олег Фрелих:* Человек «не советских настроений...» Из писем и дневников / Публ. Р.Янгирова // ИК. 1993. №6. С.139 (из письма О.Фрелиха к жене от 10 ноября 1929)).

⁵⁵ Копия фильма, приобретенная американцами, предназначалась не только для частных показов. После устранения наиболее рискованных с цензурной точки зрения эпизодов и замены оригинальных надписей на политкорректные Фэрбенкс намеревался выпустить картину в широкий прокат, причем его планы

С исключительной похвалой отзывались они о кинооператоре Тиссе, сравнивая его с Шарлем Рош<ем>, который в продолжении восьми лет снимает Мэри Пикфорд.⁵⁶

Считается, что предложение поработать в Америке стало важнейшим итогом этой встречи и в дальнейшем послужило советскому режиссеру пропуском в Голливуд. Между тем более важным представляется другое: снедаемый неодолимым невротическим «obsession of doubt»⁵⁷, режиссер получил от американцев «удостоверение» в творческой полноценности и заманчивую надежду на свободную работу вне изнурительных идеологических заданий. Была ли она обоснованной?

Скоро выяснилось, что аванс кинозвезд оказался сомнительным. Вернувшись в Штаты, Фэрбенкс подтвердил, что пригласил молодого кинематографиста на постановку картины в Голливуде и тот приедет как только «получит временный отпуск от своего прави-

не вызвали у советских хозяев никаких протестов (Leyda. P.205). Ср. с отзывом Мэри Пикфорд: «Я была несколько удивлена, что “Потемкина” пропустили в Америку. Картина эта изображает бунт на море русских матросов на военном корабле, поднятый против офицеров, больше похожих на животных. Приходится радоваться, что таких офицеров убивают, однако очень трудно допустить, что весь корабль состоит из таких звероподобных офицеров» (Бертенсон С. В Холливуде с В.И.Немировичем-Данченко (1926–1927) / По материалам архива С.Л.Бертенсона сост. К.Аренский <Аренсбургер>. Monterey (California); München, 1964. С.36 (далее – Бертенсон, с указанием страницы). Весной 1928 фильм вышел на экраны Нью-Йорка и продержался на них 14 недель. Несмотря на редактуру, рецензенты единодушно отметили пропагандистскую направленность картины (см., в частности: ПН. 1928. 13 апреля. С.3).

⁵⁶ Н.К. Отъезд Мэри Пикфорд и Дугласа Фэрбенкс<а>. Встреча с режиссером Эйзенштейном // ГК. 1926. 23 июля. С.4. Примечательно, что собеседник американских гостей уклонился от публичного обсуждения своих впечатлений от этой встречи (см.: Тимур. Вечер, посвященный Дугласу Фэрбенксу и Мэри Пикфорд. С.3), сдержанное отношение к ним он выразил лишь в автобиографических заметках (Мемуары. Т.1. С.246-248).

⁵⁷ Здесь: болезненная мнительность (англ.). Свой острый интерес к фрейдизму Эйзенштейн обнаружил в первые же недели жизни в Берлине (см.: Булгакова О. Сергей Эйзенштейн и его «психологический Берлин» – между психоанализом и структурной психологией // КЗ. 1988. №2). Но реально избавиться от своих комплексов он решил только в Нью-Йорке: «Кажется, ликвидирую целую группу моих “затруднений” навсегда. Три дня диким темпом занимаюсь... психоанализом с одним из крупнейших докторов в Штатах. <...> Сейчас на 50% вскрыли весь комплекс “doubt’a”, что, конечно, самое мое больное место. <...> Последняя истерическая депрессия (в таких положительных условиях, как сейчас!!!) так меня взбесила, что я решил с корнем ликвидировать мешающую группу невроза <...>. Подумайте, Pearl! И вдруг я больше не буду нуждаться в удостоверениях! Да тогда ж, <...> твою мать, можно будет делать все!» (Росс Б. Русское кино использует непрофессиональных актеров. С.229 (из письма Эйзенштейна к П.Атташевой от 17 июня 1930)).

тельства и после окончания картины, над которой сейчас работает», но при этом прибавил, что «никаких определенных планов для Эйзенштейна еще не имеется»⁵⁸.

Впрочем, к тому времени режиссеру было не до переживаний: он с головой ушел в исполнение ответственных государственных заказов – съемок фильмов «Старое и новое» и «Октябрь», работа над которыми отняла в общей сложности почти три года. Но голливудский мираж все же манил Эйзенштейна, и время от времени он возвращался к этой теме⁵⁹. Со временем появлялись новые внутренние обстоятельства, неожиданные внешние повороты и персонажи, все более осложнявшие процесс реализации этой полужанрового фантастической идеи.

Особые коррективы внес в эту историю 1928 год, ставший, по мнению исследователей, временем «хаоса и перелома» в мировой кинематографии. Недолгий век «безмолвной музыки» стремительно шел к концу, хотя ее мастера еще были полны творческой и деловой энергии, а международная конъюнктура неожиданно превратила Берлин в центр европейского кинопроцесса. В этих обстоятельствах, между прочим, возник и повод к словесной перепалке между диаспорой и метрополией:

Предстоящий осенний кино-сезон можно смело назвать «Русским сезоном». Русским во всех отношениях. Сейчас в среде немецких кино-заправил нет старого предубеждения к русским, а если у кого-либо и заговорит чувство шовинизма, оно разбивает-

⁵⁸ <Б/н.> «Подписал с русским» (Фэрбенкс и Пикфорд в Америке) // ГК. 1926. №39, 26 сентября. С.2. Отметим, что по возвращении домой тональность и содержание отзывов американских кинематографистов о поездке изменились: лучшим из увиденного они назвали картину «Коллежский регистратор» и ее героиню Веру Малиновскую. Ср. с рассказом М.Пикфорд: «Возможно, что она при моем и Дугласа содействии придет в Америку. Нечего и говорить о том, как ей этого хочется. И все же я должна признать, что все эти живущие там и изголодавшиеся по красоте люди способны еще создавать великое искусство» (Бертенсон. С.35-37).

⁵⁹ Несомненно, что режиссер сам огласил содержание частного письма к нему писателя Эптона Синклера (от 16 февраля 1927) с приглашением приехать в Голливуд на съемки уже обговоренного кинопроекта (ГК. 1927. №11, 12 марта. С.2). Эту поездку Эйзенштейн тогда же обсуждал с журналистами Джозефом Фрименом и Луи Фишером, взявшими на себя его «паблисити» для «мещанской» (определение самого режиссера) аудитории США (см., например, сб.: *Voices of October: Art and Literature in Soviet Russia / By J.Freeman, J.Kunitz, L.Lozovik. New York, 1930*). Эйзенштейн был настолько терпим к манипуляциям своих американских помощников, что позволил им публиковать свои тексты не в авторской версии (Флейшман. С.220-222, 239). Между тем аналогичная попытка советского интерпретатора встретила его бурный протест (*Эйзенштейн С.М. Монтаж киноаттракционов // Из творческого наследия С.М.Эйзенштейна. Материалы и сообщения: Сб. научных трудов. М., 1985. С.6-10*).

ся о необходимость занять в картине толковых сотрудников. И не только в специфически русских мотивах работают наши соотечественники. Искони немецкие фирмы нанимают русских режиссеров, поручая им сценарии на чисто местные темы, ничего общего не имеющие с нашими отечественными пейзажами. Отчасти благодаря рекламе, отчасти через работников кино (а кто только сейчас этим не занимается?), широкая публика нашла тему для разговоров. В кафе по вечерам, в клубах и прочих скоплениях народа, о чем бы ни говорили, обязательно свернут на ожидаемые новинки сезона. Но нет ни тени шовинизма, наоборот, как-то благоклонно относятся к «русскому засилью» в кино, уже создались свои кумиры из среды так недавно еще презираемых «иностранцев». Один немецкий режиссер на сценарии картины из русского быта все вторые роли отметил: «только русские».

В предстоящем сезоне Берлину придется познакомиться с работами русских режиссеров А.А.Волкова («Шехерезада»), В.К.Туржанского («Волга-Волга»), Н.П.Ларина («Тени прошлого»). Немецкий режиссер Мартин Бергер закончил картину «Распутин». Но этим не исчерпывается Россия в кинематографе. Волков приступает к постановке от «Уфы» – «1812 год», «Мэмэнто-фильм» готовится к «12 разбойникам (Кудеяр)», Туржанский приглашен в «Уфу», а Г.Г.Азагаров в «Терра-Фильм» (Ульштейна), В.Ф.Стрижевский приступил к съемке «Адъютант императора».

Ясно, при таком обилии русских мотивов в кино-репертуаре многие из русских нашли себе заработок. Помимо известных уже первоклассных премьеров и премьерш, в последнее время выдвинулись вперед Л.М.Триденская, М.А.Витт, А.А.Зорина, Д.С.Монко, Мих. Разумный, Н.Е.Швейдель. Из премьеров в перечисленных выше картинах приняли участие Гр.М.Хмара, Н.П.Маликов (оба «Распутиньы» в разных картинах), А.А.Мурский, В.Г.Гайдаров, Н.А.Лисенко, Ив. Мозжухин.

Вполне естественно, что специфический характер современного сценария заставил даже ультра-шовинистов прибегнуть к помощи массы русских сотрудников. Тот же самый режиссер, который год назад смотрел на ожидающих очереди русских как на «отбросы» современного человечества» (мнение, между прочим, Фрица Ланга), сегодня, готовясь к массовой сцене, спрашивает у своего помощника:

– А где же русские? Давайте их на первый план.

И, скрепя сердце, помощники принуждены, обходя своих, ангажировать русских. <...> Тяжело досталось это повышение русскому эмигранту; сколько упреков, издевательств и оскорблений пришлось перенести ему, прежде чем кино-заправилы убедились, что нет лучшего работника, более толкового и выносливого, как русский эмигрант. Многие режиссеры сейчас ставят русских выше своих, местных сотрудников. После ряда лет они, наконец, оценили культурный стаж невольных статистов и начали относиться к ним с большим вниманием и уважением. Многие из рус-

ских устроились помощниками и художественными советниками, завоевав себе репутацию серьезных и способных работников (Арнштам, Барский, Гранский, Селезин, Сорнин, Адлерберг, Барстов, Литвак и др.). Даже самая неприступная крепость, забронированная небольшой группой спецов, – изготовление сценария, получила основательную брешь от удара русского упорства.⁶⁰

Необычайная востребованность русских кинематографистов, вызвавшая прилив эмигрантской гордости, не могла обойтись без советской рефлексии, воспринимавшей все события через прицел идеологического противостояния.

Германские кинофирмы обнаруживают большой интерес к «русским» сюжетам и к работе «русских» режиссеров. Предстоящий киносезон в Берлине так и называется «русским». <...> Германские фирмы делают большую ошибку, поручая постановки фильм на русские сюжеты той группе кинорежиссеров и киноартистов, которая «смылась» с советской территории, покинула родину вместе с Деникиным и Врангелем.

Целый букет имен, крепко забытых старыми кинематографистами и совершенно неизвестных новым работникам советского кино, расцвел в предстоящем киносезоне в Германии.

⁶⁰ Г. Антонович <Козловский>. Завоевание немецкого кинематографа // Возрождение (Париж). 1928. 25 сентября. С.3. Ср.: «Берлин становится средоточием русских кинематографических деятелей. Центр русского зарубежного кинотворчества переместился из Парижа в германскую столицу. Здесь сейчас работает А.А.Волков, В.К.Туржанский, Н.П.Ларин, В.Стрижевский, Г.Азагаров. К этому ряду известных кинорежиссеров примыкает Н.Ф.Колин, пробующий свои силы в самостоятельной кинопостановке для общества “УФА”. От него не отстает и И.И.Мозжухин, который намерен самостоятельно поставить для себя фильм “Байрон”. И.И.Мозжухин, прочно обосновавшийся в Берлине после кратковременного голливудского опыта, приступает к своей третьей берлинской картине; это фильм “Адьютант царя”, который В.Стрижевский готовит для “Гренбаум” («Greenbaum-Film». – Р.Я.). <...> Общество “Терра-Фильм” поручило г. Азагарову кинопостановку пьесы Дрейера “Семнадцатилетние”. Для главной роли приглашена М.Ф.Андреева» (<Б/н.> Русский сезон в Берлине // ПН. 1928. 21 августа. С.5). Ср.: «Русские заняты в германской фильме снизу и доверху – от безгласных статистов до режиссеров, “стар” и даже продуцентов. <...> “Русское засилье” в Берлине, “засилье” культурное – неоспоримый факт. Сделано было особенно много на фильмовом фронте, и расцвет германской фильмы неразрывно связан с именами русских пионеров. Работа эмигрантов в чуждых условиях, при острой конкуренции скученных в Берлине немцев была трудна, порой непосильна. Но был, да еще и есть у них “порох в пороховницах”!» (Ухтомский Н. Русские лавры на кинофронте Германии // Рупор (Харбин). 1929. 8 сентября. С.3). Об этом см. также: *Офросимов Ю.* Русские и русское в театре и кино (Письмо из Берлина) // Сегодня. 1928. 13 января. С.3, 9; <Б/н.– Ю.Офросимов?> Русский сезон в Берлине // Наша речь (Бухарест). 1928. 29 августа. С.4; *Офросимов Ю.* Русские в берлинских киностудиях // Там же. 1929. 29 сентября. С.4; <Б/н.> Берлинский Голливуд // Русское слово (Харбин). 1929. 13 марта. С.7.

Кто помнит имена Г. Азагарова⁶¹, А. Волкова, Н. Ларина, В. Стрижевского, В. Туржанского? Третьеразрядные халтурные режиссеры, которым, конечно, сейчас не нашлось бы у нас дела, порвавшие с родиной в момент ее перехода на новый исторический этап, они способны отразить лишь дореволюционную психологию шатающейся из стороны в сторону русской интеллигенции, той, которая не поняла и не приняла Октября.

Если прибавить к этому эмигрантскую изолированность и обремененность, которая накопилась у них за десять лет отрыва от родины, то мы вправе ждать от них лишь недобросовестной и искажающей действительность продукции, идеологически совершенно чуждой советскому зрителю.

Конечно, эта труха не попадет на наши экраны⁶², но тем более досадно, что наряду с советской продукцией, просачивающейся в небольшом количестве на иностранные экраны, там будет фигурировать и продукция политэмигрантов. <...> Этот «русский киносезон» в Германии в результате выбросит на заграничные экраны ряд фальшивых и клеветнических фильм, изготовленных обремененными эмигрантами.⁶³

⁶¹ Между прочим, за два года до этого нарком просвещения интересовался его возвращением в СССР: «...думаете ли Вы продолжать переговоры с Азагаровым <...>?» (письмо Луначарского к заместителю председателя «Совкино» И. Трайнину от 10 ноября 1926. – Архив РАН. Ф. 586. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 5). В конце концов интриги, которые плели советские представители вокруг режиссера, заставили его выступить с публичным заявлением: «...я человек абсолютно аполитичный и занимаюсь исключительно художественной работой, но г-жа Андреева осмелилась распространять слухи, порочащие мою честь, будто я провокатор, служу в ГПУ и получаю за это большие деньги. <...> Столь странное поведение г-жи Андреевой побудило меня передать дело адвокату для возбуждения уголовного преследования. Георг Азагаров». См.: Письмо в редакцию // Руль. 1929. 2 июля. С. 6.

⁶² Один из либеральных деятелей советской кинематографии считал такую политику недальновидной: «Противобольшевистские фильмы вообще образуют довольно многочисленную и компактную группу, и жаль, что их не привозят к нам. Прав был Бела Балаш, настоятельно рекомендовавший импортировать некоторые из этих шедевров на советские экраны: “Лучших комедий вы все равно нигде не достанете”, – говорил он» (*Пиотровский А.* Из германских впечатлений. 4. Что же производят? // ГК(Л). 1928. №42, 14 октября. С. 2). Бела Балаш (1884–1949) – теоретик кино, сценарист, литератор и философ; до 1931 работал в прокоммунистических кино- и театральных учреждениях и организациях Германии; с 1931 по 1945 работал в СССР.

⁶³ *Обтюратор.* За рубежом: «Русский» сезон в Германии // ГК. 1928. №36, 4 сентября. С. 1. Ср.: «Успех советских фильмов вызвал общий интерес ко всему русскому. Под этой маркой встали из небытия давно позабытые эмигрантские режиссеры ханжонковских времен. Эмигрантские молодые люди и девицы сделали русскими киноактерами и киноактрисами. Вся эта белая шушера пытается нажить проценты на славе советского искусства в Германии. Забавно видеть, как ассистент из эмигрантов, стараясь угодить предпринимателю, тре-

Одной из целей этого выпада, малопонятного для несведущего читателя, было, вероятно, стремление осадить командированных за границу советских киноспецов, проявлявших предосудительную склонность к общению с эмигрантами и распространявших затем среди коллег рассказы об этих встречах⁶⁴. Как и следовало ожидать, эта эскапада задела за живое и эмигрантов, переведших дискуссию в невыгодную для метрополии плоскость:

Известно, что русские, принужденные из-за большевиков уйти за рубеж, не растворились в иностранной массе и не спустились на дно. Не теряя своей индивидуальности, «недострелянные» не только привнесли нечто свое ценное в чужую жизнь, но еще и выделили из своей среды – и продолжают выделять – ряд прекрасных, говорящих всему миру имен, олицетворяющих творческую силу России даже в эти исключительные годы. «Ве-

бующему в картине подлинный революционный стиль, заботливо развешивает на стенках павильона портреты советских вождей. Как другой “эксперт” преподает немецкому актеру правила подлинно большевистского поведения. Парадоксальная, парадоксальная вещь, эта кинематография!» (*Пиотровский А.* Из германских впечатлений. 5. Они и мы // ГК(Л.). 1928. №44, 30 октября. С.2).

Одним из эпизодов этой истории стал иск Вячеслава Туржанского к компании «Прометеус» в связи с переменной названия советского фильма «Булат-Батыр» в германском прокате на «Волга – русская река», однако претензия режиссера была отклонена (</n> Не удалось! // ГК. 1928. №45, 6 ноября. С.1; *Плохич М.* За пределами СССР. Бесплатная реклама советских фильм // ГК(Л.). 1928. №46, 13 ноября. С.3).

⁶⁴ Эти сведения изустно передавались в кинематографической среде, время от времени проникая на страницы печати. См., например: *Д.* Киноэмигранты за границей // ГК. 1924. №16, 15 марта. С.2; *Гибер Г.* На работу в Берлин // Там же. 1928. №3, 17 января. С.4 (впечатления о съемках фильмов «Шехерезада» Александра Волкова и «Распутин» с участием Николая Маликова); *Трауберг Л.* Сегодня танцует Маризтта // ГК(Л.). 1928. №7, 14 февраля. С.2 (описание мозжухинского «Кадиллака», увиденного автором в Берлине); Два года в Германии. Беседа с А.Разумным // ГК. 1928. №11, 13 марта. С.6; *Роом А.* Что я увидел в Берлине? Из впечатлений режиссера // Там же. №24, 12 июня. С.2; №25, 19 июня. С.3; *Жанна Ф.* За рубежом. Аристократы-штрейкбрехеры // Там же. №38, 18 сентября. С.1; *Хохловкин Р.* За пределами СССР. Русские в Голливуде // Там же. 1929. №1, 1 января. С.3, и др. Встречи с эмигрантами, многократно искаженные памятью, цензурой и редактурой, вошли и в мемуары кинематографистов: *Ивановский А.* Воспоминания кинорежиссера. М., 1967. С.186-189; *Шуб Э.* Жизнь моя – кинематограф. Крупным планом: Статьи, выступления. Неосуществленные замыслы. Переписка. М., 1972. С.92-93 (о демонстративном отказе от знакомства с Иваном Мозжухиным в кулуарах берлинской киностудии). Примечательной кажется проговорка мемуаристки, рассказавшей, что у нее «не было никакой охоты познакомиться с ним (Мозжухиным. – Р.Я.), и при редких случайных встречах на фабрике я демонстративно отворачивалась, боясь, что кому-либо из окружающих придет в голову шальная мысль представить его мне» (*Луначарская-Розенель Н.* Память сердца. Воспоминания. М., 1962. С.447 (далее – Розенель, с указанием страницы)).

ликий немой», естественно, также выделил целый ряд имен, известных всей Европе, а иногда и всему миру. Об этих именах и чем носители их теперь занимаются, сообщалось, конечно, в нашей газете.

Казалось бы – можно только радоваться. Однако тот факт, что русские на чужбине не погибли, а с честью носят свое звание, приводит СССР в бешенство. И с пеной у рта советский желтый листок, посвященный кино, спешит предупредить германские фирмы, что они «делают большую ошибку, поручая постановки той группе кинорежиссеров и артистов, которая “смылась” с советской территории с Деникиным и Врангелем»; беря и самое определение русских в кавычки, задает некий «обтюратор» вопрос: «кто помнит теперь у нас Волкова, Туржанского, Хмару, Колина, Чехову, Мозжухина, Маликова, Мурского, Азагарова, Гайдарова»... проскрипционный список, снабженный в оригинале эпитетами «третьеразрядной мелочи» и «халтурщиков», имеет еще добрую дюжину имен. А в самом деле, кто может знать или помнить в СССР эти европейские имена, когда там все картины с участием зарубежных русских запрещены? Весьма возможно, что скоро там забудется и взявший двухгодичный отпуск Чехов, и Грановский, и даже замечтавшийся и без двухгодичного отпуска в Париже Мейерхольд... – а вся популярность достанется целиком на долю одной Розенель.

Эта бессильная злоба только смешна; дело, конечно, не в этом доносительстве. Думается, немцы, разбираясь в истинных талантах, пройдут мимо доносов. Но интересно, чем такая злость вызвана. Об этом можно прочесть в той же заметке. Русский киносезон за границей наводит «обтюратора» «на грустные размышления» <...> и ясно, что злоба его имеет чисто коммерческую подоплеку. Мужайтесь, «обтюратор»! Может быть, СССР немного подрабывает на предстоящих аукционах краденых вещей! Но есть и другая причина негодования заграничного корреспондента кинолистка. Один из перечисленных в проскрипционном списке режиссер не пожелал недавно говорить и, мягко выражаясь, не особенно приглашал к себе в ателье специально посланного к нему для беседы представителя советской прессы. – Не уважаемый и не товарищ «обтюратор» и эта выгнанная из ателье личность – не одно ли лицо?⁶⁵

Теперь уже не столь важно, кто скрыл свое имя за псевдонимом «Обтюратор» (уж не сам ли Луначарский?), куда более интересными представляются те внутренние коллизии советской художественной культуры, на которые указывал его берлинский оппонент.

Начать с того, что ни до, ни после 1928 советское искусство не встречало столь благожелательного приема у западной аудитории. Мировая мода на «русское» достигла апогея, и советские власти вы-

⁶⁵ О <фросимов Ю.>. Выгнанный «обтюратор» // Руль. 1928. 16 сентября. С.2.

нуждены были поддержать ее, по возможности корректируя пропагандистскими акциями.

В области кино эта тенденция проявилась, в частности, в грандиозных международных инициативах, привлечших как советских мастеров, так и эмигрантов: Владимир Венгеров получил согласие Александра Таирова, чей театр гастролировал тогда по Европе, на постановку «Отца Сергия» и «Цыган» во франко-германской копродукции⁶⁶; Федор Оцеп экранизировал «Живой труп» в совместной постановке «Межрабпом-фильма» и «Прометеуса»; режиссеры Абрам Роом и сменивший его Евгений Червяков посещали Берлин в преддверии запуска советско-германской картины «Пышка» по рассказу Мопассана, а сценарист Георгий Гребнер под наблюдением Луначарского писал сценарий для советско-американского фильма «Война и мир», ставить который было предложено Александру Санину⁶⁷.

Число кинематографистов, отправленных в 1928 в заграничные командировки (преимущественно в Германию), исчислялось десятками. Помимо прикладного значения, такие контакты служили доказательством открытости Советского Союза и существования в нем творческой свободы. Между тем эфемерность этой демонстрации все более обнаруживалась по мере приближения «великого перелома», уже явственно ощущавшегося в стране. Полоса судебных преследований интеллигенции (дело литераторов-«насильников», Шахтинский процесс), конец нэпа и прочие радости советской жизни (из событий внутрикинематографических к ним следует отнести Первое всесоюзное партийное совещание по вопросам кино, прошедшее во второй декаде марта 1928) не могли не вызвать у некоторых из командированных желания отложить возвращение на родину на неопределенное время. Либеральный нарком просвещения, персонально ответственный за вверенный ему контингент творческих работников, реагировал на это весьма жестко, и гнев его пришелся в первую очередь на Алексея Грановского⁶⁸ и Михаила Чехова⁶⁹. Все их попытки предотвратить политический скандал и добиться компромисса были отвергнуты Москвой, фактически запретившей им возвращение на

⁶⁶ Информацию об этом см.: Возрождение 1928. 8 декабря. С.4; 1929. 24 августа. С.4; ПН. 1929. 4 января. С.3.

⁶⁷ См.: <Б/н.> Толстой и кинематограф // ПН. 1928. 15 июня. С.3.

⁶⁸ О событиях, сопровождавших решение Грановского остаться за границей, см.: Азарх-Грановская А. Беседы с Дувакиным. Иерусалим; М., 2001. С.150-153; Луначарский А. Голос за границей. Факты и перспективы // ВМ. 1928. 6 октября. С.3; 28 ноября. С.3; ПН. 1928. 13 ноября. С.4; 30 декабря. С.7.

⁶⁹ О решении, принятом Михаилом Чеховым, см.: Почему М.А.Чехов остался за границей: Письмо М.А.Чехова коллективу МХТ 2-ой // ВМ. 1928. 6 сентября. С.3; <Б/н.> Михаил Чехов в Берлине // Руль. 1928. 16 сентября. С.6; <Б/н.> М.А.Чехов опровергает // ВМ. 1928. 19 сентября. С.3.

родину. Под горячую руку Луначарского в число «отщепенцев» чуть было не попал и Всеволод Мейерхольд, в судьбу которого вовремя вмешались влиятельные покровители, да и сама власть стремилась как можно скорее погасить невыгодный для себя конфликт⁷⁰.

Схожие ситуации складывались и у кинематографистов: уехав на съемки, на несколько лет задержался в Берлине Иван Коваль-Самборский⁷¹, а Вера Барановская⁷² (ставшая знаковой фигурой со-

⁷⁰ Просьба Мейерхольда о продлении заграничной командировки для лечения вызвала резкую реакцию наркома просвещения, объявившего о закрытии его театра в случае невозвращения (см.: ВМ. 1928. 18 сентября. С.3; А.В.Луначарский о В.Э.Мейерхольде и М.А.Чехове: Беседа с тов. А.В.Луначарским // Там же. 10 сентября. С.3). После этого режиссер вынужден был телеграфно апеллировать к председателю Совнаркома А.Рыкову: «Остановите действия ликвидационной комиссии. Не допускайте разгрома театра и уничтожения меня как художника. Мейерхольд» (ВМ. 1928. 27 сентября. С.3). Обвальная «кризис театра», вызванный отъездом его виднейших мастеров, вызвал настоящую бурю в художественных кругах Москвы (см.: Бор. Мейерхольд, Чехов и кризис театра: На диспуте в Доме Печати // Там же. 25 сентября. С.3). Конфликт разрешился лишь возвращением Мейерхольда в Москву 3 декабря 1928. Подробнее об этом см.: Из переписки В.Э.Мейерхольда. 1926–1933 / Публ. и коммент. О.Н.Купцовой // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М., 2002. С.111-174; *Kouptsova O. Meyerhold et la France, lettres des années 1920-e – 1930* // Cahiers d'histoire Culturelle. Université de Tours, 2001. №10. P.101-118. Некоторое время спустя новый руководитель Главискусства Алексей Сви́дерский сделал запоздалую попытку потушить театральный скандал: «Он опровергает слухи о злключениях Мейерхольда, Грановского, которому решительно ничего не угрожает, если он вернется в СССР <...>. Поистине – певец зимой погоде летней!» (<Б/н.> Сановная беседа // Руль. 1929. 15 февраля. С.4).

⁷¹ Ср.: «Артист Коваль-Самборский, по-видимому, прочно обосновался в “демократической” Германии. О характере его деятельности свидетельствуют хотя бы названия картин, в которых он недавно снимался: “Когда марширует гвардия”, “О, Вена, город моих грез”» (<Б/н.> Наши за границей // ГК. 1928. №25, 19 июня. С.1); «Артист Коваль-Самборский подписал контракт на несколько лет с немецкой фирмой “Гринбаум-фильм”» (<Б/н.> Обосновался!.. // Там же. №28, 10 июля. С.1). Сообщая о приезде И.Коваль-Самборского и В.Барановской в Берлин, эмигрантская газета пронизательно заметила: «...так как все они уже устроились в немецком кинопредприятии, следует, очевидно, ожидать в советской прессе писем, угроз, объяснений» (ПН. 1928. 4 октября. С.4). Актер, сохранивший советское гражданство, вернулся на родину после 1933 и сразу же получил лагерный срок. Много лет спустя он вернулся в кино. О нем см. также: *Вербовский Н. Искусство киноштампа* // Новое слово (Берлин). 1944. №20, 9 марта. С.4.

⁷² О Vere Барановской см.: <Б/н.> В.Барановская в Берлине // ВМ. 1928. 22 октября. С.3; ПН. 1928. 8 октября. С.3; <Б/н.> В.В.Барановская. Берлин–Прага–Париж // Возрождение. 1930. 12 сентября. С.4; *А.Л.<адинский>*. В.В.Барановская <некролог> // ПН. 1935. 6 декабря. С.3; *Театрал*. В.В.Барановская (1885–1935) // Там же. 9 декабря. С.2. См. также ее письмо, посланное Эйзен-

ветского кино после исполнения главной роли в картине Пудовкина «Мать») и Вера Малиновская⁷³ в Москву больше не вернулись.

Одна из московских гастролерш обратила на себя особое внимание эмигрантской печати: «Луначарский отправил свою супругу на заработки в Берлин, где она будет сниматься в трех фильмах, из которых одна по сценарию наркомпроса, другая “Вера Мирцева” Урванцова»⁷⁴. 1928 год обещал стать звездным для Натальи Розенель, одновременно снимавшейся в нескольких зарубежных постановках и трижды за тот год посетившей Берлин. Привилегированное положение актрисы в советском киномире немало осложнило ее международную кинокарьеру⁷⁵, а ее артистические способности не нашли признания в Европе: «Супруга наркомпроса Луначарского талантов не проявила, но бриллиантами, действительно, блеснула. Один из артистов был хорошо загримирован под Луначарского»⁷⁶. Все новые предложения о съемках носили откровенно политический оттенок:

«Пресловутая королева бриллиантов», артистка Розенель, жена Луначарского, очутилась в Берлине в положении безработ-

штейну в разгар его парижской эпопеи (апрель 1930). – РГАЛИ. Ф.1923. Оп.1. Ед.хр.1633.

⁷³ О Вере Малиновской (1900–1988) см. нашу статью: Янгиров Р. Вера Малиновская // Новейшая история отечественного кино. 1986–2000. Т.4: Кино и контекст. 1986–1988. СПб., 2002. С.541–542.

⁷⁴ См.: ПН. 1928. 15 января. С.3. Одной из трех упомянутых картин была «Саламандра» по сценарию Луначарского и Георга Гребнера в копродукции «Межрабпом-фильм» и «Прометеус» (сообщение об этом см.: ГК(Л). 1928. №10, 3 марта. С.1). Актриса, прозванная «королевой бриллиантов» из-за страсти к драгоценностям, обращала на себя повышенное внимание. Происхождением ее новых нарядов, продемонстрированных на одном из спектаклей в Большом театре, заинтересовалась партийная общественность, но ее супруг пояснил, что вещи были куплены в Берлине на его литературные гонорары (см.: <Б/н.> Жена Луначарского // Бессарабская почта (Кишинев). 1928. 1 апреля. С.1).

⁷⁵ «В Берлин приехала Розенель, жена Луначарского, в поисках работы на फिल्मовом рынке. Рекомендации наркомпроса пока не дали успеха» (см.: ПН. 1929. 3 мая. С.3). Ср. с рассказом самой актрисы (Розенель. С.423–458).

⁷⁶ <Б/н.> «Преступление Веры Мирцевой» // ПН. 1928. 5 июля. С.5. См. также: Пильский П. Театральные листки // Сегодня. 1928. 21 апреля. С.3. Появление наркома просвещения в германском фильме не воспринималось антисоветским выпадом хотя бы потому, что перед тем он сыграл самого себя в картине «Саламандра» (Розенель. С.429–430). Вместе с тем эта постановка, сделанная по мотивам популярной пьесы русского драматурга-эмигранта Л.М.Урванцова, вызвала протест автора, оскорбленного привлечением советских участников: «До моего сведения дошло, будто моя пьеса “Вера Мирцева” приобретена Луначарским для постановки ее на экране при участии какой-то девицы из СССР. Заявляю, что право на постановку моей пьесы на экране мною давно передано Склярю (Берлин) и переговоры его с Луначарским если и были, то без моего ведома и согласия» (Протест Л.М.Урванцова // ПН. 1928. 29 января. С.5).

ной. В фильме «Вера Мирцева» она провалилась, и предприниматели сняли ее имя с афиши. Предложение ее дальнейших услуг для экрана отклоняется. Одна фирма соглашается дать Розенель роль в картине при условии, если она будет выступать под полным своим титулом жены Луначарского.⁷⁷

В череде этих событий дело дошло и до Эйзенштейна, причем вопрос о его заграничной поездке с самого начала получил скандальную окраску. Летом 1928 голливудские деятели припомнили ничем до тех пор не подкрепленное приглашение Фэрбенкса:

Американская кинопромышленность, переживающая сейчас кризис, обращает свои взоры на русских артистов и русскую культуру, которые, по мнению голливудских экспертов, могут спасти кинематограф от упадка. Один из крупных директоров Ивэнс в беседе с представителем «Чикаго Трибюн» говорит, что сейчас большие надежды возлагаются на выписанного Дугласом Фэрбенксом советского кинорежиссера Эйзенштейна, которого «Броненосец “Потемкин”» признается американскими критиками за самое замечательное произведение киноискусства. Эйзенштейн ставит свою первую в Америке картину для фирмы «Соединенные Артисты». Фильм будет немой.⁷⁸

Никаких оснований для такого заявления еще не было, но в первые же дни августа Москву навесил президент «United Artists» Джозеф Шенк. Формальным поводом для его поездки было продолжение переговоров о продаже американских фильмов⁷⁹, начатых еще

⁷⁷ См.: ПН. 1928. 16 октября. С.5. По-видимому, именно эта ситуация описана актрисой в рассказе о неосуществленных работах в Германии (Розенель. С.458-459). Ее международная кинокарьера завершилась после решения цензуры о недопущении фильма «Вера Мирцева» на советские экраны – «несмотря на участие в нем жены Луначарского (Розенель)» (ПН. 1928. 8 августа. С.3). Очевидно, что не дарования актрисы, а влияние ее высокопоставленного мужа привлекли германских продюсеров, рассчитывавших на продажу этих постановок в Советский Союз. В данном контексте запрещение фильма «Саламандра» к показу в Германии выглядело вполне логичным. Несомненно, на это решение повлияла очевидная ущербность позиций Луначарского. К тому же, «в этой, написанной им картине, <он> выставляет себя спасителем германского ученого, преследуемого на родине неудержимой реакцией. <...> Издательство Луначарского над германской наукой сделано в этой картине так грубо, что даже московские газеты назвали творчество наркомпроса халтурой, и картина у публики имела только успех скандала» (<Б/п.> «Саламандра» // Руль. 1929. 29 января. С.1).

⁷⁸ <Б/п.> В Голливуде // ПН. 1928. 19 июня. С.6.

⁷⁹ «СССР в ближайшем будущем намеревается посетить Скенк, президент “Юнайтед Артистс”, Б.Шульберг, один из директоров фирмы “Парамаунт”, и режиссер Э.Любич» (ГК. 1928. №32, 7 июля. С.1). На самом деле Шенк приехал в Москву вместе с вице-президентом компании Артуром Белли и директором европейского отделения «United Artists» Хью К.Смитом. «Цель поездки – посмотреть, какова обстановка в России для кинематографического производства

Фэрбенксом, но главную цель путешествия продюсер сообщил журналистам накануне приезда: «Шэнк уверен, что советский кинематограф рано или поздно войдет в американскую орбиту. Он хочет привезти из Москвы в Голливуд С.М.Эйзенштейна и поручить ему постановку нескольких картин»⁸⁰.

Сразу же по возвращении из Москвы Шенк объявил о том, что «Эйзенштейн, советский кинорежиссер, автор агитационного “Броненосца «Потемкин»”, приглашен на октябрь в Голливуд для постановки двух картин»⁸¹. Однако отклики московской печати опять, как и два года до того, демонстрировали лишь сослагательный характер договоренностей голливудского магната: «Чтобы учесть потребности и вкусы американского зрителя, необходимо направить к нам в Америку кого-нибудь из ваших кинематографистов, о чем мы уже договорились с Совкино. Желательно было бы командировать к нам Эйзенштейна»⁸².

Тем не менее зарубежная печать наперебой комментировала эту идею как уже принятое решение. Берлинский еженедельник «ВЗ» «где-то в углу и незаметным шрифтом»⁸³ сообщил:

... знаменитый большевицкий режиссер С.Эйзенштейн переносит свою кинематографическую деятельность из Москвы в... Голливуд. Американскому директору Шенку удалось уговорить Эйзенштейна на эту коренную (пока географическую) смену позиций. Творец «Потемкина» ожидается в Америке, где он немедленно приступит к съемкам своей картины для «Юнайтед Артистс». Немецкая газета не сообщает, что это будет за лента, по какому сценарию, с какими актерами. Во всяком случае, появле-

и сбыта» (*Аренский К.* Письма в Голливуд. По материалам архива С.Л.Бертенсона. Monterey (California); München, 1968. С.9; далее – Аренский, с указанием страницы). Об этом см. также: ПН. 1928. 7 августа. С.4. У этой поездки тоже была своя предыстория: еще осенью 1922 Шенк намеревался посетить Москву, но из-за бюрократических проволочек в советском полпредстве не смог получить въездную визу и вынужден был отказаться от этой идеи. Он передал деловые предложения в письменной форме советскому руководству для обсуждения с Председателем Совнаркома. См. об этом: Самое важное из всех искусств. Ленин о кино: Сб. документов и материалов. М., 1973. С.105-107 (письмо Чарлза Рехта к Ленину от 16 октября 1922).

⁸⁰ Возрождение. 1928. 1 сентября. С.5 (из интервью Шенка «Cine-Magazine»).

⁸¹ ПН. 1928. 4 сентября. С.5.

⁸² <Б/м.> Деятели американской кинематографии о наших фильмах // ГК. 1928. №33, 14 августа. С.2. О поездке Шенка см. также дневниковые записи С.Бертенсона (Аренский. С.9, 11). Прибавим, что на обратном пути из Европы в Голливуд Шенк уговорил бывшего секретаря Вл.И.Немировича-Данченко Сергея Бертенсона не возвращаться в СССР, а поехать в Голливуд в качестве своего личного секретаря (Там же).

⁸³ Рувль. 1928. 11 октября. С.4.

ния ее можно ждать с интересом. Она непременно будет сюрпризом для Холливуда или для Москвы. Вернее, что для Москвы.⁸⁴

О существовании тайных пружин этой интриги догадывались современники, а ассистент режиссера впоследствии выдвинул фантастическую версию:

Судьбе было угодно распорядиться так, что Шенк оказался родственником Сергея Михайловича по материнской линии. Некогда дед Д.Шенка, выходец из России, был хозяином так называемого цепного пароходства на реке Шексне <...>. Знаменитый режиссер, да к тому же родственник, был приглашен в Голливуд. Вместе с ним получили приглашение и мы, его соратники – Эдуард Тиссэ и я.⁸⁵

На самом деле Джозеф Шенк (в другой транскрипции – Скэнк; 1878–1961), как и его младший брат Николас, родился в Рыбинске и в 1893 приехал в Нью-Йорк, где и началась его деловая карьера. Эйзенштейн переписывался с ним – сохранились черновики писем за 1928–1929⁸⁶.

Есть основания думать, что обнародование знаменитой «Звуковой заявки» – самого радикального теоретического манифеста о путях синтеза звука и экрана⁸⁷, было специально приурочено к приезду Шенка. Прекрасно зная русский язык⁸⁸, он был едва ли не единственным, кто мог оценить смелость и новаторство Эйзенштейна (другие участники манифеста – Пудовкин и Александров – лишь декорировали этот замысел). Никакими иными причинами – спонтанным «мозговым штурмом»⁸⁹ или готовностью (к тому времени – проблематичной) отечественных разработчиков кинозвуча Шорина и Тагера – нельзя объяснить, что этот текст появился именно в те дни, сопровождаемый осторожной редакционной преамбулой. Немаловажно и то, что конспект «Заявки» был опубликован накануне приезда Шенка⁹⁰.

Эта странная история и в самом деле стала большим сюрпризом, прежде всего для наркома просвещения. «Потеряв лицо» во время

⁸⁴ Руль. 1928. 11 октября. С.4. Ср.: «<Шенку> удалось уговорить советского кинорежиссера С.Эйзенштейна перенести свою деятельность из Москвы в Холливуд» (ПН. 1928. 15 октября. С.3); «Директору общества “Объединенные артисты” Шенку удалось уговорить советского кинорежиссера Эйзенштейна перенести свою деятельность из Москвы в Холливуд. Эйзенштейн подписал контракт с компанией “United Artists” на постановку фильма и на днях выезжает в Холливуд. Американцы обеспечат ему полную свободу действий» (Возрождение. 1928. 20 октября. С.5).

⁸⁵ Александров. С.116.

⁸⁶ РГАЛИ. Ф.1923. Оп.1. Ед. хр.1539.

⁸⁷ См.: Советский экран. 1928. №32. 7 августа.

⁸⁸ Об этом см.: Мемуары. Т.1. С.248.

⁸⁹ Александров. С.134-135.

⁹⁰ См.: ГК. 1928. №31, 31 июля. С.1.

бесчисленных разбирательств с подведомственным контингентом⁹¹, Луначарский решил заручиться личными объяснениями режиссера и его публичным обещанием вернуться в СССР по окончании срока заграничной командировки и выступил в «Известиях» со следующей пространной тирадой:

В последнее время белогвардейская помойница пришла в веселое волнение или, скорей, трепыхание по поводу бегства отдельных артистов театра и кино за границу, подчас совершенно неверно рассматривая отдельные случаи этого мнимого бегства.

Но на днях я прочел в белогвардейской прессе ликующее заявление о переходе Эйзенштейна на американскую службу. Хотя я в самом начале был уверен, что это такой же вздор, которым откармливают своих читателей различные «врули», но, не зная точно, как обстоит дело с Эйзенштейном, я запросил его об этом, и в ответ на него <так!> получил его просьбу опубликовать письмо, в котором он высказывает свои суждения по этой линии. Письмо его я теперь получил и считаю чрезвычайно полезным, чтобы его прочла не только широкая публика, но прежде всего сами артисты. То подавляющее большинство из них, которое вообще относится с гадливостью ко всяким мыслям о перебежничестве, почерпнет в этом письме новую уверенность в правильности своей позиции, а те очень немногие, которые по неведению, быть может, соблазняются «мясным котлом Египта», библейски выражаясь, получат в этом письме необходимую острastку и предостережение.

Вместе с тем мы должны предупредить господ белогвардейцев, что мы ни в каком случае не откажемся от самых живых связей с окружающим нас миром, и пусть наши, в большинстве случаев победоносные, экскурсии на Запад и наше желание получить необходимые нам сведения в этом отношении эти господа не принимают за что-нибудь мало-мальски для них выгодное и приятное. Мы делаем свое большое дело по всем линиям нашего культурного строительства, и нам иногда даже просто некогда плюнуть в сторону белогвардейцев или усмехнуться на их клоунские выходки.⁹²

Заявление Луначарского сопровождалось письмом Эйзенштейна, повернувшим объяснения с властью в привычное русло политической риторики, щедро уснащенной перлами его художнического воображения:

На Тверской. У арки. Стоит киоск. У остановки автобуса. На киоске реклама какого-то ученого популярного журнала. Реклама

⁹¹ Жена наркома вспоминала о том, что примерно в то же время она получила предложение выгодного трехлетнего контракта от компании «MGM», который отвергла из-за невозможности столь долгого отрыва от родины и от мужа (Розенель. С.449-450).

⁹² Луначарский А. К письму Эйзенштейна // Известия. 1928. 11 ноября. С.5.

страшная. Голова собачья лает, а между тем от туловища отрезана и лежит на блюде. Вместо тела собачьего – провода и трубки какие-то. Оказывается, лаять можно и от искусственного «привода». Кусаться и грызть, должно быть, труднее.

Оторвалась головка белогвардейская от туловища Святой Руси, скинувшей горностаевую шкуру царя-батюшки. Без четырех ног с одной пастью голодной умчалась за границу. Улеглась на блюдечко... И так бы сдохла. Провода да трубки из карманов зарубежных белых братьев протянулись (Николаю Николаевичу вон «союзные» державы даже пенсийку устроили). Протянулись провода, и залаяла с блюдца собачья башка белогвардейщины на все советское. Чего-чего и кого-кого советского она не облаивала!

Какое море злорадства катилось по страницам белой прессы в связи с недоразумениями о якобы «бегстве» Мейерхольда и Чехова; о том, что Малиновская осталась без разрешения в Берлине сниматься в «Ватерлоо»⁹³ и т. д. «Крысы с тонущего корабля!» Одиннадцать лет они наш корабль топят; одиннадцать лет вопят о «Ватерлоо» советской власти. Однако не тонем. Ни хозяйственно, ни интеллектуально, – как бы ни хотелось эмигрантщине представить все эти события вторым саботажем интеллигенции к XI годовщине Октября, чем она сама блеснула впервые во дни Октября I. И вот в свистопляс по поводу «бегства» культурных сил из Союза врывается еще лакомый кусочек – мое приглашение в Америку работать у «Юнайтед Артистс». <...> Во-первых, о злорадстве по поводу выезда за границу, злиться им было бы не на что, а радоваться совершенно нечему. Ведь чем больше нашей братии побывает за границей, тем «представительство» от «всех» или «лучшей части» «мыслящей» России белогвардейских ошметков все больше и больше будет сходиться на нет. А соответственно, будет падать и подачка заграничных денежных мешков.⁹⁴

Совершенно обойти вопрос о том, чем же он будет заниматься в Америке, режиссер не мог и потому счел нужным принести личную, еще не ставшую ритуальной, «клятву верности»:

От «Юнайтед Артистс» действительно есть приглашение. Действительно, Джозеф Шенк обратился в Совкино о командировании нашей группы на полгода-год в Америку, на 1–2 картины. Действительно, Совкино дало на подобное командирование свое согласие. И, действительно, Наркомпрос в лице тов. Луначарского не только не находил возражений, но и приветствует целиком и полностью подобную поездку, так как подобные поездки, обмен работниками и т. д. являются одним из звеньев установления нормальных коммерческих кино-взаимоотношений с

⁹³ См. об этом: «Интернациональный состав исполнителей удачно дополняет русская артистка Вера Малиновская, интересная графиня Гарновская» (<Б/н.> «Ватерлоо» // ПН. 1929. 28 апреля. С.4).

⁹⁴ Известия. 1928. 11 ноября. С.5.

Америкой, в одинаковой степени интересных для обеих сторон. С другой же стороны, обмен культурным опытом в области кинематографии не менее интересен, и опять-таки для кинокультуры обеих стран. Если в области принципиальной советские кинофильмы для прочих несколько «варяги», то в области техники и, главное, – организации и постановки дела Америка может и должна дать нам очень много.

«Бегство»?.. Приводить соображения «моральные» неубедительно и неблагозвучно. Сошлемся лучше на... деловые: ведь если мы чем-нибудь интересны Америке, так это нашей самобытностью. Отличием нашего вологодского масла от собственного маргарина. С момента нивелировки на маргаринный уровень середняка собственного производства всякий интерес к нам падает. И всякую «товарную ценность» мы теряем. Самобытность, отличность же наших работников, работников кино – совсем не особенность их блестящих, господом богом данных, талантов. Т<ак> н<азываемая> «самобытность» наша состоит в том преломлении массовых устремлений, того коллективного напора, который мы по мере сил и возможности оформляем в наших работах. Это то, что ставит нашу кинематографию по особой линии «вне конкуренции». И с момента разрыва с этим мы не только теряем силу, но и... «оригинальность», т. е. то самое, что делает нас товаром, интересным для экспорта.

Ездить мы, конечно, ездили. Ездить будем и впредь. Нести то, что имеем сказать, и привозить то, что нужно для нашего дела. И в первую очередь – овладение самой замечательной технической победой кинематографии – звучащим кино – этим ни с чем не сравнимым культурным орудием, столь необходимым в деле нашей борьбы за социалистическое строительство.⁹⁵

Кроме общего колорита этого текста особый интерес представляют рассуждения автора об «оригинальности» и «маргаринном уровне» кинотворчества. Не располагая прямыми доказательствами, рискуем предположить, что их адресатом был голливудский неудачник Владимир Немирович-Данченко, вернувшийся в Москву в начале 1928 и вынужденный живописать столичной аудитории порочность американской кинопродукции и преимущества советского искусства⁹⁶.

⁹⁵ Известия. 1928. 11 ноября. С.5. Ср. с интерпретацией этого текста эмигрантским изданием: «Советский кинорежиссер Эйзенштейн, автор “Броненосца «Потемкин»», отказался от ангажемента в Холливуд. В письме на имя Луначарского он так объясняет свое нежелание идти на выучку к американскому кинематографу: “Мой талант в состоянии творить только на богатой и плодотворной русской ниве. За границей я лишился бы источников вдохновения и, без сомнения, опустился бы на второе место из числа международных режиссеров”» (ПН. 1929. 9 февраля. С.5). См. также: Там же. 1928. 19 ноября. С.3.

⁹⁶ Г.Р<ыклин>. Мистер Релиз (На докладе В.И.Немировича-Данченко о кино) // Известия. 1928. 15 февраля. С.4; Маллори Д. Холливуд во МХАТе. На док-

Опубликованное в центральной советской газете, письмо режиссера было более важным по смыслу посланием, чем простое подтверждение лояльности, и, по-видимому, имело адресатом не Луначарского. Сочиняя его, Эйзенштейн должен был знать, что заграничная поездка уже не зависит от благосклонности наркома просвещения, чья карьера стремительно клонилась к закату (он потерял свой пост осенью следующего года). Личный интерес Сталина к работе режиссера, проявившийся еще в истории с фильмом «Октябрь», обещал много больше, но для этого нужно было завоевать благосклонность вождя при сдаче картины «Старое и новое», которая должна была, прежде всего, стать демонстрацией политической воли в художественной практике, а уже потом – «экспериментом, понятным миллионам»⁹⁷.

Здесь нельзя было, как в «Октябре», обойтись лишь ножницами, устраняя нежелательные эпизоды или персонажей. В ситуации осени 1928 создатель картины о «социалистической реконструкции сельского хозяйства» скорее добровольно, чем вынужденно подгонял полет своей фантазии под извилистые повороты «генеральной линии» партии. Он легко согласился на пересъемку финала и на перемонтаж картины после того, как ее первый вариант был забракован, – понимая, что поставлено на кон. Приглашение Шенка все еще сохраняло силу и время от времени напоминало о себе в печати⁹⁸, но режиссеру было ясно, что без верховной санкции он не сумеет им воспользоваться.

Наконец, весной 1929, после окончательного завершения работы, состоялось «важнейшее событие в жизни Эйзенштейна»⁹⁹ – встреча со Сталиным, давшим наконец разрешение на долгожданную загра-

ладе В.И.Немировича-Данченко // ГК. 1928. №8, 21 февраля. С.6; <Б/п.> Работать можно только в СССР (Беседа с В.И.Немировичем-Данченко) // ГК(Л). 1928. №11, 20 марта. С.1. Подробнее об этой голливудской эпопее см.: Бертенсон.

⁹⁷ Дж. Лейда, дотошно изучавший творчество своего учителя по ВГИКу, полагал, что досъемки и переделка финала не внесли кардинальных изменений в авторский замысел картины (см.: Leyda. P.262-269).

⁹⁸ Ср.: «С.М.Эйзенштейн, автор “Броненосца «Потемкин»”, отправляется в Холливуд по приглашению фирмы “Объединенные Артисты” для постановки одной картины. Едет он в апреле со своим помощником Александровым и оператором Э.Тиссе. Поездка продолжится 10 месяцев. Второй экземпляр сделанной в Холливуде картины будет привезен в Москву» (ПН. 1929. 15 марта. С.3); «Поездка советского кинорежиссера Эйзенштейна в Холливуд откладывается. После просмотра партийными организациями его новой агитационной картины “Генеральная линия” выяснилась необходимость некоторых исправлений. Эйзенштейн выехал на Кавказ для дополнительных съемок» (Там же. 5 апреля. С.3). Ср. также с советским сообщением: *Рубен*. Сенсация в Холливуде // ГК(Л.). 1929. №30, 30 июля. С.3.

⁹⁹ *Шуб Э.* Жизнь моя – кинематограф... С.134-135.

ничную командировку¹⁰⁰. Путь на Запад был открыт, но прошло еще несколько, возможно, решающих для успеха командировки месяцев, прежде чем Эйзенштейн, Александров и Тиссэ смогли пересечь советскую границу и попасть в Берлин, где их должны были ждать американские визы¹⁰¹.

3. В СТОРОНУ БЕСЕДОВСКОГО

Первые же недели заграничной жизни заставили путешественников переоценить и заново осмыслить многое¹⁰², но не отменили ритуала публичного поведения советских граждан, ставшего для них и вовсе обязательным после беседы со Сталиным¹⁰³. В первых интервью Эйзенштейн охотно повторял, что впечатления от поездки дадут ему материал для нового замысла, иллюстрирующего догматы марксизма¹⁰⁴. Поначалу эти заявления казались не более чем эпатажем, и

¹⁰⁰ См. об этом: Александров Г. Великий друг советского кино // ИК. 1939. №12. С незначительными изменениями воспр. в: Александров. С.105-106. Об этом см. также: *Seton M. Sergei Eisenstein: A Biography*. New York, 1950. P.119. Между прочим, Сталин показал, что в его лице «Звуковая заявка» обрела куда более внимательного, чем Шенк, читателя: «Детально изучите звуковое кино. Это очень важно для нас. Когда наши герои обретут речь, сила воздействия кинопроизведений станет огромной» (Александров. С.107).

¹⁰¹ «Наше пребывание в Берлине не имело четких временных границ и конкретной цели – мы ждали американских виз, подтверждения приглашения от Шенка и Фербенкса...» (Там же. С.117).

¹⁰² «Ничего похожего ни в Москве, ни в Ленинграде, ни в Свердловске давно уже не было. Происходящее у меня на глазах чудо воскресения из мертвых буржуазного мира производило оглушающий эффект» (Александров. С.117).

¹⁰³ Александров вспоминал о напутствии вождя: «За границей очень мало книг с коммунистическим содержанием. Наши книги там почти не читают, так как не знают русского языка. А вот советские фильмы все смотрят с интересом, и все понимают. Вы, киноработники, даже сами не представляете, какое ответственное дело на вас возложено. <...> Учитесь у жизни! А чтобы правильно разбираться в том, что видишь, надо знать марксизм. Мне кажется, что наши художники еще недостаточно понимают великую силу марксизма» (Там же. С.107). В действительности же зрелищные достоинства советской кинопродукции сильно переоценивались вождями страны и самими кинематографистами, тогда как эксперт весьма сдержанно оценивал ее коммерческие возможности: «Покупатель советских фильм рискует, и у него пропадает охота покупать их; как предмет экспорта, советские фильмы дают ничтожный материальный эффект; они не проводят своих идеологических установок в широкие массы иностранного зрителя» (*В.Г.-ов. Об экспорте советской фильмы // Известия. 1929. 3 октября. С.3*).

¹⁰⁴ Впервые этот замысел был обнародован еще весной 1928, и теперь его обоснование выглядело не внутренней мотивацией, а легким шантажом начальства: «Он чувствовал, что не сможет взяться за такую задачу без знакомства с капиталистическим миром в его зените» (*Leyda. P.269-270*). Спекулятивность



На пороге дома Чехова в Ялте.
Петр Кондаков (на переднем плане), Н.П.Кондаков, А.П.Чехов
(ПФА РАН. Ф.115. Оп.1. Ед.хр.270. Л.4.)



Н.П.Кондаков и А.П.Чехов в доме Чехова в Ялте. 1900-е
(ГФА РАН. Ф.115. Оп.1. Ед.хр.270. Л.1)



Проф. Б. В. ВАРНЕКЕ

Б.В.Варнеке. 1924. Карандашный портрет



*С.Н.Кондакову Сергею Александровичу
на память о Н.П.Кондакове
Прага 1926г. С. Желебу.*

С.Н.Кондаков у временной могилы Н.П.Кондакова
на Ольшанском кладбище в Праге. Прага, 1926.

(Открытка, посланная С.А.Жебелеву.
ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Ед.хр.63. Л.1)



П.Я.Дорошенко



С.М.Эйзенштейн



Л.Я.Нелидова-Фивейская



Емануил Попдимитров. Фото 1931 г.
Из архива С.Димитровой



Дорогому другу Э. Димитрову с любовью
Кандриоты. 1927-28. К. Бальмонт.
София. 1929. Май.

Фотография К.Бальмонта с дарственной надписью Е.Попдимитрову.
Из архива С.Димитровой



К.Бальмонт в парке имени Скобелева в Плевене 13 мая 1929 г.
Слева направо: Е.Полдмитров, Н.В.Ракин, К.Д.Бальмонт, Е.К.Цветковская,
С.Займов, А.М.Федоров



К.Бальмонт во время поездки в Болгарию.
Слева направо: Е.Попдимитров, С.Займов,
Е.К.Цветковская, А.М.Федоров, К.Д.Бальмонт, Н.В.Ракитин
Из архива С.Димитровой



М.М.Шкапская. Начало 1920-х.



И.Эренбург. Начало 1920-х



И.С.Шмелев



А.Л.Толстая



Слева направо: С.Л.Бертенсон, В.И.Немирович-Данченко, М.Гест, Л.Д.Леонидов

первые отклики эмигрантской печати на явление творца «Потемкина» были если не сочувственными, то вполне нейтральными:

С.Эйзенштейн показал в Берлине свой новый агитационный фильм «Генеральная линия», посвященный «героизму будней и пафосу машин». Модный советский кинорежиссер отправляется на год в Голливуд по приглашению «Объединенных Артистов». Здесь он не собирается «обамериканиваться», а намерен крутить по своему советскому методу стопроцентный звуковой фильм. По возвращении из Америки автор «Броненосца Потемкина» приступит к экранной инсценировке «Капитала» Карла Маркса.¹⁰⁵

затеи была ясна искушенным современникам: «Хорошо ему экспериментировать!.. Теперь он собирается ставить “Капитал” Маркса. Я хотел было посоветовать ему поставить к стати уж и учебник арифметики Киселева, но Любович (общий приятель Ромма и Эйзенштейна. – Р.Я.) предупредил меня и предложил Гегелеву “Феноменологию духа”. Шутки шутками, а ведь он “Капитал” либо не поставит, либо поставит тоску и чепуху, но во всяком случае заработает на этом здорово. Малый мягкий, талантливый, в жизни деловой, цепкий» (Из письма Александра Ромма к младшему брату Михаилу от 31 марта 1928. – РГАЛИ. Ф.844. Оп.4. Ед.хр.288). О замысле этого фильма см. также: Из неосуществленных замыслов <<Капитал>>. Из рабочих тетрадей 1927–1928 гг. // ИК. 1973. №1.

За три года до этого в печати обсуждался замысел Луначарского, тоже предусматривавший заграничную экспедицию: «Прологом фильма явится инсценировка первых строк “Коммунистического Манифеста”, его первой фразы – “призрак бродит по Европе” <...>. В эпилоге будет инсценирован лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”» (Красная газета (Л.). 1925. 9 июня. С.2 (веч. вып.)). См. также: «Коммунистический Манифест». Автор-сценарист – т. Луначарский (Беседа с членом правления Т-ва «Межрабпом-Русь» тов. Л.Ю.Кертесом) // ВМ. 1925. 4 июня. С.3.

¹⁰⁵ ПН. 1929. 1 сентября. С.4. Накануне отъезда Эйзенштейна из Москвы киносекция Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) устроила закрытый показ фильма «Старое и новое» для иностранных журналистов и дипломатов (в их числе были сотрудники германского посольства во главе с послом фон Диркеном, японские дипломаты и др.). Советская пресса сообщала: «Картина принята восторженно и имела большой успех» (Иностранные журналисты о «Генеральной» // ГК. 1929. №33, 20 августа. С.1). Месяц спустя парижское издание прокомментировало это событие, ошибочно отправив режиссера в Голливуд: «Известный советский режиссер Эйзенштейн, последняя картина которого “Ligne Generale” на этих днях с большою помпой была показана в Москве всему дипломатическому корпусу, главным представителям прессы и кинематографическим деятелям, в настоящее время находится в Голливуде, где присматривается к современной технике и методам работы. Он считается гостем фирмы Объединенных Артистов и пробудет здесь 12 месяцев, после чего вернется в Россию, и первой его постановкой будет большой агитационный фильм по инсценированному для экрана знаменитому труду Карла Маркса “Капитал”. Остается пожалеть и талантливого режиссера, и русских подневольных кинематографических зрителей, и, наконец, самое искусство экрана, которому мог бы с таким большим успехом служить Эйзенштейн... если бы он был свободен...» (Возрождение. 1929. 28 сентября. С.4).

Тем временем режиссер перешел от слов к делу. После удачно проведенного вечера «сближения советских и немецких киноработников» он вместе с Александровым и Тиссэ был приглашен на первый Международный конгресс независимой кинематографии в Ла-Сарразе близ Лозанны в качестве участника (первоначально представлять СССР на конгрессе должен был Дзига Вертов, но к тому времени его отозвали из Берлина в Москву), а заодно и для представления своих фильмов «рабочей аудитории»¹⁰⁶. Это обстоятельство кое-кого насторожило:

Эйзенштейн съездил в Швейцарию по приглашению «Прометеуса» (то же, что «Спартак» во Франции)¹⁰⁷ для лекций о советском кино. Ему удалось сделать доклады только в одном Цюрихе. Доклады в Базеле, Берне и Женеве были запрещены. Полиция предложила Эйзенштейну и его двум спутникам немедленно покинуть пределы Швейцарии, и киногруппа (18 сентября. – Р.Я.) вылетела на аэроплане в Берлин.¹⁰⁸

Характерно описание показа в Цюрихе фильма «Броненосец “Потемкин”»:

В театре, набитом битком, преобладала рабочая публика, среди которых выделялись своей формой 400 «красных фронтовиков». Стены эстрады были затянuty красным бархатом. При появлении Эйзенштейна руководитель «красных фронтовиков» отдал команду. Фронтовики встали, подняли вверх кулаки, троекратное «Рот Фронт» прогремело в театре. Овация. Докладчик начал с того, что выразил радость: сегодня он может говорить не «многоуважаемые дамы и господа», а просто – «товарищи». Новая буря восторга. Аплодировали, когда броненосец «Потемкин» отвечал залпом по Одессе. Хлопали при встрече броненосца с эскадрой.¹⁰⁹

Тем не менее в первые недели режиссер получил упрек в манкировании пропагандистскими акциями:

...сегодня он (Фридрих Эрмлер) мне рассказывает о московских настроениях: «В Москве о тебе ничего не слышно... В Москве счи-

¹⁰⁶ <Б/н.> Группа Эйзенштейна в Берлине // ГК. 1929. №37, 12 сентября. С.1.

¹⁰⁷ Имеются в виду так называемые общества рабочего кино, действовавшие под эгидой «Межрабпома» в Германии, Швейцарии и Франции. Основной их задачей была пропаганда советской кинопродукции (см.: Муссиак Л. «Друзья Спартака» // КЗ. 2002. №55. С.127-129).

¹⁰⁸ <Б/н.> Швейцарские гастроли Эйзенштейна // ПН. 1929. 4 октября. С.3.

¹⁰⁹ Там же. Ср. с описанием самого режиссера: Р.О'Рук <С.Эйзенштейн>. Группа Эйзенштейна в Швейцарии (Цюрих, сентябрь 1929) // ГК. 1929. №39, 1 октября. С.1. Аналогичные акции проходили и позднее: показ фильма в бельгийском Льеже в январе 1930, например, сопровождался «грандиозной демонстрацией» аудитории, 16 раз прерывавшей выступление Эйзенштейна и показ фильма «Старое и новое» пением «Интернационала» (ГК. 1930. №11, 25 февраля. С.7).

тают, что ты недостаточно колоритно путешествуешь...<...> Вот если бы тебе, – продолжает Фридрих мечтательно, – политически где-нибудь нашуметь...» Я очень сговорчив. «Понашуметь?.. Колориту мало?» ¹¹⁰<...> Погодите. Дайте повод. Дайте срок. Москва будет довольна.

Публичное поведение режиссера за границей во многом зависело от аудитории и обстоятельств. Например, в Ла-Сарразе Эйзенштейн демонстративно дистанцировался от остальных делегатов, так что один из них с удивлением отметил, что он все время «держался в стороне» ¹¹¹. Такое поведение, возможно, мотивировалось практическим расчетом – связь с «интернационалом» радикальных кинематографистов могла помешать деловым контактам с продюсерами коммерческого кинематографа ¹¹². Между прочим, следующий (и последний) конгресс независимых кинематографистов состоялся в следующем году в Брюсселе, но советского делегата на нем уже не было.

Агитационные эскапады Эйзенштейна уместно сравнить и с публичным поведением его учителя во время гастролей в Германии весной 1930. Во время банкета, устроенного в честь Всеволода Мейерхольда театральными деятелями Берлина, режиссер заявил: «Немец по рождению, я забыл свой родной язык и научился русскому. Зато теперь я говорю на всем понятном языке – языке коммунизма...» ¹¹³

Еще более важной, чем пропагандистские акции, заботой режиссера был выпуск нового фильма ¹¹⁴, которым он надеялся повторить ус-

¹¹⁰ См.: Мемуары. Т.1. С.145-146. Об этом см. также: Eisenstein im Deutschland / Ed. O.Bulgakova. Berlin, 1998. Весной 1929 режиссер признался Леону Муссиному: «Когда занимаешься пропагандой, поневоле притупляется вера в пропагандируемое. Все кардиналы – атеисты» (цит. по: Муссинак Л. Избранное. М., 1981. С.237).

¹¹¹ Об этом см.: «Противоположность революционному»: Письмо Ганса Рихтера Дзиге Вертову о Международном конгрессе независимого кино в Ла-Сарразе, 1929 г. // КЗ. 2000. №49. С.209.

¹¹² Соображения на этот счет см.: Мемуары. Т.2. С.327-331; Муссинак Л. Личность гения // Эйзенштейн в воспоминаниях современников. М., 1974. С.207-208; Кавальканти А. Мои встречи // Там же. С.216-217; Монтегю А. В Голливуде // Там же. С.218-221.

¹¹³ Цит. по: <Б/н.> Гастроли Мейерхольда // ПН. 1930. 5 апреля. С.3. В июне театр Мейерхольда приехал на гастроли в Париж и давал спектакли в театре Монпарнас (см.: <Б/н.> Таиров и Мейерхольд // Там же. 11 июня. С.3). Эти представления также сопровождались публичными скандалами. Один из них, например, был вызван Никитой Балиевым, демонстративно покинувшим генеральную репетицию «Ревизора» (Седых А. Мейерхольд в Париже // Сегодня. 1930. 22 июня. С.12).

¹¹⁴ Задолго до его выхода на экран за границей была развернута рекламная кампания: «...весь кино-Берлин страшно интересуется картиной “Генеральная линия”» (Тиссэ Э. «Работали мы с нагрузкой 100%» // КЗ. 1990. №8. С.100 (из письма Тиссэ к режиссеру от 5 марта 1927)).

пех «Потемкина». Но немая картина в новых кинематографических реалиях, несомненно, подорвала бы его репутацию режиссера-новатора, а для ее модернизации требовалась дорогостоящая пост-продукция по озвучиванию ленты.

В начале октября было объявлено о том, что «Эйзенштейн работает в Берлине над звуковым сопровождением своего нового фильма “Старое и Новое”. Звуковую часть делает композитор Майсель, делавший музыку к “Броненосцу Потемкину”»¹¹⁵.

На самом деле начать было решено с проверенного «Потемкина», поскольку к нему уже существовала партитура Эдмунда Майзеля. Этот эксперимент окончился технической неудачей, списанной затем на композитора¹¹⁶, и отменил озвучивание второй картины. В начале февраля 1930 «Генеральная линия» с немецкими надписями, сделанными Белой Балашем, вышла на берлинский экран в отсутствие постановщика¹¹⁷, к тому времени озабоченного другими делами¹¹⁸. Побывав на премьере, эмигрантский наблюдатель констатирует

¹¹⁵ ПН. 1929. 5 октября. С.4.

¹¹⁶ Озвученная версия «Потемкина» была показана в Берлине и Лондоне в начале декабря 1929, но успеха не имела (отзыв см.: ПН. 1929. 13 декабря. С.5). Впоследствии режиссер сетовал на непоправимую ошибку композитора, попытавшегося совместить музыкальный темп со скоростью проекции, что привело к асинхронности. См. об этом: Мемуары. Т.2. С.96-98; *Эйзенштейн С. Метод*. Т.1: Grundproblem. М., 2002. С.193. Об этой неудаче см. также: ПН. 1930. 20 октября. С.3. Ср. также со свидетельством мемуариста: «Эйзенштейн пожаловался на то, что музыкой Майзеля мы превратили его фильм в оперу» (*Монтегю А.* В Голливуде // *Эйзенштейн в воспоминаниях современников*. С.222). Ср. с интерпретацией эмигрантского обозревателя: *Волконский С.* Выдыхающееся искусство. 2. О соответствии и совпадении // ПН. 1928. 27 декабря. С.4.

Творческое новаторство Майзеля в звуковую эру было переоценено: «...его первые работы в звуковом кино, вскоре после которых он скончался, показали, что он, умирая, в некотором роде разделил судьбу немого кино: он, видимо, лишь с трудом и неохотно подчинялся законам звукового кино» (*Лондон К.* Музыка фильма. Л., 1937. С.62). Здесь же отметим, что почти одновременно с эйзенштейновским фильмом на берлинские экраны вышел фильм германского экспериментатора Вальтера Руттмана «Мелодия мира» (одну из ролей в нем исполнил Иван Коваль-Самборский), единодушно признанный критиками лучшим опытом «синтеза изображения и звука» (<Б/н.> Новое искусство // Возрождение. 1929. 6 декабря. С.4).

¹¹⁷ Информацию о премьере см.: ГК(Л.). 1930. №3, 16 февраля. С.3; *Ольди*. «Генеральная линия» в Германии // Там же. №10, 21 марта. С.3.

¹¹⁸ Ср. с сообщением, хронологически закрывающим сюжет с озвучиванием фильма: «Московский кинорежиссер С.М.Эйзенштейн, командированный за границу для ознакомления с современным состоянием кинематографии, отправил в Москву тревожное донесение: “Очень опасаясь, что советский фильм утратил свое мировое значение в связи с почти полным вытеснением немого фильма во всем мире. Наш киноэкспорт только потому, что у нас производится

вал, что этот «эксперимент, понятный миллионам», оказался недо-ступен для просвещенной Европы:

То, что показано теперь в Берлине под названием «Борьба за землю», есть скучнейший, бездарно задуманный и лишь постольку не бездарно осуществленный «социальный заказ», поскольку даже нелепость этого «заказа» не могла совершенно погасить огромного дарования Эйзенштейна. Но «заранее обдуманное» преступление по отношению к искусству, подтасовка единичных мелочей под истинно-жизненное большое и общее не могли пройти безнаказанно даже для большого таланта. Во всей фильме ни одной новой, оригинальной технической идеи, т. е. никакого следа от того, чем так силен и значителен был московский режиссер, <...> все это квази-художественная дешевка, не искупаемая богатством крестьянских типов, красивой фотографией, изумительным темпом, в котором проносятся перед вами отдельные картины.

Я был на премьере. Слышал недоуменные разговоры немцев, выходявших из кинематографа: они не могли понять, зачем им показывают эту картину? В Германии изготавливаются хорошие тракторы, которые поставляются за границу? Им это прекрасно известно. Что в нормальных сельских хозяйствах применяются и другие машины, рационализирующие производство, — это знает здесь каждый школьник. В чем дело? Россия выписывает некоторое количество таких машин, пытается отойти от примитивных форм хозяйства? Слава Богу, но разве русское правительство рассматривает свою родину как страну дикарей с тихоокеанских островов? Ведь демонстрирование с пафосом таких примитивных зрелищ есть выдача на весь мир расписки в собственном убожестве. Элементарная грамотность есть для европейца самоочевидность, и открытие новой народной или сельскохозяйственной школы он не рекламирует на всю вселенную, как некое невиданное достижение.

<...> Если вам в течение часа с четвертью подносят примитивнейшую канитель, вам становится безмерно скучно — и почти ни одного хлопка не раздастся, когда на экране заиграло радостное слово «конец». Эйзенштейн приложил величайшие старания, чтобы сорвать «под занавес» рукоплескания, — с большим мастерством сделал он заключительную картину «прогресса»: по бесконечным равнинам и холмам тянется длинная цепь тракторов, переваливающих через ухабы, каменистые поля, канавы. В этот момент зрители награждают режиссера аплодисментами, но покрыть этим эпилогом скуку всей картины, ее нудное однообразие, ее казенщину, бездушную нарочитость — не в силах и заключительный момент. С потуханием последнего луча на экране потухают и рукоплескания. <...> Картина провалилась. Ее неуспех обеспечен — и материальный, и пропагандистский; вероятно, и

для комсомольца это – смертельно скучно, а для нормального европейца – утомительно и сверхъестественно глупо. Момент для демонстрации именно этой фильма большевики избрали чрезвычайно неудачно: именно теперь нужно было бы для поднятия советского престижа более сильнодействующее средство.¹¹⁹

В других обстоятельствах провал премьеры был бы весьма болезненным ударом для его создателей, но эта неудача не шла ни в какое сравнение с другими проблемами, сопровождавшими их в заграничных странствиях. В последних числах сентября стало известно о новой катастрофе:

Кинематографическая компания «Дерусса», распространявшая в Германии советские фильмы, прекратила платежи. Пассив достигает 3800000 мар<ок>. Компания эта была учреждена в 1927 г. специально для распространения в Германии продукции «Совкино». Крах «Дерусса» вызвал некоторое удивление в кинематографических кругах, так как компания эта делала, по слухам, отличные дела. Образован комитет кредиторов для ознакомления с делами и отчетностью компании. Главным акционером «Дерусса» состояло <советское> торгпредство в Берлине. Директор Совкино <К.Шведчиков> экстренно прибыл из Москвы в Берлин в связи с крахом «Дерусса».¹²⁰

Внутреннее расследование, спешным порядком проведенное московским эмиссаром, перевело хозяйственную сторону дела в поли-

¹¹⁹ Волковъский Н. «Генеральная линия» // Сегодня. 1930. 15 февраля. С.2 (частично воспроизведено: <Б/н.> «Генеральная линия» // ПН. 1930. 21 февраля. С.6). Ср. с мнением советского кинематографиста: «Сценарно вещь сделана по линии дешевой, элементарно-грубой и фальшивой агитки. Проблема обнищавшей и индустриализирующейся русской деревни разрешена несколькими еврейскими анекдотами, более или менее остроумными. Стилистически картина, во-первых, эстетская, а во-вторых, – вполне лишенная национального колорита. Русская деревня не почувствована ни композиционно, ни по ритмам. Все фальшиво, все надумано, неубедительно, стилизовано “под русское”. Работа исполнителей – убогая, все сводится к тому, что исполнитель или начинает улыбаться, или мрачнеет, или просто берется как статическая маска. <...> Русская деревня по своей лирической, печальной стихии не терпит эксцентрического, фокусного, балаганного подхода, с которым подошел Эйзенштейн...» (цит. по: Олег Фрелих: Человек «не советских настроений...»)... С.139 (из письма Фрелиха к жене от 10 ноября 1929). Схожим было и восприятие прототипов фильма: Латышев Н. Старое и новое в «Старом и Новом». Из деревенских откликов на фильм Эйзенштейна // Рабочий и искусство. 1929. 15 ноября. С.3.

¹²⁰ Крах «Дерусса» // ПН. 1929. 28 сентября. С.2. Первой обратила внимание на этот скандал, и в самом деле имевший уголовную подкладку, берлинская газета: <Б/н.> Подсчитали... прослезилась // Руль. 1929. 18 сентября. С.3; <Б/н.> Берлинское торгпредство. Уголовные махинации // Там же. 22 сентября. С.3; <Б/н.> Торгпредский скандал // Там же. 25 сентября. С.1; <Б/н.> Собрание акционеров «Деруссы» // Там же. 27 сентября. С.1; 29 сентября. С.1.

тическую плоскость¹²¹. Главными виновниками случившегося были определены и названы руководители предприятия – партийные функционеры Церер, Поп и главный концессионер Склярц (его преступный умысел доказывался подлинным или мнимым соучастием в убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург в 1919).

История с «Деруссой» стала серьезным поражением не столько «Совкино», сколько всей культурной экспансии СССР на Западе. Помимо финансовых потерь, крах компании блокировал прокат экспортной кинопродукции в европейских странах и сорвал масштабные копродукции – почти завершенную картину «Города и годы» (для нее требовались павильонные и натурные досьемки в Берлине) и еще не начатые, но профинансированные постановки Абрама Ромома, Евгения Червякова и Константина Эггерта. Очевидно, что на возможностях «Деруссы» строили многие свои планы Эйзенштейн и его помощники, отныне предоставленные самим себе в поисках средств к существованию¹²² и устройстве дальнейшей судьбы. Заветные американские визы безнадежно опаздывали, все голливудские партнеры дружно отмалчивались, и эта неизвестность вызывала большую тревогу. Тогда режиссер решил напомнить о себе, причем довольно оригинальным способом: 27 сентября он выступил в эфире берлинской радиостанции с пространством интервью:

Почти три четверти этой беседы было посвящено личной биографии Эйзенштейна. <...> На вопрос о своих планах, создатель пресловутого «Потемкина» заявил, что будет «крутить» <его> в Америке только в том случае, «если ему будет гарантирована полная свобода творчества». О звуковом фильме Эйзенштейн отзывался крайне отрицательно, заявив, что это неудачная переходная стадия, «не укладывающаяся в рамки современного киномонтажа». Не решился Эйзенштейн сообщить слушателям,

¹²¹ «Несмотря на ряд предупреждений со стороны ЦК Межрабпома и других общественно-политических организаций, Совкино продолжало всячески укреплять эту организацию, возглавлявшуюся плеядой спекулянтов и мошенников, привлеченных в данное время к уголовной ответственности берлинской полицией» (Банкротство «Дерусса»: Беседа с тов. Мюнценбергом // ГК. 1929. №39, 1 октября. С.5). Этот случай был использован производственным конкурентом «Совкино» для усиления собственных позиций: после ликвидации «Деруссы» ее функции были переданы фирме «Прометеус» – дочернему предприятию «Межрабпом-фильм», действовавшему в Германии в 1925–1930.

¹²² По свидетельству Дж. Лейды, при отъезде из Москвы кинематографисты имели с собой лишь по 25 американских долларов (Leuda. P.270). Впоследствии парижская печать, а следом за ней и эмигрантская, подчеркивала, что «этот субъект <Эйзенштейн> усиленно здесь сорил деньгами в малоразборчивой по части денег газетно-кинематографической среде, дабы устроить себе и своим хозяевам надлежащую рекламу» (*П.М.<уратов>*. Каждый день // Возрождение 1930. 20 февраля. С.2).

что, как уверяют московские газеты, он хочет загладить позорную неудачу фильма «Генеральная линия» новым трюком – сделать картину по «Капиталу» Маркса.¹²³

Ожидаемого эффекта это заявление не принесло, но неопределенность положения обнаружила и свою выигрышную сторону – отныне режиссер стал по-настоящему автономным от московского начальства, больше озабоченного собственным будущим, чем заботами командированных¹²⁴. Между тем в контексте событий случай с «Деруссой» обретает более глубокий, знаковый смысл, контаминируя в себе многие сюжеты тех месяцев, так или иначе повлиявшие на заграничные странствия Эйзенштейна. Начать с того, что крах этой компании был одним из первых сигналов беды накануне «черного вторника» 24 октября, обвалившего нью-йоркскую биржу и закрывшего «эпоху процветания» западной экономики. «Великая депрессия» губительно сказалась и на кинематографе, похоронив, как выяснилось впоследствии, все европейские надежды московских путешественников.

В то же время в СССР, откуда Эйзенштейн совсем недавно выехал в командировку, происходили «новации», с каждым днем принимавшие все более зловещий оттенок. В конце августа началась «проработка» Пильняка и Замятина, вскоре перекинувшаяся и на кинематографический цех. Одной из первых ее жертв стал молодой сценарист Николай Молодцов¹²⁵, чье творчество оказалось невоспребанным ленинградской киностудией.

¹²³ <Б/н.> Эйзенштейн по радио // Руль. 1929. 1 октября. С.6. См. также письмо Г.Александрова к П.Атташевой от 27 сентября 1929. – РГАЛИ. Ф.1923. Оп.2. Ед.хр.1868).

¹²⁴ В начале весны 1930 все руководство «Совкино» было смещено со своих постов, сама организация подверглась радикальной реорганизации и была преобразована в государственный трест «Союзкино», главой которого был назначен партиец Мартемьян Рютин (ГК. 1930. №15, 15 марта. С.1). Вскоре он был устранен с поста за принадлежность к антисталинской оппозиции, а его пост перешел к бывшему ректору Плехановского института Борису Шумяцкому (<Б/н.> Тов. Шумяцкий – председатель Правления Союзкино // ГК. 1930. №65, 22 ноября. С.1).

¹²⁵ Николай Молодцов (1903–?) – рабор, сотрудник ленинградских изданий «Кинонеделя» и газеты «Кино»; сценарист фильмов «Дети бури» (1926), «Родной брат» (1928), «Золотой клюв» (1928) и др., член Ленинградского отделения Ассоциации работников революционного кинематографа (АРРК). Поводом для травли послужило, по-видимому, перехваченное письмо сценариста к представителю компании «Paramount» с предложением сценария «Нелли». В нем, между прочим, он писал: «Будучи не слишком высокого мнения о своей нации, я взял здесь русских без любования их национальными чертами. Эти люди и русская обстановка взяты как экзотика с учетом интереса к ней западного зрителя, но без его переоценки». Разоблачительная кампания против Молодцова продолжалась до начала ноября 1929. Вот некоторые сообщения советской печати: Молодцовым нет места в советской кинематографии: Комиссия ЛенАРРКа о

Оказывается, Пильняки имеются и среди кинематографических работников, в основном и целом до конца преданных советской власти и непоколебимо работающих под руководством партии.

<...> Среди них наиболее последовательно и ярко отразил эти откровенно-враждебные нашей стране тенденции сценарист Молодцов. Он встречал со стороны наших кинопроизводственных организаций определенные идеологические требования, не выдержал их и обратился за помощью к капиталистическим организациям Германии и Америки с предложением своих услуг. Причем делалось это в таком холуйском тоне, с таким оплевыванием всей нашей кинематографии, на которые мог идти только ренегат.¹²⁶

Новые кандидаты на «чистку» находились по ходу кампании¹²⁷, причем под подозрение попали прежде всего командированные за границу: «По некоторым сведениям (правда, официально не проверенным), советский сценарист Натан Зархи <...>, сидя в Берлине, занимался поставкой сценариев для буржуазных киноорганизаций. Какой квалификации заслуживает такая деятельность? И если это правда, то почему Натан Зархи до сих пор числится в списках советских сценаристов?»¹²⁸. Перепуганный кинематографист поспешил оправдаться, рассказав читателям о том, что, будучи в Берлине, он

Молодцове // ГК(Л.). 1929. №38, 21 сентября. С.2; *Бродянский Б.* Проверить ряды сценаристов // Там же; <Б/н.> Дело Молодцова в ЛенАРРКе // Там же. №39, 28 сентября. С.2; Комиссия ЛООДПИКа о Молодцове // Там же. №43, 27 октября. С.1; <Б/н.> Против пильняковщины в кино // Там же. №44, 5 ноября. С.2. После публичного покаяния сценарист был исключен из профессиональных организаций, правда, с правом восстановления в будущем. Его дальнейшая судьба нам неизвестна.

¹²⁶ *Подольский С.* Направим огонь самокритики на кинематографию. Отдельные работники извращают классовую линию советской кинематографии. Пильняковщина в кино // ГК(Л.). 1929. №37, 14 сентября. С.1.

¹²⁷ О дальнейшем ходе разоблачительной кампании среди кинематографистов и о других ее жертвах см.: *Мей.* Идеологически чуждым элементам нет места в советской кинематографии. Изгнать из рядов АРРК замаскированных врагов // Там же. 1931. №5, 22 января. С.1. Свой голос в хор осуждения счел необходимым включить и опальный экс-нарком Луначарский во время своего официального визита в Париж (пересказ его интервью корреспонденту агентства ЮПИ Левину см.: *Беседа с Луначарским* // ПН. 1930. 20 сентября. С.2-3. О чистках и борьбе с формализмом в советском кино см. также: *Youngblood D.* Soviet Cinema in The Silent Era. 1918–1935. Austin, 1995. P.189–219.

¹²⁸ *Рафалович Д.* Добьем кинопильняковщину. Против продажной связи с капиталистическим миром // ГК(Л.). 1929. №42, 20 октября. С.1. Попутно автор статьи объявил предателями Веру Барановскую и Ивана Коваль-Самборского за участие в зарубежных кинопостановках. После этого сигнала тот же «неистовый ревнитель» затребовал от Зархи письменных разъяснений (см.: *Рафалович Д.* Об осторожности в условиях классовой борьбы // Там же. №46, 17 ноября. С.3).

работал только на своих: для компании «Прометеус» и постановщика Федора Оцепа (в тот период еще числившегося советским режиссером) написал сценарий звукового фильма «Женщина-работница в капиталистическом городе», а для фирмы «Дерусса» подготовил сценарий «Гифтгаз (Ядовитый газ)» по пьесе Мартина Лампеля. Зархи не скупились на подробности:

...сценарий этот сделан по запрещенной за коммунистическую тенденцию немецкой цензурой пьесе <Питера Мартина> Лампеля. Написан для молодого режиссера <Михаила> Дубсона, нашего советского, бывшего торгпредского, работника, которого ко мне направил тов. Трайнин в бытность его в Берлине. Наравне со мною в постановке этой картины приняли участие Александров и Тиссэ, снявшие заключительные сцены этой картины, и С.Эйзенштейн, помогавший молодому режиссеру своими советами. Вот и все мои преступления.¹²⁹

Эти объяснения были тем более необходимы, что положение всех советских граждан за границей резко осложнилось после 2 октября 1929, когда «в результате столкновения между советским поверенным в делах, 1-ым советником полпредства Беседовским, заменяющим в Париже Довгалева, и прибывшим из Москвы чрезвычайным ревизором Ройзенманом на территорию советского полпредства была введена полиция, а сам Беседовский бежал с женой и сыном с рю Гренель и переселился в гостиницу на улице Аркад близ Мадлен»¹³⁰. Какими бы ни были мотивы этого поступка (есть основания думать, что Беседовский и некоторые другие его последователи участвовали в специальной операции советских спецслужб, призванной ликвидировать негативные последствия высылки из СССР Льва Троцкого в феврале 1929), оно стало международной сенсацией¹³¹.

¹²⁹ Зархи Н. Письмо в редакцию // ГК. 1929. №50, 17 декабря. С.3. Примечательно, что Эйзенштейн вскоре отказался от причастности к этой постановке (см.: Садуль Ж. Всеобщая история кино. Т.4. Второй полутом: Голливуд. Конец немого кино. 1919–1929. М., 1982. С.386). Между прочим, упомянутая пьеса Лампеля была запрещена к представлению цензурой в начале марта того же года (<Б/н.> «Ядовитый газ над Берлином» // Руль. 1929. 7 марта. С.4), а ее автор, деливший свои политические симпатии между коммунистами и нацистами, пользовался сомнительной репутацией в художественных кругах германской столицы.

¹³⁰ <Б/н.> Скандал на рю Гренелль // ПН. 1929. 4 октября. С.1. См. также: <Б/н.> Бегство парижского полпреда от чекистов // Возрождение 1929. 4 октября. С.1; <Гессен И.> Планетарный скандал // Руль. 1929. 4 октября. С.1; Л.В. Невбывалый скандал в парижском полпредстве // ИР. 1929. №42, 12 октября. С.4–5.

¹³¹ «До этого ни один советский правительственный служащий или штатный агент ОГПУ не просил политического убежища за границей, не говоря уже о дипломате» (Брук-Шеферд Г. Судьба советских перебежчиков. Нью-Йорк; Иерусалим; Париж, 1983. С.91). Ср. с оценкой современника: «Прыжок Беседов-

Самой большой неожиданностью поступок Беседовского стал для его сослуживцев. Об их растерянности и дезориентации свидетельствует поведение близкого друга беглеца – посла Довгалевского. Об этом, злорадствуя, сообщает парижская газета:

Положение резко изменилось с того дня, – рассказывает один из быв<ших> сотрудников торгпредства, – как Г.З.Беседовский, выражаясь марксистской формулой, «совершил прыжок из царства необходимости в царство свободы». Довгалевский собрал специальное собрание и прочел доклад... о вреде «Последних Новостей». «Конечно, – заявил он, – никто из нас не верит эмигрантской печати, но, читая изо дня в день, незаметно отравляешься ею; забываешь, откуда вычитал те или иные факты и рассуждения, поддаешься их влиянию. Поэтому надо решительно это прекратить и следить за тем, чтобы никто из товарищей не читал». <...> Чтение «Последних Новостей» стало тайным... Газета исчезла со столов ответственных служащих торгпредства.¹³²

Реакция Москвы на бегство Беседовского была скорой и жесткой: он был объявлен вне закона¹³³, а сотням советских граждан, находившихся на тот момент за границей, было предписано немедленно вернуться на родину. Среди них нашлось немало тех, кто догадывался о последствиях исполнения этого приказа, и предпринял поступить по примеру Беседовского, объявив себя «невозвращенцами»¹³⁴. В течение нескольких недель их число в разных странах достигло многих десятков, если не сотен¹³⁵, и зарубежье всерьез заговорило о

ского, бесспорно, имел весьма значительные последствия. Он ничего не вывел нового, неизвестного; но он подтвердил известное для не веривших, расширил сразу и значительно круг лиц, раньше не знавших и узнавших. <...> Беседовский, спасая себя, сделал нечаянно большое дело» (<Гессен И.> Последствия прыжка // Руль. 1929. 26 октября. С.2).

¹³² Н.П.В<акар>. Советская колония в Париже и... «Последние Новости» // ПН. 1938. 3 мая. С.5.

¹³³ В соответствии с декретом ВЦИК СССР от 21 ноября 1929 в январе следующего года специальная сессия Верховного суда СССР заочно приговорила беглеца к смертной казни (<Б/н.> Дело Беседовского в Верховном суде // ПН. 1930. 7 января. С.1; <Б/н.> Комедия суда над Беседовским // Там же. 14 января. С.3; Беседовский З. Моим обвинителям // ИР. 1930. №4, 18 января. С.1-2; Седых А. Из полпредства в гараж. Как живет и что делает Беседовский? // Жизнь и суд (Париж). 1930. №3, 27 апреля. С.6-7).

¹³⁴ В те же дни указанный декрет был распространен и на родственников «невозвращенцев» (Lex Беседовский // Руль. 1930. 18 января. С.1; То же. // ПН. 1930. 19 января. С.1). В мае 1930 Совнарком принял особое постановление: по возвращении в СССР командированные обязаны были отработать на своих предприятиях двойной срок пребывания за границей (Правда. 1930. 25 мая. С.2).

¹³⁵ Уже к лету 1930 наблюдатель с удивлением отметил появление в Париже «внутрительной колонии “невозвращенцев”» (Седых А. Сенсации русского Парижа // Сегодня. 1930. 7 июня. С.1). Точные цифры до сих пор остаются неиз-

«третьей волне» эмиграции, не питая, впрочем, доверия к ее представителям¹³⁶. Группу «невозвращенцев» составила весьма специ-

вестными. В докладе на XVI съезде партии Орджоникидзе определил их число примерно в 200 человек, особо выделив среди них «ветеранов коммунизма» (См.: Возрождение. 1930. 7 июля. С.1). Подсчеты, сделанные в эмигрантской среде, превышали эту цифру, но не были сведены воедино. Ср.: «Число мелких служащих, ушедших от большевиков в невозвращенцы, исчисляется уже сотнями. В Англии невозвращенцев сейчас – 23, в Германии официальных невозвращенцев – 80. <...> В Европе нет страны, в которой не было бы “невозвращенцев”» (<Б/н.> Невозвращенцы // Там же. 13 июля. С.1).

Основные персонажи и хронология их бегства устанавливаются по материалам эмигрантской печати: <Б/н.> Почему бежал Устинов // Руль. 1929. 27 ноября. С.3 (о деле бывшего советского полпреда в Афинах); <Б/н.> По примеру Беседовского советник стокгольмского полпредства Димитриевский <так!> // ПН. 1930. 7 апреля. С.1; Димитриевский С. Как и почему я порвал с большевиками (Письмо в редакцию) // Там же. 15 апреля. С.2; А.Б.<айкалов>. «Невозвращенцы» // Там же. 8 апреля. С.1; <Б/н.> Что говорит Беседовский №3-й. Рука Москвы всюду страшна // Там же. 1930. 22 апреля. С.1 (разоблачения бывшего морского атташе в Швеции А.Соболева); <Б/н.> Рука Москвы всюду страшна // Сегодня. 1930. 22 апреля. С.1; Беседовский № 3 о своем разрыве с сов<етской> властью // Там же. 23 апреля. С.3; 19 мая. С.1 (о заочном смертном приговоре восьми сотрудникам парижского торгпредства, отказавшимся вернуться в Москву); <Б/н.> Иск «невозвращенца» Давыдова к СССР // Там же. 14 июня. С.2 (о бывшем директоре совместной советско-германской авиакомпании «Deruluft» А.Давыдове, отказавшемся возвращаться в СССР); <Б/н.> Еще один невозвращенец // Там же. 16 июня. С.2 (о представителе Госторга в Париже Л.Н.Гольдштейне); <Б/н.> Почему гельсингфорский торгпред <С.Эрсиньян> отказался вернуться в СССР // Там же. 22 июня. С.3. Еще более скандальными были разоблачения беглых чекистов Георгия Агабекова, Андрея Смирнова и др., в те же месяцы попросивших убежища на Западе. Время от времени этот процесс сопровождался человеческими трагедиями, см.: <Б/н.> Самоубийство жены коммуниста // Там же. 2 мая. С.3 (самоубийство жены сотрудника берлинского торгпредства Попова после вызова ее мужа в Москву); <Б/н.> Лучше смерть, чем возвращение в Москву // ПН. 1930. 10 июня. С.1; Тысяча и одна ночь, или тайны советского торгпредства (Почему я бежал с поезда и покушался на самоубийство у советской границы): Сенсационные разоблачения б<ывшего> члена парижского торгпредства М.В.Наумова // ИР. 1930. №34, 16 августа. С.1-2, 4, 6; №35, 23 августа. С.6-8; №36, 30 августа. С.10-11. В ноябре 1929 советский инженер Хачатуров, командированный на один из американских заводов, получил неожиданное предписание вернуться на родину. По приезде в Берлин он узнал о возможном аресте и вернулся в США, где вскоре покончил жизнь самоубийством. Газетная заметка о нем заканчивалась вопросом: «А может быть, это не самоубийство?» (см.: ПН. 1930. 8 июня. С.2).

¹³⁶ Ср.: «Сначала бежали в одиночку, теперь бегут пачками, причем среди бегущих начинают все чаще встречаться такие крупные экземпляры, которым было бы, пожалуй, лучше пойти ко дну вместе с остальной командой. И каждая такая крыса, выскочив благополучно на сушу, считает своим долгом заявить, что проснувшаяся в ней совесть не позволяет ей находиться на корабле, руководимом явно ненормальными капитанами» (С.Е-в. Почему они бегут // Возрож-

фическая публика – служащие советских заграничных учреждений и их семьи, командированные специалисты, студенты и эмигранты-«возвращенцы», принявшие подданство СССР. Особый психологический строй этих людей, не отмеченных общностью политических убеждений, охарактеризовал эмигрантский наблюдатель:

В своем огромном большинстве это средние русские интеллигенты, часто оставшиеся на большевистской службе по мотивам идейного характера. Многие из них, несомненно, искренне и честно полагали, что они должны своими знаниями, опытом и способностями помочь экономическому возрождению России, что они не могут оставаться сторонними зрителями того процесса, который на их глазах совершается на родине. Они, конечно, видели всю безалаберщину большевизма и понимали гнусность и отвратительность его политической системы. Но мирились с этим как с печальным, но неизбежным фактом, полагая, что жизнь заставит большевиков образумиться и что экономический процесс возрождения страны мало-помалу переработает большевизм во что-нибудь более отвечающее нуждам и интересам русского народа.

<...> И вот для советского служащего наступает трагический момент. На примере многих своих сослуживцев он уже убедился, что откомандировка в Россию повлечет для него в худшем случае арест, в лучшем – длительную безработицу в ужасных условиях советского быта. Возможность не то что приносящей удовлетворение работы, но даже простого человеческого существования исключена. Стоит ли при таких условиях возвращаться на родину?¹³⁷

Особняком держались те, кто прежде принадлежал к партийно-советской номенклатуре. Демонстративно сторонясь антисоветской эмиграции, они подчеркивали принадлежность к истинному, гонимому Сталиным, «ленинизму»:

«Невозвращенцами» не рождаются, «невозвращенцами» делаются, и делает их только нынешняя советская обстановка в заграничных торгпредствах и полпредствах. <...> Куда делись лозунги Октября? Где ленинские соратники? Где кипучая партийная активность, где внутрипартийная демократия? Где все, что нас, рядовых партийцев, волновало и звало? Где партийная товарищеская спайка? Все стерто, и остались только бесконечные грозные окрики

дение. 1930. 7 августа. С.2). См. также: *Милюков П.* 1) Листки из дневника. Активизм невозвращенцев // ПН. 1930. 27 апреля. С.2; 2) Листки из дневника. Психология «людей оттуда» // Там же. 4 мая. С.2; *Рафаил.* Три эмиграции // Борьба. 1930. №9, 5 октября. С.3-4; *Юрьев К.* <Волковыский Н.> Третья эмиграция // Сегодня. 1930. 31 мая. С.2; *Рысс П.* «Третья эмиграция» // Возрождение. 1930. 11 июня. С.2; *Деспотули В.* Новые эмигранты (письмо из Берлина) // Там же. 12 июня. С.2.

¹³⁷ *Байкалов А.* Трагедия невозвращения // ПН. 1930. 9 мая. С.2.

Сталина, его директивы, его инструкции, его выступления, его замечания и т.д. Пришла пора угодничества, подхалимства, доносительства, подсиживания, карьеризма. Все боятся друг друга. Партийцы скрывают свои мысли. <...> Сколько я видел приезжающих товарищей из СССР, которые в интимной обстановке, случайно, признанием от чистого сердца жаловались на удушающую обстановку. <...> Ныне спрашивают «невозвращенцев»: «Что же вы молчите? Вы сами же виноваты <...>». Да, мы виновны, но мы ждали, мы верили, что это все преходящее. Мы верили в творческие силы многомиллионных масс трудящихся Союза, и мы продолжаем до сих пор верить в это. Массы разбужены, массы будут требовать. Сталинская деспотия близится к концу.¹³⁸

Фигуры многих «невозвращенцев» были столь колоритными, а обстоятельства их разрыва с СССР – подчас столь экзотическими, что на некоторое время этот персонаж превратился в объект общего интереса, став даже героем литературных произведений, как, например, в международном бестселлере норвежского писателя Свена Адлона «Беглец из Кремля»¹³⁹.

Свои «невозвращенцы» нашлись и среди кинематографистов. Партиец Вацлав Сольский¹⁴⁰, приехавший на длительное лечение в Германию, настойчиво просил Москву отсрочить возвращение и не придавать огласке его личную ситуацию, но эти просьбы возымели обратный эффект: сам того не желая, он оказался в проскрипционных списках и попал под колесо общественного поругания.

Господин Сольский болен. Но разве десятки и сотни тысяч партийцев, истрепанных в годы подполья, гражданской войны и разрухи, не продолжают вести нечеловечески интенсивную работу в нашей стране?! Разве вообще болезнь может послужить причиной выхода из партии? Разве из-за болезни можно стать предателем по отношению к пролетарскому государству и остаться за границей? Нет, болезнь свою господин Сольский использует лишь для того, чтобы прикрыть грязный и шкурнический акт де-

¹³⁸ Железняк С. Еще о невозвращенцах // Борьба. 1932. №21/22, 1 марта. С.2-3. Эта псевдопартийная оппозиция даже объявила о создании своего подполья в СССР: «Организуйтесь в двойки, тройки, в пятерки, в группы. Ищите связи с нами. Шлите информацию. В решительный момент вы услышите наш боевой призыв!» (Другов Ф. Об организации // Там же. 1931. №13/14, 20 февраля. С.2).

¹³⁹ Русский перевод романа печатался с продолжением в рижской газете «Сегодня» осенью 1930.

¹⁴⁰ Польский литератор Вацлав Александрович Сольский (наст. фам. Панский; 1897–1990) – один из первых биографов вождя Советской России, выпустивший в 1921 в Берлине книгу «Ленин». В 1921–1925 – берлинский и парижский корреспондент «Известий». В 1926 приехал в Москву и выдвинулся в руководящий состав ВАППа и АРРКа, занимал пост начальника сценарного отдела «Совкино» и т. п. О нем см. также: Беньямин В. Московский дневник. М., 1997. С.38-41.

зертирства. <...> Для нас его имя становится таким же презренным, как имена Беседовских, Бадьянов, продажных мерзавцев, перебежавших в лагерь классовых врагов.¹⁴¹

Назвав поведение Сольского «позорным дезертирством», его московские коллеги единодушно постановили:

АРПК клеймит позором предателя, перебежчика в стан врагов, исключает его из своих рядов и призывает всех зарубежных друзей революционного кино объявить бойкот дезертиру и предателю господину Панскому-Сольскому. Правление АРПК обращается к правительству с просьбой о лишении предателя и изменника делу рабочего класса Панского-Сольского советского подданства.¹⁴²

В отличие от Сольского, вскоре отошедшего от публичной деятельности, случай с другим московским кинематографистом, получившим международное признание за исполнение главной роли в фильме «Потомок Чингис-хана», мог обернуться еще большим скандалом.

Первые сообщения о пребывании во Франции Валерия Инкижинова выглядели вполне безобидно:

В Париже гостит сейчас киноартист В.Инкишинов <так!>, исполняющий главную роль в фильме В.Пудовкина «Буря над Азией». <...> 28 октября <1929> Инкишинов будет присутствовать на вечернем сеансе своего фильма в театре «Колизе».¹⁴³

Эта картина имела шумный успех, не сравнимый ни с одной советской постановкой, и продержалась на зарубежных экранах несколько лет (в Париже, например, она демонстрировалась до конца 1932). Исключительные художественные достоинства фильма были признаны даже эмигрантскими критиками, обычно не склонными к похвалам в адрес метрополии¹⁴⁴, хотя мастерство Инкижинова ввело

¹⁴¹ <Б/н.> Господин Сольский «болеет» // ГК. 1929. №49, 10 декабря. С.6.

¹⁴² <Б/н.> Предатель // Там же. Другой российский кинематографист попытался самореабилитироваться, но вряд ли был услышан: «Негодяи распространяют слухи, что я эмигрировал из моей советской страны. Верят этому и хорошие люди. То, что меня не оставляет в покое клевета, говорит мне, что я существую и остаюсь самой собой. Живу и работаю только во имя революции великого русского театра. Мое задлвившееся пребывание за границей не должно вызывать сомнений» (Глаголин Б. Письмо в редакцию // Известия. 1929. 21 ноября. С.5).

¹⁴³ См.: ПН. 1929. 25 октября. С.5. В Париже демонстрация картины началась еще в мае (см.: <Б/н.> «Буря над Азией» // Там же. 10 мая. С.4).

¹⁴⁴ Ср.: «...судить о достоинствах этого замечательного фильма по его политической тенденции не приходится. Слишком в нем много чисто художественных достоинств, тем более что вся тенденциозная сторона фильма – наименее интересна и художественна. <...> Еще существуют враги кинематографа. Среди же друзей есть и такие, что предсказывают конец этого рода искусству. Пудов-

всех в заблуждение – поначалу он, профессиональный актер и ученик Всеволода Мейерхольда, был принят за случайного натурщика, что еще более повысило к нему интерес французских продюсеров¹⁴⁵.

Получив предложение участвовать в зарубежной кинопостановке, актер поступил в соответствии с нормами советской лояльности. Согласие на съемки он дал не сразу, но лишь после разрешения Москвы¹⁴⁶. Съемками, продолжавшимися несколько месяцев в Ниц-

кин, однако, доказал, что возможности этой отрасли искусства неисчерпаемы и что, может быть, кино только приступает к выполнению своих прямых задач, ничего общего с задачами театра не имеющих... Молодец! Жалко, если он большевик!» (*Философов Д.* «Буря над Азией» // За Свободу! (Варшава). 1929. 7 апреля. С.4).

¹⁴⁵ «Инкишинов (Тимур) – актер, подобного которому мы еще никогда не видели на экране, почти не мимирует: неподвижная бесстрастная маска, под которой таится такая сила страсти, ненависти и ярости, что зритель не в силах оторваться от этого широкого, свирепо-нежного лица. И когда после напряженных и острых эпизодов борьбы – степь взматывается неистовым вихрем мятежа, и она несет полчища всадников на бешеных кобылицах, когда из застылости взлетает буря лошадиных грив, разметанных знамен и ошестинившихся винтовок и захватывает дух от ветра, скачки и мчащихся туч – Тимур, потомок Чингис-хана – впереди всех, как олицетворение стихийной силы, как сама степь, принявшая вид человека» (*Мочульский К.* «Буря над Азией» // ПН. 1929. 11 октября. С.3).

«То, что дает новой вещи Пудовкина такое исключительное значение, – это, прежде всего, игра актера, играющего главную роль. Открытый Пудовкиным, монгол (бурят?) Инкишимов <так!> больше, чем выдающийся актер, – это художник, произнесший «новое слово», создатель нового стиля игры. Этим стилем наконец преодолевается театральность, до сих пор державшая в плену весь «серьезный» кинорепертуар. На место театральной мимики Яннингсов и Барановских становится подлинно кинематографический стиль маски. <...> «Маска» Инкишимова бесконечно разнообразна и выразительна, несмотря на свою неподвижность. Это настоящая *игра*, но игра очень строгого стиля. <...> Опасно, конечно, предсказывать, но думается, что в истории кино Инкишимов займет место, близкое к Чаплину» (*Святополк-Мирский Д.* «Потомок Чингис-хана» // Евразия: Еженедельник по вопросам культуры и политики (Париж). 1929. №22, 20 апреля. С.8). Успех пудовкинского фильма у французских зрителей был настолько велик, что даже появился роман по его сюжету, написанный Шарлем Рено (информацию об этом см.: ПН. 1929. 5 октября. С.4). С подозрением отнеслись к творчеству актера лишь принципиальные оппоненты советской кинопродукции (*Рысс П.* Кинематографическая пропаганда // Возрождение 1930. 8 марта. С.2; *П.М<уратов>*. Каждый день // Там же. 18 октября. С.2).

¹⁴⁶ «После долгих колебаний артист-монгол Инкишинов, наконец, окончательно сговорился с администрацией Бийанкурских студий относительно сценария и роли, которую он будет исполнять...» (<Б/н.> «Желтый капитан» // ПН. 1929. 22 ноября. С.4). Ср. также: «Советская печать уверяет, что В.Инкишинов («Буря над Азией») выехал в Париж всего лишь на месяц и затем вернется обратно. Этот срок давно уже прошел, а советский «Тимур» ни с места» (Там же. 29 ноября. С.5); «В Москве ожидают возвращения Валерия Инкишинова для

це и Париже, дело не ограничилось, а последовали новые предложения¹⁴⁷. Чем дальше отдалялось возвращение актера, тем больший интерес он вызывал у русских парижан. Одним из самых горячих поклонников инкижиновского таланта стал Сергей Волконский:

Конечно, в нашей памяти он навсегда останется связан с «Бурей над Азией». <...> сидя в парижском кафе, смотря на его щегольский европейский вид, слушая его сочную русскую речь, картинную, увлекательную, я видел в подвижных черных глазах великую, глубокую, неразгаданную Монголию, – вставали степи и пустыни, стада в нескончаемом движении, как переселение народов, коричневые лица, скуластые, со щелками вместо глаз, с бесчисленными морщинками, белыми, избегавшими загара. И чуялась стародавность обычая, недвижность бытовых укладов... Но не поручусь, что, если когда-нибудь мы встретились бы в монгольской юрте, в запахе кожи, бурдюка и сена, не поручусь, что не предстанут передо мной далекие экраны, парижский бульвар, американские небоскребы. И не без приятности было бы, попивая кумыс, с монголом по-французски обменяться и дальними воспоминаниями и ближними обликами и впечатлениями...¹⁴⁸

новой ударной картины. Но советский Тимур <...> предпочел Бианкур. С.С.Шифрин пригласил артиста, своего б<ывшего> коллегу по петербургскому политехникуму, исполнить главную роль в фильме «Желтый капитан» для бианкурской «Секвана-Фильм». По сценарию это – морская драма. Большинство сцен проходит на яхте в открытом море. Режиссирует швед Сандберг. <...> Фильм звуковой, с пением. Декорации г. Шильдкнехта. У аппарата Ф.И.Бургасов» (Там же. 6 декабря. С.5).

¹⁴⁷ «В.Инкишинов, герой фильма «Буря над Азией», закончил свою роль в картине «Желтый капитан» для «Секвана-Фильм» и получил приглашение от шведского кинорежиссера Сандберга выступить еще для второй картины в бийанкурской студии. Возвращение в Москву откладывается» (Там же. 1930. 21 апреля. С.5). О съемках фильма см. также: <Б/н.> «Желтый капитан» // Возрождение 1929. 27 декабря. С.4; 1930. 14 февраля. С.4; ПН. 1930. 21 февраля. С.6; <Б/н.> «Желтый капитан» // Там же. 28 февраля. С.5. В прокате картина получила название «Душа Востока».

¹⁴⁸ Волконский С. В.И.Инкижинов // ПН. 1930. 4 апреля. С.3. Ср. также с его оценкой французского дебюта актера: «Увидеть снова Инкижинова, конечно, большая радость. Но, признаюсь, я к ней готовился с большой опаской. «Буря над Азией» ставила его в такую необыкновенную, сказочную обстановку, что увидеть это скуластое лицо, запечатлевшееся в памяти, как вихрь монгольских пустынь – увидеть его снова в обычной нам «европейской» обстановке, в белом полотняном пиджачке, с морской фуражкой на голове, невольно внушало опасение: а ну как без сказочной обстановки, вне атактистической стихийности, не гологоловый, не на коне, не с обнаженной шашкой, он окажется не столь удивителен? Что, если он предстанет пред нами, как некое развенчанное существо? И он предстал, во всей незаменяемой, сильной, глубокой своей единственности – предстал во всем природном величии, неподражаемой своей мимики» (Волконский С. «Желтый капитан» // Там же. 17 октября. С.4).

В конце концов, Инкижинов остался на Западе. Он не объявлял своего решения публично, но неформальные отношения, установившиеся у него с эмигрантами в первые же месяцы парижской жизни, были очевидным знаком выбора, оставленного Москвой без ответа. Скандал не разразился, видимо, потому, что обе стороны благоразумно решили не привлекать всеобщего внимания к этой истории и молчаливо признали ее свершившимся фактом. Актера ждала долгая, хотя и не слишком громкая экранная карьера, но шлейф славы его самого знаменитого героя остался в мифологии кинематографа¹⁴⁹.

В начале ноября 1929 в Париже появился и Сергей Эйзенштейн, убедившийся в том, что в Германии ему не удастся реализовать свои амбициозные планы. Разумеется, он знал о том, что экономический кризис сказался на французском кинопроизводстве¹⁵⁰, но его притягивала деловая активность голливудских компаний, занявшихся тогда скупкой парижских студий и кинотеатров¹⁵¹, и режиссер надеялся на возобновление утраченных контактов.

Между тем скандалы вокруг Беседовского и других свежеевропейских «невозвращенцев» были в самом разгаре¹⁵², а сопутствующим

По свидетельству дочери А.И.Куприна, тогда же ее отец по просьбе Инкижинова попытался инсценировать для экрана свою повесть «Штабс-капитан Рыбников», но из этой затеи ничего не вышло (см.: *Куприна К.* Куприн – мой отец. М., 1979. С.136).

¹⁴⁹ В 1934–1941 в Париже жил Юл Бриннер (1915–1985) – будущая голливудская знаменитость (нашему зрителю он хорошо известен по фильму «Великолепная семерка» (1959)). Вращаясь в парижских эмигрантских кругах, актер, возможно, свел знакомство с Инкижиновым и, несомненно, знал его роли в кино. Начиная с 1951, Бриннер с успехом репродуцировал типаж российского актера в голливудских постановках, изображая героев разных национальностей и исторических эпох. Добиваясь сходства с прототипом, он даже представлялся журналистам полушвейцарцем-полуяпонцем по имени Тайдже-Хан с острова Сахалин.

¹⁵⁰ По оценкам экспертов, 1929 год был крайне неблагоприятным для французской кинематографии, выпустившей на экраны всего 52 игровые постановки (информацию об этом см.: *Возрождение 1930.* 17 января. С.4).

¹⁵¹ См.: <Б/н.> Холливуд в Париже // ПН. 1930. 20 июня. С.4; <Б/н.> У Парамонунта в Жуанвилле // Там же. 26 сентября. С.4.

¹⁵² О растерянности и страхе, царивших в советской колонии, много писала эмигрантская печать: *Н.А.<лексеев>*. В полпредстве после бегства Беседовского // Там же. 1929. 7 октября. С.1. См. также: *Крюков-Ангарский Н.П.* На советской службе // Сегодня. 1930. 7 сентября. С.5. В это время начались открытая слежка чекистов за «неблагонадежными» сотрудниками советских учреждений Парижа и их массовые увольнения (см., например: <Б/н.> Чистка в парижском торгпредстве // ПН. 1929. 1929. 17 ноября. С.1). Начало этой кампании следует отнести к весне 1929, когда новый советский торгпред Туманов уволил всех сотрудников своего предшественника, опального Георгия Пятакова. Среди них был Павел Садыкер (бывший директор берлинского издательства «Накануне»), занимавшийся закупкой автомобилей. Опасаясь ареста, он отказался возвращаться в

щие им разоблачения советских вождей, а также сведения о подрывной деятельности ОГПУ и Коминтерна на Западе вызвали возмущение многих французов¹⁵³.

Настроения массового антисоветизма московские путешественники почувствовали с первых же дней, судя по тому, что кинематографический Париж встретил их весьма прохладно. 9 декабря Эйзенштейн писал из Лондона директору 1-й Госкинофабрики, заместителю председателя «Совкино» и своему личному покровителю Илье Трайнину:

Судя по тому, что от Вас нет ни строчки, наши письма, по-видимому, не доходят до Вас или Ваши ответы не доходят на наши адреса.

Послали Вам описания того, что видали в звуковом фильме на экране и на всех английских фабриках. <...> Вообще, интересно-го очень много, но подробнее, чем «туристически» ознакомиться, можно лишь поработав на этих аппаратах (узнать их истинные достоинства и дефекты, а не только принципы и устройства).

Мы очень рассчитывали на это – путем соноризации «Ген<еральной> Лин<ии>». Все дело было уже на мази, но коммерческие условия со стороны Совкино настолько невозможны, что, конечно, никаких соглашений достигнуть нельзя было. Коммерческая физиономия советской картины в Англии – абсолютно неизвестна, и никто вязываться в риск не хочет. Это тем более досадно, что в немом виде вообще ни одна картина здесь уже идти не может и для не соноризированных картин – прокат просто закрыт (то же, сколько известно, имеет место и в Америке).

Ограничиваемся, стало быть, Германией, Францией и Испанией! Там картины еще «ходят» немыми. Соноризировать же не на весь мир (после немого пробега) – невозможно, ибо тогда действительно дело не окупаемо. Жаль. Имели случай показать, как надо делать звук, ибо все здесь кругом композиционно более, чем ниже нуля! О наших личных делах Вы, конечно, информированы более, чем обстоятельно Гольверком¹⁵⁴. Знаете, конечно, и о Гомоне.

Вопрос решится, вероятно, в ближайшее время. Пока читаю курс лекций в Лондоне в Film Society¹⁵⁵. Пока же стараемся ви-

Москву (см. об этом: <Б/н.> Разгром парижского торгпредства // Там же. 17 марта. С.1). Через год аппарат этого учреждения подвергся новой чистке (Н.П.В.<акар>. Большевики в Париже // Там же. 1930. 4 апреля. С.1).

¹⁵³ О распространении антисоветских настроений среди парижан свидетельствовал, например, массовый митинг протеста, прошедший 28 декабря 1929. Его участники категорически потребовали от правительства разрыва дипломатических отношений с Москвой (см., например: ИР. 1930. №3. 11 января. С.3).

¹⁵⁴ Неустановленное лицо.

¹⁵⁵ Об этом см.: <Антташева П.??> 1) Группа Эйзенштейна в Англии // ГК. 1929. №48. 3 декабря. С.2; 2) Рабочее кинообщество // Там же. №51. 24 декабря.

деть как можно больше жизни и быта здесь, что значительно поучительнее и интереснее, чем Film-production¹⁵⁶. С этой целью осматрел и Кэмбридж и многое другое.

Что вообще на фабрике? Журналы и газеты читаем регулярно, но это далеко не полно. Что Вас интересует особенно и о чем Вам написать. <...> Не забывайте нас и пишите.

С тов<арищеским> приветом

С.Эйзенштейн¹⁵⁷

В тот же день помощник режиссера описал дела группы более подробно:

Дорогой т. Трайнин.

Или Вы нас вообще презираете, или Вы решили, что если мы уехали, то перестали интересоваться делами Совкино и фабрики нашей. Не знаю?! <...> В связи с тем, что мы все время передвигаемся с места на место из одной страны в другую, Московская почта доходит до нас редко и сильно запоздав. Поэтому каждое письмо из Москвы для нас радостное событие. <...>

В данный момент наша группа в разных странах. Эйзенштейн в Лондоне читает лекции Английским режиссерам, Тиссэ в Швейцарии крутит культурфильм, зарабатывая деньги¹⁵⁸. Я же в Париже веду переговоры с фирмой Гомон о постановке одной картины <...>¹⁵⁹ у Гомона новые тон-ателье стоят без дела и ждут режиссеров.

С.1. См. также: <Б/н.> Советский кинематограф в Англии // Возрождение. 1930. 18 апреля. С.1.

¹⁵⁶ Кинопроизводство (англ.).

¹⁵⁷ Архив РАН. Ф.586. Оп.5. Ед.хр.31. Л.1.

¹⁵⁸ Речь идет о фильме «Женское несчастье – женское счастье», снятом по заказу одной из специальных клиник Цюриха. Вопрос об авторстве картины, сделанной в стиле «левого неприличия», до сих пор обсуждается, но для современников оно было очевидно, и участники советской киногруппы подверглись общественному осуждению: «Известный советский культурфильм “О половой жизни женщины” – зачатие, беременность, роды, выкидыш и т. д., сделанный оператором Тице (так!) под режиссерством Эйзенштейна по сценарию Александрова, швейцарскими зрителями не “оценен”. Этот, по советским меркам, “шедевр” произвел на цюрихскую публику жестоко-омерзительное впечатление. По отзывам местных газет, это “сверхреалистическая порнография, выпущенная под флагом научно-воспитательного фильма”. В результате Федеральный совет, хотя и с некоторым запозданием, запретил дальнейшее демонстрирование этого “культурфильма”» (Возрождение 1930. 23 мая. С.4). Сам режиссер считал выпуск фильма политической, а не художественной акцией (письмо к П.Атташевой от 10 мая 1930; опубл.: КЗ. 1997/1998. №36/37. С.229). О съемках картины см.: Александров. С.119, 121-122; *Монтажю А. В* Голливуде. С.223. О фильме см. также: *Гереб А.* Женское счастье... // КЗ. 1995. №27.

¹⁵⁹ Отношения группы Эйзенштейна с компанией «Гомон» иллюстрируются документами из архива режиссера: письмо компании от 16 ноября 1929 в АРКОС (Лондон) о приглашении кинематографистов на работу в Париж (РГАЛИ. Ф.1923. Оп.1. Ед.хр.2448. Л.1); письмо дирекции «Societe d'exploitation

Поэтому нас и пригласили, предложив нам хорошие условия – хорошую обстановку – хороший (даже с Советской точки зрения) сценарий «Золото»¹⁶⁰.

Эйзенштейн и я вели целую неделю переговоры и умышленно затягивали дело – для того, чтобы использовать Гомоновскую заинтересованность для синхронизации «Генералки». Ждали Шалыто¹⁶¹ – который должен был заменить по этому делу Гольдберга¹⁶², уехавшего в Москву.

Вот теперь приехал Шалыто – и заявил, что синхронизация «Ген<еральной> Лин<ии>» его не интересует и что он приехал устраивать на работу режиссера Оцепа и Анну Стэн¹⁶³.

Кроме того, он весьма не советским и не корректным образом (мягко выражаясь) дисквалифицировал нас – за счет Оцепа – и неизвестными для меня приемами – остановил наши переговоры с Гомоном – продолжая свои.

Я информировал торгпредство и полпредство об этом, и они дело разберут. А пока что я сижу в Париже и занимаюсь общественными делами в Советской колонии.

С Америкой – дела наши я Вам уже описывал. Фэрбенкс будет в Голливуде 6-го января (он сейчас едет из Индии) и тогда сообщит.

Юниверзаль по-прежнему настаивает на договоре на 3-и года и на постановке картины по книге Ремарка «На Западе ничего нового»¹⁶⁴.

des films etrangers» от 18 ноября 1929 о приглашении группы и об оплате всех ее расходов (Там же. Л.2).

¹⁶⁰ Речь идет о сценарии «Золото Зуттера», написанном Эйзенштейном по мотивам романа Блеза Сандра и предназначавшемся для первой голливудской постановки. Об этом замысле см.: Мемуары. Т.1. С.251; Т.2. С.202-206. По свидетельству Александрова, сценарий был написан совместно Эйзенштейном, им самим и Монтегю (Александров. С.137). Текст сценария и его историю см.: *Montague I. With Eisenstein in Hollywood.* <Berlin>, 1968.

¹⁶¹ Шалыто Эфраим Михайлович (1890–1939) – партийный и советский работник; в 1929 член Правления «Межрабпом-фильм», впоследствии один из руководителей ТАСС.

¹⁶² Неустановленное лицо, по-видимому, представитель «Совкино».

¹⁶³ Режиссер и сценарист Федор Александрович Оцеп (1893–1949) и актриса Анна Стэн (1908–1993) приехали в Париж для озвучания картины «Живой труп», которым занималась Жермена Дюлак. Вскоре режиссер узнал, что в СССР арестован его двоюродный брат, основатель, член правления «Межрабпом-фильма» и крупный акционер компании Моисей Алейников – по обвинению в переправке своих доходов на Западе за рубежом банков. Тогда Оцеп принял решение остаться на Западе (см.: *Godin D. Fedor Ozer: A Brief Biography // Griffithiana. Pordenone, 1989. №35/36. P.70*). По-видимому, М.Алейников попал в число фигурантов так называемого «золотого дела» (1929–1930), в ходе которого «превентивно» арестовывались бывшие «инэпманы» – с целью вынудить их сдать излишки средств государству. См. об этом: Сегодня. 1930. 16 февраля. С.1.

¹⁶⁴ Современный вариант названия – «На западном фронте без перемен».

Нестле – в Марте – даст ответ по поводу кругосветного путешествия.

От предложения Британского правительства насчет Африки мы определенно не отказались и тянем до поры до времени.

О десятке более мелких предложений я Вам не пишу, ибо они не представляют интереса.

Мы так долго тянем исключительно из-за синхронизации «Ген<еральной> Лин<ии>», но теперь, мне кажется, провалены все возможности и нам придется выбирать одно из предложений и начинать работу. Мы будем снимать картину только в том случае, если нам без этого не возможно будет дальше изучать технику и производство. Если без этого нельзя будет попасть в Америку.

А если удастся без этого, то мы постараемся не снимать и вернуться как можно скорей, ибо пришли нам в голову блестящие идеи, а их осуществить можно только в СССР.

Тиссэ съемкой культурфильмы по моему сценарию заработал для нас всех две недели зимнего курорта (Сан-Мориц), где мы и пробудем с 24-го декабря – до начала января – где и будем разбираться во всех предложениях – и решать – за что братья.

Но разобраться сейчас нет никакой возможности, потому что мы не теряем ни одной минуты и делаем из каждого дня Академию.

Я оттого редко пишу письма и не пишу пока статей, что мне каждый вечер приходится писать 15–20 страниц дневника – записывая тезисы виденного, слышанного и понятого.

Мой дневник уже перевалил за половину 7-го тома и своевременно будет полезной книгой. <...> Извините за безалаберность письма, но я его пишу в темном просмотровом зале – во время просмотра «Старого и Нового». При первой возможности напишу еще, и если Вы меня запросите об интересующих Вас вопросах, я отвечу подробно и обстоятельно...¹⁶⁵

Адресат отозвался на письма сразу же, мягко попеняв своим попечным за молчание:

Дорогой Сергей Михайлович!

Сразу получил Ваше письмо и письмо т. Александрова. Это первые письма, полученные мною. До сих пор следил за Вами по немецкой и отчасти французской печати.

Мытарства Ваши с «Генеральной линией» мне, отчасти, известны. <...> Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы нас п<р>оинформировали о вещах наиболее замечательных и интересных, которые Вам приходится видеть. <...> Кстати, было бы очень хорошо, если бы Вы были тесно связаны со всеми коллективом нашей фабрики. *Широкие массы наших работников мало о Вас информированы и часто рассуждают о Вас как о «знатных*

¹⁶⁵ Архив РАН. Ф.586. Оп.2. Ед.хр.4. Л.2.

иностранцах». Было бы, например, неплохо, если бы вы прислали письмо в стенгазету нашей фабрики, которая сейчас выходит довольно регулярно и является необычайно важным фактором общественной жизни.

А затем информируйте меня почаще о Ваших делах. <...> Передайте мой привет т. Александрову и т. Тиссе.

Крепко жму руку.¹⁶⁶

Эта одноразовая переписка, не получившая продолжения, проясняет любопытные вещи. Прежде всего, становится понятно, что контакты группы с Москвой оборвались сразу же после ее отъезда из Берлина и вряд ли причиной тому была ненадежность почтового сообщения. Через три недели после приглашения общества «Гомон», на которое в дальнейшем не раз ссылались Эйзенштейн и Александров, группа рассредоточилась по разным странам в соответствии с неким стратегическим планом: лидер группы гастролировал с лекциями и отслеживал общую конъюнктуру кинорынка с точки зрения голливудской перспективы. Его помощник общался в Париже с потенциальными работодателями, и лишь оператор занимался реальным делом – съемками швейцарской «халтуры», зарабатывая для группы необходимые деньги.

Судя по всему, Эйзенштейн и Александров вовсе не были обременены профессиональными заботами до начала января 1930. Первый стремился «видеть как можно больше жизни и быта», внутренне смирившись с «трагедией неозвученной “Генералки”»¹⁶⁷, а второй, как будто бы занятый ежедневной «Академией» и ее протоколированием в дневнике (никому и никогда впоследствии не предьявленном), углубился в «общественные дела» советской колонии, по-видимому, демонстрируя этим гражданскую лояльность группы.

Несмотря на различную тональность посланий Эйзенштейна и Александрова к Трайнину (академически отстраненная у первого и едва скрываемая обида за пустые хлопоты у второго), в них есть и нечто общее: констатация неготовности или нежелания Москвы вкладывать драгоценную валюту в озвучание картины и демонстрация своей активности в переговорах с зарубежными кинофирмами.

Особенно показательно в этом смысле послание Александрова: его перечень кинопроектов – явный блеф, рассчитанный на неосве-

¹⁶⁶ Машинописная копия письма И.Трайнина (после 14 декабря 1929). – Архив РАН. Ф.586. Оп.2. Ед.хр.41. Л.1 (курсив наш).

¹⁶⁷ В январе 1930 Эйзенштейн предложил написать музыкальную партитуру фильма «Старое и новое» композитору Артуру Онеггеру (информацию см.: Возрождение. 1930. 2 февраля. С.4). Возможно, этот проект, не получивший дальнейшего развития, являлся лишь инерцией «задержанного движения» или же был попыткой легализации пребывания во Франции после истечения срока визы.

домленность адресата, поскольку «десятки» деловых предложений успели утратить актуальность к 9 декабря 1929¹⁶⁸. Замысел «Золота» вошел в силу позднее, став первой приманкой для Голливуда¹⁶⁹, экранизация романа Ремарка уже шла полным ходом под руководством другого режиссера¹⁷⁰; компании «Нестле» в разгар экономического кризиса не было дела до рекламных кинопутешествий; и уж тем более очевидно, что британский заказ на африканскую картину после запрета на публичные показы фильмов Эйзенштейна в этой стране превратился в фантазию¹⁷¹.

Тем временем творцам «Генеральной линии» пришло время предъявить свою «творческую визитку» и парижским зрителям – поначалу на закрытом показе. Газета сообщала: «В советском полпредстве на рю Гренель в присутствии ста приглашенных лиц состоялся просмотр новой картины Эйзенштейна “Генеральная линия”,

¹⁶⁸ Легенду об изобилии деловых предложений от европейских продюсеров Эйзенштейн поддерживал и после отъезда в Голливуд. См., например, его письмо к помощнице и пресс-агенту П.Атташевой от 10 мая 1930: «От одного перечня предложений может закружиться голова: “Гомон” <...>, картина южноафриканская и французская; 2 предложения других французских фирм; юбилейная картина независимости Бельгии (предложение через парижское Торгпредство); Развитие негров от английского Trade and Merchant Board; История Ирландии (на крупные ирландские деньги); История Боливара (юбилейный фильм Венесуэлы по всей Южной Америке); Проституция (Марсель, Севилья, Буэнос-Айрес); История Базиль Захарова (на крупные немецкие деньги); два предложения (английск<ий> Гомон и фр<анко>-англ<ийская> компания); “14 июля” Людвиг (для “Universal”), Большая военная картина (ответ Ремарку) для “Tobis-Ufa”, Берлин, любые картины любого характера в Швейцарии для “Praesens-Film’a”, Цюрих и т. д. и т. д. <...> Все это пересыпано постоянным комбинированием и изысканием средств и путей видеть, видеть, как можно больше видеть» (опубл.: КЗ. 1997/1998. №36/37. С.222).

¹⁶⁹ Режиссер писал, что идея инсценировки романа Блеза Сандрара пришла к нему накануне подписания голливудского контракта (см.: Мемуары. Т.1. С.408).

¹⁷⁰ Ср.: «Холливудская фирма “Националь-Фильм” заканчивает съемки фильма по известной книге Ремарка “На западном фронте без перемен”. Ставит картину Левис Мильстон <Льюис Майлстоун>» (<Б/н.> Ремарк на экране // ПН. 1930. 31 января. С.5. См. об этом же: <Б/н.> На Западном фронте без перемен // Там же. 21 марта. С.5).

¹⁷¹ Перекрестное изучение эпистолярного наследия режиссера обнаруживает забавный семантический оксюморон в британской теме. Его иронический отзыв об английской цензуре: «Там один цензор слеп, это для немых фильмов? Другой – глух, это для звуковых?? А третий в период моего пребывания вовсе умер!!» (Мемуары. Т.1. С.148). Ср. с рассказом о знакомстве с Джеймсом Джойсом в Париже, когда слепой писатель признался режиссеру, что ему очень хотелось бы посмотреть «Потемкина» и «Октябрь», а тот, уже знакомый с «Улиссом», получил экземпляр романа в подарок, но оставил его неразрезанным (Эйзенштейн. Т.1. С.486-488; *Эйзенштейн С. Метод.* Т.1: Grundproblem. С.458-459). Об этой встрече см. также: *Муссиак Л.* Личность гения. С.209.

рисующей “достижения” советской деревни»¹⁷². Избранная аудитория Парижа встретила фильм столь же сдержанно, как и берлинская¹⁷³. Эмигрантский обозреватель суммировал общественно-политическую подоплеку данного мероприятия, особо выделив его пропагандистскую направленность:

В соответствующем отделе распространенной газеты «Пари-Миди» читаю отчет о высокоинтересном сеансе, данном для немногих избранных. Место сеанса – советское посольство. Фильм «Главная линия» – произведение советских кинематографистов Эйзенштейна и Александрова. Об Эйзенштейне французский журналист говорит с каким-то трепетным и почтительным восторгом. Вы чувствуете, что в мире Эйзенштейн какая-то очень большая «знаменитость»...

Теперь я вспомнил, что несколько дней назад в той же газете и тот же французский журналист описывал прибытие из Лондона этого самого Эйзенштейна и торжественную встречу его на парижском вокзале. Помню, тогда весь тон его заметки казался мне очень комичным. Действия и слова советского кинематографиста описывались так, как если бы то был один из величайших людей современности. Да, мне показалось это смешно, и я подумал, как все-таки скуден и жалок кинематографический мирок со всеми своими маленькими знаменитостями.

Но только ли это смешно, а главное, безобидно ли. Полно, большевики никогда не делают безобидных вещей! И «слава» Эйзенштейна, стяжавшего лавры свои «Потемкиным», – вещь далеко не безобидная. О да, французские «специалисты», собравшиеся в посольстве СССР глядеть новые достижения кинематографической техники, понимали, конечно, что «Главная линия» <так!> – есть очередной заказ правительства. Но почему бы могли они отнестись с осуждением к той как будто невинной «культурной» пропаганде, которой посвящен этот фильм? Ведь он рассказывает только о том, как темна еще русская крестьянская масса и как сопротивляется она разным полезным нововведениям. Француз верит, конечно, что нововведения эти энергично проводятся большевиками, «просвещенными народолюбцами»; он не прочь и сам снисходительно посмеяться над суевериями старой России, над крестным ходом, например, с молитвами о дожде, если он так талантливо изображен Эйзенштейном. Француз приходит любоваться техникой знаменитого режиссера, но мимоходом и кстати воспринимает он при сем случае те «истины» о России, которые преподносят ему большевики.

¹⁷² См.: ПН. 1929. 27 декабря. С.4.

¹⁷³ Слабый успех фильма среди парижских интеллектуалов заставил одного из друзей режиссера устроить частную вечеринку, на которой «он смог бы побеседовать как с поклонниками, так и со скептиками» (см.: *Муссиак Л. Личность гения.* С.209).

Не ясен ли вам большевистский расчет? Поясню его все тем же примером. «Пари-Миди», как вы знаете, газета довольно здравая. И на первой и на третьей странице охотно печатает она о большевиках ту правду, которая стала, наконец, достоянием и иностранцев. Ну, а на пятой странице? На пятой странице вы найдете восхваление талантов Эйзенштейна, который, очевидно, только за тем и прибыл в Европу, чтобы показывать здесь ту большевицкую ложь, которая в глазах иностранцев может сойти за правду.

Такова тактика большевизма. Там, где их не пускают с чистого хода, они стараются пролезть с «черного крыльца». Находясь в войне с обществом, они вполне резонно ищут все слабые пункты этого общества, которые могут явиться точками приложения для их усилий. И мне нет надобности объяснять здесь, что кинематография и в Европе и в Америке просто в силу никакого <так!> морального уровня тех людей, в чьих руках она находится, являет собой некий слабый пункт. И слабый, и важный, вместе с тем и чувствительный, ибо что же может быть прямее и удобнее этого способа воздействия на массы, которого вообще так жаждут большевики? Один фильм для них, быть может, важнее, чем десяток коммунистических депутатов в парламенте. Тем все равно никто не верит, фильму же могут поверить, уверовав в его технические и художественные достоинства.

Большевики действуют неглупо и осторожно... Первое, о чем заботятся они, это именно заставить зрителя уверовать в технические и художественные достижения советской кинематографии. Для указанной цели была пущена в ход всяческая реклама, были призваны на помощь всевозможные высоко-нейтральные специалисты (от них ведь не требовалась политика!). Большевики понимали, что нужно создать готовое мнение, на которое так падок европеец и американец, надо пустить в ход моду, которой он так легко подчиняется.

И они достигли многого, я сказал бы, совсем незаслуженно многого, если действительно судить советские фильмы с художественной и технической стороны. <...> Никогда и ни в чем не видел я признака большей творческой новизны. Советские кинематографисты ловко варьируют приемы, найденные американской кинематографией. Иногда можно говорить о тщательности работы, о продуманности мелочей, об усердных и добросовестных исполнителях. Все это черты, унаследованные советской кинематографией от долгих традиций русского театрального дела. Но это и все. О выдумке говорить не стану: если в ней нет намеренной подлости, то всегда непременно мелькнет где-нибудь нечаянная гнусность... <...> Мы гордимся, что русские завоевали видное место во многих отраслях западной жизни. Это касается, по видимому, и кинематографии. Кажется, нет такой кинематографической организации, где не было бы русских имен, и притом далеко не среди одних статистов. Есть русские директора, режис-

серы, художники, техники, актерские знаменитости «обоего пола». Ну, а если все это действительно есть, то не пора ли понять этой русской кинематографической армии то, что труднее понять иностранцу, а именно, что под флагом будто бы художественных и технических достижений советского фильма в Европу вторгается самая дерзкая большевицкая пропаганда? А если понять это, то разве нельзя дать, как следует, отпор всем притязаниям советских агентов, даже если среди них есть такие кинематографические знаменитости, как «сам Эйзенштейн»?¹⁷⁴

¹⁷⁴ П. <Муратов>. Каждый день // Возрождение. 1929. 26 декабря. С.2. Укажем, что молодой Эйзенштейн, по его собственному признанию, был усердным читателем и ценителем муратовского пера (см.: Письма к матери. С.202-203; Мемуары. Т.1. С.97).

Ср. с другими отзывами на фильм, получивший во французском прокате название «Борьба за землю»:

1) «Это – интересный фильм. Машины там сознательно вращаются на благо социалистического отечества, коровки сознательно приносят молоко, и вся страна вообще процветает и изо всех сил благоденствует. А так как фильм немой, то так и хочется, глядя на него, сказать словами Шевченко: “на всех языках все молчит, бо благоденствует...” Но главное, в картине совершенно ясно показано, что вся эта деятельность коровок и шестеренок является неизбежным следствием титанической воли гениального вождя мировой революции – товарища Сталина. <...> светлый гений и созданная им “генеральная линия партии” оплодотворяют цветущую и радостную страну, талантливо показанную тов. Эйзенштейном в виде блестящего, но скромного отражения огромной фигуры мирового вождя» (Бажанов Б. О советском зверинце. Маяковский и Эйзенштейн // Возрождение. 1930. 29 апреля. С.2).

2) «Картина Эйзенштейна “Генеральная линия” не имела успеха у тех избранных, кому она была показана. Разумеется, французская буржуазия не способна такие вещи оценить. Нет у нее нужного энтузиазма. Нет чутья. Ей показывают постепенную индустриализацию советской страны, торжество пятилетки, а она зевает. Знаете ли, например, что сказал Эйзенштейну после просмотра “Генеральной линии” один из крупнейших французских кинематографических деятелей:

– Прекрасная картина, шер мосье... Отличные фотографии. Но, видите ли, все это нас не интересует... У нас ведь уже есть тракторы» (Сизиф <Г.Адамович>. Отклики // ПН. 1930. 8 мая. С.3).

3) «Старое и новое. Старое это – самая плохонькая во всей России избенка, крытая ворохом гнилой соломы, какая-то сказочная избушка на курьих ножках; новое это – бетонные постройки совхоза, цементированные хлевы и амбары с модернизированными фасадами и гигантскими окнами. С одной стороны, темная и грязная жизнь русского мужика, сивые бороды, допотопные сохи, с другой – веселое и деловитое оживление на ферме совхоза, опрятно подстриженный затылок колхозника, железная сила трактора. Разница слишком разительна, но как-то ни в чем не убеждает, и эти грандиозные сооружения кажутся такой же сказкой, как и избушка на курьих ножках. <...> Начинается фильм скудной обстановкой мужицкой избы. Из утробы каменной печи валит дым. Старуха ставит в печь горшок. Люлька. Тут же ягненок. Стряпуха будит ухватом мужика. На земляном полу лужа. Потом варварский обычной дележа двух братьев,

Безрезультатность европейской «рекогносцировки», тянувшейся до последней декады января 1930¹⁷⁵, судя по всему, доконала режиссера:

Немало рассказано о разочаровании, испытанном Эйзенштейном после нескольких попыток получить от французских кино-предпринимателей заказ на фильм, который позволил бы ему и его группе продержаться в финансовом отношении несколько месяцев. Сергей Михайлович не учитывал, что в Париже невозможно было снять политически направленный художественный фильм.

– Мои убеждения! – с возмущением восклицал он. – Неужели кто-либо думает, что я могу от них отказаться? Разве мой успех во Франции не основан целиком и полностью именно на воплощении этих убеждений?¹⁷⁶

Не вполне понятно, какой успех имел в виду режиссер, но очевидно, что лишь по возвращении из лекционного тура в Лондон и Амстердам Эйзенштейну представилась замечательная возможность «понашуметь» своими убеждениями перед парижской аудиторией.

Политическая жизнь французской столицы в те недели в прямом и в переносном смысле проходила под знаком «русского вопроса». Еще не успело отшуметь дело Беседовского, как 26 января 1930 разгорелся новый, еще более шумный скандал: советские агенты среди бела дня похитили председателя РОВС генерала Кутепова¹⁷⁷.

Эта дерзкая спецоперация подорвала остатки лояльности Запада к СССР, поставив под угрозу дипломатические отношения Советов не только с Францией, но и с Великобританией, с немалым трудом восстановленные лишь осенью 1929¹⁷⁸. Наблюдателям было понят-

когда даже изба перепиливается пополам. А за деревней необозримые поля, пашни, изгороди. Изгородями, как паутиной, перегорожено все поле. В действительности, никогда клочки земли в десяток квадратных саженей не огораживались, но так нужно было сделать, чтобы трактор снес в финальном моменте все эти неуклюжие сооружения из кольев» (*Ант. Л.<адин>ский*. «Борьба за землю» // Там же. 1931. 13 ноября. С.4).

Ср также с разноречивыми отзывами деятелей французской культуры: Notre anquete sur “La ligne Generale” (Fernand Leger, Charensol, Carlo Rem) // Le Monde. 1930. №32, 6 Mars. Советская печать освещала эти показы только в положительном свете. См., например: *Кросс В.* «Старое и новое» в Париже // ГК. 1930. №5, 25 января. С.4.

¹⁷⁵ К этому времени относятся безрезультатные переговоры с «RCA Photophone», посредником в которых был Лев Никулин. См. его письмо к Эйзенштейну и Александрову от 12 января 1930 (РГАЛИ. Ф.1923. Оп.1. Ед.хр.2010).

¹⁷⁶ Цит. по: *Муссиак Л.* Личность гения. С.208.

¹⁷⁷ См. об этом: *Пяничников Б.* Незримая паутина. ВЧК–ГПУ–НКВД против белой эмиграции. Силвер Спринг (США), 1983; 2-е изд.: СПб., 1993. С.168-193.

¹⁷⁸ См. об этом: *<Гессен И.>* Дело Кутепова // Руть. 1930. 19 февраля. С.2; *<Б/н.>* Когда же будет изгнан полпред? // Возрождение. 1930. 17 февраля. С.1;

но, что похищение непримиримого врага было лишь звеном в общей цепи событий, знаменовавших новую внутри- и внешнеполитическую стратегию СССР¹⁷⁹.

В те дни Эйзенштейн посетил советское посольство (или был туда специально вызван), и увиденное ярко запечатлелось в его памяти:

...здание нашего полпредства в Париже на улице Гренелль – похоже на осажденную крепость.

Вас впускают через тяжелую porte cochere¹⁸⁰ слева, предварительно разглядев в «глазок», потом через цепочку проверив документы.

Все говорят шепотом. Ходят на цыпочках.

Дни и ночи сотрудники полпредства, опоясанные оружием, в очередь несут напряженную вахту.

Особенно зловещий вид всей картине придают опилки, густо рассыпанные по мостовой заботливой рукой предусмотрительных «архангелов» господина префекта полиции.

В любой момент могут сорваться очередные антисоветские выходки. <...> С минуты на минуту может быть une bagarre – стычка. <...> В эти дни тишина зловещая.

Тишина обманчивая.

Об этом беззвучно режут антисоветские листовки, которые по опилкам проносит ветер.

Об этом безгласно кричат вопиющие афиши и призывы, расклеенные по стенам, вплоть до самых ворот полпредства.

Выкинуть «Советы» из Парижа!

Разгромить!

Газеты полны антисоветского воя...¹⁸¹

<Б/н.> Французское правительство обличает агентов Москвы // Сегодня. 1930. 18 июня. С.1; *Седых А.* Назревает разрыв Франции с советским правительством // Там же. 28 июня. С.1.

¹⁷⁹ Анализируя новации политики Кремля в отношении к внешнему миру, зарубежная наблюдательница вернула актуальность подзабытой метафоре: «железный занавес, действительно, опускается» (*Кускова Е.* Железный занавес // ПН. 1930. 23 февраля. С.2).

¹⁸⁰ Ворота (*франц.*).

¹⁸¹ Мемуары. Т.1. С.157-158. О панике, воцарившейся в советской колонии после похищения Кутепова, много писала эмигрантская пресса. См., например: ИР. 1930. №7, 8 февраля (специальный номер, посвященный похищению); *А.С.<Седых>*. Крюков-Ангарский разоблачает. Что происходило в полпредстве после похищения Кутепова // Сегодня. 1930. 10 июня. С.3; <Б/н.> В парижском торгпредстве. Как живут и... не работают красные торговцы // ИР. 1930. №37, 6 сентября. С.6-9. Ср. также с описаниями ситуации в советском посольстве в Германии: *А.П.* Дом №7 по Унтер ден Линден (Письмо из Берлина) // ПН. 1930. 1 апреля. С.3; *Раппопорт А.* В Берлинском торгпредстве. Листки из дневника // Новый журнал (Нью-Йорк). 1974. Кн.116; 1975. Кн.118; 1976. Кн.120.

В начале февраля полпред Довгалецкий обратился к французскому премьер-министру Андре Тардьё с жалобой на преследования граждан СССР в Па-

Этот вербальный монтаж «крупных планов» столь же правдоподобен, сколь и субъективен. Из «кадра» в нем выпали экстренная эвакуация подозрительных для полиции советских граждан, уничтожение и вывоз секретных архивов и другие очевидные свидетельства причастности советских спецслужб к похищению, в подробностях описанные парижской прессой. Возможно, история не имела бы столь громкой огласки, если бы не сопутствовавший ей внутривнутриполитический кризис во Франции, обостренный до предела вызывающей активностью левых кругов, включившихся в пропагандистское прикрытие чекистских операций, и печатная дезинформация. На протяжении нескольких недель Париж пережил череду масштабных анти-советских манифестаций и митингов. В ходе первой манифестации, вечером 11 февраля 1930, около трех тысяч человек попытались подойти к зданию полпредства на улице Гренель, но были рассеяны полицией. 21 февраля и 31 марта эти акции прошли в отдалении от посольства и были локализованы усиленными нарядами полиции¹⁸².

В своем рассказе режиссер воспроизводит детали подлинных событий, но при этом наделяет их обратными смыслами: «осажденная крепость» советского посольства была изолирована от посетителей не только зимой 1930, а всегда – по традиции. Ее действительно охраняли вооруженные сотрудники, но отнюдь не для возможного отпора манифестантам, а на случай отражения возможной полицейской атаки. Подобная стычка уже имела место в 1926, когда лондонская полиция обнаружила в бюро советской торговой организации «Аркас» неопровержимые свидетельства подрывной и шпионской деятельности советских представителей в этой стране. Эта история оставалась на слуху еще и благодаря мытарствам фильма Фрица Ланга «Шпионы», дипломатическими усилиями СССР запрещенного к показу во многих европейских странах¹⁸³. Эйзенштейну, чуткому наблюдателю

риже и попросил освободить 20 представителей советской колонии, арестованных за «совершение поступков, противоречащих французским интересам» (<Б/н.> Протест Довгалевского // Руль. 1930. 6 февраля. С.1).

¹⁸² <Б/н.> Манифестация на рю Гренель // Возрождение. 1930. 12 февраля. С.1. Участники митинга 31 марта потребовали немедленного разрыва отношений Франции с СССР и удержания Довгалевского в качестве заложника до нахождения Кутепова (сообщения об этом см.: ПН. 1930. 1 апреля. С.1; К.Р. Франция и Россия. Митинг протеста против похищения ген<ерала> Кутепова // ИР. 1930. №16, 12 апреля. С.7).

¹⁸³ На парижские экраны картина вышла лишь в сентябре 1928. После переделок, устранивших сходство с историческими персонажами (в частности, с Дзержинским) и реальными событиями, прежде всего, эпизода с «Аркасом», она превратилась в безадресную авантюрную драму: «эффектный по обстановке, декорациям и фотографии, сильный по движению масс» фильм, по мнению рецензента, «оставляет зрителя равнодушным и утомленным от нагромождения

событий, несомненно, был понятен внутренний драматизм реплики Довгалеvского, явно не посвященного в тайные пружины событий, но остро почувствовавшего нарастающую враждебность обстановки: «Трудно, конечно, выбрать менее подходящий момент для всей вашей истории»¹⁸⁴.

Бесперспективность парижского «сидения» кинематографистов, смысл которого до тех пор удавалось имитировать разездами и другими видами активности, стала очевидной, и дальнейшая участь группы Эйзенштейна требовала скорейшего решения. Один из сотрудников посольства, как бы невзначай, предложил идею: «А почему бы вам не уехать? Быть высланным из Франции! Что может быть почтеннее, чем иметь подобный штамп в своем паспорте?..»¹⁸⁵ Императивность этого предложения дошла до Эйзенштейна не сразу, но, как видно, крепко запомнилась. Вот его пересказ этой беседы:

Конечно, почтено быть высланным из Франции.

Однако есть и известное «но».

В охранках мира существует такое непреклонное правило: досье высланного «нежелательного гражданина» из какого-либо крупного государства немедленно рассылается в «интеллидженс сервисы» всех стран.

Это называется «communication du dossier»¹⁸⁶ и автоматически ведет за собой всяческие затруднения на въезд в любое государство...

А мой намеченный «поход» еще далеко не закончен.

Впереди Америка, Голливуд.

Прошу Довгалеvского никаких мер не принимать.

Это доставляет ему видимое облегчение.

«Сделаем все через французов».

Его сотрудник скептически пожимает плечами.

На этом расстаемся.

И тут начинается фантазмагория и калейдоскоп.

И хочется сказать, исказив слова небезызвестного француза:

«Если бы не было моей высылки, ее следовало бы сполна спровоцировать»...¹⁸⁷

Этот фрагмент демонстрирует неплохое знание мемуаристом технических деталей работы секретных служб, почерпнутое, возможно, у «сотрудника» Довгалеvского, чья профессиональная принадлежность не вызывает сомнений. Построенный на недомолвках, конспект беседы режиссера с сотрудниками посольства все же по-

столкновений поездов, взрывов и проч.» (<Б/н.> «Шпионы» // ПН. 1928. 21 сентября. С.3).

¹⁸⁴ Мемуары. Т.1. С.158.

¹⁸⁵ Там же. С.159. Имени этого сотрудника посольства мемуарист не называет.

¹⁸⁶ Сообщение о досье (франц.).

¹⁸⁷ Мемуары. Т.1. С.160.

звоялет домыслить ее содержание и свести к следующему: Эйзенштейну было предложено спровоцировать некий общественный скандал, способный хотя бы ненадолго отвлечь общее внимание от кутеповского дела. При этом другого выбора собеседники ему, похоже, не оставили: либо эффектный пропагандистский демарш, который мог бы расколоть или диверсифицировать общественное мнение парижан в отношении СССР и его представителей, либо немедленное возвращение в Москву. Во всяком случае, к этой дилемме отсылает фраза «Прошу Довгалева никаких мер не принимать», а ответное «видимое облегчение» посла, очевидно, объяснялось тем, что его собеседник показал, что не предполагает стать очередным «невозвращенцем». Можно думать, что в случае успеха задуманного Эйзенштейну было обещано продление командировки и посильная поддержка новых попыток достучаться до Голливуда – все-таки лучше, чем ничего. Давая согласие, он прекрасно сознавал, что заказчики акции толкали его на прямое нарушение правительственного циркуляра от 5 октября 1926, по которому все иностранцы во Франции должны были «воздерживаться от любой агитации, угрожающей общественному порядку и спокойствию», в противном же случае они незамедлительно высылались из страны¹⁸⁸. Таким образом, любой исход означал крах всех его планов и надежд, но при этом некий экстраординарный публичный жест мог кардинально изменить ситуацию и повернуть ее в какое-нибудь новое русло.

По-видимому, в этом режиссер сошелся с собеседниками, загнанными в угол и действовавшими столь же вынужденно, как он, и, как можно понять, – без особой веры в успех. В то время как вся советская колония в Париже совершенно исчезла с поверхности публичной жизни (очевидно, после команды не привлекать к себе внимания властей в тень ушел даже Илья Эренбург – незаменимый игрок в подобных ситуациях), Эйзенштейн, как фигура явно бесполезная с утилитарной точки зрения государственной целесообразности, остался объектом интереса определенной парижской аудитории и прежде всего – леволиберальных интеллектуалов и творческой богемы, с которыми он к тому времени сблизился. Артистизм, личное обаяние, чувство юмора, весьма редкое среди советских командированных знание языка и склонность к эффектному эпатажу сделали режиссера идеальным исполнителем задуманного. Интересно, что ключевая фраза – «сделаем все через французов» – недвусмысленно указывает на то, что некий план сложился у него по ходу разговора,

¹⁸⁸ Ср.: «Возвращаясь с Рю Гренелль в мой крошечный отель “Дез Этаж Юни <Соединенные Штаты>”. После разговора с Довгалевым вывеска кажется еще более... символической, что в данном случае означает – еще более удаленной от реальности» (Мемуары. Т.1. С.160).

хотя и потребовал определенной организационной подготовки и привлечения добровольных помощников¹⁸⁹. В версии режиссера он выглядел так:

...наконец, в ответ на настойчивые просьбы я даю согласие выступить с докладом в Сорбонне.

Ничего особенного!

Небольшой доклад о советском кино...

Демонстрация фильма «Старое и новое»... <...> Но показ в стенах Сорбонны считается закрытым просмотром. Сорбонна – экстерриториальна. <...> Хорошо, что просмотр состоится вне разрешения цензурного комитета.

Цензура фильм, конечно, никак не пропустит в той атмосфере антипатии к Союзу, которая царит здесь...¹⁹⁰.

По свидетельству Виктора Шкловского, Эйзенштейн говорил: «есть два искусства – советское и большевистское»¹⁹¹, позиционируя свое «искусство в жизни» в последнем разряде. Ярким подтверждением этому служит и его выступление в аудитории Сорбонны, построенное в ленинском ключе и весьма далекое от академической тональности:

Сейчас вокруг меня – Париж.

Париж, в своей правящей верхушке также нагло смеющийся не признавать Советский Союз (несмотря на существующие дипломатические отношения).

Париж, смеющийся в реакционной замкнутости отворачиваться от страны, перехватившей у Франции, подобно эстафете, светоч идеалов свободы и мчащей его вперед к невиданным горизонтам.

И вот я стою в этом самом Париже, древностью камней взывающем к лучшему, что есть в человечестве, и одновременно в разгуле реакции позволяющем потокам черной реакции топить малейший признак проявления свободы! <...> Это, кажется, единственный раз в жизни, что мне приходится «держаться» конферанс и, не задумываясь, «резать» ответами.

Теоретическое разъяснение.

Бутада!

Фактическая справка.

¹⁸⁹ По рассказу Муссиака, организацией выступления Эйзенштейна в Сорбонне занимался он и группа «Философских и научных исследований» во главе с профессором Рене Алланди (*Муссиак Л. Личность гения. С.210*). Ср. с оценкой эмигрантского наблюдателя: «Получить для большевицкой фильмы, т. е. для самого неприкрытого вида большевицкой пропаганды, большой зал Декарт в Сорбонне – нет, это, в самом деле, такая ловкая эквилибристика, какая под силу только советским “артистам”!» (*П.М.<уратов>. Каждый день // Возрождение. 1930. 20 февраля. С.2*).

¹⁹⁰ Мемуары. Т.1. С.148-149.

¹⁹¹ Цит. по: *Чудаков А. Спрашиваю Шкловского: Отрывки из воспоминаний // Русская мысль (Париж). 1990. №3833, 22 июня. С.10.*

И бац! – копытом в цензурный комитет.
 Опять бутада.
 Опять справка.
 И снова, бац! – на этот раз по министерству иностранных дел.
 И тут же – бац! Бац! Бац! – по префектуре.
 Аудитория неистово гогочет.¹⁹²

Сочные детали и обстоятельства этой истории подробно описаны самим режиссером и очевидцами¹⁹³, но при сегодняшнем чтении смысловые акценты общепринятой версии не внушают полного доверия. Не вдаваясь во все перипетии происшедшего в университетском зале и вокруг него 18 февраля 1930, прежде всего, отметим, что рассказ героя «Ерорée» дезориентирует неосведомленного читателя: поменяв местами главы о сорбоннской лекции и посещении рю де Гренель, он таким нехитрым образом изменил хронологическую последовательность событий и внутреннюю связь между ними. Внезапно ощутив себя политическим трибуном, Эйзенштейн, несомненно, имел основания гордиться публичным эффектом своего демарша, но реакция властей все же была не столь персонифицированной, как ему хотелось бы думать¹⁹⁴. Совершенно очевидно, что запрет

¹⁹² Мемуары. Т.1. С.152.

¹⁹³ Р.О'Рик <С.Эйзенштейн>. 1) О нечестивом Эйзенштейне и храбрых католиках // ГК. 1930. 10 марта. С.5; 2) Жандармы в Сорбонне: Письмо из Парижа // Вечерние известия (Одесса). 1930. 21 марта. С.2; Мемуары. Т.1. С.146-157; Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн.3-4. М., 1963. С.212; Муссиак Л. Личность гения. С.210 и др. См. также: Chiappe interdit la projection d'un film sovetique a la Sorbonne // L'Humanite. 1930. 18 fevrier; Eisenstein le metteur en scene, du Cuirasse Potemkine, a fait une conference a la Sorbonne // Le Soir. 1930. 18 fevrier; <Б/назв.> // Paris-Midi. 1930. 18 fevrier; La film sovetique interdit a la Sorbonne // Idem. 19 fevrier; <Анониме.> La film sovetique interdit a la Sorbonne // La Voit Tout (Paris). 1930. 19 fevrier; <Анониме.> Une nouvelle forme de la propagande Sovietique par la cinema // Le Matin (Paris). 1930. 19 fevrier; <Б/н.> Запрещение советского фильма // ПН. 1930. 19 февраля. С.4; <Б/н.> Запрещение «Генеральной линии» // Руль. 1930. 20 февраля. С.1.

¹⁹⁴ Главный объект презрительной иронии Эйзенштейна – префект парижской полиции Жан Кьяпп, на самом деле пользовавшийся большой популярностью у парижан. Уроженец Корсики, он внешне очень походил на Наполеона, что давало повод журналистам к подтруниванию (см., в частности: <Б/н.> Кьяпп и Наполеон // ПН. 1928. 31 декабря. С.6). Ср. в воспоминаниях Эйзенштейна: «Где-то в черепной коробке этой бледнолицой карикатуры на шуплого “трагического Пьеро”, вероятно, засели ассоциации о Наполеоне, ледяных просторах России, скользких копытах французских коней de la Grande Armee» (Мемуары. Т.1. С.158). Кьяпп был убежденным противником политического экстремизма и действовал в соответствии со своими убеждениями: «Завтра я могу лишиться поста и стать простым гражданином. Но буду ли я префектом полиции или простым гражданином-обывателем, я не перестану всеми силами бороться против тех, кто сеет ненависть и злобу, трята громадные и темные деньги на разжигание дурных страстей» (<Б/н.> Кьяпп о коммунистах // ПН. 1928.

показа «Генеральной линии» и усиленная охрана самой лекции в контексте вышеописанных обстоятельств были вполне оправданными мерами предосторожности, предотвратившими переход «академического» мероприятия «в манифестацию и в нарушение общественного порядка»¹⁹⁵. Нет сомнений в том, что у принципиальных противников Советов в этой связи было гораздо больше поводов для негодования, чем у организаторов акции, и они в полный голос продемонстрировали свое к ней отношение. Свою партию в этом хоре вела и эмигрантская пресса. Один из самых пристрастных комментаторов парижских походов Эйзенштейна писал:

Итак, Эйзенштейн в эпоху жесточайших религиозных гонений в России поучает в Париже, в Сорбонне, избранную аудиторию о новом синтезе, пришедшем на смену религии, о советской кинематографии!

За теорией должна была следовать практика, но вмешался префект полиции и не позволил «проекции» советского фильма – «Главная линия». Префект полиции вызвал даже некоторые «наряды» для защиты разглагольствований советского агента от возможных демонстраций. Но никаких демонстраций, кроме жарких аплодисментов интеллектуальной и артистической аудитории, не последовало.

Да, это Париж! Таковы слова песенки. Нам надо помнить их и не строить ненужных иллюзий. Возмущение французского общественного мнения большевиками? Да, это правда, возмущение в некоторых кругах есть. Но есть и иное. Есть и аплодисменты в адрес Эйзенштейна. И был бы, конечно, аплодисмент еще более горячий, если бы Эйзенштейн показал свой новый фильм <...>, показанный уже в Германии, где изображена «талантливо» процессия «смешных и пьяных попов» и где не менее талантливо изображен «новый символический праздник советских колхозов» – свадьба племенного быка и племенной коровы. В известных кругах, в кругах «аполитичных», артистических и интеллектуальных, в кругах весьма модных и избранных, Эйзенштейн имел бы с этой «свадьбой быка и коровы» огромный успех. Ибо Париж велик и «круги» его разнообразны.

Ну, а мы? Мы, парижские жители, разве уже только такие, в самом деле, «горе-жители»? Разве уж так, в самом деле, никак не может быть слышен наш голос даже и в эти дни? Разве уж так нам необходимо «обмануть ожидания» доброго префекта поли-

30 декабря. С.3). Как профессионал, он быстро определился и в деле Кутепова (Там же. 1930. 6 апреля. С.3). Ср. с советской интерпретацией: А.Е. Парижский префект и дело Кутепова // Известия. 1930. 12 апреля. С.2. Что же касается избирательности эстетических вкусов Кыяппа, то в том же 1930 судьбу картины Эйзенштейна разделил и фильм Луиса Бунюэля «Золотой век», запрещенный префектом за порнографию (<Б/н.> «Золотой век» // ПН. 1930. 11 декабря. С.4).

¹⁹⁵ <Седых А.> Агитпроп в Сорбонне // Сегодня. 1930. 23 февраля. С.12.

ции и сделать абсолютно ненужным<и> все его приготовления в защиту «свободного слова» этого невероятного наглеца Эйзенштейна, осмелившегося поучать Европу в зале Сорбонны о «высших планах советского синтеза»?¹⁹⁶

На следующий день начался второй акт политического спектакля, задуманного на рю Гренель: как известно, французские власти попытались восстановить статус-кво, потребовав от режиссера немедленного отъезда из страны. История «высылки» Эйзенштейна продолжалась более двух месяцев и, в конце концов, привела к желаемому эффекту: «Они преследуют артиста! Для сердца французов это невыносимо»¹⁹⁷. Общественная кампания протеста, умело поднятая и развернутая режиссером против своих «утеснителей», столь же хорошо известна, хотя он почему-то затруднился назвать того, кто сумел разрешить коллизию: «Кто же, в конце концов, решил дело, я так и не знаю»¹⁹⁸. Однако эмигрантским наблюдателям было понятно, сколь мощное лобби играло на стороне Эйзенштейна.

Коммунистическая печать Франции негодует. Шутка ли сказать: из пределов Франции высылают кинематографического режиссера Эйзенштейна! В советской России таких безобразий, конечно, нет. Московские содержанцы в поте лица своего зарабатывают хлеб. Но совершенно непонятно поведение социалистического «Попюлера». Газета отлично знает, что происходит в СССР и иногда даже возмущается, но все это теоретически. Когда доходит до дела – социалисты Франции вспоминают, что они кузены большевиков и начинают защищать честь, хотя и неприятных, родственников.

И в случае с Эйзенштейном происходит именно так. «Попюлер» сердится, негодует, обвиняет правительство в «превышении

¹⁹⁶ П.М.<уратов>. Каждый день // Возрождение. 1930. 19 февраля. С.2. Ср. с мнением французской печати, изложенным для русской аудитории одним из эмигрантских изданий: «Эйзенштейну следовало бы знать, что Сорбонна отнюдь не является ареной для советской пропаганды и что Франция не имеет ни малейшего желания оказывать гостеприимство советским фильмам при том положении, что картины французского производства не допускаются в Советскую Россию или, если допускаются, то так искажаются, что совершенно невозможно узнать их первоначальное содержание. По существу же, затронутые Эйзенштейном в его пропаганде вопросы <...> могут вызвать лишь улыбку» (<Седых А.> Агитпроп в Сорбонне).

¹⁹⁷ Мемуары. Т.1. С.171. Решение о высылке подтолкнуло французские власти отказать во въезде в страну коллегам и единомышленникам Эйзенштейна – Ф.Эрмлеру, В.Турину и Л.Оболенскому, командированным для изучения звукового кино (сообщение об этом см.: ГК. 1930. №11, 25 февраля. С.7).

¹⁹⁸ Мемуары. Т.1. С.209. Любопытным свидетельством личных усилий режиссера является его последующая демонстрация аполитичности – заявление о том, что он не занимается коммунистической пропагандой во Франции (черновик документа хранится: РГАЛИ. Ф.1923. Оп.1. Ед.хр.1557. Л.5, 5об.).

власти». Эйзенштейн читал доклад и хотел под шумок продемонстрировать пропагандный фильм. В этом ему помешали: «превышение власти»!

А выслатъ Эйзенштейна нельзя вот почему: «...это симпатичный парень, ничуть не опасный. Если же он большевик, то одновременно и не менее того – большой артист. По своему возвращению в Россию он будет вертеть¹⁹⁹ фильм “Капитал”, тема которого берется из бессмертного произведения Карла Маркса».

Карл Маркс и «бессмертное» его произведение на экране – тема, конечно, любопытная. Теория прибавочной стоимости, учение об экономических кризисах, теория концентрации производства... Из этого фильм может соорудить только ловкач, исполняющий социальный заказ. И потому мы думаем, что «симпатичный парень», вертящий «Капитал», несомненно, СССР более нужен, чем Франции.

Но так как и «Попюлер» поклоняется бороде Маркса и «бессмертному» «Капиталу» – от буржуазии приходится защищать Маркса при всех обстоятельствах. Так, например, Эйзенштейн подлежит защите, главным образом, потому, что он будет вертеть Маркса. Что ни говорите, а родство всегда обьязывает.²⁰⁰

¹⁹⁹ Калька с «*tourner*» (*франц.*) – крутить, вертеть: в профессиональном лексиконе эмигрантов была синонимична термину «снимать фильм».

²⁰⁰ П. <Рыс.> Каждый день // Возрождение. 1930. 21 марта. С.2. См. об этом материалы парижской прессы: <*Anonyme*.> On vent expulser Eisenstein le grande metteur en scene russe // *Le Populaire*. 1930. 20 mars; <*Anonyme*.> Un cineaste russe indésirable en France // *L'Ouvre*. 1930. 20 mars; *Le Gazier*. Eisenstein sera-t-il expulse? // *La Republique*. 1930. 20 mars; *Mussinac L.* La reponse d'Eisenstein // *L'Humanite*. 1930. 23 mars; Возрождение. 1930. 23 марта. С.4; <*Б/н.*> Высылка Эйзенштейна // ПН. 1930. 25 марта. С.4 (сообщение о предстоящей высылке режиссера и его группы и о подготовке петиции в его защиту, подписанной Ж.Кокто, А.Гансом, адвокатом Кампинчи, Ж.Дэреном и др.). В архиве режиссера, богато иллюстрированном публикациями зарубежной печати, вырезка из ПН, датированная 25 марта – единственное указание на его знакомство с эмигрантской прессой (РГАЛИ. Ф.1923. Оп.1. Ед.хр.2841. Л.50). Характеристику действий парижских адвокатов режиссера см. также в: *Бажанов Б.* О советском зверинце. Ср. также с мнением соотечественников режиссера в США: «Не только для нас, русских эмигрантов, хорошо знающих цену большевикам, но и для всякого взрослого иностранца руководящая и вдохновляющая роль Эйзенштейна настолько ясна, что никакими смягчающими вину обстоятельствами, как-то: подневольным положением в СССР театра и т. п., умалена быть не может. Следовательно, режиссера Эйзенштейна следует рассматривать не только с воспитавшей его совдепией, но и самостоятельно, как убежденного и верного слугу кремлевского правительства, а, следовательно, и третьего интернационала, сознательного соучастника в порабощении России и раздувании всемирного бунта» (<*Б/н.*> «Старое и новое» // *Новая заря* (Сан-Франциско). 1930. 5 июля. С.7). Здесь же отметим, что история с высылкой сыграла хорошую службу и на родине, вызвав печатное сочувствие (см.: ГК. 1930. №18, 31 марта. С.1; Кинофронт (Л.). 1930. №11, 21 марта. С.3) и поддержку работников искусства. См.

История с Эйзенштейном стала, пожалуй, последним случаем столь бурной реакции русского Парижа на советскую кинематографию и ее представителей. Своеобразный итог подвел один из непредвзятых и проникательных обозревателей Зарубежья, увязавший всплески пропагандистской активности советского экрана с внутриполитической конъюнктурой в СССР. К тому времени Эйзенштейн уже попал в Америку, и ему не было дела до рассуждений эмигрантов, хотя они могли бы показаться ему небезыntenесными:

Что советские фильмы преследуют цели коммунистической пропаганды, известно всякому. Что они делают это, по большей части, очень искусно – это тоже доказывается фактами. Что их искусство заключается в том, чтобы скрыть в изображениях, предназначенных для Европы, все специфически советское и выставлять на первый план бесспорно положительные стороны, – это нужно доказывать только тем, кто вообще не верит в возможность существования положительных сторон в теперешней России. Мы к этой категории не принадлежим, и нам понятно то впечатление, тоже положительное, которое производит в Европе демонстрация этих положительных сторон современной русской действительности. <...> Что касается восторгов перед советским фильмом, мы не только их понимаем, но в тех пределах, в каких считаем их основательными, и разделяем. Мы предоставляем нашим политическим противникам «радоваться» перевесу отрицательных сторон над положительными в русской действительности. Мы считаем также, что лозунг «чем хуже, тем лучше», рекомендуемый этой частью эмиграции, готовой «радоваться» даже приближению момента, когда миллионы людей будут умирать голодной смертью, – этот лозунг лишь в крайне редких случаях может найти себе оправдание. Но все это не дает права нашим друзьям за границей закрывать глаза на наличие отрицательных явлений за кулисами – хотя бы даже и одобряемого ими советского фильма. Ибо если самум в песчаной степи²⁰¹ – не кулиса, то тракторы на почве примитивного натурального хозяйства суть уже несомненная бутафорская принадлежность, а «генеральная линия», которой озаглавлен один из фильмов, и «пятителетка», составляющая сущность этой «генеральной линии», есть суть превращения русских крестьян в крепостных рабов.²⁰²

(Окончание следует.)

резолуции протеста коллективов творческих организаций: <Б/н.> Против жандармских преград // Там же. №13, 6 апреля. С.1).

²⁰¹ Имеется в виду один из образов документальной ленты Виктора Турина «Турксиб» (1929), вызвавшей большой интерес эмигрантской аудитории. См.: А.Л.<адинский>. «Турксиб» // ПН. 1930. 12 декабря. С.4.

²⁰² <Миллюков П.> Советские фильмы и русская эмиграция // Там же. 16 июня. С.1. См. также отклик на эту статью: П.М.<уратов.> 1) Каждый день // Возрождение. 1930. 17 июня. С.2; 2) Каждый день // Там же. 10 июля. С.2.

Леонид Ливак
**КРИТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
ВЛАДИСЛАВА ХОДАСЕВИЧА**

I

Настоящую подборку архивных материалов из собрания Владислава Фелициановича Ходасевича (1886–1939) объединяет проблема «тактики» критической деятельности в эстетико-литературных «войнах» эмигрантской словесности. Проблема весьма злободневная, если учесть, что к концу 1920-х поэт Ходасевич с головой ушел в критику, литературоведение и публицистику, став одним из наиболее влиятельных критиков Русского Зарубежья. Всякий ступивший на критическую стезю должен разрешить два вопроса – «зачем» и «как». Ответ на первый был ясен для большинства эмигрантов, не питавших просоветских иллюзий (или вовремя от них избавившихся): указывая на недостатки эмигрантской литературы, критик является гарантом ее здоровья, внося свою толику в культурную миссию изгнанников. «Прискорбное явление, – писал Ходасевич, – ни скрывать, ни замалчивать невозможно – во-первых, во имя истины, а во-вторых, потому, что если мы явление осознаем и назовем и если попытаемся вскрыть его причины, то это может еще принести известную пользу»¹. И хотя понятие здоровья литературы зависело от эстетических вкусов комментатора, стратегия критической деятельности представлялась очевидной.

¹ *Ходасевич В.* Литература в изгнании // Возрождение. 1933. 27 апреля, 4 мая. Цит. по.: *Ходасевич В.* Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954. С.260.

Сложнее обстояло дело с тактикой. Полемика о том, как именно следует писать о литературе в изгнании, угасала и вновь разгоралась на протяжении всей эмигрантской литературной жизни в межвоенной Европе. Понося «дружескую» критику, Георгий Адамович, Зинаида Гиппиус, Михаил Осоргин, Альфред Бем и сам Ходасевич требовали искренности и сомневались в ее практической возможности в узком кругу литераторов, где трудно скрыться под псевдонимом или защититься анонимностью и где ограниченное число газет и журналов лишает критика независимости².

Вопрос еще более усложнялся контекстом противостояния советской и эмигрантской литератур. Не сыграет ли слишком суровая оценка литературы в изгнании на руку советской критике, твердящей об умирании эмигрантской литературы? Можно, конечно, рассматривать негативную критику как тактический маневр. Читая отрицательные суждения эмигрантских критиков о русской литературе в изгнании, Адамович замечает:

...большевики и в самом деле радуются. Пускай, на здоровье! Надо же отличаться от них не только внешне, но и внутренне, не только в целях, но и в средствах. Если рядом с их безмерным и чудовищным бахвальством – хотя бы в одной только области литературы – мы на другой стороне разведем бахвальство наше, эмигрантское, то, право, «последняя лесть будет горше первой», или, во всяком случае, вполне равноценна ей.³

Но способен ли средний эмигрантский читатель (да и писатель) подняться на подобный уровень понимания дихотомии двух литературных систем, не упасть духом, не оставить веры в культурную миссию эмиграции?

В постоянно изменяющейся идеологической и эстетической конъюнктуре эмигрантской литературной жизни твердые принципы были редки: каждый критик решал по обстоятельствам, когда ему быть предельно искренним «во имя истины», а когда и не очень, дабы не нанести «известный вред» эмигрантской литературе. В подобных условиях литературная критика, естественно, выплескивалась в план личного общения, перемещаясь с журнальных страниц в частную переписку, где можно поговорить «между нами и весьма доверительно»⁴ с единомышленниками, а порой и с противниками. Здесь же протекает откровенная дискуссия и о самой критике, обсуждаются вопросы тактики и такта: о чем сказать? о чем промол-

² См., например: *Hagglund R. The Russian Emigre Debate of 1928 on Criticism // Slavic Review. 1973. Vol.32, №3. P.515-526.*

³ *Адамович Г. О литературе в эмиграции // Современные записки. 1932. №50. С.335.*

⁴ Письмо Ходасевича к М.М.Карповичу от 19 марта 1932 // *Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т.4. С.517.*

чать? как сказать, чтобы не обидеть? и стоит ли не обижать? – соображения, о которых Адамович писал Гиппиус как об «области “не интересного” для читателей», но которые нужно где-нибудь высказать: «Притворяюсь, вру “для читателя” и изображаю критика, – жаловался Адамович, – а что я действительно думаю, и уже без “что же касается” и “следует приветствовать”. Но боюсь, что никому будет не интересно, и тогда окажусь в смешном положении»⁵.

Подобные соображения занимают важное место в переписке Ходасевича – критика темпераментного, склонного к преувеличениям и драматизации в пылу сражений, трудно идущего на компромисс и верящего, что за битого двух небитых дают. Будучи одной из центральных фигур эмигрантской литературной жизни, Ходасевич и свою частную жизнь превратил в арену борьбы литературно-критических взглядов, провоцируя статьями и письмами реакцию широкого круга лиц, в свою очередь влиявших на суждения и тактику критика. Предлагаемые здесь материалы из эпистолярного наследия В.Ф.Ходасевича, Е.В.Бакуниной, М.М.Карповича, Г.С.Евангулова, В.В.Набокова и А.Л.Бема проливают свет на это «критическое хозяйство», из которого вырастали статьи и рецензии Ходасевича⁶.

* * *

Во второй половине 1920-х поэт, прозаик и критик Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) поддерживала довольно тесное профессиональное и личное общение с Ходасевичем⁷. 7 апреля 1926 последний писал Карповичу: «Литературно у меня сейчас “флирт” с Гиппиус: за что-то она меня полюбила»⁸. Ходасевич был частым гостем в воскресном салоне Гиппиус и содействовал ей в организации литературно-философского общества «Зеленая лампа», первое заседание которого, состоявшееся 5 февраля 1927, он открыл докладом.

⁵ Письма Г.В.Адамовича к З.Н.Гиппиус: 1925–1931 / Подгот. текста, вступит. ст. и коммент. Н.А.Богомолова // Диаспора: Новые материалы. Т.III. СПб.: Феникс, 2002. С.444, 496 (из писем от начала августа 1926 и 12 октября 1927) (далее – Письма Адамовича Гиппиус, с указанием страницы).

⁶ Оригиналы писем хранятся в: The Beineke Rare Book and Manuscript Library (Yale University) (далее – Beineke). Nina Berberova Papers. Series VIII: Vladislav Khodasevich Papers. Box 57. Folder 1290 (письмо Ходасевича к Гиппиус); Folder 1299 (письмо Карповича к Ходасевичу); Folder 1285 (письмо Евангулова к Ходасевичу); Box 15. Folder 409 (письма Набокова к Ходасевичу); Box 57. Folder 1278 (письма Бема к Ходасевичу). Мы благодарны администрации библиотеки за помощь, оказанную при подготовке настоящей публикации. Орфография и пунктуация писем приведены к современным нормам, авторские особенности написания сохранены.

⁷ См.: *Гиппиус* 3. Письма к Берберовой и Ходасевичу / Ред. Э.Ф.Шейхольслами. Ann Arbor, 1978.

⁸ *Ходасевич В.* Собр. соч. Т.4. С.498.

Однако к 1929 наметился спад в их отношениях, объяснявшийся вспышкой личного и эстетического конфликта между Ходасевичем и литераторами из окружения Адамовича. На первых порах Гиппиус сохраняла нейтралитет, расцененный Ходасевичем как знак неприемлемой критико-эстетической позиции⁹. Ему же принадлежала и инициатива разрыва. 29 мая 1930 Гиппиус спрашивала:

Не скажете ли вы мне, – с той же прелестной ясностью, с какой написан ваш Державин, – поссорились вы со мной (с нами) или не поссорились? <...> Я, как вы знаете, не «ссорюсь» ни с кем, кроме редких случаев и причин особо важных (и явных) <...> я лишь «принимаю» ссору со мной другого, если ему почему-нибудь она кажется нужной (пока такой кажется). Приму, с огорчением, и вашу, когда вы мне определенно ответите «да, ссорюсь!»¹⁰

Ходасевич рассматривал нейтралитет Гиппиус в его конфликте с группой Адамовича именно как тактическую ошибку критика, ответственного за судьбу эмигрантской словесности. Дипломатичность и сдержанность Гиппиус в оценках самых разных эмигрантских писателей раздражала Ходасевича, а сама Гиппиус, как она сообщала в письме от 17 сентября 1929, находила забавным и неверным желание критика резать правду-матку в печати:

Ваше письмо меня разутешило! Ах, «поделитесь с читателями», ведь жалко же погребать это все в частном письме! <...> Насчет же какой-то мудрой «умеренности» – я продолжаю настаивать. <...> По каким причинам, разным или одинаковым, *нельзя* сказать печатно, что бунинские стихи лишены поэтической магичности – и *нельзя* обозвать Даманскую «старой курицей» (хотя она старая курица)? Знаю, что нельзя, но почему – не объясняю себе. Загадка, и хорошо, что я могу над ней подумать, никуда не торопясь.¹¹

⁹ См. письмо Гиппиус к Ходасевичу от 13 марта 1928: «Вы сказали, что уходите из Зел<еной> Л<ампы>, пот<ому> что Г.Ив<анов> общественно дефективная личность. Я ответила (по совести), что этого не знаю, просто не знаю, – ну как не знаю отношений между Б<униным> и Г<алин>ой <Кузнецовой>, – но притом еще страшно, до ужаса, этим не интересуюсь. <...> Как бы я ни старалась (но не стараюсь, в этом признаюсь) влезть в душу Г.И<ванова> и понять, почему он должен сердиться, что вы похвалили Оцуца (которого вы даже и не очень-то похвалили) – не пойму! И еще массы, чувствую, не пойму; буду жить, как Иванушка-дурачок <...> Если же вы будете бесслвно обижаться – какая польза?» (Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу. С.88).

¹⁰ Там же. С.106. Знаменательно, что Ходасевич ответил на запрос не лично, а через Н.Н.Берберову, которая 3 июня 1930 отправила Гиппиус «логический ответ на Ваше письмо, правда – письмо к В.Ф., а не ко мне. Не мы переменялись к Вам, а Вы переменялись (безотносительно – к нам или не к нам), ибо благословили то, что по законам гигиены и этики благословлять не следует» (письмо хранится в.: Amherst Center for Russian Culture (далее – Amherst). Z.Gippius and D.Merezhkovsky Papers. Box 1. Folder 31).

¹¹ Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу. С.100-101.

26 сентября, раздраженная резким тоном и взглядами своего корреспондента, Гиппиус бросила Ходасевичу открытый вызов:

Большой силой соблазна обладаете вы, дорогой Владислав Фелицианович. Читая ваше письмо, я чувствовала себя в полной власти ваших доводов. <...> Тот, кто рисует (умеет нарисовать) данное *так*, всегда имеет за собой не менее яркий образ должного. Проще говоря, он, прогремев «покайтесь», тут же определяет, что именно надо делать для покаяния и для превращения данного в должное, указывая ходы и выходы к нему, обещает, *дает надежду*. Вы же соблазните... в безвыходность. Вот, мол, как есть (да, да, очень скверно!), но так оно и будет. <...> Отсюда-то я, сложным путем, и добираюсь до соображенья, что м<ожет> б<ыть>, и не так уж все верно в громе обличительности вашей; что грехи не так «смертны»; что как-то «считаться с обстоятельствами» нужно. Если (пусть даже по своей ошибке) завернула поганая наша дорога и уперлись мы в дверь скотного двора, то на что решаться? Вы предлагаете – бежать назад или, по одиночке, завалиться в ближние кусты; ну, а если рискнуть все же и *через* неблагоуханный двор?.. Можно платок к носу прижать, случаем подол запачкаешь – ничего, зато все-таки идешь; а среди нечистых пар – вдруг да еще случится там пара более чистых? Ведь бывает же! (редко, положим). <...> Все мои возражения вам – пока в области тактики; но я пытаюсь, от тактики (вашей) идя, добраться и до другого. Если *такое* у нас разное в тактике («назад от скотного двора» и «через двор») – то у кого ошибка поглубже, – если ошибка есть?¹²

Ходасевич ответил на вызов.

10 октября 1929 года

Я потому смутно писал о здоровьи, милая Зинаида Николаевна, что тема это длинная, трудная, но объективного интереса не представляющая. У меня катарр желудка (небольшой, пустячный) и катарр кишек – очень серьезный. Результаты многих и разнообразных лечений пока что равны нулю. Иногда чувствую себя сносно, иногда – отчаянно. Большая слабость, давление на сердце, боли. Исхудал я жестоко, работать иногда нет сил. Бывает, что по несколько дней не встаю с постели. Вот и теперь: не ответил Вам тотчас – а потом уж не мог: лежал.

Ваше письмо было мне утешительно, ибо, кажется, на сей раз Вы меня захотели понять. Говоря по совести – года два я не мог этого добиться. Что-то все другое, личное, корыстное, недостойное слышали Вы в моих словах (не отпирайтесь, именно так и было).

Радуюсь, что теперь я хоть *понят*. Увы, не могу радоваться, что и *принят*. Вопли мои все еще кажутся Вам соблазном: это де потому соблазн, что рисуя данное, я не указываю должного. А раз

¹² Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу. С. 102.

не указываю должного, то, значит... не верно рисую и данное (так Вы утверждаете). Тут приходится возражать.

Во 1-х, *допустим*, должного сам не знаю. Но не утешайтесь тем, что мое изображение от этого не верно. *Если бы* даже я не мог указать выход из положения, – это еще не значило бы, что я заблуждаюсь в его оценке. Из того обстоятельства, что я не знаю лекарства от моего катарра кишек, – увы, вовсе не следует, что у меня нет катарра кишек. Это значит лишь то, что или я найду лекарство, или умру. И от катарра эмигрантской литературы мы либо найдем лекарство, либо она умрет. И мы (Вы и я) будем виноваты в этой смерти от внутреннего разложения. Какой стыд!

Теперь о выходах. Именно я нигде не предлагаю ни бежать (куда бы? от себя не убежишь), ни завалиться в кусты (в какие кусты? где они? в чем?). Но, конечно, не принимаю и не понимаю Вашего метода – искать «чистых» на скотном дворе. Именно это больше всего похоже на «кусты», потому что это – либо же очень индивидуально (т. е. в общественном движ^ении) не общественно), либо – какой-то жалкий паллиатив. Конечно, известен случай, когда бурмитское зерно было найдено в навозной куче. Но я полагаю, что жемчуг надо ловить в Индийском океане: там его больше, там он – нормальное явление, а не случай. Если бы Вам даже удалось найти этукую жемчужину – ее надо вынуть, а кучу все-таки вымести вон. Вы же (за сколько времени) никакого зерна и не нашли, – а за кучу вступаетесь, охраняя ее от распылительной метлы. Это – самая плохая гигиена на свете, это – разведение заразы... Кроме того, ни Вы, ни Мережковский не имеете права зарываться в эту кучу. У Вас – положение, которое обязывает, а Вы заседаете в «Зеленой лампе», которая давно стала кучей. Конечно, Вы в ней – бурмитские зерна, да ведь не себя же и не Мер^ежковского Вы в ней ищете. Сиять в этой позиции, на мой (и на всякий объективный) взгляд, Вам и не пристало, и просто не выгодно¹³.

Что же я предлагаю? Вещи самые простые, но с каждым днем становящиеся все более трудными. Должно раз навсегда отмежеваться от людей безответственных, корыстных и в литературном смысле компрометированных. Делать это нужно не для себя (для себя – даже выгоднее яхшаться с дрянью), но для спасения эмигрантской литературы, чтобы она могла дотянуть, дожить до воскресения литературы Русской. Поощряя (присутствием, сочувствием, поблжками, подачками, добродушным или расчетливым

¹³ Упрекая Ходасевича в максимализме и уговаривая его не покидать «Зеленую лампу», Гиппиус писала 13 марта 1928: «С известной точки зрения (и я могу на нее стать) мы делаем, хотя бы с Зел^еной Л^ампой» <...> полную чепуху. И разговоры за зеленой скатертью, у нас, и все наши заседатели (о публике бурбонской уже не говорю) – все чепуха. Я, конечно, хочу “того, чего нет на свете”, но... хочу и что есть, раз того нет. Но вы-то...» (*Гиппиус* 3. Письма к Берберовой и Ходасевичу. С.88).

закрыванием глаз) все подлое и паразитарное, что здесь растет и множится, мы способствуем разложению эмигрантской литературы, т. е. единственной ценности, которая еще, видимо, осталась от России. Должно разделить эмигрантскую литературу на Русскую и обывательскую. Обывательскую, как злую опухоль, надо вырезать, пока не поздно и пока она не расплозлась по всему организму. Мы не имеем права не дифференцироваться, ибо иначе не только губим будущее, но и позорим прошлое, точнее – делаем бессмысленным все, что стоит у нас за плечами. Пушкин не нужен, если он кончился Фохтом¹⁴ (говорю, разумеется, о П<ушки>не как о явлении русской культуры). Мы не должны стать связующим звеном между Пушкиным и Фохтом. Нельзя, чтобы через нас пришел в мир Фохт.

А Фохтов (разных калибров, есть очень крупные) – много, и в сумме они – сила, все оподляющая и марающая своим приспеваньем, своим «ученичеством», своим соседством. До революции были свои Фохты. Мы могли позволить себе роскошь не замечать их (и то – как, бывало, Ант<он> Крайний заглывал Чулкова!¹⁵ А ведь Чулков – не Фохт). В эмиграции все на виду и все на счету (почему – другой вопрос). Ныне следует быть отчетливей и строже – а мы как раз только и делаем, что якшаемся черт знает с чем.

Культурный уровень эмиграции ниже культурного уровня довоенной интеллигенции. Делать вид, что Фохты и Одоевцевы¹⁶ –

¹⁴ Всеволод Борисович Фохт (1895–1941) – поэт, журналист, переводчик и литературный критик, вдохновитель целого ряда литературных и культурных инициатив, в частности, первого журнала Союза молодых поэтов и писателей в Париже «Новый дом» (1926–1927) и «Франко-Русской студии» (1929–1931), где обменивались мнениями эмигрантские и французские писатели. «Большой “литературный деятель”, чем писатель», Фохт показал себя талантливым организатором, но посредственным литератором (см.: *Фельзен Ю.* 1) Литературная молодежь из «Кочевья» // *Сегодня вечером.* 1930. №188. С.4; 2) Парижские встречи русских и французских писателей // *Сегодня.* 1930. №252. С.3). В результате его видное место в эмигрантской литературной жизни раздражало не только Ходасевича, недолюбливавшего Фохта еще и потому, что тот был одним из соредкторов «Нового дома» вместе с Н.Н.Берберовой, женой критика, не разделявшей вкусов и мнений Фохта. Гиппиус считала «несчастливого Фохта» повинным в неудаче, как она полагала, «Нового дома», которому на смену пришел подконтрольный ей «Новый корабль». См.: *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by T.Pachmuss.* München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P.351 (письмо Гиппиус к Адамовичу от 24 августа 1927).

¹⁵ Антон Крайний – псевдоним, которым Гиппиус подписывала свои литературно-критические статьи. Георгий Иванович Чулков (1879–1939) – поэт-символист, прозаик, драматург, критик. В 1903–1904 был секретарем религиозно-философского журнала «Новый путь», выходившего под редакцией Гиппиус и Мережковского. Основоположник учения «мистического анархизма».

¹⁶ Ирина Владимировна Одоевцева (1895–1990) – поэт, прозаик, жена Георгия Владимировича Иванова (1894–1958). Иванов и Одоевцева были постоян-

тоже русская литература, – значит соблазнять младенцев, значит еще более этот уровень понижать. Дело, конечно, не в толстопузых адвокатах: пусть упиваются Одоевцевой. Дело в молодежи, которая соблазняется и снижается дрянной литературой, которой мы даем свою санкцию, – ради чего? Вот тут-то и сидит соблазн, милая Зинаида Николаевна, – а не во мне. Вы это знаете, – и зачем же *меня* называете соблазнителем?

Кажется, написал я довольно сумбурно, но Вы, конечно, поняли, в чем дело. А написал я сумбурно, потому что начал это письмо вчера здоровым, а кончаю сегодня – больным.

Целую Вашу руку.

В.Ходасевич

P.S. Взгляните на 40 <-ю> кн<игу> «Совзаписок». Алданов¹⁷ – не гений, но все же писатель чистый. А редакция «С<овременных> З<аписок>» позорит его, печатая рядом – ивановскую пародию¹⁸ на Алданова, пародию, хитрую, злобную, на то и рассчитанную, чтобы запятнать Алданова своей «близостью», «схожестью», своим подленьким «и я тоже», «и я такой же».

Эпистолярная полемика эмигрантских критиков о тактике критического дискурса, будучи скрытой от глаз читателей, ничуть не теряя своей интенсивности и серьезности (отсюда разрыв личных отношений Гиппиус и Ходасевича). Напротив, подобные дискуссии втягивали все новых участников, отнюдь не склонных к дипломатичному «выбору выражений» в частной переписке. Так, 10 сентября 1927, т. е. еще до решительного ответа Ходасевича, Адамович, которому все более претили эстетические предпочтения критика, писал Гиппиус, очевидно, подводя итог ее полемики с Ходасевичем:

Мне хочется еще – простите за решимость и «хоть Вы не нуждаетесь» и т. д., преподать Вам совет: не поддавайтесь *défaitism'y*¹⁹ Ходасевича в отношении Лампы, Воскресений и всего про-

ными посетителями салона Мережковских и активными участниками «Зеленой лампы». Писания Одоевцевой не отвечали художественным требованиям Ходасевича-критика, который приписывал ее положение в эмигрантской словесности литературному авторитету ее мужа. Находясь в конфликте с Ивановым, Ходасевич не пропускал случая уколоть Одоевцеву, дабы тем донять своего настоящего противника. О личной и эстетической расправе поэтов см.: *Тератиано Ю.* Об одной литературной войне // *Мосты.* 1966. №12. С.363-375; перепечатано в: *Тератиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Париж; Нью-Йорк, 1987. С.110-123.

¹⁷ Марк Алданов (Марк Александрович Ландау; 1886–1957) – прозаик, публицист, критик, редактор, чьи исторические романы были чрезвычайно популярны среди эмигрантских читателей межвоенного периода.

¹⁸ Имеется в виду роман Г.В.Иванова «Третий Рим». В №39 и 40 журнала «Современные записки» за 1929 год части из этого романа следовали за отрывками из романа Алданова «Ключ».

¹⁹ Пораженчество (*франц.*).

чего. Он прав узко-лично, п<отому> что это единственно возможная линия для него лично. Вспомните все его стихи. Но он совершенно не прав объективно. Возможен соблазн, что его позиция чище. Но это только соблазн. Смысл этой позиции — планомерное «отступление» перед жизнью, к этому можно быть вынужденным, но это не надо навязывать другим. Из всего, в конце концов, можно сделать пьедестал, и такой умный человек, как Х<одасевич>, конечно, соорудит его и из гнилой соломы. <...> М<ожет> б<ыть>, и Лампа, и Воскресения – плохи, но тогда их надо улучшать – единственный вывод.²⁰

Не исключено, что мнение Адамовича послужило решающим фактором, утвердившим Гиппиус на позициях критического компромисса, приведшего ее к разрыву с Ходасевичем. Вскоре Гиппиус примкнула к враждебной Ходасевичу группе «Чисел», где часто печатались Адамович и Иванов, и дальнейшее общение между критиками свелось к полемике в печати²¹.

* * *

Обсуждая и осуждая в письме к Гиппиус литераторов из окружения Адамовича, Ходасевич не называет по имени своего главного оппонента, скорее всего, из боязни быть заподозренным в проекции эстетической распри в сферу личных отношений. Та же тактика присутствующим критическим статьям Ходасевича, где Адамович зачастую упоминается как бы невзначай, хотя обсуждаемые проблемы относятся к глубоким разногласиям критиков, прошедшим красной нитью через всю историю межвоенной эмигрантской литературы. Частым приемом у Ходасевича является отрицательный разбор произведений младших (по литературному стажу) поэтов и писателей с беглым упоминанием мнений Адамовича на ту же тему. В контексте разгрома литературного дебютанта подобная «сноска на авторитет» становится обвинительным заключением против теоретических построений Адамовича, совращающих молодого автора с пути истинного. Эффективность приема состояла в том, что средний читатель, плохо разбирающийся в литературной полемике, пропускал такие сноски как «неинтересные», а литераторы, включая адресата критики, именно на них внимание в первую очередь и обращали²². Однако

²⁰ Письма Адамовича к Гиппиус. С.493.

²¹ См.: Гиппиус З. Современность // Числа. 1933. №9. С.141-145; Ходасевич В. О форме и содержании // Возрождение. 1933. 15 июня. О противостоянии критиков см.: Pachmuss T. Zinaida Hippus: An Intellectual Profile. Carbondale, 1971. P.271-272.

²² Адамович тоже постоянно думал о возможной реакции оппонента, даже на статьи, в которых Ходасевич не упоминался. Так, в письме от 18 февраля 1929 Адамович писал Гиппиус: «Я сейчас сочиняю статью о Пушкине для “По-

авторы, не искушенные в стратегии и тактике литературных войн, попадая под перекрестный огонь критиков-дуэлянтов, не вдавались в тонкости и осаждали упреками рецензента, который уже и думать забыл о их напех прочитанном детище. Умение отмахиваться от уязвленных авторов составляло известное искусство, которым Ходасевич владел в совершенстве. Об этом свидетельствует эпизод с романом Екатерины Бакуниной «Тело» (1933).

В России Екатерина Васильевна Бакунина-Новоселова (1889–1976) художественной прозы не писала, а подвизалась в журналистике, общественной деятельности и сельскохозяйственной кооперации²³. Однако в Париже она дебютировала как поэт, а затем и как романист. Бакунина, пожалуй, не обратила бы на себя внимания Ходасевича, если бы ее имя не оказалось связанным с журналом «Числа», где она работала секретарем редакции и публиковала свои стихи. Следуя французской моде на литературную исповедь, с размытыми границами между автобиографией и вымыслом и с «антиэстетическим» натурализмом в описаниях – жанр, популяризованный в эмигрантской литературе Адамовичем и «Числами» под названием «человеческий документ», – роман Бакуниной был повествованием от первого лица, переполненным физиологическими деталями из тяжелого быта русской эмигрантки, в том числе личной гигиены и половой жизни героини, – с употреблением табуированного словаря. С художественной точки зрения роман был выполнен плохо, но в контексте эстетики «человеческого документа» языковые и композиционные недостатки «Тела» отвечали центральной установке жанра на эффект «искренности» и «простоты». Таким образом, «Тело» и его автор были идеальной мишенью для оппонентов Адамовича.

Разбирая роман, Ходасевич, среди прочего, утверждал:

Переживание, описанное с величайшею даже точностью, но не подчиненное законам литературного ремесла, не образует художественного произведения <...> Человеческим документом назвал Г.Адамович недавно вышедшую книгу «Тело». Он совершенно прав. Стихи и проза г-жи Бакуниной страдают одним и тем же методологическим дефектом. На ее новой книге читаем подзаголовок «роман». Писанная от первого лица, она, нужно думать, не представляет собой подлинного дневника. Но и предполагаемый момент вымысла не делает ее подлинным романом. Она остается

сл<едних> новостей”. Если они мне не выбросят дерзости по адресу пушкинистов, то надежда на мир с Ходасевичем откладывается еще на десять лет. Я о нем совсем не думал, пока писал, т. е. лично. “Спор принципиальный”, но он, конечно, решит, что это шпильки и коварство» (Письма Адамовича к Гиппиус. С.520).

²³ См. перечень ее должностей, а также список публикаций в curriculum vitae, которым Бакунина сопроводила свое письмо к Ходасевичу, а также в автобиографии (Калифорнийский альманах. Сан Франциско, 1934. С.96-97).

лишь человеческим документом. Это – ее основной художественный порок <...> в сущности изымающий ее из компетенции литературной критики.²⁴

Критикуя «Тело», Ходасевич сосредоточил внимание на самом слабом месте «человеческого документа», а именно на мотивации эстетической деятельности (роман) внехудожественными соображениями (документ). Объявляя роман Бакуниной «вне компетенции литературной критики», Ходасевич маркировал эстетику группы «Чисел» как лежащую вне искусства – обвинение не только в непонимании «числовцами» самой сути художественного мастерства, но и в безответственности тех, кто соблазняет «малых сих» подобными разрушительными теориями. Статья Ходасевича так и осталась бы одной из многочисленных стрел, пущенных в стан Адамовича, если бы автор «Тела», не разобравшись в настоящем подтексте рецензии, не обратилась к критике на следующий день с письмом:

Многоуважаемый Владислав Фелицианович,

Отправным пунктом вашей рецензии о романе «Тело» Ек<а-терины> Бакуниной является предположение о том, что книга автобиографична (хотя, как вы пишете, «надо думать, не представляет собою подлинного дневника»). При такой трактовке те ваши выводы, которые вы делаете о героине «Тела», читатель рецензии может отнести к автору книги. Тем самым задевается личность человека.

И вот не касаясь общей оценки вами книги – это дело восприятия каждого, – а лишь в ограждение личности ее автора я считаю нужным привести вам три возражения.

1) По поводу «автобиографичности». Из прилагаемой копии *cuticulum vitae* вы убедитесь в том, что образ героини «Тела» отнюдь не совпадает с авторским. «Героиня» тип собирательный, а вовсе не сколок с природы.

2) Вы пишете: «Героине “Тела” (а при вашей предпосылке – автору) даже в голову не приходит, что других более достойных ее современниц та же самая катастрофа внутренне закалила и просветила».

28 апреля <его> г<ода> в Сосьете Савант автор публично засвидетельствовал обратное, в чем вы убедитесь, если дадите себе труд пробежать копию его возражения на доклад Алферова «Будни эмиграции».

3) За героиней «Тела» вы признаете одно лишь «озарение» – мысль «о необходимости делать полы в кухне несколько покатыми, чтобы вода при мытье стекала». Честь этого «чрезвычайно удачного», как вы пишете, «озарения» я возвращаю по принадлежности. В моей книге об этом нет ни слова.

²⁴ Ходасевич В. Книги и люди. «Тело» // Возрождение. 1933. 11 мая, №2900. С.3-4.

Чтобы не быть голословной и рискуя утомить ваше внимание, я сопроводила свое письмо документами. Я юрист, член адвокатского объединения, и таковы мои навыки. Вас же считаю человеком в высшей степени добросовестным и находящимся в добросовестном же по приведенным пунктам заблуждении.

В силу этого заблуждения вы причинили мне зло вашей рецензией, и я даже не знаю как это зло можно исправить.

А справедливы ли вы – судите сами.

Уважающая вас Ек<атерина> Бакунина

12.V.<19>33

4, rue Auguste Blanqui, Gently (Seine)

P.S. Муж мой – последователь Штирнера и Кропоткина, автор обширных статистических трудов по переселению в Сибирь и ее колонизации <-> отнюдь не является прототипом мужа героини.

Характеристика брачных отношений взята из жизни, но не из личной. У меня никогда ни с кем не было даже общей комнаты.

Мой сын – студент философского отд<еления> Сорбонны <-> по складу душевному отличен от дочери героини. Его главный интерес – книги, и несмотря на нищие условия здешней жизни ему все же удалось собрать свыше тысячи редких, серьезных книг.

Все это, конечно, не исключает автобиографичности некоторых бытовых деталей (в каком произведении их нет), но и не дает повода рассматривать книгу под таким углом зрения, под каким вы ее рассматриваете.

Неправота имеет свойства бумеранга.

ЕкБ.

Письмо Бакуниной лишней раз подтвердило мнение Ходасевича, что изоциренные теории о «конце искусства» и возвращении к «искренности» и «документальности» в литературе, отрицающая ценности литературного мастерства, не только мешают развитию новых талантов, но и вносят полную неразбериху в умы неоформившихся писателей. Так, несмотря на то что критик постарался тщательно соблюсти в рецензии дистанцию между автором и героиней «Тела», Бакунина усмотрела в обсуждении романа как «человеческого документа» намек на автобиографичность, тем самым невольно выказав собственные опасения перед модным жанром и неумение совладать с его установкой на эффект «интимного дневника». Одна из деталей романа – упоминание его героиней газеты «Последние новости» в качестве средства для чистки кухонной плиты – было на руку Ходасевичу, поскольку Адамович был постоянным литературным критиком этой газеты.

Ходасевич не замедлил с ответом, как следует из его пометки на письме Бакуниной: «Получ<ил?> 13 мая 1933. Отв<етил?> 13 мая 1933». Тон ответа, где жалость к незадачливому автору замешена на иронии по поводу художественной наивности корреспондентки, не

оставляет сомнений, что нижеприведенное объяснение доставило критику немалое удовольствие и внесло разнообразие в стычки с более серьезными оппонентами.

Многоуважаемая Екатерина Васильевна,

называя Вашу книгу человеческим документом, я лишь подчеркнул, как это мной указано, методологический порок, вообще присущий Вашему творчеству, в котором подлинное переживание, всегда неизбежно лежащее в основе каждого образа, не подвергается достаточной художественной переработке. Я указал на элемент вымысла в Вашей книге; я отметил, что, задумав свою героиню плохо умеющей рассуждать, Вы принуждены были отказаться от мотивировки ее переживаний ревностью или завистью, то есть признал, что Вы свободно распоряжаетесь ее судьбой. Ни наличие вымысла, ни такое распоряжение участием героини, разумеется, не совместимы с самым понятием автобиографии. Я, наконец, ни разу не сказал (и не мог сказать) «г-жа Бакунина» – там, где следовало сказать «героиня г-жи Бакуниной». С этою героиней Вы мною ни-где, ни разу не отождествлены. Я совершенно уверен, что Вы напрасно беспокоитесь о том, будто читатель моей статьи может счесть Вашу книгу автобиографией. Этого «зла» я Вам не причинил ни предумышленно, ни в силу даже того добросовестного заблуждения, которое Вы предполагаете лежащим в основе моей статьи. Таким образом, первые два пункта Вашего возражения отпадают. Должен, однако, принести Вам глубокое извинение за невольную оплошность мою, на которую Вы указываете в пункте третьем. Вашу книгу читал я за месяц до того, как писал о ней. Теперь, напрягая память, припоминаю, что приблизительно в то же время прочел в газете об устройстве покатых полов в усовершенствованных американских кухнях и подумал, что такое изобретение могло бы облегчить жизнь Вашей героини, а вслед за тем несколько изменить ее тяжкое мироощущение. Затем мысль американского архитектора, очевидно, и смешалась у меня с собственным афоризмом героини Вашей: «ржавеющую железную плиту надо натирать постным маслом и “Последними Новостями”» (стр. 92) и с ее мыслью о необходимости устройства общественных мест для специальных женских омовений, подобно уже существующим общественным писсуарам для мужчин (стр. 39). Вижу теперь, что я спутал авторов и, конечно, готов исправить свою ошибку. Если Вы пожелаете, в одной из ближайших статей я посвящу этому недоразумению особый постскрипtum, в котором укажу, что счастливая идея Вашей героини касается не кухонных полов, а мужских писсуаров и того, что Пушкин называет «une belle occasion pour nos dames de faire bidet»²⁵.

Прошу Вас принять уверение в совершенном уважении.

13 мая 1933

Владислав Ходасевич

²⁵ Удобный случай для наших дам присесть на биде (франц.).

* * *

Эпизод с романом «Тело» был особенно значим тем, что в случае Бакуниной Ходасевич видел упрек эмигрантской критике вообще: по его мнению, начинающие литераторы страдали от безразличия опытных критиков, которые ничего не предпринимали, чтобы вывести литературную «молодежь» из-под влияния эстетических теорий, которые Ходасевич рассматривал как разрушительные. Подобными соображениями критик часто делился с Михаилом Михайловичем Карповичем (1888–1959) – историком, профессором Гарвардского университета и будущим редактором «Нового журнала», с которым Ходасевича связывала многолетняя дружба.

В письмах к Карповичу, удаленному от эмигрантской литературной жизни, Ходасевич мог отводить душу, не боясь совершить «предательства», по определению Гиппиус, омрачившего отношения обоих литераторов. Тем более любопытно, что Карпович выразил, по существу, то же мнение, что и Гиппиус, отрицая «позицию сурового максимализма», которую он усмотрел в письмах Ходасевича, как тактически ущербную. Цитата из пушкинского «Героя» (1830): «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», которой Карпович характеризует свое видение литературной критики, звучит здесь иронично. В стихотворении Пушкина эти слова произносятся «поэтом» в споре с «другом»-критиком. Таким образом, Ходасевич-критик, практически не писавший стихов в 1930-е, невольно оказался в оппозиции пушкинскому «поэту».

В нижеприведенном письме Карпович отвечает на письмо Ходасевича от 19 марта 1932, где критик размышлял на одну из наиболее болезненных тем – о прямой зависимости жизнеспособности литературы в изгнании от преемственности поколений в культуре Зарубежья, где писатели «старшие» – зачастую не по возрасту, а по солидности российского литературного опыта – сосуществовали с «молодыми», чье творчество сложилось лишь за рубежом.

Ходасевич, в частности, писал:

Сам я в последнее время очень хандрю – не по личным поводам. Все более убеждаюсь... Нет, не так. Давно уже знаю, что эмигрантская литература не состоялась. *Могла* состояться – в этом я уверен. Но не состоялась потому, что старшее поколение ощутило себя не эмиграцией, а оравой беженцев-обывателей. Мещанский дух и мещанский уклад старшей литературы подрезали крылья младшей. Это говорю в общих чертах, но это мною очень глубоко и подробно продумано. Тяжело жить и скрывать сию государственную тайну от публики. <...> Кажется, придется и мне однажды объявить то же – с высоты престола. То-то вой подымется! Каюсь – воя не хочется, а молчать – стыдно, скучно, обидно, больно, а пожалуй, и нехорошо. Не знаю, как быть, – и это мне прибавляет

страданий вовсе не шуточных. Все это, впрочем, пока между нами и весьма доверительно. Итак – я во мраке.²⁶

Ответ Карповича последовал через месяц.

Praha XVIII
na Vypichu 1082
Prague, Tchécoslovaquie
12.IV.<19>32

Дорогой Владислав Фелицианович,

Большое Вам спасибо за Ваше письмо, которое, несмотря на его минорный тон, очень меня обрадовало. А что я Вам так долго не отвечал – так это ровно ничего не означает. Очень хорошо понимаю Ваши чувства насчет эмигрантской литературы, но не знаю все-таки, *нужно* ли Вам возвещать истину «с высоты престола». Сделав это, Вы удовлетворите собственную свою душевную потребность, но каково будет «государственное» значение этого акта? То есть, для меня неясно, каких *положительных* результатов таким манифестом можно достигнуть? Вы поднимете вой, которого и Вам не хочется, а дальше что? Покаются ли «старшие» и вступят ли после этого на путь добродетели? Едва ли. А «младшие» с перепугу могут только пуще прежнего захиреть. Вам, конечно, виднее, и, может быть, это даже дерзость с моей стороны Вас в этом деле чему-либо «поучать», но по совести не могу скрыть от Вас своих сомнений насчет *целесообразности* обдумываемого Вами выступления. Дело здесь совсем не в неприятностях для Вас лично, последствиях «манифеста», а в том, как бы не ухудшить положения (если его только можно еще ухудшить). Ведь все-таки правда же, что часто по крайней мере «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Я вообще после Парижа и Праги проникся какой-то любовной жалостью к нашей эмиграции. Пусть себе ходят на собрания, читают лекции, хоронят капитализм, строят «новые грады»²⁷, воюют на Дальнем Востоке (словесно) – все это дает какое-то содержание жизни, которая без этого сделалась бы уже совсем нестерпима. Да и объективно все это, при всей сво-

²⁶ Ходасевич В. Собр. соч. Т.4. С.517.

²⁷ Имеется в виду программа журнала «Новый Град», выходявшего с 1931 по 1939 под редакцией И.И.Бунакова-Фондаминского, Ф.А.Степуна и Г.П.Федотова. Среди сотрудников журнала были видные религиозные философы: Н.А.Бердяев, о. С.Булгаков, Н.О.Лосский, Б.П.Вышеславцев. Полагая, что капитализм идет к упадку, а демократия бессильна справиться с социальными проблемами и предотвратить новую войну, сотрудники журнала считали возможным перестроить современную культуру в Новый Град «из старых культурных камней». Описывая Карповичу эмигрантскую культурную жизнь (письмо от 19 марта 1932), Ходасевич саркастически заметил, что «построение Нового Града отложено – господа отдыхают в Грассе», имея в виду редакторов и основных сотрудников журнала (Ходасевич В. Собр. соч. Т.4. С.517).

ей бесцельности и часто наивности, все-таки есть показатель какой-то внутренней оживленности. Ведь если бы все умолкли – хуже было бы. Вот так же Вы себе думаете, что у них есть эмигрантская литература. И как-никак иной раз кто-нибудь что-нибудь хорошее и напишет. Приходится сейчас довольствоваться малым – можем ли мы, должны ли занимать позицию сурового максимализма? Подвижников всегда и везде мало, и на них рассчитывать трудно.

И еще одно соображение. Не в том ли основная беда, что сейчас по-настоящему и вообще русской литературы нет? Живое тело русской культуры разрезано надвое, и обе половины от этого, быть может, одинаково страдают. На днях видел здесь Сирина²⁸ (который мне, между прочим, понравился – он оказался гораздо проще и милее, чем я почему-то ожидал), и вот он рассказывал, что недавно в Берлине советский писатель Тарасов-Родионов, убежденный коммунист, по собственной инициативе добился свидания с ним, Сириным, и в разговоре очень хвалил его писания, с которыми он (Тарасов) познакомился давно за границей, убеждал Сирина, что он совсем не «буржуазен», и старался уговорить его ехать в Россию!²⁹ Не думаю, чтобы ему подобное задание могло быть дано Г.П.У. Для чего и кому Сирин в России нужен? Почему-то мне показалось, что Тарасов говорил все это от себя и искренно. Я думаю, что в глубине души и они, советские, тоже чувствуют свою «ущербность». Но это, может быть, все моя фантазия. А вот впечатлениям от прочитанных по Вашему списку книг я больше верю³⁰. И впечатления пока такие – в советской России литература тоже не состоялась. Говорю не о последнем периоде, а обо всем революционном времени, так как читал я пока вещи не очень новые: «Зависть» Олеши, «Роковые яйца» и «Дьяволиада» Булгакова, «Растратчиков» Катаева – все это несомненно хорошие, талантливые вещи, но... но... это все-таки «несостоявшаяся» литература. Мне, по крайней мере, нужно какое-то усилие, чтобы признать ли-

²⁸ Псевдоним В.В.Набокова.

²⁹ Александр Игнатьевич Тарасов-Родионов (1885–1938) – «пролетарский» писатель, чей нашумевший роман «Шоколад» (1922) оправдывал смертный приговор, вынесенный партией ни в чем не повинному коммунисту лишь для того, чтобы показать «массам» необходимую беспощадность революции. Сам Тарасов был позже репрессирован. Встреча Набокова с советским писателем состоялась по инициативе последнего в декабре 1931. Об их беседе, послужившей пищей для анекдотов и нашедшей отзвук в рассказе Набокова «Встреча» (декабрь 1931) и в романе «Приглашение на казнь» (1934), см.: *Boyd B. Vladimir Nabokov. The Russian Years. Princeton, 1990. P.375; Nabokov V. Strong Opinions. New York, 1990. P.97-98.*

³⁰ Ходасевич приложил к письму от 19 марта список советских произведений, выстроенный по принципу художественной ценности, пометив как «очень хорошую вещь» повесть Ю.Олеши «Зависть» (1927), как «хорошую вещь» роман В.Катаева «Растратчики» (1926) и оставив без комментария повести «Роковые яйца» (1924) и «Дьяволиада» (1924) М.Булгакова.

тературные достоинства этих произведений. Это только «все-таки хорошо». И не думаю, чтобы мне когда-нибудь захотелось что-либо из этих вещей перечесть. Ни от одной из них не было впечатления, в котором был бы аристотелевский «катарсис». И все эти вещи какие-то двусмысленные. Как будто бы все во славу социалистического строительства и в посрамление чуждых элементов написано, а между тем такой контрреволюционный яд разлит, так мне чудится, по всем этим страницам. И занимательно, что все эти вещи одинаково написаны в каком-то «полубезумном плаче», так что не разберешь, где кончается явь и где начинается кошмар. Нет, увы, по-видимому, придется нам и по ту, и по эту сторону рубежа ждать того дня, когда «перемелется – мука будет» и когда наконец состоится современная русская литература.

Вы простите мне всю эту философию, в которой я, вероятно, и наврал порядочно. Если усмотрите «уклон» – просветите.

А я сейчас погибаю над Лениным. Со мной беда – работаю сейчас, как поденщик, нудно, хоть и прилежно, без всякого аппетита. Удивительное дело! Как имел дело со стариками, было все-таки забавно, чувствовал себя в человеческом обществе. Как вступил в марксистскую полосу, так сейчас же дышать стало трудно. Что за обезличивающее и «расчеловечивающее» свойство есть у этой дьявольской доктрины! Гениальная, но гнусная выдумка! Но делать нечего. Пути к отступлению отрезаны. Придется, надев противогазную маску, продираться через эту полосу к концу своей работы. К июню очень хочу всю эту возню закончить. Не знаю, может быть, придется еще съездить в Берлин (не совсем уверен в том, что это действительно нужно). А летом буду «переваривать» собранное и обдумывать книгу. Писание, к сожалению, придется отложить на Америку, и едва ли удастся закончить книгу раньше лета 1933 года. Торопиться очень не хочу. Хочется написать что-нибудь порядочное, а быстро писать я не умею.

Между прочим, в Америке вышла небольшая книжка – популярный очерк русской истории с 1801 по 1917 год. Называется «Imperial Russia». Судя по тому, что мне пишут из Америки, книжка имеет некоторый успех.

Здесь жизнь по-прежнему тихая, провинциальная. Некоторым «событием» был приезд Степуна³¹, читавшего доклад о «Новом Граде». Говорил он блестяще, очень остроумно и красноречиво, но сомнений моих не устранил. Духа они хорошего, но переход от этой «пневматики» к политике туманен и неясен³². А ведь одним

³¹ Степун Федор Августович (1884–1965) – философ и публицист, высланный из России в 1922 вместе с другими видными деятелями культуры.

³² Будущий общественный строй новоградцы описывали неопределенно: как «трудовой», но термина «социализм» избегали по причине ассоциаций с советским режимом и с немецким национал-социализмом. По оценке Г.П.Струве, они заняли позицию, «характерную для пореволюционных течений разных сортов, резко противопоставляя разлагающийся буржуазно-капиталистический мир

духом «нового града» не построишь. Всякое строительство имеет свою технику. Они же о технике как будто и думать не хотят. Великолепно отмахиваются от «мещанства», заглядываются в «безумные глаза» истории, «слушают музыку» революционной эпохи – с этим далеко не уедешь!

Летние наши планы пока еще не определились. Мои итальянские кухни (русские замужем за итальянцами) очень соблазняют нас итальянским Тиродем. По их описанию, это рай земной, где к тому же очень дешево. Возможно, что туда и поедем. Надо будет только выяснить, можно ли продлить наши итальянские визы, которые годны только до середины июля. И еще я немножко побаиваюсь, как бы фашисты не отобрали у меня выписок из Ленина и прочих русских социалистов. Это была бы катастрофа! Думаю заручиться в здешнем итальянском консульстве специальным разрешением на ввоз и вывоз моих материалов – если только они захотят мне такое свидетельство дать.

В прочем у нас все благополучно. Жена и дети здоровы, я тоже хорошо себя чувствую. Весна пока стоит холодная, и нас с Татьяной Николаевной³³ очень тянет на юг, под настоящее солнце и южные небеса.

Надо кончать это растянувшееся послание. Шлем сердечный привет Вам и Нине Николаевне³⁴. Уезжать в Америку мы будем через Париж, где, вероятно, остановимся на короткое время – во второй половине августа. Если Вы тогда будете в городе, то, конечно, увидимся.

Крепко жму Вашу руку.

Искренно Ваш

М.Карпович

P.S. Так как «рыхлая езда заказана» не произвело на Вас впечатления, то я, задетый за живое, припас для Вас другое выражение³⁵. На будке, где продаются закуски и напитки, написано: «рыхлое очерствление», т. е. можно быстро освежиться. По-английски

Советской России, которая несет какое-то “новое слово”», причем «в обличении грехов (действительных и мнимых) капитализма проявляли “пристрастную суровость”, а по отношению к советской действительности – “непонятный оптимизм”», превращая большевизм в «религиозное утверждение атеистической цивилизации» (*Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С.228-229).

³³ Жена М.М.Карповича.

³⁴ Нина Николаевна Берберова (1901–1993) – поэт, прозаик и журналист; была гражданской женой Ходасевича с 1922 по 1932.

³⁵ См. письмо Ходасевича от 19 марта: «Читал Ваше письмо и веселился. Чешские афоризмы прелестны, хотя “рыхлая езда заказана” <быстрое движение запрещено> не произвело на меня впечатления, ибо по-польски точь-в-точь так, только произношение несколько иное. Зато “позор на пса” <осторожно, злая собака> уже привилось у нас в несколько иной редакции и в русифицированном смысле (и произношении): когда Наль слишком безобразничает, ему кричат: позор на kota!» (*Ходасевич В.* Собр. соч. Т.4. С.517).

есть аналогичное выражение: «quick refreshments» – на других языках не знаю.

Доводы Карповича не возымели должного эффекта. 5 мая того же года Ходасевич разразился «манифестом», пафос и само название которого были, скорее всего, подсказаны фразой его корреспондента: «Приходится сейчас довольствоваться малым – можем ли мы, должны ли занимать позицию сурового максимализма? Подвижников всегда и везде мало, и на них рассчитывать трудно». Статья Ходасевича называлась «Подвиг». В ней критик утверждал, что молодая литература страдает от сознания своей обреченности из-за равнодушия к ней общества, и прежде всего тех, кто должен был оказать ей поддержку, – «старших» литераторов. Именно на плечи «стариков» взваливал Ходасевич вину за невозможность литературного заработка для «молодых», вынужденных тратить силы на борьбу за существование. В равнодушии «стариков», якобы не желавших открыться перед новыми писателями двери издательства и журналов, критик усматривал причину нынешнего состояния литературной смены, которая, согласно Ходасевичу, живет «в полунищете, недоедает, недосыпает, плохо одета, не может позволить себе купить нужную книгу или пойти в театр. <...> Если, лишенные не только приятного, но и самого необходимого, молодые писатели наши все еще трудятся <...>, – подводил итог Ходасевич, – то иначе как *подвигом* я этого назвать не могу»³⁶.

Год спустя Ходасевич обрушился на «стариков» с позиций сурового максимализма в еще одном манифесте – «Литература в изгнании»³⁷. Здесь он представил старшее поколение не только равнодушным к судьбе младших писателей, но и злоумышленно тормозящим развитие молодой словесности из соображений эстетического консерватизма и страха потерять главенствующее положение в литературном истеблишменте. Пользуясь случаем, Ходасевич высказался и о роли критики. Старшая литература, по его мнению, «боится независимой критики и ненавидит ее», потому что, «не ища новизны, страшась сопряженного с нею теоретического труда и практического риска», старшие писатели-эмигранты «с годами постепенно отвыкли даже работать»³⁸.

Однако ожидаемого «воя» ни та ни другая статья не вызвали. Откровенность выпадов Ходасевича (однако без называния имен) утрачивала желаемый эффект шоковой терапии из-за своего тематического и эмоционального соседства с еще более резкими – а иногда и

³⁶ Ходасевич В. Подвиг // Возрождение. 1932. 5 мая, №2529. С.3.

³⁷ См.: Возрождение. 1933. 27 апреля, 4 мая. С.6.

³⁸ Цит. по: Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954. С.259-261, 263-264.

грубыми – манифестами «молодых» писателей-парижан, противопоставивших себя в начале 1930-х старшему литературному поколению³⁹. Отстаивая будущее литературной смены, Ходасевич невольно присоединил свой голос к хору литераторов, следовавших новейшей моде на драматизацию материального и духовного состояния младшего литературного поколения. Считая себя европейскими модернистами, «молодые» стремились «превратить быт в трагедию» и культивировали бедность как духовную и эстетическую ценность⁴⁰, таким образом воплощая модернистский идеал «творчества вопреки всему»⁴¹. Следует отметить, что Ходасевич рассматривал драматизацию положения молодых модернистов, в первую очередь, как тактический прием. Так, в уже процитированном письме к Бакуниной он иронизировал о возможности «изменить тяжкое мироощущение»

³⁹ См.: *Варшавский В.* Несколько рассуждений об Андре Жиде и эмигрантском молодом человеке // Числа. 1930/1931. №4. С.216-222; *Поплавский Б.* Вокруг «Чисел» // Числа. 1934. №10. С.204-209.

⁴⁰ См.: *Терапиано Ю.* 1) «На Балканах» // Числа. 1933. №9. С.140; 2) Рыцарь бедный (Еще раз о кризисе поэзии) // Меч. 1934. №8. С.9-10; *Яновский В.* Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983. С.61. Владимир Смоленский писал Нине Берберовой после Второй мировой войны:

Я думаю, что ты не права, говоря что что-то было неправильное в нашей судьбе и что мы должны были бы приехать в Америку 30 лет тому назад. Ничто не случайно. Чем больше я живу, тем яснее я это вижу. Если бы мы уехали 30 лет тому назад в Америку то, может быть, мы были бы сейчас зажиточно-благополучными американскими полубуржуями с автомобилями и холодильниками, но в мире, наверное, не было бы ни твоих, ни моих стихов, значит, мир был бы еще хуже, чем сейчас, потому что стихи, пусть в малой мере, но все же улучшают и возвышают жизнь людей, преображают действительность. Поэты погибают, но их поэзия увеличивает в мире добро и красоту. В этом смысле, конечно, ни Россия, ни Запад, ни все, что мы с тобой любили и чем жили, никогда не погибнет. Умирая, мы с тобой, все-таки, сможем сказать, что прожили мы не даром. Многие ли из людей смогут это сказать?

(Beineke. Nina Berberova Papers. Box 19. Folder 522).

Подробнее о моделях значимого поведения в среде младших писателей см.: *Livak L.* Making Sense of Exile: Russian Literary Life in Paris as a Cultural Construct, 1920–1940 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol.2, №3. P.489-512.

⁴¹ *Woolf V.* A Room of One's Own. New York; London, 1981. P.51-52. В этом отношении показательны письма Е.Бакуниной к секретарю Правления Союза писателей Владимиру Зеелеру. Бакунина, отстаивавшая перед Ходасевичем свое право не походить на героиню «Тела», предлагает Зеелеру драматически стилизованную картину своего творчества вопреки мучительному быту, прямо противоположную той, которую она описала в письме к Ходасевичу (см. ее письма от 29 декабря 1936 и 2 января 1937 в.: *Bakhmeteff Archive of Russian and East European History*. The Rare Book and Manuscript Library (Columbia University) (далее – BAR). *Soiuz Russkikh Pisatelei*. Box 1. Folder «Correspondence: В»).

героини «Тела» путем «устройства покатых полов в усовершенствованных американских кухнях». Не случайно поэтому в своей полемике с поэтами группы «Чисел» — «русской парижской школой поэзии»⁴², включавшей в себя многих младших модернистов, — Ходасевич противоречил своим же манифестам, умаляя роль духовных и материальных трудностей в эстетике «Парижской школы», чьи «стихотворцы свои поэтические неудачи любят оправдывать социальными условиями» и, таким образом, «подменяют поэзию незанимательной автобиографией»⁴³. Как тактический ход, подобное двурушничество не казалось непоследовательным ни критику, ни его оппонентам⁴⁴.

Что же до «воя», то он поднялся лишь после того, как Ходасевич откликнулся на гибель Бориса Поплавского в октябре 1935, обвинив «старших» писателей и эмигрантские организации в косвенной причастности к смерти поэта. Но реакция на статью «О смерти Поплавского» оказалась не совсем такой, как критик себе ее представлял.

* * *

Находя смерть одного из самых популярных поэтов младшего поколения, Бориса Юлиановича Поплавского (1903–1935), «внутренне неслучайной», Ходасевич объяснял ее как особенностями эстетико-философской программы «Парижской школы», к которой принадлежал Поплавский, так и условиями существования молодой литературы, делая особенный упор на последнем. Таким образом, в гибели Поплавского был повинен не столько «воздух распада и катастрофы, которым дышит, отчасти даже и упивается, молодая наша словесность», сколько «поразительное равнодушие, которое проявляет эмиграция к своей молодой словесности» и к которому «слишком часто присоединяется недоброжелательство». Повторив свои упреки литературным генералам, критик достиг крайнего драматиз-

⁴² Федотов Г. О парижской поэзии // Ковчег. Нью-Йорк, 1942. С.189.

⁴³ Ходасевич В. Книги и люди. Новые стихи // Возрождение. 1935. 28 марта, №3585. С.3-4.

⁴⁴ В частном общении критик был еще более прагматичен. Публично заявляя о том, что «младшим» писателям негде печататься, он советовал молодым коллегам, приглашенным в престижные журналы, воздержаться от сотрудничества, руководствуясь личными симпатиями и антипатиями. Так, Владимиру Вейдле следовало отвернуться от «Чисел», потому что, «кажется, это вообще будет сволочное гнездо» (BAR. Collection Weidle. Folder «Khodasevich, Vladislav Felitsianovich. Boulogne, France. 31 Oct. 1929»). Берберова должна была отказать «Современным запискам», чтобы литературный редактор М.О.Цетлин «остался с плохими стишками». См.: Письма В.Ходасевича к Н.Берберовой / Публ. Д.Бетте // Минувшее: Исторический альманах. Вып.5. Париж, 1988. С.309 (письмо №56 <1936>).

ма, выводя смерть Поплавского из «подлинной, настоящей нищеты, о которой понятия не имеет старшее поколение». За столиками Монпарнаса, – писал критик, – «сидят люди, из которых многие днем не обедали, а вечером затрудняются спросить себе чашку кофе. На Монпарнасе порой сидят до утра, потому что ночевать негде. <...> Если бы за всю жизнь Поплавского ему дали хоть столько денег и заплатили столько гонораров, во сколько теперь обходится его погребение, – быть может, его бы и не пришлось хоронить так рано»⁴⁵. Как и в предыдущих «манифестах», Ходасевич не называл конкретных имен, но в этот раз обвинение было слишком тяжким, чтобы остаться без ответа.

Одной из первых отреагировала З.Н.Гиппиус, задетая не только обвинениями Ходасевича, но и его тактикой⁴⁶. 14 ноября она писала в письме, которое так и не решилась отправить бывшему единомышленнику, а ныне противнику:

...не буду останавливаться на известном вам факте, что так называемая «молодая литература» многие годы собиралась у нас по воскресеньям, на полной свободе: кто не приходил – тот не хотел, а захотев, снова возвращался. Поплавский был из наиболее постоянных: за последний год он не пропустил ни одного воскресенья, даже летнего, ни последнего, почти накануне его смерти. Это, повторяю, вам должно быть известно, и вы, конечно, не нас разумели, подчеркивая общее «равнодушно-презрительное» отношение старых к молодым (хотя кого, собственно? Шмелева? Бунина? Ремизова? Зайцева? Теффи? Или... Даманскую?) – но вот маленькая информация <...> имея которую, вы, вероятно, не сделали бы некоторых обобщений. Мне жаль, что вы всегда так неясно пишете, как будто под каждой фразой что-то еще разумеете. Почему не брать быка за рога, если и быка видите, и рога?⁴⁷

До середины ноября обсуждение статьи проходило частным образом – в беседах и переписке парижских литераторов, чьи мнения,

⁴⁵ Ходасевич В. О смерти Поплавского // Возрождение. 1935. 17 октября, №3788. С.3-4.

⁴⁶ См. мнение Г.П.Струве, расценивавшего критические выпады Ходасевича против «стариков» как скрытую борьбу за собственное влияние на «молодых»: «Говоря об опасливом и завистливом отношении старших писателей к молодым, Ходасевич тоже несомненно преувеличивал. <...> Несправедливыми покажутся упреки Ходасевича старшему поколению писателей, если мы припомним <...> значение, которое имели для молодого поколения воскресенья Мережковских и вечера “Зеленой лампы”». Но дело в том, что тут влияние шло по линии, которая была не по душе Ходасевичу» (Струве Г. Русская литература в изгнании. С.211).

⁴⁷ Beinecke. Nina Berberova Papers. Series VIII: Vladislav Khodasevich Papers. Box 57. Folder 1289. Письмо опубликовано с неточностями в кн.: Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу. С.108-109.

так или иначе доходившие до Ходасевича, можно с известной точностью восстановить по полемике, разгоревшейся вокруг книги Владимира Варшавского «Незамеченное поколение» (1955), где «манифесты» Ходасевича мотивируют культурную мифологию младшего поколения эмигрантских писателей. Мнения эти сводились к тому, что «категоричность подобных утверждений нуждается в значительных поправках», так как придает «слишком большое значение побочным, а не основным причинам» особенностей «младшей» литературы⁴⁸. Шаткость позиции Ходасевича состояла в том, что он плохо знал Поплавского, а потому не был знаком с поведенческим кодом поэта, значимым для окружавших его поклонников. Единомышленники Поплавского видели в его принципиальном отказе от оплачиваемой службы, в его манере одеваться, в культуре очевидной нищеты и т. д. эстетически мотивированный «текст жизни», оригинально синтезировавший поведенческий код французских авангардистов и идеальную модель русского писателя-подвижника, текст, включавший в себя и программу «случайного самоубийства», разработанную дадаистами и сюрреалистами⁴⁹. Таким образом, даже «младшие» парижские писатели, вопреки установке на «превращение быта в трагедию», находили, что Ходасевич «немного стусил краски»: «среди монпарнасцев-литераторов бездомных не было», а страдали физически именно те, кто, в отличие от Поплавского, служил, так как «литературные собрания всякого рода начинались и кончались поздно, а утром нужно было рано вставать»⁵⁰. Что же касается старших литераторов, то они считали, что «в материальном отношении молодые эмигрантские писатели не выходили из общего

⁴⁸ Слоним М. Незамеченное поколение // Новое русское слово. 1955. 31 июля, №5500. С.8.

⁴⁹ Анатолий Штейгер писал Зинаиде Шаховской 5 ноября 1935 года: «Думаю, что и без “Монпарнасса” <так!> в специфическом смысле, какой Ходасевич придает Монпарнассу, – повсюду – дело кончилось бы с Поплавским точно так же. Отчаянная нищета, одиночество здесь не главное. То же самое было бы, будь Поплавский миллионером. Вы его видели, знаете, – он был насквозь “неблагополучен”» (*Шаховская З.* Отражения. Париж: YMCA-Press, 1975. С.95-96). Подробнее о жизни и творчестве Поплавского см.: *Livak L.* Boris Poplavskii's Art of Life and Death // *Comparative Literature Studies*. 2001. Vol.38. №2. P.118-141.

⁵⁰ *Терапиано Ю.* По поводу незамеченного поколения // Новое русское слово. 1955. 27 ноября. С.5. В частном общении Терапиано откровеннее развенчивал драматические топосы культурной мифологии «незамеченного поколения». См. его письмо от 12 апреля 1962 к американской корреспондентке Лидии Иванниковой: «Как трудно жить Вам, в стране комфорта и материальных успехов! Какая истомляющая работа! Моему поколению тоже пришлось много работать, но здесь жизнь устроена по-другому и служба-работа не выжимает у человека всех сил, всегда было время и на другое» (Beineke. Aleksis Rannit Papers. Box 29. Folder «Jurii Therapiano»).

эмигрантского правила, никакой специальной группы не составляли, и поэтому выделять их бедность, как решающий фактор, никак невозможно»⁵¹. «Почему бы редакторам было относиться враждебно к каким бы то ни было писателям? – недоумевал Марк Алданов. – <...> А жилось трудно *всем* писателям, и это объяснялось не злой волей журналов, а их бедностью и небольшой охотой читателей к *покупанию книг*»⁵².

Ходасевич узнавал о реакции коллег не только по слухам и из разговоров со знакомыми, но и из писем, адресованных ему лично. Одно из этих писем, полученное через неделю после выхода статьи «О смерти Поплавского», не могло не встревожить критика, невольное указав на уязвимые места его тактики.

28, rue des Lyonnais

Paris 5-e

21 окт<ября> 1935

Многоуважаемый Владислав Фелицианович!

Только что прочел Вашу статью по поводу смерти Поплавского (русские газеты читаю с запозданием) и из своего литературного подполья подаю свой голос – давно, чуть не с самого существования эмиграции, не читал статьи более правдивой, более *честной!* Наконец-то *громким* голосом заявлено об истинном положении, в котором пребывает современная эмигрантская литература, – но заставит ли Ваша статья призадуматься тех, кто повинен в этом, – и дано ли вообще ждать «пробуждения совести»? Не пора ли от слов перейти к делу, и не взяли бы Вы на себя инициативу устройства «всеобщего собрания» или съезда писателей и всех, кому дороги интересы русской эмигрантской литературы? И так же отважно и безбоязненно, как сделано это в Вашей статье, рассказать во всеулышание правду!

Воздуха мало! Пора разрядить атмосферу!

Многие из «молодых» писателей, несмотря на отчаянную борьбу за существование, продолжают, – поверьте! – творить и работать! Но надолго ли хватит веры в самого себя даже у наиболее важных?

Пишущий эти строки имеет возможность «разряжаться» своими произведениями – 2 раза в году путем устройства своих вечеров. И это для 100 человек? В таком положении находятся многие! Но, к сожалению, должен добавить, что не все из «молодых» способны защищаться! Многих затянула «кружковщина»⁵³ – затянула

⁵¹ Слоним М. Незамеченное поколение. С. 8.

⁵² Письмо М. Алданова к Е. Д. Кусковой от 30 октября 1955. – BAR. Collection Aldanov. Box 5. Folder «Kuskova Ek. Dm. Carbon copies of letters to E. D. Kuskova from M. A. Aldanov. Feb. 51 – Feb. 57».

⁵³ Имеется в виду общество «Круг», объединившее под руководством И. И. Бунакова-Фондаминского младших литераторов в дискуссиях на литературные, философские и религиозные темы. Общество было закрытым, и канди-

– и вынесла наверх? как пробку! Перетасовки произойдут несомненно! Оздоровление придет само собой – необходимы нормальные условия! Их можно создать! Публику воспитать можно! Вы прозвонили первый звонок! И он уже прозвучал во многих сердцах!

Париж

Георгий Евангулов

P.S. Для печати или не для печати – по усмотрению.

Г.Евангулов⁵⁴

На первый взгляд, это письмо можно было бы отнести к положительным отзывам. Однако и имя автора, и стиль письма, и предложенное в нем руководство к действию не могли не покори́ть Ходасевича.

Поэт и прозаик Георгий Сергеевич Евангулов (1894–1967) был одним из пионеров русской литературной жизни в межвоенном Париже и членом крайне «левой» литературной группировки «Палата поэтов» (1921), позже растворившейся в группе «Через» (1922), которая под руководством футуриста Ильи Зданевича ориентировалась на ЛЕФ Владимира Маяковского и французских дадаистов⁵⁵. Поэтические сборники Евангулова «Белый духан» (1922) и «Золотой пепел» (1925) несли на себе печать отчаянного авангардизма, типичного для молодых и неопределившихся беженцев начала 1920-х, в чьих писаниях «смесь парижских эксцентрических утонченностей с дубоватым отечественным футуризмом» зачастую становилась «окрошкой из обрывочков всякой левизны: политической, художественной, моральной»⁵⁶. Евангулов разделил судьбу многих авангардистов – Ильи Зданевича, Валентина Парнаха, Сергея Ромова, Владимира Познера, – чьи имена, прогремев в эти «героические времена молодой зарубежной поэзии»⁵⁷, к концу 1920-х исчезли со страниц русских парижских газет и журналов ввиду несовместимости идеологической и эстетической «левизны» с идеальной моделью литературы *эмигрантской*. Известную роль в изгнании левых авангардистов из храма эмигрантской словесности сыграл и сам Ходасевич. Автор пламенных обличений футуризма как «литературного большевиз-

даты принимались лишь по рекомендации действительных членов. И Евангулов, и Поплавский были «забракованы» при отборе (*Яновский В.* Поля Елисейские. С.80).

⁵⁴ Beineke. Nina Berberova Papers. Series VIII: Vladislav Khodasivech Papers. Box 57. Folder 1285.

⁵⁵ Подробнее о первых шагах молодой эмигрантской поэзии в Париже см.: *Livak L.* Histoire de la littérature russe en exil: La «période héroïque» de la jeune poésie russe à Paris // *Revue des études slaves.* 2001. Vol.LXXIII, №1. P.133-150.

⁵⁶ *Адамович Г.* 1) Литературные беседы // *Звено.* 1927. №4. С.187; 2) Парижские впечатления // *Последние новости.* 1934. 12 апреля, №4767. С.2.

⁵⁷ *Кнут Д.* Русский Монпарнас // *Последние новости.* 1927. 1 декабря, №2444. С.3.

ма), критик неоднократно высказывался о «несовместимости футуризма с эмиграцией» и «тактическим выводом из этого положения» считал необходимость «резкого отмежевания от людей, отравленных трупным ядом футуризма»⁵⁸.

Хотя писания Евангулова продолжали появляться в печати, его имя было скомпрометировано и ни одно из его стихотворений не вошло в межвоенные антологии эмигрантской поэзии. Память о левых авангардистах была слишком свежа, чтобы серьезно отнестись к призывам Евангулова «пробуждать совесть» и «воспитывать публику». Именно этим и занимались члены «Палаты поэтов», безуспешно прививавшие «левое искусство» в эмигрантской среде⁵⁹. И если Адамович был склонен прощать заблуждения бывших соратников Евангулова (именно он ввел Бориса Поплавского и Сергея Шаршуна в эмигрантские литературные круги), Ходасевич, напротив, не упускал случая выпороть «Хлебниковых и Маяковских», в чьем лице «кретин и хам получили право кликушествовать там, где некогда пророчествовали люди, которых самые имена не могут называть рядом с этими именами. За крупными кретинами и страшными горланами шли другие – только помельче. Они очутились в эмиграции»⁶⁰. Критик собирал претенциозно авангардные, «дикие, нелепые книжки, изданные в эмиграции», составляя из них «коллекцию литературных (чаще всего поэтических) бредов»⁶¹. Называя эти писания «горгуловщиной» (от Павла Горгулова, писавшего под псевдонимом «П.Бред» и убившего в 1932 французского президента Поля Думера), Ходасевич время от времени цитировал в статьях не только стихи из своей коллекции, но и письма их авторов. Именно эти несуразные и косноязычные письма, состоящие из фраз-выкриков, бесвязных и мутных «манифестов» со множеством восклицательных знаков⁶², приходят на память при чтении письма, которым «разрядился» корреспондент Ходасевича.

⁵⁸ Ходасевич В. Летучие листы // Возрождение. 1930. №1864. С.3-4. См. также: Ходасевич В. 1) О формализме и формалистах // Там же. 1927. №646. С.2-3; 2) О Маяковском // Там же. 1930. 24 апреля, №1787. С.3-4.

⁵⁹ «На тех доисторических вечерах гремели звезды раннего периода, – вспоминал Василий Яновский. – <...> В подвале кафе, на столике во весь рост стоял жизнерадостный Евангулов и выкрикивал стихи на манер Маяковского. Когда в подвал спускалась дама в мехах, он прерывал строфу и говорил очень почтительно: Сюда, графиня, сюда, пожалуйста!» (Яновский В. Поля Елисейские. С.237).

⁶⁰ Ходасевич В. О горгуловщине // Возрождение. 1932. 11 августа. Цит. по: Ходасевич В. Собр. соч. Т.2. С.231.

⁶¹ Там же. С.227.

⁶² См., например, статью Ходасевича «Человеческий документ» (Возрождение. 1929. №1515, 25 июля. С.6).

На этот раз Ходасевич письма не опубликовал, а в следующей статье о смерти Поплавского оговорился: «Настроения молодых мне известны. В настоящий момент они настолько приподняты, что порой раздаются самые крайние мнения и призывы, которых я также и не разделяю»⁶³.

Эта статья, сдержанная по тону, а местами даже оправдывающаяся (будто критик понял, что «позиция сурового максимализма» завела его слишком далеко), была ответом на выступление в печати В.Ф.Зеелера, секретаря Союза писателей и журналистов. Зеелер произнес во всеуслышание то, что Ходасевич уже наверняка знал из частных переписок, а именно: старшим живется отнюдь не легче, а пожалуй, и хуже, чем молодым; что финансовая поддержка от организаций и меценатов распределяется не по возрастному признаку, а по принципу нуждаемости; и что обвинение в невнимании и недоброжелательстве «настолько несправедливо само по себе (если знать вообще писательскую среду и старших и младших)», что Зеелер «лишь ограничился сожалением, что вопрос этот получил такое освещение»⁶⁴.

Однако вместо полемической бури, которую должны были вызвать заявления генерала от литературы, мы находим в ответе Ходасевича лишь попытку смягчить предыдущий «манифест» почти до неузнаваемости. По-прежнему не называя имен, критик пишет, что его упреки старшим писателям «сводились единственно к тому, что они как бы загораживают литературную молодежь от глаз общества и тем лишают ее как моральной, так и материальной помощи, которая ей так нужна». И после нескольких «поправок к поправкам», заключавшихся в педантичном уточнении источников финансирования эмигрантской литературы, Ходасевич идет на мировую, «радостно отмечая, что и Вл. Зеелер обратился теперь к этой теме. Мне даже сдается, что некоторую роль тут сыграла та самая моя статья, на которую Вл. Зеелер возражает. Следственно, вот уже она принесла и пользу»⁶⁵. И таким образом он заканчивает полемику о «резком футуристе»⁶⁶ Борисе Поплавском, чье начало по резкости своей не уступало нападкам авангардистов на литературный истэблшмент...

Возможно, именно в этом нечаянном сходстве, а не в «поправках» бюрократа Зеелера следует искать причины радикального изменения Ходасевичем тактики критического дискурса. Письмо Евангулова послужило зеркалом, в котором критик не мог не узнать

⁶³ Ходасевич В. Поправки к поправкам // Возрождение. 1935. №3816. С.3.

⁶⁴ Зеелер В. Необходимые поправки // Последние новости. 1935. №5342, 8 ноября. С.2.

⁶⁵ Ходасевич В. Поправки к поправкам. С.3.

⁶⁶ См.: Письма Б.Ю.Поплавского Ю.П.Иваску / Публ. Ю.Иваска // Гнозис (Нью-Йорк). 1979. №5-6. С.207 (письмо от 19 ноября 1930).

собственный «суровый максимализм», выразившийся в «крайних мнениях и призывах». Используя персону левого авангардиста Поплавского (который при жизни избегал Ходасевича⁶⁷) как повод к обострению полемики о будущем эмигрантской словесности, критик невольно постучался не в те сердца. Так мнение Евангулова, написанное «для печати или не для печати – по усмотрению», осталось необнародованным, а к полемике о значении смерти Поплавского Ходасевич больше не возвращался.

* * *

Зато той же темой вплотную занялся другой эмигрантский писатель, критик-«максималист» и корреспондент Ходасевича – Владимир Владимирович Набоков (1899–1977). Если Карпович убеждал Ходасевича «довольствоваться малым» в культурной жизни эмиграции, к которой он сам «после Парижа и Праги проникся какой-то любовной жалостью», берлинец Набоков не был расположен симпатизировать эмигрантским литературным кругам Парижа, где центральное место занимали его эстетические противники – литераторы группы «Чисел»⁶⁸. Набоков кривил душой, советуя Ходасевичу «вернуться от «страшного душка эмиграции», «запереться у себя в светлице» и «заниматься своим делом»⁶⁹: будучи равнодушным к судьбе свободной русской литературы, он внимательно следил за ходом эмигрантской культурной жизни и не упускал случая ее прокомментировать. В отличие от Ходасевича, Набоков предпочитал вести критическую полемику не в статьях, а в романах, рассказах и стихотворениях, которые давали больше тактической свободы. Так, в 1934 литераторы «Парижской школы» и в частности Борис По-

⁶⁷ В 1926 Поплавский сообщил В.Сосинскому о своем решении не участвовать в журнале Клуба молодых поэтов, потому что «редактором пригласили Ходасевича. Вообще, все это история густо-правая» (*Поплавский Б.* Неизданное. М., 1996. С.247). Даже после интеграции в эмигрантскую литературную жизнь поэт оставался для Ходасевича персоной нон грата из-за принадлежности к группе «Чисел». Лишь после смерти Поплавского Ходасевич признал, что «как лирический поэт Поплавский, несомненно, был одним из самых талантливых в эмиграции, пожалуй – даже самый талантливый» (*Ходасевич В.* В венке из воска // *Возрождение.* 1938. 14 октября. Цит. по: Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников / Ред. Л.Аллен, О.Гриз. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С.178).

⁶⁸ О конфликте Набокова с «числовцами» см.: *Boyd B.* Vladimir Nabokov. The Russian Years. P.350, 374; *Давыдов С.* «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. Мюнхен, 1982. С.10-51; *Долинин А.* Две заметки о романе «Дар» // *Звезда.* 1996. №11. С.173-180; *Мельников Н.* «До последней капли чернил...»: Владимир Набоков и «Числа» // *Литературное обозрение.* 1996. №2. С.73-82.

⁶⁹ См. письмо 2 в наст. разделе.

плавский могли узнать себя в «бредовом» стиле, литературных вкусах и поведении сумасшедшего героя романа «Отчаяние»⁷⁰. С публичным чтением этого романа Набоков выступал в Париже на вечерах, которые помогал ему устраивать Ходасевич⁷¹, таким образом лишний раз донимая литераторов из группы Адамовича⁷². Но главным полигоном для критических «упражнений в стрельбе»⁷³ явился последний русский роман Набокова – «Дар» (1933–1938), работа над которым и обсуждается в нижеприведенных письмах.

Ходасевича связывали с Набоковым не только близость эстетических воззрений и общие оппоненты, но и тактика шоковой терапии в критическом дискурсе. Отличаясь темпераментом от своего коллеги и учителя, Набоков предпочитал смех и иносказание громогласной драматизации, а потому не скупился на едкий сарказм в отношении противников, чьи беспощадные карикатуры украсили «Дар» как готические химеры. Разнообразие реакций на критические выступления Набокова напоминает ситуацию со статьями самого Ходасевича. Комментируя карикатурные портреты в третьей главе «Дара», и в первую очередь – пародию на писания Адамовича, послужившего, вместе с Гиппиус, прототипом собирательного образа критика Мортуса⁷⁴, Ходасевич сообщал Набокову 25 января 1938: «Кстати сказать – прелестны пародии на рецензии. Мортус, как Вы, конечно, заметили, озверел, но это полезно. <...> В ближайшем номере “Возрождения” прочтите мою статью о нашем друге Георгии Иванове. Она не очень удалась <...> но кое-что в ней Вы, надеюсь, оцените»⁷⁵.

В то же время Алданов, усматривавший в выпадах Набокова тактическую ошибку, писал 29 января 1938: «Зачем Вы это делаете? Разумеется, в редакции “Последних новостей” (и везде) в этом *все*, вплоть до дактилографки “Ляли“, тотчас признали Адамовича (я пы-

⁷⁰ Подробнее о полемике с «Парижской школой» в романе Набокова, включавшей и пародию на «горгуловщину» в критических статьях Поплавского, см.: *Livak L. A Mirror For the Critic: Two Aspects of Taste and One Type of Aphasic Disturbance in Vladimir Nabokov's «Despair» // Canadian-American Slavic Studies. 2000. Vol.34, №4. P.447-464.*

⁷¹ См. об этом в письме 1 в наст. публ.

⁷² Описание реакции «парижан» на публичное чтение «Отчаяния» см.: *Яновский В. Поля Елисейские. С.247-248, 277.* См. также обсуждение «неловкого и тягостного впечатления» от чтения отрывков из «Дара», где пародийно описывался вечер эмигрантской поэзии, в письме Штейгера к Иваску от 30 января 1937: К истории «Парижской школы»: Письма Анатолия Штейгера. 1937–1943 / Публ. Л.Ливака // *Canadian-American Slavic Studies. 2003. Vol.37, №1-2. С.91).*

⁷³ *Набоков В. Дар // Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т.4. СПб., 2000. С.377.*

⁷⁴ О прототипах Мортуса см. комментарии А.Долиннина к роману «Дар»: *Набоков В. Собр. соч. русского периода. Т.4. С.691.*

⁷⁵ Из переписки В.Ф.Ходасевича (1925–1938) / Публ. Дж. Малмстада // *Минувшее. Вып.3. Париж, 1987. С.281.*

тался отрицать, но никто и слушать не хотел), и не скрою, на Вас сердятся»⁷⁶.

Сам объект пародии также не замедлил с ответом, в котором слышался не только задетый оппонент, но и критик Набокова как плохого тактика в литературной полемике. «Пародия, – писал Адамович, – самый легкий литературный жанр, и, будем беспристрастны: Сирина его “рецензии” удались. Если все же эти страницы “Дара” как-то неловко и досадно читать, то потому, главным образом, что они не только портретны, но и автопортретны. <...> Сириин, действительно, исключительно остроумный писатель, остроумный не в смысле зубоскальства или насмешливости, сказавшихся в пародии, а в смысле умения делать из неожиданных наблюдений самые непредвиденные выводы. Остроумно всякое его сравнение, всякое описание. Но остроумие и ум – вовсе не то же самое: порой даже они друг друга исключают»⁷⁷.

Как призывы к благоразумию в письме Карповича не оказали должного влияния на Ходасевича, так и алдановские доводы не были услышаны Набоковым, задумавшим роман-«охранную грамоту», который, сохраняя и кодируя приемлемые черты русской литературной традиции, гарантировал бы ей благополучный выход из испытания всевозможными искусителями⁷⁸. Чем отчаяннее гротеск химер, тем надежнее защищен храм от их прототипов (реальных или воображаемых). Если Ходасевич безжалостно бичевал горгулювых, Набоков ваял их пародии в виде горгулий, долженствовавших отпугнуть злых духов от храма русской словесности. Одной из таких химер в «Даре» была история трагической смерти молодого эмигрантского поэта Яши Чернышевского, чье эстетически мотивированное самоубийство включало в свое семантическое поле черты самых разнообразных, но равно неприемлемых для Набокова литературных и философских течений России и Западной Европы. Жизнетворчество Бориса Поплавского послужило основной моделью истории Яши: разнося стихи покойного, Федор Годунов-Чердынцев дословно повторяет критику стихов Поплавского из набоковской рецензии на первый сборник поэта – «Флаги»⁷⁹. Поплавский послужил связующим звеном между русским эмигрантом Яшей Чернышевским и послевоенной культурной мифологией Западной Европы, и в первую

⁷⁶ Цит. по: *Набоков В.* Собр. соч. русского периода. Т.4. С.690.

⁷⁷ *Адамович Г.* «Современные записки». Кн. 67-я. Часть литературная // Последние новости. 1938. 10 ноября, №6437. С.3.

⁷⁸ См.: *Сегал Д.* Литература как охранная грамота // *Slavica Hierosolymitana*. 1981. №5-6. С.151-244.

⁷⁹ Подробнее о перекличке историй Яши Чернышевского и Бориса Поплавского см.: *Livak L.* The Novel as Target Practice: Vladimir Nabokov's The Gift and the «New Malady of the Century» // *Studies in the Novel*. 2002. Vol.34, №2.

очередь, французским мифом о «новой болезни века» – фундаментом эстетики и идеологии группы «Чисел»⁸⁰. Отрицание этого мифа станет определяющим в оценке Яшиной смерти. Полное значение критической позиции Набокова в «Даре» доступно благодаря эпистолярному подтексту, где иносказаниям и намекам Набокова-романиста приходит на смену резкая артикуляция Набокова-критика.

Для Ходасевича это было особенно важно: самоизолировавшись от литературной жизни Франции⁸¹, критик не мог видеть французских источников эстетики «Парижской школы» и в результате пытался отыскать их в сугубо русской литературной традиции. Письма Набокова помогали Ходасевичу ориентироваться в бурной культурной жизни межвоенного Парижа, окружавшей русскую эмиграцию.

Ниже мы приводим два письма Набокова Ходасевичу.

1

26.IV.<19>34

Дорогой Владислав Фелицианович,

благодарю вас за милое письмо.

С моей стороны было оплошностью адресовать книгу в редакцию, – но посылал я через моих издателей и думал, что так выходит для них проще, тем более, что посылался экземпляр и А.Яблоновскому¹ (кстати: получил ли он? Может быть, вы при случае спросите его?). Мне, знаете, неприятно, что для вас – в продолжение нескольких месяцев – мой образ постепенно обрастает розовой щетиной: я был бы, право, беспримерной свиньей, коли не послал бы вам книги. Мне кажется, что если бы даже никогда, никогда вы не обмолвились насчет получения ее, я бы и тогда на вас не обиделся (т. е. честнее: маленькая обида никак не могла бы перетянуть все другое, что чувствую к вам, – основное, обидоупорное).

Я собираюсь приехать в середине мая в Париж, чтобы снова «выступить с чтением произведений» как прошлый раз. Поможете ли вы мне как тогда?² Роман, который теперь пишу – после «Отчаяния», – чудовищно труден³; между прочим, герой мой работает над биографией Чернышевского⁴, а потому мне пришлось прочесть те многочисленные книги, которые об этом господине написаны, – и все это по-своему переварить, и теперь у меня изжога. Он был бездарнее многих, но многих мужественнее. В его дневнике есть подробное описание того, как, каким способом и где он блевал (нищ был, нечистоплотен, питался дрянью в эти его «студентские» годы). Тома его писаний совершенно, конечно, мертвые теперь, но я выискал там

⁸⁰ См.: Livak L. Making Sense of Exile...

⁸¹ См.: Берберова Н. Курсив мой. М., 1996. С.262.

и сям (особенно в двух его романах и мелких вещах, написанных на каторге) удивительно человеческие, жалостливые вещи. Его здорово терзали. Он называл Толстого «пошляком, украшающим павлиньими перьями свою пошлую задницу», а Толстой его называл «клоповоняющим» (оба – в письмах к Тургеневу). Жена называла его «мой канашенька» и бешено ему изменяла. Он предпочитал Шпильгагена Флоберу и ставил Беранже выше Пушкина... И т. д.

Так как я покупаю по четвергам «Возрождение» – а в исключительных случаях и в другие дни, – то не пропустил ваших замечательных статей о Белом¹. Я читал «Петербург» раза четыре – в упоении – но давно («Кубовый куб кареты», «барон–борона», какое-то очень хорошее красное пятно – кажется, от маскарадного плаща, – не помню точно; фразы на дактилических рессорах; тикание бомбы в сортире...). А из стихов: чудные строки из «Первого свидания», – полон рот звуков: «как далай лама молодой...» Встречаю иногда на улице – живет в нашем районе – барышню, о которой вы упоминаете: сутуловатая, с провизией в сетке, водянисто-сизые глаза⁶.

Берлин сейчас очень хорош, благодаря весне, которая в этом году особенно сочная, – и я, как собака, шалею от всяких интересных запахов.

Как буду я рад видеть вас! Покамест желаю вам всего доброго и крепко жму вашу руку.

В.Набоков

¹ Александр Александрович Яблоновский (наст. фам. Снадзский; 1870–1934) – журналист и литературный критик, сотрудничавший в газете «Возрождение», председатель Совета объединенного Зарубежного союза русских писателей и журналистов.

² Имеется в виду приезд Набокова в Париж в октябре 1932. В ноябре Набоков выступил с публичным чтением стихов и первых двух глав из «Отчаяния».

³ Отклик эпистолярного обсуждения «Дара» мы находим в статье Ходасевича, появившейся еще до публикации романа: «Жизнь художника и жизнь приема в сознании художника – вот тема Сирина. <...> Однако художник (и говоря конкретней – писатель) нигде не показан им прямо. <...> Представив своих героев прямо писателями, Сирину пришлось бы, изображая их творческую работу, вставлять роман в роман и повесть в повесть, что непомерно усложнило бы сюжет и потребовало бы от читателя известных познаний в писательском ремесле» (*Ходасевич В. О Сирина // Возрождение. 1937. 13 февраля, №4065. С.9. Цит. по: Ходасевич В. Собр. соч. Т.2. С.394*). См. также письмо Набокова к редактору «Современных записок» В.В.Рудневу от 11 февраля 1935: «Над романом “О Чернышевском” работаю уже два года, но он совершенно не готов для печати, не говоря уже о том, что круг читателей, которым он будет доступен, будет пожалуй еще ограниченнее» (Из архива В.В.Набокова / Публ. В.Аллой // Минувшее. Вып.8. Париж, 1992. С.278). Рецензируя первую главу «Дара», Ходасевич омечал,

что «сирийское дарование вряд ли способен по достоинству оценить “широкий читатель” и даже “широкий писатель” нашего времени. <...> Уже совершенно ясно, что к несчастью (к нашему, а не его), сложностью своего мастерства, уровнем художественной культуры приходится он не по плечу нашей литературной эпохе» (*Ходасевич В.* «Современные записки». Кн. 63-я // Возрождение. 1937. 15 мая, №4078. С.9).

⁴ Ходасевич вполне оценил набоковскую пародию как тактику критической полемики. Рецензируя третью главу «Дара», он писал:

Не могу отказать себе в удовольствии обратить внимание читателей на очередной отрывок, в котором рассказывается о том, как герой работал над биографией Чернышевского. Эта глава, где под видом озорной шутки сказаны очень важные и печальные вещи, несомненно причинит автору много хлопот. Все выученики и почитатели прогрессивной полиции умов, надзиравшей за русской литературой с сороковых годов прошлого века, должны взбеситься. Их засилье не совсем еще миновало, и над автором «Дара» они взовьются теперь классическим «журнальным роем» слепней и комаров.

(*Ходасевич В.* «Современные записки». Кн. 66-я // Возрождение. 1938. 24 июня, №4137. С.9)

Ср. с предчувствием «воя» в переписке Ходасевича с Карповичем (письмо Ходасевича от 19 марта 1932).

⁵ В связи со смертью Андрея Белого (1880–1934) Ходасевич опубликовал в «Возрождении» большую статью «Андрей Белый. Черты из жизни» (8, 13 и 15 февраля 1934).

⁶ Имеется в виду *Mariechen*, «болезненная, запуганная девушка, дочь держателя маленькой пивной», в которую «полу-влюбился» Белый в свою бытность в Берлине (*Ходасевич В.* Андрей Белый // *Ходасевич В.* Собр. соч. Т.4. С.61). Именно ей посвящено стихотворение «An Mariechen» (1923) из книги Ходасевича «Европейская ночь». Вот как описывал *Mariechen* в своих воспоминаниях А.В.Бахрах:

Невзрачная, белотелая, каких в дюжине десять, берлинская девушка на выданье. <...> Весь внешний облик Марихен, никак не походившей на какую-либо «прекрасную даму», был в моих глазах весьма банальным. При всем желании я не мог бы сейчас восстановить ее внешний вид перед моими глазами, потому что она ничем не выделялась. Старань, но не вижу ее, хотя Ходасевич и нарисовал ее поэтический портрет чуть ли не трагедийными штрихами.

(*Бахрах А.* «По памяти, по записям»: Андрей Белый // *Континент.* 1975. №3. С.304-305)

2

24.VII.<19>34

Дорогой Владислав Фелицианович,

очень был рад получить от вас письмо, благодарю за просьбу, исполняю ее.

А знаете – мне стало не по себе от заключительных ваших строк. Нет – к страшному душу эмиграции приноживаться не следует

(мне, живущему в стороне, в почти идиллической глуши, легко говорить, конечно), самое лучшее, – как впрочем всегда, во все времена и при всех запахах, – запереться у себя в светлице (или еще вернее: как кочегары, знающие только свою топку – что бы ни делалось на палубе, на море) и заниматься своим бессмысленным, невинным, упоительным делом, – мимоходом оправдывающим все то, что в сущности оправдания и не требует: странность такого бытия, неудобства, одиночество (которое я в детстве производил от «ночи») и какое-то тихое внутреннее веселье. Потому невыносимы – равно умные и неумные – речи о «современности»¹, «*inquiétude*»², «религиозном возрождении»³ и решительно все фразы, в которых встречается слово «послевоенный»⁴. Чую в этой «идейности» такую же стадность, «давайте-все-вместе», как было, скажем, в увлечениях всемирными выставками вчера, т. е. в прошлом веке. Я не желаю ни «беспокоиться», ни «возродиться»⁵. Пишу же вам все это как-то рикшетом – быть может и не очень кстати.

Сын мой – чудный сын. Напрягая верхнюю губу и – белеющие при этом – ноздри, он произносит, воркуя, свое первое слово: «хайль» (что как раз очень современно) и улыбается при живейшем участии языка. Глаза у него цвета синих чернил (а вы еще советуете не делать из него сочинителя!) с так называемыми «часиками», т. е. точно с темненькими цифрами по ободку райка. Нагибающиеся над ним видят себя отраженными – в этих синих глазках – в форме пешки, – по черной пешке в каждом. Я сейчас прервал это письмо, чтобы быть при купании – удивительно у него гладкая спина – «как у гуся», – кулинарное сравнение прислуги.

Пишу свой роман, не читая газет – благо «мой орган»⁶ приходит перестал. Видим «Числа» – которые почему-то всегда мне напоминают – по слогу и соблазнам – рекламы «Крема Токалона» («он опять ушел к этой блондинке» и т. д.). Выходят ли еще «Встречи»⁷? Что такое «Меч»⁸?

Желаю вам, дорогой Владислав Фелицианович, всего доброго, жму вашу руку, жена шлет вам привет.

Ваш В.Набоков

¹ Буквальный перевод термина «*modernité*», которым французские критики 1920-х – 1930-х обозначали духовное состояние послевоенного интеллигента как «европейского Гамлета, рассматривающего череп своей цивилизации». Это «болезненное» состояние (Поль Валери), определявшееся такими мифологемами, как «абсолютное одиночество» и «экзистенциальное беспокойство», получило во французской публицистике название «новой болезни века» и требовало «нового», утилитарного и наивно-реалистического, подхода к искусству как к средству воссоздания культуры и человека. Именно молодые французские писатели, сложившиеся во время и после войны, должны были страдать от этой «болезни», в отличие от довоен-

ного поколения литературных «стариков». См.: *Arland M. Sur un Nouveau mal du siècle <1924>* // *Essais et nouveaux essais critiques*. Paris, 1952. P.11-37; *Valéry P. La Crise de l'esprit <1919>* // *Œuvres*. Vol.1. Paris, 1957. P.992-993, 1000; см. также высказывания по этому поводу французских писателей и критиков в изд.: *Enquête sur les maîtres de la jeune littérature* / Eds. Henri Rambaud, Pierre Varillon. Paris, 1923 (Louis Aragon – P.17; Gérard Bauer – P.237-239; Benjamin Crémieux – P.52-54; Raymond Escholier – P.75, Henri Massis – P.332-333; Philippe Soupault – P.195-196).

См. эмигрантскую реакцию на французскую культурную мифологию и ее адаптацию в мировоззрении «Парижской школы»: *Адамович Г.* 1) Начало // *Современные записки*. 1930. №41. С.500-511; 2) О литературе в эмиграции // Там же. 1932. №50. С.327-339; *Варшавский В.* 1) Несколько рассуждений об Андре Жиде и эмигрантском молодом человеке. С.216-222; 2) О «герое» эмигрантской молодой литературы // *Числа*. 1932. №6. С.164-172; *Городецкая Н.* Спор поколений // *Возрождение*. 1932. №2417. С.5; *Дашков Н.* <*В.Вейдле*>. Из европейской литературы; *Болезнь века* // Там же. 1930. №2004. С.4; *Лейс Д.* <*В.Вейдле*>. *Болезнь века* // *Звено*. 1927. 17 апреля, №220. С.5-6; *Тератиано Ю.* Человек 1930-х годов // *Числа*. 1933. №7-8. С.210-212; *Фельзен Ю.* Мы в Европе. Круг. Беседа 11. 3 мая 1936 // *Новый Град*. 1936. №11. С.154-160.

Ср. употребление того же термина писателем из противоположного Набокову лагеря:

Вот вчера во французском критическом фельетоне я наткнулся на фразу, пожалуй случайную, но верную и страшную – об «умирании произведений» <...> Мне сразу вспомнились наши прежние споры <...>: про каждую книгу решать – устарела – это чересчур легкий способ подчеркивать свою «современность». О как насмешливо и злобно вы растягивали слово «современность» <...> Между тем подобные мысли, когда-то, по чужому намеку или указанию, меня поразившие и сегодня в газетной статье лишний раз случайно подтвержденные, – эти мысли давно сделались навязчиво мне близкими.

(*Фельзен Ю.* Письма о Лермонтове. Берлин, 1935. С.4).

² Букв.: волнение, беспокойство, тревога (*франц.*). Самый модный и распространенный термин из словаря французских критиков и публицистов, обозначающий состояние духовного неблагополучия послевоенного индивидуума как результат одновременной «смерти» Бога и позитивистской веры в прогресс. Термин вошел в употребление в 1920 благодаря романам молодых французских писателей: Jacques de Lacretelle «*La Vie inquiète de Jean Hermelin*», André Obey «*L'Enfant inquiet*» и Louis Chadourne «*L'Inquiète adolescence*». Ср. с употреблением того же термина в эмигрантском критическом дискурсе: *Адамович Г.* О французской «*inquiétude*» и о русской тревоге // *Последние новости*. 1928. 13 декабря, №2822. С.2; 27 декабря, №2836. С.3; *Фохт В., Sébastien R.* *Inquiétude dans la littérature* // *Rencontres: Soirées franco-russes. Cahiers de la Quinzaine*. Vol.1 (hors série). Paris, 1930.

³ Реконструкция европейской культуры на «забытой» христианской основе была предложена как выход из послевоенного духовного и культурного кризиса группой мыслителей и писателей «Католического возрождения», душой которой являлся французский философ Жак Маритен. См.: *Crémi-*

eux B. *Inquiétude et reconstruction*. Paris, 1931; *Daniel-Rops H.* Un bilan de dix ans: De l'inquiétude à l'ordre // *Revue de deux mondes*. 1932. №11. P.178-203; *Massis H.* Dix ans après: Réflexions sur la littérature d'après guerre. Paris, 1932. Это же стремление к религиозному возрождению разделяли не только сотрудники «Чисел» и их старшие союзники, но и ведущие эмигрантские мыслители – от Бердяева, Степуна и Федотова до Мережковского. Именно такое возрождение в «новом граде» и пропагандировал одноименный журнал, позаимствовавший свое название у духовного вождя «Католического возрождения» – поэта Шарля Пеги, в свою очередь позаимствовавшего основные символы «Католического возрождения» из теологического трактата Св. Августина «Град Божий».

⁴ Принимая во внимание, что в эмигрантском варианте современного духовного и культурного кризиса отсчет велся не от Первой мировой войны, а от русской революции (отсюда и распространенные критические клише «пореволюционное сознание» и «пореволюционные течения»), – употребленный Набоковым термин «послевоенный» намекает именно на французскую культурную мифологию, чьи «*inquiétude*» и «возрождение» находятся среди источников «страшного душкэ эмиграции».

⁵ Ср. размышления Федора о судьбе Яши: «Иной мыслящий пошляк, беллетрист в роговых очках, – домашний врач Европы (ср. «новая болезнь века». – Л.Л.) и сейсмограф социальных потрясений, – нашел бы в этой истории, я не сомневаюсь, нечто в высшей степени характерное для “настроенной молодежи в послевоенные годы”, – одно это сочетание слов (не говоря про область идей), невыразимо меня бесило; я испытывал приторную тошноту, когда слышал или читал очередной вздор, вульгарный и мрачный вздор, о симптомах века и трагедии юношества» (*Набоков В.* Дар. С.226-227). С «модной комбинацией развития» (с.229) Яшиной истории у Федора возникает слишком много литературных ассоциаций, звучащих «нестерпимо типичной нотой» (с.230; ср. термин «парижская нота», приписываемый Поплавскому. – Л.Л.), где каждый актер трагедии играет роль, отведенную ему «французскими драматургами» (Там же). Письмо Набокова является дополнительным подтверждением того, что писатель рассматривал послевоенную французскую культурную мифологию, включавшую в себя и групповое самоубийство, как один из разрушительных факторов в судьбе основного прототипа Яши, Бориса Поплавского, и всей молодой эмигрантской литературы. Нам представляется, что именно в желании Набокова дать свою интерпретацию смерти Поплавского, благодаря Ходасевичу ставшей на время центральным событием эмигрантской литературной жизни, следует искать причины того, что история Яши заняла такое важное место в «Даре». Подробнее об этом см.: *Livak L.* The Novel as Target Practice... О более ранних и, как нам кажется, менее важных для Набокова прототипах Яши см.: *Nesbet A.* Suicide as Literary Fact in the 1920s // *Slavic Review*. 1991. Vol.50, №4. P.827-835.

⁶ Вероятно, имеется в виду еженедельник «Россия и славянство», издававшийся П.Б.Струве с 1928 по 1934. Полное название газеты включало фразу: «Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности».

⁷ Литературный журнал под редакцией Г.В.Адамовича и М.Л.Кантора, выходивший в Париже с января по июнь 1934.

⁸ Еженедельный литературный журнал, выходивший в Варшаве в 1934 под редакцией Д.В.Философова и Д.С.Мережковского. В 1934–1940 (с №21) издание выходило в виде еженедельной газеты под редакцией В.В.Бранда и Г.Г.Соколова (фактический редактор Д.В.Философов). Подробнее см.: *Баран Х. Мережковский и журнал-газета «Меч» // Д.С.Мережковский: Мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С.178-197.*

II

Упомянув о варшавском «Мече», Набоков не мог знать, что этот литературный еженедельник вскоре станет прибежищем для критика-единомышленника, поддержавшего Ходасевича в его полемике с литераторами «Парижской школы». Конфликт «парижан» с «провинциалами» из Праги, Берлина и Варшавы стал отправной точкой истории «Меча», которую Ходасевич описал следующим образом:

Войдя <в «Меч»> сплоченною группой, парижане тотчас повели себя гегемонами и явно выказали претензию на роль как бы политической «метрополии». «Провинциалы» этого не стерпели, повели себя предезко и в конце концов свергли парижан, что, впрочем, стоило жизни всему предприятию: журнал распался, и ныне «Меч» выходит в виде еженедельной газеты, но преимущественно политической.⁸²

Дело, однако, обстояло не так уж безнадежно. Свергнув парижан, редакторы «Меча» предложили место постоянного критика Альфреду Людвиговичу Бему (1886–1945) – филологу-слависту и историку литературы, к мнению которого прислушивались многие «провинциальные» поэты и прозаики. Живя в Праге, Бем преподавал русскую и сравнительную литературу в университете. Помимо текущей критики, он занимался историей и теорией литературы, и, в частности, изучением Достоевского и Пушкина. Бем был вдохновителем и организатором пражского «Скита поэтов», где молодые изгнанники совмещали занятия поэтикой и историей литературы с эстетическими дискуссиями и разбором произведений членов кружка. К началу 1930-х значение Бема как наставника и покровителя молодых эмигрантских поэтов Праги затмило подобную же роль Ходасевича в Париже, по мере того как «младшие» поэты-парижане оставляли «неоклассицизм» Ходасевича ради более «современных» эстетических теорий круга Адамовича.

⁸² *Ходасевич В. Книги и люди. Новые стихи // Возрождение. 1935. 28 марта, №3585. С.9. Ср. с мнением Юрия Терапиано в недатированном письме к Зинаиде Шаховской: «“Меч” теперь не существует, т. е. не существует для парижан: Мережковский и все парижские сотрудники отказались работать с варшавскими из-за их грубого тона и явной ненависти ко всякой культуре» (Amherst. Shakhovskoy Family Papers. Series I. Zinaida Shakhovskoy Papers. Box 1. Folder 46).*

Конфликт группы «Чисел» с «провинциалами» наметился еще до появления «Меча», как следует из шуточного диагноза – *morbus adamoviciensis*⁸³, вынесенного «скитовцами» неприемлемым эстетическим течением в эмигрантской словесности⁸⁴. Сам Бем, будучи поборником формального мастерства, часто критиковал основные положения «Парижской школы» в берлинском «Руле» и в варшавской газете «За свободу». Подобно Ходасевичу, он подчеркивал несостоятельность теории о «человеческом документе» и неустанно повторял, что литературу составляют хорошие стихи и проза, а не эмоции, пусть даже выраженные с предельной искренностью.

Не случайно поэтому в своих статьях Бем выказал резкую нетерпимость к центральным фигурам «молодой» парижской литературы, регулярно разнося «Комментарии» Георгия Адамовича, прозу Екатерины Бакуниной⁸⁵, Бориса Поплавского и Юрия Фельзена, поэзию Лидии Червинской и Анатолия Штейгера (последний, по иронии судьбы, был братом любимой ученицы Бема – поэт Аллы Головиной). Разнообразные теоретические и историко-литературные знания помогали Бему в критической полемике, а также явились дополнительным связующим звеном в общении с Ходасевичем, разделявшим его пушкиноведческие интересы. В конъюнктуре литературной жизни Зарубежья пушкинистика вышла за пределы сфер академических, став одним из камней преткновения в полемике вокруг эстетики и философии группы «Чисел».

Как и положено литературному течению с претензией на оригинальность, «парижане» выстраивали «свою генеалогию», отрицая общепринятые авторитеты. Наиболее скандальной из таких переоценок явилась «замена» Пушкина Лермонтовым. Последний противопоставлялся Пушкину как более современный писатель, близкий к мироощущению литераторов, пораженных «новой болезнью века». Пушкин же представлялся идеологам «Парижской школы» устаревшим – его мировоззрение было слишком оптимистично, самосознание слишком цельно, поэзия слишком блестяща, а литературная карьера слишком удачлива⁸⁶.

⁸³ Здесь: вирус Адамовича (*лат.*)

⁸⁴ *Задражилова М.* Безответный триалог // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: Сб. докладов международной конференции. Т.1. Прага, 1995. С.181.

⁸⁵ Ср. саркастический, с употреблением «гинекологических метафор», комментарий Бема «художественных достоинств» прозы Бакуниной (*Бем А.* О «Любви второй» В.С.Яновского // Меч. 1935. 29 сентября, №38 (71). С.6) с мнением Ходасевича о романе «Тело» (см. выше).

⁸⁶ См., например: *Адамович Г.* 1) Комментарии // Числа. 1930. №1. С.142; 2) Жизнь и «жизнь» // Последние новости. 1935. 4 апреля, №5124. С.2; *Иванов Г.* Распад атома. Париж, 1938. С.34-35, 79-80; *Ойун Н.* Из дневника // Числа.

Оппоненты, и в первую очередь Ходасевич, не упускали случая упрекнуть писателей «круга Адамовича» в эстетической некомпетентности – на основе их оценки пушкинского наследия⁸⁷. Бем поддерживал Ходасевича в этой полемике и использовал его выпады против «антипушкинистов» в собственных статьях⁸⁸. Сознание особой «культурной миссии» эмиграции обострило актуальность наследия Пушкина и пушкинистики в эмигрантской литературной борьбе и придало дополнительный смысл столетней годовщине смерти поэта⁸⁹.

Занимаясь сравнительным литературоведением, Бем старался знакомить Ходасевича с современной западноевропейской литературой. Подобно Набокову, пражский корреспондент указывал критику, плохо разбирающемуся в литературной жизни Франции, на основные источники эстетических теорий «Парижской школы»⁹⁰. Ведя спор с «кругом Адамовича», Бем прозорливо отмечал, что особенно сти парижского направления эмигрантской поэзии следует искать в «сегодняшней литературе европейской, преимущественно французской», которая не могла «не оказать влияния на восприимчивое ко всему новому и талантливому молодое поэтическое поколение»⁹¹. Как и Набоков, Бем прекрасно разбирался в литературной жизни послевоенной Франции и усматривал в писаниях русских парижан желание следовать модной теории «новой поэзии века» со всеми ее философскими и эстетическими атрибутами⁹². И хотя, вопреки своим эпистолярным консультантам, Ходасевич так и не признал (по

1930. №2-3. С.163; *Поплавский Б.* По поводу... // Числа. 1930/1931. №4. С.171; *Фельзен Ю.* Письма о Лермонтове. Берлин, 1935. С.11-13. Подробнее о полемике вокруг наследия Пушкина см.: *Долнин А.* Три заметки о романе Владимира Набокова «Дар» // В.В.Набоков: Pro et Contra. СПб., 1997. С.704-706; *Федотов Г.* О парижской поэзии // Ковчег. Нью-Йорк, 1942. С.197.

⁸⁷ 21–22 июля 1927 Адамович писал Гиппиус: «Я, кстати, нахожусь в периоде полной потери последних остатков “ценностей” и даже когда читаю какие-нибудь стихи сомневаюсь (серьезно) – “хорошо” или “плохо”, а если плохо, то почему? <...> Я это, уезжая из Парижа, сказал Кантору, указывая на невозможность при таких обстоятельствах заниматься критикой, на что он мне посоветовал читать Пушкина, как “незыблемый критерий”. Ох, сомневаюсь! – не говорите только Ходасевичу» (Письма Адамовича к Гиппиус. С.465).

⁸⁸ См.: *Бем А.* Культ Пушкина и колеблющие треножник // Руль. 1931. 18 июня, №3208. С.2-3. Бем здесь цитирует статью Ходасевича «Книги и люди» (опубл.: *Возрождение.* 1931. 28 мая, №2186), а название фельетона является аллюзией на речь Ходасевича «Колелемый треножник», прочитанную 14 февраля 1921 на пушкинском вечере в петроградском Доме литераторов (впервые опубл.: *Вестник литературы.* 1921. №4/5 (28/29). С.18-20).

⁸⁹ См. письма 4–8 в наст. разделе.

⁹⁰ См. письмо 3 в наст. разделе.

⁹¹ *Бем А.* Жизнь и поэзия // Меч. 1935. 21 апреля, №16 (49). С.6.

⁹² См., например: *Бем А.* Поэзия Л.Червинской // Там же. 1938. 1 мая, №17 (203). С.6.

крайней мере, в печати) ключевого значения французской литературной жизни в теории и практике «Парижской школы», мнения корреспондентов-единомышленников не могли не сказаться на его отношении к литературной продукции эмигрантских модернистов.

Кроме общего врага, пражского и парижского оппонентов Адамовича связывала склонность к тактике «сурового максимализма» в критическом дискурсе. Обрушивая громы и молнии своих рецензий на тех же авторов, что и Ходасевич, Бем находил, что «лучше ошибиться, может быть, даже сгустить краски, чем оставаться при той розовой водиче, которой мы пробавляемся вот уже более десяти лет». Идя по дороге компромисса и попускательства, критик «ставит крест не только над критикой, но и над художественной литературой эмиграции. Ибо между критикой и литературой существует глубокая связь»⁹³. Как это случалось и с Ходасевичем, подобная тактика значительно усложняла не только личные отношения Бема с эстетическими противниками, но и саму форму критической полемики. Отсюда жалобы пражского критика на то, что его голос остается не услышанным в Париже, где никто не читает «провинциальной» прессы⁹⁴.

Свидетельства парижских оппонентов Бема позволяют внести поправку в его сетования на «безответность»⁹⁵. Комментируя противостояние Бема и Адамовича в письме от 16 августа 1935 к Зинаиде Шаховской, Анатолий Штейгер подтверждает, что статьи Бема внимательно прочитывались в Париже; однако тактика критического дискурса пражанина сводила на нет возможность открытой полемики: «Я выписал “Меч” и наслаждаюсь его “литературной” страницей, – писал Штейгер, – в особенности статьями Бема – *raison d'être*»⁹⁶ которого ненависть к Адамовичу исключительно какая-то темпераментная. И от статьи к статье она только возрастает: Адамович дал слово Бему никогда не отвечать»⁹⁷.

Судя по всему, резкий тон Бема заставил Адамовича опасаться, что прямой ответ в печати придаст дискуссии скандальный привкус сведения счетов⁹⁸. Поэтому парижский критик предпочитал атако-

⁹³ Бем А. О критике и критиках // Рувль. 1931. 29 апреля, №3168. С.2-3.

⁹⁴ См. письмо 3 в наст. разделе.

⁹⁵ В данном вопросе мы расходимся с М.Задражиловой, считающей, что статьи Бема действительно «оставались без ответа», потому что «самозванная “столица” Русского зарубежья не удостоила “провинцию” своим вниманием» (См.: *Задражилова М. Безответный диалог. С.182*).

⁹⁶ Смысл существования (*франц.*).

⁹⁷ Amherst. Shakhovskoy Family Papers. Series I. Zinaida Shakhovskoy Papers. Box 1. Folder 41.

⁹⁸ Штейгер в «литературных войнах» предпочитал ту же тактику непрямого нападения. Так, 10 марта 1938 он сообщал Терапиано, редактировавшему альманах «Круг», о будущей рецензии на стихи Юрия Иваска: «Мне бы также очень

вать литературные взгляды Бема под более нейтральными предложениями. Одним из них и явилась книга Бема «О Пушкине» (1937). Рецензия Адамовича на эту книгу была воспринята Бемом и Ходасевичем как продолжение критической полемики по вопросам современной эстетики – яркий пример использования пушкинистики в качестве дымовой завесы для дискуссии на эмигрантские литературные темы⁹⁹.

Подобно Ходасевичу, Бем возлагал большие надежды на «младших» эмигрантских писателей, в которых видел будущее российской словесности, так как советская литература, по его мнению, к 1930 выдохлась¹⁰⁰. Именно поэтому критик-«провинциал» принял на себя ту самую функцию наставника, которой требовал от «старших» парижских писателей Ходасевич. Роль критика Бем видел в том, чтобы указывать на несостоятельность литературы «подсоветской» и напоминать о культурной миссии эмигрантской словесности. Бем был равно далек и от вульгарной социологии Марка Слонима, полагавшего, что литература в изгнании обречена на вымирание из-за оторванности от «почвы»; и от эстетствующего пораженчества Адамовича, настаивавшего на том, что литературе необходимо «умереть и воскреснуть», как приносящему плод зерну¹⁰¹ – позиция, которую Бем считал «декадентством»¹⁰². Но не разделял он и пессимизма Ходасевича, объяснявшегося скорее темпераментом критика и его склонностью к «художественной» драматизации, чем реальным положением вещей. Бем находил, что «слишком яркая печать художественной индивидуальности» является слабым местом Ходасевича-критика, которого «слишком явно выдают его “писательские” вкусы. Отсюда особая “субъективность” его оценок, отсюда и неожиданные срывы в его критических статьях»¹⁰³.

Одним из таких срывов Бем, как историк литературы, считал нетерпимость Ходасевича к творчеству Владимира Маяковского¹⁰⁴. Другим поводом для расхождений послужили атаки Ходасевича на эмигрантский истеблишмент как причину упадка «молодой» словес-

хотелось на ходу задеть беспокойного пражского проф<ессора> Бема, который, кстати сказать, недавно написал мерзости и о Вас. Конечно, за Вами останется “право цензуры”, но мне давно уже этот Бем не дает спать спокойно» (К истории «Парижской школы»: Письма Анатолия Штейгера. 1937–1943 / Публ. Л.Ливака // *Canadian-American Slavic Studies*. 2003. Vol.37, №1-2. С.116). Рецензию Штейгера на книгу Ю.Иваска «Северный Берег» (1938) см: Круг. 1938. №3. С.183.

⁹⁹ См. письма 7 и 8 в наст. разделе.

¹⁰⁰ Бем А. О критике и критиках // *Руль*. 1931. 29 апреля, №3168. С.2-3.

¹⁰¹ Адамович Г. О литературе в эмиграции // *Современные записки*. 1932. №50. С.333.

¹⁰² Бем А. «Числа» // *Руль*. 1931. 30 июля, №3244. С.2-3.

¹⁰³ Бем А. О критике и критиках (Статья 2-я) // *Руль*. 1931. 6 мая, №3173. С.2-3.

¹⁰⁴ См. письмо 1 в наст. разделе.

ности. Бему же она представлялась многообещающей и полной жизни, а реальные или мнимые грехи «стариков» казались ему второстепенными факторами в развитии эмигрантской литературной смелости. Бем писал, исходя из своего опыта историка литературы:

Я думаю, что эмигрантская литература, при всех трудных, очень и очень трудных внешних условиях могла бы сказать свое слово, которое сыграло бы и свою роль в общем ходе русской литературы. <...> Молодое писательское поколение страдает какой-то дряблостью, отсутствием веры в свою правду, неумением бороться за новые ценности. <...> В этом вопросе я обычно наталкиваюсь на полнейшее непонимание. Я уверяю, что если есть, что сказать, то всегда найдется и место, где сказать. Надо только отделаться от иллюзии, что для писателя имеет смысл появляться только на страницах «признанных» журналов и газет. Ведь Мережковский печатал же свои статьи в захудалом ежемесячном приложении к «Всемирной Иллюстрации».¹⁰⁵

Несмотря на некоторые разногласия, критики искали повода к установлению отношений. Первый шаг был сделан Бемом. Послав в газету «Возрождение» сборник научных статей о Достоевском, он сопроводил книгу кратким запросом:

26 mars 1934

Многоуважаемый Владислав Фелицианович, еще в декабре прошлого года я послал по адресу «Возрождения» на Ваше имя рецензионный экземпляр изданного мною второго тома сборника «О Достоевском». Так как я не встретил в газете никакого следа этой посылки, то начинаю сомневаться, дошла ли она по назначению. Я все никак не могу примириться с мыслью, что научный сборник о Достоевском останется вовсе неотмеченным русскою печатью. Одновременно с этою открыткою посылаю Вам отгиск небольшой работы, которая Вас, м<ожет> б<ыть>, заинтересует.

Остаюсь искренне преданный Вам.

А.Бем

Ходасевич ответил на запрос, и у критиков завязалась переписка.

1. В.Ф.Ходасевич – А.Л.Бему

3 апр<еля 1>934
46, av. Victor Hugo
Boulogne sur Seine

Многоуважаемый Альфред Людвигович, Ваша открытка дает мне, наконец, толчок исполнить то, что давно следовало сделать и чего не делал я единственно по чрезвычай-

¹⁰⁵ Бем А. О прошлом и настоящем // Меч. 1934. №1/2. С.12-13.

ной трудности моей жизни: позвольте поблагодарить Вас за отписки, мне присылаемые. Я – усердный Ваш читатель, и поверьте – искренний Ваш ценитель, даже в тех случаях, когда (как в вопросе о Маяковском) даже и не схожусь с Вами во взглядах¹. Не знаю, все ли мои статьи Вам попадались на глаза, но помню отчетливо, что мне случалось и в печати свидетельствовать о неизменном уважении к Вашим историко-литературным трудам. Если я не писал о них, то отчасти потому, что то были лишь отписки из журналов, отчасти же потому, что, не будучи специалистом по Достоевскому, считаю себя некомпетентным судить о работах такого глубокого знатока, как Вы. Даже в том случае, когда Вы не кажетесь мне вполне правы, я бы тут не осмелился возражать. Следственно, остается мне пересказывать, то есть делать то, что мне строго воспрещается моим договором с издателем, зорко следящим, чтобы я не делал того, что другие делают ему дешево. Однако, верьте или не верьте, как раз о сборнике я собирался все-таки написать. Задерживали меня внешние обстоятельства²: сперва – смерть Андрея Белого, потом книга Темирязева³, потом – «Современные Записки», о которых я и то написал с большим опозданием, а написать было необходимо, чтобы дать им несколько лишних покупателей (их обстоятельства трагически плохи), наконец – «Избранные стихи» Брюсова, о которых я только что написал фельетон и не мог откладывать долее, ибо надо вернуть книгу лицу, у которого она взята. Вот Вам, таким образом, подробный отчет мой. Таким образом, на Ваш справедливый упрек у меня, как видите, есть оправдание. Словом – о сборнике будет написано. Если же Вы будете добры прислать мне и первый том, то чрезвычайно этим обяжете.

Преданный Вам

Владислав Ходасевич

¹ Откликаясь на смерть Маяковского, Ходасевич обвинил поэта в измене идеалам авангарда, в пошлости, мешанстве и преклонении перед властью, из чего критик заключал, что Маяковский «так же не был поэтом революции, как не был революционером в поэзии» (*Ходасевич В. О Маяковском // Возрождение. 1930. 24 апреля, №1787. С.3-4*). Ходасевич был не одинок в подобной оценке Маяковского (например, некролог, написанный Андреем Левинсоном для парижских «Nouvelles Littéraires», вызвал бурную полемику как во французской, так и в эмигрантской среде. В ответ просоветски настроенные Р.Якобсон и Д.Святополк-Мирский издали брошюру, в которой Якобсон предложил свою версию жизни и творчества поэта, прямо противоположную версии Ходасевича, не упустив случая облить грязью эмигрантских критиков (см.: *Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов // Смерть Владимира Маяковского. Берлин, 1931*). Открытое письмо в защиту А.Я.Левинсона подписали Адамович, Бунин, Гиппиус, Куприн, Мережковский и др. (см.: *Вокруг статьи А.Я.Левинсона о Маяковском // Последние новости. 1930. 12 июля, №3398. С.3*). Присоединяя свой голос к

полюемике, Бем написал статью, в которой разделял идеологическую сторону творчества Маяковского и его литературное новаторство и укорял Ходасевича в излишней политической предвзятости в том, что касается эстетической оценки художественного наследия поэта (*Бем А. Спор о Маяковском // Рувль. 1931. 2 июля, №3220. С.2-3*). Бем считал статью Якобсона образцом литературного анализа и одной из лучших работ о Маяковском.

² Ходасевич имеет в виду свои публикации в «Возрождении» начала 1934: некролог «Андрей Белый» (13 января), рецензию на «Повесть о пустяках» Ю.Анненкова (8 марта), обзор вышедшей в январе 1934 54-й книги «Современных записок» (15 марта), статью «Избранные стихи Брюсова» (5 апреля).

³ Юрий Павлович Анненков (1889–1974) опубликовал в 1934 под псевдонимом «Борис Темирязев» роман «Повесть о пустяках», вызвавший бурную критическую полемику по поводу стилистической и повествовательной зависимости автора от советской прозы 1920-х. См. рецензию Ходасевича на «Повесть о пустяках» (Возрождение. 1934. 8 марта, №3200. С.3-4). Подробнее о реакции на «Повесть о пустяках» см.: *Струве Г.П. Русская литература в изгнании. С.275-276.*

2. В.Ф.Ходасевич – А.Л.Бему

Чулков. Летопись жизни Пушкина¹

46, av. Victor Hugo
Boulogne sur Seine

Многоуважаемый Альфред Людвигович,

от души благодарю Вас за отписки, которые Вы мне порой присылаете. Не только с интересом их читаю, но и с радостью вижу в них знак Вашего дружеского внимания. Вот это последнее обстоятельство и дает мне смелость обратиться к Вам с большой, затруднительной просьбой. Дело в том, что в Париже русских книг нет, ни старых, ни новых – т. е. нет в количестве и полноте, необходимых для работы. Книги приходится выписывать из Москвы. Они приходят с опозданием, а то и вовсе не приходят, кроме того – дорого стоят. Наконец, неизвестно, что надо выписывать из новых изданий, ибо каталоги имеются разрозненные и неполные. У меня есть надежда на то, что в Праге, благодаря тамошним библиотекам, дело обстоит лучше. Отсюда и просьба моя – повторяю, затруднительная. Если, однако, это не составит для Вас особого труда, то не наведете ли для меня следуюшую справку: были ли напечатаны где-нибудь и когда-нибудь (особенно – в последнее время, Чулковым или еще кем-нибудь) письма Тютчева к Ивану Сергеевичу Гагарину? Если да – то какие именно: даты и начальные строки. Мне предлагают дать несколько писем таких; говорят, что они не опубликованы, но у меня нет в этом уверенности.

Я принадлежу к числу немногих людей, получающих здесь «Меч», и с истинным удовольствием читаю Ваши статьи, всегда в высшей степени своевременные и нужные. Головина² мне много рассказывала о «Ските», который, по-моему, много потерял от того, что она уехала из Праги³. Кстати, передайте, пожалуйста, мой привет его участникам.

Крепко жму Вашу руку. Сердечно Вам преданный

Владислав Ходасевич

26 сент<ября 1>935

¹ Приписка Бема.

² Поэт и прозаик Алла Сергеевна Головина (1909–1987) была одной из самых заметных участниц «Скита поэтов», Бем считал ее своей лучшей ученицей. Ее поэзия отличалась от писаний «парижан» подчеркнутой установкой на техническое мастерство, отсутствием дневниковых интонаций, конфессиональной мотивации и «духовного нюдизма», присущих стихам многих парижских сверстников Головиной, включая ее брата, Анатолия Штейгера. Струве описал ее стихи как «откровенные артефакты» <так!> (Струве Г.П. Русская литература в изгнании. С.359).

³ В 1935 году А.С.Головина с мужем переехала из Праги в Париж.

3. А.Л.Бем – В.Ф.Ходасевичу

Прага, 3-го окт<ября> 1935

Многоуважаемый Владислав Фелицианович,

насколько удалось установить, письма Тютчева к Гагарину напечатаны были в Русск<ом> Архиве, 1879 г., №5. Одно письмо от 2.V.1836, другое (с сообщением о сожжении рукописей) от 19 июля 1836 г. из Мюнхена. Других публикаций мне неизвестно <так!>. На всякий случай обратился с тем же вопросом к проф. В.А.Францеву¹, который, как я знаю, Тютчевым занимается, но и он ничего, кроме указанных выше писем, не знает. Так как в книге Чулкова «Летопись жизни Тютчева» тоже нет других указаний, то, полагаю, что в последнее время в России писем к И.С.Гагарину издано не было. Вот, к сожалению, все, что могу Вам сообщить на Ваш вопрос.

Ваш сочувственный отзыв о моих критических статьях мне был очень приятен. Тем более, что сам далеко не уверен, правильно ли я делаю, что их пишу. Литературная обстановка такова, что мало располагает к вмешательству и участию в ней. Писать приходится тоже в условиях мало благоприятных, а печататься – в газете, которую почти никто не читает. Вот и невольно задаешь себе вопрос – к чему все это? Вопрос, конечно, риторический, потому что (после того, как начал – довольно случайно – печататься в покойном «Руле»²) вкусил этого яду и – пока имеется еще какая-то возможность печататься,

вероятно, буду продолжать писать. Конечно, Ваш отзыв меня не мог не порадовать. За вашими статьями слежу, хотя, в силу материальных обстоятельств, всегда читаю их с большим запозданием. Мне кажется, что несмотря на отдельные расхождения, нас очень многое, а что еще важнее – «главное»³ – объединяет. Это «главное» Вы прекрасно выразили в своих статьях о соотношении «жизни» и «литературы» (полемика с Г.Адамовичем)⁴. Думаю, объединяет еще и другое, о чем ни Вы, ни я почти не писали, – критическое отношение к сегодняшней французской литературе. Я себя не считаю компетентным, чтобы писать об этом, но мне кажется, что кризис французской литературы очень глубок, и об этом следовало бы писать.

Что у Вас, в Париже, реального делается в связи с пушкинским юбилеем? Я мало сочувствую планам издания Пушкина. Вне России дать научное издание трудно, а дешевые издания к юбилею появятся там такие, с которыми нам трудно будет конкурировать. Другое дело – научный сборник о Пушкине. Общими силами такой сборник можно и нужно бы создать. Вашего Пушкина жду с нетерпением⁵. У нас пока еще ничего не сделано, кроме бессмысленных разговоров о новом «пушкинском» (только по имени) издательстве. Возможно, что В.А.Францеву удастся осуществить второй том «Пушкинского сборника»⁶. Я поставил своей целью оживить интерес к Пушкину в чешских кругах и уже давно веду разговоры с отдельными писателями о необходимости новых переводов. Реализуется все это немного не так, как бы мне самому хотелось. Одно из самых крупных здешних издательств предложило мне редактировать избранное собрание сочинений в 4-х томах в новых переводах. Вторым редактором был приглашен Р.О.Якобсон. Знаю, что вы меня будете осуждать за такое соседство, но мне приходилось считаться с фактом, а кроме того и по существу он, как научная сила, заслуживает полного доверия⁷. Хотя я еще договора с издательством и не подписал, но решил предложение принять. Было бы, по-моему, ошибкой уклониться от дела, которое считаю очень нужным⁸. Но это пока еще не для печати, так как все еще может расстроиться.

Отъезд А.С.Головиной меня очень огорчил. Парижский «климат», боюсь этого, может быть ей не на пользу. Я ее очень ценю и верю в нее. Надеюсь на Ваше к ней доброе отношение. К счастью, она упряма (в литературном смысле) и сбить ее с пути довольно трудно.

Всего Вам доброго. Тем парижанам, которые меня ругают (если таковые в литературном Париже есть), передайте мой привет.

Сердечно Вам преданный и готовый к услугам

А.Бем

¹ Владимир Андреевич Францев (1867–1942) – филолог-славист, историк литературы, профессор Карлова университета и глава Русского славяно-восточного института в Праге.

² А.Л.Бем принял руководство литературно-критическим отделом берлинского «Руля» в 1931, незадолго до прекращения издания.

³ Беря в кавычки слово «главное», Бем намекает на клише из словаря эмигрантских критиков – «самое главное», которым обозначался корпус тем, определявших ценность художественного произведения. См.: «Значительность, глубина, смелая постановка жгучих проблем индивидуального и общественного бытия – вот основная линия, истинная традиция русского искусства. Литература никогда не была в России безделкой, игрой или забавой, она всегда уводила читателей от мелочей и шуток к самому важному, самому главному для человека – и мы сейчас тоскуем по этой литературе и жаждем продолжения ее традиции за рубежом» (*Слоним М.* Литература в эмиграции // Новая газета. 1931. №1. С.1). Термин «самое главное» (и его синоним – «самое важное») приобрел особенный резонанс в полемике Ходасевича с «числовцами», желавшими верить в возможность отделения «формы» от «содержания», чтобы заняться «самыми главными» вопросами бытия без «литературных отвлечений». 6 августа 1927 Адамович сообщал Гиппиус в письме: «Я бы хотел так и стихи писать – чтобы осталось только “самое важное”, без образов (и образов – тоже!), без риз и т. п. “Аскетические” стихи, застрахованные от порчи, и от любви тех, которые в поэзии ищут и любят не “самое важное”» (Письма Адамовича к Гиппиус. С.477). См. также: *Адамович Г.* О «самом важном» // Литературный сборник / Ред. З.Гиппиус и Д.Мережковский. Париж, 1939. Подобно Ходасевичу, Бем считал программу «Парижской школы» эстетической утопией, а ее конкретные результаты в стихах и прозе изощренным литературным эффектом, «соблазном простоты» (См.: *Бем А.* 1) Соблазн простоты // Меч. 1934. 22 июня, №11-12. С.14-16; 2) Жизнь и поэзия // Там же. 1935. 21 апреля, №16 (49). С.6).

⁴ Имеется в виду один из наиболее драматичных эпизодов полемики Адамовича с Ходасевичем, когда критики обменялись «манифестами», анализовавшими предпосылки и значение центрального постулата «Парижской школы» – превосходства внелитературных реалий над художественным творчеством. Адамович считал, что культурный кризис послевоенной Европы должен заставить писателя, хотя бы из жалости к духовной трагедии «современного» человека пренебречь вопросами мастерства и вырваться из «литературной лжи» в область предельно искренней рефлексии о Боге и бытии (*Адамович Г.* Жизнь и «жизнь» // Последние новости. 1935. 4 апреля, №5124. С.2). Ходасевич находил эти теории разрушительными для молодой словесности, потому что, по его мнению, спад писательского мастерства угрожал гибелью литературе (*Ходасевич В.* Жалость и «жалость» // Возрождение. 1935. 11 апреля, №3599. С.3-4). Бем разделял мнение Ходасевича о «пресловутой теории жалости» и «отказе от мастерства» (*Бем А.* 1) «Числа». С.2-3.; 2) Жизнь и поэзия. С.6).

⁵ Имеется в виду сборник статей Ходасевича «О Пушкине» (вышел в 1937 в Берлине).

⁶ В 1929 Русский славяноведческий институт под руководством В.А.Францева издал в Праге сборник научных статей («Пушкинский сборник»).

⁷ Роман Осипович Якобсон (1896–1982) – лингвист, литературовед, критик, один из основоположников «формального метода» (а позже теоретик структуральной лингвистики). Апологет футуризма, Якобсон придерживался «левых» взглядов в искусстве и политике и в результате «к эмиграции не примкнул» (*Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. С.181). Те же идеологические соображения, которые вынудили Бема оправдываться перед Ходасевичем, позднее заставили Набокова отказаться от сотрудничества с Якобсоном (см.: *Boyd B. Vladimir Nabokov. The American Years.* Princeton, 1991. P.311). Бем пошел на компромисс, результатом которого явилось совместное издание: *Vybrané spisy A.S.Puskina / Red. A.Bém a R.Jakobson. Sv.I-IV. Praha: Melantrich, 1936–1938.*

⁸ Причину политического компромисса Бема следует, по-видимому, искать в его убеждении, что культурная миссия эмиграции включает в себя популяризацию русской литературы на Западе. Бем, в частности, считал, что «со времени исторической речи Достоевского о Пушкине русская критическая мысль много сделала из завещанного ей. Но остался невыполненным еще один завет, который лежит на нашем поколении и едва ли не на нас – русской эмиграции. Я имею в виду приобщение Запада к постижению гениальности Пушкина» (*Бем А.* Культ Пушкина и колеблющие треножники).

4. В.Ф.Ходасевич – А.Л.Бему

От всей души благодарю Вас, многоуважаемый Альфред Людвигович, за сведения о тютчевских письмах. Простите меня, пожалуйста, что делаю это с таким неприличным запозданием. Однако, как ни странно, вина в значительной степени падает на Вас же. Вы имели неосторожность запросить меня, каковы планы здешнего Пушкинского комитета. Письмо Ваше пришло как раз в такую минуту, когда, казалось, вот-вот должны разрешиться главнейшие вопросы. Но решения эти откладывались от заседания к заседанию, а я, не теряя надежды, соответственно откладывал свой ответ Вам. Наконец, вижу, что больше уже ждать нельзя, ибо кроме заседаний может ничего и не оказаться.

Дело в том, что в комитете сидит человек сорок, из которых читали Пушкина четверо: Гофман, Лозинский, Кульман и Ваш покорный слуга¹. Читали его, впрочем, еще двое: Бурцев и Тыркова², – но от этого у них в головах произошел только совершенный кавардак. И вот – вздумали непременно издавать Пушкина. И Гофман, и я от этого отговаривали, но тщетно. Тогда встал вопрос – как издавать? Бурцев и Тыркова требовали не более и не менее как академического (sic!) издания. Комитет все же нам поверил, что оно неосуществимо

за отсутствием рукописей, времени и средств. Тогда стали говорить об избранных произведениях, только художественных, т. е. без статей, писем и т. п. Начались ужасы. Шмелев и Зайцев объявили, что без «Вишни» они Пушкина не мыслят. М.М.Федоров³ заявил, что даже те стихотворения, которые Пушкину заведомо не принадлежат, но к которым «мы привыкли, как к Пушкинским» – должны быть включены. Милюков⁴ сказал: «Не печатать же полностью какие-то повести Белкина <так!>: довольно и парочки». Самый вопрос о принадлежности Пушкину тех или иных вещей он же предложил решать по демократическому принципу – большинством голосов.

Наконец, Гофман предложил свой план издания: печатать то, что было окончательно отделано и что несомненно предназначалось Пушкиным для печати. Вы сами знаете, до какой степени этот принцип шаток, а иногда и неприменим. Однако комитет с ним согласился и составил редакционную комиссию из Бунина, Кульмана, Лозинского, меня и – *honoris causa* – Тырковой, которая в Париже не живет. Я пошел в комиссию скрепя сердце, ибо, повторяю, во многом с Гофманом не согласен. Но когда комиссия составила примерный набросок издания (лучше сказать – составил Гофман) – комитет в целом ужаснулся, ибо не только «Вишни», но и «Дубровского», и «Истории села Горюхина» и многого еще в нашем плане недосчитался. Тут-то и пошли заседания, которые все тянутся и неизвестно, чем кончатся. Если восторжествует «течение», требующее издания абсолютно вздорного, то редакционная комиссия подаст в отставку, а мы с Гофманом уйдем и вообще из Комитета. Уход Гофмана повлечет за собой отказ Лифаря⁵ устроить в Опера концерт, доход с которого должен составить весь денежный фонд Комитета. Оставшись без денег, не сделают уже просто ничего, а дождутся 29 января 1937 г. и прозаседают в Сорбонне, при чем будет произведено обильное переливание из пустого в порожнее, с участием маститых иностранцев. Вот и все. В общем, на заседаниях Комитета мне все хочется предложить, чтобы почтили вставанием память кн<язя> М.А.Дондукова-Корсакова. Боюсь только, что не поймут, в чем дело, да и согласятся⁶.

Что касается Вашего чешского издания, то могу только Вам завидовать, ибо это все-таки полезное дело. За соседство с Якобсоном отнюдь не подумаю Вас осуждать, ибо Маяковский Маяковским, а все же Якобсон настоящий ученый. А вот другая пражская затея, о которой я читал в «Возрождении» (конкурс сочинений на тему о значении Пушкина для зарубежья) – это уже как раз в стиле нашего комитета. Если конкурс состоится, я пришлю свое сочинение. Оно уже написано – могу Вам по секрету сообщить его полностью:

«Пушкин для эмиграции то же, что Господь Бог: все о нем говорят, никто о нем не думает».

Надеюсь получить премию и разбогатеть. А до тех пор – остаюсь
сердечно Вам преданный

6. XI.<19>35

Владислав Ходасевич

¹ Модест Львович Гофман (1887–1959) – поэт, критик, литературовед, автор книг: «Пушкинский музей А.Ф.Онегина в Париже» (Париж, 1926) и «Пушкин. Психология творчества» (Париж, 1928). Николай Карлович Кульман (1871–1940) – лингвист, литературовед, профессор славянской филологии и декан русского отделения историко-филологического факультета в Сорбонне. Григорий Леонидович Лозинский (1889–1942) – профессор романской филологии, литературовед, составивший в соавторстве с М.Л.Гофманом и К.В.Мочульским курс русской литературы на французском языке и подготовивший совместно с Гофманом и С.М.Лифарем комментированное издание «Евгения Онегина» (Париж, 1937).

² Владимир Львович Бурцев (1862–1942) – общественный деятель, публицист, главный редактор и издатель газеты «Общее дело», занимавшийся любительскими исследованиями по истории русской литературы, автор книг: «Как Пушкин хотел издать “Евгения Онегина” и как издал» (Париж, 1934) и «Восьмая, девятая и десятая главы романа “Евгений Онегин”» (Париж, 1937). Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962) – писатель, журналист, общественный деятель, автор двухтомной биографии «Жизнь Пушкина» (Париж, 1929–1948).

³ Здесь, видимо, имеется в виду профессор М.М.Федоров – видный деятель Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей и член Педагогического Бюро, занимавшегося вопросами общего образования в среде русских эмигрантов.

⁴ Павел Николаевич Милюков (1859–1943) – политический деятель, историк, публицист, главный редактор «Последних новостей», автор историко-биографического очерка «Живой Пушкин» (2-е испр. изд.: Париж, 1937) и «Очерков по истории русской культуры» (2-е испр. изд.: Париж, 1930–1937).

⁵ Сергей Михайлович Лифарь (1905–1986) – танцор и балетмейстер, ветеран дагилевской труппы. С 1929 возглавлял балет Парижской Оперы. В соавторстве с М.Л.Гофманом Лифарь опубликовал балет Парижской оперы архивных материалов «Пушкин – Дон Жуан» (Париж, 1935).

⁶ Имеется в виду вице-президент Российской Академии наук Михаил Александрович Дондуков-Корсаков (1794–1869). Его имя стало нарицательным благодаря эпиграмме (1835) Пушкина – как образец профессиональной некомпетентности: «В Академии наук / Заседает князь Дундук. / Говорят, не подобает / Дундуку такая честь; / Почему ж он заседает? / Потому что жопа есть»). Положение Ходасевича в Комитете по организации пушкинских торжеств осложнялось тем, что неуклюжая официальность предприятия играла на руку парижским оппонентам критика. См. отклик в письме Штейгера на «кликушество подыубилейное в эмиграции и в России»: «Помните, Адамович как-то написал “поклонник Пушкина, но человек неглупый...” – и как это верно! Ханжество кругом имени Пушкина подчас прямо невыносимо». См.: *Шаховская* 3. Отражения. С.102 (письмо от 26 июня 1936).

5. А.Л. Бем – В.Ф.Ходасевичу

Прага, 13-го фев<аля> 1936

Многоуважаемый Владимир <так!> Фелицианович, посылаю Вам свою книжку о Достоевском¹, хотя и уверен, что она к Вам попадет через издательство «для отзыва». Но мне хотелось, чтобы у Вас был надписанный экземпляр. Ваша статья о моих сборниках появилась как раз во время переговоров с «Петрополисом» об издании моих работ отдельной книгой. Так что и Вы отчасти приложили руку к тому, чтобы книга могла увидеть свет. А это в наше время заслуга немалая. Не то, чтоб я свою книгу так высоко ценил, но невольно радуешься, когда удастся протолкнуть более или менее серьезную книгу на рынок. Вам за поддержку, невольно мне оказанную своим сочувственным откликом, я очень и очень благодарен.

У меня уже назревают новые планы в связи с дальнейшим изданием сборников². Хочу весь IV-й том³ посвятить «Дневнику писателя». Хотя еще материальная сторона висит в воздухе (все зависит от того, как пойдет моя книга), но уже набрасываю предварительный план его содержания. Хочу выйти за пределы «пражских» сотрудников и придать сборнику «международный» характер. Есть у меня в связи с этим и к Вам просьба. Не согласитесь ли Вы написать статью на тему «Пушкин в Дневнике Писателя»? Сюда войдет не только Пушкинская речь Достоевского, но и общая оценка взглядов Д<остоевско>го на Пушкина. Только, к сожалению, все мое предприятие безгонорарное. Если Вы согласитесь, а мне бы очень хотелось, чтобы Ваше имя было среди участников сборника, напишите мне об этом. Дело не спешное, но хочется прикинуть, как сложится книжка. Себе беру тему о художественных произведениях в Дневнике.

Вчера было у нас собрание – организационное – Пушкинского комитета. Вероятнее всего дело сведется к устройству торжественного заседания. На большее у нас сил не хватит, вернее не сил, а материальных средств. В.А.Францев, может быть, и издаст на средства «Русского института» второй Пушкинский Сборник. Кстати, никакого отношения к так наз<ываемому> «Пушкинскому издательству», о котором промелькнула в «Возрождении» заметка (на которую Вы откликнулись в письме ко мне), я не имею. Мое имя включили, как это теперь часто делается, без моего ведома. Это предприятие мертвое, и из него ничего не выйдет. Чем кончились парижские издательские планы? Я отношусь к попыткам издания сочинений Пушкина очень скептически.

Мне говорили, что я сильно разошелся с Вами в оценке книжки Фельзена⁴. Вашей статьи я, к сожалению, еще не читал. Просматри-

ваю четверговые номера «Возрождения» с большим запозданием. Может быть, я и не вполне справедлив к Фельзену, но меня раздражает в его романе пересказ «Комментариев» Адамовича⁵. Как хотите, а большой культурности я за книгой не чувствую.

Что делается с Головиной. Я от нее ничего не получаю и теряюсь в догадках. Видаете ли Вы ее и в каких она водах плавает?

Желаю Вам всего доброго.

Искренне Вам преданный

А.Бем

¹ Имеется в виду монография Бема «У истоков творчества Достоевского», вышедшая в качестве третьего сборника «О Достоевском» (Прага, 1936).

² Т. е. сборники статей «О Достоевском», вышедшие под редакцией Бема в 1929–1936.

³ Четвертый сборник «О Достоевском» не был выпущен.

⁴ См. рецензию Бема «Столичный провинциализм» (Меч. 1936. 19 января, №3 (87). С.6) на очередной отрывок из неопрустианского романа Юрия Фельзена (Николая Бернгардовича Фрейденштейна; 1894–1943) «Письма о Лермонтове» – о художественной эволюции молодого писателя. Книга Фельзена обыгрывала основные темы полемики об эмигрантской словесности. Ходасевич считал, что страницы, на которых Фельзен развернул свою теорию современной литературы, «едва ли не самое удачное и ценное, что есть в книге» (Ходасевич В. Книги и люди. Письма о Лермонтове // Возрождение. 1935. 26 декабря, №3858. С.3-4). «Я не хочу сказать, что вполне разделяю взгляды и мнения фельзеновского героя», – оговаривается критик и далее пишет, что Фельзен «решительно подкупает прекрасными, редкими свойствами: некрикливой, мужественной прямоотой, и бесстрашной правдивостью». Этот положительный отзыв не был лишен тактических соображений: Ходасевич использовал рецензию для полемики с Адамовичем. Отказываясь видеть в фельзеновском герое «героя нашего времени», он тем самым отрицал и существование «новой болезни века», породившей этого «героя». В частном общении Ходасевич не так лестно отзывался о Фельзене. См. его «Приношение Р. и М. Горлиным» (1 мая 1937):

Друзья мои! Ведь вы слыхали
О бедном магарадже том,
Который благотворным*сном
Не мог забыться лет едва ли
Не десять? Все он испытал:
Менял наложниц, принимал
Неисчислимые лекарства,
Язык заглатывал, скликал
Ученых, игогов, заклинал
Богов – и Фельзена читал.
Не помогало <...>

* Именно для чтения этого автора изучал он русский язык (Примеч. Ходасевича).

Впрочем, и в своих публичных выступлениях в поддержку Набокова Ходасевич не всегда был искренен из тех же тактических соображений. В марте 1936 он писал Берберовой: «Сирин мне вдруг надоел (секрет от Адамовича), и рядом с тобой он какой-то поддельный» (Письма В.Ходасевича к Н.Берберовой. С.306).

⁵ Имеются в виду эссе, которые Адамович печатал в различных журналах под общим названием «Комментарии». Атакуя эстетическую программу «Чисел», Бем писал, что «Комментарии» его «раздражают несоответствием литературной формы с их внутренним содержанием. Это эстетствующее перебрасывание мыслями, над которыми нельзя не задуматься, это сочетание плоского бессмыслия с глубокими мыслями, это снобское неуважение к читателю и самолюбование собою находится в таком глубоком несоответствии с нашей трагической по самому существу своему эпохой, властно требующей своего строгого и сурового в своей трагичности стиля» (Бем А. «Числа». С.4). Ведущий прозаик группы «Чисел», Фельзен автоматически попадал в отдел оппонентов Бема. «Письма о Лермонтове» рассматривались многими критиками как манифест «Парижской школы» (См.: Кельберин Л. «Письма о Лермонтове» // Круг. 1936. №1. С.183-185; Струве Г. На вечере «Перекрестка» // Россия и славянство. 1931. 5 декабря, №158. С.4). Бем видел в герое Фельзена лишь отражение другого «героя нашего времени» — как критик отозвался о самом Адамовиче, комментируя «Комментарии» (Бем А. Исповедь «героя нашего времени» // Меч. 1935. 21 июля, №28 (61). С.6). В своей рецензии на «Письма о Лермонтове» он утверждал, что «в романе Ю.Фельзена вы прямо найдете отрывки из “Комментариев” Г.Адамовича» (Бем А. Столичный провинциализм // Меч. 1936. 19 января, №3 (87). С.6).

6. В.Ф.Ходасевич — А.Л.Бему

Многоуважаемый Альфред Людвигович,

сейчас получил Вашу книгу и спешу поблагодарить от всей души за внимание, которое Вы мне оказываете присылкою своих трудов. Это внимание мне в особенности дорого потому, что я перед Вами — полный невежа. Простите меня, пожалуйста. Однако, выслушайте мои оправдания. Год тому назад получил я от Вас ответ на вопрос о Тютчеве и предложение написать статью о Пушкине в «Дневнике писателя». В это время я лежал в постели с гнойной экземой на обеих руках. Состояние мое было ужасно. Очередные фельетоны для «Возрождения» я диктовал жене, а ответы на письма откладывал до тех пор, пока буду в состоянии их обдумать. Когда мне стало немного легче, мне кто-то сказал, что Ваш сборник не состоится. Я занялся очередными делами — и опять заболел. В общем проклятая экзема испортила мне четыре года жизни. Чертова прорва докторов и шарлатанов (я пробовал лечиться и гомеопатией, и китайской медицинской) выматывала из меня силы, нервы и деньги — вплоть до того дня, когда я, от отчаяния, сделал то, что мне особенно запрещалось *всем*

докторами: поставил себе компрессы, чтобы вытянуть гной. После этого я выздоровел в два дня. Это было прошлым летом. Однако, как Вы сами понимаете, эта история не прошла для меня бесследно. В частности, соединясь с разными другими обстоятельствами внешнего и внутреннего порядка, заставила она меня отказаться от писания «Пушкина»¹. Написав около восьми листов, я их уничтожил, потому что был недоволен написанным и получил окончательное отвращение к окружающей литературной обстановке. Чтобы удовлетворить подписчиков, по уговору с ними, выпускаю «Поэтическое хозяйство», вдребезги переработанное, но, разумеется, самому мне давно уже чуждое². Как только выйдет, пришлю Вам.

Из пушкинского комитета, пропитанного пошлостью, невежеством и мошенничеством, я давно уже вышел. Никакого участия в коллективных юбилейных затеях не принимаю. Для «Возрождения» написал статью о дуэльных историях³ – очередной фельетон, сделанный по долгу десятилетней службы. Еще Вы увидите мое имя в Белградском сборнике – год тому назад я дал согласие на перепечатку старой статьи моей об Авроре Шернваль⁴. Взять назад было неудобно. Но ни в каких заседаниях, собраниях, концертах, ни в каких «пушкинских» номерах газет и журналов не участвую – ибо нет моих сил преодолеть отвращение к эмигрантской пошлятине, разведенной вокруг Пушкина. Завидую Вам – Вы не слышали и не видели того, на что я насмотрелся. Я слышал своими ушами, как Милюков на собрании комитета сказал: «Конечно, не имело бы смысла включать в собрание сочинений какие-нибудь “Повести Белкина” полностью: можно дать одну на образчик». Другой видный деятель произнес: «Я не представляю себе Пушкина без “Майской ночи”». Третий кричал истерически: «Нельзя печатать “Гаврилиаду”, которую Пушкин не писал, не писал, не писал!!!» И все в этом роде. А проект постановки памятника Пушкину в Париже! А концерт, уже состоявшийся, в афише которого значилось, что в «Пиковой Даме» поет «La Compresse»⁵!

Все это мне не помешает, конечно, написать о Вашей книге, за которую еще раз – спасибо.

Будьте здоровы. Сердечно Ваш

В.Ходасевич

P.S. Нет, не могу утерпеть. Знаете ли, что Пушкинский комитет наш состоит человек из 50 – и что при обсуждении будущего издания (никому не нужного) было предложено «особо сложные вопросы датировки и текста решать по большинству голосов»?

4 фев<аля 1>937

Бедная Головина серьезно больна: туберкулез. Очень жаль ее – она милая и способная.

¹ Речь идет о неосуществленном проекте Ходасевича – биографии Пушкина, начало которой было положено в статьях о пушкинской родословной и о юности поэта, опубликованных в эмигрантской периодике. Подробнее см.: *Ходасевич В.* Пушкин и поэты его времени / Под ред. Р.Хьюза: В 3 т. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1999–2002.

² Значительно переработанный вариант книги «Поэтическое хозяйство Пушкина» (1924) вышел под новым названием: *Ходасевич В.* О Пушкине. Берлин: Петрополис, 1937.

³ Статья Ходасевича «Дуэльные истории» была опубликована в специальном пушкинском номере (Возрождение. 1937. 6 февраля, №4064. С.3-4). См. также: *Pushkinovi dvoboji // Ruski arhiv (Beograd).* 1937. №40.

⁴ См.: *Ходасевич В.* Аврора Шернваль // Белградский Пушкинский сборник / Ред. Е.В.Аничков. Белград, 1937 (впервые опубли.: Возрождение. 1934. 25 октября, № 3431. С.6).

⁵ Ошибка во французском правописании, надо: «comtesse» (графиня). Буква «р» превращала слово в неологизм, произведенный от глагола «compter» (считать).

7. А.Л.Бем – В.Ф.Ходасевичу

Прага, 21-го марта 1937

Многоуважаемый Владислав Фелицианович,

и обрадовали и огорчили Вы меня своим письмом. Обрадовали уж тем, что написали, огорчили – своим настроением. Поверьте, что и здесь достаточно пошлости и гадости, от чего никуда не скроешься. Досадно, что в юбилейные дни Вашего голоса не было слышно, хотя собственно Вы-то и больше других имели право полным голосом сказать свое слово. Утешило меня несколько то, что выйдет Ваше «Хозяйство Пушкина», книга, которую я очень ценю и люблю. Признаться, я даже больше ей рад, чем биографии Пушкина.

Все собирался писать Вам в связи с отзывом Адамовича о моей книжке¹, но потом решил, что лучше подождать, так как не хотел, чтобы Вы подумали, что хочу просить Вашей защиты. Теперь, когда Ваша рецензия появилась (большое Вам за нее спасибо)², писать проще и легче. Можно быть любого мнения о моей книжке (лично мне в ней ближе только статья о «Болдинской осени»), но нельзя по поводу книжки сводить счеты. Весь тон отзыва какой-то подленький. Признаться, я от Адамовича этого не ожидал. Если я с ним спорил, то всегда по существу и в открытую. Он, едва ли не в первый раз произнес мое имя в печати, но видно, что накопилось в нем недоброжелательства за многие годы. Сейчас я уже немного жалею об этом, но не удержался и послал в «Меч» небольшой отклик на его отзыв³. Может быть, и не заслуживал он этого, лучше было бы промолчать, но уж очень досадно, когда так злоупотребляет человек

своим положением. Ведь должен же он понимать, что занимает исключительно выгодную позицию, имея в своем распоряжении «Посл<едние> Новости».

Не знаю, откуда идут слухи, что мой сборник «О Достоевском» не выйдет. Остановка только за статьями. В частности, если Вы можете написать статью, о которой Вас просил, буду Вам очень благодарен. Тема статьи «Пушкинская речь» Достоевского. Сборник хочу издать осенью, но рукописи должны быть у меня до 15-го июня. Весь том будет посвящен «Дневнику писателя».

Очень меня беспокоит А.С.Головина. Хотелось бы точно знать, каково ее здоровье? На десять дней уезжаю из Праги по требованию врача.

Всего Вам доброго. Сердечно Ваш

А.Бем

P.S. Затеял я составление пушкинской библиографии. Посылаю Вам «инструкцию», которую составил для сотрудников. Знаю, что Вам трудно будет взять на себя что-нибудь, но очень буду Вам признателен, если напишете свои замечания. Пришлю Вам позже для контроля список Ваших статей о Пушкине. Надеюсь, что Вы не откажетесь их пополнить. Прошу только сообщить мне список Ваших статей *на иностранных языках*, что труднее учесть. Если бы Вы захотели какую-нибудь часть работы взять на себя, буду Вам очень благодарен. Не слыхали ли Вы – не предпринимает кто-либо подобной работы в Париже? Мне кажется, что такая библиография была бы лучшим способом отметить юбилей в эмиграции.

Еще раз всего доброго.

А.Бем

¹ Имеется в виду сборник статей Бема «О Пушкине» (Ужгород, 1937) и отзыв на него Адамовича, где утверждалось, что «некоторые личные особенности А.Бема, как исследователя и критика, дают себя знать – и порой вызывают досаду». Признавая «солидные достоинства книги», Адамович считал, что автор преувеличил оценку значения Пушкина в мире, иронизировал по поводу признания «всяческих “бездн” за пушкинской ясностью» и охарактеризовал многие мысли Бема как «весьма почтенные и обоснованные, – однако, менее всего оригинальные и творческие» (Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1937. 4 марта, №5823. С.3).

² См. одобрительную рецензию на книгу Бема: Ходасевич В. Юбилейные книги // Возрождение. 1937. №4069. С.9.

³ В своей чрезвычайно резкой пародии (см.: Бем А. Отзыв о несуществующей книге (Г.Адамович, «О Пушкине»). Литературные заметки. Париж) // Меч. 1937. 21 марта, №11 (147). С.6), Бем, комментируя «антипушкинизм» Адамовича и его единомышленников, заявил, что мнения оппонента являются ничем иным как желанием следовать новейшей моде путем показной «чуткости к запросам времени», апелляция к «молодому литературному поколению» и «страстью к эпатированью».

8. В.Ф.Ходасевич – А.Л.Бему

Многоуважаемый Альфред Людвигович, я два месяца не отвечал на Ваше письмо, но на сей раз совесть моя спокойна. Дело в том, что я, урывая время от «Возрождения» и всяких других дел, честно трудился над статьей о «Пушкинской речи». Это не значит, что я такую статью написал. Увы, с неделю тому назад я работу бросил, потому что, как говорил покойный Гершензон¹, «потерял свет», т. е. отчасти договорился до таких сложных вещей, с которыми сам не согласен, отчасти наговорил общих мест и банальностей. Видно, не судьба мне принять участие в Вашем сборнике, о чем искренно сожалею.

Вашу инструкцию прочитал внимательно и возражений не имею. Мне кажется, она составлена превосходно. Список моих иностранных статей (весьма немногочисленных) о Пушкине прилагаю. Если пришлете список русских, то, разумеется, проконтролирую его тщательно и верну тотчас.

Очень рад, что моя заметка о Вашей книге пришлась Вам по душе. Признаюсь, я писал ее отчасти в ответ на рецензию Адамовича, что Вы, вероятно, сами почувствовали. Вашу рецензию на воображаемую книгу Адамовича прочел и весело улыбался. Самый прием весьма остроумен, и по существу Вы правы, конечно. Но – стоило ли Вам ему отвечать, по совести не знаю. Может быть, проще было начихать. Адамович человек умный, но заведомо и откровенно несправедливый. Он сам говорит, что думает одно, говорит другое, а пишет третье. Как же с ним считаться?

Получили ли Вы мою книгу? Не сердитесь ли за кражу заглавия? Дело в том, что «Петрополис» потребовал, чтобы она не носила старого заглавия и не называлась «Статьи о Пушкине». Я сделал просто «О Пушкине». Это было за несколько дней до получения Вашей книги, но менять уже было поздно. Написать об этом Вам я забыл. Думаю, впрочем, что Вы не сердитесь: заглавие уж очень нейтральное.

Мне перестали присылать «Меч». Я получил только тот номер, где была Ваша статья об Адамовиче, но кто мне его прислал – не знаю. Бандероль была не редакционная, однако ж и адрес был написан не Вашей рукой. Выходит ли он еще? Если выходит – не писали ли Вы о моей книге? Если да, – будьте другом, пришлите вырезку. Ваше мнение мне дорого и любопытно.

Будьте здоровы.

Сердечно Вам преданный

Владислав Ходасевич

2 июня 1937

P.S. У Головиной туберкулез. Одно время дела ее были очень плохи, теперь – значительное улучшение. Лечит ее доктор Залманов,

хороший и знающий человек. Главная беда, конечно, в том, что у нее нет денег. В Швейцарию к родным она, видимо, по каким-то причинам поехать не может или не хочет. Однако стала вести более разумный образ жизни, и, повторяю, опасность, видимо, миновала. Она очень любовно Вас вспоминает. Напишите ей несколько слов. (7, Im-passe du Rouet, Paris 14-e).

В.Х.

¹ Михаил Осипович Гершензон (1869–1925) – критик, литературовед, публицист, автор многочисленных работ о Пушкине, Чаадаеве, Герцене и др.

9. А.Л.Бем – В.Ф.Ходасевичу

Прага, 21 июля 1937

Многоуважаемый Владислав Фелицианович,

очень Вы меня огорчили своим отказом дать статью для сборника «О Достоевском». Но не хочу все еще примириться с мыслью, что ничего Вашего в сборнике не будет. Если Вы не соберетесь со статьей о Пушкинской речи, то прошу Вашего согласия на напечатание Вашего превосходного (это без лести!) фельетона о поэзии Лебядкина¹. Может, Вы его еще раз посмотрите и кое-что подправите, если Вам покажется это необходимым, и пришлете мне его к сентябрю. Мой первоначальный план – посвятить весь сборник «Дневнику писателя» рухнул, так как не могу собрать обещанных статей, а откладывать выпуск следующей книги я больше не могу. Решил сделать сборный выпуск, в зависимости от того, что получу. Очень прошу Вас согласиться на мою просьбу.

Только на этих днях собрался написать о Вашей книге. Я печатаюсь в «Мече» очень редко, так как на бесплатную работу с трудом выкраиваю время. Сохраняю за собою «Меч» только для того, чтобы иметь возможность иногда облегчить душу. Надеюсь, что Вам номер вышлют, как только рецензия появится.

Ваш отзыв о сборнике Червинской читал с наслаждением². Собираюсь о нем сам писать, но после Вашей статьи как-то новых мыслей не остается: все сбиваюсь на то, что уже Вы сказали³. Хорошо, что не читал еще Вашей статьи о Георг<ии> Иванове, поэтому и не знаю, очень ли я с Вами разошелся в оценке (мой отзыв был уже в «Мече»)⁴. Если Вы уже получили IV сборничек «Скита», то, вероятно, заметили, что и у нас «червинщинка» завелась⁵.

Как-то так выходит, что последнее время часто о Вас думаю и вспоминаю. Был здесь Вацлав Александрович Ледницкий⁶, с которым не раз речь заходила о Вас, в последние дни перечитывал Ваши стихи, особенно «Тяжелую лиру». Не пора ли Вам выпустить новый

сборник своих вещей? Давно не появлялось ничего настоящего. Еще Осип Мандельштам в последние дни мучает меня⁷. Правда ли, что он сошел с ума? Мне предстоит написать для энциклопедического словаря статью об эмигрантской литературе⁸, и вот – как это обычно бывает – в стадии предварительной работы разное вспоминается, часто весьма далекое от темы.

В связи с этим во мне вдруг проснулась собирательская страсть. Обнаружил у себя довольно большое число разных сборничков эмигрантских поэтов (воображаю, сколько их собралось у Вас!) и захотелось подобрать к ним, по-возможности, все, что вышло в эмиграции. Вот если у Вас имеются вторые экземпляры, или Вы не подбираете (судя по «Ниже нуля»⁹ – сохраняете), то при случае сделайте мне подарок. Особенно у меня плохо с парижскими поэтами, народ они гордый и мною пренебрегают, а сюда книжки стихов обыкновенно не доходят. Особенно досадно, что нет у меня Поплавского (кроме «Флагов»). Зато поднулевой литературы собралось у меня много, и среди нее попадаются замечательные курьезы.

Алле Серг<еевне> Головиной недавно писал, но она что-то вдруг замолчала. Если встретитесь с нею, передайте, что жду от нее ответа на письмо и открытку.

Мои дочери недавно были проездом в Париже, но вряд ли они смогли зайти к Головиной, так как времени у них было очень мало. Сейчас они в Бретани во французском скаутском лагере.

На месяц еду в Карлсбад. Я очень переутомился и сейчас нервно совсем разбит. Даже несколько встревожен общим состоянием своего здоровья. Работал над вторым сборником своих работ о Достоевском, который надеюсь издать осенью. Но мы все «под Петрополисом ходим» – так что еще не знаю, удастся ли быстро издать.

Дошла ли к Вам моя брошюра: «Фауст» в творчестве Достоевского¹⁰? Большинство моих работ до русского читателя не доходят. «Посл<едние> Нов<ости>» даже в списке получаемых книг для отзыва не отмечают. На работу о «Фаусте» у Пушкина¹¹ появились отклики французский, немецкий, даже – ругательный – в сов<етской> России, а в эмигрантской печати, кажется, никто не упомянул. Не вычитайте из этого упрека Вам лично, так к слову пришлось.

Меня В.А.Ледницкий просит дать что-нибудь для польского пушкинского сборника. Хотел Вас спросить – не встречалось ли Вам в пушкинской литературе что-нибудь о опубликованном в 1830 г. на франц<узском> яз<ыке> «Письме о современном состоянии русской литературы»? Автором этого письма, как я выяснил, является Анаст<асия> Хлюстина (в замужестве – Сиркур). В этом интересном письме говорится о Пушкине как современнике. Если оно не было воспроизведено, то следовало бы его опубликовать вторично с комментариями об авторе. Кое-что мне уже удалось собрать. Я в пуш-

кинской литературе не встречал ничего, но легко упустить. Может быть, вспомните случайно.

Дружески Ваш,

А.Бем

¹ Анализируя стихи героя «Бесов», Ходасевич связал пародию Достоевского на «стишки с направлением» с писаниями современных «народных поэтов», которые подпадали под рубрику «горгуловщины» (см.: *Ходасевич В. Поэзия Игната Лебядкина // Возрождение. 1931. 10 февраля.*) Статья Ходасевича в упомянутом сборнике переиздана не была, поскольку Бему не удалось выпустить четвертый том.

² Стихи Лидии Давыдовны Червинской (1907–1988) отражали эстетику и мировоззрение круга Адамовича, а потому часто служили поводом для полемики Ходасевича с «Парижской школой». На новую книгу Червинской «Рассветы» (1937) критик дал негативную рецензию: *Ходасевич В. «Рассветы» // Возрождение. 1937. 11 июня, №4082. С.9.*

³ См.: *Бем А. Поэзия Л.Червинской // Меч. 1938. 1 мая, №17 (203). С.6.*

⁴ Имеется в виду «Отплытие на остров Цитеру» (1937), сборник стихов еще одного литературного противника Бема и Ходасевича – Георгия Иванова, к которому Бем был более снисходителен, чем Ходасевич и, ценя поэтическое мастерство Иванова, обычно упрекал его в том, что программная «простота» его стихов «обманна, она так же “формальна”, как и сложность Цветаевой <...> Простота здесь не дана, а задана» (*Бем А. Соблазн простоты // Меч. 1934. 22 июля, №11/12. С.14-16.*) О новой книге Иванова Бем отозвался в целом холодно, обвинив поэта в «духовном фланерстве» и наигранно-модном пессимизме (*Бем А. О парижских поэтах // Меч. 1937. 4 июля, №25 (161). С.6.* См. рецензию Ходасевича в «Возрождении» (1937. 28 мая, №4080. С.9).

⁵ Постепенное сближение поэтики «Скита» и бывших «числовцев», вопреки желаниям Бема, было замечено Штейгером еще в 1935: «Теперь о Праге – ее просто не узнать. <...> Солдафонов и полунинтеллигентов в Ските больше не встретишь. Конечно, многое после Парижа странно – иной тон и стиль (чуть все-таки московский), но со всеми можно было найти общий язык и общую даже тему. (Кроме Бема, – но Бем и Скит, как мне показались, font... deux <здесь: расходятся (франц.)>» (письмо к З.Шаховской от 5 июля см.: *Amherst. Shakhovskoy Family Papers. Series I. Zinaida Shakhovskoy Papers. Box 1. Folder 41.*) Сам Бем писал Эмилиии Чергинцевой 20 июля 1937: «Получили ли Вы последний № “Меча” со статьей Гомолицкого о “Ските”. Он “Скит” хоронит и, как я и ожидал, считает, что IV сборник свидетельствует о полной капитуляции перед Парижем. По существу он прав, и так сборник будет всюду воспринят. Я уже этим переболел и смотрю на все со стороны» (цит. по: *Малевич О. Вокруг «Скита» // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии. С.225.*)

⁶ Вацлав Александрович Ледницкий (1891–1967) – критик, историк русской и польской литератур, автор работ о Пушкине, Блоке, Мицкевиче, Сенкевиче и др. Ледницкий равно ценил в Ходасевиче поэта и литературоведа, восхищаясь его работами о Пушкине. Об их отношениях см.: *Ледницкий В. Воспоминания и литературные заметки // Опыты. 1953. №2. С.152-174.*

⁷ Письмо написано ко времени возвращения О.Э.Мандельштама из воронежской ссылки и менее чем за год до его последнего ареста.

⁸ См.: *Bem A. Ruská literatura v emigraci // Ottuv slovník naučný nové doby. Dodatky k velikému slovníku naučnému. D.5, sv. 2. Praha, 1939. С.871-872.* См. также русский вариант этой статьи: *Бем А. Русская литература в эмиграции // Меч. 1939. 22 января, №4 (241). С.5.*

⁹ Статья Ходасевича, в которой упоминаются книги и авторы из его коллекции «поэтических бредов» (*Ходасевич В. Ниже нуля // Возрождение. 1936. 23 апреля, №3886. С.6.*)

¹⁰ *Бем А. «Фауст» в творчестве Достоевского // Записки научно-исследовательского объединения. Т.5. Прага: Русский свободный университет, 1937.*

¹¹ *Бем А. «Фауст» в творчестве Пушкина // Slavia. 1934/1935. №2/3. С.378-399.*

10. В.Ф.Ходасевич – А.Л.Бему

Многоуважаемый Альфред Людвигович,

дня три тому назад получил Вашу статью о моей книге. Благодарю Вас от всей души – не за похвалы, а за внутреннее сочувствие и понимание. Ваша статья, пока что, – единственное слово о моей книге, к которому можно и должно прислушаться. Боюсь, что оно единственным и останется¹.

Вот Вам два возражения на Ваши возражения. Вы правы: «Пора мой друг, пора» – звучит как вступление. Но это еще не значит, что оно только и может быть вступлением. У Пушкина есть и другие аналогичные обращения. Перечтите «Чадаеву. С морского берега...» Посмотрите, как там поставлено обращение: «Чадаев, помнишь ли былое?» Это очень похоже на то, как *могло* стоять «Пора, мой друг...» в том стих<отворении>, которое я гипотетически реконструирую. Я сейчас на даче, отдыхаю, Пушкина нет под рукой и нет сил напрягать память. Но, думается, можно у него найти и другие случаи того же рода.

Второе (мелочь) об «Амуре и Гименею»: книга Ледницкого вышла в 1926 году, а моя статья (под заглавием «Молитва Иосифу») была напечатана в «Воле России» – в 1924². Следственно, если было влияние – то не его на меня, а мое на него.

Что касается статьи о поэзии Лебякина – я очень рад, что она Вам нравится. Когда вернусь в Париж (в начале сентября), я ее несколько исправлю, перепишу и тотчас пришлю Вам.

Поэтических книжек у меня действительно много. По возвращении в Париж пересмотрю их, и если найдутся дублиеты – с удовольствием пошлю Вам. Не мог этого сделать раньше, п<отому> ч<то>

на полке пыль, а у меня был очередной приступ экземы (болезни, которая мучит меня уже много лет). Однако я сказал кое-кому на Монпарнассе, чтобы авторы сами посылали Вам свои книги. Осенью отдам на сей счет строгий приказ – и думаю, что Вас книгами зашлют.

За сим – будьте здоровы. Еще раз благодарю за статью.

Сердечно Ваш

В.Ходасевич

19 августа 1937

Baillon

¹ См. рецензию Бема на книгу Ходасевича «О Пушкине» (Меч. 1937. 8 августа, №30. С.6). Кроме Бема, на книгу откликнулись Георгий Адамович (Последние новости. 1937. 5 июля, №5941. С.3), Владимир Вейдле (Современные записки. 1937. №64. С.467-468) и Юрий Мандельштам (Возрождение. 1937. 7 мая, №4077).

² См.: *Lednicki W. Aleksander Puszkina: studja. Krakow: Nakl. Krakowskiej Spylki Wydawniczej, 1926.* Статья Ходасевича была впервые напечатана двумя годами ранее (*Ходасевич В. Молитва Иосифу // Воля России. 1924. №1-2. С.103-114*) и несколько раз перепечатывалась с изменениями (Русский современник. 1924. №2. С.216-228; Возрождение. 1930. 7 декабря, №2014 и 8 декабря, №2015), позже была включена в книгу Ходасевича «О Пушкине».

11. В.Ф.Ходасевич – А.Л.Бему

Посылаю Вам статью о Лебядкине, дорогой Альфред Людвигович. Простите, что немного запоздал. Я недавно вернулся с дачи, пришлось тотчас писать очередной фельетон. В статье сделаны кое-какие поправки и дополнения; поэтому и выставлена под ней двойная дата, которую, впрочем, можете выбросить, если найдете нужным.

Будьте здоровы. Дружески жму руку.

Ваш В.Ходасевич

19 сентября 1937

12. А.Л.Бем – В.Ф.Ходасевичу

Прага,

22-го ноября 1938

Дорогой Владислав Фелицианович,

Понемногу приходим в себя после постигшей нас катастрофы¹. Хочется друзьям своим дать знать о себе, вновь связаться с внешним миром, от которого мы были совершенно отрезаны. Не знаю, как

дальше сложится наша жизнь здесь, но уже и сейчас стало много труднее; мне, в частности, приходится довольно туго. Как Вы, как Ваше здоровье? Дайте о себе знать хоть открытым письмом². Вернулась ли в Париж Алла Серг<еевна> Головина? Недавно пришлось написать для энцикл<опедического> словаря статейку в 200 стр<ок> «Русская эмигрантская литература»³. Было самому очень занятно, что от нее останется, если не полемизировать, а только выделить немного «для вечности». Все же оказалось не так плохо. Получили ли Вы мою последнюю книжку о Достоевском? Не знаю, был ли отзыв в «Возр<ождении>», кот<орое> не имею возможности регулярно просматривать. «Посл<едние> нов<ости>», как и полагается, обошли молчанием⁴. Очень понравился Ваш фельетон о 3-ем «Круге»⁵. Летом написал о Д.Кнуте⁶, но временно перестал печататься в «Мече», и статья не появилась. Хотелось бы знать Ваше мнение о моей работе «Фауст у Пушкина», кот<орая> вызвала довольно много откликов. Кстати, не знаете ли, кто такое <так!> Б.Огрон⁷, написавший в III-м «Временнике» резко отрицательный отзыв о ней. Я в пуш<инской> литературе этого имени не встречал.

Дружески Ваш

А.Бем

¹ Имеются в виду последствия мюнхенской конференции 29–30 сентября 1938, в результате которой Чехословакия вынуждена была уступить нацистской Германии Судеты. В результате уступок союзников немецкая армия вскоре полностью оккупировала Богемию и Моравию, вступив в Прагу в марте 1939.

² Письмо Бема написано на открытке из цензурных соображений.

³ Имеется в виду «Ruská literatura v emigraci» (см. примеч. 8 к письму 9).

⁴ Единственный отзыв в эмигрантской прессе на книгу Бема «“Фауст” в творчестве Достоевского» (Прага, 1937) был дан Петром Пильским в рижской газете «Сегодня» (1937. 17 июня, №164. С.3).

⁵ В своих откликах на альманахи «Круга» Ходасевич продолжал полемизировать с отношением «парижан» к пушкинскому наследию. Не отреагировав на пушкинский юбилей, сотрудники «Круга», по мнению Ходасевича, показали «внутренний отрыв от пушкинской традиции <...> неумение ни связать себя с нею, ни от нее оттолкнуться». Критикуя «Круг», Ходасевич использовал жалобы Бема о равнодушии эмиграции к литературоведению: «Своей позиции по отношению к Пушкину не определили они потому, что никакой “позиции” не имеют. Отсюда же – их полное равнодушие к истории литературы вообще. <...> Старшие отсиживаются в давно построенных (и, может быть, уже обветшалых) крепостях, младшие (не только участники “Круга”) не отваживаются на дальние вылазки. Литературный горизонт и тех, и других до крайности сужен. Не глядя в будущее, не стремятся взглянуть и в прошлое. Отсюда – почти полное отсутствие историко-литературных работ в периодической прессе. Историки литературы

выпускают свои труды отдельными книгами, либо ищут пристанища в иностранных журналах» (*Ходасевич В. Книги и люди // Возрождение. 1938. 14 октября, №4157. С.9*). См. также: *Ходасевич В. Книги и люди. «Круг», кн. 2-я // Возрождение. 1937. 12 ноября, № 4106. С.6*. Адамович рассматривал критику «Круга» Ходасевичем как прямой вызов (*Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1937. 25 ноября, №6088. С.3*).

⁶ Довид Кнут (Давид Миронович Фиксман; 1900–1955) – видный поэт-«парижанин» младшего поколения.

⁷ Рецензируя статью Бема «Фауст в творчестве Пушкина», Б.Огрон утверждал, что «провал крохоборческой, примитивной и безответственной методики фантазирующего вчитывания в тексты Пушкина, практикуемой А.Бемом, очевиден» (*Временник пушкинской комиссии. №2. М.; Л., 1936. С.443*).

* * *

Последнее письмо содержит в себе объяснение причин, побудивших А.Л.Бема опубликовать в начале 1939 года статью-манифест «Русская литература в эмиграции». Оккупация Чехословакии нацистской Германией и последовавшее свертывание эмигрантской литературной и культурной жизни в Праге были первым сигналом, возвестившим падение занавеса истории на свободную русскую словесность и культуру за рубежом¹⁰⁶. Летом 1940 участь Праги и ее русской колонии разделит и столица эмигрантской литературы Париж. Ощущением конца культурной эпохи, в котором Бем был не одинок¹⁰⁷, скорее всего и объясняется желание критика подвести

¹⁰⁶ 4 июня 1941 Бем писал А.М.Ремизову из Праги в оккупированный Париж: «Мы здесь еще по инерции живем какой-то русской культурной жизнью, но и это нам точно снится. <...> Издали мы здесь юбилейный лермонтовский сборник: купец Калашников и Демон с иллюстрациями Васнецова и Врубеля, издали роскошно, точно чувствуя, что это лебединая песня эмиграции» (*Amherst. Alexei Remizov Papers. Box 8. Folder 2*).

¹⁰⁷ См. письма Штейгера: «Я в маразме не так из-за войны, а из-за того, что будет после нее. Камня на камне не останется от всего, что еще можно было любить и что делало жизнь почти жизнью» (22 декабря 1939); «Видя, к чему дело клонится, я немедленно взял отпуск у военных властей и помчался в Париж – благословляю сейчас небо, что у меня хватило ума это сделать. <...> Чрезвычайно боюсь, что не меньшую опасность для Франции, чем война, – будет представлять мир – любой, даже в случае победы. Той Франции и того Парижа, которых я знал и любил, после этой войны больше, во всяком случае, не будет <...> Очень все в Париже было волнующим, каждая встреча, каждая прогулка. Каждый разговор выходил значительным, потому что никто не знал, что с нами всеми будет теперь. <...> Я нарочно заставлял такси кружить по городу, чтобы успеть “еще раз” увидеть все “мои” парижские места. Ведь у меня было всего 10 дней, и никакой нет гарантии, что Париж не ожидает участь Мадрида, Гельсингфорса, Варшавы» (8 февраля 1940). Цит по: *Ливак Л. К истории «Парижской школы»*. С.105, 110.

итог развитию русской эмигрантской литературы. Первой попыткой такого историко-литературного обобщения явилась обзорная статья Бема для чешского энциклопедического словаря «*Ruská literatura v emigraci*», задуманная еще летом 1937¹⁰⁸. Сюда же следует отнести и внезапно проснувшуюся в критике библиофильскую «собирательскую страсть»¹⁰⁹. Основные предпосылки этой статьи были развиты в итоговой работе Бема о «Русской литературе в эмиграции». Именно здесь достигли логического завершения тезисы Ходасевича-критика, который к весне 1939 был уже не в состоянии – ни физически, ни морально – активно участвовать в литературной жизни Зарубежья. В своей итоговой статье Бем принимает не свойственный для жанра газетно-критических «подвалов» тон историка и теоретика литературы и поднимается *au dessus de la mêlée*¹¹⁰, потому что с точки зрения жанра и исторических условий, в которых он пишет, литературные войны русской эмиграции теряют свою злободневность, объективизируясь до статуса «истории». История же пишется не для настоящего, а для будущего читателя, и не с тем, чтобы повлиять на ход литературной жизни, а чтобы снять с последней максимально объективный (с точки зрения автора) слепок¹¹¹.

С изменением стратегии, изменяется и тактика литературно-критического дискурса. Несмотря на долгую вражду с «Парижской школой», Бем поставил в один ряд самые значительные имена эмигрантской словесности – критиков Адамовича и Ходасевича; прозаиков Набокова и Фельзена; поэтов-«числовцев» Штейгера и Червинскую и ученика Ходасевича Владимира Смоленского. Вопреки традиции критического противопоставления «провинциальных» и «столичных» литераторов (в ущерб последним), Бем практически проигнорировал поэтов Праги и Варшавы, тем самым подтверждая центральное место эстетики и творчества «парижан» в истории эмигрантской литературы. В то же время он бесстрашно развил тезисы Ходасевича о значении младшего поколения изгнанников.

¹⁰⁸ См. примеч. 8 к письму 9.

¹⁰⁹ См. письмо 9.

¹¹⁰ Здесь: над схваткой (*франц.*).

¹¹¹ 1 декабря 1938 Бем писал Глебу Струве из Праги в Лондон: «Мы здесь все еще никак не можем оправиться от постигшего нас удара <...> Мне кажется, что наступило время сказать во всеуслышание, что литература в эмиграции сейчас стоит выше литературы советской и что она продолжает дело литературы русской. Я недавно писал небольшую статейку (в 200 строк) об эмигрантской литературе для чешского энциклопедического словаря – пришлось взглянуть на нее по возможности беспристрастными глазами – оказалось, что даже для иностранной энциклопедии есть что выделить на вечные (относительно, конечно) времена» (Hoover Institution Archives. Stanford University (Palo Alto, USA). Gleb Struve Collection. Box 78. Folder 7).

Бем утверждал:

Старшее поколение русских писателей в сущности только продолжило свою литературную деятельность <...> Только постепенно кристаллизовалась литература эмиграции, как нечто обособленное и отличное от литературы советской. Главная роль в этой кристаллизации принадлежала молодому поколению писателей, сложившемуся уже в самой эмиграции. Эта «молодая» русская литература, создавшаяся вне СССР, и должна рассматриваться как литература эмиграции в узком смысле слова. В развитии «эмигрантской» литературы в более узком смысле слова только немногие из писателей старшего поколения сыграли известную роль. Сюда надо отнести И.А.Бунину, И.С.Шмелева, А.М.Ремизова, М.И.Цветаеву, В.Ф.Ходасевича, Георгия Иванова и Г.В.Адамовича.¹¹²

Таким образом, критик-единомышленник довел до логического конца «манифесты» Ходасевича, переосмысляя понятие эмигрантского писателя, а с ним и модель эмигрантской литературы, из которой окончательно изгонялись литературные «старрики» как «эмигрировавшие, а не эмигрантские писатели»¹¹³ – в этом пункте «манифест» Бема, как и «манифесты» Ходасевича, слился с голосами теоретиков «Парижской школы». Остается лишь гадать, какой была реакция Ходасевича, если он смог ознакомиться со статьей Бема. Нам представляется, что критики могли разойтись во взгляде на список «стариков», подходящих под рубрику «эмигрантских писателей», но в «главном» они бы и на этот раз были согласны.

¹¹² Бем А. Русская литература в эмиграции.

¹¹³ Варшавский В. О «герое» эмигрантской молодой литературы.

Олег Будницкий
ДИПЛОМАТЫ И ДЕНЬГИ¹

1. «КОЛЧАКОВСКОЕ ЗОЛОТО»

4 июля 1920 в газете «Нью-Йорк Таймс» была опубликована сенсационная статья «Приключения российского золотого запаса и его современное состояние». В статье была изложена история той части российского золотого запаса, которая известна под названием «колчаковского золота»². Компетентность автора сомнений не вызывала, ибо им был ни кто иной, как В.И.Новицкий – бывший заместитель министра финансов колчаковского правительства. В следующем году статья в существенно дополненном виде была напечатана в журнале «The Russian Economist / Записки русского экономического общества в Лондоне»³.

Напомню, что незадолго до Октябрьской революции по решению Временного правительства около половины золотого запаса России было от греха подальше вывезено в Самару и Саратов. Затем, в мае 1918, уже большевики перевезли золото в Казань; в августе того же года Симбирск был взят войсками Комитета членов Учредительного Собрания. Золото отправили обратно в Самару, затем в Уфу, оттуда

¹ Выражаю искреннюю признательность за неизменную помощь в работе замечательным архивистам – доктору Елене Дэниельсон (Hoover Institution Archives), доктору Татьяне Чеботаревой (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture) и доктору Ричарду Дэвису (Leeds Russian Archive). Работа в американских и британских архивах стала возможной благодаря грантам Fulbright Program, Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies и Института «Открытое общество».

² *Novitsky W.J. Russian Gold Fund's Adventures and Present Status // The New York Times. 1920. July 4.*

³ *Новицкий В.И. Судьба русского золотого запаса // The Russian Economist. 1921. Vol.1, №2. January. С.503-514.*

– в Челябинск, где оно было захвачено министром финансов Сибирского правительства (впоследствии – правительства адмирала А.В.Колчака) И.А.Михайловым. Так или иначе, но с момента доставки «казанского золота» в Омск, столицу Верховного правителя, за ним прочно закрепилось название «колчаковского золота».

Поначалу адмирал объявил золото неприкосновенным до созыва Учредительного Собрания. Однако необходимость закупок за рубежом заставила колчаковское правительство все-таки прибегнуть к продаже золота и к размещению его в качестве гарантии под займы в зарубежных банках. Решение о начале операций с золотом было принято в мае 1919. Тогда же по приглашению Михайлова несколько министров колчаковского правительства проинспектировали золотой запас Государственного казначейства, хранившийся в подвале омского отделения Государственного банка.

Председатель колчаковского Совмина П.В.Вологодский записал в дневнике 18 мая 1919:

Оказалось, что всего в наличности золота на 651.532.117 руб. 86 коп. Из этого числа: 1) российской монеты – 514.820.613 р. 78 к., 2) иностранной – 40.577.839 р. 36 к., 3) слитками золота на 95.078.493 р. 25 к., 4) золота полосами на 529.594 руб. 24 к., 5) кружками на 525.447 р. 25 к. Кроме того, в операционной комнате банка было выставлено серебро в вещах, награбленных большевиками в помещичьих имениях и хранившихся большевиками на складах в Казани. Вещи эти представляют большой интерес по разнообразию их, по художественности изделий и по историческому происхождению их. Всего было раскупорено 6 ящиков с такого рода вещами, а их находится на складе 172 ящика.⁴

В других измерениях (весе и долларовом эквиваленте) богатство, находившееся в распоряжении Колчака, выглядело так: 30653 пуда (490 тонн 448 кг) золота в монете и слитках (\$332.915.653) и 2000 пудов лигатурного золота и серебра различной пробы⁵.

В статьях Новицкого была раскрыта, в общих чертах, судьба «колчаковского золота». Всего с мая по сентябрь 1919 французам, англичанам и японцам было продано 3232 пуда золота на общую сумму \$35.186.145. 6002 пуда на сумму \$65.342.940 было депонировано в различных зарубежных банках. Из них \$16.330.291 в обеспечение японского кредита на 30.000.000 иен, \$46.835.277 под займ у синдиката англо-американских банков и, наконец, \$2.177.372 под покупку в США винтовок и пулеметов⁶. После падения власти адмирала большая часть золота вновь попала в руки к большевикам: всего было возвращено на 409.620.000 золотых рублей.

⁴ Дневник П.В.Вологодского // Россия антибольшевистская. М., 1995. С.180.

⁵ Новицкий В.И. Судьба русского золотого запаса. С.508.

⁶ Там же. С.509-510.

Что побудило Новицкого раскрыть «тайное тайных» белой дипломатии и насколько можно доверять приведенным им цифрам? Во-первых, для большевиков история отправки золота за границу уже не была тайной, ибо в их руки попали архивы колчаковского правительства, во-вторых, в конце 1919 – начале 1920 в политике Англии по отношению к России произошли резкие изменения: помощь антибольшевистским силам была прекращена и правительство Ллойд Джорджа стало искать пути к нормализации отношений с Советской Россией, надеясь за счет торговли с ней улучшить собственную экономическую ситуацию. В Лондон зачастили большевистские эмиссары – Л.Б.Красин, Л.Б.Каменев, чего раньше себе и представить было нельзя. Публикуя данные как о количестве проданного золота, так и оставшегося в руках большевиков, Новицкий хотел продемонстрировать англичанам, да и другим потенциальным охотникам торговать с большевиками, что платежные возможности борцов с мировым капиталом весьма ограничены; ведь кроме золота стране с разрушенной экономикой нечем было платить за товары с Запада.

Финансист считал, что восстановление России должно произойти помимо советского правительства, ибо оно может лишь «растратить последние сокровища страны без всякой для нее пользы. При существовании коммунистического строя Россия не может приступить к созидательной работе, и никакой иностранный капитал не может быть привлечен к разработке громадных естественных богатств России. При таких условиях русское золото не столько послужит для блага страны, сколько явится новым стимулом для укрепления Советской власти и продления Советского режима. Да послужат эти выводы напоминанием всем тем, – заключал свою статью Новицкий, – кто желает приобрести остаток русского золота путем установления торговых сношений с Советской Россией»⁷.

Однако что же произошло с деньгами, полученными от реализации золота и в результате «золотых займов»? Сведения, добытые большевиками в колчаковских архивах, были представлены ими на конференции в Генуе в меморандуме, озаглавленном «Претензии Советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду» и распространенном 8 мая 1922. Меморандум был составлен профессором Н.Н.Любимовым, заместителем директора Института экономических исследований при наркомате финансов РСФСР; он был экспертом советской делегации в Генуе.

В нем говорилось:

Точное количество золота, которое правительство Колчака перевело за границу на счета своих финансовых агентов в уплату

⁷ Новицкий В.И. Судьба русского золотого запаса. С.514.

частным фирмам, нам в настоящее время неизвестно <...> Всего по данным Кредитной канцелярии в г. Владивостоке на 8 июля 1920 г. на счетах финансовых агентов Колчака в разных городах числилось свыше 60 млн. зол. руб., а именно:

У Миллера в Токио.....	иен	6 660 273
	долларов	170 000
	фр.	424 000
	ф. ст.	25 000
	мекс. долларов	450 000
	шанх. таэлей	695 797

У Самена ⁸ в Лондоне.....	ф. ст.	606 644
--------------------------------------	--------	---------

— “ — “ — в Париже	фр.	21 279 482
--------------------------	-----	------------

У Угета в Нью-Йорке	амер. долл.	22 500 000
---------------------------	-------------	------------

У Крживицкого в Шанхае.....	мекс. долл.	30 000
-----------------------------	-------------	--------

Кроме того, в распоряжении Кредитной канцелярии находилось:

В Индо-Китайском банке	фр.	15 680 000
------------------------------	-----	------------

В Русско-Азиатском банке в Шанхае	амер. долларов	1 170
--	----------------	-------

	ф. ст.	3 570
--	--------	-------

	шанх. дайян	246 226
--	-------------	---------

В банке Ландманс.....	дат. крон	9 000 000
-----------------------	-----------	-----------

В Йогогама Спеси банке и Чосен банке	иен	818 657
--------------------------------------	-----	---------

У генерала Подтягина, бывшего военного атташе омского правительства в Японии	иен	6 255 000
--	-----	-----------

С 8 июля 1920 г., согласно книгам Кредитной канцелярии, не было сделано никакой записи на вышеозначенные счета.

В последние дни существования омского правительства по распоряжению министерства финансов все суммы были переведены на личные счета финансовых агентов. Возврат этого золота со счетов частных лиц, не представляющих никакого правительства, явится лишь запоздалым актом справедливости.⁹

Со времени публикации статей Новицкого и Меморандума советской делегации в Генуе сведений о судьбе российских денег за рубежом практически не прибавилось. Что стало с немалыми суммами, оказавшимися на счетах различных финансистов за границей? Ведь правительство адмирала А.В.Колчака пало в январе 1920, так и не успев потратить причитавшиеся ему миллионы фунтов стерлингов, долларов и иен. На протяжении десятилетий этот вопрос волновал историков и финансистов, породив обширную литературу на разных языках, и не только научную. Так, английский писатель Брайан Гарфилд выпустил роман «Колчаковское золото»¹⁰, в котором изобразил поиски нацистами якобы спрятанного где-то в шахте в Сибири золота, а затем борьбу за колчаковские сокровища ЦРУ и КГБ. Другой

⁸ То есть К.Е. фон Замена.

⁹ Документы внешней политики СССР. Т.5. М., 1961. С.309-310.

¹⁰ *Garfield B. Kolchak's Gold.* London: Macmillan, 1974.

британец – историк Джонатан Смил сравнительно недавно посвятил проблеме колчаковского золота обширную статью под названием «Золото белых: золотой запас Российской империи на антибольшевистском Востоке», в которой назвал историю колчаковского золота «незавершенной главой» русской Гражданской войны¹¹.

В 1990-е на страницах российской печати появилось множество публикаций о царском и колчаковском золоте, которое якобы находится до сих пор в английских и японских банках и при помощи которого Россия сможет погасить свой внешний долг. «Кладоискатели» уже подсчитали, что, учитывая набежавшие проценты, стоимость золота составит круглую сумму в 100 миллиардов долларов¹². Еще в 1929 парижская газета «Возрождение» писала, что, по слухам, золото, не попавшее в руки большевиков, было разделено на четыре части и где-то в Сибири зарыт клад в 20 млн. золотых рублей¹³. Сообщения об экспедициях, время от времени отправляющихся на поиски «золотой шахты» или чего-то подобного, до сих пор появляются на страницах газет.

Разумеется, человеку, мало-мальски знакомому с историей русской Гражданской войны и русской эмиграции, на ум сразу приходит несложная мысль о том, что, вероятно, «колчаковское наследие» было потрачено на поддержку Белого движения (оно ведь продолжалось еще год после падения Колчака) и затем на помощь в расселении беженцев, содержание дипломатических учреждений, деятельность благотворительных организаций за рубежом. Однако одно дело – предполагать, другое – знать. Отсутствие достоверных данных позволяет, например, некоторым российским историкам, вероятно, судящим о равенственности российских финансовых агентов по поведению современных банкиров, писать, что деньги финансистами Белого движения были просто «приватизированы»¹⁴.

Чем же объяснялось отсутствие сколько-нибудь достоверных сведений о судьбе колчаковских денег и в печати, и в российских архивах? Дело было в том, что финансовые документы, это «тайное тайных» российской «дипломатии в изгнании», лица, причастные к

¹¹ *Smele J.D.* White Gold: The Imperial Russian Gold Reserve in the Anti-Bolshevik East, 1918 – ? (An Unconcluded Chapter in the History of the Russian Civil War) // *Europe-Asia Studies*. 1994. №8. P.1317-1347.

¹² Критику этих взглядов см. в наших публикациях: 1) Япония и российское золото // *Независимая газета*. 2000. 7 октября; 2) Письмо в редакцию // *Коммерсант-Власть*. 2001. 27 февраля. С.63-64; 3) *Мираж золотой* // *Родина*. 2001. №3. С.69-74.

¹³ Золото адм. Колчака // *Возрождение*. 1929. 21 сентября; 1 октября.

¹⁴ См.: *Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом*. М., 1999. С.268-272; *Русские без отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов*. М.: РГГУ, 2000. С.46-50.

хранению и расходованию казенных сумм, передавали в архивы довольно поздно, причем в архивы, находящиеся как можно дальше от Москвы. Ведь деньги, как мы увидим из дальнейшего изложения, тратились на протяжении достаточно долгого времени. В Русский заграничный исторический архив в Праге практически никаких документов, относящихся к деятельности эмигрантских финансистов, передано не было. Да и позднее лица, причастные к хранению и расходованию государственных средств, стремились сохранить их подалеке от любопытных глаз.

Так, уже после Второй мировой войны бывший российский посол в Вашингтоне в 1917–1922 Б.А.Бахметев писал К.В.Деникиной по поводу намерения дочери М.В.Бернацкого – министра финансов Деникина и Врангеля, имевшего затем самое непосредственное отношение к заведению казенными суммами за рубежом, – продать (или сдать на хранение) его архив в Колумбийский университет в Нью-Йорке:

Если предположение об организации архива при Университете осуществится, то во всяком случае все это будет касаться документов политического или близко-политического характера, имеющих исторический интерес. Опасаюсь, насколько можно судить, что документы в руках дочери М.В.<Бернацкого> относятся к области делопроизводства официальных эмигрантских установлений, действовавших за границей после большевистского переворота. В значительной мере, как я полагаю, документы эти касаются распоряжения бывшими государственными суммами. Для историков документы не интересны. Но в руках большевиков или их друзей это будет чудный материал для демагогических выступлений и пропаганды.¹⁵

Бахметев считал, что судьба документов должна быть решена после обсуждения вопроса с сотрудниками Бернацкого, «которые живы и находятся в Париже и Лондоне», а также что доступ к ним должен быть разрешен не ранее чем через 50 лет.

Архив Бернацкого в конечном счете все-таки оказался за океаном и хранится теперь в Архиве русской и восточноевропейской истории и культуры (Бахметевский архив) при Колумбийском университете. Еще раньше российские дипломатические архивы начали отправляться в Гуверовский институт войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Калифорнии (тогда институт назывался Hoover War Library). Здесь же оказались архивы Белого движения на Юге России, вошедшие в фонд их последнего «владельца» – генерала П.Н.Врангеля, личный фонд российского посла в Париже в 1917–

¹⁵ Письмо Б.А.Бахметева К.В.Деникиной, 12 мая 1948. – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library. Columbia University, USA (далее – BAR). Denikin Collection. Box 1.

1924, а затем председателя Эмигрантского комитета В.А.Маклакова и многие другие материалы, без которых невозможно изучать историю русской Гражданской войны и эмиграции, в том числе историю «денег русской эмиграции». Документы, относящиеся к интересующей нас истории, рассредоточены по различным фондам, находящимся в основном в американских и британских архивах. Если бы кто-нибудь хотел специально запутать исследователя, он бы, наверное, не смог придумать ничего лучшего, чем то, что сложилось «естественным путем».

Проследить «историю денег» русской эмиграции трудно, но возможно. Она не сводится только к истории «колчаковского наследия»: ведь на счетах зарубежных российских представителей после большевистского переворота находились остатки американских и британских кредитов; на складах хранились огромные запасы имущества. Большая его часть была сосредоточена в США – около 500 тысяч тонн, включая не только снаряды и патроны, но также имущество «двойного назначения» – рельсы, паровозы, подъемные краны, подошвенную кожу и т. д.¹⁶. Все это стоило немалых денег. Наконец за рубеж отправляли не только золото, но также платину и серебро, некоторые другие товары.

Однако в настоящей статье речь пойдет преимущественно о «колчаковском золоте» и его инобытие в виде фунтов стерлингов, долларов, иен и т. д. Это, пожалуй, наиболее традиционная и наиболее запутанная тема. Попробуем (хотя и далеко не во всех подробностях) проследить путь «колчаковского наследия» начиная с декабря 1919, когда колчаковский министр финансов, впоследствии автор известных мемуаров «Москва купеческая» П.А.Бурышкин, дал телеграмму №929 о переводе государственных средств на личные счета финансовых агентов, – и вплоть до середины 1950-х, когда остатки денег были потрачены.

В конце декабря 1919 Бурышкин отправил телеграммы в Токио – К.К.Миллеру, в Нью-Йорк – С.А.Угету и в Лондон – К.Е. фон Замену, в которых сообщал, что он дал весьма конфиденциальное указание директору Кредитной канцелярии во Владивостоке А.А.Никольскому «поставить все суммы инотдела» в Японии, Англии и во Франции в их распоряжение.

Министр телеграфировал:

Поставьте их на особые частные счета ваши в банках, пользующихся наибольшим доверием, и примите все меры к сохранению этих сумм, в случае наступления неблагоприятных политических <событий>; фактическое распоряжение счетами должно

¹⁶ См.: Военные поставки США, Франции и Англии России при Временном правительстве (март – октябрь 1917) // Исторический архив. 1955. №3. С.150-179.

производиться вами пока лишь по получении платежных приказов иностранного отделения, ввиду того, что вся политика министерства финансов направлена к сосредоточению распоряжения валютой в одних руках. При разнородности притязаний со стороны разных правительств, ведомств и посольств, иной порядок невозможен, так как лишает возможности строить какие-либо предположения о покрытии расходов на будущее. Все финансовые агенты будут уведомлены о заключенных нами контрактах и суммах, ассигнованных на содержание заграничных установлений, и, если наступят крайние внешние обстоятельства, они должны будут распоряжаться самостоятельно в государственных интересах находящимися в их ведении суммами, согласуя свою деятельность с указаниями Бернацкого.¹⁷

Проект телеграммы был составлен В.И.Новицким и отредактирован Бурышкиным. Сам же министр определил, кому из финансовых агентов он решится доверить распоряжение казенными деньгами. При определении лиц, на которых он намеревался возложить «тяжелое бремя ответственности», Бурышкин руководствовался отнюдь не личными впечатлениями (он хотел исключить какое-либо «усмотрение»), а определенными выработанными им объективными критериями, а именно:

1. Эти лица должны были быть связаны с Министерством финансов прежнего времени (до октября 1917 года) и занимать и ранее положение, делавшее естественным исключительное к ним доверие.

2. Они должны были иметь достаточный навык к самостоятельной ответственной деятельности.

3. Эти лица должны были пользоваться значительным авторитетом в правительственных кругах тех стран, где протекала их деятельность.

4. Эти лица не должны были входить в число непосредственных деятелей Министерства финансов в Сибири, дабы не создать впечатления, что передача сумм сопровождается какими-либо частными посторонними делу соображениями или соглашениями между ответственными лицами и исполнителями¹⁸.

¹⁷ Бурышкин – Миллеру (российское посольство, Токио), Угету (Нью-Йорк), Финогенову, Замену (российское посольство, Лондон). 25/XII. 1919. №929 // Последние дни колчаковщины. М.;Л.: Госиздат, 1926. С.162. Копия аналогичной телеграммы Угету, датированной 29.12.1919 (на французском языке), находится в Hoover Institution Archives, Stanford University (Stanford, California) (далее – НИА). Russia. Posol'stvo (U.S.). Box 52. Folder 8 (далее первая цифра обозначает номер коробки, вторая – папки, в которых хранятся цитируемые документы).

¹⁸ Проявленная щепетильность не спасла министра от несправедного суда «неблагодарных потомков». «Умышленное создание Бурышкиным правовой путаницы в вопросе правопреемника казенных средств имело легкообъяснимую причину: значительные денежные средства, находясь в банках и акционерных

5. Они должны были трезво оценивать положение в России после большевистского переворота и быть исключительно преданными белому движению.¹⁹

В доказательство объективности своего выбора, а также того, что это был именно выбор, а не наделение полномочиями всех российских финансовых агентов за границей, Бурышкин приводил два любопытных момента. Во-первых, из трех уполномоченных им агентов он лично знал к тому моменту лишь фон Замена, руководствуясь в отношении Миллера и Угета имевшейся у него независимой информацией; во-вторых, в число доверенных лиц не попал старейший российский финансовый агент А.Г.Рафалович, «к финансовому авторитету и к личным качествам коего я всегда относился с величайшим уважением», подчеркнул Бурышкин²⁰.

4 января 1920 Верховный правитель Колчак передал власть генералу А.И.Деникину. 19 января 1920 Угет телеграфировал Бернацкому, через Париж:

29 декабря министр финансов Бурышкин приказал Иностранному отделению Кредканца передать все суммы Америке мое распоряжение, закрепив их на моих специальных счетах. Министр финансов указал, что в случае неблагоприятных политических событий суммы поступают <в> свободное мое распоряжение как финансового агента, но могут расходоваться лишь <в> национальных интересах и согласно Ваших уведомлений. Считая, что политические события Сибири, предусматриваемые телеграммой Бурышкина, ныне наступили, приступил <к> производству платежей по обязательствам правительства Омска. Испрашиваю Ваших указаний.²¹

Однако же указания поступили не из Екатеринодара, а из Парижа. Русская политическая делегация в Париже в условиях прискорбного для Белого движения развития событий в России решила взять

обществах, давали постоянный и устойчивый доход тем лицам, которые имели к ним доступ», – пишут О.А.Грибенчикова (см.: Россия в изгнании. С.267-268) и вслед за ней – С.С.Ипполитов и С.В.Карпенко (см.: Русские без отечества. С.46). Похоже, современные исследователи исходят из презумпции, что люди, имеющие отношение к деньгам, не могут не украсть.

¹⁹ П.А.Бурышкин – С.А.Угету, апрель 1925 (получено 25.IV.1925). – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 217-4.

²⁰ Там же.

²¹ С.А.Угет – М.В.Бернацкому, 19 января 1920. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 37-2. Примерно в этих числах в Вашингтоне была получена телеграмма Новицкого из Пекина, пересланная Угетом Замену, в которой бывший зам. министра финансов Омского правительства просил «не выполнять платежных приказов, отданных после 24-го декабря, ввиду неопределенности политической обстановки и возможного захвата шифров большевиками». – Посол (Бахметев) – Поверенному в делах в Лондоне (Е.В.Саблину) (Угет – Замену), 22 января 1920. №48. – Там же. 52-8.

казенные средства за границей под контроль. Тем более что финансовые агенты Замен и Рафалович, отвечавшие за казенные средства, находившиеся в Англии и во Франции, предпочитали разделить ответственность за вверенные им суммы с коллективным органом, включавшим известных российских политиков. Делегация была образована в начале 1919 для возможного представления интересов России на Парижской мирной конференции в составе кн. Г.Е.Львова (председатель), министра иностранных дел правительств Колчака и Деникина С.Д.Сазонова, посла в Париже В.А.Маклакова, главы правительства Северной области, в прошлом известного революционера-народника Н.В.Чайковского; позднее в состав Делегации был включен террорист и беллетрист Б.В.Савинков. На конференцию российских представителей так и не допустили, но она не была распущена и после подписания мирного договора, стремясь по мере возможности отстаивать интересы России и содействовать антибольшевистскому движению.

Приведем журнал (протокол) заседания российской Делегации в Париже от 16 января 1920, на котором были приняты решения по финансовым вопросам:

Принимая во внимание, что распоряжениями министра финансов Всероссийского правительства агентам министерства финансов за границей предоставлено, на случай невозможности сношения с правительством, право производить расходование принадлежащих российской казне и находящихся за границей средств и что, с другой стороны, по заявлению К.Е.Замена и А.Г.Рафаловича, они не считают для себя возможным пользоваться предоставленным им правом по своему единоличному усмотрению и полагают необходимым, чтобы центральный и руководящий орган Российского представительства за границей в лице Парижской Делегации, взял на себя, в случае перерыва сношений с Всероссийским правительством, высшее руководство расходованием заграничных средств казны, Российская Делегация в Париже вошла в подробное обсуждение всех расходов, которые до настоящего времени производились Россией за границей, и постановила:

1. Признать, что впредь заграничные расходы должны быть всемерно сокращены, и подлежат удовлетворению только самые неотложные, вызываемые крайней необходимостью, нужды.

<...>

2. Признать, что начатые операции по военным заготовкам должны быть продолжаемы, а дальнейшие предположения по этому делу должны вноситься на рассмотрение Делегации.

3. Делегация признает необходимым отпуск средств на дело пропаганды, с тем, чтобы Делегация вошла в обсуждение вопроса о правильной постановке этого дела и выработала предположения о размере потребных ассигнований.

4. Делегация считает необходимым озаботиться помощью русским гражданам за границей, и с этой целью Делегация полагает, что:

1) Необходимо ассигнование средств на временную помощь в тех чрезвычайных случаях, когда в связи с военными действиями происходит массовое бегство русских граждан за границу.

2) Необходимо, чтобы небольшие суммы были предоставлены ежемесячно в распоряжение посольств, миссий и консульств на помощь старикам, больным и детям.

3) Необходимо ассигновать средства, по действительной потребности, на оплату проездных денег офицерам и солдатам русской армии, следующим в Россию, для поступления в ряды сражающихся с большевиками.

4) Надлежит немедленно подвергнуть обсуждению вопрос о судьбе русских военнопленных и других военных чинов, находящихся за границей, с тем, чтобы соответствующие предположения о мерах помощи были внесены в Делегацию.²²

Документ был подписан кн. Г.Е.Львовым, С.Д.Сазоновым и В.А.Маклаковым.

Делегация фактически могла распоряжаться лишь деньгами, находившимися в Европе. Финансовый агент в Японии Миллер, считая себя, в соответствии с телеграммой Бурышкина №929, персонально ответственным за находившиеся под его контролем средства, отказался делить эту ответственность с кем-либо еще. Российский посол в США Б.А.Бахметев и финансовый агент Угет также не сочли возможным огульно предоставить средства в распоряжение Делегации, соглашаясь переводить деньги на конкретные нужды. Свою позицию они мотивировали также тем, что им предстояли крупные платежи по сделанным ранее заказам.

Какими же средствами могла располагать Делегация, т. е. какие суммы находились на счетах Замена и Рафаловича? Доклад о суммах, переведенных ими в различные банки в разных странах, и о мерах по их сокрытию от докучливых кредиторов российского государства, также как и от советских агентов, сделал на заседании Делегации 6 февраля 1920 Замен. Приводим полностью часть доклада, которая показывает как имевшуюся на тот момент наличность, так и способы сокрытия казенных денег от возможного секвестра.

В распоряжении К.Е.Замена находились:

Золото в Гонконге на 616.000 фунтов стерл. номинально;
счета в Лондоне:

Омского Правительства у Братьев Бэринг Joint Account of E.Sablin²³ and C.Sahmen №№ 3 & 5;

²² НИА. Girs Collection. 44-7.

²³ Е.В.Саблин – российский поверенный в делах в Лондоне.

Правительства Генерала Деникина там же Joint Account of E.Sablin and C.Sahmen (South Russia) №2;

Правительства Генерала Деникина в London Joined City and Midland Bank;

Правительства Генерала Деникина в Русском для Внешней Торговли Банке в Лондоне, и

Счет в Париже:

В Индо-Китайском Банке счет, на котором числились деньги, внесенные Французским Правительством в уплату за проданное ему золото.

Согласно разъяснениям, полученным К.Е.Заменом от Братьев Бэринг, опасность секвестра распространялась не только на счета Омского Правительства, но и на счета Генерала Деникина, так как они образовались главным образом путем перечисления на них сумм Омского Правительства.

В видах сохранности, К.Е.Заменом, после совета с банкирами Братьями Бэринг и английскими и русскими юристами, были приняты, с предварительного одобрения их Делегациею, следующие меры, причем, в видах практического удобства, К.Е.Замен не делал различия между суммами Омского Правительства и Правительства Генерала Деникина, проводя таковое различие лишь по своим книгам:

1) К.Е.Замен продал золото в Гонконге; предварительное извещение указывает, что от продажи была выручена сумма свыше 800.000 фунт. стерл.²⁴. Из них 200.000 фунтов стерлингов были переведены в National Bank of Turkey, для кредитования Юга России в Константинополе; 500.000 фунтов стерлингов на личный счет К.Е.Замена у банкиров Братьев Гоппе в Амстердаме и остаток свыше 100.000 фунтов стерлингов банкирам Ф.М.Филиппсон и К^о в Брюсселе также на личный счет К.Е.Замена. Временное зачисление означенных сумм на личный счет оказалось вынужденным вследствие отказа Братьев Бэринг осуществить иной способ помещения денег. Однако ближайшую задачу К.Е.Замена составляет изыскание более удовлетворительного способа размещения означенных сумм.

2) Ввиду особенного риска хранения сумм в Париже и падения франка, К.Е.Заменом были приняты, с соблюдением должной осторожности, следующие меры в отношении счетов в Париже:

а) 5.000.000 франков были переведены в названный банк Филиппсон и К^о в Брюсселе на счет банкиров Братьев Бэринг, которые выдали К.Е.Замену аккредитив на ту же сумму сроком на один год;

б) 4.700.000 франков были поставлены на счет инженера Александра Ивановича Кузнецова в London County & Westminster

²⁴ Советские дипломаты в Генуе и последующие историки числили за Заменом золота на 616 тысяч фунтов стерлингов; как мы видим, оно было давным-давно продано, и за гораздо большую сумму.

Bank в Париже в обеспечение платежей по заказу обмундирования для Добрармии, данному названному Кузнецову; при этом был заключен К.Е.Заменом и Генералом Гермониусом²⁵ с А.И.Кузнецовым особый договор, и Кузнецовым выдан К.Е.Замену чек, без указания суммы, на его, Кузнецова, текущий счет, а распоряжение деньгами поставлено в зависимость от утверждения Генералом Гермониусом приемочных документов по заказу;

в) сумма около 2.000.000 франков была употреблена на перевод одного миллиона датских крон в Ландмандс Банке в Копенгагене на особый счет торгового товарищества «Наследник А.Губкина А.Кузнецов и К^о», каковое товарищество обязалось письмом, выданным на имя К.Е.Замена, хранить такую сумму по его поручению за его счет впредь до востребования им;

г) 4.236.500 франков (четыре миллиона двести тридцать шесть тысяч пятьсот фр.) были поставлены в распоряжение British Moscow Merchants Trading Co, Liverpool, в Париже под документ, аналогичный с означенным в пункте «в», с поручительством фирмы Zeraga & Co, Liverpool, и Московскаго Купеческаго Банка, являющихся единственными собственниками British Moscow Merchants Trading Co.

За произведенными, как выше означено, распоряжениями и текущими расходами, во Франции оставалось около 6.000.000 франков (шесть миллионов фр.). Следующее распоряжение К.Е.Замена о переводе Правительству Генерала Деникина 100.000 фунт. стерл. не было исполнено ввиду распоряжения Французского Правительства о невыплате без разрешения Министерства Финансов каких-либо сумм из средств бывшего Омского Правительства. Это распоряжение распространилось и на невключенную в вышеприведенный перечень сумму в 15.347.212 франков (пятнадцать мил. триста сорок семь тысяч двести двенадцать фр.), составляющую последний взнос за золото, проданное Французскому Правительству, и внесенную на счет А.Г.Рафаловича, каковая сумма подлежала передаче в распоряжение К.Е.Замена.

3) В отношении сумм, хранившихся в Лондоне, приняты были следующие меры:

а) К.Е.Заменом суммы со счетов Омского Правительства №№3 и 5 постепенно были перенесены на счета Правительства Генерала Деникина, так что теперь счет №5 закрыт, а на №3 числилось к 1 февраля 1920 года 18.238 фунт. стерл.;

б) суммы, причитавшиеся Северной Области, были выделены на особый счет Joint Account of E.Sablin and C.Sahmen (North Russia) №1 (на 1 февраля – 46.734 фунт. стерл.);

в) сумма в 150.000 фунт. стерл. (сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов) в запечатанном пакете была сложена в сейфе Пол-

²⁵ Генерал Э.К.Гермониус был начальником Управления заграничных снабжений Белых армий.

ковника Беляева²⁶, причем доверенность на открытие сейфа находится у К.Е.Замена, а ключ – у Е.В.Саблина; по завещанию Полковника Беляева его душеприказчики обязаны вынуть пакет и передать его, согласно полученным инструкциям, не вскрытым.

г) Из счетов Юга России, счет в London Joined City Midland Bank низведен до суммы 413 фунт. стерл. (четыреста тринадцать), вследствие перевода наличности (девяносто тысяч фунтов стерлингов) в Константинополь, согласно инструкции М.В.Бернацкого;

д) Счет в Русском для Внешней Торговли Банке, ввиду его незначительности (5.630 фунт. стерл. – пять тысяч шестьсот тридцать) пока оставлен в прежнем виде;

е) Что касается главного счета South Russia №2 у Братьев Бэринг и образовавшегося из сумм займа Омского Правительства, то распоряжение ими стояло в зависимости от условий этого займа, которые определяют, что 2/3 сумм предназначены на покупки в пределах Союзного Королевства и 1/3 может быть переводима в Европейские страны; всего вне Англии мог быть израсходован один миллион фунт. стерл.; из него большая часть была ранее употреблена Омским Правительством; из оставшейся части К.Е.Заменом переведены в National Bank of Turkey для поставления в распоряжение Правительства Генерала Деникина – 125.000 фунт. стерл. (сто двадцать пять тысяч фунтов стерлингов);

200.000 фунт. стерл. (двести тысяч фунтов стерлингов) переведены в Амстердам в распоряжение Товарищества Губкина Кузнецова, причем Товариществом выдано обязательство хранения Nederlandsche Handels Maatschapij Factory в Батавии в голландских гульденах;

110.132 фунт. стерл. (сто десять тысяч сто тридцать два фунтов стерлингов), составляющие 1.000.000 флоринов (один миллион), переведены под аналогичные обязательства хранения фирме Fr. Zerega & Co в ее распоряжение у агента ее Breckland в Роттердаме;

оставшаяся для перевода вне Англии сумма должна быть переведена К.Е.Заменом в National Bank of Turkey для управления финансов Юга России. Для большей сохранности сумм, подлежащих расходованию на покупки в Соединенном Королевстве, К.Е.Замен открыл подтвержденные кредиты поставщикам Доброй армии для оплаты представляемых ими заверенных приемщиками счетов; кроме того К.Е.Замен вошел в особое соглашение с вышеназванной Британской Московской Компанией, по силе которого К.Е.Замен аккредитовал Компанию до 1 июля 1921 г. у Братьев Бэринг против представления товарных счетов, заверенных им, К.Е.Заменом, или Председателем Русского Лондонского Комитета Полк. Беляевым, или лицами по их указанию; согласно

²⁶ Полковник Н.Т.Беляев – начальник Русского правительственного комитета в Лондоне, ведавшего военными заготовками.

этому соглашению, Компания обязалась в любое время по требованию К.Е.Замена известить Братьев Бэринг об отказе своим от открытого ей кредита.

За всеми указанными распоряжениями 1 февраля 1920 года на счетах К.Е.Замена числилась всего сумма в 2.239.000 ф.ст. (два миллиона двести тридцать девять тысяч), не считая в том числе не проведенной еще по счетам суммы свыше 600.000 фунт. стерл. (шестьсот тысяч), поступающей за золото сверх 200.000 фунт. стерл., поступивших из этого источника Правительству Генерала Деникина. Из 2.239.000 фунтов стерлингов деньгами Юга России в собственном смысле является сумма в 1.369.109 фунт. стерл. (один миллион триста шестьдесят девять тысяч сто девять фунтов стерлингов), Севера России – 46.724 фунтов стерлингов (сорок шесть тысяч семьсот двадцать четыре) и бывшего Омского Правительства 972.736 фунт. стерл. (девятьсот семьдесят две тысячи семьсот восемьдесят шесть).

Независимо от этих распоряжений, К.Е.Заменом, на случай своей смерти, будет сделано завещание, по которому распоряжение вверенными ему на хранение суммами, согласно английскому закону, перейдет к душеприказчикам С.А.Шателену²⁷, М.Н.Гирсу²⁸ и Е.В.Саблину, коим, сверх того, ныне же выдается полная доверенность.²⁹

Таким образом, благодаря распорядительности Замена подавляющее большинство казенных средств удалось спасти. Пропали деньги, арестованные французским правительством и впоследствии конфискованные им в порядке компенсации за российские долги. Заметим, чтобы сориентировать читателя, что соотношение французского франка к тогдашней основной мировой валюте – фунту стерлингов – колебалось в январе 1920 в пределах 40,9–46,5 франка за один фунт, к доллару – 10,75–13,19 франка за один доллар. Забегая вперед, скажем также, что пропали средства, переведенные на счет крупного московского промышленного деятеля инженера А.И.Кузнецова. Кузнецов, по свидетельству Бурышкина, занялся на эти деньги «под видом содействия снабжению армии ген. Врангеля товарной спекуляцией», в результате чего казенные суммы в значительной части оказались растраченными³⁰.

Каким же образом распорядилась Делегация оказавшимися под ее контролем средствами?

В период с января по апрель 1920 Делегацией были ассигнованы на различные цели следующие суммы (цифры округлены до целых):

²⁷ С.А.Шателен – бывший зам. министра финансов России.

²⁸ М.Н.Гирс – посол в Риме, старейшина русского дипломатического корпуса.

²⁹ BAR. Bematskii Collection. Box 1. Folder «Civil War: General and South Russia».

³⁰ ГАРФ. Ф.5885 (П.А.Бурышкина). Оп.1. Ед. хр.2. Л.74.

14 млн. 453 тыс. французских франков, 194 тыс. 728 фунтов стерлингов, 500 тыс. долларов (были переведены из США), а также 15 тыс. бельгийских франков, 66 тыс. 429 швейцарских франков, 177 тыс. 125 итальянских лир, 9 тыс. 580 турецких лир, 102 тыс. 840 шведских крон, 35 тыс. 217 датских крон, 203 тыс. норвежских крон, 85 тыс. динаров, 270 тыс. финских марок, 49 тыс. 460 австрийских крон, 45 тыс. греческих драхм, 2 тыс. 900 песет, 9 тыс. 596 гульденов и 26 тыс. чешских крон. Такое разнообразие валют объяснялось прежде всего тем, что часть средств шла на содержание дипломатических учреждений в различных странах. Всего же годовой бюджет Министерства иностранных дел, за исключением Сербии и Чехословакии, составлял 14 млн. 327 тыс. 214 французских франков.

Средства были предназначены, в частности, на содержание Делегации – по 1 тыс. фунтов стерлингов в месяц; значительные суммы отпускались генералу Д.Г.Щербачеву, представителю русских армий при союзных правительствах, – 590 тыс. фр. франков в январе, 300 тыс. 480 франков за февраль, на три месяца, начиная с марта – 413 тыс. 490 фр. франков, 15 тыс. шведских крон, 15 тыс. датских крон и 10 тыс. 500 швейцарских франков. Российскому Обществу Красного Креста было выдано под отчет 5 млн. 720 тыс. франков; неоднократно производились ассигнования Земскому союзу на помощь беженцам – 370 тыс., дважды по 200 тыс. и еще 400 тыс. франков; на содержание русских церквей за границей было ассигновано 50 тыс. фунтов стерлингов на год; Русскому освободительному комитету в Лондоне на расходы в период с 1 марта по 31 мая – 4 тыс. 500 фунтов стерлингов. Были выделены средства 15 российским посольствам и миссиям для оказания помощи нетрудоспособным русским на 3 месяца, в том числе представителям в Англии и Турции – по 300 фунтов стерлингов в месяц, в Греции – по 5000 драхм плюс 30 тыс. драхм одновременно и т. д.³¹

Тем временем дела белых в России шли все хуже и хуже. В марте 1920 разразилась «новороссийская катастрофа» деникинской армии, и ее остатки были эвакуированы отчасти в Крым, отчасти за границу. 22 марта 1920 Деникин подал в отставку. Его преемником стал генерал П.Н.Врангель. Начался крымский эпилог Белого движения.

Одним из первых документов, подписанных Врангелем после прихода к власти, стало удостоверение, уполномочивающее начальника Управления финансов Вооруженных сил Юга России М.В.Бер-

³¹ Leeds Russian Archive (далее – LRA). Zemgor Collection. Материалы российской Политической делегации в Париже, а также некоторые другие документы российских дипломатов были обнаружены нами в фонде парижского Земгора, находящегося в Русском архиве в Лидсе (Brotherton Library, Leeds University, United Kingdom).

нацкого «распоряжаться всеми денежными средствами и прочим казенным имуществом, находящимся за границей». «Указания по этому мною ему даны. Всем финансовым агентам и прочим представителям Главного Командования за границей предписываю исполнять все предложения и распоряжения М.В.Бернацкого, которого уполномочиваю <так!> вести переговоры и заключать соглашения с представителями иностранных государств»³².

Врангель, контролировавший лишь Крымский полуостров с его ограниченными материальными ресурсами, нуждался в заграничном снабжении, возможно, более чем кто-либо другой из вождей Белого движения. Естественно, что его надежды были связаны прежде всего с получением денежных сумм, оставшихся за границей от правительств Колчака и Деникина. Однако получить их было не так просто. Зарубежная Россия поначалу настороженно отнеслась к Врангелю. Его политическая физиономия была неясна; в либерально-демократических кругах Врангеля считали реакционером, монархистом и германофилом. Неясно было также, насколько прочны его позиции в военном отношении и не последует ли вслед за новороссийской катастрофой Деникина крымская катастрофа Врангеля.

Бывший деникинский министр финансов Бернацкий имел довольно смутное представление о суммах, находящихся на счетах различных финансовых агентов и дипломатических представителей за рубежом. Выяснить это путем переписки не представлялось возможным. Связь была крайне ненадежна и медленна. Оставался единственный выход – отправиться в Европу, чтобы попытаться взять финансовые потоки под свой контроль. Еще одной задачей было централизовать распоряжение российскими деньгами и имуществом за границей, сосредоточить их по возможности в одних руках.

Бернацкий прибыл в Париж в мае 1920 и быстро нашел общий язык с фон Заменом и Рафаловичем. Сложнее обстояло дело с российскими финансистами в США и Японии.

20 мая 1920 Сазонов телеграфировал Бахметеву:

Для продолжения борьбы по восстановлению государственности в России весьма важно объединить все имеющиеся в нашем распоряжении средства. С этой целью сюда приехал Бернацкий, которому необходимо точно выяснить всю наличность остатков средств, находящихся на руках у отдельных финансовых (Агентов) и установить единый порядок дальнейшего расходования их для удовлетворения нужд, в том числе и содержания заграничного состава всех ведомств. Только такое сосредоточение дела в руках Бернацкого, бывшего последним общероссийским Министром Финансов до большевистского переворота и с тех пор непрерывно работавшего в составе Южного Правительства, может ог-

³² BAR. Bernatskii Collection. Box 1. File «Civil War: General & South Russia. 4».

радить отдельных распорядителей сумм от упреков в самовольном распоряжении казенными деньгами по личному усмотрению.

Замен и Рафалович вполне подчинились руководству Бернацкого. Необходимо чтобы Угет и Миллер также оказали ему полное содействие и откликнулись на его призыв. Бернацкий намерен просить Угета приехать сюда для личного участия в разрешении намеченной задачи, а также вопроса о снабжении армий, продолжающих борьбу.³³

Бернацкий обратился также с запросом о положении дел к бывшему заместителю министра финансов Омского правительства В.И.Новицкому, своевременно, по словам Бурышкина, подавшего в отставку «по состоянию здоровья» и вернувшегося через Китай в США, где он вновь вступил в должность уполномоченного Министерства финансов в этой стране. По данным Новицкого, в связи с тем, что перед падением колчаковского правительства были сделаны распоряжения о переводе всех сумм Иностранного отделения Кредитной канцелярии на счета находившихся за границей финансовых агентов, в руки социалистического правительства, пришедшего к власти во Владивостоке, попали лишь незначительные суммы³⁴.

Впрочем, о точном размере сумм, переведенных на счета агентов, имели достаточно приблизительное представление даже высшие чины колчаковского Минфина. В ответ на запрос Замена Новицкий телеграфировал: «Распоряжения о кредитовании счетов агентов были сделаны в разные сроки несколькими лицами – мною, Никольским и Скерстом; ввиду этого точные суммы, поступившие на счета агентов, могут быть получены лишь непосредственно от них»³⁵.

Очевидно, что во Франции рассчитывать было не на что: даже на деньги, вырученные от продажи золота французскому правительству, был наложен арест. Таким образом, роль Рафаловича в качестве финансового агента была вполне символической.

Фон Замена всецело поставил себя в распоряжение Врангеля (и, соответственно, находившиеся под его контролем суммы). Он и был назначен на вновь учрежденную должность Главноуполномоченного по финансово-экономическим делам. Это объяснялось не только его лояльностью врангелевскому правительству, но и тем, что он был наиболее высоким по рангу и наиболее опытным финансистом среди своих коллег. Замена был последним директором Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов (назначен в декабре 1916, сохранил свою должность и при Временном правитель-

³³ Министр И<ностранных> Д<ел> – Послу, 20 мая 1920. №684. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 37-2.

³⁴ В.И.Новицкий – М.В.Бернацкому, 25 мая 1920 г. – Там же. 62-13.

³⁵ Посол в Вашингтоне – Поверенному в делах в Лондоне, 4 июня 1920. №260 (Новицкий для Бернацкого и Замена) // Там же. 37-2.

стве); в период Первой мировой войны он проводил в Лондоне едва ли не больше времени, нежели в Петрограде, занимаясь проблемами кредитования заграничного снабжения русской армии и промышленности. В конце мая 1920 в распоряжении Замена оставался 1 млн. 700 тыс. фунтов стерлингов.

Сведения о принципах взаимоотношений других финансовых агентов с Врангелем приводятся в анонимной «Записке» с грифом «Весьма доверительно», копии которой обнаружены нами как в фонде Российского посольства во Франции в архиве Гуверовского института, так и среди бумаг М.В.Бернацкого в Бахметевском архиве³⁶. Причем на экземпляре справки, находящейся в бумагах Бернацкого, бывший министр надписал карандашом, что «Записка» подготовлена К.Миллером в июле 1923.

Подчеркивая, что «хранители русских государственных средств после падения Омска и Ростова оказались несущими на себе ответственность за сохранность и расходование имеющихся у них остатков казенных сумм», автор «Записки» свидетельствовал, что в результате переговоров с Бернацким «все хранители казенных средств выразили свое согласие финансировать правительство генерала Врангеля и всемерно осуществляли свое обещание. Однако никакой передачи всех сумм генералу Врангелю не производилось, и работа агентов покоилась на принципе сотрудничества, а не подчинения правительству генерала Врангеля. Это вполне определено было формулировано послом в Соединенных Штатах Сев<ерной> Америки Б.А.Бахметевым, в распоряжении которого состояла большая часть остатков средств».

Такое отношение финансисты задним числом объясняли, в частности, тем, что прерогативы «Верховного правителя», переданные генералу Деникину адмиралом Колчаком, не были тем, в свою очередь, переданы Врангелю: «Генерал Деникин оставил генералу Врангелю только командование армией и гражданское управление на сохранившейся в его руках территории на Юге России»³⁷.

Главное же было все-таки в том, что российские дипломаты в США, и прежде всего сам посол, не верили в долговечность врангелевского предприятия. Бахметев писал Маклакову еще в январе 1920, до деникинской катастрофы:

Трагичность нашего положения по преимуществу заключается в том, что у нас нет субъекта национального движения. Вы можете сколько угодно в своем собственном решении и поведении прочно придерживаться оазиса национальной военной силы, которая сохранится где-то на Дальнем Востоке или в Кубанских

³⁶ НИА. Russia Posol'stvo (France). 32-10; BAR. Bernatskii Collection. File «Settlement of White Army veterans, 1921–26».

³⁷ Там же.

степях, но Вы никого не заразите своим энтузиазмом, а главное, из этого упорства ничего практического не выйдет.³⁸

Бахметев особенно опасался «элементов военного держимордства. Олицетворением подобного «держимордства» для Бахметева был некий русский генерал

...которого англичане вывезли на Мальту, буквально спасши его из большевистских рук. Одели его, поили, кормили, одним словом, делали все, что возможно. Этот генерал, приглашенный обедать каким-то высшим английским начальником и выпив изрядно вина, стал держать речь в таком духе: вот, де, смотрите, в будущем мы вам всем покажем, когда Россия придет, займет Мальту и всем наколотит морду. – Образ генерала <...> не выходит у меня из головы, так как я убежден, что генералов этих самым форменным образом расколотят, а платиться будет страна.³⁹

Понятно, что, глядя из Вашингтона, было совсем не принципиальным, продолжается ли сопротивление большевикам в «Кубанских степях» или же в Крыму. В любом случае дело выглядело безнадёжным. Тем не менее российские представители в США оказали Врангелю значительную финансовую и материальную помощь.

Приехавший в Париж в июне 1920 Угет представил Бернацкому справки о судьбе «золотого займа» и о других финансовых и материальных ресурсах, находившихся под контролем российских представителей в США на 24–25 мая 1920. Хотя вряд ли Угет сообщил сведения обо всех многочисленных счетах посольства.

На счетах финансового агентства (Transfers) числилось на 25 мая 1925 5 млн. 64 тыс. 77 долларов 64 цента. Эта сумма имела своим происхождением переводы Омского правительства и остатки от «золотого займа». Часть денег (\$2.397.565,90) хранилась в Национальном городском банке (National City Bank of New York), часть (\$2.666.511,74) – в банкирском доме Киддер, Пибоди и К°. Кроме того, в Национальном городском банке на счете «С» находились 94 тыс. 567 долларов 2 цента, являвшихся остатками средств Временного правительства и находившихся под контролем американского казначейства. Расходование этих денег могло производиться исключительно с согласия казначейства на оплату обязательств Временного правительства в США⁴⁰.

³⁸ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 19 января 1920 // «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А.Бахметев – В.А.Маклаков: Переписка. 1919–1951: В 3 т. Т.1: Август 1919 – сентябрь 1921 / Ред., вступит. ст. и коммент. О.В.Будницкого. М.; Стэнфорд, 2001. С.160, 162. В дальнейшем – «Совершенно лично...», с указанием тома и стр.

³⁹ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 17 января 1920 // Там же. Т.1. С.56.

⁴⁰ См.: Кассовые предположения на 1920 год. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 62-2; Угет С.А. Объяснительная записка к справкам о положении финансов и снабжения в Северо-Американских Соединенных Штатах. – Там же. 79-8.

Большая часть 22,5 млн. долларов, которые были получены в результате «золотого займа» (любопытно, кстати, что физически золото вносилось российской и испанской (песеты) золотыми монетами), была уже потрачена или связана. По условиям займа две трети полученных денег предназначались на закупку товаров американского происхождения. Так, наиболее крупную сумму предполагалось заплатить Western Cartridge Co за 100 млн. ружейных патронов – \$3.058.500,00; 2.047.558,75 пошли на оплату долга National City Bank of New York, кредитовавшему покупку винтовок у завода Ремингтон; американскому правительству за 268.000 винтовок и 15 млн. ружейных патронов было выплачено в два приема \$1.115.034.08 и \$1.672.551.11; Союзу Сибирских маслодельных артелей – \$1.257.578.20. Остальные выплаты были менее миллиона, наименьшая, – 51 цент за перевод 12 тыс. долларов.

Самой бесполезной тратой оказалась выплата \$855.731.25 American Banknote Co за кредитные билеты, заказанные еще при А.Ф.Керенском. Колчаковское правительство, впрочем, как и другие антибольшевистские правительства, страдало не только от отсутствия денег, но и от отсутствия возможности хотя бы напечатать надежные денежные знаки. Денежная реформа, проведенная И.А.Михайловым, выпустившим в оборот так называемые «сибирки», которые должны были вытеснить находившиеся в обращении валюты всех режимов – от царского до советского, оказалась крайне неудачной. При отсутствии в Сибири хороших типографий и качественной бумаги не могли оказаться качественными и денежные знаки. «Сибирки» легко подделывались, и если фальшивки печатались за границей, их легко можно было отличить от настоящих денег – настоящие выглядели гораздо хуже.

Приводим свидетельство одного из членов колчаковского правительства:

Когда с обесценением денег даже нищие чиновники стали получать жалованье пачками, министры могли собственными глазами видеть, с какою преступною небрежностью печатались эти знаки. Так, например, в одной пачке деньги были разных цветов, одни темнее, другие светлее; целая серия пятидесятирублевых была выпущена с опечаткой (месяц май был назван по-французски «Mai»); вместо «департамента» государственного казначейства печаталось «отдел», хотя отдел давно был преобразован в департамент; на некоторых не была поставлена точка. Если в руки попадало несколько пятисотрублевых, то нельзя было ручаться, что все они настоящие, потому что размеры их и цвет были различные.⁴¹

⁴¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. В 2 т. Харбин, 1921. Т.2. С.404.

Так что пришлось заказывать денежные знаки в США. Но в обращение они так никогда и не поступили...

Деньги, находившиеся в свободном распоряжении, кроме оплаты заказов, шли также на содержание Информационного бюро в Нью-Йорке – \$46.250,00, Российского государственного контроля в США (\$35.000,00), Православной епархии в Южной Америке (\$11.214,75) и на другие цели.

В данной статье не предполагается изложение истории всех финансовых и заготовительных операций российских представителей в США. Наша цель – проследить судьбу «колчаковского золота». Приведем все-таки, для полноты картины, один характерный эпизод, связанный с «приключениями» столь дефицитной в России подошвенной кожи. В нем до некоторой степени отразилась история Белого движения и грустная эпопея его заграничного снабжения.

Закупленные еще в 1917 2146 кип подошвенной кожи были в ноябре 1919 отправлены из Нью-Йорка во Владивосток через Панамский канал на морском транспорте «Рогдай»; однако, узнав о событиях в Сибири, Угет задержал пароход в Сан-Франциско; кожу перегрузили на другое судно и доставили в Сиэттл, где она и находилась в мае 1920. Доставка кожи по железной дороге из Сиэттла обратно в Нью-Йорк обошлась бы в 20 тыс. долларов, перевозка в Крым – еще в 50 тыс. В случае продажи за кожу, по мнению Угета, едва ли можно было выручить больше половины ее стоимости, так как, во-первых, кожа долго лежала, во-вторых, ее дублирование производилось по инструкции российского интендантства, способом, не применявшимся в США. При заготовительной цене 40–50 центов за фунт в 1917, и учитывая, что вес каждой кипы кожи составлял около 400 фунтов, нетрудно подсчитать, что «усохло» 180–200 тыс. долларов.

Так на глазах «сжималась» стоимость имущества, на оплату которого пошли некогда огромные деньги.

Острота проблемы с наличностью побудила Угета, до той поры стремившегося по возможности выполнять обязательства по отношению к американским фирмам (это диктовала не столько деловая этика, сколько опасение судебных процессов с возможным наложением арестов на счета посольства), пойти, после переговоров с Бернацким, на необычный для себя шаг. 25 июня Угет телеграфировал Новицкому, выполнявшему в его отсутствие обязанности финансового агента, о крайней нежелательности «расходования средств на оплату прежних обязательств <...> так как наличность необходима для поддержания национального движения»⁴².

⁴² Советник посольства в Париже – Послу в Вашингтоне, 25 июня 1920. №859 (Угет – Новицкому). – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 37-2.

Было решено открыть специальный счет, по которому проводить платежи для врангелевского Крыма. В соответствии с указанием Угета, заведующим финансовым делопроизводством Д.П.Перцовым был открыт в книгах агентства специальный счет *Fond reserves*, на который были зачислены суммы, «освободившиеся при погашении займа, полученного Омским правительством от англо-американского синдиката», суммы, освободившиеся в связи с отказом от половины патронов (50 млн. штук), заказанных ранее у фирмы *Western Cartridge Company*, а также суммы, высвободившиеся в связи с отказом от 70 тыс. винтовок (из 268 тыс.), а также некоторого количества патронов, которые ранее планировалось приобрести у американского правительства. На этот счет должны были быть поставлены и «суммы, имеющие поступить от продажи золота, коим обеспечивалась уплата за упомянутые выше винтовки»⁴³.

Таким образом, счет был поистине «золотым».

Счет *Fond reserves* был закрыт 1 июля 1921. Поступления на счет за время его существования составили 7.171.002,30 долларов; расходы – 5.391.197,76 долларов. Разница составила 1.779.804,54 долларов. Основные операции по счету проводились до 1 ноября 1920, т. е. в период деятельности врангелевского правительства. На финансирование его нужд и пошли почти все деньги, хотя небольшие суммы тратились и на некоторые другие цели (к примеру, была выдана ссуда перебравшемуся в США знаменитому историку и археологу академику М.И.Ростовцеву⁴⁴).

Так что Врангель не мог, в конечном счете, пожаловаться на невнимании к нему российских дипломатов в США; если они и не смогли оказать ему помощь в тех же масштабах, что Колчаку и Деникину, то это объяснялось, во-первых, сокращением ресурсов, во-вторых, изменением политики американского правительства по отношению к Белому движению. В условиях жесткой избирательной кампании 1920 года администрация Вильсона была вынуждена запретить вывоз вооружения, предназначенного русским «реакционерам», и дипломатам приходилось изобретать сложные схемы, вроде продажи французам снарядов под видом металлического лома с целью их последующей доставки в Крым.

Наконец, о последнем финансовом агенте, на личные счета которого были переведены средства колчаковского правительства.

В литературе неоднократно приводились сведения о суммах, находившихся на счетах К.К.Миллера. Все они восходят к одному и тому же источнику – бумагам Кредитной канцелярии во Владивостоке, оказавшихся в конечном счете руках большевиков. Выше уже приводи-

⁴³ НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 63-3.

⁴⁴ Записка Д.П.Перцова на имя С.А.Угета, 29 августа 1921. – Там же. 180-17.

лись сведения, обнародованные в Меморандуме советской делегации в Генуе. Примерно такие же данные опубликовал бывший управляющий финансами Иркутского политцентра, а затем управляющий финансовым ведомством Временного правительства Дальнего Востока – Приморской земской управы А.И.Погребецкий.

По его сведениям, на личных счетах Миллера находились 6940 тыс. иен, 170 тыс. американских долларов, 25 тыс. фунтов стерлингов, 424 тыс. французских франков и 450 тыс. мексиканских долларов⁴⁵. Однако на самом деле часть денег, а именно 450 тыс. мексиканских долларов и 350 тыс. лан (таэлей), вырученные за продажу казенного серебра, оказавшегося на Дальнем Востоке, была блокирована в Русско-Азиатском банке, руководство которого заявило, что передаст их законному русскому правительству⁴⁶. Эти суммы были равны приблизительно 10 млн. французских франков⁴⁷, что составляло, при пересчете в фунты стерлингов по курсу 46 франков за 1 фунт – 217 тыс. 391 фунтов стерлингов, или, при переводе в доллары по курсу 12 франков за один доллар – 833 тыс. 333 доллара.

Так что Миллер не лукавил, когда в ответ на запрос Бернацкого, содержавший требование перевести в его распоряжение значительную часть содержавшихся на его счетах в Японии денег, телеграфировал министру 1 сентября 1920:

Находящиеся в моем распоряжении суммы примерно 6.000.000 иен являются единственными казенными средствами для удовлетворения общегосударственных потребностей на Дальнем Востоке <...> содержание всего нашего представительства в Японии и Китае всецело ляжет на эти суммы. Кроме того усиливающийся приток беженцев требует крупных ассигнований, на этот предмет миссии по просьбе Замена переводятся Кудашеву <пропуск в тексте: как можно понять из последующей переписки, посланнику в Пекине кн. Кудашеву были переведены 100 тыс. иен. – *О.Б.*>.

Предоставление Замену огульно средств в указанном Вами размере <...> фактически угрожало бы всякой государственной деятельности на Дальнем Востоке. <...> В дальнейшем <...> я готов по мере возможности оказывать финансовую поддержку Правительству Юга России, но должен просить сообщать в каждом отдельном случае на что тратятся деньги.⁴⁸

⁴⁵ *Погребецкий А.И.* Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914–1924). Харбин, 1924. С.12.

⁴⁶ Крупенский – Послу (В.А.Маклакову) (Миллер – Бернацкому), 8 января 1921. – VAR. Bernatskii Collection. Box 1. File «Civil War, Siberia & Far East».

⁴⁷ Справка о казенных суммах, заблокированных за границей. – Там же. File «Civil War: General & South Russia. 4».

⁴⁸ Крупенский – Саблину (Миллер – Замену для Бернацкого), 1 сентября 1920. – Там же. File «Civil War, Siberia & Far East».

Надо сказать, что тогдашняя иена была не чета нынешней. Одна иена была примерно равна золотому рублю. 6 млн. иен по тогдашнему курсу (курс иены оставался стабильным в период 1914–1924) составляли 600 тыс. фунтов стерлингов или 3 млн. долларов.

Нежелание К.К.Миллера всецело предоставить имевшиеся у него средства в распоряжение Врангеля вызвали гневную телеграмму обычно сдержанного Гирса послу в Японии В.Н.Крупенскому, в которой «теневого министр иностранных дел» обвинил финансового агента в нежелании поддерживать национальное движение. Крупенский, однако, вступился за отсутствовавшего в тот момент в Японии Миллера:

Миллер нисколько не уклоняется от совместной работы на пользу общего дела, особенно с правительством Врангеля, коему он, как и все мы, горячо сочувствует. Но я вполне понимаю, что возложенная на него тяжелая ответственность, которой он считает себя по совести связанным, не позволяет ему по простому о том требованию предоставить распоряжение вверенными ему суммами другим лицам, каков бы ни был их личный авторитет, тем более, что ему совершенно неизвестно, израсходованы ли уже на государственные нужды находившиеся у этих лиц несравненно более крупные денежные средства.⁴⁹

Привлекли к воздействию на брата и генерала Евгения Карловича Миллера, бывшего командующего белыми войсками на Севере, а затем представителя Врангеля в Европе.

Дружными усилиями кое-какие деньги «выдавить» из К.К.Миллера удалось. Он телеграфировал брату и Замену, с одной стороны, указывая на свою лояльность, с другой – подчеркивая свою независимость. Генералу Е.К.Миллеру он писал:

Я неоднократно высказывал полную готовность оказывать финансовую поддержку правительству Врангеля предоставлением средств на определенные цели. В частности, немедленно перевожу Замену 100000 фунтов для оплаты угля. Ввиду лежащей на мне ответственности, я ставлю лишь необходимым условием точное указание, на что в каждом отдельном случае требуются деньги и почему именно из моих кредитов. Считаю себя, однако, обязанным отклонять всякие посягательства на распоряжение вверенными мне суммами. Вместе с тем я никогда не имел в виду отказывать в содействии общему делу, важность которого всецело признаю.⁵⁰

⁴⁹ Крупенский – Гирсу, 6 сентября 1920: Врангелевщина (По материалам Парижского «посольства» Временного правительства) // Красный архив. 1930. Т.3 (40). С.8-9.

⁵⁰ Крупенский – Послу, 25 сентября 1920 г. №278. См.: Врангелевщина. С.16.

В телеграмме Замену Миллер напоминал, что уже перевел в Лондон 30.000 фунтов для «подкрепления» его наличности и 100.000 иен посланнику в Пекине кн. Кудашеву «на беженцев» и сообщал о немедленном переводе им на счет Замена в банкирском доме братьев Бэринг в Лондоне 100 тыс. фунтов стерлингов на оплату угля для Крыма. В то же время Миллер предупреждал, что «ввиду современной политической обстановки на Дальнем Востоке и возможности возникновения здесь крупных и неотложных государственных потребностей, я принужден заботиться о сохранении достаточных средств для их удовлетворения и относиться с крайней осторожностью к расходованию вверенных мне сумм»⁵¹.

После того как декретом президента Китая были закрыты с 1 сентября 1920 российские дипломатическое и консульское представительства, Миллером было выплачено «ликвидационное» вознаграждение. На это пошло несколько более 250.000 иен; чиновникам выплачивали оклад за шесть месяцев, надбавки за дороговизну, курьерские дачи. Менее значительные суммы, от 4 до 6 тыс. иен, пошли на ликвидацию консульств в Гонконге, Сингапуре и Гирине, миссии в Сиаме и агентства Министерства торговли и промышленности в Шанхае⁵².

Забегая вперед, надо сказать, что осторожность Миллера оказалась вполне оправданной, и Гирсу, как и Врангелю, еще пришлось оценить это впоследствии. В то время как почти все средства Лондонского финансового агентства к концу 1920 были потрачены и после крымской катастрофы Замену нечем было помочь оказавшейся на чужбине армии, Миллеру еще пришлось переводить крупные суммы на расселение врангелевского воинства, превратившегося, как бы они сами себя ни именовали, в беженцев.

Крымская катастрофа оказалась для большинства российских дипломатов, которых военные заверяли ранее в неприступности перекопских укреплений, совершенно неожиданной. Штурм Перекопа Красной Армией начался 8 ноября 1920, а уже 12 ноября глава врангелевского правительства А.В.Кривошеин телеграфировал начальнику Управления внешних сношений П.Б.Струве из Константинополя:

...от имени главнокомандующего поручаю вам передать французскому правительству, что он просит Францию принять на себя спасение жизни нескольких десятков тысяч людей, борющихся за общее дело против тирании и беззакония и ныне лишенных родины и крова. Он надеется, что в пределах Франции окажется возможным дать не только приют для беженцев, но и пристанище

⁵¹ Крупенский – посольству, 25 сентября 1920. №279 // Врангелевщина. С.17.

⁵² BAR. Miller Collection. Box 1. Папка «Ликвидация российского дипломатического и консульского представительства в Китае».

для армии <...>. Кроме того, генерал Врангель надеется, что Франция окажет нам свое энергичное содействие к размещению остальных беженцев в других странах. <...> Предложите Бахметеву и Миллеру в Токио срочно перевести возможно большую сумму на содержание беженцев. Перевод должен быть сделан в условиях, обеспечивающих действительное получение денег.⁵³

Эвакуированных из Крыма оказалось по меньшей мере 130 тысяч (максимальная цифра, которая приводится в литературе – 150 тысяч). Бахметев немедленно перевел в Константинополь 200 тыс. долларов. Да и впоследствии он был главным врангелевским «спонсором», несмотря на то, что первым из русских дипломатов настаивал на прекращении политической деятельности генерала.

В один из первых дней разворачивающейся катастрофы он писал Маклакову:

Поражение Врангеля представляется мне трагическим доказательством того непреложного факта, что Россия не может вынести военного движения как такового и что мысль о спасении ее через военную диктатуру должна быть оставлена, как безнадежная, и чем скорее, тем лучше. Сущность руководящей национальной психологии в области тактического мышления сводилась к тому, что «важна лишь кавалерия». Реальный опыт должен убедить, что «кавалерия всего менее важна».⁵⁴

В литературе нередко встречаются высказывания, будто бы дипломаты отказались подчиниться Врангелю и, более того, взяли распоряжение казенными средствами в свои руки в связи с тем, что генерал, в целях экономии, намеревался почти полностью сократить дипломатическое ведомство. На самом деле мнение о том, что Врангель – «отыгранная фигура» и попытка сохранить его в качестве лидера и символа антибольшевистского движения – вредна, сложилась в посольской среде гораздо раньше. Бахметев, считавший, что будущее – за новой, «крестьянско-купеческой» Россией, писал Маклакову о Врангеле:

Я знал и чувствовал, что как активная сила в русских делах он исключен событиями <так!>, но не думал, что катастрофа достигнет такого размера и разразится с такой быстротой. <...>

Ни одной минуты мы не можем поддаваться отчаянию или растерянности. Нам немедленно надо думать о будущем.

Я надеюсь, что у Южно-Русского правительства найдется достаточно здравого смысла и гражданского мужества, чтобы не пытаться продолжать свою деятельность за границей. Если бы к этому проявилась склонность в среде бюрократической, то, я убежден, лично Врангель на это не пойдет и дело ликвидирует. В

⁵³ Врангелевщина. С.36.

⁵⁴ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 11 ноября 1920 // «Совершенно лично...». Т.1. С.266.

случае, если бы такая комбинация осуществилась хотя бы в частичной мере, Вам надо ее немедленно пресечь.⁵⁵

Находясь под первым впечатлением от известий о падении Перекопа и о начавшейся эвакуации, наблюдательный и желчный М.С.Маргулиес, адвокат и бывший член Северо-Западного правительства, записал в дневнике: «Опять ужасы вторжения Аттилы в Крым, еще один генерал на Парижских бульварах, еще одна судорожная попытка “патриотов” удержать остатки каких-то сумм путем ставки на нового “героя”, “преемника”, “носителя всероссийской власти” и т. п., а потом узенький мостик к большевикам, который будет становиться все шире и шире...»⁵⁶

Проблема российских дипломатов и финансистов заключалась не только в том, как прокормить и устроить полтора-два тысяч новых беженцев. Заключение, что Врангель «сделал все необходимые выводы из своего положения», оказалось поспешным. Генерал отнюдь не склонен был причислять себя к беженцам, претендуя на роль главы российской власти в изгнании.

Сам Врангель толковал положение дел следующим образом:

С оставлением Крыма я фактически перестал быть Правителем Юга России, и естественно, что этот термин сам собою отпал. Но из этого не следует делать ложных выводов: это не значит, что носитель законной власти перестал быть таковым, за ненадобностью название упразднено, но идея осталась полностью. Я несколько недоумеваю, как могут возникать сомнения, ибо принцип, на котором построена власть и армия, не уничтожен фактом оставления Крыма. Как и раньше, я остаюсь главой власти.⁵⁷

Врангелевские придворные летописцы поясняли: «Акта отречения не последовало. Генерал Врангель не сложил с себя власти, преемственно принятой им от адмирала Колчака и генерала Деникина, и продолжал нести ее, как долг, от которого нельзя отказаться»⁵⁸.

Маргулиес записал в своем дневнике 24 ноября 1920:

Врангель продолжает издавать приказы: оставляет при себе начальника штаба, лиц для беженских, финансовых дел и иностранных сношений. Все учреждения русского Южного правительства упраздняются, а в заключение в приказе Врангеля – перл: «Всем русским представителям оставаться на своих местах, сносаясь по подлежащим вопросам с начальником штаба и заве-

⁵⁵ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 15 ноября 1920 // «Совершенно лично...». Т.1, С.74.

⁵⁶ *Маргулиес М.С.* Год интервенции: В 3 кн. Кн. 3: Сентябрь 1919 – декабрь 1920, Берлин: Изд-во З.И.Гржебина, 1923. С.256 (запись от 12 ноября 1920).

⁵⁷ *Давати В.Х., Львов Н.Н.* Русская армия на чужбине. Белград, 1923. С.16.

⁵⁸ Там же.

дующим иностранными сношениями». Есть отчего Аверченко и Тэффи заплакать от зависти.

Получается полный сумбур: фиговый лист демократического правительства отпал, остается диктатор с войском вне территории России и представителями (фактически весь посольский и консульский состав) – за границей. Воистину страна неограниченных возможностей!⁵⁹

Однако же возможности были на самом деле весьма ограниченны. Врангелю пришлось упразднить Южно-русское правительство и произвести крупные сокращения в своем штабе. Бывший глава правительства А.В.Кривошеин уехал в Париж. Некоторое время оставались на своих постах Струве и Бернацкий, вскоре также отправившиеся в Париж, ибо там, а не в Константинополе должна была решиться судьба врангелевской армии.

Тем временем Бахметев, считавший, что противникам большевиков давно надо поднять новое знамя и образовать что-то вроде национального комитета на либерально-демократической платформе, выходил из себя, читая заявления Струве об «отступлении в море» и продолжении борьбы. «Если делать отступления в стихию, то всего лучше отступить в воздух путем испарения», – с раздражением писал он своему «конфиденту» Маклакову⁶⁰.

Я прежде всего вижу, что в головах русских националистов все же бродит безумная мысль сохранить правительство за границей. Нелепость и вредность этой мысли совершенно очевидны <...> Я уверен, что Вы не разделяете мысли о желательности, из квазилегитимистических и других соображений, сохранять призрак, который, не помогая, будет страшно вредить. Сохранение видимости потенциала военного движения, не обещая никакого живого антибольшевистского действия, будет лишь питать большевистскую пропаганду и оправдывать сохранение военной системы. Помимо того, либеральный и умеренно-демократический национализм обречет себя окончательно на изолированность и гибель.⁶¹

Однако решающим было отношение к врангелевской армии не российских дипломатов, а французского правительства, взявшего эвакуированных на свое содержание. 25 ноября 1920 премьер-министр Ж.Лейг, выступая перед парламентской комиссией по иностранным делам и говоря об отношении к русскому вопросу, заявил, что он против блокады Советской России, за предоставление частным лицам и учреждениям права торговли с большевиками. Резю-

⁵⁹ *Маргулис М.С.* Год интервенции. С.259.

⁶⁰ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 8 декабря 1920 // «Совершенно лично...». Т.1. С.317-318.

⁶¹ Там же.

мируя суть высказываний Лейга о врангелевском правительстве, Маргулиес записал: «Врангелевское правительство было *de facto*; факта нет – нет и правительства»⁶².

Таким образом, правительство Врангеля являлось признанным в течение всего трех месяцев. 30 ноября Совет министров Франции принял решение отказаться от содержания армии Врангеля как боевой силы. Ссылаясь на международную обстановку, тяжелое финансовое положение и соображения внутренней политики, французское правительство указывало, что рассчитывать на получение средств можно, лишь рассматривая всех эвакуированных как беженцев, исключительно с гуманитарной точки зрения. Французы хотели придать делу помощи «характер благотворительного почина самих русских, создав в Париже не политическое, а общественное объединение, для приискания средств и оказания помощи всем беженцам». Было понятно, что французы намеревались ликвидировать армию Врангеля наиболее эффективным образом – передав дело финансирования эвакуированных в руки парижского общественного комитета и лишив генерала возможности распоряжаться денежными средствами»⁶³.

Тем временем в Париже представители Врангеля Струве и Бернацкий пытались организовать Деловой комитет, главной задачей которого должно было стать добывание средств на содержание армии. Поначалу предполагалось, что в комитет войдут семь представителей Врангеля по назначению, десять – Российского финансового и торгового союза и пять – Комитета русских коммерческих банков в Париже. Однако состав Делового комитета, организовавшегося в начале января, пришлось, по настоянию французов, «разбавить» представителями Российского общества Красного Креста, а также городского и земского союзов. Врангель рассчитывал, среди прочего, что Деловому комитету будет доверена реализация российского имущества, находящегося в Константинополе и взятого под охрану французами.

Однако же новый французский премьер-министр А.Бриан заявил, что «генерал Врангель и его представители – частные лица», российское имущество будет продано самими французами в порядке компенсации за расходы по эвакуации и содержанию беженцев; что же касается участия самих русских в помощи беженцам, включая распределение средств, то оно должно осуществляться через общественные организации. Имелся в виду прежде всего Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор), возглавлявшийся, как и в прежние времена, кн. Г.Е.Львовым. Так что Деловой комитет «скончался», едва родившись.

⁶² Маргулиес М.С. Год интервенции. С.260 (запись от 25 ноября 1920).

⁶³ Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. С.32-33.

Тем временем Главноуполномоченный по финансово-экономическим делам за границей врангелевского правительства фон Замен ушел в отставку. Объясняя свой поступок, он писал Угету:

У меня осталось так мало средств и так мало возможностей полезно действовать, что я счел себя вправе <...> <принять> предложение вновь открытого в Лондоне банка, с русскими и английскими акционерами, – вступить в состав управления банком <...> Положение пока скромное. Банк не спешит, при настоящих условиях рынка, бросаться в дела и директорам будет платить весьма умеренно. Но я рад, что буду иметь нормальную работу и кусок хлеба, не участвуя в Парижской неразберихе, от которой, в конце концов, можно дойти до истерического расстройтва.⁶⁴

Впрочем, чиновник с многолетним стажем подчеркивал, что не отказывается и впредь «помогать русскому делу, там, где для этого есть разумная возможность». Особенно его заботила судьба «небольших остатков казенных средств» и иностранной благотворительности, с тем, чтобы «спасти наших беженцев от голодной смерти». 24 января 1921 Замен сдал свою должность Новицкому, формально оставив государственную службу⁶⁵. Кстати, средств в распоряжении Замена накануне отставки оставалось и правда немного, во всяком случае по сравнению с началом врангелевского периода, – 180.000 из 1.700.000 фунтов стерлингов. Остальное было израсходовано на армию⁶⁶.

Наконец «парижская неразбериха» завершилась «переворотом» и переходом «власти» из рук генералов в руки дипломатов. 2 февраля 1921 в Париже состоялось совещание приехавшего в Европу Бахметева, Маклакова и Гирса при участии Бернацкого. Совещание решило, что единственным законным органом, представляющим интересы России, может являться Совещание послов; дипломаты констатировали, что с оставлением Крыма власть Врангеля утратила свою легитимность; идея сохранения армии нереалистична, и военным служащим следует рассматривать в качестве беженцев. Совещание (Совет) послов в Париже становится постоянным органом, а его председателем старейшина русского дипломатического корпуса М.Н.Гирс. Постановление Совещания было оформлено протоколом 8 февраля 1921. Возмущенный Кривошеин назвал происшедшее «пронунциamento», осуществленным тремя чиновниками Министерства иностранных дел, а Протокол Гирса, Маклакова и Бахметева – «бесприкрытым документом»⁶⁷.

⁶⁴ К.Е.Замен – С.А.Угету, 15-28 января 1921. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 180-8.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ См.: Неозаглавленная справка с грифом «Весьма доверительно», подготовленная Совещанием послов (не ранее июля 1923). – Там же. 32-10.

⁶⁷ ГАРФ. Ф.5885 (П.А.Бурышкин). Оп.1. Д.2. Л.63.

Не вдаваясь в подробности, заметим, что дипломаты представляли обстановку гораздо реалистичнее, нежели генералы, и Совещанию послов была суждена на удивление долгая жизнь. Но сейчас нас интересует не политическая, а финансовая составляющая происшедшего. В Протоколе Совещания говорилось:

В настоящее время в разных странах Европы имеются казенные суммы, товары и предметы снаряжения в распоряжении различных правительственных агентов. Означенные агенты действуют ныне без общего плана, а также при решении многих вопросов не считают себя вправе принимать решения касательно имеющихся у них казенных ресурсов.

Единственным органом, основанным на идее законности и преемственности власти, объединяющим действия отдельных агентов, является Совещание послов. Вместе с этим указанное Совещание при отсутствии других общерусских учреждений принуждено взять на себя ответственность за казенные средства и за порядок их распределения.⁶⁸

Страсти, кипевшие по поводу контроля за остатками казенных средств, нашли отражение в иронических «Стихах о Деловом комитете», обнаруженной нами среди бумаг последнего министра финансов Российской империи П.Л.Барка. Возможно, их автором был сам бывший министр, хотя о его поэтических опытах нам ничего не известно; во всяком случае, автор был хорошо знаком с происходящими событиями.

СТИХИ О ДЕЛОВОМ КОМИТЕТЕ

Прилетел из Перекопа
Петр Бернардович Струве:
Голубь Крымского потопа
С путаницей в клюве.
Сел он к Гирсу на колени,
Слава Богу, мель!
Уголок засохшей лени
В улице Гренель⁶⁹.
А на небе, в тучах, Красин;
Радуги все нет;
В мире – слякоть. Выход ясен:
Нужен Комитет.
«Председателем – Залшупин⁷⁰!»

⁶⁸ «Чему свидетели мы были...»: Переписка бывших царских дипломатов. В 2 кн. Кн.2. М., 1998. С.408.

⁶⁹ На улице Гренель находилось российское посольство, в котором «квартировал», в частности, и «теневой министр иностранных дел» М.Н.Гирс.

⁷⁰ А.С.Залшупин – экономист и юрист. Издатель «Энциклопедии банковского дела» (1904), издатель-редактор еженедельной газеты «Русский экономист»

(Струве – ум живой,
 Всякий план ему доступен,
 Лишь бы деловой.)
 «7 пар чистых, 7 нечистых...
 Парус – наобум ...
 6 безмолвных, 5 речистых...
 Генералы – в трюм!»⁷¹
 «Не пройдет», – сказал Бернацкий.
 «Генералы – вздор!
 Путь к победам – только штатский...»
 И ввели Земгор.
 «Так – всю Русь мы отразили».
 (Думают, резвась:)
 «А с Европой – пусть Базили⁷²
 Установит связь».
 Дали Врангелю депешу:
 «Сдавшись – победишь».

Но ответил он: повешу
 И взорву Париж.
 Много было бенефисов!
 А дела – хоть брось.
 Зол Гукасов⁷³, зол Денисов⁷⁴,
 Весь зверинец – врозь.
 Обругали в учредилке⁷⁵;
 В прессе – некролог...
 Чешут, бедные, затылки,
 Глядя в потолок.
 Для приличия, однако,
 Выбрали Бюро:
 И уехали в Монако –
 Ставить на зеро.
 Вдруг – скандал, с большим конфузом!

(СПб., 1905–1907), иллюстрированного еженедельника «Жизнь и суд» (СПб., 1913–1917).

⁷¹ Зачеркнут вариант: «Вместо флага – чек...
 Генералов пять речистых...
 Деловой ковчег».

⁷² Н.А.Базили – в описываемое время советник российского посольства в Париже.

⁷³ А.О.Гукасов – нефтепромышленник и общественный деятель.

⁷⁴ Н.Х.Денисов – крупный предприниматель, председатель основанного в 1920 в Париже Российского финансового и торгово-промышленного союза.

⁷⁵ Имеется в виду комитет членов Учредительного Собрания, образованный в Париже в январе 1921 совещанием 33 членов Учредительного Собрания, в основном правых эсеров и кадетов.

Написал Бриан:
 «Руки вверх! Отдать французам
 Деньги и карман.
 Хватит русским князя Львова
 В беженской беде;
 Но чтоб духу делового
 Не было нигде!»
 Все погибло, кроме чести,
 В буре этих слов.
 Глядь – левой, на том же месте,
 «Комитет Послов».
 И опять, сквозь дым и пламя
 Грозного толчка
 В стане белых реет знамя –
 «Белого бычка».⁷⁶

Совещанием послов для управления русскими активами за границей и распределения средств среди различных эмигрантских организаций был образован Финансовый совет. Председателем стал Гирс, членами – российский посол в Париже, кн. Г.Е.Львов, Бернацкий, российские послы в США, Японии, а также дипломатический представитель в Великобритании во время их пребывания во Франции. «Для ближайшего рассмотрения ассигнований и других вопросов, связанных с управлением и хранением имущества», учреждался распорядительный комитет под председательством Бернацкого или его заместителя Новицкого. В связи с «особым положением заведования денежными средствами Японии и Америки» российские послы в этих странах принимали финансовые решения самостоятельно, однако предполагалось «взаимное осведомление и сотрудничество» между ними и Финансовым советом. Позднее в Финансовый совет был включен также Н.В.Савич, член III и IV Государственных Дум, государственный контролер в правительстве Врангеля. В Финансовом совете он также выполнял контрольные функции.

Бернацкий, «переметнувшийся» от генералов к дипломатам, направил Врангелю «объяснительное письмо».

Бывший министр писал:

Главное Командование совершенно потеряло элементы политической власти, и его органы перестали быть авторитетными в этом отношении. Если бы своевременно, путем сговора с влиятельной частью русской общественности, вопрос о политической власти нашел бы разрешение, то Главное Командование могло бы в новой комбинации играть известную роль. Этого, к великому сожалению, не случилось, а потому приходится констатировать печальные выводы. В частности, ни один из бывших российских

⁷⁶ BAR. Bark Collection. 2-3.

агентов – хранителей остатков казенных сумм и других средств – не соглашается через меня направлять их в Константинополь, отрицая за последним всякие титулы. <...>

Ввиду сказанного прошу Вас мои отношения (формальные) к Главному Командованию – считать конченными. Отсюда не следует, что в дальнейшем я останусь безучастным зрителем совершающегося.

За отсутствием какой-либо государственной власти в старых и новых формах известный цикл функций и правомочий естественно переходит к последнему оплоту российской государственности за границей – российским послам. С точки зрения сбережения ничтожных остатков казенных сумм, разбитых по рукам отдельных хранителей, и хотя бы некоторой их централизации – Дипломатическое Ведомство со старейшим его представителем М.Н.Гирсом является единственным более или менее безопасным убежищем. Бывшее в Париже совещание послов <...> пришло к известным решениям, которые Вам сообщаются, в том числе – к предложению мне впредь сохранить общее заведование остатками средств и расходованию их по соглашению или указанию Послов. Принимая на себя такую роль, я надеюсь фактически быть полезным делу Главного Командования. <...>⁷⁷

В конце письма Бернацкий пытается «подсахарить пилюлю»:

Позвольте мне закончить мое письмо выражением горячей веры в светлое будущее России, когда Вам придется играть вновь подобающую Вам роль. Расставаясь с Вами, сохраняю лучшие воспоминания о совместной работе (лично с Вами) и крепко верю в Вашу энергию и несокрушимую бодрость духа.⁷⁸

10 февраля 1921 Гирс, «с ведома и по поручению В.А.Маклакова, Б.А.Бахметева и М.В.Бернацкого», направил Врангелю письмо, в котором попытался осветить генералу «общее положение» и, в общем, отрезвить Главнокомандующего, никак не желающего понять, что Русская армия прибыла в Турцию не в роли завоевателей, а в качестве беженцев. «Из заявлений, которые Вы делаете, и требований, которые сюда обращаете, видно коренное противоречие между тем, как представляется дело у Вас, и тем, как оно стоит на самом деле, – достаточно определенно писал опытный дипломат. – Вы надеетесь, что можно убедить союзников сохранить армию как военную силу и в будущем ее использовать; к этой цели направлены Ваши усилия; Вы думаете, что эта задача недостаточно оценена нами здесь, и что в этом одна из причин, почему союзники ей не помогают»⁷⁹. Гирс пояснял, что по-

⁷⁷ М.В.Бернацкий – П.Н.Врангелю, 6 февраля 1921. – BAR. Bernatskii Collection. Box 2. Folder «Settlement of White Army veterans».

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ М.Н.Гирс – П.Н.Врангелю, 10 февраля 1921. – НИА. Petr Vrangeli Collection. 148-36. Л.104.

пытки сохранить армию, учитывая настроение уставшей от войн Европы, а в особенности Франции, обречены на провал.

«На всякое чихание не наздравствуешься», – наложил Врангель высокомерную резолюцию на послании дипломатов⁸⁰. Вряд ли ему могло прийти в тот момент в голову, что ему еще придется обращаться к ним «с протянутой рукой».

Армия Врангеля, несмотря на признание дипломатами безнадежности попыток ее сохранения, а также беженцы крымской эвакуации оставались основными реципиентами помощи со стороны как Финансового совета, так и хранителей государственных средств в США и Японии. Бахметев к июню 1921 перевел – как напрямую, так и через Финансовый совет, – на «беженцев Врангеля» 1.300.000 долларов. «Недурненькая сумма, в общем брошенная в воду, так как мы сейчас стоим у того же разбитого корыта, где стояли в декабре», – комментировал посол в письме к Маклакову⁸¹.

Однако же и наиболее внушительные, по сравнению с другими, фонды вашингтонского посольства быстро иссякали. В ответ на очередную просьбу Гирса о переводе денег Бахметев писал ему 27 сентября 1921:

Посольство вполне сознает трагичность создавшегося положения, но мы бессильны помочь. Вам известны наши денежные обстоятельства <...> мы сделали последние усилия и перевели все, что мы могли, оставив в распоряжении представительства самые незначительные средства, необходимые для поддержания работы, хотя бы в сокращенных размерах, примерно в течение года. <...>

Мысль холодеет при представлении о том, что будет с беженцами, особенно теперь, когда сократил свою работу американский Красный Крест. Но, может быть, именно в момент подхода к роковой черте Европа примет необходимое решение. Я по-прежнему считаю, что единственный практический путь, это – наметить и разработать исчерпывающий план расселения и затем добиваться ассигнования на выполнение этого плана, как на окончательную ликвидацию вопроса. Если Европа ассигнует что-либо на такой план, может быть, удастся получить что-либо и от Америки. Пока же, как было по преимуществу до сих пор, деньги тратятся на поддержание существующего положения, вопрос, по крайней мере здесь, будет оставаться безнадежным.⁸²

Однако обратимся к деятельности Финансового совета. Его история должна, несомненно, стать предметом самостоятельного исследова-

⁸⁰ М.Н.Гирс – П.Н.Врангелю, 10 февраля 1921. – НИА. Petr Vranghel Collection. 148-36. Л.104.

⁸¹ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 8 июня 1921 // «Совершенно лично...». Т.1. С.387-388.

⁸² Б.А.Бахметев – М.Н.Гирсу, 27 сентября 1921. – НИА. Girs Collection. 34-2.

дования, ибо в его деятельности, как в зеркале, отразились проблемы русской эмиграции в наиболее сложный, начальный период ее существования. Финансовый совет функционировал, как нам удалось установить, с 8 февраля 1921 по 14 июня 1924. Всего было проведено 95 заседаний, на которых принимались решения об ассигновании средств на те или иные нужды. Источником этих средств были по преимуществу остатки сумм, вырученных некогда в результате колчаковских «золотых займов».

Ко времени образования Финансового совета на счетах Финансового агентства в Лондоне, возглавлявшегося ранее Заменом, числилось £147.560.0.0. Однако же большинство сумм было связано и в распоряжение Финансового совета поступило £56.264.15.10. Из различных источников (от продажи имущества военного ведомства, оплаченного, но не отправленного в Крым угля и др.) всего поступило £77.673.12.0. Таким образом, в свободном распоряжении Финансового совета имелось за время его существования £133.938.7.10.

В тот же период Бахметевым и Угетом были переведены 1.356.000 долларов, из которых 556.000 долларов – на заранее оговоренные цели, а остальные суммы пошли на образование различных фондов в распоряжении Финансового совета. К.К.Миллером из средств, хранившихся в Японии, было предоставлено до 1923 – £63.430.6.9; за первую половину 1923 перебравшийся в Европу Миллер на гуманитарные цели предоставил 1.201.752 франка. С июля 1923 по июнь 1924 им было предоставлено на сметные ассигнования гуманитарным организациям – 2.400.000 франков, на сверхсметные надобности – 150.000 франков и добавлено еще из образовавшейся у него экономии из-за разницы курсов – 126.000 франков, а всего – 2.676.000 франков.

Средства, находившиеся в распоряжении Финансового совета, тратились по трем основным статьям: на помощь беженцам, на культурно-просветительные цели и на пособия, для чего были образованы специальные фонды. Всего за время деятельности Финансового совета им было ассигновано различным организациям (прежде всего Земгору и Красному Кресту) и израсходовано непосредственно £388.999.11.1 и 3.860.742 франка. Сюда не включены суммы, переведенные из США целевым назначением на расселение армии на Балканах.

Наибольшие суммы пошли на нужды беженцев – £246.814.10.0 и 3.832.562 франка; на нужды эвакуированной армии и на помощь воинским чинам – £103.275.9.4 (без учета сумм, переведенных Бахметевым и Угетом целевым назначением) и 25.180 франков⁸³.

⁸³ Выписка из Протокола №95 заседания Финансового совета 14 июня 1924. – LRA. Zemgor Collection.

Это, так сказать, итоговая бухгалтерия. Нам удалось обнаружить пока что 49 протоколов заседаний Финансового совета и извлечения из еще двух. На заседаниях принимались решения иногда об ассигновании миллионов франков, иногда – совсем небольших сумм. Протоколы отчетливо отражают, как постепенно – употребим банальное, но точное сравнение: подобно шагреневой коже, – сокращались находившиеся в распоряжении дипломатов средства. Эти документы лишь отчасти отражают кипение страстей, борьбу интересов различных эмигрантских организаций, за которыми стояли судьбы десятков тысяч изгнанников. Приведем, для примера, один из типичных протоколов:

Совершенно секретно

ПРОТОКОЛ № 18

Заседания Финансового Совета 25-го апреля 1921 года

Присутствовали:

Председатель: М.Н.Гирс

Члены Совета: М.В.Бернацкий

Князь Г.Е.Львов

Слушали:

1) Доклад М.В.Бернацкого о состоянии имеющихся в распоряжении Финансового Совета средств, из которого усматривается, что, за исключением забронированных фондов, свободная наличность, которой мог бы располагать Финансовый Совет, при своих ассигнованиях, выражается в сумме 75.000 фунтов или около 3½ миллионов франков.

Постановили:

1) Принять к сведению.

Слушали:

2) Заслушано сообщение об основаниях, на которых Сербское Правительство согласилось бы принять эвакуированных из военных лагерей русских граждан.

Постановили:

2) Ассигновать для передачи Сербскому Правительству полтора миллиона (1.500.000) франков и просить М.Н.Гирса выяснить через Российского Посланника в Белграде рациональнее ли, имея в виду желательность переезда в Сербию наибольшего количества лиц, отпустить эту сумму одновременно или же равномерными частями в течение 3-х месяцев.

Переходя далее к источнику, из которого имеет быть произведено помянутое ассигнование, Финансовый Совет полагал просить М.Н.Гирса использовать для этой цели суммы, находящиеся в его распоряжении и переведенные из Японии.

Слушали:

3) Доложено ходатайство Красного Креста о необходимости ассигновать в срочном порядке некоторой суммы, в счет сметы на май, июнь и июль месяцы.

Постановили:

3) Ассигновать двести пятьдесят тысяч (250.000) франков.

Слушали:

4) Доложено о необходимости ассигнования некоторых пособий: 1) для воспитания двух детей Генерала Корнилова, находящихся в Бельгии; 2) вдове Генерала Романовского и 3) Генералу Шапрону дю Ларре, одному из основателей Добровольческой Армии.

Постановили:

4) Ассигновать: 1) на воспитание детей Генерала Корнилова⁸⁴, в течение 6 месяцев, начиная с 1-го мая, девять тысяч шестьсот (9.600) франков, 2) вдове Генерала Романовского три тысячи (3.000) франков и 3) Генералу Шапрону дю Ларре три тысячи (3.000) франков.

Слушали:

5) Доложено ходатайство Генерала Миллера об ассигновании 15.000 франков на содержание офицерского общежития в Париже, в течение 2 месяцев.

5) Отклонено.

Слушали:

6) Доложено письмо Б.А.Бахметева о желательности оказания материальной поддержки Адмиралу Веселаго.

Постановили:

6) Ассигновать единовременное пособие в одну тысячу пятьсот (1.500) франков.

Слушали:

7) Заслушано ходатайство Карпато-Русского Комитета об оказании материальной помощи.

Постановили:

7) Отклонено, за недостатком средств.⁸⁵

Как всегда бывает в тех случаях, когда денег мало, на них претендуют разные лица и организации, расходы нередко производятся в спешке, не выработаны четкие правила использования средств и отчетности, да к тому же причастные к этому люди придерживаются разных политических взглядов – тут возникает множество недоразумений, обид, взаимного недопонимания и обвинений.

«Ошибки, конечно, были, – признавался Маклаков главному спонсору Финансового совета Бахметеву. – Вы не один раз правильно нас за них упрекали; наша безбюджетность, доверчивость к учреждениям, которым давали деньги, – все это ошибочные шаги, в которых повинен и я; если бы надо было в них оправдываться, я мог бы привести только психологические оправдания; в то время, когда мы начали расходование этих денег, никто не представлял, что мы будем жить только на эти деньги, и будем жить на них более года;

⁸⁴ Дети генерала Л.Г.Корнилова были взяты на воспитание генералом А.И.Деникиным.

⁸⁵ VAR. Bakhmeteff Collection. Box 49.

все рассчитывали на иные получки и уверены были, что не пройдет нескольких месяцев, как наша деятельность прекратится. Один Земский Союз поэтому представлял нам сметы, которые за один месяц превышали годичный бюджет. Несоответствие между тем, что надо было тратить, и тем, что у нас имелось, было столь разительно, что мы жили в атмосфере назревающего краха, когда вперед не заглядывают»⁸⁶.

Выдача пособий неизбежно носила характер «усмотрения»; иногда особам «понахрапистой» удавалось получить казенных денег несколько больше, чем другим. Особенно в этом преуспела вдова адмирала Колчака С.Ф.Колчак, страдавшая, по-видимому, изрядной безалаберностью в денежном отношении. Еще по решению Парижской делегации до 1 января 1922 ей выдавалась пенсия в размере 100 фунтов стерлингов в месяц. Тем не менее она обратилась в Финансовый совет с просьбой обеспечить сына, несмотря на то что в 1922 ей должна была выдаваться пенсия в размере 3.000 франков в месяц из средств генерала Н.Н.Юденича, а в 1923 – в таком же размере – из средств военно-морского агента во Франции капитана 1-го ранга В.И.Дмитриева. На основании этого Финансовый совет счел возможным отложить решение по ходатайству С.Ф.Колчак⁸⁷.

Когда выяснилось, что для воспитания сына адмирала Колчака Дмитриевым образован фонд в 36.000 франков, Финансовый совет ходатайство вдовы отклонил. «Вместе с сим, имея в виду выраженное в письме С.А.Угета пожелание образования фонда, в котором участвовал бы также и К.К.Миллер для обеспечения семьи адмирала Колчака, Совет признал желательным довести до сведения С.А.Угета и К.К.Миллера, что означенному фонду необходимо придать более широкое назначение, а именно помощь не только семье адм. Колчака, но и семьям всех главнейших деятелей гражданской войны: генералов Корнилова, Алексеева, Романовского и Маркова»⁸⁸. Любопытно, что между делом, получая 100 фунтов стерлингов в месяц (для сравнения – в момент назначения ей пенсии месячный оклад министра иностранных дел С.Д.Сазонова составлял 125 фунтов стерлингов), неугомонная вдова успела пожаловаться Бахметеву на то, что ей «перестали помогать». «Не знаю, что ее побудило обратиться ко мне, – писал посол в Вашингтоне Маклакову, – тем более, что я, кажется, был под “сомнением” и, во всяком случае, был не в милости у Верховного правителя. Само собой, я немедленно помог ей в пределах возможности, так как я глубоко и свято чту память и

⁸⁶ В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву, 25 апреля 1922 // «Совершенно лично...». Т.2. С.273-274.

⁸⁷ Протокол №23 от 26 мая 1921. – BAR. Bakhmeteff Collection. Box 49.

⁸⁸ Протокол №49 от 2 мая 1922. – Там же.

деятельность всех искренно и честно положивших свою жизнь за национальное дело, независимо от того, удачно или неудачно кончались их начинания»⁸⁹. Бахметев не подозревал, что причина обращения к нему Софьи Федоровны была простая – она просила денег у всех, у кого они были.

Однако же все имеет конец, а деньги – в особенности. Состоявшееся 26 июня 1924 совместное заседание Совещания послов и финансовых агентов при участии Гирса, Маклакова, К.К.Миллера, Новицкого и Угета, а также Бернацкого, констатировав истощение средств Финансового совета (оставалось 300 тыс. франков), приняло решение о его ликвидации. Взамен, по предложению финансовых агентов, создавалась Финансовая комиссия, которая должна была распределять средства, предоставляемые на гуманитарные нужды. Изменялся и порядок ассигнований – теперь они, «по мнению агентов, отнюдь не должны носить характера глобальных сметных ассигнований по организациям, а строго предметное назначение, с исключением административных расходов организаций»⁹⁰.

Финансовую комиссию (комитет) должны были составить реальные держатели государственных средств – финансовые агенты Угет, Новицкий и Миллер, а также заведующий контролем Савич. Председателем комиссии стал Бернацкий. Комиссия должна была действовать под общим руководством Совещания послов и представлять ему периодические отчеты. Смысл перемен заключался в том, что от участия в распределении средств отстранялись общественные организации, – это объяснялось, во-первых, тем, что теперь деньги предоставлялись им не «огульно», а под конкретные проекты, говоря современным языком; во-вторых, средства выделялись из неприкосновенных запасов, которые послы и агенты ранее намеревались сохранить для будущего постбольшевистского правительства. О существовании этих фондов знало очень ограниченное число лиц, и выносить проблему их «разбронирования» на всеобщее обсуждение дипломаты не хотели.

Из неприкосновенных запасов были освобождены 40 тыс. фунтов стерлингов, причем на период с 1 июля 1924 по 1 июля 1925 ассигновалось 24.000 фунтов стерлингов, половина – «на поддержание официальных органов», половина – на гуманитарные нужды»⁹¹.

18 мая 1925 система распоряжения казенными средствами вновь претерпела реконструкцию: деньги хранили финансовые агенты за своей личной ответственностью, а для решения наиболее важных

⁸⁹ Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову, 15 декабря 1920 // «Совершенно лично...». Т.1. С.322.

⁹⁰ LRA. Zemgor Collection.

⁹¹ Там же.

вопросов устанавливался специальный состав Сопровождающего, действовавшего от имени Совета послов и его собой заменявшего. Оно состояло из Гирса, Маклакова, Бахметева и приглашенных в него Савича, Бернацкого и Миллера.

С 1925 роль ведущих «спонсоров» дипломатических и гуманитарных организаций перешла к Новицкому и Миллеру. «Значительная часть американских сумм, – сообщал Угет бывшему сослуживцу по Кредитной канцелярии, – пошла на покрытие европейских надобностей, но со второй половины 1924 года все нужды там покрывались за счет фондов Новицкого и Миллера»⁹².

В сентябре 1925 Угет исчерпал всю наличность и был вынужден обратиться для подкрепления своего счета к «европейцам»; Миллер и Новицкий ссудили ему 5000 фунтов стерлингов. По иронии судьбы, часть средств Угет был вынужден тратить на оплату хранения в помещении Американской банкнотной компании 2500 ящиков с денежными знаками, отпечатанными в свое время для проведения денежной реформы в Сибири; в конечном счете их пришлось уничтожить⁹³.

Финансовое положение некогда могущественного Угета было столь плачевно, что он не смог вовремя вернуть ссуду в полном объеме, чем вызвал довольно жесткие настояния Миллера, писавшего своему американскому коллеге, что полученная от него телеграмма об отсрочке платежа его «совсем сразила»⁹⁴.

Уязвленный Угет указал, что если касаться моральных и «общегосударственных» соображений, то он вправе рассчитывать на снисходительность:

Когда мы располагали большими средствами, то щедрой рукой предоставляли их, где только встречалась какая-либо острая нужда или надо было облегчить положение соответствующего нашего представителя, причем львиная доля оказанной нами помощи приходилась именно на европейские учреждения. В частности, когда наши средства близились уже к полному истощению, я все же в довольно крупном, по тем временам, размере поддерживал Особое совещание в Харбине, а впоследствии, по Вашей просьбе, в скромном размере предоставлял этой организации указанные Вами суммы и ассигновал, сколько мог, на продолжение деятельности Информационного бюро в Париже.

Но даже оставляя в стороне вопрос о прошлом, приходится все же не забывать, что я являюсь теперь единственным официально признаваемым русским представителем. Эту тяготу я несу не ради удовольствия, так как за эти годы, благодаря дипломати-

⁹² С.А.Угет – С.П.Ермолаеву, 3 мая 1926. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 219-1.

⁹³ «Памятная записка» Угета от 10 июля 1926. – Там же. 220-9.

⁹⁴ К.К.Миллер – С.А.Угету, 30 декабря 1925. – Там же. 168-10.

ческому статусу, потерял немало в порядке устройства моего личного благополучия, а потому что мне необходимо довести до конца судебные процессы, с которыми связаны миллионные интересы России. Утрата же мною статуса автоматически повлечет за собой прекращение исков от имени State of Russia⁹⁵.

Однако сколь бы ни были велики суммы, которые теоретически мог получить Угет в результате судебных исков (самое удивительное, что ему действительно удалось кое-что получить), все вырученные средства должны были пойти на уплату долгов российского правительства. Так, еще в 1917 Временное правительство подало иск о взыскании 1 млн. 675 тыс. долларов с Lehigh Valley Railroad Company в связи с ущербом, причиненным грузам, приговоренным для отправки в Россию, в результате взрыва и пожара, случившихся в 1916 (так называемый взрыв на Black Tom Island). Судебный процесс начался лишь в 1925; в конечном счете, Угет получил в 1927 почти миллион долларов, точнее – 984 тыс. 104 долларов. Однако, за вычетом судебных издержек, вся эта сумма была переведена на счета американского Министерства финансов, ибо Российское государство, представителем которого все еще признавался Угет, задолжало Соединенным Штатам сумму, превышающую 190 млн. долларов⁹⁶.

Как бы то ни было, можно с уверенностью констатировать, что уж остатки денег, вырученных некогда от «золотого займа», были Угетом полностью израсходованы.

Постепенно главным финансистом дипломатического корпуса стал прижимистый Миллер, в распоряжении которого, в сравнении с его «американскими» и «европейскими» коллегами, находилась некогда наименьшая сумма.

В 1921–1922, когда Миллер еще находился в Токио, он оказывал из своих средств помощь беженцам в Японии, в Харбине и Шанхае, а также Особому совещанию Российского общества Красного Креста. Но основные его расходы приходились на Европу, куда им было переведено в 1921 в общей сложности около 3 млн. иен, что составило приблизительно 75% всех его трат. В частности, на устройство армии Врангеля, по просьбе Гирса, Миллер перевел в сентябре 1921, кроме ранее ассигнованного, 1 млн. франков «в виде последнего и окончательного платежа на этот предмет». Кроме того, из его средств покрывались расходы на содержание дипломатических представительств не только на Дальнем Востоке, но и в Европе⁹⁷.

⁹⁵ С.А.Угет – К.К.Миллеру, 14 января 1926. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.). 168-10.

⁹⁶ См.: Clarke W. The Lost Fortune of the Tsars. London: Weidenfeld and Nicolson, 1994. P.239-240.

⁹⁷ К.К.Миллер – С.А.Угету, 16 декабря 1921. – BAR. Bakhmeteff Collection. Box 28.

Миллер переводил деньги целевым назначением: 120 тыс. фунтов стерлингов было переведено им в 1921 на содержание чинов дипломатического ведомства и помощь армии Врангеля; в сентябре 1921 он перечислил 1 млн. франков на довершение расселения армии; в начале 1922 «на содержание в течение полугодия чинов Дипломатического ведомства и находящихся в его распоряжении агентов» – еще 1,5 млн. франков. Переводы во франках исчислялись по курсу 50 франков за 1 фунтов стерлингов⁹⁸.

К сожалению, нам удалось обнаружить подробные ведомости расходов Миллера на Дальнем Востоке лишь за второе полугодие 1921. Однако они дают достаточно репрезентативную картину. В Японии за этот период им было выдано пособий отдельным лицам, в основном на выезд из страны, на сумму 25.000 иен. Русскому обществу в Японии было отпущено 21.300 иен, опять-таки на пособия на выезд и на благотворительные цели. Всего в Японии на цели благотворительного характера было потрачено 59.280, а в других странах Дальнего Востока – 88.715.52 иены. На что конкретно шли отпускаемые средства, можно судить по отчету Особого совещания Российского общества Красного Креста на Дальнем Востоке от 9 сентября 1921, содержащего сведения о действующих учреждениях в Харбине, например (статьи расхода приведены выборочно):

1. Прачешная и баня (ежемесячно бесплатно моет 1040 чел., платно 500 чел., прачешная стирает бесплатно 9000 шт. и платно 6000 шт.), за выключением <так!> получаемых с клиентов денег требуется 830 иен в мес.

2. Хлебная лавка (в настоящее время раздает бесплатно 1108 порций в день) – 350/мес<яц>.

3. Общежитие для беженцев (на 20 чел. бесплатно) – 628.

Вне Харбина действовали два санитарных поезда (на 200 коек каждый) (по 4.434.50/мес.), дешевая столовая во Владивостоке (на 500 порций в день, 300/мес), лазарет в селе Раздольном (на 50 коек, 500/мес.) и т. д. На содержание и ликвидацию правительственных учреждений на Дальнем Востоке пошло 166.392.92 иены.

Миллер, как, впрочем, и другие финансовые агенты, не только тратил деньги, но и старался их приумножить. Проценты и прочие доходы с капитала, а также прибыль от продажи и покупки процентных бумаг составили за отчетный период 91.675.71 иены. На 1 января 1922 на счетах Миллера оставалось 3.683.802.10 иен (1 млн. 841 тыс. 90 долларов).

В сентябре 1922 Миллер закрыл Агентство Министерства торговли и промышленности в Японии (обязанности финансового аген-

⁹⁸ См.: *Новицкий В.И.* Обзор деятельности Финансового совета (20 марта 1922). – BAR. Bakhmeteff Collection. Box 28.

та, фактически ставшие для него основными, формально он выполнял «по совместительству») и уехал в Париж⁹⁹. Действительно, он уже стал по преимуществу финансистом русской эмиграции в Европе; находиться в Японии было в связи с этим не очень удобно. К тому же российские официальные учреждения на Дальнем Востоке были практически полностью ликвидированы.

Обосновавшись в Париже, Миллер стал работать в тесном контакте с другими финансовыми агентами и Совещением послов, хотя по-прежнему сохранял независимость и считал себя персонально ответственным за находившиеся у него на хранении государственные средства, выделяя их на строго оговоренные цели. Миллер занялся в Париже страховым делом, получая в качестве хранителя казенных сумм довольно скромное содержание. В целях экономии он сократил свое содержание с 1 сентября 1925 до 35 фунтов стерлингов в месяц¹⁰⁰.

Схема финансирования, отчасти сложившаяся еще во времена Финансового совета, как можно судить по сохранившимся документам, выглядела следующим образом. Финансовые агенты (преимущественно Миллер) перечисляли деньги в так называемый особый 120-тысячный стерлинговый фонд (начало которому положила сумма, переведенная Миллером еще в 1921), беженский, дипломатический стерлинговый и дипломатический франковый фонды и фонд пособий семьям героев Гражданской войны (любопытно, что терминология в противоположных лагерях была одинаковой – вот только герои были разные). 120-тысячный фонд был, видимо, резервным; на самом деле 120 тысяч в фонде числилось только в момент его возникновения. Согласно актам ревизии Финансового отдела на 1 января 1924 в Особом стерлинговом фонде оставалось 4.715 фунтов стерлингов и 274.150 франков, на 1 января 1926 – 4.000 фунтов стерлингов, год спустя – 2.500 фунтов стерлингов

Предоставляемые финансовыми агентами деньги приблизительно поровну тратились на содержание дипломатических учреждений и на поддержку гуманитарных организаций. За 1924 год Миллером было передано Совету послов 115.300,87 долларов и 8.500 фунтов стерлингов. Из них 62.210,87 долларов пошло на поддержку гуманитарных организаций и помощь беженцам, остальное было зачислено в дипломатические стерлинговый и франковый фонды.

Расходы на содержание дипломатического аппарата быстро сокращались, как сокращался и сам аппарат – отчасти из-за отсутствия денег, отчасти – за ненадобностью. Так, сокращенная (!) смета рас-

⁹⁹ К.К.Миллер – С.А.Угету, 18-го сентября 1922. – НИА. Russia. Posol'stvo (U.S.), 168-5.

¹⁰⁰ К.К.Миллер – М.Н.Гирсу, 11 июля 1925. – LRA. Zemgor Collection.

ходов по дипломатическим и консульским учреждениям составляла с 1 января 1923 4.255 фунтов стерлингов и 7 шиллингов в месяц, а представительства несуществующего правительства, в той или иной форме, наличествовали в 25 европейских странах. Три года спустя расходы составили 8.728 фунтов стерлингов 3 шиллинга и 5 пенсов и 256.990 франков (1.988.3.1 фунтов стерлингов), но уже в год. В 1927 расходы сократились до 6.413 фунтов стерлингов 10 шиллингов 5 пенсов в год, в 1928 – до 5.450 фунтов стерлингов.

Если на содержание Центрального дипломатического установления в Париже, т. е. Совета послов, в январе 1923 шло 229 фунтов стерлингов в месяц, то его годовой бюджет на 1932 год составлял уже 538 фунтов стерлингов, или 44,83 фунтов стерлингов в месяц. Постепенно сокращалось и содержание бывших служащих дипломатического ведомства, продолжавших, впрочем, исправно составлять обзоры политического положения в странах их пребывания, анализировать сведения, полученные тем или иным образом из СССР, но самое главное – отстаивать доступными им способами интересы русских изгнанников. Так, начиная с 1932 содержание Маклакова сокращалось с 61 до 55 фунтов стерлингов, советников председателя Совета послов барона Б.Э.Нольде и А.Н.Мандельштама – с 10 до 7,5 фунтов стерлингов, бывшего поверенного в делах в Лондоне Е.В.Саблина с 65 до 60 фунтов стерлингов в месяц¹⁰¹. В 1941 содержание Саблина составляло уже 35 фунтов стерлингов¹⁰².

Что касается фонда пособий семьям героев Гражданской войны, то в него было зачислено первоначально 12 тыс. долларов. В 1923 израсходовали 2.328,09, в 1924 – 1.965,63; за это время набезало процентов на 401,26 долларов, остаток составлял 8.107,54 долларов. На 1 января 1926 в фонде числилось 6.519,83 долларов; в течение года было выдано 1.248,17, начислено процентов на 173,49 долларов; в фонде оставалось 5.445,15 долларов. Дальнейшие операции по этому фонду в обнаруженных нами документах не отражены¹⁰³.

Поскольку казенные суммы хранились на личных счетах финансовых агентов, а все люди, как известно, смертны, они сочли необходимым назначить себе преемников. Разумеется, все они были выбраны из числа лиц, ранее служивших по финансовому ведомству и

¹⁰¹ Докладная записка Председателю Совета послов К.К.Миллера и А.А.Никольского от 3 ноября 1931 г.; М.Н.Гирс – Е.В.Саблину, 30 ноября 1931. – LRA. Zengor Collection.

¹⁰² Е.В.Саблин – С.А.Шателену, 28 января 1941. – Там же. MSS 1285. Sablin Collection. 2347.

¹⁰³ Акт о ревизии отчетности Финансового отдела по 120.000-му стерлинговому фонду и по фонду для оказания пособий семьям героев гражданской войны за период времени с 1-го янв. по 31 дек. 1924 г.; Акт о ревизии фонда «героев гражданской войны» за 1926 г. – Там же.

причастных к заведованию казенными деньгами. Заместителем Новицкого стал Б.В.Гаугер, Угета – Д.П.Перцов и Миллера – А.А.Никольский. Они обязались держать, в случае смерти какого-либо из агентов, казенные суммы в совместном распоряжении с кем-либо из оставшихся в живых финансовых агентов; в случае, если не останется в живых ни одного финансового агента, то в совместном распоряжении с их заместителями¹⁰⁴. Мера, как мы увидим в дальнейшем, оказавшаяся весьма предусмотрительной.

Заметим также, что финансовые агенты стремились приумножить казенный капитал, вкладывая средства в различные высокодоходные бумаги; это позволяло тратить на эмигрантские нужды заработанные на валютных операциях средства, по возможности не затрагивая значительно сократившийся «основной капитал». Серьезные потери принес финансистам мировой экономической кризис 1929–1933 годов. Особенно сказалось падение курса фунта стерлингов (а именно в этой, наиболее надежной, валюте хранились основные суммы) и потери при продаже некоторых ценных бумаг. К тому же перестал выплачивать дивиденды London & Eastern Trade Bank, в акции которого была вложена значительная часть оставшихся казенных сумм.

В этих обстоятельствах Новицкий и Миллер обратились 14 ноября 1931 с совместным письмом к Гирсу, в котором указали на необходимость сократить расходы. Теперь приходилось держать средства на текущих счетах, не приносящих почти никакого дохода, или помещать их в низкопроцентные бумаги, ориентируясь, в условиях экономической нестабильности, более на степень их надежности, нежели доходности.

Финансовые агенты констатировали, что имеющиеся в их распоряжении средства настолько незначительны, что «не может быть и речи о том, чтобы ограничиться расходом процентов, а приходится заботиться лишь о том, как бы по возможности растянуть расходование самого весьма небольшого капитала, дабы таким образом обеспечить существование наших зарубежных государственных учреждений и оказание поддержки некоторым благотворительным и общественным организациям на возможно более долгий срок»¹⁰⁵.

Нам неизвестны подробности расходования государственных средств в период 1933–1940. В одном из писем Маклаков, вступивший в должность председателя Совета послов после смерти Гирса в 1932, упоминал, что финансовыми агентами в 1940 был подготовлен «подробный отчет о движении сумм за время от 1920 года до

¹⁰⁴ С.А.Угет, В.И.Новицкий, К.К.Миллер – Председателю Совещания российских послов, 1 декабря 1927. – LRA. Zengor Collection.

¹⁰⁵ В.И.Новицкий, К.К.Миллер – Председателю Совета послов, 14 ноября 1931. – Там же.

1939 г.»¹⁰⁶. Маклакову было передано введение к отчету на 32 страницах. Отчет предполагалось опубликовать. К сожалению, это введение в бумагах Маклакова нами не обнаружено, хотя практически вся остальная переписка по финансовым вопросам сохранилась. Тем не менее, отчасти благодаря трагическим обстоятельствам военных лет, нам точно известны размеры сумм, находившиеся на счетах Миллера накануне немецкой оккупации Франции.

Эти средства остались в целости и сохранности, ибо, как выяснилось впоследствии, осторожный финансист хранил их не во Франции, а в Англии (London & East Trade Bank) и США (American Chemical Bank).

В годы войны лица, ответственные за расходование казенных денег, начали буквально вымирать. В 1942 умер Савич, в 1943 – Бернацкий и Миллер. В Париже единственным членом Совещания послов остался 75-летний Маклаков, он решил кооптировать в состав Совещания трех новых членов взамен выбывших. «Следуя традиции обеих коллегий (послов и финансовых агентов. – *О.Б.*) не разглашать условий хранения перед посторонними лицами, я обращаюсь к тем, кто в большей или меньшей степени уже раньше были поставлены в курс вопросов хранения, – и этим письмом прошу Вас, в качестве одного из них, не отказать мне в Вашем содействии», – писал Маклаков приглашаемым 1 февраля 1944¹⁰⁷.

Нам известны имена двух лиц, пополнивших Совещание, – это были барон Б.Э.Нольде, принимавший некогда участие в обсуждении вопроса о способе хранения государственных средств, позволившем бы скрыть их от докучливых кредиторов и советских агентов, и Г.Л.Нобель, являвшийся председателем Совета директоров того самого банка в Лондоне, в котором и была «спрятана» значительная часть этих средств. Пикантность ситуации, правда, заключалась в том, что Нобель был шведским подданным. Впрочем, это не смутило ни его, ни Маклакова. Каких-либо данных о приглашении третьего лица в состав Совета послов в «розовой папке», содержащей переписку по этому деликатному вопросу, не имеется.

«На обязанности Совещания послов, – писал Маклаков своим новым коллегам, – лежала задача не только о сохранности государственных средств и возвращении того, что от них останется, законной власти в России, но и об ограждении или произвольном расходовании их. В виду исключительных условий настоящего времени, перерыва сношений между Францией и другими государствами, кончины наиболее осведомленных членов коллегии и т. п., многое в настоящем положении дела мне самому неизвестно; но я могу

¹⁰⁶ В.А.Маклаков – Г.Л.Нобелю, 10 февраля 1944. – LRA. Zemgor Collection.

¹⁰⁷ «Циркулярное» письмо В.А.Маклакова от 1 февраля 1944. – Там же.

указать те пути, на которых все может быть приведено в полную ясность»¹⁰⁸.

Маклаков сообщал, что после смерти Миллера все счетоводство, которое велось покойным совместно с его заместителем Никольским, и документы находятся у его дочери Е.К.Бражниковой, которая получила от своего отца инструкции передать их Никольскому. Любопытно, что часть документов, по словам Маклакова, «относящихся к прежнему времени», осталась в «нескольких сундуках» на прежней квартире Миллера¹⁰⁹.

Проблема, однако же, заключалась в том, что Никольский жил в провинции – сначала в Ренне, затем в Пуатье, а после освобождения Франции исчез, возможно, опасаясь вполне вероятных репрессий за свою службу на предприятии, которое работало на германскую оборону. Между тем в США казенные деньги хранились на совместном счету Миллера и Никольского.

Поскольку со смертью Миллера прекратились ассигнования «за счет русских средств» на возглавлявшийся Маклаковым Офис по делам русских беженцев, а где находился Никольский, было неизвестно, Новицкий решил, по соглашению с дочерью Миллера, «поставить» в распоряжение бывшего посла 144.000 франков (72.000 за свой счет и 72.000 авансом за счет сумм Никольского) из расчета 6.000 франков в месяц до 1 июня 1947. Эти деньги выделялись в дополнение к суммам, получаемым Офисом от французского правительства. Новицкий надеялся, что за этот двухлетний срок Никольский объявится и «сможет освободить суммы, полученные им по наследству от К.К.Миллера и временно блокированные из-за формальностей введения наследства и запрещения перевода валюты из одной страны в другую». Кроме того, Новицкий передал Маклакову еще 20.000 франков «на покрытие разных нужд русской эмиграции» по его усмотрению¹¹⁰.

Никольский нашелся гораздо раньше.

26 ноября 1945 Маклаков уведомил Нобеля, что «после возвращения в Париж А.А.Никольского, он, согласно обязательства своего от 17-го февраля 1928 года, вручил В.И.Новицкому письма в Американский и Английский Банки, которыми просит Банки перевести его общий с покойным К.К.Миллером счет на такой же общий счет с В.И.Новицким. Точного состояния этих счетов Никольский не указал»¹¹¹.

¹⁰⁸ «Циркулярное» письмо В.А.Маклакова от 1 февраля 1944. – LRA. Zemgor Collection.

¹⁰⁹ «Циркулярное» письмо и письмо Маклакова Г.Л.Нобелю от 27 декабря 1944. – Там же.

¹¹⁰ В.И.Новицкий – В.А.Маклакову, 20 мая 1945. – Там же.

¹¹¹ В.А.Маклаков – Г.Л.Нобелю, 26 ноября 1945. – Там же.

25 июня 1946 в Париже состоялось заседание воссозданного Маклаковым Финансового совета. В выписке из протокола, завизированной Маклаковым, приводятся точные данные о миллеровском наследстве:

Совет выслушал доклад А.А.Никольского о принятии им в управление сумм покойного К.К.Миллера. По последнему отчету, проверенному Н.В.Савичем, на 1 января 1940 г. состояло текущих счетов и процентных бумаг:

в долларах – 123.524,20
фунтов стерлингов – 17.202.8.6.
швейц. франках – 1.165,80
франц. франках – 139.830,55
иенах – 3.243,07

Из отчета, составленного дочерью К.К.Миллера, – Е.К.Бражниковой, видно, что за время с 1 января 1940 г. по 1 июня 1946 г. израсходовано свыше 2-х миллионов французских франков на содержание Центрального Офиса русских эмигрантов и других учреждений и на благотворительные траты.¹¹²

В январе 1940 соотношение доллара к франку было равно 43,8 франка за 1 доллар. В 1941–1944 франк не котировался. Средний обменный курс в 1945 составлял 49,72 франка за один доллар. В 1946 франк резко упал – до 119,3 за доллар. Очевидно, что за первые пять месяцев 1946 была израсходована меньшая часть упомянутых в протоколе двух миллионов франков, и если принять средний обменный курс за 50 франков за доллар, получается, что в твердой валюте за указанный период было израсходовано около 40 тыс. долларов. Так что кое-что еще оставалось.

Новицкий доложил о состоянии своих счетов в связи с продажей принадлежавших казне акций London & Eastern Trade Bank. К сожалению, точная цифра в протоколе не названа, но, по расчетам Новицкого, «вырученной от продажи суммы, при наибольшей экономии в расходовании», должно было хватить «примерно на 5 лет». «Все остальные средства, размер расходования которых виден из отчета о финансовой деятельности Сопровождающих послов, в настоящее время израсходованы», – так констатировали участники заседания.

Три года спустя Финансовый совет на заседании 18 октября 1948 заслушал письмо Е.В.Саблина к А.А.Никольскому «об ассигновании ему ежемесячно 50 фунтов ввиду дороговизны жизни, его болезненного состояния и исполнившихся 50 лет его службы в дипломатическом ведомстве».

Новицкий проинформировал Совет, что «по состоянию своих счетов он вопреки своим предположениям, высказанным в заседа-

¹¹² LRA. Zemgor Collection.

нии Финансового совета от 25 июня 1946 г., с 1 января 1949 не может более поддерживать Е.В.С<аблина>» из находящихся у него на хранении сумм. Учитывая, что «прекращение помощи Е.В.<Саблину> произвело бы на русскую колонию в Лондоне очень тяжелое впечатление», Совет постановил: «ассигновать Е.В.<Саблину> ввиду его болезненного состояния просимую им сумму с 1 января 1949 г. до окончания года», одновременно предупредив Саблина, что «эта ассигновка не предreshает дальнейшего». «Дальнейшее» не потребовалось, ибо Саблин умер 2 мая 1949. За год до него умер еще один из «посвященных» – барон Б.Э.Нольде.

Вопрос о доступности казенных денег в случае смерти их хранителей стал более чем актуальным. Постановлением от 26 апреля 1948 Финансовый совет возложил на «хранителей» «обязанность принять все меры к тому, чтобы в случае смерти кого-либо из них не произошло смешения сумм фонда с их личным имуществом и чтобы было устранено всякое вмешательство их наследников или кредиторов, а равно всякие претензии со стороны фиска».

Собственно, «хранитель» теперь был один – Никольский, ибо суммы Новицкого иссякли. Хитроумный Миллер еще при жизни учредил фиктивное акционерное общество, причем главная часть денег «Беженского фонда» стала считаться его собственностью. Акции Общества «на предъявителя» хранились на имя Никольского в Швейцарии. Постановлением от 23 октября 1948 было признано целесообразным, чтобы Никольский написал своему нотариусу распоряжение, и в случае его смерти находящиеся у него на хранении акции Общества были переданы другим членам Комитета Общества беженского фонда.

Однако экстремальные обстоятельства, по счастью, не наступали еще довольно долго, и Никольский, перебравшийся в Швейцарию, регулярно привозил Маклакову деньги на содержание эмигрантского Офиса и другие нужды. Последнее упоминание о получении Маклаковым 200 тыс. франков (около 570 долларов) относится к марту 1957¹¹³. 15 июля 1957 «парижский губернатор» скончался на 89-м году жизни. Последние хранители государственных средств В.И.Новицкий и А.А.Никольский умерли оба в 1968. Новицкий – на Мальте в 78-летнем возрасте (похоронен в Париже на кладбище Сен-Женевьев де Буа), Никольский – в Женеве на 86-м году жизни.

Итак, к середине 1950-х деньги, имевшие своим происхождением колчаковские «золотые займы», были практически израсходованы. Если у Никольского еще и оставались какие-то средства, то они, не-

¹¹³ Все цитированные выше документы находятся среди бумаг Маклакова в LRA. Zemgor Collection.

сомненно, были весьма незначительны и, столь же несомненно, были потрачены на нужды русской эмиграции. Таким образом, «незавершенную главу» в истории русской Гражданской войны следует считать дописанной, а загадку «колчаковского золота», волновавшую современников и потомков на протяжении свыше 80 лет – более не существующей.

На этом можно было бы поставить точку, если бы в «золотой истории» не было увлекательного и, я бы сказал, изящного, эпилога – попытки сохранить деньги, вырученные от продажи последней части золотого запаса для будущего правительства свободной России. Но об этом – в следующей статье.

Д

Эпистолярная

ПИСЬМА ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА МАРИИ ШКАПСКОЙ (БЕРЛИН – ПАРИЖ, 1921–1925)

*Публикация, вступительная статья и комментарии
Б.Я.Фрезинского*

Письма, составляющие эту публикацию, написаны в Берлине в 1921–1924 и в Париже в 1924–1925. Их автор, Илья Эренбург (1891–1967), выехал из Москвы на Запад в марте 1921¹ «по заграничной командировке», полученной благодаря помощи друга его гимназических лет Н.И.Бухарина. Впрочем, и помимо ставших «вождями» друзей юности (Бухарин и Сокольников) у Эренбурга было немало личных знакомств среди большевистских вождей и влиятельных деятелей (он сошелся, а потом разошелся с ними еще в Париже в 1908–1909; в годы Гражданской войны в Москве и в Киеве резко и публично их атаковал, а затем, в силу обстоятельств как внешних, так и внутренних, признал их победу и вернулся в Москву); это, если упоминать персоналии, – Ленин, Троцкий², Каменев, Зиновьев, Луначарский, Менжинский и др. Аргументация Эренбурга, когда он просил «командировку» на Запад, была простой: он тщательно продумал международный сатирический роман о современности (мировая война, революция и гражданская война), а написать его в Москве условия не позволяют; если же он окажется в Пари-

¹ После возвращения в июле 1917 Эренбурга из Парижа в Россию впервые мысль об эмиграции посетила его уже в ноябре. Он писал из Москвы в Коктебель Волошину: «Я усиленно помышляю о загранице, как только будет возможность, уеду. Делаю это, чтоб спасти для себя Россию, возможность внутреннюю в ней жить» (Звезда. 1996. №2. С.195). Осенью 1918 эта мысль конкретизировалась, и 2 октября Эренбург писал из Киева в Москву поэтессе В.Меркурьевой: «Хочу в Швейцарию», предлагая ехать с ним ей и Е.Ю.Кузьминой-Караваевой (Минувшее: Исторический альманах. Вып.22. СПб., 1997. С.307). Но в 1919–1920 он разошелся с белыми, и жизнь его переменялась, пришлось ехать в Москву, но план жить на Западе сохранился.

² У него Эренбург жил в Вене, хотя потом встречал его и в Париже.

же, где прожил больше восьми предреволюционных лет и где стал писателем, то его литературный замысел реализуется легко и быстро. Ему поверили и отпустили (отпускали не всех, но многих; и не только лично знакомых, и с куда менее убедительными основаниями; отпускали несмотря на то, что люди, как правило, не возвращались).

В Риге Эренбург получил французскую визу, но из Парижа его вскоре выслали; он удержался в Бельгии, откуда осенью перебрался в Берлин. Роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» действительно был написан в 1921 в Ла Панне всего за 28 дней. Однако, написав его, возвращаться в Советскую Россию Эренбург не спешил. В 1922 он долго говорил с приехавшим в Берлин Бухариным, написавшим предисловие к советскому изданию «Хулио Хуренито», и, возможно, делился с ним своими дальнейшими «заграничными» литературными планами. Тема возвращения на родину едва обозначается в письмах Эренбурга (главным образом, обещаниями скорых встреч дома; и еще в письме жены писателя, где она накануне 1922 в первый и последний раз выражает желание вернуться в Россию и даже просит склонить к этому мужа) – но, повторяю, возвращаться Эренбург не спешил. Только в 1924 он приехал в Россию – всего на месяц, и хотя задержался на три (поездка совпала со смертью Ленина и его патетическими похоронами), иностранный паспорт у него не отобрали (в Москве он встречался с Бухариным), и он уехал из России, планируя перебраться из Берлина (где материальные условия для русских заметно ухудшились) в Париж (с которым Москва вот-вот должна была установить дипломатические отношения). Мысль о поездках «в гости» в Москву возникала систематически, но решался на них Эренбург только при более или менее твердых гарантиях возвращения на Запад.

Всего поездок в нэповскую Россию Эренбург совершил две: в 1924 и в 1926. В эти годы Бухарин входил в Политбюро (и положение его там все укреплялось), так что надежда на то, что иностранный паспорт не будет отобран, казалась Эренбургу вполне реальной. А вот в третий раз он приехал уже в сталинскую Россию (1932), и с совершенно иными намерениями: решение о возвращении (не географическом, но идеологическом) в СССР было им уже принято; правда, даже решив, что придется стать «советским писателем», Эренбург желал остаться жить в Париже. Впрочем, изложение событий 1930-х уводит нас далеко от содержания публикуемых писем.

Вернемся к 1921 году.

План Эренбурга был прост – он хотел жить на Западе, но печататься везде, и в частности в СССР (может быть, даже – главным образом). Проблематичность этого плана стала ясна ему уже через год, но его полная утопичность определилась лишь через 10 лет.

В 1922 многие русские писатели приезжали из Советской России в Берлин; иные оставались на Западе навсегда, кто-то вернулся в Россию. Насколько удачно было принятое решение, становилось понятно лишь по прошествии времени. В рамках советской идеологии вернувшиеся были «сделавшими правильный выбор», оставшиеся, в лучшем случае, – «людьми трагической судьбы». Сегодня эти оценки полярно поменялись: воцарился культ эмигрантской литературы (как исключительно высокоталантливой и единственно честной, неподкупной), а советские писатели бесспорно признаются лишь в

том случае, если их книги допускают «антисоветскую» трактовку. Обе чернотелые картины, надо надеяться, не окончательные – наступит время, когда каждый случай и каждый талант будут рассматриваться индивидуально, во всей сложности конкретной жизни и судьбы.

Возвращение в большевистскую Россию требовало от писателей определенных политических курбетов в качестве платы за прежние «антисоветские» лихости и, конечно, хорошей приспособляемости к неординарному режиму. Эренбург, при всей его ироничности и тогдашнем отсутствии иллюзий по части «строительства социализма», имея советский паспорт и находясь за границей, публично вел себя там достаточно аккуратно. Особенно начиная с поры размежевания эмиграции, когда она стала раскалываться на тех, кто думал о возвращении в Россию, и тех, кто об этом не помышлял. Эренбург недвусмысленно хотел жить на Западе (даже во время Отечественной войны он еще лелеял надежду после победы поселиться в Париже, освобожденном от нацистов; к концу войны эти планы развеялись окончательно – он понял, что «поезд ушел»). В 1920-е и даже в 1930-е Эренбург, бывало, открыто (советским гражданам это могло бы показаться едва ли не циничным) обсуждал в Париже с близкими друзьями и знакомыми вопрос о возможности или невозможности возвращения в Россию.

В 1938 в Москве, куда он ненадолго приехал отдохнуть от испанской войны, его впервые лишили зарубежного паспорта: случилось то, чего он так опасался. Предельно рискуя, он дважды – уже получив первоначальный отказ – обращался лично к Сталину и добился невозможного: разрешения вернуться на Запад. Однако, начиная с 1939, жизнь и в Париже стала тревожной – началась мировая война. Погибнуть теперь можно было «стараниями» и Гитлера, и Сталина, имевшего конкретный план вызвать писателя в Москву и арестовать³, о чем Эренбург не знал.

Итак, при всех существенных переменах в российской ситуации берлинская, а затем парижская одиссеи Эренбурга продолжались почти 20 лет: сознательная, запланированная жизнь за границей. До войны, не общаясь лично с откровенно враждебными СССР эмигрантами, Эренбург читал их книги, журналы, газеты, а с «невраждебными», как правило, сохранившими советский паспорт, общался – с теми, кто не отказывался общаться с ним, – с Ремизовым, Замятиным, Пуни, Алтманом, Анненковым, Осоргиным, Вяч. Ивановым... Но когда в 1946 Эренбург снова приехал в Париж, уже вовсе не думая там остаться, прежние знакомые не узнали его – это был совсем другой человек⁴.

Конечно, Эренбург, его жена, их близкие друзья (к ним относились О.Г.Савич, И.Е.Путерман, Н.И.Альтман, Д.С.Навашин, Д.Рысс...) в 1930-е выделялись на общем фоне парижской «диаспоры». Арестованная Лубянской в 1939 дочь Марины Цветаевой А.С.Эфрон показывала на допросе:

Об Эренбурге вообще редко кто отзывался как о советском писателе, еще реже как о советском человеке. Его считали по стилю, по духу, по образу жизни своим, не то эмигрантом, не то французом, во всяком случае, типичным представителем парижской богемы. И мало

³ См.: Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996. С.404.

⁴ См., например: Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989. С.197

убедительными казались на этом фоне для тех, кто знал Эренбурга, его советские высказывания; публичные и печатные выступления. Общим впечатлением было, что человек «примазывается» и к Франции и к Советскому Союзу. «Ласковый теленок двух маток сосет». Сама я, проходя по бульвару, видела Эренбурга на террасе то одного, то другого кафе, то в одной, то в другой компании неизвестных мне людей...⁵

Конечно, на допросах НКВД говорили и тем более записывали лишь то, чего добивались следователи, тем не менее, определенный взгляд на Эренбурга «левых» русских парижан эти показания передают, хотя в Париже было гораздо больше русских, считающих Эренбурга красным. Точно так же в Москве для большинства ортодоксов он был безусловно белым. Под перекрестным огнем – таково было неизменное положение Эренбурга, таково была формула его нетривиального варианта «диаспоры».

В письмах Эренбурга Марии Михайловне Шкапской, как и в других письмах, адресованных в Союз, речь не идет об эмиграции и ее проблемах, хотя часто упоминаются имена знакомых эмигрантов: Ремизов, Айхенвальд, Ходасевич, а также тех, кто еще не принял окончательного решения: Белый, Шкловский, А.Толстой.

Эренбург был убежден, что в новое время литература в полном отрыве от родины существовать не может. Поэтому самые горькие его письма из Парижа относятся к более позднему времени – к 1928–1931, когда писатель понял, что его относительно свободное положение на Западе дает ему возможность жить только на переводы (в эмигрантской прессе он не сотрудничал, а в СССР цензурный пресс резко ожесточался). Такая жизнь для Эренбурга становилась сомнительной – зачем? Но даже в эти годы вопрос о его разрыве с СССР не возникал (исключение: конец 1939 – начало 1940, когда возвращение на родину казалось Эренбургу смертельно опасным).

До того это была уникальная судьба писателя, писавшего о жизни в СССР (и в мире) на основе острых журналистских впечатлений с известной дозой правды и скепсиса и без обсуждения кардинальных политических вопросов советского режима.

Писем Эренбурга 1920–1930-х уцелело довольно много, хотя его собственная почта за этот период не сохранилась (в редких случаях до нас дошли писательские черновики писем к Эренбургу – скажем, у Брюсова, Волошина или Цветаевой). Эренбург не принадлежал к числу тех, для кого эпистолярный жанр – часть литературной работы (он очень много сочинял, и времени на переписку не оставалось, а о будущих читателях писем думал меньше всего⁶). В его письмах не обсуждаются философские, мировоззренческие проблемы; они скорее конкретные (своим многочисленным знакомым Эренбург писал не столько из желания общения, сколько нуждаясь в помощи). Зато по части фактографии его письма – несомненный источник ценной информации как о его собственной литературной работе (он всегда охотно делился своими литературными планами и сообщал о ходе работы), так и о делах внешних – литературных, политических; в его письмах встре-

⁵ Шенталинский В. Донос на Сократа. М., 2001. С.350-351.

⁶ Хотя, скажем, работая над мемуарами «Люди, годы, жизнь», обращался в архивах к своим старым письмам, в частности, к письмам М.М.Шкапской.

чаются, может быть, и нечастые, но значимые суждения, оценки, информация о встречах и событиях, о прочитанных книгах. Размер письма определялся объемом дел, просьб и, конечно, природой отношений с корреспондентом. 1922–1925 годы – время наиболее подробных, достаточно откровенных и свободных, даже, как ни странно это звучит применительно к эренбургским письмам, задушевных его посланий.

О том, насколько обширной была переписка Эренбурга эти годы, можно судить по его письмам Елизавете Полонской⁷ – близкому другу еще с 1909. Из 100 с небольшим уцелевших писем за 1922–1966 половина приходится именно на период с 1922 по 1925 (хотя дружеские отношения Эренбурга с Полонской сохранялись еще много лет). Заметим, что как раз столько же (50 писем) составляет и вся сохранившаяся переписка Эренбурга со Шкапской, оборвавшаяся в 1925.

Это письма периода активной литературной работы писателя: в Берлине одна за другой выходят его книги, как написанные еще в России, так и сочиненные уже в Германии. За эти годы выработался вполне западный стиль работы Эренбурга: тщательное обдумывание книги, интенсивное ее написание и издание, включая переводы на другие языки, затем краткий отдых (обычно связанный с переменой географического места), затем возникновение нового плана и т. д. Как правило, одновременно с завершением новой книги заканчивались и деловые переговоры с издательствами.

Главные трудности были, понятно, с издательствами в СССР (в письмах к Шкапской – это постоянная тема), и друзья, знакомые забрасывались массой просьб; второй поток просьб был связан с литературными новинками – книгами, журналами, газетными статьями, рукописями. В свою очередь, Эренбург неизменно высылал книги друзьям и знакомым в Россию и, когда было возможно, охотно устраивал издание их книг в переводах за границей.

Образ Эренбурга, который в своих письмах не прочь поплакаться друзьям на сложности жизни, злодейство издателей, цензуры или врагов (успехи писателя не могли их не плодить), – не похож на зарисовку, сделанную Львом Лунцем в 1923. Прежде Лунц и Эренбург не были знакомы лично, а летом 1923 встретились и провели несколько часов в берлинском кафе. Живые впечатления не совпали с образом, возникшим у Лунца из книг Эренбурга, и он писал «Серрапионам»: «*Эренбург*: полная неожиданность. Представлял себе: вертлявый еврей à la Шкловский. Оказывается: плотный, сутулый, страшно спокойный человек, вечно сосущий трубку. Очень уравновешенный <...>»⁸.

Теперь об адресате этих писем Эренбурга.

Поэтесса Мария Михайловна Шкапская (1891–1952) познакомилась с Эренбургом во Франции в 1913 – сразу по приезде. В некотором смысле она

⁷ См.: *Фрезинский Б.* Письма И.Эренбурга Е.Полонской. 1922–1966 // Вопросы литературы. 2000. №1. С.284–330; №2. С.331–290. В дальнейшем – Письма Эренбурга Полонской, с указанием номера журнала и страницы.

⁸ Из далеких двадцатых... (Лев Лунц – «серрапионовым братьям». 1923–1924) / Публ. Н.Фединой; вступл. и послесл. А.Старкова // Вопросы литературы. 1993. №4. С.239 (письмо от 20 июня 1923). Впечатления Эренбурга о Лунце были в высшей степени доброжелательными.

повторила его путь (Эренбург приехал в Париж в конце 1908, спасаясь от грозившей ему за революционную работу каторги). За плечами Шкапской были две тюремные отсидки по молодежным революционным делам в 1912 и 1913 и последующая ссылка. Затем – неожиданная стипендия ей и мужу Г.О.Шкапскому от московского филантропа Шахова для окончания образования за границей. Правда, стипендия эта прервалась быстро, и что такое оказаться за границей без средств, Шкапской стало ведомо очень скоро.

В Париж она приехала с мужем и с близким своим другом И.М.Бассом (до его трагической кончины в 1925 все трое были неразлучны). Вскоре они отправились в Тулузу, чтобы закончить высшее образование. Мужчины получили инженерные дипломы, а Шкапская – преподавательницы французского языка. Уже незадолго до смерти, в 1951, вспоминая те годы и друзей из России, с которыми судьба свела ее во Франции, упоминая знаменитого академика и революционера А.Н.Баха, Шкапская пишет дальше едва ли не торжественно: «Второй человек, которому я очень обязана за этот период, – это Илья Эренбург – первый художник слова, с которым я встретила в своей жизни. Человек величайшей искренности и страстности, он был моим первым поэтическим учителем, и руку его и дружбу его я чувствовала подле себя всю жизнь»⁹.

Эренбург тогда уже наконец отошел от партийной жизни и выпустил четыре сборника стихов. Шкапская только начинала поэтический путь. Она была на 8 месяцев моложе Эренбурга, но стихи начала писать позднее его, несмотря на давнюю внутреннюю тягу к поэзии (после гимназии пошла в Петербурге учиться в Неврологический институт, чтоб получить образование, полезное народу, и проручилась там два года). Встретив в Париже Эренбурга, она ощущала его уже «мэтром», книги которого, во всяком случае сначала, определили ее путь. Елизавета Полонская вспоминает Шкапскую в Русской Академии в Париже, где молодые русские поэты-эмигранты читали стихи таким же молодым поэтам и художникам (она упоминает художников и скульпторов Штеренберга, Альтмана, Архипенко, Цадкина, литераторов Луначарского, Виктора Финка, Койранского, Оскара Лешинского, Веру Инбер, Эренбурга и Шкапскую)¹⁰. Собрания эти проходили еженедельно в знаменитом теперь парижском ателье-общезитии художников «La guche». «Подойдя ко мне, – пишет Полонская, – Шкапская сказала, что хочет со мной познакомиться, знает мои стихи от Ильи Григорьевича Эренбурга. Но я отнеслась к ней тогда без интереса, – стихи ее мне не особенно понравились. Потом она сразу же уехала с мужем и Бассом в Тулузу»¹¹.

В 1915 Шкапская знакомится в Париже с М.А.Волошиным и через 6 лет назовет его своим первым учителем, добавив: «если не считать первого – Эренбурга»¹². В автобиографии 1926 года она подтвердит это: «Лицом,

⁹ Шкапская М. Час вечерний. СПб., 2000. С.175.

¹⁰ См.: Полонская Е. Русская Академия (Из книги «Встречи») // Нева. 1987. №4. С.196.

¹¹ Полонская Е. Мария Шкапская. Глава из книги «Встречи». Машинопись с авторской правкой (собрание публикатора).

¹² Из письма М.А.Волошину от 9 декабря 1923. – РО ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. №1303. Л.11.

связавшим меня с литературной жизнью, был Илья Эренбург, руку которого я всегда ощущала и в своем творчестве»¹³. Действительно, в стихах Шкапской заметно влияние двух книг Эренбурга: «Детское» (Париж, 1914; эта книга написана не без влияния Франсиса Жамма, который, в свою очередь, по признанию Шкапской¹⁴, влиял на нее – через Эренбурга) и «Молитва о России» (М., 1918) – особенно в поэме «Явь».

Переписка Эренбурга со Шкапской началась еще во Франции, не позже 1915, однако письма той поры не сохранились. В ее письме Волошину от 18 декабря 1915 есть такое место:

Знаете, что я написала о Вас Эренбургу после первой встречи? Только не сердитесь и не «шокируйтесь» несколько вольной «формой» определения – я написала, что Вы такой милый, широкий, медведистый, что с Вами должно быть верно, надежно и уютно, что на Вашей широкой груди можно так радостно прибаюкаться – что с Вами должно быть очень прочно – и – ... скучно... Я теперь свое «скучно» беру назад, как мне и предсказал Эренбург.¹⁵

Переписка возобновилась в конце 1920, когда Мария Михайловна (она вернулась из Франции в Петроград в 1916) узнала от О.Э.Мандельштама об одиссее Эренбурга и его возвращении в Москву; информацию о киевском периоде Эренбурга (1918–1919) она получила от юного Г.М.Козинцева, приехавшего в Питер в том же 1920 по приглашению своей тетушки и кузины Эренбурга Р.Г.Лурье.

Вот первое письмо Эренбурга, сохранившееся у Шкапской, написанное в Москве (оно не включено в нашу публикацию, т. к. географически, а стало быть, и тематически из нее выпадает):

<Москва, конец 1920>

Милая Мария Михайловна,

Только что получил Ваше письмо, порадовался. Спешу откликнуться и послать свой адрес. Мандельштам, верно, рассказал Вам о нашей фантастической поездке через Черное море на барже, и потом через Грузию. Здесь, как это ни чудно, я отдыхаю, хоть и работаю много. Больше всего влечет к театру, и замышляю новую трагедию. Макс<имилиан> Алекс<андрович> остался в своем Коктебеле. Я тоже собираюсь примерно к Рождеству на недельку в Питер. Напишите мне больше о себе и пришлите все, что хотели.

Не забывайте!

Душевно Ваш И.Эренбург

Волхонка, М.Знаменский пер.
«Княжий Двор»¹⁶

¹³ Литераторы о себе. М.М.Шкапская // Красная панорама. 1926. №40. С.15. На этой же странице журнала была помещена и автобиография Эренбурга.

¹⁴ «Был период увлечения Фр. Жаммом, который довольно быстро прошел», – пишет Шкапская в одном из вариантов автобиографии 1926 года (*Шкапская М. Час вечерний*. С.169).

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. №1303. Л.3.

¹⁶ РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.543. Л.54-55.

Когда в марте 1921 Эренбург уехал через Ригу в Париж, то среди стихов русских поэтов, что он вез для издания на Западе, были и стихи Шкапской.

Переписка Эренбурга и Шкапской продолжилась, хотя похоже, что первое письмо, отправленное из-за границы, пропало. Начиная с 27 ноября 1921 (датировка первого сохранившегося письма Эренбурга Шкапской из Берлина), переписка шла регулярно. Шкапская аккуратно сохранила всю корреспонденцию, благодаря чему уцелели и письма Эренбурга. Сам-то он, думаю, делал это не очень аккуратно, а в 1940 в оккупированном Париже уничтожил все сохранившиеся письма – не хотел, чтобы они попали к немцам, да и везти их в Москву по понятным причинам опасался. В итоге сохранились лишь письма Эренбурга; всегда информативные письма Шкапской (если судить по ее письмам Волошину или Полонской) не уцелели.

Отношение Эренбурга к Шкапской было неизменно дружественным, хотя ее литературную работу он, пожалуй, ставил не слишком высоко. Вообще, никакая дружба не могла заставить Эренбурга похвалить то, что ему не очень нравилось; при этом он был честен и не лукавил, вежливо говорил правду. И охотно, не считая это не деликатным, писал ей о своем любимом Пастернаке или о Тихонове, стихи которого той поры ценил.

Ласковые письма Эренбурга как бы предполагали особую сердечность в предстоящих встречах, но всякий раз ожидания адресатов оказывались обманутыми: очень занятый и вечно замотанный в поездках Эренбург «авансы» не оплачивал. Поэтому, возобновляя после встречи переписку, он, как правило, начинает с извинений, что все же получилось не так, как хотелось. Это мы видим в его письмах Полонской. То же повторилось и со Шкапской – после встречи в 1923 в Берлине и в 1924 в Питере (почти сразу после этой встречи из писем Эренбурга исчезли непременно «нежно целую Ваши руки», замененные простыми «приветами»).

Безусловно, в Берлине у Шкапской были и другие знакомые помимо Эренбурга. В «Камер-фурьерском журнале» Ходасевича есть несколько записей 1923 года с упоминанием ее имени (31 января, в «Прагер Диле»: «Кап-пун, Шкапская, Бахрах, Лурье, Эренб<ург>»; 2 февраля, у Горького: «Горький, Шкапская»; 27 февраля: «В Saarow'e со Шкапской (уехала в 3½)»¹⁷).

В письмах Эренбурга Елизавете Полонской за тот же год встречаются ироничные, хотя и не злые, упоминания Шкапской. 9 февраля: «“Серапионам” привет. Я посылаю им со Шкапской “конструктивные” карандаши, а тебе перо. Можешь писать стихи с успехом. Еще духи». 10 марта: «Сегодня отбывает Шкапская. Она везет тебе перо. Возьми у нее. Погляди у нее же фотографию Sturm'бала – там найдешь Ш<кловского> и меня, также Шкапскую самое»¹⁸. О ней: и Шкапчик просто раскрывался (это по поводу фотографии)». 21 апреля: «Теперь ты от Шкапской все знаешь (не только Шкапчик, но и Эренбург, оказывается, просто открывается), знаешь, что я отноюсь не поэт божьей милостью, но деловой американец, т. е. сам мистер Куль»¹⁹.

¹⁷ Ходасевич Вл. Камер-фурьерский журнал. М., 2002. С. 39,40.

¹⁸ Это фото Шкапская вклеила в свой знаменитый альбом – см.: РГАЛИ Ф.2182. Оп.1. Ед.Хр.141. Л.22.

¹⁹ Письма Эренбурга Полонской. №1. С.321, 323, 325, 326. Мистер Куль – персонаж романа Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито».

Переписка Эренбурга со Шкапской оборвалась в 1925. Последнее письмо Эренбург отправил 5 апреля – с огорчением по поводу размера открыточки Шкапской (ждал большого письма). Он всегда хотел, чтобы было узаконено неравенство в переписке с «литдамами» (он пишет коротко и по делу, а они – подробно и обо всем). Так не получилось. Впрочем, в ту же пору прервалась и переписка Шкапской с Волошиным, да и стихи она бросила писать, переключившись на очеркистику...

О дальнейшем совсем коротко. Имя Эренбурга возникает в письмах Шкапской друзьям в 1930-е: они видятся в его приезды в СССР. В конце 1930-х и начиная с возвращения Эренбурга в СССР в 1940 его имя мелькает в письмах Шкапской²⁰ (помимо общих воспоминаний их связывала еще и постоянная любовь к собакам). В 1951 большая Шкапская отмечает 60-летие. Вот поздравительное письмецо Эренбурга (возможно, оно было единственным написанным после 1925), уже совсем не похожее на письма 1920-х: «Милая Мария Михайловна, очень жалко мне, что не смогу навесить Вас и поздравить: меня вызвали в ЦК, а Люба гриппует. Всего Вам лучшего и главное здоровья. Ваш И.Эренбург»²¹. 7 ноября 1951 Шкапская сообщила Полонской о своем юбилее:

Нет у меня ощущения этой хорошей старости – все чувствуешь, что сделано мало, сделано не то. А годы уже большие – вслед за Инбер, Мариеттой <Шагинян> и Эренбургом и мне исполнилось 60 лет, и я уже «подросла», как выразился Илья Григорьевич. Меня очень порадовал Союз <писателей> – получила от них <...> адрес, цветы, денежку и обещание походатайствовать о пенсии. В разной форме, но вспомнили все старые друзья – чудесное письмо от Федина, цветы от Эренбурга, телеграммы от Мариетты, Маршаков, Тихоновых... Был вечером В.Гроссман... Звонила Лиля Брик...²²

Жить ей оставалось совсем немного...

* * *

Письма Эренбурга Шкапской печатаются по подлинникам, хранящимся в ее фонде (РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.543. Далее приводятся только номера листов). Три письма (за 5 мая 1922, 30 октября 1922, 3 декабря 1924) опубликованы Б.М.Сарновым (Вопросы литературы. 1973. №9. С.198-201), даем их здесь с исправленными неточностями. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам, сохранены некоторые особенности авторского стиля.

²⁰ Эти упоминания приводятся в главах «Почта Брата-ритора» и «История одной любви» в кн.: *Фрезинский Б. Судьбы Серапионов*. СПб., 2002 (в печати).

²¹ РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.543. Л.67.

²² Личный архив Е.Г.Полонской. Предоставлено покойным М.Л.Полонским в 1970-е.

1

Берлин, 27 ноября <1921>

Пишите по адресу:

Kunstverlag «Helikon»

Alte Jacobstrasse 129 Berlin S.W.

Дорогая Мария Михайловна,

дошло ли до Вас мое письмо¹. Напишите, а то очень трудно писать в пространство. Знаю, что вышла Ваша книга². Постарайтесь переслать мне. Стихи, к<о>т<о>р<ы>е Вы мне дали, напечатаны и переведены на французский. Я очень много работал. Сейчас печатаются мои книги: 1) роман, или вернее, нечто вроде «Необычайные похождения Хулио Хуренито»³, 2) Книга рассказов⁴, 3) Книга о новом стиле искусства-жизни: «А все-таки она вертится!»⁵. Вышли стихи⁶. Пересылаю Вам через Москву. Страшно рад был услышать о Вас от Алексея Михайловича⁷. Мы в Берлине. М<ожет> б<ыть>, поедем в Италию⁸, м<ожет> б<ыть>, пробудем здесь. Возможно, что к апрелю будем дома⁹. Все же жизнь у вас, а не здесь. Горячий привет шлет Вам Любовь Михайловна¹⁰.

Пишите.

Дружески обнимаю.

Ваш Эренбург

Земля лепка могильной вязью,
И горек, горек, горек хлеб.
Великое однообразие
Всех человеческих судеб!
Уж низок диск, с прощальной грустью
Могу я только вспоминать,
И от сегодняшнего устья
К истокам подыматься вспять.
Младенец в ручку ловит ветер,
Разжал и брызнул водомет.
Потом, когда седеют дети,
Уж этих слез недостает.
Какое общее сиротство!
Дьячку за требу – кончен быт.
Целует кроткого уродца
Крахмальный баловень судьбы.
И примиряет с небесами
Вот этот, уж подземный мост,
Еще, пожалуй, расстоянье
От нас до самых близких звезд.

Август 1921. Saint-Idesbald¹¹

Пришлите стихов.

Всем знакомым поэтам передайте братский привет.

(Л.1)

¹ Это первое берлинское письмо Эренбурга, сохранившееся у Шкапской.

² *Шкапская М. Mater Dolorosa*. Пг., 1921.

³ Вышел в январе 1922 в берлинском издательстве «Геликон».

⁴ Книга рассказов Эренбурга «Неправдоподобные истории» вышла в берлинском издательстве С.Ефрон в 1922.

⁵ Книга, воспевающая новый стиль – конструктивизм, вышла в издательстве «Геликон» в начале 1922.

⁶ *Эренбург И.* Кануны: Сборник стихов 1915–1921 гг. Берлин: Мысль, 1921.

⁷ А.М.Ремизов, в августе 1921 выехавший из Петрограда; Эренбург познакомился с Ремизовым в Берлине.

⁸ Поездка не состоялась, в Италию И.Г. и Л.М. Эренбурги попали лишь летом 1924.

⁹ В Россию Эренбурги смогли приехать (как оказалось, на три месяца) в начале 1924.

¹⁰ Любовь Михайловна Козинцева-Эренбург (1899–1970) – художница, вторая жена Эренбурга.

¹¹ Стихотворение из цикла «Зарубежные раздумия»; впервые напечатано в книге избранных стихов Эренбурга «Кануны».

2

Берлин
23 декабря <1921>
Prager Pension
Prager Platz, 4a

Дорогая Мария Михайловна,

получил Ваше письмо от 11.XII, но не знаю, является ли оно ответом на мое, посланное на Матвеевскую¹ в конце ноября, или Вы адрес узнали от Гриши². Большое спасибо за книжку³ – я ее хоть еще не получил. Как Вы послали? Боюсь, не пропала ли. Спасибо и за труды о «Раздумьях»⁴. Постараюсь переслать Вам вышедший здесь мой сборничек «Кануны» (стихи 1915–1921) – там старые, половина «Раздумий»⁵ и штук 12 новых, заграничных. Впрочем, я весь окунулся в прозу. Работал зверски. Написал три книги, все они уж почти напечатаны и выйдут в свет в начале января. Главная: «Необычайные приключения Хулио Хуренито и его учеников, мистера Куля, т-г Дэле, Карла Шмидта, Эрколе Бамбучи, Алексея Спирида<оновича> Тишина, негра Айши и Ильи Эренбурга». Одно название в 50 строк, а книга – 350 стр. Это отнюдь не стилизация, но сатира современности. От «Ротонды» 1913 г. до Москвы 1921. Потом трогательные рассказы «Неправдоподобные истории», третья – полный памфлет о новом стиле «А все-таки она вертится». Вышло все. Рассказывал о Вас мне Ал<ексей> Мих<айлович>. Я очень рад, что он здесь, – прояснилась (также от Белого) эмигрантская атмосфера. Сейчас снова пишу роман⁶. Работаю много. Возможно, будущим летом встретимся в Питере или Москве⁷. Ради Бога, напишите,

что нового в литературной России. Здесь ничего не знаем. Как Вам живется? Возможно, что на весну мы съездим в Италию⁸. Люб<овь> Мих<айловна> Вам тоже писала на Матвеевскую⁹. Теперь она шлет нежный привет. Пишите! Обнимаю!

Ваш Эренбург

На днях выйдет привезенная мной антология¹⁰. Там 3 Ваших: 1) Как часто, 2) Петропавловск и 3) Людовик¹¹. Пришлю! Ваше первое стихотв<орение> было переведено на франц<узский> язык и напечатано в revue *Esprit Nouveau*. Посылаю перевод.

(Л.2)

¹ Улица на Петроградской стороне, где жила Шкапская (Матвеевская, 11, кв.67); ныне часть улицы Ленина.

² Григорий Михайлович Козинцев (1905–1973) – кинорежиссер, младший брат Л.М.Козинцевой-Эренбург, двоюродный племянник Эренбурга; в 1920 переехал из Киева в Петроград.

³ «Mater Dolorosa».

⁴ М.Шкапская опекала петроградское издание сборника стихов Эренбурга «Раздумия». Она писала М.А.Волошину 9 декабря 1921: «В марте проводила в Париж Илью Григорьевича, вожусь здесь с изданием его последней книжки “Раздумья”, прошли уже две корректуры» (РО ИРЛИ Ф.562. Оп.3. №1303. Л.11, Обзор В.П.Купченко переписки М.Шкапской с М.А.Волошиным см.: Русская мысль (Париж). 1996. №4147, 31 октября – 6 ноября).

⁵ Из рижского издания книги (1921).

⁶ «Жизнь и гибель Николая Курбова». В ту пору возник первоначальный замысел романа.

⁷ Поездка не осуществилась.

⁸ Эта поездка тоже не состоялась.

⁹ В архиве Шкапской сохранилось лишь письмо Л.М.Козинцевой-Эренбург от 31 декабря 1921 – см. приложение к публикации.

¹⁰ Поэзия революционной Москвы / Под ред. И.Эренбурга. Берлин: Мысль, 1922 (Серия «Книга для всех». №57-58).

¹¹ Имеются в виду стихи Шкапской: посвященное Эренбургу «Как часто на Монпарнассе...» (вошло в книгу М.Шкапской «Час вечерний» (Пг., 1922)), «Петропавловская крепость» (в качестве второго стихотворения одноименного цикла вошло в книгу М.Шкапской «Барабан строгого господина» (Берлин, 1922)) и «Людовику XVII» (в виде цикла из двух стихотворений напечатано в книге Шкапской «Барабан строгого господина»).

3

13 января 1922
Prager Pension
Prager Platz 4a

Дорогая Мария Михайловна,
вчера пришло Ваше третье письмо (от 2.I). Верю, что Ваш детеныш (лучше детинец) совсем поправился и Вы прояснились. – Ваши

письма меня очень радуют, у Вас слова хорошие, большие и лохматые, как медвежата или мои любимые собаки (дворняжки-бородачи). Я Вашей книжки не получил и этим очень огорчен. Надеюсь, Пильняк¹ привезет. Читал лишь в случайно забредшем № Летописи Дома лит<ераторов> отзыв о ней и цитаты². Жду, тогда напишу. (Вам и в «Книге»³.) Присланные прошлый раз стихи мне по душе – об этом уж писал Вам. Очень нравится мне название новой книги («Барабан»⁴). М<ожет> б<ыть>, от испорченности моей – я без желчи иронии или без льда пафоса жить не могу. (Пафос и ирония одно и то же, и полярны искренности просто.) – Сегодня я выслал Вам в Москву с оказией безусловной следующие книги: 1) «Неправдоподобные истории» (рассказы), 2) «Лик войны»⁵, 3) «Книга» (7–8)⁶, 4) «Раздумья»⁷. Вы их, вероятно, получите вскоре после этого письма. Жаль, что я не мог выслать уже вышедших «Необычайные похождения Хулио Хуренито» (слишком тяжело), это моя главная вещь и хорошо изданная (рассказы так же плохо). №9 «Книги» и «Кануны» я Вам послал недели две уж по почте. Получили ли? – Ваши стихи пристрою. – В сборнике напечатаны (он все еще у брошюровщика) – «Людовик», «Как часто...», «Петр<опавловская> Крепость». – Кончаю книгу стихов «Опустошающая любовь» – шлю Вам 2 стихотвор<ения> оттуда. Пишите чаще. Обнимаю.

Ваш

Эренбург

(Л.З)

Тяжелы несжатые поля –
 Золотого века полнокровье.
 Чем бы стала ты, моя земля,
 Без опустошающей любви?
 Да, любовь и до такой тоски,
 Что в зените леденеет сердце,
 Вместо глаз кровавые белки
 Смотрят в хаотические сферы.
 Закипает глухо желчь земли,
 Веси заливает бунта лава,
 И горит Нерукотворный Лик,
 Падает порфировая Слава.
 О, я тоже пил твое вино!
 Ты глаза потупила, Весталка,
 Проливая в каменную ночь
 Первые разрозненные залпы.

Любовь не в пурпуре побед,
 А в скудной седине бесславья.
 И должен быть развеян цвет,
 Чтоб проступила сердца завязь.

Кто испытал любви груз,
 Поймет, что значит в полдень летний
 Почти подвижнический хруст
 Тяжелой снизившейся ветки.
 И чем тучней, чем слаще плод,
 Тем чаще на исходе мая
 Душа вздымалась тяжело
 И никла, плотью обрастая.
 Январь, <19>22⁸

Горячий привет от Любви Мих<айловны>. – Почему меня ругают за статью?⁹ Для питерских писателей также рад сделать все, о чем писал в Москву¹⁰. Передайте. – До свидания. Пишите.

Эренбург

(Л.Зоб.)

¹ Борис Андреевич Пильняк, с которым Шкапская поддерживала добрые отношения, собирался в Германию и приехал в Берлин в феврале 1922.

² Рецензия П.Губера на книгу М.Шкапской «Mater Dolorosa» (Летопись Дома литераторов. 1921. №2, 15 ноября) начиналась словами: «Длинный список современных малых поэтов обогатился еще одним именем» и завершалась выводом: «Как хотите, в этих стихах, несмотря на странность и даже рискованность сюжета, есть настоящая поэзия и вместе с тем большая психологическая правда».

³ Имеется в виду берлинский журнал «Русская книга» (с 1922 – «Новая русская книга»), в котором в 1922–1923 Эренбург опубликовал ряд рецензий на книги, вышедшие в России.

⁴ «Барaban строгого господина». Книга вышла в 1922 в берлинском издательстве «Огоньки», в котором была издана и книга стихов Эренбурга «Опустошающая любовь».

⁵ Эренбург И. Лик войны. София, 1920.

⁶ Имеется в виду №7-8 журнала «Русская книга» за 1921.

⁷ Эренбург И. Раздумия. Рига, 1921.

⁸ Оба стихотворения (второе с небольшими разночтениями) вошли в книгу Эренбурга «Опустошающая любовь».

⁹ Видимо, имеется в виду статья Эренбурга в «Русской книге».

¹⁰ Речь идет о помощи в печатании книг в берлинских издательствах, с которыми Эренбург имел дружеские и деловые отношения.

Дорогая Мария Михайловна,

Ваши книги, заказным посланные, дошли. Какая Вы нежная и хорошая! Спасибо! Получили ли Вы посланные через Бориса Леонидовича мои книги¹ – рассказы и роман? По почте послал вам «Книгу» дважды. В ближайшем № будет моя статья о «Mater dolorosa»². –

Пильняк сидит еще в Ревеле, и рукописи Вашей я еще не получил. Получив, сделаю все. В начале месяца я послал Вам длинное письмо и стихи. Получили? Пишите обо всем, адрес: Prager Pension, Prager Platz 4a. Нежно целую вашу руку.

Ваш Эренбург

Шлите стихи свои и чужие. Я издаю «Вещь»³.

(Л.7)

¹ Речь идет, видимо, о книгах для Шкапской, посланных с оказией или диппочтой в составе книжной посылки Б.Л.Пастернаку в Москву с просьбой ему переслать часть книг в Петроград.

² Эренбурга опередил Б.А.Пильняк, чья рецензия на книгу Шкапской «Mater Dolorosa» была опубликована в №3 «Новой русской книги».

³ Издание журнала «Вещь», международного органа авангарда, призванного служить мостом между левыми художниками России и Запада, Эренбург затеял вместе с Эль Лисицким в Берлине. Вышло три номера (первый и второй – двоянный).

5

<16 февраля 1922>

...И кто в сутулости отмеченной,
В кудрях, где тишина и гарь,
Узнает только что ушедшую
От дремы теплую Агарь?

И в визге польки недоигранной,
И в хрусте грустных рук – такой –
Всю жизнь с неистовым эпитафром
И с недодышанной строкой.¹

Ей толп таинственные выплески,
И убыль губ и юбок скрип –
Аравия, и крики сильные
Огромной бронзовой зари.

Как стянут узел губ отринутых!
Как бьется сеть упругих жил!
В руках какой обидой выношен
Жестковолосый Измаил!

О, в газовом вечернем вереске
Соборную ты не зови,
Но выпей выдох древней ереси
Неутоляющей любви.²

А это Вам будет ответом на Ваше стихотворение об Агари³,
к<о>т<о>р<о>е> очень хорошо и очень возмутительно!⁴

Получил рукопись «Барабан» от Пильняка⁵. Еще не прочел как следует. В целом *лучше* первой. Крепче. Прочитав, напишу. Зачем пишете четверостишия как прозу?⁶ Пишите. Целую Ваши руки.

Эренбург

(Л.4)

¹ Две последние строчки этой строфы Эренбург 3 мая 1922 включил в дарственную надпись на книге «Опустошающая любовь» Е.Г.Полонской.

² Вошло в книгу стихов Эренбурга «Опустошающая любовь».

³ Не включалось в сборники стихов Шкапской.

⁴ Библейский сюжет с Агарью тогда занимал Эренбурга. Узнав, что Е.Г.Полонская тоже написала стихи об Агари, он дважды просил ее прислать ему их (вошло во вторую книгу Полонской «Под каменным дождем», 1923; прочитав ее, Эренбург 12 июня 1923 писал Полонской: «“Агарь” недостаточно дика и зла» (См.: Письма Эренбурга Полонской. №2. С.232).

⁵ 14 февраля 1922 Пильняк писал Шкапской: «“Барабан строгого господина” – покупают у меня в Берлине... Сегодня буду держать совет с Эренбургом» (*Пильняк Б.* «Мне выпала горькая слава»: Письма 1915–1937. М., 2002. С.145).

⁶ Ряд стихов в ее первых четырех книгах Шкапская печатала без разбивки на строки при сохранении рифм. Этому она, несомненно, научилась у Эренбурга (см., например, его кн.: Детское. Париж, 1914); но он этот опыт никогда не повторял.

6

7 марта <1922>

Дорогая Мария Михайловна,

сегодня после довольно долгого перерыва получил Ваше письмо заказное. Очень взволнован словами о Вашем здоровье. Верю, т. е. хочу верить, что все это не так страшно. Что Вы думаете о том, чтобы Вам поехать на несколько месяцев сюда полечиться? Это серьезно. И, думаю, с материальной стороны устроимо. Подумайте! Родная, читаю и ненаписанное. Весь сейчас с вами и очень нежно целую Ваши руки.

Как дети?¹

Сегодня, наконец, добился от издателя² ответа. «Барабан» выйдет не позже, чем в апреле. Я подписал договор. Три тысячи марок³. Издан будет хорошо. На гонорар сегодня же послал Вам: продовольств<енную> посылку через АРА⁴ (десятидолларную). Получите, вероятно, в мае. И аптечку – это придет, полагаю, через месяц – всякие снадобья, термометр, ножницы, мыло и пр.⁵ Большой ящик. Хорошо ли поступил?

Напишите, что Вам нужно?

Сегодня ж выслал Вам почтой заказной бандеролью следующие книги: 1) Хулио Хуренито, 2) Рассказы, 3) А все-таки она вертится,

4) «Поэзия револ<юционной> Москвы» (там Ваши стихи). Хочу думать – получите. Жду очень вашего письма об Учителе (Хулио).

За книги крепкое спасибо. Только Бога ради не тратьтесь. «Дом Искусств» видел (обе книжки). «Зап<иски> Мечт<ателей>» также⁶.

Скажите Шкловскому, чтобы писал скорее⁷. Первый № «Вещи» выйдет через неделю, второй – 15.IV⁸. О подписке не беспокойтесь. Будете, конечно, получать. Скажите и другим о «Вещи». Еще скажите писателям, чтобы слали рукописи. Устрою и деньги вышлю посылками или валютой. А сборник петербургских стихов?⁹

На всякий случай, если пропадут письма или предыдущие, повторяю две просьбы:

Дать Екатерине Оттовне Сорокиной¹⁰ Лесной Старопарголовский, 32, кв.3, мои книги почитать (Огонь¹¹, Кануны и др.). Там же посмотреть на мою дочку Ирину и написать подробно, какая она теперь?

Найти поэтессу Елизавету Полонскую. Сказать ей, что книгу получил¹². Хочу ей написать, не знаю адреса.

Теперь я знаю, кто издательница, – Лиза Шлюмэр!¹³ Горячий привет ей. Жду «Раздумий». Скажите ей, что если захочет, может мое что угодно перепечатывать. Скоро (дня через три) выйдут здесь мои «Опустошающая любовь» и «Портреты русских поэтов»¹⁴. Тогда pošлю. Объявление ее напечатаю в газете.

Мне жалко, что в «Книге» о Вас пишет Пильняк¹⁵. Во-первых, потому что пишет о себе, а не о Вас (единств<енное> верное – «Розанов»¹⁶ – чужое). Во-вторых, п<отому> ч<то> я не могу писать¹⁷. Зато напишу о «Барабане». Он мне ближе. Его физиологичность бес покойней. А чудно – дальше всего «Явь» – это уже не мое и еще не мое¹⁸. Сейчас я (по спирали) на другом конце. Приду.

Еще? Много трудного. И во внешнем (травят здесь, страшно за то, что там, и вообще гадко) и во внутреннем. Но сейчас весна. Я ходил по улицам все утро – посылал посылку и пр. Заметил почки зеленые. Девочки играли в странную чужую игру – так мы не играли, но смеялись. Зашел в кафе. Пусто. Пишу Вам письмо. В другом углу парочка влюбленных. И зачем писать нам стихи, когда все уже написано! Помните Тютчевское: «...каким бы строгим испытаниям вы б ни были подчинены, что устоит перед дыханьем и первой встречей весны?...»¹⁹

До свидания, милая! Дышите хорошо и крепитесь. Очень жду Ваших писем.

Ваш

Эренбург

(Л.5)

¹ У М.М.Шкапской тогда было 2 сына – Валерий (род. в 1917) и Артемий (род. в 1919); в 1927 у нее родилась дочь Светлана.

² Имеется в виду А.Г.Левенсон, глава берлинского издательства «Огоньки».

³ Такой же размер гонорара у Левенсона называл в письме Шкапской и Пильняк. Судя по письмам к Шкапской, ощущается некоторая «конкуренция» в части устройства книги Шкапской в Берлине между жившим там Эренбургом и приехавшим «в гости» Пильняком. Помощь Шкапской Эренбурга была, как видно из письма, действенной.

⁴ American Relief Administration (Американская администрация помощи) в 1919–1923 оказывала помощь европейским странам, пострадавшим в Первой мировой войне; с 1921 (после голода в Поволжье) деятельность АРА была разрешена в Советской России.

⁵ В архиве Шкапской сохранилось письмо берлинского Акционерного общества «Оскар Скаллер» от 18 мая 1922, извещающее, что «по поручению Эренбурга 1 дня Апреля 1922 г. Вам отправлена Домашняя аптечка за №35» (РГАЛИ Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.562).

⁶ Имеются в виду питерские альманахи, издававшиеся в 1921.

⁷ Речь идет о материале В.Б.Шкловского для третьего номера «Вещи» (в №1-2, вышедшем из печати 2 апреля 1922, было перепечатано с исправлением из питерского журнала «Книжный угол» его «Письмо к Роману Якобсону»); в №3 материал Шкловского не появился (скорей всего, не был прислан).

⁸ №3 вышел 1 июня 1922.

⁹ После выпуска в Берлине антологии «Поэзия революционной Москвы», составленного, главным образом, из стихов, привезенных Эренбургом из Москвы (в предисловии Эренбург писал: «Творчество поэтов петербургских, благодаря бедности материала, представлено случайными и скудными образцами»), Эренбург решил издать отдельным сборником стихи петроградских поэтов; замысел не осуществился.

¹⁰ Е.О.Сорокина (урожд. Шмидт; 1889–1977) – первая жена Эренбурга, ушедшая от него в Париже в 1913 к его другу искусствоведу Т.И.Сорокину (1879–1959).

¹¹ Сборник Эренбурга «Огонь» вышел в Гомеле в 1919, значительная часть его тиража оказалась в Петрограде.

¹² Свою первую книгу «Знаменья» (Пб., 1921) Е.Г.Полонская послала Эренбургу в Берлин 4 февраля 1922. Это положило начало их переписке, продолжавшейся до смерти Эренбурга (см.: Письма Эренбурга Полонской. №1. С.284-330; №2. С.231-290).

¹³ Узнав от Шкапской, что книгу его стихов «Раздумия» готовит издательство «Неопалимая купина», Эренбург только теперь выяснил, что издательство возглавляет Елизавета Лазаревна Овсянникова, которую под фамилией Шлюмэр он знал еще в Париже в 1910-е (подробнее о ней см.: *Полов В.В.* Петербургские пути Ильи Эренбурга // *Russian Studies.* 1996. Т.2, №3. С.454-456).

¹⁴ *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. Берлин: Книгоиздательство «Аргонавты», 1922. Книга включала эренбурговские «портреты» 14-ти поэтов современной России, каждый из которых сопровождался публикацией нескольких стихотворений, отобранных Эренбургом. Переиздана в Москве в 1923 без публикации стихов; по этому изданию воспроизведена в 1998 в СПб.

¹⁵ Рецензию Б.А.Пильняка на петроградское издание книги Шкапской «Mater Dolorosa» см.: Новая русская книга (Берлин). 1922. №3. С.7-8.

¹⁶ Имеется в виду цитата из В.В.Розанова в рецензии Пильняка.

¹⁷ «Новая русская книга» – единственное берлинское издание, в котором тогда печатался Эренбург.

¹⁸ В длинном стихотворении (маленькой поэме) Шкапской «Явь» о зверствах периода Гражданской войны в России отчетливо влияние «Молитвы о России», хотя оно и менее расхристанно, нежели эренбургские молитвы; но к тому времени Эренбург уже ушел от этих стихов (тогда – к стиху классическому) и больше к такой поэзии не возвращался.

¹⁹ Из стихотворения Ф.И.Тютчева «Весна» (1830-е).

7

29.3 <1922>

Дорогая Мария Михайловна,

после довольно долгого перерыва – Ваше письмо от 20.III. Не знаю, получили ли Вы мои – одно послал в конце февраля, два в марте. – Сильно тревожусь за Ваше здоровье. Хочу верить, что доктор Вас пугает. Главное – Вам необходимо передохнуть и пожить в хороших условиях – осуществимо ли это? Напишите мне больше о себе. Берегите себя! Не сердитесь за прившееся – говорю Вам это по праву давней дружбы и любви.

Ваша книга набирается. Выйдет в конце апреля. Посылаю Вам объявление¹. Ужасно обидно, что до Вас не дошли мои книги. Делаю еще попытку – вышлю сегодня по почте «Хуренито» – это самое важное. Кроме того, Вам из склада вышлют завтра две мои книги, к<о>т<о>р<ы>е> только что вышли: «Опустошающая любовь» и «Портреты русских поэтов». Надеюсь, что дойдет до Вас это, а также посланы в Москву рассказы, «А все-таки» и Хуренито. Мне кажется, что когда вы прочтете Хуренито, Вы во второй раз познакомитесь со мной. В понимании этой книги три ступени – кретины видят философию нигилизма и негодуют, «средняки» – решают, что это сатира, и смеются, а немногие... вот сие не умею определить, должное понимание. Знаю, что это и то и другое и еще всякое.

Елиз<авете> Лаз<аревне>² передайте объявление – оно было напечатано несколько раз. Очень буду рад получить книги, о к<о>т<о>р<ых> Вы пишете (а посланные Вами в феврале получил – писал, благодарил). Любопытно будет взглянуть на питерское изд<ание> «Раздумий»³. Да, не выдумывайте, никаких вещей мне не покупайте⁴. Вы ведь знаете, что деньги у меня теперь имеются, приеду с вещами. Тратьте, как знаете, иначе буду очень сердиться. Покупать что-то в Питере для заграничного человека – это нетоварищески!

Мне понравились стихи Полонской⁵ – те, где о наших днях (пафос оскудения). О любви и иудейские – нет. Понравилось еще стихотворение Зоргенфрея во 2 № «Дома Искусств» – «...прикреплялись, гражданин...»⁶.

Пильняк мне не «чужд», не «далек», а просто неинтересен⁷. Он здесь вел себя очень нехорошо⁸. Писать об этом не следует, да и скучно. Когда дойдет до Вас Хуренито – Вы найдете там собирательного Алексея Спир<идоновича> – это его двойник⁹. Как писатель много лучше, хотя сырье и копирование порой Белого и Ремизова.¹⁰

О «Барабане» напишу в «Книге» обязательно, я не уступлю никому¹¹. – «Вещь» выйдет на днях – вышлю Вам. – Очень рад, что Екат<ерина> Отт<овна> понравилась Вам. Она – удивительная! Какие мои книги были у нее? Если сможете ей быть в чем-либо полезной, меня страшно обрадуете. Постарайтесь взглянуть на Иринку¹², – какая она? Вчера от нее получил довольно большое письмо. –

Напишите мне, дошла ли до Вас АРА и фармацевтическая посылка. На днях pošлю шоколад. Напишите мне, пожалуйста, что Вам нужно. М<ожет> б<ыть>, что-либо для ребят? Теперь иногда можно посылать «образцы без цены» до 1 ф<унта> весом просто. Дочка получила так краски. –

Люба все собирается Вам написать; но лень... Сейчас, впрочем, она начала работать. В мае ее выставка в «Sturm»¹³. – Вот Вам все «внешнее». О себе не знаю, что сказать. Много работаю. По вечерам пью кирш. Сплю мало. Но мир как-то не замечаю: почти ощущение какой-то беременности. Вероятно, к<акой>-н<ибудь> ерундой.

Нежно целую Ваши руки! Пишите!

Ваш

Эренбург

(Л.6)

¹ Устроенное Эренбургом по просьбе Е.Л.Овсянниковой в берлинской печати объявление (возможно, розыск каких-либо знакомых или связанное с деятельностью издательства «Неопалимая купина»).

² Е.Л.Овсянникова.

³ Книжка вышла тиражом 2000 экз. в шрифтовой обложке работы А.И.Божеянова; в 50 нумерованных экз. был вклеен листок с гравюрой Божеянова.

⁴ На гонорар от издания «Раздумий».

⁵ Речь идет о книге «Знаменья»; Эренбург написал рецензию одновременно на две петроградские книги: «Знаменья» Полонской и «Двор чудес» Одоевцевой. См.: Новая русская книга. 1922. №3.

⁶ Это стихотворение В.А.Зоргенфрея «Над Невою», передающее картину быта донэповской Советской России, Эренбург процитировал и во второй книге мемуаров «Люди, годы, жизнь» (Эренбург И. Собр. соч.: В 8 т. Т.7. М., 2000. С.131).

⁷ Шкапская поддерживала дружеские отношения и с Эренбургом, и с Пильняком («Ему многое простится за то, что возлюбил много, – грешный, но такой родной русскому сердцу Борис Пильняк», – писала она в неопубликованном отчете о литературном вечере Пильняка в Питере 15 января 1922. – РО ИРЛИ Ф.98. Оп.1. №160). Закавыченные в тексте письма Эренбурга слова – цитата из письма Шкапской.

⁸ Через год, 20 июня 1923, Лев Лунц писал в Питер «Серапионам» о тогдашнем приезде Пильняка в Берлин: «Пильняка в Берлине собираются бить кучи людей. Все его ненавидят» (Из далеких двадцатых... С.240). Об этом же писала Пильняку, вернувшись в 1923 из Берлина, Шкапская: «Не знаю почему – но очень многие, почти все там (в Берлине) – в обиде на Вас, – что Вы им там сделали и чем насадили, голубчик?» (*Пильняк Б.* «Мне выпала горькая слава»... С.211).

⁹ Роман был написан и издан до знакомства Эренбурга с Пильняком.

¹⁰ Любопытна параллельная и противоположная оценка Эренбурга Пильняком в его письме Шкапской от 10 апреля 1922: «...человек Эренбург хороший, а литератора (собственно писателя, художника) – такого вообще нет» (*Пильняк Б.* «Мне выпала горькая слава»... С.158).

¹¹ Замысел осуществлен не был.

¹² Дочь писателя Ирина Ильинична Эренбург (тогда Сорокина; 1911–1997) жила в Петрограде вместе с матерью Е.О.Шмидт (Сорокиной) и отчимом Т.И.Сорокиным; только в 1924 Эренбургу удалось (с помощью своего друга гимназических лет Н.И.Бухарина) документально закрепить свое отцовство и, с согласия матери, увезти дочь в Париж – учиться.

¹³ Выставка гуашей Л.М.Козинцевой-Эренбург (совместно с работами немецкого экспрессиониста Курта Швиттерса) открылась 10 мая 1922 в галерее общества «Штурм» (Берлин. Потсдаммер-штрассе, 134а). «Рядом с немецким экспрессионизмом мои вещи имели тихий, чистоплотный вид. В газетах хвалили», – сообщала Козинцева о выставке в Москву А.М.Родченко (*Родченко А.М.* Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма. М., 1982. С.117).

8

24.IV <1922>

Дорогая Мария Михайловна,

я встревожен Вашим молчанием! Привык к радости получать Ваши письма и теперь не знаю, что придумать. Уж не больны ли Вы? Ваше последнее письмо было страшно мрачным. Обязательно напишите, хоть пару слов, успокойте.

У меня ничего нового. Вчера закончил наконец новую книгу рассказов: «6 повестей о легких концах». Во всяком случае – хорошо или плохо – значительно лучше летошних «Неправдоподобных историй». Получили ли Вы все мои книги? (Посылал Вам несколько раз почтой.) Печатание Вашей книги «Барабан» – немного задержалось – искали подходящую бумагу. Теперь нашли и как будто она должна быть готова в первых числах мая. Я Вам выслал 3-го марта

10 долл<аровую> посылку через АРА и другую с медикаментами. Дошли ли уже?

«Вещь» Вам выслана. Вышли ли мои «Раздумья»?

Родная, не забывайте меня и пишите. Нежно целую Вашу руку.

И.Эренбург

Привет горячий от Любви Михайловны!

(Л.25)

9

5.5<1922>

Дорогая Мария Михайловна,

Вы очень меня разволновали долгим молчанием после очень мрачного письма. Наконец – вчера порадовался, узнав, что Ваше здоровье лучше и настроение тоже как будто.

Сопоставляя «Хуренисто» и стихи, укажу, что первый в неск<ольких> планах, вторые всегда солисты (иначе и быть не может). Хуренито мне дорог потому, что никто (даже я сам) не знает, где кончается его улыбка и начинается пафос. Об этом пишут, спорят и пр. Одни – сатира, другие – философия etc. В нем я более чем где-либо правдив, без обязательств хоть к<акой>-н<ибудь> хоть иллюзорной цельности. Популярность – неважна (хотя мне было и занятно узнать, что, при всей остроте и актуальности, он очень понравился Ленину¹ и Гессену²). Занимательность – находка. Это европейская проза³. Ну, будет мне расхваливать свой товар. Лучше Вы напишите еще и подробнее о нем и о других книгах. Вам были посланы еще две мои книги «Портреты русск<их> поэтов» и «Опустошающая любовь», также №1-2 «Вещь» (вокруг последней здесь в прессе сплошной скандал⁴. Кстати, если в Петр<оградских> изд<аниях> будет что-либо забавное о «Вещи» или о моих книгах – сообщите или пришлите).

Вчера отправил Вам №3 «Нов<ой> Русской Книги», где рецензия Пильняка о «Mater Dolorosa». Кстати о посылках. Выслано Вам 7.3 АРА, 7.3 медикаменты <так!>, 19.4. и 3.5 шоколад. Духи переслать можно только с оказией – когда будет, обязательно сделаю (слабость – понимаю – почти разделяю). Вещи же вышло на днях. Гонорар мой тратьте всю (на плитку шоколада хватит?). Очень обидно, что до сих пор не получил моих «Раздумий». –

Ваш «Барабан» несколько задержался из-за бумаги, но выйдет в течение этого месяца. Тогда вышло Вам 20 экз<емпляров>. О других книгах так – рукописей я до сих пор не получил. Сборник «Бр<атьев> Серап<ионов>»⁵ можно продать немедленно по 2000 за лист (40 т<ысяч> букв). Сборник стихов – общий – также нетрудно продать. Труднее с отдельн<ыми> книгами молодых поэтов. Во-

первых, здесь поступили в продажу петербургские издания. Во-вторых... стихи! Ненапечатанные отдельные стихи можно пристроить в журналах (Вещь, Эпопея⁶ и др.). Во всяком случае, сделаю все от себя зависящее. Гонорар, думаю, лучше всего выслать посылками АРА, мелкий Нансеновскими⁷ (2½ долл<ара>). Итак, жду рукописей и книг. Пришлите Ваши новые стихи для журналов. Вот и все дела.

Вы спрашиваете меня о Пильн<яке> и др. Вы правы в догадках. То есть о нем лично я Вам писал – он мне очень не понравился. Вел себя во всех отношениях неблагоприятно, каялся и пр. Напоминал сильно Алексея Спиридоновича⁸. С А<лексеем> М<ихайловичем Ремизовым> и Б<орисом> Н<иколаевичем Бугаевым> сложнее. Официально отношения хорошие. Внутри, с их стороны, неприязнь. Причины? Первая и главная та же, что у Дома Литераторов. Далее, отмеченное Вами мое умение резкостью отчуждать. Еще – Хуренито, А все-таки, Вещь и пр. – чужое, непонятное. Думаю, что считают лицемером и подлецом. Я к ним отношусь хорошо (никогда не строю моего отношения на отношении ко мне⁹). Но от злобы устал – старость. Еще прибавился Кусиков (стойло-пегасовская армейщина)¹⁰. Тьфу! Люблю (лично) Пастернака и Цветаеву. Глубоко ценю Маяковского (тоже лично). Мария Михайловна, Вас очень нежно люблю и помню. Нашей дружбе радуюсь. Пишите чаще. Целую руки.

Ваш

Эренбург

Люб<овь> Мих<айловна> шлет привет. Открылась выставка ее работ в Sturm'e.

(Л.10-11)

¹ Известный отзыв Ленина о первом романе Эренбурга был опубликован Н.К.Крупской в 1926. Здесь Эренбург имеет в виду отзыв, сообщенный ему Н.И.Бухариным (автором предисловия к московскому изданию романа) во время их встречи в Берлине в апреле 1922.

² Иосиф Владимирович Гессен (1866–1943) – адвокат и публицист, один из лидеров кадетской партии, редактор газеты «Речь» (СПб.); в эмиграции редактор берлинской газеты «Руль» и многолетнего «Архива русской революции» (Берлин; 1921–1929). Печатный отклик Гессена на роман Эренбурга не обнаружен; возможно, речь идет об отклике устном.

³ Такой же точки зрения на «Хуренито» придерживался и Е.И.Замятин: Эренбург «уже не русский писатель, а европейский, и именно потому – один из современных русских» (Замятин Е. Эренбург // Россия. 1923. №8. С.28; см. также републикацию: Новое литературное обозрение. 1996. №19. С.169).

⁴ Имеется в виду отчет о скандальном диспуте, посвященном «Вещи», в берлинском Доме искусств 28 апреля 1922, опубликованный 30 апреля в «Накануне». Об этом же скандале Эренбург сообщил 3 мая 1922 в Париж польской поэтессе Г.Издебской, прося сообщить о реакции на журнал в русском Париже (см.: Russian Studies. 2000. Т.3, №3. С.245-246).

⁵ Речь идет о попытке переиздать в Берлине сборник семи рассказов семи прозаиков из числа группы «Серапионовы братья»: Серапионовы Братья: Альманах первый. Петербург: Алконост, 1921. Берлинское издание, несколько отличающееся по составу от петроградского, было осуществлено в 1922.

⁶ «Эпопея» – журнал Андрея Белого (1922–1923, Берлин. №1–4).

⁷ Так назывались посылки, организованные Ф.Нансеном под эгидой Лиги Наций в помощь голодающим России.

⁸ Алексей Спиридонович Тишин – персонаж романа Эренбурга «Хулио Хуренито», в каком-то смысле предтеча Васисуалия Лоханкина у Ильфа и Петрова.

⁹ Это свойство Эренбурга сохранилось у него до конца жизни: его суждения о тех, кого он считал большими писателями, не зависело от их отношения к нему лично (таковы его высказывания о Цветаевой, Пастернаке, Ахматовой, Гроссмане, отношения с которыми не были равными; так и о Пильняке в мемуарах «Люди, годы, жизнь» написано в высшей степени корректно).

¹⁰ Александр Борисович Кусиков (1896–1977) – поэт-имажинист из окружения Есенина. Эренбург познакомился с ним в московском литературно-поэтическом кафе «Стойло Пегаса», затем встречался в Берлине.

10

Берлин
14.5.1922 г.

Дорогая Мария Михайловна,

писал Вам 4.5. Сейчас сообщаю гл<авным> обр<азом> о делах. Вот новости.

Альманах Серапионовых Братьев я получил и продал за 15 т<ысяч>. Высылаю посылку через АРА в 50 долл<аров>.

Больше ничего не получил. Сборник стихов петерб<ургских> поэтов не получил. Жду.

Изд<ательство> «Мысль», – там, где вышли «Кануны», – издают, правда, гнусно – хочет издать книжку Овсянникова «Последние дни»¹ – но я ее до сих пор не получил. Срочно пришлите. За нее надеюсь получить тысяч восемь. Также АРА?

Voilà. «Раздумий» моих я также не получил.

Вы получили 1) АРА? 2) Посылку с медикаментами, 3) шоколад, 4) «Нов<ую> Русск<ую> Книгу» №3, 5) «Опустошающую любовь» и «Портреты русских поэтов»? 6) «Вещь». Я не знаю также, читали ли Вы «Неправд<оподобные> истории».

Напишите откровенно, что думаете о моих новых стихах. – У меня все по-старому. Прилетел на аэроплане Есенин с Дункан². Произвел большой «бум». Если б не возраст³ (см. «Суждения Учителя о земной любви»⁴), все было бы великолепно.

Скоро выходит Ваш «Барабан».

Мне обидно, что здесь бойкотируют «Хуренито» – всячески замалчивают⁵. Если бы это был «вечный мрамор», я бы не тревожился. Но это – сегодня о сегодня. Пожалуйста, пропагандируйте Учителя. Нельзя ли о нем где-нибудь написать в питерских изданиях? Дайте его почитать писателям, в частности Серапион<овым> Бр<атьям>⁶. У них больше всех мне понравился рассказ Слонимского⁷. «Дэзи» Никитина⁸ очень хорошо задумана, но скверно сделана.

Весь с вами.

Ваш

Эренбург

Пишите часто!

(Л.12-12а). На бланке журнала «Вещь».

¹ Речь идет о книге мужа Е.Л.Овсянниковой прозаика А.А.Ольшевского (1878–1951), публиковавшегося под псевдонимом А.А.Овсянников: «Последнее лето Людовика XVI по песням великой революции» (Пб., 1921). (В дальнейших письмах Эренбург называет автора этой книги то Овсянниковым, то Ольшевским.) В 1922 в журнале «Книга и революция» Ольшевский (под своей фамилией) напечатал статью «О последних произведениях И.Эренбурга», в которой приходил к выводу, что «интереса и значительно-сти их отрицать нельзя».

² 10 мая 1922 Есенин вместе с Айседорой Дункан (их брак зарегистрирован в Москве 2 мая 1922) прилетели из Москвы в Кенигсберг, откуда поездом 11 мая прибыли в Берлин (см.: Белоусов В. Сергей Есенин. Ч.2. М., 1970. С.44-45). Подробнее об этом Эренбург писал Г.Издебской в Париж: «Прилетел Есенин с Дункан (в России прозвана “Дунька-коммунистка”). Изумительный roman d’aventure <приключенческий роман (франц.)>. Лучше Стивенсона (15 лет тому назад он пас коров). Едет с ней в Америку – ангажмент ему 5000 дол<ларов> в месяц. Объясняются друг с другом жестами» (Russian Studies. 2000. Т.3, №3. С.246).

³ А.Дункан была на 17 лет старше Есенина.

⁴ 6-я глава из романа «Хулио Хуренито»: «Различные суждения Учителя о любви».

⁵ В Берлине на роман «Хулио Хуренито» в 1922 было напечатано три рецензии: положительная – А.Вольского (Накануне. 1 апреля), отрицательная – В.Амфитеатрова-Кадашева (Веретено. Кн.1) и нейтральная, ближе к положительной, – А.Яценко (Новая русская книга. №3).

⁶ В 1923 в альманахе «Город» была напечатана рецензия на «Хулио Хуренито» «Серапиона» Льва Лунца.

⁷ Имеются в виду рассказы из альманаха «Серапионовы братья»; рассказ М.Слонимского «Дикий» содержанием и формой напоминает прозу Бабеля, однако Бабель такие рассказы начал писать лишь через несколько лет.

⁸ Рассказ Никитина, опубликованный в петроградском издании альманаха «Серапионовы братья» (1922).

Дорогая Мария Михайловна,

После всего я также вздумал расхвораться и пишу Вам валяясь, посему кратко и о делах:

«Барабан» наконец-то отпечатан, брошюруется. Как только будет готов – вышлю¹.

Сало² (entre nous³) – я. (Неужели Вы думали, что кто-нибудь другой может избрать себе подобную фамилию?)

Прошу либо написать где-нибудь о «Хуренито», либо одолжить его кому-нибудь, кто сие сделает. Не думайте – тщеславие. Эта книга – для совр<еменной> России, и как раз там ее не знают. Пусть услышат хоть по отзывам.

Если видели Иринку, напишите, какая она? Поругайте при встрече Екат<ерину> Отт<овну>, Тихона Ив<ановича>⁴ и Ирину за то, что так редко пишут.

Пришлите мне как-нибудь экземпляр моих «Раздумий», я их так и не видел.

Дайте Замятину на прочтение «Хуренито» и «Неправдоподобные истории» – я его ценю как прозаика (лучше Пильняка много. Единственный европеец!).

Запретите Пильняку хвалить меня и вообще произносить мое имя.

Сераф<има> Павл<овна>⁵ действительно при встрече на днях была со мной ласкова и звала к себе. Я не пошел, п<отому> ч<то> вообще никуда не хожу (страшусь), а тем паче туда (1000 пудовый). Она очень славная.

Я выслал Братьям Серап<ионовым> 50 долларную <так!> посылку АРА за сборник, который здесь продал (15000). Жду для продажи книгу Овсянникова и др., сборник петербургских поэтов и пр.

Скоро уезжаю к морю – отдохнуть. Искренне заработался. Вы пишите на прежний адрес.

У меня теперь гостя Мар<ина> Цветаева⁶.

Болит голова (небольшой жар).

Пишите!

На этой милой цифре кончаю. Нежно целую Вашу руку.

Ваш

Эренбург

(Л.13)

¹ 24 июня 1922 владелец «Огоньков» А.Г.Левенсон писал Шкапской: «Сегодня в нашем издательстве вышла из печати Ваша книга “Барабан старого господина”. 25 австрийских экземпляров я Вам высылаю почтой... Я уверен в большом успехе Вашей книжки и охотно бы подумал о других изданиях Ваших вещей. Не откажите в любезности сообщить о том, имеете ли Вы что-нибудь для печати и согласны ли снова поручить издание Ваших

книг «Огонькам»» (РГАЛИ Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.563). Но следующая (и последняя) берлинская книга Шкапской вышла в издательстве «Эпоха».

² Жан Сало – псевдоним, под которым Эренбург напечатал в №1-2 «Вещи» свою статью «Русская поэзия».

³ Между нами (франц.)

⁴ Е.О.Шмидт-Сорокина и Т.И.Сорокин.

⁵ С.П.Довгелло-Ремизова (1876–1943) – переводчица, жена А.М.Ремизова.

⁶ М.И.Цветаева с дочерью приехала в Берлин 15 мая 1922, они временно остановились у Эренбурга; он писал Г.Издебской в тот же день: «Приехала Марина Цветаева с дочкой. Живут у нас. Толкотня. Гам. Рассказы. Стихи» (Russian Studies. 2000. Т.3, №3. С.246).

12

11.6 <1922>

Villa Algiz, Strandpromenade
Binz a Rugen

Дорогая Мария Михайловна,

отвечаю Вам уже из иных мест¹. Сажу на острове, к<о>т<о>-р<ый>, увы, чрезвычайно обитаем. Собираюсь отдыхать и пр. (действительно, сильно всячески износился).

Все, что Вы пишете о «Хуренито», меня очень радует. Но, пожалуйста, как только появится ч<то>-л<ибо> о нем – пришлите. В Берлин ничего не доходит. Так пришлите и «Лит<ературные> Зап<иски>», где ругают мои «Неправ<доподобные> Ист<ории>»², – я их не читал.

Книг еще не получил. Жду очень. Как только получу Ольшевского, а м<ожет> б<ыть> и другие, пристрою.

Скажите:

М.Шагинян, что ее хочет издавать «Геликон» (желательно проза и ненапечатанная, т. е. не вышедшая отдельной книгой).

«Брат<ьям> Серапионовым», что «Геликон» хочет приобрести их ненапечатанные вещи.

Поэтам – сборника не получил.

Ваш «Барабан» выходит в течение ближайшей недели.

Меня оч<ень> интересует мнение Замятина о «Хуренито».

Получили ли Вы, наконец, шоколад (2 раза) и медикаменты? «Сер<апионовым> Бр<атьям>» кроме 50 д<олларовой> посылки? АРА я выслал остаток (300 м<арок>) шоколад.

Ваш рассказ пришлите – попытаюсь его пристроить (прозу много легче, чем стихи). Если б написали книжку о совр<еменных> частушках³ – с материалом листа в 2–3, легко бы продал ее за 8–10 т<ысяч> марок<.>

Я послал Вам № 4 «Книги» – там найдете мою «Автобиографию».

Вот как будто все достоверности. Вокруг: немецкий курорт, море, главным образом как понятие (нечто вроде бобового кофея, который пьет теперь вся Германия, не моргая глазом, – гордо его именуют «мокка»). В Берлине шип братьев-писателей (накануновцы не хотят мне простить отказа писать у них, но что делать? – я слишком лев для них) и пр. Внутри некоторый феномен усталости, *quand-même*⁴ клубок страстей (нечто вроде «комка у горла»), отчаянное желание писать с десятков больших романов, отвращение к письменным принадлежностям и пр.

Как Ваше здоровье? Оч<ень> хочется, чтобы Вы за лето оправились! Видите ли Вы Ек<атерину> Отт<овну>? Узрели ли наконец Ирину? Ежели да, не забудьте мне всячески описать свои от нее впечатления!

Пишите! От Люб<ови> М<ихайловны> – привет.
Нежно целую Ваши руки.

Ваш Эренбург

(Л.34)

¹ 5–6 июня И.Г. и Л.М. Эренбурги выехали из Берлина – два летних месяца они провели в местечке Бинц на острове Рюген в Балтийском море.

² В №1 «Литературных записок» (1922) была напечатана рецензия, подписанная литерой «Г» (видимо, А.Г.Горнфельд или П.Губер), на книгу Эренбурга «Неправдоподобные истории». Рецензия острая, но в полном смысле ругательной ее назвать нельзя. См., например: «Атмосфера безумия есть основное настроение всех рассказов, но безумие это не страшно: оно так тесно сплетено с благодушнейшим легкомыслием, в тоне которого мы узнаем обо всех ужасах, что едва ли кому-либо придет в голову взывать к равнодушным небесам по поводу трагических фарсов, весело рассказанных талантливым поэтом».

³ В архиве Дома литераторов хранится рукопись статьи Шкапской «Германская война в частушке», датированная 10 января 1922, объемом 9 машинописных страниц (РО ИРЛИ. Ф.98. Оп.1. №159).

⁴ Все-таки (франц.).

13

14.<V>I¹ < 1922>
Villa Giz, Binz a Rügen

Дорогая Мария Михайловна,

на днях послал вам письмо обстоятельное. Сейчас получил Ваше через Алекс<ея> Мих<айловича>² – более старое. Спасибо за все, что пишете об Ирине. Даже печальное – крепко радует. Нет ли у Вас <какого>-л<ибо> знака с аппаратом сфотографировать ее?

Я не получил до сих пор сборника поэтов и поэтомя ничего с ним предпринять не мог.

Также не получил книг: ни «Раздумий», ни Ольшевского (для перевода), ни др. – ? –

Очень> хотел бы, чтобы вы мне прислали «Литер<атурные> Зап<иски>»³ и все, что будет обо мне.

Видали ли «Р<усскую> Кн<игу>» №4?

С Вами

Эренбург

(Л. 22)

¹ В дате письма описка: имеется в виду июнь, а не январь (установлено по содержанию).

² А.М.Ремизов (видимо, письмо М.М.Шкапской в Берлин было послано с оказией).

³ Речь идет о №1 «Литературных записок» с краткой рецензией на «Неправдоподобные истории» Эренбурга (после выхода №3 с автобиографиями «Серapiоновых братьев» журнал был запрещен).

14

17.6 <1922>

Дорогая Мар<ия> Мих<айловна>,

Письмо Ваше получил. Все, о чем просите, – сделаю. Книги жду. Что касается «Хуренито», отсюда не могу послать. Но не зная, что Полонская получила 1-ый экз<емпляр>, я перед отъездом послал ей еще один.

Пишите. Спасибо за всю ласку.

Ваш Эренбург

(Л.14)

15

23.6 <1922>

Дорогая Мария Мих<айловна>,

посылаю Вам старое письмо, зря летавшее в Москву по случаю жары и моего рассеянного воображения.

Теперь актуальная сторона большинства вопросов устарела.

Вчера послал Вам воздушной почтой, и как будто в Петроград, письмо¹. Касательно списка опечаток в «Раздумьях». Очень важно!

Нежно Ваш

Эренбург

(Л.15)

¹ В архиве Шкапской не сохранилось; видимо, было передано в издательство «Неопалимая купина».

16

4.7 <1922>

Дорогая Мария Михайловна,

Сегодня получил книги. Большое спасибо. Книги Зоргенфрея, Иванова, Одоевцевой¹ знал уже. О последней писал в «Книге»². У

Зоргенф<рея> очень хорошо стихотв<орение> о чорте. Иванов – редко скучен и пошл. Верховский скучен, но благороден³. «Утренники»⁴ – крайняя пошлость, в особенности все рецензии. Авторы отзывов о Цветаевой и Белом я бы с наслаждением избил бы⁵. Т. к. на расстоянии этого сделать нельзя, то я ограничиваюсь статьей о хамстве критиков, которую послал уже Яценке⁶. Что касается отзывов обо мне, то они в порядке вещей⁷. Конечно, «Аверченко» (представляю, что они скажут о «Трубках», где чистый буфф, безо всяких идей⁸). Конечно, «жаль Эр<енбурга>» (вы слышите – я плачу, расстроганный). Был такой милый, откровенный, перед всеми сподники скидывал и душу вытаскивал и вдруг – дверь заперта, ничего нельзя понять. Если Вы знаете этих дядей лично, скажите, что подобные казусы бывают – плакаться нечего, сподников на свете много помимо моих, а в запертые двери приличным людям нечего зря ломиться. Все равно ничего не поймут. А между нами, все же хорошо, что я пишу теперь не «Огонь» для Алекс<ея> Спирид<оновича>, а «Опустош<ающую> Любовь».

Ну, довольно о дряни!

Получил также статью Шагинян о «Хуренито»⁹. Не только лестно, но и умно. «Дневник» еще не прочел¹⁰. О «Веч<ернем> ч<асе>»¹¹ говорить не буду – Вы ведь сами считаете его слабой книгой – многие стихи помню еще с парижских времен.

Недавно имел большую радость, получил «Сестру мою жизнь» Пастернака. Наконец-то выпустил Гржебин¹². Удивительные стихи!

Что Вы делаете? Как сестрорецкие намерения¹³? Здоровье? Пишете ли? Видитесь ли с Екатериной Отговной?

Я только вчера закончил новую книгу рассказов «13 трубок» – чистый кинематограф.

Викт<ора> Бор<исовича>¹³ все еще нет в Берлине. Я же скоро буду неск<олько> дней в Берлине. Здесь остров и все прочее.

Получили ли №3 «Вещи» и «Книгу»? Наконец – лекарства? Еще – какао? Вышло мое «Золот<ое> сердце» (вещь старая)¹⁴, не высылаю, жду «б повестей».

Пожалуйста, благодетельница моя, присылайте все, что интересного у вас будет. А уж непременно – где обо мне – «Хуренито» и вообще. А еще – пишите почаще.

Дали ли Вы список опечаток?

Получили ли Вы «Барабан»? Бумага хорошая. Но обложка и шрифт неудачны (на мой вкус!). Это – Ваша переходная книга. Что пишете теперь? Пришлите. Пишите.

Нежно с Вами

Эренбург

¹ Зоргенфрей В. Страстная суббота. Пг.: Время, 1922; Иванов Г. Лампада. Пг., 1922.; Одоевцева И. Двор чудес. Пг., 1922.

² Рецензию на «Двор чудес» и «Знаменья» Е.Полонской см.: Новая русская книга. 1922. №3.

³ Верховский Ю. Солнце в заточении. Пг.: Мысль, 1922.

⁴ Речь идет о №2 за 1922 петроградского журнала «Утренники» (редактор Д.А.Лутохин); журнал выходил при ближайшем участии, в частности, Б.А.Пильняка и М.М.Шкапской. Пильняк писал Лутохину 3 мая 1922: «В Ваших “Утренниках” напечататься буду очень рад» (Пильняк Б. «Мне выпала горькая слава»... С.168).

⁵ В статье «О некоторых критиках» Эренбург приводил взбесившие его высказывания «Утренников» о Цветаевой («Образце редкого поэтического убожества и безвкусицы») и Белом («Удручающее впечатление старческого распыления»). В разносной анонимной рецензии на книгу Цветаевой «Версты» подчеркивалось: «Очень слабый сборник, и потому посвящение “Анне Ахматовой” звучит оскорбительно». Рецензия на «Час вечерний» Шкапской была, напротив, комплиментарной; в рецензии на «Бренные слова» В.Инбер подчеркивалось: «В них нет силы и глубины, какой достигают, например, Ахматова, Шкапская».

⁶ Александр Семенович Ященко (1877–1934) – юрист, редактор журнала «Новая русская книга». Речь идет о статье Эренбурга «О некоторых критиках», напечатанной в №6 этого журнала за 1922.

⁷ Во второй книге «Утренников» была помещена анонимная рецензия на «Опустошающую любовь», начинавшаяся вздохом: «Что-то случилось с Эренбургом. <...> Прежние книги Эренбурга – ранили, волновали, – эта оставляет абсолютно спокойным, – писал рецензент. – Не “Опустошающая любовь”, а “Опустошенная душа”, так хочется назвать ее»; рецензия заканчивалась так: «Разочарование, принесенное сборником, особенно грустно для тех, кто привык любить Эренбурга и радостно встречать его новые книги». Возможно, автором ее был Д.А.Лутохин, чье имя названо в списке авторов отдела рецензий, но отсутствует в подписях под ними.

⁸ Имеется в виду книга «13 трубок», которую Эренбург задумал и написал на острове Рюген.

⁹ Шагинян М. Роман Ильи Эренбурга // Литературная неделя (Приложение к «Петроградской правде»). 1922. №4, 11 июня (вошло в кн.: Шагинян М. Литературный дневник. Статьи 1921–1923 гг. 2-е изд., доп. М.; Пб., 1923).

¹⁰ Имеется в виду первое издание «Литературного дневника» М.Шагинян (Пг., 1921). В июле 1922 Эренбург написал на него рецензию для «Новой русской книги» (№6).

¹¹ Шкапская М. Час вечерний. Стихи (1913–1917). Пг.: Мысль, 1922.

¹² Пастернак Б. Сестра моя жизнь. Лето 1917 г. М.: Изд-во З.И.Гржебина, 1922. Книга была подарена автором Эренбургу с надписью: «Любимому другу Илье Григорьевичу Эренбургу. Б.Пастернак. 14 VI 22 Москва» (Собр. И.В.Щипачевой. Москва).

¹³ Речь идет о летних планах Шкапской снять дачу в Сестрорецке.

¹³ В.Б.Шкловский в марте 1922 бежал из Петрограда от преследований ГПУ в Финляндию, а оттуда с помощью Горького перебрался в Германию.

¹⁴ Эренбург И. Золотое сердце. Ветер. М.; Берлин: Геликон, 1922. Сборник включал созданную в Москве в 1918 стихотворную мистерию «Золотое сердце» и написанную в Киеве в 1919 стихотворную трагедию «Ветер» на материале испанской революции XIX в.

17

12 .7 <1922>
Binz a.Rugen
Villa Algiz

Дорогая Мария Михайловна,

сегодня получил Ваши два письма. Спасибо. Вы напрасно корите меня за неласковость моих. Вы ведь должны были уже привыкнуть к тому, что я исключительно неуклюж в эпистолярном деле. М<ожет> б<ыть>, оттого, что я занимаюсь писательством и поэтому в письме обхожу всякую литературу, особливо лирику.

О делах уже сообщал Вам – книги получил. Насчет Ольшевского ответа от издателя еще не имею. Зоргенфрея – попытаюсь, но в успехе сомневаюсь (прекрасно стихотв<орение> с простонародным чортом!). От Шагинян жду дополнительных статей – тогда все передам в «Геликон»¹. Буду на будущей неделе неск<олько> дней в Берлине и все выясню. Я написал в «Книгу» ругательную статью о «критиках» из «Утренников». Заметку об «Орде» и «Литер<атурном> Дневнике»². Я получил из Москвы «Сестру мою Жизнь» Пастернака. Книга изумительная! Вообще из Москвы почти ничего не имею.

От Слонимского письма еще не получал³.

Пусть Ховин⁴ напишет точно, что он хочет: размер и о какой литературе (русской загр<аничной> или французской)?

На днях я вышло Вам некоторые рассказы из «13 трубок» (книга выйдет к октябрю). Если Вам удастся их пристроить, на гонорар купите ч<то>-л<ибо> Иринке.

Ал<ексей> Ник<олаевич Толстой> – ? Одарен (примитивно), по природе не зол, глуп, но способен на гнусь сложную⁵. С Ремизовым о «Хуренито» не говорил. Белый очень хвалил, но, по-моему, не читал. Понравилось Викт<ору> Бор<исовичу>⁶ (он приехал в Берлин, но я с ним еще не видался).

Начал писать стихи. К осени будет книжонка. Назову ее «Звериное Тепло». Вот одно из стихотв<орений>:

Видишь, любить до чего тяжело.
Гнет к земле густое тепло.
Паленая шерсть на моей груди.
Соль – солона. Не береди!

Ты не дочь, ты не сестра.
 Земля, земля – моя нора!
 Коготь и клык. Темен и дик.
 Я говорю – не береди!
 Не для меня любви ремесло.
 Камень пьет густое тепло.
 Теплый камень – мертвый зверь –
 Стихи, стихи, седая шерсть.
 Виснут веки. Сон и гуд.
 Люди могут, а я не могу.
 Рот приоткрыт – тяжкий пар.
 Это – тебе, но последний дар.⁷

Спасибо, милая, за все, что пишете об Иринке. Еще! *Каждую строку перечитываю.*

Неужто до сих пор нет лекарств и мелких посылок? Получили ли Серапионовы <братья> АРУ и пр.?

Пишите, милая, и за сушь не сердитесь. Это от жары.

Целую Вашу руку.

Ваш Эренбург

(Л.35)

¹ Берлинское русское издательство, с владельцем которого Абрамом Григорьевичем Вишняком (1895–1943) Эренбург был дружен и где вышли многие его книги.

² Рецензия Эренбурга на «Орду» Н.Тихонова напечатана в №7 «Новой русской книги», а рецензия на «Литературный дневник» Шагинян – в №9.

³ Первое письмо от М.Л.Слонимского Эренбург получил лишь в сентябре; 13 сентября 1922 он ответил: «...наконец-то одно из Ваших писем дошло до меня (привез Лозович). <...> Спасибо за все, что пишете. Елизавета Гр<игорьевна Полонская> (а может, Шкапская) Вам, верно, говорили, что я писал о Вашем рассказе. Жду с большими надеждами Вашу книгу (не забудьте послать!) У Вас еще острее, чем у некоторых Ваших “братьев”, чувствуется, что сила притяжения не в чувствительности материала, а в обработке, что в России начали писать настоящую прозу» (ЦГАЛИ СПб. Ф.414.Оп.1. Ед.хр.65.Л.2; с купюрой опубл.: *И.Эренбург. Письма / Публ. А.Рубашкина // Вопросы литературы. 1987. №12. С.178*).

⁴ Виктор Романович Ховин (1891–1943?) – критик, издатель петроградского журнала «Книжный угол».

⁵ Пильняк писал Шкапской 2 мая 1922: «Я никак не хочу, чтоб от меня было неприятно Илье: я сделал (непроизвольно, меня настрочил Алешка Толстой, а я не знал всех “конъюнктур”) ему больно в Берлине» (*Пильняк Б. «Мне выпала горькая слава»... С.165*).

⁶ О романе «Хулио Хуренито» Шкловский высказался в книге «Зоо»: «О “Хулио Хуренито” хочется думать. Это очень газетная вещь, фельетон с сюжетом, условные типы людей и сам старый Эренбург с молитвой; старая поэзия взята как условный тип. Роман разворачивается по “Кандиду” Воль-

тера, правда, с меньшим сюжетным разнообразием» (Шкловский В. Жили-были. М., 1964. С.193).

⁷ Это стихотворение открывало книгу «Звериное тепло» (Берлин: Геликон, 1923) – с синтаксическими разночтениями и двустрочной строфикой.

18

28.7 <1922>

Дорогая Мария Михайловна,

не сердитесь ни за молчание, ни за краткость этого письма. Я ездил в Берлин. Суета, маята, дела, бегодня, и пр. Вернулся сюда вчера. Корректурa, гpyда писем и пр.

Прежде всего о Ваших делах: я продал «Кровь-Руду» в «Эпоху»¹ за 8000. Это хорошо. Договор посылаю². Аналогичный был о «Барабане». На эту Вы получите АРУ и Нансеновские. Если Вы до 1 августа не получите медикаментов – я получу назад деньги и вышлю Вам ч<то>-л<ибо> на них (хотите теплые чулки – ребятам?)

Надеюсь, Вы получили уже «Барабан» (обложка – отвратительная!). Я получил «Руду» в Берлине и наспех проглядел. Многое знал. Пока не прочту, боюсь ч<то>-л<ибо> сказать о книге. Спасибо, родная, за все, что Вы пишете об Ирине. Не забывайте меня в этом и впредь. Даете огромную радость каждой строкой.

Пишу стихи. Маленькая книга. Называется «Звериное тепло».

Видал Викт<ора> Бор<исовича> и дружественно беседовал обо всем. Ваш привет ему передал.

Шагинян передайте следующее: «Геликон» в принципе согласен издать ее «Дневник», если она даст еще статей, не бывших в этой книге, столько же, примерно, сколько там (напечатанных в период<ических> изд<аниях>, но не бывших в книге). Заплатит за одно издание в 4000 экз<емплярах> по 3000 марок за лист в 40 тыс<яч> букв. Если она согласна, то пусть пришлет мне добавочный материал и указания, что сделать с деньгами.

Теперь моя просьба. Я посылаю Вам в рукописи 2 рассказа из «13 трубок» – они не были нигде напечатаны (книга выйдет в октябре). Дайте их в журнал или в газету, по Вашему усмотрению, а на гонорар купите подарок Ирине.

Появилась ли хоть одна статья из возвещанных о «Хуренито»? Что нового? Пишите! И на скудный мой листок отвечайте десятью! Как здоровье Ваших ребят? Как Ваше?

Нежно целую Ваши руки

Ваш Эренбург

(Л.36)

¹ Посвященная Илье Эренбургу книга Шкапской «Кровь-руда» вышла в берлинском издательстве «Эпоха» в декабре 1922. Отметим, что к книге «Барабан строгого господина» Шкапская взяла эпиграф из Эренбурга, но

его снял устраивавший печатание книги в издательстве «Огоньки» Пильняк (он писал Шкапской 10 апреля 1922: «По воле моей и Алексея Михайловича <Ремизова> – мы сделали сокращение в “Барабане”, именно – выкинули бездарный эпиграф из Эренбурга, порешив, что таких взяток давать не стоит» (Пильняк Б. «Мне выпала горькая слава»... С.158)

² Договор, заключенный 27 июня 1922 И.Г.Эренбургом с издательством «Эпоха» на выпуск тиражом до 3000 экземпляров книги Шкапской «Кровь-руда», хранится в фонде М.М.Шкапской (РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.564).

19

Binz

8 августа <1922>

Дорогая Мария Михайловна,

дней десять тому назад я Вам послал два рассказа, теперь шлю стихи. И то и другое дайте в к<акой>-л<ибо> журнал (а трубку с мыльными пузырями¹ можно и в газету). Гонорар весь употребите на подарок Ирине. Я писал Вам. Настроение скверное. К тому же расхворался – (сердце) посему сейчас замолкаю. Получили ли наконец «Серап<ионовы> Братья» Ару <так!>, а Вы медикаменты?

Нежно с Вами

Ваш Эренбург

О «Кровь-Руде» писал.

(Л.37)

¹ Имеется в виду новелла «Трубка коммунара», ставшая чрезвычайно популярной в Советской России: в 1929 вышел в прокат кинофильм, снятый по ней на студии «Грузия-фильм» режиссером К.Марджановым.

20

20.8 <1922>

Дорогая Мария Михайловна,

Вы долго молчали и письмо снова грустное. Очень тревожусь за Ваше здоровье. Вам необходимо было бы где-нибудь абсолютно отдохнуть и поправиться – осуществимо ли? Смотрите – не пренебрегайте сим!

О Ваших делах: я послал Вам договор на «Руду». Примерно такой же на «Барабан». АРУ (за «Руду») Вам выслали прямо из «Эпохи» – должны были по курсу тех дней выкратить одну АРУ и еще остаток – Нансеновскую в 2 дол<лара> (всего 8000 м<арок> – 12 долл<аров> – тогда). Я из Берлина послал Вам шоколад. С чулками – у Ек<атерины> Отт<овны> попросили столько пошлины, что она отказалась принять¹. Разузнайте, продолжается ли это.

О моих: Вы пишете, что Шагинян в хлопотах, суете и пр. Устроит ли она в таком случае рассказы? Кроме них я послал Вам с той же целью (два или три – не помню) стихи. Если мои опасения правильны – заберите у нее и дайте кому-нибудь свободному. Лев<изна> изданий меня не смущает. Стихи хотел бы не в газету, а в журнал. – Если к «Сер<апионам>»², очень прекрасно. – Если были где-либо статьи о «Хурен<ито>» или о других моих книгах – пришлите! И не сердитесь, что отягощаю Вас просьбами!

О Поле Форе³ думаю мало и посредственно. (Большого не стоит.) Кстати (по зрительской ассоциации), зачем Вы пишете Ваши стихи, как прозу?⁴ Это необоснованно. Сейчас легче понять обратное⁵.

Прочли ли Вы «Трубки» и стихи? Сейчас сижу над романом (начал его еще зимой, но забросил) – «Жизнь и гибель Николая Курбова». – Ритмическая проза (при желании мог бы выдать за стихи, но неприлично – вышло бы томов десять). Кончил детство своего героя (чекиста) и юность. Написал 11 глав из 40. Замысел отважен: гибель неотвратимая, т. е. трагедия сильного «конструктивного» человека. Как выйдет, не знаю. Часто одолевает лень. Тогда курю трубку. Гляжу на дождик. C'est tout⁶.

Читали ли Вы в №6 «Н<овой> Р<уской> Книги», как я обругал «Утренники»? Если у Вас по сему поводу с этими мужичками будут разговоры, не забудьте посплетничать.

Когда будете писать Пильняку – сообщите след<ующее>. Он меня просил устроить перевод рассказа. Его «При дверях» я устроил (на англ<ийский>). Получил чек на 450 итал<ьянских> лир и оный чек, а также 2 экз<емпляра> журнала переслал Алексею Михайл<овичу>.

Очень спасибо за все об Иринке. Вы с ней хороши – походатайствуйте, чтобы она мне как-ниб<удь> написала! Не знаете – сняли ее?

Любовь Мих<айловна> шлет Вам привет.
Нежно целую Ваши руки.

Ваш Эренбург

Еще просьба (видите, как я могу надоедать) – разузнайте в издат<ельских> кругах – не хочет ли кто купить право на переиздание «Хуренито» в России. Здешнее издание разошлось.

Скоро прочту всю рукопись «Руды» – тогда напишу Вам о стихах.

(Л.38-39)

¹ Речь идет о посылке, отправленной Эренбургом в Петроград на имя Е.О.Сорокиной и вернувшейся в Берлин.

² Имеется в виду печатное издание, в очередной раз замышлявшееся «Серапионовыми братьями» и не осуществившееся.

³ Поль Фор (1872–1960) – французский поэт. В мемуарах «Люди, годы, жизнь» Эренбург вспоминал, как в 1912–1913 в Париже он посещал кафе «Клозери де лаила», где еженедельно по вторникам собирались французские писатели, главным образом поэты: «Однажды были устроены выборы: на трон “принца поэзии” посадили Поля Фора, красивого, черного как смоль автора многих тысяч баллад, полувеселых, полугрустных» (Эренбург И. Собр. соч.: В 8 т. Т.6. М., 1996. С.433). Шкапская во Франции, возможно, не только читала, но и видела П.Фора, отсюда ее вопрос в письме к Эренбургу.

⁴ Ряд стихов во всех книгах Шкапской того времени, написанных с рифмами и ритмически организованных, набирался без разбивки на строки – несомненно, этому приему она научилась у Эренбурга (таковы стихи из его книги «Детское», вышедшей в 1914, но сам он об этом в 1922 напрочь забыл).

⁵ Имеется в виду ритмическая проза А.Белого.

⁶ Это всё (франц.).

21

24.8<1922>

Дорогая Мария Михайловна,

высылаю Вам еще три рассказа для той же цели, что и предыдущие.

Вчера видал издателя «Геликона»¹ и сообщил об ответе Шагинян. Он сказал, что марка с тех пор пала и продолжает падать, поэтому он предлагает ей гонорар в твердой валюте – а именно 1 англ<ийский> фунт с печатн<ого> листа. Сообщите ей².

На днях послал Вам настоящее письмо.

С Вами

Илья Эренбург

¹ А.Г.Вишняк издал тогда немало книг Эренбурга и его друзей.

² Подлинник этого письма подарен публикатору в 1970-е И.И.Слонимской. Возможно, Шкапская передала его Шагинян, а та – Слонимскому (вместе с пересланными Эренбургом тремя новеллами из книги «13 трубок»).

5.10<1922>
 Haus Trautenau
 Trautenau Str. 9

Дорогая Мария Михайловна,

наконец-то Вы откликнулись. Пауза была долгая, и я тревожился всуерьез – не расхворались ли Вы? Радуюсь Вашим новостям, тому, что Вы в Москве, и тому, что еще помните меня. Вы корите меня за краткость и «business»¹ моих писем. – Но ведь это мой основной порок. Я столько пишу вообще, что не умею вовсе писать писем.

Я пишу и вправду много. Если не количественно, то в смысле упора. Я завядаю перед трудностью работы – романа. Ответственность темы, сложность сюжета, ритм меня доконают. Это самое трудное из всего, что я делал в моей жизни (если не считать растапливание котельных «мангалок»²). Кончив первую часть (15 глав), я ее всю переделал. Теперь сижу над 17-ой главой. А всего что-то около сорока! Хочу кончить к Рождеству, а боюсь, что будет посмертным (не тревожьтесь: только сильный насморк и ennui de vivre³).

На днях поехали на Ваш питерский адрес «6 повестей»⁴. Дошли ли и как Вам понравились?

В №8 «Р<усской> Книги» рецензия на «Барабан» Берберовой. Читал о Вас в статье Троцкого⁵. Насчет бога невредно...

Продавать «Руду» в России не можете («официально»), а комбинировать сборники из тех же стихов – сколько угодно. Бог в помощь!

Я продал уже 2-ое изд<ание> Хуренито Госиздату. С Пильняком обо мне не говорите: я доподлинно и из разных источников, вполне достоверных, знаю, что он распространяет обо мне клевету мерзкую. Я получил одно письмо от Слонимского (через Лозовича⁶) и ответил ему на него. Я искренне люблю всех «Серапионовых».

Здесь теперь моя радость – Пастернак⁷.

Ходасевича не люблю (ни поэта, ни человека). Так что это у нас обоюдное.

Имеете ли какие-нибудь известия об Иринке? Пишите, милая, больше и чаще, невзирая на мое нерадение (оно от бедности, а ведь это не порок).

Где Вам удалось устроить мои рассказы? Нельзя ли продать в «Круг» целую книгу, напр<имер> «6 повестей»?⁸

От Люб<ови> Мих<айловны> сердечный привет.

Целую нежно Ваши руки.

Ваш Эренбург

(Л.8-9)

¹ Здесь – деловитость (англ.).

² Имеются в виду несколько месяцев в 1919–1920, которые Эренбург провел у М.А.Волошина в Коктебеле. Эренбург вспоминал о той трудной, голодной поре: «Мне трудно себе представить, что в Коктебеле можно отдыхать. Я там тоже бродил по берегу и собирал не камешки, а куски дерева, выброшенные морем; ими я топил жаровню или, как говорят в Крыму, мангалку. Раз на берегу я нашел дохлую чайку, выпотрошил ее, сварил; она пахла протухшей рыбой, но мы ее съели» (*Эренбург И.* Собр. соч.: В 8 т. Т.7. М., 2000. С.88)

³ Скука существования (*франц.*).

⁴ Иллюстрированная и оформленная Эль Лисицким книга Эренбурга «Шесть повестей о легких концах» вышла в издательстве «Геликон» в середине августа 1922.

⁵ Имеются в виду следующие слова Л.Д.Троцкого: «Для Шкапской такой органической, биологической, такой гинекологической (Шкапская – талант неподдельный!), бог – нечто вроде свахи и повитухи, т. е. с атрибутами всемогущей салопницы. И если позволена будет нота субъективизма, мы охотно признаем, что этот широкозадый бабий бог хоть и не очень импозантен, но куда симпатичнее надзвездного парового цыпленка мистической философии» (*Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1991. С.45).

⁶ Неустановленное лицо. Видимо, советский чиновник, находившийся в Берлине в командировке.

⁷ Б.Л.Пастернак приехал в Берлин в августе 1922.

⁸ Две «повести» («Витрион» и «Сутки») были запрещены Горлитом, и в 1923 издательство «Земля и фабрика» выпустило «Четыре повести о легких концах». Московское издательство «Пучина», обманув цензуру, издало книгу полностью под названием «Акционерное общество Меркюр де Рюсси» (поместив на обложке название разрешенной повести, а на титуле – «Шесть повестей о легких концах»). Тираж был напечатан в 1925 в Рязани; местный Гублит, не разобравшись, разрешил. Однако по выходе книги обман раскрылся, и ее запретили.

23

30.10.<1922>

Спасибо, дорогая Мария Михайловна, за все Ваши хлопоты. Мне совестно, что так спекулирую на Вашей дружбе.

Вы стали мне редко писать. Кто в этом повинен – Москва ли? «Клубок» ли? Или просто время, к<о>т<о>р<о>е превращает меня в более и более литературную абстракцию? (Точнее, не время – пространство.) Во всяком случае, это непохвально.

Напишите Ваше резюме касательно Москвы. Об Асееве¹ еще (он пишет очень хорошие стихи). Здесь теперь Маяковский². Разговаривая с ним, мне приходится заирать к небу подбородок – и это очень показательно. Большой поэт. Огромный глыбистый человек (м<еж<ду> пр<очим>, хочет казаться проще, примитивней, чем на самом деле).

Что Вам говорил Пильняк обо мне? Асеев? Другие? Напишите правду. Первый вопрос в порядке комического. Остальные – не сплетня, но желание осознать себя в литературе. Кстати, здесь сейчас большой «литерат<урный>» скандал вокруг статьи (в литер<атурном> приложении к «Накануне») Василевского обо мне³. Статья действительно аховая. Но, по-моему – ерунда. А Белый, Шкл<овский>, Ходасевич хотят исключить его и Толстого из «Дома Искусств»⁴ и пр.

Я – весь в романе (выдумываемом!). Сейчас идет 27-ая глава. Осталось 7 глав. Скоро конец.

Получили ли Вы наконец мои «6 повестей»?

Как они Вам? (Да, я не совсем понял – Вы предложили «Кругу» переиздать эту книгу?)

Еще деловое: какие стихи Вы дали в альманах, точнее, сколько штук? И какие «Трубки»? Много ль Вам удалось всего набрать?

Напишите, какие книги из вышедших здесь Вам бы хотелось получить, – я вышлю.

Очень жду Вашего письма. – Как нашли Иринку? Как теперь живется Екат<ерине> Отт<овне>? (Она-то не пишет об этом!) Пожалуйста!

Если будет ч<то>-л<ибо> интересное (книги, журналы), пришлите мне. Также, если увидите рецензии о моих книгах.

Берберова написала о Вас очень скромно⁵. Я выслал Вам №8 «Книги». Еще здесь обретается бант Одоевцевой⁶.

Пишу Вам, как сами чувствуете, верно, из кафе. Я здесь в сборе, т. е. трубка в зубах. Музыканты изображают нечто рвотное: «Schwarze Sopia» – немецкий сентим, романс о любви к русской Соне. Рюмочка. Эти слова: границы, далее может начаться лирика или философия, и я, будучи сухим по природе, вовремя останавливаюсь.

Кстати, и лист кончился. Пишите же! Целую Ваши руки.

Ваш

Эренбург

Прочтите обязательно статью обо мне в «Накануне» от 29.10 (литер<атурное> приложение).

(Л.17)

¹ Со стихами Н.Н.Асеева Эренбург был, возможно, знаком еще с 1914. Он писал Полонской 28 марта 1923: «С Асеевым лично не знаком. Стихи его большей частью люблю. Его же статьи остроумны, но чрезмерно легки, и не той легкостью, которую я люблю» (Письма Эренбурга Полонской. №1. С.324).

² В.В.Маяковский выехал из Москвы в Берлин 9 октября 1922.

³ В редактируемой А.Н.Толстым берлинской газете «Накануне» 29 октября 1922 был напечатан пасквиль на Эренбурга И.Василевского (Не-Буквы) «Тартарен из Таганрога». Подводя итог долгим рассуждениям, в ходе которых он отождествлял автора с персонажем романа «Хулио Хуре-

нито», Василевский писал: «Перед нами или безнадежно лишенный своего стиля и своих слов имитатор, графомански плодовитый коммивояжер, кривляющийся на разные лады суетливый “Тартарен из Таганрога”, или впрямь больной, которого надо лечить, от души пожалев его и по-человеческому пожелав ему скорейшего и радикального выздоровления». В тот же день Эренбург писал Полонской: «Меня очень весело ненавидят. Вчера была здесь обо мне большая статья в “Накануне” некоего Василевского. Предлагает бить меня по морде костью от окорока...» (Письма Эренбурга Полонской. №1. С.310-311).

⁴ 5 ноября 1922 берлинские газеты «Дни» и «Руль» сообщили, что в правление Дома искусств поступили заявления с предложением об исключении из числа членов Дома искусств И.Василевского (Не-Буквы) и А.Толстого в связи с публикацией в «Накануне» статьи «неприличного содержания» по адресу И.Эренбурга. 7 ноября «Накануне» опубликовало «Письмо в редакцию» Эренбурга с опровержением сообщения газеты «Руль» о его личной причастности к попыткам исключить Василевского и Толстого из членов Дома искусств; письмо заканчивалось заявлением: «Я оставляю также на совести газеты “Накануне” печатание подобных нападок на писателя, который в силу своих воззрений не участвует ни в одной из берлинских газет и поэтому лишен возможности на них ответить». 12 ноября это письмо перепечатала берлинская газета «Дни».

⁵ Рецензия Н.Н.Берберовой на книгу Шкапской «Барабан строгого господина» появилась в №8 «Новой русской книги».

⁶ И.В.Одоевцева вместе со своим мужем Г.В.Ивановым в 1922 выехала из Петрограда в Берлин; бант в те годы был неременной частью ее туалета.

Наконец-то, дорогая Мария Михайловна, Вы раздобрились на письмецо. Пишете, что в России меня могут забыть. Насчет России не знаю, зато насчет Вас – похоже: забываете меня – нехорошо! Вот Вам и готова семейная сцена.

Я радуюсь, что Вы обжились в Москве. Город, что и говорить, хороший, со всей правдоподобностью тяжести и радости. Рад и Вашим литературным успехам. Не забудьте мне прислать книги, когда выйдут. А «Руда» выйдет в декабре. Я заработался до умопомрачения. Чувствую себя отвратительно. Дал себе клятву до весны ничего не писать. Если удастся, съезжу на Рождество недели на две в Париж, нет – в Брюссель или в Прагу. Хотел в Италию, так там назло фашисты объявились. Не везет.

Кончил роман¹ (сейчас диктую машинистке – дикое занятие!). Вышел он лохматым и разным по манере и неровным по подъему. Но все же, кажется, я в нем чего-то достиг. Это – роман (как таковой) и наш, т. е. современный. Никогда я не знал такой трудной, сложной и мучительной работы.

Я уже продал его представителю московского и <здательств>ва «Новая Москва». Очень хорошо (по 60 <рублей> золотом за лист). Выйдет одновременно – в марте в Москве и здесь в «Геликоне».

Получили ли Вы наконец «6 повестей»? Почему мне о них ничего не написали? Меня здесь страшно травят (такая полоса) со всех сторон. Вероятно, статья Василевского (в к<о>т<о>р<о>й> он предлагал меня бить костью от окорока) в «Накануне» дошла до Вас? Но нападают и иные – Белый², Ходасевич, даже В<иктор> Б<орисович Шкловский>. Т. к. я устал и нервничал вообще, то как-то реагирую внутренне на это. Знаю – не нужно.

Напишите – что говорят и пишут обо мне в России. Это мне очень важно.

За все хлопоты огромное спасибо. Вы милая очень. Напишите, как нашли Екат<ерину> Отт<овну> и Ирину? Деньги за «Трубки» и стихи передайте Е<катерине> О<ттовне>, а «6 повестей» не продавайте, не сообщив мне предварительно условий.

Скоро напишу больше. Сейчас болен, зол и пр. Что ж, это со всяким бывает – не корите.

Нежно целую Ваши руки.

Ваш Эренбург

На днях удалось выполнить мое давнее желание – послать Вам с оказией духи.

(Л.18-19)

¹ «Жизнь и гибель Николая Курбова».

² Видимо, имеется в виду рецензия на книгу «Шесть повестей о легких концах» (Дни (Берлин). 1922. 12 ноября); см. об этом в письме Эренбурга Полонской от 5 декабря 1922 (Письма Эренбурга Полонской. №1. С.316-317).

25

23.11 <1922>

Дорогая Мария Михайловна,

на днях писал Вам. Сейчас строчу (пока отдыхает переписчица, к<о>т<о>р<о>й> диктую роман) вот по какому поводу: Екат<ерина> Отт<овна> пишет, что «Круг» взял... «Тараканий Брод»¹. Это, конечно, неправдоподобно. Но боюсь, что они взяли «6 повестей», – это тоже несчастье, т. к. мне придется отобрать у них – я связан здесь с этой книгой. А роман я уже продал.

Я Вам послал, кажется, очень печальное письмо. Не обращайтесь внимания. Теперь снова пью вино и стоек (хотя «Нак<ануне>» продолжает²).

Пишите скорее, как живете.

Целую Вашу руку

Ваш Эренбург

(Л.20)

¹ «Тараканий Брод» – глава из романа «Жизнь и гибель Николая Курбова»; опубликована в ранней редакции (где особенно ощутимо было влияние прозы Андрея Белого) в московском альманахе «Недра» (1923. №1).

² 19 ноября 1922 литературное приложение к «Накануне» напечатало ответ И.Василевского (Не-Буквы) на «Письмо в редакцию» Эренбурга.

26

25.11 <1922>

Дорогая Мария Михайловна,

я писал Вам совсем недавно. Написал бы сейчас еще, п<отому> ч<то> очень обрадовался Вашим большим хорошим письмом, но... еще диктую. Это проклятье. Поэтому ограничиваюсь частью фактической. Посылка АРА послана Вам 19-го августа. На днях Вы ее, вероятно, получите. Книга¹ выйдет в декабре.

Книги вышли на днях. Скоро выходят (у «Геликона») две прекрасные книги стихов (толстые!) «Темы и вариации» Пастернака и «Ремесло» Цветаевой.

Адрес Бялика² узнаю и сообщу.

Я Вам на днях писал о «Круге», но это Ек<атерина> Отт<овна> спутала. Роман я уже продал и<здательст>ву «Новая Москва». А «б повестей», если «Круг» захочет взять, пусть сообщат условия (не хочу продешевить!)

Спасибо, милая Мария Михайловна, за ласку и защиту. Меня все изрядно обижают, и я более чем когда-либо чувствителен к ласковости Вашей.

Вы, вероятно, читали новый донос Василевского на меня и пр. Впрочем, я теперь привел себя в порядок и больше не поддаюсь. А вот когда кончу диктовать роман, окончательно повеселею и напишу Вам удивительное письмо!

Почему – обидная фраза о том, что я... смеюсь над Вами? Стыдно! Во всяком случае менее, чем над собой (вообще же усмешка, не насмешка – дар Хуренито!).

Спасибо еще раз за все, что пишете об Екат<ерине> Отт<овне> и Иринке. Скажите, как мне наиболее рационально помочь им (вещи? Деньги? АРА?). И за все хлопоты – спасибо! Впрочем, знаю, что это лишнее, – в Вас более чем товарищеская заботливость – редкая дружба, и за это нельзя «благодарить».

Встретив Веру Инбер³, скажите ей, что я нежно помню ее, недавно читал случайно дошедшие до меня «Бренные слова»⁴ и выучил наизусть «Омара»⁵, что прошу ее написать мне. (Мы с ней давние друзья⁶.) Где она? И что с ней?

Пильн<як> – негодяй! Честное слово! И ничем оправдать его нельзя. А каяться он умеет – все щеки мне облизал (три дня отмывал).

Пастернак здесь. Чудный!
Иду диктовать. Брр!.. Пишите чаще. В общем, я держусь только
письмами из России, а то бы совсем пал духом.
Нежно целую Ваши руки

Ваш Эренбург

(Л.21)

¹ «Кровь-руда».

² Хаим-Нахман Бялик (1873–1934) – еврейский поэт, писавший на иврите. В 1920 уехал из Одессы в Берлин, а оттуда в 1924 в Палестину.

³ Вера Михайловна Инбер (1890–1972) – поэтесса.

⁴ Вышедшая в 1922 в Одессе третья книга стихов В.Инбер (в ней было напечатано и написанное в 1918 и посвященное Эренбургу стихотворение «Сегодня день темнел уныло...»).

⁵ Стихотворение «Один американский бар...» из раздела «Маленькие ушки» книги Инбер «Бренные слова».

⁶ Инбер и Эренбург познакомились в Париже в 1911. В 1914, когда В.Инбер вынуждена была уехать в Давос лечиться, Эренбург в Париже опекал издание ее первой книги «Печальное вино» (обложку к книге сделал его приятель скульптор О.Цадкин). Стихи, посвященные Эренбургу («Когда я умру, я превращусь в овчарку...»), вошли во вторую книгу Инбер «Горькая услада» (М., 1917); стихи Эренбурга «В тихих прудах печали...», посвященные Инбер, были напечатаны в его книге «Стихи о канунах» (М., 1916); стихотворный портрет Инбер, написанный Эренбургом для раздела «Ручные тени» книги «Стихи о канунах», не пропущен цензурой (впервые опубликован в Москве в 1977). Отметив, что в поэзии Инбер «забавно сочетаются очаровательный парижский гамен и приторно жеманная провинциальная барышня», Эренбург утверждал: «Это только оболочка, даже не маска, а дешевый грим. Под ним человеческое лицо и своя правда – смерти» (*Эренбург И. Четыре // Новости дня* (М.). 1918. 13 апреля).

27

17.12 <1922>

Дорогая Мария Михайловна,

спасибо за большое, хорошее, ласковое письмо. Не сердитесь, что отвечаю на него запиской. Хочу Вам скорее послать «Звериное тепло»¹. А писать трудно. Я совсем обалдел. Не сердитесь, что жалуюсь и хныкаю. Но я только теперь чувствую, до какой степени устал от работы. Решающим ударом оказался роман. Он меня совсем опустошил, – так я его писал. Прочитав его в рукописи, Викт<ор> Бор<исович> (Ш<кловский>) сказал: «Это самая храбрая вещь, ибо не знаю, кто теперь не будет вешать на вас собак». И это верно. И это еще впереди. Пока надо отдохнуть. В январе уеду куда-нибудь на две недели. Немного развлекли меня похождения моего бумаж-

ника. Я потерял все свое состояние – 200 с лишним долларов на улице, но какой-то честный немец вернул мне все по почте. Это почти Диккенс².

Теперь неск<олько> слов о делах. Завтра я еще раз справлюсь относительно Вашей АРБ. «6 повестей» можете дать для переиздания, но на пристойных условиях – не менее 40 золот<ых> рублей за лист. Письмо, в котором Вы писали о своем московском друге, не получил. Также «портретов». Также анкеты. Все это пропало³. Пришлите еще раз. Книги Цветаевой и Паст<ернака> пришлю³, также «13 трубок» на той неделе. Напишите о «Зверином тепле». Белый о ней напечатал восторженную статью⁴. Я относительно люблю эти стихи. Они верно мои. Зверь я во всяком случае, хоть и цивилизованный.

Спасибо, милая моя, за все Ваши ласковые строки еще раз. Я отвечаю на них чем могу – то есть своим невзрачным, не бог весть каким теплом. Не забывайте меня – чаще пишите. А если будет что-либо интересное, пришлите. Напишите, как Иринка? Видите ли ее?

Целую нежно Ваши руки

Ваш

Эренбург

(Л.57)

¹ Эренбург И. Звериное тепло. Берлин: Геликон, 1923. Книга была отпечатана в конце ноября 1922.

² В тот же день Эренбург сообщил об этом и Е.Г.Полонской и В.Г.Лидину.

³ Имеются в виду геликоновские издания: «Ремесло» М.Цветаевой, «Темы и вариации» Б.Пастернака.

⁴ Рецензия Андрея Белого напечатана 17 декабря 1922 в берлинской газете «Дни». Отметив, что «г. Илья Эренбург то привлекает, то ударяет меня очень больно, отталкивая», и назвав стих Эренбурга в «Зверином тепле» «безукоризненно, четко изваянным», Белый признал: «Что-то от Микель-Анджело чувствуется в форме стиха и в образе живописания тела».

Дорогая Мария Михайловна,
спешу сообщить Вам ответ «Эпохи» – в Петербург едет Белицкий¹. Если до дня его приезда Вы не получите АРБ, он Вам выдаст 10 долларов.

Пишите чаще. У меня настроение мерзкое, и я не знаю что еще потерять. Себя ли? – Не стоит – вернут уж давно (в конверте).

Не забывают!

Ваш

Эренбург

(Л.58)

¹ Ефим Яковлевич Белицкий – литератор, глава петроградского отделения издательства «Эпоха».

29

31-го марта <1923>

Дорогая Мария Михайловна,

я хотел было просить Вас, чтобы Вы меня простили за то, что я пишу Вам на машинке, но подумал, что после Берлина Вы мне все простите! Причины сего явления лежат глубоко: с одной стороны, Ангарский¹, презирая меня и превознося Орешина², выдал мне какие-то неожиданные фунты. Константиновский³ бы сказал «вот так фунт!». Впрочем, он ничего не сказал, а я купил себе дорожную машинку. Великолепие! Конструктивизм, как говорит моя горячо любимая супруга. Но на машинке, оказывается, надо уметь писать. Как раз теперь происходит редкое в природе явление: я не пишу никакой книги, кончив «Трест Д.Е.», и не желаю столь вскоре возвращаться к нравам уже погибшей Европы. Итак, остается практиковаться на письмах к друзьям, не избалованным моим глубоко светским почерком.

Спасибо за письмо и за все хлопоты. Я было взволновался за судьбу чемодана, но сегодня получил письмо от сестры⁴ – он получен. Только при осмотре, очевидно, пропали различные мелочи, как-то: перо Ек<атерине> Отт<овне> и др.

Сестра мне писала, что Вы были у нее, и всячески Вас расхваливала. И за это спасибо.

От Аросева⁵ я пока получил только телеграмму с просьбой выслать конец⁶ и с обещанием письма. Я выслал неделю тому назад ему через представительство конец рукописи. Ответа еще не получил. Читали ли они ее при Вас? Как нашли со стороны цензурной?

Жду от Вас подробного письма, что нового нашли Вы в литературном мире?

Здесь же все по-старому, пожалуй, за исключением совсем удивительной весны. В «Цоо»⁷ обо мне, между прочим, имеется: скоро весна, в «Прагер Диле»⁸ вынесут на веранду столики, и Эренбург наконец увидит небо. Итак, я сижу на верандах кафэ и вижу небо. Вероятно, это плюс чисто женское воспитание сделают меня действительно новым Жуковским.

Я читал заметку Лунца о «Хуренито» в «Городе» и был польщен⁹. Все мои грехи там ровно вдвое уменьшены: я писал эту книгу не 2 месяца, а 28 дней.

Жду с подлинным нетерпением достойный трактат Слонимского¹⁰. Кстати, курит ли кто-ниб<удь> из серапионов трубку? «Курбов» наконец вышел в Москве; здесь же будет готов на днях.

Простите за несуразное письмо. В следующий раз напишу лучше, честное слов!

Любовь Мих<айловна> и я <...>¹¹

Напишите об Эк<атерине> Отг<овне> и Иринке – как нашли их?
Целую нежно Ваши руки.

Ваш

Эренбург

(Л.23)

¹ Николай Семенович Ангарский (Клестов; 1873–1943) – марксистский критик, издательский работник; в 1920-е глава издательства «Недра»; репрессирован. Пообещав Эренбургу осуществить издание романа «Жизнь и гибель Николая Курбова» в Москве, заручился поддержкой главы Моссовета Л.Б.Каменева, поддержавшего выпуск романа в издательстве Моссовета «Новая Москва». Подробнее см.: *Эренбург И.* Собр. соч.: В 8 т. Т.2. М., 1991. С.704, коммент.

² Петр Васильевич Орешин (1887–1938) – крестьянский поэт.

³ Владимир Константиновский – художник, сделавший в 1923 в Берлине «по указаниям» Эренбурга эффектную обложку для романа «Трест Д.Е. История гибели Европы», выпущенного издательством «Геликон»; эта обложка так понравилась писателю, что он предложил ее использовать и в российском издании романа (письмо А.Я.Аросеву от 28 февраля 1923. Собрание публикатора).

⁴ Изабелла Григорьевна Эренбург (1886–1965) – сестра И.Г.Эренбурга. В 1910-е помогала Эренбургу в его литературных делах; с 1924 – в Париже; в 1952 она и вторая сестра Эренбурга Евгения Григорьевна Каган с его помощью вернулись в Москву.

⁵ Александр Яковлевич Аросев (1890–1938) – деятель большевистской партии и писатель; с 1934 – глава ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей); репрессирован. Еще 9 февраля 1923 Эренбург предложил роман «Трест Д.Е.» А.К.Воронскому для «Красной нови», сформулировав свои условия: быстрота издания, выплата гонорара в валюте, возможность независимого издания в Берлине (См.: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов // Лит. наследство. Т.93. М., 1983. С.579-580). Дальнейшие переговоры об издании книги в России Эренбург вел с Аросевым, которому писал 28 февраля 1923: «Сегодня я получил Вашу телеграмму. В течение ближайших 2–3 дней вышло Вам через представительство 24 главы “Треста Д.Е.”. Всего в книге 31 глава. 7 глав Вам вышло не позднее 1-го марта. По получении рукописи прошу Вас телеграфно сообщить мне Ваш окончательный ответ. В телеграмме сказано “условия согласны”. Очевидно, это относится к письму Воронскому» (собрание публикатора). В этом же письме Аросеву сообщалось: «Если М.М.Шкапская уедет не позднее 5-го марта, пошлю рукопись через нее».

⁶ Речь идет о законченном в марте 1923 романе Эренбурга «Трест Д.Е.».

⁷ Книга Шкловского «Зоо, или Письма не о любви»; Эренбургу посвящено «Письмо двадцать пятое». 28 марта 1923 Эренбург писал Полонской: «В<иктор> Б<орисович> кончил новую книгу “ZOO”. Среди зверей сего

сада имеюсь и я, описан не особенно удачно, но “благожелательно” (Письма Эренбурга Полонской. №1. С.324). Эренбургу понравилось то, что сказал о нем Шкловский в своей книге: «Прежде я сердился на Эренбурга за то, что он, обратившись из еврейского католика или славянофила в европейского конструктивиста, не забыл прошлого. Из Савла он не стал Павлом. Он Павел Савлович...» (Шкловский В. Жили-были. С.194).

⁸ Берлинское кафе, в котором постоянно бывал и порой работал Эренбург; во многом благодаря этому кафе стали посещать другие литераторы.

⁹ Рецензия Лунца на первый роман Эренбурга должна была появиться в №4 за 1922 «Литературных записок», который не вышел вследствие запрещения журнала. Она напечатана в первом (и последнем!) номере питерского альманаха «Город» (1923). В рецензии Лунц назвал «Хулио Хуренито» «сатирической энциклопедией».

¹⁰ Возможно, речь идет о книге Слонимского «Палата смертников», вышедшей в 1923.

¹¹ Низ страницы оборван, и 2 слова неразборчивы.

Дорогая Мария Михайловна, прощать после Берлина Вы должны мне все лишь потому, что здесь poznali всю мою низменную природу. Говорят, кстати, «лучше поздно, чем никогда». Говорят и наоборот. На машинке, надо надеяться, я скоро буду писать сносно, и число моих грехов уменьшится на 1¹. И то хорошо – я не избалован. За присланную рецензию² русское спасибо и земной поклон (как видите, черты национальные свойственны не одному Пильняку. Вот я скоро научусь каяться, тогда вы меня окончательно полюбите). Этот Князев³ удивительно мягкий и сердобольный человек. Мне только не совсем ясно, куда он меня хочет поместить по моему приезду в Питер – в клинику или в то место, о к<о>г<о>р<о>м> я, по его словам, недостаточно уважительно отзываюсь⁴. Напишите, как отнеслись петроградские труженики, получившие предостережение, к двум столь вредным книжкам?⁵ Я вправду опасюсь теперь за судьбу Коли Курбова. Если увидите еще рецензии, пришлите, пожалуйста, а также не поленитесь, напишите, что говорят о том же Коленьке, а следовательно, и об Ильюшеньке в сферах высших, как-то: литературных и пр. Да здравствует Прагердиле и Ферстер⁶!!! Я весьма расстроен упорным, чисто эпическим молчанием Аросева. Конеч рукописи они давно получили. Телеграфировал. Ответ «письмо послано». Еще раз. То же самое. Странные бывают письма (чтоб не сказать люди). Может быть, Вы можете как-нибудь воздействовать на них, чтоб они ответили. Если можно, пришлите мне пьесу, о которой пишете. Дело в том, что я, поглядев Коонен в «Федре», решил во что бы то ни стало написать для Камерного театра трагедию⁷.

От Екат<ерины> Отт<овны> давно не имею писем. Даже не знаю, как ей понравились вещи. Радуюсь, что она наконец склоняется к мысли съездить сюда летом.

Спасибо, что пишете о сестрах и об Ирине. Бунтовать дело хорошее, можно сказать, родное дело, но объектов Вашего бунта я на сей раз не разделяю. На А<лексея> М<ихайловича Ремизова> сердиться грех – честное слово, Асыка⁸ на том свете накажет. Кстати, причисляется ли у Вас обезволпал⁹ к мистическим понятиям?

Письмо Ваше передано¹⁰. «Цоо» веселая книга. Как поживают серапионы? Видал оттиски «Беседы»¹¹. Скучная беседа. Психеечка и пр. Белый в своей статье там м<ежду> пр<очим> упоминает Вас¹².

Я написал Вам исступленно длинное письмо, так как все еще стучу одним пальцем, натер мозоль. А Вы еще хотите, чтобы я о знаках препинания думал!

Не сердитесь за скомканное письмо.

Любовь Мих<айловна> шлет сердечный привет.

Целую Ваши руки.

Ваш

Эренбург

(Л.29)

¹ Эренбург имеет в виду свой неразборчивый почерк.

² Заметка о романе «Жизнь и гибель Николая Курбова», подписанная «В.К.» (см.: *Вечерняя Красная газета*. 1923. 16 апреля).

³ Василий Васильевич Князев (1887–1937) – поэт-сатирик и журналист, подписывавшийся «В.К.»; расстрелян.

⁴ В заметке Князева говорилось: «Гнусная и грязная книга, полная клеветы на революцию (в частности на Чрезвычайные комиссии), обывательщины и патологически-судорожных попыток низвести героическое и бесстрашное до уровня свидригайловщины, пошлости, низменности. Автор, несомненно, душевно и нравственно больной человек».

⁵ Одновременно с заметкой о романе Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова», которая заканчивалась предостережением: «Остерегаем тружеников Петрограда от покупки этого клинического гнилья», В.Князев напечатал и заметку, посвященную книжке детских стихов Е.Полонской «Зайчата», завершавшуюся предупреждением: «Остерегаем детвору от этого сборничка».

⁶ Популярный русский ресторан в Берлине (Мотцштрассе, 22).

⁷ Эренбурга связывала близкая дружба с А.Я.Таировым и А.Г.Кооном (см. об этом : *Фрезинский Б.* Алиса Георгиевна и Душистый горошек // *Экран и сцена*. 1995. 29 июня – 6 июля). Замысел трагедии для Камерного театра Эренбург тогда не осуществил, но в 1925 он написал для него своеобразную и яркую пьесу, действие которой происходило во время гастролей Камерного театра в одной из стран Латинской Америки. Пьеса Таирова несколько напугала, и он не рискнул ее поставить. Пьесу мог бы взять Мейерхольд, но тогда Эренбург был с ним в ссоре). В 1948 Таи-

ров поставил на сцене Камерного театра вторую пьесу Эренбурга, специально для него написанную, – пьесу-памфлет «Лев на площади» – она стала одной из последних работ закрытого в 1949 театра. Небольшую эффектную роль в этом спектакле исполняла столь ценимая Эренбургом А.Г.Коонен.

⁸ Царь Асыка – ремизовский персонаж. См., например: *Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные*. СПб., 2001.

⁹ Имеется в виду Обезьянья Великая и Вольная Палата – литературная игра, придуманная Ремизовым в Петрограде и продолженная им за рубежом.

¹⁰ Видимо, В.Б.Шкловскому.

¹¹ Журнал, организованный М.Горьким в Германии при ближайшем участии В.Ф.Ходасевича и А.Белого. 21 апреля 1922 Эренбург писал Полонской: «Здесь начинается “Беседа” (Горького с Ходасевичем). Это очень приятная беседа, и меня туда не пускают» (Письма Эренбурга Полонской. №1. С.327).

¹² Главная мысль статьи А.Белого «О “России” в России и о “России” в Берлине» (Беседа. 1923. №1, май – июнь. С.211-236) совпадала с тем, о чем писал Эренбург с 1921 года, – настоящая литература остается в России: «Скажу откровенно: таланты и продолжались, и рождались лишь там: там творил Сологуб, рос Замятин, рождались Серапионовы братья, явились: Всеволод Иванов, Пильняк; Ходасевич сказался большущим поэтом, сказала Марина Цветаева; творчески жили: и Гумилев, и Ахматова; достижения Клюева, Маяковского, Пастернака, Есенина, Шкапской и многих других – не Берлин: здесь явились “талантики”; там созревали таланты...» (с.228).

Дорогая Мария Михайловна, почему Вы не пишете мне? У меня тьма неприятностей. Во-первых, был изъят «Курбов». Ангарский вчера признался мне, что он добился отмены сей меры ценой для меня тяжкой: он написал предисловие весьма сомнительного свойства, для меня всячески неприемлемое¹. Я возмущался, но ничего поделывать не мог.

Далее: сейчас получил телеграмму от Воронского² «Трест политически отклонен рукопись передана Шкапской». Зарезали! Теперь надежда на Вас: может быть, можно как-либо помочь. Я не знаю, отклонило ли рукопись данное издательство или цензура. В первом случае, может быть, Вам удастся устроить это в другом месте. А во втором придется ограничиться печатанием отрывков в журналах, тогда раздайте отдельные главы в различные места. Главное выколотить сейчас 200 рублей, необходимых Екатерине Оттовне на проезд и пр. Не сердитесь, милая, что я столь нагло обременяю Вас! Сама судьба и Воронский сделали Вас наперсницей бедного Енса³.

Я очень хочу, чтобы Екатерина Оттовна поскорее выбралась. Я устроил дело с визой, и деньги на пребывание ее здесь у меня име-

ются. Но на проезд должен дать «Трест». Только не посвящайте, пожалуйста, ее во все мои финансовые соображения, а как только Вам удастся заполучить что-либо за «Трест», передайте ей. Получив сумму в 100 рублей, она сможет уже выехать.

Живу неважно. Хвораю: сердце саботирует. Ничего не пишу. Ездил немного по Германии. Мечтаю об отдыхе.

Злоключения «Курбова» меня не радуют. Зато была большая и полновесная радость: прочел статью Замятина обо мне⁴. Редко чьи-либо слова произвели на меня столь ободряющее впечатление.

Вышла «Беседа» пристойная и безмерно скучная. Нравится мне «Цоо». Больше никаких новостей. Весны не было вовсе: дождь и ветер. Скучно! А впрочем, простите, что скулю.

Не забывайте и пишите. О судьбе «Треста» напишите, как только удастся Вам что-либо выяснить.

Пишете ли что-нибудь?

Любовь Мих<айловна> шлет привет. Не забывайте.

Целую Ваши руки.

Ваш Эренбург

(Л.30-31)

¹ «Автор ничем не отличается от тех “приемлющих” октябрьскую революцию добрых интеллигентов, – говорилось в предисловии Н. Ангарского, – кои приемлют “как красную” без Трибунала, Г.П.У. и других органов пролетарской диктатуры, что же удивительного в том, что гр. Эренбург столь сгушенными мрачными красками рисует Ч.К.?» (ИМЛИ Ф.146. Оп.1. №20. Л.1). Роман все-таки был разрешен к распространению в СССР без того, чтобы в тираж вклеивали предисловие Ангарского.

² 9 февраля 1923 Эренбург в письме А.К.Воронскому, возглавлявшему кооперативное издательство писателей «Круг», предложил ему роман «Трест Д.Е.» для «Красной нови» (См.: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. С.579-580).

³ Енс Боот – главный герой романа «Трест Д.Е.».

⁴ См. примеч. 3 к письму 9.

Дорогая Мария Михайловна,

спасибо за письмо и за все заботы обо мне. Я удручен неудачами. Судьба «Курбова» мне непонятна. Я никак этого не ждал. Очевидно, отвык от климатических условий. Напишите мне, пожалуйста, подробно, что говорят о нем как в литературных, так и в нелитературных кругах.

Еще непонятна судьба Енса¹. Я злюсь сильно на «Круг» – они тянули дело три месяца и все время давали неправдивые телеграммы: «ответ послан» и т. п. (это Аросев).

Мои материальные дела пошатнулись, и продать «Д.Е.» в Россию для меня более чем полезно. Может быть, Лидину² и удастся это сделать. Если что-либо узнаете в этой области до Вашего отъезда в Крым – напишите мне, не поленитесь.

Я себя плохо чувствую. Думаю, что скоро удастся выехать из Берлина. Рад за Вас, что едете в Крым.

Увидав Эк<атерину> Отт<овну>, скажите (я ей писал на днях и скоро опять напишу), чтобы она нелепыми слухами не смущалась. Я надеюсь, что хотя бы части «Д.Е.» Лидин продаст. Тогда он ей переведет 56 долларов, и пусть, не задумываясь, немедленно едет. Уговорите ее, пожалуйста!

Спешу отослать письмо – пишу мало. Да и мрачен (все от сердца – без аллегорий). Не забывайте и пишите мне.

Весь Ваш

И.Эренбург

(Л.32)

¹ Т.е. романа «Трест Д.Е.».

² Владимир Германович Лидин (1894–1979) – московский прозаик, неизменно помогавший Эренбургу в его литературных делах; их отношения стали особенно дружественными после поездки Лидина во Францию в 1927, где он постоянно общался с Эренбургом в Париже и в Бретани.

33

4.6 <1923>

Дорогая Мария Михайловна,

Вашу открытку получил. Получил наконец и письмо от Аросева (странное, где он м<жду> пр<очим> упоминает о каком-то откровенном разговоре с Вами после возвращения рукописи). К счастью, Лидину удалось устроить «Трест». Надеюсь скоро увидеть здесь Эк<атерину> Отт<овну>. Я чувствую себя плохо, и доктор загнал меня в Гарц. Сегодня над нами на Брокене выпал снег (это в июне-то), отель топят. Сплошное Д.Е.! Сiju здесь, пока не поправлюсь (простуда). Хочется работать. С «Курбовым» у меня несчастье. В чем дело, толком я не знаю. Если напишете обо мне подробно, очень обрадуете. Я послал Вам на питерский адрес экз<емпляр> «Д.Е.» Как он показался Вам в целом. Издан, по-моему, очень забавно. Видели ли Вы Иринку? Что она? Как Ваше здоровье? Пишете ли? В Крыму, верно, тепло – это хорошо. Я стосковался по солнцу.

Пишите мне на «Геликон». Привет от Люб<ови> Мих<айловны>.

Целую Ваши руки.

Эренбург

Привет мой Марк.² и Бубе³.

(Л.33)

¹ В геликоновском издании «Треста Д.Е.» на полях книги к каждой главе были напечатаны многочисленные подзаголовки по ходу действия.

² Возможно, имеется в виду Илья Маркович Басс – близкий друг Шкапской, которого Эренбург помнил еще по Франции 1913–1916.

³ Неустановленное лицо.

34

Westerland
18.7<1923>

Милая Мария Михайловна,

очень обрадовался, получив от Вас наконец крохотное письмо. Если Вам хорошо в Коктебеле, радуюсь за Вас¹. (У меня об этом месте сохранились воспоминания, неподходящие к «Sommerfrischen»², как говорят здесь.) Отчего Вы так мало пишете?

Расскажите мне, каков теперь Коктебель? Поклонитесь тем, кто не плохо помнит обо мне³. Еще просьба: найдите в деревне крестьян: Марину Васильеву⁴ и Гаврилу Стамова⁵ и передайте им от меня горячий привет. Они были с нами очень добры, и я часто вспоминаю их.

Пишете ли Вы стихи? Какие?

Мы сейчас на Северном море – есть такой остров Sylt <y> датских берегов. Здесь немки в ярких джемперах и таблички с курсом доллара. Впрочем, имеется море и не эрзацное – Балтийское, но с приливом и пр.

Я изредка пишу стихи и, несмотря на строгий запрет врачей, курю трубку.

В Берлине были серапионы Лунц⁶ и Никитин⁷. Первый мне очень понравился.

Читаю Диккенса и стихи Пастернака.

Ем мороженое. Каждый день читаю о себе ругательные рецензии. Собираюсь писать сентиментальный роман⁸. Книга стихов будет называться «Не переводя дыхания»⁹ (это без иронии).

Екатерины Оттовны все нет. И ничего от нее давно не было.

Пишите. Привет от Любви Мих<айловны>. Нежно целую Вашу руку.

Ваш Эренбург

Пишите на «Геликон» – Baumbergerstr., 7.

(Л.39-40)

¹ По возвращении из Коктебеля Шкапская 20 сентября 1923 писала Волошину: «Милый Макс, добрый мой и родной, если бы Вы знали, как я тоскую по Коктебелю, по милой тишине холмов, по ласковому шепоту моря, по теплой и неиссякаемой сердечности Вашего дома и Вашей нежности» (РО ИРЛИ Ф.562. Оп.3. №1303. Л.13).

² Дачная жизнь (нем.).

³ Эренбург уехал из Коктебеля в 1920, поссорившись с матерью М.А.Волошина Еленой Оттобальдовной; его отношения с самим Волошиным тогда тоже оставляли желать лучшего.

⁴ М.Васильева и ее муж А.В.Васильев – сторожа дачи В.В.Вересаева в Коктебеле (сообщено В.П.Купченко).

⁵ Гавриил Дмитриевич Стамов (1884–1923) – коктебелец; после изгнания Врангеля был председателем Старо-Крымского ревкома.

⁶ Лев Натанович Лунц (1901–1924) приезжал в Берлин из Гамбурга 17 июня 1923 на два дня и виделся с Эренбургом. 20 июня он сообщал «Серапионам» в Питер об Эренбурге: «Человек не плохой, и супруга славная. Но писатель – не очень. Прочел его новый роман “Д.Е.”. Плохо... Проспорил с ним целый вечер в кафе о литературе» (См.: Из далеких двадцатых... С.239-240).

⁷ Николай Николаевич Никитин (1895–1963) – прозаик; познакомился с Эренбургом в Берлине в июне 1923; их отношения тогда не сложились (отчасти и из-за того, что Никитин путешествовал по Европе со своим другом Б.Пильняком и, кроме того, к прозе Эренбурга относился отрицательно). Подробнее об их последующих отношениях см.: Илья Эренбург и Серапионовы братья / Публ., вступит. ст. и комм. Б.Фрезинского // Вопросы литературы. 1997. №2. С.34-260.

⁸ «Любовь Жанны Ней».

⁹ Книга стихов «Не переводя дыхания» была составлена Эренбургом из 40 стихотворений (20 из сборника «Звериное тепло» и 20 – новых). По поводу издания ее Эренбург вел долгие переговоры с Ленгизом, в результате был подписан договор на одновременное издание его романа «Рвач» и книги стихов «Не переводя дыхания». Когда в 1925 цензура запретила роман, книгу стихов также решили не издавать. Рукопись ее затерялась в издательстве, и сейчас известна примерно половина из 20 новых тогда стихов. После этого у Эренбурга-поэта наступил долгий перерыв – он снова начал писать стихи лишь в 1938.

35

Свинемюнде,
18-го августа <1923>

Дорогая Мария Михайловна, верьте, здесь Коктебель тоже мнится иным миром, и миром страшным. Нет, не хотел бы я вновь очутиться там, ведь с ним связаны у меня самые трудные и безлюдные месяцы моей жизни.

Что с Вами? Почему такая грустная? Как здоровье?

Я охотно бы сделал что могу касательно стихов Волошина, но книга уже вышла, кажется, месяц тому назад¹. Передам, но полагаю, что это непоправимо².

Я провел лето (сегодня – осень) пусто и невесело. Кроме красных боков Гельгоганда³ и вспомнить нечего. Не работал. Впрочем, к зиме, верно, наберется крохотная книжица стихов, о которой писал

Вам. В ней, как и во многом ином, я являюсь робким учеником Пастернака. Посылаю Вам одно стихотворение⁴.

Пишете ли Вы?

Передали ли Вы мой привет крестьянам Гавриле Стамову и особенно Марине Васильевой? Это хорошая женщина. Еще в Коктебеле хороши холмы, но, разумеется, не натошак.

Здесь сейчас все нам знакомое. Немцы, впрочем, удивляются. Надеюсь вскоре засесть за большой сентиментальный роман⁵.

Поездка Е<катерины> О<тговны> расстроилась. Она сейчас на даче под Москвой с детьми⁶.

Пишите. Л<юбовь> М<ихайловна> благодарит за память и шлет сердечный привет.

Нежно целую Ваши руки.

Ваш Эр<енбург>

(Л.41-42)

¹ В конце июня 1923 в Книгоиздательстве писателей в Берлине (оно работало при Доме Искусств) вышла составленная А.С.Ященко книга М.Волошина «Стихи о терроре»; в конце сентября была издана еще одна книга: *Волошин М.* Демоны глухонемые. 2-е изд. Книгоиздательство писателей в Берлине, 1923 (обложка работы художника Ивана Пуни).

² Видимо, речь идет о попытке Волошина как-то повлиять на процесс издания его стихов в Берлине. 13 октября 1923 Шкапская сообщила ему: «Книга Ваша, вышедшая за границей, “подверглась” похвале “Руля”. Руль попал в Питер, и Майский <редактор журнала «Звезда». – Б.Ф.> не рискует печатать теперь в Звезде те стихи, что хвалил Руль. Боюсь, как бы вообще не вышло Вам каких неприятностей... М<ожет> б<ыть>, Вы обдумаете план какого-нибудь открытого письма в газеты по поводу истории с напечатанием книги без Вашего ведома?» (РО ИРЛИ.Ф.563. Оп.3. №1303. Л.17).

³ Немецкий остров в Северном море.

⁴ Не сохранилось у Шкапской.

⁵ «Любовь Жанны Ней».

⁶ У Е.О.Шмидт было трое детей: Ирина (дочь Эренбурга), Наташа и Андрей (дети Т.И.Сорокина).

Милая Мария Михайловна,

Пишу из Риги (пришлось на день остановиться здесь)¹. Завтра утром едем дальше. Страшно жалко, что в Питере (да и повсюду в России) я был в отношении времени настолько <нрзб.> и что не удалось даже как следует повидаться с Вами. Думаю осенью непременно быть в Петербурге. От него и от России осталось столь доброе впечатление, что вряд ли долго засижусь теперь в моей Европе. Сейчас

буду работать: сценарий, пьеса, роман. В июне приедет за границу Ирина². Напишите мне на «Геликон» – Bambergerstr. 7.

Сердечный привет!

Ваш

Эренбург

Привет от меня Тихонову³.

Дорогая Мария Михайловна,

Шлю Вам самый лучший привет и благодарность за теплый прием в Питере⁴. Не забывайте. Если встретите Тихонова, передайте привет.

Целую Вас

Ваша Л.Козинцова

(Л.56)

¹ По возвращении из поездки по России.

² С согласия Е.О.Шмидт-Сорокиной.

³ Личное знакомство Эренбурга с Н.С.Тихоновым состоялось именно в марте 1924, во время поездки в Петроград.

⁴ М.М.Шкапская из Москвы снова перебралась в Петроград.

Милая Мария Михайловна, я не сразу ответил Вам – работал. Написал пьесу в 5 актах под душераздирающим названием «Нефть и Любовь»¹. Очень хочется сесть за роман², но сил нет. Упорно хвораю. Сижу в Берлине – жду Ирину. Вероятно, скоро удастся уехать в Италию. Спасибо за поэму Тихонова³. Вещь хорошая, но «Юг» куда и куда больше обещает. Думаю, что он пойдет дальше от «Юга». Пришлите мне Вашу поэму⁴. Что подельваете? Куда думаете ехать на лето? Как вещал Макс?⁵ Пишите обо всем, у нас ей-ей можно взбеситься от скуки. С тех пор как марка стабилизировалась, жизнь стала окончательно пресной (и даже хуже). Я читаю описание америк<анских> «республик» и никак не могу выбрать какая лучше – Гондурас или Гватемала? В моей пьесе один из актов – радиостанция. Так отразился Науен⁶ (до ужаса безграмотно!). Глядели ли Вы «Бунт машин»⁷? Что это? Сильно ли разнится от пьесы Чапека или нет? Как прошли гастроли Моск<овского> Камерного театра? Злодей Мейерхольд, несмотря на все мои беснования, ставит «Д.Е.»⁸. Его убить я не могу. Себя – жаль. Теперь разрешите пристать с просьбами (настанет день, когда Вы меня обругаете. Правда?). Все о том же, т. е. 1) печатает ли Госиздат стихи⁹, 2) получены ли из цензуры «Петроградом» две книги¹⁰ и почему они тогда, мошенники, не шлют денег? Потеряйте на полчаса присущую Вам женственность и

мужественно объяснитесь в этих двух загадочных трущобах. Еще прошу: если Вам попадетса что-либо обо мне, вообще или в частности, вырежьте и пришлите.

Это не в порядке коллекционирования тумб, у которых останавливались породистые фокс-терьеры, а со строго практичными и весьма важными для меня целями.

Всем петербуржцам от меня привет. Целую Вашу руку.

Ваш

Эренбург

Пишите.

О Вас была в «Руле» потрясающе ругательная статья Каменецкого (Айхенвальд) о стихотв<орении> «Людов<ик> XVII»¹¹. Видали ли Вы? если нет, разыщу и пришлю.

(Л.26-27).

¹ Это розыгрыш – такой пьесы Эренбург не писал.

² Замысел романа «Рвач» возник у Эренбурга во время поездки по нэповской России в начале 1924.

³ «Шахматы» (1923). В тот же день Эренбург писал Полонской о Тихонове: «Новая поэма его мне показалась менее “всурьез”, нежели “Юг”» (Письма Эренбурга Полонской. №2. С.243).

⁴ «Человек идет на Памир»; напечатана с посвящением: «Посвящается заводу Сименс-Шуккерта в Берлине». Вошла в книгу Шкапской «Земные ремесла» (М., 1925). По поводу новой поэмы Шкапской 10 апреля 1924 Эренбург писал Полонской: «Она мне написала, что ее новая поэма – об электр. заводе Сименса и Шукерта. Ты же пишешь – “об аборте”. Как понять такое? На Сименса или на Шукерта ложится страшная тень» (Письма Эренбурга Полонской. №2. С.243)

⁵ М.А.Волошин в апреле 1924 выступал в Петрограде с чтением новых стихов.

⁶ Речь идет о радиостанции, расположенной в городке Науен западнее Берлина.

⁷ Спектакль по пьесе А.Н.Толстого «Бунт машин» (одноименной со знаменитой пьесой К.Чапек) был поставлен в Большом Драматическом театре (режиссер К.П.Хохлов, художник Ю.П.Анненков; премьера 10 апреля 1924). В рецензии на него говорилось: «Толстому, Монахову (исполнитель главной роли. – Б.Ф.), Анненкову обязан БДТ лучшим спектаклем за все время своего существования» (Вечерняя Красная газета (Л.). 1924. 15 апреля).

⁸ Речь идет о постановке в театре им. Вс. Мейерхольда спектакля по книге Эренбурга «Трест Д.Е.» (инсценировка М.Г.Подгаецкого) вопреки требованию Эренбурга предоставить ему возможность инсценировать собственный роман. Спектакль был показан в Москве 3 июня 1924, а в Ленинграде 15 июня. Ссора с Мейерхольдом из-за этого спектакля продолжалась несколько лет.

⁹ Т. е. книгу стихов Эренбурга «Не переводя дыхания» в Ленгизе.

¹⁰ Имеются в виду книги, готовившиеся издательством «Петроград»: 1) «Бубновый валет и компания» Ильи Эренбурга (вышла в 1924) и 2) «Басс-Бассина-Булу» Ф.Элленса (перевод с французского под редакцией Ильи Эренбурга; вышла в 1925). С владельцем издательства Я.Б.Лившицем Эренбург вел изнурительную переписку по поводу этих изданий; с просьбой помочь ему получить причитающиеся деньги от прижимистого издателя он регулярно обращался также к Е.Г.Полонской.

¹¹ *Каменецкий Б. <Ю.И.Айхенвальд>*. Литературные заметки // Руль. 1924. 6 апреля. Айхенвальд резко оспаривал идею Шкапской о непричастности матерей к содеянному их детьми – будь то казнь Людовика XVII или убийство наследника русского престола Алексея Второго. К стихотворению Шкапской «Людовик XVII» Айхенвальд вернулся в статье «Русская учительница» (Руль. 1924. 27 апреля), противопоставив ее позиции позиции некоей сельской учительницы, в прошлом меньшевички (о которой говорил в берлинской публичной лекции Ф.А.Степун), которая пришла к выводу о своей личной ответственности за все содеянное в России.

38

Берлин, 12.IV <1924>
Trautenaustr., 9

Милая Мария Михайловна,

за письмо спасибо. Живу я скверно: после поездки утомление сказалось лишь теперь, и я еле двигаю лапами. Надеюсь, что вскоре удастся куда-либо уехать отсюда – в Италию или в Бельгию (о Париже и не мечтаю). Словом, нахожусь в чисто европейском состоянии – жду виз. Здесь паршиво. За время моего отсутствия выравнялось <так!>. Оператор, кажется, трезвеет¹, но от этого, право же, не веселее. Хочется скорей сесть за большой роман из русской жизни², но пока что голова не работает. Впрочем, пишу сценарий по «Жанне Ней»³. Читали ли вы в «России» начало моего романа? В Москве на сей раз почти ничего не видел: все время возился с визно-разрешительными делами. Что у вас там нового? Какая поэма Тихонова? Пишите мне обо всем. Я скучаю теперь по России. Кроме того, я теперь стар и брызглив. Любовь Мих-айловна> шлет Вам всяческие приветы. Всего доброго!

Ваш

Илья Эренбург

(Л.48)

¹ Намек на цикл лекций «Пьяный оператор», которые Эренбург читал в Берлине и в России в конце 1923 – начале 1924.

² Роман «Рвач», к непосредственной работе над которым Эренбург приступил в Бельгии в июле 1924.

³ Эренбург в Петрограде заключил договор на этот сценарий со студией «Кино-север» (будущий «Ленфильм»). Московская цензура написанный им

сценарий не пропустила. Фильм по роману Эренбурга «Любовь Жанны Ней» снял в 1927–1928 в Берлине на студии УФА режиссер Георг Пабст.

⁴ Роман «Любовь Жанны Ней» был опубликован в №1-3 московского журнала «Россия» за 1924.

39

19.4<1924>

Милая Мария Михайловна,

у меня к Вам (не сердитесь) просьба, да не одна, а целых две. Чувствую, что нехорошо, но все же прошу. Единств<енное> смягчающее вину обстоятельство, что обе не очень сложны.

Первая: поговорить с из<дательст>вом «Петроград» в лице Я.Б.Лившица¹. Выяснить, прошли ли через цензуру 2 книги – 1) «Басс-Бассина-Булу», 2) «Бубновый валет и К^о». Если еще не прошли – как ускорить. Если прошли, попросить их немедленно выслать деньги. Последнее особенно очень важно в той части, которая относится к «Б<асс>-Б<ассина>-Б<улу>», т. к. деньги идут автору. Так что, если «Б<асс>-Б<ассина>-Б<улу>» прошел цензуру (а вряд ли он залежится там), то предложить им незамедлительно телеграфом перевести деньги мне в Берлин.

Вторая: поговорить в Госиздате с Ионовым² или с тем, кто его замещает. Узнать, приступлено ли к изд<анию> моих стихов. Если да, то попросить корректуру дать Б.К.Лившицу³. Если нет, то сказать, что я дал стихи не на хранение. Вопрос о том, дам ли я им мой новый роман⁴, находится в тесной связи с тем, быстро ли они издадут «Не перевода дыхания». Еще раз не сердитесь. Я писал три раза в «Петр<оград>», но ничего не мог добиться.

В конце апреля приезжает сюда Ирина. В первых числах мая мы едем в Италию, кажется, в Сицилию. Я написал сценарий⁵. В общем, халтура.

Что у Вас? Не забывайте! Сердечный привет от Любы.

Ваш

Эренбург

P.S. При встрече с Никитиным⁶ передайте ему, что книга «Scenes de Revol<utionnaire> Russe»⁷ вышла (переводы Гарибальди). Там его очерк об Екатерине. Получил ли он книгу и гонорар?

Э<ренбург>

(Л.49)

¹ Владелец издательства был также и питерским литератором. См., например, его статью «О “кризисе” европейской культуры»: Утренники. 1922. №2.

² Илья Ионович Ионов (Бернштейн; 1887–1942) – поэт и издательский работник; тогда влиятельный глава Ленгиза, зять (брат жены) всесильного Г.Е.Зиновьева.

³ С поэтом и переводчиком французской поэзии Бенедиктом Константиновичем Лившицем (1887–1939) Эренбург договорился об этом в марте во время поездки в Петроград (они познакомились еще в Киеве в 1919).

⁴ Имеется в виду еще не написанный «Рвач».

⁵ По роману «Любовь Жанны Ней».

⁶ «Серапион» Н.Н.Никитин.

⁷ «Картины революционной России» (франц.).

40

Рим,

18-го июня <1924>

Милая Мария Михайловна,

от Вас давно не было писем. М<ожет> б<ыть>, уехали?

Я третью неделю в Италии. Здесь все на месте. Эрколе¹ и тритоны² плюются. Колонны стоят, англичанки, умиляясь, едят «тосты». Фашисты кричат «э-ла-ла» и поднимают руки кверху. Что касается солнца, то оно действует вполне исправно, и я одуреваю. Ничего осмысленней этой белиберды придумать не могу (сейчас 3 ч<аса> и не менее 30 градусов).

Что Вы? Что у Вас? Напишите – не поленитесь.

Завтра уезжаем из Рима на неделю в Сардинию (это остров такой – честное слово). Оттуда через Париж (визу получил – представьте) в Бельгию.

Пишите мне: Mr. Hellens³ (для меня)

1385, Chaussee de Waterloo

Bruxelles-Uccle

Бога ради узнайте в и<здательств>е «Петроград» – почему они не высылают денег и молчат?

От Любви Мих<айловны> и меня самый сердечный (здесь бы сказали serdecimissimo) привет.

Ваш

Эренбург

Пишите!

(Л.61-62)

¹ Персонаж романа «Хулио Хуренито»: итальянец, любивший плевать.

² Имеются в виду фонтаны в виде тритонов.

³ Бельгийский писатель Франс Элленс (Ван Эмергем; 1881–1972) был вторым мужем парижской приятельницы Эренбурга времен 1914 года Марии Марковны Милославской (по первому мужу Немировой); в 1921 Элленсы приютили Эренбурга с женой, когда французская полиция выслала его из Франции и он оказался в Бельгии. С тех пор Элленс и Эренбург связывали дружеские отношения.

41

21.6 <1924>

Милая Мария Михайловна,

на днях писал Вам. После этого получил Ваше письмо. Не знаю как быть с Манфредом¹, напишу кому-нибудь в Берлин, чтоб узнать, там ли он?

Спасибо за поэму. Помните, что я говорил Вам о необходимости выйти из круга. Вы сделали это лишь частично, и наименее удачные места поэмы напоминают Ваши прежние стихи.

Я не знал, что Ионов по-прежнему зав. Госиздатом. Говорили, что там другие люди. Я писал туда. Пожалуйста, спросите его: 1) как же со стихами? 2) Ответили ли они мне о новом романе?

А также позвоните бога ради в «Петроград». Почему они молчат и не шлют денег: я протратился изрядно.

Не были ли Вы на представлении Мейерхольда «Д.Е.»²? Что слыхали об этом? Если у Вас есть рецензии, будьте трогательной – пришлите.

Куда едете? Как Ил<ья> Марк<ович>³?

Привет!

Ваш

Эренбург

Адрес: Mr. Hellens (для меня)

1385, Chausse de Waterloo

Bruxelles-Uccle

Бельгия

(Л.59-60)

¹ Неустановленное лицо.

² Такой же вопрос задавал Эренбург 22 июня 1924 Полонской относительно ее брата театроведа А.Г.Мовшенсона (Письма Эренбурга Полонской. №2. С.245).

³ И.М.Басс, близкий друг М.М.Шкапской, был в то время болен, и обсуждался вопрос о его поездке на лечение за границу. Застрелился 28 сентября 1925.

42

Coxyde. Bains

Hotel Trianon

6/ 7 <1924>

Милая Мария Михайловна, на 2 мои письма из Италии я ответа не получил. Уехали?

Большая к Вам просьба (все та же) позвонить в и<здательств>о «Петроград», чтоб они выслали незамедлительно деньги. Увы, все «лекционные»¹ ушли на макароны.

Я пробыл 5 дней в Париже. Там не жизнь, а сплошной mardi gras². Теперь – у моря. Пишу Вам, а дом трясется от ветра. Это здесь в порядке вещей.

Нужно писать роман. Voilà.

Напишите, что вы знаете о Мейерхольдовской постановке «Д.Е.», и не поленились, пришлите мне № «Жизни искусства» – там, судя по газетному объявлению, была статья об этом спектакле³.

Пишите! От Любви Мих<айловны> и меня всяческие amities⁴.

Ваш

Эренбург

(Л.63-64)

¹ Т. е. деньги, заработанные в России за чтение лекций «Пьяный оператор».

² Имеются в виду парижские масляничные карнавалы, в первый раз их участником Эренбург был весной 1909 (см.: *Левина-Киреева М.* Илья Эренбург в Париже 1909 года // Вопросы литературы. 1982. №9).

³ См.: *Эрде.* Эренбург – дитя кафе и богемы // Жизнь искусства. 1924. №16. Статья завершалась резко: «Эренбургский хлеб это бриошь. Это хлеб для гурманов, для пресытившихся, для одиночек, для доморощенных нищешанцев и всякого рода неудачников, эпатирующих буржуа. Нам подавай хлеб, а не бриошь. Бриошь долой со сцены Мейерхольда!»

⁴ Буквально: дружбы (*франц.*); здесь: выражения дружбы.

43

20.8 <1924>
Hotel Trianon
Coxhyde

Дорогая Мария Михайловна,

спасибо за письмо, хоть и краткое. Невозвратимы золотые времена. Мне явно пришлось уступить свое место в Вашем сердце или Сименсу, или Шукерту¹, или обоим предприимчивым немцам.

Радуюсь за Вас: Коктебель, конечно же, очаровательное место. Голоса моря и поэта в нем удачно чередуются. Правда, мелкие камешки на пляже, сколопендры и болгары несколько <1 нрзб.>. Но Солнце! Но Литература! Кстати, напишите мне, как ведут себя мои бывшие ученики (площадка!²).

В Париже на В<oulevard>d Montparnasse ночью работает бар «Жокэ». Там некая Кики³ и неунывающая Айша⁴ танцуют «Je cherche apres Titine»⁵. Конечно, это следствие моей полной несознательности, но...

<Нрзб.> ради меня!

В моем новом романе «Рвач» один из персонажей, едущих в Берлин за аппаратами радио = Зискинду⁵.

+ Ангарский.

Это будут читать для аппетита.

Все критики меня ругают;
издатели меня надувают.

Кроме всего, у меня болит живот, причем бесплодно, так как ничего из этого хорошего не выйдет. Однако это очень долорозо (*doloroso*⁶).

Простите меня за легкомысленный тон. Это, что называется, от душевной боли. Герой мой («рвач» – Мишенька), тот в аналогичных случаях либо бьет стенные часы, либо продает краденую овчину. Я не умею ни скандалить, ни торговать.

Пишите! От Любови Михайловны всяческие приветствия.

Ваш Эренбург

(Л.65-66)

¹ См. об этом примеч. 4 к письму 37.

² Имеется в виду детская площадка в Коктебеле, организованная в 1920 Я.И.Соммер при содействии Эренбурга (см. об этом: *Соммер Я. Записки // Минувшее: Исторический альманах. Вып.17. М.; СПб., 1995*).

³ Кики – легендарная натурщица Монапарнаса 1920-х Алиса-Эрнестина Прен (1901–1953).

⁴ Айша Гoble – натурщица в парижском кафе «Ротонда», которую Эренбург знал еще в 1910-е и которую упоминает в мемуарах «Люди, годы, жизнь»: «Негритянка Айша, откидывая назад большую голову, покрытую черно-синими жесткими кудряшками, бурно хохотала, в полумраке сверкали ее зубы» (*Эренбург И. Собр.соч.: В 8 т. Т.6. М., 1996. С.482*); ее именем был назван персонаж романа «Хулио Хуренито» негр Айша.

⁵ Я бегаю за Титин (*франц.*).

⁶ Абрам Владимирович Зискинд (1898–1975) – сотрудник радиолоборатории М.А.Бонч-Бруевича, приятель Шкапской. С Эренбургом познакомился в 1923 в Берлине, куда прибыл в командировку (подробнее о нем см.: *Фрезинский Б.Я. Эренбург и Ахматова // Вопросы литературы. 2002. №2*). В архиве Шкапской сохранилось письмо к ней Зискинда от 3 декабря 1922 (РГАЛИ Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.322), в котором он сообщает: «Завтра возвращаю Вам “Хулио”, прочтенную всеми, всеми», а также: «Портреты получил и завтра надежным способом отправляю их Эренбургу и укажу ему способ вернуть их в целости мне»; в этом же письме – отклик на «Трубку мира», напечатанную в журнале «Паруса» (М., 1922. №1): «Это бесподобно! Я давно не плакал над книжками и сегодня, к стыду своему, заплакал».

⁷ Здесь: прискорбно (*итал.*) – от названия книги Шкапской: «*Mater Dolorosa*» (Мать Скорбящая).

Милая Мария Михайловна,

почему Вы вовсе забыли обо мне? Измеряется ли это дальностью расстояния, легкомыслием моих писем или моим литературным па-

дением, констатированным единогласно всей отечественной критикой?

Париж не на много дальше Берлина и уж определенно ближе Парижа <так!>. Я бываю иногда в доме 88 В<oulevard>d Port-Royal². Кажется, и консьержка прежняя. Не говоря уже о каштанах и пр.

Я обычно хандрю, и мое легкомыслие всегда вызывает подозрение даже у гарсонов кафе. То я недоволен, что повсюду искусство, и жажду простых пожарных³ или жирных улиток, от которых у меня болит живот. То, как «отцы» у Тургенева на «детей», с брезгливой жалостью косясь на новое «конструктивное» поколение, требую отмененного «вдохновения».

Так проходят дни. При всем этом я пишу «Рвача». Вероятно, к декабрю его кончу. Его смогут понимать (как и другие мои книги) по-разному. И так, и этак. Но (хоть и продан Ленгизу), я сомневаюсь в том, что он будет напечатан.

По слухам, доходящим сюда, «Жанну» все ругают и крестят меня Вербицкой⁴. Что мне делать? Заказать соответствующую юбку? Отравиться на могиле Генриха Гейне⁵

Ирина учится в College de <нрзб.>⁶ и изучает стилистические особенности Жорж Занд и Франса (который вовремя умер).

И<здательство> «Петроград» свински не шлет денег. Обружайте их, если Вы не страдаете целомудрием или хрипотой. Это Яков Бор<исович> Лившиц. Такой гражданин.

«Хуренито» вышел во французском переложении. Занималась этим сербка, не зная ни русского, ни французского языков⁷. Поэтому с первой страницы хвост оказывается не у датского дога, но у датского принца, т. е. у Гамлета.

Все это, как и многое другое, заставляет меня повторить: банзай.

От Любови Мих<айловны> сердечнейшие приветы. Разумеется, и от меня.

Ваш Эренбург

Напишите! Как живете? Пишете ли? Что в Ленинграде нового? Как Тихонов? Как его стихи (оч<ень> люблю!). Л<юбови> М<ихайловне> он не ответил. Вообще, большим письмом утешите старца!

Ваш И.Э.

(Л.50)

¹ Адрес отеля «Nice», в котором Эренбург жил в 1913–1917 и поселился вновь, вернувшись в Париж в 1924.

² В этом доме в 1915–1916 жила Шкапская; здесь по воскресеньям у нее собирались молодые русские поэты и художники (в 1911 Эренбург также жил на бульваре Port-Royal в доме 39).

³ «Пожарные» возникают примерно в те же годы и в переписке Эренбурга с Полонской (см., например: Письма Эренбурга Полонской. №2. С.253, 254) в порядке противопоставления житейских радостей – высоким.

⁴ Анастасия Алексеевна Вербицкая (1861–1928) – автор мещанских романов на темы свободной любви. Критик А.Лежнев писал в «Правде» 17 апреля 1924: «Автору “Хулио Хуренито” не пристало конкурировать с Вербицкой». 3 февраля 1925 Эренбург жаловался в письме Полонской: «Ежедневно меня ругают “Вербицкой”, “нэпачем” и т. п. словами» (Письма Эренбурга Полонской. №2. С.249).

⁵ Гейне, один из любимых поэтов Эренбурга, похоронен в Париже.

⁶ Речь, видимо, идет о Коллеж Севинье (*франц.*).

⁷ Перевод «Хулио Хуренито», осуществленный А.Беловой и Драгой Иллич, был выпущен в 1924 парижским издательством «La Renaissance du livre» в серии «Collection litteraire et artistique internationale» с предисловием П.Мак-Орлана.

45

16.11<1924>

155, B<oulevard>d Montparnasse

Милая Мария Михайловна, спасибо за письмо. Я уж было думал, что се vieux ogre de Coctebel¹ Вас скушал. Хорошо, что все обошлось благополучно и кончилось дело скептицизмом. Это повесть о легком конце.

О чем Вам рассказать? В Париже чудные туалеты? Сами знаете. Моя трубка лишена общего интереса. Жизнь, кажется, тоже. Я старею и сдаю. Это в порядке вещей. Мне скоро 34 года, но я прожил 1917–<19>21, следовательно $x 2 = 68$. Возраст почти Анатоля Франса.

Я заканчиваю «Рвача». Это глупый роман. Я люблю героя, хоть он пакостник, сволочь, наклонная к романтике, и патетический спекулянт. Вероятно, патологическая любовь. А м<ожет> б<ыть>, и Федор Кузьмич любит Передонова² – не знаю.

Что в России? Я вовсе отрезан! Кто что пишет? Как живут? Попросите Федина прислать мне роман, когда выйдет³ – я жду многого от него. А Тихонов? Слонимскому скажите, что я познакомился с его кузеном, польским поэтом⁴. Он уехал в Бразилию. И очень звал Слонимского в гости в Варшаву весной.

Пишете ли Вы и что?

Французы пишут хорошую прозу и гадкие стихи.

Но кому это нужно? Братья-писатели, зачем мы стараемся? Гонорар... Да, конечно. И нечего мудрить. Вот делают красивые плевательницы, потеют люди, чтобы другим было приятно плевать. Велика премудрость господня!

Напишите, очень ли меня ругают в Питере за «Жанну». А Шагиная тоже ругают?⁵

Очень прошу Вас тоже обругать, но не меня, а и<здательств>о «Петроград» (Литейный, 50) лично или по телефону. Я жду от них

деньги 7 (семь) месяцев. Пусть вышлют тотчас же, если не хотят ссоры и развода.

От Л<юбови> М<ихайловны> всяческие приятные слова. Не забывают!

Ваш

Эренбург

(Л.51)

¹ Старый коктебельский прожора (*франц.*) – имеется в виду М.А.Волошин.

² Учитель Ардальон Борисович Передонов – главный герой романа «Мелкий бес» Федора Кузьмича Сологуба (Тетерников; 1863–1927).

³ Роман К.А.Федина «Города и годы», о котором еще в процессе работы Федина над ним много говорили в питерских литературных кругах, был издан в Ленинграде в 1925. Эренбург познакомился с Фединым в Петрограде в марте 1924 и время от времени поддерживал с ним переписку в 1920е – 1930-е.

⁴ Выдающийся польский поэт Антони Слонимский (1895–1976).

⁵ Видимо, имеется в виду – за роман «Месс Менд, или Янки в Петрограде», напечатанный М.Шагинян под псевдонимом «Джим Доллар».

46

3.12 <1924>

155, В<oulevard>d Montparnasse

Милая Мария Михайловна, надеюсь, что письмо мое найдет Вас уже здоровой. На тиф ведь дело не похоже. И вообще хворать нехорошо.

Очень растроган тем, что и болящая не поленились переписать мне поэму Тихонова¹. Стихи его мне очень понравились: свежестью, терпкостью и при всем осознании новой post-пастернаковской формы своей тихоновской мужественностью. Скажите ему еще раз, что он прекрасный поэт, и добавьте это всяческими приветствиями. Жаль, что пропало письмо Л<юбови> М<ихайловны> к нему: там была фотография забавного его портрета сделанного ею, с трубками, пароходами и прочим («фото-монтаж», кажется, называются эти фокусы).

Я кончил «Рвача». Еле-еле. Думал, умру. 18 (восемнадцать) листов! Писал 4 (четыре) месяца! Дольше и больше всех книг. + Трудный язык. + Такая пакость, мразь, что мне самому не по себе. Скажите, милая М<ария> М<ихайловна>, зачем писать гнусные книги? Кому это нужно?

В Париже стоят традиционные туманы и близится традиционный «reveillon»² – появились уже палатки. Значит, все на месте. Что касается постарения, то это хитрая штука вроде «вращения земли». Универсальность делает его незаметным. Вращаться и стареть едино-

лично было бы много труднее. Единолично умирают, и это, наверное, определенно трудно.

Однако у меня определенно портятся и почерк и характер.

Как Вы? Пишете? Что в литературе? Не забывайте – пишете!

Если добьетесь чего-либо от Лившица или его зама (в и<зда-
тельств>ве «Петроград»), буду очень признателен. Приветы сердеч-
ные от Люб<ови М<ихайловны> и меня!

Ваш

Илья Эренбург

(Л.53)

¹ Речь идет о написанной в сентябре–ноябре 1924 и опубликованной в 1925 поэме Н.Тихонова «Дорога» о путешествии по Кавказу. Судя по следующим письмам, Шапская лишь сообщила Эренбургу, что переписала поэму Тихонова, послана она была позже.

² Торжественный ужин в рождественскую ночь (франц.).

47

23.12 <1924>

155, Boulevard Montparnasse
Paris 6-e¹

Милая Мария Михайловна, почерк не порок, а несчастье. Почему Вы хвораете? Нехорошо! (Это уже не порок.)

За обещание прислать поэму Тихонова – спасибо. Очень занятно.

Аросева видал². В ликовании народа участия не принимал: характер³.

Лившиц, конечно, денег и не думал высылать. Бога ради, насыдьте на него! Учините скандал и заставьте расплатиться! На Вас – надежда⁴.

Судьба «Рвача» пока в руках Ионова (рукопись отослал). Завтра reveillon. Всюду палатки (помните?). Продают усовершенствованные подтяжки, нугу и Мильерана⁵ в виде петушка. Все как было. Какой город чудный!

Когда будет оказия, пришлю Вам книги. Посылать записки к издателям москов<ским> не стоит – только нервы расстроите.

Люб<овь> Мих<айловна> пошлет Вам на днях замечательный рисунок. Я же прилагаю отрывок из одного послания, где речь идет о Максе⁶.

Ирина слегка офранцузилась и читает... petit Larousse⁸! Я читаю «Известия» и франц<узскую> пинкертоновщину.

За лаконизм не сердитесь: после 18 печатных листов «перо просит покоя». Пишите!

Весь Ваш

Эренбург

(Л.52)

¹ Адрес Эренбурга отпечатан типографски.

² С установлением дипломатических отношений СССР с Францией А.Я.Аросев получил дипломатическое назначение в Париж.

³ Речь идет о «торжественных манифестациях парижского пролетариата» по случаю прибытия в Париж первого советского посла Л.Б.Красина (см., например: Красный флаг СССР в Париже // Известия. 1924. 23 апреля).

⁴ С аналогичной просьбой Эренбург постоянно обращался и к Е.Г.Полонской.

⁵ Александр Мильеран (1859–1943) – деятель французской социалистической партии; в 1920–1924 – президент Франции.

⁶ Возможно, речь идет о фрагменте сентябрьского (1924 года) письма Полонской Эренбургу, по поводу которого он написал ей: «Умиляюсь от того, что тебе стало противно в Коктебеле» (Письма Эренбурга Полонской. №2. С.245).

⁷ Малый Ларусс (*франц.*).

Милая Мария Михайловна, все отечественные и иностранные «спасибо» Вам за заботливость и трудолюбие. Поэма Тихонова¹ действительно великолепна и оставляет позади все им написанное до нее. Я утешаюсь поэтому мыслью, что переписывать такие стихи не было для Вас чрезмерной мукой.

Спасибо также за более «грязное» дело, т. е. за беседы с Лифшицем². Не можете ли Вы озвереть? Пусть Вас разозлят дети, или налоги, или формалисты из Зубовского³. Вот тогда пойдите к нему. Какое мне дело, нравятся ли ему мои рассказы? М<ожет> б<ыть>, ему еще не нравятся мой нос? Тоже возможно. Но ведь суть в деньгах, которые он не высылает. Поставьте ему ультиматум: или он немедленно выплачивает все деньги, или договор, подписанный сразу касательно 2<-х> книг, считается расторгнутым, и он возвращает на месте рукопись «Бубнового Валета». Сделайте это божеское дело! Если голос слаб, возьмите, пожалуйста, с собой какого-нибудь дерзкого мужчину.

Что Вы делаете? Пишете ли?

«Рвач» кончен и послан Ионову. Что с ним будет в дальнейшем – не знаю. Здесь он выйдет в конце февраля.

Попросите Федина прислать мне свой роман⁴. Очень хочется прочесть его. А здесь не продается.

С Новым Годом! (У нас ведь здесь по-старому не принято.) Начался он для меня прозаически. Сiju в Rotonde⁵ и курю новую трубку (кубистической формы). «Mercredi le mangera»⁶ – так переводят французы русских авторов.

Впрочем, сегодня солнце, чудное солнце, прямо-таки замечательное. По кафе гуляет кот, и даже уклон его поднятого хвоста свидетельствует о необычности дня.

Эренбург же, как подобает этому опустошенному субъекту, продолжает курить трубку. Он ждет Ваших писем и жмет трогательно руку.

Ваш

Эренбург

Прокляните Лифшица!

Привет и пр<очее> от Любви Мих<айловны>. Она пришлет Вам чудный рисунок.

(Л.43)

¹ «Дорога» (1924).

² В этом письме и дальше фамилия питерского издателя неправильно написана через «ф».

³ Институт истории искусства, основанный графом В.П.Зубовым (размещался в его особняке на Исаакиевской площади) и ставший после революции государственным; имел репутацию цитадели сторонников «формального метода». В марте 1924 Эренбург выступал там с докладом о работе над романом «Любовь Жанны Ней» и с тех пор несколько иронично высказывался насчет его обитателей.

⁴ «Города и годь».

⁵ Кафе парижской литературно-художественной богемы на углу бульваров Монпарнас и Распай, навсегдаем которого Эренбург был с 1912.

⁶ Характерный пример неверного перевода на французский русского выражения «среда заела», в котором «среда» переведено как название дня недели.

Милая Мария Михайловна, вчера из газетной заметки узнал, что «Петр<оград>» уже выпустил мою книгу рассказов¹. Это предел! Заклинаю Вас предъявить от моего имени ультиматум Лифшицу: или он немедленно высылает мне все следуемые за 2 книги деньги и авторские экземпляры, или я оглашаю дело и прибегаю к суду. Без lamentаций: «да» или «нет». Ответ мне тотчас же сообщите. Книжки пусть вышлют незамедлительно заказной бандеролью с пометкой: «авторские экземпляры». Не сердитесь за лапидарность стиля! Я зол невероятно. Подумайте – сижу без денег. Все издательства увиливают и т. д. Что будет с «Рвачом»? Не знаю и сильно боюсь за его судьбу. Все меня ругают, что есть силы. А здесь то же самое. В Дании печатание «Треста» произвело скандал, оборвали на середине.

Франц<узский> перевод «Хуренито» обкарнали. И т. д. Видите, как я умею жаловаться! Хвораю. Уже скучно без работы, и вскоре, наверное, засяду за свой «Гид»². Хочется прочь из Европы, в Америку, что ли. Пишите, пожалуйста, не забывайте!

Весь Ваш

Эренбург

Если будут рецензии о моих книгах, пришлите, сюда ничего не доходит.

(Л.45)

¹ Возможно, имеется в виду полученная Эренбургом по почте вырезка из «Ленинградской правды», где 1 января 1925 была напечатана заметка о книге «Бубновый валет».

² Новый замысел Эренбурга – сборник очерков о кафе Европы; первоначально задуманная книга называлась «Гид по кафе Европы» (единственное прижизненное издание вышло в Одессе в 1926 под названием «Условные страдания завсегдатая кафе»).

50

26.1 <1925>

Милая Мария Михайловна,

не казните меня за редкость и, главное, скудость писем: тьма всяких внешних и внутренних напастей.

Главная: Ионов отказался от «Рвача»¹. Следовательно, он вряд ли выйдет в России. Это мне очень досадно. Да и денежные дела в связи с этим аховые.

Очень прошу Вас принудить Лифшица выслать мне деньги и авторские экз<емпляры> «Бубнового Валета». Неслыханное с его стороны свинство!

Ваш отрывок слишком мал, чтобы понять, как и что Вы пишете. Но я радуюсь прежде всего – *прорыву*. Это полно радости и надежды.

Еще раз перечел Тихоновскую поэму. Она прекрасна, и Вы бесконечно трогательны, что способствовали моей с ней встрече.

Роман Федина не читал – здесь его нет.

Что у Вас? Как Ваше здоровье? Как дети?

Ирина «парижеет». Впрочем, закуска у нее весьма ориентальная.

Я старею, злюсь. Мои пальцы стали темно-коричневыми от дыма. Курю, вероятно, так же.

Читал, как Каверин меня выругал за «Жанну»².

Все в порядке.

Не забывайте! Пишите!

Все приветы.

Весь Ваш

Илья Эренбург

(Л.44)

¹ Работая над мемуарами «Люди, годы, жизнь», Эренбург пользовался различными архивными и библиотечными источниками; в частности, ему привезли из ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ) его письма Шкапской. Цитируя в мемуарах данное письмо, Эренбург не смог разобрать собственный почерк (он всегда был нелегким): «Двадцать шестого января 1925 года я сообщал: “Попов отказался от Рвача, следовательно, он вряд ли выйдет...” (Не помню, о каком Попове идет речь.)» (Эренбург И. Собр.соч.: В 8 т. Т.7. М., 2000. С.242). Действительно, фамилии «Попов» и «Ионов» почерком Эренбурга практически неразличимы, а подробности истории через 36 лет он забыл. На письме Эренбурга Ионову от 23 декабря 1924 имеется резолюция ИONOва: «Денег больше не посылать. Печатать не будем. И.»; 29 января 1925 Эренбургу сообщили: «...тов. Ионов, ознакомившись с содержанием Вашего романа, пришел к заключению, что выпуск его в пределах СССР невозможен» (ЦГАЛИ СПб. Ф.2913. Оп.1. Ед.хр.237. Л.34, 38).

² В рецензии В.А.Каверина на роман «Любовь Жанны Ней» (Русский современник. 1924. №2. С.241-242) отмечалась языковая небрежность романа. По этому поводу, возможно, обидевшись, Эренбург в письме Полонской 25 марта 1925 запальчиво заметил: «Взыскательный стиль – себе дорожке. От этого бывает геморрой. А с меня хватит большого живота и лжебеременности» (Письма Эренбурга Полонской. №2. С.251).

51

3.3 <1925>
64, av. du Maine¹

Милая Мария Михайловна, кажется, Вы «питали» ко мне добрые чувства, когда-то – подарили метафизика с трубкой, присылали стихи, жаловали и баловали. А теперь!.. Месяца 2 от Вас ни строчки. Я в унынии. Что с Вами? Здоровы? Как все ленинградцы? Серapiоны?

Я ни от кого не имею писем и изрядно хандрю. Ионов зарезал моего Мишку². Денег нет. Писать надоело. Уехать некуда и не на что. Что остается? «Трубки»? «Париж»? 2 негритянки? Ответьте же, утешьте бедную Вербицкую в штанах (кстати, драных).

<нрзб.>

Илья Эренбург

(Л.46)

¹ С начала февраля 1925 Эренбург вынужден был переехать в отель на авеню дю Мэн – это самое бедное его жилище в Париже за все послереволюционные годы.

² Имеется в виду «Рвач» (Михаил Лыков – главный герой романа).

52

5/IV <1925>

Хорошо ли обманывать наивного романтика, милая Мария Михайловна? Я ведь и впрямь поверил, что Вы напишете мне солид-

нейшее письмо, как обещали, о себе, о Ленинграде и Москве, о литературе, о прошлогоднем снеге, также об электрификации, словом, о всех сезонных делах. Открытка Ваша лежит передо мной, и я, как заядлый лавочник, отвечаю Вам тем же. У меня все в относительной исправности – дочь, трубка, Париж, печатные листы и пр. Принимаю солнечные ванны на пляже «Ротонды»¹. Постригся ежиком. Пишу романтическую ерунду («Условный рефлекс кафе») – полная потеря идей и прочего. Итак, жду, что Вы устыдитесь и обещанное выполните.

От Любови М<ихайловны> и от меня самые трогательные приветствия.

Ваш

И.Эренбург

(Л.47)

¹ Так Эренбург обычно называл времяпрепровождение в этом кафе.

Приложение

Л.М.Козинцева-Эренбург – М.М.Шкапской¹

31 декабря <1921>

Prager Pansion

Prager Platz, 4a

С Новым годом!

Дорогая Мария Михайловна,

очень благодарна Вам и ужасно была тронута тем, что Вы меня не забыли и немного написали о Грише¹, кот<орый>, гадкий мальчишка, меня не признает и совершенно не пишет, а у меня, по видимому, от старости, прилив родственных чувств, и любопытно мне, какой он вырос, я его оставила совсем младенцем² и никак в его взрослость не могу уверовать.

Говорила я после Вашего письма с Алексеем Михайловичем <Ремизовым> по телефону. Он что-то все болеет. Он с Белым сильно способствует прояснению здешней мути, без них было бы жутко, слишком много ископаемых, «первых неудачных проэктв слона».

Немцы тоже не по душе с их «модернизмом», «экспрессионизмом», «мистицизмом» и пр<очим> хламом.

Очень хорошо, что Вы написали И<лье> Г<ригорьевичу>, чтобы он возвращался. Я все время хочу, он – как-то неопределенен. Пожалуйста, пишите ему это чаще. Вы ведь были при том, как мы уезжали, и именно от Вас – это – хорошо.

А мне лично очень хочется Вас еще повидать и подружиться с Вами. Можно? Я ведь очень глупая, так, напр<имер>, как Гриша, если б он не шумел.

Книжку Вашу³ ждем с нетерпением. Ал<ексей> Мих<айлович> тоже о ней всегда спрашивает. Я хочу стать обезьянней <так!> служкой – и дослужиться до ордена на право ношения хвоста, но, кажется, недостойна. Пока что подлизываюсь⁴.

Всего, всего Вам хорошего, милая Мария Михайловна. Пожалуйста, напишите и заставьте Гришу написать.

Ваша Л.Козинцова⁶

РГАЛИ Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.544.Л.1.

¹ Григорий Михайлович Козинцев.

² Л.М.Козинцева уехала из Киева, где жила ее семья, осенью 1919.

³ Речь идет о книге «Mater Dolorosa».

⁴ Речь идет о ремизовской игре в Обезьяню Великую Вольную Палату.

⁵ Фамилия Козинцовы была переделана на Козинцевы в 1930-е Г.М.Козинцевым по совету Ю.Н.Тынянова, чтобы наконец-то прекратили произносить ее с неверным ударением на последнем слоге вместо правильного – на первом.

«ПУСТЬ РАССУДИТ МЕНЯ АВТОРИТЕТНАЯ РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ...»

Переписка И.С.Шмелева и А.Л.Толстой*
*Публикация, вступительная статья и примечания
Роберта Виттакера и В.И.Сахарова*

Обращение выдающегося русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) в Толстовский фонд (США) и лично к Александре Львовне Толстой (1884–1979) – основательнице этой уникальной, так много сделавшей для посильной помощи русским людям в изгнании благотворительной общественной организации, было вызвано общим кризисом, прежде всего экономическим, постигшим русскую диаспору в послевоенной разоренной Европе, и болезнями, житейскими трудностями и политическими гонениями, вынудившими немолодого писателя уехать из Парижа к друзьям в Швейцарию и искать нового убежища в США, близ покровительствовавшего ему монастыря Св. Троицы в Джорданвилле (Нью-Йорк).

Переезд в США не состоялся. Раскол в эмигрантской среде военных и послевоенных лет, разделивший изгнанников на «пронемецкий» и «просоветский», а затем «проамериканский» лагеря, заставил писателя изменить свои планы. Часть «левой» эмиграции во Франции и США, группировавшаяся вокруг нью-йоркской газеты «Новое русское слово» и неожиданно нашедшая союзника в лице советского радио и просоветской (точнее, издаваемой на советские деньги для «патриотической» агитации и раскола в стане эмиграции) парижской газеты «Русские новости», явно не желала появления в Америке и в Свято-Троицком монастыре русского православного писателя такого масштаба и, главное, таких взглядов. Шмелев был обвинен в сотрудничестве с немцами, что сразу закрыло ему въезд в США,

писателю без объяснений было отказано даже в туристической визе¹. Все, как всегда, было сделано на эмоциональном надрыве, и в юридических тонкостях никто разбираться не стал.

В этой невыносимо тяжелой для публично и умело оклеветанного писателя ситуации понятно его страстное обращение к независимой и очень авторитетной американской организации и ее главе А.Л.Толстой². И хотя их долгая переписка не решила всех проблем И.С.Шмелева, все же он высказал в посланиях свою точку зрения, честно ответил на скользкие обвинения и доносы. Постоянно получая от Толстовского фонда необходимую, хотя и весьма скромную, помощь деньгами и продуктовыми посылками, писатель обрел в лице А.Л.Толстой доброжелательного и влиятельного союзника, вместе с К.В.Деникиной, И.А.Ильиным, митрополитом Анастасием и епископом Серафимом, Г.П.Струве, В.Ф.Зеелером и только что основанной парижской газетой «Русская мысль». Президент Толстовского фонда способствовала защите и восстановлению доброго имени оклеветанного писателя. Ее осторожные, краткие, но прямые, полные достоинства и уверенности в своей и Шмелева правоте ответные письма говорят о понимании ситуации писателя, его значения для русской культуры и его открытой последовательной поддержке, что имело в глазах эмиграции большое значение и очень помогло Шмелеву. А для него эти письма к далекому другу стали дневником писателя, мемуарами, оправдательной речью, подведением итогов всей жизни и литературным завещанием.

Поэтому эта переписка имеет и самостоятельное литературное значение. Письма И.С.Шмелева к главе Толстовского фонда являют собой великолепный образец бесцензурной русской публицистики, страстной, резкой, предельно откровенной и честной по отношению к самому себе и к другим. Казалось бы, о какой бесцензурности можно говорить в отношении писателя-эмигранта: Франция и США были демократическими государствами, цензура свирепствовала на его родине. Но Шмелев по печальному опыту 1930-х отлично понимал, что навязчивые, далекие от объективности и весьма влиятельные «мнения» части эмигрантской «общественности», в сущности, очень похожи на сталинскую доносительную цензуру – они ограничивают дорого доставшуюся русскому литератору-изгнаннику свободу.

Шмелев боролся не только за свое честное имя, но и за право русского писателя жить где ему угодно и говорить, писать и поступать свободно, в согласии с личными идеями и мнениями, религиозными воззрениями, литературной и общечеловеческой нравственностью, законами мирового демократического сообщества. Здесь примером писательского мужества и спокойной веры в свою правоту для Шмелева был великий отец Александры Львовны, воспоминания о котором содержатся в одном из писем к ней.

Есть в этих письмах и интереснейшие суждения Шмелева о литературе, религии, русской истории, важные, часто не известные ранее факты его трудной эмигрантской биографии. Чрезвычайно полезен составленный са-

¹ Подробнее см.: *Сорокина О.Н.* Москвиана. Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М., 2000. С.293-300.

² См.: *Хечинов Ю.Е.* Крутые дороги Александры Толстой. М., 2000; *Толстая А.Л.* Дочь. М., 2000; *Неизвестная Александра Толстая.* М., 2001.

ним писателем комментированный список переводов его книг на иностранные языки. Любопытны забытые эпизоды дореволюционной жизни Шмелева: история несостоявшегося издания его собрания сочинений как приложения к популярному журналу «Нива», поразительное известие о пылких благодарственных адресах за роман «Человек из ресторана», присланных автору из Швейцарии Лениным, Троцким и Каменевым, и другие ценные материалы к творческой истории этой книги. Еще более примечательно на первый взгляд неожиданное, а на самом деле хорошо продуманное желание старого, больного писателя сделать перед смертью Толстовский фонд единственным наследником всех своих авторских прав, свидетельствующее о его глубоком и искреннем уважении и доверии лично к Александре Львовне Толстой и основанной ею благотворительной организации: «Мне важно найти достойного и верного правопреемника, – вот главное... да передам труды жизни в чистые и достойные руки». В качестве компенсации выдающийся русский прозаик, которому оставалось жить менее двух лет, просил у фонда ежемесячное пособие всего в 50–70 долларов. Думается, для принятия такого решения пособие – причина хоть и веская, но не главная, Шмелеву важнее было другое: оставить свое наследие тому, кто смог бы его сохранить и достойно им распорядиться.

Очень интересны и послания Александры Львовны, которые говорят о понимании литературного значения И.С.Шмелева и его житейских трудностей, искреннем желании оказать реальную помощь выдающемуся русскому писателю, больному и одинокому человеку. Видны в них и большой дипломатический дар, и такт, знание людей и умение избежать ненужных конфликтов с разными политическими лагерями эмиграции. Но читателям этих писем стоит вспомнить, что именно тогда и сама президент Толстовского фонда подверглась грубой клевете в тех же самых советских газетах и на радио и наглой провокации советского консула: советские власти и чекистов раздражала графиня А.Л.Толстая, прошедшая гулаговскую каторгу, но все же вырвавшаяся на свободу, и ее, гражданку США, именовали шпионкой и предателем родины, а ее благотворительный фонд и знаменитую ферму – «разбойничьим гнездом»³. Следует прибавить, что Александра Львовна и сама была даровитой писательницей, автором замечательной книги о своем великом отце.

Поэтому так знаменательна для авторов посланий их встреча в столь трудное для них и всей русской эмиграции время. В этих обстоятельствах выдающемуся русскому писателю Ивану Шмелеву важно было прочитать слова Александры Толстой: «Одно хотелось Вам сказать: я большая поклонница Ваших произведений, читала все, что только было в печати... Друзей же, которые глубоко Вас уважают и любят за все прекрасное, что Вы написали, в том числе Ваша покорная слуга, у Вас здесь найдется много».

Письма И.С.Шмелева публикуются по подлинникам (машинопись с авторской правкой и рукописи), хранящимся в архиве Толстовского фонда (США), письма А.Л.Толстой (машинопись на официальных бланках фонда с подписью-автографом) – по там же имеющимся авторизованным машино-

³ См.: *Виттакер Р.* А.Л.Толстая и Толстовский фонд // Толстая А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого: В 2 т. Т.2. М., 2001.

писным копиям. Первое послание Шмелева было напечатано в России по неисправной копии из его парижского архива, сделанной Ю. А. Кутыриной и ныне находящейся в Российском фонде культуры⁴. Небольшие фрагменты писем Толстой также воспроизводились в переписке Шмелева с И. А. Ильиным⁵. Копии документов и разрешение на их публикацию в России любезно предоставлены Советом директоров Толстовского фонда при непосредственном участии хранителя архива и мемориальной библиотеки фонда профессора Роберта Виттакера. Письма А. Л. Толстой сверены с оригиналами, хранящимися в архиве Российского фонда культуры. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Ошибки машинописи исправлены, вычеркнутые слова помещены в квадратные скобки, сокращения раскрыты в угловых скобках. Авторская разрядка заменена курсивом. Сохранены авторские особенности написания Шмелевым заглавий его произведений и книг.

1. И. С. Шмелев – А. Л. Толстой¹

10. VIII. 1948, Женева

Ив<ан> Серг<еевич> Шмелев

Учредительнице и Председательнице Фонда Л. Толстого,
Графине Александре Львовне Толстой
Нью-Йорк

Глубокоуважаемая Александра Львовна,

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой выслушать меня.

Уже 4-й год, «Нов<ое> Русск<ое> Слово» печатает позорящие меня заметки²: мне вменяют «сотрудничество с немцами» во время оккупации. Это достигло цели: Фонд Л. Толстого не включил меня в число лиц, кому посылать помощь. В этом для меня существенно – не отказ в помощи, а осуждение и обида: от меня даже и не попросили объяснений. Я не отозвался на сообщения газеты, т. к. в то время не знал всего полностью. Но, получив как-то американскую посылку, увидел, что посылка уделена мне «в частном порядке», вне списка тех, кому помогал Фонд. Было это года два тому. Я написал Б. И. Николаевскому³, прося – впредь не посылать мне посылок, и высказал горький протест: от меня даже не запросили объяснений.

В конце мая <19>47 г. московское радио оповестило, что писатель Ив<ан> Шмелев, сотрудник «фашистской» газеты «Русская мысль», в Париже, «работал с немцами во время оккупации»⁴. Тут я не счел возможным молчать и тотчас поместил в «Русской мысли»,

⁴ См.: *Осьминина Е. А.* «Фашистом я никогда не был...»: Неопубликованное письмо Ивана Шмелева // Независимая газета. 1999. 30 ноября.

⁵ См.: *Сорокина О. Н.* Москвиана.

№7, 31 мая, <19>47 г., – «Необходимый ответ». Этот «ответ» я прилагаю для Вашего осведомления.

Парижская газ<ета> «Русск<ие> нов<ости>» сейчас же отозвалась на мой «ответ»: не опровергая моих возражений, оповестила, будто я, в свое время, «составил воззвание» к русским людям, приглашавшее на молебствие в храме на Дарю⁵, «по случаю завоевания Крыма немцами». Тогда я не нашел в себе сил опровергнуть и эту клевету, подкреплявшую клевету сов-радио: я не мог выставлять на злую потеху палачей России – большевиков и их приспешников – мое сокровенное, мою неизбывную боль: опровергая клевету, я должен был раскрыть личное мое, объяснять злорадствующим все то, что вынудило меня дать подпись под «воззванием группы бывших жителей Крыма» и присутствовать на поминовении о многих тысячах российских людей, убиенных в Крыму большевиками, и вознести благодарение Господу за освобождение Крыма – священной могилы жертв большевицкого террора – от богоборческой власти-насилия. Я сказал себе: придет срок, и правда откроется. Я верил – и продолжаю верить, – что русские люди, знающие меня, знающие, чем все эти наветы вызваны, этим наветам не поверят; а что поносят меня враги... к этому я привык с первых еще лет моей литературной работы за границей, изображая воплощение большевизма в российской и мировой жизни: его победы над мучимой и испепеляемой Россией, его вничеловеческие замыслы искоренить истинную, самобытную Россию и живую душу нашего великого народа, о чем свидетельствует написанное мною. И на последнюю клевету я не отвечал. И верно: знающие меня не поверили врагам и не изменили отношения ко мне; мои читатели не только не отвернулись от меня, а даже показали усиленную ко мне участливость, всячески обо мне заботясь. Враги пытались доносить на меня иностранным издателям, но и это не достигло цели: у меня есть доказательства сего.

По бытовым условиям трудно мне стало жить в Париже, где я основался вот уже 26 лет: я уже не мог доставать молока и чистого хлеба, необходимых мне при моей болезни: свыше 30 л<ет> я болен язвой-дуоденаль, недугом, изнуряющим, требующим особенной диеты. И я решил уехать на время в США, в глухие места, близ Обители Св. Троицы⁶, чтобы в сносных условиях заканчивать трудную литературную работу. В этом мне содействовала и сама Обитель – я печатаюсь в ее журнале «Прав<ославная> Русь», – и другие: Братство им. Св. Равноапост<ольного> Князя Владимира, Фонд имени Пушкина, [Фонд имени Кулаева] и большое американское изд<ательство>во в Н<ью>-Йорке⁷, издававшее мои книги: от последних трех учреждений были мне присланы аффидэвиты⁸. В план моей поездки входили – чтение отрывков из моих книг и лекции о русской литературе и русской культуре. В исходе прошл<ого> декабря я

уехал в Женеву. Здесь я пытался – и все еще пытаюсь – получить временную визу в США.

И вот, в № от 15.VI с<его> г<ода> газ<еты> «Н<овое> р<усское> Сл<ово>» появилась заметка, под четким заглавием «Ив<ан> Шмелев намерен переехать в С<оединенные> Штаты»:

«Проживающий сейчас в Швейцарии писатель Ив<ан> Шмелев до их пор тщетно хлопотал о предоставлении ему амер<иканской> иммигр<ационной> визы. Шмелев хотел приехать в США по приглашению церковных кругов, близких митр<ополиту> Анастасию⁹, и поселиться в жардонвилльском монастыре.

Во время германской оккупации во Франции Шмелев сотрудничал в жеребковском «Париж<ском> вестн<ике>»¹⁰ и отслужил в соборе на рю Дарю благодарственный молебен по случаю занятия немцами Крыма».

Такая «заметка», явно поддерживающая клевету сов-радио и совгазеты «Рус<ские> нов<ости>», столь созвучная советским органам, носящая смысл доноса, м<ожет> б<ыть>, достигла цели, – но, огорюсь, пока это только мое предположение: мне было отказано, без объяснения причин, в туристич<еской> визе.

И теперь я считаю необходимым защитить себя от злых наветов: клевета сеется среди русских людей в США. Но, один, что могу я сделать? Кто может мне помочь? Только авторитетнейшее русское учреждение. И я решаюсь просить учрежденный и возглавляемый Вами Фонд Л.Толстого рассмотреть *все* и решить – путем ли третейского суда, или другим, надежным и соответственным путем: правы ли обвиняющие меня в безнравственных действиях в отношении к России и ее чести; или – признать, что я не совершил ничего во вред и поношенье России и моего народа, что я не изменил долгу и достоинству русского писателя, что я не содействовал врагам России в их черном деле.

Иного средства защищаться от позорящих меня наветов и раскрыть правду – у меня нет пока.

Из моего «ответа» в «Русской мысли» Вы узнаете мои объяснения по поводу моего печатания в «Париж<ском> вестн<ике>». А что касается злостного обвинения меня в том, что я «отслужил благодарственный молебен по случаю занятия немцами Крыма», я считаю необходимым дать нижеследующие объяснения:

Когда Крым был занят немцами, группа коренных обитателей Крыма – в Париже – обратилась ко мне с просьбой подписать составленное ими воззвание, приглашавшее помолиться за убиенных в Крыму большевиками и за освобождение Крыма от богоборческой власти. Я дважды отклонил эту просьбу, остерегаясь, как бы мое участие в этом действии не было воспринято, как моя радость, что немцы отняли у России Крым. Есть свидетель этих моих отказов:

помощник церковного старосты храма на Дарю, хорошо известный православному Парижу, лицо достойное, о чем могут засвидетельствовать ныне находящиеся в США: Н.П.Афонский¹¹ и епископ Никон¹², – Александр Николаевич Меркулов, мой парижский сосед, почти ежедневно заходивший ко мне и обо мне заботившийся. Его адрес: № одиннадцать, рю Клод Лорэн, Париж, 15 арронд<исман>.

В начале июля <19>42 г. ко мне снова приехали два инженера¹³, б<ывшие> жители Крыма, русские офицеры, товарищи моего сына по Белой Армии, и опять настоятельно просили дать подпись под воззванием, составленным «группой коренных жителей Крыма», а не мною, как злостно писалось и в Париже, и в «Нов<ом> Рус<ском> Слове». Я снова отказался. При этом как раз присутствовал А.Н.Меркулов. В эту пору я страдал приступами обострившейся хронической моей болезни – язвы-дуоденаль. При таких приступах я, обычно, теряю силы, утрачиваю способность владеть собой: кто страдал таким недугом, тот это знает. Я помню, как А.Н.Меркулов сказал упростившим меня: «Вы видите, что И<ван> С<ергеевич> болен... оставьте его в покое!» Тут один из инженеров воскликнул, как бы с укором мне: «Но ведь там ваш Сережа!..» Да, там, на окраине г<орода> Феодосии, где-то... – останки моего единственного сына¹⁴, умученного и убитого большевиками-чекистами, в янв<аре> <19>21 г., студента-офицера, отравленного газами на Стоходе, потом добровольца, бившегося против красных – в Крыму, на Кавказе, в Туркестане, на Каспии, в Донецком бассейне, снова в Крыму... – и больным, без сил, оставшегося с семьей, т. е. с матерью¹⁵ и со мной, в Крыму, захваченного палачами, брошенного, до бессудного расстрела, в табачный подвал в Феодосии. Эти слова-укоризна были мне как нож в сердце. Вдруг, с болью, мелькнуло мне: «Забыл своего мальчишка?!» И я, утратив остаток воли, в болях от язвы, едва мог выговорить: «Вписывайте... я приду молиться». И, насколько помню, – 18 июля, я пришел в церковь и молился. А составившие воззвание о молении напечатали это воззвание в «Париж<ском> в<естни>ке», поместив и мою подпись; а чтоб и меня связать – в глазах читателей – с коренными жителями Крыма, самовольно добавили: «автор “Солнца Мертвых”». Эту вот добавку просоветчики в Париже и перепечатавшие в Н<ью>-Йорке бросали мне издевательски. Меня сопровождал в церковь тот же А.Н.Меркулов, помогал мне подыматься по лестницам метро. Помню, что он негодовал на вырвавших у меня подпись, жалел меня. А мне тогда все было безразлично: я страдал душевно и телесно.

Но что же склонило меня дать подпись под воззванием и присутствовать на молении? Вот какие беглые соображения, насколько я помню, насколько я мог соображать. Я говорю это с полной искренностью и надеюсь, что так это и примут:

Там, где-то, прах моего сына... Крым, священная великая могила, освобожден из-под страшной, нечеловеческой власти, и можно просить разрешение поехать туда, чтобы искать останки моего мученика; прошло больше 20 лет с того дня, но я питал надежду: м^{ожет} б^{ыть}, я найду, опознаю по зубному протезу... отслужу панихиду на неведомой могиле... Крым взят... отнят у тех, кто всю Россию отнял обманно у русского народа... всю Россию и все дорогое в ней; все наше извечное, исконное, все духовно и исторически ценное стирает, изничтожает... Не у России взят Крым... – у палачей России! Все это временное, Крым снова вернет Россия, как не раз возвращала отторгнутые от нее части... Какой было бы радостью, если бы Крым был отнят у большевиков Белой Армией... но у немцев он не останется!.. Но главное совершилось: Крым уже не во власти богоборцев и осквернителей всего святого...

В храме на Дарю не было ни слова возглаголено о «победе немцев», это совершенно точно: служил прот^{оиерей} Сахаров¹⁶, пел хор Н.П.Афонского. Возглашалось о упокоении душ – жертв большевицкого террора и благодарение Господу за освобождение этой частички России от богоборческой власти. Вот *все то*, что я не мог выносить на злорадствующие глаза сов-патриотов и их хозяев.

Меня поносят, меня обвиняют чуть ли не в измене России. Кто обвиняет? Кто поносит?.. 5–6 неведомых, именующих себя «патриотами»!.. – «выбравших паспорта», изъятых из Союза писателей и журналистов... – и им вторит «русская» газета в... Нью-Йорке. Кто эти, ратующие за честь России, клеймящие русского писателя, – сделали для России?! что?!.. Никто не знает, не знают и они. Но они выполняют «здание» своих хозяев. Понятно, что большевики считают меня своим врагом; понятно, что, не в силах в свободной стране заткнуть рот русскому писателю, они поливают его грязью: они знают *все*, что писатель писал о них и о России... Но непонятно, почему американская-«русская» газета так рьяно помогает им?..

Больше мне нечего сказать: я сказал *все*. Пусть рассудит меня авторитетная русская общественность, – мой читатель: *родное мое*, а не враги и приспешники их. *Знаю*: Россия – придет срок! – меня оправит <так!>, Россия меня примет, – память обо мне и мой труд во Имя Ея. А пока пусть помогут мне в этой моей борьбе с ложью и клеветой! Совесть моя покойна. Но и со спокойной совестью в травле – больно и нестерпимо жить. И, что самое горькое, – как эта нестерпимость мешает в последнем уделенном мне благе – писать о Добре и Правде, о *родном*... в меру моих сил выполняя назначенное мне Богом, – в это *назначенное* я твердо верю и сознаю всецело свою ответственность.

Пусть же поймут меня. Я прошу Вашего содействия, прошу содействия Фонда великого нашего Толстого – помочь *правде*, найти

ее, эту правду, в том хаосе лжи и клеветы, который нагромождают на меня. Не знаю, найдет ли Фонд Л.Толстого верное решение, но я надеюсь, что решение будет найдено и облегчит меня. Но что я точно знаю, вот что: перед Россией, перед моим верным читателем, перед подлинно *русским человеком* – я не погрешил.

Глубоко уважающий Вас

Ив<ан> Шмелев

Adr.: J.Chmeleff, c/o A. Risch, 15, Bd. de G. Favon, Geneve, Suisse.

¹ В начале письма стоит штамп – дата получения фондом: «AUG 16 1948». К письму приложена вырезка статьи И.С.Шмелева «Необходимый ответ. Письмо в газету» (*Русская мысль*. 1947. №7, 31 мая); название, дата и номер газеты написаны автором.

² Первая большая статья в «Новом русском слове», целиком посвященная коллаборационизму во Второй мировой войне (в ней речь шла о Власове, упоминался Иванов-Разумник и др., имя Шмелева не фигурировало), была подписана инициалами. См.: *Г.Я. О русских квислингах // Новое русское слово*. 1945. 11 февраля. Месяц спустя в газете появилась вторая статья (датированная январем 1945), посвященная действительным и мнимым коллаборационистам русского Парижа. Речь в ней шла о Мережковском, Гиппиус, Сургучеве, Лифаре, Берберовой и многих других, по определению автора, «работавших на немецкую пропаганду. Просчитались! Вчерашние хозяева уехали в Берлин, и теперь Шмелев, одним из первых пошедший в “Парижский вестник”, заявляет всем, что он пересматривает свою политическую позицию. Еще не пересмотрел, но пересматривает. Может быть, действительно, разоидется с великим фюрером и его идеями» (*Полонский Я. Сотрудники Гитлера (от собственного корреспондента «Нового русского слова» в Париже) // Новое русское слово*. 1945. 20 марта, №12016. С.3). Рядом с этой статьей на той же полосе газеты помещена заметка без подписи под названием «Г.г. “сотрудники”», которая ниже приводится целиком:

Парижский корреспондент «Н<ового> Р<усского> Слова» посвящает свою сегодняшнюю статью русским парижанам, сотрудничавшим с немцами.

Приводим снимок с объявления, распространявшегося в Париже по случаю «освобождения Крыма от богоборческой власти», т. е. по случаю занятия Крыма немцами.

Под этим документом стоят имена: генерала Султан Клыч Гирея, ген<ерала> Н.А.Княжевича, адмирала С.В.Евдокимова, ген<ерала> С.Л.Николаева, писателя И.С.Шмелева, представителя мусульман Крыма Муфти Заде, С.М.Казаса, С.Н.Абрикосова и б<ывшего> евпаторийского городского головы С.С.Дувана.

Теперь все эти «патриоты» в спешном порядке «пересматривают свои позиции»...

Тут же воспроизведена фотокопия самого объявления:

По инициативе бывших жителей и защитников Крыма от большевиков в субботу 18 июля 1942 года, в 5 часов дня в Александро-

Невском соборе, 12, rue Daru, Paris, VIIIe будет отслужен БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ МОЛЕБЕН по случаю освобождения Крыма от богороческой советской власти с провозглашением вечной памяти всем воинам, павшим в борьбе с большевиками и всем жертвам большевистского террора.

Президиум Организационного Комитета:

Генерал Султан Клыч Гирей, потомок Крымских ханов,
генерал Н.А.Княжевич, б<ывший> Таврический губернатор,

С.В.Евдокимов, адмирал Черноморского флота,
генерал С.Л.Николаев, б<ывший> командир

Крымского конного полка,

И.С.Шмелев, русский писатель, автор «Солнца мертвых»,
ротмистр Селим Мурза Муфти Заде, представитель

мусульман Крыма,

С.М.Казас, председатель Караимского общества в Париже,
С.Н.Абрикосов, б<ывший> представитель торгово-

промышленного Крыма,

С.С.Дуван, б<ывший> евпаторийский городской голова и
председатель земской управы

Два года спустя, 24 апреля 1947 в «Новом русском слове» была опубликована информация о том, что в Париже появилась новая газета «Русская мысль», и отмечалось, что первая полоса ее открывалась шмелевским очерком «Поднятие икон».

³ Николаевский Борис Иванович (1887–1966) – историк, архивист, общественный деятель, живший в США.

⁴ Радиопередача прошла 25 мая 1947. На следующий день появился и ее печатный вариант: <Б/п.> Фашистская газета во Франции // Правда. 1947. 26 мая, №1311 (10522). С.3. Оба раза, по-видимому, использовалась информация, опубликованная 24 апреля 1947 в «Новом русском слове».

⁵ Собор Св. Александра Невского в Париже.

⁶ Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле (штат Нью-Йорк, США).

⁷ Имеется в виду издательство Ю.П.Даттона (Е.Р.Dutton and Co), собиравшееся заключить с писателем договор на перевод его новой книги.

⁸ Аффидевит – требующееся при получении американской въездной визы письменное обязательство приглашающего о приеме въезжающего в страну. Приглашение от влиятельного православного братства Св. равноапостольного князя Владимира, основанного еще в довоенной Югославии, Шмелев явно получил с помощью покровительствовавших ему церковных иерархов, а к Фонду имени Пушкина обратился через Пушкинский комитет живший в Швейцарии И.А.Ильин. Благотворительный фонд имени Кулаева (Сан-Франциско) основан в 1930 сибирским промышленником Иваном Васильевичем Кулаевым (1857–1941), но название фонда вычеркнуто автором: приглашение оттуда он, видимо, не получил.

⁹ Анастасий (Грибановский; 1873–1965) – митрополит, глава Русской православной церкви за рубежом, религиозный писатель. Его письма к Шмелеву хранятся в Российском фонде культуры.

¹⁰ «Парижский вестник» – еженедельная газета, издававшаяся в 1942–1944 Управлением делами эмиграции, возглавлявшимся Ю.С.Жеребковым. Редактор П.Н.Богданович, знакомый Шмелева.

¹¹ Афонский Николай Петрович (1892–1971) – регент собора Св. Александра Невского и парижского Митрополичьего хора, переехавший в США.

¹² Никон (Греве; 1895–1983) – бывший епископ Сергиевский, епископ Северо-Американской православной церкви.

¹³ По-видимому, имеются в виду Исаак и Себастьян Абрамовичи Пастаки, крымские караимы, инженеры-химики.

¹⁴ Сергей Иванович Шмелев (1896–1921) был расстрелян чекистами в Феодосии 3 марта 1921.

¹⁵ Шмелева Ольга Александровна (1875–1936).

¹⁶ Отец Николай (Николай Николаевич Сахаров; 1869–1951) – настоятель и протопресвитер Александро-Невского собора в Париже. 26 июня 1950 отслужил первую панихиду по Шмелеву.

2. А.Л.Толстая – И.С.Шмелеву

August 17, 1948.

Mr. J.Chmeleff

c.o. A. Risch

15, Bd. de G.Favon

Geneve, Switzerland

Конфиденциально

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Сергеевич,

Сегодня утром получила Ваше письмо. Вы понимаете, что, со всеми разворачивающимися сейчас событиями, я просто не в состоянии дать Вашему письму и всему этому делу то внимание, которое оно заслуживает. Придется подождать, пока события несколько улягутся.

Одно хотелось Вам сказать: я большая поклонница Ваших произведений, читала все, что только было в печати. Во всем этом вопросе можно только удивляться одному, почему русская «общественность» не предает анафеме всех тех, которые еще в самом недалеком прошлом прославляли великого вождя Сталина.

Надеюсь, что через две недели смогу подумать о том, что следует предпринять, а пока крепко жму Вашу руку и прошу Вас сообщить больше подробностей о том, как Вы живете, как справляетесь материально.

С искренним и глубоким к Вам уважением,

Александра Толстая

З. И.С.Шмелев – А.Л.Толстой¹

24.8.1948

Графине Александре Львовне Толстой,
Учредительнице и Председательнице
Толстовского Фонда.
Нью-Йорк

Глубокоуважаемая, дорогая Александра Львовна,
Ваше письмо – 17 с<его> авг<уста> – явилось для меня светом в моих сумерках.

Это совершенно верно, как верно, в чувствах моих, и то, что я позволяю себе написать Вам – *дорогая*. Вы разрешили мне написать так. И Вы знаете, почему я так написал. Благодарю Вас.

Мне трудно писать о себе: я написал *все*. При малых моих потребностях, я материально не нуждаюсь, справляюсь. Всю мою жизнь писательскую я был огражден заботами моей жены; ей я обязан всем, что было нужно мне для работы. Она скончалась, вот уже 12 лет, и ее преждевременная смерть, от болезни сердца, от горя по сыну, – вот мое испытание.

Верю и надеюсь, что моя просьба обсудить мое поведение во время занятия немцами Парижа получит движение, и решение влиятельного общественного русского учреждения – Фонда ли имени Л.Толстого или другого соответственного общественного организма – даст мне нравственное удовлетворение. Вот все, в чем я нуждаюсь.

Благодарю Вас за участливость ко мне: это высокая мне награда и отрада. Я принял их благоговейно.

На случай, если понадобилось бы запрашивать об обстоятельствах дела моего указанного в моем письме от 10 авг<уста> – А.Н.Меркулова, исправляю опisku: одиннадцатый № ул<ицы> Клод-Лорен числится по 10-му арондисм<ану> Парижа, а не – по 15-му. Я *не* писал ему, не предупредил. Он – прямой, *чистый* человек, он – русский человек, религиозный, православный, достойный. На его *слово* полагаюсь. Запросите его, прошу.

Мне нужна одна правда, и я ищу ее, я *стучусь*. И верю, что мне отворят.

Сердечно благодарю Вас, почтительно целую Вашу руку.

С глубоким уважением к Вам

Ив<ан> Шмелев

J.Chmeleff
C/o A.Risch,
15, Bd. de G.Favon, Geneve

P.S. Отказано мне в визе (temporaire²) и в Париже, без указания оснований к отказу. Могу лишь доめкать <так!> о причине: м<о>жет> б<ыть>, и доносы, «оповещения» со стороны тех, для кого

мож<ет> быть нежелательным мой приезд в США. Но я никак не включал в содержание [возможных] намечаемых моих «чтений» там докладов – тем политических.

Ив<ан> Ш<мелев>

¹ На письме штамп получения «AUG 26 1948» и автограф А.Л.Толстой.

² Временной (франц.).

4. А.Л.Толстая – И.С.Шмелеву

June 16, 1949
Mr Ivan S. Shmelev
91, rue Boileau
Paris, 16^e France

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич,

На днях мне написали Ваши друзья и поклонники из Германии, спрашивая меня, нельзя ли Вам переехать в Америку? Вы знаете, что «Новый журнал» и «Новое русское слово» печатать Вас не будут, да и платят они гроши. Что меня интересует, это, нет ли у Вас произведений, которые мы могли бы предложить американским издательствам. Если бы нам удалось продать Ваши работы, это дало бы возможность устроить Вас в Америке, так как иначе я не вижу, как Вы могли бы здесь существовать.

Друзей же, которые глубоко Вас уважают и любят за все прекрасное, что Вы написали, в том числе Ваша покорная слуга, у Вас здесь найдется много. Давайте же серьезно об этом подумаем.

Чехов говорил, что тем бесчисленное множество, а сейчас можно взять историю любого бывшего советского гражданина и с Вашим талантом написать такое, что могло бы обратить внимание прессы.

Буду ждать Вашего ответа.

Крепко жму Вашу руку.

С глубоким к Вам уважением и преданностью,

Александра Толстая

5. И.С.Шмелев – А.Л.Толстой¹

19.VII.1949.

Париж, 16^e 91, rue Boileau, J.Chmeleff
(это офици<иальное> начертание)

Глубокоуважаемая Александра Львовна,

Я так и не получил Вашего решения по вопросу о моем «сотрудничестве с немцами», о чем Вам писал год тому назад, прося разобратить дело о клевете на меня. Вы [тогда] обещали мне заняться моей

просьбой, когда «все утрясется», – разумею историю с К<рымом>. Предполагаю, что не зависящие от В<ашей> воли причины помешали Вам. Оставлю это, тяжело снова ворошить грязь: [и] тем более что уже не добиваюсь Америки. Есть у меня более важное, – и не только для меня. Позволяю себе беспокоить Вас новой докукой [и не только в личных интересах]. Не откажите выслушать. (*Без моего ведома кто-то из Германии писал Вам.*)

Тревожит меня судьба моего литературного наследства. Я уже составил завещание, указал преемника авторских прав моих², но, вдумавшись, вижу, что поступаю неправильно, быстро решив этот важный – и не только для меня – вопрос. Страшась, как бы советская власть не наложила свою убийственную руку на мое наследство, выставив претендентов, от нее зависящих, м<ожет> б<ыть>, моих племянников, если они еще живы³, и тем самым «запечатать» мною написанное, я указал в завещании на внучатного <так!> племянника, по жене, франц<узского> гражданина; но, все обдумав, вижу, что это не наследник, а почти чужой, занятый своими, франц<узскими>, интересами, хоть и вполне честный человек: что ему мои книги и судьба их! Будет со временем (мож<ет> б<ыть>!) получать доходы или продаст свои права, и не будет у моих книг заботливого попечителя, а так – «наживатели»... Я знаю, что если бы восстановилась Россия, мои книги – пусть только часть их – стали бы давать хороший доход: «Лето Господне», «Богомолье»... назову пока только их, – стали уже для многих-многих *своими*, настольными, подручными, как пишут мне – и уже давно, – совсюду. Да судите сами: перед самой революцией, в ноябре, 16-го г. «Нива» вела со мной переговоры о «приложении» наличных в то вр<емя> моих книг к журналу и предлагала 40 т<ысяч>, добиваясь, кроме сего, чтобы я продал Марксу мои книжки для молодежи, «детские», имевшиеся почти в каждой народной школе и непрестанно переиздававшиеся. От сего я отказался, т. к. эти книжки – их было штук 12, повестей и рассказов, – уже тогда давали мне ежегодный гонорар около 3 т<ысяч> р<ублей>. Революция сорвала все планы. В то время моих «основных» книг было восемь томов. Уже были тогда и переиздавались – «Человек из ресторана», «Суровые дни» (отражения войны в деревне), «Волчий пережат» и проч. Эти книги, намеченные для «приложения» к «Ниве», теперь составляют лишь четвертую часть всего моего авторского наследства, т. к. самые главные книги вышли уже за границей. Назову их, приблизительно: – только пореволюционные: «Солнце Мертвых», «Неупиваемая Чаша», «Это было», «Въезд в Париж» – (пов<есть> «На пеньках», главное), «Про одну старуху», «Свет Разума», «Няня из Москвы», «Родное», «Сказки» – именно, «Степное Чудо», «История Любовная», «Каменный Век» и проч., еще неизданное, – «Лето Господне», полное, 41 гл<а>

ва», «Богомолье», «Пути Небесные», – пока в 2 отд<ельных> томиках, «На морском берегу», «Рваный Барин», «Как мы летали», «Мэри»... и еще – готовы к печати, пока неизданные: пять-шесть томиков; между ними – «Куликово Поле», назначенное к выпуску в ближ<айшие> месяцы. В общем, считая дореволюционные и «детские», – книг до 40, – немало, «писали – не гуляли»... не правда ли? До 50–55 книг – о многих не знаю, – переведены на разные языки и неоднократно переиздавались, как, наприм<ер>, – «Человек из ресторана», «Солнце Мертвых». Четыре книги вышли в англ<ийском> переводе: в Лонд<оне> и Н<ью>-Й<орке> «Солнце Мертв<ых>», «Это было» – письмо ко мне об этой кн<иге> Ред<ьярда> Киплинга⁵; «История Любовная», «Неупиваемая Чаша». О моем творчестве издана Кенигсбергским университетом, в 1936 г., диссертация докт<ора> фон Михаэль Ашенбрэннера⁶. Забыл упомянуть о романе «Под Горами», изд<анном> универ<сальной> библиотекой Рекляма, в нем<ецком> перев<оде>, неоднократно переиздавалось. О многих иностр<анных> изд<аниях> не знаю, – платили, но и обижали, особ<енно> при издании «российских» книг. И теперь, в трудных условиях, как Вы, м<ожет> б<ыть>, знаете, мои книги издаются и переиздаются русскими издат<ельства>ми, на них идут требования от новых читателей, невозвращенцев, и я вижу, что [я] приемлем и понимаем и новой эмиграцией. Думаю, что – откройся наша Россия, – я, м<ожет> б<ыть>, буду *своим* писателем – всенародным. Сужу по массе писем новых читателей.

Вот это наследство без наследника составляет ныне мою тяжелую и тревожную заботу. Кому отказать? А жить уже не долго, мне [уже] 75 лет, я болею, – [и] помимо хронич<еской> 36-летней болезни – язвы дуоденаль... – надо торопиться, надо и дописать «Пути Небесные», и кое-что еще другое. Я совсем один, хотя, правда, есть самоотверженные люди, готовые все сделать, чтобы облегчить мои труды и заботы, но у них и свои дела-заботы... – на счастливый случай в таком деле не смею полагаться. Почему же я решился писать о сем Вам, председателю Толстовского Фонда? Вот почему, хотя у меня мало надежды, что [я] найду разрешение вопроса.

Мне пришло на сердце – предложить Вашему Фонду принять от меня все авторские права, *все*, с тысячами моих писем, – есть очень важные в историко-литерат<урном> смысле. *Знаю*, что иные письма – больше тысячи – составят оч<ень> занимат<ельное> чтение для будущ<их> читателей... и, м<ожет> б<ыть>, дадут большой доход... – твердо знаю, что будут читать одну другую переписку, как заповедный... роман! Но – оставим хвалить «товар»: жизнь покажет.

Не знаю, [приобретение или] принятие литерат<урного> наследства входит ли в планы и права Толстовского Фонда. Лучшего выхода, чем этот, не вижу, не знаю. Условия? Не ставлю условий, ничего

в сем не понимаю. Если бы Т<олстовский> Ф<онд> высказался [бы] за принятие моего авторск<ого> наследия, я предоставил бы ему определить минимальную мне поддержку, на дожитие, т. к. и еще забота возникает: как же я доживу до смерти? Это, конечно, некоторый риск, для Фонда. Через 3 мес<яца> мне исполнится 76 лет. Страховая статист<ика> сколько положила бы мне, при норм<альных> условиях, жить..? Ну, 3–7 лет... Сбережений у меня нет и никогда не было. Пока издают, здесь-то, сим живу, пишу, – а что завтра? Откройся Россия – я стал бы обеспеченным писателем, *вижу* по многим соображениям. Две-три книги уже *вросли* крепко в историю литературы.

Вот, написал, и самому чудно: да так ли все это? Не самонадеяно ли? Не знаю, но надо как-то решить этот большой вопрос, для меня-то. М<ожет> б<ыть>, если решится, сумею закончить «Пути Неб<есные>», – еще две части, самое меньшее.

Итак: нет, Америка мне уже ни к чему. Меня переполошило всеобщее ожидание войны – да еще не было молока и бел<ых> сухарей в Париже, – и я метнулся – в Америку уехать? Вы правы, там мне нечего делать. Если бы «Н<овое> р<усское> с<лово>» и «Н<овый> ж<урнал>» – приглашали меня, я не пошел бы, ни за какие гонорары. Я мечтал поселиться в глухих местах, у Монастыря Св. Троицы, и там закончить труды и дни... Теперь никуда не двинусь, поздно, да и невесело пишут из Нов<ого> Света. Воздух не тот, не мой. Думал, укроюсь под стенами монастыря, обману себя, буду дышать родным воздухом... последнее допишу... Нет, поздно, и не обманешь себя. Тут, в Пар<иже>, как бы уже *свое*, притерся, 26 л<ет> здесь! и могила жены на С<ен>-Жен<евьевском> кладбище... Да, в Америке есть верные друзья-читателя, но жизнь там куда сложней и опустошенней, не до меня, хотя, конечно, с голоду не помру, да и ничего теперь не страшно: всего повидал-вкусил. – Еще потому хотел в Америку... – «Слово» сказать о Пушкине, соприкоснуться с друзьями-читателями, – там много их у меня, слава Богу. Вот Вы, – высокая честь мне. Много бы мог сказать Вам... как я страдал и плакал в начале ноября 1910 г. ... каким осиротевшим почувствовал себя... *знал, все* знал, что неизбежно будет это страшное горе... и вот, помню, – смотрите! – когда я заканчивал переписку на рем<ингтоне> «Чел<овека> из ресторана», *последнюю* страницу... пришел славный человек-друг, учитель математики, сказал, вдруг сказал... я так и упал головой на «буквы»... – Боже мой, какая вдруг *пустота* разверзлась! Была мировая совесть... высокий авторитет... и было покойно: есть он, нестрашно жить... *следит*... сдерживает... грозится... держит. И – *никого* теперь нет. Оба мы плакали, молча; как бы вот он, *конец*! И не думалось, что суждено еще мне [будет] о *родном* и *главном* попытаться сказать... и по силе моей я сказал,

20 лет спустя, написав заветное мое... – «Лето Госп<одне>» и «Богомолье»... Сколько бы мог сказать об этом!..

Вы советуете мне написать что-то, для издания в Америке. Но я все уже написал. Правда, как-то странно вышло: «Человек из ресторана» по-англ<ийски> не переведен, а на мног<их> яз<ыках> появился, вызвал отличные отзывы критики, – между проч<им>, Том<аса> Манна⁷... – вышел: по-франц<узски> с хор<ошим> успехом, давно еще, на испанском, на немецк<ом>, голл<андском>, венгерском, шведском и мн<огих> др<угих>. Но для америк<анцев>... не знаю, что им нужно, или, вернее, знаю. Не ко двору я тут. Ну, что им скажут – «Лето Госп<одне>», «Богом<олье>», «Пути неб<есные>»?.. Они ничего не поймут, не это им надо. «Неупиваемая Чаша», о которой ряд лет ежегодно читался курс в пять лекций в Лундском универс<итете> (в Швеции)⁸, оказалась непонятой даже лучшим шведск<им> читателем – Сельмой Лагерлев...⁹ Предложить «Каменный Век», – скажут – нам наскучило читать о «камнях»... Мои четыре книги по-англ<ийски> получили очень посредств<енный> успех, хотя были оценены критикой, особ<енно> «Солнце Мертвых», а «Это было» – очень отмечено Ред<ьярдом> Кипплингом в п<ись>ме ко мне. Я, конечно, не дерзнул использовать это письмо как рекламу. А важно! О, как важно дать англичанам, – не амер<иканца>м! – «Лето Гос<подне>» и «Богомолье», особ<енно> в наше время, когда на русский народ льют и льют грязь и клевету. Нет, я не могу писать, чего не рождает душа и сердце, а мне надо закончить то, что «само вызвалось», – так всегда со мной. Не нужно мне никаких похвал, никакой прессы. Я пишу только в полной свободе и для *родного*, что велит внутреннее мое.

Я Вам буду очень благодарен, если найдется издатель и хороший переводчик (моя перев<одчица> скончалась¹⁰) в Ам<ерике> для: «Няни из Москвы», – амери<кан>цы, говорят, любят, когда их щекочут, а в эт<ом> романе, болтовне моей «няньки», – есть кое-что и щекотное. Нянька моя будто весь мир судит, не думая об этом, своею простотой и русской совестью. Пусть переведут и издадут «Чел<овека> из рест<орана>»! в убытке не будут: миллионов не загребут, а по-чи-та-ют... Вот для англичан, чтущих традиции, доступно было бы, и не без интереса, – почитать «Лето Господне»... «Богомолье»... Да в издат<ельства>х америк<анских> свой «биржевой учет»... там *свои* о *своих* радеют... «там и прикурить-то так не дадут»... Упавал мой издатель Е.П.Деттен, в Нью-Йорке, когда выпускал – в важном переводе, «Неупив<аемую> Чашу», думал, будет принята «клубом книги», да ничего не вышло. «Сухостой» – одобряется, и сему есть причины. Как есть «причины» и для клеветы. Много у меня найдется и для офильмования <так!> – «Неупиваемая Чаша», к примеру, но что из нее сделают!!? Я дважды отка-

зал парижским маклерам, страшась, как они все испакостят. И еще, вспомнил: как в сентябре <19>41 г. ко мне заявился «представитель издат<ельско>го концерна, шведско-нем<ецко>го» и, задушив меня сигарой, предлагал продать *им* – ? – все мои литерат<урные> права за... 400 т<ысяч> шв<едских> крон, в рентмарках... К его возмущению, я отказался, проникновенно почуяв, что это – чтобы запереть мои книги для русских и проч<их> читателей, навечно, когда *они* покорят Россию. «Впервые вижу, что автор отказывается...» и т. д. Я нашел в себе волю сказать – «так вот, смотрите!» Три дня бродил в моей квартире сигарный дух. В отплату, что ли, немцы, через г<осподина> Жеребкова¹¹, отказали мне в визе в Голландию, куда звали меня друзья...¹² и куда я собираюсь поехать в августе поотдохнуть. Да что говорить... Мои клеветники, наверное, не отказались бы. Не ставлю себе это в заслугу... – отказ наплевать себе в душу и в Родину.

Благодарю Вас, дорогая Александра Львовна. Простите мне это неуклюжее писание, но надо как-то снять с себя давящее бремя, искать выход.

На днях мне была прислана от Толстовского Фонда оч<ень> хорошая посылка, благодарю сердечно: не все при моем суровом режиме мне сгодится, но многое пособит, да еще и другим хватит, кому нужней. Горячо благодарю. Если сможете пособить в моем деле, – о чем написал, – пособите, как подскажет Вам сердце, – всю правду высказал, всю главную тяготу представил. Ваше п<ись>мо от 16 июня переслали мне в Женеву, куда я опять ездил – на сей раз сказать слово о Пушкине¹³. Поэтому и запаздываю ответом. Да и устал.

Я никого – повторяю – не просил в Германии писать Вам: это уж сами перестарались, из любви. Будьте здоровы!

Глубоко уважающий Вас и благодарный...

Ив<ан> Шмелев

¹ В начале письма стоят штамп: «JUL 29 1949» – дата получения письма в фонде и автограф А. Л. Толстой.

² Имеется в виду внучатый племянник писателя Ив Жантийом (род. 1920), сын Ю. А. Кутыриной. См.: *Жантийом-Кутырин Ив*. Мой дядя Ваня: Воспоминания об Иване Шмелеве. Письма Ивана Шмелева Иву Жантийому-Кутырину. М., 2001; *Жантийом Ив*. «Второй сын»: Из воспоминаний об Иване Сергеевиче Шмелеве // Источник. 2002. №2.

³ Шмелев почти не имел известий о своих многочисленных родственниках, оставшихся в России. См.: *Грико Т. И.* История семьи Шмелевых // Венюк Шмелеву. М., 2001.

⁴ «Нива» – популярный дореволюционный журнал, издававшийся известной петербургской фирмой «Товарищество книгоиздательского и печатного дела А. Ф. Маркс» и выпускавший в качестве бесплатных приложений собрания сочинений русских писателей. Далее Шмелев имеет в виду это издательство, а не А. Ф. Маркса, скончавшегося в 1904.

⁵ Киплинг Джозеф Редьярд (1865–1936) – английский писатель. В 1924 прочитал английский перевод повести И.С.Шмелева «Это было» и через переводчика Чарлза Хогарта передал автору письмо от 9 марта с высокой оценкой повести (хранится в архиве Российского фонда культуры).

⁶ См.: *Aschenbrenner M. Iwan Schmeljov: Leben und Schaffen des grossen russischen Schriftstellers.* Königsberg; Berlin, 1937.

⁷ Манн Томас (1875–1955) – немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии. Высоко ценил творчество И.С.Шмелева, в 1926 посетил его в Париже, в 1931 поддержал кандидатуру русского писателя на награждение Нобелевской премией. Три письма Томаса Манна Шмелеву хранятся в архиве Российского фонда культуры.

⁸ Лекции читал профессор Михаил Фридонович Хандамиров (1883–1960).

⁹ Лагерлёф Сельма (1858–1940) – шведская писательница, лауреат Нобелевской премии, член Шведской академии. Два ее письма Шмелеву хранятся в архиве Российского фонда культуры.

¹⁰ Шмелев говорит о Наталье Михайловне Цитович, которая в 1931 перевела «Историю любовную» для нью-йоркского издательства Даттона.

¹¹ Юрий Сергеевич Жеребков – артист балета, после революции в эмиграции в Германии. В годы оккупации Парижа немецкими войсками – руководитель Управления делами русских эмигрантов во Франции (1942–1944), начальник отдела иностранных сношений Русского освободительного движения, министр иностранных дел Комитета освобождения народов России. В 1945 при попытке нелегального перехода швейцарской границы интернирован американцами.

¹² Имеются в виду голландский профессор-славист Николас ван Вейк, переводчица Анна Козлова и О.А.Бредиус-Субботина. См.: *Бонгард-Левин Г.М. Кто вправе увенчивать? // Наше наследие. 2001. №59-60; Сахаров В.И. Три музы Ивана Шмелева // Литературная Россия. 2002. 25 января.*

¹³ 30 мая в Женеве И.С.Шмелев выступил на заседании в честь 150-летия со дня рождения А.С.Пушкина. 10 июня в газете «Русская мысль» опубликована его статья «Тайна Пушкина».

3. А.Л.Толстая – И.С.Шмелеву

September 15, 1949.
Mr Ivan S. Shmelev
91, rue Boileau
Paris 16, France

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич,

Простите, что так долго не отвечала на ваше письмо. Я была больна и лежала в госпитале. Третьего дня было заседание правления, на котором я подняла вопрос о Вашем авторском праве. Все наше правление, кроме нескольких американцев, разумеется, прекрасно знают Ваши произведения и относятся к Вам с глубочайшим уважением. Была выбрана комиссия из трех лиц (в эту комиссию я

вхожу ex officio), графиня Софья Владимировна Панина¹, Алексей Робертович Вирен², имеющий большие связи в американских издательствах, и наша главная работница по иммиграции Елизавета Ивановна Томашевская. На вопрос, возникший в правлении, я ответить не смогла, какая ежемесячная сумма Вам необходима, для того чтобы существовать без нужды.

Пожалуйста, сообщите, т. к. это будет основной базой для дальнейшего рассмотрения вашего дела.

Простите за краткость этого письма. Сейчас тороплюсь откликнуться на Ваше предложение, которое благодаря моей болезни так долго лежало под спудом, хочу прибавить только несколько слов о том, что Правление Толстовского Фонда относится к Вам с большим сочувствием и очень хотело бы изыскать возможность обеспечить, хотя бы материально, Вашу жизнь.

С глубоким и искренним к Вам уважением

Александра Толстая

¹ Панина Софья Владимировна (1871–1957) – политическая и общественная деятельница, одна из основателей и вице-президент Толстовского фонда.

² Вирен Алексей Робертович (1897–1975) – офицер русского флота, в США окончил Массачусетский технологический институт, специалист по менеджменту, член Совета директоров и исполнительного комитета Толстовского фонда.

7. И.С. Шмелев – А.Л. Толстой¹

Tolstoy Foundation, Inc.
289 Fourth Avenue
New York 10. NY
Париж
8.10.1949.

Графине Александре Львовне Толстой

Ваше сиятельство,

Глубокоуважаемая Александра Львовна,

Со скорбью принял известие, что Вы были больны. Да хранит Вас Господь! Я не мог, лично, тотчас же написать Вам на Ваше письмо от 15 сентября: я трудно болел и теперь болею от крайней слабости и переутомления, что было со мною и в прошлом году в Женеве. Переработал. Да и не по силам мне, в мои годы, и работать, и себя обслуживать. Лежу больше месяца, печат меня, питают. Все это – итог нелегкой моей жизни.

Это состояние здоровья и затревожило меня судьбою моего писательского наследства. Я спешу устроить важнейшее дело жизни. Все в воле Божией. Не могу найти слов, до чего тронуло меня Ваше уча-

стие и готовность г<оспод> членов Толстовского Фонда помочь мне – принять *все мои авторские права* и озаботиться судьбой написанного мною, как и обо мне лично. Спасибо Вам, светлые русские люди. Не могу всего высказать из-за слабости и душевной растерянности.

Вы прямо спрашиваете, какая ежемесячная сумма мне необходима, чтобы существовать без нужды. И я так же прямодушно отвечаю. По условиям французской жизни, особенно в Париже, где у меня квартира, которую не смею бросить, ибо тогда без крова останусь, приходится, при всей экономии, тратить не менее 35–40 тыс.<яч> франков в месяц, – дороговизна лекарств оглушает, за этот месяц ушло на это около десяти тысяч. Видит Бог, как трудно и страшно. Но не смею назначать сам, а приму радостно и благодарно – что найдете возможным назначить. *Главное* – обрести достойнейшего преемника прав моих. От чистого сердца писал... и да передам труды жизни в чистые и достойные руки. Едва собираю мысли, мне запрещено на месяц *думать*, читать, писать. Боюсь, что мое п<исьм>о покажется невнятным, устал я очень. Но надо решить как можно скорее главный вопрос – о преемстве авторских прав. Тогда я, м<ожет> б<ыть>, скорей приведу себя в порядок. А то ночи не сплю, страшусь неопределенности. В том п<ись>ме я писал о моих книгах; сейчас нет сил перечислять. Если Вы решите положительно – что Толстовский Фонд принимает мое авторское наследство, составьте проект, с приложением перевода, т. к. англ<ийского> яз<ыка> я не знаю. Я тотчас же оформлю, что надо, и вышлю со своею подписью. Все мои труды свободны, за исключением книги «Старый Валаам», которую я подарил в мае 1937 г. Обители преп<одобного> Иова, что в Ладомирове, – ныне под Жардонвиллем². Оформил тогда запиской, – ждал смерти, – б<ыл> трудно болен. Верю, что книги мои не лягут бременем на преемника.

Извините краткость и – чувствую – нескладность письма.

Благодарю Вас и г<оспод> членов Правления за доброту, за понимание – чего я хочу – за такую высокую отзывчивость. Да будет она оправдана посильным служением моих книг родному народу.

С глубочайшим уважением и благодарностью Ваш,

Ив<ан> Шмелев

Франц<узское> начертание (по офиц<иальному> док<ументу>) моего имени: J.Chmeleff

91, rue Voileau, Paris, 16^e

¹ На письме штамп: «ОСТ 12 1949».

² Обитель преп. Иова Почаевского тогда находилась в Чехословакии (Пряшевская Русь, село Владимирово, как именуется это место Ю.А.Кутырина). Шмелев ездил туда в мае 1937 на Пушкинские торжества. Иноки новопочаевского братства в 1946 влились в Джорданвильский монастырь.

8. И.С.Шмелев – А.Л.Толстой¹

24.12.49

Глубокоуважаемая Александра Львовна!

Еще перед хирургической, оч^{ень} тяжелой операцией², получил я от изд^{ательст}ва УМСА-Press 12.092 фр^{анцузских} фр^{анка}, присланные для меня в общем чеке издат^{ельст}ву от Фонда имени Л.Толстого, по америк^{анскому} курсу – 35 долл^{аров}. Благодарю Вас и, в В^{ашем} лице, правление Фонда. Я был в безвыходном положении, грозила неминуемая смерть через 1–2 недели. Волею Господа я спасен, ибо – и по мнению хирурга и всего персонала клиники – смерть была неизбежна: совершилось чудо! Не было времени укрепить меня перед операцией, только в течение 24 ч^{асов} в меня вливали питание и сделали перелив^{ание} крови. Хирург, по его словам, испытал высокое удовлетворение: операция удалась *идеально*; и не оказалось «страшного», что врачи предполагали (рак), напротив: органы были здоровы, главные органы, а только выход из желудка был *completely bouche*³, как итог язвы 12-перст^{ной} кишки, мучившей меня... 38 лет! Теперь я могу все есть, но слаб, лежу 29^{-й} день и жду, когда вернутся силы, – а это будет не раньше 4–5 мес^{яцев}, я потерял более полов^{ины} веса – т. е. более 25 кило. Знаю: чудо было, Господь сохранил, чтобы я закончил «Пути Неб^{есные}», – я просил об этом. Ни капли страха! Будто «все буд^{ет} хорошо». Так и вышло. Хирург благодарил меня за «содействие», и вся клиника относилась ко мне нежно, напевая – «notre malade gentil»⁴. Благодарю Господа за Его Милость. Но мне надо окрепнуть, питаться, а я беден. Меня и до операции мучила (и теперь тоже) неустроенность моих авт^{орских} прав. Я в п^{исьме} от 10 апр^{еля} написал Вам приблизительно об условиях (о базе, из которой можно исходить при определении суммы помощи мне, за все авт^{орские} права, уступавшиеся мною Фонду). Ответа так и не получил.

Очень прошу Вас: ответьте, чтобы, в сл^{учае} отказа Фонда, я мог искать выхода. Главное: мне надо найти верного правопреемника. Знаю, что расходы Фонда окупятся, книги мои в б^{ольшом} спросе. К Пасхе УМСА выпускает кн^{игу} «Куликово поле» (7-я кн^{ига} за посл^{едний} год). На очереди еще 5–6 нов^{ых} изданий. Я знаю, что решение этого вопроса мож^{ет} встретить препятствия, и все же стучусь, чтобы знать окончательное решение и начать хлопоты в ином направлении. Ибо это – моя душевная потребность. Молю Вас: ответьте.

Поздравляю Вас с наступающим Праздником Рождества Христова! От всей души желаю Вам здоровья и благоденствия! С Нов^{ым} Годом!

Я, после чудес^{ной} операции, как бы обновился, хочу Церкви и – работать во Славу Господа. Во мне еще дрожат духовные силы –

закончить «Пути» (3<-ю> и 4<-ю> кн<иж>ки) и в них пропеть: «Тебе поем, Тебе благодарим, Тебе благодарим, Господи...» Моя болезнь многое мне просветила...

Целую Вашу руку. Да хранит Вас Господь!
Почтительно преданный Вам

Ив<ан> Шмелев

¹ На письме штамп: «DEC 27 1949».

² Шмелева оперировали в частной клинике Ланди, Сент-Уэн, 26 ноября. Он провел в больнице десять дней. Операция стоила ему 50.000 франков.

³ Полностью непроходим (*франц.*).

⁴ Наш милый больной (*франц.*).

9. А.Л.Толстая – И.С.Шмелеву

Января 12 <19>50

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич,

Как я рада, что Вы так удачно перенесли операцию. Дай Вам Бог поскорее поправиться, и желаю, чтобы Новый, <19>50-ый год принес всем нам больше радости и покоя, чем старый, ушедший год...

Простите меня, что до сих пор не ответила на Ваш основной вопрос о завещании и о регулярном вспомоществовании или, вернее, выплате Вам за предоставление Ваших авторских прав.

Вопрос не такой простой, как может казаться. Дело в том, что Толстовский Фонд вообще <не> имеет достаточно средств, чтобы прожить февраль, и мы еще не знаем, как мы будем в дальнейшем существовать. Какое же я имею право с Вами заключать какой-нибудь договор?

Я все надеялась, что наше положение изменится к лучшему, и оно может измениться, тогда мы будем смелее действовать. Тем временем я старалась получить поддержку ежемесячную от наших директоров. К сожалению, они гораздо охотнее идут на единовременную поддержку, чем на ежемесячную, и пока что я только добила того, что в Ваш фонд поступили небольшие суммы от Бахметьева¹, Сергиевского², проф<ессора> Ипатьева³, Сорокина⁴, но все это очень мало, и эти деньги я Вам сейчас высылаю частями.

Кроме того, мы вошли в сношение с издательствами – американскими, но они должны получить по-английски полный перечень не только того, что издано, но и того, что было издано на других языках. Главная моя беда в том, что я разорвана на тысячу частей и никак не могу этого сделать

Если бы у Вас нашлись друзья, которые могли бы такую информацию напечатать по-английски на машинке, – это очень помогло бы.

Как видите, дорогой Иван Сергеевич, мы Вас не забыли, и я надеюсь, что, в конце концов, нам удастся чего-нибудь добиться.

Шлю Вам сердечный, искренний привет с пожеланиями скорейшего выздоровления, дай Бог Вам сил и здоровья для окончания Вашего труда, появления которого мы будем ждать с нетерпением.

Глубоко Вас уважающая и преданная

Александра Толстая

¹ Бахметьев Борис Александрович (1880–1951) – профессор, политический и общественный деятель, посол России в США. Один из основателей Толстовского фонда, член Совета директоров.

² Сергиевский Борис Васильевич (1888–1971) – летчик-испытатель, инженер, общественный деятель, один из основателей и член исполнительного комитета Толстовского фонда.

³ Ипатьев Владимир Николаевич (1867–1952) – химик, профессор, член Совета директоров Толстовского фонда.

⁴ Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) – политический деятель, социолог, профессор Гарвардского университета.

10. И.С.Шмелев – А.Л.Толстой¹

27.IV <19>50

X<ристор> В<оскресе>!

Глубокоуважаемая и дорогая Александра Львовна!

Очень благодарю Вас за помощь: получил, с комисс<ионным> учетом, 10.138 фр<анцузских> фр<анков> и так кстати: лечение продолжается (повышенное содержание в крови – uric, до 0,70 gr.), и я далеко еще не оправился; но уже помаленьку работаю. 1/2 года не дышу вольным воздухом, – погода шаткая, бурная.

В отношении моей просьбы об авторских правах, Вы говорите много правды, но я долж<ен> оговориться: я не думал ставить, как главное, какое-то возмещение. Мне важно найти достойного и верного правопреемника, – вот главное. Я оч<ень> удручен, что не нахожу нужного, – будь Его Воля!

Позволю себе побеспокоить Вас просьбой. Не откажите распорядиться, чтобы мне вернули (из посланных г<оспо>же С.Куломзиной² книг) II-й том моих рассказов, где помещена повесть «Под горами», и немецкое издание «Liebe in der Krim»³: нужно для переиздания здесь, а другого экз<емпляра> у меня нет: давно нельзя найти, как я ни пытался. Если нет надежды на издание «Челов<ека> из рест<орана>» в америк<анском> изд<ательстве>, будьте добры вернуть.

Еще раз, от всего сердца, благодарю в Вашем лице Фонд имени Толстого за помощь, за участливость ко мне. Благодарю Господа, что возвращается воля к работе, и мне душевно легче, а то мес<яца> два страдал невыносимой подавленностью душевной, в отчаянии пребывал...

Желаю Вам здоровья и благополучия. Великое дело творите.
С глубоким уважением и Ваш, искренно благодарный

Ив. Шмелев

¹ На письме штамп: «МАУ 1 1950» и надпись «Написано директорам. Книги посланы», сделанная, видимо, С.С.Куломзиной.

² Куломзина Софья Сергеевна (1903–2000) – помощник исполнительного секретаря Толстовского фонда.

³ «Любовь в Крыму» (нем.).

Приложение

1. И.С.Шмелев – С.С.Куломзиной¹

4.01.1950 г.
Нью-Йорк

Госпоже С.Куломзиной

Не знаю точно В<ашего> имени и отчества и потому пишу без личного обращения – простите.

Б.М.Крутиков², заведывающий изд<ательство>м «Имка-Пресс», написал мне о запросе Толст<овского> Фонда, есть ли у меня книги для перевода на англ<ийский> яз<ык>, т. к. одно америк<анское> изд<ательств>во согласилось бы издать какую-ниб<удь> из них. Только теперь, чуть окрепнув после операции, могу ответить.

На англ<ийский> яз<ык> переведены 4 моих книги: «Солнце Мертвых», «История любовная», «Это было», вызвавшее письмо ко мне Р.Киплинга, и «Неупиваемая Чаша». «Это было» и «С<олнце> М<ертвых>» были изданы в Лондоне, у Дента, но проводились и через нью-йорк<ское> изд<ательств>во «Дэттен»^{*}; остальные две были изданы в Н<ью>-Й<орке> изд<ательство>м Дэттен, но проводились и лонд<онским> изд<ательство>м Дент и сын. Это было давно. Моя отличная перев<одчи>ца Нат<алья> Мих<айловна> Цитович умерла, англ<ийский> переводчик Хохардт не мог совладать с трудным языком «Чел<ов>ека из рестор<ана>» и отказался от перевода. Так<им> обр<азом>, наиболее популярный из моих романов оказался неизданным по-англ<ийски>. Он переведен на все европ<ейские> языки, свыше 15, и имел определенный успех: по-нем<ецки> прошло свыше 20 т<ысяч> экз<емпляров>, как и по-франц<узски>.

В <19>50-м году роману исполнится 40 лет, но, кажется, он и ныне не утратил свежести, – это я знаю по письмам ко мне читателей. Проблема романа *живет* доселе: два пути решения важнейшего социального вопроса: путь насилия – революция и – путь *сердца*,

* Dutton (Примеч. Шмелева).

путь совершенствования духа человеческого. Представители этих путей – 1: сын рестор<анного> лакея – Колюшка и 2 – лакей Скороходов – отец*. Для читателя д<олжно> б<ыть> ясно, чему сочувств<ует> автор, однако для иных это оказалось не так, – и я получил много благодарств<енных> адресов от наших крайних «политиканов», из Швейцарии, за подписями Ленина, Троцкого, Каменева и проч. – *благодарность* – оч<ень> горячую! – также и из ряда пунктов Вост<очной> Сибири, от политич<еских> каторжан³. «Новое время» двухподвальным фельетоном⁴ заявило, что роман – не «вода на чью-то мельницу», а творчество свободного духа, а «Дух живет иде же хочет». Роман выдержал по-русски ряд изданий. А.Ф.Кони⁵ читал отрывки в салонах и внес в Академию предложение избрать автора почетн<ым> академ<ико>м. Ему было отвечено: «Слишком еще молод!» – У автора в Акад<емии> не оказалось ни одного «покровителя»... и, м<ожет> б<ыть>, кой-кому автор и глаза резал... насколько мне известно. То же повторилось и с при-Нобель⁶... я не раз представлялся европейскими славистами как кандидат, но у меня не было «руки» – и слава Богу! Об одном лишь жалею: получи я приз, я не остался бы немым перед почетным собранием в присут<ствии> короля и сумел бы сказать «слово» о величии русской литературы, о духовной сущности не раз оклеветанного русского народа! Это был единств<енный> случай выступить за Россию, и в таком великолепном собрании мирового масштаба... нет, я не упустил бы такого случая, а, испросив Божие благословение и благословение наших великанов Духа и Гения, *ответил* бы, как подобает русскому писателю. Не случилось. О сем жалею.

Полагаю, что, если найдется хороший переводчик (-ца), отлично знающие оба языка, издание не даст убытка... а м<ожет> б<ыть>, получит и успех. Я, к<а>к т<олько> окрепну, должен буду дать к «Челов<еку из ресторана>» – по сл<учаю> его 40-летия *жизни*, введение: «история эт<ого> романа». [Вот] Это было бы оч<ень> важно для америк<анского> издания: амер<икан>цы любят добрую рекламу. В дан<ном> сл<учае> реклама будет вполне соответств<овать> *правде*. Изд<ательст>во может выпустить роман с такой маншеткой: 1 – «Этот роман *спас* автора от верной смерти». 2 – «За этот роман автор получил *небывалый* гонорар»⁷. 3 – «На эт<от> роман притязали крайне левые и крайне правые». Все сущая правда: меня гнали в Ялту на расстрел, в дек<абре> <19>20 года, и Господь сохранил меня... один из чекистов, выписывавший мне проходную бумажку – путевку на Ялту, куда я должен тотч<ас> же отправ<иться> пешком, – когда мы были одни в комнате, увидав мою фамилию, спросил –

* Нравы в мире *не* изменились за эти 40 л<ет>. Стали безжалостнее. (*Примеч. Шмелева*).

«Вы не писатель?..» и т. д. Узнав, что я автор «Человека <из ресторана>», грустно трижды покачал головой и, отдавая мне уже забраный паспорт, где я значился прапорщ<иком> запаса в отставке с <1>905 года, – «это не им<еет> значения, немедленно в Ялту!..» – где работала «мясорубка», – отдавая паспорт, сказал: «Идите... когда понадобится – придем за вами...» Об остальном я после напишу, – я оч<ень> еще слаб.

«Пути Неб<есные>» – вряд ли соблазнят америк<анских> издат<елей>, это не для них. Разве вот «Мэри», имевшую *огромный успех*: охотно ее читали и профессора, и дети: «история скаковой лошади». Можно добавить «Мой Марс» и кое-что еще... «Лето Госп<одне>» и «Богом<олье>» – не для америк<анцев>, но англичане могли бы принять в душу: они любят традиции... и моя мечта дать европейцам <представление> о дух<овных> сущностях нашего народа!.. «Мэри» я к Вам <?> выслал.

Сейчас я ишу экз<емпляр> «Человека <из ресторана>»: давно распродан, а мой экз<емпляр> зачитан. Найду у библиографов и пришлю немедленно.

Я так и не получил ответа на свое предложение – передать все авторские права Толст<овскому> Фонду... Мне оч<ень> важно отдать *все* в достойные руки... Прошу ответить на этот мучительный вопрос, чтобы я мог свободно искать то учреждение, которое сохранит для России мои книги и даст их народу в достойном виде. Они должны и *будут* жить, – в этом я нисколько не сомневаюсь, слишком у меня много подтверждений этой моей веры, да и пора, на 8-м десятке, видеть свои недостатки и плюсы.

Знаю, что уже и ныне иные из книг моих стали – *национальными*, к<a>к, напр<имер>, «Лето Госп<одне>», «Богомолье», «Няня из Москвы».

Не откажите довести до сведения Правления Т<олстовского> Ф<онда>, как я благодарен, как спасен от тревог и нужды на некоторое время благодаря помощи Т<олстовского> Ф<онда>. – Мне запрещено даже читать – на 6–8 месяцев, – столько я потерял сил, с трудом начал передвигаться и прибавляться в весе. Слава Богу, не забыл и не покинул меня в нужде родной читатель: столько узнал я светлого и трогательного, любви и ласки!.. – Лишь бы Господь помог мне, чудом оставив в земной жизни, – да, это воистину было чудо! Я был всеми медиками клиник и оператором приговорен – *через день-два* – к смерти. 2 гр<амма> на литр крови – мочевины, каждый час сердце могло остановиться... Это уже после узнал я... я не испытал и тени страха смерти, – и так раньше боявшийся ножа, тут я был почти радостен, *зная*, что буду спасен. Под ножом я мечтал, – местный наркоз был, – как буду писать «Пути Неб<есные>», «буду все есть», поеду отдыхать. Вот потому-то хирург и сказал мне: «Ва-

ша операция дала мне высокое счастье! Мне удалось сделать так, как я только мечтал, как об идеале...» Еще бы! Он не знал, *Кто* ему помогал, был невидимым ассистентом!.. А я *это* чувствовал. Если бы рассказать *все!*.. Даны дни завершить работу над «Путями <Небесными>», духовно вырасти, стать подлинно православным. Быть достойным Милосердия. Быть готовым. Мне дан урок. И я должен выполнить его, достойно!..

Невер самый злостный поверил бы в чудо, если бы я все рассказал. Я получил <огр<омный> дух<овный> опыт и знаю, что – «Нет смерти». Сколько я пережил! И как все в клиниках были нежны со мной, напевали: «Notre malade gentil». Хирург, он же директор и собств<енни>к хирургических клиник, недолго после операции пришел ко мне и увидал чудо: t^o – норм<альная>, выделений около 2 litr. – «Он спасен», – воск<икнул> хирург.

Да, почки работали в совершенст<ве>. М<ожет> б<ыть>, помогло перелив<ание> крови – накануне операции. Другие врачи не верили... А я был радостно спокоен. Господь закрыл от меня все страхи и тревоги. В <19>34 г. меня сохранил – от ножа – преп<одобный> Серафим, – о сем я писал в «Прав<ославной> Руси» 3 фельетона!⁸ О «чуде 26 ноября» не смею писать, страшусь, ибо – недостоин чуда.

Если оно б<ыло> дано, то не для меня, а 1) для прославления Господа (3<-я> и 4<-я> кн<иги> «Пут<ей> Неб<есных>») и 2) м<ожет> б<ыть>, чтобы я *подрос* духовно, выпрямил дух. О, как хочу Церкви! – и пока не могу выйти. Я знаю: силы вернуться, и я, м<ожет> б<ыть>, говею Вел<ихим> Постом. Как я люблю его!.. Какой высокий Смысл во всем, что дает нам наше правосл<авное> богослужение! Какая красота! Величайшее из всех искусств – религия! – мать всех искусств! Если взглядеться – увидим религ<иозный> подъем – расцвет искусств – всяких. О сем прид<ется>, м<ожет> б<ыть>, сказать (образить сие!) в 3–4<-й> к<нигах> «П<утей> Н<ебесных>». Для сего и дана отсрочка, дабы раскрылось величайшее содержание песнопения – «Тебе песня, Тебе благословение, Тебе благодарение, Господи...»

Я – простите – многого лишнего коснулся, но я весь переполнен, и что-то мне говорит, что я пишу чуткой душе. Чего же совеститься, если все – *правда*, пережитое, выстраданное! Подумать: недуг 39-летний снят с меня! Вдруг!!!

С уважением к Вам,

Ив<ан> Шмелев

¹ На письме штамп: «JAN 16 1950». К письму приложен публикуемый ниже список переводов книг Шмелева на иностранные языки, составленный автором.

² Крутиков Борис Михайлович (1884–1968) – сотрудник издательств «ИМКА-Пресс» и «Les Éditeurs réunis». Он, видимо, был автором храняще-

гося в архиве Толстовского фонда письма (от 12 января 1950) к С.С.Куломзиной, в котором пишет о возможном переводе книги Шмелева в американском издательстве.

³ Имеется в виду поездка И.С.Шмелева и других писателей в марте–апреле 1917 в Сибирь, где по амнистии Временного правительства были освобождены политические заключенные и ссыльные. Свои впечатления Шмелев описал в очерках «В Сибирь за освобожденными», напечатанных в газете «Русские ведомости».

⁴ Имеется в виду статья А.Бурнакина «Человек» (Новое время. 1912. 24 февраля).

⁵ Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – юрист и литератор, почетный академик Императорской Академии наук.

⁶ Имеется в виду история с выдвижением кандидатуры Шмелева на Нобелевскую премию по литературе в начале 1930-х.

⁷ Во время страшного голода 1921 года в Крыму Шмелев и его жена не могли получить свой паек – 200 граммов хлеба в феодосийской столовой. И вдруг к писателю подошел работник столовой, как выяснилось потом, бывший официант, и спросил, не он ли автор «Человека из ресторана». И, услышав утвердительный ответ, дал Шмелеву завернутую в чистый холст буханку хлеба. Писатель считал этот дар своим самым большим литературным гонораром. См.: *Сорокина О.Н.* Московянина. С.111-112.

⁸ *Шмелев И.* Милость Преподобного Серафима // Православная Русь. 1935. №1-3.

2. Книги Jvan Chmelov на иностр<анных> языках:

На английском:

1. «The Sun of the Dead», 2. «That which happened», 3. «Inexhaustible Cup», 4. «The story of a love».

Эпопея «Солнце Мертвых» переведена на яз<ыки>: английский, французский, немецкий, хорватский, сербский, польский, итальянский, испанский, чешский.

Роман «Человек из ресторана»: французский, немецкий, венгерский, испанский, итальянский, голландский, шведский, чешский, польский, сербский, хорватский, румынский...

«Няня из Москвы» – немецкий. Язык романа для перевода оч<ень> трудный.

«История любовная» – английский, польский, чешский, немецкий...

«Неупиваемая Чаша» – французский, английский, немецкий, испанский, итальянский, голландский, сербский, хорватский... и, по слухам, [на] японский.

«Пути Небесные» – французский, немецкий... Принята к изданию испанск<им> издательством, но вызвала veto католич<еской> цензуры. Выходит на итал<ьянском> яз<ыке>.

«Мэри» – итальянский, немецкий, польский, чешский... Читают по неск<олько> раз – и взрослые, и юные.

«На пеньках» – голландский.

«Про одну старуху» – голландский.

Если бы перевести – горячее мое желание! – для подлинного познания духовной силы и сущности русского народа и для борьбы с клеветой на Россию, [как] «страну рабов» и «историческое недоразумение», – «Лето Господне» и «Богомолье»! Для англичан, считающих и любящих традицию и быт, эти книги – эпопея и поэма – могут быть интересны, – мнение англичан, знающих по-русски. Это был бы подвиг переводчика, – во имя России подвиг; знаю, чего стоят эти книги, ставшие ныне национальными. Американцы вряд ли воспримут их – но как бы важно было попытаться! Не все же в Америке только «деловики», есть и люди. Вот бы издать, при поддержке Толст<овского> Фонда. Думаю, что убытка не было бы, но это, конечно, напрасная мечта.

3. С.С.Куломзина – И.С.Шмелеву

3<0?>-го января, 1950

Monsieur J.Chmeleff,

91 rue Boileau

Paris, 16^e

France

Глубокоуважаемый Иван Сергеевич,

Получила Ваше письмо и все сведения о Ваших переведенных и не переведенных книгах и составила на их основании письмо Скрибнер'у, которое и было отправлено за подписью Александры Львовны. Очень надеюсь, что мы скоро получим ответ¹.

Относительно принятия Вашего литературного наследства Александра Львовна Вам уже написала, поэтому на этот Ваш вопрос я уже не отвечаю.

Очень надеюсь, что Ваше здоровье продолжает поправляться и силы возвращаются.

Искренне преданная Вам,

С.Куломзина

¹ В архиве Толстовского фонда сохранился весьма уклончивый ответ американского издателя Чарлза Скрибнера от 31 января 1950 на это послание А.Л.Толстой, выражающий серьезные сомнения в возможности перевода и коммерческого издания старых романов И.С.Шмелева в США.

LD
Varia

«...КУРСИРОВАЛИ ИЗ МОСКВЫ В ПАРИЖ...»:

Из переписки Юрия Анненкова и Льва Никулина

Публикация И.В.Обуховой-Зелинской

От переписки Юрия Павловича Анненкова (1889–1974) и Льва Вениаминовича Никулина (наст. имя Лев Владимирович Ольконицкий; 1891–1967) сохранились лишь одно письмо и открытка, явно случайно уцелевшие после «обвалов» 1930-х годов. И все же включение их в контекст многолетних взаимоотношений корреспондентов бросает некоторый свет на характер контактов парижской диаспоры с метрополией, особенно интересных для нас в переходный период на рубеже 1920–1930-х. Тогда в Париже подолгу находился Бабель, практически постоянно проживали Эренбург, Альтман и другие упоминающиеся в переписке лица, которые в конце 1920-х еще составляли общий круг знакомцев и приятелей, но уже в 1930-е должны были сделать окончательный выбор относительно своего гражданского и идеологического статуса.

Не задаваясь задачей всестороннего рассмотрения этого сложного вопроса, проследим несколько подробнее характер взаимоотношений двух основных персонажей публикации. Знакомство с писательским и архивным наследием Льва Никулина позволяет реконструировать хронологическую канву этой дружбы.

Заметим сразу, что роль Никулина в русской культуре XX века значительно больше и интереснее, чем это представляется тем, кто знаком с ней только по общеизвестным эпиграммам и патриотическим эпопеям сталинского лауреата 1952 года, вызывавшим скуку и отвращение студентов 1950-х, обязанных читать их по программе. На счету Никулина роман «Мертвая зыбь» (1965), ставший основой одного из первых советских телесериалов («Операция “Трест”»). И сериал, и роман в течение многих лет пользовались у читателей заметной популярностью. Роман был написан по материалам, предоставленным писателю из засекреченных до той поры архивов, – речь шла об одной из широкомасштабных чекистских провокаций 1920–1930-х, направленной против РОВС. Для роли прославителя советской внешней разведки и героических чекистов не случайно был выбран именно

Никулин: с органами у него были давние и, как можно полагать, довольно близкие отношения; кроме того, он считался специалистом по Франции.

В биографии Никулина, сейчас полузабытого и не очень уважаемого писателя, много неожиданного. Он не просто сталинский выдвигенец. В прошлом он побывал и в символистах, и в юмористах, и в драматургах, и в пионерах кинематографии. В 1910-е Никулин считал себя прежде всего поэтом, печатался в каких-то одесских журнальчиках (во всяком случае, именно 1910 год он указывал как начало своей литературной деятельности), а благодаря занятиям отца, довольно известного провинциального актера и антрепренера, был вхож в художественную среду. В Одессе Никулин учился в том же коммерческом училище, что и Бабель, который был на год старше. Встретившись, уже в 1920-е, в редакции журнала «30 дней», они друг друга вспомнили.

В 1910 Никулин нелегально переходит границу и попадает в Париж, но идея продолжать там образование не была им реализована – как по причине отсутствия четких намерений, так и по недостатку средств. Он жил в грязноватом отельчике на улице Брей, поблизости от авеню Ваграм (писатель сохранил верность этому отельчику на многие годы, неизменно останавливаясь именно там), наблюдал жизнь и описывал свои впечатления, как и полагается настоящему писателю, боролся с голодом и искал занятий, которые могли бы обеспечить кофе и круассан на завтрак и какой-никакой обед. В конце концов, проведя год в Париже, он возвращается в Россию осенью 1911.

Отец его в это время жил в Москве, и Лев поступает в Московский коммерческий институт. Его поэтические занятия и чувство юмора быстро находят приложение: он пишет для «Сатирикона», для кабаре «Летучая мышь»¹ и довольно часто публикуется в разных журналах. Недолгое сотрудничество в петербургском журнальчике «Рудин» оборачивается знакомством (и, быть может, легким романом) с его издателем Ларисой Рейснер – этот эпизод в недалеком будущем оказался для Никулина воистину судьбоносным.

«Мы, москвичи, жили довольно обособленно от петербуржцев (я говорю о литературной молодежи)», – пишет Никулин в своем очерке о Рейснер². Однако он иногда приезжал в Петербург и в один из своих приездов зимой 1913 побывал по приглашению своего нового приятеля Юрия Анненкова в Куоккале, где представился случай познакомиться со знаменитым критиком Чуковским и прочесть стихи Репину. Этот эпизод был описан Никулиным подробно и в разных вариантах печатался многократно.

Тогдашние точки пересечения будущего сталинского лауреата с Анненковым – молодым, общительным сценографом авангардного толка (а заодно

¹ Возможно, что текст ставшей народным хитом песни «У кошки четыре ноги...» именно тогда был написан Никулиным для одной из миниатюр. В 1922 песня про кошку исполнялась в качестве гимна сиамского короля Чулалонгкорна под аккомпанемент гребешкового оркестра в петроградском артистическом кабаре «Балаганчик», организованном при театре «Вольная комедия». См.: *Золотничкий Д.* Зори театрального Октября. Л., 1976. С.284.

² *Никулин Л.* Лариса Рейснер // Никулин Л. Годы нашей жизни. М., 1966. С.165.

карикатуристом, иллюстратором и тоже поэтом) – «Летучая мышь» в Москве, «Сатирикон» и «Бродячая собака» в Петербурге. Революцию принимают оба, с той разницей, что Анненков остается свободным художником, хотя – как и большинство левых художников – занимается оформлением столиц по случаю революционных праздников, а Никулин работает в политотделах различных военных округов, служа революции не только агитационным словом, но и штыком. В 1919 он оказывается в Киеве, где в ставшем позднее известным «ХЛАМе» собиралась местная творческая молодежь и столичные поэты и художники, покинувшие голодный Петроград. Позднее, в неоднократно переделывавшихся воспоминаниях и мемуарно-биографических очерках Никулин писал об этом периоде в приподнятом тоне революционной романтики:

Потом было лето 1919 года в Киеве, советское лето, необыкновенно радостное для нас, молодых людей, которые писали в газетах, выступали на митингах, что-то организовывали, горячились, спорили, работали в Политуправлении Наркомвоена, в политотделе Военного округа, и все это в то время, когда город был в кольце банд атаманов Зеленого и Струка, когда к столице Советской Украины рвались одновременно петлюровцы и денкинцы. И в Киеве существовало кафе поэтов под забавным названием «ХЛАМ». Это расширявалось по первым буквам: художники, литераторы, артисты, музыканты. Не очень лестное для деятелей искусства название.³

Из молодых людей, «писавших в газетах, горячо споривших» и т. д., Никулин называет Михаила Кольцова и Валентина Стенича. Но о киевском «ХЛАМе» писали в воспоминаниях и Эренбург, и Терапиано и многие другие, в том числе Надежда Мандельштам: «Во всяком случае, никто из тех, кто стал художником, циником не был, хотя и повторял любимое изречение Никулина: “Мы не Достоевские, нам лишь бы деньги...”»⁴.

В 1920 году Лариса Рейснер дает Никулину рекомендацию для работы в Балтийском политпросвете – это назначение сильно укрепило его политическое реноме и одновременно стало базой для дальнейшей литературной карьеры. Именно в это время Анненков и Никулин часто работают вместе. Кроме желания реализовать некоторые масштабные замыслы, творческая активность поддерживалась прозаической необходимостью доставать пайки. Думается, что Никулин играл не последнюю роль в организации разнообразных лекций для матросов Балтфлота, которые читали и Анненков, и Чуковский, и Гумилев. В 1920 Анненков начал сотрудничать с журналом «Красный милиционер». Орган городской охраны, где печатались корреспонденции «с мест» и уголовная хроника, превратился в гнездо символистов: там издавали свои рассказы и очерки А.Беленсон (главный редактор), Ремизов, Блок, Белый, Чуковский, Гумилев, Мандельштам и, в числе прочих, Никулин, живший по соседству с тем же Ремизовым в «Отеле Петровсовета №1», поблизости от Троицкого театра (в то время театр «Горохр»), в деятельности которого также принимали участие все вышеупомянутые литераторы. Вообще, за этот год Никулин успел многое: он принимал участие

³ Никулин Л. Годы нашей жизни. С.280.

⁴ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С.23.

в знаменитой массовой феерии «Штурм Зимнего дворца», а после открытия театра «Вольная комедия», где неформальным лидером был все тот же неутомимый Анненков, стал в нем заведующим литчастью.

В общий круг знакомств и Анненкова и Никулина входили также «Серапионовы братья», действовавшие под эгидой легендарного Дома искусств (М.Зощенко, Н.Никитин, Вс. Иванов, К.Федин и др.), и, несколько позже, писатели-попутчики, группировавшиеся вокруг редакции «Красной нивы» и издательства «Круг» (например, Б.Пильняк). Никулин, впрочем, исчезает почти на год из столиц – он получил должность секретаря генконсульства в Афганистане, возглавлять которое был назначен Ф.Раскольников. Тогдашняя жена Раскольниковой Лариса Рейснер за время Гражданской войны стала не только легендарной «женщиной-комиссаром», но и волею революционных судеб покровительницей своих друзей-поэтов. Претендентом на место секретаря и, некоторым образом, конкурентом Никулина был (к удивлению современного читателя)... Осип Мандельштам. Обратимся еще раз к воспоминаниям его жены:

Из Киева мы выехали в надежде попасть в такой же поезд, но возглавляемый Раскольниковым и направляющийся в Афганистан. В Москве выяснилось, что на эту авантюру мы опоздали, и мать Ларисы Рейснер сказала, что Раскольников уперся и, несмотря на все настояния жены, ни за что не соглашался взять «поэтишку». Вместо Мандельштама он захватил Никулина. Сейчас я понимаю, что все к лучшему, но тогда огорчилась, а Мандельштам – нисколько, хотя поездка была бы отдыхом от бедствий невероятных голодных лет. Он сказал, что судьба его хранит, чтобы он не путался в афганистанские интриги Раскольниковых, и принял за искать okazji на Кавказ.⁵

Имидж Никулина, не только «поэтишки», но и сотрудника политуправления, вероятно, более импонировал суровому Раскольникову, а погружение новоиспеченного секретаря консульства в дипломатические «интриги», видимо, способствовало установлению его контактов с секретными службами (если эти контакты не были установлены раньше). С этого времени Никулин уже не только писатель, хотя литература до конца жизни остается его основным (по крайней мере, официально) занятием. Он возвращается в СССР эпохи нэпа, пишет приключенческую повесть по афганским впечатлениям (одобренную Горьким), а также активно работает в амплу сатирика: пишет стихи и юморески для журналов «Крокодил» и «Красный перец» и, кроме того, сатирические пьесы для театра (в соавторстве с В.Ардовым).

В 1924 Анненков уезжает на биеннале в Венеции и далее, в качестве советского художника, экспонента готовящейся Международной декоративной выставки, поселяется в Париже. В ноябре 1924 устанавливаются дипломатические отношения Франция–СССР. В то время Анненков – один из самых известных и ценимых советских художников-портретистов, в полпредстве его считают «своим»: дают заказы на портреты, издают роскошно отпечатанную папку «17 портретов» (это, в основном, портреты советских вождей), приглашают на приемы в полпредство, дают возможность участ-

⁵ Мандельштам Н. Вторая книга. С.38.

вывать в выставке французского искусства в Москве (1928). Это то время, когда «железный занавес» еще не опустился до конца. Приезжающих из СССР писателей держат под контролем, но не на таком уж коротком поводке. Они бывают у Анненкова, который считается советским гражданином, хотя отнюдь не собирается ограничивать свои контакты ни в эмигрантской, ни во французской среде.

Среди его новых знакомых – Борис Суварин, легендарная фигура в среде революционеров и политиков. Сын киевского ювелира, приехавший в детстве с родителями в Париж, он стал французом, но не утратил интереса к своей «исторической родине». Один из основателей французской компартии (в 1920), из которой его вскоре выкинули, в дальнейшем этот талантливый журналист посвятил свое перо и неординарные организаторские способности борьбе с этой же партией и разоблачению сталинской политики. Первый номер издававшегося Сувариным «Bulletin Communiste» (23 октября 1925) вышел с анненковским портретом Ленина на обложке, а второй (30 октября 1925) – с его же портретом Троцкого. Естественнее всего предположить, что Суварин, живший в 1921–1923 в Москве, уже знал портреты Анненкова и связался с ним в Париже (возможно, через их общего знакомого Х.Раковского, назначенного в 1925 полпредом). Как бы то ни было, с тех пор их дружба продолжалась до конца жизни. В письме к Солженицыну Суварин вспоминает об «анненковском салоне» конца 1920-х – 1930-х годов:

Пока Сталин еще не установил своего ужасного абсолютизма, был период, говоря между нами, когда привилегированные писатели и художники курсировали из Москвы в Париж. Они встречались с людьми то там, то здесь, в мастерских художников или в монпарнаских кафе, на основе своего рода взаимопонимания завязывались дружеские отношения. И особенно в доме художника Анненкова теплое гостеприимство хозяйки дома, Валентины Ивановны <...> способствовало незабываемым для меня встречам с Замятиним, Бабелем, В.П.Полонским, Цадкиным...⁶

Среди выезжавших за границу привилегированных писателей, о которых пишет Суварин, был и Никулин. Профессия писателя – хорошая «крыша» для советского путешественника, дающая возможность легального получения визы. В 1925 он побывал во Франции и в Турции. Осенью 1927 вместе с Всеволодом Ивановым они едут в Париж, откуда Иванов вскоре возвращается в Москву, а Никулин остается. В это же время в Париже находится Бабель, с которым Анненков уже познакомился на чаепитии у Эрэнбурга. С 1927 по 1933 и Бабель, и Никулин живут в Париже подолгу. Они часто встречаются и с Анненковым, и друг с другом. Анненков писал об этом в «Дневнике моих встреч», Никулин – в воспоминаниях о Бабеле⁷. Оба опубликовали письма Бабеля того времени. Свидетельство самого Бабеля стало известно недавно, после публикаций В.Шенталинским протоколов допроса, где Бабель признается, что познакомился с Сувариним через Анненкова.

⁶ *Ranné J.-L.* Boris Souvarine. Paris, 1993. P.167.

⁷ *Никулин Л.* Исаак Бабель // Никулин Л. Годы нашей жизни. С.216-229.

У Бабеля жила в Париже первая жена, в 1929 у них родилась дочь. Он явно присматривается, не остаться ли насовсем, пробует организовать быт. Советскому писателю, живущему в Париже, было труднее сохранить хотя бы видимый идеологический нейтралитет, чем, например, художнику. Он не мог печататься в эмигрантской прессе, не рискуя испортить отношения с полпредством. Но использовать во Франции свои советские гонорары Бабелю тоже было нелегко: официального канала перевода денег не существовало. Обычно искали оказию: если кто-то в Париже хотел помочь родственникам в России, то им передавались деньги в рублях из полученного там гонорара, а в Париже получали эквивалент. Путь сложный и хлопотный. Это были общие проблемы для тех, кто сохранял отношения с метрополией. Поэтому упоминающаяся в письме Анненкова просьба о передаче денег свидетельствует о многом – Никулин действительно оказывал услугу приятелю.

Летом 1928 Анненков пережил тяжелую операцию, друзья были обеспокоены его здоровьем. Бабель пишет Никулину 30 августа 1928 (из Парижа в Москву):

Из новостей – вот Анненков тяжело захворал, у него в нутре образовалась туберкулезная опухоль страшной силы и размеров. Позавчера ему сделали операцию в клинике, где работал когда-то Дуайен. Мы очень боялись за его жизнь, но операция прошла как будто благополучно. Доктора обещают, что Ю<рий> П<етрович> выздоровеет. Бедный Анненков, ему пришлось очень худо. Пошлите ему в утешение какую-нибудь писульку.⁸

Анненков вспоминает об этом в «Дневнике моих встреч»:

В день возвращения Бабеля в Париж я находился в больнице. <...> Когда через несколько дней меня перевезли из клиники ко мне домой, на улицу Буало, произошло мое «прижатие» с Бабелем. Но еще через неделю я должен был уехать, на долгий срок (отдых), к Средиземному морю, где меня догнала очень милая «писулька» Никулина. <...> Когда я вернулся с юга в Париж, Бабель был уже в Советском Союзе.⁹

Никулин тоже возвращается в Москву, и в 1929 там выходит его книга о парижских впечатлениях¹⁰. Она получила довольно суровую оценку советской критики в лице Т. Николаевой:

Скользя по самой поверхности явлений, Никулин показал, как веселится Париж и его окрестности и показал нам с гораздо меньшим умением и вкусом, с каким были сделаны «впечатления» его предшественников в этой области – той же Ольги Форш, Эренбурга, Инбер и др. Бесконечно вертятся по одному кругу стоп-кадры: кафе, кабаре, быстро <так!> (примитивные кафе), дансинги, кокотки, аппетитивы <так!> (спиртной напиток перед обедом), омары, астрономическое количество автомобилей и «полированных асфальтов». Для поддержки «пролетарской идеологии» автор совершает несколько экскурсов в революционное прошлое Франции и бросает несколько

⁸ Никулин Л. Исаак Бабель. С.222-223.

⁹ Анненков Ю. Дневник моих встреч. В 2 т. Т.1. М., 1991. С.303-304.

¹⁰ Никулин Л. Вокруг Парижа (Воображаемые прогулки). М.: ЗИФ, 1929.

слов об эмигрантах – князьях и княгинях, которые бывают гарсонами в кафе и выступают на эстрадах низкопробных кабаре.¹¹

Как бы то ни было, столь красочные и не совсем уместные (по мнению рецензента) для советского писателя парижские впечатления не испортили мнения о Никулине Там Где Надо, и весной 1929 Никулин снова оказывается в Париже. Он сообщает Крученых свой адрес (как всегда, на улице Брей) и планы:

29-V-1929
M.Nicoulin
23, rue Brey 17e

Дорогой столп футуризма <...> в Америку и Англию меня, слава богу, не пустили, но в Америку, кажется, пустят. Так же, как и в Испанию. А пока я поеду в Бретань...¹²

В Америку Никулину визы все же не дали, но он совершил большую поездку по Испании. Еще одно письмо тогдашним друзьям:

Мг. <так!> В.Катаеву и Ю.Олеше.
Адрес у Крученых
1929. 15 Авг<уста>

<...> На испанской границе я сел в мою машину (KD125 468) и поехал через Пиринеи в Ниццу. В мировом притоне, именуемом «Казино» (в честь бывшего) в Монте-Карло я потерял часть моего состояния. Теперь я еду в Швейцарию, потому что, по слухам, там дешево. <...> надеюсь обменяться рукопожатиями в сладком будущем. <...> сейчас я на Ривьере, где жарко и скучновато.¹³

Книга об этом путешествии¹⁴ была переиздана несколько раз, а вскоре она обрела неожиданную актуальность в связи с началом войны в Испании.

После каждого путешествия Никулин составлял альбом из фотографий и рисунков с комментариями. Эти альбомы показывались друзьям в часы досуга, и кое-кто оставлял в них свои записи. В альбоме за 1929 год на одной из страниц приклеена фотография, где Анненков и Никулин сняты возле дома Анненкова на улице Буало с подписью: «Париж 1929. У больного товарища. С картины Маковского. У Ю.Анненкова», а рядом карандашный шаржированный портрет Анненкова с подписью: «рисовал Ардов».

Комментарии просматривавших альбом:

В тени какой кущи сидел, однако, Лев Вениаминович! Какая куща, какая роща!

И.Ильф

А товарищ-то невозвращенец! Ю.Анненков! Да-с! Узнал!..

Вс. Иванов

Он тогда еще не был невозвращенцем. Да-с. Л.Н¹⁵.

¹¹ РГАЛИ. Ф.350. Оп.1. Ед.хр.14 (вырезка из газеты без указания названия).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Никулин Л. Время, пространство, движение. М., 1933.

¹⁵ Там же.

Да, Анненков тогда еще не был невозвращенцем, и Никулин без особых опасений мог с ним переписываться. Об их встречах во второй половине 1930-х ничего не известно. В конце 1930-х в недрах НКВД исчезли, в числе прочих, Бабель, Пильняк, Мейерхольд... «Железный занавес» задвинулся плотно. В 1940 – оккупация Парижа, в 1941 – война в СССР.

За это время завершилась духовная эволюция Анненкова. Он уже в 1930 начал активно работать в эмигрантской прессе, став душой реанимировавшегося в Париже «Сатирикона»¹⁶. В 1934 была опубликована его «Повесть о пустяках» – о петербургской жизни до и после революции, с явным сатирическим зарядом по отношению к людям, сотрудничавшим с новой властью¹⁷. Отношение Анненкова к террору, в результате которого погибло множество его близких друзей и оборвались все связи с родными, не требует комментариев. Социалистический реализм он считал халтурой и часто писал об этом в эмигрантской прессе. Он врос в парижский быт, в 1920-х и 1930-х много выставлялся, потом начал работать в кино, став известным художником по костюмам. Он никогда не прерывал работы для театра, создавая костюмы и сценографию для драматических спектаклей, оперы, балета, мимодрамы – всего не перечислишь. Послевоенным надеждам на «потепление» политического климата в СССР положил конец доклад Жданова. Анненков пережил это как тяжелый личный удар, затронувший его самые тонкие душевные струны, – Ахматова всю жизнь была для него образцом в поэзии и предметом особого поклонения в жизни. В статьях 1950-х годов (в «Русской мысли» и в «Возрождении», весьма враждебных по отношению к СССР эмигрантских изданиях) Анненков неуклонно издевается над соц-реализмом, включает в защиту Пастернака, разоблачая ложь советских газетных кампаний.

А что за это время произошло с Никулиным?

Он тоже потерял друзей в 1930-е. Виктор Ардов, бывший соавтор Никулина, назвал его «ужаснувшимся». Из общительного, веселого человека он превратился в замкнутого и нелюдимого молчуна – таким его вспоминает Михаил Ардов¹⁸, знавший писателя в послевоенное время. Он же приводит в своих воспоминаниях одну из известных эпиграмм Э.Казакевича: «Никулин Лев, стукач-надомник...». Известна еще одна эпиграмма Казакевича, содержащая более конкретный намек: «Каин, где Авель? Никулин, где Бабель?»¹⁹

¹⁶ Он помещал там рисунки и карикатуры, в том числе и политические, под разными псевдонимами, а также, судя по всему, участвовал в редактировании журнала и писал тексты. Об издании см.: *Иванов А.* Парижский «Сатирикон» // Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т.4: 1939–1960 гг. / Сост. и изд. М.Пархомовский. Иерусалим, 1995. С.208-219.

¹⁷ «Повесть о пустяках» была издана в 1934 по-русски в издательстве «Петрополис» в Берлине, затем издавалась по-французски под названием «La Révolution derrière la porte» (Paris, 1987), по-русски в США (1988) и, наконец, в 2001 в России сразу в двух столицах: в Москве (издательство МИК) и в Петербурге (издательство Ивана Лимбаха).

¹⁸ См.: *Ардов М.* Легендарная Ордынка. Портреты. М., 2001.

¹⁹ Двадцатый век в эпиграммах от А до Я. Из собрания Льва Кукулина. СПб., 2002.

Был ли он действительно причастен к трагической судьбе Бабеля²⁰ или, подобно многим, «давал на него материал» под давлением соответствующих органов, сейчас установить, скорее всего, невозможно. Чудовищная мясорубка втягивала в себя тех, кто в свое время способствовал ее идеологической и моральной поддержке.

Никулин уцелел, но от символистского поэта, лихого советского сатирика и рассказчика о парижских шантанах мало что осталось. Он превратился в литературного чиновника, с дурной славой, о которой слагались остроумные эпиграммы. Он писал предисловия к произведениям Вайана-Кутюрье и Хикмета и за патриотическую эпопею «России верные сыны» получил в 1952 Сталинскую премию третьей степени²¹.

После наступления «оттепели» Никулин снова становится выездным – М.Ардов вспоминает, что после 1956 он каждый год ездил лечиться на один из французских курортов. Лечение совмещалось с определенными заданиями деликатного свойства. Известно, что Никулин вел переговоры с вдовой Бунина и способствовал продаже части бунинского архива в Советский Союз. Он также вел переговоры с знаменитой Мурой Будберг по поводу горьковского архива – но это более таинственная история.

В Париже Никулин продолжал выступать с лекциями, и на одной из них, как он пишет в очерке «Судьба художника», к нему подошел худошавый господин, в котором писатель узнал своего давнего приятеля. Нужно отдать должное Никулину: он попытался вернуть имя Анненкова на родину, опубликовав очерк в «Огоньке»²². Анненков был тогда уже мэтром французской кинематографии, а в живописи увлекался абстракционизмом. Вполне возможно, что Никулину искренне не понравились его рельефы и инсталляции, но в любом случае он знал, как нужно писать о Западе: и абстракционизм, и Запад подверглись в финале очерка суровому осуждению.

Это, впрочем, была внешняя сторона их общения. Никулин остался верным дружбе и, как в былые годы, выступил в роли курьера: именно он передал письмо Анненкова Чуковскому, который сообщает о нем Ахматовой, первой жене Анненкова Елене, сестре Зинаиде (до того времени никто из них не имел понятия о судьбе Юрия Павловича) и некоторым литературоведам и искусствоведам.

Интересно вспоминает о встречах Никулина и Анненкова в 1960-е Б.Суварин:

²⁰ В опубликованных материалах по делу Бабеля фамилия Никулина не упоминается.

²¹ Именно тогда по Москве ходила эпиграмма (авторы В.Масс и М.Червинский):

Он пишет книги каждый год
И все, что пишет, издает.
И это все читать должны
«России верные сыны».

Вариант эпиграммы см.: Двадцатый век в эпиграммах от А до Я.

²² Никулин Л. Судьба художника // Огонек. 1961. №21 (без имени художника). Тот же текст в очерке: Никулин Л. В мире художников // Дружба народов. 1965. №5 (уже с названным полностью именем: Юрий Павлович Анненков).

Никулин, приятель Бабея, приезжал много лет подряд во Францию, чтобы лечиться в Виттель-Контрексевиль. Доказательство того, что он был хорошо принят при дворе. <...> Проезжая через Париж, Никулин никогда не упускал случая увидеться со своим старым другом Анненковым, который приглашал и меня на эти встречи.

Вопросы политики никогда не обсуждались (чего ради?), разговаривали только на литературные и художественные темы: в частности, мы, вполне естественно, интересовались новостями о наших общих знакомых. Как же не спросить и про Бабея? Нам было безразлично, сдавал ли Никулин по возвращении отчеты о наших встречах, – нам нечего было скрывать, но и он ничего интересного нам рассказать не мог.²³

Ниже мы публикуем два послания Ю. Анненкова (письмо и открытку) из архива Л. Никулина (РГАЛИ Ф.350. Оп.1. Ед.хр.121). По времени это последние известные нам письма Анненкова на родину, написанные до войны.

1

<19 мая 1930¹>

Милый Лева

Я не писал тебе так долго, потому что голова моя была совершенно забита приготовлениями к выставке. Теперь она уже заканчивается, и вот – я пишу.

Спасибо тебе за хлопоты. Надеюсь, что они увенчались успехом. Если же еще – нет, то хорошо было бы поднажать. Посылаю тебе адрес моей матери: Зинаида Александровна Анненкова, Ленинград, Петроградская ст<орона>, Большая Зеленина ул., д.9, кв.25. Кроме того, прошу тебя передать семьдесят рублей (70) гражданке Барской Марии Францевне, Москва, Спиридоновка, 23, кв.1. Старушке приходится, кажется, очень туго, и мне хотелось бы ей немножко помочь. Исполни эту мою просьбу по возможности быстрее.

Здесь тебя заметно не хватает. Wagram² помрачнел, девушки полиняли, хотя, впрочем, далеко не все. Погода стоит прохладная, но каштаны, роскошествуя, покрылись свечами, сады – в цвету, и запахи, замешанные на бензине, разумеется, пленительны. В театре Пигаль завтра начинаются гастроли Камерного театра³. Таиров гарцует по Большим Бульварам. Фенина⁴ было приняла за Гоголевского «Носа» (или за Гоголевский «Нос»?), но недоразумение скоро разъяснилось. Дззи затихла в семейном очаге, свадьба была отпразднована с интернациональной помпой и на третьем месяце. Маргерит по-прежнему необычайно приятна на ощупь, но о тебе как-то не вспоминает, хотя ты, несомненно, произвел на нее ошеломляющее впечатление.

²³ *Souvarine B. Derniers entretiens avec Babel // Contrepoint. 1979. №30. P.89.*

На днях уезжаю погостить к одному приятелю на его виллу. Начнутся столь излюбленные мною светские развлечения в угловом деревенском бистро и бесконечное валянье под липами. В моменты отдыха, когда голова моя освобождается от ежедневных дел, я острее всего чувствую мою тоску по Союзу и рвусь в Москву. В такие минуты я особенно завидую твоему счастью. К сожалению, работа моя еще настолько меня сковывает, что я никак не могу вырваться.

Татуха подрастает, становится барышней, и все свое гостеприимство и любовь, ввиду твоего отсутствия, сосредоточила на Максе¹. Кстати, у Альтманов² появилась новая обезьяна-капуцин, которую тоже зовут Максом. Для Натана эта обезьяна является постоянным бичом, хотя и с большим фамильным сходством. Ирина³ хорошеет не по дням, а по часам, хотя я ее никогда не вижу. Эрэнбург, как говорят, образовал какую-то секту; во всяком случае, без учеников он уже нигде не появляется.

Comme on revient toujours a ces premieres amours⁴, так я забегая время от времени в *café du Dome* (о, двадцатилетняя привязанность!)⁵ послушать сплетни, выпить чаю и поглядеть на толпу.

Потрясен смертью Маяковского, но не хочу говорить о печальном.

Передай мой нежный привет Лизетте, Александру Николаевичу, Борису Андреевичу⁶, Бабелю и вообще всем, кто обо мне пожелает вспомнить. Тебя же крепко обнимаю и целую. И желаю всего хорошего. Очень прошу тебя сообщить мне – исполнишь ли ты мою просьбу. За вычетом семидесяти рублей, остающуюся сумму распроектируй по-прежнему: 2/3 моей матери, а 1/3 – Лене⁷.

Твой

Юрий Анненков

¹ Письмо датируется по упоминанию о начале гастролей Камерного театра в Париже.

² Отель, в котором всегда останавливался Никулин, находился поблизости от авеню Ваграм – в 1920-е это был один из «русских» районов Парижа.

³ В эмигрантских газетах сообщалось о гастролях в Париже Московского Камерного театра с 20 мая по 1 июня включительно (см., например: Возрождение. 1930. 20 мая, №1813).

⁴ Фенин Лев Александрович (1882–1952) – до революции актер «Кривоуго зеркала», после революции стал одним из ведущих актеров Камерного театра.

⁵ С Натаном Альтманом (1889–1970) Анненков был знаком и дружен еще с дореволюционных времен. В их творчестве можно заметить знаменательные параллели: альтмановский портрет Ахматовой соперничает с анненковским по популярности и частоте воспроизведения; оба портретировали Ленина, занимались праздничным оформлением города, много работали в театре и в книжной иллюстрации. Их дружба продолжалась и в Пари-

же, где Альтман жил с 1928 до 1935. После отъезда Альтмана в СССР они, по-видимому, не общались.

⁶ Жена Альтмана – Ирина Валентиновна (урожд. Щеголева).

⁷ Так же, как всегда возвращаются к своей первой любви (*франц.*).

⁸ Впервые Анненков приехал в Париж весной 1911 и провел там с перерывами на каникулы два с половиной года, до осени 1913. Он жил тогда поблизости от знаменитого перекрестка Вавен, где находились излюбленные художественной богемой кафе «Ротонда» и «Дом».

⁹ Б.А.Пильняк.

¹⁰ Первая жена Анненкова, Елена Борисовна, которая приехала в Париж в 1925 и сыграла несколько ролей в кино. Однако Юрий Павлович жил тогда с Валентиной Мотылевой, ставшей его второй женой, и в конце 1920-х Елена Анненкова вернулась в Россию.

2

СССР Москва
Старая Башиловка, д.8 кв.13
Льву Вениаминовичу Никулину
Отпр<авитель> G.Annenkoff
38, rue Voileau, Paris XVI
France
<июль 1930>

Милый Левушка

Умоляю тебя поспешить с исполнением моей просьбы, буду тебе благодарен.

Я уже снова в Париже. Жил я у моря вместе с Ваней Пуни¹. Приезжала к нам, как к несомненным *doyen*'ам², Ирина³. Несколько дней подряд мы принимали втроем солнечные ванны на Лазурном берегу, шелушась и обжигаясь. Как ты провел лето? Целую тебя и Лизетт.

Твой Ю.А.

Ответь телеграфом.

Открытка. Штамп: получено с воздушной почтой 2/VII.30.

¹ Пуни Иван Альбертович (1892–1956) – художник; с 1919 в эмиграции. Семья Пуни и Анненковых были старожилами Куооккалы. Художники были знакомы с детства, в одно и то же время поехали в первый раз в Париж (возможно, Анненков осуществил свою поездку, следуя примеру Ивана Пуни), где жили в одном квартале и регулярно встречались. Оба увлеклись авангардом, встречались и в дореволюционном Петербурге, и в послереволюционном Петрограде, и, конечно, после эмиграции в Париже, где И.А.Пуни жил с 1923.

² От *doyen* (*франц.*) – старшина, декан. Постоянная шутка в кругу анненковских друзей, вероятно, после операции Анненкова в клинике, где работал Дуайен (врач?). Анненков с тех пор часто называл себя дуайеном.

³ По-видимому, жена Альтмана.

«...ХОЛЛИВУД – ОДНО ИЗ САМЫХ НЕКУЛЬТУРНЫХ И ВУЛЬГАРНЫХ МЕСТ НА СВЕТЕ»

Письма С.Л.Бертенсона к баронессе М.Д.Врангель

Публикация Ж.Шерона

В 1936 баронесса Мария Дмитриевна Врангель (1857–1944), мать главнокомандующего Белой армии¹, обратилась к старому другу своего младшего сына² Сергею Львовичу Бертенсону (1885–1962) за информацией о его работе в Голливуде и вообще о русских в американском кино. Баронесса Врангель за несколько лет собрала большой свод информации о деятельности русских писателей, художников, музыкантов и вообще всего, что было связано с русской культурой в эмиграции³. Свое богатое собрание баронес-

¹ Петр Николаевич Врангель, барон (1878–1928) – военачальник, участник русско-японской и Первой мировой войн, генерал-лейтенант Генштаба (1918). В Гражданскую – командир 1-го конного корпуса (с 1918) Добровольческой армии, командующий Кавказской Добровольческой армии (с февраля 1919), главнокомандующий Вооруженных сил Юга России (с марта 1920). С ноября 1920 – в эмиграции в Константинополе, с 1922 – в Сремских Карловцах, с 1927 – в Брюсселе. Организатор и первый руководитель Российского общевоинского союза (1924–1928).

² Николай Николаевич Врангель (1880–1915) – искусствовед, сотрудник журналов «Старые годы» и «Аполлон», секретарь Общества защиты и сохранения памятников и старины. Подробнее о нем см.: Барон и Муза. Николай Врангель. Паллада Богданова-Бельская / Сост. А.Мурашев и А.Скаков. СПб., 2001. Работы Врангеля по искусству были недавно собраны и изданы: *Врангель Н. Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры*. СПб., 1999; *Свойства века: Статьи по истории русского искусства барона Николая Николаевича Врангеля*. СПб., 2001. Бертенсон уделяет Врангелю немало места в своих воспоминаниях: *Бертенсон С. Вокруг искусства. Голливуд, 1957*. С.108, 109, 110, 148, 151-152, 187, 192, 195, 201.

³ Наиболее интересные автобиографические справки из литературной части этого собрания были недавно напечатаны: *Шевеленко И. Материалы о русской*

са Врангель в 1933 передала в архив Гуверовского института при Стэнфордском университете, но продолжала пополнять его, присылая новые сведения.

Бертенсон идеально подходил на роль информатора о русских в Голливуде. Выходец из высококультурной семьи, он с ранних лет был связан с театральным миром России. До революции служил в Министерстве финансов, которое наблюдало за Императорскими театрами, а после революции связал свою жизнь с Московским художественным театром. В МХТ Бертенсон занимал должность секретаря театра, а также заведующего репертуаром и сопровождал МХТ во время заграничных гастролей в Америку в двадцатые годы. В 1925 Бертенсон приезжал в Америку с В.И.Немировичем-Данченко, когда там гастролировала Музыкальная студия Московского художественного театра. Гастроли прошли с триумфом, и Немирович-Данченко был приглашен в Голливуд в качестве репертуарного консультанта и составителя сценариев для студии «Юнайтед Артистс» (United Artists)⁴. Бертенсон сопровождал Немировича-Данченко как его личный секретарь в Голливуд, где они пробыли пятнадцать месяцев, но без какого-либо творческого успеха. Вернувшись в Москву в конце 1927, Бертенсон скоро понял, что новый советский уклад жизни, вмешательство политических функционеров и чиновников в дела МХТ и навязывание театру несвойственной ему идеологии делают его присутствие в МХТ невозможным. В июле 1928 он опять уехал в Голливуд, на этот раз навсегда.

Двадцатые–тридцатые годы – золотая эпоха для русских в Голливуде. Среди актеров было много выходцев из МХТ, обосновавшихся в Голливуде и получивших некоторую известность и признание. Из актеров старшего поколения, приехавших до революции, можно назвать, например, Ричарда Валентиновича Болеславского (1887–1937), который проявил себя и как режиссер, поставив в Голливуде девятнадцать фильмов. Ветеран МХТ с первых постановок Алла Яковлевна Назимова (1879–1945) начала сниматься в американских фильмах еще в 1916⁵. Другие члены МХТ оказались за границей во время гастролей и в большинстве своем также перебрались в

эмиграции 1920–1930-х гг. в собрании баронессы М.Д.Врангель (Архив Гуверовского Института в Стэнфорде). Stanford, 1995. (Stanford Slavic Studies. Vol.9.) Недавно опубликована автобиография Ивана Билибина: Новый мир искусства. 1998. №1. С.7.

⁴ О пребывании Немировича-Данченко в Голливуде см.: *Бертенсон С.* В Холливуде с В.И.Немировичем-Данченко (1926–1927). Monterey, 1964; Hollywood Celebrity List Grows. Founder and Director of Moscow Art Theater here for film work // Los Angeles Times. 1926. September 26. Письма Немировича-Данченко из Голливуда были напечатаны в кн.: *Немирович-Данченко Вл. И.* Избранные письма. М., 1979. Т.2: 1910–1943. С.336–358. После смерти Бертенсона была частично опубликована его переписка с Немировичем-Данченко: *Аренский Л.* Письма в Холливуд: По материалам архива С.Л.Бертенсона. Monterey, 1968.

⁵ О жизни Назимовой в США см.: *Литаврину М.* Американские сады Аллы Назимовой // Славяноведение. 1993. №4. С.19–27. Недавно вышла первая научная биография Назимовой, основанная на неопубликованных материалах из американских архивов: *Lambert G. Nazimova: A biography.* New York, 1997.

Голливуд. Среди них Аким Михайлович Тамиров (1899–1972)⁶, Ольга Владимировна Бакланова (1899–1974)⁷, Мария Алексеевна Успенская (1876–1949)⁸, Михаил Разумный (1890–1956)⁹, Владимир Александрович Соколов (1889–1962)¹⁰, Анна Стэн (1908–1993)¹¹. Самым известным актером из мхатовской среды в Голливуде был Михаил Александрович Чехов (1891–1955)¹². Помимо этих бывших членов МХТ существовала группа из русских актеров, успешно снимавшихся в кино в основном в острохарактерных ролях второго плана: Миша (Михаил Семенович) Ауэр (1905–1967)¹³, Леонид Кинский (1903–1998)¹⁴, Иван Васильевич Лебедев (1895–1953)¹⁵. Другие выходцы из России проявили себя в Голливуде как одаренные кинорежиссеры: Рубен Захариевич Мамулян (1897–1987), Льюис Майлстоун (наст. имя Лев Мильштейн; 1895–1980), Григорий Васильевич Ратов (1897–1960). Оставили свой след в Голливуде и русские музыканты. Наиболее успешен оказался композитор Дмитрий Зиновьевич Тёмкин (1899–1979) – он написал музыку к 150 фильмам!¹⁶

Однако далеко не всем русским изгнанникам Голливуд казался земным раем. В письмах Бертенсона часто проскальзывают нотки раздражения и

⁶ Кандидатуру Тамирова два раза выдвигали на премию «Оскар» (в 1936 и 1943). Любопытно, что Ильф и Петров в своей книге «Одноэтажная Америка» пишут о встрече с Тамировым, не называя его фамилии.

⁷ У Баклановой не сложилась карьера в американском кино в связи с переходом от немых фильмов к звуковым. Снявшись до того в двух десятках картин, в звуковом кино она сыграла лишь одну более или менее заметную роль – Клеопатры в фильме ужасов «Уроды» («Freaks», 1932).

⁸ Успенская дважды номинировалась на «Оскар» (в 1936 и 1939).

⁹ Михаил Разумный начал сниматься в 1928, но наибольшую популярность получил в 1940–1950-е, сыграв более чем в четырех десятках фильмов.

¹⁰ Соколов в юности был членом богемной колонии «обормотов» у М. Волошина в Коктебеле. См.: *Купченко В.* Труды и дни Масимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002.

¹¹ Анна Стэн до отъезда в Голливуд снималась в нескольких советских фильмах (1927–1928). Продюсер Сэм Голдвин (тоже выходец из России) в Голливуде пытался сделать из Стэн кинозвезду уровня Греты Гарбо, но из этого ничего не вышло.

¹² Чехов снимался в десяти американских фильмах, за роль в фильме «Зачарованный» («Spellbound», 1945) номинировался на «Оскар». Чехов оставил заметный след в Голливуде, в его театральной студии занимались многие выдающиеся актеры, в том числе, например, Юл Бриннер (1915–1985), выходец из России, получивший «Оскар» в 1956.

¹³ В 1936 М. Ауэр был выдвинут кандидатом на премию «Оскар».

¹⁴ Самая знаменитая роль Кинского в американском кино – роль бармена Шаши в культовом фильме «Касабланка» (картина получила «Оскар» за лучший фильм 1943 года).

¹⁵ До приезда в Голливуд Лебедев был офицером царской армии.

¹⁶ В 1920 Тёмкин с Н. Евреиновым и Ю. Анненковым принял участие в создании массового зрелища «Взятие Зимнего Дворца» в честь третьей годовщины большевистской революции. См.: *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Т.2. New York, 1966. С. 118–120. Тёмкин за свою музыку удостоился четырех «Оскаров».

жалобы на некультурность и пошлость Голливуда. Воспитанный на русской классике и мхатовских традициях уважения к авторскому замыслу, Бертенсон никак не мог смириться с примитивизмом Голливуда и стремлением во что бы то ни стало угодить зрителю.

В своем дневнике Бертенсон приводит ужаснувший его, но вполне характерный случай, когда глава студии MGM Ирвинг Толберг принял решение экранизировать роман Л.Толстого «Анна Каренина», не удосужившись предварительно прочитать его. Когда Толберг узнал, что героиня бросается под поезд, он, не задумываясь, превратил трагический финал в happy end – в фильме, ко всеобщей радости, Анна Каренина благополучно выходит замуж за Вронского¹⁷.

Надо сказать, среди эмигрантов первой волны Бертенсон был не одинок в таких настроениях. После близкого знакомства с Голливудом схожие мнения высказывали, например, А.Н.Вертинский (1889–1957)¹⁸ и корифей русского немого кино И.И.Мозжухин (1889–1939). Русский максимализм, желание «служить высокому искусству» слишком резко контрастировали с прагматизмом и поставленной на поток индустрией Голливуда. Соответственной была и обратная реакция – русские мечтатели, морщившиеся по любому поводу, не становились своими в Голливуде и редко делали успешную карьеру. Это также сказывалось на эмигрантских настроениях и оценках.

Бертенсон, несмотря на негативное отношение к американскому кино, до конца дней продолжал работать на голливудских киностудиях, хотя никогда уже не поднимался выше менеджера среднего звена, оставаясь на втором и даже третьем плане¹⁹. За свою долгую жизнь он проявил себя в качестве историка литературы²⁰ и театра²¹, переводчика²² и библио-

¹⁷ Бертенсон С. В Холливуде с В.И.Немировичем-Данченко. С.162-163.

¹⁸ Вертинский развенчивает Холливуд // Новая заря (Сан-Франциско). 1936. 11 января.

¹⁹ До конца Второй мировой войны Бертенсон принимал участие в выпуске ряда голливудских фильмов, занимая технические должности суфлера (prompter), редактора диалогов (dialogue director). Последние свои годы он работал на разных киностудиях Голливуда репетитором речи (speech coach). Любопытно, что в 1932 Бертенсон пытался уговорить режиссера Л.Майлстоуна экранизировать рассказ Набокова, впрочем, безуспешно. См.: Зверев А. Набоков. М., 2002. С.125.

²⁰ В числе литературных работ Бертенсона – биография поэта П.А.Катенина (1792–1853): Бертенсон С. Павел Александрович Катенин: Литературные материалы. СПб., 1909.

²¹ Бертенсон написал первую биографию актера И.И.Сосницкого (1794–1871): Бертенсон С. Дед русской сцены. Пг., 1916. В Америке Бертенсон опубликовал несколько статей о русском театре: *Bertensson S. The Premiere of The Inspector General // The Russian Review. 1947. Vol.7, №1 (Autumn). P.85-95; A History of Tolstoy's Posthumous Play // The American Slavic and East European Review. April 1955. XIV/2. P.265-268; The Brothers Karamazov the Moscow Art Theater // Ibid. Feb. 1957. XVI/1. P.74-78; Turgenev and Savina // Ibid. Dec. 1958. XVII/4. P.530-533.*

²² Для Императорского театра Бертенсон перевел комедию Бомарше «Женитьба Фигаро», для Голливуда переводил произведения Б.Лавренева, А.Островского и М.Салтыкова-Щедрина.

графа²³. В соавторстве с американским критиком Дж. Лейда²⁴ Бертенсон написал первую научную биографию Сергея Рахманинова²⁵ и еще при жизни сам опубликовал часть своего эпистолярного наследства²⁶.

Письма Бертенсона сохранились в собрании баронессы Врангель, ныне находящемся в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете, и печатаются по оригиналам с любезного разрешения кураторов архива. Имена общеизвестных деятелей русской культуры не комментируются.

1

7 Июля 1936 г.

Холливуд

Глубокоуважаемая и дорогая Мария Дмитриевна,

Муж моей сестры Э.А.Верцинский написал мне, что виделся с Вами в Брюсселе и что Вы просили меня отозваться.

С радостью делаю это и пользуюсь случаем, чтобы послать Вам мой горячий привет и самые неизменные добрые чувства.

С тех пор, что мы с Вами не виделись, произошло так много, что трудно говорить на эту тему. Меня лично революция пощадила, семью мою задела сравнительно легко: брат мой¹, бывший офицер флота, провел год в ссылке, после чего был возвращен благополучно в Петербург до срока и восстановлен в правах. Однако прожил он после этого лишь год и три года назад скончался в возрасте 49 лет. Отец² умер семь лет назад. Сестра с мужем и детьми переехала в Ревель, как натурализованные эстонцы, куда мне удалось перевезти и маму³ два года назад. Ей сейчас 86 лет, и я убедился, что в таком возрасте лучше было оставить ее в России и не трогать с места. В Ревеле ей все не нравится, и она тяготится там своей жизнью. Сам я при Временном Правительстве заведовал постановочной частью Петербургских казенных театров, а после переворота перешел в Мос-

²³ В недавно выпущенном указателе Бертенсон назван только библиографом, а вместо даты его смерти стоит вопросительный знак. См.: Личные фонды рукописного отдела Пушкинского дома: Аннотированный указатель. СПб., 1999. С.31.

²⁴ Джей Лейда (Leyda; 1910–1988) – американский киновед, автор первой обстоятельной истории русского кино на английском языке: *Leyda J. Kino: A History of the Russian and Soviet Film*. New York, 1960 (неоднократно переиздавалась). Много писал о С.Эйзенштейне, с которым три года (1933–1936) работал в Москве, участвовал в съемках фильма «Безин луг» (1937) в качестве ассистента режиссера.

²⁵ *Bertensson S., Leyda J. Sergei Rachmaninoff: A Lifetime in Music*. Indianapolis, 2001 (1-е изд. – 1956).

²⁶ См.: *Бертенсон С. 1) Из писем М.В.Добужинского // Новый журнал. 1958. Кн.53. С.134-155; 2) Письма О.Л.Книппер-Чеховой // Там же. 1959. Кн.57. С.148-168. В некрологе Бертенсона сказано, что он подарил часть своей обширной переписки Музею русской культуры в Сан-Франциско: *Аренский К. Памяти ушедших. С.Л.Бертенсон // Там же. 1962. Кн.68. С.266.**

ковский Художественный Театр, где провел десять лет в качестве Заведывающего <так!> труппой и репертуаром. Это дало мне возможность много лет провести с Театром за границей, в том числе в Америке. В конце концов, в силу разных обстоятельств, о которых говорить и длинно, и сложно, я с Театром расстался и уехал в Холливуд в 1928 году. Пять лет моя судьба здесь была очень счастливая: я удачно работал при большой киностудии как литературный консультант. Получал хорошие деньги и кое-что отложил, рассчитывая через несколько лет все бросить и поселиться с родными в Ревеле. Но затем случился крах⁴: я сразу потерял все сбережения, наивно доверив их одному русскому авантюристу, который меня обокрал, а затем я потерял и место. С тех пор подняться я уже не мог и существую более чем скромно, довольствуясь маленьким заработком, который получаю от одного крупного кинорежиссера, которому я помогаю своими литературными и художественными знаниями. Но по нынешним временам и это хорошо: на скромную личную жизнь и маленькую помощь маме мне хватает, а это уже не мало. Так что я за все благодарю Бога и ни на что не жалею. Одно жалко – не имею средств, чтобы съездить в Европу, где я не был уже четыре с половиной года. Ужасно бы хотелось взглянуть еще хоть раз на маму и повидать своих. Здесь нудно и противно. Дикая, некультурная люди, ужасающая пошлость и дешевка, все поддельное и бутафорское, как в фильмах. Мне с моими вкусами и интересами здесь совсем не по душе. Но, увы, сейчас выбирать не приходится, и надо довольствоваться тем, что есть. С американцами я ничего общего в личной жизни не имею, и моими друзьями являются только русские⁵. Народ здесь очень малоинтересный, отсталый, неразвитой, и мой кружок знакомых крайне ограничен. Все свободное свое время я отдаю чтению или музыке (вернее, ее слушанию). Театров здесь нет, а кино я ненавижу.

Душою я весь принадлежу прошлому, в котором всегда и неизменно громадное место занимает дорогой, незабвенный наш Кока*. Память об нем для меня бесконечно дорога, и я счастлив, что судьба подарила меня его дружбой⁶.

На днях мне минет 51 год, но внешне я изменился мало и еще схожу за молодого человека. На здоровье пожаловаться не могу. Одна беда – ужасно плохой сон и издерганные нервы. Впрочем, это, кажется, сейчас нормально для людей нашего положения.

Буду очень счастлив получить от Вас весточку и узнать о том, как Вы живете. Время ничуть не изгладило из моей памяти наши встречи и все то, что мы с Вами пережили сообща.

* Сын мой Николай, умер в 1915 г. в Варшаве на руках С.Бертенсона. Бар. М.Д.Врангель (Примеч. внизу листа рукой М.Д.Врангель).

Храни Вас Господь! Будьте здоровы и благополучны.
Целую Ваши руки

Неизменно Вам преданный

С.Бертенсон

¹ Михаил Львович Бертенсон (1882–1933) – капитан 2-го ранга. Даты жизни взяты с надгробия на Никольском кладбище Санкт-Петербурга.

² Лев Бернардович Бертенсон (1850–1929) – лейб-медик, был врачом многих деятелей русской культуры. Он лечил Тургенева во время его последней болезни; см. письма Тургенева Бертенсону: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Т.13: Письма. Кн.1 (1880–1882). Л., 1968. С.311, 322, 323, 334; Кн.2 (1882–1883). Л., 1968. С.21, 22, 38, 39, 64, 65, 81, 82, 119, 120, 136, 137, 148, 149, 156, 157. Когда Л.Толстой болел в Гаспре, Бертенсон был одним из врачей, которого вызывали на консультацию (см. письмо Толстого с благодарностью: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т.73: Письма. М., 1954. С.211-212). Л.Б.Бертенсон присутствовал при смерти Чайковского от холеры (см.: *Чайковский М.* Жизнь Петра Ильича Чайковского. Т.3 (1885–1893). М., 1997. С.576, 577, 579).

³ Анна Аполлоновна Скальковская-Бертенсон (1850 – после 1936) – певица-сопрано; до замужества пела на сцене Мариинского театра.

⁴ Имеется в виду американский экономический кризис 1929 года.

⁵ Михаил Чехов сообщил в письме М.Добужинскому от 16 июня 1943: «Бертенсона давно не видал. Я его очень полюбил» (Михаил Чехов: Литературное наследие: В 2 т. Т.1. М., 1995. С.463).

⁶ Во время Первой мировой войны Бертенсон работал с бароном Н.Н.Врангелем в отделении Красного Креста в Северном районе. Будучи в командировке в Варшаве, Врангель заболел и скоропостижно скончался от острого осложнения после желтухи. О деятельности Врангеля в Красном Кресте см.: *Врангель Н., барон.* Дни скорби: Дневник 1914–1915 годов. СПб., 2001.

2

6 Августа 1936 г.
Холливуд

Милая, дорогая Мария Дмитриевна,

Спасибо за Ваши родные и такие интересные письма от 20 и 22 Июля. Я был бесконечно рад получить после всех этих лет прямое известие от Вас! Счастлив, что Вы здоровы, бодры духом и полны изумительной энергии и работоспособности. Вы делаете большое и прекрасное дело, результаты которого когда-нибудь скажутся и оставят крупный след в истории нашей культуры.

Да, Вы правы, мы живем в исключительно «шкурное» время, люди озверели, и все благородное и нравственно-ценное с каждым днем тает и испаряется.

Я, к сожалению, все еще сохранил веру в какие-то идеалы, и потому мне живется очень нелегко. Личной жизни у меня не получилось. Я был женат с 1926 по 1929 годы, но, к сожалению, очень неудачно. Результаты пережитой боли все еще сказываются, и, вероятно, раны эти не заживут никогда. Впрочем, я стараюсь этого вопроса никогда не касаться и заговорил об нем только потому, что Вы спросили меня, не женат ли я.

Америки я не люблю и никогда не свыкнусь с этой странной, грубой страной. К сожалению, судьба моя сложилась так, что я попал в Америку, да еще в Голливуд – одно из самых некультурных и вульгарных мест на свете. Но, с другой стороны, тут хоть бедно, но я как-то кормлюсь сам и кормлю мать. А потому роптать не приходится. Вынужденный расстаться с Россией и потеряв мою любимую работу – Театр, я все равно нигде и ничем этой потери восстановить бы не мог. Найти же себе применение здесь именно в том виде, как я работал в России, абсолютно невозможно, ибо тут просто такой работы не знают и не хотят. Здесь ведь Театра как учреждения не существует, а есть плохие пустые театральные здания, в которых от времени до времени идут собранные пьесы, которые играют случайно составленными труппами, репетирующими пьесу всего... 2 недели. Имеет пьеса успех у кассы, она идет долго, иногда несколько лет; если же сборы плохие, то пьеса канет в вечность, и актеры разбредаются кто куда. Значит, о театре надо забыть. В кино же мои способности и знания почти не ценятся, т. к. мои вкусы слишком далеки от той чуши, которая здесь культивируется.

Если б я был актером, тогда бы судьба моя сложилась бы иначе. Хотя и актеры русские более чем редко добиваются здесь успеха. Возьмите Бакланову: была почти на вершине, а затем мода на нее прошла, и сейчас она влачит жалкое существование в Нью-Йорке, изредка выступая как певица в ночных клубах. Как все русские, денег скопить она не сумела и потому сейчас нуждается.

Я постараюсь собрать Вам данные обо всех русских, которые так или иначе связаны здесь с кинематографом. Но на это потребуется некоторое время, так что я прошу Вас запастись терпением.

Адрес Фокина в Нью-Йорке все тот же: 4, Риверсайд Драйв (Riverside Drive). Сейчас он, кажется, в Лондоне, но постоянный его адрес в Нью-Йорке.

Что касается моей личной биографии, то я в сомнении, нужно ли ее посылать Вам. Сомнение заключается в том, что я ведь не могу считать себя эмигрантом. Из России я никогда не эмигрировал, не бежал, а уехал легально, с разрешения советских властей, с советским паспортом, который имею до сих пор. Правда, возвращаться в Россию я не собираюсь и, когда в начале будущего года получу право ходатайствовать об американском гражданстве, то тотчас же сде-

лаю это. И когда гражданство это получу, тогда уж порву окончательно с советским гражданством. Но до этого я не могу считать себя подходящим под рубрику людей, материалы о которых Вы собираете. Если Вы считаете, что я не прав, то сообщите мне об этом, и тогда я пришлю Вам что нужно.

О смерти Вейнера² и Верещагина³ я знал.

С Добужинским я как-то обменялся письмами⁴. Он запрашивал меня, стоит ли ему ехать в Голливуд, и я объяснил ему, что нет более неподходящего места для художника, чем наша столица кино, где художественная часть находится в руках кустарей-техников или чертежников-полуархитекторов. А банда эта никого из настоящих людей искусства сюда не подпускает.

Рекомендую Вам послать анкетный листок известному в России кинодеятелю Иосифу Николаевичу Ермольеву⁵, который теперь достиг большой известности в Париже и Германии и скоро собирается перебраться в Америку. Адрес его в Париже: 3, рю Меримэ. Париж. 16. Он может связать Вас с целым рядом русских артистов кино в Европе.

Сегодня я жду к себе одного русского киноактера и сотрудника местной русской газеты «Новая Заря» Волошина⁶, который поможет мне найти для Вас материал и сам свяжется с Вами очень скоро.

Еще раз выражаю Вам мою радость по поводу того, что я смог установить с Вами переписку, и от всей души желаю Вам здоровья и благополучия.

Целую Ваши руки.

Всегда Ваш

С.Бертенсон

Ю.Саонову⁷ помню как газетного театрального критика, сотрудницу «Аполлона» и «Ежегодника Императорских Театров». В доме покойного редактора «Ежегодника» бар^{она} Н.В.Дризена⁸ я с нею встречался, но очень мельком.

¹ Михаил Михайлович Фокин (1880–1942) – танцовщик, балетмейстер, педагог.

² Петр Петрович Вейнер (1879–1931; расстрелян) – издатель журнала «Старые годы» (1907–1916), в котором Бертенсон сотрудничал.

³ Василий Андреевич Верещагин (1859–1931) – один из основателей журнала «Старые годы»; после революции – в эмиграции в Париже.

⁴ Бертенсон опубликовал свою переписку с Добужинским: Новый журнал. 1958. Кн.53. С.134–155.

⁵ Иосиф Николаевич Ермольев (1889–1962) – один из пионеров русской кинематографии, кинорежиссер, продюсер, представитель фирмы Патэ в России. С 1920 – в эмиграции в Париже, с конца 1930-х – продюсер в США.

⁶ Александр Александрович Волошин (1892–1960) – актер, критик, писатель. Был голливудским корреспондентом газеты «Новая заря» (Сан-Франциско). Издал сборник «На путях и перепутьях. Досуги вечерние» (Сан-Франциско, 1953). В Лос-Анджелесе был одним из наиболее активных членов русской колонии, учредителем литературных вечеров «Под зеленой лампой» (см.: *Зароченцев М.* Под зеленой лампой. Юбилейный вечер А.А.Волошина // Новое русское слово. 1946. 15 декабря; А.С. Скончался Волошин // Там же. 1960. 26 ноября; *Логунова Н.* О друге, которого больше нет // Там же. 1960. 4 декабря).

⁷ Юлия Леонидовна Сазонова (урожд. Слонимская; 1887–1957) – литературный и театральный критик, сотрудница журнала «Аполлон», организатор первого театра марионеток в Петербурге (1916). С октября 1920 – в эмиграции в Константинополе, затем в Болгарии, Италии, с 1924 – в Париже (руководитель Театра марионеток, сотрудник «Последних новостей»), с 1940 – в США, преподаватель Колумбийского университета (1942–1955). С 1955 вновь в Париже (см.: *Зыкова Е., Иванова А.* Нас возвышающий обман (Театр марионеток Юлии Слонимской) // Кукольники в Петербурге. СПб., 1995. С.109-127).

⁸ Николай Васильевич Дризен (1868–1935) – театральный деятель, критик.

3

3 Сентября 1936 г.
Холливуд

Дорогая Мария Дмитриевна,

Спешу ответить на письмо Ваше от 19 Августа.

Биографию свою я пришлю Вам немного погодя, как только подберу материал и достану свою фотографию, которой у меня сейчас нет под руками. Пока же хочу только сообщить Вам, что Волошин деятельно работает по собиранию для Вас и биографических данных, и портретов и сам напишет Вам об этом. Все театральные дела и предприятия за границей, про которые Вы мне сообщаете, мне хорошо известны, но там мне нечего было бы делать. Одни сами на ладан дышат, а другие меня никогда не примут: там уже есть свои люди, но и от них по большей части хотят избавиться. Иностранцы везде надоели, и повсюду их хотят заменять своими специалистами. Нет, надо уж примириться с тем, что есть, и радоваться хотя бы просто возможности существовать.

В Рижском Русском Театре у меня друзья, я с ними переписываюсь, и они постоянно жалуются мне на то, с каким трудом им приходится бороться за существование. Вечные долги, еле-еле концы с концами сводят. Обломки МХТ давно с Прагой расстались и ведут жалкое бродячее существование.

В общем, как видите, везде невесело!

Радуюсь Вашей энергии, работоспособности и от души желаю всякого успеха Вашему прекрасному труду.

Скоро напишу Вам опять и пришлю материалы о самом себе.
Целую Ваши руки.

Искренно преданный

С.Бертенсон

На бланке киностудии «Paramount Pictures».

4

30 Сентября 1936 г.
Холливуд

Дорогая Мария Дмитриевна, с великим трудом набросал «черты из моей жизни». Извините за неряшливость формы и стиля, но должен Вам покаяться, что писать о себе для меня есть сплошное отвращение, и потому не взыщите с меня.

С таким же трудом нашел свою фотографию. Это лучшее, что у меня есть, ибо я никогда не снимаюсь. Снимок этот датирован 1923 годом.

Страшно спешу, а потому вынужден с Вами проститься.

Будьте здоровы и благополучны.

Целую Ваши руки.

Всегда Вам преданный

С.Бертенсон

На бланке киностудии «Paramount Pictures».

5

2 Ноября 1936 г.
Холливуд

Милая, дорогая Мария Дмитриевна, спасибо за Ваше доброе, ласковое и, как всегда, умное письмо от 14 Октября.

Вы меня упрекаете, что число строчек в моих письмах всякий раз становится меньше. Но дело в том, что мне приходится так много писать писем по обязанностям службы, что поневоле иногда я просто не в состоянии писать личные свои письма.

Когда я писал Вам, что страшно много времени уделяю чтению, то ведь и это главным образом связано с моей служебной работой, ибо в мои обязанности входит чтение беллетристики и пьес и составление пересказа их содержания. А музыка служит моим единственным настоящим отдыхом. Хотя за последний месяц и музыка стала связана с моею службой: получил работу консультанта при заведывающем <так!> музыкальной частью студии «Парамонт». Это очень приятно, и сильно подняло мое настроение. Быть может, из этой работы разовьется что-нибудь путное.

Ваши советы бросить Голливуд и переселиться в какой-нибудь боковой центр Америки совершенно неприемлемы и непрактичны. Во-первых, все большие центры Америки еще противнее Голливуда, т. к. в них больше шума, гама, суеты, нервности, безвкусыя и того «американизма», который я ненавижу, чем здесь. Здесь хоть на деревню похоже, хороший климат и живешь, будто на даче, круглый год. Кроме того, в Голливуде самая дешевая в Америке жизнь, что для меня при моих скромных заработках немаловажно. Во-вторых, во всех перечисленных Вами городах такая безумная конкуренция и такое перепроизводство людей, что нечего и думать туда соваться. Таких должностей, о которых Вы мне пишете, нет и в помине вакантных. Все они заняты, и на каждое из них есть сотни кандидатов. Имея те материальные обязательства, которые лежат на моих плечах в отношении моих родных, я не смею и думать о каких бы то ни было опытах перемен моей жизни, не имею права делать эксперименты, да и не имею на это свободных средств. Здесь, как бы то ни было, но я что-то определенно зарабатываю, меня знают, и я могу как-то себя применить. Бросать все это после стольких лет и начинать где-то все сначала я не могу, да и не хочу. И годы уже не те. В Америке после сорока лет люди считаются пенсионерами. А мне ведь 51! Да кроме того, я иностранец, что сейчас весьма некстати. Словом, надо сидеть и, как говорили хохлы, «не рыпаться».

Ядовитая и нездоровая атмосфера Голливуда, его разъедающая пошлость, самоуверенность, торжествующее невежество меня не касаются. Я живу настолько тихо и вдалеке от всего того, что здесь дает так называемый «тон» жизни, что это меня совершенно не касается. Через книги, журналы и газеты связи с культурой я не теряю, не опускаюсь, всем интересуюсь, за всем слежу. Словом, жить тут можно, хотя я часто и жалуюсь. Я думаю, главная беда в том, что личная моя жизнь сложилась неудачно и в этом смысле она ничем не заполнена. Но это уж такая беда, которую изменить нельзя. Это вне моих сил и возможностей.

О писании мемуаров я много раз думал и продолжаю думать. Но все еще никак не могу найти в себе подходящего самочувствия, чтобы приступить к подобной работе. А главное, не очень верю в необходимость этого. О том, что я видел и знал, писали уже многие и притом люди гораздо значительнее, интереснее и, главное, одареннее меня.

Впрочем, может быть, я и займусь ими¹.

Моя новая работа меня интересует, и если она разовьется пошире того, что представляет собою сейчас – и духовно и материально – то я буду счастлив.

Не знаю, сумел ли толково ответить на все затронутые Вами вопросы. Если нет, то не взыщите с меня строго, дорогая и хорошая Мария Дмитриевна.

Будьте здоровы, бодры духом и благополучны.
Целую Ваши руки.

Всегда Ваш

С.Бертенсон

¹ Впоследствии Бертенсон все же написал и издал свои воспоминания:
Бертенсон С. Вокруг искусства. Голливуд, 1957.

Приложение

1. А.А.Волошин – М.Д.Врангель

Александр Александрович Волошин
Баронессе Марии Дмитриевне Врангель
Холливуд, Калифорния
1936 года Августа 7-го.

Глубокоуважаемая Мария Дмитриевна!

Сегодня я виделся с нашим общим другом Сергеем Львовичем Бертенсоном, и он прочитал мне Ваши письма. С его разрешения я составляю из этих писем большую статью, которую и помешу в нашей газете¹. Кроме того, он просил меня собрать для Вас те сведения о голливудцах, которые Вас интересуют, и я уже приступил к этой работе. Конечно – это возьмет время, но я прошу Вас не беспокоиться об этом и даю Вам слово, что приложу все усилия, чтобы успешно выполнить это интересное дело.

Сегодня я напишу в редакцию и попрошу высылать Вам газету, так как в ней Вы найдете много сведений о голливудской жизни, не только артистической, но и общественной. Вырезки из этой газеты за время с 15-го июня с<его> г<ода> вышлю Вам на этих днях. Соберу те статьи, которые относятся к Холливуду².

Я – актер. Журналист. Во время Великой войны – вольноопределяющийся, а потом офицер инженерных войск. В гражданской «крымского» периода – офицер в штабе (отдел пропаганды) Вашего покойного сына Петра Николаевича. Мир праху его!

Храню как зеницу ока две почтограммы, полученные мною от Петра Николаевича в Берлине зимой 1922-го года. Копии с них вышлю Вам для Вашего Архива.

Буду очень рад, если смогу быть Вам полезным.

Да хранит Вас Господь! Желаю Вам всего, всего доброго.

Искренне преданный

б<ывший> Поручик Александр Волошин.

Литературные псевдонимы: Негритос, А.Скиф, А.С.

На бланке ежедневной газеты «Новая заря» (Сан-Франциско).

¹ См.: Живая летопись живых. Дело баронессы М.Д.Врангель // Новая заря. 1936. 14 августа. С.3; *Скиф А.* Нестор-летописец русской эмиграции // Новая заря. 1936. 15 августа. С.3.

² В 1936 в газете «Новая заря» появилось несколько статей Волошина, посвященных русским в Голливуде: 1) Как я сделался киноактером (интервью с И.В.Лебедевым Холливудского корреспондента «Новой зари») (1936. 14 июля. С.4); 2) В Р.К.О.-Патэ Студии у Ричарда Болеславского (1936. 16 июля. С.5; странное название студии объясняется тем, что в 1931 голливудская студия RKO (Radio-Keith-Orpheum) купила остатки французской студии «Pathé»); 3) В Музыкальном отделе студии Колумбия: Беседа с композитором Д.З.Темкиным (1936. 8 августа. С.2); 4) История одной кинокарьеры: Интервью с режиссером Рубеном Мамуляном (1936. 18 августа. С.3); 5) Неоконченное интервью с Акимом Тамировым (1936. 25 августа. С.4); 6) В гостях у бывшего гангстера: Интервью с русским киноактером Мишей Ауэром (1936. 1 сентября. С.4).

2. С.Л.Бертенсон: Материалы к биографии

Сергей Львович Бертенсон, из потомственных дворян С.-Петербургской губернии, родился 2(15) Июля 1885 г. в Териоках (Финляндия).

Отец его, Лев Бернардович, скончавшийся в Петербурге в 1929 г., Лейб-Медик Императора Николая 2-го, был выдающимся практикующим врачом, специалистом по диагностике и терапии. Перу его принадлежат ряд книг и научных исследований по бальнеологии. Помимо врачебной деятельности он занимался и служебно-административной работой в ведомствах Земледелия и Государственных Имуществ и Торговли и Промышленности. Последняя его должность была – Член Совета Министра Торговли и Промышленности, откуда он вышел в отставку незадолго до войны в чине Действительного Тайного Советника.

Мать его Ольга Аполлоновна, рожденная Скальковская (родилась в 1850 г.¹), дочь Академика Скальковского², автора многих исследований по истории Запорожья и Новороссийского Края и сестра Константина Аполлоновича Скальковского³ – известного в свое время публициста, автора многих книг и директора Горного Департамента, который в то же время был одним из лучших знатоков и исследователей балета. О.А.Бертенсон обладала выдающимся голосом, кончила с медалью Петербургскую Консерваторию по классу Профессора Эверарди⁴ и два года (до замужества) была на сцене Императорского Театра, исполняя первые роли. Покинув сцену в 1877 году, она посвятила себя исключительно концертной деятельности и музыкально-педагогической работе. В настоящее время она проживает в Эстонии, в г. Ревеле, у дочери своей Т.Л.Верцинской.

Дом Л.Б. и О.А. Бертенсон в Петербурге был вплоть до самой революции своего рода салоном искусства и литературы. Из писателей там бывали как лучшие представители классиков (Тургенев, Достоевский, Григорович, Лесков, Майков, Островский, Полонский, Чехов), так и самые интересные авторы позднейших направлений. Из композиторов – Чайковский, Мусоргский, Бородин, Кюи, Римский-Корсаков, Рубинштейн, Глазунов, Аренский. Из музыкантов и артистов – Ауэр, Давыдов, Н.Г.Рубинштейн, Есипова, Малоземова, М.И. и Н.Н. Фигнер, Тартаков, Шаляпин, Давыдов, Варламов, Савина, Мичурин, Юрьев, Станиславский. Из художников – Репин, братья Маковские, Трубецкой, Крыжицкий, Добужинский, Лансере. Но не только отечественные таланты бывали частыми гостями у Бертенсон, но и лучшие иностранные музыканты и артисты. Среди них такие блестящие имена, как Пабло Саратэ⁵, София Ментер⁶, Сибилла Андерсон⁷, Маттиа Баттистини⁸, Анжело Мазини⁹, Мориц Розенталь¹⁰, Эрнст Шеллинг¹¹, Люсьен Гитри¹², Элеонора Дузе¹³, Людвиг Барнай¹⁴, Макс Рейнгардт¹⁵, Алесандро Моисси¹⁶, Эрнесто Росси¹⁷ и мн<огие> др<ругие>.

В такой атмосфере прошли все детство, юность и более зрелые годы С.Л.Бертенсона.

Получив среднее образование в Петербургской Третьей Гимназии, высшее образование он прошел <так!> в Университетах Гейдельберга и Петербурга. Петербургский Университет он закончил с дипломом первой степени по Историко-Филологическому Факультету.

С 1908 по 1917 год служил в Министерстве Императорского Двора в Кабинете его Величества, работая в отделе, ведавшем хозяйственными и бюджетными делами Императорских Театров, Дворцов и Музеев. Кроме того заведывал <так!> Библиотекой Кабинета Е. <И.> В. После Февральской революции был откомандирован в распоряжение Комиссара Временного Правительства над бывшим Министерством Двора Ф.А.Головина¹⁸ для реорганизации б<ывших> Императорских Театров в Государственные, а затем был назначен Заведывающим <так!> Постановочной частью Петроградских Государственных Театров. Пробыл в этой должности до 2 января 1918 г., т. е. вплоть до захвата большевиками Государственных театров, после чего немедленно покинул государственную службу. Через три недели поступил в Московский Художественный Театр, где последовательно занимал должности секретаря Театра, члена совета, заведывающего постановочной частью, управляющего делами Театра и, наконец, заведывающего труппой и репертуаром. Одновременно, с открытием при Театре Музыкальной Студии (ныне Музыкальный Театр имени Вл. Ив. Немировича-Данченко), состоял заместителем директора этой Студии.

Когда летом 1919 г. события гражданской войны разделили Художественный Театр на две группы и одна оказалась отрезанной от

Москвы на юге России, С.Л.Бертенсон с последней группой очутился сперва в районе Добровольческой Армии, а затем и за границей. В качестве режиссера-администратора и заведывающего литературной частью труппы он провел около трех лет в разъездах. Труппа, именованная «Спектакли Артистов Московского Художественного Театра», гастролировала сперва в Харькове, Севастополе, Ялте, Одессе, Ростове, Екатеринодаре, затем в Константинополе, Софии, Белграде, Загребе, Праге, Пильзене, Люблянах, Братиславе, Вене, Берлине, Лейпциге, Дрездене, Стокгольме, Гетеборге и Копенгагене. Поездка эта была триумфальным шествием русского искусства и принесла немало пользы для развития идеи русской культуры за границей. Описание этих спектаклей можно найти в статьях Сергея Маковского в журнале «Жар-Птица»¹⁹ и С.Л.Бертенсона в книге «Артисты Московского Художественного Театра за рубежом», изданной в Берлине в 1921 году²⁰.

Летом 1922 года труппа эта вернулась в Москву, соединилась вновь с основным ядром Театра, и осенью весь Московский Художественный Театр в полном составе (за исключением Вл. Ив. Немировича-Данченко) выехал на два года за границу, в Америку. Проиграв <так!> на пути туда некоторое время в Берлине, Загребе, Праге и Париже, Театр с января по март 1923 года был в Н<ью>-Йорке, а затем в Бостоне, Чикаго и Филадельфии. Успех Театра в Америке был настолько велик, что антрепренер Моррис Гест²¹ не замедлил подписать новый контракт на следующий сезон. После летнего отдыха в Германии Театр повторил свои гастроли в Париже, вернулся в Америку и проиграл сезон 1923–1924 года в Н<ью>-Йорке, Бостоне, Хартфорде, Филадельфии, Вашингтоне, Питтсбурге, Кливленде, Чикаго и Детройте.

Во время всех этих гастролей С.Л.Бертенсон состоял Управляющим делами Театра и заведывал всем сложным делом информации прессы и культурного представительства Театра за границей. Специально для гастролей им была написана книжка «Московский Художественный Театр» (под псевдонимом Н.Бессонов), в которой в сжатом, но полном виде была дана история Театра. Книжка эта вышла на русском, немецком, французском и английском языках. Кроме того, при его участии были выпущены все либретто репертуара Театра на иностранных языках и проредактированы переводы полных текстов всех пьес репертуара на английском языке.

Вернувшись с Театром в Москву летом 1924 года, С.Л.Бертенсон пробыл там до осени 1925 г., работая одновременно и в Московском Художественном Театре, и в его Музыкальной Студии. Когда последняя во главе с Вл. Ив. Немировичем-Данченко выехала в сентябре 1925 г. за границу, то С.Л.Бертенсон в качестве заместителя директора отправился со Студией и провел с нею около года на гастролях в Бер-

лине, Лейпциге, Бремене, Праге, Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Вашингтоне, Кливленде, Цинцинати, Чикаго и Детройте. В Америке при его сотрудничестве Оливер Сейлор выпустил книгу «Внутри Московского Художественного Театра» (на английском языке)²².

Осенью 1926 г., отправив труппу в Москву, С.Л.Бертенсон выехал вместе с Вл. Ив. Немировичем-Данченко в качестве его помощника и секретаря в Холливуд, где оба они провели 15 месяцев на контракте со Студией «Юнайтед Артистс». По контракту предполагалась литературная работа в качестве сценариста Немировича-Данченко. Однако обстоятельства сложились так, что никакая творчески-созидательная работа не оказалась возможной.

В январе 1927 г. оба они вернулись в Москву в Художественный Театр, который С.Л.Бертенсон покинул летом 1928 года, к чему его побудили изменившиеся условия работы и общая трудность жизни в России. Выйдя из Театра в отставку, он вернулся в Холливуд, получив в Студии «Юнайтед Артистс» должность заведывающего литературным отделом. Там он пробыл до 1931 года, после чего соединился с кинорежиссером Луи Мальстоном, при котором и состоит до сих пор в качестве литературно-художественного консультанта. Попутно занимается переводами русских книг и пьес на английский язык.

Независимо от своей служебной работы, С.Л.Бертенсон уделял часть своего времени до революции литературным занятиям, сотрудничая как автор и переводчик в целом ряде журналов, как например: «Вестник Европы», «Голос Минувшего», «Русский Библиофил», «Ежегодник Императорских Театров», «Новый журнал Иностранной Литературы, Искусства и Науки», «Известия Академии Наук» и др. Писал он по вопросам истории литературы и театра. Перу его принадлежат также книги: «П.А.Катенин», «Дед Русской Сцены (О жизни и деятельности И.И.Сосницкого)», «Библиография литературы о Гоголе с 1900 по 1910 г.» и некоторые другие.

Из переводов пьес С.Л.Бертенсон выступал <так!> в театрах Грановской с пьесой Луи Вернейля «Друг Солнца», Московском Художественном с комедией Бомарше «Женитьба Фигаро» и Московском Камерном с драмой Софи Трэдуелл «Машиналь».

В 1927–1928–1929 годах сотрудничал под псевдонимами Н.Бессонов и К.Чернышев в Ленинградском еженедельнике «Красная Панорама» как автор очерков о Холливуде и <статей о> разных событиях американской и западноевропейской литературной, театральной и кинематографической жизни.

Во время Великой Войны провел около года на Северо-Западном фронте в качестве одного из сотрудников Красного Креста.

30 Сентября 1936 г.
Холливуд

<С.Л.Бертенсон>

¹ В «Энциклопедическом словаре Брокгауза-Эфрона» год рождения А.Скальковской указан как 1855 (Т.30. СПб., 1900. С.171).

² Аполлон Александрович Скальковский (1808–1897) – историк, архивист, юрист, член-корреспондент Петербургской АН (1856).

³ Константин Аполлонович Скальковский (1843–1906) – административный деятель, писатель и историк балета.

⁴ Камилло Эверарди (Everardi; 1825–1899) – бельгиец по происхождению, итальянский певец и педагог, профессор Петербургской консерватории (в 1870–1888), затем Киевского музыкального училища и Московской консерватории.

⁵ Пабло Сарасате (Sarasate; 1844–1908) – испанский скрипач и композитор.

⁶ София Ментор (Mentor; 1846–1918) – немецкая пианистка, композитор и педагог.

⁷ Сибил Сандерсон (Sanderson; 1865–1903) – американская артистка оперы.

⁸ Маттиа Баттистини (Battistini; 1856–1928) – итальянский певец.

⁹ Анжело Мазини (Masini; 1844–1926) – итальянский певец.

¹⁰ Морис Розенталь (Rosenthal; 1862–1946) – польский пианист.

¹¹ Эрнст Шеллинг (Schelling; 1876–1939) – американский композитор и пианист.

¹² Люсьен Гитри (Guitry; 1860–1925) – французский актер и драматург.

¹³ Элеонора Дузе (Duse; 1858–1924) – итальянская актриса.

¹⁴ Людвиг Барнай (Barnay; 1842–1924) – немецкий актер.

¹⁵ Макс Рейнхардт (Reinhardt; 1873–1943) – немецкий режиссер, актер и театральный деятель.

¹⁶ Александр Моисси (Moissi; 1880–1935) – немецкий актер.

¹⁷ Эрнесто Росси (Rossi; 1827–1896) – итальянский актер.

¹⁸ Федор Александрович Головин (1867–1937) – общественный деятель, член ЦК кадетской партии, председатель 2-й Государственной думы, при Временном правительстве – комиссар всех учреждений бывшего Министерства императорского двора и государственных театров.

¹⁹ *Маковский С.* Художественный театр за границей // *Жар-Птица*. 1921. №1. С.19-22.

²⁰ *Бертенсон С.* Московский Художественный Театр // *Артисты Художественного Театра за рубежом*. Прага, 1922. С.5-9.

²¹ Моррис Гест (Gest; 1881–1942) – американский импресарио, организатор гастролей МХТ в Америке в 1922–1924.

²² *Saylor O.* Inside the Moscow Art Theater. New York, 1925.

К ПРОБЛЕМЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ДИАЛОГА РОССИЯ – ДИАСПОРА

Письмо Н.И.Столяровой к Н.Н.Берберовой
Публикация Леонида Ливака

В 1954 американский журнал «Books Abroad» задался целью провести обзор ведущих национальных литератур за последние четверть века. Статья о русской литературе была поручена критику и литературоведу Г.П.Струве, работавшему в то время над монографией «Русская литература в изгнании». Описывая в своей статье «шизофрению пореволюционной русской литературы», Струве сформулировал проблему, до сих пор сидящую методологической занозой в исследованиях эмигрантской культуры¹. А именно: следует ли рассматривать русскую советскую и русскую эмигрантскую словесность как взаимозависимые части единого литературного процесса (мнение, к которому склоняется автор данной публикации), или же, напротив, не привела ли культурная изоляция советского режима к полному «раздвоению личности», где советская и эмигрантская литературы межвоенного периода стали самостоятельными и минимально связанными системами.

Нам представляется, что непрерывный экспорт советской литературной продукции, которую можно было найти в русских книжных лавках и в библиотеках Парижа, Праги и Белграда, не мог не оказать влияния на писателей-изгнанников, даже если в 1930-е это влияние свелось к отрицанию «запаха тюремных библиотек, который исходил от советской словесности»² и, в то же время, являлся необходимой антимodelью «запаха свободы» в эмигрантском творчестве. Иначе обстояло дело с советской стороны. Во второй половине 1920-х приток русской зарубежной печатной продукции на советский книжный рынок был полностью прекращен³. В закрытые для

¹ *Struve G. The Double Life of Russian Literature // Books Abroad. 1954. №28 (4). С.389.*

² *Набоков В. Подвиг // Собр. соч. русск. периода: В 5 т. СПб., 2000. Т.3. С.200.*

³ *Блюм А. Печать русского зарубежья глазами Главлита и ГПУ // Новый журнал. 1991. №183. С.264-282.*

широкой публики фонды для ознакомления с эмигрантскими авторами допускались лишь самые избранные критики, причем с единственной целью – их последующего официозного «развенчания». Все остальные советские люди могли услышать о литературной жизни русского Зарубежья лишь из рассказов возвращающихся в СССР эмигрантов или командированных, либо прочитать в привезенных ими же печатных материалах.

Обмен подобной информацией мог происходить лишь частным и скрытым порядком: нам, к примеру, неизвестно, что и кому рассказывали и показывали пронизательные критики-«возвращенцы» Дмитрий Мирский и Герман Хохлов, писавшие в советской прессе «по долгу службы» разгромные статьи о литературе в эмиграции. Влияние советской литературы на эмигрантскую – это лишь одна сторона дела. Для изучения процесса в его полноте нам представляется целесообразным определить круг лиц, являвшихся потенциальными носителями информации о культуре и литературе русского Зарубежья в СССР. Подобный список «информаторов» позволил бы наметить группу близко знавших их советских литераторов, в чьем творчестве следует искать завуалированный диалог с эмиграцией. Настоящая публикация предлагает кандидатом в этот, еще несуществующий, список Наталью Ивановну Столярову (1912–1984), в чей жизни неразрывно сплелись судьбы эмигрантской и советской литературы.

Прототип героини романа Бориса Поплавского «Домой с небес», героиня эссе Варлама Шаламова «Золотая медаль», посетительница парижского салона Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, личный секретарь Ильи Эренбурга в Москве, Столярова непроизвольно превратилась в посыланницу эмигрантской культуры. Она родилась в Италии и выросла во Франции, в 1934 «вернулась» в СССР и лишь через 30 лет смогла вновь посетить Западную Европу. Именно Столярова стимулировала интерес к творчеству Поплавского в Советском Союзе – раздавая сохраненные ею книги поэта, рассказывая московским друзьям «о собраниях “Зеленой лампы”, о журнале “Числа”, о ближайших друзьях Поплавского»⁴. Эмигрантским прошлым Столяровой Шаламов объяснял ее стойкость перед тяжкими испытаниями сталинской эпохи⁵. Работая над обзорной статьей для «Books Abroad», Глеб Струве не мог знать, что «незаметная девушка Наташа Столярова» выжила в лагере и ссылке и сохранила память о некогда единой судьбе искусственно разделенной на две ветви русской литературы.

Публикуемое ниже письмо к Н.Н.Берберовой – одно из ярких свидетельств тому⁶. К сожалению, нам неизвестно местонахождение ответного письма Берберовой, где может содержаться полемика со взглядами Столяровой на соотношение советской и эмигрантской литературы.

⁴ См.: Ответы Н.И.Столяровой на вопросы, заданные А.Н.Богословским (7 апреля 1981) // *Поплавский Б. Незданное*. М., 1996. С.73 (далее – Ответы Столяровой, с указанием страницы).

⁵ *Шаламов В. Золотая медаль* // Шаламов В. Собр. соч.: В 5 т. М., 1998. Т.2. С.225.

⁶ Оригинал письма хранится в The Beinecke Rare Book and Manuscript Library (Yale University), Nina Berberova Papers. Box 19. Folder 539. Мы выражаем признательность администрации библиотеки за помощь, оказанную при подготовке данной публикации.

Женева,
25.1.<19>84

Дорогая Нина Николаевна,

пишет Вам человек, на которого Вы, конечно, не обратили в свое время внимания. Ничем не заметную девушку – Наташу Столярову – приводил когда-то Борис Поплавский¹ по воскресным дням к Мережковским, и на литературные вечера². Я запомнила Вас, обычно сидевшую рядом с Ходасевичем³ и чаще всего «умно молчавшую». Вы, естественно, не заметили меня, а в моей жизни именно эта компания, и особенно Б.Поплавский⁴, наполнили душу эмигрантской девушки интересом к России⁵, и в результате привели меня, совсем аполитичного человека, к решению уехать в 22 года в неизвестную мне страну⁶ – Россию. С 1935 года я и живу в ней, испытав на себе примерно все, что довелось за это время испытать окружавшим меня людям⁷.

Но не это – предмет моего письма, и эти детали я привожу только желая, чтобы Вы знали о каких Ваших читателях идет речь.

Года два назад до меня и моего круга в Москве (близкого по духу тому нашему кругу в Париже, только уже не с парижской, а с сугубо русской нотой⁸) неведомым, чудесным путем добралась Ваша книга «Курсив мой» в первом однотомном издании⁹. И думаю, Вам будет приятно узнать, что не только я читала ее не отрываясь, узнав, кстати, о судьбе многих тогдашних друзей и об атмосфере, в которой они жили. Порой казалось, что автор по-своему пристрастен, может быть, не всегда объективен, но это не мешало. Читать было чрезвычайно интересно. Подумалось мне тогда, что интересно мне это и потому, что я вышла из этого парижского круга, и все персонажи мне более или менее знакомы. Но потом с таким же увлечением стали читать мои друзья, а друзья эти – читатели настоящие, придирчивые, взыскующие.

Почти такой же интерес (а у некоторых и больший) вызвала «Железная женщина» (которую (Муру) и мне привелось видеть – в Москве¹⁰). Эту книгу, так же как и «Курсив мой», у меня «зачитали» (то есть столько раз передавали друг другу, что ко мне они не вернулись. Я сумела достать «Курсив мой» второй раз, но опять не удержалась – давала читать все новым людям, и он *снова* не вернулся ко мне – бродит...) Представьте, что у меня в Москве есть уже 3-ий экземпляр этой книги! Здесь в Париже мне показали новое двухтомное издание¹¹.

Жизнь моя набита чудесами, и через 30 лет после отъезда из Франции я смогла несколько раз приехать к сестре в Женеву, и в Париж к друзьям, на 3–6 месяцев. В конце февраля я возвращаюсь в Москву¹² на этот раз с четким чувством, что в последний раз вижу Париж¹².

Заходя на Западе в русские книжные магазины, где книги спокойно лежат на прилавке, мысленно представляю себе, что творилось бы в Москве, как приступом брали бы эти книги, если бы они у нас продавались! Иногда с печальной гордостью отмечаю, что самое интересное (Вы – исключение) написано, создано *в России*. Я имею в виду такие книги, как «Архипелаг ГУЛАГ», «Жизнь и судьба», воспоминания Н.Мандельштам, Л.Чуковской и других, «Колымские рассказы» и т. д.¹³ Упомянутые авторы более или менее близкие мне люди¹⁴, мало кто сегодня жив, но успели все же крикнуть!

Мне жаль, что Вы так далеко и что нельзя просто поговорить.

Если Вам захочется мне ответить, вот мой адрес в Париже, куда я на днях возвращаюсь и откуда уеду домой в конце февраля.

Madame Chagall (pour N.S.)

35, Quai de l'Horloge 75001 Paris. Tel. 354-24-42

Я спокойно рассчитываю, что Вам не захочется ставить меня в неудобное положение, оглашая это письмо с моей подписью. Без нее можете показать кому захотите.

Низкий поклон Вам от меня и ряда людей в Москве и в Ленинграде, с большим удовольствием (слово неподходящее) прочитавших Ваши книги.

Нат<алья> Иван<овна> Столярова

<Приписано рукой Берберовой:> Отвеч. отпр. 5. 84.

¹ Борис Юлианович Поплавский (1903–1935) – поэт, прозаик, критик литературы и искусства, стал самым известным поэтом младшего литературного поколения русского Парижа. Столярова «лет с шестнадцати ходила на русские вечера поэтов... Раз или два на таких вечерах слышала Бориса Поплавского», который «показался ей странным, с несколько гнусавым голосом, в темных очках. Это было в конце 20-х годов, когда стихи его только изредка появлялись в печати» (Ответы Н.И.Столяровой. С.73). Познакомились они лишь в 1931.

² Имеются в виду регулярные воскресные собрания («воскресенья») эмигрантских литераторов в квартире Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869–1945) и ее мужа Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865–1941). На литературно-философские собрания Столярова стала ходить еще до знакомства с Поплавским, благодаря связям с молодым эмигрантским поэтом Львом Борисовичем Савинковым (1912–1987), сыном эсера Бориса Савинкова, в Боевой организации которого состояла до революции мать Столяровой (Ответы Столяровой. С.74).

³ Нина Николаевна Берберова (1901–1993) эмигрировала в 1922 году вместе с Владиславом Фелициановичем Ходасевичем (1886–1939). Оба были завсегдатями салона Мережковских и собраний «Зеленой лампы».

⁴ Знакомство Поплавского со Столяровой очень быстро переросло в более близкие отношения, что нашло отзвук в его романе «Домой с небес»,

где Столярова через много лет узнала себя (см. ее письмо в «Русскую мысль», опубликованное 26 марта 1982 и подписанное криптонимом Н.Н.). В посмертно изданном сборнике Поплавского «Снежный час» (1936) Столяровой посвящен цикл стихотворений «Над солнечной музыкой воды». Из комментариев Столяровой ясно, что любовники не сошлись характерами. Поплавский «считал, что любви на свете нет, есть взаимная жалость. Эту жалость я называла проституцией»; кроме того, поэт отталкивал Наталью Ивановну, стремящуюся быть «сильной женщиной», своей «склонностью к слезам, страшной обидчивостью, готовностью брать “взаймы” деньги». Столярова была нерелигиозна; Поплавский окружил себя ореолом мистицизма и утверждал, что его любимой «дана “благодать”, при которой верить не обязательно» (Ответы Столяровой. С.74-76). Возможно, главной причиной, которая привела к разрыву, было увлечение поэта наркотическими веществами, заставившее не одну женщину «спасаться» от Поплавского самыми радикальными средствами. «В 1969 году, – пишет исследователь Поплавского профессор Саймон Карлинский, – я провел подробное собеседование с бывшей невестой Поплавского, Софи Лафит. Я также много общался с художницей Идой Карской. Обе женщины признались, что Поплавский был неотразим, но они боялись связать свою жизнь с ним, зная, что он непременно превратит жену или верную подругу в наркоманку. По ее же словам, Карская вышла замуж, чтобы убежать от Поплавского; по той же причине, ее сестра <Дина Шрайбман> стала женой <Николая> Татищева» (см.: *Yetter S.L. The Orphic Theme in the Poetry of Boris Julianovic Poplavskij: Dissertation. The University of Wisconsin, 1992. P.96.*)

⁵ Решение Столяровой уехать в СССР было неожиданным ударом для Поплавского. Бывший «левый авангардист» и «большевизан», он не разделял иллюзий Столяровой о советской России: «Последний раз наедине я видела Бориса Поплавского в первых числах декабря 1934 года, когда я отвозила багаж на вокзал... Он сказал: “Когда Бог хочет наказать человека, он отнимает у него разум”, – иначе говоря, что я не должна была уезжать. И, вероятно, он был прав <...> В другие моменты, отговаривая меня, предсказывал с удивительной точностью мою судьбу» (Ответы Н.И.Столяровой. С.77). В дневнике за февраль 1934 года Поплавский констатирует, что у его подруги «полное отсутствие желания любить и хотя бы раз перепрыгнуть через свой эгоизм, никакого желания очищения в любви, а только рабские фразы, от которых каждый раз вздрагиваю – скорее брезгливо, чем ревниво, и так больно понимаю, почему ей нравится “ССР” и тяжелая лапа всеми принятого отказа от свободы» (*Поплавский Б. Неизданное. С.212.*)

⁶ Столярова родилась в Италии, куда бежала ее мать, эсерка Наталья Сергеевна Климова (1885–1918), за участие в покушении на П.А.Столыпина приговоренная к повешению, замененному затем каторгой. В 1909 под руководством Климовой и ее товарищей готовился групповой побег из московской тюрьмы, одежду для которого шили в семье Маяковских; сам Маяковский был ненадолго задержан по этому делу. Еще до побега Климова опубликовала «Письмо перед казнью» (1908), ставшее событием интеллектуальной жизни России. После Февральской революции муж Климовой вернулся в Россию, а она умерла от гриппа в 1918 во Франции. Дочерей, Наталью и Екатерину, взяли на воспитание друзья. Тип «сильной женщи-

ны» был старой семейной традицией: подобно матери, бабушка Столяровой по материнской линии тоже отличилась, став первой русской женщиной-врачом (См.: *Шаламов В.* Золотая медаль. С.204). Не будучи советской подданной, Столярова нуждалась во въездной визе, в которой ей поначалу отказали. Визу она получила после вмешательства Ильи Эренбурга, написавшего для нее рекомендательное письмо. Столярова дружила с дочерью Эренбурга Ириной – они вместе заканчивали школу во Франции. Подробнее о взаимоотношениях Столяровой с семьей Эренбургов см.: *Rubenstein J.* Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg. New York, 1996. С.372.

⁷ Отец Столяровой, бывший эсер, был репрессирован. Сама Наталья Ивановна, арестованная в 1937, провела восемь лет в лагерях, а освободившись, была лишена права вернуться в Москву. А.И.Солженицын так описал ее мытарства: «“За хорошую работу” она была освобождена льготно: без точного направления в какую-либо местность. Те, кто имели точное назначение, как-то все-таки устраивались: не могла их милиция никуда прогнать. Но Столярова со своей справкой о “чистом” освобождении стала гонимой собакой. Милиция не давала прописки нигде. В хорошо знакомых московских семьях поили чаем, но нигде не предлагали остаться ночевать. И ночевала она на вокзалах <...> Круг порочный: на работу не принимают без прописки, а не прописывают без работы. А работы нет – и хлебной карточки нет» (*Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Ч.6. Гл.7 // *Солженицын А.И.* Собр. соч.: В 9 т. Т.6. М., 2000. С.458-459).

⁸ Имеется в виду «парижская нота» (определение приписывается Поплавскому) – так в эмигрантской критике обозначались тематические, стилистические и композиционные особенности поэзии круга Георгия Адамовича, который был, по выражению Георгия Федотова, «русской парижской школой поэзии» (*Федотов Г.* О парижской поэзии // Ковчег. Нью-Йорк, 1942. С.189). К представителям «Парижской школы» относился и сам Поплавский.

⁹ Мемуарная книга Берберовой впервые увидела свет на английском языке: *Berberova N.* The Italics are Mine / Tr. by Philippe Bradley. New York: Harcourt, Brace and World, Inc., 1969. Три года спустя вышло русское издание (München, 1972).

¹⁰ Имеется в виду издание: *Берберова Н.* Железная женщина. New York: Russica Publishers, Inc., 1981. Героиня романа-жизнеописания Н.Берберовой баронесса Мария Игнатьевна Закревская-Бенкендорф-Будберг (1892–1974) приезжала в 1936 в Москву из Лондона, чтобы проведать Максима Горького, находившегося при смерти. В 1960-е она несколько раз посетила СССР. Образ «железной женщины» не мог не импонировать Наталье Ивановне – тут сказались и семейные (эсеровские) традиции, и личный опыт выживания в советской России.

¹¹ *Берберова Н.* Курсив мой: Автобиография: В 2 т. Нью-Йорк: Russica Publishers, 1983.

¹² Столярова скончалась в Москве 31 августа 1984. В это время в КГБ готовилось на нее новое дело – в связи с ее причастностью к деятельности Фонда помощи политзаключенным.

¹³ Столярову отделяли от Поплавского и от многих эмигрантских писателей их поколения не только политические иллюзии, но и литературные вкусы, явно унаследованные Натальей Ивановной от родителей-эсеров, а затем усиленные советским культурным опытом. Поэты «парижской школы» вмешательство политики в искусство считали дурным тоном и преимущественно советским феноменом (см. <Б/н.> Искусство и политика // Последние новости. 1930. №3557, 18 декабря. С.3; От редакции // Числа. 1930. №1. С.6; Поплавский Б. 1) Человек и его знакомые // Числа. 1933. №9. С.137; 2) Вокруг «Чисел» // Числа. 1934. №10. С.204). Нетрудно представить, что Поплавский отозвался бы о большинстве книг в списке Столяровой словами, которыми он встречал сентенции Ходасевича: «Верно, но неинтересно» (их приводит в своей статье Г.Адамович. См.: *Адамович Г. Поззия в эмиграции* // Опыты. 1955. №4. С.48).

¹⁴ После реабилитации (1956) Столярова вернулась в Москву и занялась литературной работой (переводами с французского), поступив личным секретарем к Илье Эренбургу. Она знала Евгению Гинзбург по лагерям и ознакомила Эренбурга с рукописью «Крутого маршрута». «Один день Ивана Денисовича» Эренбург прочитал за несколько месяцев до публикации повести в «Новом мире», получив ее от Солженицына через Столярову. Она также помогла Солженицыну переправить микрофильмы с текстами «Архипелага ГУЛАГ» и «В круге первом» на Запад (См. об этом: *Rubenstein J. Tangled Loyalties*. С.372-373). К Столяровой за помощью обратился и Шаламов. В результате в его эссе «Золотая медаль», первоначально задуманном как повествование о террористке Наталье Климовой, речь шла в большей степени о ее дочери и о преемственности поколений русской интеллигенции.

Д

Библиография

ВАДИМ ГАРДНЕР: МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

Составитель Марина Кучинская

Русский поэт Вадим Гарднер (полное имя – Вадим Данилович де Пайва-Перера Гарднер¹) родился 18 июня (1 июля)² 1880 в местечке Марко-Вилле под Выборгом и умер 20 мая 1956 в Хельсинки в возрасте семидеся-

¹ Гарднер принадлежал к известному латиноамериканскому роду де Пайва-Перера. К своей родословной он обращается в автобиографии, хранящейся в Пушкинском Доме в коллекции С.А.Венгерова (IV,1. Здесь и далее ссылки на прилагаемые библиографические материалы оформлены следующим образом: римская цифра – номер раздела, арабская – порядковый номер в разделе). Среди предков В.Д.Гарднера – основатель Бразильского университета профессор Даниэль Гарднер де Пайва-Перера и Дон Педро – лейб-медик бразильского императора Педро I, американский химик профессор Вирджинского университета Даниэль де Пайва-Перера Гарднер и английский историк Джон Вильям Дрепер. Отец поэта, Даниэль Томас де Пайва-Перера Гарднер, родился в США, участвовал в Гражданской войне, после тяжелого ранения оставил армию и перешел на инженерную службу. Мать, Екатерина Ивановна Гарднер (урожд. Дыхова; 1849–1936) – дочь артиллерийского генерала Ивана Дыхова, писательница, активная деятельница русского феминистского движения. В 1871, по окончании Казанского института для благородных девиц, добилась личного разрешения императора Александра II на поступление на женские медицинские курсы при Петербургской Академии. Вопрос об открытии курсов долго не решался. Неудовлетворенная бюрократической волокитой, Дыхова уехала изучать медицину в Америку и в Филадельфии встретила со своим будущим супругом. В январе 1878 Даниэль Томас де Пайва-Перера Гарднер в качестве представителя американской машиностроительной индустрии был командирован Государственным департаментом Америки в Европу. Супруги переехали затем в Петербург, а в 1880 приобрели в собственности земли на Карельском перешейке, в том числе деревни Ваммелсуу (Vammelsuu) и Метсякюля (Metsäkylä).

² Во многих источниках дата рождения В.Д.Гарднера приводится как 30 июня 1880 (по новому стилю). Разница между Юлианским календарем (старый стиль) и Григорианским (новый стиль) с 1800 по 1900 действительно составляла двенадцать дней. Тем не менее на Православном кладбище в Хельсинки на могиле поэта указана дата 1 июля.

ти пяти лет. Последняя прижизненная публикация его стихотворений состоялась в 1936, первая посмертная относится к 1987. Между двумя этими событиями пролегла полувексовая полоса отлучения поэзии Гарднера от читателя. В начале 1990-х один за другим вышли в свет два поэтических сборника Вадима Гарднера, незнакомое имя появилось на страницах энциклопедических словарей, поэтических антологий и в периодической печати. Гарднер был своего рода находкой для зарубежной и отечественной славистики: во-первых, русский поэт-эмигрант, во-вторых, поэт Серебряного века и, наконец, – просто поэт забытый. Знакомство с биографией и творчеством Гарднера прошло крайне стремительно и оставило после себя много неточного и недосказанного.

Вадим Гарднер получил классическое образование в духе своего времени: помимо английского он владел французским и немецким языками, прекрасно знал латынь и греческий, обладал широкими познаниями в области греческой мифологии и отечественной филологии, был тонким ценителем классической музыки. Окончив 7-ю Санкт-Петербургскую гимназию, Гарднер поступил на юридический факультет Петербургского университета, но за участие в студенческих волнениях 1905 года был исключен из числа студентов и подвергнут тюремному заключению (IV, 2). Через два месяца он был освобожден из-под ареста как американский гражданин и вскоре получил разрешение на продолжение образования в Юрьевском университете (Тарту), который и окончил в 1909.

Годом раньше увидел свет первый поэтический сборник Гарднера, в который вошли более шестидесяти стихотворений начинающего поэта-символиста. К этому же времени, в значительной степени благодаря дружбе с Н.Н.Шульговским и А.Д.Скалдиным, относится и знакомство Гарднера с литературными кругами Петербурга. Он совершает восхождение на знаменитую ивановскую «Башню» и оказывается втянутым в круговорот идей бывших «гафизитов». Покровительство и наставничество самого мэтра, без сомнения, оказало большое влияние на эволюцию духовного мира юного «капитана сердца», как называл себя Гарднер в письмах к своему «теургу». Письма Вадима Гарднера 1910–1913 годов к Вяч. Иванову (IV, 3), частично опубликованные Н.А.Богомоловым на страницах журнала «Новое литературное обозрение» (V, 21), дают представление о неординарном характере взаимоотношений «младшего» и «старшего» братьев. С одной стороны, экстатический культ кумира и бездна, разделяющая грешника и исповедника, подмастерье и мастера; с другой – равенство избранных перед музой и всех – перед небом. «Газла “Солнце” мне нравится, “Завет солнца” восхитителен, и мудр, и возвышен. “Сон Мелампы” – прямо откровение. “Аттика и Галилея” пестрят географическими названиями, и, несмотря на то, что стихотворение это занимательно и интересно, в нем есть серьезные недостатки – сюда я включаю и пестроту, и славизмы в сочетании с “эллинизмами”», – так свободно, без тени смущения высказывался Гарднер в письме от 6 мая 1912 к Вяч. Иванову по поводу первой части «*Cor ardens*». Именно Вяч. Иванов просмотрел корректуру второй книги стихов Вадима Гарднера. В том же письме Гарднер благодарит за критику и просморт рукописи и М.А.Кузмина. Планируемое же Ивановым предисловие к этому изданию не состоялось, хотя в письмах к мэтру Гарднер ссылается на слова А.Д.Скал-

дина и А.М.Кожебаткина по этому поводу и предлагает Иванову опубликовать статью позднее в виде рецензии на стихи молодых авторов³.

Немаловажным обстоятельством сближения двух поэтов явилось и увлечение Гарднера оккультными и религиозно-философскими учениями, на многие годы определившими его жизненные и эстетические искания. Теософия Е.Блаватской и «*Tertium Organum*» П.Д.Успенского, эзотерические культы Древнего Востока, космология розенкрейцеров, идеи Р.Штейнера не замедлили преломиться в его творчестве. Ряд стихотворений религиозно-теософского содержания появляется на страницах петербургского «Вестника теософии» (III, 1, 2, 3) за 1909 год.

В конце 1912 в московском издательстве «Альциона» выходит в свет вторая книга стихотворений Вадима Гарднера «От жизни к Жизни», снижавшая поэту если не тихую славу, то, по крайней мере, определенную известность в литературном Петербурге. На книгу откликнулись, причем в основном благожелательно. Если на первом стихотворном опыте Вадима Гарднера сказалось влияние поэзии «старших» символистов, то вторая книга своим появлением была обязана как Вяч. Иванову, так и поднявшим «бунт» против символизма акмеистам-кларистам-адамистам.

В целом поэтическая генеалогия Гарднера оказывается не менее занимательной, чем его родословная. По природе человек романтического склада, Гарднер унаследовал склонность к литературной романтической традиции. Вслед за Н.Гнедичем, М.Лермонтовым, А.К.Толстым, А.Майковым и др. он обращается к переводу знаменитых «Еврейских мелодий» («*Hebrew Melodies*») Байрона. Гарднер стремится соотнести свой поэтический опыт с мятежным Лермонтовым: «Оба мы менестрели в Руси снеговой... / Оба вольным духом, свободы друзья...». Лучшим лирическим стихотворениям Гарднера, преисполненным тонких душевных переживаний и коллизий в сочетании с живописными пейзажами и фрагментарными зарисовками окружающей природы, действительно присущи лермонтовская острота восприятия и классическая гармония. Темы трагического одиночества и бренности земного бытия, мгновенного счастья и неразделенной любви близки по духу его поэтике. Но то, что у Лермонтова превращается в органическую ткань стиха, в несказанное чудо, у Гарднера порой становится декларативной позой. Стихотворчество часто уводит последнего в область тривиальных восклицаний и пророчеств, желаемое выдается за действительное, и под демониической маской скептика оказывается поэт совсем иного, мистико-религиозного склада.

Много позднее, уже в эмиграции, Гарднер займется переводами русской поэзии на английский, и его выбор не случайно падет на любимые им лермонтовские стихотворения и пушкинского «Онегина». Непревзойденный Пушкин потоком реминисценций проходит через все творчество Гарднера – «Онегинские ямбы», «Петербург», страницы «Дневника поэта». Вечные философские размышления, земные и небесные буколки, тихий гимн русской природе – это те ключевые темы и образы, которые сближают стихи Гарднера и с вдохновенной поэзией Фета. Вадим Гарднер, провозглашая

³ См.: Богомолов Н.А. Addenda // Новое литературное обозрение. 1996. №19. С.192.

щий себя то «гордым бритом», то переселенцем из Нового Света, то «потомком грандов», пылким южноамериканцем, окажется в конце концов певцом скромных ландшафтов и самым что ни на есть русским поэтом, по-блоковски признающимся в любви к Руси:

Но я люблю Тебя, о Русь, родная мне, –
 Безвольный мот, раба в больном непостоянстве,
 Щедроты Божие топящая в вине,
 В лохмотьях, нищая на царственном пространстве!

Гарднер был страстным почитателем таланта американского прозаика, поэта-романтика и публициста Эдгара Аллана По, особенно популярного в те времена в России. Стихи Э.По в свое время переводили С.Андреевский, Д.Мережковский, К.Бальмонт, В.Брюсов и др. Большим событием стал выход в свет в 1905 пятитомного собрания сочинений По в переводах К.Бальмонта. Не надо забывать и о том, что, будучи билингвистом, Гарднер превосходно ощущал себя как в русской, так и в англоязычной поэзии, и многие известные стихотворения Эдгара По, в том числе «Колокола» («The Bells»), «Ворон» («The Raven»), «Эльдорадо» («Eldorado»), «Улялюм» («Ulalume»), не теряли для него своего оригинального звучания. Не могли не пройти незамеченными мимо Гарднера литературно-критические статьи По («Философия творчества», «Основы стиха», «Поэтический принцип») и философский трактат «Эврика» с его поисками Истины и «духовными принципами построения Вселенной». Так появляются у Гарднера стихотворение «Nevermore» («О, волшебный Эдгар, Юлялюм! Юлялюм!...») и перевод «Заколдованного дворца». Запредельный мир красоты, его божественность и гармония, его музыка, его неповторимость и его обреченность на земле – вот точки соприкосновения двух поэтов и двух эпох.

Русский символизм оказался благодатной почвой для «цветов зла» и «песен без слов». Влияние Бодлера, Верлена, Рембо, Малларме вкупе с шопенгауэровским пессимизмом и нищезанством ощутимо не только в творчестве старших символистов (Д.Мережковский, В.Брюсов, Андрей Белый и др.), но и в стихах их многочисленных последователей, к которым принадлежал Вадим Гарднер. В своей автобиографической поэзии среди учителей, наряду с Э.По, Ш.Бодлером, Вяч. Ивановым, Гарднер ссылается на имена О.Уайльда, В.Брюсова и К.Бальмонта⁴.

Попав в новый для него мир акмеистов, Гарднер не изменил своим старым привязанностям. К его стихам более всего подходит высказывание Шарля Мориса по поводу символизма в статье «О религиозном смысле поэзии» (1893): «это слияние души с предметами, пробудившими наши чувства, вымысел, который упреждает для нас время и пространство»⁵.

В феврале 1913 Гарднер был принят в «Цех поэтов». Его поэзии было суждено, подобно зеркалу, отразить в себе черты капризной эпохи: священнодействие символизма и культ акмеизма, фантом Грядущего и «дух мелочей», Жизнь и жизнь. «Заревым мистиком» и «поэтом бытия» назовет себя

⁴ См. стихотворение 1913 года «Поэтам», вошедшее в сборник «Под далекими звездами» (Paris: Concorde, 1929. С.36).

⁵ Энциклопедия символизма: Живопись, графика, скульптура, литература, музыка. М.: Республика, 1998. С.182.

Гарднер спустя два десятилетия. Его стихи – это уникальный в своем роде компромисс символистской поэтики со школой акмеизма; это редкое сочетание религиозно-мистического пафоса с чутким «ощущением мира как живого равновесия»; это единение земли и неба, человеческого и божественного, малого и Великого в простых лирических переживаниях и в риторически напыщенных строфах. Присушие стихотворной манере Гарднера консерватизм и благородная строгость на фоне «вселенских сверхчувственных вейний, чаяний и упований»⁶ подчас вызывали скептические улыбки критиков и читателей, но в то же время придавали его стихам особый колорит и «необщее выраженье». Самобытный стиль поэта не претендовал на эффектность, а был, по сути дела, свидетельством своеобразного видения мира и «преклонения перед величием русской духовной культуры»⁷.

В годы Первой мировой войны американский гражданин и русский поэт Вадим де Пайва-Перера Гарднер принял российское подданство и был призван на военную службу. Два года он провел в Англии, работая при Комитете по снабжению союзников оружием под командованием генерала Гедройца, а весной 1918 вместе с Николаем Гумилевым морским путем вернулся через Мурманск в Петербург.

О знакомстве с Гарднером Н.Гумилев упоминал в одном из писем к А.Ахматовой⁸. Подробности лондонских армейских будней и двенадцатидневного «путешествия» под конвоем трех миноносцев на военном транспортном судне в компании инженера-путейца Лаврова и именитого поэта были описаны Вадимом Гарднером в «Дневнике поэта» в конце 1922 с пометкой «Воспоминания» (V, 14). Гумилев к этому времени был уже расстрелян, а Вадим Гарднер, отбыв «три злополучных года в красном Ленинском раю», навсегда оставил Россию. Эти три года – с 1918 по 1921 – Гарднер безвыездно жил в Петербурге, зарабатывая на жизнь частными уроками.

В 1918 мать поэта Е.И.Гарднер покинула Петербург и обосновалась в своем имении в Вammelсуу на Карельском перешейке. Через два года, по Тартускому (Юрьевскому) мирному договору, бывшая граница автономного Великого княжества Финляндского стала государственной границей новой суверенной Финляндии, и многие дачные места и имения петербуржцев оказались за пределами Советской России. Спасаясь от «коммунистического ада», Вадим Гарднер покидает Петербург и возвращается в родовое поместье под Выборгом. Таким образом, возвращение на родину и эмиграция в географическом контексте оказались для Гарднера понятиями эквивалентными. С местными жителями у семейства Гарднеров давно уже сложились вполне добрососедские отношения. Екатерина Ивановна оказывала карельским финнам медицинскую помощь, приглашала их в имение на празднества и торжества. Еще в 1910-е сюда наезжали веселые гости из Петербурга.

⁶ Пахмусс Т. О поэзии Вадима Гарднера // У Финского залива: Избранная лирика / Сост. Т.Пахмусс и Б.Хеллман. Хельсинки: Гранит, 1995. С.11.

⁷ Пахмусс Т. О поэзии Вадима Гарднера. С.15.

⁸ Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. №7/8. С.37.

Несветел день мой, и безотраднa нoчь.
И сабли мрака медленно режут грудь.
Ушел на север, к Перкьярви,
Милый певец, вдохновенный Гарднер!

– по-дружески балагурил Михаил Лозинский (V, 22). Теперь же в имении в Ваммелсуу Вадима Гарднера часто посещает, пожалуй, только поэт Игорь Воинов⁹. Обвиненный большевиками в шпионаже, Воинов провел тринадцать месяцев в тюрьмах страны Советов, в начале 1920-х вырвался из России и, обосновавшись по соседству с Гарднером, нашел в его лице близкого друга и единомышленника. Уезжая весной 1923 во Францию, Воинов подарил Гарднеру фотографию с дарственной надписью: «Поэту и брату Вадиму Гарднеру от Игоря Воинова. Суоми, 1923». В 1938 в единственный сборник стихов И.Воинова «Чаша ярости», изданный в Париже, наряду с одноименной поэмой войдет стихотворение с посвящением Гарднеру:

Стихи читаете Вы голосом глухим
И гладите рукой пылающие щеки, –
Так говорил с Христом смущенный Никодим,
Так дерево струит весною ранней соки...¹⁰

В случае Гарднера парадоксальность ситуации заключалась в том, что именно родные края с каждым годом все более явственно приобретали черты чужбины. Та Россия и тот Петербург становились недосыгаемыми, уходили в прошлое; новая Советская страна, словно чудовищный Сатурн с полотен Гойи, пожирала своих детей, катастрофически уменьшалось число друзей и просто знакомых, наступало время переосмысления своего и чужого. Именно в эти годы перед Гарднером во всей своей полноте встает «близкое далекое» (см. одноименное стихотворение): «красные знамена на Невском» и тюремная камера у Казачьего Плата («Март»), зимний каток на «Прудках» («Здесь и там») и «картинки прежнего Петербурга» (см. одноименное стихотворение). Как в последнем, так и в стихотворении «Наводнение 1924 года», посвященном И.Е.Репину, Гарднеру удается выйти за рамки частного. Из виртуального прошлого поэт видит не только трагедию России сегодняшней, в которой «справляет свой шабаш ГПУ», но и обреченность ее будущего:

Кроваво-красные гусары,
Кошмарный символ наших дней,
На спинах краденых коней
Заменят ли былого чары?

В 1922 в №2 берлинского журнала «Новая русская книга» в разделе «Судьба и работа русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 г.» (V, 8) было объявлено:

Вадим Данилович Гарднер, поэт, автор сборника «От жизни к Жизни». Бежал из Петрограда в Финляндию в 1921 г., где и находится

⁹ Игорь Владимирович Воинов (1897?–1942) – поэт, публицист. См. о нем: *Pachmuss T. A Moving River of Tears: Russia's Experience in Finland.* New York: Peter Lang Publishing, Inc., 1992. С.159–162; *Крейд В.* Словарь поэтов русского зарубежья. СПб.: РХГИ, 1999. С.59–60.

¹⁰ *Воинов И.* Чаша ярости. Париж, 1938. С.27.

теперь. Готовит к печати: 1) несколько томов стихотворений с 1912–14 гг., 2) большую лирическую полифонию «Под далекими звездами» (с 1918 по 1921 г. в Советской России), 3) сборник стихов 1916–18 г., 4) сборник стихов 1918–20 г. Часть начатой в 1920 г. большой лирической полифонии «Мерцание во мгле и мгла среди сияний», 5) новый круг стихов, написанный после бегства в Финляндию. Ищет издателя.

Таковы были творческие планы Гарднера «после России».

В это же время в Ваммелсуу Вадим Гарднер продолжает давать частные уроки английского языка и становится вхож в семью польского католика Франца Череп-Спиридовича. Дочь Череп-Спиридовича, четырнадцатилетняя Маша, влюбленная в своего учителя Вадима Даниловича, через несколько лет станет его женой, госпожой де Пайва-Перера Гарднер, и разделит все невзгоды и мытарства, выпавшие на долю невостребованного своим временем поэта. Мария Францевна Череп-Спиридовича родилась 19 ноября 1908 в местечке Uusikirikko (Новая Церковь, ныне Поляны). Ее мать была русской, православной, и детские годы Марии Францевны прошли в русском окружении. Она ходила в сельскую школу в Териоках вместе с детьми Ильи Репина, часто бывала в доме Леонида Андреева¹¹. Бракосочетание Марии Францевны Череп-Спиридович и Вадима де Пайва-Перера Гарднера состоялось в 1928 вопреки воле родителей невесты: разница в возрасте супругов составляла почти тридцать лет. Ко всему примешивались также различия в вере и житейская несостоятельность жениха.

В 1929 в парижском издательстве «Concorde» вышел третий и последний прижизненный сборник стихотворений Вадима Гарднера «Под далекими звездами». В это время Гарднер проявляет завидное равнодушие к публикациям своих стихов, и сборник вышел в свет при деятельном участии матери поэта Е.И.Гарднер. Открывается он посвящением: «Моей матери, автору: “ГОРДАЯ ВОЛЯ” и “НА НОВОМ ПУТИ”»¹². Сборник фактически явился своего рода манифестом Гарднера, своеобразным прологом последующей добровольной и, быть может, по этой причине более трагической самоизоляции поэта: «Здесь не место мне жить средь проклятой / Повседневницы жестокой и злой...». «Под далекими звездами» – это и своего рода попытка поэта найти убежище в мире прошлого, в Слове и в «Вечности духа», «раствориться в природе». Последнее особенно удается Гарднеру. Об этом спустя шестьдесят лет будут писать в новых рецензиях и откликах на вновь вышедшие в свет стихи забытого поэта (V, 16, 17). В последний сборник Гарднера, наряду со стихотворениями, написанными уже в эмиграции, вошли также несколько ранних дореволюционных стихов, в том числе стихотворения «Поэтам», «Между грозами» (1912), «Ожидание», «Облака и звезды» (1913) и др.

Единства мнений в отношении поэзии Гарднера не существовало. Александр Блок в обзорной статье о пятнадцати русских поэтах (V, 1), вместе с

¹¹ См. в ее некрологе: *Shenshin V. Maria Gardner de Paiva Pereira. Helsingin venäläisten yhteisön perinteitten vaalija // Helsingin Sanomat (Helsinki). 1999.2.01.*

¹² Е.И.Дыхова вошла в литературу как автор романов «Гордая воля» (1870) и «На новом пути» (под псевдонимом К.Доливо напечатан в журнале «Дело» за 1870 в № 1, 2, 3).

поэтическим сборником «Завязь» Л.Барского и П.Лучанского, упоминает первую книгу Гарднера, вынося стихам скупой авторитарный приговор – «интереснее других. Но, как и другие, не обещают ничего». Второй сборник стихотворений Вадима Гарднера «От жизни к Жизни» обратил на себя внимание таких признанных мэтров акмеизма, как Николай Гумилев и Сергей Городецкий. В литературной хронике «Письма о русской поэзии» в журнале «Аполлон» за 1913 (V, 3) Николай Гумилев отметил несомненное дарование молодого поэта, «поверившего словам музыки», и назвал его сборник «прелестной книгой легких стихов». В то же время Гумилев, только что провозгласивший программный манифест акмеизма, был настроен крайне реформаторски и усмотрел в поэзии Гарднера многие из тех симптомов, которые были свойственны «наследию символизма». Гарднер в оценке Н.Гумилева «порой водянист, порой слащав, порой высокопарен и чаще всего развязен». «И страшно за талантливую поэзию, что он может навсегда остаться дилетантом», – заключает рецензент. Сергей Городецкий в статье «Пучина стиховая» (V, 6), как и Гумилев, в первую очередь обратил внимание на своеобразный дар молодого стихотворца: «Несмотря на пристрастие Вадима Гарднера к религиозным темам, лучше другого удаются ему легкомысленные стихи». Именно в них он увидел отсутствие «той нестерпимой фальши, которая составляет пафос книги». В целом Городецкий приветствовал появление нового таланта, хотя и не упустил случая упрекнуть Гарднера в недостаточном знании русского языка.

Искренность и открытость, выгодно отличающие стихи Вадима Гарднера от его современников, были деликатно замечены в одной из первых рецензий на сборник «От жизни к Жизни», появившейся уже в декабрьском выпуске газеты «Речь» за 1912 (V, 2). Рецензент И.Клейнершехет отметил как подражание начинающего поэта Вяч. Иванову, Бальмонту и Белому, так и своеобразие его собственных стихов.

Благосклонно отзывались о поэзии Гарднера и те, кто знал его не только по стихам: Николай Шульговский (V, 5) и Михаил Лозинский (V, 7). На страницах акмеистического «Гиперборей» Лозинский писал: «Книга Вадима Гарднера принадлежит к числу тех, которые не допускают равнодушию к себе отношения... Здесь стремительное столкновение образов, неожиданные повороты мысли, выразительность и новизна эпитетов, свободная игра воображения». Один из немногих, Михаил Лозинский сумел разглядеть в Гарднере не просто стихотворца, балансирующего на грани символизма и акмеизма, но цельного поэта, со своим богатым видением Жизни и жизни: «...Вадим Гарднер умеет счастливо сочетать разнородные элементы своей поэзии, и те страницы, где конкретность слита с окрыленной фантазией, – лучшие в книге».

Вторая книга стихов Гарднера не ускользнула от внимания вездесущего Валерия Брюсова. Высказывая в статье «Новые течения в русской поэзии. Эклектики» (V, 4) свои соображения о целесообразности введения античных метров в русский стих, Брюсов, наряду с представителями московского литературного альманаха «Круговая чаша» Н.Позняковым и С.Шервинским, упоминает и Вадима Гарднера, который «целый отдел своей книги написал “античными метрами”». «Само по себе, это стремление достойно всяческого поощрения, хотя бы для того, чтобы мы могли иметь точные

переводы стихов греческих и римских поэтов», – продолжает критик. И далее, отмечая античный дух стихов Шервинского и недостатки античной поэзии Познякова, Брюсов резюмирует: «Стихи В.Гарднера античными размерами говорят о явлениях современных».

Последняя прижизненная рецензия на стихи Гарднера появилась в парижской газете «Последние новости» в мае 1929 (V, 9). Не скрывая сарказма, Н.Станюкович так прокомментировал последнюю книгу поэта «Под далекими звездами»: «О книжке стихов Вадима Гарднера только потому хочется упомянуть, что она пробуждает горестные мысли... Пишет он обо всем, и фокусные стихи, и простые. В иных все слова на букву “М”¹³, в других имеется четвертая “архилохейская строфа”; есть сонеты, есть глоссы, триолеты, сафические строфы, обратно “обезглавленные сонеты”. Есть и просто патристические стихи, они для публики полегче... А между тем, как было бы просто: бросить это напрасное занятие – писание стихов...»

Тридцатые годы стали нелегким испытанием для поэта. Сентярем 1930 года помечено стихотворение «И.Е.Репину (Прочитано у могилы)», в котором скорбь автора приобретает поистине вселенский масштаб. Вереницей потянулись и собственные беды: болезни матери и брата, долги, нужда, чуть позже, в 1936, смерть Екатерины Ивановны. Усиливаются и без того пессимистические настроения Гарднера, появляются новые стихи в автобиографическом цикле «Дневник поэта» – подлинные свидетельства выпавших на его долю испытаний. Однако именно этой общей смене палитры и тональности обязаны появлением на свет его лучшие лирические стихотворения о северной природе. Для них характерны особая проникновенная интонация, мягкость и нежность звуков и красок, богатство деталей пейзажа и нюансов настроений. Буколические мотивы тесно соседствуют с меланхолическими интимными переживаниями, создавая неповторимый «пейзаж души» поэта.

«Зимняя» война 1939 года ознаменовала собой полосу новых невзгод. Лишившись дома, имущества, гражданской неприкосновенности, семья Гарднера была обречена на долгие скитания по финской земле. Философский настрой стихотворения «Итоги» августа 1939 уступает место ноте страдания и изгнанничества, тоски по родине и безысходности внешнего земного бытия, которая отныне слышна во многих стихах Гарднера, написанных и в провинциальной Метсъякюля, и в военной Клауккале, и в столичном Хельсинки. Так поэзия оказалась в выигрыше от трагедии поэта.

Параллельно Гарднер писал стихи и на английском языке. В феврале 1937 им была начата работа над переводом пушкинского «Онегина». В английском варианте прозвучали стихи Лермонтова. В 1936 в берлинской антологии «Якорь» Гарднер представлен единственным стихотворением «Завируха» (II, 3). После этой публикации стихи его будут окончательно забыты.

Феномен Гарднера в своем роде уникален – это поэт-фантом, окруженный ореолом изгнанника и стихотворца-одиночки. Живя в Хельсинки, в небольшом, но все же центре русской эмиграции, обладая возможностями участвовать в литературной жизни столицы, как, например, Вера Булич,

¹³ Имеется в виду стихотворение Гарднера «Тавтограмма» из сборника «Под далекими звездами» (с.135).

печататься в прессе, выступать перед публикой, поддерживать связи с русскими писателями и поэтами, разбросанными по Европе, Гарднер тем не менее стремительно самоотстранялся от современников. Причины очевидные – потеря близких, бедность, война, утраченные иллюзии – переплетаются здесь с целым сонмом причин другого плана, и главная из них та, что поэзия Гарднера уже независимо от него самого предопределила исход подобного рода. Вымысел поэта становится реальностью. Истоки отшельничества Гарднера стоит искать не только в поражении его далеких от реалий жизненных идеалов, но и в его ранних поэтических декларациях: «Вдали от людей, в одиночестве милом / Мне лучше живется порой...». Печоринский скепсис молодого поэта, временами не совсем искренний, в покаянных «Гарднеровых семистишиях» 1937 года вырывается за пределы театральной трагедии. Самоизоляция, добровольная ссылка в «отшельничью тусклую глушь» – это и есть для Гарднера не что иное, как «повинность за минувшее» и единственный способ уцелеть в настоящем.

Вадим Гарднер умер 20 мая 1956 в Хельсинки, забытый в России и непризнанный в эмиграции. Похоронен поэт на Православном кладбище города, недалеко от могил двух других русских поэтов, Веры Булич и Ивана Савина, также связавших свои судьбы с северной столицей.

Время от времени имя Гарднера возникало на страницах литературных трудов, но первая после долгих лет забвения обширная публикация его стихотворений появилась только в 1987, в парижской газете «Русская мысль» (III, 11). В 1990 в Хельсинки в издательстве «Гранит» увидел свет четвертый сборник стихов Вадима Гарднера «У Финского залива», под редакцией Темиры Пахмусс и Бена Хеллмана (I, 4). Темира Пахмусс, профессор Иллинойского университета, в своих трудах первой обратилась к исследованию литературного наследия поэта (V, 13, 18, 20). В 1995 стихи Гарднера «вернулись в Россию»: в Санкт-Петербурге в издательстве «Акрополь» была издана его пятая книга – «Избранные стихотворения» (составители О.Б.Кушлина и П.Х.Тороп) (I, 5). Имя Вадима Гарднера появилось в статьях, рецензиях и поэтических антологиях.

Вдова поэта Мария Францевна де Пайва-Перера Гарднер, в 1954–1990 – владелица модного салона мехов в Хельсинки и в 1983–1997 – заведующая библиотекой Русского Купеческого общества Гельсингфорса, делала все возможное, чтобы сохранить имя и поэтическое наследие супруга. Она оказывала бескорыстную помощь при подготовке публикаций о Вадиме Гарднере, на ее средства были изданы последние сборники стихотворений поэта, по инициативе Марии Францевны на его могиле было установлено надгробие, а в библиотеке Купеческого общества создан небольшой уголок с фотографиями и портретом Гарднера работы неизвестного художника. Мария Францевна не только возглавляла единственную в Скандинавии уникальную частную библиотеку, но и в разное время входила в правление Русского Купеческого общества на правах председателя и эксперта. Умерла М.Ф.Гарднер 3 декабря 1998 в возрасте 90 лет и похоронена рядом с мужем.

В отличие от многих своих современников, чей поэтический дебют пришелся на десятые годы прошлого столетия, Вадим Гарднер не стал легендой Серебряного века и по сей день остается известен лишь исследователям и избранному кругу ценителей поэзии. Ни жизнь, ни Жизнь не воз-

несли Вадима Гарднера на пьедестал славы, но его судьба преподнесла нам некий нравственный урок: малые поэты так же, как и их великие современники, достойны признания и уважения, ибо их «негромкие голоса» звучат в общем хоре русской и мировой поэзии.

Настоящая библиография состоит из перечня книг (раздел I) и отдельных публикаций поэта (разделы II–III). Учтены также архивные материалы (раздел IV) и критические работы о Гарднере с 1909 до наших дней (раздел V). Внутри разделов библиографические сведения даны в хронологическом порядке. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность доктору филологии Веронике Александровне Шеншиной (Хельсинки), с 1997 заведующей библиотекой Русского Купеческого общества Гельсингфорса, за оказанное содействие и помощь в предоставлении материалов. Приношу также благодарность сотрудникам Славянской библиотеки Хельсинского университета за возможность пользоваться уникальными фондами.

I. Книги

1. Стихотворения: Сборник первый. СПб.: Тип. И.Г.Брауде и К°, 1908. – 50 с.
2. От жизни к Жизни. М.: Альциона, 1912. – 174 с.
3. Под далекими звездами. Paris: Concorde, 1929. – 158 с.
4. У Финского залива: Избранная лирика / Сост. Темира Пахмусс и Бен Хеллман; Вступ. ст. Темиры Пахмусс. Хельсинки: Гранит, 1995. – 180 с.
5. Избранные стихотворения / Сост. О.Б.Кушлина и П.Х.Тороп; Предисл. Д.М.Магомедова; Заключ. П.Х.Тороп. СПб.: Акрополь, 1995. – 96 с. Тираж 500 экз.

II. Публикации и подборки в антологиях

1. Rossija: Anthologie. Berlin: Verlag E.Strache, 1920.
2. Rossija: Anthologie (на нем. яз.) / Uebertragen von R.Rollinghoff <1920?>.
3. Завируха // Якорь: Антология зарубежной поэзии / Сост. Г.В.Адамович и М.Л.Кантор. Berlin: Petropolis, 1936. С.77-78.
4. Завируха; «Когда я один и мне грустно...»; Нюландский сонет; Сафические строфы («Зелены еще у сирени листья...») // «Вернуться в Россию – стихами...»: 200 поэтов эмиграции: Антология / Сост., авт. предисл., коммент. и биогр. сведений В.Крейд. М.: Республика, 1995. С.151-153.
5. «Купол церкви православной...»; Закат; Ра-Аполлону; Сафические строфы («Зелены еще у сирени листья...»); Алкеевы строфы («Вчера шел снег вновь...») // «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990 (Первая и вторая волна): В 4 кн. / Сост. Е.В.Витковский; Биогр. справки и коммент. Г.И.Мосешвили. М.: Московский рабочий, 1995. Кн.1. С.147-150.

6. Тиары души; Дорожка к озеру; Капризная муза (двустихия); Великий пост; Я в Руси // Русская поэзия Серебряного века. 1890–1917: Антология / Отв. ред. М.Л.Гаспаров и И.В.Корецкая. М.: Наука, 1993. С.394-396.

7. Финский сонет; Начало осени в Финляндии; И.Е.Репину // Финский альбом: Из русской поэзии начала XIX – начала XX века / Сост. и автор «Вместо комментариев» Т.С.Тихменева. Pietari-säätiön julkaisu 4, 1998. С.132-134.

III. Публикации в периодике

1. Молитва // Вестник теософии (СПб.). 1909. № 1. С.54.

2. Стихотворение («Навеяно Апокалипсисом») // Вестник теософии (СПб.). 1909. №2. С.69.

3. Религиозные двустихия // Вестник теософии (СПб.). 1909. №5-6. С.47.

4. «О гордецы, когда бы знали вы...»; Черна река; «На небе черном...»; «Ночи лунные, холодные...» // Гиперборей (СПб.). 1913. №6 (март).

5. Сложное рондо // Русская мысль (М.; Пб.). 1913. Кн.II. С.154.

6. Петербургская зима // Русская мысль (М.; Пб.). 1913. Кн.X. С.164.

7. Стихотворения (1. Посвященному; 2. «Стрекотанье, стрекотанье...») // Русская мысль (М.; Пг.). 1915. Кн.III. С.151.

8. Убежавшему зайцу // Русская мысль (М.; Пг.). 1915. Кн.XII. С.109.

9. Начало осени в Финляндии // Русская мысль (М.; Пг.). 1916. Кн.IX. С.35.

10. Из «Дневника поэта» (A biographical poem by Vadim Gardner about a sea voyage from England to Murmansk in 1918) / Публ. Б.Хеллмана // Nikolaj Gumilev. 1886–1986 / Ed. By Sheelagh Duffin Graham. <Oakland:> Berkeley Slavic Specialties, 1987. P.152-154.

11. «Я простоте учился...»; Нюландский сонет; Рондель; «Известь разбросана по полю...» / Публ. М.Бараша и Б.Хеллмана // Русская мысль (Париж). 1987. 5 июня. №3676 (Литерат. прилож. №3/4).

12. Solitude; The Nyland Sonnet; «Don't Sing Me, Oh Wasp!...» / Пер. Темиры Пахмусс // Pachmuss T. A Moving River of Tears. Russia's Experience in Finland. New York: Peter Lang Publishing, Inc., 1992. P.224-225.

13. «Знаешь только ты мои мученья...»; И.Е.Репину (Прочитано у могилы); «Я проще стал...»; Итоги (Новый год); «Каплет с кровли...»; Сонет (обратный) / Публ. П.Торопа // Новое литературное обозрение (М.). 1996. №18. С.215-217.

14. Минутное («Дымных сумерек печали...»); Прозрение («Когда таинственное око...») / Публ. В.Леонидова // Новая юность (М.). 1998. №3 (30).

15. Календарь (Сонет осени); Сложное рондо; Итоги / Публ. М.Кучинской // Встречи: Альманах (Филадельфия). 2001. №25. С.207-209.

IV. Архивные материалы

1. Автобиография В.Д.Гарднера. – РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф.377 (Коллекция С.А.Венгерова).

2. Материалы следствия, студенческое дело. – ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.37716.

3. Письма В.Гарднера к Вяч. Иванову (1910–1913). – НИ ОР РГБ. Ф.109. Карт.15. Ед.хр.55.

4. Письма В.Гарднера к А.Д.Скалдину (1912–1913). – РГАЛИ. Ф.487. Оп.1. №44.

V. О Гарднере: рецензии, статьи, очерки, биографические материалы

1. Блок А. <Рец. на сборник «Стихотворения»> // Русская мысль (М.; Пб.). 1909. Кн.1. Библиографический отдел. С.3. См. также: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т.5. С.648; и послед. переизд.

2. И.К. <И.Клейнершехет>. <Рец. на сб. «От жизни к Жизни»> // Речь (СПб.). 1912. 31 декабря.

3. Гумилев Н. Письмо о русской поэзии <Рец. на сб. «От жизни к Жизни»> // Аполлон (СПб.). 1913. №3. С.74-76. См. также: Гумилев Н. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. проф. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. Вашингтон: Victor Kamkin Inc., 1968. Т.4. С.315; и послед. переизд.

4. Брюсов В. Новые течения в русской поэзии. Эклектики // Русская мысль (М.; Пб.). 1913. Кн.VIII. С.75-76. См. также: Брюсов В. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии / Сост. Н.А.Богомолов и Н.В.Котрелев; Вступит. ст. и комм. Н.А.Богомолова. М.: Советский писатель, 1990. С.407.

5. Лирик <Н.Н.Шульговский>. <Рец. на сб. «От жизни к Жизни»> // Весь мир. 1913. №1.

6. Городецкий С. Пучина стиховая // Речь (СПб.). 1913. 18 февраля, №48.

7. М.Л. <М.Лозинский>. <Рец. на сб. «От жизни к Жизни»> // Гиперборей (СПб.). 1913. №5.

8. Судьба и работа русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 г. // Новая русская книга (Берлин). 1922. №2. С.35.

9. Н.Ст. <Н.Станюкович>. <Рец. на кн. «Под далекими звездами»> // Последние новости (Париж). 1929. 9 мая, №2969. С.3.

10. Тарасенков А.Н. Русские поэты XX века. 1900–1955: Библиография. М.: Советский писатель, 1966.

11. Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature (Mouton & Co. The Hague, Netherlands). 1974. №7/8. P.37.

12. *Бараиш М.* Из литературного наследия Вадима Гарднера // Русская мысль (Париж). 1987. 5 июня, №3676 (Литерат. прилож. №3/4).

13. *Pachmuss T.* Russian Literature in the Baltic between the World Wars. Columbus, 1987. P.436-447.

14. A biographical poem by Vadim Gardner about a sea voyage from England to Murmansk in 1918, with commentary by Ben Hellman // Nikolaj Gumilev. 1886–1986 / Ed. By Sheelagh Duffin Graham. <Oakland:> Berkeley Slavic Specialties, 1987. P.148-154.

15. *Магомедова Д.М.* Гарднер Вадим Даниилович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т.1: А-Г. С.523.

16. *Пушкин А.А.* В.Гарднер. <Рец.> «У Финского залива». // Новый журнал (Нью-Йорк). 1991. №182. С.388-390.

17. *Г.П.* <Галина Погожева>. <Рец. на сб. «У Финского залива»> // Континент (Париж). 1991. №68. С.362.

18. *Башмаков Н.* <Рец.> «У Финского залива». Избранная лирика Гарднера. // Ortodoksiviesti. 1991. №9, 11.

19. *Pachmuss T.* A Moving River of Tears. Russia's Experience in Finland. New York: Peter Lang Publishing, Inc., 1992. P.218- 229.

20. *Пахмусс Т.* О поэзии Вадима Гарднера // Гарднер В. У Финского залива: Избранная лирика / Сост. Темира Пахмусс и Бен Хеллман. Хельсинки: Гранит, 1995. С.5-21.

21. *Магомедова Д.М.* <Предисл.> // Гарднер В. Избранные стихотворения / Сост. О.Б.Кушлина и П.Х.Тороп. СПб.: Акрополь, 1995. С.3-4.

22. *Тороп П.Х.* <Послесл.> // Гарднер В. Избранные стихотворения / Сост. О.Б.Кушлина и П.Х.Тороп. СПб.: Акрополь, 1995. С.89-93.

23. *Тороп П.* Вадим Гарднер // Новое литературное обозрение (М.). 1996. №18. С.210-215.

24. *Богомолов Н.А.* Addenda // Новое литературное обозрение (М.). 1996. №19. С.191-194.

25. *Леонидов В.* В.Гарднер // Литературная энциклопедия Русского зарубежья (1918–1940) / Сост. и ред. А.Н.Николюкин. Т.1: Писатели Русского зарубежья. М.: РОССПЭН, 1997. С.118-119.

26. *Леонидов В.* Мне север люб... // Новая юность (М.). 1998. №3 (30).

27. *Крейд В.* Гарднер // Словарь поэтов Русского зарубежья. СПб.: РХГИ, 1999. С.68-69.

28. *Кучинская М.* Дом на Манежной // Встречи: Альманах (Филадельфия). 2001. №25. С.203-206.

29. *Vashtakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland. 1917–1939: A local and oral history // Studia Slavica Finlandensia (Helsinki). 2001. Т.18. P.217-222, 436.

30. *Костоломов М.* Речь дрожащих звезд // Завыборжье. 2001 (февраль). <http://head.vyborg.ru/kray11.htm>.

D

Annex

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарони, натуралист 64
Абд ал-Малик, халиф 64
Абдул-Хамид II, султан 30, 60, 67
Абрикосов С.Н. 592, 593
Августин Блаженный 426
Аверченко А.Т. 160, 485
*Агабеков (Арутуннов) Г.С. 364
Агадати Б. (Кушанский) 34, 65
Агаджанова-Шутко Н.Ф. 323
Агазаров Г.Г. 337-339, 341
Агден В. 323
Аграновский А.Д. 323, 334
Адамович Г.В. 379, 392-394, 398-401,
415, 416, 419, 420, 425-431, 433,
440, 442, 443, 445, 446, 448, 450,
452, 454, 455, 652, 653, 667
Адлерберг, сотр. берлинских
киностудий 338
Адлон С. 366
Азадовский К.М. 238
Азарх-Грановская А.В. 342
Айналов Д.В. 74, 88, 97, 114, 115, 128
Айхенвальд (*Каменецкий) Ю.И.
514, 567, 568
Аксаков И.С. 135
Аксаков К.С. 135
Аксенов И.А. 326
*Алданов (Ландау) М.А. 398, 414, 419
Алейников М.Н. 321, 373
Александр II, имп. 141, 151, 657
Александр Македонский 43
Александров А.В. 171
Александров В.А. 153-231
*Александров (Мормоненко) Г.В. 334,
347, 352, 354, 360, 372-375, 377,
380
Алексеев М.В. 49, 50, 54, 70, 139, 496
Алексеев М.П. 75, 81
Алексеев Н.Н. 370
Алексей, бакинский бандит 25-27
- Али ибн Абу Талиб, халиф 56
Алланди Р. 385
Аллен Л. 418
Алленби Э.Г.Х., генерал 70
Аллой В.Е. 422
Алферов А.В. 401
Альберти К. 240
Альтман (урожд. Щеголева) И.В. 627,
628
Альтман Н.И. 512, 516, 617, 627,
628
Альтманы, семья 627
Амдурский И. 32, 63
Амдурский Й. 63
Амфитеатров А.В. 111, 151
Амфитеатров-Кадашев В.А. 535
Анастасий, митр. (Грибановский)
585, 589
*Ангарский (Клестов) Н.С. 556, 557,
561, 573
Ангелов Б. 239, 245
Андерсен Х.-К. 31
Андерсон С. 643, 646
Анджелико Фра Джованни да Фьезоле
257
Андреев И.Д. 142
Андреев Л.Н. 91, 118, 663
Андреев Н.Е. 135
Андреева М.Ф. 319, 320, 324, 338, 339
Андреева-Бальмонт Е.А. 243, 249,
274
Андреевский С.А. 660
Андрейчин И. 237
Андрич Н. 247
Андроников, врач 41
Анисимов (Нисим-оглы) И.Ш. 21, 58,
59
Анисимова (урожд. Вейншал) М.Ш.
16, 21
Анисфельд Б.И. (Б.С.) 227, 230

Курсивом выделены страницы, где данное лицо выступает публикатором или автором текста (кроме авторов писем). Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Аничков Е.В. 445
 Анненков Ю.П. (*Б.Темирязов) 433, 434, 512, 567, 617-628, 631
 Анненкова (урожд. Мотылева) В.И. 621, 628
 Анненкова Е.Б. 625, 627, 628
 Анненкова З.А. 626
 Анненкова З.П. 625
 Анненский И.Ф. 76, 80
 *Антонович Г. (Козловский Н.А.) 338
 Анфертьев А.Н. 114
 Анчутина Л.Я. 228, 231
 Апушкин, полковник 101, 102, 140
 Аранович Д.М. 325
 *Ардов (Зильберман) В.Е. 620
 Ардов М.В. 624, 625
 Арендс А.(Г.) Ф. 222, 229
 Аренский А.С. 164, 166, 175, 227, 643
 *Аренский (Аренсбургер) К.Е. 335, 346, 633
 Аристов Д.И. 176
 Арлозоров Х. (В.) 10
 Арнаудов М. 239, 245, 303
 Арнштам А.М. 338
 Аронсон, сестры 34
 Аросов А.Я. 556-558, 561, 562, 577, 578
 Архипенко А.П. 516
 Асафьев Б.В. 154
 Асеев Б.Н. 78
 Асеев Н.Н. 549, 550
 Астафьева С.А. 231
 Атлас Д.Г. 123, 124
 Атташева (Фогельман) П.М. 335, 360, 371, 372, 376
 Ауэр М.С. 631, 642, 643
 Афанасьев Г.Е. 100-105, 108, 138
 Афонский Н.П. 176, 180, 590, 591, 594
 *Ахад-ха-Ам (Гинцберг А.Г.) 67
 *Ахматова (урожд. Горенко) А.А. 534, 541, 560, 573, 624, 625, 627, 661
 Ашенбреннер М. фон 598
 *Ашмарин (Ахрамович) В.Ф. 321
 Аштон Ф. 231
 Бабель И.Э. 535, 617, 618, 621, 622, 624-627
 Бабореко А.К. 122
 Багряна Е. 239, 241
 Бадьян Я. 367
 Бажанов Б.С. 365, 379, 389
 Базилевский И.К. 155
 Базили Н.А. 489
 *Байер И. см. Вейншал Я.В.
 Байкалов А.В. 364, 365
 Байрон Д.Н.Г. 659
 Баки Р. 66
 Бакланова О.В. 631, 636
 *Бакст (Розенберг) Л.С. 227, 229, 230, 276
 Бакунина-Новоселова Е.В. 393, 400-404, 410, 428
 Балабанов А. 237, 239, 303
 Балабанов Н.М., актер 235, 239
 Балабанов Н.М., писатель 235
 Балабанов Н.Т. 235, 236, 239-243, 245, 246, 248-251, 261, 262, 269, 271, 273, 276-278, 280, 282-285, 287, 289-295, 297, 304, 312
 Балабанова К. 273, 274
 Балабановы, семья 303
 Балакирев М.А. 159
 *Баланчин Дж. (Баланчивадзе Г.М.) 198, 228, 230
 Балаш Б. 339, 356
 Балиев Н.Ф. 355
 Балтрушайтис Ю.К. 266
 Бальмонт К.Д. 81, 215, 235-239, 241-256, 258-314, 660, 664
 Бальмонт М.К. 269
 Бальмонт Н.К. 274
 Бальо Л. 240
 Бальфур А. 69
 Барановская В.В. 343, 361, 368
 Баратынский Е.А. 266
 Бараш М. 668, 669
 Барбиолли Дж. 173
 Бардия, царь 69
 Барк П.Л. 488
 Бармас И. 299-301
 Барнай Л. 643, 646
 Барская М.Ф. 626
 Барский Л. 664
 Барский В.Ф. 338
 Барсов Н. 317
 Барстов, сотр. берлинских киностудий 338
 Барсуков Н.П. 82
 Басс И.М. 516, 562, 563, 571
 Бассальго Д.Н. 323
 Баттистини М. 643, 646
 Баух Е. 11

- Бах А.Н. 516
Бах И.С. 301
Бахметев Б.А. 462, 465, 467, 473, 475, 476, 483-485, 491-493, 495-498, 606, 607
Бахрах А.В. 423, 518
Башмаков Н. 670
Бейлис Л.М. 230
Бекетов А.Н. 144
Бек-Назаров А. 323
Беленсон А.Э. 619
Белицкий Е.Я. 555, 556
Белкинд И. 27, 54, 59
Белли А. 345
Белова А. 575
Белосельская-Булгакова (урожд. Белосельская-Белозерская) Л.Е. 319
Белоусов В.Г. 535
Белчев М. 239
*Белый А. (Бугаев Б.Н.) 266, 328, 422, 423, 433, 434, 514, 530, 533, 534, 540-542, 547, 550, 552, 553, 555, 559, 560, 582, 619, 660, 664
Беляев М.П. 172, 173, 176, 181
Беляев Н.Т. 470
Бем А.Л. 392, 393, 427-456
Бен Цви (Шимшелевич) И. 39, 68
Бен-Ави И. 62
Бенешевич (урожд. Зелинская) А.Ф. 81
Бенешевич В.Н. 81-84
Бенешевич Д.Н. 81
Бен-Иехуда Э. 61
Бенкендорф (урожд. Закревская, в 1-м браке Будберг) М.И. 625, 649, 652
Бенуа А.Н. 96, 130, 135, 198, 230, 325
Беньямин В. 366
Бен-Эзер Э. 63
Беранже П.Ж. 422
Берберова Н.Н. 393-397, 408, 410-412, 421, 443, 548, 550, 551, 592, 647-650, 652
Бергер М. 337
Бердяев Н.А. 405, 426
Берка, знакомый Я.Вейншала 15, 16
Бернацкий М.В. 464, 465, 472-476, 478, 480, 485, 486, 489-491, 494, 497, 498, 504
Бернштейн Э. 71
Бертенсон (урожд. Скальковская) А.А. 633-636, 642, 643, 646
Бертенсон Л.Б. 633, 635, 642, 643
Бертенсон М.Л. 633, 635
Бертенсон С.Л. 335, 336, 346, 351, 629-645
Бертге-Делагард А.Л. 81, 91, 119
Беседовский Г.З. 352, 362-364, 366, 370, 380
Бессараб М. 56
*Бессонов С. см. Бертенсон С.Л.
Бестужев-Рюмин К.Н. 113, 125, 144
Бетеа Д. 411
Бешков И. 239
Бжезина О. 309, 314
Бизе Ж. 205
Билибин И.Я. 140, 630
Билимович А.Д. 85, 91, 97, 108, 120, 123
Билимович Е.А. 91, 97, 120
Бинецкий А. 271
Бирюков, генерал 124
Бицилли П.М. 123, 278
Блаватская Е.П. 659
Блажевич О.М. 325
Блиох Я.М. 323
Блок А.А. 266, 450, 619, 663, 669
Блюм А.В. 647
Блюм Р. 230
Бобринский А.А., гр. 99, 136
Бобчев Н.С. 244, 278
Бобчев С.С. 244, 250, 264, 278, 309, 314
Бобаевский П.М. 244, 278
Богданова-Бельская П.О. 629
Богданович П.Н. 594
Богданян, полковник 41
Богомолов Н.А. 393, 658, 659, 669, 670
Богословский А.Н. 648
Бодлер Ш. 163, 171, 310, 660
Божерянов А.И. 530
Бойкинов Д. 247
Бойто А. 218
Болдырев Д.В. 316, 317
Болеславский Р.В. 630, 642
Большаков С.Т. 132
Большаков Т.Ф. 98, 132
Бомарше П.О.К. де 632, 645
Бонгард-Левин Г.М. 117, 602
Бонев Г.Х. 236
Бонч-Бруевич М.А. 573
*Бор, журналист 343
Борева Хр. 239

- Борин Х.Ц. 236
 Борис I, болг. кн. 290
 Борис III, царь 240
 Бородин А.П. 159, 165, 174, 213, 228, 643
 Бортневский В.Г. 140
 Боссар, издатель 148
 Ботев Х. 245, 283
 *Боттичелли С. (Филиппи А.) 257
 Бояджиев А. 296, 302, 303
 Бражникова Е.К. 505, 506
 Бразицов Х. 241, 256
 Бранд В.В. 427
 Брауде И.Г. 667
 Браун Ф.А. 142
 Бредиус-Субботина О.А. 602
 Бриан А. 486, 490
 Брик Л.Ю. 519
 Брикнер А.Г. 138
 Бриннер Ю.Б. 370, 631
 Бродский Б.Я. 365
 Бродянский Б. 361
 Брук-Шеферд Г. 362
 Брюллов К.П. 96
 Брюсов В.Я. 238, 266, 433, 514, 660, 664, 665, 669
 Будберг М. см. Бенкендорф М.И.
 Будде, знакомый Н.П.Кондакова 113
 Будевская А. 250
 Будницкий О.В. 457-508
 Бузескул Б.П. 79
 Булгаков М.А. 406
 Булгаков С.Н. 405
 Булгакова О. 335
 Булич В.С. 665, 666
 Бунаков-Фондаминский И.И. 405, 414
 Бунин И.А. 11, 56, 61, 63, 81, 86, 87, 100, 108-112, 121, 139, 147-152, 176, 276, 312, 394, 412, 433, 439, 456
 Бунина (урожд. Муромцева) В.Н. 61, 86, 109, 111, 139, 148-150, 152, 625
 Бунины, семья 86, 149, 152
 Бунюэль Л. 387
 Бургасов Ф.И. 369
 Бурлюк Д. (*Бука) 322
 Бурнакин А. 612
 Бурсак И. 323
 Бурская И.И. 202, 203, 205
 Бурцев В.Л. 438, 440
 Бурыйшкин П.А. 463-465, 467, 471, 474
 Буслаев Ф.И. 73, 85, 96, 127
 Бутс У. 161
 *Бутцева (Бут) Х. 202, 205
 Бухарин Н.И. 511, 512, 531, 533
 Буюклиева Н. 276, 294
 Бэринг братья, банкиры 467, 468, 470, 471, 482
 Бялик Х.-Н. 37, 48, 553, 554
 Вазов И.М. 237, 245, 247, 250, 251, 258, 267, 283
 Вайан-Кутюрье П. 625
 Вайсберг А. 57
 Вайсберг Е. 57
 Вайсенберг Л.М. 56
 Вайцман Х. 9
 Вакар Н.П. 363, 371
 Валери П. 424
 Валленштейн А., герцог 59
 *Валуа Н. де (Станнус И.) 230
 Валь Ш. бен И. 24, 59
 Ванновский П.С. 106, 146
 Варламов А.Е. 643
 Варнеке (урожд. Матросова) Е.С. 80
 Варнеке А.Б. 94, 95, 125
 Варнеке Б.В. 72, 75-87, 88-112, 113, 114, 117, 119, 123
 Варнике, хозяйка квартиры 75
 Варшавский В.С. 410, 413, 425, 456
 Василев В. 237, 256, 257
 Василев Г. 294
 Василев Н. 281
 Василевский (*Не-Буква) И.М. 319, 550-553
 Васильев А.А. 91, 117, 118
 Васильев А.В. 564
 Васильев Л.С. 172
 Васильева М. 563-565
 Васильевский В.Г. 117
 Васнецов В.М. 454
 Ватев С. 294
 Введенский А.И. 106, 142, 143
 Вебер К. фон 229
 Вейдле В.В. (*Дашков Н., *Лейс Д.) 411, 425, 451
 Вейдт К. 319
 Вейк Н. ван 602
 Вейнер П.П. 637
 Вейншал (урожд. Ландау) К.Л. (А.) 7, 12, 14-17, 19-21, 25, 29
 Вейншал (урожд. Сельвинская) Э. 10
 Вейншал А.В. 7, 8, 12, 16, 29-32, 35, 39, 55, 57, 60

- Вейншал А.Ш. 16
Вейншал А.-Ш. см. Вейншал Ш.(С.)
Вейншал В. (З.Б.-Ц.) Ш. 7, 9, 12, 13-15, 16, 20-22, 24, 26-29, 31, 32, 35, 54, 55
Вейншал З. 55
Вейншал К.Ш. 16
Вейншал Н.Ш. 16, 20, 21, 26, 27
Вейншал Р.В. 21
Вейншал Ц. 21
Вейншал Ц.Ш. 21
Вейншал Ш. (С.) 15, 16, 21, 24, 56
Вейншал Э.В. 9, 16, 29-31, 35, 39
Вейншал Я.В. 7-12, 12-54, 54-71
Величков А. 289, 291, 294
Величков К. 237
Венгеров В.Г. 342
Венгеров С.А. 657, 669
*Венский Е. (Пяткин Е.О.) 140
Вербицкая А.А. 574, 575
Вербовский Н. 343
Верди Дж. 229
*Вересаев (Смидович) В.В. 564
Верещагин В.А. 637
Верлен П. 256, 660
Вернадский Г.В. 74, 214
Вернейль Л. 645
Вертинский А.Н. 160, 197, 632
*Вертов Д. 354, 355
Верхарн Э. 256
Верховский Ю.Н. 540, 541
Верцинская Э.А. 633, 642
Веселаго М.Г. 495
Веселовский А.Н. 105, 142
Вивьен Л.С. 135
Вигилий, Папа Римский 122
Вилье М.Я. 129
Вильсон Т.В. 479
Вильямс Г.В. 140
Виноградов П.Г. 152
Вирен А.Р. 603
Висковский В. 321, 322
Витковский Е.В. 667
Витт М.А. 337
Виттакер Р. 584-613
Вишневская Г.П. 204
Вишняк А.Г. 543, 547
Владигеров А. 239
Владигеров П. 239
Владимир Александрович, вел. кн. 103, 141
Влайков Т. 294
Власов А.А. 592
Воинов Вс. В. 325
Воинов И.В. 662
Волинин А.Е. 205
Волков А.А. 337-341
Волковский Н.М. (*Юрьев К.) 357, 358, 365
Волконская (урожд. Рахманинова) И.С. 218
Волконский А.М., кн. 125
Волконский П.Г. 216, 218
Волконский С.М., кн. 356, 369
Вологодский П.В. 458
Волошин А.А. (*Негритос, *А.Скиф) 637, 638, 641, 642
Волошин Г. 296
Волошин М.А. 9, 152, 266, 511, 514, 516-519, 522, 549, 563, 565-567, 576, 577, 631
Волынский (Флексер) А.Л. 242
Вольский А. 535
*Вольтер (Аруз М.Ф.) 543
Вольфсон Д. 38, 67, 68
Воронский А.К. 557, 560, 561
Воронцов М.С., гр. 112
Врангель М.Д. бар. 629, 630, 633-642
Врангель Н.Н., бар. 629, 634, 635
Врангель П.Н., бар. 338, 341, 462, 471-476, 479, 481-486, 490-492, 499, 500, 629, 641
Вранчев Н. 245
Врубель М.А. 454
Врхлицкий Я. 238, 245, 297, 309, 314
Вуйциковский Л. 230
Вургафт С.Г. 215
Вышеславцев Б.П. 405
Вышинский А.Я. 20, 21, 58
Вышинский Н.Я. 58
Габе Д.П. 239, 241, 242, 310, 314
Гагарин И.С. 434, 435
Гайдай Е. 324
Гайдаров В.Г. 337, 341
Галле Л. 218
Гальперин И. 11, 31, 62
Гальперин М. 31, 61
Гальперины, семья 37
Гальцеви да Хайа Ж. 57
Гамсун К. 37
Ганзбург Г.И. 155
Ганс А. 389

- Ганчев Б. 276
 Гардин В.Р. 323
 Гарднер В.Д. см. Пайва-Перера
 Гарднер де В.Д.
 Гарибальди, переводчик 569
 Гарфилд Б. 460
 Гаспаров М.Л. 668
 Гатти-Казацца Дж. 217, 218
 Гаугер Б.В. 503
 Гегель Г.В.Ф. 353
 Гедройц, генерал 661
 Гейне Г. 574, 575
 Генадиев П. 237
 Георгиев К.Г. 274-276, 297-299
 Георгиева С. 276
 Георгиевский В.Т. 74
 Георгиевы, семья 303
 Герасимова Е. 160
 Гереб А. 372
 Гермониус Э.К. 469
 Гернле Э. 317
 Гёрс К.К. 96
 Герцен А.И. 111, 151, 448
 Герцль Г. 10
 Герцль Т. 9, 10, 14, 27, 28, 31, 55, 60,
 67, 68
 Герцфельд С.А. 71
 Гершензон М.О. 447, 448
 Герье В.И. 106, 121, 144, 145
 Гесиод 289
 Гессен И.В. 140, 362, 363, 380, 532, 533
 Гест М. 188, 189, 644, 646
 Гибер Г.В. 340
 Гилельс Э.Г. 204
 Гиляров-Платонов Н.П. 99, 135
 Гимншвили (Саджая, *Каменченко),
 руководитель одесской ЧК 125
 Гинзбург Д.Г. 59
 Гинзбург Е.С. 653
 Гинс Г.К. 477
 Гиппиус З.Н. 392-399, 404, 412, 419,
 429, 433, 437, 592, 648, 650
 Гира Л. 247
 Гирс М.Н. 471, 481, 482, 488, 490-492,
 494, 497-499, 501-503
 *Гитлер (Шикльгрубер) А. 512, 592
 Гитри Л. 643, 646
 Гичев Д. 296
 Глаголин Б. 367
 Глазунов А.К. 155-161, 164, 174, 195,
 197, 199, 227, 643
 Глазунов И.И. 161
 Глазунова (урожд. Герасимова) О.Н.
 159, 160
 Глазуновы, род 160, 161
 Глебов К. 294, 303
 Глебов-Путиловский Н.Н. 317
 Глинка М.И. 164, 165, 168, 175,
 227
 Глиэр Р.М. 170, 184-186
 Гнедич Н.И. 659
 Гнедич П.П. 81
 Гнесина Е.Ф. 170, 184, 185
 Гoble А. 572, 573
 Гоголь Н.В. 172, 645
 Годар Ж. 240
 Гойя Ф.Х. 662
 Голдвин С. 631
 Головин Ф.А. 643, 646
 Головина (урожд. Штейгер) А.С. 428,
 435, 436, 442, 444, 446-449, 453
 Голохвастов Г.В. 198
 Гольшев И.А. 98, 131
 Гольверк, знакомый С.М.Эйзенштейна
 371
 Гольдберг, представитель «Совкино»
 373
 Гольдони К. 139
 Гольдштейн Л.Н. 364
 Гомолицкий Л.Н. 450
 Гончарова Г. 231
 Гоппе братья, банкиры 468
 Горгулов П.Т. (*Бред П.) 416
 Горлин М.Г. 442
 Горлина Р.Н. 442
 Горнфельд А.Г. 538
 Городецкая Н.Д. 425
 Городецкий С.М. 266, 664, 669
 *Горький М. (Пешков А.М.) 152, 162,
 199, 305, 320, 518, 542, 560, 620, 652
 Гофман М.Л. 438-440
 Гохман Ш. 89, 90
 Грабар А.Н. 74, 123
 Грабарь (урожд. Мещерская) В.М. 78,
 161
 Грабарь И.Э. 78, 161
 Грановский (Азарх) А.М. 341, 343
 Грановский Т.Н. 134
 Гранский Л.М. 338
 Гребенщиков Г.Д. 155, 212, 214, 215
 Гребенщикова Т.Д. 212
 Гребнер Г.Э. 342, 344

- Гревс И.М. 142
Грегор Й. 240
Грегуар А. 276
Гречанинов А.Т. 155, 156, 161-186,
197, 209, 214
Гречанинова (урожд. Рерберг) В.И.
173, 176
Гречанинова М.Г. 166, 175, 177, 178,
182, 185
Гржебин З.И. 134, 540, 541
Гржимали И.В. 301
Грибенчикова О.А. 465
Григорович Д.В. 643
Григорьев Б.Д. 193, 199
Григорьев Н.А. 121
Гриз О. 418
Грико Т.И. 601
Гримм В. 31
Гримм Э.Д. 140
Гримм Я. 31
Грин М.Э. 86, 148, 152
Гриффит Д.У. 316-318
Грозев И. 258, 268
Гроссман В.С. 519, 534
Грот Н.Я. 242
Грубешлиева М. 239
Грэй Л. 318
Губер П.К. 524, 538
Губкин А. 469, 470
Гукасов А.О. 489
Гуль Р.Б. 197
Гумилев Н.С. 560, 619, 661, 664,
668-670
Гусев-Оренбургский С.И. 155
Гутман Б.Ц. см. *С.*Бен-Цион
Гутман Н. 63
Гутхейль А.Г. 168, 172, 173, 179,
181
Гучков А.И. 47, 48, 70
Гюго В. 29
Даватц В.Х. 484, 486
Давид И. 12, 55
Давыдов А. 364
*Давыдов В.Н. (Горелов И.Н.) 99, 135,
643
Давыдов К.Ю. 643
Давыдов С. 418
Даманская А.Ф. 394, 412
Дамиани Э. 240, 251
Дандова М. 85
Дандре (Д'Андре) В.Э. 203, 205
Данев С. 278
Данчов И.Г. 239, 251
Данчов Н.Г. 239, 251
Дарий I, царь 44, 69
Дарий III Кодоман, царь 69
Дарья Степановна, бабушка
Л.Я.Нелидовой-Фивейской 153
Даттон Ю.П. 593, 600, 602, 608
Дашевский П. 34, 65
Дебелянов Д. 251, 258, 268
Дегаев С.П. 198
Декарт 311
Делянов И.И., гр. 105, 142, 143
Демидов А.Н. 133
Деникин А.И. 74, 86, 98, 101, 102,
128, 130, 138-140, 338, 341, 466, 468-
473, 475, 479, 484, 495
Деникина К.В. 462, 585
Денисов Н.Х. 489
Дент, издатель 608
Державин Г.Р. 394
Дерюжинский Г.В. 178, 181
Деспотули В.М. 365
Джеров Н.Г. 298
Джойс Дж. 328, 376
Дзержинский Ф.Э. 324, 332, 382
Дзивгов Г.-А. 239, 241, 275, 276, 306,
307, 313
Дзивгов К.-А. 238, 249, 251, 252, 303,
306, 307
Дизенгоф М. 31, 62
Дизенгоф Ц.Х. 31, 62, 63
Диккенс Ч. 29, 37, 555, 563
Димитров Е. 236
Димитрова С. 262, 265
Димитрова Т. 258
Дирксен, фон, немецкий посол 353
Дложевский С.С. 82
Дмитриев В.И. 496
Дмитриевский С.В. 364
Доброклонская М.Г. 123
Доброклонский А.П. 92, 93, 99, 122,
123
Добролюбский А.К. 78
Добролюбский К.П. 78
Добужинский М.В. 181, 199, 230, 633,
635, 643
Довгалевский В.С. 362, 382-384
*Доливо К. см. Пайва-Перера Гарднер
де Е.И.
*Долин А. (Хилли-Кей С.Ф.П.Ч.) 205

- Долинин А.А. 418, 419, 429
 *Дон-Аминадо (Шполянский) А.П. 324
 Дон Педро, лейб-медик 657
 Дондуков-Корсаков М.А. 439, 440
 Донска Д. 235
 Дончев Н. 238, 247, 256, 257, 294
 *Доронин (Фюрст) М.И. 323
 Дорошевич В.М. 64
 Дорошенко Д.И. 93, 124
 Дорошенко М. 124
 Дорошенко (урожд. Маркевич) М.П. 93, 124
 Дорошенко П.Я. 82, 93, 94, 124, 125
 Достоевский Ф.М. 135, 199, 216, 238, 311, 427, 432, 433, 438, 441, 442, 446, 448-451, 453, 643
 Дрейер К.Т. 338
 Дрепер Д.В. 657
 Дризен Н.В. 637, 638
 Дринов М. 256
 Дроздов А.М. 140
 *Другов Ф. 366
 Дуайен, врач 622, 628
 Дубнов С.(Ш.)М. 19, 58
 Дубровин А.И. 35, 66
 Дубровин Й. 35, 65
 Дубсон М.И. 362
 Дувакин В.Д. 342
 Дуван С.С. 592, 593
 Дуваржогло, фабрикант 89, 90, 117
 Дузэ Э. 643, 646
 Думер П. 416
 Дункан А. 534, 535
 Духонин Н.Н. 49, 70
 Дыхов И. 657
 Дьяконова Е.Л. 238
 Дэвис Р. 457
 Дэниэльсон Е. 457
 Дэрен Ж. 389
 Дюлак Ж. 373
 Дюма А. 29
 Дягилев С.П. 188, 189, 198, 203, 205, 213, 218, 228-230
 Евангулов Г.С. 393, 414-418
 Евдокимов С.В. 592, 593
 Евреинов А.В. 274
 Евреинов В.А. 274
 Евреинов Н.Н. 198, 631
 Евреинова (урожд. Сабашникова) А.В. 273, 274, 308, 313
 Евреинова А.М. 274
 Евтимова Р. 263
 Еглевский (Эглевский) А. 228, 230, 231
 Егорова Л.Н. 230
 Езих Й. 240
 Ерихонов Л. 263
 Ермолаев С.П. 498
 Ермольев И.Н. 321, 637
 Ернштедт В.К. 142
 Ерофеев В.А. 325
 Есенин С.А. 534, 535, 560
 Есипова А.Н. 643
 Ефименко (урожд. Ставровская) А.Я. 106, 144
 Ефименко П.С. 144
 Ефрон С.А. 521
 Жаботинский В.Е. 9-11, 67
 Жамм Ф. 517
 Жантийом-Кутырин И. 597, 601
 Жаров С.А. 198
 Жданов А.А. 624
 Жданов В.А. 175
 Жебелёв С.А. 74, 79, 82, 88, 96, 115, 116, 118, 127, 128, 130, 141, 142
 Желябужский Ю.А. 319
 Жерве А.-А. 103, 140
 Жеребков Ю.С. 589, 594, 601, 602
 Жид А. 410, 425
 Жинзифов Р. 281
 Жуковский В.А. 556
 Забелин И.Е. 98, 134
 Забродин В.В. 327
 Загорчинов С.П. 282
 Заградникова М. 85
 Задражилова М. 428, 430
 Заимов С.С. 250, 252, 253, 271-274, 277, 298, 301, 307, 309, 313, 314
 Зайцев Б.К. 148, 412, 439
 Залманов А.С. 447
 Залшупин А.С. 488
 Замен Е.К., фон 460, 463-471, 473, 474, 480-482
 Заменгоф (Заменхоф) Л.Л. 24, 59
 Замковой Л.С. 318
 Замятин Е.И. 360, 512, 533, 536, 537, 560, 561, 621
 Зангвилл И. 68
 Зандерлинг К. 179, 181
 Зароченцев М.Т. 638
 Зархи Н.А. 361, 362
 Захаров Б. (В.) 376

- Званцова Е.Н. 230
Зверев А.М. 632
Зданевич И.М. (*Ильязд) 415
Зеелер В.Ф. 410, 417, 585
Зеленый, атаман 619
Зелинский И.П. 78
Зелинский Ф.Ф. 76, 77, 81
Зилоти А.И. 155, 156, 191, 192, 196,
206, 209-211
Зилоти (урожд. Третьякова) В.П. 209-
211
Зилоти (урожд. Рахманинова) Ю.А.
210
Зимин С.И. 172, 197, 229
*Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 129,
511, 569
Зипперстайн С. 67
Зискинд А.В. 573, 573
Златарский В.Н. 149, 239, 242, 244,
278
Златин М. 239, 241
Золотницкий Д.И. 618
Золя Э. 29
Зоргенфрей В.А. 530, 539-542
Зорина А.А. 337
*Зорич А. (Локоть В.Т.) 323
Зошенко М.М. 620
Зубов В.П., гр. 579
Зубов К.А. 135
Зув В.Ю. 118
Зыкова Е. 638
Ибрагимов О. 324
Иван Рильский, св. 290, 307, 313
Иванникова Л. 413
Иванов А.С. 624
Иванов В. 239, 303
Иванов Вс. В. 560, 620, 621, 623
Иванов Вяч. И. 266, 512, 658-660,
664, 669
Иванов Г.В. 394, 398, 399, 419, 428,
448, 450, 456, 539-541, 551
Иванов Й. 290
*Иванов-Разумник (Иванов) Р.В. 592
Иванова А. 638
Иванова В.В. 315
Ивановский А.В. 319, 323, 340
Иваск Ю.П. 417, 419, 430, 431
Ивэнс, директор кинокомпании 345
Игнатьев В. 239
Игнатьев П.Н., гр. 106, 146
Игов С. 256
Иеремия, пророк 110, 149
Издебская Г. 533, 535
Иллич Д. 575
Ильин И.А. 585, 587, 593
*Ильф (Файнзильберг) И.А. 326, 623,
631
Имбер Н.Х. 59
Инбер В.М. 516, 519, 553, 554, 622
Инкижинов В.И. 323, 367-370
Иоахим Й. 301
*Ионов (Бернштейн) И.И. 569, 571,
577, 578, 580, 581
Иосиф Флавий 24
Ипатьев В.Н. 606, 607
Ипполитов С.С. 465
*Ипполитов-Иванов (Иванов) М.М.
222, 223, 229
Истрин В.М. 137
Йорданова З. 276, 294
Йоцов Б. 294, 303
Кавальканти А. 355
*Каверин (Зильбер) В.А. 580, 581
Каган Е.Г. 557, 559
Каган Ш. 55
Кадийски К. 288
Кадлубовский А.П. 142
Казакевич Э.Г. 624
Казанджиев С. 237
Казас С.М. 592, 593
Казем-Бек А.Л. 171
Калитинский А.П. 74
Кальварийская Хермона М. 35
Кальварийская Я. М. 35
Кальварийский Хаим М. 35, 66
Кальдерон де ла Барка П. 266
Камбис, царь 69
Камбуров С. 246
*Каменев (Розенфельд) Л.Б. 459, 511,
557, 586, 609
Каменец Б.А. 61
Каменец Э. 61
Каменецкий И.С. 142
Кампичини, адвокат 389
Камышников Л.М. 199
Каназирска М. 235-314
Кантор М.Л. 426, 429, 667
Каплун (*Сумский) С.Г. 518
Капчинский М.Я. 323
Каранов Е. 281
Карановский И. 247, 258, 268
Караулов М.А. 51, 71

- Карелли Э. 218
 Карима А. 239
 Карлинский С. 651
 Карнеги Э. 171
 Карпович М.М. 392, 393, 404-409,
 418, 420, 423
 Карпович Т.Н. 408
 Карская И.Г. 651
 Карташев А.В. 152
 Карузо Э. 218
 Карышковский П.О. 75
 Каспрович Я. 238, 241, 245, 309, 314
 Катаев В.П. 406, 623
 Катенин П.А. 632, 645
 Каутский К. 36
 Кац М. 64
 Каценеленбоген А. бен С. 24, 59
 Каценельсон Л. 59
 Кашкин Н.Д. 174
 Каштелян М. 324
 Кашук М.Э. 178, 180, 181
 Кедров К.В. 75
 Кедров К.Н. 156, 162
 Кедров Н.Н. 156, 162
 Кедрова (урожд. Гладкая) С.Н. 162
 Кельберин Л.И. 443
 Кельсиев В.И. 111, 151
 Кент Р. 213
 Керенский А.Ф. 8, 48, 51, 52, 71, 119,
 477
 Кертес Л.Ю. 353
 Кестлер А. 19, 57
 Кибальчич В.Ф. 156, 161
 Кизеветтер А.А. 278
 *Кики (Прен А.-Э.) 572, 573
 Кинский Л. 631
 Кипен А.А. 147
 Киплинг Дж. Р. 598, 600, 602, 608
 Кириенко-Волошина Е.О. 564
 Кириллов И. 294
 Киселев А.П. 353
 Кишенский Д.П. 122
 Кишиневский (Кишони) И. 50, 52, 54,
 70
 Клаузнер И.Л. 67
 Клейнершехет И. 664, 669
 Клименко Н.К. 100-102, 109, 110, 138
 Климова Н.С. 651, 653
 Клиндворт К. 274
 Клюев Н.А. 199, 560
 Ключевский В.О. 76, 105, 121, 141
 Книппер-Чехова О.Л. 341, 633
 *Кнут Д. (Фиксман Д.М.) 11, 56, 415,
 453, 454
 Княжевич Н.А. 592, 593
 Князев В.В. 558, 559
 Коваль-Самборский И.И. 343, 361
 Коган Л.Б. 204
 Коева М. 258
 Кожебаткин А.М. 659
 Козинцев Г.М. 517, 521, 522, 582, 583
 Козинцева-Эренбург Л.М. 512, 519,
 520-522, 524, 530-533, 538, 546, 548,
 561-563, 566, 568, 570, 572, 574-577,
 579, 582, 583
 Козлова А. 602
 Койранский А.А. 107, 146, 516
 Кокто Ж. 389
 Колеров М.А. 152
 Колин Н.Ф. 324, 338, 341
 Колчак А.В. 86, 458, 459, 461, 465,
 466, 473, 475, 477, 479, 484, 496
 Колчак С.Ф. 496, 497
 *Кольцов (Фридрих) М.Е. 619
 Комиссаржевская В.Ф. 135, 138, 198
 Комиссаржевский Ф.Ф. 198
 Кондаков М.П. 115
 Кондаков Н.П. 72-74, 76, 81-100, 102-
 120, 122-124, 126-130, 134, 135, 141,
 144, 145, 147-152
 Кондаков П.Н. 115, 128
 Кондаков С.Н. 127, 128
 Кондакова (урожд. Гилярова) В.А.
 135, 152
 Кондратьев А.А. 64
 Кони А.Ф. 609, 612
 Константин Константинович, вел. кн.
 276
 Константинов К. 258, 268
 Константиновский В. 556, 557
 Конце А. 95, 125, 126
 Конюс Г.Э. 209
 Конюс Л.Э. 206, 209
 Конюс Э.К. 209
 Коонен А.Г. 558-560
 Копецкая Л. 85
 Корецкая И.В. 668
 Корнилов Л.Г. 139, 495, 496
 Короленко В.Г. 252
 Корпусова И.В. 82
 Корш Ф.Е. 76
 Костоломов М. 670

- Котляревский Н.А. 276
Котрелев Н.В. 669
Кочетов Н.Р. 176
Кочубинский А.А. 113
Кошец см. *Кошиц (Порай-Кошиц) Н.П.
Кошиц А.А. 197
*Кошиц (Порай-Кошиц) Н.П. 171, 191, 192, 196, 197
Кравченко Г.С. 332, 333
Крайнев Д.К. 123
*Крайний А. см. Гиппиус З.Н.
Красин Л.Б. 321, 459, 488, 578
Красински С. 239
Краснов П.Н. 119
Крейд В.П. 667, 670
Крейман Ф.И. 75
Крейслер Ф. 205
Кремен М. 258, 268
Кресин М.Л. 323
Крживицкий, дипломат 460
Кривошеин А.В. 482, 485
Крит В.А. 162
Крит Е.Ф. 162
Кропоткин П.А. 36, 402
*Кросс Ворд 380
Кругликова Е.С. 152
Крупенский В.Н. 480-482
Крупская Н.К. 533
Крутиков Б.М. 608, 611
Крученных А.Е. 623
Крушеван П.А. 35, 65
Крыжицкий К.Я. 643
Крюков-Ангарский Н.П. 370, 381
Кудашев, кн., посланник в Пекине 480
Кузмин М.А. 658
Кузмова-Зографова К. 256
Кузнецов А.И. 468-471
Кузнецова Г.Н. 394
Кузьмина-Караваева (урожд. Пилленко) Е.Ю. 511
Куинджи А.И. 213
Ку克林 Л. 624
Кулаев И.В. 593
Кулаковский Ю.А. 77, 90, 91, 117, 118
Кулешов Л.В. 323
Куломзина С.С. 607-613
Кульман Н.К. 248, 280, 296, 438-440
Кулер Ф. 29
Куприн А.И. 161, 276, 370, 433
Куприна К.А. 370
Купцова О.Н. 343
Купченко В.П. 522, 564, 631
Кусиков А.Б. 533, 534
Кускова Е.Д. 381, 414
Кустодиев Б.М. 199
Кутепов А.П. 380, 382, 387
Кутузов М.И. 213
Кутырина Ю.А. 587, 601, 604
Кучинская М. 657-670
Кушлина О.Б. 666, 667, 670
Кызласова И.Л. 73, 85, 126, 135
Кьяпп Ж. 386, 387
Кюи Ц.А. 168, 176, 177, 183, 643
Лавренев Б.А. 632
Лавров А. 199
Лавров А.В. 75, 78, 80
Лагерлёф С. 600, 602
Лагорио А. 331
Лагранж Й. 230
Ладинский А.П. 11, 343, 380, 390
Ладыженский Г.А. 129
Лазаров И. 294
Лазарова Е. 243
Лампель П.М. 362
Ламуш Л. 240, 241, 251
Ланг Ф. 319, 337, 382
Ландау (урожд. Гаркави) Л.В. 56
Ландау А. 19, 21, 24, 57
Ландау Д.Л. (А.) 16-20, 26, 30, 56
Ландау Е. 16
Ландау И. бен И. 57
Ландау И.-Э.Ш. 24, 59
Ландау Л.А. 25
Ландау Л.Д. 19, 56, 57
Ландау С.Д. 56
Ландау Ф. (Ц.) 14, 16, 24, 57
Ландау Я.А. 16, 25
Ландау-Дробанцева Н. 56
Лансере Е.Е. 140, 643
Ларин Н.П. 337-339
Латышев Н. 358
Лафит С. 651
Лебедев И.В. 631, 642
Лебедев Н.А. 317, 325
Левенсон А.Г. 526, 528, 536
Левина-Киреева М. 572
*Левинг (Завьялов-Гершанович) Ю. 67
Левинсон А.Я. 433
Левски В. 274
Ледницкий В.А. 448-452

- Леже Л. 251
 *Лежнев А. (Горелик А.З.) 575
 Лейг Ж. 485
 Лейда Дж. см. Leyda J.
 Лейкинд О.Л. 129
 Лемберг Э. 318
 *Ленин (Ульянов) В.И. 51, 110, 146,
 317, 332, 346, 407, 408, 511, 512,
 532, 533, 586, 609, 621, 627
 Леонардо да Винчи 311
 Леонидов В.В. 668, 670
 Леонов М. 123
 Лерер Р. 63
 Лермонтов М.Ю. 172, 258, 267, 311,
 428, 429, 443, 659, 665
 Лесков Н.С. 80, 643
 Лесли Г. 242
 Лесмян Б. 247
 Летов М. 236
 Лещинский О.М. 516
 Либерман Л.А. 321
 Либкин Г.И. 319
 Либкнехт К. 359
 Ливак Л. 391-456, 647-653
 Лившиц Б.К. 569, 570
 Лившиц Я.Б. 569, 574, 577-580
 Лидин В.Г. 555, 562
 Ликург 220
 *Лилиев Н. (Попиванов Н.М.) 236,
 237, 239, 245, 258, 268, 272, 283,
 284, 298, 305, 312
 Лимбах И.Ю. 624
 Линниченко А.М. 113
 Линниченко И.А. 85, 91, 93, 95, 116,
 118-124, 137
 Линский К. 199
 Лисенко Н.А. 337
 Лист Ф. 210, 274
 Листов В. 317
 Литаврина М. 630
 Литвак А. 338
 Лифарь С.М. 439, 440, 592
 Лихачев Н.П. 74
 Ллойд Джордж Д. 459
 Логунова Н. 638
 Лозинский Г.Л. 438-440
 Лозинский М.Л. 662, 664, 669
 Лозович, сов. чиновник 548, 549
 Ломакин И.С. 140
 Ломоносов М.В. 10
 Лондон К. 356
 Лопе де Вега 138
 Лосский Н.О. 405
 Луначарская-Розенель Н.А. 340, 341,
 344, 345, 348
 Луначарский А.В. 106, 320, 324, 339,
 341, 343-345, 347-351, 353, 361, 511,
 516
 Лунц Л.Н. 515, 531, 535, 556, 558,
 563, 564
 Лурье В.И. 518
 Лурье Р.Г. 517
 Лутохин Д.А. 541
 Лучанский П. 664
 Львов Г.Е., кн. 466, 467, 486, 490, 494
 Львов Л.И. 248
 Львов Н.Н. 484, 486
 Любимов Н.Н. 459
 Любич Э. 334, 345
 Людовик XIV, король 144
 Людовик XVI, король 535
 Людовик XVII, король 567, 568
 Люзинская, балерина 154
 Люксембург Р. 359
 Лядов А.К. 154, 164, 168, 174, 183,
 208, 209
 Лядов К.Н. 174
 Ляпунов Б.М. 92, 99, 113, 122
 Ляпчев А. 240
 Магомедова Д.М. 667, 670
 Мазини А. 643, 646
 Мазон А. 240, 241
 Майзель Э. 356
 Майков А.Н. 643, 659
 Маймонид М. (Моше бен Маймон)
 24, 59
 Майн Рид Т. 29
 Майский И.М. 565
 Маклаков В.А. 276, 463, 466, 467,
 475, 476, 480, 483-485, 491, 492,
 495-498, 502-507
 Маковицкий Д.П. 161
 Маковский В.Е. 643
 Маковский К.Е. 623, 643
 Маковский С.К. 130, 644, 646
 Мак-Орлан П. 575
 Малевич О.М. 450
 Маликов Н.П. 337, 340, 341
 Малина К. 303
 Малинов А. 296
 Малиновская В.С. 336, 349
 Малкин Ш. 35, 66

- Малларме С. 660
*Маллори Д. 350
Малмстад Дж. 419
Малоземова С.А. 643
*Мамин-Сибиряк (Мамин) Д.Н. 80
Мамонтов С.И. 181
Мамулян Р.З. 631, 642
Мандельштам А.Н. 502
Мандельштам Н.Я. 619, 620, 650
Мандельштам О.Э. 449, 451, 517, 619, 620
Мандельштам Ю.В. 452
Манн Т. 600, 602
Мантенья А. 96, 126
Маор И. 71
Маргулис М.С. 484-486
Марджанов (Марджанишвили) К.А. 218, 545
Маринская Р. 258
Маритен Ж. 425
Маркевич И.Б. 189
Марков С.Л. 496
Маркс А.Ф. 597, 601
Маркс К. 36, 353, 360, 389
Марку Барух И. 10
Марло К. 266
Маршаки, семья 519
Масс В.З. 625
Массне Ж. 218
Маяковские, семья 651
Маяковский В.В. 379, 415, 416, 431, 433, 434, 439, 533, 549, 550, 560, 627, 651
Мдивани Б. 47, 48, 70
Меир Г. 65
*Мей, журналист 361
Мейерхольд В.Э. 198, 199, 341, 343, 349, 355, 368, 559, 566, 567, 571, 572, 624
Мелиоранский Б.М. 142
Мельников Н.Г. 418
Мендель М. 61
Менжинский В.Р. 511
Ментор С. 643, 646
Мережковские, семья 398, 412, 649, 650
Мережковский Д.С. 396, 397, 426, 427, 432, 433, 437, 592, 648, 650, 660
Меркулов А.Н. 590, 595
Меркурьева В.А. 511
Метерлинк М. 172, 256
Метнер Н.К. 197
Метценауер М. 222, 229
Мечников И.И. 112, 152
Мечникова (урожд. Белокопытова) О.Н. 112, 152
Мещеряков Н.Л. 320
Мийе Г. 74, 276
Микеладзе Н.П. 23
Микеланджело Буонаротти 555
Милев Г. 257
Милетич Л. 149
Милисавлевич К.М. 82
Миллер В.Ф. 58
Миллер Е.К. 197, 481
Миллер К.К. 460, 463-465, 474, 475, 479-483, 493, 495-507
Милославская (по первому мужу Немирова) М.М. 570
Мильеран А. 577, 578
Мильстон (Майлстоун) Л. 376, 631, 632, 645
Милюков П.Н. 272, 365, 390, 439, 440, 444
Миннз Э. 74
Миркина-Гецевич (урожд. Полякова) Е.А. 147
Миркин-Гецевич Б.С. 107, 108, 147
Мирский Д. см. Святополк-Мирский Д.С.
Миславский В. 321
Митов Д.Б. 252, 253, 303
Михаеску В. 240
Михайлов И.А. 458, 477
Михайлов П. 245
Михельсон Е.К. 328
Михин Б.А. 323
Мицкевич А. 450
Мичурина-Самойлова В.А. 643
Мишле Ж. 86
Младенов С. 294
Млечин Л.М. 197
Мнухин Л.А. 323
Мовшенсон А.Г. 571
Мозжухин И.И. 337, 338, 340, 341, 631
Моисеев И.А. 204
Моисси А. 643, 646
Молодцов Н. 360, 361
*Мольер (Поклен) Ж.-Б. 139
Моммзен Т. 117

- Монахов Н.Ф. 567
 Монко Д.С. 337
 Монтегю А. 355, 356, 372
 Монтефиори М. 32, 63, 64
 Монтиньи А. 273
 Мопассан Г. де 29, 148, 342
 Мордкин М.М. 155, 156, 186-189,
 198, 203, 205, 226, 230, 231
 Морис Ш. 660
 Морской А. 325
 Морфесси Ю.С. 197
 Морфиль В. 243
 Мосешвили Г.И. 667
 Мотылева В. см. Анненкова В.И.
 Мочульский К.В. 123, 368, 440
 *Мур (Мурашко) Л. 318
 Муравиев К. 296
 Муравьев М.А. 91, 119
 Муратов П.П. 98, 107, 133, 134, 359,
 368, 377-379, 385, 388, 390
 Мурашев А.А. 629
 Муромцев С.А. 148
 Мурский А.А. 337, 341
 Мусоргский М.П. 165, 174, 189, 229,
 643
 Муссиак Л. 354, 355, 376, 377, 380,
 385, 386, 389
 Мутер Р. 96, 130
 Муфти Заде, представитель
 мусульман Крыма 592, 593
 Мухаммед, пророк 56, 64, 146
 Мухсин-бей Е. 319
 Мушанов Н. 296
 Мюллер Л. 55
 Мюнценберг В. 359
 Мясин Л.Ф. 228, 230
 Мясковский Н.Я. 154
 Набоков В.В. (*Сирин) 197, 393, 406,
 418-427, 429, 438, 443, 455, 632, 647
 Набоков Д.В. 424
 Навашин Д.С. 512
 Назимова А.Я. 630
 Найденов Н. 240, 241, 292
 Нансен Ф. 534
 Наполеон I, имп. 386
 Наумов М.В. 364
 *Негри П. (Матигас-Халупец Б.А.) 318
 Нежданова А.В. 181
 Незеленов А.И. 142
 Некрасов А.Н. 258, 266, 267
 Нелидова О.А. 153, 154, 226
 Нелидова-Фивейская Л.Я. 153-155,
 156-231
 Немирович-Данченко В.И. 198, 335,
 346, 350, 351, 630, 632, 644, 645
 Немировский Э.Я. 105, 141
 Нестьев В. 155
 Нижинская Б.Ф. 198
 Нижинская К.В. 187-189
 Нижинский В.Ф. 187, 189
 Никаноров М. 322
 Никитин А.Л. 328
 Никитин И.С. 172
 Никитин Н.Н. 535, 563, 564, 569, 570,
 620
 Никитин П.В. 83, 95, 99
 Николаев Н.П. 238, 271
 Николаев С.Л. 592, 593
 Николаева Т. 622
 Николаевский Б.И. 587, 593
 о.Николай (Сахаров Н.Н.) 591, 594
 Николай II, имп. 141, 220, 222, 269,
 276, 642
 Николай Николаевич, вел. кн. 349
 Никольский А.А. 463, 474, 502, 503,
 505-507
 Николоюкин А.Н. 670
 Никон, еп. (Греве) 590, 594
 *Никулин (Ольконицкий) Л.В. 380,
 617-628
 Нильсен А. 319
 Нобель Г.Л. 504, 505
 *Новалис (Харденберг Ф. фон) 267
 Новиков Н.И. 131
 Новицкий В.И. 457-459, 464, 465,
 474, 478, 490, 497, 500, 503, 505-507
 Новицкий П.К. 319, 323
 Нольде Б.Э., бар. 502, 504, 507
 *Норд Л. 320
 Нуланс Ж. 317
 Нурижан Ж. 269, 270
 Обатнина Е.Р. 560
 Оболенский А.А., кн. 192, 198, 216,
 217
 Оболенский Л.Л. 388
 Обольянинов В.В. 304
 Обухова-Зелиньска И.В. 617-628
 Овсяннико-Куликовская И.Л. 108
 Овсяннико-Куликовский Д.Н. 81, 99,
 101, 106-108, 110, 138, 242
 Овсянникова (урожд. Шлюмэр) Е.Л.
 527-530, 534

- Огарев Н.П. 151
Огрон Б. 453, 454
*Одоевцева И.В. (Гейнике И.Г.) 397, 398, 512, 530, 539, 541, 550, 551
Околович Н.А. 129
Окунев Н.Л. 96-98, 102, 122, 123, 128, 130
Олеша Ю.К. 406, 623
Ольденбург С.Ф. 128
*Ольди, журналист 536
Ольконицкий В. 618
Ольшевский (*Овсянников) А.А. 535-538, 542
Омар ибн-Хаттаб, халиф 106, 146
Омер Д. 62
Онегер А. 375
*Онегин (Отто) А.Ф. 440
Опеньховский Ф.М. 160
Орджоникидзе Г.К. 19, 364
Орешин П.В. 556, 557
Осокина Т.В. 315
*Осоргин (Ильин) М.А. 392, 512
Островский А.Н. 174, 632, 643
Остромысленская О.А. 189, 190, 196
Остромысленский И.И. 156, 189-196, 199
Осьминина Е.А. 587
Офросимов Ю.В. (*Ъ) 324, 338, 341
Охотников С.Б. 82
Оцеп Ф.А. 342, 362, 373
Оцуп Н.А. 394, 428
Пабст Г. 569
Павлова А.П. 155, 156, 186-188, 199-205, 224, 229
Павловский А.А. 77, 88, 113
Пайва-Перера Гарднер де (урожд. Дыхова) Е.И. 657, 661, 663, 665
Пайва-Перера Гарднер де (урожд. Череп-Спиридович) М.Ф. 663, 666
Пайва-Перера Гарднер де В.Д. 657-670
Пайва-Перера Гарднер де Д. 657
Пайва-Перера Гарднер де Д.Т. 657
Палестрина Дж. П. да 165, 175
Палечек Н.О. 106, 143
Палиев П.П. 154
Панина С.В., гр. 603
Пападимитриу С.Д. 84, 92, 122
Парамонов Н.Е. 140
Парнах В. (Парнок В.Я.) 415
Пархомовский М.А. 624
Пастак И.А. 590
Пастак С.А. 590
Пастер Л. 152
Пастернак Б.Л. 518, 524, 525, 533, 534, 540-542, 548, 549, 553-555, 560, 563, 565, 624
Пата Й. 240
Паттерсон Д. 71
Пахмусс Т.А. 661, 666-668, 670
Пашич Н. 112, 151
Пашуто В.Т. 74, 75
Пеги Ш. 426
Педро I, бразильский импер. 657
Пелин Е. 237, 251
Пелишек Й. 247
Перцов Д.П. 503
Перченко Ф.Ф. 81, 114, 129, 130
Петипа М.И. 203
Петлюра С.В. 102, 140
Петр, болгар. царь 290
*Петров (Катаев) Е.П. 326, 631
Петрова Л. 235
Петрункевич И.И. 276
Пехливанов Й.Г. 276
Пехливанова К. 276
Печковский М.И. 199
Пиера М.-Т. 276
*Пикфорд М. (Смит Г.-М.) 330-336
*Пильняк (Вогару) Б.А. 360, 523-533, 541, 543, 545, 546, 548, 550, 553, 558, 560, 564, 620, 624, 627, 628
Пильский П.М. 296, 344, 453
Пиотровский А.И. 339, 340
Платонов С.Ф. 97, 98, 129, 142
Плачков И. 273
Плевицкая Н.В. 191, 197
Плезант Р. 188, 189
Плещеев А.Н. 172
Плиний Старший 95, 125
*Плохич М. 340
По Э.А. 267, 300, 310, 660
Погодин М.П. 82, 98, 99, 131, 135
Погожева Г.Ю. 670
Погребецкий А.И. 480
Подвырзачов Д. 236, 258, 268
Подгаецкий М.Г. 567
Подольский С. 361
Подорога В.А. 327, 328
Подтягин М.П. 460
Познер В.С. 415
Позняков Н.И. 664, 665

- Покровский А.Г. 109
 Покровский Н.В. 98, 130
 Полевицкая Е.А. 99, 100, 138
 Полонская Е.Г. 515, 516, 518, 519,
 526-528, 530, 539-541, 543, 550-552,
 555, 557-560, 567, 571, 574, 575,
 578, 581
 Полонский В.П. 621
 Полонский М.Л. 519
 Полонский Я.Б. 592, 643
 Поляков А.А. 108, 147
 Помяловский И.В. 88, 96, 114
 Попдимитров Е. 235-237, 239, 245,
 247, 248, 252, 254-314
 Поплавский Б.Ю. 410-418, 420, 426,
 428, 429, 449, 649-653
 Попов В.В. 528
 Попруженко М.Г. 88, 113, 123, 137,
 244
 Попруженко С.Г. 137
 Потапов П.И. 123
 Преображенская О.И. 230
 Прокофьев В. 321
 Прокофьев Д. 66
 Прокофьев С.С. 154, 156, 171, 174,
 177, 205-209, 230
 Протазанов Я.А. 319, 321, 333
 Прянишников Б.В. 380
 Пуанкаре Р. 112, 151
 Пудовкин В.И. 333, 344, 347, 367,
 368
 Пундев В.М. 282, 288, 291
 Пуни И.А. 512, 565, 628
 Путерман И.Е. 512
 Пуцко В.Г. 125
 Пушкарева В.В. 275, 276
 Пушкин А.А. 670
 Пушкин А.С. 76, 154, 161, 172, 192,
 197, 198, 222, 242, 258, 266, 267,
 311, 397, 399, 403, 404, 422, 427-
 429, 431, 434, 436-441, 443-454, 599,
 601, 602, 659
 Пятаков Г.Л. 370
 Пятницкий М.Е. 171
 *Р.О'Рик см. Эйзенштейн С.М.
 Равель М. 222, 228
 Радев С. 237
 Радославов И. 237
 Разумный А. 340
 Разумный М. 337, 631
 Райнов Н. 239, 258, 268
 Райс, журналист 44
 *Ракитин (Панчев) Н.В. 236, 250, 251,
 253-255, 272, 277, 283, 284, 287,
 289, 298, 299, 302, 303, 307, 313
 Раковский Х.Г. 621
 Рапофф Е.П. 77
 Рапеллен, оператор 323
 Раппопорт А.Ю. 381
 Раскольников Ф.Ф. 620
 Ратов Г.В. 631
 Рауш Траубенберг фон (урожд.
 Евреинова) Н.А. 274, 308, 313
 Рафаил, журналист 365
 Рафалович А.Г. 465-467, 469, 473, 474
 Рафалович Д. 361
 Рафаэль 96
 Рахманинов В.А. 210
 Рахманинов С.В. 155, 169, 177, 178,
 180, 181, 191, 192, 194, 197, 206,
 207, 210, 214, 220-222, 633
 Рахманова (урожд. Сатина) Н.А.
 194, 199
 Рахманова О.В. 77, 323
 Редин Е.К. 74
 Резник С. 65
 Рейнак С. 141
 Рейнхардт М. 643, 646
 Рейснер Л.М. 618, 620
 Ремарк Э.М. 373, 376
 Рембо А. 660
 Рембрандт Х. ван Рейн 132
 Ремизов А.М. 215, 240-242, 412, 454,
 456, 512, 514, 520, 521, 530, 533,
 537-539, 542, 545, 546, 559, 560,
 582, 583, 619
 Ремизова (урожд. Довгелло) С.П. 241,
 242, 536, 537
 Рено Ш. 368
 Репин И.Е. 199, 276, 618, 643, 662,
 663, 665
 Рерберг И.Ф. 175, 176
 Рерих (урожд. Шапошникова) Е.И.
 213, 214
 Рерих Н.К. 155, 156, 181, 199, 211-215
 Рерих С.Н. 213
 Рерих Ю.Н. 213
 Рехт Ч. 346
 Римский-Корсаков Н.А. 154, 159, 164,
 165, 172-174, 205, 206, 208, 209,
 212, 213, 227, 229, 643
 Рихтер Г. 355

- Ровинский Д.А. 98, 132
Роден О.203
Родичев Ф.И. 276
Родченко А.М. 531
Розанов В.В. 527, 529
Розенталь М. 643, 646
Розов И.А. 38, 67
Роллан Р. 152
Романовский И.П. 495, 496
Ромм А.И. 353
Ромм М.И. 353
Ромов С.М. 415
Роом А.М. 333, 340, 342, 359
Росс Б. 334, 335
Росси Э. 643, 646
Ростан Э. 139
Ростовцев И.Я. 118
Ростовцев М.И. 74, 86, 117, 118, 479
Ростропович М.Л. 204
Ротшильд Л. де, барон 69
Ротшильд Э. де, барон 9, 30, 61, 65
*Рош Ш. (Рошер Ч.) 335
Рошаль Г.Л. 323
Рубаков, офицер 46, 47
Рубашкин А.И. 543
*Рубен, журналист 351
Рубин, владелец пансиона 30, 60
Рубинштейн А.Г. 165, 175, 643
Рубинштейн Н.Г. 274, 643
Рубинштейн С.Л. 122
Рудковский Н.Д. 199
Руднев В.В. 422
Рузвельт Ф. 181
Руставели Ш. 319
Рыклин Г.Е. 350
Рыков А.И. 343
Рысс (в замужестве Боберман) Д. 512
Рысс П.Я. 365, 368, 389
Рютин М.Н. 360
Рябченко, издатель 222
Сабашников М.В. 274
Сабашников С.В. 274
Саблин Е.В. 465, 467, 470, 471, 480, 502, 506, 507
*Савин (Саволайнен) И.И. 666
Савина Г.А. 113, 137
Савина М.Г. 643
Савина-Гнесина М.Ф. 170, 172, 184, 185
Савинков Б.В. 466, 650
Савинков Л.Б. 650
Савич Н.В. 490, 497, 504, 506
Савич О.Г. 512
Садуль Ж. 322, 362
Садыкер П.А. 370
Сазонов С.Д. 466, 467, 473, 496
Сазонова (урожд. Слонимская) Ю.Л. 637, 638
Сакер Г.М. 67
Салант Ш. 33, 64
*Сало Ж. см. Эренбург И.Г.
Салтыков-Щедрин М.Е. 632
Самарин И.В. 135
*Санд Ж. (Дюпен А.) 574
Сандберг, режиссер 369
Сандрар Б. 373, 376
*Санин (Шёнберг) А.А. 156, 192, 197, 216-218
Сапезко К.М. 122
Сарасате П. 643, 646
*Сарматов (Опеньховский) С.Ф. 156, 160
Сарнов Б.М. 519
Сатина С.А. 194, 199
Сато М. 240
Сафонов В.И. 169, 177
Сафонов Н.М. 162
Сахаров В.И. 584-613
*С.*Бен-Цион (наст. имя Гутман С.А.) 31, 62
Свидерский А.И. 343
Святополк-Мирский Д.П. 368, 433, 648
Севастьянов Г. 205
*Северянин И. (Лотарев И.В.) 276
Северюхин Д.Я. 129
Сегал Д.М. 420
*Седых А. (Цвибак Я.М.) 355, 363, 381, 387, 388
Сейлор О. 645
Селезин, сотр. берлинских киностудий 338
Сенкевич Г. 450
Сен-Санс К. 204, 223
Серафим, еп. 585
Сервантес М. де 29
Сергеев-Ценский С.Н. 147
Сергиевский Б.В. 220-222, 606, 607
Сергиевский Н.Н. 78
Сергий, архим. (Спасский И.А.) 95, 96, 125
Серов А.Н. 175

- Сикорская Е.А. 219, 221
 Сикорский И.А. 215, 221, 222
 Сикорский И.И. 156, 181, 214, 218-222
 Силянов Х. 237, 268
 Симеон Великий, царь 240, 249, 251, 290
 Симидов Д. 247, 248
 Синельников Н.Н. 138
 Синецын М.С. 113
 Синклер Э. 336
 Скаков А. 629
 Скалдин А.Д. 658, 669
 Скальковский А.А. 642, 646
 Скальковский К.А. 642, 646
 Скерст, дипломат 474
 Скитник С. 237
 Скляр, режиссер 344
 Склярц, концессионер 359
 Скоблин Н.В. 197
 Скоропадский П.П. 93, 124
 Скрибнер Ч. 613
 Скрябин А.Н. 155, 165, 212
 Славейков П.П. 237, 245, 251, 258, 265, 267
 Славейков П.Р. 112, 151, 245
 Слоним М.Л. 413, 414, 431, 437
 Слонимская И.И. 547
 Слонимский А. 575, 576
 Слонимский М.Л. 535, 542, 543, 547, 548, 556, 558, 575
 Слуцкий И. 60
 Смил Дж. 461
 Смирнов А. 364
 Смирнов Д.А. 181
 Смирнов Я.И. 74, 96, 127, 128
 Смирнов, профессор
 Новороссийского ун-та 122
 Смит Х.К. 345
 Смоленский В.А. 410, 455
 Снегирев И.М. 98, 130
 Собинов Л.В. 181, 197
 Соболев А. 364
 Соколов В.А. 631
 Соколов Г.Г. 427
 Соколов К.Н. 140
 Соколов Ф.Ф. 76, 106, 142, 143
 Сократ 514
 Солженицын А.И. 621, 652, 653
 Соловьев В.С. 133
 *Сологуб (Тетерников) Ф.К. 266, 560, 575, 576
 *Сольский (Панский) В.А. 366
 Соммер Я.И. 573
 Сомов К.А. 276
 Сорин С.А. (З.И.) 192, 198
 Сорнин, сотр. берлинских киностудий 338
 Сорокин А.Т. 565
 Сорокин П.А. 606, 607
 Сорокин Т.И. 528, 531, 536, 537
 Сорокина (урожд. Шмидт) Е.О. 527, 528, 530, 531, 536-538, 540, 545, 547, 550, 552, 553, 556, 557, 559-562, 563, 565, 566
 Сорокина М.Ю. 315
 Сорокина Н.Т. 565
 Сорокина О.Н. 585, 587, 612
 Сосинский В.Б. 418
 Сосницкий И.И. 632, 645
 Спицын А.А. 95, 125
 Средин А.В. 175
 Стадников Г.Л. 122
 *Сталин (Джугашвили) И.В. 18, 351, 352, 365, 366, 379, 512, 594, 621
 Стаматов Г.П. 239, 291
 Стамов Г.Д. 563-565
 Станев Н. 244, 278, 294
 *Станиславский (Алексеев) К.С. 147, 174, 198, 643
 Станюкович Н.В. 665, 669
 Старков А.Н. 515
 Стасов В.В. 98, 132
 Стасов В.П. 133
 *Стенич (Сметанич) В.О. 619
 Степун Ф.А. 405, 407, 426, 568
 Стивенсон Р. 535
 Стоилов К. 270
 Стоковский Л. 173, 197
 Столыпин П.А. 136, 651
 Столярова Е.И. 651
 Столярова Н.И. 647-653
 Стоянов Л. 237, 258, 268
 Стравинский И.Ф. 165, 213, 229
 Страхов Н.Н. 99, 135
 Страшимиров А. 239
 *Стрижевский (Радченко) В.Ф. 337-339
 Струве Г.П. 407, 408, 412, 434, 435, 438, 443, 455, 585, 647, 648, 669
 Струве П.Б. 140, 152, 281, 426, 482, 485, 486, 488, 489
 Струк, атаман 619

- *Стен (Стенская) А. 373, 631
 *Суварин Б. (наст. фам. Лифшиц) 621, 625
 Суворов А.В. 104
 Суворов, декоратор 104
 Судейкин Г.П. 198
 Судейкин С.Ю.(Г.) 192, 198, 199
 Судоплатов П.А. 512
 Султан Клыч Гирей 592, 593
 Сургучев И.Д. 140, 592
 Суходольские, владельцы Московского драматического театра 138, 218
 Сухотина-Толстая Т.Л. 199
 Сытин И.Д. 64
 Тагер П.Г. 347
 Тагор Р. 181
 Таиров А.А. 198, 240, 342, 355, 559, 626
 Тамиров А.М. 631, 642
 Танев И. 239, 260
 Танеев С.И. 154, 164, 175, 177, 227
 Тарасенков А.Н. 669
 Тарасов-Родионов А.И. 406
 Тардые А. 381
 Тарлык-хан, монгольский правитель 214
 Тартаков И.В. 643
 Татищев Н.Д. 651
 Теккерей У.М. 29
 Тёмкин Д.З. 160, 631, 642
 Тенишева (урожд. Пятковская) М.К. 213, 214
 Теодосиадис Л.Е. 325
 Терапиано Ю.К. 398, 410, 413, 425, 427, 430, 619
 Тибо Ж. 276
 Тиман П. 325
 Тименчик Р.Д. 80, 661, 669
 *Тимур, журналист 333, 335
 Тиссэ Э.К. 330, 335, 347, 351, 352, 354, 355, 372, 375
 Титов А.Ф. 155
 Тихменева Т.С. 668
 Тихонов Н.С. 518, 543, 566-568, 574, 575-578
 Тихонравов К.Н. 131
 Тихонравов Н.С. 105, 141
 Тодоров И. 247
 Тодоров П.Ю. 251, 271
 Тодорова З. 256
 Толберг И. 631
 Толль Н.П. 74
 Толмачев В.М. 134
 Толстая (урожд. Дитерихс) О.К. 161
 Толстая (урожд. Каткульская) Н.К. 192, 198
 Толстая А.Л. 222, 584-592, 594-608, 613
 Толстой А.К. 172, 176, 659
 Толстой А.Л. 161
 Толстой А.Н. 321, 514, 542, 543, 550, 551, 567
 Толстой И.И. (старший) 141
 Толстой И.Л. 192, 198, 214
 Толстой Л.Н. 135, 161, 311, 342, 422, 585, 586, 591, 631, 632, 635
 Томашевская Е.И. 603
 Томсон А.И. 84
 Тороп П.Х. 666-668, 670
 Тосканини А. 168, 177, 210, 218
 Трайнин И.П. 339, 362, 371, 372-375
 Трауберг Л.З. 317, 340
 Траянов Т. 237, 258, 268
 Тренев К.А. 147
 Третьяков П.М. 209, 211, 213
 Триденская Л.М. 337
 Трифилюев Е.П. 113
 Тронский (Троцкий) И.М. 84
 *Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 52, 332, 362, 511, 548, 549, 586, 609, 621
 Трубецкой Е.Н., кн. 98, 133, 140
 Трубецкой П.П., кн. 216, 218, 643
 Трубецкой С.Н., кн. 133
 Трубников П. 296
 Трумпельдор И. 8, 50, 52-54, 70, 71
 Туманов, сов. торгпред в Париже 370
 Тункина И.В. 72-152
 Тураев Б.А. 74
 Тургенев И.С. 214, 242, 422, 574, 632, 635, 643
 Туржанский В.К. 337-341
 Турин В.А. 388, 390
 Турновский, доктор 50, 51
 Тынянов Ю.Н. 583
 Тыркова-Вильямс А.В. 140, 438-440
 Тэн И. 134, 242
 *Тэффи (урожд. Лохвицкая, в браке Бучинская) Н.А. 100, 139, 412, 485
 Тютчев Ф.И. 181, 266, 434, 435, 443, 529
 Уайльд О. 660

- Угет С.А. 460, 463-465, 474, 476, 478, 493, 496-499, 501, 503
 Уитмен У. 267
 Улановская М. 57
 Уральский А.П. 323, 324
 Урванцов Л.Н. 344
 Успенская М.А. 631
 Успенский П.Д. 659
 Успенский Ф.И. 79, 113
 Устинов, невозвращенец 364
 Усышкин М.М. 9
 Ухтомский Н. 338
 Ушаков И.А. 215
 Факунд 92, 122
 Фармаковский Б.В. 74, 82
 Федин К.А. 57, 519, 575, 576, 578, 580, 620
 Федина Н.К. 515
 Федоров А.М. 100, 139, 147, 235, 236, 250, 264, 269, 271, 272, 275, 286, 287, 290, 304-306, 310, 312
 Федоров М.М. 439, 440
 Федотов Г.П. 405, 411, 426, 429, 652
 *Фельзен Ю. (Фрейдештейн Н.Б.) 397, 425, 428, 429, 441-443, 455
 Фельштинский Ю.Г. 320
 Фенин Л.А. 626, 627
 Феодор Продром 122
 Феодор Студит 92, 122
 *Фет (Шеншин) А.А. 266, 659
 Фивейский М.М. 154-156, 158-160, 163-170, 179, 183, 184, 187, 188, 193, 198, 199, 203-210, 216, 217, 220-223, 229
 Фигнер М.И. 643
 Фигнер Н.Н. 643
 Фидий 96
 Филарет, митр. (Дроздов В.М.) 135
 Филимонов Г.Д. 98, 132
 *Филиппов (Филистинский) Б.А. 669
 Филиппов Б.Д. 159, 162
 Филиппов Д.И. 159, 162
 Филипсон Ф.М. 468
 Философов Д.В. 91, 117, 368, 427
 Финк В.Г. 516
 Финкельштейн Б. 8, 9
 Финогенов, дипломат 464
 Фишберг Я. 156
 Фишер Л. 336
 Флейшман Л.С. 327, 328, 336
 Флобер Г. 148, 422
 Флоровская (урожд. Попруженко) К.Г. 137
 Флоровская К.В. 138
 Флоровский А.В. 99, 113, 123, 137, 138, 278
 Флоровский В.А. 99, 137
 Флоровский В.В. 137
 Флоровский Г.В. 138
 Фокин В.М. 228, 231
 Фокин М.М. 155, 156, 163, 172, 186-188, 192, 198, 200, 201, 203, 204, 206, 214, 222-231, 636, 637
 Фокина (урожд. Антонова) В.П. 186, 187, 189, 194, 224-228
 *Фонтейн (Хукем) М. 228, 231
 Фор П. 546, 547
 Формозов А.А. 142
 Фортунатов Ф.Ф. 122
 Форш О.Д. 622
 Фосдик З.Г. 214
 Фохт В.Б. 397, 425
 Франко Баамонде Ф. 57
 Франс А. 218, 574, 575
 Францев В.А. 278, 435-438, 441
 Фрезинский Б.Я. 511-583
 Фрелих О.Н. 327, 334, 358
 Фримен Дж. 328, 336
 Фролов Э.Д. 75
 Фруг С.Г. 55
 *Фэрбенкс Д. (Ульман Д.Э.) 330-336, 345, 346, 352, 373
 Хазан В.И. 7-71
 Ханжонков А.А. 321, 324, 325
 Харитонов Д.И. 321
 Хеллман Б. 661, 666-668, 670
 Хемингуэй Э. 213
 Херсонский Х.Н. 318
 Хечинов Ю.Е. 585
 Хикмет Н. 625
 Хлебников В.В. 199, 416
 Хлюстина (в замужестве Сиркур) А. 449
 Хмара Г.М. 319, 337, 341
 Ховин В.Р. 542, 543
 Хогарт Ч. 602, 608
 Ходасевич В.Ф. 391-424, 426-456, 514, 518, 548, 550, 552, 560, 649, 650, 653
 Хомяков А.С. 135

- Хохлов Г.Д. 648
Хохлов К.П. 567
Хохловкин Р. 340
Христов К. 237, 239
Христу В. 240
Хусейн, имам 56
Цадкин О.А. 516, 554, 621
Цакни А.Н. 148
Цанков А. 292, 296
Цанков-Дерижан Х. 303
*Царинный А. (Стороженко А.В.) 125
Цветасва М.И. 450, 456, 512, 514, 533, 534, 536, 540, 541, 553, 555, 560
Цветковская Е.К. 248, 269, 271, 272, 277, 279, 283, 287, 289, 290, 296, 304-309
Цви С. 34, 65
Церер, партийный функционер 359
Церетели Г.Ф. 74
Церковский Ц. 237, 250
Цетлин М.О. 411
Циммерман Ю.Г. 172
Цитович Н.М. 600, 602, 608
Цонев Б.С. 149
Чаадаев П.Я. 448, 451
Чавчавадзе П.А., кн. 192, 198
Чазов С.С. 140
Чайковский Н.В. 466
Чайковский П.И. 161, 164, 165, 168, 169, 171, 174, 175, 177, 183, 184, 204, 210, 221, 223, 224, 229, 635, 643
Чапек К. 566
Чаплин Ч.С. 213, 230, 318, 333, 334, 368
*Чардынин (Красавчиков) П.И. 321
Чахотин С.С. 139
Чеботарева Т.Г. 457
Чегринцева Э.К. 450
Чейз Л. 188, 189
Чеккетти Э. 205
Червинка, болгарский критик 298
Червинская Л.Д. 428, 429, 448, 450, 455
Червинский М.А. 625
Червяков Е. 342, 359
Череп-Спиридович Ф. 663
*Чернышев К. см Бертенсон С.Л.
Чернышевский Н.Г. 421-423
Чеселка А. 188, 189, 228
Чехов А.П. 99, 135, 146, 596
Чехов М.А. 214, 341-343, 349, 631, 635
Чеховы, семья 198
Чибрарио да Годэн Ж. 317
Чилингиоров С. 250
Чингисхан 368
Чириков Е.Н. 140, 155, 160
Членов И. (Е.В.) 36, 67
Чудаков А.П. 385
Чукалов С.К. 297, 302
Чуковская Л.К. 650
*Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 618, 619, 625
Чулков Г.И. 397, 434, 435
Чупрынников М.М. 162
Шагинян М.С. 519, 537, 540-542, 544, 546, 547, 575, 576
Шайкович И.С. 294
Шаламов В.Т. 648, 652
Шалыто Э.М. 373
Шаляпин Ф.И. 155, 162, 168, 172, 176, 178, 180, 181, 191, 197, 199, 204, 214, 218, 223, 229, 276, 643
Шапрон дю Ларре А.Г. 495
Шаршун С.И. 416
Шателен С.А. 471, 502
Шаффе Э.П. 115
Шахматов А.А. 74
Шахов Н.А. 516
Шаховская З.А. 413, 427, 430, 440, 450
Шац Б. (Залман Дов Барух) 33, 64, 65
Шварнас Т. 296
Шварц А.Н. 75
Шварцбарт С.(Ш.) 140
Шведов К.Н. 155, 192, 198
Шведчиков К. 358
Швейдель Н.Е. 337
Швиттерс К. 531
Шевеленко И.Д. 629
Шевченко Т.Г. 379
Шейтанов Н. 294
Шейхолеслами Э.Ф. 393
Шекспир У. 45
Шелли П.Б. 266, 267, 310
Шеллинг Э. 643, 646
Шёнберг (урожд. Мизинова) Л.С. 192, 198
Шенберг А. 165, 175
Шенк (Скэнк) Дж. 345-347, 349, 351, 352
Шенк Н. 347
Шенталинский В.А. 514, 621
Шеншина В.А. 667

- Шервинский С.В. 664, 665
 Шеридан Р.Б. 139
 Шернваль А. 444
 Шерон Ж. 629-646
 *Шестов Л. (Шварцман Л.И.) 198
 Шиллер Ф. 59
 Шильдкнехт П.Н. 369
 Шифрин С.С. 368
 Шишкина, ученица И.А.Линниченко
 124
 Шкапская М.М. 511, 514-583
 Шкапская С.Г. 527
 Шкапский А.Г. 526, 527
 Шкапский В.Г. 526, 527
 Шкапский Г.О. 516
 Шкловский В.Б. 315, 334, 385, 514,
 515, 518, 527, 528, 540, 542-544,
 550, 552, 554, 557, 558, 560
 Ш-ль В.Н. см. Вейншал В.(З.Б.-Ц.)Ш.
 Шляпки И.А. 142
 Шмелев И.С. 147, 272, 273, 412, 439,
 456, 584-613
 Шмелев С.И. 590, 594, 595
 Шмелева О.А. 590, 594, 595
 Шмелевы, семья 601
 Шмид Г. 240
 Шмидт (Шмит) И.Ф. 99, 100, 138
 Шопен Ф. 223
 Шорин А.Ф. 347
 Шпаков А.Я. 113
 Шпильгаген Ф. 422
 Шпринцак Й. 31, 60
 Шрайбман Д.Г. 651
 Штейгер А.С. 413, 419, 428, 430, 431,
 435, 440, 450, 454, 455
 Штейнер Р. 659
 Штеренберг Д.П. 516
 Штерн А. (Я.) 11, 61
 Штерн Э.Р. фон 77, 89, 113, 115;
 137
 Штернберг Л.Я. 58, 60
 Штиглиц А.Л. 83, 113
 *Штирнер М. (Шмидт И.К.) 402
 Штример О.Я. 155
 Шуб Э. 340, 351
 Шуберт Ф. 159, 197
 Шульберг Б. 345
 Шульгин В.В. 110, 148
 Шульговский Н.Н. 658, 664, 669
 Шумяцкий Б.З. 360
 Шюнеман Ф. 319
 Щепкин Е.Н. 92, 121, 123, 137, 144
 Щепкин М.С. 121, 139
 Щепкина-Куперник Т.Л. 100, 139
 Щербачев Д.Г. 472
 Щипачева И.В. 541
 Эбелов М.И. 124
 Эверарди К. 642, 646
 Эггерт К.В. 359
 Эйзенштейн М.О. 328
 Эйзенштейн С.М. 326-331, 343, 345-
 360, 362, 370-381, 383-390, 633
 Эйзенштейн Ю.И. 327, 328
 *Эллес Ф. (Ван Эмергем) 568, 570
 *Эль Лисицкий (Лисицкий Л.М.) 525,
 549
 Эльснер В.Ю. 140
 Энгельс Ф. 36
 *Эрде 572
 Эренбург И.Г. 384, 386, 511-583, 617,
 619, 621, 622, 627, 648, 652, 653
 Эренбург И.И. 527, 530, 531, 536, 538,
 542-545, 546, 548, 550, 552, 553, 555,
 557, 559, 562, 566, 574, 577, 580, 582,
 652
 Эренбург Из. Г. 556, 557, 559
 Эренбурги, семья 652
 Эрмлер Ф.М. 354, 355, 388
 Эррио Э. 276
 Эрсиньян С. (Эрзиньян) 364
 Эстерка, журналистка 48, 49
 Эфрон А.С. 512
 Юденич Н.Н. 496
 Юргенсон П.И. 172
 *Юрок С. (Гурок С.И.) 200, 204,
 222
 Юрьев Ю.М. 643
 Юстиниан I, имп. 122
 *Яблоновский (Снадзский) А.А. 421,
 422
 *Яворов (Крачолов) П. 237, 245, 258,
 265, 267
 Яворова П. 276
 Ягич И.В. 122
 Ядин И. 20, 21, 58
 Язова Я. 239, 276
 Якобсон В(А.).И. 30, 61
 Якобсон Р.О. 433, 434, 436, 438, 439,
 528
 Янгиров Р.М. 315-390
 Янколович М.Л. 321
 Яннингс Э. (Яненц Т.Ф.Э.) 368

- Яновский В.С. 410, 415, 416, 419, 428
Ясенов Х. 258, 268
Ястребов Н.В. 142
Яффе Л. 60, 67
Яценко Е.Н. 85, 89, 91, 93, 111-113,
115, 118, 119, 121, 123, 124, 149
Яценко Н.И. 115
Яценко А.С. 535, 540, 541, 565
- Amit I. 66
Aragon L. 425
Arland M. 425
Aschenbrenner M. 602
Bashmakoff N. 670
Bauer G. 425
Bém A. 438, 451
Bernstein E. 71
Bertensson S. 632, 633
Boyd B. 406, 418, 438
Bradley P. 652
Bulgakova O. 355
Chmelov J. 612
Clarke W. 499
Crémieux B. 425
Dandova M. 85
Dandre V. 205
Daniel-Rops H. 426
Ehrenburg I. 652
Eisenstein S. 352, 355, 373, 389
Escholier R. 425
Freeman J. 336
Gardner Paiva Pereira de M. 663
Gardner V. 668
Goldin D. 373
Graham S.D. 670
Hagglund R. 392
Hamilton I. 57
Hellman B. 670
Hippius Z. 397, 399
Jakobson R. 438
Khen A.E. 66
Koestler A. 57
Kondakov N.P. 85
Kopecka L. 85
Kunitz J. 336
Lacrette de J. 425
Lambert G. 630
Lang P. 670
Leger L. 252
Leinonen M. 670
Leyda J. 317, 331, 333-335, 351, 352,
359, 633
Livak L. 410, 413, 415, 419-421, 426
Lozovik L. 336
Le Gazier 389
Massis H. 425, 426
Mladenov S. 270
Montague I. 373
Montigny A. 273
Nabokov V. 406, 418-420, 438
Nazimova A. 630
Nesbet A. 426
Novitsky W.J. 457
Nurigian G. см. Нурижан Ж.
Obey A. 425
Ozep F. 373
Pachmuss T. 397, 399, 670
Panné J.-L. 621
Papoulides K.K. 122
Poplavskii B. 413, 651
Raffalovich I. 63
Rakitine N.V. 273
Rambaud H. 425
Rollingoff R. von 667
Rubenstein J. 652, 656
Sablin E. 467-469
Sachs M.E. 63
Sahmen C. 467-469
Savina M.G. 632
Saylor O. 646
Schectman J.B. 9
Sébastien R. 425
Seton M. 352
Shenshin V. 663
Slutsky Y. 60
Smele J.D. 461
Sokolov N. 68
Soupault P. 425
Souvarine B. 621, 626
Strache E. 667
Struve G. 647
Suny R.G. 59
Thomson K. 318
Tsentsiper A. 70
Valéry P. 425
Varillon P. 425
Weinshal A. 60
Weinshal Y. 60, 67
Yetter S.L. 651
Youngblood D. 361
Zakhariaa Sh. 63

АННОТАЦИИ

Наследие

Яков Вейншал. Воспоминания. Публикация В.Хазана

Воспоминания врача, литератора и общественного деятеля Якова Владимировича Вейншала (1891/1892–1981) о детских и юношеских годах, проведенных на Кавказе, поездке в Палестину в 1909, а также студенчестве в университетах Мюнхена, Базеля и Женевы представляют большую ценность для понимания еврейской истории XX века, в частности истории сионизма. Частная биография друга, единомышленника и соратника В.Жаботинского оказывается удачной призмой, преломляющей в себе большие и значимые вопросы времени. Происходит это потому, что автор воспоминаний не заурядный регистратор событий, а ревностный их участник. Во вступительной статье рассказывается о сионистском движении в России в начале XX века, подробные комментарии воссоздают контекст описываемых событий.

Б.В.Варнеке. Материалы для биографии Н.П.Кондакова

Публикация И.В.Тункиной

Мемуары крупного ученого-латиниста, историка театра Бориса Васильевича Варнеке (1874–1944) посвящены последним годам жизни на родине всемирно известного историка византийского и древнерусского искусства академика Никодима Павловича Кондакова (1844–1925). Не признав после революции новую власть, Кондаков, как и многие его коллеги, лишённые возможности плодотворно работать, вынужден был бежать «куда глаза глядят», навсегда покинув Петербург, а затем и Россию. Написанные живым, образным языком мемуары ярко рисуют постепенный, растянувшийся на годы, откат творческой интеллигенции из столиц на юг России, а затем в эмиграцию, в уникальных подробностях воссоздают трехлетнюю эпопею бегства. Во вступительной статье и примечаниях – множество дополнительных сведений об упомянутых лицах и событиях.

Л.Я.Нелидова-Фивейская. На струнах памяти. Публикация В.А.Александрова

Балерина Лидия Яковлевна Нелидова-Фивейская (1894–1978) со своим мужем, известным дирижером М.М.Фивейским, уехала в Америку в 1920 и прожила там 35 лет. За долгую жизнь ей довелось встречаться со многими знаменитостями – композиторами А.К.Глазуновым, А.Т.Гречаниновым, С.В.Рахманиновым, балетмейстерами М.М.Мордкиным и М.М.Фокиным, писателями Г.Д.Гребенщиковым и Е.Н.Чириковым; ученым И.И.Остромысленским, авиаконструктором И.И.Сикорским, художником Н.К.Рерихом, а также с Ф.И.Шляпиным, А.П.Павловой и др. О наиболее запомнившихся встречах она рассказала в своих мемуарных очерках. В детальных примечаниях – подробная информация о жизни русской эмиграции в Нью-Йорке.

Статьи, исследования

Емануил Попдимитров. С Константином Бальмонтом (Неизданная книга о русском поэте в Болгарии). Публикация Маргариты Каназирской

В работе реконструируется оставшаяся незаконченной книга болгарского поэта Емануила Попдимитрова (1885–1943) о К.Д.Бальмонте, содержащая письма русского поэта, а также неопубликованные до сих пор воспоминания о нем болгарского коллеги. Вступительная статья в деталях воспроизводит визит Бальмонта в Болгарию 1929 года, подробно рассказывает о сопровождавших его в поездках по стране молодых болгарских интеллектуалах, знакомство с которыми быстро переросло в крепкую дружбу на долгие годы. В комментариях обращено внимание и на другие, малоизвестные и неизвестные, детали взаимоотношений Бальмонта с болгарской культурой, которую он ревностно пропагандировал, стремясь привлечь к этому ученых и деятелей искусства разных стран.

Рашид Янгиров. В кадре и за кадром: Российские кинематографисты за рубежом (1924–1930). Часть вторая

Прямые и косвенные контакты кинематографистов-эмигрантов с коллегами в СССР продолжались многие годы и после закрытия государственных границ. Признанные на родине «шелухой исторического процесса» (определение Виктора Шкловского), эмигранты сыграли важную роль в восстановлении отечественной кинопромышленности, став своего рода инициаторами и посредниками в сложной процедуре ее интеграции в международный кинопроцесс. Во второй части работы на основании архивных материалов и труднодоступной периодики описываются важнейшие эпизоды целого ряда творческих биографий, восстанавливается реальная историческая панорама отечественного кинематографа. На этом фоне совсем по-иному выглядит трехлетняя заграничная командировка С.Эйзенштейна, серьезно повлиявшая на мироощущение режиссера.

Леонид Ливак. Критическое хозяйство Владислава Ходасевича

Проблема «тактики» критической деятельности в эстетико-литературных «войнах» эмигрантской словесности рассматривается на новых архивных материалах из собрания В.Ф.Ходасевича. Будучи одной из центральных фигур эмигрантской литературной жизни, Ходасевич провоцирует статьями и письмами реакцию широкого круга лиц, в свою очередь влияющих на суждения и тактику критика. Предлагаемые материалы из эпистолярного наследия В.Ф.Ходасевича, Е.В.Бакуниной, М.М.Карповича, Г.С.Евангулова, В.В.Набокова и А.Л.Бема проливают свет на «критическое хозяйство», из которого вырастали статьи и рецензии Ходасевича.

Олег Будницкий. Дипломаты и деньги. 1. «Колчаковское золото»

В статье идет речь о той части золотого запаса России, за которым закрепилось название «колчаковского золота», подробно описывается история его хранения и расходования. Развенчиваются широко бытующие среди журналистов и беллетристов мифы и легенды, приводятся достоверные и точные сведения о судьбе денег, отчетные документы и переписка лиц, ответственных за хранение, а также непосредственно распоряжавшихся этими фондами в эмиграции.

Эпистолярия

Письма Ильи Эренбурга Марии Шкапской (Берлин – Париж, 1921–1925).

Публикация, вступительная статья и комментарии Б.Я.Фрезинского

Письма, составляющие эту публикацию, написаны И.Г.Эренбургом поэтессе М.М.Шкапской в Берлине в 1921–1924 и в Париже в 1924–1925, куда автор выехал «по заграничной командировке», полученной благодаря помощи друга его гимназических лет Н.И.Бухарина. По части фактографии эти письма – несомненный источник ценной информации как о собственной литературной работе писателя, так и о делах внешних – литературных, политических; в письмах встречаются, может быть, и нечастые, но значимые суждения, оценки, информация о встречах и событиях, о прочитанных книгах. Вступительная статья и комментарии существенно дополняют материал.

«Пусть рассудит меня авторитетная русская общественность...»:

Переписка И.С.Шмелева и А.Л.Толстой. Публикация, вступительная статья и примечания Роберта Виттакера и В.И.Сахарова

Переписка выдающегося русского писателя И.С.Шмелева с А.Л.Толстой завязалась вскоре после Второй мировой войны и продолжалась два года (1948–1950). Основательница и президент Толстовского фонда способствовала защите и восстановлению доброго имени оклеветанного писателя. Письма И.С.Шмелева к А.Л.Толстой являют собой великолепный образец бесцензурной русской публицистики, предельно откровенной и честной по отношению к самому себе и к другим, кроме того, они стали для него дневником писателя, мемуарами, оправдательной речью, подведением итогов всей жизни и литературным завещанием.

Varia

«...курсировали из Москвы в Париж...»: Письма Юрия Анненкова Льву Никулину. Публикация И.В.Обуховой-Зелинской

Два письма Юрия Павловича Анненкова (1889–1974) Льву Вениаминовичу Никулину (наст. имя Лев Владимирович Ольконицкий; 1891–1967) – единственные сохранившиеся из длительной переписки и последние довоенные письма художника на родину. Вступительная статья рассказывает о взаимоотношениях обоих корреспондентов и бросает свет на характер контактов парижской диаспоры с метрополией, особенно интересных в переходный период на рубеже 1920-х – 1930-х годов.

«...Голливуд – одно из самых некультурных и вульгарных мест на свете...»: Письма С.Л.Бертенсона к баронессе М.Д.Врангель. Публикация Жоржа Шерона

В 1936 по просьбе баронессы Марии Дмитриевны Врангель (1857–1944), собиравшей информацию о русской культуре в эмиграции, историк литературы и театра, бывший секретарь В.И.Немировича-Данченко Сергей Львович Бертенсон (1885–1962) в письмах к ней рассказал о своей работе в Голливуде и о русских эмигрантах в американском кино. Воспитанный на русской классике и мхатовских традициях уважения к авторскому замыслу, Бертенсон никак не мог смириться с примитивизмом Голливуда, поэтому в его письмах часто проскальзывают нотки раздражения и жалобы на некультурность и пошлость американской «фабрики грез».

К проблеме литературного диалога Россия – диаспора: Письмо Н.И.Столяровой к Н.Н.Берберовой. Публикация Леонида Ливака

В жизни Натальи Ивановны Столяровой (1912–1984) неразрывно сплелись судьбы эмиграции и метрополии. Она родилась в Италии и выросла во Франции, а в 1934 уехала в СССР, где непроизвольно превратилась в посланницу эмигрантской культуры. Посетительница парижского салона Мережковских, прототип произведений Б.Поплавского, В.Шаламова и А.Солженицына, личный секретарь Ильи Эренбурга в Москве, Н.И.Столярова, оказавшись за границей в 1984, написала Н.Н.Берберовой, высказав свои взгляды на соотношение советской и эмигрантской литературы.

Библиография

Вадим Гарднер: Материалы к библиографии. Составила Марина Кучинская

Библиография поэта Серебряного века Вадима Гарднера (1880–1956), оказавшегося в эмиграции в Финляндии, учитывает все известные на сегодняшний день его публикации, а также работы о нем. Сопровождается обширным биографическим очерком.

ABSTRACTS

Heritage

Yakov Veinshal. Recollections. Edited by V.Khazan

The memoirs of a physician, writer and public figure, Yakov Veinshal (1891/92–1981), who recalls his childhood and adolescence, spent at the Caucasus, his journey to Palestine in 1909, as well as his student years at the universities of Munich, Basel and Geneva, are an important contribution to our understanding of the Jewish history in the XXth century, particularly of the history of Zionism. An intimate biography of V.Zhabotinsky's friend, a person who shared his views and participated in his activities, proves to be a convenient prism, reflecting the big and important issues of the epoch. This becomes possible because the author of memoirs is not an ordinary eye-witness of certain events but their active participant. The introduction provides abundant material relating to the Zionist movement in Russia in the early XXth century, while the detailed notes recreate the context of the events described.

B.V.Varneke. Materials towards a biography of N.P.Kondakov

Edited by I.V.Tunkina

The memoirs of the eminent Latin scholar and historian of theatre, Boris Varneke (1874–1944), are devoted to the last few years spent in Russia by the world renowned historian of Byzantine and Old Russian art, Academician Nikodim Kondakov (1844–1925). Having refused to recognize, after the revolution, the new regime, Kondakov, like many of his colleagues, deprived of a possibility to continue their creative work, had to abandon for ever, first Petersburg, and then Russia. Written in a lively and figurative style, the memoirs depict vividly the gradual and continuous outflow of the creative intelligentsia from Russia's both capitals towards the south of the country and then into emigration, and recreate the unique particulars of their three year-long exodus.

The introduction and notes contain supplementary information about the events and people mentioned.

L. Nelidova-Fiveiskaia. Playing the strings of memory. Edited by V.Aleksandrov

The ballet-dancer Lidiia Nelidova-Fiveiskaia (1894-1978), together with her husband, the well-known conductor M.Fiveiskii, left for America in 1920 and had lived there for 35 years. Throughout her long and eventful life, she had occasion to meet with many celebrities, such as the composers A.Glazunov, A.Grechani-nov, and S.Rakhmaninov, the ballet-masters M.Mordkin and M.Fokin, the writers G.Grebenshchikov and E.Chirikov; the scientist I.Ostromyslenskii, the aircraft designer I.Sikorsky, the painter N.Roerich, as well as F.Shaliapin, A.Pavlova and others. Of her most remarkable meetings she recounted in her memoirs. The notes include detailed information about the events and people of the Russian emigration in New York.

Articles, Studies

Emanuil Popdimitrov. With Constantine Bal'mont (Unpublished book about the Russian poet in Bulgaria). Edited by Margarita Kanazirska

This is an attempt to reconstruct the unfinished book about K.Bal'mont by the Bulgarian poet Emanuil Popdimitrov (1885-1943), which includes letters of the Russian poet, as well as the hitherto unpublished memoirs of him by his Bulgarian colleague. The introduction recreates in detail Bal'monts visit to Bulgaria in 1929, and speaks at great length of the young Bulgarian intellectuals, who accompanied him on his many trips around the country. His acquaintance with these people quickly grew into a lasting friendship and spiritual intercourse. The notes also pay attention to other little known, or unknown, details of Bal'monts relationship with the Bulgarian culture, which he ardently popularized, trying to enlist co-operation of scholars and artists from various countries.

Rashit Yangirov. On and Off screen: Russian cameramen abroad (1924-1930). Part II

Direct and indirect contacts between Russian emigre cameramen and their colleagues in the USSR continued for many years, despite the closure of the state borders. Being labled in their homeland as «the husk of the historical process» (in Viktor Shklovskii's definition), the emigres played an important part in the reconstruction of the cinema industry at home, having initiated and brokered to a large extent the complicated process of its integration into the world cinematography. The second part of the work, based on archival sources and publications in the periodicals difficult of access, discusses the most important episodes of many a creative biography and reconstructs the genuine historical panorama of the home cinema. Against this background one will see in a very different light S.Eizenstein's three year-long trip abroad, which seriously influenced his world outlook.

Leonid Livak. The «critical workshop» of Vladislav Khodasevich

The issue of «tactics» of the critical activity in the aesthetic and literary «wars» waged by the emigre literature is seen in the light of new archival materials from the V.Khodasevich Collection. Being one of the key figures of the emigre literary life, Khodasevich provoked, with his articles and letters, the

reaction of a wide circle of people, who, in their turn, influenced the opinion and tactical considerations of the critic. The materials, extracted from the collections of letters of V.Khodasevich, E.Bakunina, M.Karpovich, G.Evangulov, V.Nabokov and A.Bem, shed light on Khodasevich's «critical workshop», where originated his many articles and reviews.

Oleg Budnitskii. Diplomats and money. 1. «Kolchak Gold»

The article focuses on the particular part of the Russian gold reserve, commonly known as the «Kolchak Gold», by recounting the story of its preservation and spending. It dethrones some of the popular myths and legends circulating among journalists and writers, by providing reliable and accurate information as to the fate of this money and citing the relevant documents as well as excerpts from the correspondence of the persons in charge of these funds in emigration.

Correspondence

Letters from Ilia Erenburg to Maria Shkapskaia (Berlin – Paris, 1921–1925). Introduced and edited by B.Frezinskii

The letters included in this publication were written by I.Erenburg to a poetess M.Shkapsakaia, in Berlin, in 1921–1924, and in Paris, in 1924–1925, the cities to which he went «on an official business trip», owing to the recommendation of his schoolmate, N.Bukharin. These letters undoubtedly provide valuable information concerning Erenburg's own literary work, as well as the external developments, both literary and political. Occasionally one will find in them Erenburg's opinions, comments and references to his meetings, current events, and the books he read. The introduction and notes contain extensive supplementary information.

«Let the competent Russian public be my arbiter ...»: Correspondence of I.Shmelev and A.Tolstaia. Introduced and edited by R.Wittacker and V.Sakharov

The correspondence of the outstanding Russian writer, I.Shmelev, and A.Tolstaia began soon after the end of the World War II and lasted for two years (1948–1950). The founder and president of the Tolstoy Foundation, Tolstaia did much to protect and rehabilitate the good name of the vilified writer. Shmelev's letters to Tolstaia provide a brilliant example of uncensored Russian social and political journalism, utterly frank and honest with regard to oneself and others. Moreover, they served for him as his personal diary, memoirs, an address to justify himself, a summary of his whole life and a literary testament.

Varia

«...Plying between Moscow and Paris...»: Letters from Yurii Annenkov to Lev Nikulin. Edited by I.Obukhova-Zelin'ska

Two letters of Yurii Annenkov (1889–1974) to Lev Nikulin (whose real name is Lev Vladimirovich Ol'konitskii; 1891–1967) are the only extant ones in his long correspondence and the artist's last pre-war letters written to his homeland. The extensive introduction contain valuable information of the relations between the two correspondents and throws light on the nature of contacts of the Parisian diaspora with the mitropolis, which were particularly active in the transition period of the 1920s–1930s.

«... Hollywood is one of the most uncultured and vulgar spots of the world ...»: Letters from S.Bertenson to Baroness M.Vrangel. Edited by George Cheron

In 1936, responding to the request of Baroness Maria Vrangel (1857–1944), who was collecting information about the Russian culture in emigration, an historian of literature and theatre, the former secretary of V.Nemi-rovich-Danchenko, Sergei Bertenson (1885–1962), told her in his letters about his work in Hollywood and the Russian emigres in the American cinema. Being brought up on the Russian classical literature and the MKhAT traditions of respect for the author's ideas, Bertenson could not reconcile himself with Hollywood's sheer primitivism. Hence one can notice in his letters the notes of anger, and he is often complaining of the lack of culture and vulgarity at the American «Dreams' Factory».

The problem of the literary dialogue between Russia and the Diaspora: A Letter from N.Stoliarova to N.Berberova. Edited by Leonid Livak

The fates of the Russian emigration and of the Metropolis are inseparably linked together in the life of Natalia Stoliarova (1912–1984). Born in Italy, she grew up in France, and in 1934 she «returned» to the USSR and involuntarily turned into a messenger of the emigre culture. A frequenter of the Merezhkovskys' salon in Paris, a prototype for the writings of B.Poplavsky, V.Shalamov, and A.Solzhenitsin, and Ilya Erenburg's personal secretary in Moscow, Stoliarova, having gone abroad in 1984, wrote a letter to N.Berberova, in which she expressed her opinion on the interrelation between the Soviet and emigre literature.

Bibliography

Vadim Gardner: Materials towards a bibliography. Compiled by Marina Kuchinskaja

The bibliography of a poet of the «Silver Age», Vadim Gardner (1880–1956), who found himself in emigration in Finland, lists all of his publications, known to us up to date, as well as works, written about him. There is a detailed biographic essay appended.

ОТ РЕДАКЦИИ

В марте 2002 года нам стало известно, что авторские права на сочинения В.В.Вейдле принадлежат господину Рене Герра.

Приносим господину Р.Герра наши глубокие извинения за невольное нарушение его прав, равно как и нашу благодарность за то, что с его любезного разрешения мы имеем возможность продолжить публикацию на взаимоприемлемых условиях.

Окончание «Воспоминаний» В.В.Вейдле будет опубликовано в одном из ближайших выпусков альманаха «Дiasпора».

О.А.Коростелев, ответственный редактор альманаха «Дiasпора»
Т.Б.Притыкина, директор издательства «Феникс»

СОДЕРЖАНИЕ

Н а с л е д и е

<i>Я.Вейншал.</i> Воспоминания. Публикация В.Хазана	7
<i>Б.В.Варнеке.</i> Материалы для биографии Н.П.Кондакова Публикация И.В.Тункиной	72
<i>Л.Я.Нелидова-Фивейская.</i> На струнах памяти Публикация В.А.Александрова	152

С т а т ь и, и с с л е д о в а н и я

<i>Емануил Пондимитров.</i> С Константином Бальмонтом (Неизданная книга о русском поэте в Болгарии) Публикация Маргариты Каназирской	235
<i>Рашид Янгиров.</i> В кадре и за кадром: Российские кинематографисты за рубежом (1924-1930). Часть II	315
<i>Леонид Ливак.</i> Критическое хозяйство Владислава Ходасевича	391
<i>О.Будницкий.</i> Дипломаты и деньги. Статья первая. «Колчаковское золото»	457

Э п и с т о л я р и я

Письма Ильи Эренбурга Марии Шкапской (Берлин – Париж, 1921–1925). Публикация, вступительная статья и комментарии Б.Я.Фрезинского	511
«Пусть рассудит меня авторитетная русская общественность ...»: Переписка И.С.Шмелева и А.Л.Толстой. Публикация, вступительная статья и примечания Роберта Виттакера и В.И.Сахарова	584

V a r i a

«...Курсировали из Москвы в Париж...»: Из переписки Юрия Анненкова и Льва Никулина Публикация И.В.Обуховой-Зелинской	617
«Холливуд – одно из самых некультурных и вульгарных мест на свете...»: Письма С.Л.Бертенсона к баронессе М.Д.Врангель. Публикация Ж.Шерона	629
К проблеме литературного диалога Россия – диаспора: Письмо Н.И.Столяровой к Н.Н.Берберовой Публикация Леонида Ливака	647

Б и б л и о г р а ф и я

Вадим Гарднер: Материалы к библиографии Составитель Марина Кучинская	657
<u>А п п е н д и к с</u>	671

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Выпуск IV

Ответственный редактор: Олег Коростелев
Редактор-издатель: Татьяна Притыкина
Компьютерная верстка: И.М.Курдина
Корректор: О.Э.Карпеева
Оформление: Алексей Гаранин

ФЕНИКС

ИД № 05957 от 3.Х.2001

Издательство «Феникс»: 191123, Санкт-Петербург,
Кирочная ул., 31

Заказы направлять по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, СПб., наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86; телефакс: (812) 346-16-33
e-mail: bulanina@nevsky.net

Подписано в печать 28.10.2002. Формат 60 х 90/16.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Объем 45 п.л. Тираж 1000 экз.
Заказ 3653

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034. Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Helsingfors.

Svenska Teatern.

Helsinki.

Ruotsalainen Teatteri.



